

ИСТОРИЯ КРЫМА

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ КРЫМА

В ДВУХ ТОМАХ

Ответственный редактор
А. В. Юрасов

 КУЧКОВО
ПОЛЕ Москва
2017

РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО

ИНСТИТУТ РОССИЙСКОЙ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ИСТОРИЯ КРЫМА

ТОМ II

 КУЧКОВО
ПОЛЕ Москва
2017

УДК 94(1-924.71)
ББК 63.3(4Укр-6Кры)
И90

Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту №15-31-10169, не подлежит продаже

Редакционная коллегия:

А. В. Юрасов (отв. редактор), Л. В. Мельникова (отв. секретарь),
А. И. Айбабин, П. Г. Гайдуков, С. П. Карпов, А. В. Мальгин,
А. А. Масленников, Ю. А. Петров

История Крыма: в 2 т. / отв. ред. А. В. Юрасов. — М.: Кучково поле, 2017. Т. 2. — И90 792 с.: ил.; 8 л. ил.

ISBN 978-5-9950-0870-5
ISBN 978-5-9950-0872-9 (т. 2)

Коллективная монография представляет собой первое обобщающее научное исследование по истории Крыма от его первоначального заселения человеком до возвращения в состав России в марте 2014 г. На основе достижений отечественной и зарубежной историографии, письменных (опубликованных и архивных), археологических и других источников авторы комплексно рассматривают прошлое Крымского полуострова в широком контексте исторического развития Восточной Европы и России. В разные периоды истории Крыма показаны социально-экономическое и общественно-политическое развитие края, этнодемографический состав, духовная и материальная культура населения, а также место полуострова в международных отношениях и крупных вооруженных конфликтах. Особое внимание уделено историческим связям Крыма и России, дискуссионным и малоизученным вопросам в истории полуострова.

Издание рассчитано на историков, археологов, этнологов, политологов, культурологов, преподавателей гуманитарных дисциплин высших учебных заведений, а также всех интересующихся историей России.

УДК 94(1-924.71)
ББК 63.3(4Укр-6Кры)

В оформлении обложки использована фотография дворца князя М. С. Воронцова в Алушке (ныне — Алушкинский дворцово-парковый музей-заповедник)

ISBN 978-5-9950-0870-5
ISBN 978-5-9950-0872-9 (т. 2)

Тираж 300 экз.

© Институт российской истории РАН, 2017
© Коллектив авторов, 2017
© Фонд «Связь Эпох», дизайн-макет, 2017
© ООО «Кучково поле», 2017

Оглавление

РАЗДЕЛ IV. Крым в составе Российской империи

ГЛАВА 19. Начало русского освоения Крыма	15
§ 1. Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность светлейшего князя Г. А. Потемкина (<i>Н. Ю. Болотина, А. А. Непомнящий</i>)	15
§ 2. Основание и строительство Севастополя как главной военно-морской базы Черноморского флота (<i>А. В. Белов</i>)	21
§ 3. Путешествие в Крым императрицы Екатерины II (1787 г.) (<i>Н. Ю. Болотина</i>)	31
§ 4. Крым во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Первые победы Черноморского флота (<i>А. В. Белов</i>)	39
§ 5. Социально-экономическое развитие Крыма после присоединения к России (конец XVIII в.) (<i>П. Н. Марциновский</i>)	51
ГЛАВА 20. Крым в первой половине XIX в.	63
§ 1. Образование Таврической губернии. Административные преобразования (<i>А. А. Непомнящий</i>)	63
§ 2. Вклад в развитие Крыма новороссийских генерал-губернаторов и таврических гражданских губернаторов (<i>А. А. Непомнящий</i>)	71
§ 3. Развитие экономики (<i>П. Н. Марциновский</i>)	86
§ 4. Таврическая губерния в эпоху наполеоновских войн. Крымские конно-татарские полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. (<i>Л. В. Мельникова</i>)	98
§ 5. Черноморский флот в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг. (<i>Л. В. Мельникова</i>)	106

ГЛАВА 21. Крымская война 1853–1856 гг. (<i>Л. В. Мельникова</i>)	115
§ 1. Причины и начало войны	115
§ 2. Черноморский флот в кампании 1853 г.	122
§ 3. Высадка союзных войск в Крыму. Альма	130
§ 4. Оборона Севастополя	137
§ 5. Деятельность в Крыму Н. И. Пирогова и Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых	147
§ 6. Отношение к войне Русской Православной Церкви. Патриотическая деятельность архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова)	155
§ 7. Итоги и последствия войны	164
§ 8. Памятники войны в Крыму	166
ГЛАВА 22. Крым во второй половине XIX в.	170
§ 1. Севастополь: от демилитаризации города к возрождению военно-морской крепости (<i>А. В. Белов</i>)	170
§ 2. Развитие системы местного управления (<i>А. А. Непомнящий</i>)	178
§ 3. Экономика Крыма во второй половине 1850-х — начале 1880-х гг. (<i>П. Н. Марциновский</i>)	188
§ 4. Крымский полуостров в условиях социально-экономического роста в 1880–1890-е гг. (<i>П. Н. Марциновский</i>)	200
§ 5. Русская Ривьера. Создание сети курортов и лечебных учреждений (<i>А. В. Мальгин, П. Н. Марциновский,</i> <i>А. Д. Попов</i>)	211
ГЛАВА 23. Крым в конце XIX — начале XX в.	229
§ 1. Экономическое развитие полуострова: новые горизонты и утраченные перспективы (<i>П. Н. Марциновский</i>)	229
§ 2. Национальные движения и политические партии в Крыму (<i>Д. А. Прохоров, Э. И. Сейдалиев</i>)	239
§ 3. Таврическая губерния в годы Первой российской революции. Севастопольское восстание в ноябре 1905 г. (<i>О. В. Волобуев</i>)	255
§ 4. Черноморский флот в Первой мировой войне (<i>Е. В. Макаренко</i>)	265
ГЛАВА 24. Народы и религии Крыма в конце XVIII — начале XX в.	273
§ 1. Население Крыма (численность, расселение, национальный, социальный, половозрастной состав) (<i>В. Б. Жиромская,</i> <i>Н. А. Араловец, А. В. Белов</i>)	273

§ 2. Христианство в Крыму. Органы духовного управления. Возрождение и строительство христианских храмов. Проект «Русский Афон» (<i>Л. В. Мельникова</i>)	287
§ 3. Иноверные конфессии. Их религиозные учреждения и храмовое строительство (<i>Д. А. Прохоров</i>)	304
ГЛАВА 25. Крым в русской культуре конца XVIII — начала XX в.	322
§ 1. Крым в художественной литературе и искусстве (<i>Л. В. Мельникова</i>)	322
§ 2. Усадебная культура Крыма (<i>А. А. Непомнящий</i>)	342
§ 3. Развитие науки и образования (<i>А. А. Непомнящий</i>)	351
§ 4. Музеи и театры Крыма (<i>А. А. Непомнящий</i>)	362
§ 5. Записки путешественников о Крыме (<i>А. А. Непомнящий</i>)	372

РАЗДЕЛ V. Крым в XX — начале XXI в.

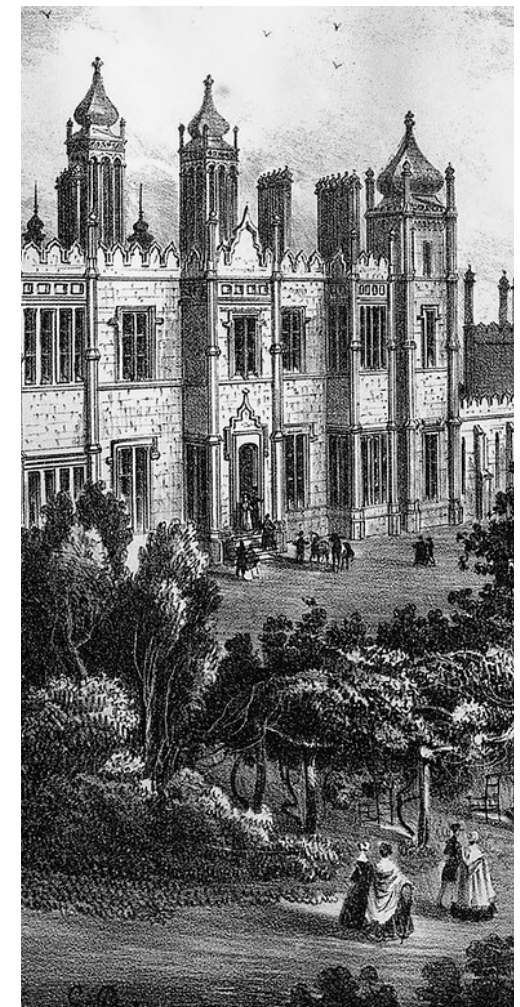
ГЛАВА 26. Крым в эпоху «великих потрясений». 1917–1920 гг. (<i>А. С. Пученков, В. Г. Зарубин</i>)	387
§ 1. Февральская революция в Крыму и на Черноморском флоте. Февраль 1917 г. — весна 1918 г.	387
§ 2. Установление и крах советской власти. Осень 1917 г. — весна 1918 г.	404
§ 3. Крым в период германской оккупации весной — осенью 1918 г.	411
§ 4. Судьба Черноморского флота и крымско-украинские взаимоотношения в период германской оккупации	414
§ 5. Военная и гражданская власть в Крыму в период англо-французской интервенции. Осень 1918 г. — весна 1919 г.	419
§ 6. Крымская Советская Республика. 1919 г.	431
§ 7. «Последний оплот». Крым во время правления А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Лето 1919 г. — осень 1920 г.	433
§ 8. Русский исход и красный террор	451
ГЛАВА 27. Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика. 1920–1941 гг.	457
§ 1. Установление советской власти в Крыму (<i>Г. Н. Кондратюк,</i> <i>Д. А. Прохоров</i>)	457
§ 2. Создание Крымской АССР (<i>А. В. Мальгин,</i> <i>Г. Н. Кондратюк</i>)	462
§ 3. Крым в годы нэпа (1923–1928 гг.) (<i>Г. Н. Кондратюк</i>)	465

§ 4. Политика «коренизации» в Крымской АССР. Дела Вели Ибраимова и «Милли Фирки» (Р. И. Хаяли, Г. Н. Кондратюк)	470
§ 5. Крымская АССР в годы первых пятилеток (1929–1941 гг.) (В. П. Петров, Д. А. Прохоров)	486
§ 6. Государство, конфессии и школа (1920–1930-е гг.) (Г. Н. Кондратюк, Д. В. Соколов)	503
§ 7. Наука и культура (1920–1930-е гг.) (Д. А. Прохоров, Э. И. Сейдалиев)	517
§ 8. Политические репрессии в Крымской АССР в 1930-е гг. (Д. В. Омельчук)	528
ГЛАВА 28. Крым в годы Великой Отечественной войны. 1941 г. — май 1944 г.	533
§ 1. Боевые действия за Крымский полуостров (июнь 1941 г. — июль 1942 г.) (А. В. Исаев, О. В. Романько)	533
§ 2. Крым под нацистской оккупацией (ноябрь 1941 г. — апрель 1944 г.) (О. В. Романько)	551
§ 3. Движение Сопротивления (ноябрь 1941 г. — апрель 1944 г.) (С. Н. Ткаченко)	573
§ 4. Освобождение Крыма (апрель — май 1944 г.) (А. В. Исаев)	586
ГЛАВА 29. Крым на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Май 1944 г. — 1945 г.	595
§ 1. Крым после оккупации (О. В. Волобуев)	595
§ 2. Депортация крымских татар, болгар, греков, армян (О. В. Волобуев)	596
§ 3. Ялтинская конференция глав стран антигитлеровской коалиции (4–11 февраля 1945 г.) (С. В. Юрченко)	600
§ 4. Проблема трудовых ресурсов и начало переселенческой политики (О. В. Волобуев)	605
§ 5. Восстановление сельского хозяйства и промышленности (О. В. Волобуев)	609
§ 6. Возрождение городов (О. В. Волобуев)	614
§ 7. Возобновление деятельности учреждений образования, культуры, здравоохранения (О. В. Волобуев)	618
ГЛАВА 30. Крымская область в составе РСФСР. 1946–1954 гг. Передача Крыма Украинской ССР (О. В. Волобуев)	622
§ 1. Завершение восстановления городов и сел: обустройство повседневной жизни	622
§ 2. Социально-экономическое развитие	628

§ 3. Крымский полуостров — военно-стратегический плацдарм СССР и всесоюзная здравница	636
§ 4. Передача Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР	639
ГЛАВА 31. Крымская область в составе Украинской ССР. 1954–1985 гг.	647
§ 1. Этнодемографическая ситуация в Крымской области. Попытки «украинизации» Крыма (В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец, А. А. Форманчук)	647
§ 2. Социально-экономическое развитие (В. П. Петров, А. А. Форманчук)	649
§ 3. Крымские татары в местах депортации. Движение за реабилитацию и возвращение (Р. И. Хаяли)	667
§ 4. Образование, наука и культура (А. А. Форманчук)	674
ГЛАВА 32. Крым в период социально-политических изменений в СССР. 1985–1991 гг. (А. А. Форманчук, А. В. Мальгин)	686
§ 1. Начало перестройки	686
§ 2. Проблема статуса Крыма. Референдум 20 января 1991 г. о воссоздании республики	692
§ 3. Крымско-татарское движение в 1991 г. Курултай: курс на этническое государство	695
§ 4. Крым на завершающем этапе существования СССР	698
ГЛАВА 33. Крым после распада СССР: между Россией и Украиной. 1991–2004 гг. (А. В. Мальгин)	701
§ 1. Проблема Черноморского флота и первые попытки ее разрешения	701
§ 2. Конфронтация между Киевом и Симферополем. Конституция Крыма 1992 г.	703
§ 3. Российско-украинские переговоры по Черноморскому флоту	707
§ 4. Блок «Россия»	709
§ 5. Крымско-татарское движение	714
§ 6. Большой договор России и Украины 1997 г. Крым на рубеже тысячелетий	719
ГЛАВА 34. Крым в дестабилизирующейся Украине: от «оранжевой революции» до Евромайдана. 2004–2014 гг. (А. Р. Никифоров)	725
§ 1. Крым и «оранжевая революция»	725
§ 2. Парламентские выборы 2006 г. Время упущенных возможностей	727

§ 3. Русское движение в 2006–2010 гг.	729
§ 4. Крымско-татарское движение в 2004–2010 гг.	730
§ 5. Крым и выборы президента Украины 2010 г.	733
§ 6. Харьковские соглашения	734
§ 7. Внутриполитические процессы в Крыму в период президентства В. Ф. Януковича	735
§ 8. Назревание нового политического кризиса на Украине. Реакция на перспективы украинской «евроинтеграции» в Крыму	740
ГЛАВА 35. «Крымская весна» 2014 г. (А. Р. Никифоров)	741
<i>Заключение (А. В. Юрасов, А. И. Айбабин, И. В. Зайцев, А. В. Мальгин, П. Н. Марциновский, А. А. Масленников, Л. В. Мельникова)</i>	
Список сокращений	768
Указатель имен	770
Сведения об авторах	787

ИСТОРИЯ КРЫМА

РАЗДЕЛ IV

КРЫМ В СОСТАВЕ
РОССИЙСКОЙ
ИМПЕРИИ

Глава 19

Начало русского освоения Крыма

§ 1. Организация управления и административно-территориальные преобразования. Деятельность светлейшего князя Г. А. Потемкина

Н. Ю. Болотина, А. А. Непомнящий

Манифестом Екатерины II от 8 апреля 1783 г.¹ Крым был включен в состав Российской империи. Присоединение полуострова стало завершением более чем двухсотлетней работы по обеспечению безопасности юго-западных рубежей Российского государства и гарантировало контроль над акваторией Черного моря. Население Крыма, уставшее от провоцируемых Турцией бесконечных войн и восстаний, в большинстве своем восприняло это событие спокойно. 16 июля 1783 г. светлейший князь Г. А. Потемкин писал Екатерине II из Карасубазара: «Вся область крымская охотно прибегла под державу Вашего Императорского Величества: города с многими деревнями учинили уже в верности присягу»². В другом послании Г. А. Потемкин сообщал императрице, что жители Крыма «весьма обрадованы утверждением мира, коего плоды они уже вкушают. Все землевладельцы занялись теперь хлебопашеством, и примерно общее всех удовольствие»³. Активный отъезд татар с полуострова начался позже, а в первые месяцы число уехавших в Турцию было невелико⁴.

Знаменитый фаворит (по мнению некоторых исследователей, морганатический супруг)⁵ Екатерины II Григорий Александрович Потемкин (1739–1791), прошедший блестящий путь от рейтара конной гвардии до президента Военной коллегии, генерал-аншефа, а затем (с 1784 г.) генерал-фельдмаршала, сыграл ключевую роль в присоединении Крыма к Российской империи. Указом Екатерины II

¹ Все даты, кроме специально оговоренных случаев, даются по старому стилю.

² РГВИА. Ф. 52. Оп. 2. Д. 24. Л. 36.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Там же. Л. 36.

⁵ См.: *Лопатин В. С.* Светлейший князь Потемкин. М., 2003. С. 271–337.

от 2 февраля 1784 г. он получил в управление вновь учрежденную Таврическую область, включившую в себя полуостров Крым, степь к северу от Перекопа (между Днепром, Конскими Водами и Бердой) и полуостров Тамань¹. Через три года, 8 июля 1787 г., екатеринославский и таврический генерал-губернатор светлейший князь Г. А. Потемкин в ознаменование «неусыпных трудов» по приведению вверенных его начальству и управлению земель «в состояние самое лучшее» получил от императрицы похвальную грамоту «с означением его подвигов и с прибавлением ему именованія Таврического как в память подвига его в присоединении области сего названия» к Российской империи, так и в знак благоволения Екатерины II «к его трудам в населении и устройстве сей области»².

«Неусыпные труды» Г. А. Потемкина были направлены на интеграцию новых земель в состав Российской империи. Первоочередными задачами стали административно-территориальное деление полуострова, организация системы управления согласно Учреждениям для управления губерний (1775 г.), формирование штатов и хозяйственное освоение плодородных земель. При этом Г. А. Потемкин столкнулся с рядом трудностей. Во-первых, на обширных степных землях почти не было крупных городов, которые могли бы стать базой для развития края, следовательно, при делении области на уезды необходимо было выбрать подходящие места для устройства крупных населенных пунктов, где и создать органы местного управления. Во-вторых, в связи с тем, что граница стала проходить по морскому побережью, отпала необходимость строить города-крепости и встал вопрос об устройстве морских портов для ведения торговли и организации военного флота и верфей.

Уже 8 февраля 1784 г. указом Сенату императрица утвердила проект Г. А. Потемкина о разделении Таврической области на семь уездов: Симферопольский, Левкопольский, Евпаторийский, Перекопский, Днепровский, Мелитопольский и Фанагорийский (первые четыре из которых находились в Крыму)³. Примечательно, что Симферополь первоначально планировалось строить на месте Старого Крыма, а на месте Ак-Мечети — Левкополь. Впоследствии все было сделано наоборот.

Для эффективного управления присоединенными территориями необходимо было их тщательное изучение. С этой целью Г. А. Потемкин командировал в Крым ученого К. И. Габлица, который после широкого, хотя и несколько поверхностного (светлейший князь торопил посланника), изучения полуострова в декабре 1784 г. отправил ему «Физическое описание Таврической области», содержащее как информацию о природных богатствах Крыма, так и возможные перспективы их использования⁴. Также исследованиями занимался генерал О. А. Игельстром, собиравший информацию об истории и экономике Крымского ханства, однако без особого успеха, поскольку письменная отчетность в Крыму была поставлена из рук вон

плохо¹. Изучая историю Крыма и сложившуюся там систему управления, Г. А. Потемкин даже обратился к Н. И. Новикову, с которым учился в Московском университете, с просьбой разыскать сведения о татарских родах «в российском дворянстве для полезного в новоприобретенных провинциях употребления»².

Понимая важность привлечения старожильского населения к управлению краем, Г. А. Потемкин еще в 1783 г. создал Крымское областное правительство, полностью состоявшее из крымских татар. В него, в частности, вошли представитель наиболее знатного и влиятельного рода Мегметша-бей Ширинский, Гаджи-Казы-ага и кадиаскер Муследин-эфенди. Первый из них получил титул «Крым-Валесси» («крымский наместник») ³. На начальном этапе были оставлены на своих постах правители отдельных округов или уездов Крыма (каймакамы), а также судьи (кадии); решение о каждом из них принимал сам светлейший князь.

Вскоре после учреждения Таврической области Г. А. Потемкин представил на высочайшую апробацию ее штат, в который вошли лично им отобранные люди, в том числе члены Крымского правительства, представители татарской знати, местные жители разных национальностей и даже поселенные солдаты. 22 февраля 1784 г. последовал указ, предоставлявший высшему сословию Крыма все права и преимущества российского дворянства, кроме «права покупать, приобретать и иметь крепостных или подданных христианского вероисповедания»⁴. С 1785 г. по указу Сената в типографии Иоганна Шнора специально для Таврической области печатались книги и «высочайшие узаконения» на татарском, турецком, арабском и персидском языках⁵.

Окончательное оформление органов управления Таврической области пришлось на начало 1787 г. Как следует из донесения Г. А. Потемкина, 29 января были открыты предписанные учреждения и введен обряд правления, существующий на территории всей России⁶. В это же время прошли выборы судей и заседателей, и, как отмечал князь, «собранные разных вер и наций мещанство и поселяне слышали с удивлением о праве своем избирать судей»⁷.

Стремясь не допустить конфликтов с местным населением, Г. А. Потемкин и генерал О. А. Игельстром требовали, чтобы продовольствие для армии добывалось только «добровольною покупкою», а эксплуатация складских помещений оплачивалась их хозяевам. Мечетям и духовенству светлейший князь установил денежное содержание. С целью показать крымским татарам, что правительство лояльно и уважительно относится к представителям мусульманской веры, в 1785 г. Г. А. Потемкин

¹ ПСЗ-І. СПб., 1830. Т. 22. № 15920. С. 17–18.

² РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 163. Л. 163 об. — 164 а.

³ ПСЗ-І. Т. 22. № 15924. С. 20.

⁴ Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области: по ее местоположению и по всем трем царствам природы. СПб., 1785.

¹ РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Ч. 2. Д. 336. Ч. 1. Л. 6 (рапорт Игельстрома от 27 ноября 1783 г.).

² Там же. Д. 461. Ч. 2. Л. 184 об. — 185.

³ Камеральное описание Крыма 1784 г. Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1897. № 2. С. 20–30.

⁴ ПСЗ-І. Т. 22. № 15936; РГАДА. Ф. 16. Д. 798. Л. 119–121.

⁵ См.: РГАДА. Ф. 16. Д. 798. Л. 88–89.

⁶ См.: Болотина Н. Ю. Деятельность Г. А. Потемкина (1739–1791) в области внутренней политики России. М., 2010. С. 84–91.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Д. 799. Ч. 2. Л. 13–14 об.

направил таврического чиновника Велишаха-мурзу в Казань, «чтобы видеть образ жизни и благоденственное пребывание татар казанских»¹.

Областной центр первоначально предполагалось расположить в Карасу-базаре, провозглашение («открытие») Таврической области состоялось именно там 12 апреля 1784 г. Однако вскоре этот статус получил Симферополь, строительство которого началось 28 июня 1784 г. на месте татарского селения Ак-Мечеть (Белая Мечеть). Место было выбрано Г. А. Потемкиным потому, что «город сей почти в середине земли, довольно имеет воды и лесов и съезд из деревень. И для них удобнее по причине ровного положения»². Согласно подготовленному инженерами плану заселенная татарами бывшая Ак-Мечеть оставалась без изменений, а новый город должен был строиться в стороне, дома для администрации предполагалось разместить на возвышенном берегу Салгира. В 1790 г. возникла необходимость в новом плане города, составление которого Г. А. Потемкин поручил известному архитектору и своему соученику по Московскому университету И. Е. Старову.

Вопрос строительства новых и реконструкции старых крымских городов, полностью переданный императрицей власти Г. А. Потемкина, представляет особый интерес. Сразу после присоединения Крыма светлейший князь внимательно осмотрел полуостров с этой целью, после чего представил Екатерине II свое мнение о крепостях в Тавриде, получившее высочайшую апробацию. Прежде чем приступить к требованию необходимых для начала строительства сумм, он приказал инженер-полковнику Н. И. Корсакову еще раз объехать все назначенные места и составить проекты и сметы³. 26 ноября 1784 г. тот передал Г. А. Потемкину рапорт об осмотре Таврической области, на основе которого князь подал подробный доклад императрице со сметой расходов⁴.

Под особой опекой Г. А. Потемкина находилось строительство севастопольской крепости, место для которой он определил лично. Высоко оценив все преимущества местности для устройства города-порта, 13 июня 1783 г. светлейший князь восхищенно писал Екатерине II: «Ахтияр — лучшая гавань в свете. Петербург, поставленный у Балтики, — северная столица России, средняя — Москва, а Херсон Ахтиярский да будет столица полуденная моей Государыни»⁵.

Значительный интерес проявлял Г. А. Потемкин к Феодосии. Он заботился об охране от расхищения мечетей, замка паши, загородного дворца хана, приказав

представить к ним особого директора — коллежского советника К. И. Мавроена, который стал затем таможенным обер-директором¹. Предполагая превратить город в главный купеческий порт, 7 января 1787 г. князь предписал правителю Таврической области В. В. Каховскому «выпустить всех тамошних жителей за границу», татарские дома внутри крепости скупить, а желающих остаться поселить в предместье. Главному муфтию следовало сообщить о переводе мулл в Симферополь, где назначалась главная мечеть².

Для многих крымских городов были выбраны греческие названия. Произошло это неслучайно и было связано со знаменитым «греческим проектом» Екатерины II — планом сокрушения Османской империи и восстановления империи Византийской. Для России это была отличная возможность приобрести союзника на месте врага³. Смелые мечтания Екатерины II находили отражение в именах и названиях: внук получил имя Константин, поскольку предназначался ею в правители новой Византии и возрожденного Константинополя⁴. Неудивительно, что названия новых крымских городов подчеркивали связь полуострова с Грецией и Византией: Симферополь — «город пользы», Севастополь — «императорский город», Левкополь — «тихий город». Гезлев был переименован в честь понтийского царя Митридата VI Евпатора (имя означает «благородного происхождения, благородный») и стал Евпаторией, Кафе было возвращено историческое название — Феодосия («Богом данная»). В гербе Таврической области символика была не менее прозрачной: «В золотом поле двуглавый орел, на груди оного в голубом поле золотой восьмиконечный крест, означающий, что крещение во всей России через Херсонес произошло; крест же поставлен в государственном гербе для того, что и оный прислан от Греческих Императоров в Россию тогда, когда воспринято Великими Князьями крещение»⁵. Смелые замыслы императрицы не осуществились. Однако память об этих мечтах сохранилась в крымской топонимике.

В России того времени города делились на губернские (или областные), уездные, безуездные и заштатные. Администрация всего региона располагалась в губернском городе, что придавало ему особое значение и способствовало росту. В уездном городе располагался центр управления уездом, заштатным считался город, при очередном административном переделе оказавшийся без какого-либо из этих статусов. Заштатные города также называли безуездными, но последнее определение чаще относилось к городам, никогда не имевшим особого статуса⁶. Указом

¹ Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786 год // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 315–316. № 168.

² ОПИ ГИМ. Ф. 197. Д. 2. Л. 43.

³ Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического... С. 308–309. № 144.

⁴ Болотина Н. Ю. Главная крепость должна быть Севастополь. Документы о создании базы Черноморского флота. 1784–1793 гг. // Исторический архив. 1997. № 2. С. 202–205.

⁵ РГАДА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 43. Л. 80 об.

¹ См.: Виноградов В. К. Феодосия. Исторический очерк. Екатеринодар, 1902. С. 87.

² См.: Ордера кн. Потемкина за 1787 год // ИТУАК. 1888. № 6. С. 6.

³ Лупанова М. Е. «Греческий проект» Екатерины Великой // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2008. № 65. С. 203–205.

⁴ Пчелов Е. В. Династия Романовых: генеалогия и антропонимика // Вопросы истории. 2009. № 6. С. 76–83.

⁵ Фон-Винклер П. П. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской Империи, внесенные в полное собрание законов с 1649 по 1900 год. СПб., 1899. С. 76.

⁶ Городские поселения в Российской империи. СПб., 1864. Т. 4. С. 8–9.

Екатерины II в этих городах повелевалось «в пользу обитателей тамошних учредить ратуши» согласно Учреждению о посадах¹. В Крыму были еще города, в которых располагались особые территориальные единицы — градоначальства.

Как упоминалось выше, центром Таврической области стал Симферополь, он же был и уездным центром. Кроме него уездный статус получили Левкополь, Евпатория и Перекоп. Указом от 12 июля 1784 г. к списку городов Таврической области добавились Керчь и Еникале. В 1787 г. Левкопольский уезд стал Феодосийским (с центром в Феодосии)². Причины были просты: Старый Крым был единственным среди уездных городов, не являвшимся центром каймаканства в дороссийское время. Его географическое положение не было удачным, кадровый ресурс его был далек от требуемого. В итоге город лишился названия Левкополь и уездного статуса, превратившись в заштатный, и никакие дальнейшие преобразования положения Старого Крыма не изменили³. Феодосия же благополучно сохраняла свой уездный статус до 1918 г. До этого же времени в статусе уездного пробыл Перекоп, фактически делившийся на два отдельных поселения — сам город и так называемый Армянский базар, находившийся от него в пяти верстах и ставший впоследствии городом Армянском⁴. А бывшая столица Крымского ханства Бахчисарай и бывший центр каймаканства Карасубазар на протяжении всего имперского периода оставались безуездными городами⁵.

Одна из первоочередных задач, стоявших перед руководством Таврической области, заключалась в том, чтобы остановить депопуляцию, которая началась еще до присоединения полуострова. Крым, будучи и ранее малозаселенным, по словам французского путешественника Ж. Ромма, посетившего полуостров в 1786 г., в результате «совместных усилий войны [Русско-турецкой 1768–1774 гг.] и чумы»⁶ совершенно обезлюдел. По данным Ж. Ромма, там проживало тогда около 60 тыс. человек. Чтобы увеличить численность населения, Г. А. Потемкин активно раздавал казенные земли русским дворянам и иностранцам, способствовал переселению в Тавриду жителей внутренних губерний. Переселенцам предоставлялось освобождение от податей сначала на полтора года, а с 6 июля 1783 г. — на шесть лет⁷. Только в 1784 г. было роздано 24 432 десятины, а после проведения межевания в 1787 г. — 116 555 десятин⁸. Земли раздавались в основном военным и гражданским чиновникам, крупные угодья получили главные администраторы. Г. А. Потемкин,

¹ ПСЗ-I. Т. 22. С. 21.

² ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 103. Л. 38.

³ Экономическое состояние городских поселений Европейской России в 1861–1862 гг. СПб., 1863. Ч. 2. С. 38.

⁴ Там же. С. 19.

⁵ Административно-территориальные преобразования в Крыму, 1783–1998 гг.: справочник / сост. Л. П. Кравцова и др. Симферополь, 1999. С. 144–145.

⁶ Ромм Ж. Путешествие в Крым в 1786 г. / пер., вступ ст., примеч. К. И. Раткевича. Л., 1941. С. 44.

⁷ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 21. № 15177, 15778.

⁸ Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // ИТУАК. 1896. № 24. С. 59.

желая подать пример хозяйствования в Тавриде, отвел себе 13 тыс. десятин в Байдарской долине и на Южном берегу Крыма, а также 73 460 десятин в материковой части. Его личному секретарю В. Попову досталось 57 876 десятин¹. Однако для удачного хозяйствования требовались крестьяне, а их заселение в Крым шло весьма медленно.

Преобразования нового императора Павла I, многие из которых были прямо противоположны предыдущему курсу, не миновали и Крым. В указе от 12 декабря 1796 г. в том числе говорилось: «Вознесенскую губернию и Таврическую область равным образом уничтожить, а Новороссийскую губернию составить из всего того, что за возвращением к Малой России отделенных уездов и от бывшей Вознесенской приписанных к ней из приобретенных от Польши земель; також возвращаемых ныне к Слободско-Украинской губернии останется, присоединя тут и область Таврическую, разделяемую просто на уезды, сообразно количеству жителей и обширности местной»². Города Крыма накрыла волна переименований: Симферополь стал Ак-Мечетью, Севастополь — Ахтиаром. Все прежние административные учреждения были ликвидированы, их помещения отданы под армейские казармы. От прежнего аппарата остались лишь уездные присутственные места и специально учрежденный консулат. Многие города Крыма начали приходить в запустение. Последнее, однако, не коснулось Севастополя, по-прежнему остававшегося главной военно-морской базой российского Черноморского флота.

§ 2. Основание и строительство Севастополя как главной военно-морской базы Черноморского флота

А. В. Белов

Возникновение Севастополя часто по традиции связывают с именем выдающегося российского полководца А. В. Суворова, командовавшего войсками России в Крыму и на Кубани и пребывавшего на полуострове в том числе с декабря 1776 г. по июль 1777 г. Одной из причин такой трактовки были первые российские военные сооружения, воздвигнутые на месте будущего Севастополя по приказу великого полководца и формально давшие начало городу-крепости. Тем более что А. В. Суворов много позже (уже после возникновения Севастополя и заключения в 1791 г. Ясско-го мира) также приложил усилия для укрепления обороны города. Видимо, поэтому с его именем в общественном сознании нередко связывают открытие самой большой Ахтиарской (Севастопольской) бухты или же приоритет в оценке ее исключительных качеств для размещения здесь российского флота.

Накануне возникновения Севастополя в 1770-е гг. Александр Васильевич сыграл видную роль в поддержании мира на полуострове и обеспечении его обо-

¹ Дружинина Е. И. Северное Причерноморье в 1775–1800 гг. М., 1959. С. 120.

² ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 24. С. 229–230.

роны от грозящего турецкого десанта. Именно эти крайне злободневные проблемы занимали командующего в ходе его службы на Юге России. Показательно, что в одном из своих писем от 25 сентября 1778 г. он говорит об Ахтиарской бухте, не упоминая о ее исключительных возможностях для базирования флота. Выражается лишь обеспокоенность наличием с этой стороны угрозы удара Турции или мятежа ее сторонников: «Я за Крымский их десант отвечать не могу, как за какой Ахтиар», — писал командующий, вероятно, имея в виду недавно произошедшее здесь восстание янычар¹. Тем более что воздвигнутые здесь с подачи А. В. Суворова и при его участии 15–16 июня 1778 г. укрепления после заключения «изъяснительной конвенции» между Россией и Крымским ханством были оставлены: русские войска ушли с территории полуострова. Сами же суворовские «пятиугольные батареи», стоявшие по обе стороны бухты при входе в нее (на Александровском и Константиновском мысах), и некоторые другие сооружения практически не сохранились².

Между тем качества Ахтиарской (будущей Севастопольской) бухты были исключительны. Это обстоятельство отмечали все, кто по тем или иным причинам описывал ее показатели. В первую очередь этими людьми являлись военные моряки, непосредственно соприкасавшиеся с данной проблемой. В частности, адмирал Ф. Ф. Мекензи сообщил графу И. Г. Чернышеву 2 июля 1783 г.: «Не могу довольно расхвалиться вашему сиятельству удобства Ахтиарской гавани»³, куда не так давно вошли на постоянное базирование первые корабли российского флота.

Однако еще за 10 лет до этого события (в 1773 г.)⁴ командир отряда кораблей Я. Г. ван Кинсберген, воспользовавшись вынужденной передышкой, отправил для замеров бухты корабль «Модон» с «описной партией» под началом штурмана И. В. Батурина. Составленный последним план подробно отразил промеры глубин и другие особенности бухты, показав исключительные удобства будущего Севастопольского рейда. Тогда же была описана и стоявшая на северном берегу залива небольшая татарская деревенька Ахтиар, насчитывавшая всего девять мазанок⁵. Будучи там практически единственным на то время поселением, она на какое-то время дала свое имя бухте. Именно это событие и считается первым посещением и открытием бухты для нужд российского флота⁶.

Случайно или нет, но кораблем «Модон» на тот момент командовал никому пока еще не известный лейтенант Ф. Ф. Ушаков — будущий великий флотоводец и один из основателей Севастополя⁷.

Показательно, что первоначально наименование залива, как он был обозначен для сотрудников «описной партии», звучало совсем иначе — Инкерманский (по древней крепости), что свидетельствовало об отсутствии у россиян в начале 1770-х гг. точных знаний об очертаниях берегов Крымского полуострова, которые только предстояло описать, оценить и даже назвать.

Кто же первым открыл Севастопольскую бухту для российского флота? С уверенностью можно сказать, что события подобного рода являются не «подарком» героя, а результатом повседневного труда, причем не ежеминутного, а продолжительного и сопряженного с большой работой целого ряда людей. Авторы «Памятной книги Таврической губернии» (1867 г.) утверждали, что «первым русским судном, бросившим якорь в Ахтиарской бухте», был фрегат «Осторожный» во главе с капитаном 2 ранга И. М. Берсеневым, которому было поручено подробно изучить Черноморские берега. Произошло это «в 1783 г. по присоединении к России Крыма» и являлось прямым следствием данного процесса. В ходе этой экспедиции и было составлено описание Ахтиарской бухты, приведшее к «устроению» здесь города и военно-морской базы¹.

Однако в Российском государственном военно-историческом архиве хранится записка, называющая еще одну дату открытия бухты и начала города. Согласно этому документу «основанию Севастополя» предшествовали следующие события: во время шторма «в один из заливов, составлявших гавани древнего Херсонеса», был «загнан бурей» 40-пушечный фрегат «Стрела» (при закладке — «Двенадцатый»). В то время гаванями древнего города считали семь бухт: Карантинную, Херсонесскую, Стрелецкую, Круглую, Плотную, Камышовую и Казачью. Сегодня все они относятся к территории Севастополя, но более или менее удалены от собственно Большой Ахтиарской бухты. Бросив якорь, капитан «Стрелы» Д. А. Доможиров отдал приказ осмотреть окрестности малоизученной территории. Обнаруженная будущая Севастопольская бухта была осмотрена Д. А. Доможировым, заметившим, что «Ахтиар, кой залив обширный и лучше закрытый от ветров, гораздо удобнее для помещения большого флота»². Таким образом, составлявшие рекогносцировочный отряд матросы с «Двенадцатого» и были теми людьми, кому принадлежит приоритет открытия Севастопольской бухты для военного ведомства Юга России.

Появление судна Д. А. Доможирова вблизи Севастопольской бухты произошло, по-видимому, в сентябре — октябре 1782 г., так как фрегат был спущен 26 августа³, а не позднее 1 ноября⁴ вышел приказ отправиться в Ахтиарскую бухту для зимовки двум русским военным кораблям: «Восьмому» (позже «Осторожный») и «Одиннадцатому» («Храбрый») под общим командованием капитана 1 ранга

¹ А. В. Суворов. Письма. М., 1987. С. 52.

² Спиридонова И. К. Роль А. В. Суворова в создании Севастопольской крепости в конце XVIII в. // Крымский архив. 1997. № 3. С. 5.

³ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. СПб., 1872. С. 77.

⁴ Венюкова С. В. Из истории возникновения Севастополя // Вопросы истории. 1985. № 4. С. 186.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295.

⁶ Венюкова С. В. Из истории возникновения Севастополя. С. 186.

⁷ Там же.

¹ Памятная книга Таврической губернии, изданная Таврическим губернским статистическим комитетом / сост. под ред. секр. Статистического комитета К. В. Ханацкого. Симферополь, 1867. Вып. I. С. 265.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295.

³ Российский флот: справочник: в 2 т. М., 1997. Т. 1. С. 213.

⁴ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 66.

И. М. Одинцова¹. Таким образом, войдя в ее воды 17 ноября 1782 г., они действительно стали первыми российскими военными судами, занявшими Ахтиарскую бухту, но не открывшими ее для флота России. Суда остановились в заливе, названном позже Киленбалкой. Команды промерили глубины и составили «карту Ахтиарской гавани с заливами, с промером глубин и положением берегов». Кроме того, встав в бухте на зимовку, флотские экипажи построили в деревушке Ахтиар матросские казармы, помещения для офицеров, а также вырыли колодцы.

Несмотря на наличие описания И. В. Батурина еще от 1773 г., бухта в то время не рассматривалась как место пребывания в ней российского флота. Задача эта стала актуальной спустя 10 лет, в условиях активизации Османской империи, не желавшей мириться с новым положением дел на Черном море, а также при подготовке присоединения Крыма к Российской империи (1783 г.). Очутившись здесь в разгар противостояния России с Ближневосточной Портой, командир фрегата «Стрела», по словам источника, «сделал подробное описание всего порта (бухты. — Авт.), показал его выгоды». Именно этот рапорт, по утверждению составителя архивной записки, «подал мысль князю Потемкину-Таврическому перевести туда из Херсона Черноморский корабельный флот»².

Весной следующего 1783 г. на помощь кораблям пришли воинские части (гренадерский батальон, Днепровский и Каппорский полки, части полевой артиллерии), призванные оградить новообетенную военную базу от вторжения как с моря, так и с суши³.

Капитан И. М. Одинцов провел промеры Ахтиарской бухты с составлением на их основании карты, которая вскоре была представлена начальнику Херсонского порта генерал-цейхмейстеру И. А. Ганнибалу (двоюродному деду великого русского поэта А. С. Пушкина) с подробным донесением об удобстве бухты («все корабли и прочие суда могут безвредно стоять на якоре»), возможности их расположения («без всякой нужды до 50 и больше становиться может») и устройства здесь военноморской базы («для строения казарм, офицерских покоев и магазинов»)⁴.

2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту на постоянное базирование вошли первые силы российского Черноморского флота — легкая эскадра под флагом командующего флотом на Черном и Азовском морях вице-адмирала Ф. А. Клокачева, бывшего до того командиром Азовской флотилии. В ее состав входили: пять фрегатов («Девятый», «Десятый», «Одиннадцатый», «Двенадцатый», «Четырнадцатый»), два донских корабля («Хотин» и «Азов»), три шхуны («Победослав», «Измаил», «Вячеслав»), два палача («Патмос», «Святая Екатерина») и бот «Битюг»⁵. Ф. А. Клокачев получил себе в помощь двух контр-адмиралов — Р. К. Дутдала и Ф. Ф. Мекензи. Корабли эска-

дры встали в Южной бухте¹. Ее выбор Ф. А. Клокачевым как наиболее удобной для пребывания флота определил и место развития будущего города.

По прибытии командующий отдал приказ провести повторное обследование залива, по итогам которого сообщил в своем докладе в Адмиралтейство о невиданных возможностях, предоставляемых бухтой: «...при самом входе в Ахтиарскую гавань дивился я хорошему ее с моря положению; вошедши и осмотревши, могу сказать, что во всей Европе нет подобной сей гавани — ни положением, ни глубиной». По оценке вице-адмирала Ф. А. Клокачева, на рейде можно было разместить эскадру численностью «до ста линейных судов», т. е. наиболее мощных кораблей, являющихся главной ударной силой флота². Кроме того, вице-адмирал настаивал на необходимости устройства здесь морской крепости, «как в Кронштадте»³. Не сомневаясь в выгоде позиции, он лично и незамедлительно назначил места для строительства важнейших элементов будущей инфраструктуры, являющихся предтечами современного Севастополя: верфи, килебанки, порохового хранилища, сухарной фабрики, провиантских складов, экипажных казарм и жилого городка⁴. В ходе изучения и описания бухты по приказу вице-адмирала И. М. Берсенева для отправки в Адмиралтейств-коллегию была составлена карта.

10 февраля 1784 г. Екатерина II своим указом повелела основать в Ахтиарской бухте «крепость большую Севастополь». При ней полагалось иметь «адмиралтейство, верфь для первого класса кораблей, порт и военное поселение». Высочайшим решением 10 февраля 1784 г. город Севастополь официально обрел свое имя.

В Южной бухте Севастополя зимой 1783–1784 гг. стояло 20 кораблей. Общая численность их команд составляла 2600 человек⁵.

Приступив в 1783 г. к обустройству Севастополя, командующий флотом Ф. А. Клокачев отдал приказ набрать из числа личного состава кораблей «всякого рода мастеровых». Они-то и стали строителями первых севастопольских зданий. За работу полагалась небольшая «добавочная плата». Наряду с матросами участие в возведении построек принимали немногочисленные местные жители — греки и татары⁶. Позже на Юг России для строительства флота и необходимой инфраструктуры стали высылать пленных шведов, исключительно «умеющих плотников и кузнецов», которых специально для этой цели собирали среди лиц, расселенных по Владимирской, Костромской, Ярославской и другим губерниям Центральной России⁷. Со временем добирались они и до Севастополя. Только в апреле 1789 г. из Владимирской земли отправлены «с надлежащим присмотром к Екатеринославскому господину губернатору» 20 человек⁸.

¹ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 66.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295.

³ Черноморский флот России: Исторический очерк. Севастополь, 2002. С. 38.

⁴ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 68.

⁵ История города-героя Севастополя. 1783–1917 / отв. ред. С. Ф. Найда. Киев, 1960. С. 24.

¹ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 78.

² Там же. С. 71.

³ Венюкова С. В. Из истории возникновения Севастополя. С. 187.

⁴ Черноморский флот России... С. 38.

⁵ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 83.

⁶ Там же. С. 77.

⁷ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 640. Ч. I. Л. 136, 138; Д. 1014. Л. 43.

⁸ Там же. Д. 640. Ч. I. Л. 136.

Вместе с пленными на Юг уезжали и отряды вольнопереселенцев из числа жителей внутренних территорий России. Однако на первых порах, столкнувшись с суровыми условиями тогда еще не освоенного русского Юга, многие бежали. Так, во второй партии, прибывшей в Херсон летом 1783 г., эта графа убыли составляла 50%¹. Однако и на этом проблемы для властей не заканчивались. По прибытии на место переселенцам устраивали экзамен на знание ремесла, что было необходимым условием их работы. Оказывалось, что лишь часть из них действительно владела профессией, о которой они сообщили. 24 августа 1783 г. вице-адмирал Ф. А. Клокачев писал светлейшему князю Г. А. Потемкину: «При отдаче привозчиком явилось только и с кошеварами 99, да и тех по свидетельству корабельного мастера оказалось в плотницкую работу годных 31, средственных 28, совсем не умеющих 19; в столярную работу способных 4, в кузнечное мастерство средственных 3 да в каменщики 11, из числа которых за незнанием плотничать 19 да по ненадобности совсем к адмиралтейству каменщикам 11, всего 30 человекам от работы отказано»².

Вскоре после прибытия в Ахтиарскую бухту Ф. А. Клокачеву пришлось отправиться в Херсон для поправки дел в этом главном на тот момент центре кораблестроения России на Черном море. Обустройство военно-морской базы полностью ложилось на его заместителя контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи, который и стал фактическим основателем Севастопольского порта.

Созвав к себе на совещание командиров кораблей, собравшихся в бухте к началу зимы 1783–1784 гг., новый начальник обратился к ним с краткой речью: «Господа, здесь мы будем зимовать, старайтесь каждый для себя что-нибудь выстроить, я буду помогать вам лесом, сколько можно будет уделить, прочее вы как сами знаете, так и делайте; более ничего, пойдете кушать». По воспоминаниям участника этой встречи: «Капитаны ему поклонились, смекнули, что речь говорена кратко, ясно и обстоятельно»³. День закончился ужином и балом. Наутро военные моряки приступили к необходимым работам. Порядок их был следующим. Получив место, выделенное для зимовки корабля, капитан возводил здесь пристань для своего судна. Вслед за этим сразу же приступали к строительству бани. После его окончания начинались работы по возведению жилых домиков для офицеров и казарм для матросов. Эти помещения «на манер малороссийских хат» делались из плетня и обмазывались глиной, а затем белились и крылись камышом⁴.

3 июня 1783 г. Ф. Ф. Мекензи заложил первое здание города — часовню во имя Николая Чудотворца. Позже на ее месте был построен ныне действующий храм. Хотя указ об учреждении города относится к 10 февраля 1784 г.⁵, именно 3 июня считается датой основания города⁶. В тот же день было заложено еще три сооруже-

ния: адмиральский дом, находившаяся напротив него пристань и кузница в Адмиралтействе¹. Они и стали первыми каменными сооружениями города. От дома Ф. Ф. Мекензи до пристани и часовни проложили тротуары, вдоль которых посадили фруктовые деревья².

В качестве строительного материала моряки использовали обработанные блоки из развалин расположенного в непосредственной близости древнего Херсонеса. Добывали и местный строительный камень. Как сообщают материалы архивного дела, «камень и все материалы для строения найдены на месте, горы и самая почва земли из мягкого камня, подобного малтийскому, который на воздухе скоро утвердеет и получает бледно-желтый цвет»³. Для строительных работ нашли нескольких знающих материал мастеров-греков, жителей Балаклавы. К 1 ноября 1783 г. дом контр-адмирала был готов, и Ф. Ф. Мекензи устроил в честь новоселья бал⁴.

Кроме того, летом 1783 г. строились казармы и «магазины» (флотские и гражданские склады), проводился ремонт судов. Ф. Ф. Мекензи не без гордости писал 2 июля морскому министру И. Г. Чернышеву, что корабль «Хотин» «повалили... до киля» и, найдя место течи, «которая была бы для него весьма опасна», исправили⁵.

В начале 1784 г.⁶ в Севастополь с инспекцией прибыл князь Г. А. Потемкин, который остался доволен увиденным⁷. Ф. Ф. Мекензи получил в награду имение близ города в пяти километрах от Инкермана. Вскоре эта местность получит название Мекензиевы горы, которое сохранится до наших дней.

Итогом работ стал уже упоминавшийся указ императрицы от 10 февраля 1784 г., в котором говорилось о возведении крепости Севастополь с верфью, портом и селением. На медали, отлитой в честь этого события, была помещена надпись — «Полюза России».

Однако столь значительные успехи были достигнуты в крайне неблагоприятных природных условиях. Остро не хватало воды. Свиристествовали местные болезни, особенно малярия из-за близости болот, лежавших при впадении в бухту речки Черной. Часть работ проходила в условиях эпидемии чумы. За относительно непродолжительный период «в карантин» (чумной госпиталь) поступили 176 человек, из них 41 умер⁸. В егерских батальонах, насчитывавших 22 557 человек, состоящих по списку налицо, больных было около 10%⁹.

¹ РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 54. Л. 6.

² Там же.

³ Записки адмирала Д. Н. Сенявина // Гончаров В. Адмирал Сенявин. Библиографический очерк с приложением записок адмирала Д. Н. Сенявина. М.; Л., 1945. С. 123.

⁴ Там же.

⁵ ПСЗ-1. Т. 22. № 15929. С. 762.

⁶ Венюкова С. В. Из истории возникновения Севастополя. С. 187.

¹ Записки адмирала Д. Н. Сенявина. С. 123.

² Венюкова С. В. Из истории возникновения Севастополя. С. 187.

³ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295–295 об.

⁴ Записки адмирала Д. Н. Сенявина. С. 121.

⁵ Из донесения командующего Черноморской эскадрой, сосредоточенной в Ахтиарской гавани, контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи морскому министру И. Г. Чернышеву об использовании Ахтиарской гавани для ремонта кораблей // Севастополю 200 лет, 1783–1983: сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 28.

⁶ Записки адмирала Д. Н. Сенявина. С. 126.

⁷ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 77.

⁸ РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 694. Л. 65.

⁹ Там же. Л. 418.

Не лучше оказалось положение дел и на кораблях. По воспоминаниям очевидца тех событий, за две недели (с 1 по 15 ноября 1782 г.) на фрегате «Крым», несмотря на изоляцию заболевших на берегу, погибли 110 человек. Был день, когда в море похоронили сразу 16 умерших. При этом только два человека из числа заразившихся и оставленных в Кафе пошли на поправку. Одной из жертв эпидемии стал и главнокомандующий флотом вице-адмирал Ф. А. Клокачев, умерший в 1783 г. в Херсоне¹.

Из воспоминаний участника закладки первых зданий Севастополя флаг-капитана (начальника штаба эскадры), будущего адмирала Д. Н. Сенявина, хорошо видно, что большой положительный импульс исходил от первого главы порта контр-адмирала Ф. Ф. Мекензи. Искренний характер и положительный настрой этого человека много способствовали успеху в производстве тяжелых работ. Контр-адмирал с удовольствием и подкупающей искренностью хвалил успехи подчиненных, стремился обустроить их быт и досуг. Особой страстью Ф. Ф. Мекензи являлась подготовка праздников. «В каждое воскресенье и торжественные дни, — вспоминал Д. Н. Сенявин, — у него обед, а ввечеру бал. Ни свадьбы, ни крестины, ни даже похороны без присутствия его не обходились, везде он бывал, а потом все у него обедают и танцуют всегда почти до рассвета. Нельзя пересказать, до какой степени мой адмирал был весельчак и вместе с тем проказник»².

Ф. Ф. Мекензи стал одним из трех главных создателей Севастополя. Его дело поочередно продолжили великие российские флотоводцы, главы Севастополя и Черноморского флота Ф. Ф. Ушаков и М. П. Лазарев.

После смерти Ф. Ф. Мекензи (10 января 1786 г.) «главным командиром флота и порта Севастопольского» стал граф М. И. Войнович, являвшийся командиром самого мощного флагманского корабля севастопольской эскадры — 70-пушечной «Славы Екатерине», прибывшей в Ахтиарскую бухту в сентябре 1784 г.³ Помимо флотских экипажей в городе значилась 741 «душа разного звания» в 118 дворах⁴.

Таким образом, уже к началу 1784 г. главная военно-морская база России на Черном море была готова. Казармы, дома офицеров, склады и иные помещения стояли в основном выстроенными. Все сооружения отштукатурили, выбелили и покрасили в палевый или серый цвета. Кроме того, крыши повсеместно покрывала черепица. «Все это вместе на покатоности берега, — вспоминал Д. Н. Сенявин, — делало вид очень хороший». Лучший вид города открывался с северной стороны. Также были выложены два «хороших тротуара», обсаженных в четыре ряда фруктовыми деревьями. Первый шел от пристани до крыльца дома контр-адмирала. Второй — от дома до часовни. Кроме того, были устроены «шесть красных лавок с жилыми наверху покоями, один изрядный трактир, несколько лавок маркитанских, три капитанских дома, несколько магазейн (складов. — *Авт.*) и шлюпочный сарай в ад-

миралтействе». Все эти сооружения были выполнены из камня или досок. Бухта при древнем Херсонесе стала использоваться для карантина судов¹, приходящих из зараженных мест. Название Карантинная сохраняется за ней и поныне.

Как это ни удивительно, но в первые десятилетия своей истории Севастополь, «столь обширный город», был не только «сооружен в короткое время», продолжая и затем строиться и «распространяться», но появлением своим буквально «не стоил государству почти никаких издержек». Исключение составили лишь казармы и некоторые «незначущие здания». Большая часть первых домов была выстроена силами флотских команд из местного материала². Посетивший его уже в 1786 г. (т. е. спустя всего лишь 2,5–3 года с момента «открытия») Ж. Ромм записал: «Это бесспорно самый красивый и большой в Европе порт»³.

В 1787 г. Севастополь, являвшийся уже оформившимся военным поселением, базой и крепостью, готовили к приезду Екатерины II.

Общее число жилых строений в то время не превышало пяти десятков. Кроме них было множество служебных, складских и технических помещений для обслуживания флота. По воспоминаниям современников, город располагался на склоне холма, спускавшегося к Южной бухте. Часть дороги на Балаклаву постепенно приобретала облик и характер городской улицы, получившей название Екатерининской (позже улица Ленина), — единственной тогда в Севастополе. По сторонам улицы еще по приказу Ф. Ф. Мекензи были посажены тополя.

В низменной части берега в 1785 г. для встречи императрицы соорудили пристань, названную Екатерининской. Впрочем, в обиходном разговоре ее именовали Графской в честь командующего севастопольской эскадрой графа М. И. Войновича, который предпочитал здесь садиться в шлюпку, отправляясь на корабли. Это название сохранилось и по сей день.

Напротив этой пристани стоял дом Ф. Ф. Мекензи. За ним шли дома капитанов кораблей. Рядом проходила Екатерининская улица. На левой ее стороне недалеко от пристани и вплотную к территории Адмиралтейства стояла Николаевская церковь, более напоминавшая в эти годы упомянутую часовню, построенную в 1784 г. Далее по обеим сторонам улицы шли различные сооружения: лавки, дома некоторых офицеров и обывателей (в основном связанных со снабжением города и флота): подрядчика купца Экзаменовского, корабельного мастера И. И. Юхарина, капитана Д. А. Доможирова. Там же находился дом капитана 1 ранга Ф. Ф. Ушакова⁴. Большая часть жилых дворов была обсажена тополями и садовыми деревьями⁵.

¹ Записки адмирала Д. Н. Сенявина. С. 126.

² Там же. С. 125.

³ Там же. С. 127, 128.

⁴ Статистические сведения о количестве дворов и жителей Симферопольского уезда // Исторический архив. 1997. № 2. С. 206.

¹ Записки адмирала Д. Н. Сенявина. С. 124.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 297–297 об.

³ Петрова Э. Б., Прохорова Т. А. Крымские путешествия: Шарль Жильбер Ромм. «Путешествие в Крым в 1786 году» / под ред. Э. Б. Петровой. Симферополь, 2011. С. 113.

⁴ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 105–106; История города-героя Севастополя... С. 34.

⁵ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной. Историческое описание. М., 1874. (Издания о Крыме для путешественников. Соч. Ф. В. Ливанова; т. 7). С. 11.

Параллельно нынешней улице Ленина стояло и Адмиралтейство, территория которого в 1787 г. была обнесена деревянной решеткой¹. За ней находились небольшая кузница, шлюпочный сарай, склады запасных вещей и корабельных материалов, мастерские. Над портом находился дом конторы².

Особняком напротив Адмиралтейства по другую сторону Екатерининской улицы «в стороне пристани за левым крылом на площади тянулась длинная казарма»³.

На противоположной стороне Южной бухты была выстроена казарма корабля «Святой Павел». Стоявшая на мысе, она дала ему свое название — Павловский. За ними начиналась Корабельная бухта. На ее берегу находился дом для морских офицеров с пристанью⁴.

В городе не было складов для хранения пороха, что представляло особую опасность. Хранилища оборудовали в прибрежных пещерах, в первую очередь в Инкермане, где первоначально для этой цели приспособили рукотворные «светлые пещеры», созданные и использовавшиеся еще в древности⁵. Выбор места и формы хранения оказался настолько удачным, что позволяет найти применение пещерам и по сей день.

Адмиралтейство и все портовые постройки (как это было установлено при Ф. Ф. Мекензи) занимали берега Южной и Корабельной бухт. Однако городские частные здания заняли уже всю Севастопольскую гору. Город получал правильную планировку и новые сооружения, в том числе дома, госпиталь на 300 человек. Строительство новых казарм на высоком берегу Южной бухты против города⁶, где было значительно суше, нежели у воды, сделало возможным перевести военнотрудовых в несравнимо более благоприятные условия. Возведение их из камня позволяло не только создать надежные сооружения, но и многократно удешевить строительство, так как каждое бревно приходилось везти издалека. Кроме того, дерева остро не хватало, поскольку огромное его количество шло на строительство кораблей. Только осенью 1789 г. и только из Херсона предстояло перевезти «до 50 тысяч пудов». Весьма показательно, что вопрос о размере оплаты транспортировки бревен решал лично Г. А. Потемкин⁷.

Велись работы по улучшению условий жизни в городе. Высаживались деревья, выкапывались колодцы. Вблизи Малахова кургана была сохранена роща, которую превратили в городской сад: «Одна сохраненная роща, называемая Ушакова балка, в коей построены беседки и качели, составляет публичное гуляние»⁸.

¹ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 11.

² Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 105.

³ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 11.

⁴ История города-героя Севастополя... С. 34.

⁵ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 16; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19065. Л. 3.

⁶ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 16.

⁷ Ордер Г. А. Потемкина правителю Таврической области Семену Жегулину о перевозке из Херсона в Севастополь леса для флота // Севастополю 200 лет. С. 31.

⁸ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 298.

По распоряжению Ф. Ф. Ушакова каждому судовому экипажу выделили земельные участки. Матросы строили дома преимущественно возле Корабельной и Артиллерийской бухт, при которых появились одноименные слободки. Право на обзаведение домом и хозяйством получили также мастерские и служилые люди, работники порта. При Ф. Ф. Ушакове частные дома покрывали уже весь центр современного города — Севастопольскую гору. Каждый из морских офицеров, получивших землю под строительство дома, как тогда, так и позже был «обязан развести сад и овощи (огород. — *Авт.*)»¹. Это не только меняло унылый и безжизненный облик этих мест, но и позволяло разнообразить рацион питания в условиях неразвитого сельского хозяйства и оторванности от освоенных территорий страны.

§ 3. Путешествие в Крым императрицы Екатерины II (1787 г.)

Н. Ю. Болотина

Практически сразу после присоединения Крыма, уже в 1784 г., Екатерина II решила отправиться в путешествие на Юг Российской империи. Она стремилась как можно скорее обозреть новые земли и, конечно, Тавриду, о которой так красочно писал Г. А. Потемкин в своих донесениях. «Скажи ты мне, друг мой, — обращалась к нему императрица 15 апреля 1784 г., — начисто: буде думаешь, что за язвою или другими препятствиями в будущем году в Херсоне побывать мне не удастся, могу тогда ехать до Киева?»² Окончательное решение было принято осенью. Г. А. Потемкин получил приказ сделать все нужные распоряжения по исправлению дорог, мостов и организации всего необходимого для путешествия, во время которого Екатерина II предполагала осмотреть Киевскую, Черниговскую, Новгород-Северскую и Екатеринославскую губернии и Таврическую область³. Ее планам препятствовали различные обстоятельства, и только указом от 2 марта 1786 г. путешествие было назначено на следующий год.

Императрица понимала ценность личного появления перед подданными для укрепления своей власти, а поездка по южным землям должна была произвести эффект и в Европе. Многочисленные «шествия» Екатерины II по стране, встречи с представителями местной администрации и дипломатические переговоры служили решению важных внутривластных и внешнеполитических задач⁴. Сравнительно художественное оформление и эстетику поездок императрицы по России,

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 298.

² Екатерина II и Потемкин. Личная переписка / изд. подгот. В. С. Лопатин. М., 1997. С. 193. № 705.

³ См.: Сб. РИО. СПб., 1880. Т. 27: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч. 4. С. 340–349.

⁴ См.: *Бессарабова Н. В.* Путешествия Екатерины II по России. М., 2005; *Ибнеева Г. В.* Путешествия Екатерины II: опыт «освоения» имперского пространства. Казань, 2006;

можно говорить о том, что постепенно сложился церемониал поездки и приема государыни, отличавшийся особой торжественностью и пышностью. К прибытию Екатерины II и высокопоставленных гостей благоустраивались города, готовились путевые дворцы, в больших городах специально сооружались триумфальные ворота для проезда императорского кортежа, украшались и иллюминировались улицы, определялись места, достойные посещения государыни: соборы и духовные святыни, фабрики, учебные заведения. Для встречи Екатерины II собирались дворянство, купечество и местные жители, а приезд и отъезд сопровождался колокольным звоном и пушечным салютом, организовывались приемы, балы и маскарады¹.

В течение 1784–1787 гг. Г. А. Потемкин готовился к приезду Екатерины II: прокладывались дороги, создавались новые города и благоустраивались существующие, строились каменные и деревянные здания, закладывались сады. Одновременно в придворных кругах и среди иностранных дипломатов уже зародилась легенда о «потемкинских деревнях», критики могущественного князя создавали определенное общественное мнение о бездеятельности фаворита. Многие утверждали, что громадные суммы, истраченные им, не приносят никакой пользы, что даже приобретение Крыма не стоило огромных жертвований, требуемых князем. В иностранных газетах про него публиковались удивительные небылицы. 20 апреля 1786 г. Екатерина II отправила Г. А. Потемкину записку о заметке в цвайбрюккенской газете: «Воздав хвалу вашим стараниям привести Тавриду в цветущее положение, она кончает словами, что вы — швейцарец по рождению. Признаюсь, что, прочитав это, я сильно расхохоталась»². С годами слухи и фантастические рассказы о Г. А. Потемкине только росли как снежный ком и постепенно заслонили реальную личность не только от публики, но и от историков.

Словосочетание «потемкинские деревни» давно стало фразеологизмом, часто используемым в печати и обиходе. Так говорят о «чем-либо, специально устроенном для создания ложного впечатления видимого, показного благополучия, скрывающего истинное положение, состояние чего-либо»³. Общепринято, что это выражение — реакция трезво мыслящих и наблюдательных людей, русских и иностранцев, которые во время путешествия Екатерины II в Новороссию и Крым не дали ослепить себя пышными празднествами, устроенными Г. А. Потемкиным. В исторической литературе уже давно предпринимались попытки развенчать миф о «потемкинских деревнях»⁴. Обширная переписка светлейшего князя с подчиненными ему губернаторами

является лучшим доказательством того, что реальная работа по развитию Крыма шла постоянно и к прибытию императрицы были достигнуты определенные успехи.

Наместник края готовился лучшим образом встретить свою благодетельницу и продемонстрировать ей не только преимущества новых земель, но и первые результаты своей деятельности в Крыму. 28 мая 1784 г. он приказал барону О. А. Игельструму к приезду Екатерины II в Таврическую область «осмотреть благовременно места для станций от Перекопа по дороге Бахчисарайской». В местах для ночлега начали готовить путевые дворцы — дома для отдыха и ночевки государыни и ее многочисленной свиты. Если подходящих зданий не было, то они специально строились по типовому образцу. Представить довольно скромное внутреннее убранство позволяет опись Карасубазарского путевого дворца, составленная 15 апреля 1788 г.¹

Г. А. Потемкин лично назначал дома, достойные принять императрицу, о чем в мае 1784 г. приказывал О. А. Игельструму: «В Акмечете нужно построить дом, я оный вашему попечению препоручаю... В Карасубазаре дом также исправить, хотя тот, в котором ваше превосходительство сами жить изволите, совокупя обе связи и сделав большую, где место позволит, галерею. Полы весьма нужно сделать крепче, а прочее все на манер азиатский»². Правителю Таврической области В. В. Каховскому Г. А. Потемкин поручил благоустроить Бахчисарайский дворец: починить, «сад прибрать, что есть в оном деревянного — вновь перекрасить. И цветов умножить, фонтаны починить». Да и сам город должен быть в достойном виде, а значит: «Бахчисарай вычистить, что ветхо — поправить, развалины сломать, улицу намостить, лавки исправить и также починить мечети»³. Улицу, по которой императрица должна была въехать в город, Г. А. Потемкин приказал «застроить хорошими домами» «на манер тамошний» и покрыть черепицей⁴. Для благоустройства Бахчисарая наместник определил 10 тыс. рублей из местных доходов и солдат, которым выплачивали по пять копеек в день каждому. В сентябре 1784 г. Г. А. Потемкин торопил подчиненных с выполнением своих поручений о строительстве дворцов по пути высочайшего шествия. С ожиданием приезда Екатерины II была связана и активизация восстановления разрушенной во время войны Феодосии. В городе предполагалось возобновить своды и проходы в башнях, вновь построить каменную пристань, мосты и ворота, посадить деревья⁵.

Г. А. Потемкин готовил к приезду императрицы и местное население. Ему было важно, чтобы татарская знать при встрече с Екатериной II выказала полную лояльность⁶. Местным чиновникам предписывалось встречать государыню

Белоусова А. Р. Путешествия Екатерины II по России: к историографии вопроса // Университетский историк: альманах. СПб., 2012. Вып. 10. С. 25–34.

¹ См.: Болотина Н. Ю. Эстетика путешествий Екатерины II по России в контексте мифа о «потемкинских деревнях» // Воронцовы — два века в истории России. Труды Воронцовского общества. СПб., 2010. Т. 13. С. 37–46.

² Сб. РИО. Т. 27. С. 367.

³ Словарь современного русского литературного языка. М.; Л., 1960. Т. 10. Стб. 1595.

⁴ Панченко А. М. «Потемкинские деревни» как культурный миф // Русская литература XVIII — нач. XIX в. в общественно-культурном контексте. Л., 1983. (XVIII в.; сб. 14). С. 93–105.

¹ См.: Маленко А. Ю. «Была пора: Екатеринин век». Екатерина II и Крым. Симферополь, 2013. С. 107–109.

² Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического... С. 301–302. № 130.

³ Цит. по: Болотина Н. Ю. Потемкин. М., 2014. С. 306.

⁴ Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического... С. 320. № 180.

⁵ См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Ч. 2. Д. 72. Л. 206–208.

⁶ См.: Ибнеева Г. В. Путешествия Екатерины II... С. 167–168.

в мундирах нового образца, а из дальних татарских деревень жителей собирали для приветствия по пути следования императорского кортежа. Особое внимание уделялось старейшинам, которые своим присутствием и проявлением почтительности к новой власти должны были показать народу ее легитимность.

Екатерина II в сопровождении свиты и иностранных послов выехала из Зимнего дворца 2 января 1787 г. Во всех губерниях по пути следования торжества сменяли друг друга, но кульминацией путешествия, его финальным аккордом стало пребывание императрицы в землях, подвластных Г. А. Потемкину. Предчувствуя незабываемые впечатления от посещения Крыма, императрица писала принцу Ш.-Ж. де Линю в 1786 г., приглашая его в поездку: «Потом я повезу своих спутников в страну, в которой, говорят, обитала некогда Ифигения. Одно название этой страны оживляет воображение; самые разнообразные измышления распускаются по поводу моего пребывания там»¹.

Уже в ходе шествия Г. А. Потемкин отдавал последние распоряжения по торжественной встрече Екатерины II. 7 января он с искренней радостью приветствовал начало путешествия: «У нас здесь зелень на лугах начинает показываться. Я думаю, скоро и цветы пойдут. По дороге пыль, а у Перекопа еще снег. Дай Боже, чтобы сия страна имела счастье тебе понравиться, моя кормилица»². В феврале и марте 1787 г. В. В. Каховский докладывал князю о расписании станций на обратном пути шествия из Феодосии на Карасубазар, Перекоп и Херсон, приготовлении лошадей, ремонте дорог, обустройстве путевых дворцов, выполнении его распоряжений о ремонте помещений Бахчисарайского дворца и дворца в Старом Крыму, наполнении их мебелью, печатании областного атласа и карт.

После пятидневного пребывания в Херсоне Екатерина II со свитой отправилась в Крым через Кизикермен и Перекоп. Готовя этот путь, Г. А. Потемкин предписывал «дорогу от Кизикермена до Перекопа сделать богатою рукою, чтобы не уступала римским, я назову ее: Екатерининский путь», а по дорогам полуострова в 1784–1786 гг. были установлены версты и мили. Проехав через Перекоп, императрица 19 мая 1787 г. очутилась в Крыму. Каждое селение, каждое необычное название, необычная крымская природа не уставали восхищать императрицу, все новые и новые диковинки располагал по ходу движения шествия Г. А. Потемкин, каждый раз они поражали и восхищали участников путешествия. 19 мая в Айдары Екатерине II были представлены таврические татарские чиновники. На следующей станции императрицу ждали новые представители ее многочисленных подданных — при Альма-Кермене с правой стороны дороги стояли хоругви из 26 лучших мурз и татарские конные дивизионы, составленные из вольно вступивших в службу татар. Пропустив фаэтон, в который пересела Екатерина II, и отдав честь с преклонением знамен, татарские всадники по обеим сторонам экипажа провожали императрицу до дворца в Бахчисарае.

Во время всего шествия по Тавриде императрица повелела охранять ее таврамам, и этот, по мнению дипломата Л.-Ф. Сегюра, неожиданный опыт доверчивости удался, как всякий отважный подвиг. Французский посланник пересказал в своих мемуарах беседу с принцем Ш.-Ж. де Линем. Тот, смеясь, предположил, что двенадцать тысяч татар, которыми во время путешествия был окружен императорский кортеж, могли бы беспрепятственно захватить августейшую государыню и могущественного римского императора Иосифа II, посадить их на корабли и доставить в Константинополь, к великому удовольствию его величества Абдул-Хамида. К счастью, добавляет Л.-Ф. Сегюр, эта мысль не пришла на ум сынам Магомета.

На подъезде к Бахчисараю свою лояльность и преданность Екатерине II смогла проявить татарская гвардия. Из-за расположения города на покатосях окрестных гор въезд в него был небезопасен, и, спускаясь по чрезвычайно крутой дороге между скал, карета государыни едва не упала набок и не разбилась, когда ретивые лошади помчались по скалам с немыслимой быстротой. Жизни Екатерины II угрожала реальная опасность, но местные жители (татары), окружавшие экипаж, смогли его остановить.

Преображенный Г. А. Потемкиным древний город — столица крымских ханов Бахчисарай — встречал новую правительницу. Главная улица с въезда, самая прямая, благодаря распоряжениям светлейшего, вела ко дворцу, по обеим ее сторонам стояли приветствующие государыню ремесленники, купцы (каждый у своей лавки), простые обыватели. На пути шествия Екатерину II встретило мусульманское духовенство во главе с первым муфтием ханской мечети Мусалавом-эфенди, а близ дворца ее ожидал греческий священник с хлебом и солью. Вечером в Бахчисарае приветственной иллюминацией озарились все мечети и дома по косогорам, а в главной мечети, где были похоронены ханы и члены их семей, муфтий с дервишами совершили торжественное богослужение.

Екатерина II и ее гость, император Иосиф II, заняли бывшие ханские покои в Бахчисарайском одноэтажном дворце, окруженном садом, разделенным на четыре части. О своем прибытии императрица известила своего постоянного корреспондента барона Ф.-М. Гримма: «Картина была великолепная: предшествующие, окруженные и сопровождаемые таким образом, в открытой коляске, в которой сидело восемь персон, мы въехали в Бахчисарай и остановились прямо в дворце ханов. Здесь мы помещаемся среди минаретов и мечетей, где голосят, молятся, распевают и вертятся на одной ноге пять раз в сутки»¹.

Императрица провела в Бахчисарае только пять дней, но смогла почувствовать очарование восточного колорита. Под этим впечатлением Екатерина II написала стихотворное послание Г. А. Потемкину, известное только по публикациям:

¹ Сб. РИО. Т. 27. С. 378.

² Екатерина II и Потемкин... С. 313. № 754.

¹ Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй к барону Гримму. 1787–1796 гг. // Русский архив. 1878. № 10. С. 142.

Лежала я вечер в беседке ханской,
 В середине бусурман и веры мусульманской.
 Против беседки той построена мечеть,
 Куда всяк день пять раз имам народ влечет.
 Я думала заснуть, и лишь закрылись очи,
 Как уши он заткнув, взревел изо всей мочи...
 О, Божьи чудеса! Из предков кто моих
 Спокойно почивал от орд и ханов их?
 А мне мешает спать среди Бахчисарая
 Табачный дым и крик... Не здесь ли место рая?
 Хвала тебе, мой друг! Занявши здешний край,
 Ты бдением своим все вяще укрепляй¹.

Из Бахчисарая путь Екатерины II лежал к Черному морю. 22 мая 1787 г. императорское шествие достигло Инкермана. Кульминацией путешествия, главным «чудом» была демонстрация молодого Черноморского флота на Севастопольском рейде. Во дворце, построенном в пригороде Севастополя Инкермане, Г. А. Потемкин дал великолепный обед на 51 персону. В разгар празднества был отдернут массивный занавес, скрывававший большой балкон, обращенный к заливу. Взору Екатерины II и ее гостей открылась необыкновенная по зрелищности картина. Между двумя рядами татарских всадников зрители увидели залив, уходящий верст на двенадцать вдаль и на четыре в ширину. Посреди залива, напротив царской столовой, выстроился в боевом порядке грозный флот, построенный, вооруженный и совершенно снаряженный стараниями Г. А. Потемкина всего за два года. На корабле «Слава Екатерины» был поднят кайзер-флаг, государыню приветствовали залпами из пушек по пятнадцать выстрелов с каждого судна.

Иностранным дипломатам почудилось, что грохот их «возвещал Понту Эвксинскому о присутствии его владычицы и о том, что не более чем через тридцать часов флаги ее кораблей могут развеяться в виду Константинополя, а знамена ее армии — водрузиться на стенах его»². Эта же мысль посетила и императрицу, которая писала внуку Константину Павловичу об увиденном в Севастополе флоте: «Тут вспомнили мы, что до Петербурга было верст тысячи полторы, а до Царьграда — сутки-двое морем»³.

После знаменательного обеда Екатерина II в сопровождении императора Иосифа II, дипломатов и придворных вельмож на шлюпках отправилась по заливу к городу Севастополю. Специально к приезду императрицы Г. А. Потемкин просил русского посла в Турции Я. И. Булгакова заказать в Константинополе шлюпку, «сходную с султанской», и прислать в Севастополь⁴. При приближении к флоту на судне императрицы был поднят штандарт, и тогда все корабли, фрегаты и другие суда,

спустив свои флаги, салютовали из всех пушек. Матросы, стоящие по реям, вантам и борту, неистово громко и многократно кричали: «Ура! Ура матушке Екатерине!»

Когда шлюпка с государыней поравнялась с флагманским кораблем, то каждое судно сделало 31 выстрел, заглушая восторженные крики матросов. Существование боеспособного Черноморского флота даже самые непримиримые противники и критики князя не могли подвергнуть сомнению, ведь нельзя же всерьез говорить о том, что нарисованные корабли столь оглушительно стреляют и живо маневрируют. Вид флота из 27 военных судов и восьми транспортов убедил всех, включая иностранных очевидцев, в возможности России удержать приобретенные земли.

Екатерина II, убедившись в достижениях Г. А. Потемкина, писала с восхищением барону Ф.-М. Гримму из Севастополя: «Здесь, где тому назад три года ничего не было, я нашла довольно красивый город и флотилию, довольно живую и бойкую на вид; гавань, якорная стоянка и пристань хороши от природы, и надо отдать справедливость князю Потемкину, что он во всем этом обнаружил величайшую деятельность и прозорливость»¹. Действительно, внимательно следя по донесениям Г. А. Потемкина за ходом строительства Севастополя, Екатерина II по достоинству могла оценить труды князя, его заботы и результаты кропотливой ежедневной работы.

На следующий день, 23 мая, гости города стали свидетелями военноморских маневров, во время которых проходило «бомбардирование» с корабля «Страшный» специального «городка», устроенного против рейда на северном берегу в трехстах сажнях. Поистине, Севастополь стал триумфом Г. А. Потемкина, но успокаиваться ему было еще рано. Императорское шествие продолжалось, и следовало позаботиться о том, чтобы впечатления государыни от вверенного ему края не только не ослабли, а, наоборот, укрепились и усилились.

Подготовленная слухами о «потемкинских деревнях», Екатерина II, довольная увиденным, писала 20 мая П. Д. Еропкину: «Кричали и против Крыма, пугали и отсоветовали обозреть самолично. Сюда приехавши, ищу причины такового предубеждения безрассудного»². Своему внуку, великому князю Александру Павловичу, она писала 28 мая из Старого Крыма: «Дорога сия мне тем паче приятна, что везде нахожу усердие и радение, и, кажется, весь сей край в короткое время ни которой российской губернии устройством и порядком ни в чем не уступит»³. Екатерина II, весьма проницательная и умная женщина, не была введена в заблуждение триумфальными воротами и декорациями, а сумела трезво и объективно оценить деятельность Г. А. Потемкина.

Сохранилось романтическое предание об одной из диковинок, придуманной Г. А. Потемкиным для своей государыни, но, к сожалению, официальные источники ничего не говорят о событии, случившемся в мае 1787 г. неподалеку от пригорода Севастополя — Балаклавы. Еще в марте князь отправил повеление под-

¹ Екатерина II и Потемкин... С. 216. № 762.

² Сегюр Л. Ф. Записки графа Сегюра о пребывании его в России в царствование Екатерины II (1785–1789). СПб., 1865. С. 214.

³ Сб. РИО. Т. 27. С. 410.

⁴ См.: РГВИА. Ф. 52. Оп. 1. Ч. 2. Д. 461. Ч. 1. Л. 15 об. — 16.

¹ Новооткрытые письма императрицы Екатерины Второй... С. 143.

² Письма императрицы Екатерины II к разным государственным сановникам. СПб., 1863. С. 14–15.

³ Сб. РИО. Т. 27. С. 411.

полковнику Балаклавского греческого полка К. Чапони непременно устроить амазонскую роту из вооруженных женщин. Жена старшего ротного капитана Елена Сарданова стала капитаном амазонской роты, а под ее начальство собрались 100 дам — жен греческих военных. Они встречали Екатерину II недалеко от Балаклавы в специально устроенной аллее из лавровых деревьев, в конце которой находилась палатка, где на столе были приготовлены Евангелие, крест, хлеб и соль.

Из Севастополя Екатерина II поехала прекрасной Байдарской долиной, часть которой принадлежала Г. А. Потемкину. В Карасубазаре 26 мая ее ждало новое представление: когда вечером императрица вышла из дворца в обширный английский сад, чтобы насладиться прохладой и свежестью цветов, все пригорки на 10 верст кругом вспыхнули рядами разноцветных огней фейерверка. Посреди этого горящего круга возвышалась конусообразная гора, на которой яркими огнями блистало вензелевое имя Екатерины II.

Перед отъездом из Крыма Екатерина II щедро наградила таврических военных и гражданских чиновников, 30 мая 1787 г. в Карасубазаре пожаловала денежные средства духовенству, находящемуся при Черноморском флоте в Севастополе, греческому духовенству в Феодосии и Бахчисарае, а также на мечеть и дервишам, не забыла и об открытых в Таврической области училищах. Нижним чинам всех войск было определено по рублю на человека. Татарские чиновники и мурзы, проводив императрицу до станции в Баши, были отпущены в свои дома, и 31 мая через Перекоп государыня покинула Крым.

На следующий день Екатерина II подписала указ Г. А. Потемкину, в котором выражала свою похвалу и благоволение войскам, расположенным в Таврической области, и татарскому войску, а 8 июня вышел указ с одобрением деятельности чиновников и поручением передать ее благодарность дворянству и жителям Крыма.

Путешествие Екатерины II завершилось 22 июля 1787 г. Спустя несколько дней после возвращения в Царское Село государыня написала Г. А. Потемкину несколько строк, которые свидетельствуют о том, что она увидела все его труды и наговоры недоброжелателей не имеют под собой никакого основания: «Между тобою и мною, мой друг, дело в кратких словах, ты мне служишь, а я признательна, вот и все тут; врагам своим ты ударил по пальцам усердием ко мне и ревностью к делам империи»¹. Вскоре были отчеканены две медали в память крымского путешествия, в разработке которых деятельное участие принимал сам Г. А. Потемкин, а императрица лично сочинила надписи. Ее перу принадлежит и шуточная пародия на слухи о путешествии в Тавриду: «Города Москва и Петербург, а еще более иностранные газеты много сочиняли во время нашего путешествия; теперь наша очередь: кто издали приехал, тому врать легко. Вот перечень того, что я буду рассказывать: считаю нужным сообщить его моим спутникам по путешествию не только для получения их одобрения, но чтобы предложить им сообщить мне их мысли.

Сперва я видела, я, говорящая с вами, как Таврические горы тяжелыми шагами шли навстречу нам и с томным видом отвесили нам поклон. Кто не поверит

этому, пусть поедет взглянуть на новые дороги, которые там провели: он увидит, что всюду крутые места обращены в удобные спуски. Однако в рассказе тяжелые шаги и поклоны горы звучат лучше»¹.

После окончания путешествия благодарное таврическое и екатеринославское дворянство обратилось через Г. А. Потемкина к Екатерине II с просьбой разрешить установить на собранные ими деньги монумент в память ее посещения Тавриды. Императрица отказалась в пользу блага жителей: «Желаю только, чтоб иждивение, ими назначаемое, употреблено на сооружение зданий, которые, предавая память событий, служили также для пользы общей, например училища или госпиталя, а в области Таврической — фонтана для выгоды народной»².

Односторонние оценки иностранных, а отчасти и русских мемуаристов, переносивших центр тяжести на показатель характер действий Г. А. Потемкина, опровергаются материалами источников, которые свидетельствуют о том, что из месяца в месяц, из года в год происходил закономерный и неуклонный процесс освоения и развития Крыма. Решение Екатерины II о поездке в 1784 г. задало высокий темп благоустройства полуострова, создания Черноморского флота, прокладки дорог, строительства и восстановления городов и других населенных пунктов — всего того, что императрица и сопровождавшие ее император Иосиф II, свита и иностранные дипломаты смогли увидеть на берегах Тавриды.

§ 4. Крым во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг. Первые победы Черноморского флота

А. В. Белов

Турция, потерявшая господство над Крымом согласно Кючук-Кайнарджийскому мирному договору от 10 июля 1774 г., еще долго не оставляла попыток восстановить свое влияние на полуострове. Одним из способов реализации этого плана стала состоявшаяся уже 17 июля 1774 г. высадка османского десанта в Алуште. Турецкий отряд закрепился возле деревни Шумы, но был разбит, не успев решить главных задач: продержаться до получения подкрепления и пробиться вглубь полуострова. Заслуга победы всецело принадлежала храбрости тогда еще молодого подполковника — будущего спасителя России М. И. Кутузова. Именно в этом сражении он получил тяжелое ранение пулей в висок, что привело к повреждению глаза³.

Шло время, и ситуация накалялась. В этих условиях Россия стремилась не только к расширению своих прибрежных владений, что позволило бы, в частности, наладить морскую торговлю и обеспечить безопасность границ. В первую очередь

¹ Сб. РИО. Т. 27. С. 460.

² РГАДА. Ф. 16. Д. 798. Л. 185.

³ Жилин П. А. Фельдмаршал Михаил Илларионович Кутузов. Жизнь и полководческая деятельность. М., 1987. С. 22–23.

¹ Сб. РИО. Т. 27. С. 419.

требовалось заставить Константинополь (Стамбул) отказаться от традиционной агрессивной политики по отношению к факту присутствия России на территории Причерноморья (будущей Новороссии), выполнявшего тогда роль северного буфера Османской империи. В распоряжении Блистательной Порты было несколько рычагов, позволявших контролировать здесь ситуацию.

Первым фактором силы выступал Крым, на территории которого Турция сохраняла свое влияние и после 1783 г., особенно в среде ханских чиновников и духовенства. Вторым — пространства степей. Обширные, практически незаселенные и труднопроходимые, они выступали надежной преградой на пути к восточной империи. Дополнительным усилением ее рубежей на дальних подступах являлись крепости, перекрывавшие дороги сквозь степи (Хотин, Очаков, Бендеры, Килия, Тульча, Исаки и др.). Неслучайно после предшествующей Русско-турецкой войны к России отошла лишь одна из двух крепостей, закрывавшая вход в Днепровско-Бугский лиман — Кинбурн. Вторая (Очаковская) крепость, контролировавшая дороги и к Бахчисараю, и к Константинополю (Стамбулу), по-прежнему оставалась в руках султана. Третьим и самым сильным орудием в руках Турции являлся флот. Нельзя забывать, что империя Османов была старой и мощной морской державой, а ее матросы, капитаны (да и пираты) славились своим бесстрашием и мастерством. К 1768 г. на Черном море она держала 250 кораблей, полностью господствовавших во всей его акватории¹.

Таким образом, преодоление Россией своих причерноморских угроз было невозможно без создания сильного и, что важно, победоносного флота. Главной военно-морской базой России на Черном море, обеспечивавшей ей устойчивое положение в этом сложном регионе, предстояло стать Севастополю.

Между тем в конце 1770-х гг. все, что находилось в распоряжении Екатерины II на Юге, являлось незавидным наследством войны 1768–1774 гг. и сводилось к кораблям малосильной Азовской флотилии. В большинстве своем она была слабо приспособлена к действиям на море. При этом для победы над турками требовалось строительство крупных парусных судов — линейных кораблей и фрегатов, а также многочисленных судов для разведки, десантирования, снабжения и т. д.

В отсутствие надежного выхода в Черное море, флот пришлось строить внутри территории страны, на Днепре. С этой целью здесь, но за много верст от его устья, был заложен город Херсон. С его стапелей в мае 1779 г. сошел первый линейный корабль Черноморского флота «Слава Екатерины».

2 мая 1783 г. в Ахтиарскую бухту вошла на постоянное базирование легкая эскадра под флагом адмирала Ф. А. Клокачева. Основной ее силой выступали пять фрегатов². Вскоре на берегах появились первые сооружения, возведенные моряками, которые дали начало будущему городу Севастополю.

13 августа 1785 г. были утверждены первые штаты Черноморского флота, согласно которым он должен был состоять из 12 линейных кораблей (двух 80-пушечных

и десяти 66-пушечных), 20 фрегатов, 5- и 12-пушечных ботов, восьми транспортных и полутора десятка вспомогательных¹. Но к началу войны Россия не успела закончить кораблестроительную программу. В 1787 г. в ее распоряжении было пять линейных кораблей, 19 фрегатов и несколько десятков вспомогательных судов. На стапелях незаконченными стояли еще восемь линейных кораблей и четыре фрегата².

Помимо кораблей так называемого «большого ранга» (линейных, фрегатов) в распоряжении России находилась гребная флотилия, состоявшая из 20 различных судов, к тому времени еще не успевших получить вооружение. Находясь в Днепровско-Бугском лимане и базируясь у Глубокой Пристани³, они служили прикрытием прохода к Херсону. Основные силы под командованием контр-адмирала М. И. Войновича базировались в Севастополе. В их число на 1 марта 1787 г. входило 27 военных судов, из которых всего три были линейными: флагман «Слава Екатерины», «Святой Павел» и «Мария Магдалина»⁴. Командиром одного из кораблей севастопольской эскадры («Святой Павел») был тогда еще малоизвестный капитан 1 ранга Ф. Ф. Ушаков.

В связи с исключительным значением флота в самом начале войны в первоочередные планы Турции входил захват Херсона с его верфью и Севастополя. Для действий на Черном море был сформирован флот, в состав которого вошла почти половина судов империи Османов: 19 линейных, 16 фрегатов и пять бомбардирских кораблей⁵. Местом базирования выступала крепость Очаков, что позволяло также обеспечить вход в Днепровско-Бугский лиман и угрожать близлежащему крымскому берегу⁶. Во главе флота стоял опытный и храбрый флотоводец, участник Чесменского сражения капудан-паша Эски-Гасан⁷.

На море война началась 21 августа 1787 г., когда вероломно, без объявления войны 11 турецких галер и карлангичей атаковали 44-пушечный фрегат «Шестнадцатый» («Скорый») и 12-пушечный бот «Битюг». Русские суда при поддержке береговой артиллерии три часа отстреливались от противника, стремившегося подойти к ним на минимальное расстояние. В ходе боя удалось потопить одну из галер. В итоге, обрубив якорные канаты, русские корабли отошли к Глубокой Пристани, потеряв всего лишь троих человек убитыми и одного раненым⁸.

31 августа 1787 г. по приказу Г. А. Потемкина контр-адмирал М. И. Войнович вывел эскадру из Севастополя, направив ее к Варне для поиска и уничтожения неприятеля. Но судьба не благоволила русским. Уже 8 сентября они попали в страшный шторм, длившийся пять дней. Большинство судов получили значительные

¹ Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России. М., 2002. С. 236.

² История города-героя Севастополя... С. 24.

¹ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 93.

² Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России. С. 258.

³ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. М., 2010. С. 146.

⁴ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 101–103.

⁵ Черноморский флот России... С. 40.

⁶ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 146.

⁷ Там же. С. 147.

⁸ Чернышев А. А. Российский парусный флот: справочник. М., 1997. Т. I. С. 215.

повреждения, открылась сильная течь. Только благодаря умению и огромному труду команд корабли удалось спасти, хотя многие из них потеряли одну или две мачты. Флагман «Слава Екатерины» лишился всех трех. Снесенный сильным ветром к Босфору и полузатопленный линейный корабль «Мария Магдалина» попал в плен к туркам¹, фрегат «Десятый» («Крым») пропал без вести². «Святой Павел», которым командовал Ф. Ф. Ушаков, потерял две из трех мачт и был уволочен бурей к Кавказу. На нем установили дополнительное парусное вооружение, и Ф. Ф. Ушаков довел свое сильно потрепанное судно на базу в Севастополь³.

Таким образом, русский крупнотоннажный флот в первом же походе, даже не вступив в бой, потерпел поражение, от которого трудно было оправиться. После этого в распоряжении вооруженных сил на Юге страны оставались лишь корабли лиманской эскадры, преимущественно маломерные. Однако ни Екатерина II, ни Г. А. Потемкин, ни флот не опустили руки. Севастопольскую эскадру готовили к новому выходу.

Суда, базировавшиеся в лимане, были усилены и какое-то время в одиночку отвечали на морские атаки турок. Так, в конце мая 1788 г. дубель-шлюпка № 2 капитана 2 ранга Р. фон Сакена (семь орудий, 52 человека) попала под атаку сразу 30 турецких галер. Погоня продолжалась почти шесть часов, по истечении которых шлюпку продолжали преследовать 11 неприятельских судов. Не имея возможности спастись, капитан отправил на ялик девять матросов, а сам с оставшейся частью команды пошел в атаку на неприятеля, отстреливаясь из орудий и ручного оружия. При попытке галер пойти на abordаж команда взорвала свой корабль. Вместе с ним погибло еще четыре турецких судна⁴.

Подвиг дубель-шлюпки № 2 имел важные последствия. Помимо нравственной победы, которую ощутили русские, турки были напуганы поступком Р. фон Сакена и с тех пор не решались использовать излюбленный ими прием abordаж, в котором традиционно являлись большими мастерами⁵.

В этих условиях срочно требовалась помощь севастопольской эскадры, которая бездействовала. Данное обстоятельство часто связывают с личными качествами ее командира адмирала М. И. Войновича. Г. А. Потемкин, не видя помощи со стороны флота и не дождавшись исполнения своих приказаний, прислал в Севастополь флотского адъютанта Д. Н. Сенявина с требованием малыми судами предпринять поиск у берегов Турции и тем самым отвлечь силы противника. 16 сентября 1788 г. Д. Н. Сенявин вышел из Севастопольской бухты с пятью малыми кораблями. Это была первая операция российского флота по поиску неприятеля у южных берегов Черного моря. 6 октября с военной добычей отряд вернулся в Севастополь⁶.

¹ Черноморский флот России... С. 39–40.

² Чернышев А. А. Российский парусный флот. Т. I. С. 213.

³ Золотарев В. А., Козлов И. А. Флотоводцы России. М., 1998. С. 103.

⁴ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 153–154.

⁵ История города-героя Севастополя... С. 130.

⁶ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 138.

Важнейшим опорным пунктом турок на Черном море был Очаков. Крепость не только контролировала часть прохода к Днепру и Южному Бугу, но и сухопутную дорогу, ведущую из Османской империи в Крым. Как только армия Г. А. Потемкина осадила крепость, эскадра адмирала М. И. Войновича получила приказ выйти из Севастополя и блокировать Очаков с моря. Воспрепятствовать этой операции должен был стоявший в гавани Очакова турецкий флот, насчитывавший 13 линейных кораблей, 15 фрегатов и 32 вспомогательных судна. Вместе с гребной флотилией его силы доходили до 100 кораблей¹.

Русская эскадра в составе двух линейных кораблей и 11 фрегатов достигла неприятеля 3 июля 1788 г. у острова Фидониси (Змеиный) и вступила в бой. Авангардом, состоявшим из линейного корабля «Святой Павел» и трех фрегатов, командовал Ф. Ф. Ушаков.

Турки, используя свою выгодную наветренную позицию и дистанцию, на которой русские орудия были малоэффективны, начали сражение первыми, обстреливая авангард Ф. Ф. Ушакова. При этом в линейных кораблях, составлявших главную ударную силу, противник в восемь раз превосходил русских. Кроме того, во флотилии османов было еще восемь фрегатов, три бомбардирских и 21 вспомогательное судно.

В этих крайне неблагоприятных условиях Ф. Ф. Ушаков смог вывести фрегаты с наветренной стороны на дистанцию эффективного выстрела, а сам на линейном корабле «Святой Павел» атаковал флагман неприятеля, нанеся ему значительные повреждения. Лишенная руководства и расстроившаяся в итоге колонна противников была обстреляна основными силами русских.

Бой продолжался три часа. Турецкие корабли получили большие повреждения, потеряли затопленной одну шебеку. В итоге они не только вышли из боя, но и отказались от прорыва к Очакову. Вокруг крепости замкнулось кольцо полной осады. 17–18 июля была разбита гребная флотилия турок, ушедшая от Очакова. Благодаря действиям русских береговых батарей и моряков гребной флотилии противник потерял восемь линейных кораблей, два фрегата и семь малых судов. Людские потери составили около 6 000 убитыми и ранеными. Еще 1763 человека попали в плен². В итоге русские наглухо закрыли вход в лиман, тем самым обезопасив Херсон и его верфи.

19 июля Черноморский флот вернулся в Севастополь со своей первой победой³.

В конце июля турки пополнили флот за счет стоявших при устье Дуная судов и вернули его к Очакову. Однако показательно, что, имея значительные силы (15 линейных кораблей, 10 фрегатов и 40 мелких судов), они не предпринимали здесь активных действий. Более того, застрявшие при крепости из-за начавшегося шторма 33 корабля османов вскоре были полностью истреблены русской гребной флотилией⁴.

¹ Золотарев В. А., Саксонов О. В., Тюшкевич С. А. Военная история России. С. 261.

² Черноморский флот России... С. 41.

³ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 160.

⁴ Там же. С. 161.

6 декабря после кровопролитного штурма Г. А. Потемкин взял Очаков.

Кампания 1789 г. не отличалась большой активностью. Действовали лишь русские каперские отряды в Средиземном и Черном морях¹. Турок же, понесших перед тем значительные потери, заставили поступать с крайней осторожностью. Одной из операций все еще сильного османского флота (17 линейных кораблей и другие суда) стало препятствование выходу новопостроенных на Херсонской верфи русских военных судов из лимана. Но как только поблизости появилась севастопольская эскадра (всего девять линейных кораблей и несколько крейсерских судов), блокада немедленно была снята.

Русский флот в эти месяцы увеличивал свою численность и мощность вооружения. Осенью 1789 г. контр-адмирал М. И. Войнович написал в письме к Г. А. Потемкину фразу, наглядно демонстрирующую новое положение дел: «Теперь турецкий флот, кажется, имеет с кем говорить на Черном море».

В 1790 г. Османская империя вынашивала план разгрома русского флота на Черном море, для чего активно пополняла свое вооружение и флот. Причем делала это не без помощи стран Запада. По данным российской разведки, только осенью 1789 г. «в Константинополь пришли два английские и два гишпанские фрегаты; гружены пушками, артиллериею, такелажем и прочими корабельными припасами, которые все, равно и фрегаты, куплены в казну»².

В преддверии решительной схватки в 1790 г. во главе Черноморского флота встал Ф. Ф. Ушаков, сыгравший выдающуюся роль как флотоводец, тактик и реформатор морского боя. Его заслугами являются также формирование и обучение сил флота и строительство Севастополя.

Ф. Ф. Ушаков организовал и осуществил поход русской эскадры к Анатолийскому берегу Турции, подверг бомбардировке турецкие крепости Синоп и Самсун, а позже и Анапу. Располагая данными, что противник готовится высадить мощный десант на берегу Крыма, Ф. Ф. Ушаков организовал разведку акватории и побережья Черного моря. В ходе этих операций совсем молодой российский флот уничтожил 11 неприятельских судов, а еще пять взял в плен и привел в Севастополь. Призовые корабли все были нагружены пшеницей, доставшейся русским³.

Благодаря крейсерованию вдоль турецких берегов и на морских коммуникациях неприятеля была получена информация, на основании которой флотоводец смог предугадать действия турок и встретить их в полной готовности 8 июля 1790 г. вблизи Керченского пролива. Соотношение кораблей в этом сражении было близким, но артиллерийская мощь турок намного превосходила возможности русских судов: свыше 1100 орудий против 860. В ходе боя Ф. Ф. Ушаков, державший флаг на линейном корабле «Рождество Христово», применил ряд новых смелых тактических приемов: массированная атака на флагманский корабль, использование резерва,

разворот с нарушением порядка положения судов. В итоге противнику удалось покинуть место боя лишь с наступлением темноты¹.

Потери турок неизвестны, но так как под огнем орудий оказались суда, набитые десантом, жертв было очень много. Потери русских составили 29 убитыми и 68 ранеными². Больше османы не предпринимали попыток высадиться в Крыму.

Благодаря предшествовавшим победам на суше (в первую очередь А. В. Суворова при реке Рымник) русская армия вышла к Дунаю — мощной естественной преграде, надежно (вместе с построенными на ней крепостями) защищающей от угроз извне внутренние территории Турецкого государства.

В начале августа 1790 г. в помощь армии в Херсоне была подготовлена Дунайская флотилия. Черноморский флот получил приказ атаковать турок, чтобы не позволить им блокировать вход в Днепровско-Бугский лиман и тем самым сорвать переход флотилии к устью Днестра, лишив полевые силы России поддержки и снабжения. Для решения этой задачи из Севастополя вышла эскадра под командованием Ф. Ф. Ушакова, состоявшая из 10 линейных кораблей, шести фрегатов и двух десятков малых судов³.

28 августа 1790 г. русские обнаружили флот капудан-паши Хусейна, стоявший на якорях вблизи острова Тендра. Согласно отчету Ф. Ф. Ушакова, в распоряжении неприятеля были силы «в числе 14 больших линейных кораблей, восьми фрегатов» и чуть больше двух десятков «отборных из... разного сорта судов»⁴. Турки, пытаясь уйти, перерубали якорные канаты. Стремясь использовать внезапность и не дать противнику подготовиться, Ф. Ф. Ушаков в нарушение правил атаковал неприятеля, не меняя походного построения, и создал угрозу его арьергарду. В результате капудан-паша был вынужден развернуть свои корабли к русским, что дало им время перестроиться в боевой порядок и лечь на параллельный курс, заняв при этом выгодное наветренное положение.

В 15 час. Ф. Ф. Ушаков атаковал турок, сосредоточив массированный огонь на флагманском корабле. Через два часа строй эскадры противника нарушился. Бой прекратился только после наступления темноты, но утром русские продолжили преследование османов, отходящих к Константинополю (Стамбулу). Эта «погоня», как писал Ушаков в своем отчете, «продолжалась до 8 часов пополудни, в которое время флот неприятельский в рассуждении легкости судов отделился уже вперед и при темноте ночной закрылся из виду»⁵. Только в ходе преследования турки потеряли несколько кораблей, в том числе в плен попал 66-пушечный линейный корабль с символическим названием «Владыка морей» («Мелеки-Бахри»). Взятый «в два огня» турецкий флагман — 74-пушечный «Капудание» — получил страшные повреждения, лишился всех мачт и загорелся. Подоспевшая к нему русская шлюп-

¹ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 164.

² РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 91. Л. 3.

³ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 166, 258.

¹ Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 167.

² Там же. С. 171.

³ РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 91. Л. 12.

⁴ История города-героя Севастополя... С. 45; РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 91. Л. 12.

⁵ РГА ВМФ. Ф. 197. Оп. 1. Д. 91. Л. 13.

ка забрала адмирала Саид-бея и нескольких офицеров. Вскоре судно взорвалось. Русские моряки успели спасти 81 члена экипажа¹.

В общей сложности в сражении при Тендре турки потеряли 14 линейных кораблей, восемь больших фрегатов и 23 малых судна². Это значительно превышало силы самой севастопольской эскадры.

Блокада Дуная позволила России 11 декабря 1790 г. овладеть крепостью Измаилом — ключом обороны турецкой границы. В ходе штурма важнейшую роль сыграли корабли Дунайской гребной флотилии — 34 судна, 48 казацких лодок и несколько десантных судов, состоявших под командованием генерал-майора О. М. де Рибаса. Корабли самостоятельно сбили турецкий заслон в устье Дуная, уничтожили практически всю Дунайскую флотилию османов (210 судов потоплено и сожжено, 119 захвачено), блокировали Измаил вдоль берега и приняли активное участие в его штурме. Впоследствии О. М. де Рибас стал основателем Одессы — главного торгового порта России на Черном море.

Несмотря на ряд тяжелых поражений, Турция, испытывавшая поддержку стран Запада, не выходила из войны. Требовались действия, которые заставили бы ее элиту принять это трудное решение. В итоге русская армия перенесла военные действия за Дунай, что угрожало уже коренным территориям Османской империи. Русский флот должен был нанести поражение неприятелю на Черном море, перевесив тем самым соотношение сил в пользу России, что делало продолжение Турцией войны за Северное Причерноморье бессмысленным.

31 июля 1791 г. у мыса Калиакрия (северо-восточное побережье современной Болгарии) эскадра Ф. Ф. Ушакова (16 линейных кораблей, два фрегата, два бомбардирских корабля, 19 малых судов), крейсируя вдоль берега, обнаружила противника. Эскадра под командованием капудан-паши Хусейна состояла из 18 линейных кораблей, 17 фрегатов и 43 малых судов. Русские, не перестраиваясь из походного положения в боевое, заняли позицию между судами противника и берегом, с которого по ним открыли огонь неприятельские батареи. Тем самым Ф. Ф. Ушаков, во-первых, отрезал суда капудан-паши от материка, где по случаю религиозного праздника находилась часть личного состава его экипажей; во-вторых, занял выгодное наветренное положение и перестроился под огнем неприятеля в боевой порядок — кильватерную линию параллельно неприятельскому флоту. Турки, обрубив якоря, стали спешно формировать боевое построение. Однако из-за внезапности появления русских и спешки некоторые суда сталкивались и уже на этом этапе получали повреждения.

Место авангарда турецкого флота заняли корабли алжирской эскадры во главе с опытным флотоводцем, известным в прошлом средиземноморским корсаром адмиралом Саид-Али. За ними двигались основные силы флота под началом капудан-паши Хусейна.

Сражение длилось три часа. В ходе него Ф. Ф. Ушаков на своем корабле, нарушив правила, вышел из строя, атаковал флагман неприятеля и вывел его из боя. Затем русские нанесли удар по второму флагманскому кораблю. Потеря турками командования привела к их поражению. Чтобы достичь перевеса, Ф. Ф. Ушаков использовал часть резерва. Вторую его половину он отправил преследовать разгромленного неприятеля, который в преддверии темноты стал отступать к Босфору фактически без всякого порядка, «стесненной кучей»¹.

Османские суда, появившиеся в столице своей империи, пребывали в самом жалком состоянии. Добравшийся до города израненный в бою при Калиакрии флагманский корабль командира алжирской эскадры Саид-Али среди ночи стал тонуть. Имея на борту почти полтысячи убитыми и ранеными, он пытался привлечь внимание огнем орудий, чем страшно напугал жителей. Настроения в Константинополе (Стамбуле) были близки к массовой панике. Буквально ни у кого не было сомнения, что в самом скором времени русские захватят город. В итоге Порты пошла на заключение мира.

Одна из самых блистательных побед в истории русского флота обошлась севастопольской эскадре ничтожными потерями: 17 убитых и 27 раненых. Повреждения эскадры были настолько незначительными, что ремонт кораблей занял всего три дня. За победу при Калиакрии Ф. Ф. Ушакова наградили орденом Св. Александра Невского. В 1793 г. он получил чин вице-адмирала².

В ходе ведения войны Ф. Ф. Ушаков отказался от многих правил того времени, построенных на линейной тактике (кильватерного строя), соблюдение которой было неукоснительным требованием. Он создавал отряд из кораблей резерва (иногда даже два); использовал перестроение судов в бою без соблюдения тактического номера; начинал сражение из походного состояния (три колонны); часто прибегал к маневру; организовывал массированную атаку на флагманский корабль неприятеля, выводя его из боя и нарушая построение флота и управление им; предоставлял широкую инициативу капитанам кораблей в развитии достигнутого успеха. Кроме того, русский адмирал умел находить неожиданные варианты решения, которые кардинально меняли далеко не всегда благоприятное положение дел в пользу его флота.

Русско-турецкая война 1787–1791 гг. была первой войной российского Черноморского флота. Именно в результате нее Россия стала черноморской державой, а Севастополь превратился в главную черноморскую военно-морскую базу.

По завершении войны с Турцией Черноморский флот был усилен. По новому расписанию его штат должен был состоять из 15 линейных кораблей, 18 фрегатов, трех катеров и около 140 гребных судов, а также необходимого числа транспортов и кораблей обеспечения³.

¹ Черноморский флот России... С. 44.

² Чернышев А. А. Великие сражения русского парусного флота. С. 176.

¹ Черноморский флот России... С. 45.

² Золотарев В. А., Козлов И. А. Флотоводцы России. С. 103, 184.

³ История города-героя Севастополя... С. 48.

В конце XVIII — начале XIX в. Севастополь заметно преобразился. Спустя всего несколько десятков лет его было уже не узнать. «Подъезжая к нему, — сообщал очевидец, — с северной стороны вид города наилучший. По скатам холма, образующего полуостров, омываемого двумя заливами и прилегающего к большой рейде, дома кажутся издали поставленными один на крыше другого. Они большей частью в один этаж, белые с красными черепичными крышами, простой, правильной архитектуры и украшены палисадниками с плодоносными деревьями. Вид моря и кораблей, входящих и выходящих из гавани, зрелище множества шлюпок, бегающих взад и вперед по заливу, пальба из пушек, музыка, барабанный бой, грозный вид крепостей и шум, стук и крик в Адмиралтействе придают городу отличный характер. Путешественник, проезжая пустынные степи, безлюдные, молчаливые города, изумляется нечаянным появлением военного порта, оживленного деятельным многолюдством»¹.

После того как Ф. Ф. Ушаков покинул Севастополь навсегда, военно-морская база, несмотря (а порой и вопреки) метаморфозам политического курса правителей страны, продолжала свое развитие. В апреле 1805 г. в город прибыл О. П. Амосов, представитель целой династии российских кораблестроителей, под началом которого возвели первый стапель в Адмиралтействе². С него в январе 1810 г. сошел и первый крупный корабль, построенный в Севастополе, 18-пушечный корвет с говорящим названием «Крым»³.

В 1804 г. Севастополь был назначен главным военным портом России на Черном море. Вследствие этого из него была выведена таможня, а купеческим судам запрещена любая торговля⁴. Указом 20 марта 1805 г. вся власть в Севастополе (и военная, и гражданская) была сосредоточена в руках командующего Черноморским флотом: «Севастополь — город, уезда не имеющий... принадлежит адмиралтейскому ведомству, начальствующий Черноморским флотом есть ононого военный губернатор»⁵.

При этом город продолжал оставаться в первую очередь военно-морской базой, отчего подавляющую часть его жителей составляли «люди служилые» из числа «матросов и солдат разных названий» — около 20 000 человек⁶. Число «статских» было невелико. В 1804 г. официально их насчитывалось всего 350 человек («172 мужеска и 178 женска пола»)⁷.

Помимо своей портовой и городской функции, Севастополь с самого начала исполнял роль военно-морской крепости, призванной сберечь и флот, и город. К 1787 г. укрепления были воздвигнуты на северной стороне бухты (Северное укрепление), две батареи (Константиновская и Александровская) установлены по сторонам при входе в Большую Ахтиарскую бухту. Еще восемь батарей расположили по ее берегам¹.

В 1786 г. был готов и доложен Г. А. Потемкину обстоятельный проект строительства Севастополя на ближайшие 10 лет², но начавшаяся война с османами заставила пересмотреть эти планы. Реализация проекта легла на плечи Ф. Ф. Ушакова, сменившего в 1789 г. М. И. Войновича на посту командующего севастопольской эскадрой. К этому моменту город не приобрел ничего сверх того, что было построено еще при Ф. Ф. Мекензи³. Благодаря усилиям Ф. Ф. Ушакова (в том числе и до его назначения на пост командующего) Севастополь и жизнь в нем заметно преобразились.

Вместе с Ф. Ф. Ушаковым активное участие при разработке новых планов по созданию системы обороны города, а также их воплощению в жизнь сыграл прибывший в Севастополь в феврале 1793 г. А. В. Суворов. Благодаря их усилиям к началу правления Павла I (1796 г.), остановившего военное строительство в гавани, здесь уже стояло восемь береговых батарей: четыре именных (Константиновская, Александровская, Николаевская и Павловская) и четыре номерных (№ 1, 2, 4, 5). Все они были расположены на мысах с теми же названиями. Это были земляные временные укрепления, в основном открытые. Батареи № 2 и 3, находившиеся на северном берегу бухты, и Николаевскую на южном устроили в виде редутов. Кроме того, за Константиновской батареей для прикрытия ее и батареи № 1 стояло на возвышенности обширное земляное укрепление. Работы велись в тяжелейших условиях: необходимо было взрывать и выламывать куски скал. Только при строительстве Александровской батареи «одними минами было подорвано свыше 500 кубов земли»⁴. Путешественник, посетивший город в 1799 г., записал, что «приближение к нему по бухте защищено огромными батареями, которые, равно и пристань, сделаны из белого камня довольно искусно»⁵.

Впрочем, планы по сооружению мощных фортов и батарей, намеченные А. В. Суворовым и Ф. Ф. Ушаковым, не были осуществлены полностью. Реализация задуманного продолжилась в XIX в., в первую очередь при М. П. Лазареве, занявшем в 1832 г. должность начальника штаба, а в 1834 г. — главного командира Черноморского флота. Впоследствии форты (равелины) Севастополя, задуманные еще в кон-

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295–295 об.

² Гаврилов Б. И. Черноморский флот и Севастополь в первой четверти XIX в. // Москва — Крым: историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 109–110.

³ Чернышев А. А. Российский парусный флот: справочник. М., 2002. Т. II. С. 33.

⁴ Хронологическое обозрение истории Новороссийского края. 1730–1823 годы / сост. А. Скальковским. Одесса, 1838. Ч. II: С 1796 по 1825. С. 73; Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века как международный порт // Крымский архив. 1997. № 3. С. 10.

⁵ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19065. Л. 3.

⁶ Там же. Д. 19062. Л. 295 об.

⁷ Там же. Л. 28.

¹ История города-героя Севастополя... С. 34.

² Рапорт Н. Н. Корсакова Г. А. Потемкину о плане застройки Севастополя, рассчитанном на 10 лет // Исторический архив. 1997. № 2. С. 206.

³ Головачев В. Ф. История Севастополя как русского порта. С. 188.

⁴ Спиридонова И. К. Роль А. В. Суворова в создании Севастопольской крепости... С. 7–9.

⁵ Сумароков П. И. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 году. Симферополь, 2012. С. 121.

це XVIII в., сыграли важную роль во время героической обороны города периода Крымской (Восточной) войны 1853–1856 гг.

Со смертью Екатерины II и приходом к власти Павла I Севастополь оказался в опале. Император, противоречивая натура которого была склонна к резким (порой истеричным) решениям, стремясь отказаться от наследия матери, приказал переименовать город. В итоге мощный военно-морской порт, прославивший себя победами и уже вошедший в историю под именем Севастополь, почему-то стал именоваться Ахтиаром, по названию маленькой татарской деревушки, некогда стоявшей на берегу его бухты¹.

После смерти Павла I указ о переименовании отменен не был. Однако, как отмечает современник, не только местным населением и корабельными службами, но даже «со стороны же морского и гражданского ведомства оный называется обыкновенно Севастополем». Впрочем, многие годы игнорирование царского решения никого не удивляло. Лишь в 1825 г. (иными словами, спустя четверть века после смерти Павла I) командование Черноморского флота обратилось в Министерство внутренних дел с предложением, чтобы город именовался Севастополем «всеми вообще», т. е. во всех официальных документах, где присутствовали разные его обозначения, но при доминировании названия, данного Екатериной II.

Судя по тексту письма, вопрос этот считался сугубо формальным, так как город (во всяком случае, в Крыму и на флоте) не менял своего имени. Однако в Петербурге вызнал чиновный порядок. Из МВД пришло письмо, в котором не без ноток возмущения присутствовало настоятельное требование сообщить «сведения, когда именно и по каким обстоятельствам город Ахтиар переименован в Севастополь, присовокупить к тому копию с того повеления». Глава ведомства не мог понять, на каком основании высочайший указ не был выполнен и Севастополь все эти 25 лет носил упраздненное имя. Предполагалось, что, возможно, было какое-то высшее решение, на основании которого жители и вернулись к прежнему наименованию².

Флотские власти были вынуждены отправить запросы. В ответ на них начальник архива Черноморского департамента сообщил 1 декабря 1825 г., что «о переименовании Ахтиара в Севастополь никакого дела в архиве нет, а уповательно оное в архив не отколь не поступило». Тогда просьба разобраться с названиями ушла в Севастопольский городской магистрат, который «обще с думою» сообщил 5 декабря 1825 г., что город именовался Севастополем по решению Екатерины II от 1784 г. О переименовании его официально в Ахтиар в данной бумаге даже не упоминалось, будто такового никогда и не было. В подтверждение своих слов к рапорту работники магистрата приложили пространный и аккуратно переписанный указ великой императрицы³.

¹ Расписание губернским и уездным штатным городам, по новому разделению губерний, устроенным с показанием расстояния от обеих столиц и от губернского города. Отд. 2. СПб., [б. г.]. С. 3.

² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 1829. Л. 2–2 об.

³ Там же. Л. 7–10.

Следуя пришедшему сверху распоряжению, севастопольский военный губернатор вице-адмирал А. С. Грейг обратился к «флотскому в Севастополе начальнику» с требованием выяснить, как именовали город в делах конторы Севастопольского порта. На это был получен следующий ответ: «...с 1790 по 1806 год писано было от разных мест — контора Ахтиарского и Севастопольского порта, а с 1806 г. и по сие время — контора Севастопольского порта». Ниже составители отметили, что и у них «особого же повеления о переименовании Ахтиара Севастополем в делах архива нет».

Таким образом, в истории города складывалась парадоксальная ситуация. Не только жители Севастополя и служащие флота, но и многие другие связанные с городом и морем люди не приняли царского изменения. Город всегда именовался Севастополем. Приблизительно до 1806 г. два обозначения в той или иной степени существовали параллельно, но затем Ахтиар был вытеснен. Можно предположить, что по завершении переписки Черноморского флота и МВД (т. е. примерно в 1826 г.) городу было официально возвращено его историческое имя. Однако, по сути, Севастополь от него никогда не отрекался и никогда его не утрачивал.

§ 5. Социально-экономическое развитие Крыма после присоединения к России (конец XVIII в.)

П. Н. Марциновский

Важнейшие события в историческом сознании почти всегда связаны с определенной датой: днем, месяцем или годом провозглашения нового состояния общества. Это состояние обретает документальную форму, которая порой фиксирует уже сложившееся, состоявшееся положение вещей или предвосхищает события и выдает желаемое за действительное.

Присоединение Крыма к России произошло не в одночасье. Манифест от 8 апреля 1783 г. стал итогом не только столетней борьбы с Османской империей за Северное Причерноморье, но также результатом экономического освоения полуострова. Такая возможность появилась благодаря убедительной победе в очередной Русско-турецкой войне 1768–1774 гг., что и было зафиксировано Кючук-Кайнарджийским мирным договором от 10 июля 1774 г.¹ Однако еще до заключения «большого» мирного договора с Турцией, всего через полтора месяца после занятия Крыма войсками В. М. Долгорукова, 12 августа 1771 г. Сенату был дан указ «О дозволении желающим ехать в Крым с хлебом и другими съестными припасами и продавать оные там беспощинно»², в котором говорилось о том, что коль скоро все крымские татары и сам хан приняли покровительство России, то все желающие могут торговать в Крыму совершенно свободно. Право беспрепятственной хозяйственной деятельности для русских в Крыму и татар в России

¹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 19. № 14164. С. 957.

² Там же. № 13636. С. 294.

было подтверждено уже в начале 1773 г. в пункте 12 условий мирного и союзного договора между Российской империей и Крымским ханством¹. Несмотря на то что впереди были еще кампания 1773 г., осада Силистрии, битвы при Кайнарджи и Козлуджи, морские сражения у Балаклавы и Суджук-Кале, и хотя после заключения мира Турция не оставляла Крым в покое, по крайней мере до заключения Ясского мирного договора в 1791 г.², путь к экономическому освоению полуострова был открыт.

Поэтому когда в октябре 1783 г. новороссийский генерал-губернатор Г. А. Потемкин поручил одному из первых администраторов Таврической области барону О. А. Игельструму собрать все возможные сведения о хозяйственном состоянии полуострова, картина экономической жизни уже была несколько иной, нежели во времена османского владычества.

Поручение Г. А. Потемкина было исполнено без задержки, и уже в июне 1784 г. барон О. А. Игельстром представил ему «Регистр разным письмам, изъясняющим состояние Крымского полуострова, и какое было в оном течение дел земских с 16 августа 1783 года»³.

12 пунктов этого Регистра (из 63) были посвящены описанию доходов, получаемых ханом. При последнем крымском хане Шагин-Гирее откупная система охватила все возможные источники дохода. Эти источники не были постоянными, откупы укрупнялись, разукрупнялись, обязательства по ним исполнялись не всегда, сказывалась слабость контроля над откупщиками.

Но дело было не только в контроле. Финансовый аппетит последнего крымского хана, стремившегося как можно быстрее «европеизировать» крымских татар, превышал все возможности ханства. Шагин-Гирей не был популярен и в том числе поэтому не мог рассчитывать на своих подданных в полной мере. Основные откупы переходили к русским купцам, что ставило ханство в еще большую зависимость от России, но к существенному увеличению доходов не приводило. Новые откупщики просто не могли заплатить больше. Возникали долги.

Вся доходная часть бюджета Крымского ханства в 1777 г. составила 273 050 рублей, в том числе 231 500 рублей должны были заплатить русские откупщики. В 1778 г. доходы ханства должны были составить 263 350 рублей, и значительная часть откупов по-прежнему принадлежала русским купцам.

Подводя итоги всем доходам Крымского ханства к моменту присоединения Крыма к России, барон О. А. Игельстром выводит сумму в 345 612 рублей 50 копеек в год⁴. Однако, на наш взгляд, это является слишком большим допущением, поскольку в этой цифре, видимо, суммированы все максимальные доходы, даже те, которые в иные годы не собирались.

¹ ПСЗ-I. Т. 19. № 13943. С. 708.

² Там же. СПб., 1830. Т. 23. № 17008. С. 287.

³ Камеральное описание Крыма 1784 г. Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1897. № 2. С. 20–30; № 3. С. 36–64.

⁴ Там же // ИТУАК. 1897. № 2. С. 29.

После учреждения в 1784 г. по указу Екатерины II Таврической областной казенной палаты доходы и расходы были систематизированы и отражались в соответствующих отчетах. Поначалу структура доходов была либеральной по отношению к населению, не испытывавшему в то время почти никакого фискального давления. Платили за выпас в перекопской степи скота да за отданные на откуп казенные строения. Совсем немного казна собирала с разного рода прошений, за восковые печати и гербовую бумагу. Приходилось платить некоторую пошлину слугам государевым за повышение в чинах. Еще меньше стоило продавать говяжье и баранье мясо, сальные свечи и бузу. Стоит разве что упомянуть пошлину с продажи горячего вина, составившую в 1787 г. 4888 рублей 09 копеек. Основу же составляли продажа соли и таможенные сборы. Структура податей от года к году менялась.

Таблица 1

Доходы казны по Таврической области (в рублях)

Годы	1787 ¹	1788 ²	1789 ³	1790 ⁴	1791 ⁵
Общая сумма доходов	110 346,97	110 478,01	107 376,02	139 659,58	143 406,64
Годы	1792 ⁶	1793 ⁷	1794 ⁸	1795 ⁹	1796 ¹⁰
Общая сумма доходов	292 092,48	371 853,91	614 664,67	493 316,75	582 620,21

Негативным образом на рост доходов повлияла Русско-турецкая война 1787–1791 гг., что сказывалось не только на таможенных сборах, но и на общей сумме. Не удавалось в полной мере собирать подати с купеческих капиталов, мещан и цеховых, поскольку в связи с войной некоторые плательщики покидали Крым или поступали на воинскую службу. Росли недоимки. Количественный рост купечества происходил в основном за счет перехода в это сословие из других, с незначительными капиталами. Между тем доля окладных поступлений росла, особенно по статье питейного откупа, делавшего областной бюджет «алкогольным»¹¹. Доходы от питейного откупа росли стабильно и ежегодно. Больше в казну приносила только продажа соли, каким бы образом она ни была организована.

¹ ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 8. Л. 2–8; Д. 236. Л. 6–11.

² Там же. Д. 72. Л. 2–3; Д. 236. Л. 76–82.

³ Там же. Д. 72а. Л. 2–4; Д. 236. Л. 152–159.

⁴ Там же. Д. 126а. Л. 2–4; Д. 236. Л. 226–231.

⁵ Там же. Д. 166. Л. 1–32; Д. 166а. Л. 4–7.

⁶ Там же. Д. 205. Л. 2–11.

⁷ Там же. Д. 255. Л. 3–15.

⁸ Там же. Д. 333. Л. 37–58.

⁹ Там же. Д. 424. Л. 2–8.

¹⁰ Там же. Д. 515. Л. 2–14.

¹¹ Там же. Д. 166. Л. 4–6.

Таблица 2

Купцы и мещане в 1788–1793 гг.

Годы	1788 ¹		1789 ²		1790 ³		1791 ⁴		1792 ⁵		1793 ⁶	
	Количество, душ	Капитал, руб.	Количество, душ	Капитал, руб.	Количество, душ	Капитал, руб.	Количество, душ	Капитал, руб.	Количество, душ	Капитал, руб.	Количество, душ	Капитал, руб.
Купцы	881	490 551	875	452 573	893	496 558	977	580 593	1025	572 846	1045	722 411
Мещане и цеховые	5087		5087		5186		5139		5865		6175	

В связи с военным временем не приносили доход и таможи, ограничиваясь сборами за гербовую бумагу и штрафами за незаконный провоз горячего вина. Впрочем, и по питейному откупу за 1789, 1790 и 1791 гг. накопилась недоимка в размере 30 000 рублей. Налог за выпас скота в перекопской степи, сохранившийся еще с ханских времен, собирался Таврической областной казенной палатой с жителей Екатеринославского наместничества и Таврической области.

Нужно сказать, что недоимки, как правило, не накапливались. Плательщики, допустившие долг перед казной, рассчитывались в основном в следующем году. Исключение составляли случаи, когда податная нагрузка резко возрастала или менялся принцип извлечения дохода.

Трудно сказать, когда фискальные органы империи смогли бы превзойти уровень доходной части бюджета Крымского ханства, если бы не война. Однако уже в 1792 г. этот уровень был превышен, а в 1793 г. он уже был больше даже чересчур смелых цифр барона О. А. Игельстрома. Это было связано не только с ростом потребления горячительных напитков и открытием огромного русского рынка для продажи крымской соли, но и с изменением самой структуры извлечения государственных доходов. Податная база непрерывно расширялась, вводились новые подати, детализировались старые, постепенно завершались высочайше дарованные льготные периоды.

Наиболее крупными плательщиками податей были купцы и мещане, перепись которых началась 15 марта 1788 г. Купцы платили 10% с капитала. Мещане и цеховые платили по 1 рублю 20 копеек с души. Конечно, в течение года имели место как горизонтальные, так и вертикальные миграции. Купцы и мещане переселялись из одних губерний в другие. Некоторые купцы разорялись и переходили в разряд мещан, перемещались между гильдиями. К 1793 г. только 15 человек из купеческого сословия относились к первой гильдии и 30 человек ко второй¹. К третьей гильдии принадлежали все остальные, что, безусловно, свидетельствовало о преобладании в Таврической области мелкой торговли. Мещан становилось больше за счет вольно записавшихся.

Особенно много таких миграций происходило в 1791–1792 гг., что стало следствием военного времени. В 1793 г. несколько увеличилось количество плательщиков податей за счет некоторых категорий мещан, государственных, дворцовых, экономических крестьян, казаков и магистратских посполитых, которые ранее в список плативших не входили. Впрочем, эти чуть более 400 душ плательщиков должны были принести немного больше 200 рублей. В то же время в соответствии с высочайшим указом от 5 января 1792 г. некоторые купцы «римского закона» были от подати освобождены. И этим воспользовались не только переселившиеся из других губерний, но и местные. Вообще, освобожденных от податей было существенно больше: крестьяне, переселенные из других наместничеств и прибывшие из-за границы, воинские малороссийские поселяне, казаки, магистратские посполитые, мещане и государственные крестьяне, прибывшие из Польши русские, украинцы,

поляки, венгры, грузины, сербы, греки, волохи, прибывшие из Молдавии русские и украинцы; подведомственные римско-католическому суду купцы и мещане, католики, армяне, греки и священнослужители; отставные солдаты, выслужившие 25 лет; татары. Льготные периоды для этих категорий подданных заканчивались в разное время: в 1793, 1797 гг., до особого распоряжения или были бессрочными⁷. В 1795 г. казенная палата рассчитывала получить податей на сумму 65 579 рублей⁸, что составляло чуть более 13% всех казенных доходов.

Таким образом, доходы казны ежегодно росли в основном за счет четырех источников: доходов от питейного откупа, продажи соли, таможен и расширения базы окладных доходов. Общая картина казенных доходов, наличия или отсутствия недоимок хорошо иллюстрирует развитость государства, его умение оптимально извлекать средства населения для содержания и развития государственной машины. Однако этот индикатор сиюминутен и отражает уже сделанное, приносящее плоды сегодняшнего или вчерашнего дня в виде растущих цифр и показателей. И хотя российская система управления хозяйством была существенно прогрессивнее принятой в Крымском ханстве, поводов почивать на лаврах было немного. Экономический облик полуострова менялся медленно, и Россия столкнулась в Крыму с целым рядом задач, решение которых потребовало длительного времени и ресурсов, сопровождалось многочисленными ошибками и неудачами.

Важнейшей из этих задач было формирование приемлемой как для империи, так и для местного населения структуры землевладения и землепользования.

¹ ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 205. Л. 292–293.

² Там же. Л. 294.

³ Там же. Л. 308.

⁴ Там же. Л. 294–296.

⁵ Там же. Л. 297–298.

⁶ Там же. Л. 178, 474.

⁷ Там же. Д. 166. Л. 80–85.

⁸ Там же. Д. 205. Л. 191–195.

¹ ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 208. Л. 42.

Наиболее важным в экономическом смысле процессом стало перераспределение земельной собственности.

До присоединения Крыма к России крупнейшим собственником земли в Крыму был турецкий султан. Ему принадлежал весь Южный берег Крыма, Керченский полуостров, вся горная часть Крыма — от Инкермана до Феодосии, включая северный склон, Судакский округ. Другим крупным землевладельцем был хан. Ему принадлежали соленые озера, леса по течению рек Салгира, Альмы, Качи, поселения, находящиеся на этих и других территориях. Часть этих земель входила в ханский домен, другая часть считалась государственной собственностью, однако эти различия были чисто теоретическими. Все остальные земли ханства принадлежали крымским феодалам или представляли собой другие, зачастую оригинальные, формы крымско-татарского землевладения, наподобие джемаата или вакуфа.

Процесс перераспределения земельной собственности в Крыму затянулся на несколько десятилетий, пройдя несколько этапов. Понятно, что владения турецкого султана и хана автоматически перешли в царскую казну, однако эти земли не пустовали, и российское правительство, стремясь завоевать симпатии крымских татар и сохранить статус-кво, оставило их в свободном владении местного населения без различия звания и состояния. Однако изменение политического статуса Крыма привело к массовой эмиграции, в основном зажиточной части крымских татар в Турцию. К тому же пустовавшими оставались земли, оставленные более чем 30 тыс. христиан, выселенных в 1778 г. в Северное Приазовье. Образовался огромный массив незаселенных земель, что явно противоречило основным задачам освоения полуострова Российской империей.

Царское правительство старалось содействовать помещицкой колонизации Крыма. С 1784 по 1797 г. значительные земельные пожалования, всего около 288 тыс. десятин, получили члены императорской фамилии, князь Г. А. Потемкин, русские дворяне и татарские мурзы. Первые поместья располагались в долинах рек Салгира, Альмы, Качи, Бельбека.

Наиболее благоустроенными поместьями, возникшими в 1780-е гг., являлись имения князя Г. А. Потемкина, академика П. С. Палласа, принца К.-Г. Нассау-Зиген (первого владельца Массандры), графа Н. С. Мордвинова¹. В январе 1787 г. Г. А. Потемкин одним коротким ордером повелел правителю Таврической области В. В. Каховскому выделить земли для дач полковнику П. С. Волховскому и еще двум лицам близ Феодосии, полковнику Иосифу Дерibasу (О. М. де Рибасу) близ Ялты и секунд-майору Эммануилу Дерibasу (Э. М. де Рибасу) на реке Альме². В июне 1787 г. было велено отмежевать свыше 4 тыс. десятин земли на реке Салгир бригадиру и кавалеру В. С. Попову³. Дача Суук-Су в Феодосийском уезде площадью почти

1,7 тыс. десятин была выделена Я. А. Фабру, директору казенных садов и отцу будущего таврического губернатора А. Я. Фабра¹. В Феодосийском уезде получил свои 15 десятин с садом и коллежский советник Карл Габлиц². Среди многочисленных обладателей новых земель было немало иностранцев, случайных людей и тех, кто, получив землю, просто не имел средств как-либо ее использовать. К 1802 г. было бесплатно роздано более 350 тыс. десятин земли.

Земли не просто раздавались всем желающим, но предлагались в административном порядке. Так, в феврале 1787 г. господам председателям, членам и секретарям, находящимся в присутственных местах, было предложено взять порожние земли и сады из числа принадлежащих казенному ведомству и подать в этой связи соответствующие прошения, в которых указать, где именно и сколько десятин нужно³. Земля выделялась соразмерно степеням и служебным заслугам⁴.

Таблица 3

Пошлины с планов обмежеванных и розданных помещикам земель

1791 г. ⁵			1792 г. ⁶			1793 г. ⁷		
Десятин	Квадратных сажений	Сумма, руб.	Десятин	Квадратных сажений	Сумма, руб.	Десятин	Квадратных сажений	Сумма, руб.
21 803	911	654,10	14 288	1192	428,60	55 908	1268	1677,57

Массовая раздача земель в условиях трансформации системы землевладения и землепользования, перемещения значительного количества населения, отсутствия строгой системы учета, совершенно разных традиций у разных народов и сословий в меняющемся Крыму просто не могла не привести к большому количеству земельных конфликтов и споров. Для русских помещиков татары не были каким-то экзотическим народом, они были «своими», хотя и недавно присоединенными. Поэтому привыкшие наслаждаться крепостным правом «графы и кавалеры» не понимали, с какой стати этим татарам предоставлять какие-то особые привилегии. Татарские мурзы, внезапно ставшие русскими дворянами, как часто бывает в таких случаях, стремились быть «святее папы римского» и изо всех сил пытались превратить татар в русских крепостных. Рядовые татары, не вполне понимавшие пределы своих прав и собственности, не понимали также, как можно жить иначе, чем они жили до сих пор. И все это в условиях, когда императрица Екатерина II неод-

¹ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства (раздел VI. В составе Российского государства: конец XVIII — начало XX в.) // Крым сквозь тысячелетия. Симферополь, 2004. С. 359–391.

² ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.

³ Там же. Д. 179. Л. 2.

¹ ГАРК. Ф. 792. Оп. 1. Д. 71. Л. 26.

² Там же. Л. 37.

³ Там же. Ф. 799. Оп. 1. Д. 101. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

⁵ Там же. Ф. 792. Оп. 1. Д. 166. Л. 88.

⁶ Там же. Д. 205. Л. 175.

⁷ Там же. Л. 234.

нократно требовала сохранять в неприкосновенности традиции и собственность «всех жителей Тавриды»¹. Обилие жалоб на земельные обиды вызвало довольно активную переписку высших чиновников, завершившуюся высочайшим рескриптом от 17 сентября 1796 г. в адрес П. А. Зубова, где покровительство и привилегии Крыму были вновь подтверждены императрицей². Впрочем, ровно через два месяца Екатерины II не стало, и комиссия при Таврическом областном правлении была создана по ее повелению, но уже без нее.

Было бы неверным полагать, что в земельной сфере в Крыму царил полный хаос. Земли, сады, виноградники считались и пересчитывались, измерялись и перемерялись, составлялись реестры и списки в разных формах и степенях детализации, вплоть до отдельного виноградного куста, комиссия для разбора земельных споров старалась тем или иным способом урегулировать все дела и разрешить все споры, несмотря на их поистине огромное количество. Комиссии предписывалось всегда выезжать на место, дабы своими глазами видеть предмет спора, по прибытии истребовать доказательства, в соответствии с которыми обосновывается право на владение: как письменные документы, в том числе грамоты, жалованные от крымских ханов, так и другие доказательства, подтвержденные «достоверными свидетелями под присягой»³. Доказательства необходимо было беспристрастно рассмотреть, расследовать, сделать заключение и со своим мнением представить каждое дело управляющему Новороссийской губернией графу М. В. Каховскому. Комиссии предписывалось стараться склонять участников тяжбы к полюбовному разделу, предлагать пострадавшим равноценную замену и о результате также докладывать⁴.

Однако в первые полтора десятилетия после присоединения Крыма к России создать систему эффективной земельной собственности, которая служила бы стабильной основой экономического роста, так и не удалось.

Подтверждают это и сведения о посевах и урожаях зерновых культур. Посевные площади невелики, урожайность нестабильна, равно как и структура возделываемых культур, и лишь отдельные признаки позволяют увидеть некоторый рост земледельческого населения полуострова.

К концу XVIII в. Крымский полуостров оставался малонаселенным краем, всего около 170 тыс. жителей, а численность населения Южного берега Крыма на рубеже XVIII–XIX вв. в пределах береговой полосы между Балаклавой и Феодосией (около 150 км) не превышала 3 тыс. человек, которые занимались преимущественно разведением плодовых деревьев и собирательством.

Крым, будучи присоединенным к России в результате длительной борьбы с Османской империей и став важнейшей составляющей безопасности южных границ, был окружен также романтическими представлениями о новой русской мечте,

своем собственном средиземноморском мире, делавшем воспоминания об истоках православной греческой культуры совершенно зримыми и материальными. Однако практическое воплощение этой мечты требовало немалых усилий, кажущихся иногда авантюрными и очень нескоро дававших сколько-нибудь значимый экономический эффект. Эта работа нуждалась в могущественных романтиках, первым из которых, безусловно, был Г. А. Потемкин, чьи начинания были сколь многообразными, столь и бессистемными, что, впрочем, вполне естественно, если принимать во внимание масштаб решаемых задач.

Князь Г. А. Потемкин стал основателем крымского виноделия, пригласив в свои имения французских, итальянских, венгерских садовников и виноделов, поручив им закладку садов и виноградников, налаживание производства вина. Стремление развивать Крым легко не давалось. Начинания Г. А. Потемкина сталкивались с самыми разнообразными трудностями, в том числе кадровыми. В январе 1787 г. правитель Таврической области В. В. Каховский получил распоряжение Г. А. Потемкина об увольнении мастера Судакских казенных садов И. Банка «по неспособности»¹ и определении в этой должности и «в звание директора Садов в других местах Таврической области»² уроженца Екатеринославской губернии Якова Фабра с ежегодным жалованьем в 1200 рублей. И это было весьма неплохо, принимая во внимание ходатайство Карла Габлица, направленное в адрес правителя Таврической области С. С. Жегулина в начале сентября 1789 г. о повышении заводчику венгерского виноградного сада Штефану Оле жалованья с пяти до семи рублей в месяц, поскольку ему трудно содержать семью даже с учетом выделяемого ему казенного провианта³. Интересно, что жалованье сторожа того же сада составляло три рубля в месяц⁴. Деньги выплачивались нерегулярно и редко (один раз в четыре месяца), но жалованье венгерскому виноградарю все-таки повысили⁵.

Карл Габлиц пытался выращивать кунжут, выписывая семена из Турции и Персии, и, проведя соответствующие опыты, предлагал вознаграждать земледельцев по рублю с пуда выращенных ими семян⁶. Предпринимались попытки выращивать различные сорта пшеницы, в том числе египетской, разводить шелковичные деревья, однако многие начинания оказались невыполненными.

Уже в декабре 1796 г. Таврическая область была ликвидирована, крымские города переименованы, а новый император Павел I старался вычеркнуть из жизни все, что было так мило сердцу его матушки. Хозяйство полуострова быстро приходило в упадок. В феврале 1798 г. император отреагировал на это манифестом «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего острова и приезжающим туда иностранцам»⁷. Этим

¹ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 3.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Ф. 26. Оп. 12. Д. 3. Л. 16.

⁴ Там же.

¹ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 100. Л. 1.

² Там же.

³ Там же. Оп. 3. Д. 110. Л. 11.

⁴ Там же. Л. 25.

⁵ Там же. Л. 39.

⁶ Там же. Ф. 801. Оп. 1. Д. 28. Л. 4.

⁷ ПСЗ-1. СПб., 1830. Т. 25. № 18373. С. 64.

манифестом разрешалось поселяться в Крыму всем, кому вообще приезд в империю дозволен; ввоз товаров через Феодосию и Евпаторию, их доставка по всему полуострову становились беспопшлинными, а приход судов — совершенно свободным. Малые пристани закрывались, таможи и заставы ликвидировались. Вместо них учреждались таможня в Перекопе и застава на Арабатской стрелке у Генической переправы, поскольку теперь товарооборот империи с полуостровом должен был осуществляться так же, как и с любым иностранным государством.

К счастью, не тронули карантин. Зараза из-за границы пугала всех. Манифест приглашал всех поработать на процветание Крыма, особенно греков как единоверцев. Купцам, мещанам, ремесленникам, художникам и всем, кто пожелает селиться в городах, было обещано бесплатное место для строительства домов и по 15 десятин земли на душу, а также возможность покупать все, что угодно, по дворянскому праву. Все поселяющиеся иностранцы освобождались на время действия порто-франко от всех податей и государственных повинностей, кроме необходимых для содержания городов и местной полиции.

Обещания были сказочными, однако особенно обращает на себя внимание пункт 4, разоблачающий, с одной стороны, разрушительную политику Павла I по отношению к полуострову, с другой же — для современного жителя Крыма звучащий преступно и святотатственно: «Восстановление приморских Наших городов Феодосии и Евпатории, более всех к отправлению торговли способствующих и в вящий упадок пришедших, обращает на себя особенное Наше внимание; и для того назначая из них Феодосию первенствующим пристанищем для приезжающих впредь под покровительство Наше Греков, яко потомков древних ея основателей, а Евпаторию для всех народов других наций, Всемилоостивейше устанавливаем, чтобы всем тем, кои в двух сих городах селиться пожелают, не только, по вышесказанному во 2 пункте, даны были там места под построение безденежно, но, по недостатку в тамошних местах строевых припасов, давать на первый случай из состоящих в горной части полуострова казенных лесов каждому на вырубку потребное число бревен со взысканием в казну Нашу умеренной за то платы — не более 25 копеек за бревно. Равномерно дозволяется поселяющимся в тех городах брать из оставшихся от прежних строений развалин, никому из частных людей не принадлежащих, готовый камень на созидание домов и прочего безденежно, сколько его там отыщется»¹.

В административном смысле манифест был исполнен. Приморские таможи ликвидированы, Перекопская таможня создана, чиновники ликвидированных таможен оказались, по сути, брошенными, судьба и без того редких крымских лесов, античных и средневековых строений предрешена. Однако экономический эффект порто-франко неплохо иллюстрирует письмо от 3 августа 1798 г. графа М. В. Каховского князю А. Б. Куракину, содержащее просьбы, предложения и озабоченности «акмечетского» дворянства². В письме говорится о том, что жители полуострова больше не могут выгонять скот на пастбища за Перекопом в начале лета,

а в зимнее время живущие за Перекопом скотоводы не могут пригонять скот и лошадей в теплый Крым на зимовку, что хлебопашество в Крыму ненадежно, а потому большую часть муки и других жизненных припасов люди покупают на деньги, вырученные от продажи соли, что количество фурщиков, прибывающих за солью, уменьшилось, а это наносит ущерб и казне, что продавать скот из-за Перекопа становится невыгодным, а за Перекопом дорожает соль. Дворянство обращалось с просьбой разрешить пропускать в Крым те продукты из России, которые никогда за границу не отправлялись и нужны лишь местным жителям и расквартированным в Крыму войскам: рожь, овес, крупы и различный молотый хлеб, свиное сало. Просили также пропускать овец, рогатый скот и лошадей, предлагали любые документальные подтверждения того, что все это послужит не спекуляции, а лишь выживанию жителей полуострова¹.

Как знать, доходили ли эти мольбы до императора, но в декабре 1799 г. Павел I подписал именной указ «Об оставлении до времени учреждения порто-франко на Таврическом полуострове и о бытии там по-прежнему Земскому Правлению наравне с прочими Губерниями»². Император ссылаясь на внешнеполитические причины такого решения, считая его не отмененным, а отложенным. Впрочем, мрачные времена для Крыма на этом не закончились, и новая страница в истории Крымского полуострова была связана уже с новым государем.

Таким образом, социально-экономическое развитие Крыма в конце XVIII в., в первые полтора десятилетия после присоединения к России, характеризовалось постепенной систематизацией государственного управления экономикой, состоящей в налаживании учета хозяйственной деятельности населения и попытках приспособления общероссийских правил к реалиям бывшего Крымского ханства. Даже частичное внедрение российской податной системы и включение полуострова в общее экономическое пространство привели к ежегодному существенному росту казенных доходов и лучшей управляемости хозяйством. Формировалась новая структура землевладения и землепользования, послужившая в дальнейшем основой реального экономического роста, началось строительство городов, обустройство имений, предпринимались попытки внедрения новых сельскохозяйственных культур, формирования новых отраслей, прежде всего виноделия, возникали предпосылки для долговременного и существенного расширения производства зерна.

Вместе с тем позитивные социально-экономические процессы в Крыму осложнялись целым рядом факторов: неблагоприятный внешнеполитический фон, проявлявшийся во враждебных действиях Турции в течение почти всего периода и Русско-турецкой войне 1787–1791 гг., что наносило ущерб не только внешней торговле, но и экономической активности, а также настроениям жителей полуострова; существенное сокращение численности жителей, вызванное выселением христиан в 1778 г. и эмиграцией некоторой части наиболее зажиточных крымских татар; масштабные изменения в сфере земельной собственности, требовавшие длительного

¹ ПСЗ-I. Т. 25. № 18373. С. 64.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 12. Д. 85. Л. 1–3.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 12. Д. 85. Л. 1–3.

² ПСЗ-I. Т. 25. № 19226. С. 919.

периода для разрешения многочисленных споров и формирования новой структуры землевладения и землепользования; наконец, неблагоприятные внутривнутриполитические обстоятельства, связанные с царствованием императора Павла I.

В итоге широкие возможности хозяйственного развития полуострова оказались нереализованными в полной мере, и первые полтора десятилетия после присоединения к России оказались для Крыма, скорее, подготовительным периодом, временем формирования предпосылок для будущего экономического роста.

Глава 20

Крым в первой половине XIX в.

§ 1. Образование Таврической губернии. Административные преобразования

А. А. Непомнящий

12 марта 1801 г., на следующий день после смерти Павла I, был оглашен манифест, в котором новый император обещал править русским народом «по законам и по сердцу в Бозе почитающей августейшей бабки нашей государыни императрицы Екатерины Великой»¹. Довольно скоро неоднозначно воспринятые обществом реформы Павла I были повернуты вспять, в том числе и административные. Указом от 8 октября 1802 г. Новороссийскую губернию «по уважению настоящего пространства ее пределов, для удобнейшего течения дел» было решено разделить на три — Николаевскую, Таврическую и Екатеринославскую². Таврическим губернским центром стал Симферополь, уезды были восстановлены, границы же, отделявшие эту губернию от Екатеринославской, совпадали с границами бывшей Таврической области. Кроме того, особый статус был предоставлен четырем важным торговым портам (в Крыму это коснулось Феодосии — учреждалось Феодосийское градоначальство). Впрочем, вся Таврическая губерния виделась императору крайне перспективной, и на ее территории были введены особые учреждения и льготы для быстрейшего ее развития. Администрация губернии разделялась на Таврическое губернское правительство и Таврический гражданский и уголовный суд. Первый орган власти занимался решением финансовых и управленческих вопросов, для чего было организовано две экспедиции (исполнительная и казенная), просуществовавшие до 1838 г. Фактически губернское правительство объединяло функции губернского правления и казенной палаты, действовавших в других регионах Российской империи. Примечательно, что этот орган власти имел региональные особенности, связанные с многонациональностью края. Так, в Таврической казенной экспедиции должны были

¹ РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 236. Л. 1–1 об.

² ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 27. С. 289.

присутствовать по двое присяжных из числа крымских татар и русских поселенцев, которые имели совещательные полномочия. Таврический гражданский и уголовный суд занимался вопросами судопроизводства в крае. В этой сфере также проявилась местная специфика. Поскольку в нижних земских судах не было нужного числа заседателей по причине недостаточного количества дворян крымско-татарского происхождения, свободно владевших русским языком, их назначение возлагалось на таврического гражданского губернатора, который использовал эту возможность в своих интересах¹. Малое число дворян в Крыму в целом негативно влияло на функционирование административного аппарата. Началось назначение чиновников на выборные должности, что нередко приводило к злоупотреблениям и излишней бюрократизации. Реакция на это последовала лишь в 1816 г., когда Министерством внутренних дел была создана специальная следственная комиссия², результатом работы которой стало массовое отстранение чиновников от должностей.

Также указом предполагалось назначить городничих во всех уездных и некоторых безуездных крымских городах (в Перекопской крепости уже был комендант, но городничий был нужен для «градского селения, Армянским базаром называемого»). Уездные казначеи помещались в Симферополе и Перекопе.

На деле организация Таврической губернии столкнулась с непредвиденными трудностями. Если с границей Екатеринославской губернии все было ясно, то граница между Таврической и Херсонской (Николаев оказался неудобен для губернского центра) стала предметом разбирательства специальной комиссии. Губернатор Тавриды Д. Б. Мертваго и председатель комиссии Иван Неклин хотели провести границу по Днепру, военный губернатор Херсона А. Г. Розенберг настаивал на другой реке — Конке. При этом между губернаторами имел место личный конфликт, и компромиссный вариант — частично провести границу по Днепру, частично по Конке — был лучшим решением. Д. Б. Мертваго смог убедить центральные власти в том, что Таврической губернии сподручнее управлять спорными землями³.

Таким образом, Таврическая губерния включала в себя семь уездов: Днепровский, Мелитопольский, Тмутараканский, Евпаторийский, Симферопольский, Перекопский и Феодосийский. Последние четыре располагались в Крыму. На этом деление не заканчивалось. В Тмутараканском уезде располагались земли Войска Черноморского, традиционно самоуправлявшиеся местным казачеством и разделенные на четыре округа. Эта сложная административная единица находилась далеко от центра губернии, поэтому в 1820 г. ее ликвидировали, переведя воинские единицы под управление Отдельного грузинского корпуса⁴.

Между тем оставшиеся в составе губернии территории успешно развивались. В 1838 г. был образован новый уезд — Ялтинский⁵. Связано это было

с модой на имения на Южном берегу Крыма, уже в ту пору распространившейся среди русских аристократов. Правда, создание некоторых уездных органов было отложено до достижения Ялтой требуемой численности населения. Однако городу на Южном берегу были предоставлены немалые налоговые льготы. В 1841 г. статус города получил Бердянск¹, а 7 января 1842 г. был создан одноименный уезд на территориях Мелитопольского и Днепровского уездов, которых также коснулись преобразования: центр Мелитопольского уезда был перенесен в Новоалександровку, переименованную в Мелитополь, бывший же центр уезда Орехов стал заштатным².

Среди городов губернии некоторые обладали особым статусом. Согласно указу от 8 октября 1802 г. в Крыму им пользовалась Феодосия³. Туда назначался градоначальник, подотчетный напрямую Министерству внутренних дел. Этот чиновник считался равным по статусу гражданскому губернатору Тавриды. В 1821 г. к имевшему особые права Феодосийскому градоначальству добавилось Керчь-Еникальское. Херсонский военный губернатор А. Ф. Ланжерон лоббировал это решение, поскольку видел выгоды географического положения Керчи, фактически контролировавшей судоходство в Азовском море. Когда в 1829 г. было ликвидировано утратившее былое значение Феодосийское градоначальство, в Керчь был перенесен коммерческий суд, а Феодосийская таможня передана в подчинение керчь-еникальскому градоначальнику⁴. Последний же подчинялся исключительно центральным властям и новороссийскому генерал-губернатору.

Подобная административная схема создавала некоторые трудности. Феодосия как уездный город (и сам уезд) находилась в подчинении губернского центра, а как градоначальство такого подчинения не имела. Это служило постоянным источником конфликтов между таврическим губернатором и феодосийским градоначальником, которые повторялись с каждой сменой губернатора. Если на уровне идеи градоначальство было призвано способствовать процветанию портовых городов, то в суровой реальности зачастую выходило с точностью до обратного. Яркий тому пример — чума 1812 г. в Феодосии. Меры по борьбе с заболеванием, предпринимаемые губернией, приходилось согласовывать с херсонским военным губернатором и Министерством внутренних дел, что приводило к запоздалому принятию решений⁵. В итоге, пока губернатор А. М. Бороздин и градоначальник С. М. Броневский выясняли полномочия, Феодосию поразил голод⁶, чума расползлась по всему Феодосийскому уезду — и город обезлюдел.

¹ Кравчук А. С. Из истории государственного строительства в Крыму: Таврическая губерния в свои первые десятилетия // Пространство и время. 2014. № 3. С. 191.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2406. Л. 130–134.

³ Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 524. Л. 48–52.

⁴ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 37. С. 161–162.

⁵ ПСЗ-II. СПб., 1838. Т. 13. С. 196–197.

¹ ПСЗ-II. СПб., 1842. Т. 16. С. 1.

² Там же. СПб., 1843. Т. 17. С. 2–3.

³ ПСЗ-I. Т. 27. С. 272–275.

⁴ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 4. С. 577.

⁵ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 805. Л. 170–171.

⁶ Кравчук А. С. К биографии Таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2013. Т. 26 (65), № 2. С. 57.

Однако была у градоначальств и положительная сторона — льготное налогообложение. Это было настолько выгодно, что губернатор А. Н. Баранов совместно с военным губернатором Севастополя и Николаева А. С. Грейгом (Севастополь, название которому вернули только в 1826 г., как и греческий батальон в Балаклаве, не подчинялись губернатору) предлагали предоставить такие же льготы Севастополю. Министр финансов Д. А. Гурьев справедливо указал на нежелательность пребывания иностранных купцов в военном по назначению городе-крепости и отказал¹.

За все время существования Феодосийского градоначальства его возглавляли девять человек (еще девять занимали эту должность временно). Сменялись градоначальники довольно часто, как правило в связи с переводом на другую должность. Для многих чиновников деятельность на этом посту стала бесценным административным опытом, после которого они шли на повышение.

Первым феодосийским градоначальником был Андрей Семенович Фенш (1757–1828), английский дворянин Эндрю Феншоу на русской службе, генерал от инфантерии, награжденный золотой шпагой с надписью «За храбрость» во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.² А. С. Фенша сменил полковник О. О. Гейниц. Однако торговому городу требовался штатский градоначальник, и первым из них стал Семен Михайлович Броневский (1763–1830) — энергичный и амбициозный штатский советник, вкусивший Санкт-Петербургского блеска и сосланный на периферию за неуживчивый характер. Безусловно, его деятельность в роли градоначальника была хотя и непродолжительной (правда, не по меркам должности), но всеобъемлющей: он приложил руку к основанию Музея древностей и уездного училища, а также к созданию герба города³. Однако конфликт с местными элитами довел его до отставки, после чего он приобрел дачу близ Феодосии, где занимался культивированием плодовых сортов деревьев. Примечательно, что в его имении останавливался А. С. Пушкин во время путешествия по Крыму.

Среди последующих градоначальников выделялся П. В. Гаевский, в честь которого была названа одна из улиц Феодосии⁴, Н. И. Перовский, одно время совмещавший должность с губернаторской⁵, а также Александр Иванович Казначеев, открывший талант молодого художника Ивана Айвазовского и содействовавший его обучению в Симферопольской гимназии и поступлению в Императорскую академию искусств. А. И. Казначеев сделал незаурядную карьеру: после Феодосии он стал таврическим губернатором, впоследствии был сенатором и действительным тайным советником⁶.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 2265. Л. 118–120.

² Фенш Андрей Семенович // РБС. СПб., 1901. Т. 21. С. 49.

³ Никольский П. В. Описание сенатских дел исторического архива ТУАК. Симферополь, 1917. С. 160.

⁴ Кравчук А. С. Феодосия в отчете градоначальника Павла Васильевича Гаевского // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2014. Т. 27 (66), № 1. С. 38–39.

⁵ Перовский Николай Иванович // РБС. СПб., 1902. Т. 13. С. 550–551.

⁶ Бобков В. В. Феодосийский градоначальник Александр Иванович Казначеев: основные вехи административной деятельности // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2010. Т. 23 (62), № 1. С. 32–41.

По воле случая в Керчь-Еникальском градоначальстве также сменилось 18 градоначальников. Однако менялись они реже, и временщиков практически не было. Первым стал бывший феодосийский градоначальник Ефим Иванович Фон-Ден. Выделим деятельность на этом посту крупного чиновника Ивана Алексеевича Стемповского, который за четыре года в этой должности успел сделать очень многое. Его успехи на ниве археологии более детально рассмотрены ниже (см. главу 25, § 4), однако этим его деятельность не ограничивалась. И. А. Стемповский добился от правительства ежегодного пособия на благоустройство города размером в 50 тыс. рублей. При нем началось строительство Свято-Троицкого собора, католического костела, казенного сада (где он собственноручно посадил первые деревья) и уездного училища. Увидеть плоды своих трудов И. А. Стемповский не успел, скончавшись от чахотки в 1832 г.¹

Сменил его другой протеже М. С. Воронцова, его бывший адъютант Захар Семенович Херхеулидзе (1797–1856). Служба в Преображенском полку у потомка грузинского княжеского рода не заладилась: великий князь Михаил Павлович его откровенно третировал за отсутствие командного голоса. М. С. Воронцов же любил повторять: «По голосу можно и должно выбирать людей только в певческую капеллу». Губернатор Новороссии и Бессарабии не ошибся в З. С. Херхеулидзе: тот отличился отвагой в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг., да и чиновником оказался толковым, так что неудивительно, что М. С. Воронцов именно его предпочел на должность градоначальника в Керчи².

Пребывание З. С. Херхеулидзе на этом посту стало целой эпохой в истории города³. При нем разработан генеральный план строительства Керчи и возведено немало зданий по проектам архитектора Александра Дигби, улучшена система водоснабжения, устроены новые фонтаны, загнана в русло канала речка Мелек-Чесме. Современный облик города во многом определяется каркасом из кварталов, созданных еще при З. С. Херхеулидзе.

На должность керчь-еникальского градоначальника нередко назначались люди незаурядных способностей и судьбы. Платон Александрович Антонович (1811–1883) был выслан на Кавказ в должности рядового за соучастие в Сунгуровском тайном обществе, однако сумел подняться по службе и, успешно послужив градоначальником в Керчи, стал впоследствии градоначальником в Одессе и губернатором Бессарабии⁴. В 1828–1829 гг. градоначальником Керчи был Филипп Филиппович Вигель, известный своими мемуарами, в которых он довольно критично изобразил нравы и персон времен своей молодости. Последним градоначальником Керчи являлся Николай Николаевич Ходаковский, офицер Добровольческой

¹ Аишк А. Б. Иван Алексеевич Стемповский: некролог // ЗООИД. 1863. Т. V. С. 907–914.

² Санжаровец В. Ф. Керчь-Еникале и ее градоначальники // Керченская старина. Симферополь, 2015. Вып. 1. С. 95–97.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 1293. Л. 3–5.

⁴ Орехова Л. А. «Сунгуровец» П. Антонович в Крыму // Библиотечное дело и краеведение: сборник научных трудов / ред. кол. П. Т. Тронько, А. А. Непомнящий и др. Киев; Симферополь, 2002. С. 35–45.

армии, погибший во время красного террора в Крыму. Большевиками должность была упразднена.

Таврическая губерния считалась приграничной, что накладывало свой отпечаток на ее административное устройство. Рассматривалось даже введение здесь должности генерал-губернатора. Херсонский военный губернатор стоял выше гражданского губернатора, и все свои действия губернская администрация обязана была согласовывать с ним. Должность эта создавалась указом «О восстановлении пяти губерний и о подчинении пограничных губерний военным губернаторам»¹ и просуществовала под таким названием до 1822 г., став именоваться новороссийским генерал-губернатором². Такое наименование было лучше прежнего хотя бы потому, что резиденция этого сановника сначала располагалась в Екатеринославе, затем в Николаеве, а с 1805 г. в Одессе, так что упоминание Херсона создавало излишнюю путаницу. Изначально херсонскому военному губернатору подчинялась также Екатеринославская губерния. В 1814 г. она была выведена из-под его юрисдикции, а в 1822 г. вновь возвращена. Ему также лично подчинялись все градоначальства губернии, что делало новороссийского генерал-губернатора важнейшим чиновником на данной территории. А с 1828 г. в его подчинении находилась и Бессарабия, в результате чего должность стала звучать как «генерал-губернатор Новороссии и Бессарабии»³.

Взаимоотношения генерал-губернатора с подчиненными чиновниками складывались по-разному. Так, отношения Э. О. де Ришелье с Д. Б. Мертваго и А. М. Бороздиным можно охарактеризовать как дружеские. Однако с херсонским военным губернатором А. Г. Розенбергом Д. Б. Мертваго общего языка не нашел. Следствием этого стал открытый конфликт, закончившийся отставкой более высокопоставленного чиновника. Личные отношения нередко влияли на кадровые назначения⁴. Так, М. С. Воронцов после ухудшения отношений с руководителем его канцелярии А. И. Казначеевым назначил его сначала градоначальником Феодосии, затем таврическим губернатором. А. И. Казначеев был весьма разочарован таким поворотом карьеры и рассматривал эти назначения как ссылку.

Будучи первым лицом на вверенной территории, военный губернатор не мог справляться сам со всем потоком дел. Так, уже в 1805 г. Э. О. де Ришелье попросил перепоручить ревизию уголовных дел гражданскому губернатору по причине собственной огромной загруженности. А когда в 1809 г. Э. О. де Ришелье был вынужден оставить Одессу по военным делам, он доверил свои полномочия и обязан-

ности А. М. Бороздину, наказав тому беспокоить себя исключительно по очень важным поводам¹, об остальном же сообщать в регулярных отчетах.

Взаимодействие между военным и гражданским губернаторами могло принимать довольно разнообразные формы. Так, херсонский военный губернатор А. Ф. Ланжерон в 1816 г. отправил новоприбывшему губернатору А. С. Лавинскому напутствие, где поведал, какие именно проблемы края требуют особого внимания, и дал рекомендации по их разрешению². В этом нет ничего удивительного: гражданские губернаторы менялись много чаще военных, и введение новичка в курс дела должно было ускорить начало его эффективной деятельности.

Если генерал-губернаторами назначались доверенные лица императора по причине исключительной важности их должности, и они становились полноценными хозяевами удаленного региона, то губернаторами Таврической губернии были чиновники рангом поменьше. Традиционно губернаторами в Российской империи назначали лиц не ниже четвертого класса «Табели о рангах» и не выше третьего, однако непреложным правилом это не являлось: в отдельных случаях губернатором мог стать действительный тайный советник или полный генерал (второй класс), а временно исполнять обязанности губернатора мог и чиновник пятого класса — статский советник или полковник. Так, в Таврической губернии последнее коснулось троих: Н. И. Перовского, А. И. Казначеева, М. М. Муромцова. А. М. Бороздин был генерал-лейтенантом, Г. П. Милорадович — тайным советником (третий класс). Прочие же были действительными статскими советниками, кроме В. И. Пестеля, имевшего тот же четвертый класс, но военный, генерал-майорский.

Любопытно, что Александр I продолжил политику своего отца в области предпочтения на губернаторской должности гражданских чинов военным³. В то же время определенной проблемой была невысокая престижность управленческих должностей среди дворянской молодежи: их не стремились занять, а, заняв, зачастую пытались покинуть⁴.

Почти всех губернаторов Тавриды первой половины XIX в. (за исключением В. Я. Рославца) отличало военное прошлое, карьеру в армии многих из них можно называть весьма удачной. Большинству довелось принимать участие в боевых действиях (А. М. Бороздин — русско-турецкие войны, А. С. Лавинский — боевые действия в Молдавии и Польше, Н. И. Перовский — ранение в Восточной Пруссии в 1807 г., Д. В. Нарышкин, А. И. Казначеев, М. М. Муромцов и В. И. Пестель — Отечественная война 1812 г., причем первые трое принимали участие в Бородинском сражении). Армейская школа дала немалую пользу для их административного развития.

¹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 26. С. 775–780.

² Там же. СПб., 1830. Т. 38. С. 191–192.

³ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 3. С. 195–204.

⁴ *Кравчук А. С.* К истории административных практик таврического гражданского губернатора Дмитрия Борисовича Мертваго (1803–1807) [Электрон. ресурс] // Пространство и время: альманах: электрон. науч. изд. 2016. Т. 12, вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t12v1/2227-9490e-aprovgt_e-ast12-1.2016.11.php (дата обращения: 03.04.2017).

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 573. Л. 378–379.

² Там же. Д. 2406. Л. 241–242.

³ *Лысенко Л. М.* Губернаторы и генерал-губернаторы Российской империи (XVIII — начало XX в.). М., 2001.

⁴ РГИА. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277.

При Николае I растет процент военных губернаторов. Происходит и другое изменение, хорошо заметное по статистике, — старение губернаторов. Если при Александре I средний возраст составлял 40–45 лет, то при Николае I он стал приближаться к 50 годам. Что характерно, ни один губернатор Тавриды к моменту назначения не был старше 50 лет. Это может свидетельствовать о том, что данный пост рассматривался как ступенька в карьере: с одной стороны, шанс проявить себя и обратить на себя внимание, с другой — вовсе не предел мечтаний. Генерал-губернаторам и правительству такое положение дел было на руку: они могли быть уверены, что чиновник будет прилагать усилия для процветания столь важного региона. Правда, средняя продолжительность пребывания в должности у таврических губернаторов была ниже, чем в других губерниях империи, что опять же подтверждает мысль об этом poste как о ступени в карьерной лестнице¹.

Что касается профессионального образования губернаторов, предпочтение отдавалось кандидатам с юридическим образованием, однако серьезным препятствием для назначения его отсутствие обычно не становилось. В целом в империи делалась ставка на то, чтобы чиновники овладевали знаниями, однако реализация подобных программ наталкивалась на серьезное сопротивление. Так, А. Ф. Ланжерон требовал от А. С. Лавинского исполнения указа, по которому ни один чиновник не может быть принят на должность, не окончив училища, но натолкнулся на возражение: в Крыму просто не было такого количества образованных людей².

Образование самих таврических губернаторов было весьма различным. Г. П. Милорадович девять лет обучался за границей в Германии и Франции, получив разнообразные знания, в частности в области фортификационного дела³. А. М. Бороздин окончил Кембридж и слыл одним из образованнейших людей региона⁴. Учился в университете и В. Я. Рославец, но не закончил из-за сложного финансового положения. В целом же большинство таврических губернаторов довольствовались средним образованием. Различался и имущественный статус (не сословный — все губернаторы периода были дворянами): если Г. П. Милорадович владел 8 тыс. душ и торговым городом Любеч, то Д. Б. Мертваго — только селом Мертвовщина с 56 крепостными и неоднократно жаловался на недостаток денежного содержания. Но это крайности. В целом же, как правило, таврические губернаторы жили не только на оклад, но и получали немалые доходы от поместий. Жизнь в Крыму была недешевой. Вот почему личные доходы претендента на должность зачастую были одним из критериев назначения.

Если создать собирательный образ таврического губернатора первой половины XIX в., перед нами предстанет довольно молодой чиновник, до этого рабо-

тавший на менее значительной должности. Он русский православный зажиточный дворянин со средним образованием, был или является офицером армии, сражался с турками или французами. Лично знаком с генерал-губернатором и имеет виды на дальнейшую карьеру. В должности проведет лет пять, после чего пойдет на повышение.

Несмотря на некоторые проблемы, система отношений между военным и гражданским губернаторами довольно неплохо себя зарекомендовала. Доказательств тому множество — и успешное развитие губернии, и тот факт, что в данный период в нее не было направлено ни одной сенатской ревизии (кроме ревизии 1822 г., не имевшей следственных целей)¹. Безусловно, данный период в истории Таврической губернии и Крыма можно считать весьма плодотворным, не в последнюю очередь благодаря деятельности выдающихся администраторов, сделавших крайне много для развития края.

§ 2. Вклад в развитие Крыма новороссийских генерал-губернаторов и таврических гражданских губернаторов

А. А. Непомнящий

Сразу после создания Таврической губернии остро встал вопрос о том, кто должен возглавить новую и столь значимую административную единицу. Учитывая специфику данной должности, кандидат виделся при дворе обладателем большого административного опыта и столь же немалого состояния. Александр I лично способствовал назначению в Таврическую губернию Григория Петровича Милорадовича (1765–1828).

Г. П. Милорадович был выходцем из малорусского дворянского рода и обладал немалым доходом. Он вместе с братом получил образование в Кенигсберге² и Геттингене, что вкупе с происхождением обещало ему прекрасную карьеру. В родной Малороссии он занимал должности почт-директора и генерального судьи, и успешное исполнение обязанностей принесло ему несколько орденов и чин тайного советника³. Назначая его таврическим губернатором, император рассчитывал на его опыт и патриотизм⁴.

Однако у самого Милорадовича назначение ни малейшего восторга не вызвало. Покидать обжитые края, где находилось его личное имение, ради дикой степи чиновник не планировал. Вдобавок его планы по созданию губернских органов

¹ Кравчук А. С. Губернаторский корпус Таврической губернии в первой половине XIX века // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2014. Т. 27 (66), № 2. С. 34–48.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 1–4.

³ Милорадович Г. А. О роде дворян и графа Милорадович. Киев, 1871. С. 92–94.

⁴ Непомнящий А. А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму // Крымский архив. 1999. № 4. С. 35–42.

¹ История Правительствующего сената за 200 лет, 1711–1911 гг. СПб., 1911. Т. 4. С. 505.

² Милорадович Г. А. О роде дворян и графа Милорадович. С. 91.

³ Кравчук А. С. Из истории государственного строительства в Крыму... С. 189–198.

⁴ Письмо императора Александра I к Г. П. Милорадовичу // Русский архив. 1864. № 5/6. С. 623.

власти натолкнулись на суровые препятствия: людей с нужными компетенциями не хватало, а если бы они и нашлись, разместить их в Симферополе было просто негде. С херсонским военным губернатором А. Г. Розенбергом у вновь назначенного чиновника общего языка найти не получилось, как и с крымско-татарским населением, несмотря на все прилагаемые старания. Сознавая, что просьба о переводе вызовет гнев императора, Г. П. Милорадович подал в отставку. Вся его полезная деятельность ограничилась лишь созданием на полуострове судебной системы по общегосударственному образцу¹.

Новым губернским начальником стал Дмитрий Борисович Мертваго, человек, во многих аспектах являвший противоположность первому губернатору. Когда ему было 14 лет, его отец погиб в Пугачевском восстании, и вся забота о семье легла на плечи юноши². У Д. Б. Мертваго были лишь две небольшие деревеньки, он не получил образования и был вынужден поступить на военную службу в ранге унтер-офицера. Дослужившись до сержанта, он перешел на гражданскую службу в должности прокурора верховной расправы Оренбургского края. Служба его шла тихо и гладко, пока он не вызвал гнева нового генерал-губернатора О. А. Игельстрома. В должности советника Уфимского наместнического правления он успешно участвовал в предотвращении волнений среди местных мусульман. Затем была успешная служба в Провиантской экспедиции³, где он сумел мастерски реформировать ее работу. В 1799 г. ему предлагали стать губернатором Санкт-Петербурга, но он отказался из-за стесненности в средствах. Однако его успешное восхождение по карьерной лестнице едва не закончилось в 1801 г.: П. Х. Оболянинов, покровитель Д. Б. Мертваго, после смерти Павла I оказался в опале. Его протееже тоже⁴.

Финансовое положение не позволяло Д. Б. Мертваго жить в отставке, и его служба продолжилась в 1802 г. в Крымской соляной части⁵. Едва сводивший концы с концами чиновник был честным человеком, и на новом месте он прежде всего повел борьбу со взятками. Довольно быстро добился удвоения дохода Крымской соляной части. Благодаря его действиям соляные озера были изъяты с откупа у промышленников Н. Штигица и А. Перетца и возвращены в государственное пользование⁶. Должность таврического губернатора стала для несостоявшегося санкт-петербургского чиновника не просто заслуженным повышением и признанием высоких профессиональных и личных качеств, а подлинным вторым шансом. Г. П. Милорадович мог сбежать от трудностей Таврической губернии к своим поместьям на 10 тыс. душ. Д. Б. Мертваго бежать было некуда.

¹ Пуховская А. С. Возникновение и становление органов судебной власти в Таврической губернии // УЗ ТНУ. Сер. Юридические науки. 2010. Т. 23 (62), № 1. С. 394–399.

² Мертваго Д. Б. Записки, 1760–1824. СПб., 2006. С. 29–35.

³ РГИА. Ф. 1286. Оп. 1. Д. 108. Л. 14–15.

⁴ Вайтацци М. П. Боль минувшего // Исторический вестник. 1913. № 4. С. 19–40.

⁵ Державин Г. Р. Сочинения Державина с объяснительными примечаниями Я. Грота: в 9 т. СПб., 1871. Т. 6. С. 14–16.

⁶ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–4.

Новый губернатор принялся за расчистку местных авгиевых конюшен. Полетели головы чиновников, полицмейстеров, капитан-исправников, заседателей уездных судов¹. Д. Б. Мертваго сумел подобрать ключ к крымско-татарским элитам и привлечь коренное население к службе в российской армии. Энергичный чиновник, по совместительству исполнявший роль председателя комиссии по разбору земельных споров², не боялся служебных конфликтов. Так, спор его с херсонским военным губернатором А. Г. Розенбергом закончился отставкой последнего. С заменившим его сановником Д. Б. Мертваго превосходно нашел общий язык. Этим сановником был Эммануил Осипович де Ришелье, человек уникальной судьбы.

Арман Эммануэль София-Септимани де Виньеро дю Плесси, граф де Шинон, 5-й герцог Ришелье родился в Париже 25 сентября 1766 г. в одном из знатнейших французских семейств. Перед прапраправнучатым племянником великого кардинала А. Ришелье открывались захватывающие перспективы, однако после Великой французской революции они сократились до возможности попасть на эшафот. Э. О. де Ришелье почел за лучшее эмигрировать и оказался в России, где его таланты были оценены по достоинству. На русской службе он принял участие во взятии Измаила, за которое получил именное оружие. При императоре Павле I герцог служил некоторое время командиром лейб-кирасирского Его Величества полка, однако по-настоящему его карьера пошла в гору при Александре I. В 1803 г. Э. О. де Ришелье стал градоначальником Одессы, в 1805 г. — херсонским военным губернатором³.

При его поддержке Д. Б. Мертваго разрабатывал различные проекты по заселению края. Численность населения губернии не превосходила в то время 200 тыс. человек по самым смелым оценкам⁴. На самом полуострове славян было не больше 10 тыс. В частности, Д. Б. Мертваго планировал заселить Крым болгарами и греками⁵, но этот проект не был реализован.

В других делах Д. Б. Мертваго добился успехов. Он предпринял первые шаги к превращению кочевых ногайцев в оседлый народ⁶. Он способствовал дальнейшему развитию крымского виноделия: по его инициативе было создано Крымское виноградарское училище в Судаке⁷. С подачи Э. О. де Ришелье он создал проект, названный «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и об обязанностях духовных»⁸, но из-за нежелания мусульман-

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 542. Л. 101.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 70. Л. 2–4.

³ Ришелье Эммануил Осипович // РБС. СПб., 1913. Т. 16. С. 253–266.

⁴ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков: (Численность, размещение, этнический состав). М., 2003.

⁵ РГИА. Ф. 1305. Оп. 1. Д. 5. Л. 1–29.

⁶ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 568.

⁷ Там же. Д. 542. Л. 67.

⁸ Бойцова Е. В., Ганкевич В. Ю., Муратова Э. С., Хайреддинова З. З. Ислам в Крыму: очерки истории функционирования мусульманских институтов. Симферополь, 2009. С. 129–133.

ского духовенства Крыма договариваться между собой проект так и остался не реализованным¹.

В 1807 г. Д. Б. Мертваго был переведен на должность генерал-провиант-мейстера², которую оставил в 1810 г. из-за конфликта с А. А. Аракчеевым. В последние шесть лет жизни чиновник исполнял обязанности сенатора и возглавлял сенаторскую ревизию во Владимирской, Астраханской и Казанской губерниях. Умер Д. Б. Мертваго в 1824 г. в Москве.

Ушедшего на повышение Д. Б. Мертваго сменил Андрей Михайлович Бороздин. В отличие от своих предшественников, административной службой он ранее не занимался. Будущий губернатор окончил университет в Кембридже, интересовался наукой и сельским хозяйством. Эти увлечения привели его, отставного генерал-лейтенанта, участника войны со шведами (1789 и 1791), в Крым. Здесь он приобрел имение Саблы, куда переселил 90 крепостных семей³. В 1807 г. образованный помещик стал таврическим губернатором.

Никакого интереса к административной деятельности свежее испеченный губернатор не питал, свалив все самые скучные обязанности на вице-губернатора А. И. Шостака и губернского секретаря Уманца⁴. А. И. Шостак (1758–1816), занимавший эту должность с 1802 г., прекрасно разбирался в местном самоуправлении, и самоустранение А. М. Бороздина позволило ему стать фактическим руководителем региона. Номинальный же начальник, по воспоминаниям современников, более интересовался своими имениями, нежели губернией в целом⁵.

Основная деятельность А. М. Бороздина в роли губернатора сводилась к сочинению проектов разной степени затратности и фантастичности. Построить в Евпатории крупный промышленный мол (министр внутренних дел А. Б. Куракин отписал А. М. Бороздину об отсутствии необходимых средств)⁶, создать в Крыму химическо-стеклянную фабрику (миллион рублей на это МВД выделять не стало) или суконную фабрику (аналогично отклонено)⁷ — вот неполный список грандиозных проектов чиновника. Однако не все начинания были безуспешны. А. М. Бороздин сделал многое для развития крымской промышленности: поддерживал частное предпринимательство⁸ (в Симферополе при нем открылось 15 предприятий) и развивал свои имения. Так, когда очередной амбициозный проект — заведение шелковичных предприятий — был отклонен, губернатор построил у себя в Саблах

теплицу для шелкопряда¹. При поддержке Э. О. де Ришелье А. М. Бороздин создал проект порохового завода в Инкермане, и он даже был реализован².

Э. О. де Ришелье ценил подчиненного за образованность и внимание к науке и промышленности, покровительствуя его проектам в области образования. Так, он одобрил покупку дома для Симферопольской гимназии³ и поощрял просветительские инициативы А. М. Бороздина, например распространение российских и европейских периодических изданий в глухих уголках края⁴. Немало сделал А. М. Бороздин для развития в Крыму археологии⁵ и виноградарства⁶, способствовал созданию Никитского ботанического сада⁷.

Неинтересные же ему дела А. М. Бороздин запустил, оставив инициативу Э. О. де Ришелье, и без того невероятно занятому человеку. За работой «Комиссии для разрешения земельных споров» контроль был ослаблен, и протекционизм в отношении русских дворян вновь расцвел и стал причиной многих конфликтов. Проект «штатов духовного правления» для мусульман, написанный Д. Б. Мертваго, А. М. Бороздин не реализовал, а, напротив, способствовал сокращению численности духовенства⁸. Спроектированный при Д. Б. Мертваго главный храм Симферополя — грандиозный Александро-Невский собор — из-за неудачного выбора места строительства начал разрушаться после возведения основных конструкций⁹. Вдобавок при его строительстве были отмечены растраты казенных средств¹⁰.

Манера пускать дела на самотек не раз играла с губернатором дурную шутку. На выборах губернского предводителя дворянства в 1809 г. А. М. Бороздин отсутствовал, грубо нарушив служебные обязанности, что осталось бы незамеченным, если бы голосование не завершилось скандалом и дракой. Вмешиваться в конфликт пришлось центру¹¹. Процесс выделения земель ногайцам для оседлой жизни также замедлился из-за невнимания руководства¹².

Впрочем, все это нисколько не ухудшало отношения верховных властей к губернатору, чей образ успешного и образованного помещика, покровителя наук и промышленности и блестящего садовода привлекал внимание к Крыму и побуждал дворян приобретать там имения. 20 февраля 1812 г. высочайшим указом

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 565. Л. 111–120.

² Там же. Д. 542. Л. 11–14.

³ *Кравчук А. С.* К биографии таврического гражданского губернатора А. М. Бороздина. С. 48.

⁴ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева, 1790–1867: в 2 ч. Одесса, 1897. Ч. 1. С. 54–55.

⁵ Из архива К. Э. Андреевского: записки Э. С. Андреевского / под ред. С. Л. Авалиани. Одесса, 1913. Т. 1. С. 280.

⁶ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 735. Л. 22.

⁷ Там же.

⁸ Из архива К. Э. Андреевского... Т. 1. С. 134–144, 373.

¹ *Максименко М. М., Губенко Г. Н.* История села Партизанского. Симферополь, 1962. С. 3–29.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 805. Л. 15.

³ Там же. Д. 736. Л. 41.

⁴ Там же. Д. 713. Л. 158.

⁵ *Сапельников А. Н.* К археологическим находкам в Крыму // Одесский вестник. 1872. № 45. С. 26–34.

⁶ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 567. Л. 91.

⁷ *Муравьев А. Н.* Таврида / изд. и подгот. Н. А. Хохлова. СПб., 2007. С. 324–356.

⁸ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 714. Л. 134.

⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 2. Л. 3–5.

¹⁰ *Свинын П. П.* Знакомство и встречи // Отечественные записки. 1825. № 66. С. 119–133.

¹¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 736. Л. 72.

¹² Там же. Д. 805. Л. 38.

А. М. Бороздину было пожаловано звание сенатора¹. Закат его карьеры начался со вспышки чумы на полуострове.

Первые случаи заболевания в Феодосии были отмечены летом 1812 г. Градоначальник С. М. Броневский ввел жесткий карантин, однако таврический губернатор не спешил с мерами безопасности². Примечательно, что уже осенью от него поступило прошение министру внутренних дел разрешить ему отправиться в действующую армию, что сильно напоминает парадоксальную попытку дезертировать на фронт. Решать сложную административную проблему, далекую от его мечтательных планов, А. М. Бороздин не имел ни желания, ни умения.

Э. О. де Ришелье перекрыл карантинными постами въезды и выезды с полуострова, но внутри него чума распространялась. В какой-то момент А. М. Бороздин просто перестал посылать отчеты своему патрону, и тот вынужден был распорядиться эпидемиологическими мероприятиями самостоятельно³. Также Э. О. де Ришелье пришлось лично указывать А. М. Бороздину на необходимость наладить поставки продовольствия в голодающую Феодосию: до тех пор тот ничего не сделал для карантинного города⁴. В итоге по благополучию портового города был нанесен сокрушительный удар.

Не меньшей силы удар был нанесен и по репутации А. М. Бороздина. Последние годы губернаторства он предпочитал находиться в своем имении Кучук-Ламбат на Южном берегу Крыма, оставив опостылевшие дела своему вице-губернатору. Следует заметить, что земли для своего нового имения А. М. Бороздин приобретал ниже рыночной стоимости, не гнушаясь пользоваться служебным положением. Дело об этих злоупотреблениях было открыто еще 3 июня 1816 г., однако никаких обвинений тогда предъявлено не было.

Лишился губернаторских полномочий А. М. Бороздин из-за другого дела — о хищениях при строительстве Александро-Невского собора. Имущество бывшего губернатора попало под арест, однако он был оправдан следствием, после чего назначен в межевой департамент Сената⁵. В 1828 г. А. М. Бороздин был уволен со службы⁶, а в 1838 г. скончался⁷, оставив Крыму о себе крайне противоречивые воспоминания.

Что же касается его прямого начальника, герцога Э. О. де Ришелье, то после реставрации династии Бурбонов в 1814 г. он вернулся во Францию, где по рекомендации русского императора стал премьер-министром. После его смерти в 1822 г. благодарные одесситы собрали средства на памятник «дюку» (т. е. герцогу), «по-

ложившему начало благосостоянию Одессы», как указано на постаменте. В сборе средств принимали участие и жители Таврической губернии — у них тоже был повод для благодарности Эммануилу Осиповичу Ришелье.

Граф Александр Федорович Ланжерон (1763–1831), сменивший своего друга и единомышленника Э. О. де Ришелье на посту херсонского военного губернатора, не мог сравниться с соотечественником ни древностью рода, ни, что хуже, административными талантами. Будучи человеком столь же добродушным и отважным, сколь рассеянным и безалаберным, он никак не отличался ни педантизмом, ни скрупулезностью, столь необходимыми в работе чиновника¹. Этому храброму офицеру и герою пикантных анекдотов отлично удавались деяния, не требовавшие долгой возни с бумагами (например, открытие Ришельевского лицея), однако какие-либо сложные планы и проекты его не интересовали. Это касалось и Таврической губернии, делами которой он мало интересовался, вследствие чего губернаторы имели больше неформальной власти.

Первым губернатором Тавриды при А. Ф. Ланжероне стал Александр Степанович Лавинский (1776–1844), незаконнорожденный сын С. С. Ланского и А. Н. Головиной: сложение их фамилий дало ему фамилию, а сами родители — немалое состояние². Поучаствовав в нескольких войнах и уволившись со службы в чине майора, А. С. Лавинский начал административную карьеру в 1798 г. в звании коллежского асессора. Карьера молодого чиновника сначала в банке, а потом на почте развивалась столь быстро, что первый день 1804 г. он отмечал уже в ранге действительного статского советника³. В 1811 г. он стал губернатором Литовско-Виленской области⁴ и, по легенде, спас самого императора от захвата французами⁵, после чего Александр I лично ему покровительствовал.

20 июля 1816 г. А. С. Лавинский стал губернатором Тавриды⁶ и сразу же принялся за чистку кадрового аппарата. Часть чиновников была уволена за недостаток образования (А. С. Лавинский был против, но А. Ф. Ланжерон настоял)⁷, часть — за злоупотребления. А. С. Лавинский сделал немало для улучшения инфраструктуры полуострова, хотя многие из его планов так и остались на бумаге, не будучи утверждены А. Ф. Ланжероном или Министерством внутренних дел. Он реформировал деятельность Таврического гражданского уголовного суда, разделив его на городской и уездный⁸. Эти и прочие его действия в данной области привели к росту эффективности делопроизводства⁹.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 807. Л. 200.

² Там же. Д. 805. Л. 170–171.

³ Там же. Л. 179.

⁴ *Непомнящий А. А.* Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму. С. 35–42.

⁵ *Линниченко И. А.* К биографии Таврического губернатора генерал-лейтенанта Андрея Михайловича Бороздина // ИТУАК. 1913. № 50. С. 191–199.

⁶ *Вьюницкая Л. Н.* Бороздин Андрей Михайлович // Крым в лицах и биографиях: Антинность. Средневековье. Новое время. Симферополь, 2008. С. 149–152.

⁷ А. М. Бороздин: некролог // Таврические губернские ведомости. 1839. 21 января.

¹ Воспоминания Андрея Михайловича Фадеева... Ч. 1. С. 64.

² *Стогов Э. И.* Очерки, рассказы и воспоминания. Бунт архиепископа Иеринея в Иркутске в 1832 г. и высылка его из Сибири // Русская старина. 1878. Т. XXIII, № 9. С. 114.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 219. Л. 2–4.

⁴ Там же.

⁵ *Стогов Э. И.* Очерки, рассказы и воспоминания... С. 116–117.

⁶ Губернии Российской империи: история и руководители, 1708–1917. М., 2003. С. 285.

⁷ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 1–4.

⁸ ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 4.

⁹ ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 1. Д. 1279. Л. 1–2.

В должности таврического губернатора этот нерядовой чиновник не задержался. Причиной тому — определенные успехи или протекция императора. 28 декабря 1819 г. он стал тайным советником и директором Департамента государственных имуществ. Год спустя назначен членом комиссии для разбора дел Крымского полуострова, которая запустила очередную волну отставок недобросовестных чиновников в Крыму¹.

Впоследствии А. С. Лавинский получил должность восточно-сибирского генерал-губернатора, а в 1833 г. стал сенатором. Скончался он 2 августа 1844 г., оставив дочери одни долги, что говорит, скорее, не о расточительности, а о несклонности злоупотреблять своим положением².

Следующим после А. С. Лавинского таврическим губернатором был Александр Николаевич Баранов (1793–1821)³, сын Н. И. Баранова (1757–1824), сенатора и тайного советника. С юношеских лет А. Н. Баранов занимал различные административные должности в органах власти. 28 декабря 1819 г. в возрасте 26 лет (чрезвычайно юном для столь ответственной должности) он стал губернатором Тавриды⁴.

Молодой чиновник с энтузиазмом взялся за работу и составил несколько весьма перспективных проектов. Он планировал обустроить карантинные сооружения в портах, создать в Крыму муфтият⁵, используя опыт своего предшественника Д. Б. Мертваго, проложить дорогу из Феодосии на континент⁶. А. Н. Баранов проложил дорогу от Бахчисарая до Севастополя и создал проект пути из Симферополя на Южный берег Крыма, в Алушту и Ялту, позднее реализованный М. С. Воронцовым.

От предшественников А. Н. Баранова отличал системный, глубокий и взвешенный подход. Современники вспоминали, что А. Н. Баранов мог часами говорить о каком-либо важном хозяйственном деле⁷. Молодой губернатор жил работой, буквально сгорая на ней... и сгорел. 25 апреля 1821 г. во время объезда губернии он получил солнечный удар и скончался⁸. Трагическое событие сильно взволновало многих знакомых одаренного чиновника. А. С. Пушкин, знавший таврического губернатора мельком, услышав о его смерти, записал в дневнике: «Баранов умер, жаль честного гражданина, умного человека»⁹. Неизвестно, смог бы молодой губернатор реализовать свои амбициозные планы, но, несомненно, это была колоссальная и трагическая потеря для Таврической губернии, а возможно, и страны в целом.

Губернатором Тавриды стал Николай Иванович Перовский (1785–1858), внебрачный сын А. К. Разумовского (1748–1822)¹, получивший фамилию от родового имени Разумовских Перово². Отцу пришлось приложить немало усилий, чтобы его незаконнорожденные дети получили дворянский статус. Н. И. Перовский с 1800 г. служил по гражданскому ведомству, участвуя в дипломатических миссиях³. Места службы Н. И. Перовского постоянно менялись, однако ранг неуклонно повышался. В 1817 г. он получил чин статского советника и был назначен таврическим вице-губернатором, в 1820 г. — феодосийским градоначальником, и неудивительно, что после внезапной смерти А. Н. Баранова он стал совмещать эту должность с губернаторской⁴.

При Н. И. Перовском были созданы карантинные заставы в Ялте, Балаклаве и Судак⁵, построены карантинные и таможенные здания в Керчи⁶, проведена геологоразведка, выявившая запасы железной руды на Керченском полуострове⁷. Н. И. Перовский продолжил строительство почтовой дороги через Арабатскую стрелку⁸ и законодательно закрепил повинности крымских татар, живущих на землях помещиков⁹. В последнем ему помогал временно исполнявший обязанности херсонского военного губернатора И. Н. Инзов (1768–1845).

С новым военным губернатором М. С. Воронцовым у Н. И. Перовского возник серьезный конфликт. М. С. Воронцов обвинил Н. И. Перовского в жестокости по отношению к местному населению и многочисленных злоупотреблениях¹⁰. Так или иначе, своих должностей Н. И. Перовский лишился и со службы ушел, однако из Крыма не уехал, посвятив время развитию своих местных имений.

На личности нового новороссийского и бессарабского генерал-губернатора следует остановиться подробно. Михаил Семенович Воронцов (1782–1856), сын русского посланника в Лондоне Семена Романовича Воронцова (1744–1832), получил блестящее образование в Лондоне, с младенчества числился в лейб-гвардии Преображенском полку, поучаствовал не в одной войне. При Бородине он командовал 2-й сводно-гренадерской дивизией, первой принявшей на себя атаки на Багратионовы флеши, и был ранен штыком. Вернувшись в строй, в 1814 г. в битве при Краоне противостоял самому Наполеону, участвовал во взятии Парижа и командовал оккупационным корпусом, долги офицеров которого перед местным населением

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 219. Л. 2–4.

² Там же. Ф. 1162. Оп. 6. Д. 277. Л. 33.

³ Сборник Императорского Российского исторического общества: азбучный указатель имен русских деятелей для русского биографического словаря. СПб., 1887. Т. 60, ч. 1. С. 37.

⁴ Губернии Российской империи: история и руководители... С. 284–285.

⁵ *Гераков Г. В.* Путевые записки по многим российским губерниям. СПб., 1828. С. 136.

⁶ ГАОО. Ф. 1. Оп. 219. Д. 1. Л. 2–4.

⁷ *Гераков Г. В.* Путевые записки по многим российским губерниям. С. 127.

⁸ *Недзельский Б. Л.* Пушкин в Крыму. Симферополь, 1929. С. 56.

⁹ *Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 16 т. М.; Л., 1949. Т. 12. С. 303.

¹ Перовский Николай Иванович // РБС. СПб., 1902. Т. 13. С. 550–551.

² *Головкин Ф. Г.* Двор в царствование Павла I: портреты и воспоминания. М., 2003. С. 458.

³ РГИА. Ф. 1349. Оп. 3. Д. 1688. Л. 141–143.

⁴ Там же. Л. 141–146.

⁵ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 58. Л. 1–25.

⁶ Там же. Д. 50. Л. 1–4.

⁷ Там же. Д. 61. Л. 101–122.

⁸ *Кравчук А. С.* Механизмы бурного развития: южная провинция России по отчетам таврических губернаторов // Родина. 2015. № 1. С. 143–144.

⁹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 75. Л. 1–34.

¹⁰ Архив Раевских: в 5 т. / под ред. Б. Л. Модзалевского. СПб., 1908–1915. Т. 4. 1912. С. 169–170.

нием оплатил из своих средств¹. Словом, новый генерал-губернатор не только принадлежал к элите правящего класса, но и сам по себе был человеком весьма незаурядных талантов и судьбы.

Как видно на примере того же А. Ф. Ланжерона, хороший генерал не всегда является хорошим администратором. Однако, в отличие от предшественника, М. С. Воронцов был человеком более трудолюбивым и тщательным, да и собственный стиль, состоявший в том, чтобы наилучшим образом размещать подчиненных по должностям, немало помогал ему в управлении непростым регионом. Хотя многие губернские ведомства напрямую подчинялись министерствам, ни одно важное назначение не могло произойти без ведома и согласия М. С. Воронцова, так что все рычаги управления территорией он держал в руках².

М. С. Воронцов предпочитал назначать на высокие посты тех, кто с ним работал и чьи качества были ему известны. Новый таврический губернатор, Дмитрий Васильевич Нарышкин (1792–1831), был адъютантом М. С. Воронцова³, которому приходилось троюродным братом, и участвовал вместе с ним в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг. Многочисленные ранения вынудили его в 1819 г. перейти на гражданскую службу в ранге статского советника⁴, а 16 октября 1823 г., благодаря протекции М. С. Воронцова, он стал таврическим губернатором⁵.

Надо заметить, что покровитель, вероятно, видел в Д. В. Нарышкине лишь добросовестного исполнителя своей воли, впрочем, как и во многих других подчиненных. Большинство проектов по устройству Таврической губернии исходило от генерал-губернатора, а Д. В. Нарышкин лишь следил по мере сил за их реализацией⁶. Если же инициатива, исходившая от подопечного (а это бывало редко), была не по душе М. С. Воронцову, он сразу ее отклонял, например, так было с идеей создания ботанического сада при Симферопольской гимназии⁷. Таким образом, отдавая должное Д. В. Нарышкину, следует заметить, что большинство достижений и неудач периода его губернаторства следует записать на счет его покровителя.

М. С. Воронцов смог остановить падение численности населения губернии, вызванное эмиграцией крымских татар в Турцию, при нем начался постепенный

рост этого демографического показателя. М. С. Воронцов добился развития Ялты и Керчи. При этом превратил Феодосию в обычный уездный город, лишив ее статуса градоначальства. Усилиями солдат он построил дорогу через Ангарский перевал, связавшую столицу с Южнобережьем, дав большой толчок развитию последнего¹. М. С. Воронцов вернулся к проектам Д. Б. Мертваго и А. Н. Баранова по созданию Таврического духовного магометанского правления. Хотя этот духовно-административный орган и был создан, на практике он так и не заработал².

В целом годы губернаторства Д. В. Нарышкина выдались довольно спокойными: край украшался, как и его собственные владения в нем. Несколько неприятных инцидентов могли повредить его положению. В 1823 г. под предлогом борьбы с голодом из Турции в Крым прибыли 11 дервишей со шпионскими целями³, а в 1826 г., после смерти некоей француженки графини Гаше, пропали бумаги из ее шкатулки. Выяснилось, что Гаше была Жанной Ламотт-Валуа, известной авантюристкой, и ее бумаги могли представлять немалый интерес для сильных мира сего⁴. В обоих случаях незадачливого Д. В. Нарышкина спас генерал-губернатор: выслал дервишей, прежде чем о них стало известно в Санкт-Петербурге, и помог провести расследование пропажи. Чин действительного статского советника губернатор также получил по представлению М. С. Воронцова⁵.

В 1829 г. Д. В. Нарышкин оказался замешан в очередной сомнительной истории: в его имении нашли листовки с антиправительственными призывами. М. С. Воронцов не смог (а возможно, не захотел) его выручить. Д. В. Нарышкин был отправлен в отставку⁶. Скончался он в 1831 г. в Симферополе.

Следующим таврическим губернатором стал Александр Иванович Казначеев (1788–1880). Сын небогатого дворянина, А. И. Казначеев сначала дослужился до титулярного советника, а в Отечественную войну 1812 г. был ординарцем М. И. Кутузова⁷ и старшим адъютантом в дежурстве при императоре⁸. Он служил в оккупационном корпусе во Франции вместе с М. С. Воронцовым, и тот, став генерал-губернатором, сразу назначил А. И. Казначеева правителем канцелярии⁹.

¹ Щербинин М. П. Биография генерал-фельдмаршала князя Михаила Семеновича Воронцова. СПб., 1858.

² Захарова О. Ю. Генерал-фельдмаршал светлейший князь М. С. Воронцов: рыцарь Российской империи. М., 2001. С. 170–171.

³ Пирожников А. И. История 10-го пехотного Новоингерманландского полка. Тула, 1913. С. 184–187.

⁴ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 199. Л. 2–3.

⁵ Губернии Российской империи: история и руководители... С. 285.

⁶ Корневский В. П. Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму, 1836–1845 // Российский архив: история Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв.: альманах. М., 2010. Т. 19. С. 723.

⁷ ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 21. Л. 18–19.

¹ Кравчук А. С., Непомнящий А. А. Дмитрий Васильевич Нарышкин: к биографии таврического гражданского губернатора [Электрон. ресурс] // Пространство и время: альманах: электрон. науч. изд. 2016. Т. 12, вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t12v1/2227-9490e-arprov_t_e-ast12-1.2016.12.php (дата обращения: 03.04.2017).

² ГАОО. Ф. 1. Оп. 190. Д. 74. Л. 2–56.

³ Там же. Д. 24. Л. 21–22.

⁴ Маркевич А. И. К биографии графини де Ламотт Валуа-Гаше // ИТУАК. 1912. № 48. С. 222–230.

⁵ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 199. Л. 2–3.

⁶ Губернии Российской империи: история и руководители... С. 284–285.

⁷ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 73. Л. 2.

⁸ Шарана В. Ф., Непомнящий А. А. Таврический губернатор А. И. Казначеев // КНП. 1997. № 2. С. 226–229.

⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 5. Д. 595. Л. 6–7.

В 1828 г. у них случился личный конфликт, и А. И. Казначеев был определен градоначальником Феодосии¹.

С одной стороны, А. И. Казначеев воспринимал новый пост как ссылку, с другой — старался показать себя с лучшей стороны, сделав немало полезного для города. Назначение по совместительству губернатором Тавриды в 1829 г. он также воспринял сугубо негативно, опасаясь, что все его достижения припишут предшественнику, а неудачи предшественника свалят на него². А. И. Казначеев обнаружил на новом посту упадок и запустение³. Однако ему, человеку не очень состоятельному, служебный рост был необходим. И он старался, с одной стороны, гнуть свою линию в решении административных и экономических вопросов, с другой — согласовываться со своенравным начальством, которое любит подчинение.

Временами своеволие приносило свои плоды. Так, в 1829 г. губернатор настоял на карантине в Севастополе (флотское командование случаи заболевания отрицало) и предотвратил тем самым распространение заразной болезни. При нем продолжилось благоустройство Симферополя, развивалось образование, была открыта первая городская библиотека. А. И. Казначеев немало помог ученому П. И. Кеппену (1793–1864) в его изысканиях⁴. Он смог освободить города от постоя войск, что привело к интенсивной застройке⁵. Именно при нем начались регулярные пассажирские перевозки между крымскими городами.

Очередной конфликт между А. И. Казначеевым и М. С. Воронцовым, по сути, обычный межевой спор помещиков, привел к тому, что А. И. Казначеев вынужден был подать в отставку⁶. Долгое время после этого он прожил в Крыму. Затем служил предводителем дворянства Таврической губернии и одесским градоначальником. Скончался чиновник в Москве в возрасте 92 лет.

Новый губернатор Тавриды, Матвей Матвеевич Муромцов (1791–1879)⁷, не имел отношения к М. С. Воронцову до назначения на данный пост. Этот дворянин к моменту вступления в должность обладал немалым жизненным опытом, включавшим и ранения⁸, и награды⁹ в войне против Наполеона, и участие в тайном обществе декабристского толка¹⁰ (впрочем, под репрессии он

не попал). Административная карьера привела его на должность исполняющего обязанности гражданского губернатора Санкт-Петербурга¹, однако страдающему от последствий ранений М. М. Муромцову столичный климат был противопоказан, и его покровитель Е. Ф. Канкрин (1774–1845) помог ему перевестись в Крым². 22 февраля 1837 г. он стал исполняющим обязанности таврического губернатора, а 21 июня 1838 г. официально вступил в должность³.

Фактически М. М. Муромцова навязал М. С. Воронцову сам император, которого раздражала чрезмерная самостоятельность генерал-губернатора. Негативно восприняли нового губернатора и местные чиновники, лояльные М. С. Воронцову, и только успехи в работе и покровительство Николая I препятствовали быстрому смещению М. М. Муромцова.

За время пребывания на посту М. М. Муромцов многое успел сделать. Он разрешил мусульманскому духовенству поступать на гражданскую службу⁴, принял реальные шаги по охране памятников археологии⁵, создал комитет, который должен был разработать правила пользования проточными водами (землевладельцы в условиях дефицита воды перекрывали реки, что становилось частой причиной споров; в частности, из-за этого М. С. Воронцов поссорился с А. И. Казначеевым)⁶. В эти годы развивались города, в особенности Симферополь, росло количество образовательных учреждений⁷, появилось и первое в Крыму периодическое издание «Таврические губернские ведомости».

Эти успехи долгое время держали М. М. Муромцова на плаву; однако интрига с псевдопохищением его дочери и зачастую неадекватное поведение губернатора, дававшего волю эмоциям, стали для М. С. Воронцова поводом избавиться от самостоятельного подчиненного⁸. Действовал он, как и в случае с А. И. Казначеевым, не прямым путем, вынудив М. М. Муромцова самого просить об отставке⁹.

Сменил его Виктор Яковлевич Рославец (1796–1848), в отличие от предшественника, чистый администратор, никогда в армии не служивший и поднявшийся от коллежского регистратора до действительного статского советника исключительно гражданской службой¹⁰. В. Я. Рославец был опытным гражданским

¹ Бобков В. В. Феодосийский градоначальник А. И. Казначеев: основные вехи административной деятельности // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2010. Т. 23 (62), № 1. С. 32–41.

² Из сборников П. И. Щукина // Русский архив. 1900. № 6. С. 197–199.

³ Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову, 1828–1837 / сост. А. К. Афанасьев. М., 2015. С. 28.

⁴ Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кеппена // ИТУАК. 1914. № 51. С. 223–240.

⁵ Казначеев А. И. Партикулярные письма графу М. С. Воронцову... С. 140.

⁶ Корневский В. П. Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму... С. 715.

⁷ Архив Раевских. 1909. Т. 2. С. 369–370.

⁸ Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова // Русский архив. 1890. № 3. С. 369.

⁹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 432. Л. 3–5.

¹⁰ Воспоминания Матвея Матвеевича Муромцова. С. 390.

¹ РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 432. Л. 6–7.

² Кравчук А. С. К биографии таврического гражданского губернатора Матвея Матвеевича Муромцова // Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Исторические науки. 2015. Т. 1 (67), № 4. С. 25.

³ Высочайшие повеления // Таврические губернские ведомости. 1838. 5 августа.

⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 192. Д. 41. Л. 2–5.

⁵ Там же. Оп. 191. Д. 41. Л. 15–59.

⁶ Там же. Д. 109.

⁷ РГИА. Ф. 1281. Оп. 5. Д. 52. Л. 32–35.

⁸ Маркевич А. И. Дело о похищении губернаторской дочки // ИТУАК. 1919. № 56. С. 178–179.

⁹ Корневский В. П. Неизвестные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму... С. 711.

¹⁰ Кононов В. А. Смоленские губернаторы, 1711–1917. Смоленск, 2004. (Сер. «Свидетельствуют документы»). С. 233–235.

губернатором. В его формулярном списке значились губернаторские посты в Саратовской, Енисейской, Архангельской, Смоленской, Херсонской губерниях. С 1834 по 1837 г. он работал под руководством М. С. Воронцова¹, и тот остался им доволен, поэтому назначение в Тавриду было ожидаемым.

Сразу по приезду В. Я. Рославец обрел себе врагов: вице-губернатора В. М. Бера, которого пытался уволить по приказу министра внутренних дел, и губернского прокурора С. М. Мейера². Рассказывая об этом периоде истории губернии, зачастую приходится останавливаться не на административных достижениях, а на интригах, достойных пера Шекспира или Шодерло де Лакло. В. Я. Рославец, довольно дельный и умелый администратор, в 1844 г. приказал заключить в тюрьму одного татарина, пытавшегося по старинному обычаю похитить дочь княгини Балатуковой. Однако когда бывший в Крыму М. С. Воронцов поинтересовался у арстанта причинами его заключения, тот ответил, что от него требуют сменить веру, что подтвердил упомянутый выше С. М. Мейер, как известно, враг В. Я. Рославца³. Чтобы не требовать отставки губернатора, которого сам же и рекомендовал, разгневанный хозяин края перевел В. Я. Рославца на должность херсонского губернатора, менее проблемную с точки зрения межрелигиозных отношений.

Новый начальник губернии, Владимир Иванович Пестель (1798–1865), происходил из уважаемой дворянской семьи, но в какой-то момент происхождения едва не сыграло против него: его старший брат был одним из лидеров движения декабристов. Младший Пестель также значился в списках тайного общества⁴, но никто из заговорщиков против него не показал, дело было оставлено «без внимания», так что этот эпизод на карьере В. И. Пестеля формально не сказался. Однако, учитывая его службу в частях, подавлявших переворот, противопоставление его брату было неизбежно⁵. Нельзя не заметить, что на всей биографии В. И. Пестеля, всех благодеяниях, оказанных ему императором⁶, лежит тень его казненного брата.

Его служба в армии пришлась на сравнительно мирные времена: он принял участие только в Польской кампании 1831 г. В. И. Пестель с 1839 г. служил херсонским гражданским губернатором, став в 1841 г. еще и военным губернатором Херсона, т. е. управлял уже не только городом, находящимся на особом положении, но и всей губернией⁷. Администратором В. И. Пестель был довольно неплохим.

Он умело выстроил вертикаль власти, находился в хороших отношениях с большинством чиновников, и Херсон развивался при нем значительными темпами. Так что его рокировка с В. Я. Рославцем, обусловленная волей М. С. Воронцова, была весьма неожиданной в плане последствий для обеих губерний.

В более сложной и непредсказуемой Тавриде В. И. Пестелю пришлось нелегко¹. Конечно, он обладал большей самостоятельностью, нежели предшественники, поскольку М. С. Воронцов вскоре после назначения В. И. Пестеля отправился на Кавказ. Хотя генерал-губернатор регулярно бывал в крае, его вмешательство в дела региона ощутимо уменьшилось. Однако предоставленный самому себе губернатор неохотно вникал в особенности Таврической губернии². В. И. Пестель испортил отношения с крымско-татарским населением, подвергнув репрессиям национальный батальон³. В то же время губернатор покровительствовал евреям и караимам, поспособствовав открытию караимского училища в Чуфут-Кале⁴. При нем активно развивались виноделие и рыболовство, он покровительствовал развитию промышленности.

Когда на полуострове высадились союзные войска, В. И. Пестель без всякого распоряжения военных властей и поводов к тому озаботился эвакуацией Симферополя. При этом больше он беспокоился о себе, а не о населении города, чем скомпрометировал себя в глазах общественности и военного руководства⁵, дав повод для разногласий⁶. Вернувшись, он сказался больным, чтобы оправдать этим потерю рычагов управления губернией⁷. Это не спасло его от увольнения 11 ноября 1854 г.

Так окончилась эпоха. Два события ознаменовали ее конец: Крымская война, проигранная Россией, и отход от дел всемогущего М. С. Воронцова (в 1853 г. он попросился в отставку по состоянию здоровья, а в 1856 г. умер).

Галерея губернаторов, прошедшая перед нами, удивляет богатством судеб и сюжетов. По разным причинам немногие долго задерживались в этой непростой губернии. Тем не менее кто бы ни был губернатором, губерния развивалась, строились новые заведения и появлялись производственные мощности во многом потому, что это был XIX в., и губернатору нужно было скорее приложить усилия, чтобы сдержать развитие науки и промышленности. Многие перспективные и крайне нужные для Крыма проекты были отклонены из-за недостатка денег в казне, ряд

¹ ГАОО. Ф. 1. Оп. 200. Д. 33. Л. 2.

² Корневский В. П. Известные воспоминания о деятельности М. С. Воронцова в Крыму... С. 711–712.

³ Там же. С. 713–714.

⁴ Декабристы: биографический справочник. М., 1988. С. 298–299.

⁵ Соколова Н. А. Семейство Пестелей и Россия: новые архивные материалы // Немцы в России: русско-немецкие научные и культурные связи. СПб., 2000. С. 356.

⁶ Панчулидзе С. А. Сборник биографий кавалергардов, 1801–1826. СПб., 1906. Кн. 3. С. 259.

⁷ Кравчук А. С. Известный брат известного революционера: херсонский и таврический губернатор В. И. Пестель // Пространство и время. 2015. № 1–2 (19–20). С. 202–206.

¹ Завадовский А. Г. Сто лет жизни Тавриды, 1783–1883. Симферополь, 1885. С. 263–264.

² Записки Н. Н. Мурзакевича. 1806–1883 // Русская старина. 1887. Т. 56. С. 672.

³ Масаев М. В. Крымские татары в русской армии, 1827–1874: от формирования лейб-гвардии Крымско-татарского эскадрона до введения всеобщей воинской повинности // КНП. 2000. № 15. С. 72–79.

⁴ ГАОО. Ф. 1. Оп. 192. Д. 45. Л. 1–12.

⁵ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя: с картами и планами: в 3 т. СПб., 1900. Т. 1. С. 294–295.

⁶ Брашко Н. И. Из воспоминаний и рассказов // Русский архив. 1897. № 6. С. 291–292.

⁷ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. 1. С. 295–296.

административных начинаний не был подхвачен менее способными последователями, и все равно Крым жил, строился, богател и становился все более важной губернией для Российской империи. И не в последнюю очередь благодаря своим губернаторам. Кто-то из них обладал большей свободой, как при беспечном А. Ф. Ланжероне, кто-то не смел сделать шага, не оценив реакции автократа М. С. Воронцова, но все они внесли свой вклад в облик Крыма — не только исторический, но и современный.

§ 3. Развитие экономики

П. Н. Марциновский

Уже к началу XIX столетия в районе Судака было построено значительное количество русских помещичьих усадеб, обретавших своих владельцев лишь на время виноградных сезонов. Первые поместья располагались в долинах рек Салгира, Альмы, Качи, Бельбека. В окрестностях Симферополя располагались имения академика П. С. Палласа, графа М. С. Воронцова. Одними из первых русских помещичьих усадеб на Южном берегу Крыма были имение Кучук-Ламбат и усадьба Э. О. де Ришелье в Гурзуфе, которая в 1823 г. была приобретена у хозяина графом М. С. Воронцовым, внесшим наиболее существенный вклад в дело колонизации, благоустройства и значительного повышения рыночной стоимости земель на Южном берегу Крыма.

Граф М. С. Воронцов стал крупнейшим землевладельцем Крыма. Еще в 1820 г. он купил по рекомендации Э. О. де Ришелье у директора Никитского ботанического сада Х. Х. Стевена имения на мысе Мартъян и побережье Ай-Даниль, в 1823 г. — Гурзуф, а в 1825 г. у Ф. Ревелиоти им были приобретены первые участки в Алушке, которые непрерывно расширялись за счет покупки находившихся неподалеку татарских садов. В 1824 г. уже была построена старая усадьба, а с 1830 г. строится знаменитый Алушкинский дворец. Заботами М. С. Воронцова на территории его усадеб и экономий в Ай-Даниле, Массандре и Алушке появляются виноградники, фруктовые сады, оливковая роща. Именно с деятельностью графа М. С. Воронцова связаны начавшееся заселение Крыма, развитие дворянских поместий, строительство дорог и мостов, морских портов, городов. Благодаря его усилиям Ялта уже в 1837 г. стала городом. Цена десятины земли на Южном берегу Крыма взлетела в несколько раз. Наряду с усадьбой в Алушке М. С. Воронцова, в числе первых русских усадеб значатся также поместье А. С. Голицыной в Кореизе (1825–1829 гг.), поместье Софиевка Л. А. Нарышкина в Мисхоре. В 1830 г. возникают поместья Александрия А. Н. Голицына в Гаспре и Ливадия, приобретенная Л. С. Потоцким в 1834 г. все у того же Ф. Ревелиоти. В 1830-е гг. были обустроены помещичьи усадьбы в Ореанде, Симеизе, Лименах, построены дачи в Форосе, Артеке, Магараче и т. д. В середине 1840-х гг. начато строительство царского дворца в Ореанде.

Первые помещичьи усадьбы Южного берега Крыма в Гурзуфе и Кучук-Ламбате, а также в районе Судака представляли собой очень небольшие постройки,

и только дом Э. О. де Ришелье в Гурзуфе напоминает русские помещичьи усадьбы начала XIX в. Более широкий размах усадебное строительство приобрело с начала 1830-х гг., когда графом М. С. Воронцовым на полуостров были приглашены английские и итальянские архитекторы и садовники. Лучшими постройками этого периода являются помещичьи дома и дворцы в Алушке, Гаспре, Мелласе, Мисхоре и Ореанде.

При усадьбах устраивались фруктовые сады, а в Алушке, Симеизе, Лименах, Форосе и Артеке были высажены даже оливковые рощи. К 1854 г. в Крыму насчитывалось 1200 садов, приносящих ежегодный доход от 200 до 250 тыс. рублей серебром. Наибольшей известностью в Крыму пользовались сады М. С. Воронцова в Алушке и Массандре, Л. С. Потоцкого в Ливадии, Л. А. Нарышкина в Мисхоре, Черновых, Кузьмина и др. Русские усадьбы в Крыму были окружены роскошными парками. Наиболее известные парки этого периода были разбиты ботаниками Деллингером и Патером в Ливадии, К. А. Кебахом в Алушке (1829–1839 гг.), Крамером в Гаспре, Россом в Ореанде, не говоря уже о Никитском ботаническом саде, обязанном своим величием Х. Х. Стевену, Вальду и, конечно же, Н. А. Гартвису.

Особое место по праву занимает Алушка с ее владельцем графом М. С. Воронцовым. Известный нам сегодня архитектурный комплекс Алушкинского дворца окончательно сложился к концу 1840-х гг. Самая ранняя постройка — старый дом, заложенный еще в 1824 г. Имя его создателя точно неизвестно, но, видимо, это был английский архитектор Ф. Ф. Эльсон, строивший в 1830-х гг. церковь в Алушке. В этом доме интересна внутренняя отделка комнат, напоминающая декоративное убранство ханского дворца в Бахчисарае. Влияние мотивов восточного искусства, характерное для того времени, сказалось на архитектуре дачи Л. А. Нарышкина в Мисхоре и дворца Л. А. Перовского в Мелласе. Однако Алушкинский дворец, построенный в 1830–1837 гг. архитектором В. Гунтом по проекту архитектора Э. Блора, где готический стиль более или менее строго и последовательно выдержан только с северных фасадов, а южный, обращенный к морю, соединял английский стиль с индо-мусульманским, стал своеобразным символом крымской мультикультурной эклектики, столь милого русскому сердцу евроазиатства, сочетавшего несочетаемое, создан вдохновением и волей вельможного и всемогущего англоманоромантика, что до сих пор вызывает некоторое раздражение у ревнителей чистоты архитектурных стилей.

Впрочем, расцвет усадебной культуры Крыма, придавший качественно новый импульс экономическому развитию полуострова, поначалу совершенно этого не предполагал. Романтическая идеализация восточных окраин Российской империи, взрастившая целое поколение величайших представителей русской культуры, заставляла владельцев обустраивать дворянские поместья Крыма так, как устраивались в XVIII в. подмосковные усадьбы, ничем не ограничивая их фантазии, воплощенной в форме романтических замков или же дворцов, претендующих называться восточными. Привезенные в Крым колоссальные средства, неутомимый труд крепостных, талант архитекторов, инженеров, мастеров, садовников, непрекаемая воля властителей стали одной из крупнейших инвестиций в полуостров

за всю его историю. Усадебная культура преобразила Крым. Иными словами, уже в 1830–1840-е гг. полуостров становится элитным курортом и эту роль не оставит уже никогда¹.

Продолжалась работа по упорядочиванию землепользования. Еще 19 октября 1794 г.² по высочайше подтвержденному докладу Сената за разного звания обывателями и их наследниками Таврической области были утверждены все принадлежавшие им земли. Для заселения и заведения хозяйства раздавались только пустопорожные земли, права на которые были подтверждены манифестом от 2 сентября 1793 г.³ и рескриптом от 17 сентября 1796 г.⁴ Если среди розданных земель оказывались принадлежавшие татарским поселанам, их следовало возвратить или каким-то иным способом вознаградить хозяев. Исполнение этих предписаний было возложено на генерал-губернатора князя П. А. Зубова. В 1802 г. в Крыму была учреждена комиссия⁵ для разбора земельных споров, вооруженная опубликованными в том же указе правилами, которые были дополнены в 1804 г.⁶, в соответствии с § 26 которых ханские земли, оставшиеся после выезда мурз и простых татар, находящиеся во владении татар, должны оставаться в их собственности. Оставались в собственности татар и земли, расположенные посреди других имений (§ 27), и земли ханские и мурзинские (§ 28). Сами же татары оставались свободными и могли распоряжаться своими землями по собственному усмотрению. Статус земель, находившихся не в собственности, а в пользовании, также не менялся и предполагал исправление повинностей в виде десятинной подати и отработок от пяти до восьми дней в году. Земли, отданные помещикам, оставались в их полном распоряжении (§ 30). В сентябре 1827 г. было утверждено положение для татар-поселян и владельцев земель в Таврической губернии⁷, которым устанавливались общие правила едва ли не на все случаи, связанные с землевладением и землепользованием. В январе 1829 г., в связи с открытием межевания и учреждением в Симферополе Межевой конторы и Комиссии для размежевания земель в Таврической губернии⁸, были изданы правила, развивавшие процесс земельного регулирования и подтверждавшие права собственников недвижимости на Крымском полуострове. В феврале 1833 г. эти правила для Крыма были облегчены⁹. Теперь в горной части и на Южном берегу Крыма татарам было разрешено уступать или продавать земли, не только принадлежавшие им по документам, но и по праву 10-летнего владения до даты издания указа. Это означало следующее. Если было установлено, что участок земли, предложенный на продажу, на который могла бы

претендовать казна, находился в течение 10 лет в бесспорном частном владении, то его беспрепятственно можно было продать. В августе 1833 г. это правило было распространено и на всех остальных жителей горной части и Южного берега¹.

Испытания, выпадавшие на долю расцветающего вельможными дворцами Крыма, оказывались порой едва ли не более впечатляющими, чем успехи. Эпидемии, войны, неурожай отнюдь не способствовали развитию хозяйства полуострова. Одной из наиболее известных катастроф начала XIX в. стала зима 1812–1813 гг., когда, наряду с небывалыми морозами, едва закончившейся Русско-турецкой войной и надвинувшимися на Россию силами Западной Европы во главе с Наполеоном, в Крыму свирепствовала чума, в очередной раз завезенная из Турции. Эпидемия вспыхнула в 1812 г. в Феодосии, охватив до 200 верст в окружности и более 50 населенных пунктов. Войска, расквартированные на полуострове, и еще пока здоровые местные жители были брошены на борьбу с этой страшной болезнью. Эпидемия продолжалась до 1814 г., нанеся Крыму колоссальный ущерб. Потребовалось более двух лет, чтобы восстановить уничтоженное чумой животноводство. Людские потери, конечно, невосполнимы. Нельзя не упомянуть и жестокий чумной бунт в Севастополе летом 1830 г., когда принятые карантинные меры оказались хуже самой, так и не случившейся, эпидемии².

Без того редкое население полуострова регулярно страдало от неурожая, вызванных чаще всего нестабильной и непредсказуемой крымской погодой. Сильнейшая жара и непрекращающиеся сухие ветры могли внезапно смениться ливнями с градом. Ущерб, нанесенный природными катаклизмами в 1847 г., оценивался более чем в 50 тыс. рублей серебром. Неурожайным был и 1848 г. Крестьяне вели неравную борьбу с различными грызунами и насекомыми, особенно саранчой, борьба с которой превратилась в тяжкую ежегодную повинность для всего населения Крыма. Наиболее трудно приходилось жителям, когда засуха, саранча и град обрушивались на них в один и тот же летний сезон, что случалось нередко. Наибольший ущерб нашествие саранчи нанесло в 1824 г., что привело к голоду, прекращению торговли хлебом, отсутствию посевного фонда. От бескормицы погибло и много скота. В том же году по высочайшему указу были приняты меры предосторожности в Феодосии, Севастополе и Керчи в связи с эпидемией желтой лихорадки в Нью-Йорке и Флориде³.

Ситуация с выращиванием хлебов усугублялась тем, что значительная часть населения Крыма в этот период хлебопашеством просто не занималась вплоть до начала 1850-х гг., когда высокие цены на пшеницу сделали эту отрасль сельского хозяйства достаточно прибыльной. Нагорные татары выращивали просо и картофель, который в этот период стал одним из основных продуктов питания. И все же, несмотря на медленное переселение в Крым земледельческого населения и незначительный его рост, урожаи зерновых хлебов на полуострове в течение первой половины XIX в. существенно выросли.

¹ ПСЗ-II. Т. 8. № 6373. С. 457.

² ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3139. Л. 2–22.

³ Там же. Д. 2480. Л. 3.

¹ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 359–391.

² ПСЗ-I. Т. 23. № 17265. С. 585.

³ Там же. № 17149. С. 456.

⁴ ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 445. Л. 29.

⁵ ПСЗ-I. Т. 27. № 20276. С. 149.

⁶ Там же. СПб., 1830. Т. 28. № 21275. С. 288.

⁷ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 2. № 1417. С. 850.

⁸ Там же. Т. 4. № 2617. С. 50.

⁹ Там же. СПб., 1834. Т. 8. № 5994. С. 105.

Крымское садоводство после переселения в 1778 г. в Приазовье греков и армян переживало упадок. Его возрождение связано с основанием осенью 1812 г. Никитского ботанического сада, который, по мнению Э. О. де Ришелье, должен был содействовать сохранению имеющихся насаждений Крыма, а также культивированию новых растений, как плодовых, так и декоративных. Уже в середине 1820-х гг. Никитский ботанический сад располагал сотнями редких растений. Так, Н. П. Румянцев заложил плантацию пробкового дерева, Э. О. де Ришелье, уехав в Париж, присылал оттуда различные саженцы. Благодаря стараниям директора, крупного ученого-ботаника Христиана Христиановича Стевена (1781–1863), и его помощников в Никитском саду появились маслины, различные виды шелковиц, финиковые пальмы, мирты, гранаты, олеандры, другие экзотические деревья и цветы, в том числе даже редкие розы, выписанные с мыса Доброй Надежды. Ботанический сад стал центром распространения посадочного материала для всего полуострова, особенно его Южного берега. На растениеводческой базе этого сада с 1812 по 1861 г. было создано более 80 казенных и многочисленная сеть частных садов и питомников на территории Российской империи. В этот период сад отпустил более 400 тыс. саженцев деревьев. Государство способствовало развитию садоводства и виноградарства. Во всяком случае, помещики, закладывая свои имения, указывали в качестве цели займа чаще всего заведение новых садов и виноградников. Сколько действительно было потрачено на сады и виноградники, трудно сказать. Однако процесс раздачи земель на эти цели был довольно строго регламентирован «Правилами на раздачу земель, принадлежащих городам Новороссийского края и Бессарабской области, для разведения садов и виноградников», высочайше утвержденными 2 ноября 1842 г.¹

Попытки создания в Крыму казенного виноградарства, несмотря на грандиозный размах мероприятий (крупные закупки за границей виноградной лозы, привлечение к устройству виноградников солдат, строительство погребов), столкнулись со значительными трудностями. Это было связано с тем, что крымско-татарские виноградары обрабатывали собственные виноградники, где выращивали лишь столовый виноград, и не были заинтересованы в производстве вина, тем более качественного, а русские помещики, не располагая рабочей силой, относились к своим владениям как к дачам, посещая их лишь на время виноградных сезонов. Надежды на привлечение к этой деятельности колонистов — армян, молдаван, швейцарцев — также не оправдались. И тогда П. С. Паллас предложил создать в Крыму казенное училище виноградарства и виноделия. Идею поддержал К. Габлиц, и в 1804 г. по повелению императора Александра I было открыто Судакское училище на землях урочища Ачиклар — идеальных, по мнению основателей учебного заведения, для выращивания лучших сортов винограда. На строительство училища было выделено 15 тыс. рублей и еще 3 тыс. рублей в год на его содержание², вследствие чего лишилось финансирования строительство казарм, для которого

эти деньги были изначально предназначены¹. П. С. Паллас, став первым руководителем училища, выписал из Франции двух виноградарей и одного бочара, набрал первых казенных учеников. Помимо официально назначенных, в училище разрешалось принимать «всякого звания людей, виноделию обучаться желающих»².

Несмотря на то что уже в 1808 г. П. С. Паллас покинул училище, дело развивалось, и каждую весну виноградные лозы Судакского училища давали черенки лучших европейских сортов, которые доставались совершенно бесплатно всем, кто хотел разводить виноград в своих хозяйствах. В самом училище на заре его существования производство вина было совершенно незначительным — чуть более 10 ведер разных сортов. В качестве пресса использовались ноги учеников, выжимавших виноград в единственное в училище приспособленное для этого деревянное корыто «торопан». Однако в 1807–1812 гг., как свидетельствует П. Кеппен, в училище уже вырабатывали в среднем около 445 ведер вина в год, а в 1817–1822 гг. — 1793 ведра. В ассортименте 1825 г. имелось уже 12 сортов, среди которых, в первую очередь, кокур таврический (226 ведер), виноград для которого был завезен в Крым из древнегреческой Коркиры (Корфу), затем византийские красные и белые вина (143 и 105 ведер соответственно), французские, немецкие и венгерские сорта: французское, кларет, бордо, рейнский рислинг, рейнский дрейменнер, асмангаузен, венгерское и даже мускат. В 1826 г. в Крыму произведено всего около 160 тыс. ведер вина, и в этом низкопробном хмельном море вина Судакского училища кажутся каплей, однако задача этого учебного заведения состояла не в производстве собственно вина, а в повышении культуры виноградарства и виноделия, внедрении и распространении новых сортов винограда, организации производства новых сортов вин. Водку на зерновом спирте в Крыму практически не производили, изготавливая некое подобие коньяка на манер французской водки из винограда и фруктов — от 2 до 4 тыс. ведер в год, а также пива — от 5 до 6 тыс. ведер³.

Новый импульс крымское виноделие получило благодаря созданию в 1828 г., по примеру Судакского училища, Магарачского училища виноделия при Никитском ботаническом саду. В этот период крымское виноделие переживало подъем. Это было связано с использованием новейших научных достижений в этой области, наличием соответствующего учебного заведения, применением в отрасли вольнонаемного труда. Крупнейшими производителями вина были граф М. С. Воронцов и другие помещики-рационализаторы, а также колонисты, купцы, государственные крестьяне. Виноделие всегда было капиталоемким производством. Поэтому в 1827 г. мелкие производители были вынуждены создать акционерную компанию, основным видом деятельности которой предполагались изготовление, скупка и продажа вина. Компания выпустила 200 акций номиналом в 1 тыс. рублей. Учредители «Крымской винной компании» полагали, что, объединив капиталы, они смогут выписывать искусных виноделов, строить необходимые заведения для изготовления

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 4746. Л. 12.

² Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 734. Л. 17.

¹ ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 734. Л. 25.

² Там же. Л. 6.

³ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 359–391.

и хранения вин, совершенствовать вина и тем самым обеспечивать выгодный сбыт. Особенно перспективным в этом смысле им казался рынок Симферополя. Предприниматели, имевшие достаточные средства, выписывали из-за границы специалистов-виноделов, а также прессы и прочее оборудование и вели дело «по правилам систематического, или европейского, производства». В 1820-х гг. были основаны винодельческие хозяйства А. М. Бороздина в Кучук-Ламбате, М. С. Воронцова в Массандре, Алушке и Ай-Даниле, который благодаря стараниям французского винодела Гаузера из Шампани стал одним из основных центров виноделия.

С конца 1820-х гг. в Судакской долине стало развиваться крупное виноградарское предпринимательство, постепенно вытеснявшее казенное, вследствие чего земли долины были распроданы или сданы в аренду, а Судацкое училище прекратило свое существование. Однако флаг крымского элитного садоводства и виноделия гордо продолжали нести Никитский ботанический сад и Магарачское училище. Благодаря их деятельности Южный берег Крыма покрылся фруктовыми садами и виноградниками. В рассаднике Магарачского училища к середине XIX в. собиралось 420 сортов винограда, а в Никитском саду — более 600 сортов. В конце 1836 г. на побережье от Ласпи до Керчи насчитывалось до 7 млн виноградных кустов, ничем, по мнению таврического губернатора, не отличавшихся от существующих на Рейне или во Франции. Разнообразию и высокому качеству виноградных лоз, привезенных из разных стран и высаженных в Крыму, соответственно отражалось и на достоинствах вин. В Крыму изготавливались испанские, португальские, французские, итальянские, греческие, венгерские вина. Хотя главным районом виноделия оставался Южный берег Крыма, постепенно оно продвигалось в степную часть полуострова и на материк (по мере насаждения там винограда). Так, в Шенхларском имении М. С. Воронцова (Евпаторийский уезд) в 1840-х гг. росло уже до 80 тыс. лоз, и вино поступало в продажу.

В 1846 г. на сельскохозяйственной выставке в Симферополе лучшими были признаны вина из Алупкинской, Массандровской и Ай-Данильской экономий М. С. Воронцова¹. К 1848 г. в Крыму насчитывалось почти 3 тыс. виноградников, а количество кустов достигло 35 млн на более чем 5 тыс. десятин земли. По производству вина южнобережные районы занимали третье место, уступая Качинско-Бельбекскому району и Судаку. В 1835 г. в Крыму было произведено 356 тыс. ведер вина, а к концу 1840-х гг. эта отрасль выросла вчетверо: производство достигало порой полумиллиона ведер. В 1852 г. только в трех уездах полуострова — Симферопольском, Ялтинском и Феодосийском — от продажи вина и винограда получено дохода на 232 465 рублей серебром. Крымские вина в это время уже были широко известны. В 1840–1850-х гг. их продавали в Петербурге, Москве, Нижнем Новгороде, Казани, Самаре и по всему Югу России.

Виноградарство и виноделие стали основным занятием населения Южнобережья, в то время как в горной части полуострова и степном Крыму преобладало животноводство, чему способствовали наличие обширных пастбищ, в том чис-

ле высокогорных яйл, достаточно теплый климат и низкая трудоемкость отрасли, что приобретало решающее значение в условиях недостатка рабочей силы. В помещичьих хозяйствах развивалось тонкорунное овцеводство, приносящее большие доходы владельцам овчарных заводов и пользовавшееся покровительством государства, что выражалось в бесплатной раздаче земель под овцеводство всем желающим при условии ввоза из-за границы тонкорунных овец. Крымские татары занимались преимущественно овцеводством. Овцы, которых выращивали в горной части Крыма, отличались высоким качеством шерсти. В Евпаторийском уезде разводили овец с курчавой серой шерстью, из шкурок которых изготавливались ценные смушки. Овцеводство развивалось и в имениях помещиков: французского негоданта В. Рувье, генерал-лейтенанта А. М. Бороздина, подполковника А. С. Таранова-Белозерова, евпаторийского купца Л. Штиглица. Животноводство стимулировалось и государством, поскольку значительная часть мяса использовалась для изготовления солонины, которая ежегодно закупалась у населения для Черноморского флота. Этой солониной в 1806 г. снабжался и английский флот.

После переселения в 1778–1779 гг. в Приазовье крымских армян и греков пришло в упадок и шелководство. Были утрачены как культура разведения шелковицы, так и технология изготовления шелка. Попытки создания казенных шелковичных садов и приглашение с этой целью итальянского специалиста не имели успеха. Однако на сельскохозяйственной выставке в Симферополе в 1846 г. серебряная медаль 2-го разряда была присуждена тайной советнице В. Д. Казначеевой не только «за замечательного качества вина, разнообразные овощи большой величины, каперсы и отличный рабочий скот», но и за шелководство¹.

В первой половине XIX в. в Феодосийском, Ялтинском и Симферопольском уездах стало развиваться табаководство. К середине XIX в. в Крыму производилось ежегодно более 16 тыс. пудов табака, который находил спрос как на внутреннем рынке, так и за границей. В Крыму в 1850 г. действовали 11 табачных фабрик и 38 домашних заведений, выделявавших табак различных сортов². Важной отраслью хозяйства Крыма было пчеловодство, поскольку мед, собранный с крымских горных цветов, ценился в два-три раза дороже, чем любой другой. В 1807 г. он продавался по 15 рублей за пуд, в то время как обычный мед стоил не дороже 5 рублей.

В начале XIX в. промышленность в Крыму представляла собой множество мелких ремесленных лавочек. Однако уже к началу 1820-х гг. число мастерских, связанных с обработкой кожи, шерсти и животного сала, достигло 435, возникли суконное предприятие и 124 мастерские по пошиву шуб. Кожевенная отрасль выработывала кожи самых различных сортов, включая сафьянные и замшевые, изготавливались конская сбруя, упряжь, седла, обувь. Используя самую примитивную технику, татарские мастера обеспечивали высочайшее качество изделий из кожи. К сожалению, традиции этого ремесла оказались безвозвратно утрачены. Имелись свечные и мыловаренные предприятия. Было представлено и кузнечное дело, хотя,

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15090. Л. 127.

² Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4165. Л. 11–57.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 15090. Л. 153.

к сожалению, уже к середине 1820-х гг. одно из наиболее ярких татарских ремесел — изготовление сабель — пришло в упадок, в многочисленных мастерских продолжали изготавливать различные металлические изделия бытового и производственного назначения. К началу 1830-х гг. прославились болгарские колонисты, большие мастера по изготовлению шерстяных ковров.

Наиболее известным предприятием Крыма начала XIX в. считается суконная мануфактура таврического губернатора А. М. Бороздина, основанная им в 1813 г. в деревне Саблы Симферопольского уезда. Столкнувшись с отсутствием в Крыму, как сказали бы сейчас, рынка труда, помещик переселил крепостных крестьян из своих российских имений в Саблы, где, перековываясь в пролетариат, они зарабатывали для хозяина приличную прибыль, производя сукно и фески. Дело в том, что мануфактура выполняла военные заказы, которые во все времена считались весьма выгодными.

К 1852 г. в Симферополе и уезде действовали шлифовальная фабрика, где изготавливали надгробные памятники, мраморные, гранитные и другие украшения, восемь свечных и мыловаренных заводов, восемь черепичных, по одному кирпичному, известковому и пивоваренному, а также заводы по изготовлению красных шерстяных фесок и глиняной посуды; в Феодосии и уезде работали 10 кирпичных и черепичных заводов, четыре свечных и мыловаренных, известковый и рыбный; в Бахчисарае на 16 заводах выделывали кожи, шерсть, войлоки, шили бурки; работали также пять свечных и мыловаренных заводов; в Карасубазаре располагались девять кожевенных, 17 свечных и мыльных, семь сыромятных заводов; в Старом Крыму находился кожевенный завод, а два предприятия производили горшки, черепицу и кирпич. В Евпатории и уезде насчитывалось 13 кожевенных мастерских, 11 свечных, сальных и мыльных, шесть войлочных и три рыбных завода; в Перекопе — два черепичных, один кирпичный и пять свечных заводов¹.

Было бы странным, говоря о Крымском полуострове, не вспомнить о рыболовстве — этом излюбленном занятии почти всего населения Крыма. Ловили скумбрию, камбалу, кефаль, добывали устрицы. Вялили, коптили, сушили, замораживали, ели сами, продавали на рынке. Хватало всем, включая сотни черноморских казаков, ногайцев, керчь-еникальских мещан, жителей Херсонской губернии и Левобережной Украины. Отрасль интенсивно развивалась, и уже в 1805 г. в ней использовался наемный труд, а к 1825 г. количество наемных рабочих достигло 4,3 тыс. человек. Центром рыбной промышленности являлась Керчь. Рыболовецкие артели вылавливали значительное количество рыбы, в том числе славившуюся своими вкусовыми качествами керченскую сельдь. В 1849 г. в Крыму было выловлено 12,5 тыс. пудов красной рыбы, которая пользовалась большим спросом как на российских ярмарках, так и за границей.

Добывающая промышленность была связана со строительной отраслью и соледобычей. Насчитывалось чуть более сотни небольших предприятий по производству черепицы, кирпича, извести, керамических труб и других гончарных из-

делий, предназначенных для строительства жилья и оросительных систем. Добыча соли всемерно поощрялась государством и была доходной отраслью. Помимо обычного пищевого предназначения, соль была необходима для обработки рыбы и икры, выделки кож и других отраслей крымского хозяйства. Большая часть соли потреблялась на внутривоспольском рынке, однако некоторое ее количество вывозилось и в Турцию. Соль являлась также предметом обмена на хлеб, которого на полуострове не хватало. Роль поставщиков хлеба успешно выполняли чумаки, обменивая привезенное зерно на соль, рыбу, фрукты, вино, шерсть и другие крымские товары. В 1823–1847 гг. в Крыму ежегодно добывалось от 8 до 15 млн пудов соли, за которой каждый год на полуостров приходило более 120 тыс. подвод.

Однако добыча природных ископаемых не ограничивалась солью. В первой половине XIX в. продолжалось изучение природных богатств Крыма. Горный инженер Павел Иванович Крюков открыл различные породы мрамора и порфира, а М. С. Воронцов, заинтересованный в украшении своих владений на Черноморском побережье, вложил большие средства в создание тем же Крюковым шлифовальной мастерской, в которой из горных пород изготавливались вазы и другие художественные произведения. В 1840-х гг. возобновилось изучение керченских железных руд, открытых академиком В. Ф. Зуевым еще в конце XVIII в., что привело в 1846 г. к появлению керченского металлургического предприятия¹. В приморских городах появлялись небольшие судостроительные верфи, в основном частные, предназначенные для постройки малых деревянных торговых судов. Лишь в Севастополе находились казенные верфи, заложенные еще в конце XVIII в.

Торговля на полуострове не претерпела изменений со времен перехода татар к оседлости: на специально отведенных местах, как правило в центре города, называемых базарами, размещались многочисленные торговые и ремесленные лавки, тут же предлагающие свой товар — одежду, шапки, сапоги, металлические изделия и многое-многое другое. Только вдоль одной главной проезжей улицы Бахчисарая в 1801 г. насчитывалось 487 таких лавок, а в Евпатории и Карасубазаре их было более чем по тысяче. По воскресеньям на базарную площадь съезжались многочисленные продавцы фруктов, заполнявшие все свободное пространство своими двухколесными арбами. Здесь же готовились и продавались чебуреки и шашлык. Огромное количество так называемых бузней², «заведенных по-европейски трактиров», кофейных домов удовлетворяли потребности сильного пола в общении. Базар — священное мужское место, женщину здесь не встретишь. И это, пожалуй, единственное существенное отличие от базара начала XXI в. в центре любого отечественного южного города с его многочисленными бутиками и забегаловками.

Купцы, которые приезжали из-за границы или отдаленных мест империи, торговали в особых гостиных дворах — «ханах», где жили, хранили товар, торговали, заключали сделки, заводили новые знакомства. Как заведено на Востоке,

¹ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 359–391.

² Бузня (от татарского слова «бузья») — место варки и продажи бузы; буза — сусло, молодое пиво или брага, солодковатое и недобродившее.

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6236. Л. 12–365.

снаружи такой гостиный двор казался крепостью, вознаграждая рискнувших зайти гостей роскошной и комфортной обстановкой с коврами, фонтанами и радушными хозяевами. Здесь можно было купить лучший заморский товар. В Симферополе было 13 таких «ханов», в Бахчисарае — 17, в Евпатории — 20, в Карасубазаре — 11. В Симферополе к 1807 г. насчитывалось 197 лавок, 12 кофейных домов, девять бузней, ряд питейных домов и трактиров. На базарной площади имелись отдельные торговые ряды для татар, русских, греков и армян. В 1810 г. в городе был построен новый гостиный ряд. А вот Феодосия как город и торговый центр в начале XIX в. переживала упадок, несмотря на то что сюда по-прежнему приезжали иностранные купцы за пшеницей, сырыми кожами, овечьей шерстью, коровьим маслом, предлагая в обмен хлопок, хлопчатобумажные ткани, вина, изюм, финики, винные ягоды, корицу, гвоздику и другие товары.

К середине XIX в. существенное значение для полуострова приобретает внешняя торговля. В течение всей первой половины XIX в. структура импорта на территорию полуострова сохранялась такой, какой она была во времена Крымского ханства, если, конечно, не считать изменения в потребностях населения после присоединения к России. Структура вывозной торговли также оставалась архаичной, что было обусловлено и слабым развитием земледелия в целом, и незначительным удельным весом населения, которое занималось преимущественно выращиванием зерновых хлебов, и, наконец, традиционно ограниченными возможностями русского торгового флота. Так, например, из Евпатории за 14 лет, с 1839 по 1852 г., в среднем вывозилось около полумиллиона пудов зерна в год; больше всего — в 1847 г. (2 064 195 пудов), меньше всего — в 1851 г. (2650 пудов).

Неразвитость торговли становилась причиной роста цен. Так, в сентябре 1803 г. министр внутренних дел граф В. П. Кочубей потребовал провести расследование в связи со слухами о непомерной дороговизне в Севастополе¹. Особенно остро это касалось баранины и говядины. Выяснилось, что на 20 тыс. жителей Севастополя, включая воинские команды и приезжих, записанных в цехи мясников нет вообще, купечество малочисленно, и мясо продается в пяти, а иногда и в трех лавках. Пастбищ в округе нет, все везут издалека и неохотно. Решение нашли в организации одного в неделю торгового дня на Северной стороне, некоего подобия ярмарки, с приглашением жителей всех окрестных деревень продавать там съестные припасы².

Уже в 1810 г. было объявлено об учреждении в Феодосии двух ярмарок, 21 мая и 14 сентября, что связано с особенностями доставки в местный порт товаров из-за границы³. Однако эта форма торговли в Крыму становится значимой лишь со второй четверти XIX в. Были учреждены ярмарки: в 1828 г. две в Симферополе — Георгиевская (23 апреля) и Покровская (1 октября)⁴; в 1831 г. в Керчи — тоже

Георгиевская (23 апреля и 29 августа, в день усекновения главы Иоанна Крестителя)¹. Эти ярмарки и стали самыми крупными на полуострове. Росли торговые обороты. На ярмарках торговали овечьей шерстью, простой и испанской (тонкая шерсть шла в Харьков, Одессу, Москву и за границу), вином, фруктами, хлебом, скотом, рыбой, строевым лесом. Из-за пределов Крыма на ярмарки привозили ткани и другие мануфактурные изделия. Соль продавали на местах ее добычи. Значимыми для экономического развития Крыма событиями стали учреждение 18 июля 1820 г. в Феодосии Коммерческого суда², открытие в том же году Севастопольского порта³ и в 1823 г. — порта в Керчи⁴.

С присоединением Крыма к России началось строительство дорог и мостов. В 1809 г. в Симферополе было завершено строительство деревянного моста на сваях через реку Салгир. В 1810 г. построены мосты через Качу и Альму, благоустроены дороги в Бахчисарае. В 1826 г. был закончен участок горного шоссе от Симферополя до Алушты, в 1837 г. — от Алушты до Ялты, а в 1848 г. — от Ялты до Севастополя. Все это, безусловно, способствовало развитию внутренней и внешней торговли.

Хозяйственное развитие полуострова сопровождалось ростом старых и строительством новых городов. В 1783 г. был основан Севастополь, ставший в 1804 г. главным военным портом Черноморского флота, а в 1809 г. — военной крепостью. Основным предприятием города стал порт, где строились и ремонтировались боевые и вспомогательные суда. В 1853 г. в Севастополе проживали 47 400 человек. Наличие в Крыму значительного количества войск и флотских экипажей, тративших здесь же свое казенное жалованье, также способствовало развитию экономики полуострова. В 1784 г. был основан Симферополь, ставший административным центром области, а затем губернии, в котором к 1846 г. насчитывалось 13 768 жителей. В начале XIX в. стала развиваться Керчь, насчитывавшая до этого всего несколько десятков домов; к середине века ее население выросло до 12 тыс. человек. На месте небольшой деревушки вырос город Ялта, превратившийся в центр Южного берега Крыма. Постепенно возрождалась древняя Феодосия. В течение первой половины XIX в. городское население выросло в шесть раз и составило 27% от общего количества населения Крыма. К июню 1847 г. численность податного населения Таврической губернии составляла 255 925 человек⁵.

Таким образом, в первой половине XIX в. Крымский полуостров был не только интегрирован в Российскую империю во всех отношениях, но и готов к дальнейшему устойчивому развитию. Не всегда оперативно, но все же находили свое решение самые сложные проблемы, в том числе землевладения и землепользования, появления и развития новых отраслей хозяйства, строительства дорог и городов, создания государственной структуры в целом. Крым развивался, несмотря на многочисленные трудности, природные бедствия, малонаселенность, необходи-

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 482. Л. 1.

² Там же. Л. 29–30.

³ Там же. Д. 1147. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 3110. Л. 6.

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 3354. Л. 15.

² Там же. Д. 2022. Л. 2.

³ Там же. Д. 2084. Л. 2.

⁴ Там же. Д. 2335. Л. 3.

⁵ Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4064. Л. 16.

мость помнить о внешних угрозах: военных, политических, эпидемических. Однако главным достижением этого периода стало возникновение особой крымской русской усадебной культуры, имевшей всеобъемлющий смысл для созидательных преобразований на древней земле полуострова.

§ 4. Таврическая губерния в эпоху наполеоновских войн. Крымские конно-татарские полки в Отечественной войне 1812 г. и Заграничных походах 1813–1814 гг.

Л. В. Мельникова

Борьба императора Александра I с Наполеоном, продолжавшаяся с некоторыми паузами и компромиссами около 10 лет, потребовала колоссального напряжения сил жителей всей Российской империи, в том числе и недавно присоединенных земель. Положение Таврической губернии осложнялось в то время также Русско-турецкой войной 1806–1812 гг., неблагоприятно отразившейся на экономике края и вызвавшей опасения российского правительства насчет возможной высадки турецких войск на побережье и их поддержки татарами и ногайцами. Однако мусульманское население региона в полной мере продемонстрировало верность российскому престолу.

30 ноября 1806 г. Александр I, опасаясь переноса военных действий на территорию России (после сокрушительного разгрома наполеоновской армией прусских войск), издал манифест «О составлении и образовании повсеместных временных ополчений или милиции». Эти формирования, называемые также земскими войсками и предназначенные для подкрепления регулярных армий, создавались в 31 губернии. Соединенные ополчения нескольких губерний (от четырех до пяти) составляли областные земские войска, каковых назначалось семь¹. Согласно расписанию, Таврическая губерния не вошла в число административно-территориальных единиц, в которых учреждалась милиция. Однако в феврале 1807 г. Александр I удовлетворил ходатайство херсонского военного губернатора герцога Э. О. де Ришелье о дозволении составить таврическую милицию, независимо от ополчения, учрежденного в других подведомственных ему губерниях. Ходатайство было вызвано соответствующим прошением дворянства двух материковых уездов Таврической губернии — Днепровского и Мелитопольского².

Первоначально в этих уездах предполагалось собрать в ополчение 870 помещичьих и государственных крестьян (470 — в Днепровском и 400 — в Мелитопольском). Однако, следуя назначенному определению сбора (по одному человеку

с 57 душ), в конечном итоге в состав милиции там были включены 455 крестьян (217 и 238 человек соответственно). В Крыму, где располагались четыре из семи уездов губернии, но при этом было мало крестьян, ратниками стали 158 обывателей христианского вероисповедания. Татары, освобожденные от этой повинности, предоставили им лошадей и верховую сбрую. Начальником таврической милиции был избран полковник Д. М. Куликовский¹.

Главная задача нового формирования заключалась в сохранении внутреннего спокойствия края. На материковом побережье от Перекопа до Кинбурна, где имелось несколько бухт, удобных для причаливания судов, ополченцы активно действовали казачьим постам в разъездах и наблюдении за морем. В случае высадки турецкого десанта им предписывалось удалять с береговой линии местных жителей и скот, а также уничтожать пешего противника, если он попытается отдалиться от кораблей. Параллельно ратники следили за тем, чтобы скотоводы не подгоняли к морскому берегу табуны лошадей².

В Крыму тоже остерегались высадки турок, которые могли взять заложников среди татарского населения и вынудить его поднять мятеж против властей. Чтобы избежать подобного развития событий, таврический гражданский губернатор Д. Б. Мертваго решил принять меры безопасности, употреблявшиеся во время Русско-турецкой войны 1787–1791 гг.: временно переместить татар с Южного берега в селения, расположенные с северной стороны Крымских гор, при этом сделать это максимально деликатно. Благодаря содействию Таврического муфтия Муртазы Челеби-эфенди, убедившего татар продемонстрировать верноподданность и «самим вызваться к тому, что может быть приказано», переселение приобрело практически добровольный характер. Крымские мурзы обратились к губернатору с прошением предписать татарским семьям, проживавшим на побережье от Балаклавы до Феодосии, переехать на другую сторону цепи гор во избежание подозрений и ложных доносов на них, но при этом разрешить им возвращаться в дневное время на Южный берег для обработки своих садов и сбора фруктов. Инициатива татарских дворян была поддержана, причем им же было поручено исполнение данного мероприятия. В доказательство «верноподданнического усердия» переселявшиеся татары сдали губернатору имевшееся у них оружие и предоставили «для надобностей службы» принадлежавшие им мореходные лодки. Скотоводы, державшие лошадей на пространстве от Феодосии до Керчи, отогнали свои табуны на общественные пастбища к берегам Азовского моря или за Перекоп. Переселение состоялось в марте 1807 г., а в мае татары уже были возвращены на Южный берег под подписку с обязательством немедленно уйти в горы в случае появления неприятельского флота³.

Чтобы не обидеть татар излишними подозрениями и пресечь ненужные слухи, могущие вызвать национальную вражду, Д. Б. Мертваго принял в это время

¹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 29. № 22374.

² Маркевич А. К столетию Отечественной войны. Таврическая губерния в связи с эпохой 1806–1814 годов. Исторический очерк (по архивным материалам) // ИТУАК. 1913. № 49. С. 3–4.

¹ Маркевич А. К столетию Отечественной войны... С. 4–8.

² Там же.

³ Там же. С. 19–26.

на службу при своей канцелярии несколько молодых людей из именитых татарских родов и позволил каждому из них иметь при себе от одного до трех человек, вооруженных подобно милиции. Во время своих поездок по горной части Крыма губернатор намеренно использовал их в качестве конвоя, демонстрируя, что «гражданский начальник самого себя доверяет одним татарам»¹. В своей деятельности Д. Б. Мертваго вообще опирался на татарскую знать, готовую сотрудничать с властями, и старался учитывать интересы местного населения, умело сочетая их с интересами государства.

Что касается ополчения, то на Крымском полуострове оно употреблялось в основном для поддержания спокойствия и порядка на дорогах. Береговую линию охраняли регулярные войска.

27 сентября 1807 г., через два месяца после заключения с Наполеоном Тильзитского мира, Александр I подписал манифест «О прекращении существования земского войска и обращении ратников в первобытное состояние»². Несмотря на продолжавшуюся войну с Турцией, таврическая милиция также была распущена.

Практически одновременно с учреждением в губернии милиции непосредственно в Крыму было совершено еще одно патриотическое дело — сформированы четыре конно-татарских полка. Инициаторами этого начинания выступили муфтий Муртаза Челеби-эфенди и мурзы, подписавшие в декабре 1806 г. от лица всего крымско-татарского населения соответствующее прошение на имя императора Александра I³. При этом идею им подкинул Д. Б. Мертваго, намекнув на представившуюся татарам возможность не только доказать свою верность, но и получить за службу в иррегулярных войсках чины и отличия⁴.

Реализация предприятия проходила весной 1807 г. под руководством Д. Б. Мертваго и Э. О. де Ришелье. Полки были сформированы по образцу казачьих полков и имели пятисотенный состав. Названия они получили по наименованию уездов, из жителей которых создавались; на должности полковых командиров были назначены представители крымско-татарской знати: Симферопольским полком командовал майор Кая-бей Балатуков 1-й, Перекопским — майор Ахмет-бей Хункалов 1-й, Евпаторийским — капитан Абдулла-ага Мамайский, Феодосийским — поручик Али-мурза Ширинский⁵. Прочие офицерские должности также заняли татарские дворяне. Первоначально в Санкт-Петербурге рассматривался вопрос о назначении в конно-татарские полки русских офицеров, но Д. Б. Мертваго убедительно показал,

что незнание командирами языка вверенных им людей не только создаст значительные неудобства в военное время, но и вызовет недоверие подчиненных по отношению к поставленным над ними неизвестным лицам¹. Кроме того, Д. Б. Мертваго и Э. О. де Ришелье полагали, что присутствие в действующей армии крымских мурз позволит получить в их лице своего рода аманатов в залог преданности России их собратьев².

В состав каждого полка входили: полковой командир, пять есаулов, пять сотников, пять хорунжих, квартирмейстер, имам, 25 урядников и 475 рядовых³. Все ратники были одеты в черные куртки, чекмени и шаровары казачьего покроя, головным убором служили обычные татарские шапки. Вооружение составили пики, сабли, ножи и кулюки, четвертая часть людей по желанию была снабжена также ружьями или пистолетами.

В полки набирали добровольцев, кандидатуры которых получили одобрение городских голов. Экипировались они за счет пожертвований татарского населения. По свидетельству Д. Б. Мертваго, каждый ратник стоил обществу около 300 рублей (помимо всего необходимого для службы, он получил возможность заплатить долги и оставить свое семейство в безбедном состоянии)⁴.

В середине июня 1807 г. все четыре конно-татарских полка выступили из Крыма в Вильно на соединение с действующей армией, но в связи с окончанием военных действий против Франции были остановлены в Кременчуге. 9 августа они получили приказ вернуться в Крым, где были распущены по домам с предупреждением быть готовыми по первому требованию выступить в поход.

24 января 1808 г. Александр I подписал указ о командировании двух конно-татарских полков на границу с Пруссией для несения кордонной службы. Они должны были сменить два казачьих полка и поступить под начальство атамана Войска Донского генерал-лейтенанта М. И. Платова⁵. Э. О. де Ришелье назначил для этой цели Симферопольский и Перекопский полки. Непосредственное руководство подготовкой полков к выступлению он возложил на нового таврического гражданско-губернатора А. М. Бороздина.

В процессе сборов выяснилось, что более 100 человек, состоявших в назначенных к походу полках, оказались неспособными нести службу по возрасту, состоянию здоровья или каким-то иным причинам (включая «худое поведение»). А. М. Бороздин предложил заменить их ратниками из двух других полков. Прошение о замене себя другим лицом подал и командир Симферопольского полка Кая-бей Балатуков 1-й, однако оно было отклонено.

¹ Маркевич А. К столетию Отечественной войны... С. 25.

² ПСЗ-I. Т. 29. № 22634.

³ Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год (по архивным материалам) // ИТУАК. 1899. № 30. С. 6–7; Маркевич А. К столетию Отечественной войны... С. 9–10.

⁴ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго. 1760–1824 // Русский архив. 1867. № 8–9. С. 199–200.

⁵ Калинин С. Е. Конно-татарские полки // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: энциклопедия: в 3 т. / отв. ред. В. М. Безотосный, А. А. Смирнов. М., 2012. Т. 2. С. 188.

¹ Записки Дмитрия Борисовича Мертваго... С. 203–204.

² Там же. С. 201; Законодательные акты и другие документы о военной службе крымских татар в рядах войсковых частей, предков нынешнего Крымского Конного Ея Величества Государыни Императрицы Александры Феодоровны полка. Сообщил Г. С. Габаев // ИТУАК. 1914. № 51. С. 139.

³ Калинин С. Е. Конно-татарские полки. С. 188.

⁴ Маркевич А. К столетию Отечественной войны... С. 17.

⁵ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 30. № 22772.

Симферопольский полк выступил в поход 21 мая 1808 г., Перекопский — 31 мая. Местом назначения первого полка был г. Вильно (предстояло пройти 1505 верст за 83 дня), второго — г. Гродно (1396 верст за 80 дней). Во время перехода в обоих подразделениях произошли беспорядки: отдельные нижние чины пытались поднять бунт с требованием вернуться в Крым. В Перекопском полку все обошлось благополучно: офицерам удалось утихомирить людей и убедить возмутителей спокойствия «предать забвению свои глупые рассудки», а в Симферопольском — не пожелавших раскаться бунтовщиков пришлось заковать в колодки и отправить в Симферополь к военному коменданту «для суждения по всей строгости», остальных повторно привели к присяге на верность¹. В конце августа — сентябре 1808 г. полки прибыли на границу с Пруссией. Перекопский занял кордоны в Белостокской области, Симферопольский — в Виленской губернии.

Через год, 30 мая и 1 июня 1809 г., из Крыма выступили Евпаторийский и Феодосийский полки. Оба они были направлены в г. Махновку Киевской губернии, куда прибыли в середине июля и расположились на квартирах. В мае 1812 г. эти полки были переведены на западную границу для несения кордонной службы.

За активное участие в формировании конно-татарских полков Таврический муфтий Муртаза Челеби-эфенди был пожалован императором золотой медалью с алмазами на голубой ленте, а шесть именитых мурз Крыма — золотыми часами с алмазами. Награды были доставлены на полуостров 20 мая 1808 г.²

В начале Отечественной войны 1812 года Симферопольский и Перекопский конно-татарские полки состояли в летучем казачьем корпусе генерала М. И. Платова, который входил в состав 1-й Западной армии, но, будучи отрезан от нее, составлял арьергард 2-й Западной армии. Полки отличились в арьергардных боях под Миром, Романовом, а после соединения двух армий — под Иньковом и при отступлении от Смоленска к Бородину. В генеральном Бородинском сражении Перекопский полк действовал на крайнем правом фланге русской позиции, а Симферопольский участвовал в знаменитом рейде казачьей конницы генералов М. И. Платова и Ф. П. Уварова на левый фланг неприятеля. После расформирования корпуса М. И. Платова конно-татарские полки продолжали сражаться с врагом в составе других подразделений. Перекопский полк в конце августа был направлен на усиление отряда генерала Ф. Ф. Винцингероде и действовал на Петербургской дороге, в октябре — декабре под командованием генерала П. В. Голенищева-Кутузова, возглавившего это подразделение, преследовал отступавшего из Москвы неприятеля, участвовал в боях при Духовщине, близ Орши, при Вильно, Ковно, Тильзите. Симферопольский полк после оставления Москвы состоял в отряде полковника И. Е. Ефремова и действовал на Рязанской и Владимирской дорогах, в октябре был включен в казачью бригаду генерал-майора Д. Е. Грекова 1-го, в составе которой участвовал в боях при Тарутино (где захватил у неприятеля одно артиллерийское орудие), Гжатске, Вязьме, на дороге от Дорогобужа к Смоленску, при Красном,

на реке Березине, при Молодечно, Вильно и Ковно. В кампанию 1813 г. оба эти полка в составе корпуса генерала герцога Александра Вюртембергского принимали участие в осаде и взятии Данцига, где особенно отличился Симферопольский полк, командир которого Кая-бей Балатуков 1-й был пожалован в генерал-майоры (за время войны это было уже третье его повышение в чине: 10 января 1812 г. он был произведен в подполковники, 18 мая 1813 г. — в полковники)¹.

Евпаторийский полк состоял в 3-й Обсервационной (затем 3-й Западной) армии и принимал участие в боях при Брест-Литовске, Кобрине, Белостоке, Заблудове, Пружанах, Городечне, на Кобринско-Пружанской дороге, при Любомле, под Ново-Сверженем, Кайдановом, при Минске и Лошнице. В кампанию 1813 г. он сражался при Калише, Лютцене, Баутцене, в августе — октябре в составе отдельного отряда генерал-майора К. Б. Кнорринга участвовал в боях при Шенвальде, Петерсвальде, Кульме. В октябре полк поступил в распоряжение генерал-губернатора Саксонии Н. Г. Репнина и до окончания войны нес гарнизонную службу в Лейпциге².

Более половины офицеров упомянутых трех полков были награждены орденами за отличие в военных действиях. В частности, есаул Евпаторийского полка Садык-ага Кунтуганский за «отличную храбрость», «особенное мужество и раторность», которыми подавал пример подчиненным в сражении при Лютцене 20 апреля 1813 г., был пожалован орденом Св. Анны 3-й степени³. Особо были отмечены командиры конно-татарских полков: Кая-бей Балатуков 1-й (Симферопольский полк), помимо чина генерал-майора, был награжден орденами Св. Георгия 4-го класса, Св. Анны 2-й степени, Св. Владимира 4-й и 3-й степеней и прусским орденом «За заслуги»; Ахмет-бей Хункалов 1-й (Перекопский полк) — чином полковника, золотой саблей «За храбрость», орденами Св. Владимира 4-й степени и Св. Анны 2-й степени; Абдулла-ага Мамайский (Евпаторийский полк) — чином майора и орденом Св. Анны 3-й степени⁴.

После заключения мира с Францией Симферопольский, Перекопский и Евпаторийский конно-татарские полки 5 октября 1814 г. вернулись в Крым и были распущены по домам «до востребования».

Феодосийский полк участия в военных действиях не принимал, а нес кордонную службу. Он вернулся в Крым 15 мая 1815 г. и также был распущен по домам.

7 мая 1817 г. по высочайшему повелению все четыре крымских конно-татарских полка были расформированы (нижние чины обращены в «первобытное состояние», офицеры пожизненно оставлены в списках русской армии с правом

¹ Калинин С. Е. Конно-татарские полки. С. 188; Сакович А. В. Крымские татары на военной службе Российской империи. М., 2016. С. 53–64; Безотосный В. М., Елисеев А. А. Балатуков // Отечественная война 1812 года и освободительный поход русской армии 1813–1814 годов: энциклопедия: в 3 т. М., 2012. Т. 1. С. 108.

² Калинин С. Е. Конно-татарские полки. С. 189; Сакович А. В. Крымские татары на военной службе Российской империи. С. 65–67.

³ Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год... С. 13.

⁴ Там же; Безотосный В. М., Елисеев А. А. Балатуков. С. 108.

¹ Маркевич А. К столетию Отечественной войны... С. 29–30.

² Муфтий-заде И. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год... С. 10.

ношения мундира своего полка)¹. В 1826–1827 гг. в память славной боевой службы этих полков в Отечественную войну 1812 г. по ходатайству генерал-майора Кая-бея Балатукова 1-го был сформирован лейб-гвардии Крымско-татарский эскадрон. Вопрос о создании этой воинской части был решен еще в 1825 г. Александром I во время его поездки по Крыму, однако в связи с внезапной кончиной императора был реализован уже его преемником Николаем I. Показательно, что первый татарский боевой генерал и инициатор создания подразделения Кая-бей Балатуков 1-й тогда же был пожалован орденом Св. Анны 1-й степени «в знак памяти благоволения императора Александра I к природному татарскому дворянству Крымского полуострова»².

Таким образом, жители Крыма в лице конно-татарских полков приняли непосредственное участие в войне 1812–1814 гг. и внесли свою лепту в победу над Наполеоном. Среди остального населения Таврической губернии в то время также преобладали патриотические настроения и стремление быть сопричастными к важному общегосударственному делу. Показательным примером является горячий отклик жителей Тавриды на манифест императора Александра I от 6 июля 1812 г., призывавший все сословия к ополчению, которое должно было составить «вторую ограду в подкрепление первой» (регулярной армии).

Манифест был получен Э. О. де Ришелье 22 июля 1812 г., А. М. Бороздиным — 23 июля. Относительно исполнения высочайшей воли Э. О. де Ришелье рекомендовал А. М. Бороздину собрать ратников только «за Перекопом» — в Днепровском и Мелитопольском уездах, где на помещичьих землях проживало достаточное число крепостных крестьян; в Крыму же, где дворянские имения состояли «большой частью из садов, лесов и удобных земель», а крепостное население было «ничтожно», целесообразно сделать значительные денежные пожертвования на военные нужды³.

29 июля таврический губернский предводитель дворянства подполковник А. С. Таранов-Белозеров по поручению А. М. Бороздина огласил высочайший манифест на чрезвычайном заседании Дворянского собрания в Симферополе. Докладывая губернатору о результатах встречи, он подчеркнул единодушное стремление русского и татарского дворянства «жертвовать имуществом и жизнью» ради спасения Отечества⁴. 1 августа А. М. Бороздин обратился с соответствующим воззванием ко всему населению губернии.

В Днепровском и Мелитопольском уездах началось формирование ополчения из расчета по три человека с каждых 100 душ. Ратники активно снабжались снаряжением и провиантом, уже был избран начальник Таврического войска (тайный советник С. С. Жегулин), однако вскоре мероприятие пришлось свернуть, ибо новый манифест Александра I (от 18 июля 1812 г.) ограничил район формирования ополчения 16 губерниями, и рассматриваемый регион вновь не вошел в их число.

Тем не менее во всех уездах Таврической губернии, как и в других местах России, оказавшихся в подобном положении, продолжился сбор денежных пожертвований, которые составили так называемый «запасный капитал» на случай военной необходимости.

Пожертвования сделали представители всех сословий и всех национальностей. В общей сложности жители губернии обязались собрать (подписались на сумму) 756 324 рубля 28 копеек, но нагрянувшие в 1812 г. на край бедствия (неурожай, суровая зима, вызвавшая массовый падеж скота, и проникшая из Турции чума, наиболее сильно поразившая Феодосийский уезд) привели к тому, что реально поступившие пожертвования были значительно меньше обещанных — 418 139 рублей 81,5 копейки⁵. Часть этих денег (62 564 рубля 9 копеек) была потрачена на борьбу с чумой — учреждение карантинных разъездов, покупку полушубков и рукавиц для стражи, приобретение серы и селитры, вознаграждение врачам и т. д.⁶

Более половины собранной общей суммы (229 637 рублей 90,5 копейки) внесли крымские татары. Об их усердии и любви к российскому престолу губернатор довел до сведения императора, а от себя выразил им особую признательность⁷. Помимо денежных пожертвований, крымские татары во время войны комплектовали также сформированные ими конно-татарские полки, т. е. пополняли их численность до нужного состава взамен тех чинов, которые выбыли из строя в результате гибели, ранения, болезней или дезертирства. Необходимость пополнения полков возникла, в частности, в начале 1813 г., когда оказалось, что во всех конно-татарских подразделениях в общей сложности недостает 669 человек⁸. Дополнительный набор ратников в это время проходил в основном благополучно, за исключением отдельных мест Симферопольского и Евпаторийского уездов, жители которых поначалу отказались выполнить соответствующее предписание губернатора, заявив, что оно продиктовано не волей царя, а лишь желанием местной администрации выслужиться перед властями. Чтобы навести порядок и предотвратить распространение волнений по всему Крыму, А. М. Бороздин был вынужден вызвать регулярные войска и арестовать 14 зачинщиков. Инцидент был исчерпан в короткие сроки и без кровопролития. Всего в 1810–1814 гг. мусульманское население Таврической губернии выставило на укомплектование конно-татарских полков около 1,5 тыс. человек⁹.

Таким образом, события, происходившие в Таврической губернии в эпоху наполеоновских войн, безусловно, свидетельствуют об успешном протекании процесса интеграции края в состав России. Несмотря на сравнительно недавнее включение Крыма в состав империи, его крайне пестрое население, природные катаклизмы и эпидемию чумы 1812 г., жители полуострова, как и всей губернии,

¹ ПСЗ-I. СПб., 1830. Т. 34. № 26836; *Габаев Г. С.* Крымские татары под русскими знаменами. СПб., 1913. С. 12.

² *Муфтий-заде И.* Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899 год... С. 14–15; *Безотосный В. М., Елисеев А. А.* Балатуков. С. 108.

³ *Маркевич А.* К столетию Отечественной войны... С. 43.

⁴ Там же. С. 43–44.

⁵ *Маркевич А.* К столетию Отечественной войны... С. 65.

⁶ Там же. С. 64.

⁷ Там же. С. 48, 65.

⁸ Там же. С. 71.

⁹ Там же. С. 83, 86–87.

восприняли войну с Наполеоном как важное общегосударственное дело. Они изъявили готовность собрать ополчение, пожертвовали на нужды войны значительную денежную сумму, а крымские татары сформировали четыре конных полка, три из которых приняли непосредственное участие в военных действиях, внося свой вклад в победу над врагом. Опасения правительства насчет волнений мусульман края в связи с Русско-турецкой войной 1806–1812 гг. не оправдались, чему во многом способствовала грамотная политика губернских властей, опиравшихся на татарскую знать и не пренебрегавших интересами коренного местного населения. Несмотря на имевшиеся единичные случаи проявления недовольства предписаниями администрации, в целом жители Тавриды в 1806–1814 гг. проявили преданность российскому престолу и с честью выполнили свой долг перед Отечеством.

§ 5. Черноморский флот в Русско-турецкой войне 1828–1829 гг.

Л. В. Мельникова

В 1820-х гг. вновь обострились отношения России с Турцией, что было вызвано на этот раз попытками российского правительства урегулировать греко-турецкий конфликт, начавшийся в 1821 г., а также нежеланием Порты выполнять свои обязательства по Бухарестскому миру 1812 г. Зверское истребление турками восставших греков, а также нарушение условий договоров с Россией о свободе торгового судоходства в Проливах (в частности, задержка греческих судов, зафрахтованных российскими предпринимателями и ходивших под русским флагом) заставили российского императора Александра I в июне 1821 г. обратиться к султану Махмуду II с ультимативной нотой, содержащей требования прекращения резни православных, вывода турецких войск из Дунайских княжеств, обеспечения статуса последних в соответствии с Бухарестским миром 1812 г. и выполнения условий прежних русско-турецких договоров. После того как Турция проигнорировала предъявленный ей ультиматум, Россия прервала с ней дипломатические отношения. Александр I попытался склонить своих партнеров по Священному союзу к коллективному вмешательству в греко-турецкую борьбу или получить для русских войск от имени Союза санкцию на восстановление порядка на Балканах. Однако «политика проволочек», последовательно проводимая западноевропейскими державами, затянула решение вопроса на несколько лет, и неразрешенный восточный кризис перешел в наследство новому российскому императору Николаю I.

23 марта (4 апреля) 1826 г. в Санкт-Петербурге был, наконец, подписан англо-русский протокол о совместных действиях с целью умиротворения Греции, к которому позднее присоединилась Франция. Державы обязывались потребовать от Турции прекращения войны в Греции и предоставления ей автономии с сохранением вассальной зависимости от Османской империи; в случае отказа Турции от их посредничества в урегулировании конфликта на нее могло быть оказано «общее

или единоличное» воздействие¹. 24 июня (6 июля) 1827 г. Россия, Англия и Франция подписали Лондонский договор, закрепивший условия Петербургского протокола. После отклонения султаном ноты, предъявленной ему тремя союзными державами, их объединенные эскадры блокировали турецко-египетский флот, находившийся в Наваринской бухте на юго-западе полуострова Пелопоннес, и 8 октября 1827 г. в ходе ожесточенного сражения практически весь его уничтожили. Вскоре после сражения султан Махмуд II назвал Россию зачинщицей греческого восстания и виновницей Наваринского разгрома. 18 декабря 1827 г. (н. ст.) он официально заявил о расторжении прежних русско-турецких договоров и призвал мусульман к войне против «неверных». Отказ Англии и Франции от продолжения военных действий не помешал Николаю I окончательно взять в свои руки инициативу в завершении затянувшегося восточного кризиса. 14 апреля 1828 г., после отклонения Портой очередной ультимативной ноты России, Николай I подписал манифест о начале войны с Турцией.

В начавшихся военных действиях успех российской стороны во многом был обеспечен боевым взаимодействием регулярной армии и флота. На Черноморский флот были возложены следующие задачи: уничтожение турецкого флота в случае его выхода из Босфора, содействие сухопутным войскам в овладении турецкими морскими базами и крепостями на западном побережье Черного моря, взятие Анапы (главной крепости противника на восточном побережье), борьба с турецким судоходством с целью не допустить подвоза подкреплений и снабжения к осажденным пунктам и, напротив, обеспечение плавания российских транспортов, доставляющих боеприпасы и продовольствие действующей армии².

В конце 1827 г. Черноморский флот имел в своем составе 54 судна с 1221 орудием (в том числе девять линейных кораблей, пять фрегатов, один шлюп, один корвет, пять бригов, одну бригаантину, две шхуны, три люгера, четыре катера, три яхты, три парохода и 17 транспортов)³. Кроме того, во время войны 1828–1829 гг. были достроены и спущены на воду еще три судна с 180 орудиями (один линейный корабль и два фрегата), а два транспорта преобразованы в бомбардирские суда⁴.

Первой операцией, проведенной во время войны при активном участии Черноморского флота, стало взятие Анапы, представлявшей угрозу для Кубани и Крыма. О подготовке этой экспедиции командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. С. Грейг узнал еще 10 марта 1828 г. (т. е. более чем за месяц до официального объявления войны) из переписки с императором Николаем I и начальником Главного штаба генерал-адъютантом графом И. И. Дибичем⁵. 30 марта 1828 г.

¹ *Мартенс Ф. Ф.* Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1895. Т. XI. С. 341–343.

² *Мелихов В. И.* Описание действий Черноморского флота в продолжение войны с Турцией в 1828 и 1829 годах. СПб., 1850. С. 16.

³ Там же. С. 7–9.

⁴ Там же. С. 9, 12.

⁵ Там же. С. 16–20.

он получил Высочайший рескрипт, содержавший повеление «отплыть 20 апреля из Севастополя к Анапе с флотом и десантом», по прибытии «требовать сдачи крепости», а в случае отказа «начать военные действия»¹.

Эскадра под командованием вице-адмирала А. С. Грейга, включавшая в себя главные силы Черноморского флота, вышла из Севастополя 21 апреля 1828 г. (сильный встречный ветер не позволил ей сделать это накануне, как предписывал император). В ее состав входили: семь линейных кораблей (110-пушечные «Париж» и «Император Франц», 80-пушечный «Пантелеймон», 74-пушечные «Норд Адлер», «Пармен», «Пимен» и «Иоанн Златоуст»), четыре фрегата (44-пушечные «Флора», «Евстафий», «Штандарт» и «Поспешный»), 15 более мелких боевых судов (в том числе бомбардирские суда «Подобный» и «Опыт» и пароход «Метеор»), а также восемь купеческих судов, зафрахтованных для перевозки десанта². Последний составляли два егерских полка и одна батареинная рота (5 тыс. человек с восемью орудиями) под командованием контр-адмирала князя А. С. Меншикова. Задержанная в пути возобновившимся встречным ветром, продолжавшимся в течение недели, эскадра подошла к Анапе 2 мая.

Прежде всего А. С. Грейг отправил парламентаров к коменданту Осман-оглу-паше с предложением сдать крепость без кровопролития, но тот ответил решительным отказом. Численность крепостного гарнизона составляла около 6 тыс. человек. Кроме того, в окрестностях Анапы сосредоточились несколько тысяч черкесов, готовых оказать содействие туркам.

Из-за сильного волнения на море высадку десанта удалось осуществить лишь 6 мая. Она была проведена под прикрытием отряда под командованием полковника В. А. Перовского (900 человек), подошедшего из Тамани 3 мая, и огня корабельной артиллерии. Особенно эффективными оказались действия парохода «Метеор» — первого боевого парового судна Черноморского флота. Как отмечалось в журнале боевых действий, «Метеор», обладавший хорошей маневренностью и имевший возможность подходить к берегу на близкое расстояние, метко «выбивал черкесов, засевших в скрытых местах по берегу рейда»³.

Первоначальный план российского командования заключался в том, чтобы мощным огнем корабельной артиллерии разрушить укрепления крепости (в частности, угловой бастион), после чего взять ее штурмом.

Утром 7 мая выделенные А. С. Грейгом из состава эскадры 11 судов (линейные корабли «Пантелеймон», «Норд Адлер», «Пармен», «Пимен» и «Иоанн Златоуст», фрегаты «Флора», «Евстафий», «Штандарт» и «Поспешный», бомбардирские суда «Подобный» и «Опыт»), имевшие в общей сложности 567 орудий, окружили крепость с двух омываемых морем сторон, заняв места согласно намеченной диспозиции. В течение четырех часов (с 11 до 15 час.) они выпустили около 8 тыс.

снарядов, однако разрушить крепостные укрепления не смогли¹. Причина заключалась в том, что из-за мелководья суда не могли подойти к берегу на дистанцию действительного артиллерийского огня. В результате пришлось отложить запланированный штурм крепости и приступить к ее «правильной осаде».

Во время осады, продолжавшейся чуть больше месяца, моряки помогали сухопутным войскам; часть тяжелых орудий была снята с кораблей и установлена на берегу. Кроме того, флот практически ежедневно обстреливал бастионы крепости, что отвлекало ее гарнизон от осадных работ, а также осуществлял крейсерство вдоль Кавказского побережья, в ходе которого захватил четыре турецких судна, пытавшихся доставить в Анапу подкрепления (940 человек). 12 июня 1828 г. Анапа капитулировала. В крепости были взяты в плен 3969 человек, захвачены четыре оставшиеся на плаву судна (остальные были разбиты ядрами и затонули), 83 орудия и большое количество боевых запасов и снаряжения².

За взятие Анапы вице-адмирал А. С. Грейг был произведен в адмиралы, контр-адмирал А. С. Меншиков — в вице-адмиралы с утверждением в должности начальника Главного морского штаба, полковник В. А. Перовский — в генерал-майоры³.

В начале июля 1828 г. эскадра Грейга вернулась в Севастополь. Пополнив запасы продовольствия и боевого снаряжения, она вскоре снова вышла в море для участия в операции по взятию Варны. Десантными войсками, находившимися на борту ее судов (10 тыс. человек), вновь командовал князь А. С. Меншиков.

13 июля 1828 г. эскадра адмирала А. С. Грейга прибыла к Каварне, где соединилась с отрядом вице-адмирала Ф. Ф. Мессера (три линейных корабля, три фрегата, один бриг и одна бригантина), еще 15 мая направленным из-под Анапы к мысу Калиакрия для крейсерства вдоль юго-западного побережья Черного моря и наблюдения за Варной и Босфором. За два месяца крейсерства отряду Ф. Ф. Мессера удалось захватить в плен девять турецких судов, из которых три были доставлены в Севастополь, шесть — в Одессу⁴. Высаженные на берег войска А. С. Меншикова направились к Варне, где вскоре соединились с отрядом генерал-лейтенанта А. К. Ушакова, который по приказу генерал-фельдмаршала графа П. Х. Витгенштейна наблюдал за крепостью со стороны суши.

22 июля к Варне подошли основные силы Черноморского флота. После отказа командующего гарнизоном Иззет-Магомед-паша сдать крепость без боя сухопутные войска при поддержке флота приступили к ее осаде.

Варна была одной из самых крупных и хорошо укрепленных турецких крепостей. Она прикрывала дорогу, шедшую через Балканы в Константинополь, поэтому владение ею имело большое значение для обеих противоборствующих сторон.

¹ РГА ВМФ. Ф. 8. Оп. 1. Д. 8. Л. 1–1 об.; Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. СПб., 2014. С. 183.

² Мелихов В. И. Описание действий Черноморского флота... С. 24–25.

³ Там же. С. 33.

¹ Мелихов В. И. Описание действий Черноморского флота... С. 34–36; Чернышев А. Великие сражения русского парусного флота. С. 323–324.

² Мелихов В. И. Описание действий Черноморского флота... С. 63–64.

³ Там же. С. 60–61.

⁴ Там же. С. 81.

Крепостной гарнизон, первоначально состоявший из 15 тыс. человек, уже в начале осады был усилен турками до 27 тыс. человек, т. е. превышал российский осадный корпус почти втрое.

Первым боевым действием Черноморского флота под Варной стала атака турецкой гребной флотилии, стоявшей под стенами крепости. В ночь на 26 июля отряд из 18 вооруженных шлюпок под командой начальника штаба флота капитана 2 ранга В. И. Мелихова незаметно приблизился к турецким гребным судам и бросился на abordаж. Преодолев сопротивление противника, русские матросы захватили все 14 судов и два баркаса и, взяв их на буксир, привели к эскадре¹.

7 августа 1828 г. восемь линейных кораблей («Париж», «Император Франц», «Пантелеймон», «Норд Адлер», «Пармен», «Пимен», «Иоанн Златоуст» и «Скорый») с 674 орудиями провели бомбардировку крепости. Поскольку из-за мелководья приблизиться к объекту на дистанцию 0,5 кабельта (около 92 м) одновременно мог только один корабль, то суда, маневрируя под парусами в строе кильватерной колонны, подходили к крепости и обстреливали ее поочередно. В результате обстрела, продолжавшегося в течение 3,5 часа, был подавлен огонь приморского бастиона; гарнизон потерял до 500 человек убитыми². В дальнейшем обстрел крепости проводился практически ежедневно, в нем участвовали один-два корабля или фрегата и столько же бомбардирских судов. В конце августа к Варне прибыли пять иолов и пять канонерских лодок Дунайской флотилии, что позволило проводить бомбардировки крепости с более близкого расстояния, причем не только с восточной, но и с южной стороны, куда большие суда из-за осадки вообще не имели доступа.

17 августа по приказу А. С. Грейга отряд под командованием капитана 1 ранга Н. Д. Критского в составе 44-пушечного фрегата «Поспешный», 36-пушечного фрегата «Рафаил», 14-пушечной бригадины «Елизавета» и 12-пушечного катера «Соловей» совершил набег на небольшую турецкую крепость Инаду для уничтожения заготовленных там для перевоза в Варну значительных запасов пороха, амуниции и снарядов. Подавив огонь береговых батарей, суда высадили на берег десант (370 матросов), который захватил 12 орудий противника, заклепал пять остальных, взорвал укрепления и склады с запасами³.

27 августа к Варне на фрегате «Флора» прибыл из Одессы император Николай I. Расположившись на флагманском корабле «Париж», он в течение последующих пяти недель лично руководил осадой. 28 августа к крепости подошел Гвардейский корпус, благодаря чему силы осаждавших превысили 30 тыс. человек. Пытаясь переломить ситуацию, турки выдвинули для деблокады Варны 30-тысячный корпус под командованием Омер-паши, но его действия успехом не увенчались⁴. 25 сентября состоялся штурм крепости. Ценой больших потерь туркам удалось отбить ата-

ки русских войск, но через четыре дня, 29 сентября 1828 г., гарнизон Варны, истощенный продолжительной осадой, капитулировал. В плен были взяты около 6 тыс. человек, еще 3 тыс. отпущены безоружными после принесения клятвы не воевать против России до конца войны, захвачено 291 орудие и большое количество боеприпасов¹.

После взятия Варны, ставшего главным итогом кампании 1828 г., основные силы Черноморского флота, за исключением нескольких судов, направились в Севастополь. Николай I на корабле «Императрица Мария» отбыл в Одессу.

В ноябре 1828 г. — январе 1829 г. между Варной и Босфором крейсировал отряд под командованием контр-адмирала М. Н. Кумани (два корабля, один фрегат и один бриг). Осмотрев бухты и укрепленные пункты залива Форос (Мессемврия, Ахиолло, Бургас, Сизополь), Кумани предложил захватить слабо укрепленный Сизополь, который мог бы служить хорошей маневренной базой для действий Черноморского флота летом 1829 г.²

Эта операция, утвержденная императором Николаем I, состоялась 15–16 февраля 1829 г. Она была осуществлена эскадрой под командованием М. Н. Кумани, в состав которой вошли три корабля («Пимен», «Императрица Мария», «Пантелеймон»), два фрегата («Рафаил», «Евстафий»), три канонерские лодки и два транспорта, имевшие в общей сложности 335 орудий и разместившие на борту десант численностью 1162 человека при 10 орудиях. 15 февраля вошедшая на Сизопольский рейд эскадра, получив отказ коменданта крепости Халил-паши от сдачи без боя, открыла огонь и через несколько часов сбила все турецкие батареи, после чего на флагманский корабль прибыл парламентер для обсуждения условий капитуляции. Кумани отклонил требование отпустить гарнизон с оружием, согласившись занять город утром следующего дня. 16-го на рассвете десант высадился на берег, но обнаружил в крепости лишь Халил-пашу со свитой, гарнизон за ночь разбежался³.

Русские восстановили разрушенные укрепления и усилили охрану крепости, доставив из Варны еще 2,5 тыс. человек. 28 марта турецкие войска численностью около 6 тыс. человек попытались вернуть Сизополь, но были отбиты. 19 апреля 1829 г. в связи с получением известий об энергичных приготовлениях турецкой эскадры к выходу в море основные силы Черноморского флота под командованием адмирала А. С. Грейга прибыли из Севастополя на Сизопольский рейд.

Турецкий военный флот, понесший в 1827 г. значительные потери в Наваринском сражении, в течение кампании 1828 г. в Черное море не выходил. Русские моряки захватывали в это время в основном транспортные суда противника. В 1829 г. им удавалось найти и военные турецкие суда. Так, 3–5 мая 1829 г. отряд капитана 1 ранга И. С. Скаловского (три корабля, два фрегата и один бриг), проходивший вдоль Анатолийского побережья, в Пендераклии сжег только что спущенный

¹ Чернышев А. Великие сражения русского парусного флота. С. 326–327.

² Там же. С. 327.

³ Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. С. 193–194; История русской армии и флота. М., 1913. Т. 9. С. 210–211.

⁴ Чернышев А. Великие сражения русского парусного флота. С. 328; История русской армии и флота. М., 1911. Т. 5. С. 164–165.

¹ Мелихов В. И. Описание действий Черноморского флота... С. 138.

² Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. С. 198.

³ Чернышев А. Великие сражения русского парусного флота. С. 330; История русской армии и флота. Т. 9. С. 215.

на воду и вооружавшийся турецкий 66-пушечный линейный корабль, а у местечка Акчесар уничтожил стоявший на стапеле 26-пушечный корвет¹.

В мае 1829 г. турецкая военная эскадра (в составе до 18 вымпелов) несколько раз выходила в море, но вела себя довольно осторожно. Избегая встречи с главными силами Черноморского флота, она дважды достигала отдельные русские суда, крейсировавшие недалеко от Босфора. Первое из этих столкновений внесло в боевую летопись Черноморского флота «позорное пятно», а второе — славную, героическую страницу.

Позор, или, как выразились А. С. Грейг и Николай I, «бесславию», выпал на долю фрегата «Рафаил», который 12 мая 1829 г., будучи окружен превосходящими силами противника, сдался без боя. Об этом «неприятном и чрезвычайном событии» адмирал Грейг узнал 20 мая из письма датского посла в Константинополе барона К. Гибша и, в свою очередь, немедленно сообщил императору². Николай I приказал сформировать комиссию для расследования происшествия и выразил надежду, что «неустршимый флот Черноморский» не оставит фрегат «Рафаил» в руках неприятеля, а после возвращения предаст его огню «как недостойный носить флаг Российский»³. После двойного расследования состоялся суд, который признал бывшего командира фрегата «Рафаил» капитана 2 ранга С. М. Стройникова и членов экипажа виновными в сдаче судна без всякого сопротивления, что являлось грубым нарушением Морского устава. Капитан, офицеры и каждый десятый (по жребию) матрос были приговорены к смертной казни. Николай I смягчил наказание: Стройников был лишен чинов, орденов и дворянства и выслан в «арестантские роты в Бобруйскую крепость», большинство офицеров разжалованы в матросы, нижние чины получили телесные наказания⁴. Что касается самого «Рафаила», то 24 года спустя он действительно был предан черноморцами огню. Этот фрегат, включенный в состав турецкого флота под названием «Фазли-Аллах», в числе других судов был уничтожен эскадрой вице-адмирала П. С. Нахимова в ходе Синопского сражения 18 ноября 1853 г.

Героический подвиг совершил 14 мая 1829 г. экипаж брига «Меркурий» под командованием капитан-лейтенанта А. И. Казарского. Настигнутый двумя турецкими линейными кораблями (110-пушечным «Селимие» и 74-пушечным «Реалбем») и поставленный ими в два огня, 18-пушечный бриг в течение трех часов мужественно вел неравный бой и вышел из него победителем. Искусное маневрирование «Меркурия», блестяще проведенное А. И. Казарским, затруднило противнику, обладавшему десятикратным превосходством в артиллерии, ведение прицельного огня, а меткая стрельба русских орудий нанесла тяжелые повреждения турецким кораблям в парусах и рангоуте, заставив их лечь в дрейф и прекратить преследование.

Совершенно избитый, трижды загоравшийся, но не сдавшийся бриг с честью ушел с поля боя и на следующий день присоединился к русской эскадре. Потери экипажа «Меркурия» составили 10 человек (четыре убитых, шесть раненых). Бриг получил 22 пробоины в корпусе, 16 повреждений в рангоуте, 133 — в парусах, 148 — в такелаже¹. 30 мая он ушел в Севастополь на ремонт.

Указом императора Николая I от 28 июля 1829 г. бриг «Меркурий» был награжден кормовым Георгиевским флагом и вымпелом. Награды получили все члены экипажа. А. И. Казарский был удостоен ордена Св. Георгия 4-го класса, произведен в капитаны 2 ранга и назначен флигель-адъютантом.

В 1834 г. (через год после гибели прославленного капитана) на Мичманском (ныне Матросском) бульваре Севастополя был заложен, а в 1839 г. открыт памятник А. И. Казарскому и подвигу брига «Меркурий», выполненный по проекту архитектора А. П. Брюллова. Он представляет собой стилизованную модель античного корабля, стоящую на чугунном кубе, установленном на высоком четырехгранном постаменте из белого крымского известняка. Куб украшают барельефы с изображениями Казарского и трех древнегреческих богов: Нептуна, Меркурия и Ники. На постаменте сделана лаконичная надпись: «Казарскому. Потомству в пример». Этот монумент, воздвигнутый по инициативе вице-адмирала М. П. Лазарева на пожертвования, собранные моряками Черноморского и Балтийского флотов, стал первым памятником Севастополя².

Летом 1829 г., на завершающем этапе Русско-турецкой войны, Черноморский флот для содействия сухопутным войскам в их продвижении к Адрианополю взял ряд крепостей и городов на побережье Болгарии: Мессемврию (9–11 июля), Ахиолло (11 июля), Василико (21 июля), Агатополь (24 июля), Мидию (13–17 августа).

Среди событий войны, развернувшихся на морских просторах, существенное значение имела также блокада Дарданелл, осуществлявшаяся Средиземноморской эскадрой вице-адмирала Л. П. Гейдена и прибывшим из Кронштадта отрядом контр-адмирала П. И. Рикорда с ноября 1828 г. по сентябрь 1829 г. Она вызвала в Константинополе острый продовольственный кризис, который спровоцировал народные волнения и затруднил снабжение турецкой армии.

2 (14) сентября 1829 г. между Россией и Турцией был подписан Адрианопольский мирный договор, который развязал все крупные «конфликтные узлы», возникшие в отношениях двух сторон во время восточного кризиса 1820-х гг. Согласно договору, Россия получала устье Дуная с прилегающими островами, восточное побережье Черного моря от устья Кубани до поста Святого Николая с крепостями Анапа, Суджук-Кале и Поты, а также города Ахалцихе и Ахалкалаки. Кроме того, Порты отказывалась от претензий на ранее отошедшие к России земли в Закавказье. Турция соглашалась на свободный проход русских и иностранных торговых

¹ Мелихов В. И. Описание действий Черноморского флота... С. 220–224; Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. С. 205.

² РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2459. Л. 7–7 об., 12–12 об.

³ Там же. Л. 22–22 об.

⁴ Гребенщикова Г. А. Российский флот при Николае I. С. 214–216.

¹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 2137. Л. 1–2; Мелихов В. И. Описание действий Черноморского флота... С. 226–228.

² Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи: каталог. М., 2006. С. 241.

судов через проливы Босфор и Дарданеллы. Она предоставляла автономию Греции и подтверждала автономию Сербии и Дунайских княжеств (Молдавии и Валахии)¹.

Победа России значительно усилила ее политическое влияние на Балканах и Ближнем Востоке. Это вызвало ревностное недовольство соперничавших с ней за преобладание в данном регионе западноевропейских держав, что через два десятилетия привело к новому обострению Восточного вопроса.

Глава 21

Крымская война 1853–1856 гг.

Л. В. Мельникова

§ 1. Причины и начало войны

Крымская (Восточная) война, ставшая крупнейшим международным конфликтом второй половины XIX в., была вызвана усилением целого комплекса противоречий, существовавших между Россией, Францией и Великобританией, а также непосредственным столкновением их интересов на Ближнем Востоке.

Прежде чем перейти к рассмотрению событий, непосредственно предшествовавших войне и спровоцировавших ее начало, кратко очертим круги интересов каждой из трех великих держав, четко определившиеся в данном мировом регионе в конце 1830-х — начале 1850-х гг.

В российской внешней политике ближневосточное направление издавна занимало важное место. Влияние России в этом регионе традиционно опиралось на контакты с Восточными Патриархатами и на позицию защитника интересов многомиллионного православного населения Османской империи, что, начиная с Кючук-Кайнарджийского мирного договора 1774 г., неоднократно оговаривалось и подтверждалось в мирных трактатах, заключенных после русско-турецких войн. В 1830–1840-х гг. продолжавшийся кризис Османской империи, одним из проявлений которого было усиление национально-освободительного движения подвластных ей нетурецких народов, вызывал опасения императора Николая I относительно возможного неуправляемого развала ее владений, что привело бы к анархии и постоянным войнам. Небезразлична русскому императору была и судьба православного населения Османской империи, покровительству которому он считал своим «совершенно ясным долгом»¹. Поэтому «наименее плохим» вариантом решения Восточного вопроса, способным стабилизировать ситуацию в регионе и обеспечить безопасность южных границ Российской империи, Николай I считал заблаговременное распределение сфер влияния с учетом интересов других держав («раздел

¹ Юзефович Т. Договоры России с Востоком, политические и торговые. СПб., 1869. С. 71–84.

¹ Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. I. С. 388–389.

наследства больного, умирающего человека Европы», как он называл Османскую империю) и создание на Балканах в случае падения Турции самостоятельных православных государств — Болгарии и Сербии¹.

Великобритания, на солидарность которой рассчитывал Николай I, дважды (в 1844 г. и в конце 1852 г. — начале 1853 г.) делая ей секретные предложения о разделе турецкого «наследства», напротив, была заинтересована в поддержании целостности слабеющей Османской империи, что давало ей возможность сохранить и расширить сферу своего экономического и политического проникновения в турецкие владения, надежно защитить пути коммуникаций с Индией и гарантировать прочность своих позиций в акватории Средиземного моря. Англо-турецкий торговый договор 1838 г., освободивший ввозимые в Османскую империю английские товары от пошлин, существенно подорвал турецкую экономику и поставил страну в сильную зависимость от Великобритании. Претендуя на всестороннее преобладание в Османской империи, Лондон стремился в то же время не допустить усиления позиций России в зоне Черноморских проливов и Ближневосточном регионе в целом².

Что касается Франции, озабоченной в то время укреплением своего положения на международной арене, созданием собственной колониальной империи и взятием реванша за поражение в войне 1812–1814 гг., то сферой ее интересов на Ближнем Востоке стали возрождение имевшего место до Великой французской революции покровительства католическому духовенству Палестины и стремление использовать Турцию как инструмент борьбы против России.

Поскольку в XIX в. в христианской Европе политические противоречия были неотделимы от межконфессиональных, то внезапно обострившиеся в конце 1840-х — начале 1850-х гг. давние разногласия между католическим и православным духовенством в Святой земле относительно контроля за святыми местами, будучи поддержаны соответственно французской и российской дипломатиями, вскоре вылились в международный кризис. Спор о святых местах, который в историографии часто недооценивают, считая лишь поводом к войне³, на самом деле вскрыл суть и глубину имевшихся противоречий. Как метко подчеркнул А. М. Зайончковский, из-за этого спора «во всей своей сложности вставал Восточный вопрос, который, по выражению одного дипломата, в сущности, являлся вопросом между Западной Европой и Россией»⁴.

Начало спора о святых местах можно датировать 1847 г., когда из Пещеры Рождества (Вертепа) базилика Рождества Христова в Вифлееме исчезла особо почитаемая паломниками серебряная звезда, отмечающая место рождения Иисуса Христа. Католики обвинили в похищении греков, а греки — католиков. Эта звезда была установлена под престолом Рождества французами в 1717 г., когда католики еще проводили на нем службы (позднее, в 1757 г., они утратили это право). Необходимо отметить, что права и привилегии обеих соперничавших между собой конфессий время от времени менялись, всякий раз закрепляясь султанскими фирманами (указами). По существовавшему к середине XIX в. status quo в Вертепе за католиками были закреплены престол Трех Волхвов и Святые Ясли. Престол Рождества принадлежал греческому духовенству. В целом (т. е. относительно всего комплекса святых мест) Иерусалимская Православная Церковь находилась тогда в более преимущественном положении, ибо охраняла и поддерживала основные христианские святыни.

Поскольку в спорных вопросах, и прежде неоднократно возникавших вокруг святых мест, католики традиционно опирались на поддержку Австрии и Франции, а православные — России, то после похищения звезды французское правительство не преминуло вмешаться в ситуацию. Несмотря на обещание губернатора Иерусалима Мехмет-паши провести расследование, оно направило в Палестину специальную следственную комиссию во главе с известным востоковедом Э. Боре. Хотя ни звезда, ни ее похитители найдены не были, в 1850 г. «по итогам работы комиссии» Э. Боре опубликовал брошюру «Вопрос о святых местах», в которой не только бездоказательно обвинил греческое духовенство в похищении реликвии, но и заявил об исторических правах католиков на основные святыни Палестины, а также о необходимости возвращения под их контроль «незаконно захваченных православными» святых мест. «Эта брошюра, — писал известный церковный историк А. Н. Муравьев, состоявший на службе в Азиатском департаменте МИД, — натолкнула французское правительство на мысль предъявить Оттоманской Порте требования в защиту давних претензий римских пап на святые места»¹.

В мае 1850 г. французский посол в Константинополе генерал Ж. Опик по предписанию президента Франции принца Шарля Луи Наполеона Бонапарта вручил турецкому правительству официальную ноту, в которой, со ссылкой на договор между Францией и Портой 1740 г. (так называемые капитуляции), излагалось требование восстановить католическое духовенство в его прежних правах на святые места. В список святынь, на которые выдвигались претензии, были включены: базилика Рождества Христова в Вифлееме, непосредственно Пещера Рождества с правом восстановления новой звезды, Пещера Гробницы Богородицы в Гефсимании, Камень миропомазания и Аркады Девы в храме Гроба Господня. Франция требовала также восстановить status quo храма Гроба Господня до пожара

¹ Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. С. 386–390; Собственноручная заметка императора Николая I о Восточном вопросе 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1908. Т. I. Приложения. № 98. С. 357–358.

² Виноградов В. Н. «Святые места» и земные дела (англо-русские отношения накануне Крымской войны) // Новая и новейшая история. 1883. № 5. С. 136–152; № 6. С. 129–144.

³ См., напр.: Тарле Е. В. Крымская война. М.; Л., 1950. Т. I. С. 135–136.

⁴ Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. С. 383.

¹ Муравьев А. Н. Ответ господину Э. Боре на вопрос о святых местах / пер. с фр. и подгот. к печати З. И. Платоновой // Православный Палестинский сборник. М., 2005. Вып. 103. С. 106 (АВПРИ. Ф. 161/3. Оп. 233. 1851 г. Д. 1).

1808 г. (после пожара он был восстановлен греками, что дало им дополнительные преимущества). Требования Франции вскоре поддержали представители других католических государств: Австрии, Бельгии, Испании, Сардинии, Португалии и Неаполитанского королевства¹.

В ответ российский посланник в Константинополе В. П. Титов, опираясь на Кючук-Кайнарджийский мирный договор, выступил в защиту прав Иерусалимской Православной Церкви и представил Порте ряд турецких фирманов, сводящих на нет притязания Франции². Подчеркнем, что Россия, в отличие от Франции, не требовала для конфессии, которой оказывала покровительство, каких-либо новых привилегий, а лишь настаивала на соблюдении уже имевшихся у нее прав, обеспеченных действовавшим в то время турецким законодательством. Оказавшись между двух огней, султан Абдул-Меджид I сформировал комиссию для изучения поднятого вопроса и вынесения квалифицированного решения.

Большинство историков сходятся в том, что Луи Наполеон, поднимая вопрос о святых местах, «совершенно не подозревал последствий, которые могут повлечь за собой его требования»³. Озабоченный укреплением своего положения внутри страны, он якобы желал лишь заручиться поддержкой влиятельного католического клира. Это мнение, в частности, основывается на заявлении французского правительства, сделанном в ответ на соответствующее представление российской дипломатии⁴. Однако настойчивость, которую Франция проявила в споре о святых местах в дальнейшем, после утверждения Луи Наполеона у власти (переворот 2 декабря 1851 г. (н. ст.) продлил его полномочия как президента на 10 лет, а ровно через год он был провозглашен императором), заставляет предположить, что новый правитель изначально планировал разыграть здесь более крупную карту, чем только «поддержка клерикальной партии».

Так или иначе, но наиболее проницательные политики того времени уже на начальном этапе возникшего кризиса должным образом оценили значение происходившего. В 1850 г., сразу после демарша французского посланника, британский посол в Константинополе Ч. Стрэтфорд-Каннинг сообщал в Лондон: «Генерал Опик заверяет меня, что дело, вокруг которого разгорелся спор, представляет собою исключительно вопрос о собственности... Однако подобные вопросы трудно отделить от общих обстоятельств. Если Россия, как это можно ожидать, вмешается на стороне греческой церкви, то настоящий диспут, вероятно, перерастет в борьбу за политическое влияние»⁵. Французский посол при Баварском дворе Э. Тувенель

писал в 1851 г.: «Я знаю Восток, и я могу вас уверить, что Россия не уступит. Для нее это вопрос жизни и смерти»¹.

Дипломатическая дуэль Франции и России вокруг святых мест Палестины продолжалась более двух лет и осуществлялась путем давления на Порту каждой из противоборствующих сторон, использовавших различные средства политического арсенала. В частности, важную роль сыграло личное письмо Николая I к Абдул-Меджиду I от 7 сентября 1851 г. с просьбой сохранить status quo святых мест, отвечая на которое султан не мог не дать соответствующего обещания. При этом Порте, будучи зажата в тиски двумя державами, в определенный момент начала вести себя крайне непоследовательно. С одной стороны, 30 января 1852 г. Абдул-Меджид I наконец подписал подготовленный комиссией долгожданный фирман, отклонивший притязания католиков и подтвердивший акты, изданные в прежние времена в пользу греков. С другой стороны, после категорического протеста Франции турецкое правительство не только на 10 месяцев задержало публичное оглашение этого документа (что по древним традициям было необходимо для вступления закона в силу), но практически сразу после его обнародования вынесло постановление о передаче католическому духовенству ключа от главного входа в Вифлеемский храм, хотя это полностью противоречило только что вышедшему фирману и нарушало слово, данное султаном российскому императору в их личной переписке².

Полагаем, что определенную роль в принятии последнего решения сыграла Великобритания, которая, по словам российского поверенного в делах при Порте Оттоманской А. П. Озерова, осенью 1852 г. начала нарушать свой прежний нейтралитет в этом вопросе в пользу Франции, делая заявления, что частичное удовлетворение ее требований (например, передача католикам ключа от главной двери Вифлеемского храма) могло бы вывести Порту из затруднительного положения. Доводя об этом до сведения МИДа, А. П. Озеров пророчески отмечал: «Но дело в том, что Вифлеемский ключ не будет ключом к миролюбивой развязке Палестинского вопроса»³.

10 декабря 1852 г. в Пещере Рождества базилики Рождества Христова в Вифлееме на месте похищенной звезды был установлен ее дубликат, а на следующий день Латинскому Патриарху Валерге были вручены три ключа — от главного портала Вифлеемского храма и двух внутренних дверей Пещеры Рождества. (В исторической литературе иногда встречается ошибочное утверждение, что католики получили также ключ от главных ворот храма Гроба Господня.)⁴

¹ Анисимов О. В. Россия и Наполеон III: борьба за Святые места Палестины. М., 2014. С. 112–113; Якушев М. И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины в фокусе внешней политики Российской империи накануне Крымской войны // Православный Палестинский сборник. М., 2003. Вып. 100. С. 252–253.

² Якушев М. И. Иерусалимский Патриархат и святыни Палестины... С. 253.

³ Цит. по: Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. С. 372.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ Цит. по: История внешней политики России. Первая половина XIX века (От войн России против Наполеона до Парижского мира 1856 г.). М., 1995. С. 364.

¹ Цит. по: Тарле Е. В. Крымская война. Т. I. С. 137.

² Подробнее см.: Мельникова Л. В. Святые места в центре Восточного вопроса: церковно-политический фактор как одна из причин Крымской войны // Отечественная история 2008. № 6. С. 61–75; Она же. Русская Православная Церковь и Крымская война 1853–1856 гг. М., 2012. С. 16–39.

³ Озеров — Сенявину. Буюкдере, 4 ноября 1852 г. // Popoff A. La question des Lieux Saints de Jérusalem dans la correspondance diplomatique Russe du XIX-me siècle. St. Petersburg, 1911. Т. 2. № 393. P. 350–353.

⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Т. I. С. 154; История внешней политики России... С. 371.

После этих событий Иерусалимский Патриарх Кирилл отправился в Константинополь протестовать перед Портой. А недавно избранный Константинопольский Патриарх Герман направил в Петербург послание, в котором, характеризуя происшедшее как «неожиданное бедствие», «торжество папизма на Востоке и Западе» и «унижение всех православных», просил императора Николая I «освободить народ православный на Востоке от рук неправых способами, кои внушит ему высокая боговдохновенная мудрость его»¹.

Чтобы склонить Турцию к выполнению взятых на себя обязательств, Николай I решил прибегнуть к силовому нажиму. Он отдал приказ о приведении в боевую готовность войск 5-го, а затем 4-го корпусов и отправил в Константинополь чрезвычайное посольство во главе с генерал-адъютантом адмиралом светлейшим князем А. С. Меншиковым.

Послу предписывалось вести переговоры о восстановлении status quo, закреплённого в дарованном грекам фирмане. В случае желанья Порты согласовать этот документ с правами, данными католикам, ему не следовало категорически настаивать на лишении их всех полученных привилегий при условии опубликования другого фирмана, объясняющего отступление в их пользу таким образом, чтобы не придавать им вида торжества над Православной Церковью, а также предоставления последней некоторых «законных вознаграждений» для восстановления нарушенного равновесия. Чтобы гарантировать на будущее сохранение прав Православной Церкви в Палестине, посол должен был непременно склонить Турцию к заключению с Россией особой конвенции, которая, по выражению канцлера К. В. Нессельроде, «возобновляла бы и дополняла сущность Кайнарджийского трактата» относительно покровительства российского императора православному населению Османской империи². Наконец, для защиты от посягательств и давления со стороны Франции нужно было предложить Турции секретный оборонительный союз. В случае отклонения выдвинутых Россией требований А. С. Меншикову предписывалось оставить Константинополь вместе со всем штатом российского посольства.

16 февраля 1853 г. князь А. С. Меншиков прибыл в Буюкдере на фрегате с красноречивым названием «Громоносец». 24-го он вручил султану Абдул-Меджиду I письмо Николая I с изъяснением «чувств глубокого огорчения и удивления» по поводу недавно принятого им решения «в деле о святых местах Палестины» и с предупреждением «о серьезности последствий» его отказа «от своих обещаний»³.

В течение марта между российским, турецким и французским представителями была достигнута договоренность относительно большей части вопросов. Казалось, что переговоры идут успешно, однако в начале апреля в Константинополь из отпуска вернулся английский посол Ч. Стрэтфорд-Редклифф, оказавший

значительное влияние на их срыв. Большинство историков Крымской войны сходятся в том, что этот умный и хитрый дипломат, пользовавшийся в Константинополе огромным авторитетом, сделался в тот период закулисным руководителем внешней политики Порты. Позднее А. С. Меншиков с горькой иронией заметил, что «турецкий диван делается на английских пружинах»¹. Стремясь не допустить упрочения позиций России на Балканах и Ближнем Востоке, Ч. Стрэтфорд-Редклифф советовал туркам идти на всевозможные уступки, но ни в коем случае не соглашаться на заключение конвенции, которая предоставила бы российскому императору возможность вмешиваться во внутренние дела Порты.

23 апреля министр иностранных дел Турции Рифаат-паша передал А. С. Меншикову два фирмана, содержание которых удовлетворяло все русские требования относительно святых мест. В них, в частности, отмечалось, что дарование католикам ключа от больших дверей Вифлеемского храма дает им «только право входа в этот храм... не предоставляя ни права отправлять богослужение» в нем, «ни права общего владения им, совокупно с православными», а установка новой серебряной звезды, являющейся подарком султана своим подданным, не дает «никакому христианскому народу какого-либо особого и нового права»². При этом в документах не было ни малейшего намека на закрепление полученных привилегий путем заключения русско-турецкой конвенции.

Стараясь избежать провала своей миссии, А. С. Меншиков дважды (23 апреля и 8 мая) направлял турецкому правительству новые варианты проекта конвенции, каждый из которых был менее жестким, чем предыдущий. В частности, в последнем варианте достаточно корректно отмечалось, что султан «соизволил оценить и серьезно принять во внимание переданные через российского посла откровенные и дружественные представления в пользу Восточной Православной Церкви», которая и в дальнейшем будет пользоваться «привилегиями и иммунитетами, предоставленными ей с древних времен»³. Однако Порта отвергла оба проекта как посягающие на суверенитет Османской империи.

9 мая князь А. С. Меншиков покинул Константинополь.

Через 10 дней К. В. Нессельроде подписал ноту, где возложил ответственность за неудачу чрезвычайного российского посольства на султанское правительство, которому было предложено в восьмидневный срок принять «ноту Меншикова» (последний вариант конвенции), в противном случае Петербург грозил оккупировать Дунайские княжества⁴. Порты, надеявшаяся на поддержку Великобритании и Франции,

¹ АВПРИ. Ф. 161/1. Оп. 181/2. 1852 г. Д. 522. Л. 688, 689 об.

² Всеподданнейший доклад графа К. В. Нессельроде 13 декабря 1852 г. // Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. Приложения. № 96. С. 351–354. См. также: Проект конвенции между Россией и Портой. 28 января 1853 г. // Там же. № 110. С. 382–384.

³ Император Николай I — султану. 24 января 1853 г. // Там же. № 112. С. 386–387.

¹ РГВИА. Ф. 69. Оп. 1. Д. 46. Ч. 3. Л. 20745. А. С. Меншиков, славившийся каламбурами, использует в данном случае игру слов. Диван — кабинет министров в Османской империи.

² Два фирмана, полученные князем Меншиковым // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. Отдел I. Политический. СПб., 1855. Кн. I. С. 19–22.

³ Проект ноты, предложенной князем Меншиковым Порте 8 (20) мая 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. Приложения. № 147. С. 434–436.

⁴ АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1853 г. Д. 34. Л. 64–64 об.

отвергла русский ультиматум. В июне 1853 г. в Безикскую бухту, расположенную у входа в Дарданеллы, вошли английская и французская эскадры.

14 июня 1853 г. вышел манифест императора Николая I «О движении российских войск в Придунайские княжества». «Не завоеваний ищем мы; в них Россия не нуждается, — подчеркивал император. — Мы ищем удовлетворения справедливого права, столь явно нарушенного. Мы и теперь готовы остановить движение наших войск, если Оттоманская Порта обяжется свято соблюдать неприкосновенность Православной Церкви»¹. 22 июня два корпуса русской армии перешли Прут и вступили на территорию Молдавии. К. В. Нессельроде заверил европейские дворы, что занятие Дунайских княжеств, предпринятое в ответ на приближение английских и французских кораблей к Проливам, не означает открытия военных действий, что речь идет лишь о получении «материальных гарантий»², однако шаг российского императора был воспринят в Европе как ставка, сделанная на военное решение вопроса.

31 июля (н. ст.) Австрия, Великобритания, Франция и Пруссия предприняли попытку мирного урегулирования русско-турецкого конфликта, направив в Петербург и Константинополь так называемую «Венскую ноту», согласно которой Турции предписывалось соблюдать все условия Кючук-Кайнарджийского и Адрианопольского договоров относительно особых прав и преимуществ христианской религии. При этом в документе говорилось, что впредь спорные вопросы русско-турецких отношений будут поставлены под контроль европейских держав. Император Николай I согласился с данным предложением при условии, что султан также примет ноту без каких-либо оговорок. Однако Порта, с подачи все того же лорда Ч. Стрэтфорда-Редклифа, выступившего в данном случае против предписаний собственного правительства, снабдила «Венскую ноту» такими оговорками, которые Николай I счел неприемлемыми³.

4 октября султан Абдул-Меджид I объявил Османскую империю в состоянии войны с Россией. Через несколько дней турки переправились через Дунай и заняли городок Калафат. Одновременно в низовье Дуная были обстреляны суда русской речной флотилии, проходившие в Галац мимо Исакчи. Затем пятитысячный турецкий отряд захватил слабо охранявшееся укрепление Святого Николая (между Поти и Батумом) на Кавказском побережье, почти поголовно вырезав его защитников. 20 октября император Николай I подписал манифест «О войне с Оттоманскою Портою».

§ 2. Черноморский флот в кампании 1853 г.

Черноморский флот был приведен в боевую готовность в марте 1853 г., когда в Константинополе еще шли дипломатические переговоры. Поскольку Николай I не был уверен в их успешном исходе, он еще перед отправкой посольства

разработал предварительный план военных действий, в котором главная роль отводилась Черноморскому флоту. Этот план, названный А. М. Зайончковским «грандиозным по идее и решительным по замыслу», предусматривал внезапный прорыв флота в Босфор, требование немедленной сдачи Константинополя, в случае отказа — бомбардировку города и высадку десанта (32–40 тыс. человек) для его захвата, а также быстрое занятие Дарданелл для предупреждения появления европейской эскадры¹. По мнению ученого, такая задача «была по силам нашим черноморцам того времени»².

Черноморский флот представлял собой лучшую боевую силу Николая I. К началу 1850-х гг. стараниями адмирала М. П. Лазарева он был доведен «до того нравственного и материального совершенства, до которого мог доходить парусный флот»³. В 1853 г. вместе с Дунайской флотилией он насчитывал 178 судов с 2572 орудиями (в том числе 14 линейных кораблей, семь парусных фрегатов, семь паровых фрегатов, пять корветов, 12 бригов, шесть шхун, семь тендеров, две яхты, 28 транспортов, одно бомбардирское судно, 21 малый пароход, 33 гребных и 35 ластовых судов)⁴.

Российский флот превосходил турецкий по всем характеристикам, а от английского и французского флотов отставал по количеству паровых судов. Положение России как третьей в мире морской державы до некоторых пор не смущало Николая I, ошибочно надеявшегося на невмешательство Великобритании. К тому же быстрота, неожиданность и решительность, положенные в основу планируемой им Босфорской экспедиции, не должны были позволить «туркам опомниться и приготовиться к обороне», а французам — «вмешаться в дело»⁵. Необходимо отметить, что, несмотря на значительную рискованность первого военного плана Николая I, многие исследователи считают его единственной комбинацией, способной не только обезопасить южные границы России от вторжения неприятеля, но также предоставить российским вооруженным силам отличную позицию и свести «почти на ничто преимущество парового флота морских держав над нашим парусным»⁶.

Так или иначе, но проект Босфорской экспедиции вскоре был положен императором под сукно в связи с донесением А. С. Меншикова от 12 марта 1853 г. из Константинополя о существенной затруднительности выполнения задуманного

¹ Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. С. 728–735; Собственноручная записка императора Николая I относительно морской экспедиции в Босфор и Царьград 7 января 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. Приложения. № 210. С. 582–583.

² Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. С. 733.

³ Зайончковский А. М. Синопское сражение и Черноморский флот осенью 1853 года. СПб., 1903. С. 9.

⁴ Состав русского флота в 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. Приложения. № 188. С. 527.

⁵ Собственноручная записка императора Николая I относительно морской экспедиции в Босфор и Царьград... С. 582.

⁶ Зайончковский А. М. Восточная война... Т. I. С. 735, 737. См. также: История русской армии и флота. М., 1913. Т. 10. С. 136.

¹ ПСЗ-II. СПб., 1854. Т. 28. № 27344.

² АВПРИ. Ф. 137. Оп. 475. 1853 г. Д. 34. Л. 64 об. — 66 об.

³ История внешней политики России... С. 383–384.

предприятия (кроме дипломатической миссии в задачи князя входило негласное ознакомление с положением дел на месте предполагаемых действий).

В мае 1853 г. началось непрерывное крейсерство Черноморского флота для наблюдения за турецкими судами. При этом весь флот был разделен на три отряда (состав которых неоднократно менялся): первый отряд оставался на Севастопольском рейде, второй наблюдал за западной частью Черного моря и Босфором, третий — за Кавказским побережьем. Произведенное распределение судов давало возможность проследить за выходом неприятеля из Босфора и своевременно сосредоточить значительные силы для активных действий против него в любом направлении¹. До официального объявления войны крейсерство носило охранительный характер, к крайним средствам разрешалось прибегать лишь в исключительных обстоятельствах.

В сентябре 1853 г. эскадра под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова в течение нескольких дней блестяще выполнила возложенную на нее задачу по переброске в один рейс из Севастополя на Кавказ 13-й пехотной дивизии (16 393 человека и 824 лошади с двумя батареями, обозами и 30-дневным запасом продовольствия). Высадка была успешно произведена в Сухум-Кале и Анакрии. Одновременно отряд кораблей под командованием капитана 1 ранга А. Д. Варницкого перевез из Одессы в Севастополь 1-ю бригаду 14-й пехотной дивизии с двумя батареями². Отметим, что это были те самые воинские подразделения, которые по первоначальному плану должны были войти в состав десанта, предназначенного для Босфорской экспедиции.

1 октября 1853 г. начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал В. А. Корнилов подал находившемуся в Севастополе начальнику Главного морского штаба адмиралу А. С. Меншикову записку с предложением занять Сизополь и Синоп — гавани, находившиеся на европейском и азиатском берегах Турции, — и учредить там посты для наблюдения за движением неприятельских судов. Однако предложение это не было исполнено из-за неопределенности политической обстановки и опасения входа в Черное море англо-французской эскадры. 9 октября в письме к А. С. Меншикову Николай I приказал флоту в случае открытия турками военных действий «не отваживаться без нужды на неверное предприятие, но не упускать ни одного случая наносить врагам всевозможный вред»³.

11 октября 1853 г. А. С. Меншиков направил эскадру под командованием вице-адмирала П. С. Нахимова (четыре линейных корабля, три парусных фрегата, два брига и один пароходофрегат) для крейсерства у Анатолийских берегов с целью помешать возможному передвижению турецких военных судов в сторону Закавказья, где, по прогнозам, ожидалось наступательные действия противника. 23–28 октября вице-адмирал В. А. Корнилов во главе отряда из четырех пароходофрегатов произвел рекогносцировку Румелийского берега. В то же время в Севастополе были

организованы три эскадры: две парусные корабельные под командованием контр-адмиралов Ф. М. Новосильского и П. Н. Вульфа (на случай необходимости отправки подкреплений в море) и одна пароходная под командой контр-адмирала А. И. Панфилова (для разведочной службы). 29 октября В. А. Корнилов во главе эскадры, состоявшей из шести линейных кораблей, брига и двух пароходофрегатов, вновь вышел в море для поисков и истребления турецкой военной флотилии, которую накануне экипаж пароходофрегата «Херсонес» видел направляющейся к Сизополю. Были осмотрены порты Варна, Балчик, Сизополь и Бургас, но искомую эскадру обнаружить не удалось¹.

В начале ноября 1853 г. на просторах Черного моря состоялось несколько успешных для российского флота столкновений отдельных русских судов с неприятельскими. Так, 4 ноября российский пароходофрегат «Бессарабия» (из эскадры П. С. Нахимова) без боя захватил у Анатолийского побережья близ мыса Керемпе и привел в Севастополь турецкий транспорт-пароход «Меджари-Теджарет», который под названием «Турок» был включен в состав Черноморского флота. На следующий день, 5 ноября, в районе Пендераклии девятипушечный пароходофрегат «Владимир» под командованием капитан-лейтенанта Г. И. Бутакова (на борту в это время находился и вице-адмирал В. А. Корнилов) после трехчасового боя (ставшего первым «пароходным делом» в истории флотов) принудил к сдаче в плен турецко-египетский 10-пушечный пароходофрегат «Перваз-Бахри». Потери русского экипажа составили два человека убитыми (в том числе адъютант В. А. Корнилова лейтенант Г. И. Железнов) и два ранеными, потери противника — 19 человек убитыми и 21 ранеными. Что касается судов, то «Владимир» пострадал незначительно, а повреждения «Перваза-Бахри» оказались настолько многочисленными, что, по словам В. А. Корнилова, его подопечным пришлось потратить несколько часов «для приведения его в состояние держаться на воде»². Этот второй за войну «приз» доставили в Севастополь, отремонтировали и под названием «Корнилов» также включили в состав Черноморского флота. 9 ноября фрегат «Флора» под командованием капитан-лейтенанта А. Н. Скоробогатова у Кавказского побережья в районе мыса Пицунда вступил в бой с тремя турецкими пароходами и вынудил их отступить.

Вскоре, 18 ноября, состоялась и крупная победа Черноморского флота, ставшая самым знаменательным событием кампании 1853 г. — разгром эскадрой вице-адмирала П. С. Нахимова турецкой эскадры вице-адмирала Осман-паши в Синопской бухте.

П. С. Нахимов, вышедший из Севастополя еще 11 октября, непрерывно провёл в открытом море больше месяца. За это время состав кораблей, входивших в его эскадру, несколько раз менялся. 7 ноября, отправляясь в Синоп для проверки показаний плененных со взятого парохода «Меджари-Теджарет» о нахождении там четырех

¹ Подробнее см.: *Зайончковский А. М.* Синопское сражение и Черноморский флот... С. 19–22.

² Там же. С. 24–26; *История русской армии и флота*. Т. 10. С. 141.

³ Цит. по: *Зайончковский А. М.* Синопское сражение и Черноморский флот... С. 29.

¹ *Зайончковский А. М.* Синопское сражение и Черноморский флот... С. 30–40.

² Донесение В. А. Корнилова А. С. Меншикову о крейсерстве эскадры у турецких берегов и бое пароходофрегата «Владимир» с турецким пароходом «Перваз-Бахри», 7 ноября 1853 г. // *Морской сборник*. 1853. № 10. С. 101–109.

турецких военных судов, Нахимов имел в своем распоряжении пять 84-пушечных кораблей, два фрегата, бриг и пароходофрегат¹. Одно из этих судов (фрегат «Кагул») вице-адмирал оставил в крейсерстве у мыса Керемпе. На следующий день на море разыгрался сильный шторм, в ходе которого два корабля, бриг и пароходофрегат получили повреждения, и П. С. Нахимов был вынужден отправить их в Севастополь для ремонта. В это же время фрегат «Кагул», также борющийся со штормом, наткнулся на четыре турецких фрегата и, несмотря на всю тяжесть создавшегося положения, смог не только мастерски уйти от погони, но добраться до Севастополя, передать соответствующий сигнал и вернуться к мысу Керемпе.

Между тем П. С. Нахимов, оставшийся с четырьмя судами (кораблями «Императрица Мария», «Чесма», «Ростислав» и бригом «Эней»), 11 ноября рассмотрел Синопский порт, в котором оказалось не четыре, а 12 военных судов (семь фрегат, три корвета и два больших парохода), а также два транспорта и два купеческих брига, стоявших на рейде под прикрытием шести береговых батарей. Понимая, что для атаки силы не равны, и в то же время не желая упустить без боя с таким трудом обнаруженного противника, П. С. Нахимов решил блокировать Синопскую бухту и послать за подкреплением. В рапорте командиру Севастопольского порта вице-адмиралу М. Н. Станюковичу, отправленном с бригом «Эней», Павел Степанович доложил сложившуюся обстановку и попросил прислать два корабля, фрегат «Кулевчи» (который должен был присоединиться к нему еще две недели назад) и «по крайней мере» два пароходофрегата, столь необходимые в крейсерстве². Одновременно с этим П. С. Нахимов сделал распоряжение о возвращении к эскадре от мыса Керемпе фрегата «Кагул».

В тот же день, 11 ноября, в Севастополе был получен сигнал «Кагула» о погоне за ним турецких фрегат, и на рейд возвратились четыре поврежденных штормом судна П. С. Нахимова. А. С. Меншиков, сразу оценив рискованное положение оставшихся в море немногочисленных судов, отдал распоряжение Ф. М. Новосильскому немедленно отправиться с отрядом из трех 120-пушечных кораблей («Париж», «Великий князь Константин» и «Три Святителя») на соединение с эскадрой П. С. Нахимова. На рассвете 12 ноября корабли покинули Севастопольский рейд и 16-го утром добрались до места назначения. 15 ноября, уже после получения в Севастополе вышеупомянутого рапорта Павла Степановича, к нему был направлен также фрегат «Кулевчи», а 17-го — отряд из трех пароходофрегат («Одесса», «Крым» и «Херсонес») во главе с В. А. Корниловым³.

Отметим, что Осман-паша 12 ноября сообщил в Константинополь о том, что русская эскадра крейсирует близ Синопского порта, и тоже попросил подкреп-

ления, но турецкое правительство помощи ему не оказало, а сам он не попытался прорвать блокаду, хотя в то время еще обладал численным превосходством.

После прибытия отряда Ф. М. Новосильского П. С. Нахимов решил, что настало время действовать. Вскоре к нему присоединились фрегаты «Кагул» и «Кулевчи». Таким образом, накануне сражения русская эскадра насчитывала шесть кораблей и два фрегата, на вооружении которых состояло в общей сложности 720 орудий. На 12 судах турецкой эскадры Осман-паши имелось 472 орудия¹. Кроме того, в распоряжении турок были 38 орудий прибрежных батарей². Отставание в артиллерии было не единственным недостатком турецкой эскадры. Серьезным просчетом Осман-паши стало неудачное расположение его судов (у самого берега, дугообразно), чем не преминул воспользоваться П. С. Нахимов при выборе направления движения на Синопский рейд. В то же время преимуществом турок являлось наличие у них двух пароходов.

17 ноября П. С. Нахимов, пригласив к себе на корабль второго флагмана (Ф. М. Новосильского) и командиров судов, изложил им план сражения и диспозицию атаки. План заключался в том, чтобы подойти к противнику на возможно близкое расстояние (150–180 саженей), развернуть суда в боевую линию и, встав на якорь со шпрингом, дать бой. Подход эскадры П. С. Нахимов назначил в двух колоннах (во главе колонн — флагманские корабли), развертывание быстрое, по передним кораблям в обе стороны. В тот же день экипажам был зачитан подробный приказ П. С. Нахимова о предстоящем сражении, который заканчивался словами: «Государь император и Россия ожидают славных подвигов от Черноморского флота, от нас зависит оправдать ожидания»³.

18 ноября в 9 час. 30 мин., после отслуженного на судах молебна, на флагманском корабле П. С. Нахимова «Императрица Мария» взвился сигнал «готовиться к бою». Около полудня эскадра ворвалась на Синопский рейд. В правой (ближайшей к неприятелю) колонне шли корабли «Императрица Мария» под флагом П. С. Нахимова, «Великий князь Константин» и «Чесма», в левой — «Париж» под флагом Ф. М. Новосильского, «Три Святителя» и «Ростислав». Фрегатам «Кагул» и «Кулевчи» как более подвижным судам было приказано не вставать на якорь для артиллерийского состязания, а остаться поблизости под парусами для противодействия пароходам противника.

В 12 час. 28 мин. турецкий флагманский 44-пушечный фрегат «Ауни-Аллах» первым открыл огонь, вслед за ним — остальные неприятельские суда и береговые батареи. Несмотря на встречный град снарядов, русские корабли продолжали сближаться с противником, точно занимали определенные диспозицией места, вставали на якорь и, приняв удобное положение, вступали в бой. Выдержка,

¹ Корабли «Императрица Мария», «Чесма», «Храбрый», «Ростислав» и «Святослав», фрегаты «Кагул» и «Коварна», бриг «Эней» и пароходофрегат «Бессарабия».

² Рапорт П. С. Нахимова М. Н. Станюковичу о блокировании Синопа и необходимости присылки подкреплений, 11 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов. Документы и материалы. М., 1954. № 203. С. 272–273.

³ *Зайончковский А. М.* Синопское сражение и Черноморский флот... С. 56–57.

¹ Сравнительная таблица сил судов, сражавшихся на Синопском рейде 18 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов. Документы и материалы. № 215. С. 308–309.

² *Зайончковский А. М.* Синопское сражение и Черноморский флот... С. 69.

³ Приказ П. С. Нахимова об атаке неприятельского флота, находящегося на Синопском рейде, 17 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов. Документы и материалы. № 208. С. 276–278.

спокойствие и высокий профессионализм моряков Черноморского флота обеспечили меткость огня и успех всего дела. Береговые батареи были подавлены или скрыты до основания; турецкие суда один за другим загорались, взрывались, выбрасывались на берег. Через три часа после начала сражения эскадра Осман-паши перестала существовать. Были уничтожены 11 из 12 военных судов противника¹; транспорты и купеческие брига затонули от попавших в них ядер. Единственным спасшимся турецким судном был 20-пушечный пароход «Таиф», на борту которого находился британский офицер А. Слейд, советник турецкого флота. Быстроходному «Таифу» удалось вырваться с рейда и уйти от погони не только «Кагула» и «Кулевчи», но и от пароходофрегатов В. А. Корнилова, подоспевших к середине сражения².

В личном составе турки потеряли убитыми и пропавшими без вести более 3 тыс. человек. В плен были взяты командующий эскадрой вице-адмирал Осман-паша, два капитана фрегатов и около 200 матросов³.

Русская эскадра, несмотря на отчаянное сопротивление противника, не потеряла ни одного судна, хотя все шесть кораблей, вынесших на себе основную тяжесть сражения, получили различные повреждения в корпусе, рангоуте, такелаже и парусах, на исправление которых требовалось от трех недель до двух месяцев⁴. Потери в людях составили 38 убитых и 235 раненых⁵.

В течение полутора суток экипажи работали над приведением поврежденных русских кораблей «в состояние предпринять плавание в глубокую осень через все Черное море» (заделывали подводные пробоины, ремонтировали рангоут)⁶. Наиболее пострадавшие корабли вышли из Синопской бухты на буксире пароходов. 22 ноября эскадра благополучно прибыла на Севастопольский рейд.

За одержанную победу П. С. Нахимов был пожалован орденом Св. Георгия 2-го класса, награждены были также многие офицеры и матросы его эскадры.

Синопское сражение стало одной из самых ярких страниц боевой истории Черноморского флота. Оно получило громкий отзвук как в России, так и в Европе. В. А. Корнилов назвал его «битвой славной, выше Чесмы и Наварина»⁷, Николай I —

«новой победой русского флота, которая навсегда останется памятной в морской истории»¹. Было высказано высочайшее пожелание, чтобы «Айвазовский писал картины бывшим делам»². Боевой дух русской армии и флота окреп, а П. С. Нахимов сделался национальным героем.

На Западе Синопское сражение было воспринято, разумеется, совсем иначе. Оно ускорило вступление в войну Великобритании и Франции, ибо стало очевидным, что длительного единоборства с Россией Турция не выдержит. 23 декабря 1853 г. сильная по числу и характеру судов англо-французская эскадра³ вошла в Черное море, чтобы «защитить оттоманскую территорию и флот». Одновременно было выдвинуто требование, чтобы русские неторговые суда вернулись на свою базу, при этом на турецкие военные корабли запрет на плавание по Черному морю не распространялся⁴. Поскольку это было явное враждебное действие по отношению к России, 9 февраля 1854 г. Николай I подписал манифест «О прекращении политических сношений с Англией и Францией». 15–16 (27–28) марта королева Виктория и Наполеон III официально объявили войну России. 30 марта Россия ответила аналогичным заявлением.

Что касается Черноморского флота, то весной и летом 1854 г. он в море почти не выходил. Опасаясь столкновения с гораздо более сильным противником и руководствуясь указанием императора «не драться» с англичанами и французами на море, а дать им «отведать» севастопольских батарей⁵, А. С. Меншиков ограничил деятельность флота в основном крейсерством в районе Херсонесского маяка и на недалгих подступах к Севастополю, а также заботами по укреплению охраны рейда и порта. Отказавшись не только от наступательных, но практически и от разведывательных действий, он тем самым полностью отдал стратегическую инициативу в руки противника.

Тем временем англо-французская эскадра владела морем. 10 апреля 1854 г. она подвергла 12-часовой бомбардировке Одессу, на что все это время стойко

¹ Фрегаты «Ауни-Аллах», «Фазли-Аллах», «Дамиад», «Низамие», «Навек-Бахри», «Несими-Зефер», «Каиди-Зефер»; корветы «Гюли-Сефид», «Неджми-Фешан», «Фейзи-Меабуд»; пароход «Эрекли».

² Подробнее см.: Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о Синопском морском сражении, 29 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов. Документы и материалы. № 228. С. 321–326.

³ Зайончковский А. М. Синопское сражение и Черноморский флот... С. 85.

⁴ Ведомость повреждений, полученных кораблями эскадры П. С. Нахимова в Синопском сражении // П. С. Нахимов. Документы и материалы. № 226. С. 320.

⁵ Ведомость о числе убитых и раненых в Синопском сражении // Там же. № 231. С. 353.

⁶ Рапорт П. С. Нахимова А. С. Меншикову о Синопском морском сражении... С. 325.

⁷ Из письма В. А. Корнилова жене Е. В. Корниловой об уничтожении турецкой эскадры при Синопе, 22 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов. Документы и материалы. № 220. С. 316.

¹ Рескрипт Николая I о награждении П. С. Нахимова орденом Святого Георгия второго класса, 28 ноября 1853 г. // П. С. Нахимов. Документы и материалы. № 227. С. 321.

² Император Николай — князю Меншикову, 29 ноября 1853 г. // Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1912. Т. II. Приложения. № 54. С. 131.

³ Первоначальный состав объединенной англо-французской эскадры А. М. Зайончковский оценивает в 18 линейных кораблей и 13 пароходофрегатов (Зайончковский А. М. Восточная война 1853–1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. СПб., 1913. Т. II, ч. I. С. 340). Современный исследователь С. В. Ченных называет несколько более внушительные цифры: 19 линейных кораблей (в том числе три парусно-винтовых), три парусных фрегата (в том числе один парусно-винтовой), 19 пароходофрегатов, семь корветов (в том числе три парусно-винтовых), четыре брига, 10 пароходов и один вооруженный парусный транспорт. (См.: Ченных С. В. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853–1856 гг. Севастополь, 2010. Ч. I: Вторжение. С. 71.)

⁴ История внешней политики России... С. 388–389.

⁵ Император Николай — князю Меншикову... С. 131.

отвечали огнем русские береговые батареи. Затем неприятельские суда подошли к Севастополю, но, не решившись атаковать его, вскоре ушли в Балчик и через некоторое время приступили к блокаде устья Дуная. В июне англо-французский флот перебросил в Варну 60-тысячный союзный корпус. Однако вывод русских войск из Дунайских княжеств, вызванный возросшей угрозой вступления в войну Австрии, фактически оставил не у дел только что сосредоточенные силы противника. В июле 1854 г. великие державы приняли решение сделать главным объектом своих дальнейших действий Крымский полуостров. На повестку дня ими были поставлены высадка союзных войск в Крыму, захват Севастополя и уничтожение русского Черноморского флота.

§ 3. Высадка союзных войск в Крыму. Альма

В конце августа 1854 г. соединенные союзные войска под командованием французского маршала А.-Ж. Леруа де Сент-Арно и английского генерал-лейтенанта лорда Ф. Раглана отплыли из Варны к берегам Крыма. Определить точную численность живой силы противника и перевозивших ее судов (как военных, так и торговых) не представляется возможным в силу значительных расхождений в источниках. Обычно в литературе фигурируют следующие цифры: 62–64 тыс. человек (в том числе 28–29 тыс. французов, 27–28 тыс. англичан, 7 тыс. турок) и 350–360 судов¹. Н. Ф. Дубровин указывает 389 судов — 89 военных и 300 купеческих². Эта огромная, перегруженная войсками армада находилась в море в течение недели и, несмотря на наличие конвоя из английских военных кораблей, была достаточно уязвима, ибо ее переход не обеспечивался разведкой, отдельные отряды транспортов растянулись на много миль, связь между ними отсутствовала. Неслучайно английские и французские флотоводцы постоянно опасались атаки русского флота, способной, хотя и ценой собственных потерь, нанести «огромное опустошение транспортам и войскам»³. Но русский Черноморский флот, по образному выражению современника, «пришитый Меншиковым к Херсонесскому маяку» и обреченный на сидение в Севастополе, не оказал противодействия неприятельской эскадре ни в море, ни во время высадки десанта.

Высадке предшествовала рекогносцировка, произведенная специальной комиссией, которая на борту четырех кораблей 29 августа тихим ходом прошла вдоль побережья от Херсонеса до Евпатории. В ходе этой разведывательной операции был сделан промер глубин, изучен рельеф прибрежной полосы, оценены укрепления и примерная численность русских войск. В результате местом для высадки был

выбран участок побережья Каламитского залива между Саками и Евпаторией, примерно в 12 милях к югу от последней, лежащий на 45-м градусе северной широты. Это место, названное союзниками «Старым фортом» из-за близости развалин генуэзского укрепления, идеально подходило для десантирования. Заключенное между двумя соляными озерами (Камышлы и Кичик-бель) и имевшее низкий, пологий берег, оно свободно обстреливалось корабельной артиллерией и обеспечивалось с флангов. План, утвержденный англо-французским командованием, предусматривал также быстрый захват слабо охраняемой Евпатории, которая должна была стать первой базой снабжения войск на Крымском полуострове, предназначенной для обеспечения их действий. К главной цели экспедиции, Севастополю, планировалось следовать через три-четыре дня берегом моря, имея на правом фланге армии флот¹.

1 сентября 1854 г. союзники выполнили первый пункт намеченной программы — заняли Евпаторию. Для захвата этого мирного провинциального города было выделено четыре военных судна и отряд из 3 тыс. человек турецкой, французской и английской пехоты под командованием генерала Юсуфа. Гарнизон города, насчитывавший лишь 200 солдат Тарутинского полка, не оказал никакого сопротивления. Все произошло просто и быстро: парламентареры, прибывшие в шлюпке на пристань, предъявили городским властям ультиматум о сдаче города ввиду отсутствия в нем укреплений, необходимых для сопротивления, и вскоре получили согласие на капитуляцию. Войскам гарнизона было предоставлено право покинуть город в течение 24 часов, что они и сделали, направившись в Симферополь².

Турецкие муллы, прибывшие с союзными войсками, при поддержке некоторых представителей крымского исламского духовенства попытались склонить к пособничеству татар Евпаторийского уезда. Но эта пропаганда вскоре была нейтрализована выступлением «в защиту русских» князя Мехмет-бея Балатукова (сына упомянутого выше Кая-бея Балатукова, генерал-майора, участника войны 1812–1814 гг.), пользовавшегося большим авторитетом среди местного татарского населения³.

2–6 сентября беспрепятственно высадились на побережье Каламитского залива в назначенном месте и основные силы союзников. Несмотря на прямое указание императора Николая I «встретить неприятеля при самой высадке или несколько отступая от берега, чтобы не подвергать [гарнизон] сильному действию с судов», заранее данное А. С. Меншикову, князь «не признал возможным атаковать высаженные войска на плоском берегу, обстреливаемом с флота», и решил сразиться с врагом южнее, на пути к Севастополю — на выгодной позиции по реке Альме, обстрел которой с моря затруднялся из-за высот на нашем левом фланге⁴. А. С. Меншиков сразу приступил к сосредоточению русских войск на выбранном им месте,

¹ Тарле Е. В. Крымская война. М.: Л., 1850. Т. II. С. 39; Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. I. С. 178; и др.

² Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. I. С. 182.

³ См.: Ченнык С. В. Крымская кампания... Ч. I. С. 299.

¹ Ченнык С. В. Крымская кампания... Ч. I. С. 228–239.

² Там же. С. 239–244.

³ Возгрин В. Е. Исторические судьбы крымских татар. М., 1992. С. 324.

⁴ Переписка государя императора Николая Павловича с князем Меншиковым 1853–1855 гг. // Военный сборник. 1904. № 9. С. 157–165.

а для наблюдения за действиями противника направил капитан-лейтенанта В. А. Стеценко, который должен был извещать его «обо всем, что заметит», вкладывая свои донесения в конверты с надписью «по приказанию главнокомандующего», незамедлительно передаваемые по легкой почте¹. В. А. Стеценко и бывшие с ним казаки, замеченные издали противником, стали, по язвительному замечанию английского лейтенанта Ч. Стефенсона, «единственным противодействием высадке»². В своих донесениях, адресованных как А. С. Меншикову, так и В. А. Корнилову, В. А. Стеценко, в частности, предлагал атаковать скупенный союзный флот брандерами³. Возможность атаки высаживавшегося неприятеля силами Черноморского флота В. А. Корнилов и П. С. Нахимов действительно рассматривали, но этому помешало не только несогласие А. С. Меншикова, но и встречный ветер.

Таким образом, к сожалению, приходится признать справедливость оценки, которую дал событиям 1–6 сентября А. А. Керсновский: «Это была крупнейшая из всех десантных операций истории, блестяще проведенная благодаря свойствам парового флота и почти полной неподготовленности русской стороны»⁴. Ряд исследователей полагают, что если бы русские вооруженные силы все же встретили огнем союзные войска в момент десантирования, то у них был бы реальный, хоть и рискованный, шанс либо сорвать высадку, либо по крайней мере значительно осложнить ее, нанеся существенный урон противнику⁵. Но история, как известно, не терпит сослагательного наклонения.

Итак, А. С. Меншиков решил помериться силой с противником на Альминской позиции. Берега реки Альмы в ее нижнем течении имели почти идеальные условия для организации оборонительного сражения. Левый (южный) берег реки, где расположились русские войска, почти на всем протяжении был крутым и высоким; правый (северный) берег, по которому должен был наступать противник, напротив, представлял собой обширную, далеко просматриваемую равнину, покрытую селениями и виноградниками. Русская позиция протяженностью около семи верст располагалась по обе стороны дороги Евпатория — Севастополь. Ее левый фланг находился напротив селения Альматамак, в двух верстах от устья реки. Примкнуть его к морю было невозможно из-за угрозы обстрела корабельной артиллерией, однако положение отчасти спасали склоны южного берега Альмы, которые от устья и до самого Альматамака были высокими (30–45 м), почти отвесными и доступными лишь по нескольким труднопроходимым тропинкам. Далее, вверх по течению, высоты левого берега постепенно понижались, имели более пологие склоны и места-

ми удалялись к югу от реки; у деревни Бурлюк они пересекались широкой ложбиной, по которой проходила дорога из Евпатории в Севастополь. К востоку от этой дороги, напротив деревни Тарханлар, располагалась возвышенность, отдельный холм которой, отстоявший от реки на 300 сажень (около 600 м), составлял крайний правый фланг русской позиции. Сама по себе Альма, река неглубокая и неширокая, не могла служить серьезным препятствием, ибо во многих местах была проходима вброд. Прочный деревянный мост, способный выдержать вес орудийных упряжек с зарядными ящиками, был один — на дороге из Евпатории в Севастополь.

«И без того сильная позиция на Альме, — пишет А. М. Зайончковский, — могла, конечно, быть доведена средствами фортификации до высокой степени обороноспособности, но, несмотря на избыток времени, средств и рабочих, ничего в этом отношении сделано не было»¹. Впрочем, минимум инженерных работ все же выполнили: возвели два эполемента на правом фланге (немного восточнее Евпаторийской дороги и на вершине холма), за которыми поставили батареи. Левый фланг, признанный в ходе рекогносцировки неприступным, не укрепили вообще. Там не только не устроили батарею, но и не сделали непроходимыми вышеупомянутые тропинки, открывавшие доступ на высоты. Более того, местность ниже Альматамака оставили в день сражения практически без обороны и даже без наблюдения, хотя, по мнению М. И. Богдановича, для того чтобы контролировать ситуацию на этом участке, хватило бы «двух стрелковых рот, поддержанных одним или двумя батальонами с несколькими орудиями»². Среди прочих возможных, но не принятых для усиления позиции мер М. И. Богданович называет также следующие: не были вырыты рвы для стрелков, не уничтожен мост у селения Бурлюк, не испорчены главные броды на реке, не вырублены сады на правом берегу Альмы, служившие неприятелю прикрытием (впрочем, по его же замечанию, на последнее действие у русского командования не было соответствующего разрешения)³. Наконец, серьезным недостатком, безусловно, очень выгодной во многих отношениях Альминской позиции многие исследователи считают ее растянутость: она была слишком протяженной для тех сил русской армии, которые имелись в распоряжении князя А. С. Меншикова⁴.

Численность русских войск, сосредоточенных на Альме, составляла около 35 тыс. человек (42,5 батальона, 16 эскадронов, 11 казачьих сотен) с 84 орудиями⁵.

¹ *Стеценко В.* Крымская кампания. Воспоминания и рассуждения // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872. Т. 1. С. 199.

² Цит. по: *Ченнык С. В.* Крымская кампания... Ч. I. С. 248.

³ *Стеценко В.* Крымская кампания... С. 199.

⁴ *Керсновский А. А.* История русской армии. М., 1999. Т. 2. С. 129.

⁵ См., напр.: *Ченнык С. В.* Крымская кампания... Ч. I. С. 303–304.

¹ История русской армии и флота. Т. 10. С. 67.

² *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1876. Т. III. С. 33.

³ Там же. С. 8, 33.

⁴ Там же. С. 32–33; История русской армии и флота. Т. 10. С. 67.

⁵ *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 6; Н. Ф. Дубровин вслед за Э. И. Тотлебенем приводит следующие данные: 33 600 человек (в том числе 3600 человек кавалерии) при 96 орудиях (*Дубровин Н. Ф.* История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. I. С. 212; *Тотлебен Э. И.* Описание обороны города Севастополя. СПб., 1853. Ч. 1. С. 169).

Им противостояли, по разным данным, 55–61 тыс. человек союзных войск, располагавших 132 орудиями¹.

А. С. Меншиков, находившийся на позиции в течение нескольких дней до начала сражения, был озабочен в основном поисками подкреплений. Чрезвычайно скрытный от природы и не привыкший доверять мнению других людей, он не собрал военного совета и не довел до сведения командного состава какой-либо внятный план предстоявшего сражения, отчего у окружающих сложилось впечатление, что никакого плана у главнокомандующего просто нет. Генерал-майор Л. С. Кишинский отмечал позднее в своих записках, что А. С. Меншиков «никому и ничего не сообщал из своих замечаний, как будто сознаваясь, что принятое им на себя дело ему не по силам, и невольно заставлял думать других, что не хочет принять сражения»². Н. Ф. Дубровин полагает, что «подавленный силою обстоятельств и их неожиданностью князь растерялся»³. Все распоряжения главнокомандующего ограничились поручением командовать правым флангом и центром генералу князю П. Д. Горчакову, а левым — генерал-лейтенанту В. Я. Кирьякову. Оба генерала, по словам Е. В. Тарле, были плохими тактиками, а В. Я. Кирьяков к тому же редко бывал «в совершенно трезвом состоянии»⁴. Кроме того, подполковник Залесский получил лаконичное приказание «подготовить позицию к бою и расположить на ней войска». Акцентируя внимание на том, что этот человек позднее (в 1855 г.) был уволен в отставку и выслан из Севастополя «по политической неблагонадежности», Н. Ф. Дубровин, хотя и бездоказательно, намекает на то, что имевшие место просчеты в расположении войск могли быть допущены им преднамеренно⁵.

Сражение состоялось 8 сентября 1854 г. Союзное командование планировало атаковать русскую позицию в обход обоих флангов и с фронта. Для обхода русского левого фланга были назначены французская пехотная дивизия генерала П. Боске и турецкие войска, правого — английские части лорда Раглана. Фронтальной атакой руководил маршал А. де Сент-Арно.

Наступление начала дивизия П. Боске. Французы выступили еще на рассвете, но из-за промедления англичан, которые должны были вслед за ними начать действия на противоположном фланге, были вынуждены остановиться на привал. Задержка наступления, затянувшаяся на несколько часов, позволила французам не только сварить и выпить кофе, но и разведать две тропы, ведущие на высоты левого берега; в то же время она расслабила русское командование, подумавшее, что сражение откладывается. Генерал В. Я. Кирьяков по своему обыкновению устроил пикник с шампанским. Посыльным князя А. С. Меншикова (В. А. Стеценко и А. А. Панаеву), доставившим предупреждение о появлении западнее левого фланга около

восемью батальонов противника и требование внимания и готовности к действию, он ответил, что «не боится их»¹ и «перестреляет как кур» всех, кто попытается выйти на подъем². Накануне В. Я. Кирьяков уверял, что на своем неприступном участке «шапками закидает» неприятеля, при этом не выставил на подъемах со стороны моря ни одной воинской части³. Преступная халатность и чрезмерная самоуверенность командующего левым флангом, послужившие в дальнейшем поводом для анекдотов и издевательств, в день сражения обернулись трагедией. Подчиненные П. Боске (батальон зуавов, бригады генералов Буа и Отамара), перейдя Альму вброд, практически беспрепятственно поднялись на плато левого берега по двум найденным ими тропам (близ устья реки и западнее Альматамака), причем по второй из них с помощью саперов подняли орудия двух батарей. Не встретив сопротивления русских и явно вспомнив спокойную высадку в Каламитском заливе, П. Боске сказал своим офицерам: «Эти господа решительно не хотят драться»⁴.

Поднявшиеся на плато французы оказались в тылу у единственного находившегося на «неприступном» участке русского батальона (2-го батальона Минского пехотного полка), стоявшего у деревни Аклес, в версте от морского побережья и в двух верстах от берега Альмы. Опасаясь оказаться отрезанным от остальных русских войск, батальон, отстреливаясь, тут же начал отходить за деревню Орта-Кисек. Прибывший в это время к В. Я. Кирьякову А. С. Меншиков приказал немедленно перебросить на левый фланг Московский пехотный полк, остальные три батальона Минского полка и две батареи 17-й артиллерийской бригады. Однако это решение несколько запоздало. Пока русские части подтягивались, на плато оказалась уже вся дивизия П. Боске, а вскоре поднялись и турки. Построившись под тупым углом с прочими войсками, Минский и Московский полки оказали стойкое сопротивление противнику. По приказу А. С. Меншикова Московский полк пытался пойти в штыковую атаку, но французы уклонились от рукопашного боя и на дальнем расстоянии нанесли русским солдатам, вооруженным гладкоствольными ружьями, большой урон штуцерами (нарезными ружьями) и картечью. Действия дивизии П. Боске поддерживались также огнем корабельной артиллерии.

После того как завязался бой на высотах, по приказу А. де Сент-Арно начали наступление французские пехотные дивизии генералов Ф. Канробера и принца Наполеона. Оттеснив русских стрелков, рассеянных в садах на правом берегу реки, и заняв Альматамак, они перешли Альму и, несмотря на отчаянное сопротивление наших войск, поднялись на высоты. Московский и Минский полки, оказавшиеся между двух огней, в 14 час. были вынуждены отступить. Вслед за ними начали

¹ Багдасарян В. Э., Толстой С. Г. Русская война: столетний историографический опыт осмысления Крымской кампании. М., 2002. С. 154.

² Цит. по: Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. 1. С. 206.

³ Там же. С. 205.

⁴ Тарле Е. В. Крымская война. Т. II. С. 115, 118.

⁵ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. 1. С. 206–207.

¹ Стеценко В. Крымская кампания... С. 209.

² Князь Александр Сергеевич Меншиков в рассказах бывшего его адъютанта Аркадия Александровича Панаева. 1853–1854 // Русская старина. 1877. Т. XVIII, № 2. С. 338.

³ Багдасарян В. Э., Толстой С. Г. Русская война: столетний историографический опыт... С. 153.

⁴ Цит. по: Ченнык С. В. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853–1856 гг. Севастополь, 2011. Ч. II: Альма. С. 99.

отходить и остальные войска русского левого фланга — Тарутинский егерский полк и резервные батальоны Белостокского и Брестского пехотных полков.

Английские войска сначала приступили к планировавшемуся обходному маневру правого фланга русской армии, однако в ходе движения выяснилось, что это создает опасный разрыв между воинскими частями. Поэтому по приказу лорда Раглана они сдвинулись к центру и пошли во фронтальное наступление на Бурлюк и Тарханлар. Первая попытка пехотных дивизий Дж. де Лейси Эванса и Дж. Броуна переправиться через реку была благополучно отбита русской артиллерией. Англичане понесли большие потери и на некоторое время залегли, но и Бородинский егерский полк, изрядно пострадавший во время перестрелки, понемногу стал отходить. Уже в ходе сражения русские саперы попытались разрушить мост, «но совершенно в этом не успели»¹. В конце концов пять английских батальонов перешли Альму в районе моста и бросились в атаку на батарею № 1 батареи 16-й артиллерийской бригады, укрытую эполементом и находившуюся от них на расстоянии картечного выстрела, близ Евпаторийской дороги. Для ее защиты навстречу им двинулись два батальона Егерского его императорского высочества великого князя Михаила Николаевича полка, но это принесло больше вреда, чем пользы. Наступающие батальоны заслонили собой батарею, которая, дабы не стрелять по своим, временно прекратила огонь, а англичане, пользуясь превосходством нарезных ружей, заставили егерей повернуть назад и буквально «на их плечах» ворвались на эполемент. Чтобы не дать им дожидаться подкреплений и устроиться на этом важном пункте, Владимирский пехотный полк во главе с генералами П. Д. Горчаковым и О. А. Квицинским тут же бросился в яростную контратаку, штыками выбил врага из укрепления и отбросил к реке. Но этот успех не мог изменить исход сражения. Французы уже оттеснили русский левый фланг и заняли центр. Оказавшись под перекрестным огнем и понеся большие потери, Владимирский полк был вынужден отступить. Вскоре к общему отступлению русской армии, прикрываемому арьергардом, присоединились Суздальский пехотный и Углицкий егерский полки.

Неприятельские войска не стали преследовать отходящую к Севастополю русскую армию. Им нужно было отдохнуть, пополнить боезапас, оказать помощь раненым, похоронить убитых. К тому же они почти не имели кавалерии, столь необходимой для преследования, испытывали проблемы с транспортными средствами (лошадьми), не располагали достаточной информацией о русских вооруженных силах и опасались оторваться от базы снабжения, находившейся в Евпатории. Под влиянием всех этих факторов союзные командующие решили взять недельную передышку, чем оказали неоценимую услугу защитникам Севастополя.

Что касается потерь, понесенных обеими сторонами в сражении на Альме, то данные о них разнятся. Относительно русской армии наиболее обобщенными и достоверными считаются сведения, приведенные Э. И. Тотлебенем: 5709 человек, в том числе 1801 убитый (46 офицеров, 1755 солдат), 2699 раненых (четыре

генерала, 84 офицера, 2611 солдат), 474 контуженых (один генерал, 56 офицеров, 417 солдат), 735 пропавших без вести (семь офицеров, 728 солдат)¹. Данные о потерях союзников варьируются от 3353² до 4500 человек³.

Причинами альминского поражения русских войск являлись почти двукратное численное превосходство противника, лучшее техническое оснащение неприятельской пехоты (большая часть которой имела нарезные ружья, в то время как в армии А. С. Меншикова штуцерами были вооружены лишь 2200 человек), ряд стратегических и тактических ошибок главнокомандующего и халатность В. Я. Кирьякова. А. С. Меншиков же, пытаясь снять с себя вину, в донесении Николаю I объяснил случившееся малодушием вверенных ему войск, их недостаточной стойкостью⁴. Видимо, император поверил князю, ибо оставил его в должности главнокомандующего.

Результаты первого сражения на Крымской земле произвели гнетущее впечатление на всю российскую общественность. «После Альмы, — пишет Е. В. Тарле, — стали ждать всего наихудшего и уже были ко всему готовы»⁵. Союзники, напротив, пребывали в то время в приподнятом настроении и ждали победоносного окончания военных действий через три недели. Однако Крымская кампания еще только начиналась. Впереди была 349-дневная оборона Севастополя — ключевое событие и самая героическая страница истории Восточной войны.

§ 4. Оборона Севастополя

Севастополь, главный военный порт на юге России, к началу Крымской кампании был прекрасно укреплен со стороны моря и очень слабо — со стороны суши. В то время, как и сейчас, город делился Севастопольским рейдом (Северной бухтой) на Северную и Южную стороны. Последняя, в свою очередь, была разделена Южной бухтой на собственно городскую и корабельную части. Со стороны моря город и рейд защищали 12 батарей, устроенных вдоль берегов Северной бухты: Константиновская, батарея № 1, Михайловская, батарея № 4, Двенадцати-Апостольская, Парижская, Святославская, Павловская, Николаевская, батарея № 8, Александровская, батарея № 10. Все они в общей сложности имели около 600 орудий. Кроме того, накануне вторжения противника в Крым усердием морского подрядчика отставного поручика Д. К. Волохова на северном берегу была воздвигнута и оснащена 10 орудиями башня, предназначенная для того, чтобы помешать неприятелю стрелять с моря в тыл Константиновской батареи; с той же

¹ Тотлебен Э. И. Описание обороны города Севастополя. Ч. 1. С. 192.

² Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 30.

³ Тарле Е. В. Крымская война. Т. II. С. 117.

⁴ Багдасарян В. Э., Толстой С. Г. Русская война: столетний историографический опыт... С. 155.

⁵ Тарле Е. В. Крымская война. Т. II. С. 120.

¹ История русской армии и флота. Т. 10. С. 71.

целью севернее последней была построена земляная батарея Н. Г. Карташевского на пять крепостных орудий¹.

Для защиты города со стороны суши к началу сентября 1854 г. налицо были лишь несколько старых и, наоборот, еще строившихся укреплений. На Северной стороне имелось единственное оборонительное сооружение — Северное укрепление (восьмиугольный форт), возведенное еще в 1818 г. На Южной стороне все семь бастионов находились тогда на стадии строительства или даже проектирования².

С началом высадки союзников на Крымское побережье работы по возведению укреплений значительно ускорились. 5 сентября В. А. Корнилов, еще надевшийся на успех Альминского сражения, писал жене: «У нас в Севастополе все благополучно, все спокойно и даже одушевлено. На укреплениях работают без устали, и они идут с большим успехом. Надеемся, что князь А. С. Меншиков обойдется без них»³. Однако, выехав в день сражения на позицию, В. А. Корнилов уже по дороге встретил отступавшие к реке Каче русские войска и сразу осознал всю серьезность положения. Подлинный же масштаб бедствия открылся ему при встрече с А. С. Меншиковым, сообщившим В. А. Корнилову свои планы и распоряжения: армия, отступив к Севастополю, в городе не останется, а совершит фланговый маневр, чтобы сохранить сообщение с Перекопским перешейком и внутренними губерниями империи; защита крепости ложится на плечи моряков, которые прежде всего должны заградить вход на рейд, затопив в фарватере несколько собственных кораблей⁴.

Считая приказ А. С. Меншикова о затоплении флота «самоубийством» и решив оказать ему противодействие, В. А. Корнилов попробовал заручиться поддержкой коллег, для чего утром 9 сентября созвал военный совет флагманов и капитанов кораблей Черноморского флота. Несмотря на явное превосходство неприятельской соединенной эскадры (по количеству боевых кораблей — более чем в два раза, а по быстроходным паровым судам — в девять раз), В. А. Корнилов предложил выйти в море и дать бой, а в случае неудачи взорвать себя вместе с противником. Однако большинство участников совещания не поддержали его предложение, считая более надежной мерой заграждение входа в бухту. Потерявший терпение В. А. Корнилов прервал совет словами: «Готовьтесь к выходу; будет дан сигнал, что кому делать», после этого отправился к главнокомандующему. Но последний вынудил его подчиниться своему приказу, пригрозив высылкой в Николаев⁵.

11 сентября 1854 г. в фарватере Севастопольского рейда (у входа в Северную бухту) были затоплены пять старых линейных кораблей («Три Святителя», «Уриил», «Селафаил», «Варна» и «Силистрия») и два фрегата («Флора» и «Сизополь»), а остальные суда отведены во внутреннюю Южную бухту. С кораблей сняли ар-

тиллерию для установки ее на укреплениях, а личный состав флота был переведен на сухопутную линию обороны. «С затоплением кораблей, — пишет Н. Ф. Дубровин, — Севастополь перестал быть портом. Чувство долга и любовь к родине обращали город в крепость, а моряков-матросов — в солдат-пехотинцев. Это крутое превращение, возможное только в России, совершилось на глазах многочисленного неприятеля»¹.

После затопления кораблей В. А. Корнилов обратился к морякам со словами утешения: «Грустно уничтожать свой труд!.. Но надо покориться необходимости! Москва горела, а Русь от этого не погибла! Напротив, стала сильнее. Бог милостив! Конечно, Он и теперь готовит верному Ему народу русскому такую же участь. Итак, помолимся Господу и не допустим врага сильного покорить себя!»²

Отметим, что через несколько месяцев морские штормы практически разрушили преграду из затопленных судов. Поэтому в феврале 1855 г. на дно бухты между Николаевской и Михайловской батареями (восточнее затопленных ранее кораблей) были пущены еще шесть старых судов: линейные корабли «Двенадцать апостолов», «Святослав», «Ростислав» и фрегаты «Кагул», «Мидия» и «Месемврия».

Вечером 12 сентября А. С. Меншиков, опасаясь быть заблокированным в крепости, направился с главными силами Крымской армии по дороге на Бахчисарай и 14-го занял позицию на реке Каче, сохранив сообщение с империей и получив возможность действовать во фланг и тыл двигавшемуся к Севастополю неприятелю. Оборону Севастополя он предоставил морякам, резервным батальонам и саперам. По данным А. Жандра, после ухода армии к Бахчисараю численность оставшихся в Севастополе войск составила лишь 19 167 человек. Сюда входили 17 морских батальонов, сформированных из экипажей кораблей, как затопленных, так и стоявших на рейде (по 256 человек), восемь батальонов резервной бригады 13-й пехотной дивизии (8 304 человека) и 6-й саперный батальон (607 человек)³. Кроме того, на кораблях оставались 6–7 тыс. матросов. Командование расположенными в Севастополе войсками А. С. Меншиков передал генерал-лейтенанту Ф. Ф. Моллеру, оборону Северной стороны поручил В. А. Корнилову, а Южной — П. С. Нахимову. Вскоре после ухода князя П. С. Нахимов и Ф. Ф. Моллер, дабы избежать дополнительных проблем, вызванных отсутствием единого командования, подчинились В. А. Корнилову, принявшему на себя обязанности начальника штаба обороны.

Между тем союзники, имевшие в первые дни после Альмы реальную возможность войти в Севастополь практически церемониальным маршем, не отважились атаковать город с севера, решив обойти его с юга. Причинами стали переоценка ими Северного укрепления, известие о заграждении русскими входа на рейд, а также наличие на юге удобных бухт для стоянки флота. Заняв Балаклаву и Камышовую бухту, они начали создавать там тыловые базы, чтобы впоследствии

¹ История русской армии и флота. Т. 10. С. 62–63; Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя и биографии В. А. Корнилова. СПб., 1859. С. 181–183.

² История русской армии и флота. Т. 10. С. 63.

³ Цит. по: Тарле Е. В. Крымская война. Т. II. С. 39–40.

⁴ Ченнык С. В. Крымская кампания 1854–1856 гг. Восточной войны 1853–1856 гг. Севастополь, 2011. Ч. III: Противостояние.

⁵ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя... С. 196–199.

¹ Дубровин Н. Ф. 349-дневная защита Севастополя. Перепеч. с изд. 1873 г. СПб., 2005. С. 69.

² Там же.

³ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя... С. 214–218.

начать «правильную осаду» города. Воспользовавшись столь явной оплошностью союзного командования, В. А. Корнилов, П. С. Нахимов и военный инженер подполковник Э. И. Тотлебен в спешном порядке закончили организованное ими накануне строительство оборонительных сооружений. К концу сентября общими силами солдат, матросов и гражданского населения (в том числе с активным участием женщин и детей) был создан мощный оборонительный рубеж, состоявший из семи бастионов и большого количества промежуточных укреплений, протяженностью более 7 км, полностью прикрывший город с юга. Под Севастополем были созданы три линии обороны и передовая позиция, отрыты окопы и траншеи, впервые в России применены блиндажи. Эти укрепления, словно внезапно выросшие из-под земли, союзные войска не могли взять в течение 11 месяцев.

А. С. Меншиков, убедившись после обходного маневра союзников в безопасности своих сообщений с внутренними губерниями, 18 сентября приблизился к Севастополю и несколько усилил его гарнизон, численность которого к концу сентября составила 38 058 человек¹. Отсутствие полной блокады города, сохранившего сообщение с Россией через Северную сторону, позволило и в дальнейшем посылать подкрепления его защитникам и снабжать их боеприпасами и продовольствием.

Первая мощная бомбардировка Севастополя была проведена союзными войсками 5 октября 1854 г. Осадные сухопутные батареи противника обрушили на русскую оборонительную линию около 9 тыс. снарядов. После бомбардировки планировался штурм города, однако активный и меткий огонь русских артиллеристов, выпустивших около 20 тыс. ядер, сумел подавить большинство батарей противника и сорвал эти планы². Во второй половине дня бомбардировку города начали неприятельские корабли, сделавшие не менее 50 тыс. выстрелов, но после того как несколько из них получили серьезные повреждения от действия наших береговых батарей, посланных в ответ 16 тыс. снарядов, союзный флот отошел от Севастополя и больше не участвовал в его обстреле³. Началась осада.

В первый день бомбардировки из русских укреплений наиболее пострадал 3-й бастион, на котором сначала была сбита третья часть орудий, а затем взорвался погреб, превратив оборонительное сооружение в груды камней. Людские потери Севастопольского гарнизона составили 1250 человек (из них 400 человек убитыми), союзных войск — 868 человек⁴. Невосполнимой утратой для защитников города стала гибель В. А. Корнилова. Смертельно раненный на Малаховом кургане, он произнес знаменитую «программную» фразу: «Отстаивайте же Севастополь». Протоиерей севастопольской Петропавловской церкви Арсений Лебединцев, являвшийся своеобразным летописцем осажденного города, в письме к архиепископу

Херсонскому и Таврическому Иннокентию (Борисову), датированном 12 октября, сообщив об этой тяжелой потере, назвал В. А. Корнилова «незаменимым в настоящее время начальником», добавив при этом, что «сами недоброжелатели его (а он имел их много) сожалеют» о нем¹. (Позднее, неоднократно сетуя на имевшиеся в городе недоработки, А. Лебединцев с сожалением и горечью замечал: «Нет Корнилова...») Описал священник и похороны вице-адмирала, относительно которых князь А. С. Меншиков (находившийся «при армии на Бахчисарайской дороге») отдал краткое распоряжение: «Похоронить, как позволяют обстоятельства». Обстоятельства позволили провести погребение на следующий день, 6 октября, около 18 час. После отпевания, совершенного в Михайловской адмиралтейской церкви, тело В. А. Корнилова было перенесено в склеп адмирала М. П. Лазарева. «Из начальников, — пишет отец Арсений, — при погребении были, кто мог, и просто в строевых шинелях. Впрочем, была музыка и по батальону от морских и армейских солдат. Хотя в шесть часов пальба прекратилась, но по временам неприятельские бомбы летали в город и носились над головами печальной процессии»².

В последующие за первой бомбардировкой дни союзники продолжили обстреливать город, хотя уже и не так сильно, как 5 октября. Севастопольский гарнизон отвечал им артиллерийским огнем своих батарей. Не ограничиваясь пассивной обороной, «охотники», т. е. добровольцы, начали совершать по ночам удачные вылазки за линию фронта, целью которых было разрушение, насколько возможно, неприятельских укреплений, выведение из строя («заклепывание») их орудий, а также нанесение урона живой силе противника. В последнем случае это была привычная для русского солдата штыковая работа, сопровождавшаяся неизменным громовым «ура!», наводившим наибольший ужас на неприятеля.

14 октября 1854 г. приказом князя А. С. Меншикова Севастопольскому гарнизону были объявлены слова императора Николая I: «Благодарю всех за усердие. Скажи нашим молодцам морякам, что я на них надеюсь на суше, как на море; никому не унывать, надеяться на милосердие Божие; помнить, что мы, русские, защищаем родимый край и веру нашу, и предаться воле Божией. Да хранит вас всех Господь и наше правое дело; душа моя и все мысли с вами»³.

По словам Арсения Лебединцева, «большого уныния или отчаяния» у севастопольцев не было⁴. Свои надежды они действительно возлагали прежде всего на Бога. 2 ноября 1854 г. отец Арсений писал архиепископу Иннокентию: «У всех одно чувство, что нас защищает Господь, и одно желание — продолжение сей великой милости. Удивительное в этом отношении теперь единомыслие. Благодарение Богу,

¹ Жандр А. Материалы для истории обороны Севастополя... С. 251–253.

² Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 94; Тотлебен Э. И. Описание обороны города Севастополя. Ч. 1. С. 327.

³ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 94; Тотлебен Э. И. Описание обороны города Севастополя. Ч. 1. С. 319.

⁴ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 94; Тотлебен Э. И. Описание обороны города Севастополя. Ч. 1. С. 319, 326, 327.

¹ Письма протоиерея Арсения Лебединцева, бывшего благочинного церковью Южного берега Крыма, к преосвященному Иннокентию, архиепископу Херсонскому и Таврическому, с донесением о ходе военных действий и состоянии церковью и духовенства во время одиннадцатимесячной осады Севастополя. Киев, 1896. С. 12–13.

² Там же. С. 15–16.

³ Там же. С. 17.

⁴ Там же. С. 16.

оно ведет всех к усердной молитве и твердой надежде, что Бог нас не оставит»¹. В страшные дни осады православная вера была душой Севастополя. Все оборонительные сооружения обязательно освящались, на каждом укреплении в нишах ставились иконы и теплились лампы. В городе действовали три православных храма (Петропавловская церковь, Михайловская адмиралтейская церковь и Николаевский собор), в которых ежедневно проводились богослужения².

В октябре 1854 г. А. С. Меншиков дважды пытался атаковать неприятеля, чтобы предотвратить готовившийся штурм Севастополя и деблокировать его Южную сторону, но обе попытки оказались неудачными. Первая из них состоялась 13 октября, когда 16-тысячный отряд генерала П. П. Липранди предпринял наступление на Балаклаву с целью лишить англичан базы снабжения. Сражение началось ранним утром со взятия русскими войсками четырех передовых редутов, защищавших лагерь союзников и оборонявшихся турецким гарнизоном, и захвата нескольких орудий противника. Однако в ходе последовавшего затем ожесточенного боя с двумя английскими кавалерийскими бригадами под командованием генерала Д. Скарлетта и генерал-майора лорда Д. Кардигана русские воинские части не смогли развить успех и отошли на утренние позиции. Потери русской армии составили 550 человек (из них 238 убитыми), противника — 598 человек³. 24 октября русские отряды под командованием генералов Ф. И. Соймонова и П. Я. Павлова атаковали английские войска со стороны Инкермана, но, несмотря на значительный численный перевес, вновь не добились успеха. К находившимся на грани разгрома английским частям подоспели на помощь французы. Русские отступили, понеся колоссальные потери (по официальным сведениям — 11 959 человек; по уточненным М. И. Богдановичем данным — до 10 000 человек). Союзники потеряли 4 338 человек⁴.

Вскоре в армии сформировалось всеобщее недовольство главнокомандующим, которого прозвали даже «князем Изменщиковым». Производимое им негативное впечатление, вызванное военными неудачами, дополняли отмеченные нами выше его редкий снобизм и чрезвычайная скрытность. По свидетельству современников, намерения А. С. Меншикова по-прежнему не были известны даже его ближайшему окружению, а войска и в дни сражений не имели четко поставленной перед собой задачи. Находившийся в Севастополе знаменитый русский хирург Н. И. Пирогов писал позднее о князе: «Бывало, он сидел скрытный, молчаливый, таинственный, как могила... Холодный и немилосердный к страждущим, он только насмешливо улыбался, если ему жаловались на их нужды и лишения, и отвечал, что «прежде еще хуже бывало»⁵. Вскоре после Инкерманского сражения протоиерей А. Лебединцев написал архиепископу Иннокентию, что «непонятная таинственность» А. С. Меншикова и «бывшие опыты неудачи тягостное производят

впечатление на всех, а главное на армию, которая крайне не расположена к своему главнокомандующему»¹.

В ноябре — декабре 1854 г. под Севастополем наблюдалось относительное затишье, в течение которого обе стороны занимались усилением своих укреплений. Русские возвели ряд новых редутов, устроили линию ложементов, откуда мешали ружейным огнем производству неприятельских работ. Продолжались молодецкие ночные вылазки, ставшие для севастопольцев, по словам А. М. Зайончковского, своеобразным «родом спорта, вносившим некоторое разнообразие в томительные дни обороняющегося»². Среди «охотников» бесспорное лидерство принадлежало лейтенанту Н. А. Бирюлеву и матросу П. М. Кошке. Саперы под руководством штабс-капитана А. В. Мельникова в течение нескольких месяцев вели «минную войну» перед 4-м бастионом, в результате чего удалось помешать подземным работам неприятеля, направленным на подготовку штурма этого укрепления. В феврале 1855 г., когда осадные работы союзников направились в сторону Малахова кургана, русские возвели перед ним Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет. Вообще, севастопольская оборонительная линия, находившаяся под бдительным надзором Э. И. Тотлебена, постоянно совершенствовалась: за одну ночь защитники города успевали не только восстановить разрушенные в ходе дневного обстрела старые укрепления, но и заложить новые.

Между тем А. С. Меншиков в течение трех месяцев медлил, несмотря на неоднократные требования Николая I перейти к решительным действиям, не дав неприятелю возможности дожидаться подкреплений и возвести «крепость против крепости»³. Требования императора были тем более обоснованными, что к началу 1855 г. русские войска под Севастополем, усиленные новыми частями, не уступали по численности силам союзников. Наконец, 5 февраля 1855 г. А. С. Меншиков направил 19-тысячный отряд под командованием генерал-лейтенанта С. А. Хрулева атаковать Евпаторию. Мера была вызвана высадкой там в конце января турецкого корпуса Омер-паши (21 600 человек) и опасениями российского командования о его возможном движении к Перекопу. Однако предпринятый штурм не имел успеха. Потеряв 769 человек (из них 168 убитыми), отряд С. А. Хрулева был вынужден отступить⁴. Известие об очередной неудаче русских войск в Крыму застало Николая I практически на смертном одре. Тяжелобольной император принял решение о смещении А. С. Меншикова с поста главнокомандующего и назначении на его место генерала князя М. Д. Горчакова⁵.

Удержанию Севастополя и Крыма Николай I придавал исключительное значение. В декабре 1854 г., когда в Вене состоялась первая неофициальная встреча представителей Великобритании, Франции, России и Австрии (последняя — посред-

¹ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 27–28.

² Подробнее см.: Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь и Крымская война... С. 106–132.

³ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 121.

⁴ Там же. С. 150–151.

⁵ Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. М., 1950. С. 102.

¹ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 26.

² История русской армии и флота. Т. 10. С. 82.

³ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 186–187.

⁴ Тотлебен Э. И. Описание обороны города Севастополя. Ч. 1. С. 649.

⁵ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 224–226.

ник) с целью обсуждения возможных условий для заключения мира, Николай I категорически заявил главе российской дипломатической миссии князю А. М. Горчакову, что союзники должны «покинуть Крым — другое невозможно»¹. Однако эта встреча, а также официальная конференция, проходившая в Вене в марте — июне 1855 г. (уже после смерти Николая I), не привели к ожидаемым соглашениям. Представители Великобритании и Франции в ожидании взятия союзными войсками Севастополя всячески старались затянуть переговоры и в конце концов их сорвали².

28 марта, на второй день Пасхи, которая в 1855 г. у православных и католиков пришлось на одно и то же число — 27 марта (8 апреля), союзные войска начали вторую усиленную бомбардировку Севастополя, продолжавшуюся в течение 10 дней. За это время они обрушили на город около 160 тыс. снарядов, Севастопольский гарнизон сделал в ответ около 80 тыс. выстрелов, израсходовав почти весь имевшийся на тот момент запас зарядов. Отчаянное сопротивление оборонявшихся не позволило противнику захватить какие-либо русские укрепления и заставило его вновь отложить планировавшийся после бомбардировки штурм. Потери русских, вынужденных в ожидании штурма держать резервы вблизи боевых линий, составили 6 130 человек, потери союзников — 1 850 человек³.

Судьба Севастополя во время его осады волновала всю страну. Представители разных сословий собирали деньги на военные нужды, щипали корпию, посылали севастопольцам подарки. Не оставалась в стороне от происходившего и императорская семья. С 24 октября по 3 декабря 1854 г. и с 16 января по 22 февраля 1855 г. в осажденном городе находились великие князья Николай Николаевич и Михаил Николаевич. По свидетельству современников, их присутствие благотворно действовало как на армию, так и на местных жителей. Уже в первый день своего пребывания в Севастополе великие князья приняли участие в Инкерманском сражении (под одним из них была ранена лошадь), а затем обошли бастионы и батареи, чтобы передать защитникам города благодарность императора. На Малаховом кургане почти к их ногам упали два неприятельских ядра. За проявленную доблесть 7 ноября 1854 г. великие князья были награждены орденами Св. Георгия 4-го класса⁴. Вечером 27 октября 1854 г. в город была доставлена икона Христа Спасителя, присланная императрицей Александрой Федоровной как дар и благословение Севастопольскому гарнизону. По распоряжению военного губернатора Севастополя вице-адмирала М. Н. Станюковича икона сначала была помещена в Михайловскую адмиралтейскую церковь, откуда на следующий день в 7 час. утра с церковной процессией и военным парадом перенесена на площадь перед Николаевской батареей. Там при собрании войск и огромном стечении народа был отслужен молебен «о даровании победы на супостаты», по окончании которого протоиерей А. Лебединцев произнес соответствовавшую торжественности момента речь. Вечером,

после того как смолкла бомбардировка, икона была обнесена по всем бастионам и затем поставлена на подготовленном для нее месте у входных ворот Николаевской батареи, лицом к городу. От имени императрицы солдатам были также розданы иконки для ношения на шее (вроде нательных крестиков), многие из них воспринимали это как знак отличия.

Важным событием духовной жизни Севастополя был приезд туда 24–27 июня 1855 г. архиепископа Иннокентия (подробнее см. § 6). 27 июня капитан-лейтенант П. И. Лесли писал родным: «Вчера в Севастополе служил Иннокентий, которого прозвали златоустом за его проповеди... Как говорят, он хотел обойти бастионы и благословить, но его главнокомандующий не пустил; а видеть престарелого старца с крестом в руках произвело бы большое впечатление на войска. Впрочем, и теперь дух в войсках у нас превосходный, и все жаждут идти вперед и пошли бы, если бы пустили»¹.

В конце апреля — начале мая 1855 г. союзные войска, получившие новые подкрепления (в том числе 15-тысячный сардинский корпус² и 25-тысячный французский резервный корпус), насчитывали уже 170 тыс. человек. Ввиду перевеса сил Наполеон III требовал решительных действий и прислал составленный им план. Генерал Ф. Канробер (командовавший французскими войсками с конца сентября 1854 г., после смерти маршала А. де Сент-Арно), сомневаясь в возможности его выполнения, подал в отставку. Занявший его место генерал Ж.-Ж. Пелисье отправил в восточную часть Крыма корабли с 16-тысячным корпусом на борту, которые захватили Керчь и вошли в Азовское море, но не смогли выполнить главную задачу экспедиции — проникнуть в Сиваш и пресечь коммуникации Севастополя с материком через Чонгарскую переправу и Перекоп.

В то же время союзники усилили натиск на Севастополь. 25–26 мая они провели третью бомбардировку города, после которой овладели Селенгинским и Волыньским редутами и Камчатским люнетом, что открыло им доступ к Малахову кургану, представлявшему ключевую позицию во всей оборонительной системе. 6 июня (в годовщину сражения при Ватерлоо), после проведения четвертой по счету бомбардировки, осаждавшие предприняли штурм Малахова кургана, но были отбиты. За упомянутые две недели упорных боев потери обеих сторон убитыми и ранеными в общей сложности составили более 23 тыс. человек³.

После неудачного штурма союзники усилили ежедневный обстрел Севастополя. Положение изнемогавших защитников города становилось невыносимым. Выбыли из строя руководители обороны: 8 июня был ранен Э. И. Тотлебен, 28 июня получил смертельное ранение П. С. Нахимов. Еще раньше, 7 марта 1855 г., был убит контр-адмирал В. И. Истомин. П. С. Нахимов и В. И. Истомин были похоронены в склепе адмирала М. П. Лазарева, рядом с В. А. Корниловым.

¹ См.: История внешней политики России... С. 395, 399–400.

² Там же. С. 402–403.

³ Богданович М. И. Восточная война 1853–1856 годов. Т. III. С. 284.

⁴ Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 94.

¹ Письма отставного флота капитан-лейтенанта Петра Ивановича Лесли // Сборник рукописей, представленных Его Императорскому Высочеству государю наследнику цесаревичу о Севастопольской обороне севастопольцами. СПб., 1872. Т. 2. С. 315.

² Сардиния вступила в войну на стороне коалиции 14 (26) января 1855 г.

³ История русской армии и флота. Т. 10. С. 90–92.

20 июля 1855 г. император Александр II написал главнокомандующему князю М. Д. Горчакову: «Ежедневные потери неодолимого Севастопольского гарнизона, все более и более ослабляющие численность войск ваших, которые едва заменяются вновь прибывающими подкреплениями, приводят меня... к убеждению... в необходимости предпринять что-либо решительное, дабы положить конец сей ужасной бойне»¹. 29 июля по рекомендации императора М. Д. Горчаков созвал военный совет, большинство членов которого поддержали мнение главнокомандующего, сформировавшееся накануне под влиянием генерал-адъютанта П. А. Вревского, нанести контрудар во фланг противника со стороны реки Черной². Генерал Д. Е. Остен-Сакен решительно выступил против этой идеи, считая абсолютно бесперспективным наступление на превосходившего по силам неприятеля, занимавшего выгодную и тщательно укрепленную позицию на Федюхиных и Гасфортовых высотах. Он полагал, что лучше попытаться атаковать отряды противника, находившиеся в Чоргуне и Байдарской долине, или вообще оставить Южную сторону Севастополя без обреченного на неудачу сражения³. М. Д. Горчаков, сам не надеявшийся на успех дела, но стремившийся избежать упреков в бездеятельности после неминуемой сдачи Севастополя, решил дать генеральную баталию на Черной речке⁴.

Сражение состоялось 4 августа 1855 г. В начале боя русские войска заняли Телеграфную гору и частично Федюхины высоты, но не смогли там закрепиться и были вынуждены отступить. Причинами поражения, помимо указанных выше объективных факторов, стали просчеты русского командования, в частности путаница в приказах, несогласованность действий, поочередное введение в бой (и, соответственно, поочередный разгром) воинских частей. Диспропорция в потерях противоборствующих сторон была разительной: в русской армии выбыли из строя 8277 человек (в том числе 2345 убитыми), в войсках коалиции — 1811 человек⁵.

На следующий день союзники провели пятую бомбардировку города, а 24 августа начали самую мощную — шестую, продолжавшуюся в течение трех дней. В ходе последней бомбардировки были полностью разрушены многие укрепления севастопольской оборонительной линии, ежедневные потери гарнизона в эти дни составляли 2–3 тыс. человек. 27 августа противник предпринял общий штурм города и после упорных боев захватил Малахов курган. Вечером того же дня М. Д. Горчаков отдал приказ оставить Южную сторону Севастополя. В ночь на 28 августа Севастопольский гарнизон и оставшиеся в городе мирные жители переправились по сооруженному наплавному мосту на Северную сторону. Бастионы и склады были взорваны, а на рейде затоплены суда Черноморского флота (шесть

линейных кораблей, пять фрегатов, корвет и пять бригов). 30 августа затопили последние 10 пароходов и транспорт. В тот же день союзные войска вступили в совершенно разрушенный город.

Взятие Южной стороны Севастополя (представлявшей собой груды развалин) не означало победу противника. Война зашла в тупик, и в военных действиях наступило затишье. Теперь все должны были решать дипломаты.

По подсчетам М. И. Богдановича, общие потери русской армии в ходе Крымской кампании Восточной войны составили около 136,5 тыс. человек (в том числе в Севастополе — 102 тыс.). При этом численность убитых или умерших от ран и болезней составила примерно 83 тыс. человек¹.

Таким образом, 349-дневная оборона Севастополя, осуществлявшаяся путем совместных действий российского флота и сухопутных войск при поддержке гражданского населения, покрыла его защитников немеркнувшей славой. Противостоя превосходящим силам противника (как по численности войск, так и по качеству вооружения), российское командование в короткий срок смогло создать глубокоэшелонированную оборону, позволившую эффективно использовать силы и средства, в том числе корабельную и крепостную артиллерию. Русские моряки впервые применили ряд технических новшеств для улучшения качества стрельбы из корабельных орудий, а также показали чудеса героизма и самоотверженности. Несмотря на оставление в конечном итоге Южной части города, это событие не воспринималось в русском обществе как настоящее поражение. Впервые в истории России в 1855 г. была учреждена серебряная медаль не за победу, а за героическую оборону — «За защиту Севастополя». Находившийся в сибирской ссылке декабрист М. А. Бестужев писал в это время: «Севастополь пал, но пал с такою славой, что каждый русский... должен гордиться таким падением, которое стоит блестящих побед»². В защите Севастополя активное участие приняли также врачи и сестры Крестовоздвиженской общины, что обозначило новое направление в области военной медицины — введение частной помощи на войне и женского ухода за ранеными.

§ 5. Деятельность в Крыму Н. И. Пирогова и Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых

Крестовоздвиженская община была учреждена в октябре 1854 г. по инициативе и на средства великой княгини Елены Павловны. Положенная в ее основу идея организации женского ухода за больными и ранеными непосредственно на театре военных действий по тем временам была чрезвычайно новаторской, поэтому неудивительно, что вначале многими современниками была воспринята с некоторой

¹ Цит. по: *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. СПб., 1876. Т. IV. С. 5.

² Там же. С. 7–8.

³ *Остен-Сакен Д. Е.* Военный совет при обороне Севастополя 29 июля 1855 года (возражения на статью кн. А. Барятинского) // *Русская старина*. 1874. Т. XI, № 10. С. 330–338.

⁴ *Багдасарян В. Э., Толстой С. Г.* Русская война: столетний историографический опыт... С. 178–180.

⁵ *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. IV. С. 45–46.

¹ *Богданович М. И.* Восточная война 1853–1856 годов. Т. IV. С. 135–136.

² Цит. по: *Казарин В. П.* Битва за Ясли Господни // *Дубровин Н. Ф.* 349-дневная защита Севастополя / предисл. В. П. Казарина. СПб., 2005. С. 15.

опаской. Например, князь А. С. Меншиков заявил, что постоянное присутствие женщин в госпиталях послужит «только для любовных интриг с военными»¹. Тем не менее Елене Павловне, хотя и не сразу, все же удалось добиться утверждения своего проекта императором Николаем I.

В документах об учреждении Крестовоздвиженской общины подчеркивалось, что она создается «на время военных действий» с целью «содействия медицинскому начальству в военных госпиталях при уходе за ранеными и больными, а также облегчения их страданий посредством христианского утешения»². Руководителем и главным врачом общины был назначен профессор Медико-хирургической академии Санкт-Петербурга Н. И. Пирогов, подавший накануне в военное министерство прошение о назначении в действующую армию военно-полевым хирургом. «Ближайшее заведывание» сестрами попечения было вверено главной начальнице, назначаемой Еленой Павловной. Местом пребывания общины был объявлен Крым с распределением сестер по местным военным госпиталям. При этом оговаривалось, что согласно военным потребностям сестры могут быть посланы и в другие места.

В состав общины принимались женщины российского подданства (главным образом вдовы и девицы), принадлежавшие к «свободным состояниям». Их нравственный облик должны были определять «набожность, милосердие, целомудрие, воздержание, опрятность, скромность, доброта, терпение, безусловное повиновение постановлениям и взаимное друг другу содействие в исполнении обязанностей»³.

Елена Павловна лично руководила всеми делами, касавшимися устройства общины. При этом главная ее забота заключалась в том, чтобы дать общине «высоко религиозный характер, который, воодушевляя сестер, закалял бы их для борьбы со всеми физическими и нравственными страданиями»⁴.

Для сестер общины была разработана и утверждена великой княгиней особая форма одежды, состоявшая из коричневого платья с белыми обшлагами, белого чепчика и такого же цвета фартука с карманами. Главным отличительным признаком был специально учрежденный для общины наперсный позолоченный серебряный крест на голубой (Андреевской) ленте. На лицевой стороне креста была

сделана надпись: «Ты, еси, Боже, Крепость моя!», на оборотной: «Возьмите иго мое на себе». Выбор надписей Елена Павловна объяснила так: «Только в смиренном терпении крепость и силу получаем мы от Бога»¹. По свидетельству современников, название для общины и цвет ленты для креста Елена Павловна выбрала далеко не случайно. Будучи миропомазана в православии в честь святой Елены (матери римского императора Константина Великого), с помощью которой в IV в., по преданию, в Иерусалиме был найден (обретен) Крест Господень, Елена Павловна относилась с особым уважением к празднику Воздвижения Креста Господня. Что касается Андреевской ленты, то она была выбрана великой княгиней в память просвещения Крыма святым апостолом Андреем Первозванным². Учрежденный для общины крест торжественно возлагался на сестру священником при принесении ею присяги — так называемого «Клятвенного обещания» — и служил символом принадлежности к общине.

В октябре 1854 г. были собраны первые 30 сестер, которые вошли в историю под названием первого отделения. Они прошли краткий курс обучения в Петербургском 2-м военно-сухопутном госпитале. Там же впоследствии обучались по мере комплектования и другие отделения сестер. Главной начальницей была назначена А. П. Стахович, вдова майора; духовником — иеромонах русского Ильинского скита на Афонской горе Вениамин (Лукьянов), с 1847 г. проживавший в Иерусалиме и незадолго до происшедших событий в связи с начавшейся войной прибывший в Санкт-Петербург вместе с членами Русской духовной миссии.

Кандидатура духовника была выбрана самой великой княгиней. 31 октября, сообщая обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову о скором отправлении сестер в Крым, Елена Павловна отметила крайнюю пользу «постоянного на них влияния ревностного просвещенного духовного лица» и попросила его «через посредство» архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова) назначить из числа «тамошнего духовенства» несколько священников для состояния в качестве духовников при общине³. А уже через день, 2 ноября, гофмейстер великой княгини Д. П. Хрущов сообщил Н. А. Протасову, что «независимо от назначений, какие будут сделаны в Крыму преосвященным Иннокентием... Ее Высочество избрала для сопровождения сестер Крестовоздвиженской общины в место их назначения... иеромонаха... Вениамина»⁴.

6 ноября со «станции Московской железной дороги» сестры попечения отправились в Крым. По словам иеромонаха Вениамина, провожали их «царская фамилия, статс-дамы, фрейлины и почти весь Петербург»⁵.

Н. И. Пирогов, уехавший ранее, 12 ноября уже прибыл в Севастополь и сразу же включился в работу. В осажденном городе в то время находились несколько тысяч раненых и больных. Не хватало ни медикаментов, ни квалифицированных

¹ Пирогов Н. И. О Крестовоздвиженской общине. Из письма к Э. Ф. Раден от 27 февраля 1876 г. // Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 198.

² ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 38–42 об. (Обязанности состоящей под покровительством Ея Императорского Высочества Государыни великой княгини Елены Павловны Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях; Наставление Главной начальнице Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях; Высочайше одобренные правила Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях).

³ Там же. Л. 38.

⁴ Оболенский Д. А., кн. Мои воспоминания о великой княгине Елене Павловне // Русская старина. 1909. № 3. С. 518–519.

¹ Воспоминания графини А. Д. Блудовой // Русский архив. 1878. № 11. С. 365.

² Там же. С. 364.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 34. Л. 1–2.

⁴ Там же. Л. 6–7.

⁵ Письма к отцу Вениамину // Библиотека ИППО. Б. IV. № 888. С. 9.

рук. Раненые подчас по несколько дней подряд не получали ни перевязки, ни пищи. Николаю Ивановичу и приехавшим с ним врачам приходилось ежедневно делать десятки операций.

В Крыму, благодаря своему таланту и неиссякаемой энергии, Н. И. Пирогов совершил настоящий переворот в области военно-полевой хирургии. Он ввел принцип так называемого «рассеивания больных», т. е. сортировки их по видам и тяжести ранений и заболеваний, организовал правильную эвакуацию («транспорты»), ввел в хирургию гипсовую повязку, применил принципы сохраняющего (консервативного) лечения огнестрельных ран, провел сотни военно-полевых операций, укрепив доверие к ним в современной ему медицине: перевязка сосудов, иссечение костей и т. п. Еще в 1847 г. на Кавказе Н. И. Пирогов первым провел в полевых условиях операцию с применением наркоза. Во время Крымской войны с помощью эфира и хлороформа были успешно прооперированы более 10 тыс. человек¹.

В конце ноября сестры первого отделения, задержанные в пути бездорожьем и нехваткой лошадей, добрались наконец до Симферополя. Там в это время находились несколько тысяч раненых, для ухода за которыми Н. И. Пирогов и решил задействовать общину. Приехав туда на две недели, он распределил сестер по основным лазаретам, дав необходимые инструкции. Николай Иванович отмечал в своем отчете, что сестры сразу включились в работу с полным усердием и самоотвержением. Они «мужественно переносили вид текущей крови, многообразных мучений и тяжелых язв... В течение короткого времени уже были заметны плоды их деятельности»². Однако через три недели, вследствие перенапряжения сил и господствовавшей эпидемии, более половины сестер, включая начальницу А. П. Стахович, заболели тифом, отчего четыре сестры скончались. В это время фактическое руководство отделением принял на себя иеромонах Вениамин. По его собственным словам, он «не только исполнял требы в госпиталях, но должен был дежурить и утешать сестер; кормил их из своих рук, они почти все были без памяти»³.

В январе 1855 г. в Симферополь прибыли сестры второго отделения под управлением старшей сестры Марии Меркуровой (Меркуловой), выехавшие из Петербурга 23 ноября 1854 г. По свидетельству А. М. Крупской, увидев своих коллег в тифозной горячке, все они ужаснулись от осознанной возможности после стольких трудностей пути «умереть в бесполезных страданиях», «не достигнув цели»⁴. Однако вскоре было получено предписание Н. И. Пирогова немедленно следовать в Севастополь. Сестры снова отправились в путь и 13 января добрались до места

назначения. Через четыре дня (17 января) в осажденный город прибыло третье отделение сестер во главе с Е. М. Бакуниной, дочерью тайного советника и сенатора.

В это же время Н. И. Пирогов сообщил отцу Вениамину свое желание после выздоровления сестер соединить всю общину в Севастополе. По мнению хирурга, это было необходимо как для присмотра за ранеными, так и главным образом для контроля над всей общиной со стороны главной начальницы¹. Через месяц (21 февраля) сестры первого отделения, еще слабые после перенесенной болезни, приехали в Севастополь.

Кроме вышеупомянутых трех отделений сестер, отправленных из Петербурга в ноябре — декабре 1854 г., в 1855 г. в Крым последовало еще три отряда — в феврале, июле и сентябре². Благодаря публиковавшимся в «Морском сборнике» официальным спискам, известны имена 163 сестер, принятых в состав Крестовоздвиженской общины за время войны³. 17 из них умерли при исполнении своих обязанностей⁴. Помимо Севастополя и некоторых других мест Крымского полуострова (Симферополя, Перекопа, Бельбека, Бахчисарая) часть сестер со временем была командирована в Херсон, Николаев, Або и Гельсингфорс.

Что касается духовников общины, то еще в ноябре 1854 г. архиепископ Иннокентий, следуя полученному им отношению обер-прокурора Синода Н. А. Протасова, назначил для этой цели уже прикомандированных им прежде к крымским лазаретам 12 духовных лиц: в Севастополе — упоминавшегося выше протоиерея Арсения Лебединцева и иеромонаха Иннокентия, в Бахчисарае — игумена Николая и иеромонаха Ефрема, в Симферополе — протоиерея Михаила Родионова и священников Рыбальского и Трофимовского, в Карасубазаре — протоиерея Григория Левицкого, в Феодосии — протоиерея Феодота Пенчулу, в Перекопе — протоиерея Макария Алексева, в Херсоне — протоиерея Максима Перепелицына и иеромонаха Ксенофонта. Кроме того, архиепископ командировал в Крым для той же цели наместника Корсунского монастыря архимандрита Митрофана⁵. Сохранившиеся источники наиболее подробно освещают деятельность крестовоздвиженских сестер и духовников общины в Севастополе.

В январе 1855 г., когда осада Севастополя снова стала ожесточеннее, Н. И. Пирогов взял на свое попечение главный перевязочный пункт, располагавшийся

¹ Наркоз начал использоваться в мировой хирургии с 1846 г. При этом Н. И. Пирогов, одним из первых испытав наркоз на животных и на себе, стал применять его в широких размерах и выработал классические приемы его употребления.

² Пирогов Н. И. Из отчетов о действиях сестер. Севастополь, 4 января 1855 г. // Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 111.

³ Письма к отцу Вениамину. С. 18.

⁴ Крупская А. Воспоминания Крымской войны сестры Крестовоздвиженской общины // Военный сборник. 1861. Т. 20, № 8. С. 421.

¹ Письма к отцу Вениамину. С. 14–17.

² Очерк двадцатипятилетней деятельности Крестовоздвиженской общины сестер милосердия. СПб., 1879. С. 12.

³ Морской сборник. 1855. № 1–12; см. также: Сводный список сестер Крестовоздвиженской общины // Пирогов Н. И. Севастопольские письма и воспоминания. С. 621–623.

⁴ Пирогов Н. И. Исторический обзор действий Крестовоздвиженской общины сестер попечения о раненых и больных в военных госпиталях в Крыму и Херсонской губернии с 1 декабря 1854 г. по 1 декабря 1855 г. // Сборник известий, относящихся до настоящей войны. СПб., 1857. Кн. XXX. С. 69.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 34. Л. 20–21. В Карасубазаре и Феодосии сестры не работали. Поэтому протоиереи Григорий Левицкий и Феодот Пенчула были духовниками Крестовоздвиженской общины лишь номинально.

в здании Дворянского собрания, военно-временный госпиталь, находившийся на Николаевской батарее, и лазареты, размещавшиеся в частных домах города. Он распределил во все места сестер общины и медиков из отряда, непосредственно ему подчиненного, поручив им «нравственный присмотр и контроль административного попечения над руководителями госпитальных порядков»¹. Это вызвало ропот госпитальной администрации и жалобы на превышение Н. И. Пироговым власти, однако благодаря вмешательству генералов Д. Е. Остен-Сакена и И. И. Васильчикова «за сестрами был удержан весь надзор над госпиталями». Очень скоро нововведение Н. И. Пирогова дало положительные результаты. «Все, что прежде удерживали и не выдавали, — писал Н. И. Пирогов, — и теперь еще старались удерживать; но Бакунина, пунктуально исполняя мои и других медиков предписания, настоятельно вытребовывала недоданное»². Дело в том, что во время войны злоупотребления и казнокрадство со стороны чиновников разных уровней подчас приобретали вопиющий характер. Н. И. Пирогов говорил позднее: «В то время как вся страна щипала корпию для Севастополя, корпией этой перевязывали англичан, а у нас была только солома».

Для усиления эффективности и удобства ухода за больными Н. И. Пирогов разделил всех госпитальных сестер на перевязывающих, аптекарш и хозяек. Перевязывающие, помимо проведения перевязок, помогали фельдшерам изготавливать необходимые для этого средства. Аптекарши хранили медикаменты и следили за их регулярной выдачей, нередко контролируя фельдшеров, либо слишком занятых, либо не совсем надежных. Хозяйки следили за чистотой белья, раздавали больным воду, бульон, чай и вино. В особой инструкции, вышедшей через некоторое время отдельной брошюрой под названием «Сестрам Крестовоздвиженской общины для прочтения и исполнения», Н. И. Пирогов предупреждал, что сестры должны «заблаговременно ознакомиться со всеми этими занятиями, привыкнуть к ним и научиться». Помня о печальном опыте сестер первого отделения, Н. И. Пирогов предостерегал своих подопечных «от трех вредностей: простуды, изнурения сил усталостью и голодом и от заразы». Он давал им подробные наставления о том, как следует предохранить себя во время ухода за заразными больными³.

Восстановлению порядка в госпиталях, а также прекращению случаев изнеможения и обмороков у служащих в значительной степени способствовало также введенное Н. И. Пироговым правило сортировки раненых и разделения их на категории «по роду и градусу болезни», что было особенно эффективно при наплыве большого числа пострадавших во время крупных атак. Медики и сестры на перевязочном пункте в такие дни делились на четыре группы. Первая была обязана сортировать раненых, принимать на хранение их деньги и вещи; тех, которым немедленно нужна операция, передавать второй группе; легкораненых после

перевязки отсылать в другие лазареты или возвращать в полки. Вторая группа принимала от первой нуждающихся в немедленной операции и определяла их в операционную или смежные с ней залы. Третья группа занималась уходом за ранеными, которым операция была назначена на следующий день или позже. Наконец, четвертая, состоявшая из одних сестер и священника, была назначена для безнадежно больных и умирающих, которым предоставлялись последний уход и предсмертные утешения.

Весной — летом 1855 г. сестры Крестовоздвиженской общины работали практически во всех севастопольских госпиталях. Помимо применения традиционных способов ухода за ранеными, они стремились также поддержать больных духовно, внушить им надежду на исцеление. Солдаты очень любили и уважали сестер.

Отношения внутри общины были непростые. Довольно скоро сказались разногласия между А. П. Стахович и Е. М. Бакуниной, характеры которых сильно различались. Определенное недопонимание весной 1855 г. возникло между Н. И. Пироговым и отцом Вениамином, следствием чего стало распоряжение великой княгини Елены Павловны поручить духовное назидание и нравственное руководство над сестрами протоиерею Арсению Лебединцеву, а Вениамина оставить для совершения «в потребных случаях молитвований и других обрядов»¹.

Между сестрами также далеко не всегда царили мир и согласие. Несмотря на их добросовестное служение, ничто человеческое им было не чуждо. 26 марта 1855 г. А. Лебединцев записал в дневнике свои наблюдения: «Звание начальницы отделения есть у них предмет тщеславия и для одной — предмет искательства, для сих начальниц старшинство начальницы всей общины М. С. (мадам Стахович. — *Авт.*) как будто не по душе, младшие сестры не с одинаковой охотой дежурят в том или в другом месте: иным хотелось бы быть именно на перевязочном пункте, где чаще бывает начальство, где всегда посетители и свидетели их сердоболия»². Пытаясь объяснить происходившее, отец Арсений размышлял: «Бывают характеры от природы, в которых люди не сходятся; присоедините к сему разность происхождения, разность воспитания и разность лет; возьмите во внимание и то обстоятельство, что община таковых лиц составлена наскоро, и вы поймете, что в прекрасной по цели этой общине жизнь невозможна без некоторой тени. К счастью, усердие сестер в служении больным так велико, и у всех их эта черта так обща, что она служит самым крепким союзом общины»³.

В письмах архиепископу Иннокентию А. Лебединцев неоднократно одобрял деятельность сестер. Так, например, 30 января 1855 г. он писал владыке: «Премило общаются сестры со своими пациентами. Я сам был вчера свидетелем, как одна из них, трепля матроса по щеке, называла его голубчиком и другими любезными именами, как другого заохотчивала идти на вылазку. Больные, забывая боль,

¹ Пирогов Н. И. О Крестовоздвиженской общине... С. 200.

² Там же.

³ [Пирогов Н. И.] Сестрам Крестовоздвиженской общины для прочтения и исполнения. Симферополь, 1855; ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 329. Л. 28–37.

¹ ГА РФ. Ф. 647. Оп. 1. Д. 338. Л. 10–10 об.

² Лебединцев А. Г., прот. Из дневника священника в осажденном Севастополе. М., 1908. С. 28.

³ Там же. С. 27.

радостно улыбаются при таких любезностях»¹. В феврале 1855 г. священник сообщил: «О Крестовоздвиженской общине сестер должно сказать, что она несет добровольно поднятый крест с безграничным усердием и христианским самопожертвованием. Нельзя не пожалеть, что некоторым из них начинают изменять силы их, чему причиною самая тяжесть креста, в иной день и чрез меру тяжелого»².

Сам А. Лебединцев также активно занимался ранеными и больными. Он ежедневно (иногда по два или три раза) бывал на перевязочном пункте и в других госпиталях, снабдил все палаты иконами, а большие — также лампадками. Священник общался с больными, исповедовал и причащал их. С наступлением Великого поста он был вынужден в присутствии врачей и сестер убеждать многих больных не пренебрегать скромной пищей, которая в их положении была им так же необходима, как и лекарства.

После падения Севастополя действия общины сосредоточились в основном в Симферополе. 20 октября 1855 г. А. П. Стахович «по случаю расстроенного здоровья» уехала в Петербург, а ее место заняла прибывшая из Одессы Е. А. Хитрово. С переменной главной начальницы, по словам Н. И. Пирогова, «в сестрах обнаружилось влияние совсем иного духа», «вскоре водворились тишина, порядок и строго установленная деятельность во всех их действиях». Позднее Николай Иванович назвал это время «лучшим периодом существования общины во всей ее истории»³. 2 февраля 1856 г. Е. А. Хитрово умерла от тифа. Место главной начальницы общины с этого времени заняла Е. М. Бакунина.

По окончании войны и закрытии в Крыму военно-временных госпиталей в августе — сентябре 1856 г. сестры Крестовоздвиженской общины вернулись в Петербург. Специально для них были учреждены две медали. Сестры, служившие в Крыму и прилегающих к нему южных районах России, были награждены серебряной медалью, на лицевой стороне которой в центре был изображен восьмиконечный крест в лучах солнца, по кругу выгравирована библейская фраза «Болен бех я посетисте меня» и указаны основные места служения сестер в годы войны: «Севастополь, Перекоп, Бельбек, Бахчисарай, Херсон, Николаев, Симферополь». На обороте были помещены две надписи: в центре — «В память милосердного служения страждущей братии», по кругу — «Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых». Сестры, работавшие в Финляндии, были удостоены бронзовой медали с такими же изображениями и надписями, за исключением мест служения; на ней было выгравировано: «Финляндия, Выборг, Свеаборг, Або»⁴. Н. И. Пирогов за Севастополь получил орден Белого орла.

После войны великая княгиня Елена Павловна добилась разрешения императора Александра II обратить Крестовоздвиженскую общину из учреждения временного в постоянное. В утвержденном императором в мае 1870 г. уставе общины были расширены ее цели («уход за больными в лечебных заведениях, лечение бед-

ных, вспомоществование бедным и сиротам» и т. д.), при этом особо оговаривалось, что в военное время она «принимает участие в уходе за ранеными и больными в госпиталях, ближайших к месту военных действий»¹.

Служение в годы Крымской войны «сестер Креста» (как называла членов своей общины Елена Павловна) имело огромное значение как первый в мире опыт применения женского труда для ухода за ранеными непосредственно на театре военных действий. Крестовоздвиженская община стала прообразом международного движения Красного Креста, предвосхитив его основную гуманистическую идею².

§ 6. Отношение к войне Русской Православной Церкви. Патриотическая деятельность архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова)

С самого начала Крымской войны Русская Православная Церковь справедливо осознавала ее как религиозно-цивилизационное противостояние России и Западной Европы. В воззвании Святейшего Синода, в речах и проповедях церковных иерархов (как и в манифестах и приказах по армиям императора Николая I) постоянно подчеркивался священный характер войны, которую вела Россия за святые места, за интересы России и Православной Церкви на Востоке, в защиту своих единоверцев в Османской империи. Религиозный характер войны признавала и противоположная сторона. Католическая Церковь Франции фактически назвала ее новым крестовым походом, направленным против Российской империи и православия. В посланиях архиепископа Парижского Мари-Доминика-Огюста Сибура, выпущенных с одобрения императора Наполеона III, четко и откровенно заявлялось, что «истинная причина предпринимаемой экспедиции» заключается в том, чтобы не допустить усиления в Святой земле и на Ближнем Востоке позиций Православной Церкви, а главное, подорвать влияние и могущество Российской державы³.

Решения российского Святейшего Синода и поступки иерархов определяли основные направления патриотической деятельности русского православного духовенства, принявшего в годы Крымской войны активное участие в общем деле борьбы с врагом⁴. Огромным авторитетом в то время пользовался архиепископ Херсонский и Таврический Иннокентий (Борисов), деятельность которого занимает

¹ Письма протоиерея Арсения Лебединцева... С. 69.

² Там же. С. 74–75.

³ Пирогов Н. И. О Крестовоздвиженской общине... С. 206–207.

⁴ См.: Кузнецов А., Чепурнов Н. Наградная медаль. М., 1995. Т. I. С. 305–306.

¹ Устав Крестовоздвиженской общины сестер милосердия // Уставы и правила общин сестер милосердия. СПб., 1879. С. 1–2.

² Подробнее см.: Мельникова Л. В. Крестовоздвиженская община сестер попечения о раненых как прообраз Красного Креста // Российская история. 2009. № 5. С. 119–134; Она же. Русская Православная Церковь и Крымская война... С. 133–161.

³ ОР РНБ. Ф. 573. Оп. 1. Д. А I /76. Л. 34–38.

⁴ Подробнее см.: Мельникова Л. В. Русская Православная Церковь и Крымская война...

особое место в истории Крымской войны, так как на территории вверенной ему епархии развернулся один из основных театров военных действий.

Иннокентий (Борисов) был назначен на Херсонскую кафедру 24 февраля 1848 г. К этому времени он был уже широко известен как талантливый богослов, церковный историк, проповедник и администратор (написал десятки научных работ, за три из которых ему была присуждена степень доктора православного богословия¹, опубликовал пять сборников проповедей², в течение 10 лет (1830–1840 гг.) возглавлял Киевскую духовную академию, затем последовательно занимал Вологодскую и Харьковскую епископские кафедры). Большой опыт и несомненный авторитет позволили ему направить основные усилия на устройство в Крыму «Русского Афона» (см. главу 24, § 2), а также развернуть активную патриотическую деятельность во время Крымской войны.

После объявления высочайшего манифеста «О войне с Оттоманскою Портою» (от 20 октября 1853 г.) Иннокентий выступил с речью, в которой раскрыл религиозный смысл и причины начавшейся войны, а также призвал свою паству к молитве о скорейшем наступлении мира и о даровании Богом «православному воинству» «духа крепости», императору — «премудрости», а «единоверным братьям нашим, живущим в пределах вражьих», — «веры, терпения и благоразумия»³.

Как упоминалось выше, 10 апреля 1854 г., в Великую субботу, соединенный англо-французский флот подверг продолжительной (12-часовой) бомбардировке Одессу. Несмотря на опасность, во всех городских храмах в этот день были проведены богослужения. В Одесском кафедральном Спасо-Преображенском соборе священнодействовал сам архиепископ. По воспоминаниям очевидца А. Н. Стрехина, лицо Иннокентия «представляло в тот момент поистине апостольский вид: никакого смущения или возбуждения, одна лишь скорбь просвечивалась в нем»⁴. Архиепископ произнес соответствовавшее обстоятельствам слово, оказавшее благотворное влияние на перепуганных жителей. Он похвалил прихожан за то, что во время обстрела они не оставили храма, и призвал их «не унывать и не смущаться безотрадно». Преосвященный заметил, что поскольку Россия сражается не за собственные выгоды, а «за Веру православную, за Гроб Господень и за угнетенных собратий наших по вере», то Господь защитит ее «от всякого зла». Призвав духовенство и прихожан готовиться к ночному пасхальному богослужению, Иннокентий высказал уверенность в благоприятном исходе событий: «За Великую Субботою всегда

следует светлый день Воскресения: не замедлит и за настоящею, сугубо великою для нас, Субботою последовать сугубо великое Воскресение, т. е. вместе с воскресением Господа и наше избавление от обошедших нас зол, а впоследствии и воскресение всего Православного Востока из гроба четырехвекового рабства мусульманского»¹.

11 апреля в письме к обер-прокурору Святейшего Синода графу Н. А. Протасову Иннокентий описал события последних дней, особо подчеркнув при этом, что «народ православный покоен, и возглашенное ему во время канонады с амвона слово, что Одесса в самый день Гроба Господня удостоилась пострадать за Гроб Господень и Веру Православную и крестилась кровью и огнем, произвело благотворное действие». «Непрерывающееся от грома орудий служение в храмах, — писал архиепископ, — также содействует к ободрению и утешению народа, что будет... производимо и впредь»².

Представители гражданской власти также сообщили обер-прокурору Святейшего Синода о патриотических действиях архиерея Херсонского и Таврического Иннокентия, способствовавших сохранению в Одессе спокойствия и порядка во время ее бомбардирования, и просили довести это до сведения императора³. На соответствующем докладе Н. А. Протасова Николай I написал: «Достоино служителя Церкви Христовой»⁴. Святейший Синод постановил сообщить Иннокентию резолюцию императора и «за пастырскую ревность» объявить ему свою признательность⁵. 9 мая Одесса получила «Всемиловитивейшую грамоту за сохранение спокойствия, порядка и благочиния во время бомбардирования ее флотом неприятельским», а 25 июня Николай I подписал рескрипт на имя архиепископа Иннокентия, в котором сообщалось о пожаловании ему «в ознаменование особенного монаршего благоволения к столь доблестному служению» алмазного креста для ношения на клобуке⁶.

В 1853–1856 гг. архиепископ Иннокентий произнес десятки слов и речей в разных местах своей епархии (Одессе, Севастополе, Симферополе и др.). Его речи были обращены к воинам, отправлявшимся на фронт, солдатам и офицерам, уже находившимся на огневом рубеже, сестрам Крестовоздвиженской общины, ухаживавшим за ранеными, но чаще всего — к мирным жителям, которым преосвященный объяснял смысл происходившего, внушал доверие и преданность властям, уверенность и спокойствие. Ни одно из важных военных событий не было оставлено

¹ «Жизнь святого священномученика Киприана, епископа Карфагенского», «Жизнь святого апостола Павла» и «Последние дни земной жизни Господа нашего Иисуса Христа».

² Эти и другие работы Иннокентия см.: Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 1–11. СПб.; М., 1872–1877.

³ *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Речь по прочтении Высочайшего манифеста о войне с Турциею // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. СПб.; М., 1874. Т. 8. С. 9–11.

⁴ Цит. по: *Палимпсестов И.* Мои воспоминания об Иннокентии, архиепископе Херсонском и Таврическом. СПб., 1888. С. 181–182.

¹ *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Слово во время бомбардирования Одессы неприятельским флотом // Сочинения Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического. Т. 8. С. 21–22.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 1–3.

³ Там же. Л. 5–7.

⁴ Там же. Л. 8.

⁵ Там же. Л. 12.

⁶ Высочайший рескрипт, данный на имя преосвященного Иннокентия, архиепископа Херсонского и Таврического // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1871. Вып. II. С. 130–131.

им без внимания: взятие в плен и сожжение английского фрегата «Тигр», выход высочайшего манифеста о государственном ополчении, кончина императора Николая I, оставление Южной стороны Севастополя, взятие турецкой крепости Карс на Кавказе и многое другое. Проповеди архиепископа Иннокентия публиковались в местных органах печати (в частности, в «Одесском вестнике»), в центральных газетах и журналах («Северной почте», «Москвитянине», «Христианском чтении» и др.); в 1855–1856 гг. они были напечатаны отдельным двухтомным изданием¹, а позднее вошли в 8-й том собрания его сочинений. Их читала вся страна, с волнением следившая за происходившими событиями.

В сентябре 1854 г., когда в Крыму начались военные действия, архиепископ Иннокентий, желая быть в той части своей епархии, которой наиболее угрожает опасность, решил объехать Крымский полуостров и непременно побывать в Севастополе, к которому после битвы на реке Альме отступили русские войска и куда стягивались значительные силы противника. На письме Н. А. Протасова, где сообщалось о намерении архиерея, Николай I пометил карандашом: «Похвально, но вряд ли доедет свободно»². Считая, что прибытие архиепископа Иннокентия «на театр войны будет иметь самое полезное влияние и на жителей, и на войска», император поручил новороссийскому и бессарабскому генерал-губернатору Н. Н. Анненкову передать ему свое «монаршее благоволение»³.

Император оказался прав. В свою первую поездку по охваченному войной Крыму (с 10 по 29 сентября 1854 г.) Иннокентию не удалось побывать в Севастополе. Разрешения на проезд архиепископа в Севастополь не дал князь А. С. Меншиков, находившийся в то время с главной квартирой под Бахчисараем. Расстроенный неблагоприятным положением дел, князь довольно грубо ответил преосвященному, что «теперь не до того», и посоветовал ему вернуться «к своей пастве в Одессу». Вскоре Меншиков осознал свою ошибку и направил архиепископу Иннокентию письмо с извинениями, однако, по замечанию Н. Ф. Дубровина, их «взаимное нерасположение друг к другу от этого не изменилось»⁴.

Архиепископ побывал в Севастополе позднее, в более тяжелое для города время, а до этого он посетил основные населенные пункты полуострова: Перекоп, Симферополь, Бахчисарай, Феодосию и Геническ. В каждом городе Иннокентий произносил проповеди, стараясь ободрить и успокоить мирных жителей, напуганных не только нашествием неприятеля, но и происходившими в то время волнениями крымских татар. Присутствие архиепископа, а также его донесения разным должностным лицам о положении дел на местах помогли восстановить нарушенный порядок в Перекопе, Симферополе и других населенных пунктах Крымского

полуострова. Сообщая Н. А. Протасову о своей поездке, Иннокентий с удовлетворением отметил, что «остававшиеся по городам жители... усердно спешили в храмы на молитву», а православное духовенство повсеместно найдено им «при исполнении своего долга». Преосвященный довел также до сведения обер-прокурора, что из уже захваченных в то время городов (Ялты и Евпатории) наиболее ценные церковные вещи были заблаговременно вывезены, а некоторые из священников не покинули храмов на оккупированной территории, чтобы «не оставить своих прихожан без духовной помощи»¹. В мае 1855 г. по мере продвижения неприятеля и занятия им Бердянска, Керчи и Еникале церковные ценности из этих городов были также эвакуированы, а многие священнослужители добровольно остались на своих местах².

Особым предметом попечения архиепископа Иннокентия в военное время стали госпитали. В ноябре 1854 г. он передал в распоряжение полковника В. Н. Струкова, занимавшегося устройством временных лазаретов для раненых, Корсунский монастырь «как ближайшее место к Крымскому полуострову». Монастырскому начальству преосвященный предписал: в случае необходимости освободить для нужд госпиталя все удобные помещения, включая настоятельский дом, а также принять на счет монастыря обеспечение раненых питанием, «духовной и вещественной помощью»³.

В то же время, узнав о нехватке военного духовенства для окормления раненых на фронте и в госпиталях, Иннокентий предписал священнослужителям епархиального ведомства посещать воинов в лазаретах и при перевозе их туда с мест сражений. Кроме того, «из-за небольшого числа в Крыму белого духовенства», архиепископ приказал настоятелю Бахчисарайского Успенского скита, «оставив кого-либо для охранения своих мест, всех иеромонашествующих выслать» немедленно «на те пункты, где находятся раненые воины, как в лазареты, так и на самое поле брани»⁴.

Среди духовных лиц Бахчисарайского Успенского скита, откомандированных для заботы о раненых воинах, находился иеромонах Иоанникий (Савинов), ставший вскоре одним из двух священников — Георгиевских кавалеров периода Крымской войны. Отец Иоанникий попал на службу в 45-й флотский батальон и неоднократно отличился во время обороны Севастополя. В ночь с 10 на 11 марта 1855 г. во время вылазки отряда генерал-лейтенанта С. А. Хрулева священник с крестом в руках возглавил атаку солдат, а потом помог вернуть батальоны обратно. За этот подвиг 15 мая 1855 г. он и был награжден орденом Св. Георгия 4-го класса⁵. 26 мая при нападении неприятеля на Селенгинский, Вольнский и Камчатский редуты Иоанникий был ранен пулей в ногу с раздроблением кости. Ногу ампутировали,

¹ Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсоно-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Т. 1–2. Одесса, 1855–1856.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 16.

³ Там же. Л. 18.

⁴ Дубровин Н. Ф. История Крымской войны и обороны Севастополя... Т. 1. С. 347–348.

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 25 об.

² Там же. Л. 54–58, 60–62.

³ Там же. Л. 31–31 об.

⁴ Там же. Л. 30–30 об.

⁵ РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9047. Л. 4 об. – 5; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 53.

но 9 июня 1855 г. священник умер¹. Один из участников Севастопольской обороны, рассказывая в письме к М. П. Погодину о подвиге Иоанникия (Савинова), многозначительно заметил: «Вообще священники здесь особенный народ»².

В обороне Севастополя активное участие приняли также не менее 16 иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря — крымской обители, считавшейся с 1806 г. «флотской», т. е. поставлявшей иеромонахов для службы на Черноморском флоте и Кавказских береговых укреплениях³. В осажденном городе иеромонахи (как стоявших на рейде, так и затопленных кораблей) не только добросовестно исполняли свои непосредственные обязанности (посещали бастионы, где находились их экипажи, освящали батареи, совершали богослужения, исполняли церковные требы), но часто делали гораздо больше, чем им предписывалось: перевязывали раненых под неприятельским обстрелом, участвовали в вылазках, воодушевляя солдат и матросов своим личным примером. Героями Севастопольской обороны, удостоенными различных наград, стали: Иоанникий (Добротворский), неоднократно бывавший со своими подопечными в неприятельском расположении, Никандр, принявший участие в отражении ожесточенного штурма Малахова кургана 6 июня 1855 г., Арсений (Тыднев), получивший ранение в голову во время нахождения на Корниловском бастионе, и другие иеромонахи Балаклавского монастыря⁴. Упомянутый отец Никандр и еще пять иеромонахов этой обители — Иоанникий (Ровинский), Кирилл (Векшин), Вениамин (Ершов), Иов (Сиволодский) и Виссарион (Прядкин), — находясь на шести линейных кораблях, отличились в знаменитом Синопском сражении 18 ноября 1853 г., за что были награждены золотыми наперсными крестами на Георгиевской ленте⁵.

В осажденном Севастополе находился также бывший настоятель Балаклавского Георгиевского монастыря 83-летний митрополит Агафангел (Типальдо). В июле 1855 г. по ходатайству главнокомандующего М. Д. Горчакова ему была пожалована панagia с алмазами за «непрестанное напутствие воинов молитвою и благословением пастырским на священный подвиг защиты Отечества»⁶. Сам же Балаклавский монастырь в течение полутора лет (с 14 сентября 1854 г. по 21 марта 1856 г.) был оккупирован англо-французскими войсками. Все это время в нем

оставались настоятель архимандрит Геронтий (Артюховский) и семь монашествующих. Союзники не выпускали иноков за пределы обители, но при этом не причинили вреда ни им самим, ни монастырю. По просьбе архиепископа Иннокентия русское командование установило связь с настоятелем монастыря, который вел переписку с протоиереем Арсением Лебединцевым и неоднократно получал из Севастополя посылки со всем необходимым. Несмотря на оккупацию, в храмах обители регулярно отправлялось богослужение и читалась молитва «о победе на супостаты»¹.

В июне — июле 1855 г. архиепископ Иннокентий совершил вторую поездку по Крыму, в ходе которой посетил госпитали в Бахчисарае, Симферополе, Перекопе². Раненым от его имени регулярно раздавались иконы и другие пособия; священнослужители, работавшие в госпиталях, постоянно получали материальную помощь.

10 декабря 1854 г. «за заботливость о раненых воинах, проливших кровь за веру, царя и Отечество в Крыму», архиепископу Иннокентию была объявлена признательность Святейшего Синода. 30 апреля 1855 г. он получил благодарственный рескрипт от великой княгини Елены Павловны «за особенное пастырское участие в благоустройении Крестовоздвиженской общины сестер милосердия», а 10 ноября того же года — «монаршую благодарность» «за пожертвование в Бериславский военно-временный госпиталь двух пудов сахару и четырех фунтов чаю»³.

24–27 июня 1855 г. Иннокентий посетил осажденный Севастополь. Первый день его пребывания в городе довольно подробно отражен в воспоминаниях флотского иеромонаха, выполнявшего обязанности сопровождающего. По свидетельству этого очевидца, скрывшего свое имя за инициалами И. В., прежде всего архиерей внимательно осмотрел с горы линию фронта, подробно расспросил о каждом бастионе, сделал «стратегические замечания» по поводу неприятельской позиции. Своему знакомому генералу Н. К. Тетеревникову Иннокентий заявил, что хочет «пройти по траншеям», но тот удержал его от столь «неуместного самоотвержения». В качестве комментария иеромонах отметил, что, помимо смертельной опасности, которой непременно подвергся бы архиепископ, это не имело особого смысла. В то время положение дел было таково, что «на бастионах и в траншеях нельзя было сказать что-нибудь команде», нередко даже «богослужение отправляли шепотом, чтоб не слышно было неприятелю», ибо, узнав о скоплении в одном месте нескольких человек, враг тут же открывал ожесточенный огонь⁴. Через несколько

¹ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 73; РГВИА. Ф. 9196. Оп. 11/270. Св. 3. Д. 4. Л. 16.

² Б... Письма к М. П. Погодину. 6 июля // Москвитянин. 1855. Кн. 1, № 11. С. 22.

³ См.: *Крестьянников В. В.* Участие иеромонахов Балаклавского Георгиевского монастыря в Крымской (Восточной) войне 1853–1856 гг. // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 21–22.

⁴ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Русская Православная Церковь и Крымская война... С. 66–91.

⁵ РГИА. Ф. 796. Оп. 135. Д. 8. Л. 1–1 об.; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1854. № 11.

⁶ РГИА. Ф. 797. Оп. 97. Д. 411. Л. 148–149; Санкт-Петербургские сенатские ведомости. 1855. № 69.

¹ Подробнее см.: *Мельникова Л. В.* Балаклавский Георгиевский монастырь в годы Крымской войны // Вестник церковной истории. 2011. № 3–4 (23–24). С. 95–112; *Она же.* Русская Православная Церковь и Крымская война... С. 91–105.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 82–83 об.

³ Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии // Венок на могилу Высокопреосвященного Иннокентия, архиепископа Таврического. М., 1867. С. 6–7.

⁴ *И. В.* Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии // Там же. С. 131–133.

часов иеромонаху все же пришлось стать свидетелем смелости и хладнокровия архиепископа Иннокентия. Катер, на котором они направлялись к Графской пристани для свидания на Николаевской батарее с генерал-адъютантом Д. Е. Остен-Сакеном, попал под обстрел. Две бомбы упали совсем близко (одна за кормой, другая перед носом), но архиерей при этом даже не изменился в лице. После разговора с Д. Е. Остен-Сакеном он съездил также на Инкерманские высоты к главнокомандующему князю М. Д. Горчакову¹.

25 и 26 июня архиепископ Иннокентий совершил две литургии (в лагерной походной церкви на Северном укреплении и в Николаевском соборе), после которых обратился к защитникам города со словами духовной поддержки, особо подчеркнув при этом, что от их усилий во многом зависит исход войны, решающей важные проблемы государственного, мирового и религиозного значения. «По всему лицу земли Русской, — говорил он, — нет ни одного сына Отечества, который бы в настоящее время не привитал постоянно мыслию своею с вами... не скорбел бы вашими скорбями, не болезновал вашими ранами, равно как не радовался бы о ваших успехах, не хвалился вашею твердостью и мужеством»². «Не малое что-либо и даже не просто человеческое происходит здесь... решается судьба Востока и Запада, а может быть, и всего света... Огонь настоящей брани не случайно разгорелся... именно у вас и на том самом месте, где колыбель нашего Православия... где Отечество наше встретилось некогда и вступило навсегда в духовный союз с Православным Востоком... Сим самым Россия поставлена, можно сказать, в необходимость стоять за сие место, как за святыню и драгоценность»³. «Стойте же, возлюбленные, стойте непоколебимо на той святой высоте, на которую возвел и поставил вас сам Господь! Продолжайте неослабно великое и священное служение ваше Церкви и Отечеству! Довершайте то, что начато вами так достопадно и продолжено доселе так беспримерно!»⁴

После литургии в Николаевском соборе, проведенной под гром неприятельского обстрела, на площади перед храмом состоялся молебен, на котором архиепископ Иннокентий вручил русским военачальникам несколько икон, присланных из разных мест России — Киева, Новгорода, Москвы — для благословения защитников Севастополя: Успения Божией Матери, Знамени Пресвятой Богородицы, Московских первосвятителей и св. Митрофана Воронежского. Последнюю икону Иннокентий привез в Севастополь лично в знак своего «пастырского усердия». Пожелав

¹ И. В. Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии... С. 134.

² Иннокентий (Борисов), архиеп. Слово, произнесенное в Севастополе в лагерной, что на северном укреплении, церкви июня 25-го 1855 года // Москвитянин. 1855. Кн. 1–2. № 13–14. С. 23.

³ Иннокентий (Борисов), архиеп. Слово, сказанное в Севастопольском Николаевском соборе во время бомбардирования сего города неприятелями июня 26-го 1855 г. // Там же. С. 29–30.

⁴ Иннокентий (Борисов), архиеп. Слово, произнесенное в Севастополе в лагерной, что на северном укреплении, церкви... С. 25.

воинам новых успехов в поражении врага, архиепископ отметил, что на помощь им явились «в ликах своих угодники Божии» и даже «сама Царица воинств небесных»¹. Главнокомандующий князь М. Д. Горчаков перед лицом всех присутствовавших на молебне воинских чинов выразил архиепископу Иннокентию «свою признательность за посещение армии в настоящем ее месте и положении»².

В Севастополе архиерей обошел госпитали, пообщался с сестрами Крестовоздвиженской общины, приходским и военным духовенством. Зайдя в Михайловскую адмиралтейскую церковь, он с удовлетворением увидел исполнение своего недавнего совета: некий московский купец заказал и прислал защитникам Севастополя в знак «победного знамения христоролюбивого воинства» крест, представлявший собой, по преданию, «точное подобие» того креста, что привез из Херсонеса после крещения равноапостольный князь Владимир³. Связь между целями войны (защитой интересов православия в Святой земле и на Ближнем Востоке) и Крымом, где некогда крестился князь Владимир, а теперь проходили боевые действия, подчеркивалась Иннокентием в то время неоднократно. По его твердому убеждению, это должно было усилить в солдатах уверенность в правоте своего дела и укрепить надежду на помощь свыше.

15 июля 1855 г. по представлению М. Д. Горчакова через военного министра князя В. А. Долгорукова за поездку в Севастополь и «за внимание к храбрым защитникам Отечества» Иннокентий получил высочайшую благодарность⁴.

В течение всей войны архиепископ Иннокентий внимательно следил за ходом боевых действий. По словам близко знавших его людей, он собирал об этом «самые подробные сведения», «постоянно был обложен картами и планами», походя «более на полководца, нежели на архиерея»⁵. Хранящаяся в отделе рукописей Российской национальной библиотеки девяти томная переписка Иннокентия включает

¹ Иннокентий (Борисов), архиеп. Слово, произнесенное в Севастополе после молебствия на Николаевской площади при вручении защитникам его святых икон, присланных им на благословение из разных мест России 26 июня 1855 г. // Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсонско-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Одесса, 1856. Т. 2. С. 99.

² РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 81 об.

³ На лицевой стороне в верхнем ободке — Христос на троне, рядом с ним Богоматерь и Иоанн Предтеча; в среднем — Распятие Христа, у креста стоят Дева Мария и Иоанн Богослов; в нижнем — Сошествие во ад. На четырех концах креста — 12 апостолов. На обороте изображения апостолов соответствует такое же число серебряных звезд. На оконечностях креста, в ободках, — Рождество Христово, Сошествие Святого Духа, Преображение, Вознесение и Успение Богоматери. На передней стороне, внизу, надпись «Сим побеждай». На обороте — «Подобие креста, принесенного равноапостольным князем Владимиром из Херсонеса». См.: Из заметок священника, жившего в осажденном Севастополе // Материалы для истории Крымской войны и обороны Севастополя. СПб., 1874. Вып. V. С. 449–450.

⁴ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 94–94 об.

⁵ И. В. Отрывки из писем о Высокопреосвященном архиепископе Иннокентии... С. 131.

в себя более 500 писем, полученных им во время Крымской войны¹. Корреспондентами архиепископа по самым различным вопросам были не только священнослужители подведомственной ему епархии, но и множество других духовных, светских и военных лиц. По справедливому замечанию Н. И. Барсова, из этих писем «может составиться самая подробная неофициальная хроника войны», которая позволит во многом изменить и дополнить «историю событий того времени»².

26 сентября 1855 г. неприятельский флот (около 90 судов) вновь появился перед Одессой. На следующий день на Соборной площади в присутствии войск и местных властей был совершен всенародный молебен перед чудотворной Касперовской иконой Божией Матери. В течение шестидневного стояния неприятельских кораблей на Одесском рейде Иннокентий ежедневно совершал молебен в кафедральном соборе, всякий раз обращаясь к жителям со словами утешения и духовной поддержки³. 2 октября неприятельский флот снялся с якоря и отплыл в море, не причинив городу никакого вреда.

26 августа 1856 г. «за просвещенное пастырское служение, ознаменованное отличными произведениями дара слова к наставлению душ мирным христианским добродетелям, а в минувшие два года увенчанное достохвальными подвигами самоотвержения в назидание и укрепление паствы среди ужасов жестокой брани», архиепископ Иннокентий был введен императором в состав Святейшего Синода⁴.

В ознаменование значительного вклада, внесенного всем духовным сословием в общее дело борьбы с врагом, 26 июня 1856 г. Александр II утвердил проект бронзового наперсного креста на Владимирской ленте, учрежденного в память минувшей войны, по примеру Отечественной войны 1812 г., для православного духовенства, священнодействовавшего в 1853–1856 гг. На лицевой стороне креста под Всевидящим Оком Провидения были помещены вензеля императоров Николая I и Александра II и указаны годы (1853–1856 гг.), на оборотной стороне — слова «На Тя, Господи, уповахом, да не постыдимся вовеки»⁵.

§ 7. Итоги и последствия войны

13 (25) февраля 1856 г. в Париже открылись заседания международного конгресса, увенчавшиеся подписанием 18 (30) марта 1856 г. Парижского мирного трактата. В конгрессе участвовали полномочные представители России, Франции, Великобритании, Австрии, Сардинии, Османской империи, а позднее Пруссии. Россия была представлена первым уполномоченным графом А. Ф. Орловым и вторым — Ф. И. Брунновым.

¹ ОР РНБ. Ф. 313. Ед. хр. 36–44.

² Барсов Н. Архиепископ Иннокентий Борисов, по новым материалам для его биографии. СПб., 1884. С. 28.

³ РГИА. Ф. 797. Оп. 24. Отд. 2. Ст. 2. Д. 16. Л. 100–102.

⁴ Послужной список Иннокентия, архиепископа Херсоно-Таврической епархии. С. 7.

⁵ РГИА. Ф. 797. Оп. 26. Отд. 2. Ст. 2. Д. 27а. Л. 7–11.

Не слишком удачный для России ход войны привел к ущемлению ее прав и интересов. При этом русская делегация, уступив там, где это было неизбежно, смогла добиться достаточно выгодных для себя решений по целому ряду вопросов.

Мирный трактат состоял из 34 статей и одной «дополнительной и временной» статьи. К нему прилагались также конвенции о проливах Босфор и Дарданеллы, русских и турецких военных судах в Черном море и об Аландских островах¹. Одним из самых неприятных для России условий была фактическая отмена русского «исключительного покровительства» над Дунайскими княжествами и православными подданными султана (статьи IX и XXII), что существенно подрывало влияние Российской империи на Балканах и Ближнем Востоке, понижало ее международный авторитет как великой державы и нарушало «европейское равновесие». Определенной компенсацией этой вынужденной уступки, сделанной российским императором, стало издание турецким султаном фирмана, которым он уравнивал в правах всех своих подданных, независимо от вероисповедания и национальной принадлежности.

Самыми тяжелыми для России стали статьи договора, касавшиеся нейтрализации Черного моря, т. е. запрещавшие ей содержать там военный флот и иметь военно-морские арсеналы (статьи XI, XIII и XIV). Положение, однако, облегалось тем, что эти запрещения распространялись и на Турцию как на черноморскую державу. Выгодным для России (в новых условиях) оказался и режим Черноморских проливов, установленный заключенной о них конвенцией. Последняя обязывала турецкого султана не допускать в Босфор и Дарданеллы, «доколе Порты будет находиться в мире... никакого иностранного военного судна». Такая демилитаризация Черного моря должна была сохранить беззащитное российское побережье от возможного вражеского нападения.

Территориальные потери России оказались сравнительно незначительными: к княжеству Молдавия отходили дельта Дуная и прилегавшая к ней южная часть Бессарабии (статьи XX, XXI). Россия соглашалась на свободу судоходства по Дунаю (статья XV), отказывалась от укрепления Аландских островов. Она возвращала Турции Карс и «прочие части оттоманских владений», захваченные в ходе войны русской армией (статья III), в обмен на это получала Севастополь, Балаклаву, Камыш, Керчь, Еникале, Кинбурн, «а равно все прочие места», занятые союзными войсками (статья IV).

С окончанием Восточной войны прекратила существование «венская система» международных отношений. Ей на смену пришли другие союзы и объединения европейских государств, в частности уже в ходе Парижского конгресса наметилось русско-французское сближение. Еще более важным стало изменение принципов российской внешней и внутренней политики. По образному выражению нового министра иностранных дел князя А. М. Горчакова, Россия «сосредоточилась» на своих проблемах, определив среди них наиболее приоритетные. Главными резуль-

¹ См.: Мартенс Ф. Ф. Собрание трактатов и конвенций, заключенных Россией с иностранными державами. СПб., 1909. Т. XV. С. 307–325.

татами этого сосредоточения стали реформы в социально-экономической жизни страны, а также выработка нового подхода в ближневосточном направлении внешней политики России, состоявшего в формировании сферы собственных интересов в Святой земле и расширении русского духовного и политического присутствия на Ближнем Востоке.

§ 8. Памятники войны в Крыму

Крымская война 1853–1856 гг., хотя и проигранная Российской империей, прославила мужество русских солдат и матросов. После окончания военных действий с целью увековечения памяти героев войны в стране были установлены десятки монументальных памятников, большая часть которых пришлась на Крым. Можно сказать, что ни до, ни после Восточной войны ни одно событие из истории Крымского полуострова (за исключением разве что Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.) не вызвало к жизни такого количества монументов.

Все памятники Восточной войны в Крыму можно условно разделить на три группы: храмы-памятники, памятники руководителям и активным участникам обороны Севастополя, монументы на местах основных сражений. Не имея возможности в данном труде охарактеризовать их все, кратко остановимся на наиболее значимых из них.

Из церковных памятников особо выделим два: храм Святого Николая Чудотворца и Владимирский собор. Храм Святого Николая Чудотворца был возведен на народные пожертвования в 1857–1870 гг. на территории Братского кладбища, расположенного на Северной стороне Севастополя, в память всех павших при обороне города. Первоначальный проект разработал придворный архитектор А. И. Штакеншнейдер, взяв за основу форму египетских пирамид — символ вечности и покоя, обладающих огромной эмоциональной силой воздействия и как бы являющихся продолжением жизни человеческой души. В дальнейшем проект доработал архитектор А. А. Авдеев, в результате чего пирамида стала выше (в ее верхней части разместили звонницу), венчающий храм четырехконечный диоритовый крест стал более массивным, в стенах появились узкие окна. На наружных гранях пирамиды вмонтированы плиты из темного гранита с перечислением воинских соединений, принимавших участие в обороне, временем их пребывания в осажденном Севастополе и числом понесенных потерь. Внутри на стенах храма укреплены 38 серых мраморных досок с именами 943 погибших и умерших от ран офицеров¹.

Владимирский собор, называемый «собором четырех адмиралов», был заложен в Севастополе в 1854 г., а закончен в 1888 г. Первоначальный проект

архитектора К. А. Тона был доработан А. А. Авдеевым, в результате чего храм сохранил формы русско-византийского стиля, но стал однокупольным. Как упоминалось выше, во время Севастопольской обороны в склепе собора рядом с адмиралом М. П. Лазаревым были захоронены погибшие при защите города вице-адмиралы В. А. Корнилов, В. И. Истомин и адмирал П. С. Нахимов. Снаружи в стены северного и южного фасадов храма вмонтированы четыре мемориальные плиты с именами погребенных адмиралов и датами их жизни. Внутри собора закреплены еще два ряда мемориальных плит, на которые занесены имена офицеров, удостоенных ордена Св. Георгия за особые отличия при обороне Севастополя.

В конце XIX — начале XX в. в Севастополе были установлены памятники главным руководителям обороны города — В. А. Корнилову, П. С. Нахимову и Э. И. Тотлебену, выполненные скульптором И. Н. Шредером по рисунку А. А. Бильдерлинга. Памятник В. А. Корнилову был открыт 5 октября 1895 г., в 40-ю годовщину гибели вице-адмирала, на месте его смертельного ранения на Малаховом кургане. Бронзовая фигура раненого Корнилова, левой рукой опирающегося о землю, а правой указывающего на город, полулежала на изрытой ядрами стене бастиона, возвышавшейся на сером гранитном пьедестале. Под фигурой высечены его последние слова: «Отстаивайте же Севастополь». Перед девятиметровым памятником — гранитная плита с вделанным в нее крестом из 18 ядер, зафиксировавшим место ранения вице-адмирала еще в дни Севастопольской обороны. Памятник В. А. Корнилову был уничтожен немецкими захватчиками во время Великой Отечественной войны. В 1983 г., к 200-летию Севастополя, он был восстановлен в несколько измененном виде по проекту скульптора М. К. Вронского и архитектора В. Г. Гнездилова¹.

Памятник П. С. Нахимову был открыт 18 ноября 1898 г., в 45-ю годовщину Синопского сражения, на площади Нахимова в присутствии императора Николая II. Бронзовая сутуловатая фигура Нахимова в фуражке и парадной форме, стоявшая на красном гранитном пьедестале, была обращена лицом к рейду. В правой руке адмирала находилась подзорная труба, на боку — сабля Осман-паши, взятая в ходе Синопского боя. Высота фигуры Нахимова составляла 4,3 м, пьедестала — 6,4 м. В 1928 г. фигуру П. С. Нахимова сняли, а на переделанный постамент водрузили статую В. И. Ленина, которая, в свою очередь, была снята немцами во время оккупации Севастополя. После войны было принято решение о возрождении памятника П. С. Нахимову. 5 ноября 1959 г. он был вновь открыт. При этом скульптор Н. В. Томский и архитектор А. В. Арефьев достаточно вольно повторили произведение И. Н. Шредера: фигура Нахимова была увеличена в размере, развернута лицом к городу и приобрела несвойственную адмиралу строевую выправку².

Многофигурный 14-метровый памятник Э. И. Тотлебену, открытый 5 августа 1909 г. у входа на Исторический бульвар, недалеко от здания Севастопольской

¹ Подробнее см.: Пономарев С. И. Всероссийская усыпальница (церковь Святого Николая и кладбище севастопольских героев). Киев, 1869; Поляков Г., прот., Шавшин В. Г. За веру и Отечество: Свято-Николаевский храм-памятник. Братское кладбище. Крымская война 1853–1856 гг. М., 1999.

¹ Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. Севастополь; Киев, 2003. С. 91–92; Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 265.

² Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. С. 43–46; Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 265–266.

панорамы, сохранился практически в первоначальном виде. Он несколько пострадал во время штурма города немцами в 1942 г., но уже в 1945 г. был полностью отреставрирован¹.

Среди монументов, воздвигнутых на местах основных сражений, первым по времени установки стал памятник, сооруженный в 1859 г. евпаторийскими караимами на братской могиле русских воинов, павших при штурме Евпатории 5 февраля 1855 г. Этот памятник, выполненный по проекту архитектора А. Горностаева, представляет собой четырехгранный, увенчанный фронтоном пилон из белого мрамора высотой 4,5 м. В 1862 г. евпаторийский купец грек Хрисонопуло водрузил на него бронзовый крест².

В 1872 г. на общей братской могиле русских и французских воинов, погибших соответственно при защите и штурме Малахова кургана 27 августа 1855 г., был установлен трехметровый беломраморный крест. Им заменили обветшавший деревянный крест, поставленный французами в 1855 г. Этот памятник, разрушенный в 1942 г. в ходе второй обороны Севастополя, был восстановлен в 1959 г. в первоначальном виде.

8 сентября 1884 г., к 30-летию Альминского сражения на поле боя (на месте русской батареи, защищавшей мост через реку) был воздвигнут 10-метровый обелиск из инкерманского известняка на широком постаменте (автор проекта — инженер-полковник К. Е. Геммельман). В 1902 г. недалеко от этого монумента, называемого главным, был открыт памятник Владимирскому полку, представляющий собой фигуру солдата-владимирца с перевязанной головой, бросающегося с ружьем наперевес в штыковую атаку. (Эта фигура из белого мрамора, выполненная в Италии скульптором Баскерини, была разбита местными вандалами в конце 1940-х гг. В 1999 г. на сохранившийся постамент была установлена новая фигура солдата, изготовленная из бетона.)³

Установка целого ряда памятников была приурочена к 50-летию обороны Севастополя. Поле Инкерманского сражения в это время было отмечено 10-метровым, увенчанным пылающей гранатой обелиском (авторы проекта — инженер-полковник Ф. Н. Еранцев, архитекторы А. М. Вейзен и Г. Н. Долин), место Балаклавского сражения — 11-метровой каннелированной известняковой колонной, увенчанной чугунным двуглавым орлом (авторы — инженер-полковник Ф. Н. Еранцев и архитектор Н. А. Пермяков). (Оба памятника были разрушены в 1941–1942 гг., восстановлены к 150-летию Крымской войны.) Тогда же на месте сражения на реке Черной был установлен восьмиметровый известняковый обелиск⁴.

В самом Севастополе по проекту участника обороны генерал-лейтенанта П. Ф. Рерберга было решено отметить памятниками (в виде обелисков, пилонов

и иных архитектурных форм) места всех бастионов, редутов, люнетов и особо важных батарей. В течение 1905 г. этот проект в основном был осуществлен¹. Из намеченных памятников не были сооружены только монументы на 6-м и 7-м бастионах.

Особое место среди севастопольских монументов занимает памятник затопленным кораблям, созданный по проекту скульптора А. И. Адамсона, архитектора В. А. Фельдмана и инженер-полковника О. И. Энберга к 50-летию обороны города. Он представляет собой стоящий в Северной бухте, в 23 метрах от набережной Приморского бульвара, девятиметровый искусственный гранитный утес, на вершине которого возвышается круглая диоритовая колонна коринфского ордера с бронзовым двуглавым орлом на капители. Орел, обращенный в сторону моря, увенчан большой императорской короной, возложенной на Андреевскую ленту, на его груди — щит с рельефным изображением святого Георгия Победоносца. Расправив могучие крылья, он держит в клювах венки из лавровых и дубовых листьев с висящим на нем якорем. Со стороны набережной у основания колонны из утеса выступает восьмигранный пьедестал, верхнюю часть которого украшает бронзовый барельеф, изображающий затопление кораблей. На стене набережной, напротив памятника, установлены два якоря с опущенных на дно судов. Общая высота монумента составляет 16,7 м. Этот красивый памятник благополучно сохранился до наших дней в первоначальном виде и по праву считается символом Севастополя².

¹ Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. С. 69–71; Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 266–267.

² Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 263.

³ Там же. С. 259–260.

⁴ Шавшин В. Г. Каменная летопись Севастополя. С. 260–262, 265–266; Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 261–264.

¹ Подробнее см.: Сокол К. Г. Монументальные памятники Российской империи. С. 269–273.

² Салтанов В. А. Символ Севастополя (история памятника затопленным кораблям) // Морской архив. 2013. № 1 (5).

Глава 22

Крым во второй половине XIX в.

§ 1. Севастополь: от демилитаризации города к возрождению военно-морской крепости

А. В. Белов

Севастополь, возвращенный России по условиям Парижского мирного договора от 18 (30) марта 1856 г., пребывал после войны в состоянии полного разрушения. Очевидец писал: «Увидев Севастополь вблизи, мы его не узнали». Уничтоженными стояли Александровский, Николаевский и Павловский форты, морские казармы и доки. Графская пристань была сильно повреждена, а площадь за ней покрыта развалинами. Все сооружения по старейшей Екатерининской улице (в том числе офицерский клуб и дома адмиралов) лежали в руинах.

Оставляя город, неприятель не только целенаправленно разрушил чудом уцелевшие здания, но и забрал с собой все, что мог. Мелочность французов и англичан поражала: были вывезены не только украшения Морской библиотеки, но «даже гнилые мешки с батареей»¹.

Сохранилось описание Корабельной слободки, составлявшей часть города: «...разрушение ужасное: не было ни крыш, ни дверей, ни окон; не осталось ни одной стены, как будто ураган прошел, сравнял все здания, оставив груды камней и разбитого стекла»². По мере наполнения жителями возникли торговые лавочки, а на площади у Артиллерийской бухты заработал рынок.

Восстановление жилья велось самими севастопольцами, которые в качестве строительного материала использовали камни разрушенных зданий. Такие небольшие домишки появились на Корабельной стороне, Зеленой горке и в долине, выходящей к Артиллерийской бухте³. Около срытых батарей стояла масса крепостов с надписями на русском, английском и французском языках⁴.

Город требовалось очистить. Работа эта была титанической и попросту неподъемной в тех условиях. Нейтрализация Черного моря, запретившая России держать военный флот и укреплять побережье, тем более его главную военно-морскую крепость Севастополь, вела к отсутствию финансирования, из-за чего город оставался заброшенным¹. Помимо этого, по замечанию современника, «Севастополь по своему географическому положению являлся пунктом, далеко отрезанным от всяких коммерческих путей и целей»². Добраться сюда можно было преимущественно морем, но в период опасной навигации эта связь рвалась, а во время осенней и весенней распутицы и в течение суровых зимних месяцев прекращалось движение еще и по сухопутью³.

Даже спустя почти два десятка лет после окончания войны ситуация в Севастополе оставалась без существенных изменений. Город лежал в руинах. «Что же теперь? Теперь везде развалины», — писал современник в 1884 г. Повсеместно оставалось множество погребальных холмов. Немногочисленное население, по выражению очевидца, «было разбросано среди развалин», а некоторое возрождение затронуло только ту часть поселения, «которая лежала на южной покатости холма, ближе к базару; она была не так доступна ядрам и потому легче выстроилась»⁴. Особо гнетущее впечатление производило то, что некогда красивые здания стояли «раскрытые, разбитые, обгорелые, с слепыми глазами, пустой внутренностью... Целые улицы этих каменных зданий, целые кварталы развалин». И над всем этим стояла тишина практически пустого города⁵, население которого «без труда» размещалось «кое-где среди развалин больших улиц»⁶.

Знаменитый морской госпиталь и казармы моряков («гордость и краса города»), представлявшие собой постройки в три — пять этажей и «иные чуть не четверть версты длины», оставались в руинах, представляли собой «лишь обглоданные громадные корпуса»⁷. Новые великолепные сухие доки, «иссеченные в конце Корабельной бухты» и открытые в самом начале Крымской войны, были уничтожены англичанами и французами, которые взорвали их «до основания, для чего подведено было под них в разное время несколько десятков мин»⁸.

Не в лучшем положении находились и оборонительные сооружения. Так, от стоящего вблизи Графской пристани Александровского укрепления, «грозной... как бы вылитой из массы камня... гигантской постройки» в буквальном смысле, как сообщает современник в 1874 г., «теперь уже нет следа»⁹.

¹ История города-героя Севастополя... С. 216–217.

² Там же. С. 218.

³ Там же. С. 217–218.

⁴ Черноморский флот России... С. 91.

¹ Золотарев В. А., Козлов И. А. Флотоводцы России. С. 310.

² Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной. С. 15.

³ Валуева А. П. Севастополь и его славное прошлое. СПб., 1904. С. 146.

⁴ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 109, 111.

⁵ История города-героя Севастополя... С. 225–226.

⁶ Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 109.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Там же. С. 114–115.

⁹ Там же. С. 1.

Парадоксально, но первыми зданиями, восстановленными в центре, стали гостиницы¹. Благодаря своей героической обороне Севастополь на какое-то время превратился в самый знаменитый город мира. После завершения военных действий сюда в массовом порядке стали приезжать «путешественники из Европы и России»², стремившиеся увидеть место боя, а также родные и близкие солдат и матросов, сражавшихся или погибших в Крыму.

В январе 1866 г. население города составляло всего 10 074 человека, в то время как накануне Крымской войны оно превышало 60 000 человек. Занятия местных обывателей, лишенных флота как источника работы, сводились к нескольким весьма незначительным функциям: «добыванию металлов из моря, рыбной ловле, огородничеству и перевозу через рейдовую бухту». Кроме того, бывший военный город и бывшие военные бухты, хорошо закрывавшие акваторию от ветров и волн сурового моря, представляли «большие удобства для приезжих в летнее время для купания, чем другие города в Крыму». Этому немало способствовала дешевизна проживания³. На какое-то время Севастополь превратился в привлекательный курорт.

Морское ведомство восстановило лишь некоторые из принадлежавших ему сооружений. Свою роль сыграли разорение страны, проигравшей войну, и необходимость создавать современный флот там, где это было возможно — на Балтике, что требовало экономии средств. Часть сохранившегося военного имущества была продана, часть передана в аренду, что имело свою положительную сторону.

3 августа 1856 г. на Черном море было учреждено акционерное Русское общество пароходства и торговли (РОПиТ), много сделавшее для возрождения Севастополя и Черноморского флота. Уже в конце 1857 г. оно имело в своем распоряжении 17 пароходов. Кроме того, еще 10 строились. На условиях бесплатной аренды морское ведомство передало ему разрушенную верфь Лазаревского адмиралтейства. Общество восстанавливало предприятие 10 лет, и в 1872 г. с его стапелей сошла грузовая шхуна «Кача», а еще 10 лет спустя — пароход «Вестник». Кроме того, в условиях санкций, запрещающих России иметь на Черном море военные суда, РОПиТ было задействовано для строительства судов торгового флота, которые при первой возможности можно было переоборудовать и использовать как военные. В конечном итоге на стапелях восстановленного акционерным обществом Лазаревского адмиралтейства стали строить броненосцы⁴. В Севастополе общество имело собственную пристань, находившуюся в Южной бухте, рядом с Графской. Там же состояла и контора корабельного смотрителя⁵.

Как упоминалось выше, в ходе Крымской войны все суда, находившиеся в Севастополе, были затоплены. Некоторые остались в Николаеве и ряде других

портов Черного моря. После завершения войны сохранилось лишь 71 судно небольших размеров, в том числе 12 малых парусных судов, 22 небольших парусных судна и 37 гребных канонерских лодок. Естественно, что эта группировка не представляла собой реальной военной силы. В связи с тем, что город и военно-морская инфраструктура были практически полностью разрушены, корабли базировались большей частью в Николаеве¹, так как бухты Севастополя, в том числе и главный фарватер, оставались перекрыты лежащими на дне кораблями.

В результате мирного договора Россия сохранила за собой право иметь в Черном море лишь небольшую флотилию, состоящую из шести малых парусных корветов (водоизмещение каждого около 800 т), четырех пароходов (по 200 т водоизмещения) и девяти транспортов. В их задачи входило поддержание коммуникаций, таможенная охрана и обеспечение маяков. Из 17 черноморских флотских экипажей в апреле 1857 г. морское ведомство оставило лишь один, состоявший из двух рот и насчитывавший 30 офицеров и 577 нижних чинов, которые базировались в Николаеве². Вместо семи рабочих экипажей остался только один (16 офицеров и 1088 рядовых). После того как в 1860 г. в состав флотилии вошли новые корветы, штат морских экипажей был увеличен до 2809 человек, что требовалось для обслуживания весьма незначительного по количеству и возможностям перечня судов: шести винтовых корветов, двух пароходов, паровой яхты и нескольких малых кораблей³.

Насущной задачей стали подъем кораблей, затопленных в годы Крымской войны, и расчистка Севастопольского рейда. На дне лежали более 60 судов, многие из них ушли корпусами в грунт на 3–4 м, а очистить бухту требовалось в кратчайшие сроки. Для выполнения этой задачи у морского ведомства не было ни средств, ни сил. В итоге приняли решение привлечь к работам частных подрядчиков, которым обещали «за труды» половину из поднятого материала.

Договор на очистку главного фарватера подписал американец Дж. Э. Гоуэн (Гауэн)⁴. Однако, как признало морское ведомство России, «ему не удалось исполнить взятого на себя обязательства освободить Севастопольский рейд от затопленных кораблей до 1 ноября 1861 г.»⁵ Помимо прочих условий Дж. Гауэн обязывался до 1 июля 1861 г. поднять и разобрать линейные корабли «Великий князь Константин», «Святослав» и фрегат «Кулевчи». Задача была неотложная, так как «Константин» и «Кулевчи» перекрывали «створную линию маяков»⁶, а «Святослав» лежал «на проходной линии рейда»⁷. Работа эта не была выполнена не только к 1 июля, но и к 30-му числу этого месяца, когда морское ведомство потребовало применить

¹ История города-героя Севастополя... С. 217–218.

² Ливанов Ф. В. Севастополь до Крымской войны и после оной... С. 126.

³ Памятная книга Таврической губернии... С. 268–269.

⁴ История города-героя Севастополя... С. 218–219; Черноморский флот России... С. 93.

⁵ Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века... С. 10.

¹ Черноморский флот России... С. 91.

² Там же; История города-героя Севастополя... С. 218.

³ История города-героя Севастополя... С. 218–219.

⁴ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 6304. Л. 71.

⁵ Там же. Д. 6303. Л. 15 об.

⁶ Там же. Д. 6304. Л. 5 об.–6.

⁷ Там же. Л. 19.

к Дж. Гауэну штрафные санкции: «...и как в настоящее время он не очистил еще местность, то на основании 10-го пункта того контракта требовались штрафные деньги с 1 июля сего года за два корабля по 250 руб. за каждую неделю и корабль»¹. Были и другие штрафы².

Впрочем, на оплату нарушений у предпринимателя деньги были. Только за корпуса семи поднятых пароходов им было выручено 72 100 рублей. Всего же к 1861 г. Дж. Гауэн продал с поднятых им русских судов материалов на сумму 627 196 рублей 71 копейка³.

Военное ведомство было недовольно подрядчиком не только из-за срыва сроков, но и по причине низкого качества работ. Американец не поднимал корабли целиком, а взрывал крупные суда на дне. В итоге огромные куски были разбросаны по всей линии рейда, еще больше его засоряя. Русские, желая убедиться в результатах работы, «посредством водолазов» исследовали состояние дна в районе затопления линейного корабля «Великий князь Константин». Оказалось, что оно в этом месте было буквально захлавлено фрагментами судна («находится много разбросанного лесу») ⁴. В итоге поставленная цель — обеспечить свободное прохождение по рейду — к этому времени так и не была достигнута.

Работы по подъему судов затягивались. К рубежу 1860–1861 гг. были подняты и разобраны лишь 37 кораблей разных водоизмещения и типа. Причем большей частью все они были малого водоизмещения. Лишь три из них («Ягудиил», «Константин» и «Париж») относились к линейным⁵. В целом расчистка севастопольских бухт продолжалась более 10 лет.

Не имея возможности использовать Севастополь по его прямому назначению, власти приняли решение вернуть сюда коммерческий порт. 19 февраля 1860 г. Севастополь был объявлен портом второго разряда. Как только с края, пережившего войну и связанную с ней массовую гибель людей, был снят карантинный режим, в Севастополе заработал таможенный досмотр. В 1863 г. в городе открылась таможня первого класса⁶.

Правда, непосредственно в Ахтиарскую бухту даже для российских судов заход оставался ограниченным. Для иностранных судов он был вовсе полностью запрещен. Корабли приходили в Стрелецкую или Балаклавскую бухты. Позже под коммерческий флот была передана Южная бухта города⁷. Для стоянки судов с коммерческим грузом, принадлежавшим купцам, была отдана Александровская бухта⁸.

В течение навигации 1868 г. в порты Севастополя прибыли 447 судов из отечественных портов и 51 — из заграничных. Кроме того, суда заходили

в Балаклавский порт (21 и 7 соответственно). Привлекательность Севастопольского коммерческого порта росла. В 1883 г. сюда пришли только из-за границы 130 судов. При этом Севастополь многократно обошел самые удобные порты полуострова — Феодосийский (принял 33 судна) и Евпаторийский (30 судов)¹, хотя они еще совсем недавно считались удобными и пользовались популярностью у торговцев, особенно последний².

Севастополь, разрушенный город с сильно поврежденной или уничтоженной военно-морской инфраструктурой, не мог играть роль главной базы флота. Его место занял Николаев, который уже исполнял обязанности штаба Черноморского флота в период его становления. Решением от 27 января 1860 г. Николаевский порт был назначен главным на Черном море³. Здесь же базировались легкие корабли флотилии.

Черноморская флотилия создавалась заново. В ее состав вошли построенные еще в довоенное время семь пароходов («Казбек», «Ординарец», «Прут», «Сулин», «Тамань», «Турок» и «Эльбрус»), на которых стояло всего от двух до шести орудий. Помимо них в 1856 г. было заказано в Петербурге и за границей еще шесть современных винтовых корветов, которые прибыли в Черное море с Балтики. В сентябре 1857 г. пришли «Зубр», «Рысь» и «Удав»; в апреле 1858 г. — «Буйвол», «Вепрь», «Волк». Каждый имел по 885 т водоизмещения и был вооружен девятью орудиями⁴.

Одновременно, несмотря на тяжелые последствия войны и резкое сокращение финансирования, на Николаевской верфи возобновили производство кораблей. Суда здесь строились не только для Черного моря, но и для Балтийского, что позволило сохранить Николаев как крупное военно-морское производство России и использовать его впоследствии. Первыми сошли со стапелей заложенные еще до Крымской войны две небольшие парусно-паровые шхуны «Дон» и «Салгир», вооруженные четырьмя орудиями, а также транспорт «Воин». Выполненные на предприятии крупные военные суда, которые не могли находиться в акватории Черного моря, отправили для службы на Балтику. Так, в 1859 г. их было два: 131-пушечный парусно-винтовой линейный корабль «Цесаревич» и 132-пушечный «Синоп»⁵.

Уже в 1857 г. в Николаеве заложили новые корабли, которыеполнили Черноморскую эскадру. К ним относились три пушечных корвета по 1016 т водоизмещения («Кречет», «Сокол» и «Ястреб»), что означало возобновление российского кораблестроения на Черном море. Каждый был вооружен девятью орудиями и оснащен паросиловыми котельно-машинными установками по 220 л. с. Причем движение осуществлялось не за счет колеса, а благодаря более совершенным гребным винтам. Вскоре в состав флотилии вошли еще четыре небольшие парусно-винтовые

¹ РГА ВМФ. Ф. 243. Оп. 1. Д. 6304. Л. 19.

² Там же. Л. 5 об. — 6.

³ Там же. Д. 6303. Л. 29 об. — 30.

⁴ Там же. Д. 6304. Л. 19.

⁵ Там же. Д. 6230. Л. 7–7 об.

⁶ История города-героя Севастополя... С. 223.

⁷ Там же. С. 228.

⁸ Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века... С. 10.

¹ Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века... С. 11–12.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19059. Л. 2.

³ Черноморский флот России... С. 93.

⁴ Там же. С. 92; История города-героя Севастополя... С. 218–219.

⁵ Черноморский флот России... С. 92; История города-героя Севастополя... С. 219.

шхуны, из которых три прибыли из Англии («Абин», «Псезуап», «Пицунда»), а одну построили в Николаеве («Новороссийск»)¹.

Годом раньше в Николаеве заложили пароход «Инкерман» (237 т). А перед ним, в 1855 г. стали строить паровую колесную яхту. Интересно, что силовую установку для нее подняли с подбитого при морской блокаде Одессы новейшего английского парохода «Тигр». Потеря этого мощного военного судна в борьбе против слабо защищенного города была не только неприятным, но и позорным для англичан эпизодом, который они пытались не афишировать. Тем более что пушки, снятые с него русскими, были умело использованы ими для усиления обороны Одессы (батареи № 3, 4, 8)². Построенную яхту назвали... «Тигром», тем самым ненавязчиво сделав ее наглядным напоминанием бывшим противникам об их позоре³.

Возрождение Севастополя в прежнем величии могло стать возможным только после возвращения его к исполнению своей основной функции — быть главной военно-морской базой и крепостью, что и произошло в 1871 г., когда, воспользовавшись благоприятной внешнеполитической обстановкой, Россия отказалась от выполнения требований Парижского мира о нейтрализации Черного моря и ограничении здесь своих военно-морских сил.

Уже 1 октября 1871 г. в приказе морского ведомства № 114 было заявлено о возрождении Россией Черноморского военно-морского флота⁴. Началось строительство как новых кораблей, так и возрождение Севастополя. Так, в мае 1883 г. были заложены первые три эскадренных броненосца: «Синоп» и «Чесма» в Севастополе и «Екатерина II» в Николаеве⁵. Неслучайно в тот же год было принято решение о проведении к Севастополю железной дороги⁶. Работы начались в 1872 г.⁷, а 15 сентября 1875 г. в город прибыл первый товарный поезд⁸.

Появление постоянного и надежного транспортного сообщения с центром позволило быстро восстановить оборону города. К началу Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Севастополь был надежно укреплен с моря. Вход в бухту прикрывало девять береговых батарей с 62 орудиями. Установили минные поля. Попытка двух турецких броненосцев 13 августа 1878 г. открыть огонь по Севастополю была сразу же пресечена орудиями его фортов. После нескольких их залпов турки были вынуждены спешно уйти в море⁹. С учетом опыта Крымской войны велись работы и по усилению обороны города-крепости с суши¹⁰.

Вместе с ростом и развитием внешней торговли, идущей через Севастополь, город получил ресурсы для своего восстановления. Если в 1875 г. благодаря только что начавшемуся железнодорожному сообщению из города вывезли 575 тыс. пудов хлеба, то в 1882 г. этот объем составил уже 9 млн пудов¹. За те же годы число жителей увеличилось с 12 до 25 тыс. человек. Активно восстанавливались здания.

Военные моряки заговорили о необходимости вернуть им Южную бухту. В августе 1889 г. было принято решение целиком удалить коммерческий порт из города и перевести его в Феодосию. Это решение, по наблюдению очевидца, вызвало даже некоторое замирение жизни и процесса восстановления². Однако исключительное военное значение Севастопольской бухты взяло верх. Впрочем, внешняя торговля полностью не ушла отсюда. Накануне Первой мировой войны в 1913 г. в город из заграничных портов прибыло 74 судна³.

В 1880-х гг. в Севастопольскую бухту вошли три броненосных корабля (эскадренные броненосцы), один крейсер, шесть мореходных канонерских лодок, минные крейсера и миноносцы. А 16 июня 1890 г. адмирал Оскар Карлович Кремер вывел в море целую практическую эскадру.

17 мая 1890 г. Севастополь получил статус крепости третьего класса. В город из Николаева после 25-летнего отсутствия вернулось управление Черноморского флота, в связи с чем в конце 1880-х гг. началось строительство целого ряда сооружений: зданий для штаба и управления флота, военных мастерских, пирсов и складов, казарм и т. п. Завод РОПиТ перешел исключительно на ремонт военных судов, а в 1898 г. был окончательно передан морскому ведомству⁴.

В 1890 г. общее число кораблей, базирующихся в Севастополе, достигло 33 единиц. В 1892 г. количество только военных судов выросло до 53, а 9 мая 1893 г. состоялся первый торжественный осмотр Черноморского флота⁵. К 1914 г. в его состав входили семь линейных кораблей, два крейсера, четыре эскадренных миноносца, 17 миноносцев, 12 «небольших миноносцев», четыре канонерские лодки, шесть транспортов и четыре подводные лодки⁶.

Возвращение флота привело к стремительному росту города. Если еще в 1883 г., по воспоминаниям А. П. Валуевой, Севастополь сохранял облик «времен Крымской кампании», то, посетив его в 1890-х гг., она была поражена разительным переменам: «широкие, прекрасно вымощенные каменными кубиками улицы, которым могла позавидовать любая из наших столиц, красивые щеголеватые здания, полное отсутствие пыли, кое-где встречающиеся по пути кучки наших славных матросиков... всюду чистота, всюду какой-то строго выдержанный порядок, всюду жизнь...» Город, как она пишет, менялся «с невероятной быстротою... На развалинах как бы по мановению волшебного жезла вырастают громадные здания чудной

¹ История города-героя Севастополя... С. 219; Черноморский флот России... С. 92.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 5456. Л. 70–71 об.

³ Черноморский флот России... С. 92.

⁴ Там же. С. 95.

⁵ Там же. С. 102.

⁶ История города-героя Севастополя... С. 227.

⁷ Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века... С. 11.

⁸ История города-героя Севастополя... С. 228.

⁹ Крестьянников В. В. Воссоздание крепости «Севастополь» во второй половине XIX — начале XX в. // Крымский архив. 1997. № 3. С. 6.

¹⁰ Там же. С. 17–21.

¹ История города-героя Севастополя... С. 239.

² Валуева А. П. Севастополь и его славное прошлое. С. 147.

³ Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века... С. 14.

⁴ История города-героя Севастополя... С. 242, 244, 259.

⁵ Там же. С. 260–261.

⁶ Мязговский Е. А. История Черноморского флота. 1696–1912 гг. СПб., 1914. С. 112.

архитектуры; изрытые бомбами улицы покрываются гранитной мостовой, берега бухты сплошь закрываются громадными хлебными магазинами (торговыми складами. — *Авт.*). На кучах мусора, покрывающих прежние бастионы, возникает редкий по красоте исторический бульвар. Торговые обороты в короткое время увеличиваются в десятки раз»¹.

В 1895 г. в Севастополе значилось 3679 зданий, в том числе 3549 жилых. Население на рубеже XIX–XX вв. превысило 50 тыс. человек. Подавляющая его часть, как и прежде, состояла из военных моряков, служащих военного ведомства и рабочих военно-морских предприятий города².

К концу XIX в., согласно данным военной статистики, Севастополь стал одним из самых развитых и благоустроенных городов России, а также самым богатым и обеспеченным среди ее черноморских центров³.

§ 2. Развитие системы местного управления

А. А. Непомнящий

После поражения в Крымской войне Россия «сосредоточилась» на решении проблем внутренней политики, результатом чего стали «Великие реформы» императора Александра II, затронувшие в том числе и административную систему. Одним из важнейших нововведений стало создание местных органов самоуправления — земств. Основным документом реформы, проект которой разрабатывался специальной комиссией при Министерстве внутренних дел с 1859 г., стало изданное 1 января 1864 г. Положение о губернских и уездных земских учреждениях⁴.

Данным положением были созданы земские собрания и земские управы, разделявшиеся на губернские и уездные. Избирателей разделяли на три курии по имущественному и сословному принципу, причем приоритет отдавался дворянству. Земская управа состояла из шести человек, избравшихся земским собранием. Последнее один раз в год (в чрезвычайной ситуации чаще) организовывало съезд, на котором принимались все решения. Председательствовал на съезде местный предводитель дворянства. Хотя земства и не обладали всей полнотой власти (полиция им не подчинялась, а губернатор и министр внутренних дел могли заблокировать любое решение земского собрания), их появление стимулировало гражданскую инициативу и способствовало развитию провинций. Как правило, занимались они хозяйственной деятельностью: в их ведении были дороги, школы, больницы, снабжение продовольствием⁵.

Необходимо отметить, что для Таврической губернии был характерен богатый опыт местного самоуправления. Еще до реформы в большинстве крупных городов работали городская дума, магистрат, сиротский и словесный суды и квартирная комиссия. В торговом Керчь-Еникале был и коммерческий суд для разрешения финансовых споров¹. Для городов Крыма была свойственна именно городская дума, а не шестиголосная дума, но подобное предпочтение было характерно для империи в целом.

Как правило, городская дума состояла из головы и шести гласных, представителей сословий, а также казначея и секретаря, избравшихся из торгового и промышленного сословий. Как правило, в думу избирались люди с опытом административной работы, способные освоить делопроизводство. Дума заведовала городским хозяйством, занималась сбором налогов и контролем цен. Однако полномочия органов местного самоуправления были сравнительно невелики, и самоуправление нуждалось в дальнейшем развитии². В целом деятельность центральной власти по организации самоуправления была малоэффективной. Причин для этого было несколько: особенности развития приграничного региона, отсутствие постоянной концепции развития, непонимание местных особенностей³.

Необходимо заметить, что самоуправление внедрялось довольно медленно, не в последнюю очередь по причине пассивности самих граждан. Поначалу участие в работе городской думы воспринималось горожанами как тяжелая и неприятная обязанность, и они стремились этого избежать. Практиковался откуп от должности: избранный горожанин вносил сумму в бюджет города, что давало ему право не исполнять обязанности члена думы. Зачастую деятельность местных органов сводилась к реализации постановлений МВД, что, впрочем, сопровождалось многочисленными нарушениями и злоупотреблениями.

Земства появились в разных регионах не одновременно. В Таврической губернии выборы прошли на год позже, чем, например, в Херсонской, — в сентябре 1866 г. Хотя дворяне заняли господствующее положение, ни в одном уезде они не получили абсолютное большинство гласных (т. е. депутатов), однако в Симферопольском и Ялтинском уездах они смогли преодолеть отметку в 50%. Связано это с тем, что в Крыму основными землевладельцами были дворяне, в то время как в континентальной части губернии было велико влияние сельских общин: в их владении находилось 61,9% земельного фонда⁴. На первом заседании земского со-

¹ Валуева А. П. Севастополь и его славное прошлое. С. 146–147.

² История города-героя Севастополя... С. 246, 249.

³ Шевякова Д. П. Севастополь во второй половине XIX века... С. 14.

⁴ ПСЗ-II. СПб., 1864. Т. 39. С. 1–14.

⁵ Пирумова Н. М. Земское либеральное движение. М., 1977. С. 7–8.

¹ Быковская Н. В. Органы общественного самоуправления в Керчь-Еникальском градоначальстве (к. XVIII — н. XX в.) // VI Таврические научные чтения, г. Симферополь, 27 мая 2005 г.: сборник материалов. Симферополь, 2006. С. 40–45.

² Анисимова О. С. Законодательное регулирование деятельности органов муниципального самоуправления в Крымских городах // КНП. 2013. № 256. С. 155–158.

³ Анисимова О. С. Діяльність органів місцевого самоврядування в містах Криму (1785–1870): Дис. ... канд. іст. наук. Чернігів, 2014. С. 9.

⁴ Секиринский С. А. Сельское хозяйство и крестьянство Крыма и Северной Таврии в конце XVIII — начале XX в. Симферополь, 1973. С. 215.

брания Таврической губернии 15 октября 1866 г. председателем управы избрали коллежского секретаря М. М. Иваненко¹.

Последующие выборы показали тенденцию к сокращению процента дворян и буржуазии среди уездных гласных за счет увеличения числа крестьян. В 1884 г. на выборах по третьей курии их доля достигла 96,1%. По первой же курии гласных-крестьян было 36,3% (в 1866 г. их оказалось 20,6%). Общее же их представительство увеличилось до 50,9%². Если в прочих губерниях дворян, как правило, теснило купеческое сословие, то в Тавриде это удавалось крестьянскому.

Земства, согласно постановлению 1864 г., обладали своей сметой доходов и расходов. Основной статьей дохода являлось, как правило, обложение земель и лесов — от 60 до 85% всех земских доходов. Расходы делились на обязательные (содержание административных и судебных учреждений, строительство и содержание дорог) и необязательные (народное образование, медицина и ветеринария). В первые годы большую часть расходов (55,8%) занимали дорожные, затем их доля снижалась вследствие роста необязательных расходов.

Зачастую именно земства выступали инициаторами внедрения технических новинок в отдаленных провинциях. Таврическое земство не было исключением. Так, оно инициировало строительство первых железных дорог в губернии. Вопрос о строительстве ветки Лозовая — Симферополь был поднят в 1868 г., а уже в 1873 г. она была принята в эксплуатацию. Также Таврическое земство пыталось увеличить сельскохозяйственное производство и улучшить положение крестьянства. Земства, в том числе и Таврическое, пытались стимулировать финансовую деятельность крестьян, решать проблемы, связанные с малоземельем и кредитованием, однако достигнутые результаты были сравнительно невелики³.

Ключевой сферой деятельности земств являлось развитие образования, в особенности профессионального. Промышленная революция требовала наличия работников нового типа, и повышение грамотности населения обязано было этому способствовать. Ситуация в Таврической губернии перед реформой если и отличалась от средней по стране, то не в лучшую сторону: действовало 61 штатное училище, где числилось 3620 учащихся (реально обучалось гораздо меньше, так как контроль за деятельностью учебных заведений практически отсутствовал). Земская реформа позволила несколько выправить ситуацию. Уже к 1875 г. насчитывалось 203 школы и 11 093 учащихся. Земство стремилось увеличить массовость образования, для чего выделялись пособия на содержание беднейших учащихся. Другой статьей расхода являлось вознаграждение учителям, поначалу имевшее премиальный характер, однако впоследствии ставшее регулярным эквивалентом жалованья. Это привело к улучшению качества учительской работы, ведь до реформы учителями

нередко становились люди, не имевшие отношения к педагогике, работавшие не по призванию, не нашедшие лучшего места. Успехи, достигнутые Таврическим земством в народном образовании, хорошо заметны при сравнении уровня грамотности среди бывших помещичьих крестьян: более 20% в 1890 г. против 8% в 1865 г.¹ В 1890 г. общий уровень грамотности в губернии достиг 16,3%, что было весьма высоким результатом по сравнению с прочими губерниями.

Другой сферой деятельности земств являлась медицина, которую было необходимо сделать доступной и эффективной. С этой целью каждый уезд был разделен на участки, которые предполагалось обслуживать одному врачу. Уже существовавшие больницы были переведены под управление земства, как, например, губернская больница Симферополя по Александроневской улице, к концу XIX в. насчитывавшая три отделения так называемых «богоугодных заведений»: больницу на 80 человек, богадельню на 100 человек из родильного приюта и психиатрическое отделение на 265 человек².

До реформы система медицинской помощи сельскому населению в принципе отсутствовала; родовспоможение производилось традиционными способами — повивальными бабками, как правило, не имевшими медицинского образования. Дополнительной проблемой было отсутствие дорог, из-за чего эффективность врачебной помощи снижалась. Изначально земские врачи жили в городе, время от времени выезжая на участок, однако постепенно был осуществлен переход к стационарной системе, для которой характерно оборудование в селе больниц. Способствовал этому рост числа хирургов, способных проводить стандартные операции. Финансировалось строительство больниц частично за счет земства, частично из средств общин; нередко из благотворительных побуждений этим занимались землевладельцы³.

Земская медицина в Таврической губернии смогла добиться неплохих результатов. Уже к 1875 г. на один медицинский участок приходилось 59 тыс. жителей, при том что в среднем по России эта цифра достигала 74,1 тыс.⁴ К 1890 г. число фельдшеров увеличилось в 18 раз, а на одного врача в губернии приходилось 1022 кв. версты и 21,1 тыс. жителей, что опережало средние показатели⁵. Наибольшие расходы на медицину наблюдались в Бердянском земстве, самом демократичном по сословному составу⁶.

Другой важной областью деятельности земств была статистика. До реформы сбором статистических данных занимались губернские статистические коми-

¹ Журналы Таврического губернского земского собрания 1866 г. Симферополь, 1867. С. 9–54.

² Маскина А. С. Социальный состав и деятельность Таврического земства в 1866–1890 гг. // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1980. № 6. С. 40–52.

³ Там же. С. 40–52.

¹ Маскина А. С. Социальный состав и деятельность Таврического земства... С. 40–52.

² Гидаевич А. Я. Медико-топографическое описание города Симферополя: Дис. на степ. д-ра медицины А. Я. Гидаевича. Симферополь, 1891. С. 106.

³ Постановления Мелитопольского уездного собрания XL сессии. Мелитополь, 1911. С. 124.

⁴ Маскина А. С. Социальный состав и деятельность Таврического земства...

⁵ Маскина А. С. Таврическое земство в 1866–1890 гг.: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1983. С. 15.

⁶ Русская земская медицина. М., 1899. С. 159.

теты, чья эффективность, особенно в области сельского хозяйства, была невелика, и эту деятельность доверили земствам, которые, впрочем, поначалу не считали данный род деятельности приоритетным. Первое статистическое бюро появилось при Пермской земской управе в 1876 г., а в Таврической было создано в 1884 г. Сбор информации, как правило, производился исследовательским методом, а публиковалась она в виде таблиц. С 1884 по 1887 г. статистическое бюро Таврического губернского земства провело подворные исследования¹. Однако затем бюро было распущено за ненужность, поскольку многие его функции дублировались губернским статистическим комитетом.

Говоря о ярких деятелях крымских земств, в первую очередь стоит отметить видного общественного деятеля Владимира Карловича Винберга (1836–1922). Этот военный лесничий, прошедший Крымскую войну, стал гласным земского собрания в Ялтинском уезде в 1866 г. и вошел в управу. Затем он был гласным уже в губернском собрании, а с 1872 по 1881 г. являлся председателем земской управы губернии. В данной должности он создал фонд для выдачи ссуд крестьянам на покупку земли, а также уделял внимание регулированию земельных отношений в курортном деле. Впоследствии В. К. Винберг возглавлял Ялтинскую земскую управу и стал депутатом Государственной думы IV созыва.

С 1883 по 1894 г. губернскую земскую управу Тавриды возглавлял Александр Христианович Стевен (1844–1910), сын выдающегося ботаника Х. Х. Стевена (1781–1863), ученый и администратор имперского масштаба². Этот выпускник Симферопольской мужской гимназии (с золотой медалью) и физико-математического факультета (естественное отделение) Санкт-Петербургского университета работал в Министерстве финансов при Департаменте торговли и мануфактур, затем служил в различных ведомствах, а после выхода в отставку в 1871 г. занимался общественной деятельностью в родном Симферополе. А. Х. Стевен был членом комиссии по обводнению Крыма, в 1880 г. стал губернским предводителем, а в 1883 г. — и председателем управы. Существенной была его роль в развитии курортов Крыма, особенно Евпатории и Сак³. Заслуги его не остались неотмеченными. В 1893 г. А. Х. Стевен получил титул действительного статского советника, а в 1894 г. переведен в Санкт-Петербург, чтобы работать в Сельскохозяйственном совете при Министерстве земледелия. Однако влажный столичный климат подорвал его здоровье, и в 1908 г. он вернулся в Крым, где через два года скончался.

¹ Бобков В. В. Статистики Таврической губернии (XIX — начало XX века): библиографический указатель / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2004. (Библиография крымоведения; вып. 1).

² Шилов Д. Н., Кузьмин Ю. А. Члены Государственного совета Российской империи, 1801–1906: библиографический справочник / под ред. В. В. Антонова. СПб., 2007. С. 745–747.

³ Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания со времени открытия земских учреждений в Таврической губернии. Симферополь, 1909. Т. 11.

Повысить качество работы местного самоуправления должна была не только земская, но и городская реформа. Она была задумана еще в 1862 г., однако в силу разных обстоятельств несколько раз откладывалась и была объявлена только в 1870 г.¹ Реформой были введены общественные управления — дума, управа и избирательное собрание. Последнее выбирало в думу гласных раз в четыре года. Дума возглавлялась городским головой и занималась назначением должностных лиц и определением размеров сборов и налогов. Раз в четыре года дума выбирала управу — исполнительный орган, занимавшийся непосредственным ведением хозяйственными и общественными делами. Данные общественные органы управления были бессловными. Избирать и быть избранным мог каждый, кто соответствовал определенным показателям: возраст не менее 25 лет, российское подданство, наличие имущества, отсутствие налоговой задолженности, судимостей и увольнений с должности. Правда, ограничивалось число нехристиан среди гласных думы — не более трети; кроме того, городским главой не мог быть еврей.

Внедрение «Городового положения» 1870 г. в Таврической губернии не было простым и одновременным. Так, от него пыталась отказываться Евпатория, в общественной жизни которой весомую роль традиционно играли караимы. Руководство караимской общины опасалось утраты влияния (чего, надо заметить, не произошло). В Бахчисарае у местного населения вызывал недопонимание пункт об ограничении числа нехристиан (христиан в городе было 200 человек из 5 тыс. населения города). Официально представители этих городов откладывали проведение преобразований, ссылаясь на недостаток средств². Проблема с Бахчисараем решилась, когда Государственная дума разрешила не применять статью в городах с низким процентом христианского населения³.

Перед городскими думами стояло немало важных задач. Так, регулярно приходилось решать проблемы, связанные с землепользованием: зачастую не удавалось создать реальные и перспективные планы города, а их отсутствие порождало споры. Дума была вынуждена решать эти вопросы, пытаясь сохранить баланс между интересами города и отдельных горожан, причем эти интересы зачастую были противоположны. Любопытно, что данный вопрос имел и финансовый аспект: за право торговать на городской земле дума собирала налог, размер которого для каждого сословия определяла сама. С крестьян денег, как правило, не брали⁴.

Другой проблемой, решение которой возлагалось на городское самоуправление, было водоснабжение: на бедном водой полуострове этот вопрос имел первостепенное значение. Как правило, основным методом было создание фонтанов с пресной водой для горожан. Радикальную идею создания канала от Днепра, предложенную в 1846 г. Х. Х. Стевеном, правительство отклонило⁵.

¹ Высочайше утвержденное 16-го июня 1870 г. городское положение. СПб., 1871.

² ГАРК. Ф. 27. Оп. 1. Д. 7714. Л. 131–136.

³ Анісімова О. С. Діяльність органів місцевого самоврядування в містах Криму... С. 11.

⁴ Там же. С. 12.

⁵ Там же. С. 12–13.

С проблемой водоснабжения была тесно связана другая — пожарной безопасности. Поскольку эта обязанность возлагалась на городские думы, они предлагали разные варианты решения. Вводилось страхование на случай пожара, создавались пожарные части. Кроме того, велась борьба с пьянством, очень распространившимся на полуострове (как известно, нетрезвые люди более склонны к небрежному обращению с огнем). Думы пытались контролировать численность питейных заведений, усложняли процедуру получения разрешения на работу подобных предприятий, переносили их в малонаселенные части города.

Проблема алкоголизма была связана не только с пожарной, но и с общественной безопасностью. Обеспечение правопорядка также косвенно входило в задачи городских дум. Особенно напряженной была ситуация после Крымской войны. По распоряжению центральных органов власти городские думы организовывали отряды ночного дозора из числа домовладельцев.

Также городские думы занимались охраной здоровья населения. Они способствовали открытию аптек, следили за чистотой на улицах. Велика роль местного самоуправления в превращении Крыма в здравницу государственного значения. Следила дума и за состоянием дорог, собирая средства на их ремонт с обывателей. С развитием технологий бюджет пополнился новыми статьями расходов: добавились освещение и телефонная связь.

Среди глав крымских городов встречалось немало интересных личностей. Упомянутая выше дискриминационная мера касалась исключительно национальности, что позволило занимать эту высокую должность иудеям. Речь идет о караимах. В Евпатории они немало преуспели на общественном поприще. Одними из самых ярких глав городов Таврической губернии были Самуил Моисеевич Пампулов (1831–1911) и Семен Эзрович Дуван (1870–1957). С. М. Пампулов занимал пост городского главы с 1867 по 1879 г. и избирался на четыре срока подряд (что противоречило закону, не позволявшему избираться больше двух сроков, но закон уступил многочисленным просьбам населения, в том числе христианского)¹. Привязанность горожан к городскому главе имела весомые основания. Он работал не покладая рук, вникая во все городские дела, и немало способствовал городскому благоустройству. При С. М. Пампулове были открыты городская телеграфная станция и училище для татарских мальчиков, а также благоустроена набережная (средств не хватало, но в Евпатории вовремя вспомнили, что во время приезда Николая I в 1837 г. Бахчисарай одолжил у города 3 тыс. рублей серебром; С. М. Пампулов требовал долг 37-летней давности и на часть этих денег обустроил набережную). С 1877 г. городской глава Евпатории был избран караимским гахамом, духовным главой всех караимов, и пребывал в этом сане до конца своих дней в 1911 г.² Как делегат от ка-

раимов, он был представлен императорам Александру III и Николаю II и присутствовал на их коронациях.

Не менее интересно сложилась судьба Семена Эзровича Дувана (1870–1957), внука первого гахама караимов С. С. Бобовича. Крупный караимский землевладелец и филантроп, он вложил немало личных средств в развитие родной Евпатории. Именно его усилиями Евпатория из глухого уездного городка превратилась в известный международный курорт. Для развития города С. Э. Дуван не жалел ни сил, ни денег. Благодаря его участию построены театр, библиотека, сквер, школы и больницы, проведены телефонная связь и трамвайная линия¹. После установления советской власти С. Э. Дуван вынужден был навсегда покинуть родину. Он умер во Франции.

В пытавшемся сказать нищим Бахчисарае тоже было несколько заметных глав. Прежде всего, речь идет о выдающемся крымско-татарском просветителе И. Гаспринском (1851–1914)², для которого, впрочем, данная должность была не самой значимой частью биографии. Выделялся его сподвижник, незаурядный общественно-политический деятель Мустафа Мурза Давыдович (1850–1914). Выпускник Московского кадетского корпуса, он после окончания учебы преподавал русский язык в Алуште, а после перебрался в Бахчисарай, где 22 года (1885–1907 гг.) был городским головой, умело управлявшим поселением. После возвращения на Южное побережье он смог превратить только что получившее статус города село в успешный курорт. В Алуште при М. М. Давыдовиче были построены новые дороги, в том числе до дачного Профессорского уголка, налажено водоснабжение, освещены улицы, введена служба санитарного надзора. Когда его общественная и просветительская деятельность оборвалась, на похороны были присланы два серебряных венка — от императора.

Из симферопольских градоначальников выделяется многогранная деятельность Василия Александровича Иванова (1860–1919). Кандидат физико-математических наук, он преподавал математику в Симферополе и заведовал метеорологической сетью Таврического губернского земства. В 1891 г. он был впервые избран в городскую управу, в 1903 г. — стал ее платным членом, оставив службу в земстве. В 1909 г. В. А. Иванов был избран городским головой, в должности которого приложил максимум усилий по благоустройству столицы губернии. При В. А. Иванове были открыты 16 школ, бесплатная библиотека, дворянский театр, разработан план устройства канализации и водопровода, организованы трамвайное сообщение и электрическое освещение, шла застройка пустырей³. Глава Симферополя пользо-

отношения в Крыму: история, современность, прогноз: сборник научных статей. Симферополь, 2010. С. 204–223.

¹ Дуван С. Э. «Я люблю Евпаторию»...: слово и дело Городского Головы / под ред. М. В. Кутайсовой. Евпатория, 1996.

² Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению: краткий биографический очерк Исмаила Гаспринского (1851–1914). Симферополь, 2000.

³ Королев В. И. Крымские муниципалитеты в 1913 г.: первые лица // Крымский контекст. 1996. № 5. С. 82–84.

¹ Караимы. Кн. 2: Биографический словарь (от конца VIII в. до 1960 г.) / сост. Б. С. Ельяшевич. М., 1993. (Материалы к серии «Народы и культуры»; вып. 14).

² Прохоров Д. А. Деятельность органов караимского конфессионального самоуправления и вопросы регулирования правового положения караимов Российской империи в первой половине XIX — начале XX в. // Межэтнические и межконфессиональные

вался всеобщим уважением. После провозглашения Советской Социалистической Республики Тавриды ему, представителю прежней власти, предлагали должность комиссара по соцобеспечению (В. А. Иванов отказался). После возвращения в Крым белых он был восстановлен в должности, в которой и скончался.

Говоря о крымских городских головах, нельзя не отметить деятеля, который в строгом смысле не принадлежал к ним, поскольку никогда не избирался. Иван Антонович Думбадзе (1851–1916) был генерал-майором Свиты и приближенным императора¹. В 1906 г., в разгар революционных волнений, таврический губернатор В. В. Новицкий поручил обязанности главноначальствующего по Ялте решительному полковнику. И. А. Думбадзе быстро навел порядок в городе, совершенно не согласуясь ни с общественным мнением, ни с законодательством². Политика градоначальника была простой и действенной. Все подозрительные лица высылались из знаменитого курорта. Ялтинский градоначальник был известен своими крайне правыми взглядами. Он покровительствовал «Союзу русского народа» и укрывал у себя его лидера, который обвинялся в громком политическом убийстве³. В 1912 г. И. А. Думбадзе на время попал в опалу за то, что планировал убийство Г. Е. Распутина, и был уволен с должности градоначальника Ялты, однако вскоре возвращен на прежнее место. Убежденный монархист скончался в 1916 г. Косвенной причиной смерти была тяжелая травма при покушении в 1907 г.⁴ Бесстрашный, жестокий, самовластный и фанатично преданный монархии, И. А. Думбадзе был, пожалуй, самым ярким и неоднозначным градоначальником Ялты.

В истории России зачастую на смену реформам приходят контрреформы. Так произошло и после смерти Александра II в 1881 г. Новый император Александр III был человеком более консервативных взглядов, нежели его отец, и многие начинания предшественника были приторможены и свернуты. Так, имущественный ценз для участия в земских выборах был повышен для горожан и понижен для помещиков⁵. Начальные школы передавались из-под управления земств Святейшему Синоду с целью заботы о морально-нравственных устоях обучающихся. В целом эти контрреформы смогли притормозить революционную деятельность в России ценой постепенного накопления социальных противоречий, что рано или поздно должно было привести к социальному взрыву⁶.

Помимо гражданских общественных институтов, заложенных реформами Александра II, существовали и развивались другие формы самоуправления. Прежде всего, речь идет о сословном и профессиональном самоуправлении.

В Таврической губернии, как и в большинстве губерний Российской империи, наиболее привилегированное сословие — дворянское — избирало своих представителей для решения различных внутрикорпорационных вопросов посредством дворянских выборов¹. Наивысшей должностью в этом институте был губернский предводитель дворянства, должность которого, не будучи оплачиваемой, предполагала большое количество сословных и общегосударственных обязанностей (которые добавились во время реформ). Важность этой должности красноречиво демонстрирует тот факт, что после двух трехлетних сроков губернский предводитель получал чин IV класса, т. е. действительного статского советника². Уездные предводители дворянства формально находились ниже в иерархии, однако никоим образом не являлись подчиненными губернского предводителя. Пассивным избирательным правом обладал практически каждый дворянин, однако к избирателям выдвигались строгие требования: потомственное дворянство, владение недвижимостью в административной единице, наличие опыта чиновной работы или среднего образования.

Среди предводителей дворянства Таврической губернии выделяются несколько заметных общественных деятелей, таких как Василий Павлович Попов (1833–1894)³, занимавший должность с 1882 по 1888 г., и Сергей Балтазарович Скадовский (1863–1918), основатель порта Скадовск. В. П. Попов известен тем, что по его инициативе и во многом на его личные средства начато сооружение памятника Екатерине II. После того как он оставил должность, его преемник Вивиан Вильгельмович Олив (1847–1896)⁴, сын Вильгельма Николаевича Олива (?–1854), занимавшего ту же должность в 1844–1853 гг., продолжил дело увековечивания памяти выдающейся императрицы, и в 1890 г. памятник был торжественно открыт⁵.

Конфессиональное самоуправление на многонациональной крымской земле имело особое значение. Самой многочисленной религиозной группой Крыма в момент присоединения являлись мусульмане, прежняя религиозная система управления которых была уничтожена. Однако в силу различных причин они не стремились к образованию общего профессионального органа. Как правило, попытки создания такого учреждения предпринимались губернской властью. Но конфликт интересов самих мусульман сводил эти попытки на нет. Созданное еще при Николае I Таврическое магометанское духовное правление, формально

¹ Прокопова Л. И. «На благое дело» // VIII Дмитриевские чтения (27–28 марта 2003 г.): история Южного берега Крыма: сборник научных трудов. Симферополь, 2005. С. 32–34.

² Троцкий Л. Д. Родные тени (Думбадзе и др.) // Начало. 1916. 30 сентября.

³ Bernstein H. How two assassinations were carried in Russia // The New York Times. 1909. 19 September.

⁴ И. А. Думбадзе: некролог // Ялтинская жизнь. 1916. 4 октября.

⁵ Захарова Л. Г. Земская контрреформа 1890 г. М., 1968.

⁶ История России с начала XVIII до конца XIX века / под ред. А. Н. Сахарова. М., 1997. С. 437–440.

¹ Свод законов о состояниях: раздел первый. О дворянстве // Свод законов Российской империи: законы о состоянии. СПб., 1857. Т. 9. С. 13–172.

² Сборник законов о российском дворянстве / сост. Г. Блосфельдт. СПб., 1901.

³ Сборник биографий кавалергардов. [1724–1899]: по случаю столетнего юбилея Кавалергардского ея величества государыни имп. Марии Федоровны полка / сост. под ред. С. Панчулидзева. СПб., 1908. Т. 4. С. 189.

⁴ Государственный совет Российской империи: 1906–1917. М., 2008. С. 189.

⁵ Гуркович В. Н. Исторические памятники российской Тавриды (от эпохи Екатерины II до завершения Гражданской войны) // Русские = Росияни = Russians / сост. Б. Балаян. Симферополь, 2011. (Всемирная сер. «Народы и времена»). С. 60–76.

регулирувшее всю религиозную деятельность мусульман полуострова (и не только: в его юрисдикцию входили и западные губернии)¹, в реальности обладало довольно ограниченным влиянием, так как было создано государством и подчинялось ему.

Малочисленные национальные общины, как правило, демонстрировали более высокий уровень самоорганизации. Поскольку их деятельность не представляла особой угрозы стабильности, власть не препятствовала ей и даже поощряла. Так, Таврическое и Одесское караимское духовное правление таврического губернатора в Евпатории было создано в 1837 г. и успешно функционировало до окончательного установления советской власти в Крыму². Управлял организацией гахам — духовный глава караимов, избиравшийся представителями караимских общин и утверждавшийся министром внутренних дел. Сотрудничество караимов с российской властью было весьма успешным. В 1863 г. при гахаме Б. С. Бабовиче караимы были уравнены в правах с коренным населением³.

Период реформ Александра II существенно изменил социально-политический облик Российского государства. Постепенная либерализация нравов вкупе с поощрением инициативы и развитием самоуправления на местах позволили империи приспособиться к требованиям современности, способствовали развитию промышленности и повышению уровня жизни в провинции, что ощутила на себе и Таврическая губерния. Одним из факторов, стимулировавших развитие крымских курортов, была растущая роль купеческого сословия. Однако сословные противоречия так и не были полностью ликвидированы, а последующие контрреформы подготовили благодатную почву для социального взрыва, с которым правящее сословие оказалось не в состоянии совладать. Тем не менее период от Александровских реформ до Первой мировой войны оказался для Крыма вполне благоприятным и плодотворным.

§ 3. Экономика Крыма во второй половине 1850-х — начале 1880-х гг.

П. Н. Марциновский

Крымская война 1853–1856 гг. стала для полуострова катастрофой, оказавшей существенное влияние на все процессы хозяйственной жизни и дальнейшее развитие Крыма в последующие годы вплоть до 1917-го. Практически полностью был разрушен Севастополь, разорены Евпатория, Керчь, Ялта, другие населенные пункты. Вырублены сады, значительная часть лесных угодий, сожжены усадьбы многих по-

мещиков, крестьянские дома. Десятки тысяч людей были изгнаны с обжитых мест. В связи с нехваткой дров вырубались сады. Обеспечение армии требовало напряжения сил всего полуострова.

Важнейшими факторами, определявшими состояние хозяйства полуострова в послевоенные годы, стали последствия разрухи и взвинчивания цен на хлеб во время войны, социальная дезориентация населения и неблагоприятные для России в целом условия Парижского мирного договора.

В Крыму ощущалась острая нехватка продовольствия. В хлебном балансе 1856 г., отражающем потребность 456 830 помещичьих и государственных крестьян Таврической губернии в посевном материале и продовольствии, дефицит составил 618 584 четверти. На полуострове картина была несколько лучше: дефицит составил 227 247 четвертей на 207 016 душ обоюбого пола¹. Однако помимо крестьян в продуктивном снабжении нуждались многочисленные воинские команды и госпитали, а доставка продовольствия посуху осложнялась не менее бедственным положением материковых уездов губернии и почти полной мобилизацией транспортных возможностей населения для нужд армии.

В ноябре 1856 г. бывший французский консул Мартен, проживавший в Симферополе, закупил в Одессе до 4 тыс. четвертей хлеба, испросив разрешения зафрахтовать иностранное судно, уполномочил фирму «Горни и К^о» доставить груз в Евпаторию на датском судне «Голдштейн». Разрешение было получено, однако власти не преминули взыскать с Мартена 11 рублей 16 копеек серебром за две «телеграфические» депеши, посредством которых они это решение согласовывали². Нужно сказать, что чиновники не препятствовали этой работе. Так, 9 ноября 1856 г. было дано разрешение одесскому купцу Бераху Мангуби отправить из Одессы на иностранном судне в Евпаторию и другие крымские порты двумя партиями до 5 тыс. четвертей разного зернового хлеба, предназначенного исключительно для местного населения³. Аналогичные разрешения получили одесская 1-й гильдии купчиха Шелемет Эгиз на отправку из Одессы в Евпаторию на иностранных судах двух грузов хлеба до 3 тыс. четвертей⁴ и купец Шемеле Исакович на отправку на двух иностранных судах до 3,5 тыс. четвертей разного зернового хлеба, крупы и муки⁵. 20 ноября на датском судне «Отто» фирма «Горни и К^о» вновь доставила груз хлеба нуждающимся жителям Крыма, а 21 ноября потомственному почетному гражданину Ивану Россолимо уже из Измаила было разрешено отправить в Евпаторию на двух иностранных судах до 28 тыс. пудов разного хлеба⁶.

Весной 1857 г. весь Новороссийский край был разделен на три разряда по степени ущерба, нанесенного войной. Наиболее пострадавшие от войны районы, в первую очередь Крымский полуостров, были отнесены к третьему разря-

¹ ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 6. Ч. 2. С. 337–345.

² Прохоров Д. А. Деятельность Таврического и Одесского караимского духовного правления: к 175-летию со дня создания // XIII Таврические научные чтения, г. Симферополь, 25 мая 2012 г.: сборник материалов: в 2 ч. Симферополь, 2013. Ч. 2. С. 84–93.

³ Ельяшевич Б. С. Бабович Бабакай (он же Нахаму) Соломонович // Караимы. Кн. 2: Биографический словарь... С. 9.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21958. Л. 17.

² Там же. Д. 21954. Л. 213.

³ Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 419. Л. 88; Ф. 26. Оп. 1. Д. 21958. Л. 11.

⁴ Там же. Ф. 26. Оп. 1. Д. 21958. Л. 4.

⁵ Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 366. Л. 89, 97; Ф. 26. Оп. 1. Д. 21958. Л. 18.

⁶ Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 366. Л. 98, 99.

ду и получили максимальные льготы, заключавшиеся в освобождении от всех казенных податей на текущий, 1857 г. и обязательств всякого рода перед казной на два года. Впрочем, ущерб должен был подтверждаться соответствующим начальством — уездными предводителями дворянства, городскими думами и т. д.¹ Так или иначе, сумма списанных податей в 1857 г. по Симферопольскому округу составила 47 868 рублей 43 копейки, по Евпаторийскому — 23 104 рубля 18 копеек, Феодосийскому — 31 954 рубля 95 копеек, Перекопскому — 30 603 рубля 47 копеек². Сразу после войны был предоставлен ряд льгот, позволяющих в течение более длительных сроков, до 10 лет, не оплачивать большую часть городских повинностей и гильдейских сборов в наиболее пострадавших городах³. К сожалению, условия предоставления льгот вызывали немало разночтений. Особенно это касалось уже уплаченных сумм либо накопившихся недоимок. Перемещение во время войны значительных масс населения привело к тому, что многие казначейские проблемы нашли свое разрешение только после десятой народной переписи, когда выяснилось, например, что в течение 1854, 1855 и 1856 гг. подати начислялись на 10 645 ревизских душ мужского пола из татар, перешедших на сторону неприятеля и выехавших за границу⁴. Недоимка, числившаяся за сельскими татарскими обществами по этим людям, составляла более 97 тыс. рублей; ее, конечно, тоже необходимо было списать⁵. Или требование Таврической казенной палаты об уплате севастопольскими мещанами недоимки в размере 596 рублей 31 копейки, которую, по сообщению Севастопольской городской думы, просто некому было оплатить, поскольку оставшиеся в городе жители либо едва зарабатывали на пропитание, либо вообще жили подающим⁶.

В 1860 г. началась массовая эмиграция крымских татар в Турцию, вызванная комплексом обстоятельств. Это событие имело значительное влияние на дальнейшее хозяйственное развитие Крыма, явилось важнейшим фактором в процессе структурной трансформации этносоциальной базы всего крымского хозяйства. В результате татарской эмиграции население Крыма сократилось на 49,4%, в том числе по государственным крестьянам — на 61,6%⁷.

Разоренное хозяйство, резкое сокращение людских ресурсов, необорудованность портов, удаленность от основных континентальных сельскохозяйственных районов, ничтожные возможности отечественного торгового флота — все это негативно сказалось на торгово-экономических связях Крыма. Сокращение численности татар снизило и финансовые возможности местного купечества в связи с упадком овцеводства и резким снижением закупок по импорту.

¹ ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4819. Л. 7.

² Там же. Л. 47.

³ Там же. Ф. 348. Оп. 1. Д. 11. Л. 133; Ф. 68. Оп. 1. Д. 4819. Л. 81.

⁴ Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 4819. Л. 284.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 300.

⁷ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 369.

Сокращение населения Крыма сказалось не только на зерновом хозяйстве полуострова (см. таблицы 1, 2). По мнению управляющего Таврической палатой государственных имуществ, 974 657 десятин земли остались незасеянными «по случаю выхода татар и ногайцев в Турцию»¹. Вряд ли это является исчерпывающим объяснением. Однако из таблиц видно, насколько скромное место занимал Крымский полуостров в зерновом хозяйстве Таврической губернии и насколько важно, дабы цифры не вызвали недоумение, учитывать многочисленные факторы, влияющие на состояние хозяйства Крыма в это время, особенно структуру занятости населения, а также землевладения и землепользования. Хлебный баланс 1861 г. был восстановлен уже в результате сбора яровых, однако огромный дефицит по озимым хлебам хорошо иллюстрирует масштаб влияния крымско-татарской эмиграции на сельское хозяйство не только полуострова, но и Таврической губернии в целом.

Таблица 1

Посев и урожай хлеба у государственных крестьян
Таврической губернии в 1861 г.²

Наименование округов	Число ревизских душ		Посеяно			Собрано				Урожай, в сагах		
	Мужского пола	Женского пола	Озимые	Яровые	Картофель	Озимые	Яровые	Картофель	Сено	Озимые	Яровые	Картофель
Симферопольский	20 987	15 534	3510	4282	1657	14229	24397	7999	685 958	4	5	6
Перекопский	3228	1772	106	1950	—	457	6821	—	61 071	4	5	—
Евпаторийский	7722	2049	765	2511	—	2678	12 151	—	308 340	3	5	—
Феодосийский	9872	9320	1012	2802	40	6200	14 086	320	473 088	6	6	8
Итого по Крыму	41 809	28 675	5393	11 545	1697	23 564	57 455	8319	1 528 457			
Днепровский	21 227	14 736	15 517	17 727	444	94 898	112 461	1143	3 549 665	4	5	2
Мелитопольский	100 682	95 003	46 369	81 748	2627	222 963	439 845	10 380	12 084 300	4	4	4
Бердянский	33 391	24 932	7413	58 066	5846	35 518	263 474	29 773	4 064 003	4	4	5
Итого по губернии	197 109	163 346	74 692	169 086	10 614	376 943	873 233	49 615	21 226 188	4	5	4

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 24286. Л. 2.

² Там же. Д. 24292. Л. 64, 69.

Таблица 2

Потребность и хлебный баланс у государственных крестьян Таврической губернии в 1861 г.¹

Наименование округов	Потребность									Баланс		
	Для посева			Для продовольствия			В запасные магазины					
	Озимые	Яровые	Картофель	Озимые	Яровые	Картофель	Озимые	Яровые	Картофель	Озимые	Яровые	Картофель
Симферопольский	4463	5253	1344	34 239	20 543	1819	78	83	-	-24 551	-1482	4836
Перекопский	774	899	-	4687	2814	-	13	7	-	-5017	3101	-
Евпаторийский	1023	2279	-	9160	5496	-	269	124	-	-7774	4252	-
Феодосийский	3163	3020	50	17 908	10 795	215	80	40	-	-14 951	231	55
Итого по Крыму	9423	11 451	1394	65 994	39 648	2034	440	254	-	-52 293	6102	4891
Днепропровский	18 109	19 617	506	33 701	20 299	1611	1785	892	-	41 203	71 723	-974
Мелитопольский	47 125	79 339	2754	183 454	110 072	9663	5084	2542	-	-12 700	247 898	2037
Бердянский	9081	61 121	6098	54 677	32 806	17 168	3348	1673	-	-31 588	167 874	6507
Итого по губернии	83 738	171 528	10 752	337 926	202 755	30 476	10 654	5361	-	-55 378	493 591	8387

В тяжелом состоянии находилась промышленность, сократилось количество кожевенных, мыловаренных и свечных заводов. Тяжелый удар был нанесен по виноделию, многие виноградники оказались разорены, другие остались необработанными (в Альминской, Качинской и Бельбекской долинах). Только в 1857 г. виноделие начало восстанавливаться: несмотря на болезнь, поразившую виноград на Южном берегу Крыма в 1857 г., и на неблагоприятные условия 1859 г. (засуха, саранча), в этот период ежегодно производилось более 300 тыс. ведер вина, а в 1860 г. продукция достигла 462 тыс. ведер. В 1857 г. в Крыму насчитывалось 22 табачные фабрики, которые произвели 354 пуда курительного табака и 1 608 600 штук папирос². Собственно, табака намного больше выращивалось в крестьянских хозяйствах.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 24292. Л. 64, 69.

² Там же. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5067. Л. 1–24.

Так, в 1858 г. в Симферопольском и Ялтинском уездах изготовлением табака занимались 1060 хозяйств, которые на почти 600 десятинах земли произвели 18 282 пуда листового табака, а в 1859 г. — 82 700 пудов табака на сумму 185 тыс. рублей¹.

Прекратили свое существование ярмарки в Феодосии и Симферополе². Впрочем, летом 1857 г. в деревне Саки был открыт еженедельный базар, который собирался по четвергам в связи с большим наплывом желающих воспользоваться минеральными грязями и тех, кто занимался вывощкой и перевозкой соли³. Лишь в начале 1860-х гг. появилась первая после войны ярмарка в Симферопольском уезде, а восстановление ярмарочной торговли завершилось только к концу 1870-х гг.

Положение Крыма было столь бедственным, что на вершинах государственной власти, в среде дворянства и купечества возникали довольно смелые идеи. Так, 19 сентября 1860 г. великий князь Константин Николаевич писал министру финансов А. М. Княжевичу о том, что известия, которые он получает от Черноморского управления, показывают, что «Севастополь слишком медленно начинает подниматься после разорения его врагом и что большая часть города лежит в развалинах, которые хотя и свидетельствуют о славе русского оружия, но в то же время говорят о нынешнем благосостоянии населения Южной России. Кое-где в Севастополе появляются новые домики, выстраиваемые морскими офицерами, однако большинство матросских семей ютится в чуланах, пристроенных к развалинам прежних зданий». Великий князь замечал, что «подобное положение знаменитого города, находящегося при лучшем порте всей Европы, не соответствует достоинству империи и надо бы приискать средства для обеспечения скорейшего возрождения города, а лучшим способом для достижения этой цели было бы предоставление Севастополю тех же прав свободной торговли (porto-franco), каковыми столько лет пользовалась Одесса, не имеющая подобного порта, и жители которой не теряли всего своего имущества во время войны для славы Отечества».

Константин Николаевич просил А. М. Княжевича изложить эту идею государю императору с его, великого князя, всеподданнейшим ходатайством в пользу Севастополя. Однако министр финансов предоставление Крыму прав порто-франко не поддержал. Спустя год на высочайшее имя было направлено прошение от дворянства пяти крымских уездов, которое принято в Ливадии 6 сентября 1861 г. Император поручил министру внутренних дел обсудить этот вопрос в Комитете министров. Министр внутренних дел, в свою очередь, испросил заключение по сему предмету у новороссийского и бессарабского генерал-губернатора, на что тот не замедлил ответить отношением от 1 октября 1861 г., вернув заодно и копию манифеста 1798 г. об установлении на Крымском полуострове порто-франко, который крымчане использовали в качестве довода в свою пользу. Мнение генерал-губернатора также было отрицательным.

¹ ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5068. Л. 41.

² Там же. Ф. 27. Оп. 1. Д. 6663. Л. 4–5.

³ Там же. Д. 6673. Л. 1–6.

Министр финансов А. М. Княжевич сообщил, в свою очередь, министру внутренних дел о том, что разделяет мнение губернатора. Результат не заставил себя ждать. Уже 11 января 1862 г. министр финансов и новороссийский и бессарабский генерал-губернатор получили официальные уведомления о том, что министр внутренних дел входил с представлением по этому предмету в Комитет министров, где, учтя все доводы «за» и «против», постановили оставить ходатайство таврического дворянства без последствий, равно как и прошение севастопольского купечества о даровании порто-франко Севастополю, что и было «высочайше соизволено» 26 декабря 1861 г.¹

Европейская политика ставила перед страной новые задачи, когда, несмотря на сдержанность в собственно европейских делах, приоритетным стало юго-западное направление внешней политики наряду с продвижением в Азию. В условиях, когда экономическое развитие Крыма совершенно не соответствовало стратегическим интересам империи, царское правительство понимало, что удержать свои позиции на Черном море в ближайшие годы Россия может лишь дипломатическим и военным путями, чему явно противоречила идея создания на полуострове порто-франко, тем более что доходы казны гораздо сильнее зависели от урожая, нежели от каких-либо иных причин.

Таблица 3

Доходы казны в 1860–1863 гг.²

Годы	1860	1861	1862	1863
Общая сумма, руб.	7 854 637	7 748 243	8 575 135	5 072 065

В 1858 г. были расширены возможности частных лиц по добыче соли из крымских казенных внутренних озер. Теперь соль мог добывать кто угодно, заплатив в казну по одной копейке с пуда и семь копеек за ярлык, навешиваемый на каждую фуру с солью, которую вывозили с Перекопских, Генических, Керченских, Феодосийских и Евпаторийских соляных озер. Соль вывозилась из Евпатории на судах большого каботажа в балтийские порты России и практически вся потреблялась на внутреннем рынке. Однако в 60-е гг. XIX в. из Евпатории в Северную Анатолию соль активно вывозили турки на своих маломерных парусниках. Для того чтобы выручить необходимую сумму на покупку соли, турки всегда привозили беспошлинный лесной товар и корзиновые изделия, ценность которых в итоге составляла значительную сумму. Этот контрабандный промысел был настолько выгоден, что даже из Феодосии, откуда обычно соль вообще не вывозилась, в 1864 и 1866 гг. она была вывезена в большом количестве. В 1866 и 1867 гг. соль интенсивно отправляли из Евпатории. Турецкое правительство приняло строгие меры против контрабандистов, однако в 1868 г. это распоряжение еще не дошло до отдаленных провинций,

и турецкие мореходы в 1868 и 1869 гг. еще успели переправить крупные партии соли. В 1870 г. вывоз соли в Турцию резко сократился.

Внутри Крыма внешнеторговая деятельность все больше сосредотачивалась в Евпатории и Феодосии, экспорт через которую на 70,7% состоял из зернового хлеба. Из Евпатории помимо зернового хлеба в 1858 г. было вывезено 9800 пудов сырых кож, 894 пуда сала, 1871 четверть льняного семени, 175 пудов козьей шерсти и пуха, 32 615 пудов овечьей шерсти сырца, 2314 пудов коровьего масла, 1370 пудов веревок из пеньковой пакли, 2375 пудов пшеничной муки, а также 53 973 пуда рогов и костей животных. В феодосийском экспорте 1858 г. также представлены сырая овечья шерсть (473 пуда) и кости животных (18 тыс. пудов), 107 пудов заячьих сухих шкур, 8000 аршин пеньковой редюги и 1859 пудов сырых невыделанных кож¹.

На раннем этапе становления аграрного рынка импорт товаров в Крым в большинстве случаев не был связан ни с какой производственной необходимостью и носил бытового характер. Среди товаров, находивших своих владельцев на территории Крыма в 1862 г., например, были: очки, карманные записные книжки, кожаные несессеры с приборами для дамских туалетов, кожаные футлярчики с украшением из бархата, искусственные зубы роговые и костяные, изделия из мельхиора, рамочки, ящички, тайнички, деревянные чубуки и сигарочники, корзиночки, связанные из стекляруса, стеклянные и металлические пуговицы, турецкие курительные глиняные трубки, камышовые трости, корковые табакерки с зеркальцами и прочие изделия. Однако все вышперечисленное служило, конечно, предметом потребления достаточно богатых людей. Основу же импорта составляли кофе, бакалея, спиртные напитки, мануфактура, москательные товары, табак, лимоны и апельсины, дубовые желуди и дрова, рис и другие продукты.

В условиях послевоенной разрухи появилось свойственное такому периоду явление — «челноки». В объявлении от Департамента внешней торговли говорилось, что с некоторого времени приезжающие из-за границы стали привозить с собой, кроме обычных дорожных вещей, целые партии товаров, очевидно для продажи, и рекомендовалось в случае отсутствия у того или иного господина права заграничного торга взимать с указанных товаров пошлину в 1,5 раза выше обычной или допускать их к обратному вывозу². Соответственно времени были ужесточены и таможенные правила.

Весьма показателен в этой связи циркуляр № 531 от 15 апреля 1861 г., разосланный по поручению начальника Феодосийского таможенного округа, где говорилось: «Государь император высочайше повелеть соизволил, чтобы командиры военных судов при провозе из-за границы на их судах вещей, хотя бы принадлежащих членам императорской фамилии... предъявляли таковые вещи к таможенному досмотру»³.

¹ РГИА. Ф. 19. Оп. 3. Д. 461. Л. 1–15.

² ГАРК. Ф. 68. Оп. 1. Д. 5805. Л. 298; Д. 5808. Л. 25.

¹ ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 386. Л. 4–8; Ф. 369. Оп. 1. Д. 441. Л. 97–103.

² Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 460. Л. 4.

³ Там же. Л. 71.

Стремление крымского купечества к расширению своих прав не ограничилось лишь просьбой о даровании полуострову статуса порто-франко. Дело в том, что каждая таможня пользовалась определенно очерченными правами. В частности, права небольших таможен не распространялись на некоторые виды товаров, и евпаторийские купцы считали, что именно они страдают больше всех. В феврале 1863 г. состоялось прошение от имени депутатов Евпаторийского общества всех сословий, евпаторийского городского головы и купца 1-й гильдии Евстафия Юрьевича Хрисанопуло, а также потомственного почетного гражданина г. Николаева Самуила Аароновича Пампулова его превосходительству министру финансов, тайному советнику, статс-секретарю и кавалеру М. Х. Рейтерну. Депутаты убеждали министра, что Евпаторийский порт занимает самое выгодное положение на Черном море, что он единственный незамерзающий, перечисляли мыслимые и немыслимые заслуги порта перед Крымом, царем и Отечеством, просили принять во внимание разорение города и выселение татар. Завершала документ нижайшая просьба расширить права Евпаторийской таможни, а именно: предоставить право пользоваться шестимесячным складочным сроком на очистку товаров пошлиной и право очищать пошлиной все без изъятия товары, дозволенные к привозу по тарифу. Просители указывали на стеснительность для торговли запрещения привоза сахара, валеных товаров, которые выписывались через другие порты и доставались слишком дорого.

Однако начальник Феодосийского таможенного округа в ходе служебной переписки выразил недоумение управляющему Евпаторийской и Феодосийской таможнями по поводу такого прошения, заметив, что депутаты и купцы просто не знают своих прав.

Думается, начальники, как обычно, покривили душой. С 4 апреля 1861 г., когда был дозволен ввоз кантонского чая в империю, например, через Евпаторийский порт не было провезено ни чайники, а вот в Феодосию чай ввозили с 1862 по 1865 г. И дело было как раз в классификации таможен, а не в равнодушии евпаторийцев к чаю.

Потребителями товаров турецкого производства в Крыму остались караимы и весьма малая часть зажиточных мурз, которые покупали для национальных костюмов только шам-аладжу, кутню, чус, а также бумажные или шелковые кушаки¹. Среди турецких тканей, зафиксированных в соответствующем тарифе в середине 1860-х гг., в крымские порты поступали: бумажные борла, киндяк, турецкие полотенца, кушаки, басма или выбойка турецкая, кумач, гаршав, чембер, чемберовые платки, манидар-аладжа и платки тестемалевые кисейные набивные; полшелковые шам-аладжа, кутня, гезе гермесюд анатолийский и кушаки. Однако объем импорта этих тканей резко сократился в связи с выселением татар. По той же причине был совершенно прекращен ввоз материй, затканых золотом, серебром и мишурой. Другие турецкие ткани, зафиксированные в тарифе (чекуне читари, надифедяк, бурунджук, обнар, стамбул-шали, дамхане, чезекли и чудным) не привозились в Крым с 30-х гг. XIX в. в связи с тем, что их выделка была прекра-

щена в самой Турции либо они были заменены лучшими по качеству изделиями европейских фабрик.

В отличие от европейских изделий, турецкие бумажные и полшелковые ткани, называясь по-разному, ничем одна от другой по качеству не отличались. Из категории чисто бумажных (зачастую грубых) тканей выгодно выделялись тестемалевые кисейные платки, которые настолько соответствовали европейским стандартам, что порой на ввезенных с низкой пошлиной якобы турецких платках обнаруживались затем клейма и этикетки австрийских фабрик. С другой стороны, высказывалось соображение, что турецкие бумажные ткани как изделия низшего качества и ценности справедливо было бы обложить меньшей пошлиной, тем более что такие ткани являлись предметом потребления самого бедного класса крымских татар, пользовавшихся исключительно этими тканями¹.

Новый подъем переживало крымское виноделие с 60-х гг. XIX в. Сын М. С. Воронцова, князь С. М. Воронцов, стал достойным продолжателем дела отца. Последовав примеру А. Д. Княжевича, хозяина виноторгового предприятия, С. М. Воронцов создал торговую фирму «Его Светлости князя С. М. Воронцова торговля крымскими винами», имевшую отделения в Одессе, Москве, Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Ялте, заложил виноградники, построил новые подвалы, в которых уже в середине 1860-х гг. хранилось до 200 тыс. ведер вина. Предприятие С. М. Воронцова предлагало на выбор вина красные — Бордо, Алеатико, Лафит; белые — Рислинг, Сотерн, Токай; Мускат сухой и сладкий (Ай-Даниль), Мадеру и Педро-Хименес (типа Малаги) из Массандры. Рост цен на вино от 40–50 копеек до 1,2–1,6 рубля за ведро вовлекал в производство виноматериалов все больше и больше крымских крестьян. Однако по заключению экспертов Венской всемирной выставки 1873 г. вина из Магарача превзошли по качеству вина из Массандры и Ай-Даниле, хотя последние и были удостоены нескольких высоких наград.

Эра князя Л. С. Голицына в отечественном виноделии наступила еще в конце 1860-х — 1870-х гг., когда он приобрел несколько имений в Крыму, в частности Новый Свет, и на Кавказе, организовав производство шампанских вин и добившись выдающихся успехов на ниве признания русского виноделия.

Особого внимания в этот период требовала инфраструктура полуострова. Строились, ремонтировались и перестраивались казенные здания, среди которых были не только присутственные места, казармы и тюремные замки, но и богоугодные заведения, а также Сакская грязелечебница, упомянутая в отчете строительной комиссии за 1861 г.² К тому же году были заключены контракты на постройку зданий для помещения присутственных мест на сумму 598 176 рублей 20 копеек. При этом нужно иметь в виду, что цены на строительные работы выросли по сравнению с довоенным 1854 г. в среднем на 20%³. Возведение всех зданий должно было завершиться уже к 1863 г. Проекты фасадов частных строений также утверждались

¹ ГАРК. Ф. 361. Оп. 2. Д. 42. Л. 23–25.

² Там же. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1158. Л. 17–19.

³ Там же. Л. 21.

¹ ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 485. Л. 3.

строительной комиссией, что позволяло поддерживать единообразие облика городской застройки.

К 1861 г. Таврическая губерния располагала 1479 верстами почтовых дорог (в том числе 1271 верстой грунтовых), 207,5 версты шоссейных, 3449 верстами грунтовых торговых и 3308 верстами военных¹. Грунтовые дороги ремонтировались и обслуживались самими жителями. Была даже начата работа по закреплению участков дорог за определенными населенными пунктами, но в связи с эмиграцией крымских татар этот процесс застопорился и в итоге был отложен до лучших времен. Дорожное хозяйство, конечно, состояло не только из дорог. Каменные и деревянные мосты, гати, дамбы и иные сооружения тоже нуждались в беспрестанной заботе. Не оказалось лишним и шоссе, устроенное неприятельскими войсками между Севастополем и Балаклавой и причисленное после войны к Южнобережной дороге.

В 1861 г. было начато устройство горной дороги от Алушты до Судака. На благоустройстве дорог позитивно сказывались высочайшие визиты. Так, в том же году благодаря визиту императора была приведена в порядок маленькая (две версты, 287 погонных сажений), но важная дорога от Бахчисарая до Чуфут-Кале. Всего в 1861 г. на постройку новых и ремонт существующих дорог и сооружений было истрачено 97 869 рублей².

Проводились мероприятия и по улучшению водоснабжения. С этой целью сооружались барражи на реках, позволявшие накапливать воду в запрудах³. Барражи снабжались съемными щитами, позволявшими сбрасывать избыток воды в русло⁴. В конце 1850-х гг. особенно остро стоял вопрос о водоснабжении Феодосии. Фонтаны, питавшие город, иссякли, колодцы высохли. Возникло широкое общественное обсуждение этой проблемы. Предлагались различные меры: устройство бассейнов в местностях с достаточным количеством источников, создание системы трубопроводов. К началу 1860-х гг. кое-что было сделано, однако недостаток средств, инертность публики и идея о том, что засуха бывает не так уж и часто, оставили проблему в полурешенном состоянии⁵. В июле 1864 г. начал свою работу комитет по водоснабжению г. Феодосии⁶, предложивший ряд мер, которые тоже не были полностью реализованы.

Огромную роль в социально-экономическом развитии Крыма сыграла Лозово-Севастопольская железная дорога. Феодосия как конечный пункт железнодорожного сообщения с остальной Россией во многих отношениях была предпочтительнее. Неслучайно в числе первых проектируемых дорог намечалась линия, которая соединила бы центр Черноземной России с Феодосийским портом. Однако изменившиеся реалии в международных делах обусловили потребность в реализации другого жизненно важного проекта для страны, нуждавшейся не только и не столько в крупном центре экс-

портной торговли на полуострове, сколько в мощной военно-морской базе. И выбор пал на еще толком не возродившийся за 20 лет Севастополь. В 1874 г. железнодорожная линия достигла Симферополя, а еще через год пришла на Гераклейский полуостров.

Основной статьей экспорта Крыма, как и всего Юга России, продолжал оставаться зерновой хлеб. Рост экспорта по европейской границе России в 1870 г. стал рекордным во всей второй половине XIX в. Увеличился вывоз зерна по Черному и Азовскому морям. Производство зерна в Крыму сместилось на юг и юго-восток полуострова. С 1870 г., на фоне уменьшения роли Турции как постоянного и крупного торгового партнера Крыма, регулярные рейсы итальянских судов за крымской пшеницей явились свидетельством постепенного установления новых торговых связей. Увеличение спроса европейских рынков на зерно наряду с резким падением цен на шерсть привели к изменению структуры крымского хозяйства: существенно сократилось поголовье овец, пастбища распахивались, увеличивалось количество лошадей и крупного рогатого скота.

Середина 1870-х гг. — непростое время. Острейший политический кризис, едва не приведший к новой войне между Францией и Германией в 1875 г., нанес ущерб и внешней торговле России. Однако в целом конъюнктура рынка 1870-х гг. была благоприятной. Отмена в 1871 г. нейтрализации Черного моря, завершение строительства железной дороги и начавшееся возрождение российского военного флота способствовали социально-экономическому развитию Крыма.

20 лет преобладания фритредерских тенденций в русской внешней торговле после Крымской войны сыграли свою роль. Благодаря упрочению торговых связей с иностранными государствами и умеренным таможенными пошлинами на импорт обороты внешней торговли России за 20 лет выросли по экспорту со 160 до 400 млн, а по импорту со 122 до 478 млн кредитных рублей. Однако отрицательное сальдо во внешней торговле не отвечало интересам государства, поэтому с целью приторможения роста импорта и наполнения казны было решено с 1 января 1877 г. взимать пошлину с привозных товаров в золотой монете по тем же ставкам, что автоматически повысило пошлины в полтора раза¹. Страна нуждалась в деньгах. Предстояла очередная война.

Для крымской привозной торговли и Русско-турецкая война 1877–1878 гг., и повышение пошлин были губительны. Войны и блокада черноморских портов парализовали крымско-турецкую торговлю, а после окончания военных действий весь импорт стал деревянным: дрова, лопаты, метлы, корзины.

Введение в строй железной дороги создало условия для интенсивной колонизации. Учитывая маршрут железнодорожной линии, соотношение экспорта через различные порты полуострова, условия ведения сельского хозяйства в различных частях Крыма, чередование урожайных и неурожайных лет, особенности деятельности местного купечества, внешние экономические и политические условия, общие тенденции развития товарного сельского хозяйства на Юге России и другие фак-

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1158. Л. 23.

² Там же. Л. 29.

³ Там же. Д. 1316. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 7–8.

⁵ Там же. Д. 1246. Л. 1–9.

⁶ Там же. Л. 16.

¹ Сборник сведений по истории и статистике внешней торговли России / под ред. В. И. Покровского. СПб., 1902. С. 32–33.

торы, можно сделать вывод о том, что вялотекущий процесс колонизации Крыма приобрел более или менее поступательный и планомерный характер лишь с проведением Лозово-Севастопольской железной дороги.

§ 4. Крымский полуостров в условиях социально-экономического роста в 1880–1890-е гг.

П. Н. Марциновский

Социально-экономический облик Крымского полуострова в этот период определяли интенсивная колонизация пустующих земель, бурный рост экспортной хлебной торговли, где ведущую роль играл Севастополь, а также рост численности промышленных предприятий. Эти процессы были обусловлены отменой крепостного права, строительством Лозово-Севастопольской железной дороги и благоприятной конъюнктурой европейского хлебного рынка. Сделав поправку на известную инерцию социально-экономических изменений, необходимо иметь в виду, что все три фактора имели для Крыма решающее значение.

Проведение Лозово-Севастопольской железной дороги лишило некоторые экспортные пункты, не обеспеченные железнодорожными путями, части их традиционных сельскохозяйственных районов тяготения. Особенно это касалось Евпатории. Однако уже с 1883 г. колонизация пустующих земель позитивно сказалась на экспорте из Евпаторийского порта. В 1885 г. доля Севастополя в суммарном экспорте зерна через крымские порты составила 59,1%. Спрос на крымский хлеб, дорогой и высококачественный, в Англии, Голландии, Франции, Италии и Швейцарии был столь высок, что мировой аграрный кризис почти не повлиял на деятельность местных экспортеров. В Англию и Францию зерно продавали зачастую по более высоким ценам, чем в Голландию или Италию, хотя это также зависело от объемов и сроков продаж. Турция и Греция, в свою очередь, не являлись потребителями товара высокого качества, да и объемы продаж в эти страны были невелики.

Несколько выросло также и значение крымских портов во внешней торговле России. Так, в 1885 г. по объемам хлебного вывоза из 121 таможни империи Севастопольская таможня занимала 12-е место (7 681 010 пудов), Феодосия — 19-е место (2 402 559 пудов), Керчь — 26-е (1 439 538 пудов), Евпатория — 27-е место (1 157 474 пуда). Однако в России, стране великих концентраций и слабо развитого капитализма, колоссальный разрыв между лидерами и аутсайдерами был нормальным явлением. Так, в том же году из Одесского порта вывезли 75 617 207 пудов хлеба, Николаева — 17 580 667 пудов, Таганрога — 14 937 923 пуда, Бердянска — 10 633 628 пудов¹. Это было связано с выгодным географическим расположением этих городов

¹ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1885 год. СПб., 1886. С. 17–456.

относительно огромных сельскохозяйственных районов и, как следствие, более удобными транспортными коммуникациями и достаточным по количеству и составу ресурсом рабочей силы.

Только с 1882 г. эксплуатация Лозово-Севастопольской дороги начала приносить прибыль (42 тыс. рублей)¹ и лишь с начала 1880-х гг. южное направление движения грузов стало преобладать над северным. Движение хлебных грузов к Севастополю становилось все более интенсивным и в 1885 г. составило две трети от общего количества перевозок. Однако Севастополь, в котором и через 20 лет после окончания Крымской войны было больше развалин, чем домов, превратившись в считанные годы после окончания строительства железной дороги в первоклассный современный европейский город, получил в 1885 г. «геополитический» приговор: состоялось принципиальное решение отделить военный порт от коммерческого и перенести последний из Южной бухты в какую-нибудь другую ближайшую бухту.

Появилась идея использования Стрелецкой бухты, но отсутствие рейда, недостаточность береговой полосы, малое водное пространство и результаты исследования Министерства путей сообщения (трудность сооружения столь длинного туннеля для железной дороги) натолкнули в итоге на решение соединить Феодосию железнодорожной веткой протяженностью в 110 верст с Лозово-Севастопольской дорогой и в конце концов перенести туда коммерческий порт².

Кроме хлеба в 1885 г. из Севастополя было вывезено: 1083 пуда овечьей шерсти, 10 140 телят, баранов и коз и 596 лошадей³. Из Евпатории: 8800 пудов соли, 23 000 пудов льняного семени, 1080 пудов сырых соленых невыделанных кож и 28 821 пуд непряженой немытой шерсти⁴. Из Феодосии: 11 798 пудов льняного семени, 3700 пудов крымской соли, 2631 пуд сырых соленых кож⁵. Из Керчи: 4280 пудов пшеничной муки, 4835 пудов красной икры, 1025 пудов икры всякой, кроме красной, 4628 пудов соленой и копченой рыбы, 137 487 пудов льняного семени, 13 000 пудов масличных, конопляных и сурепных семян, 27 600 пудов выжимок из семян, 7504 пуда сырых кож, 417 пудов шерсти и 14 410 пудов каменного угля⁶.

В 1885 г. Керчь занимала третье место среди портов империи по вывозу красной икры. Опережали Керчь порты Таганрог (100 868 пудов) и Одесса (18 588 пудов). Евпатория расположилась на первом месте по вывозу соли (8800 пудов) по европейской границе, но в целом выглядела скромно, так как основной поток соли (всего из России вывозилось 297 512 пудов) шел через Кавказ в Турцию (186 233 пуда)

¹ *Лепешинский В.* Лозово-Севастопольская железная дорога в коммерческом отношении. Харьков, 1896. С. 32.

² *Кнушевицкий С. А.* Обзор коммерческой деятельности южно-русских портов. Харьков, 1910. С. 117.

³ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1885 год. С. 17–456.

⁴ ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 657. Л. 387–396.

⁵ Там же. Ф. 221. Оп. 1. Д. 584. Л. 13–14.

⁶ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 234. Л. 42.

и Персию. По общему объему торговли среди таможен империи Севастополь занимал 16-е место, Феодосия — 27-е, Керчь — 29-е, Евпатория — 33-е место¹.

Английский торговый флот практически безраздельно господствовал на Черном море. Из 32 708 регистровых тонн судов, покинувших Евпаторию в 1885 г., 74,9% принадлежали Великобритании. Из 31 корабля, снявшегося с якоря в Феодосии, 20 судов — это английские пароходы. Общая грузоподъемность 29 турецких фелук, отпльвших в 1885 г. из Евпатории, составила лишь 1712 регистровых тонн². Средняя грузоподъемность английского, французского или итальянского парохода составляла почти 1000 регистровых тонн, а турецкого парусника — не более 60 регистровых тонн.

Суда, приходившие в крымские порты, фрахтовались чаще всего в Константинополе, Марселе и Лондоне при помощи корабельных маклеров. Экспортеры, работавшие в Крыму, заключали договоры фрахта заблаговременно на всю навигацию, на определенные сроки или на конкретные рейсы. В первых двух случаях это происходило перед открытием навигации, а в условиях усиленного спроса на какой-либо товар, особенно в продолжение летних месяцев, поиски судов превращались в лихорадку. Срочных рейсов не существовало, однако пароходы Российского общества пароходства и торговли (РОПиТ), которые осуществляли срочные рейсы между Одессой, крымскими и кавказскими портами, принимали грузы для отправки через Севастополь или Одессу в иностранные черноморские порты и до Константинополя. Плату за такие услуги РОПиТ взимало по своим тарифам. Для совершения рейса до Лондона требовалось примерно 60–70 дней для парусного судна и 18–22 дня для парохода, до Марселя — 20–35 дней для парусника и 7–10 дней для парохода, до Константинополя — 4–10 дней и 2–3 дня соответственно³. Страховые сделки совершались при посредничестве агентов страховых обществ, причем независимо от пункта назначения судна страхование производилось лишь до Константинополя, а затем дальнейшие страховые действия осуществлялись местными страховыми агентствами.

Внешнюю торговлю зерном контролировали в Крыму несколько крупных фирм, ориентированных на цены одесской биржи: «Луи Дрейфус и К°», «Братья Дрейфус» (Париж), «Нейфельд» (Берлин), К. Радоконаки (агент фирмы Зиберхайма в Берлине), Абанопуло, Дуранте и Радоконаки (Одесса). Первые четыре вели торговлю с Англией, Францией и Германией, а Абанопуло и Дуранте — с Турцией и Грецией. Значительная часть зерна отправлялась в Швейцарию и Италию, а поскольку в этом случае требовалась пшеница только высшего качества, экспортерам, работавшим через Севастополь, приходилось отбирать и очищать зерно на месте закупок, так как в Севастополе для таких работ просто не было места. В других портах практически весь хлеб, за исключением партий, поставленных крупными поместьями и из немецких колоний и не нуждавшихся в очистке, готовился

и очищался на территории порта. В непосредственный контакт с производителями вступали агенты фирм, состоявшие на службе с определенным жалованьем, но чаще закупка производилась мелкими скупщиками. Это были или постоянные партнеры фирм, работавшие за определенный процент, или же лица, ведущие дело самостоятельно и перепродающие скупленный хлеб агентам фирм. Зачастую между этими скупщиками и производителями находился еще класс деревенских торговцев и кулаков, ссужавших крестьян товаром и деньгами, а получавших по ссудам не деньгами, а хлебом. Таким образом, хлеб проходил нередко через одного, двух, а то и трех посредников. Хлеб мелкого производителя, если не удавалось просто снизить цену, попадал в целую систему обмеривания, обвешивания и т. д. В итоге крестьяне, являясь главными поставщиками сбываемого за границу зерна, оказывались всецело в руках посредников.

В более благоприятных условиях находились крупные землевладельцы, имевшие возможность длительный срок сохранять зерно, продавая его затем в лучшее время большими партиями и непосредственно главным агентам фирм. Впрочем, и здесь немалые возможности для спекуляций порождало отсутствие классификации зерна, что вкупе с обилием посредников свидетельствовало о чудовищной недоразвитости русского аграрного рынка.

Самой серьезной проблемой Севастополя оставалась теснота коммерческого порта. В 1883 г. была даже создана комиссия, состоявшая из представителей города, экспортеров, судовладельцев и представителей Лозово-Севастопольской железной дороги, которая приняла решение ходатайствовать о расширении территории порта. Однако уже в 1886 г. начались правительственные изыскания для переноса коммерческого порта из Южной бухты в одну из других севастопольских бухт.

Деятельность Евпаторийского порта, однако, вызывала серьезное беспокойство у начальника Южного таможенного округа, особенно в связи со скромными поступлениями от сбора таможенных пошлин, и 23 декабря 1886 г. он затребовал отчет от управляющего Евпаторийской таможней Т. Н. Чуле, который 10 января 1887 г. представил развернутый анализ наиболее важных, на его взгляд, причин столь слабых результатов работы порта. Среди этих причин: во-первых, тяжелые почвенные условия сельскохозяйственного района, прилегающего к Евпатории; во-вторых, незащищенность Евпаторийского рейда, что зачастую парализует работу порта в зимнее время; в-третьих, несоответствие этносоциальной базы уезда и города потребностям любого хорошо организованного производства и торговли, алчность и недобросовестность экспедиторов и комиссионеров, отсутствие технической базы и специалистов для обслуживания и ремонта иностранных судов — все это отпугивало иностранцев, снижало деловую активность местного купечества и, как следствие, снижало показатели деятельности таможни: «...доход же казны все не выступает из тех убогих размеров, которыми он характеризовался в 1791 году»¹. Сетовал управляющий также на громоздкость и запутанность имперских таможенных правил, которые, естественно, не стимулировали рост внешней торговли.

¹ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1885 год. С. 17–456.

² ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 651. Л. 41.

³ Там же. Ф. 359. Оп. 1. Д. 234. Л. 135.

¹ ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 678. Л. 5.

В 1891 г. страну постиг крупнейший неурожай, следствием которого стал голод. И хотя в Крыму и в районе Лозово-Севастопольской железной дороги удар неурожая не был столь ощутимым, как по всей остальной России, последствия его для экспорта сельскохозяйственной продукции стали катастрофическими. Рост экспортных цен на хлеб, вызванный то ли окончанием мирового аграрного кризиса, то ли нехваткой русского зерна на европейском рынке, лихорадочные поиски товаров, которые могли бы заменить хлеб в экспорте, махинации на хлебном рынке, словом, полная его дезорганизация стали характерными явлениями 1891 г.

В 1890 г. во изменение предыдущего решения было определено передать не только Южную бухту, но и весь Севастопольский рейд в исключительное распоряжение морского ведомства и перенести Севастопольский коммерческий порт в Феодосию. Однако вскоре решено было оставить порт в Севастополе до 1 сентября 1895 г.¹ Последним годом бесспорного преобладания Севастополя как экспортного пункта в Крыму стал 1894 г.

Внешняя торговля возродила Севастополь, и данные, приведенные Севастопольской городской думой в специальном исследовании, лишь подтверждают это, несмотря на то что и к 1894 г. численность населения города не достигла уровня довоенного 1853 г.

Таблица 4

**Социально-экономические показатели Севастополя
(конец 1860-х — 1894 г.)²**

	Конец 1860-х гг.	1875 г.	1889 г.	1894 г.
Население (без войск), чел.	8300	11 000	25 200	30 500
Жилые строения, ед.	1144	1850	3700	4200
Городские доходы, руб.	13 000	46 000	309 000	416 000
Фабрики и заводы, ед.	4	4	33	27
Рабочие на них, чел.	308	840	1798	1362
Годовой оборот промышленности, руб.	209 000	704 000	4 068 000	2 860 000
Обороты порта, руб.	1 366 000	2 810 000	44 709 000	43 350 000
Обороты банков: Государственного, Городского и Взаимного кредита, руб.	200 000	7 623 000	88 800 000	91 000 000

В 1895 г. окончательная передача Севастопольского рейда морскому ведомству вновь была отсрочена. На этот раз до 1 сентября 1899 г. При этом оговаривалось, что западная часть Южной бухты будет открыта для нужд местного торгового судоходства. Таким образом, с конца 1899 г. Севастополь должен был стать, с точки

зрения торговли, исключительно каботажным портом, что впоследствии и произошло. В 1895 г. состоялось открытие Феодосийского торгового порта как экспортного пункта общегосударственного значения, соединенного веткой Джанкой — Феодосия с Лозово-Севастопольской железной дорогой еще в 1892 г. Процесс перераспределения грузопотока от Севастополя в пользу Феодосии и других портов Северного Причерноморья интенсифицировался и был завершён уже к 1897 г., когда Севастополь окончательно утратил значение как экспортный пункт.

В течение 1892–1895 гг. более чем вдвое увеличились объемы экспорта зерна из Евпатории. Несмотря на то что железная дорога до Евпатории была построена только в 1914 г., это стало результатом завершившейся к концу 1880-х гг. колонизации пустующих земель и практически полной распашки угодий, подходящих для производства зерна.

Объемы импорта по-прежнему были невелики, если не считать транзитных товаров, среди которых особое место в этот период занимал хлопок. В 1881 г. основными поставщиками хлопка в Россию были: 1) Бельгия — 2 249 172 пуда на сумму 21 892 980 рублей; 2) Южная Америка — 1 383 689 пудов на 14 066 165 рублей; 3) Турция — 1 332 158 пудов на 13 989 422 рубля; 4) США — 1 227 206 пудов на 12 342 175 рублей. К 1884 г. Севастополь занимал по импорту хлопка второе после Ревеля (2 631 785 пудов) место в России. В том же году США, Великобритания и Германия вытеснили своих конкурентов с русского рынка хлопка, заняв преобладающее положение. В этой связи, а также под влиянием таможенного обложения и особенностей самого порта уже в следующем году Севастополь опустился на четвертое место, уступив на юге Одессе (1 269 918 пудов) и Александровску (759 119 пудов). Вскоре хлопок занял довольно скромное место в ряду товаров, импортировавшихся через Севастополь, на что повлияли также политика правительства по стимулированию производства хлопка в Средней Азии и связанная с этим география размещения хлопкопотребляющих производств¹.

Существовали четыре канала, по которым в крымские таможни доставлялся товар для очистки пошлиной: на судах, приходивших непосредственно в порты; транзитом через Одессу на пароходах РОПит; в качестве багажа при пассажирах и, наконец, по почте. Импорт в основном носил бытовой характер, однако были и исключения. Так, в 1884 г. через Евпаторийский порт привезли машину для выработки соли и соды стоимостью 8000 рублей и весом в 1057 пудов и железные котлы также для выварки соли и соды в 370 пудов на 2800 рублей². В конце 1880-х гг. обеспечение каменным углем Крыма из азовских портов оказалось недостаточным. Это стимулировало спрос на дрова, которые привозили турки. Впрочем, к середине 1890-х гг. спрос на турецкие дрова снова снизился, поскольку этот товар стало выгодно получать с Кавказа. Из Турции доставлялись также небольшие деревянные лодки и парусники, которые использовали в Крыму и торговцы, и рыбаки, и контрабандисты. Так, в Евпаторию в 1889 г. было доставлено три судна классом не более

¹ Кнушевицкий С. А. Обзор коммерческой деятельности южно-русских портов. С. 118.

² Лепешинский В. Лозово-Севастопольская железная дорога в коммерческом отношении. С. 30.

¹ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 384.

² ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 645. Л. 35–37.

100 т на сумму 7080 рублей и 81 пуд рыболовной сети на 1340 рублей¹. Среди турецких портов, ведших торговлю с Крымом, выделялись: Константинополь, Синоп, Кипрос, Самсун, Инеболу, Парфени и некоторые другие.

Как следствие общих инфраструктурных процессов, в 1880-е гг. на полуострове интенсивно развивалась промышленность, открывались новые фабрики и заводы. Именно так эти предприятия описаны в документах того времени. Однако многие из них были настолько мелкими, что звучит это сегодня несколько странно. В Евпатории, например, к 1891 г. имелись две фабрики минеральных вод, принадлежавшие мещанам И. Я. Варшавскому и А. Х. Коржову, в которых трудились по одному рабочему. Кирпичный завод Ф. Прохорова обходился тремя рабочими, мыловаренный И. Аронова — двумя. На паровой мукомольной мельнице купца Е. Марзуванова работали четыре человека, из которых трое были сезонными. В Евпаторийском уезде имелись два кирпично-черепичных завода — мещанина С. Котлярова с 10 рабочими и поселянина Г. Сайбея с восемью.

На каждом из пяти рыбных заводов трудились от 15 до 20 человек посменно, продолжительность их рабочего дня зависела от количества поступающей рыбы. Рыбную промышленность Евпаторийского уезда делили между собой купцы Иван Демерджи и Митрофан Васильев, которым принадлежало по два завода, а также купец Михаил Пашуров. Рабочий день длился чаще всего 10 часов, иногда девять и даже восемь. В Перекопском уезде имелись 12 кирпично-черепичных заводов и одна лимонадная фабрика. 10–15 рабочих этих предприятий трудились до 12 часов в сутки².

В Симферополе к началу 1890-х гг. находилось 21 предприятие, из которых относительно крупными можно считать лишь две конфетные, две табачные фабрики и чугуно-литейный завод, который к тому же функционировал не вполне законно (см. таблицу 5).

Еще 24 мелких предприятия располагались в Симферопольском уезде. Среди них 17 кирпично-черепичных заводов, три паровые мельницы, по два известковых и горшечных завода. В Карасубазаре работали четыре табачные фабрики, фабрика по производству ваты, два кожевенных, четыре свечно-мыловаренных, четыре кирпично-черепичных, три сыромятных, два сафьянных завода и два заведения по выделке искусственных минеральных вод.

В Феодосии, Старом Крыму и Феодосийском уезде насчитывалось 23 предприятия, из которых 11 кирпично-черепичных заводов, где трудились от трех до 40 человек, четыре известковых с численностью рабочих от трех до 38, три небольших заведения искусственных минеральных вод и фабрика табака и папирос феодосийского купца 2-й гильдии Егора Чемберджи. Наиболее крупными предприятиями были фабрика табака и папирос феодосийского купца 2-й гильдии Вениамина Стамболи с 60 рабочими и два рыбных завода, где трудились 45 и 55 рабочих. Рабочий день на этих предприятиях составлял от 9 до 12 часов или был ненормиро-

ванным. С разрешительными документами порядок тоже был далеко не у всех. Большинство предприятий начали свою деятельность в 1880-е гг., за исключением табачных фабрик В. Стамболи, основанной в 1861 г., и Е. Чемберджи, получившим разрешение в 1875 г.

Керчь-Еникальское градоначальство располагало 19 предприятиями, в том числе: цементный завод, два чугуно-литейных механических завода, шесть паровых мельниц, три фабрики по выделке лимонада и искусственных минеральных вод, две табачные фабрики, мыльный и свечной завод, кишечный завод, два кожевенных завода и макаронная фабрика.

В Ялте и уезде имелось всего девять фабрик и заводов: два газовых, столярный, экипажный, минеральных вод, две фотографии и типография, а также завод электрического освещения и выделки льда, открытый в 1890 г. в Гурзуфе тайным советником П. И. Губониным¹.

В Севастопольском градоначальстве действовало 39 промышленных предприятий, среди которых крупнейшими были судостроительно-механический завод и паровая мельница, выработавшие в 1891 г. продукции на 1 423 531 рубль и 1 868 621 рубль соответственно. В течение 1890 г. были закрыты: чугунолитейный завод, фабрика шипучих напитков, кирпично-черепичный завод, винный и пивной склад. Однако начали работу и новые предприятия: табачная фабрика, восемь рыбных заводов, две печи для выжигания извести².

Причины существенного увеличения количества предприятий по производству строительных материалов очевидны. Экономический рост сопровождался интенсивным строительством как частных, так и казенных зданий и сооружений. Помимо казенных зданий, содержавшихся, естественно, за счет государства, немалые деньги выделялись на содержание и ремонт Ханского дворца в Бахчисарае. Так, в 1885 г. на это было истрачено 2626 рублей 30 копеек³. Строительное отделение губернского правления осуществляло также «техническо-полицейский» надзор за сооружением любых построек. В 1885 г. было рассмотрено и утверждено технических смет на 549 583 рубля, среди которых 10 проектов православных церквей, молитвенных домов и часовен, четыре проекта синагог, мечетей и иных культовых сооружений, а также девять заводских зданий⁴.

Восстанавливалось разрушенное войной садоводство. В его развитие большой вклад внес Симферопольский отдел Российского общества садоводства, объединивший в 1883 г. наиболее крупных садоводов предгорного и горного Крыма. По его инициативе неподалеку от Симферополя были созданы несколько садовых питомников, снабжавших саженцами весь Крым, открыта школа садовников, издавался журнал для крымских садоводов, организована первая на Юге России помологическая станция. В условиях, когда Никитский сад во второй половине XIX в.

¹ ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 723. Л. 230–251.

² Там же. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2101. Л. 25–28.

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2101. Л. 67.

² АГС. Ф. 15. Оп. 1. Д. 6. Л. 2.

³ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 1749. Л. 1.

⁴ Там же. Л. 2.

Таблица 5

Фабрики и заводы Симферополя в 1891 г.¹

№ п/п	Название	Собственник	Количество рабочих, чел.	Рабочий день, час.
1	Лимонадная фабрика	Турецкоподданный Махтин Минасов	2	8
2	Лимонадная фабрика	Турецкоподданный Христофор Миссиров	2	8
3	Консервная фабрика (паровая)	Московский купец Федор Константинов	10	8
4	Конфетная фабрика	Товарищество коммерции советника А. И. Абрикосова сыновей	70	10 (посменно)
5	Конфетная фабрика	Товарищество Эйнем	45	12 (посменно)
6	Табачная фабрика	Симферопольская купчиха Анна Ильинична Шишманова	25	8,5
7	Табачная фабрика	Симферопольские купцы Абрам Ачкинази и Давид Гофлин	62	8,5
8	Епархиальный свечной завод	–	17	8
9	Чугунно-литейный механический завод	Симферопольский купец Хазарос Тусунов	21	8
10	Свечной завод	Яков Эйнок	2	8
11	Мыловаренный и свечной завод	Симферопольский купец Бедрос Хочедуров Варганов	3	12
12	Пивоваренный завод	Симферопольский купец Самуил Хаимович Вайсборд	5	12
13	Струнный завод	Симферопольский купец Франц Игнатъевич Лерих	5	10
14	Кишечный завод	Мещанин Федор Богданович Нейзбауер	4	С 5 утра до 8 вечера с отдыхом
15	Колбасный завод	Мещанин Игнат Иванович Зальцкебер	2	8
16	Пивоваренный завод	Мещанин Матвей Леонардович Альмендингер и купец Фердинанд Гамм	5	8
17	Заведение искусственных минеральных вод и фабрика сифонных головок	Мещанин Абрам Рафаилович Кудашевич	4	10
18	Заведение искусственных минеральных вод	Мещанин Моисей Лейбович Коссовский	3	10
19	Водяная и паровая мельница	Наследники жены действительного статского советника Карла Станиславовича Таргонского	9	12
20	Паровая мельница	Жена одесского купца Сарра Гранат	12	12
21	Бойня свиней	Вдова купца Елизавета Попс	5	Определенного времени для рабочих не установлено

Общежитие	Наличие разрешения
Нет	Нет
Нет	Нет
Отдельное помещение на 12 человек	Разрешение Таврического губернского правления находится у купца в г. Москве
Нет	Разрешение губернского правления было, но за давностью времени утрачено. Проект на постройку фабрики рассмотрен и утвержден 3 октября 1880 г.
Отдельное помещение на 11 человек	Разрешение губернского правления было, но за давностью времени утрачено. Проект на постройку фабрики рассмотрен и утвержден в 1884 г.
Нет	Разрешение имелось, но за давностью времени утрачено
Нет	То же
Отдельное помещение по числу рабочих	Разрешение Святейшего Синода
Нет	Дело о незаконном открытии Тусуновым этого завода находится в Таврическом губернском правлении
Нет	Нет
Нет	Завод существует с 1832 г., но разрешения на открытие не имеется
Помещение на 8 человек	Разрешения не имеется, хотя завод существует издавна
Помещение по числу рабочих	Разрешение имелось, но за давностью времени утрачено
Двое при заводе и живут в квартире хозяина, и двое в собственных квартирах	То же
Помещение в доме владельца завода	То же
При заводе отдельное помещение	То же
Нет	То же
Нет	То же
Нет	То же
Нет	То же
Помещение по числу рабочих	Имеется разрешение Таврического губернского правления от 2 ноября 1890 г. за № 3539

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2101. Л. 17–22.

ослабил внимание к практической работе, занявшись подготовкой садоводов, деятельность указанного общества в значительной мере способствовала развитию плодородства в Крыму. К 1887 г. площадь садов выросла до 5 тыс. десятин. Более 80% садов принадлежало крестьянам. Однако наиболее крупные и прибыльные садоводческие хозяйства находились в руках помещиков. Если в 1875 г. из Крыма было вывезено 14,5 тыс. пудов свежих фруктов, то в последующие годы этот вывоз достигал 100 тыс. пудов.

После кончины князя С. М. Воронцова в 1882 г. крупнейшие винодельческие имения и торговая фирма Воронцовых пришли в упадок, и лишь в конце 1880-х гг. по совету князя Л. С. Голицына казна в лице Удельного ведомства указом императора Александра III выкупила эти имения. В 1891 г. Л. С. Голицын стал главой всего казенного виноградарства и виноделия в России. Его имя приобрело широкую известность и в России, и в Европе, вина из его судакских имений завоевали золотые медали в Москве в 1882 г., в Харькове в 1886 г. На Всемирной выставке в Париже в 1889 г. золотые награды уже получили не только голицынские вина, но и сам князь: будучи избранным вице-председателем экспертного комитета, он был награжден правительством Франции орденом Почетного легиона и провозглашен «королем экспертов» за беспрецедентные знания в области виноделия. Однако для большей части крымских вин европейские рынки были закрыты. Продукция садоводства, виноградарства и виноделия почти целиком потреблялась на внутреннем рынке¹.

В 1890 г. была предпринята попытка телефонизации Крыма. Спустя почти 10 лет после первых телефонных звонков в столице потребность в телефонном общении у правительственных и общественных учреждений, а также частных лиц в Таврической губернии обнаружил начальник Симферопольской почтово-телеграфной конторы. Для того чтобы удовлетворить эту потребность, на первых порах было необходимо наличие не менее 50 абонентов, а условия подключения были таковы: абонентская плата составляла не менее 150 рублей в год за один аппарат, если он находится на расстоянии не более трех верст от центральной станции, и по 25 рублей за версту свыше этого². Даже у чиновников телефонизация не вызвала энтузиазма, несмотря на то что нововведение не требовало их личных затрат. Так, председатель Симферопольского окружного суда писал, что для «окружного суда не имеется никакой надобности пользоваться телефонным сообщением»³, а директор симферопольской гимназии докладывал, «что в гимназии телефон не может иметь почти никакого практического применения, ввиду редких, не требующих обязательно быть писанными на официальной бумаге сношений с учреждениями и частными лицами; служащим в гимназии часто приходится объясняться с родителями учеников, но трудно допустить, чтобы даже половина родителей абонировалась на пользование телефоном, почему гимназия не находит возможность подписаться

на телефон»¹. Не увидели надобности в пользовании телефоном и в Управлении государственными имуществами.

Цена была впечатляющей, поэтому среди первых желающих обзавестись модной игрушкой фигурируют крупные землевладельцы Г. Л. Куликовский, А. И. Фальц-Фейн² и два купца из г. Бердянска, а в Симферополе изъявили желание стать абонентами только губернская земская управа, братья Розенштейн и купец М. С. Спиро³.

Период экономического роста завершил эпоху развития крымского хозяйства вширь. Именно тогда началась и завершилась колонизация полуострова, были распаханы практически все пригодные для выращивания хлеба земли, проведены важнейшие транспортные коммуникации, положено начало развитию местной промышленности. Крым окончательно стал составляющей общероссийского рынка, важным экспортным зерновым районом страны. Особую роль, безусловно, играл Севастополь став благодаря железнодорожному сообщению экспортным пунктом общегосударственного значения. Экспортная торговля, в свою очередь, наряду с процессом возрождения Черноморского флота, возродила и сам город, передавший к концу XIX в. торговую эстафету Феодосии и окончательно облачившийся в военно-морской мундир.

§ 5. Русская Ривьера. Создание сети курортов и лечебных учреждений

П. Н. Марциновский, А. В. Мальгин, А. Д. Попов

Во второй половине XIX в. достаточно заметным и важным для всей России становится процесс демократизации Крымского полуострова как курортной местности. На это повлиял ряд обстоятельств внешнего и внутреннего характера: последствия Крымской войны, время великих реформ, развитие инфраструктуры и транспортной доступности, экономический рост как в стране в целом, так и на Юге России в связи с благоприятной конъюнктурой хлебного рынка, новые веяния и тенденции в медицине, наконец, просто мода на южный отдых.

Однако поначалу для таких поездок нужна была весома причина, а что может быть важнее, чем необходимость позаботиться о собственном здоровье там, где уже с начала XIX в. в той или иной степени активно использовались природно-климатические факторы (солнечный свет, морские воздух и вода, лечебные грязи, рапа, минеральные воды) в качестве эффективного метода лечения широкого круга заболеваний? В этой связи возникают два ведущих рекреационных региона: Западный, имевший поначалу ревматический профиль, и Южнобережный, прекрасно подходящий для лечения легочных заболеваний.

¹ Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 376.

² ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2006. Л. 1.

³ Там же. Л. 9.

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 2006. Л. 15.

² Там же. Д. 1959. Л. 1–11.

³ Там же. Д. 2006. Л. 35.

Царская семья всегда любила Крым, но не было и не могло быть лучшей рекламы целебных свойств полуострова, чем приобретение в 1860 г. у наследников графа Л. С. Потоцкого имения Ливадия для лечения страдающей от болезни легких императрицы Марии Александровны, которой врачи порекомендовали почаще посещать Южный берег Крыма.

Регулярные приезды в Крым императорской семьи определяли стиль жизни бурно развивающегося российского курорта. Прибытие царской четы на летний отдых торжественно обставлялось и превращалось в настоящий многолюдный праздник с поднесением хлеба-соли от местного населения и народным ликованием. В красочно убранной флагами и цветочными гирляндами Ялте августейших особ встречали почетные воинские караулы, хоры и оркестры. Время отдыха было в известной мере отдыхом и от придворного этикета. Царя и членов его семьи можно было встретить на прогулках в окрестностях Ялты и горах. Александр II устраивал в Ливадии народные праздники с соревнованиями наездников, лазаньем по гладко отшлифованному шесту, различными играми и аттракционами. Победителей щедро награждали, а всех участников приглашали к угощению.

Первыми «организованными туристами», посетившими Ливадию, стали американцы, а их «гидом» по своему дворцу был сам император России Александр II. Хронике этих знаменательных событий оставили нам два активных их участника: с американской стороны — молодой Сэмюэл Лэнгхорн Клеменс, более известный миру под псевдонимом Марк Твен, а с русской — историк и исследователь Крыма, общественный деятель В. Х. Кондараци.

Летом 1867 г. американский пароход новейшей конструкции «Квакер-Сити» с группой туристов на борту направился к берегам Старого Света. В программе турне было посещение Франции, Италии, Греции, святых мест в Палестине, городов Черноморского побережья России, большой интерес к которой можно было объяснить активизацией русско-американского сотрудничества.

Душой собравшейся компании американцев стал корреспондент газет «Альта Калифорния» и «Нью-Йорк трибюн» Марк Твен, который должен был посылать в редакцию репортажи о самом интересном в этом необычном путешествии. Яркие впечатления от поездки М. Твен впоследствии обобщил в известном очерке «Простаки за границей», полном тонких наблюдений, искрящихся юмором, хотя, может быть, кое-где и немного грубоватым, и в другом своем произведении — «Из Записных книжек». Глава 10 «Простаков...» полностью посвящена посещению американцами Ливадии и Ореанды и встрече с русским императором Александром II и императрицей, их дочерью великой княжной Марией, братом царя великим князем Михаилом, другими членами царской семьи и высокопоставленными сановниками.

Узнав о том, что в Севастополь прибыл корабль Соединенных Штатов с туристами на борту, император пожелал с ними встретиться в своем южнобережном имении, о чем тут же было сообщено американскому консулу в Одессу.

25 августа 1867 г. «Квакер-Сити» направился в Ялту. Столь неожиданный поворот событий взволновал путешественников: они почувствовали себя участниками необычной миссии, представляя могущественному монарху дружественный на-

род Америки. Срочно было решено написать приветственный адрес и вручить его императору. Автором «Адреса» американских туристов, напечатанного в «Одесском вестнике» 24 августа 1867 г., был Марк Твен:

Ваше императорское величество!

Мы, горсточка частных граждан Америки, путешествующих единственно ради собственного удовольствия, скромно, как приличествует людям, не занимающим никакого официального положения, и потому ничто не оправдывает нашего появления перед лицом вашего величества, кроме желания лично выразить признательность властителю государства, которое, по свидетельству доброжелателей и недругов, всегда было верным другом нашего любимого отечества.

Мы не осмелились бы сделать подобного шага, если бы не были уверены, что выраженные нами слова и вызывающие их чувства только слабый отголосок мыслей и чувств всех наших соотечественников — от зеленых холмов Новой Англии до далеких берегов Тихого океана. Нас немного числом, но наш голос — голос нации в целом!

Одна из ярчайших страниц, украсивших историю всего человечества с той поры, как люди пишут ее, была начертана рукою вашего императорского величества, когда эта рука расторгала узы двадцати миллионов рабов. Американцы особо ценят возможность чествовать государя, совершившего столь великое дело. Мы воспользовались преподанным нам уроком и в настоящее время представляем нацию столь же свободную в действительности, какою она была прежде только по имени. Америка многим обязана России, она состоит должником России во многих отношениях, и в особенности за неизменную дружбу в годы ее великих испытаний. С упованием молим Бога, чтобы эта дружба продолжалась и на будущие времена. Ни на минуту не сомневаемся, что благодарность России и ее государю живет и будет жить в сердцах американцев. Только безумный может предположить, что Америка когда-либо нарушит верность этой дружбе предумышленно несправедливым словом или поступком.

Сэм Л. Клеменс, председатель,
Д. Крокер, А. Сэндфорд, полк. Кинни,
Уильям Гибсон — члены комитета.

От имени пассажиров американского парохода
«Квакер-Сити» капитан К. К. Дункан.

Ялта, Россия, 25 августа 1867 г.

Император прислал экипажи и, самолично выслушав адрес, сказал: «Спасибо вам, большое спасибо!» Путешественники, всего 55 человек, получили приглашение посетить дворцы царской семьи. «Каждому было ясно, что нам дают понять, сколь искренни дружеские чувства России к Америке, если даже частных лиц удостоивают такого любезного приема». С жадным интересом будущий великий писатель вглядывался в русского императора, его окружение. Внешний облик, манера поведения, доброжелательность и искренность хозяев поразили его. Об Александре II он записал: «Он выглядит много величественнее императора Наполеона и во сто раз величественнее турецкого султана».

Неожиданным для американцев оказалось и то, что российский император и члены его семьи с видимым удовольствием сами показывали гостям дворцы и парки в своих имениях. Великий князь Михаил пригласил гостей на завтрак. М. Твен был восхищен Ливадией и Ореандой, отдавая должное изысканному вкусу как самих хозяев, так и создателей этих прекрасных дворцово-парковых ансамблей.

В Ялте, насчитывавшей тогда не более 1,5 тыс. жителей, еще не было собственного городского управления. Оно осуществлялось из губернского центра — Симферополя. Поэтому переговоры о прибытии «Квакер-Сити» в ялтинский порт прошли мимо предводителя дворянства, которого тогда замещал В. Х. Кондараки, и появление американского корабля для жителей города оказалось полной неожиданностью. Однако, несмотря на внезапность появления, американцы были встречены с радостью.

Вот как описывает это В. Х. Кондараки: «Лишь только народ осведомился, кто были эти гости, как толпы начали стекаться на пристань. По обязанности я не замедлил явиться и разрешить свободное посещение города... Как единственный чиновник, вышедший к ним навстречу, но не уполномоченный никем приветствовать их, я воздержался от звучных фраз, но дал понять капитану и пассажирам, что они встретят в каждом доме радушие и гостеприимство». Туристы засыпали его вопросами «об образе жизни августейшей семьи, о народонаселении, климате и производительной промышленности. К вечеру они возвратились обратно на судно и долго освещали рейд бенгальскими огнями»¹. В. Х. Кондараки свидетельствует также, что Александр II «соблаговолил выйти к ним навстречу и поздравить с приездом. Этого мало! Монарх лично повел их по ближайшим аллеям, обращая внимание на наиболее интересные растения и предметы. Такое внимание монарха очаровало американцев, не смеявших, разумеется, ожидать от царя такой чистосердечной расположенности к частным лицам».

И далее: «16 августа ко мне прибыл один из служащих «Квакер-Сити» с судовыми документами и заявлением, что они отходят от Ялты. Судя по его рассказу, все туристы довольны посещением Крыма и намерены устроить маленькую демонстрацию представителю края, если он посетит их пароход».

Действительно, в этот же день перед заходом солнца губернатор П. Е. Коцебу со всем своим семейством поехал к американцам. Как только он начал приближаться к пароходу, наши заокеанские друзья начали салютовать ему пушечными выстрелами и приняли на палубу с такими почестями, какие обыкновенно не приняты у путешественников. Затем их угощали, благодарили, пили за здоровье государя и благоденствие русского народа.

С наступлением вечера наши гости осветились на прощание бенгальскими огнями и, путив несколько ракет, снялись с якоря. Против Ливадии судно выпустило пар и начало салютовать императорскому дворцу и, осветившись разноцветными огнями, продолжило свой путь».

¹ Кондараки В. Х. Жизнь императора Александра II на Южном берегу Крыма // Русская старина. 1915. № 8. С. 251–278.

А вот выдержка из «Записных книжек» М. Твена об этом же событии: «На набережной расстелили ковры, и к нам на пароход прибыл генерал-губернатор со своим семейством. Мы салютовали ему девятью пушечными выстрелами. Бал с шампанским...»

Вчера вечером отплыли в Константинополь — салют, фейерверк. Прелестная маленькая плутовка, с которой я отплясывал на балу этот фантастический русский танец, не выходит у меня из головы. Ах, почему я не знаю русского языка!»

Благодаря превращению Ливадии в летнюю царскую резиденцию, в Ялте построена телеграфная станция, по личному указанию Александра II расширена городская территория, проведена работа по городскому благоустройству, построены новые дороги. При Александре III был сооружен новый ялтинский мол, проведены водопровод и канализация, устроено освещение улиц, город начал «расти с невероятной быстротой. Дома и дачи, одна другой красивее и удобнее, вырастали как грибы. Народонаселение вскоре утроилось. Образовались улицы с тротуарами, с фонарями, устроился водопровод»¹.

Пример императрицы оказался заразительным. На Крымский полуостров «хлынула больная, преимущественно больная легкими, Россия, огромная Россия, которая имеет единственное убежище для своих легочных больных, только узкую полоску... от Ласпи и мыса Айя до Алушты»². Среди тех, кто прибывал в Крым по медицинским показаниям, были известные представители отечественной литературы (В. Брюсов, И. Бунин, В. Вересаев, В. Короленко, А. Куприн, С. Надсон, А. Чехов и др.), которые искренне полюбили этот край и находили здесь постоянный источник творческого вдохновения, а их произведения способствовали популяризации поездок к Черному морю.

Демократизация Ялты как курорта проявлялась в том, что к концу XIX в. город посещали уже не только августейшие особы и аристократия, но и достаточно много предпринимателей, обеспеченной интеллигенции, организованных групп учащихся. По свидетельству одного из современников, «вместе с приливом среднего обывателя, и теперь уже не теряющегося в пышной толпе богатой аристократии и денежной буржуазии, Ялте, несомненно, предстоит в ближайшем будущем «опроститься», поумерив свои аппетиты и позабыв понемногу о баснословных ценах, к которым так привык ялтинец за свои всякие, даже самые маленькие, услуги»³.

Практическое использование лечебно-рекреационных ресурсов Южного берега Крыма было связано с деятельностью целой плеяды местных врачей: В. Н. Дмитриева, Ф. Д. Вебера, В. Н. Корсакова, И. Ф. Лебедева, Ф. Т. Штангеева и др., их авторству также принадлежат первые научные труды на эту тему. Все они вели частную практику, в том числе популяризируя новые направления лечения и оздоровления: воздушные и солнечные ванны, пешеходные прогулки (терренкур), лечение вином и виноградом (ампелотерапия), а также кумысом и кефиром. К началу XX в.

¹ Ялта и ее ближайшие окрестности. Справочная книжка. Ялта, 1897. С. 24.

² Безчинский А. Путеводитель по Крыму. М., 1902. С. 243.

³ Москвич Г. Ялта в 1904 г. Иллюстрированный практический путеводитель. Одесса, 1904. С. 34.

в Ялте и ее окрестностях появились первые здравницы в современном понимании этого слова, где пациенты постоянно находились под наблюдением медицинского персонала и регулярно получали различные лечебно-оздоровительные процедуры. В 1900 г. Ялтинское благотворительное общество открыло «санаторию-пансион» «Яузлар» на 40 комнат, а ялтинский врач И. Ф. Лебедев основал частную «санаторию» «Гастрия». В 1901 г. в Массандре была открыта на благотворительных началах «Санатория им. императора Александра III» для больных чахоткой. В дореволюционный период существовала традиция проведения Дня белого цветка, который был направлен на сбор средств для помощи малоимущим больным туберкулезом и приобрел всероссийское значение, в том числе благодаря активному участию в его организации представителей императорской династии Романовых. К 1913 г. в Ялте действовало семь общественных и четыре частных «санаторий», причем стоимость лечения в последних составляла до 300 рублей¹.

Одновременно с увеличением числа приезжих постоянно увеличивалось предложение услуг объектов размещения. К началу Первой мировой войны в Ялте действовали девять гостиниц первого разряда («Россия», «Вилла Елена», «Мариино», «Франция», «Санкт-Петербургская», «Джалита», «Ореанда», «Метрополь», «Центральная») с 650 номерами и семь второразрядных отелей («Ялта», «Гранд-отель», «Лондон», «Бристоль», «Морская», «Венеция», «Новый парк») с 250 номерами. Широко распространение получила система частных пансионов, где сдавались комнаты помесячно и посезонно с питанием и прислугой. Многократно возросло число сдающихся внаем «меблированных комнат» с питанием и без него. По официальной статистике, в 1908 г. в Ялте были зарегистрированы более 24,6 тыс. приезжих, в 1909 г. — 31,3 тыс., в 1910 г. — 34,4 тыс., в 1911 г. — 34,8 тыс., в 1912 г. — 35,5 тыс. и в 1913 г. — 44,3 тыс.²

В 70-е гг. XIX в. начался период активной дачной застройки Алупки, до этого известной лишь роскошным имением князей Воронцовых. Газета «Крымский курьер» в 1901 г. констатировала: «Алупка за последние 15–20 лет стала неузнаваемой. Из прежней татарской деревни, в которой трудно было найти порядочное помещение, она превратилась в благоустроенное местечко... Здесь есть прекрасные магазины, почти не уступающие ялтинским, множество красивых дач»³. Нередко частновладельческие виллы использовались как пансионы и гостиницы. Путеводители начала XX в. рекомендовали в Алупке два отеля — «Россию» (50 номеров) и «Францию» (25 номеров) с комнатами от 2 рублей в сутки. В 1902 г. именно в Алупке доктором А. А. Бобровым была открыта первая в Крыму «санатория» для детей, специализировавшаяся на лечении костного туберкулеза. Популярность Алупки год от года росла: в 1908 г. ее посетили немногим более 7 тыс., в 1910 г. — свыше 10 тыс., а в 1912 г. — уже почти 16 тыс. приезжих⁴. По этим показателям она находилась

на втором месте среди курортов Южного берега Крыма и на третьем месте в Крыму, уступая лишь Ялте и Евпатории.

В истории русской Ривьеры особое место занимают проекты комплексного развития отдельных территорий Южного берега Крыма, среди которых курорт П. И. Губонина в Гурзуфе, курорт Суук-Су О. М. Соловьевой и курорт Новый Симеиз промышленников Мальцовых.

К 80-м гг. XIX в. Гурзуф представлял собой маленькую татарскую деревню, рядом с которой находилось большое, но не слишком благоустроенное имение сенатора И. И. Фундуклея. Однако в 1881 г. имение было выкуплено крупным российским промышленником и железнодорожным магнатом П. И. Губониным, пожелавшим превратить эту местность в современный курорт европейского уровня. На территории имения, в старом парке, было построено шесть небольших гостиниц в причудливом московско-средиземноморском стиле, где цены в сезон колебались от 30 рублей в месяц за отдельную комнату до 300 рублей за апартаменты. Гостиницы П. И. Губонина были приспособлены к круглогодичному использованию и отвечали новейшим стандартам курортного благоустройства: были электрифицированы, снабжены лифтами, вентиляцией, канализацией и телефонной связью¹. В номерах можно было принимать морские и пресные ванны, а внутренняя их отделка соответствовала ставшему нарицательным понятию «губонинская роскошь», удовлетворяя вкусы состоятельной публики «к шири, позолоте, бархатной мебели, пестрым шпалерам, ярким тонам»².

Великолепие нового курорта дополняли фешенебельный ресторан «Фонтан» и сцена-раковина, где вечерами играл специально приглашенный военный оркестр. Территория парка была освещена электрическими фонарями, украшена фонтанами и скульптурными композициями в стиле барокко. Кроме гостиниц на курорте появились несколько обособленных дач для любителей уединенного отдыха, аптека, амбулатория, почтово-телеграфное отделение, паровая прачечная, морские купальни и даже собственная молочная ферма. Фешенебельный отдых на курорте П. И. Губонина обходился дороже ялтинского, но все же находил своих поклонников. В 1898 г. современник писал: «Нынешний Гурзуф может считаться большим бриллиантом нашего Крыма. Роскошнейшие гостиницы-дворцы устроены для туристов, желающих пожить в этом живописном дачном месте, теперь Гурзуф посещается тысячами приезжих»³.

Несколько позже на западной окраине Гурзуфа был создан еще один фешенебельный курорт, принадлежащий О. М. Соловьевой, вдове известного инженера-мостостроителя В. И. Березина. Этот курорт, получивший название Суук-Су, состоял из шести гостиниц на 180 номеров «со всеми удобствами, дорогой, солид-

¹ Ялта и ближайшие окрестности. 1913–1914. Путеводитель-справочник. 2-е изд. Ялта, 1913. С. 82.

² Курортное значение Ялты и Южного берега Крыма и их курортные нужды. Ялта, 1915. С. 42.

³ Крымский курьер. 1901. 23 июля.

⁴ Алупка. Практический путеводитель-справочник. Ялта, 1913. С. 39.

¹ Шенетов В. А. Гурзуф на Южном берегу Крыма и его лечебные свойства. Одесса, 1890. С. 57.

² Филиппов С. По Крыму. Отражения. М., 1889. С. 399–400.

³ Цит. по: Козлов В. Ф. Гурзуфская усыпальница московского промышленника П. И. Губонина // Москва — Крым: историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 2. С. 204.

ной и удовлетворяющей всем современным требованиям обстановкой». Для привлечения состоятельной столичной публики на территории курорта по проекту выдающегося архитектора Н. П. Краснова было построено здание казино. Однако по формальным причинам власти так и не разрешили открытие игорного заведения, поэтому здание казино использовалось как ресторан, клуб и читальня. Гости курорта Суук-Су были влиятельные и обеспеченные люди: эмир Бухары Сеид Абдул-Ахад-хан, светлейший князь Александр Константинович Имеретинский, российские министры В. Н. Коковцов и В. А. Сухомлинов, представители родов Думбадзе, Кочубеев и Раевских, известные деятели искусств К. А. Коровин, А. Н. Скрябин, В. И. Суриков, Ф. И. Шаляпин, а в 1914 г. курорт удостоился высочайшего посещения императором Николаем II¹.

Еще одним центром курортного благоустройства на южном побережье Крыма стал Симеиз. Однако богатые промышленники Мальцовы, владевшие здесь значительными территориями, использовали несколько иную коммерческую схему, отличавшуюся от гурзуфских проектов П. И. Губонина и О. М. Соловьевой. В конце XIX в. по заказу Мальцовых был создан и реализован проект по повышению инфраструктурной привлекательности данной территории, до этого являвшейся труднодоступной и недостаточно благоустроенной. За их средства к Симеизу был проведен участок дороги от шоссе, соединявшего Севастополь и Ялту, построен водопровод, дававший 50 тыс. ведер воды в сутки, а также благоустроен предоставленный в коллективное пользование дачевладельцев Приморский сад. Благодаря этому стоимость земельных участков на курорте, получившем название Новый Симеиз, значительно возросла, после чего Мальцовы стали продавать отдельные участки под строительство вилл и дач. Всего к реализации было намечено 167 участков, которые постепенно распродавались по цене от 8 до 60 рублей за кв. сажень².

Участки для строительства в Симеизе приобрели в том числе представители известных в Российской империи фамилий — Н. К. Александров-Дольник, С. Л. Лансере, С. И. Сабашников, Н. П. Третьяков и др. По заказу новых состоятельных владельцев лучшие российские архитекторы создавали в Симеизе великолепные виллы с романтическими названиями «Белый лебедь», «Дельфин», «Диво», «Камея», «Ксения», «Мечта» и т. д. Дальнейшие усилия по благоустройству поселка, включая строительство сплавной канализации и освещение улиц, взяло на себя созданное из владельцев симеизской недвижимости «Общество благоустройства поселка Новый Симеиз», которое возглавлял врач Н. Н. Богданов.

Алушта долгое время являлась курортной периферией. Большинство приезжих добирались до Южного берега Крыма через Севастополь, поэтому Алушта была самым отдаленным населенным пунктом Южного побережья. Транспортное сообщение с Симферополем было еще недостаточно развито. Вплоть до 70-х гг. XIX в. расстояние между Симферополем и Алуштой (менее 50 км) необходимо было преодолевать по извилистой дороге на телегах-мажарах, что занимало до двух дней.

¹ Соловьев Г. Н. Суук-Су // Наше наследие. 1998. № 47. С. 97.

² Кузьменко В. Новый Симеиз и его окрестности на Южном берегу Крыма. М., 1913. С. 63, 69–70. В современной метрической системе кв. сажень эквивалентна 4,55 м².

Один из авторов констатировал в начале XX в.: «В Алуште грязно, в Алуште пыльно, в Алуште нет тени, нет летних прогулок, морской берег неудобен для гулянья, нет развлечений, нет питьевой воды, нет хороших купален, нет освещения, нет пристаней, нет хороших гостиниц...»¹ В то же время отдых здесь мог обходиться вдвое дешевле, чем в Ялте, Алушке или Гурзуфе. Демократичные цены на проживание и продукты питания стали привлекать сюда нуждающихся в отдыхе и лечении из числа представителей тех социальных слоев, которые не могли себе позволить пребывание на фешенебельных курортах Крыма.

К началу Первой мировой войны ежегодное количество приезжих достигало здесь 10 тыс. человек. Алушта, получив статус города только в 1902 г., стала постепенно преобразовываться благодаря усилиям местных властей, а также «Общества курортного благоустройства». Важную роль в этом сыграл и переселившийся в Алушту предприниматель и меценат Н. Д. Стахеев, который за личные средства построил в городе набережную и городские купальни, а также содействовал созданию местного театра. Одновременно с этим все большую известность приобрела дачная местность западнее Алушты, в направлении горы Кабель, которая получила название «Профессорский уголок». В 1872 г. здесь купили первые участки земли профессор Новороссийского университета Н. А. Головкинский, профессор Военно-медицинской академии Е. А. Голубев и сибирский золотопромышленник В. П. Таярский. Благодаря удобному и протяженному естественному пляжу эта местность очень быстро приобрела популярность среди богатой интеллигенции и коммерсантов. К 1910-м гг. побережье от горы Кабель до Алушты было застроено частновладельческими дачами, многие из которых сдавались внаем.

Начало научного изучения и практического использования лечебно-рекреационных ресурсов западного побережья Крыма связывают чаще всего с Саками, где в 1807 г. французский химик Феликс Де Серр по поручению таврического губернатора произвел первый химический анализ сакских грязей. Начало их практического использования было связано с деятельностью уездного врача Николая Оже, создавшего в 1826–1827 гг. первую примитивную грязелечебницу с использованием сакских грязей. На протяжении нескольких десятилетий она находилась в подчинении военного ведомства и использовалась в основном для лечения офицеров и нижних чинов русской армии.

Гражданская лечебница была построена за счет губернской казны в 1860 г., а в 1881 г. передана в распоряжение Таврического губернского земства. Посетившая грязелечебницу в те годы княжна Е. Горчакова так описывала совершаемые здесь лечебные процедуры: «Процесс замуравывания или закапывания в грязь очень неприятен... вас... кладут на спину, совершенно прямо и руки по швам; под голову пододвигают вам низенькую деревянную скамеечку... и одновременно с обеих сторон покрывают... слоями грязи...»² Впоследствии Сакская грязелечебница еще несколько раз модернизировалась. Улучшались и бытовые условия размещения ее

¹ Святловский В. Южный берег Крыма и Ривьера. СПб., 1902. С. 18.

² Горчакова Е. Воспоминания о Крыме. М., 1881. Ч. 1. С. 17.

пациентов, однако это приводило к удорожанию стоимости лечения. Стоимость полного курса грязевых процедур с пансионом (проживанием и питанием) на уровне первого разряда составляла 165 рублей, второго разряда — 90–100 рублей, но некоторая часть нуждающихся могла получить бесплатное лечение за счет средств земства. В 1880 г. официально учтенное количество пациентов Сакской грязелечебницы составило 286 человек, в 1893 г. — 545, в 1903 г. — 1313, в 1913 г. — 2921 человек¹.

Изучение лечебных грязей Мойнакского озера, непосредственно примыкающего к Евпатории, началось значительно позже, чем в Саках. Часть исследователей утверждает, что первым евпаторийским лечебным учреждением курортного профиля являлась открытая в 1874 г. «глазная санаторная станция», директором которой был врач Н. В. Парийский. В том же году сторож соляного промысла на Мойнакском озере П. П. Пугачев соорудил на берегу дощатый сарай и кустарным способом организовал для желающих прием простейших грязевых процедур. Другие авторы отправной точкой евпаторийского грязелечения называют май 1887 г., когда местные врачи С. П. Цеценевский и С. И. Ходжаш взяли озеро в аренду на 40 лет и основали «Мойнакское грязелечебное и лиманное заведение»².

Евпатория, однако, была хороша не только грязями. Долгое время благодаря отлогому песчаному берегу она пользовалась славой лучшего места для купаний в Крыму. На рубеже XIX–XX вв. город охватила настоящая курортная лихорадка, когда наиболее привлекательным направлением инвестиций считалось строительство гостиниц, частных пансионатов, меблированных комнат, дач и просто расширение площади домовладений для сдачи комнат приезжим. Лучшими в городе являлись гостиницы «Бейлер», «Дюльбер», «Модерн», «Гранд-отель», «Франция», «Россия» со стоимостью номеров от 1 до 10 рублей в сутки. Свои услуги предлагали и десятки частных пансионатов («Светлана», «Вилла роз», «Гульнор», «Сфинкс» и др.) со стоимостью месячного проживания от 15 до 150 рублей. Один из современников евпаторийской курортной лихорадки писал: «Евпаторию нужно причислить к курортам, отличающимся сравнительной дороговизной жизни. Причина этого лежит в том, что курорт переживает еще первый период своей эволюции, когда только проектируется устройство надлежащих путей сообщения... когда ценность недвижимого имущества еще не фиксировалась и находится в периоде ажиотажа»³.

Первая в Евпатории здравница классического типа («Приморская санатория») появилась в 1905 г. и была открыта на частные средства группы лиц по инициативе Н. Д. Лосева — художника, академика и личного преподавателя живописи

императрицы Марии Федоровны. Для своего времени здравница была комфортабельна, хорошо оборудована, размещалась недалеко от центра города и имела большую озелененную территорию. Именно в саду «Приморской санатории» были созданы все условия для приема воздушных, солнечных и песочных ванн, сеансов гидротерапии. Здесь же находились летние павильоны, предназначенные для проживания «нервных» и «сердечных» больных¹. Еще одной специализацией было лечение больных с ожирением и нарушенным обменом веществ, питание которых осуществлялось в строгом соответствии с назначенной врачом диетой. Тогда же, в 1905 г., властями Евпатории был установлен сезонный сбор с приезжих в размере одного рубля с персоны и трех рублей с семейства, что можно считать окончательным признанием ее курортного статуса. В 1912 г. был открыт еще один санаторий, который носил название «Таласса» и отвечал новейшим для того времени требованиям к организации курортного лечения. Здесь имелись пансион на 70 мест и собственная лечебница с помещениями для приема водных и грязевых процедур, светолечебным кабинетом, гимнастическим залом и лабораториями².

Богатый местный предприниматель, общественный деятель и меценат С. Э. Дуван, дважды избиравшийся на пост евпаторийского городского головы, разработал комплексную программу курортного развития, призванную «превратить город Евпатория в один из лучших городов и курортов России»³. Проект предусматривал сосредоточение в руках городского самоуправления всех основных лечебных учреждений, устройство водопровода, канализации, садов и бульваров, замощение и шоссирование городских улиц, устройство городского трамвая, строительство курзала, общественных купален и многих других инфраструктурных объектов. Стоимость реализации проекта определялась в сумме около 2 млн рублей. Однако из-за сопротивления части городских депутатов этот план не получил системной реализации, хотя отдельные его пункты (например, запуск городских трамвайных линий) все же воплощались в жизнь.

Первой детской здравницей на евпаторийском курорте многие исследователи считают открытую в 1907 г. санаторную школу для глухонемых детей имени императрицы Марии Федоровны⁴. В 1909 г. врачи Г. А. Галицкая и Б. И. Казас открыли в Евпатории рекреационное заведение нового типа — детский медицинский пляж «Санитас», ставший специально оборудованной площадкой для осуществления различных климатических процедур под наблюдением квалифицированного медицинского персонала⁵.

К началу Первой мировой войны в Евпатории действовало уже три частных санатория для взрослых («Приморская санатория», «Таласса», «Гелиос») и че-

¹ Казанский А. Д. Краткий исторический очерк развития курорта Саки // Саки-курорт. Материалы изучения развития курортно-лечебных и естественно-биологических факторов Сакского озера и района. Симферополь, 1935. Вып. I. С. 23.

² Ивлева Я. А. История курорта в Евпатории от истоков до современности. Симферополь, 2016. С. 40–41.

³ Целительные силы курорта Евпатории: сборник статей / под общ. ред. А. М. Брамсона. Евпатория, 1912. С. 26.

¹ Курорт Евпатория в Крыму. Приложения к Новейшему путеводителю по Крыму на 1914 г. Евпатория, 1914. С. 105–106.

² Ивлева Я. А. История курорта в Евпатории от истоков до современности. С. 89–90.

³ Дуван С. Э. «Я люблю Евпаторию»... С. 95–96.

⁴ См., например: Хрущев В. Л., Агаджанян Н. А. Курорт — Евпатория. Симферополь, 2003. С. 122.

⁵ Целительные силы курорта Евпатории... С. 59.

тыре сезонных для детей на 400 мест, а также несколько частных пансионатов с лечением. Открытие в декабре 1915 г. железнодорожного сообщения создало условия для начала курсирования прямых поездов Москва — Евпатория и Петроград — Евпатория. В результате за сезон 1916 г. курорт посетили около 40 тыс. лиц, прибывших для отдыха и лечения; прежде этот показатель составлял в среднем 10–15 тыс. человек¹. В мае 1916 г. «Приморскую санаторию» Евпатории, которая на тот момент была преобразована в лазарет имени ее императорского величества императрицы Александры Федоровны, посетил император Николай II с семьей.

Еще одним важным центром практического использования и научного изучения лечебной рекреации в Крыму стал Севастополь. Это произошло после открытия в городе весной 1914 г. первого в Российской империи Института физических методов лечения (ИФМЛ), у истоков создания которого стоял известный врач и ученый А. Е. Щербак. Появление этого учреждения (первоначально называвшегося Романовским институтом) ознаменовало выход на новый уровень отечественной физиотерапии — направления медицины, изучающего использование природных и искусственных физических факторов для лечебных целей.

Для ИФМЛ было построено роскошное здание на набережной в центре Севастополя, в котором размещалось 155 специализированных лабораторий, помещений и служб. Он располагал собственной водолечебницей, где проводились разнообразные спа-процедуры, в том числе морские, хвойные, углекислые, кислородные, гидроэлектрические, серные ванны, а также ингалятором, электролечебным и рентгенологическим отделениями. К зданию Романовского института примыкали лечебный пляж и площадки для занятий лечебной физкультурой. Начавшаяся спустя несколько месяцев после открытия ИФМЛ Первая мировая война несколько скорректировала планы его организаторов, поскольку теперь им в значительной степени приходилось заниматься лечением и реабилитацией раненых военнослужащих российской армии. Это обусловило острый дефицит мест в клиническом пансионе Романовского института, севастопольские госпитали также были переполнены². Проблему не удалось решить даже после развертывания дополнительных коек за счет пожертвований Всероссийского союза городов и севастопольского отделения Общества помощи жертвам интервенции, которое возглавил сам А. Е. Щербак³.

Особый интерес представляют нравы и повседневная культура русской Ривьеры, иной стиль жизни на юге, наполненный романтикой и ощущением полной, казалось, ничем не ограниченной свободы. Курорт выступал образом некоего личностного и общественного идеала, места, где торжествует подлинная свобода

¹ Мешков В. А. Как Евпатория стала всероссийским курортом: 100-летняя история (1915–2015) // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь, 2016. С. 182–184.

² ГАРК. Ф. 462. Оп. 1. Д. 23. Л. 113.

³ Подробнее о первом периоде деятельности ИФМЛ и его основателе А. Е. Щербаке см.: Профессор Александр Ефимович Щербак / под ред. В. В. Ежова и Г. П. Пономаренко. Львов, 2013.

от общественных пут и условностей, где царит равенство обнаженных или полуобнаженных тел и где вполне достижимо если не братство, то свободная, легкая и ни к чему не обязывающая любовь. Курорт — это образ того, как хотело бы выглядеть то или иное общество в своих собственных глазах, как оно представляет себе счастье. Европейское человечество ищет потерянный рай, не находит его и создает его подобие на Ривьере. Русские искали свой утраченный рай в Крыму.

Вместе с тем рай этот был не для всех. Так, в 1913 г., когда состоялся последний предвоенный сезон, в Крыму отдыхали и поправляли свое здоровье около 100 тыс. приезжих, в основном принадлежащих к привилегированной и состоятельной части общества. Учитывая, что население Российской империи в то время составляло около 130 млн человек, отдых на крымских курортах дореволюционного периода едва ли можно назвать массовым и общедоступным. Санатории и пансионаты для бедных, существовавшие на пожертвования частных лиц, в том числе и представителей царской фамилии, были очень немногочисленны и не могли принять всех, в основном туберкулезных больных, нуждавшихся в климатическом лечении. Многие из тех, кто лечился в Крыму, были больны смертельно, а полуостров являлся местом, где особенно чувствовался неприятный контраст между веселыми обеспеченными людьми, которые приезжали за удовольствиями, и людьми больными, приезжавшими с тщетной порой надеждой поправить здоровье.

Под влиянием специфического контингента приезжих здесь сформировался особый стиль курортного времяпровождения, который стал восприниматься как эталонный, а сама возможность регулярно посещать Крымское побережье считалась одним из маркеров высокого социального статуса. При этом именно на курортах русской Ривьеры в той или иной степени происходило взаимопроникновение стилей жизни, быта и нравов потомственных аристократов, интеллектуальной и творческой элиты, а также класса успешных предпринимателей (фабрикантов, торговых, транспортных и финансовых магнатов), формирующегося из разночинцев и стремящегося занять соответствующее их доходам положение в российском обществе.

Стандартное курортное времяпровождение гостей русской Ривьеры включало в себя такие развлечения, как фланирование по набережной, городскому саду или парку в вечернее время, посещение различных развлекательных мероприятий в местных клубах или курзалах, горные экскурсии (верховые, экипажные, пешеходные), морские прогулки на лодках. Наиболее состоятельная часть курортной публики, в основном принадлежащая к аристократии, могла также позволить себе охоту, катание на собственных яхтах, игру в лаунж-теннис. С начала XX в. в Ялте появились новые развлечения, связанные с открытием первых синематографов, появлением ежегодной традиции устраивать карнавалы, шествия, а также началом организации автомобильных экскурсий.

Отдых также имел свою гастрономическую компоненту, выражавшуюся в посещении ресторанов и устройстве пикников, во время которых можно было продегустировать местные морепродукты, фрукты и овощи, традиционные блюда народов Крыма, а также насладиться крымскими винами. Отечественный публи-

цист С. Елпатьевский в своих «Крымских очерках» отмечал, что в Крыму русские «бросают чай, переходят к кофе, отказываются от щей и гречневой каши и приемлют катыки, и «помадоры», и каурму, и масаку, и чебуреки...»¹. Но наиболее фешенебельные рестораны крымских курортов стремились соответствовать столичным и европейским образцам своими интерьером и меню, а ценами зачастую даже превосходили их. В ресторане ялтинской гостиницы «Россия» стоимость обеда из пяти блюд (например: консоме, борщ баварский с кулебякой, кокиль из рыбы, кот-де-беф с гарниром, мороженое) составляла 1 рубль 20 копеек. Большой известностью также пользовались губонинский ресторан в Гурзуфе, ресторан Долгова в Алушке, ресторан в здании Яхт-клуба в Севастополе.

На зиму в населенных пунктах Крымского побережья обычно оставалась только та часть приезжих, которой из-за тяжелого состояния болезни врачами было рекомендовано постоянное проживание на юге. Первое оживление курортной жизни, обычно продолжавшееся около двух недель, наблюдалось во время весеннего пасхального сезона. Морские купания долгое время были, скорее, экзотическим, нежели массовым способом курортного времяпрепровождения. Соответственно, сезон морских купаний («ситцевый сезон»), длившийся с середины июня до середины августа, в то время не являлся для русской Ривьеры основным и уступал по своей популярности бархатному сезону, начинавшемуся во второй половине августа и продолжавшемуся до середины октября. Именно в бархатный сезон цены на все виды услуг достигали максимальных значений. Одновременно с этим, как сообщалось в одной из крымских дореволюционных газет, «осенний сезон — время наибольшего съезда приезжих... служит вместе с тем излюбленным гастрольным временем для разных аферистов, проходимцев, кокоток, шулеров»².

И все же морские купания постепенно завоевывали популярность, в том числе благодаря усилиям местных врачей, которые нередко рекомендовали их как один из эффективных методов оздоровления, основанный на действии природных факторов. К концу XIX в. практически во всех населенных пунктах крымского побережья появились специально оборудованные купальни, разделенные на мужские и женские отделения. Первоначально любители морских процедур облачались в купальные костюмы, специальные головные уборы и обувь, затыкали уши промасленной ватой, а во время погружения в море иногда даже держались за закрепленный на берегу канат. Помимо соображений безопасности наличие специального костюма и купание в строго отведенных местах предотвращало публичную демонстрацию полуобнаженного тела, которое могло быть воспринято как безнравственное деяние. В 1915 г. ялтинский градоначальник И. А. Думбадзе принял постановление «О соблюдении благочиния в купальных местах», по которому купаться в море без специальных костюмов разрешалось только детям до 10 лет. Кроме того, один из пунктов этого официального документа запрещал находиться

на пляжах без «носильного платья»¹, что фактически лишало их посетителей возможности загорать. Впрочем, иметь загорелую кожу в то время все равно не было модным, это считалось признаком принадлежности к низшим сословиям. Там, где размеры пляжей не позволяли разделить их на сектора по половому признаку, например в Алушке, властями было установлено повременное посещение пляжа: мужчины купались утром, а дамы — в середине дня.

Несмотря на стремление властей и консервативной части приезжей публики сохранять благопристойность нравов, курортные реалии часто сопровождались более или менее скрываемым флиртом, нередко перерастающим в курортные романы. Курортная любовь была не только овеяна романтикой высокой литературы (вспомним знаменитый рассказ «Дама с собачкой» А. П. Чехова), но и осмеяна в многочисленных анекдотах и газетных фельетонах. В наибольшей степени это было связано с сомнительной славой представителей местной корпорации татар-проводников, которые якобы не только сопровождали приезжих во время горных экскурсий, но и оказывали их женской части интимные услуги. Богатые вдовы, одинокие и приехавшие без мужей дамы высшего света нередко завязывали доверительные отношения с молодыми и темпераментными проводниками. Помимо крымской прессы эта тема периодически поднималась даже в столичных газетах. Так, в московском «Новом времени» был опубликован анонимный исповедальный текст некоей состоятельной, но несчастной в браке женщины, которая, в частности, писала: «Счастливая случайность привела меня в Ялту, а проводник Ахметка невольно убедил меня в том, что утешители юга — люди сердца, а утешители севера — люди грубого расчета... Правда, я им платила деньги, но платила ничтожную часть того, что приходилось платить северным утешителям»². Отдал должное этой теме и А. П. Чехов в рассказе «Длинный язык» (1886 г.).

Последнюю четверть XIX в. принято считать временем зарождения отечественного туризма в современном понимании этого слова. Особое значение для становления туризма в Российской империи имела деятельность созданного в 1890 г. Крымского горного клуба (КГК), который в 1905 г. сменил свое название и стал Крымско-Кавказским горным клубом (ККГК). Именно этот клуб некоторые исследователи называют первой отечественной «жизнеспособной туристической организацией»³. Согласно утвержденному 25 января 1890 г. первому уставу КГК, основными направлениями его деятельности являлись: научное исследование Крымских гор; поощрение посещения Горного Крыма естествоиспытателями и художниками; поддержка местных отраслей сельского хозяйства, садоводства и горной промышленности; охрана редких горных видов растений и животных⁴. Такие

¹ Елпатьевский С. Крымские очерки. М., 1913. С. 62.

² Крымский курьер. 1904. 8 сентября.

¹ Русская Ривьера. 1915. 11 июня.

² Цит. по: Розанов В. В. Семейный вопрос в России. СПб., 1903. Т. 2. С. 253.

³ Душевский В. П. Крым — родина отечествоведения // Культура Крыма на рубеже веков (XIX–XX вв.): материалы респ. науч. конф. Симферополь, 1993. С. 93.

⁴ Долженко Г. П. История туризма в дореволюционной России и СССР. Ростов-на-Дону, 1988. С. 23–24.

целевые установки имели прямые аналогии с программными задачами альпийских клубов Западной Европы, однако в сравнении с ними деятельность КГК–ККГК носила более открытый, демократический, общественно-полезный характер, отличалась более выраженной научно-образовательной составляющей.

Одним из практических результатов деятельности правления КГК–ККГК стала организация поездок в Крым и на Кавказ деятелей науки, лиц творческих профессий, учителей, студентов, учащихся из других регионов страны. Ялтинское отделение клуба превратилось в крупнейший центр экскурсионного обслуживания. За 30-летний период деятельности отделения в его экскурсиях приняли участие около 145 тыс. экскурсантов¹. Если за 1891 г. было организовано всего девять экскурсий, в которых участвовали 57 активистов отделения и членов их семей, то в 1912 г. ялтинским отделением ККГК было проведено уже 645 экскурсий для более чем 15 тыс. экскурсантов. Клиентами в основном были гости Ялты, которым предлагался широкий выбор пешеходных, экипажных, верховых, а с 1912 г. — еще и автомобильных экскурсий различной продолжительности для знакомства с достопримечательностями Крыма. Наибольшим спросом пользовались однодневные экипажные экскурсии в ближайшие окрестности Ялты: на гору Ай-Петри, к водопаду Учан-Су, в Ливадию, Ореанду, Алупку, Симеиз, Гурзуф, Массандру, Никитский ботанический сад. Для их проведения обычно использовались так называемые «линейки» — запряженные лошадьми легкие рессорные экипажи. Стоимость участия в однодневной экскурсии составляла от 1 до 2,5 рубля в зависимости от маршрута, комфортабельности экипажа и места, занимаемого в нем пассажиром. Члены клуба и участники организованных ученических групп обслуживались на льготных условиях².

Усилиями ялтинского отделения КГК–ККГК было создано несколько оборудованных горных туристских троп, специально предназначенных для совершения пешеходных экскурсий. Они постоянно расчищались от мусора и маркировались специальными знаками и указателями. Первой в 1898 г. была проложена Штангеевская тропа, ведущая от водопада Учан-Су на Главную гряду Крымских гор. По утверждению некоторых исследователей, это была первая оборудованная для туристов горная тропа не только в России и Европе, но и во всем мире³. Позже в окрестностях Ялты активистами клуба были оборудованы и другие горные тропы — Боткинская, Дмитриевская, Крестовая.

Кроме троп, для удобства путешествующих по Крымским горам по инициативе ялтинского отделения Крымского горного клуба в 1893 г. на нижнем плато Чатырдага был создан первый в России туристский приют, которым могли пользоваться

как члены клуба, так и все остальные любители походов. Чатырдагский приют располагался вблизи пещер Бин-Баш-Коба и Суук-Коба, и в нем останавливались в основном те, кто собирался посетить эти пещеры. Это было небольшое по площади одноэтажное каменное строение, предназначенное для отдыха и ночлега туристов и функционировавшее с середины мая до середины сентября. Здесь постоянно находился сторож-проводник из числа жителей расположенной неподалеку деревни Биюк-Янкой. Вот как определялись его обязанности: «Сторож приюта обязан был оказывать возможную помощь и услуги всем, кто пожелает воспользоваться приютом. По требованию посетителей он должен поставить самовар, дать посуду или подать чай или кофе стаканами, подать по возможности молоко, яйца, зажарить шашлык (если путешественник добудет барана от соседних пастухов). Он обязан проводить в пещеры, дать, сколько требуют, свечей. В случае холода ночующие могут потребовать, чтобы он разложил в камине огонь. Если найдутся у сторожа какие-либо другие предметы, нужные посетителям, как то: кошма, подушка, одеяло или какие-либо съестные припасы, он может предлагать их желающим. За исполнение всех требований и за услуги сторож получает плату по таксе, утвержденной Правлением на тот или другой срок». Размеры приюта были очень скромными: имелось восемь спальных мест в мужском отделении и четыре в женском. За ночлег с каждого посетителя взималась плата в размере 20 копеек. За сезон здесь останавливались: в 1896 г. — 161 человек, в 1906 г. — 556 человек, а в 1908 г. — 638 человек¹. Сохранились записи, сделанные посетителями Чатырдагского приюта в 1897 г., которые показывают достаточно широкий спектр мнений относительно туристской привлекательности данного объекта:

Домик клуба в беспорядке, стекол нет, двери не завешены, сор не убран... пещеры Бин-Баш-Хоба полны воды, сыро, скользко (28 мая).

Водки нет, туман, сыро, гадко и скверно (9 июня).

Семь путешественников благодарят клуб за ночлег в домике и за экскурсии и удивляются тем экскурсантам... которые, по-видимому, требуют комфортабельного помещения: Горный клуб дает, что может; и за это ему большое спасибо (30 июля).

Привыкшим к вокзальным ресторанам и шато-кабакам незачем ездить на Чатырдаг... пусть лучше застилают склоны яйлы и Чатырдага тучи, чем дым паровозов (4 сентября)².

В 1914 г. по инициативе ялтинского отделения ККГК в Ялте было открыто специальное помещение для участников ученических экскурсий, где за очень скромную плату (25 копеек с человека в сутки) они могли получить место для ночлега в каникулярное время. Только за июнь — июль 1914 г. здесь побывали 1126 учащихся и педагогов, представлявших мужские и женские гимназии, реальные,

¹ Подсчитано по опубликованным и неопубликованным отчетам Ялтинского отделения КГК–ККГК за 1891–1920 гг.

² Вебер Ф. Д. История развития и деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба // Юбилейный сборник Крымско-Кавказского горного клуба. Одесса, 1915. С. 55.

³ Долженко Г. П., Путрик Ю. С. История туризма в Российской империи, Советском Союзе и Российской Федерации: 1696 г. — современность. Ростов-на-Дону, 2010. С. 42–43.

¹ Чатырдагский приют ЯО ККГК в 1908 г. // Записки Крымско-Кавказского горного клуба. 1909. Вып. 2. С. 129.

² Крымский горный клуб // Записки Крымского горного клуба. 1897. № 3. С. 19–20.

коммерческие, технические, сельскохозяйственные, епархиальные и начальные училища Белгорода, Белой Церкви, Владикавказа, Воронежа, Екатеринбурга, Екатеринослава, Казани, Калуги, Кишинева, Киева, Москвы, Нижнего Новгорода, Николаева, Омска, Петербурга, Самары, Твери, Харькова, Херсона, Чернигова и других городов страны¹.

Любая национальная культура только тогда достигает завершенности, зрелости, когда ею вырабатывается собственный стиль траты свободного времени, когда формируется собственная организация этой траты, возникают и обустроиваются специальные места для этого, появляются курортные местности. В XIX в. русский человек начинает путешествовать, а Крым оказывается для него едва ли не первым объектом притяжения. Он становится в известной степени символом расширения кругозора, местом переживания эмоционального потрясения, обретения каких-то совершенно новых впечатлений. Весь спектр эмоциональных переживаний, многократно усиленных духом таинственного русского Средиземноморья, ощущение свободы и обретения земного рая, возможность воплотить, пусть временно, свои самые заветные мечты и даже исцелиться — все то, что во времена М. С. Воронцова было доступно лишь немногим, к концу XIX — началу XX в. становится достоянием широкой публики. Это, конечно, еще не была курортно-туристическая индустрия, ведущая счет на миллионы туристов и оздоравливающихся, однако мы не найдем сегодня в этой сфере практически ни одного явления, начало которому не было бы положено более века назад.

Глава 23

Крым в конце XIX — начале XX в.

§ 1. Экономическое развитие полуострова: новые горизонты и утраченные перспективы

П. Н. Марциновский

Основой экономики Крыма в конце XIX — начале XX в. оставалось сельское хозяйство. Большинство крымского населения по-прежнему занималось производством хлеба на экспорт, более чем наполовину состоявшего из озимой пшеницы¹. Хотя, конечно, выращивали и другие культуры: картофель, бахчевые, лен в качестве масличной культуры, овощи.

Излишки зерна, которые могли быть проданы за пределы полуострова, составляли в среднем с 1907 по 1917 г. 6–7 млн пудов в год. Феодосия, крупнейший экспортный пункт на Крымском полуострове, играла особую роль во внешней торговле. Оборудование порта и проведение железной дороги не только расширили зону тяготения, которая включала в себя полосу до 100 верст в обе стороны вдоль Южных железных дорог до Харькова и даже Курска, но и обусловили довольно узкую специализацию портовых сооружений, предназначенных почти исключительно для экспорта хлеба. На две трети торговля хлебом в Феодосии находилась в руках наиболее крупных фирм, таких как «Луи Дрейфус и К°», «М. Нейфельд и К°» и «Бр. Тубино и К°», которые, контролируя торговлю и в других портах, влияли на цены и технологию торговли. По всему хлебобродному Югу, чаще всего не севернее Харькова, рассылались их агенты, а на крупных станциях создавались целые организации с кассирами, бухгалтерами и писцами. Каждому такому отделению представители фирмы из Феодосии диктовали по телеграфу условия покупки хлеба, а те в свою очередь рассылали по окрестным помещикам и крестьянам скупщиков, также состоявших на жалованье у фирмы.

Учрежденный в 1871 г. Русский для внешней торговли банк в январе 1907 г. открыл единственное в Таврической губернии агентство в Евпатории², рассчитывая обрести клиентов в лице торговавших при евпаторийском порте «Русского

¹ Отчет о деятельности Ялтинского отделения Крымско-Кавказского горного клуба в 1914 г. Ялта, 1915. С. 22–23.

¹ ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1113. Л. 43.

² Там же. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1560. Л. 46.

общества вывозной торговли», Торгового дома «Луи Дрейфус и К°», евпаторийского 2-й гильдии купца Герша Исааковича Френкеля, Торгового дома «Карл Мартен», Российского транспортного и страхового общества, дворянина Самуила Моисеевича Пампулова, РОПиТ и др.¹ Однако до 1910 г. крупные фирмы работали без помощи банков. Фирмы поменьше и скупщики торговали на занятые деньги. После открытия в Феодосии второго в Крыму (после Евпатории) отделения Русского для внешней торговли банка не имевших дела с банками фирм осталось только две («Луи Дрейфус и К°» и «Нейфельд»), которые, скупая хлеб на местах за наличные деньги, отправляли его сразу в Феодосию, на пароход. В Керченском порту работали три коммерческих предприятия: «Луи Дрейфус и К°» по экспорту зерна, фирма Гинзбурга по экспорту соли и продуктов ее выварки и фирма братьев Обершмуклер, экспортировавшая хлеб и занимавшаяся мукомольным производством.

Озимая пшеница, составлявшая основу экспорта Крыма, пользовалась за границей весьма высокой репутацией благодаря своим уникальным хлебопекарным качествам. Главными покупателями крымской пшеницы в Европе были Швейцария, хлеб в которую поступал из крымских портов через Роттердам и Марсель, и Италия, закупавшая высококачественное зерно для своей бурно развивающейся макаронной промышленности. Источником высокой репутации крымской пшеницы являлись, во-первых, климат полуострова, дающий возможность благодаря умеренному, но достаточному количеству атмосферных осадков получить дородное и почти стекловидное зерно, во-вторых, производители этого зерна — зажиточные землевладельцы (русские и немцы-колонисты), пользовавшиеся авторитетом аккуратных и добросовестных хозяев. Благодаря им зерно крымской озимой пшеницы поступало на рынок очищенным и однородным и превосходило любое другое как в натурном весе, так и по чистоте. Прекрасная мука, получавшаяся из крымской пшеницы, находила обеспеченный сбыт². Если с 1856 по 1877 г. средний объем экспорта из Крыма составлял 1,4 млн рублей, то с 1878 по 1897 г. — уже 18,2 млн рублей, а с 1898 по 1914 г. — 23,6 млн рублей.

Численность крупного рогатого скота и лошадей была по-прежнему незначительной. Молочным производством и свиноводством занимались в основном немецкие колонисты, мощности хозяйств которых явно не хватало, что приводило к ввозу этой продукции из-за пределов Крыма. В частности, в 1913 г. было ввезено 90,5 тыс. пудов вологодского масла, а из 15 тыс. голов свиней, потребленных в городах Крыма, 12 145 были завезены из Мелитопольского уезда и Кубани. Рост экспортного зернового хозяйства привел к упадку овцеводства. Так, в 1887 г. в Крыму имелось свыше 1 483 000 овец, а в 1917 г. их осталось всего около 350 тыс., т. е. за 30 лет их численность уменьшилась в четыре раза. Вместе с тем это позволяло производить кожи, ценные смушки и вывозить за пределы полуострова 40–50 тыс. пудов овечьей шерсти стоимостью до 13 рублей за пуд³.

¹ ГАРК. Ф. 369. Оп. 1. Д. 1561. Л. 1–3.

² Марциновский П. Н. Развитие хозяйства... С. 379.

³ Бененсон М. Е. Экономические очерки Крыма. Симферополь, 1919. С. 31.

Наиболее развитым к началу XX в. оказалось крымское садоводство. Основная часть садов размещалась в долинах рек Бельбека, Качи, Альмы, Салгира. Наибольшей популярностью пользовались такие сорта яблок, как «синап» и «кандиль», которые выращивали как в крупных садах, так и в небольших хозяйствах. При это основными производителями яблок и груш являлись крупные хозяйства, а слив, черешен, вишен, абрикосов, персиков, кизила, айвы, грецких орехов, фундуков — хозяйства небольших размеров. Средний урожай фруктов достигал 1,6 млн пудов. Летние сорта яблок и груш, а также все косточковые поступали на местные рынки, около 200 тыс. пудов шло на переработку на местных фабриках и около 1 млн пудов (в основном зимних сортов) вывозилось за пределы Крыма. В особенно урожайные годы вывозилось до 3 млн и даже до 8 млн пудов фруктов. Торговля фруктами также была несовершенна, изобиловала посредниками, скупщиками. Мелкие хозяйства находились от них в большей зависимости, чем крупные. В последние предреволюционные годы крупные московские, Санкт-Петербургские и Харьковские торговые фирмы стали скупать наиболее обширные сады с тем, чтобы полностью контролировать процесс производства и продажи фруктов — от появления завязи до поступления продукции на столичные рынки.

По-прежнему значимое и почетное место занимали в Крыму виноградарство и виноделие. Длинной лентой протянулись виноградники вдоль всего побережья от Балаклавы до Феодосии, почти полностью покрывая южные склоны гор. Однако в начале XX в. крымское виноделие испытывало целый ряд трудностей. С давних пор основными производителями столового винограда были крымские татары. С ростом виноделия и цен на винные сорта небольшие татарские хозяйства переориентировались на производство винного сула, которое у них скупали винодельческие предприятия. Однако колоссальный рост спроса на спиртные напитки привел к невозможности удовлетворить его за счет качественного вина из тщательно отобранного винограда. Спрос, естественно, был удовлетворен за счет фальсифицированного вина и других спиртных напитков. Фальсификаторы за бесценок скупали у татар винное суло любого качества, что привело к появлению на рынках дешевых спиртных напитков с «фирменными» этикетками и снижению спроса на качественное вино. К 1909–1912 гг. это привело к кризису как виноградарства, так и виноделия. На уменьшение количества виноградников влияло также и развитие курортной отрасли, вызвавшее рост цен на землю под застройку.

Еще одной проблемой являлось отсутствие собственно крымских марок вин. На полуострове производили прекрасное каберне, малагу, портвейны, рислинги, хересы и пр. Но на столичных рынках эти вина чаще покупались с этикетками стран происхождения, даже если были фальсифицированными. Это обстоятельство порой сводило на нет все усилия по популяризации крымских вин в империи и за границей. Вместе с тем помимо знаменитых удельных центров виноделия — Ай-Тодора, Массандры, Ливадии, Юсуповых, Ай-Даниля, Нового Света — появились и достаточно крупные местные торговые фирмы Бекетова, Голубева, Токмакова, Христофорова, скупавшие виноград и винное суло и производившие

хорошее вино. Вина в бочках и бутылках вывозились из Крыма в объеме более 400 тыс. пудов на сумму 2 млн рублей.

Рыбной ловлей в начале XX в. в той или иной степени занималось чуть ли не все население Крыма, однако профессионально ловили рыбу не более 3 тыс. человек. Ежегодно вылавливали в среднем 118 тыс. штук крупной кефали (лобана), более 8 млн штук мелкой кефали, около 7,2 млн штук скумбрии, 10 тыс. пудов камбалы, 12 тыс. пудов осетров и белуги, 13 тыс. пудов барабули, 5,5 тыс. пудов сельди и 80 тыс. пудов хамсы. Вся эта масса рыбы оценивалась в 1910 г. в 471 тыс. рублей. В 1913 г. из Крыма вывезли 180 тыс. пудов рыбы. Главные промыслы были сосредоточены в Керчи, где находились коптильни и предприятия по засолке рыбы. В Балаклаве и Керчи, где все греческое население занималось рыболовством, функционировали три фабрики рыбных консервов.

Производство табака в Крыму в начале XX в. составляло от 160 до 320 тыс. пудов в год. Табак приобретался в основном местными табачными фабриками, фабрикантами Москвы, Петербурга, Харькова. Среди десяти табачных фабрик, безусловно, выделялись табачная фабрика В. О. Стамболи, основанная в Феодосии в 1861 г., на которой трудились 530 рабочих, производивших в год 57 930 пудов табака на сумму 2 971 867 рублей, и табачная фабрика Месаксуды, основанная в Керчи в 1863 г., с 438 рабочими, производившими в год 39 265 пудов табака на 649 800 рублей¹. Количество табачных фабрик выросло с 10 в 1913 г. до 18 в 1917 г. с 3630 рабочими, занятыми в этой отрасли. Однако в связи с началом Первой мировой войны и резким ростом производства значительно снизилось качество продукции — табак не выдерживался и не сортировался. Складывалось впечатление, что на пачки и коробки с табаками и папиросами можно клеить любые этикетки в любых комбинациях и ничего от этого не изменится. Стоимость вывезенного из Крыма табака в 1913 г. составила 7 768 700 рублей.

В 1917 г. в Крыму было добыто 11 841 107 пудов поваренной и 71 870 пудов глауберовой соли на 82 промыслах 2043 рабочими. До войны соль вывозилась по железной дороге на север и через Феодосийский порт большим каботажем в порты Балтики. Небольшая часть соли вывозилась в Турцию. Цена составляла 10–11 копеек за пуд.

Добыча железной руды осуществлялась в районе Керчи на основанном в 1897 г. Киз-Аул-Черелекском руднике акционерного общества «Русский Провиданс», который к 1909 г. добывал в год до 6 млн пудов бурого железняка, располагая четырьмя двигателями общей мощностью 240 л. с. и 85 рабочими, и Ортельском железном руднике Таганрогского металлургического общества, добывавшем к 1909 г. 11 875 611 пудов, имея восемь двигателей общей мощностью 350 л. с. и 160 рабочих. В 1913 г. в этих карьерах было добыто 29 504 507 пудов руды, а численность рабочих достигла 643 человек.

В начале XX в. в Крыму развернулось бурное строительство. Строительный материал добывался на месте: камень керченский желтый, бадрак белый, ялтин-

ские диорит и гранит, известняк из инкерманских, феодосийских, петровских каменоломен близ Симферополя и многих других мест.

В течение 1914 г. были выполнены и одобрены проекты на сооружение новых и ремонт старых зданий на сумму около 750 тыс. рублей¹. При этом в стадии проектирования и строительства в 1913 г. находились три мукомольные мельницы, пять кирпично-черепичных заводов, два чугуно-литейных завода, канатная, консервная, макаронная, текстильная фабрики, завод по производству льда и минеральных вод, строились водопроводы, причалы, бетонные пирсы, электростанции². В 1914 г. были выданы разрешения на устройство четырех мукомольных мельниц, машиностроительного завода в Феодосийском уезде, завода минеральных вод в Евпатории, известкового завода в Перекопском уезде, расширение гончарного завода в Старом Крыму и многих других сооружений, складов и резервуаров. Однако не только промышленностью жил Крым. В 1914 г. были выданы разрешения на устройство театров в Симферополе и Феодосии, кинематографа в Севастополе и почти во всех уездах, исторического музея в Феодосии, цирков, торговых бань. Строились электростанции, и электрический свет, безусловно, радовал жителей и гостей Крыма, в том числе Евпаторию, Карасубазар, Ялтинский уезд и др.

Расширялась сеть шоссированных дорог³. К 1900 г. в Крыму из почти 3 тыс. верст дорог более 577 были шоссированными⁴. Протяженность железнодорожной сети составляла более 410 верст⁵. В 1914 г. повсеместно открывалось автомобильное сообщение между крымскими городами⁶.

Уже в 1913 г. в районе Керчи было добыто 40 126 пудов нефти, на Сакских соляных промыслах Балашова в конце 1916 г. начал работать завод по добыче брома. Начались изыскания по разведке и добыче каменного угля на территории Бешуйского лесничества. В районе Коктебеля в 1912–1913 гг. началась разработка пуццоланы — вяжущего материала, придающего цементу свойство твердеть под водой.

В 1906 г. было заключено акционерное соглашение на проектирование, строительство и эксплуатацию цементного завода «Алмаз» в Бахчисарае⁷. Началась переработка мергелей в цемент на Бахчисарайском цементном заводе. В 1913 г. из Крыма было вывезено 447 тыс. пудов бахчисарайского цемента.

Развитие обрабатывающей промышленности Крыма в 1900–1917 гг. сталкивалось с недостатком инвестиций, воды и энергоносителей. Крупнейшими предприятиями являлись портовый завод в Севастополе, численность рабочих которого доходила порой до 11 тыс. человек, и металлургический завод акционерного общества Таганрогского металлургического завода в Керчи с 3 тыс. рабочих, прокатным цехом и коксовым производством. С 11 августа 1902 г. завод бездейство-

¹ ГАРК. Ф. 27. Оп. 13. Д. 5039. Л. 2.

² Там же. Д. 4912. Л. 8.

³ Там же. Д. 5039. Л. 1–3.

⁴ Там же. Д. 3012. Л. 13.

⁵ Там же. Л. 37.

⁶ Там же. Д. 4946. Л. 1–32.

⁷ Там же. Д. 3539. Л. 14–16.

¹ *Езиоранский Л. К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи. СПб., 1909.

вал, однако вновь был пущен 28 сентября 1913 г. Кроме него в Керчи функционировали чугунолитейный завод М. А. Бухштаба и Э. Б. Китайгородского, основанный в 1872 г., с 67 рабочими и годовым производством на сумму 40,1 тыс. рублей и чугунолитейный и механический завод А. А. Золотарева, основанный в 1893 г., с 58 рабочими, производившими виноградные прессы и ветряные двигатели на 31 тыс. рублей в год. Эти предприятия дали весомую прибавку в экспорте 1901 г. из Керчи. Чугуна в слитках вывезли тогда 823,6 тыс. пудов на 482,1 тыс. рублей, в 1904 г. — 3 188 244 пуда на сумму 1 634 000 рублей¹. Товары, необходимые для деятельности металлургических заводов, в значительной мере поступали по импорту. Заводы даже содержали собственные паровые суда, доставлявшие из-за границы все необходимое к специальной пристани, где производились грузовые операции. Большую часть привозимых товаров составляли машины, металлические изделия, огнеупорный кирпич и каменный уголь.

Имелись две аэропланые фабрики: А. А. Анатры в Симферополе и В. Ф. Адаменко в Карасубазаре. На этих предприятиях было занято до 1100 рабочих. Кроме того, действовали более 20 небольших механических предприятий, производящих продукцию различного назначения — от гвоздей и подков до нефтяных и керосиновых двигателей. Среди них отметим завод Е. В. Фишера в Симферополе; чугунолитейный и механический завод земледельческих машин и орудий И. Я. Лангемана на станции Сарабуз Симферопольского уезда, основанный в 1894 г., с паровым двигателем в 40 л. с., численностью рабочих 60 человек и годовым производством (конные молотилки, жатки, бункера, плуги и т. д.) в 90 тыс. рублей; завод земледельческих орудий В. И. Химцова и И. Я. Лангемана в деревне Сарабуз, основанный в 1894 г., с 30 рабочими и годовым производством в 29,4 тыс. рублей; завод сельскохозяйственных машин и орудий В. С. Хорасанова в поселке Джанкой с паровым локомотивом в 10 л. с. и 80 рабочими, которые производили конные молотилки, жатвенные машины, водоподъемные машины, ветряные двигатели и т. д. на сумму 100 тыс. рублей в год.

Фабрика конноподковных гвоздей и чугунолитейный завод З. И. Надея, основанные в 1898 г. в Феодосии, производили гвозди и осуществляли механический ремонт. С одним нефтяным двигателем в 20 л. с. и 10 рабочими они производили продукцию на сумму 20 тыс. рублей в год.

Деревообрабатывающая промышленность в 1913 г. насчитывала 19 предприятий, из них четыре лесопильных завода с паровыми двигателями и 15 мебельных, ящичных и бондарных предприятий, в том числе фабрика гнутой мебели в Карасубазаре и по одной мебельной фабрике в Евпатории, Феодосии и Севастополе; большая же часть этих предприятий была сосредоточена в Симферополе. Среди них: лесопильный завод и фабрика упаковочных материалов «Товарищества лесопильного дела в Крыму», расположенные на Бешуйской казенной лесной даче в Симферопольском уезде, где 40 рабочих изготавливали древесную шерсть, клепки, фанеру, бочонки для масла и винограда, фруктовые и винные ящики и другие

разнообразные деревянные изделия; мебельная фабрика Н. И. Чернетенко в Симферополе; паровая художественная строительно-столярная фабрика К. Э. Акстмана в Севастополе, основанная в 1884 г. На пяти крымских фабриках производили веялки¹.

Мукомольное производство было представлено 378 предприятиями: 48 были оснащены паровыми или нефтяными двигателями и производили свыше 1 тыс. пудов в сутки; 60 предприятий, оснащенных двигателями, изготавливали менее 1 тыс. пудов; 270 мельниц с ветряными, водяными или комбинированными двигателями вырабатывали до 300 пудов муки в сутки. Среди них наиболее крупной считалась мельница «Виктория» С. Б. Сокольского, основанная в 1883 г. в Керчи, использовавшая 300-сильный паровой двигатель, позволявший трем десяткам рабочих производить муки на сумму 1 759 000 рублей в год.

Консервная промышленность в начале XX в. была сосредоточена в основном в Симферополе. Это были довольно крупные фабрики братьев Вихоревых, А. И. Абрикосова и Эйнема, производившие фруктовое варенье, сиропы, засахаренные фрукты, фруктовые конфеты, повидло, мармелады, а также овощные и мясные консервы. Овощные консервы главным образом производили фабрики братьев Шишман и П. А. Коркунова, а также крупная фабрика рыбных и овощных консервов товарищества И. С. Кефели, располагавшаяся в Балаклаве. Небольшие консервные предприятия и конфетные фабрики имелись и в других городах Крыма.

В Симферополе работали два пивоваренных завода — Ф. Г. Гамма и Андерсена и акционерного общества Двухгорного пивоваренного завода, производившие пива на 46,8 и 107 тыс. рублей в год соответственно.

Среди других предприятий — маслоседелные заводы, крахмальное и мыловаренное производство, завод по производству клея, 74 кирпично-черепичных предприятия, из которых семь относительно крупных с численностью рабочих от 20 до 85 человек, основанных в 1880–1890-е гг., картонная фабрика Савускана в Феодосии. В Симферополе действовали завод жидкой углекислоты, поставлявший продукцию для 22 крымских предприятий по производству минеральных вод, стекольный завод. В Крыму работали 16 полиграфических предприятий (типографий и литографий): 10 — в Симферополе, три — в Севастополе, два — в Ялте и одно — в Феодосии². В этой отрасли были заняты 567 человек. Продолжали действовать ватная фабрика Я. Я. Бабуджиева в Карасубазаре, основанная в 1872 г., и фабрика лаков и красок Гальценфеля и К°, основанная в Севастополе в 1888 г., где 12 рабочих производили различные краски, олифу, лаки на сумму 69,6 тыс. рублей в год.

Электроэнергией полуостров снабжали восемь электростанций в Симферополе, Севастополе, Феодосии, Керчи, Джанкое, Ялте, Балаклаве и Евпатории. В Симферополе, Севастополе и Евпатории действовали трамвайные линии. В Севастополе электростанция «Бельгийского акционерного общества трамваев и применений электричества» с нефтяным и тремя паровыми двигателями общей мощно-

¹ ГАРК. Ф. 359. Оп. 1. Д. 657. Л. 48.

¹ *Езиоранский Л. К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи.

² *Бененсон М. Е.* Экономические очерки Крыма. С. 61–62.

стью 1050 л. с. и со 125 рабочими производила электроэнергию в виде постоянного тока 500 В для трамвая, освещения и промышленных целей¹.

Широко были распространены кустарные и ремесленные промыслы. В мастерских производилось большинство товаров массового потребления: одежда, домашняя утварь, белье, головные уборы и т. д. И лишь производство обуви носило характер рассеянной мануфактуры.

Во второй половине XIX — начале XX в. активно развивалась курортная отрасль. Помимо Ялты, Алушты, Гурзуфа, Алупки, Симеиза санатории и пансионаты строились в Евпатории, Саках, Феодосии, Судаке. Уже к концу XIX в. крымские курорты завоевали широкую известность, однако доступны были далеко не всем. Так, например, пребывание в Сакской грязелечебнице стоило от 140 до 350 рублей в месяц, в то время как заработок квалифицированного рабочего или среднего служащего составлял 25–40 рублей. Уже проводились химические и бактериологические анализы, массажи и процедуры, однако в целом лечение было примитивным. Так, в грязелечебнице больного просто закапывали в грязь прямо на берегу соленых озер так, что наверху оставалась только голова, и он лежал столько, «сколько позволяли силы», чаще до тех пор, пока не впадал в обморочное состояние. Минеральную воду пили в неограниченном количестве, по несколько литров сразу. Однако курортное дело в Крыму непрерывно совершенствовалось, в том числе благодаря личной и финансовой поддержке членов императорской семьи, уделявших особое внимание развитию Крыма как всероссийской здравницы.

Среди товаров, которые в Крыму не производились совсем или изготавливались в недостаточном количестве: сахар, коровье масло, сыр, мясные товары, чай, картофель, живая птица, жиры и сало, растительное масло, апельсины и лимоны, кофе, бакалея, овощи, лесной товар, целлюлоза, одежда, обувь, ткани, лен, пенька, нитки, пряжа, керосин, нефть, каменный уголь, дрова, металлические изделия, руда, машины, строительный лес. Все это в основном поставлялось из других губерний Российской империи и частично импортировалось из-за границы через Одессу. Свыше 75% избыточной продукции, которая вывозилась из Крыма, составляли почти поровну зерновой хлеб, фрукты и табак. Вино занимало почетное четвертое место. В оставшиеся 15% входили все остальные товары.

Несмотря на значительную активизацию торговли в Феодосии в целом, импорт был незначителен. В 1899 и 1900 гг. в порт прибыли значительные партии каменного угля (1 млн пудов) для казенных железных дорог, а также оборудования и огнеупорного кирпича для строившихся близ Феодосии заводов по производству кирпича и черепицы².

Однако уже в 1910 г. были облегчены правила ввоза в Феодосию ряда товаров сельскохозяйственного назначения, каменного угля и некоторых других. Именно в этом нуждался крупнейший в Крыму хлебный порт. В 1911 г. в Феодосию привезли жней-сноповязалок 32 392 пуда, сложных паровых молотилок 10 768 пудов,

сеноворошилок и конных граблей 2744 пуда¹. В 1912 г. на двух германских пароходах было доставлено 76 982 пуда сельскохозяйственных машин². В 1913 г. привозили в основном каменный уголь, а вот в 1914 г. Феодосийский порт принял: 10 446 пудов газовых и нефтяных двигателей, 22 201 пуд локомотивов при сложных молотилках и паровых плугах, 21 279 пудов жней-сноповязалок, 21 279 пудов сложных паровых молотилок и 18 594 пуда бечевы из манильской пеньки для жней-сноповязалок³.

Севастополь в этот период был ориентирован на внутренний рынок страны, получая из-за границы товары бытового назначения и высококачественный уголь для военных кораблей. Важно отметить, что Севастополь, превратившись в сугубо военный и каботажный порт, не был лишен таможни 1-го класса, поскольку к началу XX в. сам превратился в крупный потребительский рынок, о чем свидетельствует грузооборот порта. В 1909 г. он составил 10 млн пудов, из которых 3471 тыс. пудов пришлось на импорт из-за границы, а 412 тыс. пудов — на вывезенную в Турцию продукцию севастопольских мукомолен.

В начале XX в. в торговле Керчи с Турцией примечательным было снабжение монастырей Старого Афона, куда отправляли рыбу, икру и муку. В 1903 г. в Турцию и Старый Афон было вывезено 20 498 пудов товаров на сумму около 40 тыс. рублей⁴. В том же году был завершен проект сооружения в Керчи глубоководного порта, однако начало войны с Японией отодвинуло его рассмотрение в правительстве на неопределенное время.

Керченский импорт, помимо товаров, необходимых для металлургических заводов, состоял из малоценных или низкопошлинных малоазиатских товаров, дров и деревянных изделий⁵. Турецкие суда приходили обычно из Анатолии с дровами, лопатами, веслами, ложками, корзинами из щепы. Но даже эти суда заходили в Керчь, потому что были обязаны остановиться на Керченском рейде для совершения таможенных обрядностей. Если шкипер, он же владелец товара, находил покупателя на свой груз, то товар выгружался в Керченском порту, если нет, то, простояв некоторое время, турки продолжали свой путь в Азовское море.

Импортные товары вообще были обязаны своим происхождением четырем государствам: Бельгии, Германии, Англии и Турции. Первое место по ценности товаров занимала Бельгия, а последнее — Турция. Западные товары поступали всегда в виде почтовых посылок, а турецкие доставлялись морем и регулярно. Интересно, что потребность в хорошей одежде, обуви, аксессуарах, предметах удобства и роскоши росла. Так, в 1901 г. в Керчь поступило 313 посылок, в 1902 г. — 540, а в 1903 г. — 1124⁶. Посылка оказалась единственным способом непосредственного получения

¹ *Езиоранский Л. К.* Фабрично-заводские предприятия Российской империи.

² ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 809. Л. 8–14.

¹ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1911 год. СПб., 1913. С. 5–511.

² ГАРК. Ф. 221. Оп. 1. Д. 1277. Л. 47.

³ Обзор внешней торговли России по европейской и азиатской границам за 1914 год. СПб., 1916. С. 2–800.

⁴ ГАРК. Ф. 359. Оп. 1. Д. 657. Л. 55.

⁵ Там же. Л. 45.

⁶ Там же.

качественных товаров из-за границы. К сожалению, запрещение транзита по железной дороге через таможенные на западной сухопутной границе не способствовало развитию торговли европейскими товарами в Крыму. До революции 1905 г. западные таможенные, расположенные на границах с Германией и Австрией, еще шли навстречу крымским купцам, отправляя товар транзитом по просьбе последних, однако бурное время вызвало новые административные ограничения, и каждое отправление товара стало сопровождаться особым ходатайством и сопряженными с ним накладными расходами, т. е. взятками. Все это приводило к потере времени, тем более что петиции такого рода не всегда находили положительный ответ. Тогда получатель, потратив на переписку в среднем около месяца, был вынужден или сам ехать в пограничную таможенную для получения товара, или посылать своего поверенного, что вновь увеличивало накладные расходы. В результате цены на полуострове были значительно выше, чем в пунктах, куда товары поступали напрямую.

Привозились преимущественно продукты питания, металлические изделия, автомобили, уголь, восточные ткани и предметы роскоши. Севастополь, как и Южный берег Крыма, постепенно превращался в курорт, привлекая массу гостей и транзитных пассажиров, начиная по примеру некоторых западноевропейских городов «жить туристами». Наконец, в городе тратили свое жалованье многочисленные полки и флотские экипажи, вызывая новые и новые товарные вливания в местный рынок.

В общую сумму морских перевозок вкладывали свою лепту все населенные пункты, расположенные вдоль побережья. Если ограничиться пунктами, учтенными таможенной статистикой (не менее 50 тыс. пудов в год, включая большой и малый каботаж), то на Черном и Азовском морях их было 45, в том числе в Крыму: Бакал, Евпатория, Севастополь, Балаклава, Ялта, Алушта, Судак, Феодосия и Керчь. В 1908 г. по полному грузообороту они занимали следующие места: Феодосия — 10-е, Керчь — 11-е, Евпатория — 13-е, Севастополь — 19-е, Ялта — 20-е, Бакал — 28-е, Алушта — 38-е, Судак — 41-е, Балаклава — 44-е¹.

К началу XX в. традиционные резервы увеличения аграрного производства и зернового экспорта были исчерпаны, что приводило теперь уже к избытку сельскохозяйственного населения и стимулировало строительство фабрик, создание рабочих мест в городах и портах. По заявлениям чиновников крымских таможен, после 1910 г. на полуострове имелся значительный избыток рабочей силы и созрели все условия для организации фабричного производства. В самом деле, немало мукомольных, табачных, кондитерских фабрик, кирпичные и металлургические заводы были уже открыты. На внутреннем рынке их продукция чувствовала себя уверенно, постепенно осваивались и внешние рынки. Накануне Первой мировой войны изменился характер импорта: через крымские порты ввозились товары не бытового назначения и не транзитные, а функционально предназначавшиеся для удовлетворения в первую очередь производственных нужд Крыма.

¹ Кнушевицкий С. А. Обзор коммерческой деятельности южно-русских портов. Харьков, 1910. С. 41.

На полуострове, окончательно включенном к концу XIX в. в общероссийский аграрный рынок, обладавшем передовыми формами сельского хозяйства, прекрасным климатом, удобным географическим положением, созрели все условия для начала следующего этапа развития рынка — диверсификации промышленности и развития естественных отраслей полуострова: переработки сельхозпродуктов, строительной, винодельческой, курортной. Практически все, что и сегодня составляет основу народно-хозяйственного комплекса Крыма, интенсивно развивалось, обещая полуострову блестящее будущее, впрочем, как и сейчас.

§ 2. Национальные движения и политические партии в Крыму

Д. А. Прохоров, Э. И. Сейдалиев

НАЦИОНАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ КРЫМСКИХ ТАТАР. В конце XIX — начале XX в. в Таврической губернии, как и в Российской империи в целом, наблюдался подъем общественно-политического движения, в том числе национального. В становлении и подъеме национального самосознания крымских татар большую роль сыграла деятельность выдающегося просветителя и общественного деятеля Исмаила Гаспринского. В 1880 г. в тифлисском издательстве «Зия-и-Кавказ» ему удалось выпустить несколько пробных номеров беллетристико-публицистической газеты «Тонгъуч» («Первенец») тиражом около 500 экземпляров. Одновременно с хлопотами по открытию в Бахчисарае собственной типографии и выпуску газет «Файдалы Эглендже» («Полезное развлечение») и «Закон»¹ И. Гаспринский продолжал активно сотрудничать с редакциями периодических изданий Таврической губернии². Так, в конце 1880 г. — начале 1881 г. под псевдонимом «Маленький мулла» он опубликовал в симферопольской газете «Таврида» три полушутливых «Бахчисарайских письма». В них И. Гаспринский писал о необходимости скорейшего просвещения крымских татар: «В этом смысле громадную роль могло бы приобрести печатное слово на татарском языке». Несколько позже в «Тавриде» было опубликовано

¹ Ганкевич В. Ю. Первые попытки создания периодических изданий на крымско-татарском языке (ходатайства И. Гаспринского по созданию газет «Файдалы Эглендже» и «Закон») // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 420–427.

² Прохоров Д. А. Исмаил Гаспринский — корреспондент газеты «Таврида» // Актуальные вопросы истории крымских татар. I научные чтения. Симферополь, Бахчисарай, 10–12 апреля 2002 г. Симферополь; Бахчисарай, 2002. С. 48–54; *Он же*. Исмаил Гаспринский — корреспондент газеты «Салгир» // УЗ КРИППО. Симферополь, 2008. № 9. С. 17–22; *Он же*. Вопросы развития системы народного образования крымских татар в XIX — начале XX в.: по материалам периодической печати Таврической губернии // Актуальные проблемы изучения и сохранения историко-культурного наследия Крыма: тезисы докладов научных конференций и круглых столов. Симферополь, 2016. С. 23–24.

продолжение «Писем» — знаменитое программное произведение И. Гаспринского «Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина». Вскоре ему удалось добиться у властей разрешения на право издания двуязычной газеты «Переводчик-Терджиман», первый номер которой увидел свет 10 апреля 1883 г.

В связи с предстоящими торжествами по поводу 100-летия присоединения Крыма к России И. Гаспринский говорил о необходимости в будущем уделить серьезное внимание проблемам крымских татар. По его мнению, необходимо было решить вопросы о вакуфных землях, участии в выборах высшего мусульманского духовенства всех мусульман Крыма, а не только дворянской верхушки и духовенства. Насущной оставалась и проблема крымско-татарского образования¹. В дальнейшем положения, выработанные И. Гаспринским, вошли в программу национального движения крымских татар.

К 1900-м гг. активная работа И. Гаспринского и его единомышленников по распространению просветительских идей среди крымско-татарского населения принесла свои плоды. «Вообще заметен значительный подъем духа у бахчисарайской татарской интеллигенции, постепенное распространение которой не подлежит никакому сомнению, — сообщал в 1902 г. корреспондент симферопольской газеты «Салгир». — В этом немалая заслуга «Переводчика» и его почтенного редактора Исмаила мурзы Гаспринского»².

Начало общественного движения среди крымских татар относится к 1904 г., при этом оно имело почти локальный характер. Тогда, в соответствии с докладом начальника жандармского губернского управления, представители крымско-татарской общины Бахчисарая собирались в здании городского управления для обсуждения текущего политического момента³. В ходе этих собраний участники высказывались за создание отдельных национальных крымско-татарских воинских подразделений (срок службы в которых не должен был превышать двух лет), упразднение сословных привилегий, а также избрание по баллотировке российского царя на пятилетний срок. 24 марта 1905 г. в Симферополе под руководством исполняющего должность Таврического муфтия Адиль-мурзы Карашайского состоялось учредительное собрание представителей мусульманских общин Крыма для составления всеподданнейшего адреса, где должны были быть отражены основные проблемы крымских татар. На собрании было решено создать специальную комиссию по сбору и систематизации предложений крымских татар всех регионов края, куда вошли наиболее известные и авторитетные общественные деятели, представители духовенства и национальной интеллигенции (в том числе И. Гаспринский). Спустя несколько недель была сформулирована петиция из 19 пунктов, адресованная Комитету министров России⁴.

Однако работе этой комиссии противодействовало высшее исламское духовенство губернии. Оппозиционное движение, которое возглавил Адиль-мурза Карашайский, попыталось дискредитировать среди мусульман Крыма основные прогрессивные идеи общей петиции. В свою очередь, духовенством была подготовлена иная петиция, составленная в соответствии с требованиями шариата. Конфронтация среди лидеров мусульман привела к тому, что властям удалось не допустить консолидации среди мусульманского населения страны в целом. Однако крымская делегация, отправившаяся в Санкт-Петербург, все же смогла довести до сведения высших административных структур выработанную совместно позицию (в том числе добившись аудиенции у председателя Комитета министров графа С. Ю. Витте). Таким образом, в результате общественного подъема крымских татар удалось заложить фундамент национально-освободительного движения. Назрел вопрос и о создании всеобщей политической организации мусульман империи¹.

Вскоре на политической арене Российской империи громко заявила о себе Всероссийская общественно-политическая организация тюрко-мусульманских народов империи «Иттифак-эль-муслимин» («Союз мусульман»), у истоков которой стояли видные общественные деятели из числа крымских татар. Первый (учредительный) съезд этой организации состоялся в августе 1905 г. в Нижнем Новгороде, где присутствовала и крымская делегация. В итоге делегаты съезда выработали резолюцию, в соответствии с которой предлагалось: по всем вопросам государственной политики ориентироваться на российских конституционных демократов (кадетов, которых мусульмане признали «лучшей прогрессивной частью» российских граждан); заботиться о культурном развитии тюркских народов, в том числе выступать за реформирование региональных мусульманских духовных правлений, поддерживать существующие и открывать новые учебные заведения, и т. п. Одной из важных задач являлось разъяснение среди мусульман значения царского манифеста от 6 августа 1905 г., в котором декларировалось учреждение Государственной думы и определялись принципы выбора ее депутатов. И, наконец, признавалось необходимым навести порядок в сохранении общинных земель мусульман и вакуфных имуществ².

И хотя итоговая версия резолюции съезда несколько отличалась от той, что предложил И. Гаспринский, тем не менее главная цель была достигнута: в общественно-политической жизни мусульмане разных направлений заявляли общие цели и задачи. Делегаты решили обратиться к императору Николаю II со всеподданнейшим адресом, в котором, в частности, говорилось: «Великий наш царь-государь!.. В нашем отклике на первый твой призыв мы чистосердечно указали на те пробелы унаследованного тобой уклада, которые вековым гнетом своим препятствовали духовному и экономическому нашему преуспеянию... Не отчуждения от коренного населения жаждем мы, а единения с ним на всех путях по праву полноправных ныне русских граждан»³.

¹ Гаспринский И. По поводу предстоящего юбилея (письмо в редакцию) // Таврида. 1882. № 38. С. 2.

² Бабиян В. Экскурсия в Бахчисарай и Чуфут-Кале // Салгир. 1902. 8 июня.

³ Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П. Исмаил Гаспринский и возникновение либерально-мусульманского политического движения. Симферополь, 2008. С. 43.

⁴ Медиев А. Крымские письма / сост., вступ. ст. В. Ю. Ганкевич. Симферополь, 2005. С. 60–62.

¹ Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П. Исмаил Гаспринский... С. 57.

² Там же. С. 66–67.

³ Там же. С. 71.

Теперь крымской части делегатов съезда «Иттифак-эль-муслимин» предстояло организовать работу на местах. Одним из ключевых событий в этом направлении стало объявление манифеста Николая II от 17 октября 1905 г., который провозглашал и предоставлял политические права и свободы: свободу совести, слова, собраний, союзов и неприкосновенность личности. 21 октября 1905 г. в очередном номере «Переводчика-Терджимана» появилась заметка о новом направлении в периодической печати для мусульман: «Высочайший манифест 17 октября открывает собою новую блестящую эпоху в истории и жизни дорогой Руси. Отныне свободные, правоспособные русские граждане легко и быстро пойдут по пути интенсивного развития и благосостояния»¹. Сообщалось также о начале издания специального еженедельного журнала, предназначенного для мусульманок, под названием «Алеми Нисван» («Женский Мир»), в котором планировалось «освещение этого нашего мира общечеловеческими и полезными знаниями». Заведующей редакцией журнала стала дочь И. Гаспринского Шефика.

26 октября 1905 г. в здании Бахчисарайской городской думы был организован митинг, собравший более 100 участников из числа местных крымских татар. И. Гаспринский разъяснил присутствовавшим значение манифеста для крымских татар, а также указал на многообразие существовавших в России партий и организаций, сообщил об итогах съезда в Нижнем Новгороде и об учреждении «Иттифак-эль-муслимин». Секретарь собрания Исмаил Леманов заявил, что мусульмане не сделают ошибки, «если по-братски пойдут рука об руку с русской либеральной партией»². Поставленная организаторами собрания цель была достигнута, решение о поддержке «Иттифак-эль-муслимин» на городском уровне принято. Аналогичное решение утвердили и на митинге крымских татар в Карасубазаре. Кроме того, на собрании в Бахчисарае его участники высказались за то, чтобы все конфессиональные ограничения в российском законодательстве были упразднены, а также резко осудили произошедшие в России погромы, связанные с объявлением Манифеста 17 октября. Встал вопрос об организации Всекрымского все сословного съезда мусульман Таврической губернии, инициативу созыва которого взял на себя известный общественный деятель, экс-городской голова Бахчисарая Мустафа-мурза Давидович.

Работа съезда началась 20 ноября 1905 г. В повестку дня входило обсуждение вопросов о реформе Таврического магометанского духовного правления; управлении и рациональном использовании вакуфных имуществ и улучшении положения безземельных крымско-татарских крестьян. Председательствовать на съезде, на который съехались более 700 депутатов со всего Крыма, поручили И. Гаспринскому; для участия в заседании съезда приглашен был и таврический губернатор Е. Н. Волков. В адрес последнего прозвучало единогласное требование крымско-татарских депутатов о немедленном устранении от должности всего состава Таврического магометанского духовного правления и назначении выборов, на что

губернатор пообещал внимательно рассмотреть данную проблему. Таким образом, Всекрымский все сословный съезд мусульман Таврической губернии имел важное общественное значение, продемонстрировав не только готовность крымских татар к решению своих насущных проблем, но и заявив о партии «Иттифак-эль-муслимин» как о новой силе на российской политической сцене.

На втором собрании крымских татар в Симферополе, которое состоялось 23 ноября 1905 г., было принято решение войти в состав «Иттифак-эль-муслимин» и образовать его крымский подотдел, при этом делегаты воздержались от присоединения к одной из общероссийских партий, оставаясь «на почве Манифеста 17 октября». Председателем крымского отделения партии был избран Исмаил Гаспринский, а членами правления стали: Мустафа Кипчакский, Асан Сабри Айвазов, Абдурахман Мемет-оглу, Асан Тарпиев, Сулейман Крымтаев, Абдурешид Медиев, Рустембек Ахундов, Исмаил и Амет Муфти-заде, Гурзуф Ибрагим, Али Булгаков и Аббас Корбек¹.

Важнейшим достижением крымско-татарского съезда «Иттифак-эль-муслимин» являлось то, что он фактически стал первым политическим объединением крымских татар, вошедшим в общемусульманскую организацию на общественно-политическом поле Российской империи. С 1905 г. начался активный процесс формирования национальной крымско-татарской общественно-политической элиты.

В конце ноября на очередном митинге крымских татар в Симферополе его участники выдвинули требование о политическом и религиозном равноправии с другими народами, а также об их участии в управлении государством, принятии конституции. Вскоре И. Гаспринский в качестве члена ЦК присутствовал на II съезде «Иттифак-эль-муслимин», нелегально проходившем в Петербурге с 13 по 23 января 1906 г.² В Нижнем Новгороде 17 августа 1906 г. открылся III съезд организации «Иттифак-эль-муслимин», где его делегатами была принята программа, фактически идентичная (за исключением вопросов о школьном образовании) программе кадетской партии. Планировавшийся на 1907 г. съезд не состоялся по причине запрета, наложенного 11 августа 1907 г. на его проведение министром внутренних дел П. А. Столыпиным, а деятельность самой партии «Иттифак-эль-муслимин» была полностью запрещена правительством.

Следует сказать, что помимо «Иттифак-эль-муслимин» в 1905 г. образовалась группа крымско-татарских социалистов-федералистов во главе с Аппаз-мурзой Ширинским. С 13 мая 1906 г. в Карасубазаре они начали издавать газету «Ватан хадими» («Служитель родины»), редактором-издателем которой стал член Карасубазарской городской управы, представитель новой волны крымско-татарской

¹ Гаспринский И. Высочайший манифест (17 октября 1905 г.) // Переводчик-Терджиман. 1905. 21 октября.

² Медиев А. Крымские письма. С. 73–74.

¹ Ганкевич В. Ю., Шендрикова С. П. Исмаил Гаспринский... С. 92.

² Зарубин В. Г. Межнациональные отношения, национальные партии и организации в Крыму (начало XX в. — 1921 г.) // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2003. № 1. С. 53–83; *Он же*. Межнациональные отношения и национальная политика государственных образований в Крыму (конец 1917–1920 г.) // Исторический опыт межнационального и межконфессионального согласия в Крыму: сборник научных трудов. Симферополь, 1999. С. 61–72; Королев В. И. Бунт на коленях (Политические партии в Таврической губернии 1905–1907 гг.). Симферополь, 1993. С. 43–44.

интеллигенции А. Медиев. В материалах «Ватан Хадими» звучал протест против нерешенной земельной проблемы в Крыму, критиковался самодержавный монархический строй; авторы газеты выступали против традиционалистов в крымско-татарском обществе. Вскоре А. Медиев был избран депутатом II Государственной думы от Таврической губернии, где состоял в мусульманской фракции¹.

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ. В конце XIX—начале XX в. на полуострове активную работу вели представители революционных организаций социал-демократов. Организацией рабочего движения в Крыму занимались Л. М. Хинчук, Н. И. Иорданский, Б. Л. Вольфензон, В. Г. Громан, Е. П. Громан и несколько высланных из Петербурга рабочих. Первый марксистский кружок был создан Б. Л. Вольфензоном в Симферополе в 1899 г.; он объединил около 10 еврейских ремесленников и рабочих табачной фабрики². «Симферопольский рабочий союз» состоял из 10 кружков, включавших в свои ряды около 50 членов. В один кружок входили русские рабочие (руководитель — студент В. А. Зборовский), остальные сформировались из евреев (при этом необходимо отметить, что многие кружки и рабочие союзы по составу были не только интернациональными, но и многопартийными). Вскоре подобные «союзы» появились в Севастополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Мелитополе. Первый в Крыму городской комитет РСДРП был организован в 1902 г. в Симферополе, когда из Харькова прибыл уполномоченный ЦК партии А. Коган: при его участии к уже существовавшему рабочему союзу были доизбраны несколько членов³.

Работа по созданию кружков РСДРП была прервана в 1901 г. Сначала в январе в Симферополе в мастерских города вспыхнула стачка. 50 рабочих столярных мастерских одним из условий ее прекращения потребовали установления 10,5-часового рабочего дня с полуторачасовым перерывом на обед вместо 11,5-часового рабочего дня, введенного правительством в 1898 г. Спустя несколько дней требования забастовщиков были удовлетворены, однако впоследствии часть членов марксистского кружка все же была выслана за пределы губернии⁴. А в ночь на 14 мая 1901 г., как докладывал таврическому губернатору симферопольский полицмейстер, в городе были разбросаны листовки РСДРП, призывавшие всех рабочих и работниц, без различия веры и национальности, «соединяться в союзы, выходить на улицы и выступать против хозяев и правительства»⁵.

5 мая 1901 г. в губернской столице прошла демонстрация, участники которой требовали политических свобод и восьмичасового рабочего дня. Организаторами этой открытой политической акции выступили еврейские социал-демократы, активисты партии «Поалей-Цион» (А. Дискин, В. Громан, П. Терноуцкий, М. Седловский, Я. Камерс, М. Шухер и Х. Волович)¹. «Толпа рабочих и работниц местных портняжных, сапожных, столярных, слесарных мастерских, табачных фабрик, всего около 100 человек, впервые в Симферополе устроила публичную майскую демонстрацию, — сообщала в одном из номеров нелегальная революционная газета «Искра», — с пением рабочей Марсельезы прошли по главной улице нашего города при громаднейшем скоплении публики, которой раздавались прокламации... Шествие, прошедшее в образцовейшем порядке, длилось, правда, недолго, минут 25–30, не больше, но впечатление произвело оно сильное... Затем началась настоящая охота на ремесленных, а отчасти и других рабочих нашего города»². Почти все организаторы рабочего движения, участвовавшие в демонстрации, были арестованы и высланы (В. Громан, Б. Л. Вольфензон); некоторым из них, по их собственным словам, пришлось «удирать и тем спастись от ареста»³.

В начале 1901 г. первый социал-демократический кружок появился в Севастополе (его организовал бывший студент Санкт-Петербургского университета, член петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса» А. Шепетьев). Ядро кружка составили рабочие судостроительной мастерской военного порта. Тогда же возникли социал-демократические кружки в 29-м и 31-м флотских экипажах. В мае 1902 г. эта организация получила название «Севастопольского рабочего союза», однако вскоре она была разгромлена жандармами. Тем не менее уже в начале 1903 г. в городе появились восемь новых социал-демократических кружков: «портовый», «городской», «флотский», у солдат крепостной артиллерии, на крейсере «Очаков», на учебном крейсере «Березань», на учебном корабле «Прут» и др.⁴

В 1902 г. в Феодосии насчитывалось 10 социал-демократических кружков; летом того же года полицией были выявлены следы деятельности социал-демократического кружка в Мелитополе, который его организаторы называли «Искоркой». К тому же периоду относится попытка организовать социал-демократический кружок и в Бердянске, однако успехом она не увенчалась⁵. С лета 1903 г. в Бердянске действовал социал-демократический кружок, который координировался Екатери-

¹ Государственная дума Российской империи, 1906–1917: энциклопедия / под ред. Б. Ю. Иванова, А. А. Комзоловой, И. С. Ряховской. М., 2008. С. 366; Мусульманские депутаты Государственной думы России. 1906–1917 / сост. Л. А. Ямаева. Уфа, 1998. С. 297–298.

² Королев В. И. Первые шаги крымской социал-демократии: типичное и особенное // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2007. № 19. С. 151.

³ Там же. С. 151.

⁴ Королев В. И. Возникновение политических партий в Таврической губернии. Симферополь, 1993. С. 5.

⁵ Симферополю 200 лет. 1784–1984: сборник документов и материалов. Киев, 1984. С. 58.

¹ Королев В. И. Первые шаги крымской социал-демократии... С. 151, 152; *Он же*. Возникновение политических партий... С. 12.

² Симферополю 200 лет... С. 59.

³ Хинчук Лев Михайлович (автобиография) [Электрон. ресурс] // Большая биографическая энциклопедия. URL: http://dic.academic.ru/dic.nsf/enc_biography/42113/Хинчук (дата обращения: 24.02.2017).

⁴ Ванев Г. И. Севастополь. Страницы истории. 1783–1983. Справочник. Симферополь, 1983. С. 50–51, 60.

⁵ Королев В. И. Возникновение политических партий... С. 7; *Он же*. Организации политических партий Северной Таврии в начале XX столетия (численность и размещение) // КНП. 2003. № 46. С. 148.

нославским подотделом «Российского социал-демократического союза горнозаводских рабочих».

По замечанию В. И. Королева, одной из особенностей крымской социал-демократии начала XX в. стало отсутствие на полуострове большевистских организаций. Раскол РСДРП на умеренно-социалистическую (меньшевиков) и леворадикальную (большевиков) части произошел в июле 1903 г. на II съезде РСДРП, а делегат «Крымского союза» М. С. Макадзюба (Панин) примкнул к меньшевикам. Однако социал-демократические комитеты Таврической губернии практически все являлись меньшевистскими или же с участием небольшого числа большевиков. В апреле 1903 г. социал-демократические комитеты Севастополя, Симферополя, Керчи, Феодосии, Ялты и Мелитополя объединились в «Крымский комитет РСДРП», который возглавил М. И. Аронов (его заместителем стал Е. И. Рабинович)¹. В Бердянске с ноября 1903 г. под руководством Екатеринославского комитета РСДРП действовал Бердянский социал-демократический кружок, отказавшийся от вхождения в «Крымский союз». С весны 1906 г. в Севастополе непродолжительное время существовала военная организация РСДРП(б) — «Севастопольский военный комитет»². Его членами был написан манифест, в котором звучал призыв к подготовке вооруженного восстания для созыва Учредительного собрания. «В полном сознании громадной ответственности, падающей на него, Военный комитет берет на себя подготовку восстания и руководство им», — говорилось в листовке, распространенной комитетом 14 мая 1906 г.³

Деятельность революционных организаций контролировалась органами политического сыска и наружным наблюдением (филерами): например, в Севастополе в период с 1902 по 1908 г. в кружки РСДРП было внедрено 13 секретных агентов, а в организации социалистов-революционеров (эсеров) в 1903–1912 гг. их насчитывалось 16 человек⁴. В период с 1903 по 1904 г. органы политической полиции провели серию удачных операций по пресечению деятельности «Крымского союза РСДРП». Были выслежены, арестованы, а затем и высланы активисты мелитопольской, бердянской, керченской организаций, рассекречены и ликвидированы подотделы этой партии в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте⁵. Тем не менее вскоре организации РСДРП появились даже в тех населенных пунктах, где не было

отмечено преобладания рабочего элемента, а именно: в Евпатории, Джанкое, Алушке, Карасубазаре, Большом Токмаке, Ногайске, а также в ряде крупных сел крымских и материковых уездов губернии¹.

Партия социалистов-революционеров (ПСР, эсеры) относилась к леворадикальному крылу социал-демократических организаций, действовавших в Таврической губернии, и была наиболее многочисленной и самой влиятельной немарксистской социалистической партией. Первый кружок эсеров был создан в Севастополе в 1900 г. врачом С. А. Никоновым, в 1903 г. кружки ПСР сформировались в Керчи, Феодосии, Ялте, в 1904 г. — в Симферополе, Евпатории, в 1905 г. — в Алушке, Старом Крыму и Бахчисарае, в 1906 г. — в Перекопе и Армянском Базаре². В июле 1905 г. был создан Таврический союз партии эсеров, в рядах которого состояло не менее 1 тыс. членом³.

Центрами анархизма в России стали Белосток, Екатеринослав и Одесса. Появление первой группы анархистов Таврической губернии зафиксировано 10 февраля 1905 г. в Ялте, когда в одной из пещер Ай-Никола (имение Ореанда) полиция обнаружила гектограф, шрифты, листовки и печать «Комитета боевой дружины анархистов г. Ялты». Группы анархистов, которые впоследствии образовались в Симферополе (П. Короп), Севастополе, Бердянске (Н. Сосновский, И. Валявский), Феодосии, Керчи, Мелитополе и некоторых других городах, действовали в тесном контакте с членами «Южнорусского союза рабочих анархистов-коммунистов» в Екатеринославе⁴. Анархистами различных направлений одним из основных средств борьбы признавались террор и экспроприация. В Крыму такие группы, как севастопольская «Свобода внутри нас», «Мелитопольская группа анархистов-экспроприаторов», симферопольская группа П. Коропа, бердянская Н. Сосновского, феодосийская, керченская и другие объединения анархистов, осуществляли террористические акты и прочие противозаконные действия уголовного характера.

ПАРТИИ КОНСЕРВАТИВНОГО И ЛИБЕРАЛЬНО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО НАПРАВЛЕНИЯ. «Союз русского народа» (СРН) — массовая черносотенная монархическая организация, образовавшаяся в России в 1905 г., имела свои отделения и в Таврической губернии: в Севастополе, Симферополе, Керчи, Феодосии, Ялте, Бердянске, Евпатории, Джанкое. В Евпатории действовал «Союз русских людей» (организатор — священник Василий Ващановский). В «Керченский союз», образованный в 1906 г., входили около 200 человек. Возглавлял организацию керченских черносотенцев Бескровный, а в ее рядах состояли жандармский генерал в отставке С. В. Трубников и сын известного табачного фабриканта В. Месакусди. «Феодосийский союз» организовался в 1906 г. и состоял из 150 членом. Отметим также, что

¹ Королев В. И. Первые шаги крымской социал-демократии... С. 151; Гордимер В. Евреи в Крыму и Северной Таврии с начала XX века до I мировой войны (1900–1913 гг.) // КНП. Симферополь, 2002. № 31. С. 82.

² Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма. История и современность. Симферополь, 2002. С. 75.

³ Ванев Г. И. Севастополь. Страницы истории... С. 70.

⁴ Крестьянников В. В. Органы политического сыска в Севастополе в конце XIX — начале XX в. // Севастополь: память о прошлом: сборник научных статей сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2007. С. 44.

⁵ Королев В. И. Действовать энергично и по закону. История политической полиции Крыма. Симферополь, 2007. С. 62; Он же. Возникновение политических партий... С. 9–10.

¹ Королев В. И. Действовать энергично и по закону... С. 63.

² Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма... С. 66.

³ Там же. С. 67.

⁴ Королев В. И. Возникновение политических партий... С. 13.

Севастопольский, Керченский и Феодосийский «союзы» пользовались поддержкой среди портовых рабочих¹. Программа и деятельность СРН базировались на монархических, шовинистических и антисемитских идеях, а также православном радикализме. В «Основных положениях Союза русского народа» декларировалось восстановление «исконной русской православной земско-государственной соборности», при этом отмечалось, что «современный бюрократический строй, который заслонил светлую личность русского царя от народа и присвоил себе часть прав, составляющих исконную принадлежность Русской самодержавной власти... привел Россию к тяжелым бедствиям и потому подлежит коренному изменению»².

После обнаружения царского Манифеста 17 октября 1905 г. на фоне оживления общественно-политического движения в Таврической губернии в октябре того же года сформировалась Симферопольская организация конституционных демократов (кадетов) — центристская политическая партия России, в состав которой вошли либерально настроенные землевладельцы, средняя городская буржуазия (промышленники, купцы, банкиры), учителя, врачи и служащие. Симферопольское отделение партии возглавили князь В. А. Оболенский, землевладельцы М. К. Мурзаев, Б. В. Тыртов. Феодосийским отделом партии кадетов руководил караим С. С. Крым, Джанкойским (созданным 28 октября 1905 г.) — председателем земской управы П. Н. Толстов. Членами Перекопского отдела состояли: секретарь Перекопской городской управы Яковлев, податной инспектор Васильев, уездный врач Герцык, а также караим Синани, Добахов и др. Митинг кадетской партии в Ялте состоялся 12 ноября 1905 г., а местный комитет возглавили врачи П. Розанов и Волков (однако летом 1906 г. они были высланы из Ялты). Тогда же кадетская организация была создана и в Севастополе (ее возглавил отставной генерал П. Д. Лесевич). Керченский комитет кадетов находился под руководством помещика Д. Д. Посполитики³.

В конце ноября 1905 г. в Севастополе было учреждено отделение либерально-консервативной партии «Союз 17 октября» — умеренно правой политической партии крупных землевладельцев, предпринимателей и чиновников России. В конце 1905 г. — в начале 1906 г. отделы этой партии сформировались также в Симферополе, Феодосии, Перекопе, Мелитополе, Керчи. Всего на территории Таврической губернии насчитывалось более восьми подобных организаций с общим числом членов 4700 человек⁴. Октябристы, представлявшие правое крыло российского либерализма и придерживавшиеся умеренно-конституционных и антиреволюционных взглядов, своими основными задачами называли «противодействие как революционной, так и реакционной пропаганде», а также стремились к объединению общественных сил на выборах в Государственную думу с целью «внести в страну

умиротворение путем созидательной, законодательной деятельности и укрепления государственной власти»¹.

СИОНИСТСКИЕ, АРМЯНСКИЕ, КРЫМЧАКСКИЕ И КАРАИМСКИЕ ПАРТИИ И ОРГАНИЗАЦИИ. В начале XX в. в Крыму в рамках активизации общественно-политического движения возникли организации различных политических партий, в том числе национальных. Российская сионистская социал-демократическая партия «Поалей Цион» была основана в 1899 г. (по другим данным, в 1900 г.) в Екатеринославе. Это движение распространилось в северо-западных районах черты оседлости, на Юге России и в Польше. Идеологической платформой партии стала концепция, в соответствии с которой еврейский пролетариат, разделяя судьбу мирового пролетариата, тем не менее сталкивается с особыми, специфическими проблемами, которые могут быть решены только путем сосредоточения еврейского рабочего класса в «Эрец-Израэль» (стране Израиле)²: «...еврейские массы, вытесняемые капиталистическим развитием и экономическим антисемитизмом, не находят доступа к крупной индустрии, следствием чего является усиленная эмиграция и необходимость концентрировать евреев на особой территории»³. Суть идеи территориализма заключалась в том, что он в качестве политической революции в еврейской жизни осуществлялся классовой борьбой еврейского пролетариата. Это выражалось в возникновении и развитии всемирного пролетарско-сионистского движения, стремившегося на пути к социальной революции разрешить еврейскую национальную проблему территориальной автономии в Палестине⁴. В 1903–1905 гг. часть «Поалей Цион» стояла на позициях территориализма, а другая часть («сеймисты») включилась в борьбу за еврейскую автономию. Оба движения окончательно раскололись в 1905 г.

В Симферополе первый крымский кружок партии «Поалей Цион» был создан в начале 1901 г. (состоял в основном из 40–50 членов во главе с Генштейном и М. Заадовым); подчинялось крымское отделение руководящему центру партии в Екатеринославе. С 1902 г. кружок партии действовал уже в Феодосии (руководитель — Г. Абрамов); одной из форм его работы стало издание газеты «Еврейская рабочая хроника». К 1905 г. кружки «Поалей Цион» существовали почти во всех городах Таврической губернии, а в апреле 1905 г. они объединились в единый крымский союз «Поалей Цион». Лидерами этой партии являлись Лейбман, Фридман, Варшавская, Щетников, Д. Помощников. С 1905 по 1906 г. эта организация провела два съезда; с 1906 по 1907 г. союз издавал газету «Молот», редакция которой находилась

¹ Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма... С. 62.

² Волобуев О. В. К вопросу о классификации национальных партий // История национальных политических партий России. Материалы междунар. конф. М., 1997. С. 287; Устав общества под названием «Союз русского народа». СПб., [1906]. С. 4.

³ Королев В. И. Возникновение политических партий... С. 16–17.

⁴ Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма... С. 85.

¹ Устав общества под названием «Союз 17-го Октября». М., 1906. С. 1–2.

² Поалей Цион // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1992. Т. 6. Кол. 551–555.

³ Борохов Б. Поале[й]-Цион // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под ред. Л. Каценельсона и Д. Гинцбурга. СПб., [б. г.]. Т. XII. Стб. 590–592.

⁴ Смирнова М. И. Национальные политические партии России социал-демократического направления // История национальных политических партий России. Материалы междунар. конф. М., 1997. С. 144.

в Симферополе¹. В 1906 г. в Мелитополе образовалась группа сеймовцев, отколовшаяся от «Поалей Цион», а в Симферополе — группа партии «Цеирей Цион» («Молодежь Сиона»), сионистского рабочего движения умеренно социалистического толка (одним из главных тезисов партии рассматривалась вера в созидательную сионистскую деятельность, целями которой были алия, трудовая деятельность на земле в Эрец-Исраэль, возрождение иврита, поддержка борьбы за интересы рабочего класса, свержение самодержавия в России, национальное равноправие и автономия евреев России и т. д.)². В 1902 г. в Карасубазаре организовался крымчакский сионистский кружок «Бней Цион» («Сыновья Сиона»), однако, помимо этого единичного случая, крымчаки не поддержали идею сионизма и не участвовали в деятельности еврейских национальных партий и организаций³.

Еврейское рабочее движение в России возникло в северо-западных губерниях еврейской черты оседлости (Виленской, Витебской, Гродненской, Ковенской, Минской, Могилевской), где преобладал еврейский пролетариат, и впоследствии оформилось в еврейскую социалистическую партию «Бунд» («Союз»)⁴, основанную на нелегальном съезде в Вильне. В октябре 1897 г. «Бунд» входил в РСДРП. В советской историографии эта партия была охарактеризована как олицетворение оппортунизма, национализма и сепаратизма в российском социал-демократическом движении. В свою очередь, в западной исторической школе «Бунд» получил положительные оценки и позиционировался как основатель РСДРП и ведущая сила в распространении марксизма в России⁵.

Первоначально бундовцы входили в социал-демократические кружки, а затем и в комитеты «Крымского союза РСДРП», однако вскоре «Бунд» потребовал, чтобы РСДРП признала его единственным представителем еврейских трудящихся по национальному признаку. Напротив, ячейки РСДРП были построены по территориальному признаку и объединяли всех членов партии, проживавших в данном районе, независимо от национальной принадлежности. Эти разногласия вскоре обострились, и в 1903 г. «Бунд» вышел из состава РСДРП (но в 1906 г. вернулся). Помимо этого, «Бунд» был противником сионистских устремлений таких партий, как «Поалей Цион», «Сионистско-социалистическая рабочая партия» (1904 г.) и «Социалистическая еврейская рабочая партия» (1906 г.)⁶. В Таврической губернии появились его отделения: в 1904 г. первая самостоятельная организация «Бунда» сформировалась в Симферополе (ею руководил политический ссыльный Теодорович), затем — в Севастополе, а уже к 1906 г. бундовцы имели свои кружки и организации во всех

крупных городах Таврической губернии. В 1905–1907 гг. партийные ячейки «Бунда» действовали в Керчи, Феодосии, Бердянске, Мелитополе, а среди партийцев преобладали городские служащие и ремесленники (хотя численный состав большинства из них был незначительным)¹. Одним из направлений революционной борьбы бундовцев в 1906 г. стала тактика индивидуального террора.

«Социалистическая еврейская рабочая партия» (СЕРП, или ЕСРП; сеймисты) образовалась в результате разногласий в движении «Поалей Цион». СЕРП была провозглашена на конференции в Киеве в апреле 1906 г. Ее платформа сочетала в себе социалистическую и еврейскую национальную идеологии, при этом не содержала марксистских идей: разрешение еврейского вопроса виделось вдохновителями партии (М. Б. Ратнер) в создании еврейского сейма как высшей инстанции в вопросах культуры и внутренней жизни евреев в целом. Еврейская община рассматривалась ими как база еврейской автономии, а сейм должен был заниматься вопросами культуры и образования, здравоохранения, взаимопомощи, поощрения занятости, сельскохозяйственной подготовки, статистики, организации эмиграции и поселения эмигрантов на «свободной, незаселенной территории». В аграрных вопросах СЕРП солидаризировалась с социалистами-революционерами (эсерами)². В Симферополе отделение партии существовало с 1905 г. Ячейки СЕРП действовали в Севастополе (городская и военная), Мелитополе, Керчи, Феодосии, Евпатории, Ялте, Джанкое, Бердянске, Алушке, Большом Токмаке, Ногайске, Карасубазаре, Каховке и Геническе. В первой половине 1906 г. кружки отделения СЕРП объединились в губернскую организацию с центром в Симферополе.

Помимо вышеперечисленных партий, в Крыму действовали также сионисты — представители политического движения, целью которого являлись объединение и возрождение еврейского народа на его исторической родине, в Израиле (Эрец-Исраэль). Центральной идеей движения являлось решение проблемы национального меньшинства, уделом которого были погромы и преследования, у которого нет собственного дома, которого подвергают дискриминации, указывая на его чуждость³. Сионисты могут быть отнесены к партиям консервативно-монархического направления. Лидером сионистов Таврической губернии был потомственный почетный житель Симферополя, доктор философии В. И. Якобсон. Он участвовал в работе II Сионистского конгресса в Берне в 1898 г., V Всемирного сионистского конгресса в Базеле в 1901 г., где был избран уполномоченным для руководства сионистским движением в Таврической губернии, а также VI Всемирного конгресса сионистов в 1903 г. За В. И. Якобсоном, который стал одним из руководителей организации «Ционей Цион» («Сионисты Сиона»), полиция вела негласный надзор, в ходе которого отмечалось, что «поведения он хорошего и в политической неблагонадежности не возбуждает никаких сомнений». Объединение сионистов в Таврической

¹ Гордимер В. Евреи в Крыму и Северной Таврии... С. 82–83.

² Королев В. И. Возникновение политических партий... С. 12; Цеирей-Цион // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1999. Т. 9. Кол. 1021–1023.

³ Гордимер В. Евреи в Крыму и Северной Таврии... С. 82, 83.

⁴ Полное название партии — «Алгемейнер идишер арбетербунд ин Лите, Пойлн ун Русланд» (на идиш), «Всеобщий союз еврейских рабочих в Литве, Польше и России».

⁵ Червякова М. И. О противоречиях Бунда // История национальных политических партий России. С. 108.

⁶ Смирнова М. И. Национальные политические партии России... С. 139.

¹ Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма... С. 69.

² Социалистическая еврейская рабочая партия // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1996. Т. 8. Кол. 493–494.

³ Сионизм // Краткая еврейская энциклопедия. Иерусалим, 1994. Т. 7. Кол. 870–910.

губернии фиксируется с 1906 г. В него входило три организации с числом членов не менее 150 человек (в Симферополе, Бердянске и Ялте)¹.

Следует сказать, что отличительной чертой таких партий, как СЕРП, «По-апей Цион», была их приверженность сионизму с акцентом на его территориальный принцип. В противоположность им «Бунд» являлся последовательным противником сионистских еврейских социалистических организаций. Однако в большинстве своем сионистские объединения отвергали идею «поглощения» еврейских масс общероссийскими пролетарскими партиями².

В 1903 г. в Симферополе возникла первая организация социал-демократической партии «Гнчак» (от *арм.* «колокол»; названа так в честь газеты «Колокол», издававшейся А. И. Герценом). Партия была основана в 1887 г. группой армянских студентов университета Женева А. Назарбекияном, М. Назарбекияном, М. Варданяном и др. В ее программе, опубликованной в 1888 г., указывались основные цели: освобождение Западной Армении путем общенационального восстания, а также «полное освобождение трудящегося класса, который составляет большую часть всего человечества, от всякой эксплуатации и гнета капиталистов, помещиков и господствующих классов» посредством «коммунистической социальной революции» (хотя единства в понимании путей и методов достижения поставленных целей, как замечает М. И. Смирнова, у ее членов все-таки не было)³. Лидером таврических гнчакистов стал М. Манукьян, который объединил под эгидой партии 40 торговых работников. Организации «Гнчак» возникали в местах компактного проживания армянского населения — Севастополе, Феодосии, Ялте, Карасубазаре, Перекопе (в крымских подотделах партии насчитывалось не менее 100 членов). Летом 1904 г. в условиях нелегальной работы была проведена крымская партийная конференция, где произошел раскол в рядах гнчакистов, после чего часть из них перешла в РСДРП, а другая — на сторону «Армянского революционного союза «Дашнакцутюн» («Союз»), созданного в 1890 г. в Тифлисе (Тбилиси).

Партия «Дашнакцутюн» стояла на принципах равноправия народов и религий, ратовала за развитие национальной промышленности и сельского хозяйства на принципах коллективизма. Дашнаки (или дашнакцаканы) выступали за создание автономного армянского государства в пределах Турции. Для достижения этой цели могли использоваться вооруженное восстание или террористические акты (партия, девизом которой стал лозунг «Смерть или свобода», официально санкционировала терроризм, революционную подготовку народа, организацию и вооружение людей для самозащиты, саботаж, казнь коррумпированных государственных чиновников и пр.)⁴. Особенность террористической деятельности партии «Дашнак-

цутюн» заключалась в том, что она была направлена и против провокаторов. Приведением в исполнение приговоров занимались члены террористического органа партии, которому оказывали содействие местные боевые группы (зинворы)¹. Состав партии был весьма неоднороден; ее членами являлись представители национальной буржуазии, творческой интеллигенции, а также рабочие, крестьяне и служащие. Многие исследователи расходятся во мнении относительно характеристики деятельности партии. Так, если авторы советской историко-партийной литературы утверждали, что мелкобуржуазные «дашнаки одну руку подавали русским эсерам, а другую — армянским попам и богачам»², то в некоторых современных работах встречается мнение, что «притеснения по отношению к «малым» народам» со стороны самодержавной власти вызывали ответную реакцию у организаторов «Дашнакцутюн», не желавших «находиться под гнетом империи»³. Отдельные группы партии дашнаков активизировались в Таврической губернии летом 1904 г., а одним из организаторов стал Г. А. Кереметчи. Партийные ячейки дашнаков действовали также в Керчи, Феодосии (Х. Кебабчанц), Ялте и других городах. В 1905 г. в партии «Дашнакцутюн» произошел раскол, от нее отделились так называемые неодашнакцаканы, стоявшие на позициях эсеров и объявившее защиту труда против интересов капитала⁴. Идейнными противниками дашнаков являлась прокадетская партия «Мшак» («Труженник»).

Проявляли свою активность в общественно-политическом движении и караимы. Об этом свидетельствует факт создания «Караимской национально-демократической партии культурного самоопределения» (КНДПКС). Ее идеологом стал известный караимский общественный деятель С. С. Ельяшевич, который опубликовал на страницах караимской русскоязычной прессы несколько статей, где разъяснялись задачи, стоявшие перед караимской общественностью. 18 мая 1917 г. в Евпатории состоялось собрание инициативной группы КНДПКС. Основной партийной целью стало объединение нации на платформе широкого национально-культурного самоопределения, а первоочередной задачей декларировалось содействие сохранению религии, языка и культуры караимов. Члены партии планировали также оказывать широкую помощь всем нуждавшимся в духовной и материальной поддержке караимам. Партийные идеологи подчеркивали, что КНДПКС считает караимов гражданами Российского государства и не преследует никаких сепаратистских целей, а понятия «национальная территория» и «земельный фонд караимского народа», закрепленные в программе партии, должны были расцениваться как вне-

¹ Королев В. И. Политические партии Украины и Крыма... С. 69, 85.

² Политические партии России: история и современность / под ред. А. И. Зевелева, Ю. П. Свириденко, В. В. Шелохаева. М., 2000. С. 254–255.

³ Смирнова М. И. Национальные политические партии России... С. 134.

⁴ Программа Армянской революционной партии «Дашнакцутюн» (1907 г.). Утверждена съездом партии 1907 г. // Программы политических партий России. Конец XIX–XX вв. М., 1995. С. 122–136.

¹ Карапетян Л. А. Политические партии на Северном Кавказе, конец 90-х гг. XIX в. — февраль 1917 г.: организация, идеология, тактика: Дис. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2001. С. 370–400.

² Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в 1905–1917 гг. М., 1976. С. 28.

³ Киракосян Н. Б. История партии «Дашнакцутюн» с 1890 г. по 1907 г.: Автореф. Дис. ... канд. ист. наук М., 1999. С. 24–26.

⁴ Бурмистрова Т. Ю., Гусакова В. С. Национальный вопрос... С. 151.

шные правовые выражения национальной и культурной независимости караимов¹. Некоторые пункты программы КНДПКС перекликались с основными программными заявлениями конституционных демократов и эсеров. Координационным органом между караимами в решении задач КНДПКС планировалось сделать Караимский национальный совет (КНС) — общественное объединение, созданное в середине декабря 1917 г. при Таврическом и Одесском караимском гахаме. Деятельность КНДПКС можно отнести к консервативно-либерально-демократическому направлению. История этой партии была сравнительно недолгой: в связи с началом на полуострове Гражданской войны, этническими конфликтами, голодом и разрухой, а также в условиях смены различных правительств эта партия исчезла с политического горизонта.

Таким образом, в конце XIX — начале XX в. в Таврической губернии в связи с подъемом общественно-политического движения, вызванного глубокими социальными трансформациями, развернулось партийное строительство. Многообразие партий, представленных на политической арене Российской империи в этот период, нашло свое отражение и на местном уровне. К 1905 г. из 17 партий, чьи отделы и подотделы действовали в Крыму (более 135 организаций и групп с числом участников около 21,5 тыс. человек), девять являлись национальными. Крымские татары на волне общегосударственных преобразований, находясь под влиянием теоретика джадидизма И. Гаспринского, стремились реализовать идеи о модернизации мусульманских общин через реформы и просвещение, а также достичь духовного и политического объединения мусульман Российской империи. Однако в целом крымско-татарское национальное движение в этот период было немногочисленным. Дальнейшее его развитие связано с идеями панисламизма и деятельностью национальных лидеров Д. Сейдамета, Н. Челебиджихана и партии «Милли Фирка».

Среди национальных политических партий социалистического направления особое место занимали еврейские организации, при этом многие из их членов принимали участие в общероссийских политических организациях различного толка. Либерально-демократическое направление в Таврической губернии представляли кадеты и октябристы; к консервативным относилась партия «Союз русского народа». Среди партий с революционной идеологией выделялись РСДРП и эсеры, а леворадикальное крыло социал-демократии было представлено анархистами, эсерами-максималистами и большевиками. Что касается армянских партий «Гнчак» и «Дашнакцутюн», то первая придерживалась социал-демократических позиций (до раскола в 1904 г.), а вторая по политическим взглядам приближалась к партии эсеров. В дальнейшем общественная жизнь на полуострове активизировалась после Февральской революции 1917 г., когда в Крыму действовало около 30 организаций различных партий и движений, в том числе и национальных.

¹ Прохоров Д. А. Крымские караимы и общественно-политическое движение в 1917–1920 гг.: «Караимская национально-демократическая партия культурного самоопределения» // Двенадцатые Запорожские еврейские чтения: сборник научных трудов / под ред. С. М. Тимченко, Ф. Г. Турченко, С. Ф. Орлянского и др. Запорожье, 2008. С. 45–51.

§ 3. Таврическая губерния в годы Первой российской революции. Севастопольское восстание в ноябре 1905 г.

О. В. Волобуев

Сразу же после Кровавого воскресенья революционные организации начинают активную агитационную и пропагандистскую деятельность. В изданиях Истпарта Крыма (со ссылкой на данные полицейских донесений) фигурирует цифра 50 тыс. экземпляров прокламаций и гектографированных брошюр, распространенных революционными организациями только в первые три месяца 1905 г. Для подтверждения потока нелегальной агитационной литературы приведем выдержку из донесения симферопольской полиции: «4 февраля в разных местах города было обнаружено 461 экз. прокламаций разного содержания, 411 экз. — под названием «Ко всем рабочим и работницам»¹.

В крымских городах проводятся сходки рабочих, на которых принимаются решения о проведении стачек солидарности с рабочими Петербурга и выдвижении политических требований. В течение всего февраля нарастает стачечная волна: бастуют работники аптек, табачных фабрик и прачечных в Симферополе, портальные и типографские рабочие в Севастополе, фабричные рабочие в Феодосии. Наибольшее число стачек наблюдается в феврале 1905 г. В том же месяце проходят также две политические и четыре смешанные (и под теми, и под другими лозунгами) забастовки. В общей сложности политические требования выдвигали порядка 600 стачечников. В апреле — мае происходят исключительно экономические стачки. В них принимают участие портные, служащие типографий, грузчики, столяры. Особо следует выделить распространение забастовочного движения на Ялту и Евпаторию, в последней с 12 по 16 мая 1905 г. прошла всеобщая стачка. Следующий взлет забастовок отмечается осенью того же года. Всего в 1905 г. в стачечном движении участвовали 17 563 человека (в том числе неоднократно); из них на последние два месяца приходится 8370, т. е. половина участников. Из 78 забастовок только 14 имели ту или иную политическую окраску².

После первомайских стачек и выступлений местные власти перевели губернию на положение усиленной охраны. Соответственно, запрещались несанкционированные собрания и шествия. Но введение запретов и ограничений не могло приостановить бурление общественной жизни.

Забастовочное движение было представлено главным образом экономическими стачками. Оно не имело тесной связи с политическими партиями, какие в Таврической губернии были хотя и активны, но малочисленны. Так, к концу

¹ Гелис И. Симферополь в период первой революции // Революция в Крыму (к двадцатилетию первой русской революции): сборник. Симферополь, 1925. № 1. С. 15, 17.

² Горякина В. С. Робітничий рух у Таврійській губернії в 1905–1907 рр. // Український історичний журнал. 1975. № 1. С. 74.

1905 г. местные организации РСДРП имелись в 17 населенных пунктах и суммарно насчитывали 700 человек. Эсеров было чуть больше: свыше 1 тыс. человек в 18 населенных пунктах. В начале 1905 г. во всех значительных городах оформились группы анархистов. Имелись также представители национальных революционных партий — еврейских («Бунд», «Поалей Цион»), армянских («Дашнакцутюн»)¹.

Летние дни 1905 г. (14–25 июня) ознаменовались в России восстанием на броненосце «Потемкин». Оно не было прямо связано с революционным движением в самой Таврической губернии. Из всех крымских городов восставший броненосец заходил только в Феодосийский порт. В 7 час. утра 22 июня «Потемкин» после неудачной попытки поднять восстание в Одессе в сопровождении одного миноносца появился на рейде Феодосии. На броненосце развивался красный флаг. Отчаливший от судна катер с пятью матросскими посланцами причалил к пристани. Собралась толпа, по свидетельству очевидцев, в 300–400 человек. Моряки раздавали листовки и требовали встречи с представителями города. На броненосец отправились городской голова Л. А. Дуранте и известный общественный деятель С. С. Крым, а также врач для оказания помощи больным. На встрече моряки потребовали обеспечить броненосец провиантом и углем. Начальник гарнизона дал согласие только на отпуск воды, продовольствия и медикаментов. Городские власти по этому вопросу обратились к губернатору, тот в свою очередь — к министру внутренних дел. От товарища министра был получен следующий телеграфный ответ: «Снабжение «Потемкина» провиантом, углем и водою в высшей форме нежелательно с общегосударственной точки зрения. Но если, безусловно, не имеете средств к ограждению обывателей и избавлению города от разрушения, то поступайте сообразно обстоятельствам»². И городской думой для мятежного броненосца было выделено 100 кулей муки, 30 пудов мяса, печеный хлеб, водка, вино и пиво — всего на сумму 1800 рублей.

Однако не был решен вопрос о топливе. У думы такового не было. Тогда моряки решили отбуксировать находившуюся в порту баржу с углем. Но катер, посланный на буксировку, подвергся обстрелу по приказу начальника гарнизона. Моряки понесли потери, после чего катер вынужден был уйти под прикрытие броненосца, который навел орудия на город. В Феодосии началась паника. Городская управа обратилась к жителям с призывом покинуть дома в 24 часа. На улицах сосредоточились кареты скорой помощи и Красного Креста. Людей грузили в товарные вагоны и отправляли в Керчь и Джанкой. Но Феодосия обстрелу так и не подверглась. 23 июня «Потемкин» с траверзы города ушел в открытое море. Позднее выяснилось, что броненосец отправился в Румынию, где и закончилась его революционная эпопея.

Вторая революционная волна захлестнула Таврическую губернию в октябре — декабре 1905 г. Всероссийская Октябрьская политическая стачка началась в Крыму с забастовки железнодорожников и телеграфистов 10–11 октября в Феодосии, Симферополе, Джанкое. В Симферополе в стачке приняли участие рабочие та-

бачных фабрик и типографий, приказчики и разные мастерские. Но главные события развернулись уже после оглашения царского Манифеста 17 октября.

18 октября состоялась политическая демонстрация в Симферополе, закончившаяся избиванием демонстрантов погромщиками, и политическая демонстрация в Севастополе, которая была расстреляна войсками.

В Симферополе Манифест был получен утром 18 октября. Шествие демонстрантов, шедших под красным флагом, прибыло к зданию тюрьмы. Демонстранты стали требовать освобождения политзаключенных. Последние в этой обстановке устроили бунт. Тюремные двери были взломаны изнутри, и оказавшиеся на воле присоединились к демонстрантам. В толпе (с изменившимся составом) стали раздаваться призывы к еврейскому погрому. Эскадрон Крымской дивизии начал разгонять демонстрантов и вылавливать из толпы арестантов. Демонстранты вернулись в центр города и расположились в сквере, где ожидался намеченный ранее политический митинг.

По дороге революционная демонстрация встретилась с другой — «патриотической», черносотенной. После короткого столкновения они разошлись и двинулись в разные стороны. Пострадал только пробитый пулей провокатора царский портрет. Однако через какое-то время «патриотические» манифестанты с дубинками и другим инструментарием окружили сквер, где проходил «революционный» митинг. Перевес и активность, да еще и полиция были на черносотенной стороне. Самооборона попыталась освободить выходы из сквера, но была разгромлена. И, как писал современник, вскоре «взрыв народного гнева» перенесся на еврейские спины, головы и магазины»¹.

Еще более ужасными были события в Феодосии. Уже 18 октября вблизи железнодорожного вокзала собрался митинг. На следующий день в центре города, у концертного зала и памятника Александру III, митинг, осеняемый красными и черными знаменами, продолжился. Параллельно среди портовых грузчиков шла организация «патриотической манифестации». Когда черносотенцы оказались на площади, где собрались «враги царя», в стычке выстрелом из револьвера был убит один из их руководителей, после чего началась расправа с «красными» демонстрантами. Кто мог — укрывался в концертном зале, но трехэтажное здание было осаждено и подожжено. Спасаясь, люди прыгали из окон и с крыши. Их добивали на земле. После «кровавого пожара» начался еврейский погром. В Керчи, пережившей еврейский погром в конце июля — начале августа 1905 г., на этот раз погрома не случилось. В середине декабря в Феодосию из Севастополя прибыли воинские соединения. 22 декабря город был объявлен на военном положении.

Наиболее масштабно события разворачивались на главной базе Черноморского флота — в Севастополе. Вечером 18 октября демонстранты, собравшиеся у тюрьмы, стали требовать освобождения политических заключенных. Существуют две версии развития событий. По одной из них, тюремные ворота открылись, и стоявшие за ними солдаты расстреляли толпу. По другой, толпа ворвалась в тюрьму, оттуда раздался провокационный выстрел, и солдаты вынуждены были открыть

¹ Королев В. И. Бунт на коленях... С. 10.

² Урановский. Первая революция в Феодосии // Революция в Крыму... 1925. С. 90.

¹ Гелис И. Симферополь в период первой революции. С. 30–31.

огонь на поражение¹. Начались протестные забастовки и митинги. 20 октября наступил траурный день похорон погибших у стен тюрьмы, на которые собрались от 10 до 20 тыс. человек. В могилы опустили восемь гробов, и известный своими общественными выступлениями лейтенант П. П. Шмидт произнес знаменитую речь с рефреном «Клянемся», который вслед за ним повторяли пришедшие на похороны. В ней были и такие слова: «Клянемся, что мы никогда не уступим ни одной пяди завоеванных нами человеческих прав!»

Отношения матросов с офицерами были напряженными. Так, в ноябре матросы крейсера «Очаков», в основном новобранцы, отказались приветствовать командира корабля, тот в свою очередь перестал здороваться с матросами. 10 ноября командир броненосца «Потемкин» рапортовал главному командиру Черноморского флота, «что большая часть команды заражена политической пропагандой», что матросы «считают себя вправе устраивать митинги по закоулкам корабля»².

Тревожная обстановка в Севастополе в ноябре 1905 г. обрисована в телеграмме вице-адмирала Г. Н. Чухнина военно-морскому министру А. А. Бирилеву, который откровенно писал, что «ожидает бунта»: «Начались сходки тысячи по две матросов и солдат — агитация идет [за] освобождение от суда матросов «Потемкина». Арестовать тысячи нельзя, на действие оружия против них рассчитывать тоже нельзя, чувствую, что с арестами и при действии оружием восстанет весь флот. Необходимо, не медля ни одного дня, усилить войска, так как на здешние положиться нельзя»³. Эта телеграмма была отправлена 11 ноября, в день вооруженного инцидента, положившего начало самому мощному бунту на Черноморском флоте. Ход событий хорошо известен и по рапортам главного командира Черноморского флота Г. Н. Чухнина, и по материалам судебных процессов над восставшими⁴. Картина бунта четко вырисовывается в ее развертывании по календарным дням и свидетельствует о том, что в Крыму власть, в том числе и военная, по словам современника, «находилась в полной прострации»⁵.

11 ноября. Суть утреннего инцидента сводилась к тому, что некий матрос (К. М. Петров) выстрелами из винтовки ранил двух офицеров: контр-адмирала С. П. Писаревского и со смертельным исходом командира роты Белостокского полка, посланной поддерживать порядок в случае намеченной матросской сходки. Стрелявший был арестован, но матросы потребовали его освобождения. Боясь разрастания беспорядков, К. М. Петрова передали на поруки матросам. Но группа матросов разоружила также присланную для поддержания порядка вторую роту солдат и начала созывать находившихся в казармах на митинг. Многие старослужа-

щие скрывались от участия в нем. Дежурные офицеры были арестованы. До самого позднего вечера у казарм продолжалась сходка двух тысяч бунтующих матросов, где были выработаны требования к начальству по улучшению положения нижних чинов и принято решение выбрать депутатов от всех воинских соединений для отстаивания интересов матросской массы.

12 ноября. Выбранные депутаты создали общий совет для руководства массовой деятельностью, согласовали требования и с распечатанными текстами отправились по своим судам и экипажам. В морских казармах продолжился начатый накануне митинг. Забастовка охватила портовых рабочих. Митингующие направились агитировать за присоединение к ним других воинских частей. Демонстрация под красными знаменами заполняла городской центр. Главное командование войсками, призванными подавить восстание, было поручено генералу А. Н. Меллеру-Закомельскому.

13 ноября. По решению стачечного комитета движение поездов прекращено. Почта и телеграф не работают. Ночью в городе установлено военное положение, а в крепости — осадное. Матросские депутаты с утра съехались к месту жительства лейтенанта П. П. Шмидта. Было ясно: восстание нуждается в управлении, едином руководстве. Как свидетельствовал один из депутатов, «Шмидт просмотрел требования команды и сказал, что все эти требования... для команды, а надо требовать Учредительного собрания, которое все даст»¹. Ненадежный Брестский полк вывели из города. Офицеры покинули крейсер «Очаков», который с этого момента стал восставшим кораблем — символом революции матросов и солдат. Вечером П. П. Шмидт на ялике перебрался на Корабельную сторону для переговоров с матросами, старался убедить их не начинать вооруженного восстания. Как вспоминал сын лейтенанта П. П. Шмидта, вернувшись с переговоров, последний сетовал, что как он ни «распинался», так и не смог доказать «бессмысленность их затей»: «Кончу — орут «Правильно!». Выйдет эс-дек... и ему орут «Правильно!». Той же ночью приехали матросы и уговорили П. П. Шмидта возглавить восстание². Жандармский ротмистр Н. А. Васильев в этот день докладывал из Севастополя: «Между матросами единения нет»³.

14 ноября. Вице-адмирал Г. Н. Чухнин объезжает суда эскадры и зачитывает экипажам телеграмму императора с призывом прекратить смуту. Обнародован приказ о переводе крепости на военное положение.

Севастопольский градоначальник сообщает министру внутренних дел: «Отдельные матросы верхом и пешком появляются в городе, собирают слушателей, объясняют им свои требования, сводящиеся к следующему: Учредительное собрание, выборы в думу на основании указанных четырех способов⁴, осуществление четырех свобод⁵, коренное изменение взаимных отношений начальствующих

¹ См.: *Чикин А. М.* Севастопольское противостояние. Год 1905-й. Севастополь, 2006. С. 34–35.

² Севастопольское вооруженное восстание в ноябре 1905 года: документы и материалы. М., 1957. С. 130.

³ Революционное движение в Таврической губернии в 1905–1907 гг.: сборник документов и материалов. Симферополь, 1955. С. 98.

⁴ См.: Севастопольское вооруженное восстание...

⁵ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 275.

¹ Революционное движение в Таврической губернии... С. 98.

² Цит. по: *Чикин А. М.* Севастопольское противостояние... С. 94.

³ Севастопольское вооруженное восстание... С. 140.

⁴ Имеются в виду четыре избирательные курии.

⁵ Имеется в виду свобода слова, печати, собраний, союзов.

с подчиненными, улучшение быта нижних чинов». Вокруг Севастополя и в самом городе сосредотачиваются карательные силы под руководством А. Н. Меллера-Закомельского. В этот день ротмистр Васильев сообщает: «Настроение жителей крайне тревожное, чернь против властей... Мои агенты из страха отказались работать»¹.

15 ноября. Ночью ударными группами матросов было захвачено несколько миноносцев и вспомогательных судов. В 8 час. утра вместе с красным флагом над крейсером «Очаков» взвился сигнал: «Командую флотом я. Шмидт». В середине дня восставшим был предъявлен ультиматум о полной сдаче. Затем последовал двухчасовой артиллерийский обстрел примкнувших к восстанию судов. На виду у всего города был потоплен крейсер «Очаков», выведены из строя два миноносца. П. П. Шмидта вместе с сыном арестовали на борту одного из миноносцев.

Всего в рядах севастопольских бунтарей было до 8 тыс. повстанцев. Военная власть в Севастополе располагала 10 тыс. оставшихся верными присяге матросов и солдат. На ее стороне были также 22 корабля Черноморского флота. В грубом подсчете соотношение между революционно (а может быть, бунтарски) и верноподданнически настроенными частями войск было примерно равным. Арестовано в связи с мятежом 1,6–1,7 тыс. человек². Людские потери с каждой стороны были незначительны — по несколько десятков человек. Но в советской летописи Первой российской революции ноябрьские события на главной базе Черноморского флота громко именовались «Севастопольским пожаром». При всей преувеличенности основания для такого образа имелись, учитывая испуг власти и общественный резонанс. Но выше уровня бунта нигде в Крыму никакие «революционные события» не поднимались. Бунтарский уровень соответствовал уровню общественного сознания масс.

В революционное движение втягивались и гимназисты старших классов. Заметные волнения учащихся происходили в 1905 г.: в марте — в Симферопольской гимназии, в октябре — в мужской гимназии и реальном училище Севастополя, в ноябре — в мужской и женской гимназиях Бердянска и Ялты.

Одной из особенностей городского революционного движения в Крыму при малочисленности местных радикальных партий и их слабости была активная организующая роль активистов рабочих коллективов. Они руководили стачками и создавали профессиональные союзы осенью 1905 г. и в течение 1906 г. В ноябре 1905 г. в Севастополе возник союз металлистов, который на первых порах существовал нелегально. Официально он был представлен как профсоюз портовых рабочих, объединяющий до тысячи человек. Часть его правления по обвинению в причастности к революционным действиям арестовали в декабре 1906 г., а весной 1907 г., перед майскими праздниками, 80% его членов получили расчет и право на бесплатный проезд в места, отдаленные от Севастополя. Наибольшее количество профсоюзов было создано в Симферополе — объединения рабочих и ремесленников: железнодорожников, швейников (портных), сапожников, приказчиков, строителей,

связистов, печатников (типографских рабочих). Профсоюзы табачников и других специальностей создавались также в Феодосии и Керчи.

Образовывались и первые профсоюзы специалистов с более высоким образованием. Таковым было «Таврическое общество взаимопомощи виноградарей и виноделов» (1905 г.), которое занималось преимущественно вопросами культурно-просветительного направления. Кроме виноградарей в него вступали садоводы, лесоводы, землемеры, агрономы. В союзе работников просвещения революционные настроения преобладали среди учителей начальных классов.

Революционные партии, как правило, значительного влияния на большинство профсоюзных объединений не оказывали. Под воздействием эсеров находились союзы железнодорожников и строительных рабочих. Влияние социал-демократов было значительным в Феодосии. Единства в политических предпочтениях не отмечалось. Надо отметить, что в составе отдельных местных профобъединений находились как революционно настроенные рабочие, так и тяготеющие к черносотенной идеологии. Участник рабочего движения в Феодосии вспоминает о деятельности социал-демократов: «Особое внимание обращается на работу среди грузчиков, так как уровень их сознания особенно низок, и из их среды черная сотня часто черпала свои силы»¹. Среди учителей в дни октябрьской и декабрьской 1905 г. забастовок в ряде школ агитаторов-забастовщиков встречали враждебно. В учительской среде наблюдался раскол.

Крымские профсоюзы не были представлены ни на первой (сентябрь — октябрь 1905 г.), ни на второй Всероссийских конференциях. Только в середине 1906 г. в Симферополе было создано Центральное бюро профсоюзов, принявшее участие в избирательной кампании во II Государственную думу. Наконец, на исходе 1906 г. был созван Таврический губернский съезд профсоюзов. В 1907 г. профсоюзное движение в Крыму сошло на нет².

В период спада революции снизился и накал рабочего движения. В 1906 г. — мае 1907 г., по подсчетам В. С. Горякиной, произошло 39 забастовок, что вдвое меньше по сравнению с 1905 г. В начале 1906 г. состоялись только три стачки в Керчи с участием 200 человек. Зато возросло число политических забастовок (14 против 28). Количество же политических демонстраций в период спада революционного движения было сведено к нулю, хотя в 1905 г. было зафиксировано 11 таких шествий³; их заменил рост сходок и массовок, часто происходивших на пригородных территориях, а иногда и на выходивших в море лодках.

Между крестьянским и рабочим движением в Таврической губернии тесной связи не наблюдалось. Отчасти это может быть связано с этнонациональными особенностями. Так, крестьянское движение почти не затронуло крымско-татарское сельское население, хотя среди татар в ряде уездов процент малоземельных и безземельных крестьян был высок. Не задело оно также давних немецких, бол-

¹ Севастопольское вооруженное восстание... С. 141, 144.

² Там же. С. 105.

¹ Урановский. Первая революция в Феодосии. С. 84.

² В основу обзора профсоюзного движения положена статья: Штейнбах. Профдвижение в Крыму // Революция в Крыму... 1925. С. 109–138.

³ Горякина В. С. Робітничий рух у Таврійській губернії в 1905–1907 рр. С. 74, 76.

гарских и греческих переселенцев. Больше всего оно характерно для степной части губернии, особенно ее материковых уездов. Массовые проявления так называемых «беспорядков» наблюдались с осени 1905 г. В ноябре 1905 г. исправник Днепровского уезда рапортует таврическому губернатору: «Аграрное движение продолжается с поражающей быстротой. Владельцы, управляющие и служащие, охваченные паническим страхом, бросают экономии и с семьями уезжают»¹. К концу 1905 г. крестьянские волнения распространились и на Перекопский уезд, где начался также разгром экономий, который в дальнейшем перекинулся и на другие уезды, в частности Симферопольский, Феодосийский, Евпаторийский. Как отмечал современник, «крестьянство чутко воспринимало политические события и использовало благоприятные условия для осуществления своих собственных чаяний»². В ноябре 1905 г. в Симферополе прошло совещание крестьянских представителей, на котором было выработано обращение, призывающее к созданию Таврического губернского союза в рамках Всероссийского крестьянского союза. Были также изданы «Проект устава Таврического губернского крестьянского союза» и «Тактика (действия) Крестьянского союза». Обращение организационного комитета гласило: «Все крестьяне смогут сговориться, действовать дружно, мирным путем и добиться таких законов, какие нужны для крестьян, какие справедливы для всего народа»³. Однако съезд не состоялся, его запретил губернатор. Власть боялась легальных организаций и тем самым провоцировала бунтарские, с разгромами и поджогами, выступления.

Во всех донесениях местных уездных властей по поводу крестьянских волнений и в 1905 г., и в 1906–1907 гг. содержатся просьбы о введении и присылке воинских соединений. Если в требованиях материковых уездов значительное место занимали вопросы аренды земли, то в период спада революции в крымских уездах преобладали требования повышения оплаты сельскохозяйственных работ. Крестьяне настаивали не на трети помещичьей доли в урожае, как это было ранее, а только на пятой части.

В конце 1905 г. в Крыму с образованием либеральных партий сложилась та многопартийность, которая просуществовала вплоть до 1917 г. Только-только сформировавшиеся кадеты и октябристы сразу же включились в первые думские выборы. Активное участие в избирательной кампании принимали не только политические партии, но и разные общественные организации, в частности Таврический крестьянский союз. Крестьяне старались держаться в стороне от политических партий. В. А. Оболенский отмечал, что не удалось завербовать в кадетскую партию ни одного крестьянина⁴.

В результате выборов в Думу попали преимущественно депутаты-кадеты. Самыми яркими фигурами таврической губернской делегации стали видные об-

щественные деятели — предприниматель и землевладелец Соломон Крым и князь Владимир Оболенский¹.

Выборы во II Думу дали уже иной партийный состав. Если в I Думе из шести таврических депутатов кадетская фракция была представлена четырьмя, то во II Думу от губернии попал только один кадет — В. К. Корде, юрист из Евпатории. По одному депутату приходилось на трудовиков, эсеров и социал-демократов. Дума и избиратели полевели. Хотя надо заметить, что электорат крестьянской курии Таврической губернии не проявлял активности и по этому показателю замыкал список губерний Европейской части России. Примечательной чертой таврических депутатов II Думы являлось наличие в их составе члена мусульманской фракции. Как упоминалось выше (см. § 2), им был крымский татарин крестьянин А. М. Медиев.

Губернские власти пытались всячески давить на избирателей и прибегали к разным ухищрениям, чтобы увеличить число «правильных» голосов, о чем немало свидетельств приводит В. А. Оболенский. В его воспоминаниях имеется обобщение: «Губернаторы на фальсификации выборов делали карьеру»².

Представление о политической ситуации в Таврической губернии в марте 1906 г. дает мемория Совета министров, в которой предлагается продлить состояние усиленной охраны в Таврической губернии, за исключением Феодосии и Днепровского уезда, которые находятся на военном положении³. С большевистских позиций середины 1920-х гг. эта ситуация выглядела так: «Революционное движение в Крыму в 1906 г. быстро шло к упадку. Наблюдалась все большая изоляция небольшого революционного ядра рабочих от движения городской мелкой буржуазии, недавно еще тяготевшей к революционному движению»⁴.

Если 1905 г. был в Таврической губернии годом революции, то 1906 г. стал годом контрреволюции. Производились аресты, закрывались профсоюзы, запрещались газеты. Из Феодосии и Ялты выслались «подозрительные лица». В Керчи закрыли популярную в Крыму газету «Южный курьер» после публикации карикатуры на Николая II⁵. Ее редактор М. Кристи вынужден был эмигрировать.

¹ Революционное движение в Таврической губернии... С. 130.

² Гелис И. Симферополь в период первой революции. С. 33.

³ Революционное движение в Таврической губернии... С. 130.

⁴ Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 327.

¹ В начале XX в. С. С. Крым возглавлял Таврическое губернское земство. В 1918–1919 гг. стал премьер-министром 2-го Крымского краевого правительства. Был также одним из инициаторов создания Таврического университета. Известен как ученый — специалист по виноградарству и виноделию. По национальности — караим. В. А. Оболенский в начале XX в. — гласный Ялтинского уездного и Таврического губернского земств, создатель и редактор газеты «Жизнь Крыма». Другие депутаты-кадеты: А. В. Новиков, керченский городской голова; А. Г. Сипягин, учитель гимназии в Севастополе. Еще два таврических депутата К. С. Нечипоренко и С. П. Припула вошли в Трудовую группу.

² Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 402.

³ Совет министров Российской империи 1905–1906 гг.: документы и материалы. Л., 1990. С. 352.

⁴ Гелис И. Симферополь в период первой революции. С. 33–34.

⁵ Император был изображен свирепым быком с иконой между рогами.

Одним из аспектов Первой российской революции являлся индивидуальный террор. Он был не только эсеровским, но являлся составной частью повседневности. Изготовление самодельных бомб и в целях самообороны, и в целях террористических актов стало в революционных группах обычным делом. Особенно террор получил распространение как акт мести и средство борьбы с полицейским произволом. В Керчи ненавистной фигурой был жандармский ротмистр Шереметов, охоту на которого открыли эсеры. Его убили на пороге своего дома. Совершались также покушения на пристава и его помощника. В Феодосии солдат пытался убить командира полка. В Севастополе организовывались покушения на вице-адмирала Г. П. Чухнина, генерала В. С. Неплюева, полковника И. А. Думбадзе и других офицеров.

Особенность Первой российской революции в том, что она была децентрализованной. Ни Петербург, ни Москва не смогли стать центрами революции, как это получилось в 1917–1918 гг. В регионах, губерниях шла своя революционная жизнь, о чем, например, свидетельствуют события в Таврической губернии. Можно сказать, что империя жила не в темпе единого революционного порыва, за исключением периода Всероссийской Октябрьской стачки, а была наспигована множественными инфильтрациями.

Революция, как и война, имеет свою атмосферу и свою повседневность. Причем понятие «повседневность» многогранно и включает в себя забастовки, митинги, демонстрации, а также массовый психоз (революционный — у одних и контрреволюционный — у других). Сын лейтенанта П. П. Шмидта, вспоминая те обжигающие дни, писал: «Массы опьянели от собственной решимости идти напролом и с какой-то истерической веселостью следили за ходом азартной игры, где ставкой была жизнь тысяч людей»¹. Но не стоит при этом преувеличивать масштабы революционных проявлений. Следует признать обоснованным вывод крымского историка В. И. Королева о том, что революционные партии «настойчиво пытались втянуть социально активных граждан в конфронтацию с властями. Однако только мизерная часть населения восприняла леворадикальные лозунги». Тот же автор подчеркивает, что революционный процесс в Таврической губернии протекал менее бурно, чем, например, в Центре. Политическими выступлениями, по его подсчетам, в 1901–1907 гг. были охвачены около 150 тыс. человек, а забастовочным движением — 40 тыс. человек. Это составляло соответственно 14 и 3,8% населения Таврического края с учетом многократного участия одних и тех же лиц в повторяющихся манифестациях и забастовках.

Уже Первая российская революция показала, что мирного политического успокоения расколотому и малообразованному обществу, не подготовленному к самоуправлению, добиться не удастся.

§ 4. Черноморский флот в Первой мировой войне

Е. В. Макаренко

После Русско-японской войны 1904–1905 гг. российское правительство некоторое время придавало второстепенное значение Черному морю как потенциальному театру военных действий. Решение о постройке для Черноморского флота новых линкоров — дредноутов, эскадренных миноносцев и подводных лодок было принято только в 1911 г. под влиянием попытки Турции создать современный флот (турецкое правительство заказало в Англии ряд кораблей, в том числе два дредноута). К счастью для российского флота, Турция их так и не получила. С началом Первой мировой войны они были реквизированы правительством Англии. К 1914 г. российский Черноморский флот, несмотря на то что новейшие корабли были еще на стапелях, превосходил турецкий флот как по числу боевых кораблей, так и по степени выучки их экипажей. Однако события, последовавшие в первые дни войны, коренным образом изменили эту ситуацию.

10 августа 1914 г. из Средиземного моря в Константинополь (Стамбул) провались германские линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау». Уже на следующий день они были «куплены» у Германии и 16 августа подняли турецкие флаги. Старший начальник германских кораблей вице-адмирал Вильгельм Сушон был назначен командующим турецким флотом. Его дипломатический нажим на турецкое правительство привел к получению согласия на вступление Турции в войну. 20 октября Министерство иностранных дел России телеграммой предупредило командующего Черноморским флотом А. А. Эбергарда, что «в связи с получением Турцией от Германии золота возможно в ближайшие дни ее выступление против России»¹.

27 октября 1914 г. все находившиеся в боевой готовности корабли турецкого флота вышли из Босфора. План В. Сушона был прост: напасть на черноморские порты России, нанести максимальный ущерб кораблям, портовым сооружениям и выставить минные заграждения². Преимущество германских кораблей над русскими в скорости хода и артиллерийском вооружении позволяло им выбирать наиболее удобную позицию для боя. Старые русские броненосцы при встрече с противником могли действовать только в составе эскадры. О выходе турецких кораблей из Босфора радировали в Севастополь русские пароходы, шедшие в пролив с коммерческими грузами. Тогда же из Министерства иностранных дел поступила телеграмма: «По достоверным сведениям, Турция решила 28 октября немедленно объявить войну»³.

¹ Шмидт-Очаковский Е. Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»). Воспоминания сына // К. Г. Паустовский. Материалы и сообщения. М., 2007. Вып. 4, кн. 2: Персонажи и герои книг К. Паустовского. С. 87.

¹ Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. СПб., 2004. С. 82.

² Там же. С. 78.

³ Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море и в Восточном Средиземноморье. М., 1988. С. 114.

В 4 час. 15 мин. 29 октября была получена радиограмма из Одессы: «Турецкий миноносец взорвал канонерскую лодку «Донец», ходит в Одесском порту и взрывает суда». Получив это извещение, командующий флотом адмирал А. А. Эбергард дал радио: «Война началась»¹. В 5 час. 30 мин. наблюдательный пост на мысе Сарыч заметил луч прожектора неизвестного корабля, однако его приняли за минный заградитель «Прут», возвращавшийся в это время в Севастополь из Ялты. На самом деле им оказался «Гебен». Береговые батареи Севастополя уже были готовы к отражению нападения и в 6 час. 28 мин. открыли огонь по врагу.

Крейсер начал обстреливать Севастополь с дистанции 40 кабельтовых. Большая часть его снарядов упала в районе госпиталя и угольных складов, и только два снаряда разорвались на позициях береговых батарей. «Гебен» получил три попадания в районе задней дымовой трубы (осколками выведен из строя один котел). После этого он отвернул, увеличил ход до 23 узлов и, применив противорыбий зигзаг, вышел из боя².

Ведя обстрел Севастополя, «Гебен» оказался прямо на крепостном минном заграждении, электрическая цепь которого была разомкнута в связи с необходимостью проводки минзага «Прут». Из-за несогласованности действий флотского командования и коменданта Севастопольской крепости заграждение включили с опозданием, когда «Гебен» с него уже сошел³. Так в первые часы войны была утеряна возможность раз и навсегда покончить с главной боевой единицей противника. «Гебен» также обнаружили гидросамолеты Черноморского флота. Семь аэропланов кружили над крейсером, стараясь помешать ему вести прицельный огонь⁴. Отходя от Севастополя, «Гебен» встретил несчастный «Прут». Несмотря на дерзкую атаку эсминцев, пытавшихся прикрыть минзаг, его судьба была решена. Эсминцы были отогнаны артиллерийским огнем, а «Прут» потоплен⁵.

В то время как «Гебен» действовал у Севастополя, «Бреслау» и турецкие корабли совершили нападения на другие черноморские порты. Таким образом, с 4 до 17 час. 29 октября противник совершенно безнаказанно произвел нападение на Одессу, Севастополь, Феодосию, Новороссийск, заминировал Керченский пролив, поставил минное заграждение перед Севастополем, потопил канонерскую лодку «Донец», минзаг «Прут», три парохода, несколько парусников, серьезно повредил эсминец «Лейтенант Пущин» и уничтожил ряд береговых объектов⁶. Тем не менее, распылив свои силы, он не смог нанести русскому флоту существенного ущерба.

Набег турецких кораблей положил начало военным действиям на Черном море в Первую мировую войну. В стратегическом плане Россия потеряла возможность любого экспорта и импорта через Черноморские проливы. В этих условиях перед Черноморским флотом были поставлены ограниченные задачи: оборона своего

побережья и содействие сухопутной армии. Идея блокады Босфора в сложившихся условиях отодвинулась на второй план. Главным и очень опасным противником русских кораблей теперь стали два германских крейсера. В свою очередь, турецкий флот должен был обеспечить снабжение сухопутных войск на Кавказском фронте и доставку угля из района Зонгулдака, где находились угольные копи, в Константинополь. Отсутствие железных дорог и плохое состояние шоссейных не позволяли турецкому командованию проводить эти операции по суше.

Уже 6 ноября русская эскадра совершила первый обстрел Зонгулдака. Хотя значительных результатов он не дал (повреждены береговые сооружения, потоплен один пароход), этот поход стал первым в серии подобных операций, проводившихся регулярно на протяжении всей войны.

18 ноября произошел знаменитый бой эскадры Черноморского флота, состоявшей из пяти старых броненосцев, и германских крейсеров у мыса Сарыч. После того как противники обнаружили друг друга, в 12 час. 19 мин. флагман русской эскадры линкор «Евстафий» произвел первый залп из носовой 305-мм башни и сразу же дал накрытие. По существу, бой свелся к артиллерийской дуэли «Гебена» и «Евстафия». «Бой у мыса Сарыч продолжался всего 14 минут и проходил на дистанции от 40 до 34 кабельтовых. «Гебен» в ходе боя получил 14 попаданий. На нем были убиты 105 и ранены 59 человек. На «Евстафии», в который попало четыре снаряда, имелись пробоины в плитах двух шестидюймовых казематов, были также повреждены отдельные помещения и многие вспомогательные механизмы, убиты четыре офицера и 29 матросов и ранены один офицер и 24 матроса»¹. Главным итогом боя стало то, что противник убедился в достаточно высокой артиллерийской выучке русских моряков.

После неудачной операции А. А. Эбергарда по закупорке Зонгулдака старыми транспортом, командование Черноморского флота решило выставить минное заграждение у Босфора. Результат не заставил себя долго ждать. 26 декабря у входа в пролив «Гебен» подорвался сразу на двух минах. Через пробоины он принял до 600 т воды, и только близость базы спасла его от гибели². Это событие в корне изменило расстановку сил на Черном море. Теперь русский флот получал значительное преимущество и мог успешнее решать боевые задачи³.

В 1915 г. основные задачи флота оставались оборонительными. Десантная экспедиция к Босфору планировалась лишь в случае успеха на главных фронтах. 28 марта 2015 г. эскадра Черноморского флота впервые бомбардировала укрепления Босфора, используя гидросамолеты в качестве разведчиков и корректировщиков. Русские корабли держались вне зоны огня береговых батарей и действовали крайне осторожно⁴. В последующем обстрелы Босфора продолжались. Однако, когда 9 мая русская эскадра в очередной раз подошла к проливу, из него вышел «Гебен». В этот

¹ Новиков Н. Операции флота против берега на Черном море в 1914–1917 гг. М., 1937. С. 11.

² Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. С. 81.

³ Бунин И. Л. Черноморская Цусима. М., 2004. С. 67–68.

⁴ Коровин В. Кача, рожденная авиацией // Полуостров сокровищ. 2017. № 2. С. 84.

⁵ Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. С. 83.

⁶ Новиков Н. Операции флота против берега... С. 21.

¹ Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море... С. 127.

² Флот в Первой мировой войне. М., 1964. Т. 1. С. 151.

³ Там же. С. 157.

⁴ Бунин И. Л. Черноморская Цусима. С. 83–84.

момент линкоры «Три Святителя» и «Пантелеймон» с силами прикрытия находились у Босфора, а линкоры «Евстафий», «Иоанн Златоуст» и «Ростислав» прикрывали первую группу в 20–25 милях от пролива, т. е. «Гебен» получал возможность уничтожить русские броненосцы по частям. В последовавшей за этим перестрелке «Гебен» получил три попадания и вышел из боя¹. После этого обстрелы Босфора временно прекратили. Снова подтвердилась опасность даже кратковременно-го разделения кораблей додредноутного типа при проведении любых операций.

Летом 1915 г. в связи с переброской из Средиземного моря в Черное пяти германских подводных лодок командование Черноморского флота было вынуждено прекратить использование линейных кораблей. Вся тяжесть борьбы с турецким каботажом ложилась теперь на эсминцы и подводные лодки. В июле 1915 г. вступил в строй новый линкор-дредноут «Императрица Мария». В операции по его проводке из Николаева в Севастополь были задействованы практически все силы Черноморского флота. Ее составной частью стало минирование горла Босфора подводным минзагом «Краб». Дредноут благополучно прибыл в Севастополь, а несколько позже на одной из мин, выставленных «Крабом», подорвался «Бреслау». Из-за нехватки необходимого оборудования и квалифицированных рабочих крейсер простоял в ремонте до февраля 1916 г.

В октябре 1915 г. Черноморский флот пополнился вторым линкором-дредноутом — «Императрица Екатерина Великая», в результате чего стало возможным разделить флот на три маневренные группы, каждая из которых была сильнее «Гебена». Ядро первой и второй групп составили линкоры-дредноуты, а третьей — старые эскадренные броненосцы. Это позволило русскому командованию перейти к систематическим операциям на коммуникациях противника с использованием крупных надводных кораблей. Обычно в море находилась одна группа, вторая стояла в Севастополе в готовности, а третья — на отдыхе и в ремонте².

Таким образом, в 1915 г. обстановка на Черном море существенно изменилась в пользу русского флота. Он не потерял ни одного боевого корабля и пополнился новыми, в то время как турецкий флот лишился крейсера, четырех эскадренных миноносцев, двух миноносцев, четырех канонерских лодок и минного заградителя³.

В первой половине 1916 г. происходили столкновения «Гебена» и «Бреслау» с маневренными группами Черноморского флота. Во всех случаях противник был вынужден отступать, используя свое превосходство в скорости. Фактически эти крейсера теперь ничего не могли противопоставить силам русского флота, кроме внезапности нападения. Их последующие действия были эпизодическими и носили характер, скорее, партизанских вылазок, чем четко спланированных масштабных операций.

5 апреля 1916 г. началось проведение крупнейшей в истории Черноморского флота десантной операции, конечной целью которой стал захват Трапезунда.

В ходе операции транспорты с войсками прикрывали броненосцы, эсминцы, гидроавиатранспорты, использовались специальные десантные суда — «эльпидифоры». Для содействия наступлению сухопутных войск был создан отряд поддержки, в который вошли в том числе старые линкоры «Ростислав» и «Пантелеймон». В результате уже 19 апреля русские войска взяли Трапезунд. Его потеря лишила противника единственного удобного порта и базы снабжения своей армии на приморском направлении, а также перевалочного пункта, через который грузы шли в Эрзерум. Черноморский флот получил возможность базировать в Трапезунде свои легкие силы и организовать там крупную базу снабжения не только войск Приморского отряда, но и всего Кавказского фронта¹.

Неудачные действия А. А. Эбергарда в июле 1916 г., упустившего возможность уничтожить «Гебен» и «Бреслау», отрезав их от Босфора, вызвали серьезное недовольство в верхах и в конечном счете стали одной из причин последовавшей вскоре смены командующего Черноморским флотом. Противник связывал дальнейшие успешные действия русских судов на турецких коммуникациях с назначением на должность командующего вице-адмирала А. В. Колчака: «Оживленную деятельность русских дредноутов, их хорошее обеспечение против атак подводных лодок и тактику эскадренных миноносцев следует объяснить вступлением в командование в качестве преемника адмирала Эбергарда вице-адмирала Колчака. По-видимому, под его влиянием усилилась и деятельность эскадренных миноносцев перед Босфором»².

В августе 1916 г. силы Черноморского флота провели операцию по закупорке Босфора минами. Всего же с августа 1916 г. по январь 1917 г. эсминцы и тральщики совершили 13 больших минных постановок, выставив до 2500 мин³. Противник так оценил их действия: «Заградительная деятельность летом 1916 г. являлась большим достижением русского флота. Неприятель поставил около 1800–2000 мин. Для этого требовалось немало ночей, так как к берегу можно было приближаться только ночью. Их заграждения доходили непосредственно до берега, они ставили новые мины вплотную к ранее поставленным, и надо было удивляться, с каким искусством и уверенностью они избегали своих мин, поставленных на малое углубление»⁴.

Адмирал В. Сушон пытался изменить соотношение сил в свою пользу с помощью подводных лодок. По его требованию в 1916 г. в Черное море дополнительно были направлены шесть подводных лодок, две из которых вскоре ушли обратно. Тем не менее подводная угроза русскому флоту возросла. Чтобы затруднить действия германских подводных лодок, были выставлены минные заграждения у румынских (в октябре 1916 г. Констанца сдана немцам) и болгарских портов, где они базировались. В результате с сентября по декабрь противник потерял четыре подлодки. Их гибель заставила германское командование временно (до конца мая 1917 г.) прекратить посылку своих подлодок в Черное море.

¹ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 370.

² Золотарев В. А., Козлов И. А. Российский военный флот на Черном море... С. 133.

³ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 396.

¹ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 430.

² Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. С. 356.

³ Новиков Н. Операции флота против берега... С. 77.

⁴ Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. С. 372.

20 октября 1916 г. случилась одна из крупнейших катастроф в истории российского военного флота. В районе носовой башни линкора «Императрица Мария», стоявшего в Севастополе, возник пожар. «Корабль потряс сильный взрыв в районе погреба 305-мм зарядов первой башни. В корпусе корабля позади башни образовался провал, из которого торчали куски искореженного металла, выбивались пламя и дым. Множество матросов и унтер-офицеров, находившихся в носовой части корабля, было убито, тяжело ранено, обожжено и сброшено силой взрыва за борт»¹. Вот как описывал эти события очевидец: «Взрывы были ужасающей силы. Все, что находилось на палубе, силой взрыва снесло в море. Цистерны с нефтью тоже были взорваны, и горячая нефть образовала высокий огненный столб над кораблем»². Перевернувшись вверх килем, корабль ушел на дно. Комиссия, расследовавшая причины гибели линкора, пришла к выводу, что пожар возник в кройт-камере в результате трех возможных причин: самовозгорания пороха, небрежности в обращении с огнем или порохом и злого умысла³. Причем первые две причины считались маловероятными. И в 1916 г., и в последующие годы современники и исследователи этого события склонялись к выводу, что корабль погиб в результате диверсии со стороны Германии. При всей привлекательности этой версии она не подтверждается документальными источниками и не может считаться окончательной.

Господство Черноморского флота на морских коммуникациях позволило с осени 1916 г. возобновить перевозки грузов в полном объеме, так как выходы из Босфора, Констанцы и Варны были заблокированы активными минными заграждениями, а противолодочная оборона своих портов значительно усилена. В то же время в 1916 г. Черноморский флот хотя и уничтожил целый ряд кораблей противника (четыре немецкие подлодки, два турецких миноносца, один болгарский миноносец, три турецкие канлодки и шесть тральщиков), но и сам понес потери (погибли новейший дредноут, два эсминца, тральщик и несколько мелких кораблей).

С начала 1917 г. германо-турецкий флот из-за нехватки угля и минной блокады Босфора бездействовал. Активность русского флота также снизилась. Часть кораблей находилась в ремонте. Вместе с тем флот пополнился дредноутом «Воля» (бывший «Император Александр III»), шестью эсминцами-«новиками», шестью подлодками и рядом мелких кораблей, в том числе сторожевых катеров. Февральская революция 1917 г. привела к дезорганизации и моральному разложению армии и флота. Однако Черноморский театр войны на фоне сухопутных фронтов выглядел достаточно стабильно. Гибкая позиция, которую занял А. В. Колчак, позволила ему сохранить (в отличие от Балтики) управляемость флотом. По мнению же противника, события Февральской революции вообще никак не отразились на боевой деятельности Черноморского флота: «Почти ежедневно русские эскадренные миноносцы и подводные лодки появлялись у Анатолийского побережья и топили каждое

судно, попадавшееся им под руки. Перед Босфором постоянно оказывались новые мины, и ни одного дня нельзя было пропустить без траления»¹.

Относительно успешно действовали русские подводные лодки. В 1917 г. они совершили 29 походов к побережью противника и потопили 10 пароходов, 81 парусно-моторную шхуну. Один пароход был взят в качестве приза и приведен в Севастополь². К сожалению, не обошлось и без потерь: в мае 1917 г. в районе Босфора погибла подлодка «Морж». Командование предполагало, что она была уничтожена немецкой гидроавиацией. Однако в 2000 г. в ходе поисковой операции на 90-метровой глубине были обнаружены обломки подлодки, которую однозначно идентифицировали как «Морж». Их осмотр на дне дал возможность сделать вывод, что причиной гибели корабля стала трагическая случайность — подрыв на сорвавшейся с якоря плавающей мины³.

В 1917 г. германские крейсера продолжали отстаиваться в проливе. Лишь в ночь с 25 на 26 июня «Бреслау» выполнил операцию по минированию устья Дуная и уничтожению радиостанции на острове Фидониси (Змеином). Кроме того, он выставил возле острова мины. На одной из них подорвался и затонул эсминец «Лейтенант Зацаренный», перевозивший команду и оборудование для восстановления наблюдательного поста на острове Фидониси⁴.

Летом и осенью 1917 г. эсминцы Черноморского флота продолжали совершать набеговые операции, уничтожая турецкие суда. 25 октября турки получили донесение о минировании коммуникаций у порта Инеада. Туда отправились три тральщика под прикрытием миноносца «Хамид-Абад». Расскажем о действиях Черноморского флота в этой операции словами противника: «Русская разведка, по-видимому, работала так же прекрасно, как и раньше. Два русских эсминца и авиатранспорт с дистанции около 3 км обстреляли находившиеся в порту корабли, в то время как самолеты сбрасывали бомбы над сушей. При втором залпе русские достигли попадания в корму миноносца, вследствие чего он затонул»⁵. Отметим, что русское командование могло держать турецкое судоходство в блокаде даже в условиях разложения армии и флота, происходившего в результате идущих в стране политических процессов.

В качестве ответной меры на потопление миноносца «Хамид-Абад» 1 ноября в море вышел «Бреслау». Его перехват маневренной группой под командованием А. В. Немитца был сорван командой линкора «Свободная Россия». Не желая продолжать войну, она отказалась выполнять приказы и потребовала возвращения в Севастополь, что дало возможность «Бреслау» вернуться в пролив⁶.

¹ Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. С. 398.

² Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 525.

³ Алексеев И. В., Гончаров А. С., Заблоцкий В. П. Подводные лодки типа «Морж» // Морская кампания. 2006. № 3. С. 39.

⁴ Лорей Г. Операции германо-турецких сил, 1914–1918. С. 407.

⁵ Там же. С. 419.

⁶ Дубко Ю. В., Иванов И. В. Черноморский флот и Республика Таврида весной 1918 г. Кто мог остановить германское вторжение? // Черноморский флот в судьбе России.

¹ Цветков И. Ф. Линкор «Октябрьская революция». Л., 1983. С. 153.

² Есютин Т., Юферс Ш. Гибель «Марии». М.; Л., 1939. С. 15.

³ Там же. С. 33.

Последние боевые походы русских эсминцев состоялись 16 ноября в район Инеады и 19 ноября в Синопскую бухту. По разным причинам поставленные задачи выполнены не были. На этом боевые действия русского флота против судоходства противника на Черном море в Первой мировой войне завершились¹. В ночь с 15 на 16 декабря 1917 г. в Брест-Литовске было подписано перемирие Советской России с Центральными державами.

Подводя итоги, отметим, что в течение всей войны Черноморский флот оказывал содействие сухопутным войскам: поддерживал их огнем и обеспечивал десантные и грузовые перевозки; активно боролся с морскими перевозками противника, уничтожая его транспортные суда; готовился к проведению десантной операции в Босфоре; выставлял активные минные заграждения; действовал против береговых объектов противника. Минные постановки у Босфора позволили блокировать в нем германо-турецкий флот в 1916 г. и начале 1917 г. В это время почти прекратилось снабжение турецкого флота углем. Содействие флота сухопутным войскам позволило добиться крупных успехов на Кавказском фронте, которые объясняются, с одной стороны, пополнением Черноморского флота новыми современными кораблями, а с другой — применением новых тактических приемов использования эсминцев, подводных лодок и гидроавиатранспортов.

Крупным недостатком в организации флота стало отсутствие в его составе современных крейсеров с мощной артиллерией и броней (четыре таких крейсера строились в Николаеве, но к концу войны степень их готовности была еще очень низка).

Об эффективности действий Черноморского флота наглядно говорит соотношение его потерь с флотом противника. За время войны русский флот потерял три эсминца, минный заградитель, канонерскую лодку, подводную лодку и несколько вспомогательных судов (линкор «Императрица Мария» погиб в результате катастрофы). Германо-турецкий флот потерял в Черном море легкий и минный крейсера, пять эсминцев, три миноносца, два минных заградителя, три канонерские лодки и пять подводных лодок². Причем из 11 германских лодок, прибывших в Черное море, две вскоре ушли в Средиземное, а пять погибли (в основном на русских минах). Такого высокого процента потерь в лодках немцы не имели ни на одном из театров военных действий³.

Таким образом, в годы Первой мировой войны Черноморский флот, несмотря на некоторые ошибки и просчеты командования, в целом добился господства на театре военных действий и успешно выполнил поставленные перед ним задачи.

Междунар. конф. «Черное море и флот: история и современность». Крым, Севастополь, 26 октября—1 ноября 1997 г. Материалы. Симферополь, 2000. С. 33.

¹ Флот в Первой мировой войне. Т. 1. С. 539.

² Там же. С. 563.

³ Там же. С. 562.

Глава 24

Народы и религии Крыма в конце XVIII — начале XX в.

§ 1. Население Крыма (численность, расселение, национальный, социальный, половозрастной состав)

В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец, А. В. Белов

Накануне перехода Крыма из-под протектората Турции под протекторат России на его территории располагались девять городов и 1399 деревень, разделенных на 48 уделов. Число жителей точно неизвестно. Как отмечали современники, оно было «довольно знатное». Исследователи, рассматривавшие этот вопрос чуть позже, расходились в своих оценках. Так, И. Г. Георги полагал, что население ханства составляло «от 300 до 400 тыс. душ обоего пола». П. С. Паллас был еще менее конкретен и полагал, что число подданных хана насчитывает «по крайней мере до полумиллиона душ»¹.

По данным современных исследователей, в 1760–1770-х гг. в Крыму проживали 454,7 тыс. человек. Подавляющее большинство населения полуострова составляли крымские татары — 411,5 тыс. человек (92,6%), помимо них там жили греки — 18 тыс. (4%), армяне — 13,6 тыс. (3,1%) и евреи — 1,6 тыс. человек (0,3%)². Греки и армяне в то время размещались в Крыму в 74 населенных пунктах. В городах численно преобладали армяне. Особенно много их находилось в Кафе (5514 человек), Карасубазаре (2809 человек) и Гезлеве (Козлов, позже Евпатория) (1306 человек). Греки были рассеяны в большом числе селений Южного берега Крыма. Самыми крупными из них являлись: Большая Каракуба (1423 человека), Стела (1228 человек), Мангунь (773 человека), Сартани (743 человека), Бишуи (686 человек), Керменчи (477 человек). Кроме того, среди населения полуострова присутствовала небольшая этническая группа грузин, занимавших всего два селения — Кокчак

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 12 об.

² Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — начале XX веков... С. 120.

(19 человек) и Бешутка (41 человек), а также проживавших рассеянно по разным городам и селениям¹.

В результате Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. численность населения полуострова стала сокращаться. Крымские татары в массовом порядке выезжали из Крыма в Турцию. Причины миграции чаще всего связывают со стремлением татар отбыть в земли единоверцев — турок. Однако этот процесс и его характер были не столь просты и однозначны.

Первый же крупный исход с территории полуострова произошел еще до включения его в состав России и связан с переселением христианской части населения на территорию будущего Новороссийского края. Екатерина II, установившая протекторат над территорией Крымского ханства, заселяла тем самым новоприобретенные земли Юга России и одновременно оказывала помощь и протекцию христианам полуострова, отношение к которым со стороны основной массы крымских татар не всегда было спокойным. В 1778–1779 гг. территорию Крыма покинули более 30 тыс. христиан (подробнее см. § 2). Массовое переселение греков и армян, наиболее активной торговой части городского населения ханства, привело к кризису торговой деятельности полуострова. Это было хорошо заметно на примере Гезлева (Евпатории), специализировавшегося на морской торговле с Константинополем (Стамбулом). Город вскоре обезлюдел, а экономическая активность его порта (крайне благоприятно расположенного)² резко снизилась³.

К концу 1782 г. общее население Крыма насчитывало около 55 тыс. душ мужского пола. В их число входили татары (по-прежнему подавляющее большинство), евреи и караимы⁴.

Сразу после присоединения Крыма к России в 1783 г. набрали силу два процесса: продолжился активный (начавшийся ранее) выезд части крымских татар в Турцию и началось переселение в Крым жителей из внутренних областей России. При этом в первые годы после присоединения эмиграция из Крыма превосходила число переселявшихся на полуостров. В итоге после 1783 г. общая численность населения Крыма на некоторое время заметно сократилась.

Полных данных о численности татар, оставивших полуостров, нет. Известны только учтенные переселенцы. В конце 1783 г. официально их было отмечено 56,8 тыс. лиц мужского пола, в конце 1785 г. — 46,5 тыс. лиц мужского пола⁵. Отток с полуострова татарского населения начался далеко не сразу и на первых порах не был напрямую связан с процессом вхождения территории бывшего ханства в состав Российской империи.

В первое время выезд не имел массового характера. Татары продавали свои имения и переселялись в Анатолию и Румынию, однако затем (как сообщает источник) «все почти особы из царствовавшей фамилии и множество дворян возвратилось обратно». Необходимо учесть, что значительная часть переселенцев, оставивших Крым, вернуться назад не могла, поскольку не добралась до турецких владений, погибнув в море от морового поветрия, а также от «прежде бывших бунтов».

По-видимому, массовый отъезд татар начался только в 1788 г. Одна из его причин заключалась в не вполне продуманной политике по изъятию у местного мусульманского населения оружия и лошадей. Приказ отдал Г. А. Потемкин 10 апреля 1788 г. в условиях очередной войны с Турцией, перспективы которой на тот момент оставались весьма туманными. Изъятия были восприняты как оскорбление, в том числе и потому, что местные крымские мурзы, которым поручили исполнить этот приказ, отнесли к нему с крайним рвением, изымая у соплеменников и единоверцев даже негодное оружие, вызвав тем самым негодование.

По предположительным данным российской военной статистики XIX в., из Крыма к 1799 г. выехали до 150 тыс. жителей обоего пола¹. Так, к 1793 г. по кратким известиям, собранным за этот период во всей Таврической области, эмигрировали 157 128 человек (85 805 мужчин и 71 323 женщины)². К первым годам нового, XIX столетия, по подробнейшим известиям, сообщенным П. С. Палласом, Крым оставили 205 617 человек (83 493 мужчины и 122 124 женщины)³.

Казалось бы, происходит стремительное обезлюдивание края. Однако на практике ситуация была не столь однозначной. В 1796 г. проводится ревизия, по итогам которой в Крыму ожидают увидеть татар в числе всего около 60 тыс. мужских ревизских душ. Но оказывается, что «число оных простирается до 90 тыс.»⁴. Иными словами, около 30 тыс. просто утаили себя от переписи⁵.

В 1800 г. выходит императорский указ, предписывающий точно выяснить, сколько в Крыму живет татар. В результате его исполнения выявлено, что «число татар простирается до 120 тыс. мужеска пола всякого состояния и возраста людей»⁶. Таким образом, не треть, а половина крымско-татарского населения полуострова оставалась до того неучтенной, т. е. общая его численность в крае составляла к началу XIX в. не менее 250 тыс. человек обоего пола. Как заключает статистик, обрабатывавший материалы недавно полученных переписей: «Все известия, собираемые до 1796 г. о числе народа, были недостаточные; одна только [новая] ревизия может доставить самое правильное... известие... Неудивительно, что татары всеми силами стараются избегнуть сей ревизии»⁷.

¹ Водарский Я. Е., Елисеєва О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 86–87.

² РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19059. Л. 2.

³ Там же. Л. 2 об.

⁴ Водарский Я. Е., Елисеєва О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 86.

⁵ Там же. С. 87.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 14.

² Там же. Л. 13 об.

³ Там же. Л. 14.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Л. 14 об.

⁷ Там же. Л. 15–15 об.

Для уточнения данных о численности народонаселения в Крыму и прилегающих к нему уездах Таврической губернии были привлечены местные описи за 1802–1805 гг. «За основание» были приняты: ревизские списки, ежегодные описи, данные по конкретным уездам и городам. Но и тогда полученные итоги оказались самыми противоречивыми. Так, в 1803 г. «по воспоследовавшем разделении в Таврической губернии считалось мужского пола 105 777, женского 88 948, обоюго пола 194 725» ревизских душ. В 1804 г. мужского пола было учтено 102 826 душ, женского — 88 644, обоюго пола — 191 470. В 1805 г. эти цифры составили 133 256, 107 274 и 240 530 душ соответственно; в 1806 г. — 108 187, 91 898, 200 085 душ.

Причина такой статистической чехарды кроется в ряде факторов: во-первых, в стремлении татар (да и других категорий населения, число которых постоянно увеличивалось) уйти от учета; во-вторых, в перекройке административной и городской сети страны, предпринятой Павлом I; в-третьих, в появлении новых групп населения, которые из-за изменения административных границ то попадали в перепись, то игнорировались ею. Дело осложнялось еще и тем, что в состав Таврической губернии входили территории континентальной части Новороссийского края, которые активно заселялись. В частности, при переписи 1805 г. были учтены так называемые черноморские казаки, число которых на тот момент составляло до 24 тыс. душ мужского и от 3 до 4 тыс. душ женского пола. Иными словами, переписи данного времени, по словам самих их составителей, «закрывают вероятие», т. е. примерные данные¹. Однако и в таком виде они дают хоть и относительное, но наглядное представление о населении Крымского полуострова и прилегающих к нему территорий Новороссийского края².

Таблица 1

Население Крымского полуострова и прилегающих к нему территорий Новороссийского края в 1804–1805 гг.³

Уезд	Число жителей, чел.					
	1804 г.			1805 г.		
	мужского пола	женского пола	всего	мужского пола	женского пола	всего
Симферополь	23 547	21 283	44 830	23 510	21 256	44 766
Феодосия	16 983	14 991	31 974	17 791	15 393	33 184
Евпатория	13 584	12 604	26 188	13 457	12 582	26 039
Перекоп	17 885	16 305	34 190	17 888	16 305	34 193
Днепровск	12 584	9 296	21 880	12 831	10 161	22 992
Мелитополь	18 028	14 385	32 413	18 029	14 380	32 409
Тмутаракань	20 240	9 155	29 395	20 061	9 056	29 117
ИТОГО	122 851	98 019	220 870	123 567	99 133	222 700
Рост по сравнению с предыдущим годом				716	1114	1830

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 16 об.

² Там же. Л. 20–20 об.

³ Там же. Л. 16 об., 20–20 об.

Эмиграция татар в начале XIX в. не останавливалась. В 1804 г. с территории Таврической губернии «в турецкие области» отбыли 805 человек мужского и 765 человек женского пола вместе с детьми и стариками. За 1804–1805 гг. общее число эмигрировавших составило 1496 человек обоюго пола. При этом искать счастья за морем не воспрещали и прочим жителям края. За тот же период на юг и юго-запад переселились 54 казака. Впрочем, наблюдался и обратный процесс. Только в 1805 г. из Турции «по пашпортам и для заработка» в Таврическую губернию приехали 287 человек¹. Пустые земли занимали переселенцы из внутренних территорий России. В 1804 г. их прибыло 1325 человек².

Власти, искавшие способы прекратить отток населения, были крайне озабочены вопросом о мотивации выезда татар. Проводились опросы отбывавших, которые показали, что основной причиной стало не их личное желание, а выстроенная политика со стороны южного соседа и части мусульманского духовенства. По сути, рядовым татарам приказывали уезжать, используя при этом их искреннюю преданность своей вере. Вот как описал итоги интервьюирования один из русских статистиков: «Сии татары при допросе показали, что они желают воспользоваться сим позволением (России на выезд. — *Авт.*) не потому якобы, что они надеялись в турецких областях найти для себя выгоднейшую жизнь, напротив того, они совершенно были уверены, что там для них будет гораздо хуже. Но просили о дозволении переселиться только по той причине, что сей жертвы требует от них религия в том случае, если только они могут выполнить сие требование»³.

Одновременно набирала силу программа переселения на полуостров выходцев из среднерусских губерний России. В 1780-е гг. заселение строилось на ряде поощрительных законов, согласно которым переселенцы получали льготу от податей на полтора года, помещики — право переводить сюда своих крестьян (но только по собственной воле самих крепостных). Указ от 6 июля 1783 г. устанавливал срок льготы на землю в шесть лет, «а для новых селений... в необитаемых местах с прибавкою к тому еще четырех лет»⁴.

В 1783–1784 гг. в Крым в основном приезжали представители городских сословий (купцы и мещане). Среди иностранцев преобладали греки, которые переселились в Россию с 1775 г., обустроиваясь в Керчи и Еникале. В 1784 г. им были дарованы земли в районе Балаклавы (к тому времени они опустели). Греки основали еще семь небольших поселений между Балаклавой и Ялтой. К 1792 г. греческие территории были известны как земли Греческого пехотного полка с населением 1,8 тыс. человек обоюго пола. Освоение территорий Крыма переселенцами было крайне неравномерным и небольшим. В основном оно сосредоточилось в двух уездах — Симферопольском и Феодосийском — и носило две формы: собственные новые поселения и расселение в местах проживания татар.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 22 об.

² Там же. Л. 22.

³ Там же. Л. 23.

⁴ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — начале XX веков... С. 88

Таблица 2

Этнический состав населения Крыма на рубеже XVIII–XIX вв.¹

Этносы	Абсолютная численность, тыс. чел.	Удельный вес, %
Татары	112,2	88,0
Русские	6,4	5,0
Цыгане	3,3	2,6
Греки	2,5	2,0
Евреи	1,6	1,2
Армяне	0,6	0,6
Украинцы	1,8	0,7

К началу 1785 г. в Симферопольском уезде только учтенных переселенцев значился 1021 человек мужского пола. В их число входили преимущественно русские, второе место занимали греки, затем шли волохи и поляки¹.

Начавшаяся 7 сентября 1787 г. Русско-турецкая война (продолжавшаяся пять лет, до 1791 г.) затормозила процессы переселения. 24 февраля 1788 г. был опубликован именной указ о приостановлении переселения крестьян «казенного ведомства» в южные пограничные рубежи «до будущего повеления... По настоящим военным обстоятельствам». В связи с этим темпы заселения Крыма из России снизились, но не прекратились. С 1785 г. по июль 1793 г. в Крым прибыло из России 12,6 тыс. душ мужского пола. Наиболее активно заселялись два уезда — Симферопольский (44% от всех переселенцев) и Перекопский (30% от всех переселенцев). В Симферопольский уезд русские вывели на поселение из Молдавии дезертиров и отставных солдат. Кроме того, наблюдался значительный приток торгово-ремесленного городского населения (купцов и мещан), оседавших преимущественно в Симферопольском и Феодосийском уездах. В целом в 1780-е гг. общий приток переселенцев был невелик. Рост численности шел в основном за счет естественного прироста крымско-татарского населения. За период с 1793 по 1795 г. оно увеличилось почти на 32,4 тыс. человек, но удельный вес данной группы в общей массе населения упал почти на 6%. Численность всех прочих народностей и их удельный вес при этом изменились незначительно. Так, у русских он сократился на 0,7% (до 4,3%), у украинцев, напротив, вырос на 0,6% (до 1,3%)². Низкий удельный вес славян был не только в населении Крыма в целом, но и по уездам. Максимальная доля русских приходилась на Симферопольский и Евпаторийский уезды — 6,6 и 7% соответственно. Наибольшее число украинцев отмечалось в Симферопольском уезде — 1,8% от населения уезда.

Всего в Крыму в 1795 г. проживало 156,4 тыс. лиц обоего пола (из них 109 тыс. мужчин)³.

Период рубежа XVIII–XIX вв. характеризуется процессом интенсивного заселения материковой части Таврической губернии. Возобновление потока переселенцев в Крым начинается только с середины 1820-х гг. Причем процесс этот был весьма умеренный. Основная горная часть Крыма была заселена татарами и оставалась «почти пустынной до 1823 г.», когда здесь стали покупать земли богатые русские помещики. Земли эти интересовали их как места для виноградарства, строительства загородных дворцов, дач и охотничьих домиков, перевода на них крепостных крестьян.

Большую роль в увеличении численности населения по-прежнему играл естественный прирост. В Крыму он всегда был повышенным при высоком уровне рождаемости (главным образом у христианского оседлого населения) и малом показателе смертности, которая была намного ниже, чем в соседних с Крымом губерниях.

В начале XIX в. власти специально создали льготные условия для стремящихся переселиться в Новороссию. Но по-прежнему был заметен высокий естественный прирост татар (особенно в Симферопольском и Евпаторийском уездах). Удельный вес русских и украинцев рос слабо. Славянские народы составляли лишь небольшую часть жителей полуострова. Оба этноса селились преимущественно в Симферопольском и Феодосийском уездах. В первом из них в 1795 г. русских значилось 4,8% от общего числа жителей, а в 1815 г. — уже 6,8%; украинцев — 1,8 и 2,1% соответственно. В начале XIX в. украинские переселенцы появляются также в уездах, где их прежде не было. Так, в 1815 г. в Евпаторийском уезде украинцев значилось 3%, русских — 0,5%. В целом в начале XIX в. приток украинцев в Крым был более высоким, чем русских. В то время как доля последних незначительно выросла с 4,3 до 4,8%, удельный вес украинцев увеличился более существенно — с 1,3 до 3,7%. На этом этапе они по численности уступали русским только в Симферопольском уезде². В 1816 г. население Крыма насчитывало 212,6 тыс. человек обоего пола (53% мужчин и 47% женщин)³.

В характере занятости населения полуострова присутствовала ярко выраженная национальная специализация. Вот как, в частности, очевидец описал Евпаторию в 1816 г.: «В городе сем находится ныне около тысячи домов, обитаемых большей частью русскими, при должности находящимися, большей частью татарскими купцами и работниками, греческими и армянскими торговцами и довольно значительным числом евреев, которые в Крыму называются караимы. Татары... по большей части нанимаются в работы, пашут землю и пасут стада; греки и армяне занимаются мелочною торговлею и похожи несколько на наших разносчиков с той только разницей, что имеют лавки и торгуют также на местах; но караимы... в руках своих исключительно всю торговлю содержат; они имеют поверенных во всех турецких гаванях и суть торгопроводы Южной России. По сей причине некоторые

¹ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 88.

² Там же. С. 91.

³ Там же. С. 90.

¹ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 90.

² Там же. С. 92–93.

³ Там же. С. 93.

Таблица 3

**Естественное движение народонаселения
в Таврической губернии в середине XIX в.¹**

	Родившихся		Умерших		Число браков
	мужчин	женщин	мужчин	женщин	
В городах:					
Алешки	108	115	100	90	39
Бахчисарай	245	279	216	199	187
Бердянск	184	150	101	65	77
Евпатория	272	257	248	222	111
Карасубазар	275	272	209	222	183
Ногайск	28	28	22	17	9
Орехов	183	167	130	112	82
Перекоп	114	125	100	78	48
Симферополь	366	275	317	260	158
Старый Крым	71	66	25	20	27
Феодосия	160	146	92	85	70
Мелитополь	74	70	89	55	42
Ялта	17	14	16	14	4
Балаклава	44	35	25	20	8
В уездах:					
Бердянском	1 490	1 318	588	542	–
Евпаторийском	817	848	539	555	280
Днепровском	1 618	1 496	847	830	589
Мелитопольском	1 590	1 477	857	660	620
Перекопском	1 556	1 283	722	646	760
Симферопольском	1 050	1 030	620	646	490
Ялтинском	717	717	344	321	365
Феодосийском	1 045	939	495	495	460

из них весьма достаточны и построили себе хорошие двубрусные дома, которые во внутренности не уступают многим богатым домам в Петербурге и в Москве»¹.

В 1824 г. был принят закон, разрешающий переселение в Новороссию государственных крестьян с наделением их 8–15 десятинами земли на ревизскую душу. При этом сами крестьяне могли избирать из своей среды депутатов, которые ехали и смотрели новые земли. Переселенцы освобождались на три года от податей. Но данные меры не активизировали процесс заселения Крыма, ибо переселенцы в основном стремились попасть в материковую часть Таврической губернии — Днепровский и Мелитопольский уезды².

Но все же в 1816–1835 гг. население Крыма увеличилось на 31,4%. Удельный вес русских снизился с 4,8 до 4,4%, украинцев — с 3,7 до 3,1%, татар — с 86 до 84%. Вырос показатель удельного веса греков — с 0,8 до 2% и болгар — с 1,3 до 1,5%. Но в целом этническая структура осталась та же. Татары повсеместно доминировали (85% всех жителей). Русские и украинцы вместе составляли около 8%³.

В 1843 г. власти пошли на улучшение условий для переселенцев. Была введена шестилетняя льгота от воинского постоя, восьмилетняя (вместо трехлетней) льгота от уплаты податей и повинностей⁴. С 1835 по 1851 г. население Крыма выросло на 30%. Этнически состав почти не изменился, но увеличилась численность славянских этносов: русских — с 4,4 до 6,6%, украинцев — с 3,1 до 7%. Довольно многочисленные украинские поселения появились в Ялтинском и Перекопском уездах. Выросла доля русских в Симферопольском, Феодосийском и Евпаторийском уездах. При этом татары по-прежнему оставались абсолютно преобладающим этносом, но их доля сильно понизилась — с 83,4 до 78%. Особенно заметно это проявилось в Симферопольском уезде: удельный вес татар снизился там с 80 до 70%, а доля русских и украинцев выросла с 7,5 до 13,6%⁵.

Анализ приведенных в таблице данных показывает, что населению Крыма был присущ традиционный тип воспроизводства населения с высокими показателями брачности, рождаемости и смертности. Естественный прирост населения был устойчиво положительным. При этом мужская смертность превышала женскую.

Крымская война способствовала принципиальному изменению этнического состава населения полуострова. В преддверии высадки противника на территории Крыма все татарское население, проживавшее «на 25-верстном расстоянии от морского берега», переселили во внутреннюю часть полуострова. Это привело к опустошению обширных пространств по берегам Черного моря. После завершения военных действий татарам не разрешили вернуться на свои земли к берегу моря, и они остались во внутренних уездах.

Активная пропаганда правительства Турции и мусульманского духовенства убедила крымских татар в том, что полуостров будет отторгнут от России и войдет в состав Османской империи. Провал этой мечты привел к массовому разочарованию татар и ногайцев и породил стремление эмигрировать в единоверную Турцию. Идея миграции татарского населения не затронула только два уезда — Ялтинский и Евпаторийский. В Турции татарам были обещаны крайне благоприятные условия и земли, что во многом осталось фикцией, приведшей к новым разочарованиям. В итоге с 1863 г. начинается возвращение татар и ногайцев в Россию. Но казенные земли в Крыму были уже заняты, поэтому возвращение разрешили на следующих условиях: договор с помещиком на проживание на его землях; вызов родственниками; необходимость вернуться по имущественным обстоятельствам.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19070. Л. 6 об.

² Там же. Л. 8 об.

³ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 93–94.

⁴ Там же. С. 94.

⁵ Там же. С. 95.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19073. Л. 126 об.

На протяжении 1850-х гг. численность татар на полуострове уменьшилась с 267 тыс. (1852 г.) до 242 тыс. человек (1860 г.), их удельный вес снизился с 78 до 73%. Максимальное сокращение татарского населения было отмечено в Симферопольском уезде — с 72 до 63%. Наряду с этим там наблюдался рост русской диаспоры — с 12 до 25%. Причина заключалась не столько в естественном росте числа переселенцев из России, сколько в особенностях учета: до этого не проводилась перепись военного населения Севастополя, приписанного к данной административной единице. Кроме того, в 1850-е гг. отмечается сокращение численности украинцев с 7 до 4%. Причина, скорее всего, связана с оттоком во время Крымской войны земледельческого населения полуострова, в основном состоящего из украинцев. Так, в Симферопольском уезде в 1851 г. украинцев насчитывалось 7,5 тыс. человек (6%), в 1858 г. — 3,4 тыс. человек (3%); в Перекопском уезде — 8,2 и 3,6% соответственно.

Севастополь — главная база Черноморского флота — удивлял приезжих видом своего «военного порта, оживленного деятельным многолюдством»¹. Население в городе стремительно росло как за счет военных, так и за счет штатских жителей. Так, в 1849 г. общее число жителей в нем достигало уже без малого 43 тыс. человек обоюбого пола. Впрочем, основную их часть по-прежнему составляли военные, о чем говорит значительное преобладание мужского населения².

Немногочисленным этническим компонентом в Крыму были немцы, начавшие заселять полуостров с начала XIX в. Их доля в 1795 г. составляла 0,1%, в 1858 г. — 1,5%. Удельный вес других народов в 1858 г. был также крайне невелик: евреев — 1,3%, греков — 1,2%, цыган — 1,0%, армян — 0,7%³.

Во второй половине XIX в. продолжился массовый выезд татар из Крыма, начался процесс их постепенного обезземеливания. Доля безземельных татар к 1860-м гг. составила 52%, в начале XX в. — 64%. Всего за первую половину 1860-х гг. Крым покинули, по разным оценкам, от 140 до 180 тыс. крымских татар. Уже к 1864 г. удельный вес крымско-татарского населения на полуострове составлял лишь 50,3% (русских и украинцев — 28,5%, греков — 6,5%, евреев — 5,3%, армян — 2,9%, немцев — 2,7%). В городах татары составляли в общей сложности лишь третью часть всех жителей. Первое место там по удельному весу заняли русские и украинцы — 36%.

В условиях пореформенной России вопрос о заселении и хозяйственном освоении окраин по-прежнему оставался острым. После Крымской войны и отмены крепостного права наметился новый приток переселенцев в Крым из внутренних российских губерний. Развитие торговли и городского строительства привлекало сюда массу рабочих, главным образом русских и украинцев. Численность крымских татар продолжала сокращаться, они теряли преобладание в этнической структуре населения Крыма.

В 1890-е гг. доля татар в Ялтинском уезде составила 59,1%, в Симферопольском — 44,4%, в Евпаторийском — 42,7%, в Феодосийском — 38,3%, в Перекопском — 23,9%. Особенно мало оставалось их в градоначальствах: в Севастопольском — 3,3%, в Керчь-Еникальском — 5,9%¹. В целом, несмотря на массовую эмиграцию в начале 1860-х гг. и более поздние годы, на значительной части Крымского полуострова к концу XIX в. еще сохранились значительные территории с преобладающим татарским населением, хотя в общей массе они составляли здесь лишь около трети всех жителей. Компактный ареал татарского населения простирался от Балаклавы до Судака и от Карасубазара до Ялты. Значительная плотность проживания татар отмечалась на Керченском и Тарханкутском полуостровах, в районе Евпатории и на берегу залива Сиваш. В этот период еще сохраняли свое значение крымско-татарские центры Бахчисарая и Карасубазара.

Таким образом, в последней четверти XIX в. происходили значительные изменения в численности и географическом размещении народностей Крыма. Формировались русская и украинская этнические территории по мере сокращения численности и удельного веса татар². К концу XIX в. русская этническая территория образовалась в Севастопольском (63%) и Керчь-Еникальском (56%) градоначальствах. В Симферопольском и Феодосийском уездах доля русских составила 30%. Высока она была также в Перекопском и Ялтинском уездах.

Удельный вес украинцев в Крыму на этом этапе вырос с 4 до 12%, но явно уступал русским (33%), которые численно (181 тыс. человек) лишь немного уступали татарам (194,4 тыс. человек). Численное преимущество над русскими у украинцев отмечалось только в одном уезде — Евпаторийском (18% русских, 21% украинцев). В Перекопском уезде диаспоры оказались почти равными (русских — 11,7 тыс. человек, украинцев — 11,3 тыс. человек)³.

Доля греков и армян во второй половине XIX в. фактически не изменилась. Местом их проживания являлись в основном города: греки — в Симферополе, Керчи, Феодосии, Бахчисарае, Балаклаве и частично в селениях по Южному берегу Крыма; армяне — в Симферополе, Карасубазаре, Старом Крыму, Евпатории и Армянском Базаре. Армян в середине 1870-х гг. насчитывалось не более 6 тыс. человек⁴. Значительное число городского населения составляли караимы, которых в этот период в Крыму проживало около 8 тыс. человек. В Перекопском уезде поселилось небольшое число эстонцев. Чехи в Крыму появились в середине 1860-х гг. (села Табор, Богемка, Цареквич в Перекопском уезде). Чешские переселенцы получили правительственное разрешение основать колонию⁵.

В 1860–1890-е гг. произошел качественный скачок в развитии крымских городов. Большинство их превратилось в крупные портово-экспортные центры.

¹ РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 19062. Л. 295 об.

² Там же. Д. 19073. Л. 106.

³ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 104–106.

¹ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 107.

² Там же. С. 107–108.

³ Там же. С. 107–109.

⁴ Кондараки В. Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. Ч. 9. С. 18, 70.

⁵ Наулко В. И. Развитие межэтнических связей на Украине. Киев, 1975. С. 38.

К 1897 г. доля городского населения в Крыму выросла до 41,9% (228 тыс. человек). Это был один из наиболее высоких показателей в Российской империи.

В 1897 г. впервые была проведена всеобщая перепись населения Российской империи, которая позволила дать полную характеристику состояния населения страны. По данным переписи, на территории Таврической губернии проживали 1447,8 тыс. человек, которые расселялись в восьми уездах (Симферопольском, Бердянском, Днепровском, Евпаторийском, Мелитопольском, Перекопском, Ялтинском, Феодосийском) и двух градоначальствах (Керчь-Еникальском и Севастопольском). Самым многочисленным был Мелитопольский уезд, где проживали 384 239 человек (26,5% от населения губернии)¹.

В Крыму преобладало сельское население (1158,5 тыс. человек), составлявшее 80% от населения губернии, городское население насчитывало 289,3 тыс. человек — 20%.

В конце XIX в. для Крыма было характерно традиционное воспроизводство населения с высоким уровнем рождаемости и смертности. Общий прирост населения являлся положительной величиной. В городах уровень рождаемости был ниже, чем в губернии в целом, смертности — выше.

В составе населения Крыма численно преобладали мужчины. В 1897 г. на 1000 женщин приходилось мужчин: в Таврической губернии — 1114, в городах — 1233, в селах — 1086². Доминирование мужчин было характерно в целом и особенно для городов, однако среди людей молодого возраста (10–19 лет) и пожилого (70 лет и старше) доминировали женщины.

Таблица 4

Возрастной состав населения Таврической губернии в 1897 г.³

Возраст, лет	Все население, %	Городское население, %
0–1	3,6	2,7
1–9	27,0	19,3
10–19	21,3	19,1
20–29	17,0	24,3
30–39	11,9	13,8
40–49	8,2	8,9
50–59	5,7	6,0
60–69	3,4	3,7
70 и старше	1,9	2,1

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. СПб., 1904. Вып. XLI: Таврическая губерния. С. 1 (подсчеты авторов).

² Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 1. С. 42–43 (подсчеты авторов).

³ Там же. С. 40–43, 48–51 (подсчеты авторов).

Анализ возрастного состава населения Крыма показывает, что в демографическом развитии проявляются черты начальной фазы первого демографического перехода от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Закономерно, что прежде всего эти тенденции проявляются среди городского населения, происходит постепенное снижение удельного веса младенческой и детско-подростковой возрастных групп и некоторое увеличение доли пожилых и престарелых. При этом возрастной состав населения Крыма был молодым и трудоспособным (с высоким удельным весом людей репродуктивного трудоспособного возраста).

В Крыму численно преобладали холостые и девицы, а также мужчины и женщины, состоявшие в браке. По брачному состоянию в 1897 г. на 1 тыс. человек, проживавших в Таврической губернии, мужчины и женщины, еще не вступившие в брак, составляли 578, состоявшие в браке — 378, вдовы — 43, разведенные — 1. Брачность еще была традиционно высокой, число вдовых небольшое. Следует отметить, что многочисленность мужчин обусловила преобладание числа вдов над вдовцами. Овдовевшие женщины реже вступали в повторные браки, чем вдовы мужчины. Разводы, как видим, были исключительным явлением¹.

В переписи полно представлен сословный состав Таврической губернии. Основную часть населения губернии, особенно в уездах, составляли крестьяне — 77,6%. Удельный вес других сословий был существенно ниже: мещане — 16,8%, дворяне потомственные и их семьи — 0,9%, дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи — 0,7%, купцы и их семьи — 0,5%, лица духовного звания всех христианских исповеданий — 0,3%, потомственные и личные почетные граждане и их семьи — 0,3%, войсковые казаки — 0,1%.

Среди городского населения Таврической губернии самую большую сословную группу составляли мещане — 51,5%. Особенностью социальной структуры Крыма являлось значительное число крестьян среди городского населения — 33%. Привилегированные сословия в основном проживали в городах: дворяне потомственные и их семьи составляли 2,9%, дворяне личные, чиновники не из дворян и их семьи — 2,8%, купцы и их семьи — 1,8%, лица духовного звания всех христианских исповеданий — 0,6%, потомственные и личные почетные граждане и их семьи — 1,1%.

В сельском населении Таврической губернии, естественно, основную часть составляли крестьяне — 88,7%. Представители всех других сословий там были немногочисленны.

Перепись 1897 г. учитывала этнический состав населения по родному языку. По ее данным, русский язык состоял из великорусского (русского), малорусского (украинского) и белорусского языков. В Крыму русский язык был широко распространен, его считали родным 1025,3 тыс. человек, или 70,8% населения Таврической губернии. В городах преобладал великорусский язык, а в сельской местности — малорусский (см. таблицу 5).

¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения... Т. 1. С. 164–167, 172–175, 180–183, 224–225 (подсчеты авторов).

Таблица 5

Состав населения Крыма по родному языку в 1897 г. (в %)¹

Родной язык	Город	Село
Великорусский	49,1	22,7
Малорусский	10,4	50,2
Белорусский	0,2	0,8
Татарский	17,2	12,7
Еврейский	11,8	1,8
Греческий	3,6	0,7
Польский	2,2	0,3
Армянский	2,2	0,2
Немецкий	1,4	6,4
Болгарский	0,3	3,5
Молдавский	0,1	0,1
Румынский	0,1	0,1
Другие языки	1,4	0,5
ВСЕГО	100	100

В городах почти половина населения считала родным великорусский язык (совр. русский), малорусский (совр. украинский) был распространен меньше, чем татарский и еврейский. Население городов было полиэтничным. Распространенными являлись греческий, польский, армянский, немецкий языки. Другие языки не имели широкого применения.

В сельской местности наибольшее распространение имел малорусский язык. Его считала родным половина сельских жителей. Вместе с тем каждый пятый считал родным великорусский язык. Довольно значительный процент сельского населения говорил на татарском языке как на родном. Среди других языков наибольшее распространение имели немецкий и болгарский.

Уровень грамотности населения Крыма был низким — 27,9% от населения Таврической губернии. Однако в Севастопольском уезде грамотные составляли 51,7%, в Керчь-Еникальском градоначальстве — 42,8%, в Симферопольском уезде — 33,9%. Среди мужчин Таврической губернии грамотных было больше, чем среди женщин: 36,9% и 17,8% соответственно. В городах уровень грамотности населения был значительно выше, чем в Крыму в целом².

Таким образом, в конце XIX в. население Крыма имело полиэтничный, многоконфессиональный и многоязычный состав с преобладанием православного населения, а также широким распространением русского языка.

¹ Общий свод по Империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 г. СПб., 1905. Т. 2. С. 98–103, 177–181 (подсчеты авторов).

² Там же. Т. 1. С. 48–51 (подсчеты авторов); Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XLI. С. 1.

В 1902–1903 гг. имела место очередная волна татарской эмиграции из Крыма в Турцию. Выехали около 13 тыс. человек. Эта последняя татарская эмиграционная волна была вызвана чисто экономическими причинами, в основном обезземеливанием крестьян, поскольку к тому времени сформировались обширные дворянские землевладения. Так, в 1907 г. потомственных дворян, владевших землей, насчитывалось 1013 человек, в том числе 58 татар. В результате 64% татар-землевладельцев осталось без земли. Российские власти приостановили эту эмиграционную волну, прекратив выдачу крымским татарам паспортов.

К 1917 г. этнодемографическая картина Крыма резко изменилась. Русские закрепили за собой статус самой крупной этнической группы (41,2% от населения Крыма). Второе место занимали крымские татары (28,7%), третье — украинцы (8,6%). Несколько увеличилась доля евреев и немцев. По-прежнему Крым населяли греки, армяне, болгары, поляки, турки. Появились чехи и эстонцы. К этому моменту в Крыму сформировалась русская этническая территория, которая превзошла татарскую. Татары продолжали преобладать только в одном уезде — Ялтинском, а также имели значительный вес в Симферопольском уезде.

В начале XX в. продолжался рост доли городских жителей в общем населении Крыма, которая в 1917 г. достигла 50,9%. В Севастополе было зафиксировано 87,5 тыс. человек. Русские селились в городах и сельской местности. Украинцы, татары и немцы предпочитали жить в селах, евреи — в городах. В 1918–1920 гг. вследствие войн численность населения Крыма заметно уменьшилась. Причиной сокращения населения была также эмиграция в Турцию и Западную и Южную Европу. В итоге по переписи 1920 г. (в Крыму проходила весной 1921 г.) население Крыма составило 718,9 тыс. человек. На полуострове проживало 59 этнических общностей. Численность русских составила 317,8 тыс. человек (44,1%), крымских татар — 186,6 тыс. человек (26%), украинцев — 53,5 тыс. человек (7,4%). Вырос удельный вес евреев — 6,7%, немцев — 5,9% и греков — 3,3%¹. Таким образом, русская диаспора в Крыму в начале 1920-х гг. была самой многочисленной. Увеличилось количество малых этносов.

§ 2. Христианство в Крыму. Органы духовного управления. Возрождение и строительство христианских храмов. Проект «Русский Афон»

Л. В. Мельникова

В конце XVIII — начале XX в. Крым оставался поликонфессиональным регионом. На полуострове преобладали три основных религиозных направления: христианство, мусульманство и иудаизм. Христиане были представлены православными,

¹ Население России в XX веке: Исторические очерки. М., 2000. Т. 17. С. 8, 17, 88, 98, 105–106, 118; *Поляков Ю. А.* Советская страна после окончания гражданской войны: территория и население. М., 1986. С. 60, 65, 161, 167.

католиками, протестантами, армяно-григорианами, армяно-католиками, старообрядцами и различными сектантами.

Христианская религия пришла на крымскую землю еще в первых веках нашей эры и, несмотря на все перипетии истории полуострова, сохранялась там в течение многих столетий. После присоединения Крыма к Российской империи христианство в регионе переживает ренессанс, чему в немалой степени способствует церковная политика государства. О христианизации края свидетельствует прежде всего рост численности христиан, постепенно занявших лидирующие позиции по сравнению с другими конфессиями.

Так, незадолго до включения Крыма в состав России, в 1760–1770-х гг., на полуострове проживали около 31,6 тыс. христиан (в основном греки и армяне), что составляло 7,1% всего населения¹. Первый статистический документ по истории края имперского периода — «Камеральное описание Крыма» барона О. А. Игельстрома 1784 г. — сведений о числе христиан не содержит, речь идет лишь о 4087 дворах, оставленных христианами при переселении их в Азовскую губернию в 1778 г. по согласованию российских властей с крымским ханом Шагин-Гиреем². Установлено, что Крым покинули тогда 31 386 человек³, что, безусловно, составляло большую часть проживавших там христиан. Авторы коллективной монографии «Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков» отмечают, что полуостров оставили «все христиане»⁴. Мы полагаем, что вряд ли стоит утверждать это столь категорично, тем более что в Керчи и Еникале, отошедших к России по Кючук-Кайнарджийскому договору 1774 г., оставались православные греки. Так или иначе, но после присоединения Крыма к России на полуостров стали прибывать переселенцы из внутренних губерний империи, а также эмигранты из Центральной и Западной Европы, благодаря чему число христиан в крае стало постепенно увеличиваться.

В 1865 г. в Крыму проживали 77 364 христианина (в том числе 62 018 православных, 4923 католика, 6614 протестантов, 3809 армяно-григориан), что составляло 39,3% населения полуострова⁵. Еще через три десятилетия первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала в регионе 323 719 христиан (в том числе 269 486 православных, 15 288 католиков, 29 091 протестанта, 6920 армяно-григориан, 1177 армяно-католиков, 1688 старообрядцев и «уклоняющихся от православия», а также 69 «остальных христиан»), что составило 59,2% населения⁶. Что касается Таврической губернии в целом, то и в 1865 г., и в 1897 г. христиане

составляли там подавляющее большинство населения: 488 095 человек (79,6%)¹ и 1 190 064 человека (82,2%) соответственно².

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ. Накануне присоединения Крыма к России на территории полуострова существовала одна православная епархия — Готская (или митрополия Готии и Каффы), находившаяся под юрисдикцией Константинопольского Патриархата. Митрополит Готский и Кафский Игнатий (Гозадинос) в 1778 г. организовал и возглавил переселение греческой общины (18 395 человек) из Крыма в Азовскую губернию. С участием прибывших греков был основан уездный город Мариуполь, названный аналогично предместью Бахчисарая Мариамполю, в котором прежде находился престол митрополита. Игнатий, перешедший под омофор Русской Православной Церкви, получил в управление часть территории Славянской и Херсонской епархии. Указ императрицы Екатерины II от 14 марта 1779 г. предписал ему «быть архиереем [греческих] поселенцев и состоять непосредственно под Синодом», «именоваться по смерти митрополитом Готфейским и Кефайским»³. Готская епархия считается окончательно прекратившей свое существование с кончиной митрополита Игнатия, наступившей 16 февраля 1786 г. В сентябре того же года Славянская и Херсонская епархия была преобразована в Екатеринославскую, Херсонскую и Таврическую с подчинением ее архиерею «всех находящихся там церквей»⁴. 7 марта 1787 г. в рамках этой епархии было создано полусамостоятельное Феодосийское и Мариупольское викариатство, паству которого составили православные, проживавшие в Таврической области, и греки Мариупольского уезда⁵. Эта церковно-административная единица, просуществовавшая до 1799 г., считается своеобразным преемником бывшей Готской епархии.

Глава викариатства, называемого в источниках и литературе также Феодосийской (викарной) епархией, получил титул епископа Феодосийского и Мариупольского. Это место последовательно занимали пять архиереев: Дорофей (Возмуйлос, 1787–1790), Моисей (Гумилевский, 1791–1792), Иов (Потемкин, 1793–1796), Гервасий (Линцевский, 1796–1798) и Христофор (Сулима, 1798–1799). Первоначально кафедра викарного епископа находилась в феодосийской Введенской церкви, в Феодосии располагалась и духовная консистория. Вскоре центр викариатства переместился в Старый Крым, где резиденцией епископа стал путевой дворец императрицы Екатерины II. 4 марта 1794 г. к Феодосийской (викарной) епархии было приписано Черноморское казачье войско, занимавшее Правобережную Кубань и Таманский полуостров.

Данные о количестве в Крыму православных храмов в конце XVIII в. разнятся. Согласно «Камеральному описанию Крыма», в декабре 1783 г. на полуострове насчитывалось 33 целые и несколько десятков разрушенных церквей (греческих

¹ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... Приложения. С. 120.

² Камеральное описание Крыма 1784 г. Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1889. № 7. С. 43.

³ Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 86.

⁴ Там же. С. 85.

⁵ Памятная книга Таврической губернии... С. 356.

⁶ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. ХLI. С. 92–93.

¹ Памятная книга Таврической губернии... С. 356.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. ХLI. С. 92–93.

³ Цит. по: Родионов М., прот. Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии: общий и частный обзор. Симферополь, 1872. С. 42.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ ПСЗ-I. Т. 22. № 16512.

и армянских)¹. При этом в указе 1799 г. об упразднении Феодосийской (викарной) епархии сказано, что на всей ее территории состояло «не более 66 церквей»², из которых непосредственно в Крыму, по мнению протоиерея Арсения Лебединцева, было «не более 15»³ (видимо, имеются в виду только действовавшие храмы). 15 храмов, включая церковь единственного в то время крымского монастыря (Балаклавского Георгиевского), указывает по состоянию на 1799 г. и протоиерей Михаил Родионов⁴. По словам А. Лебединцева, «переселение из Крыма христиан» увеличило «число древних развалин новыми развалинами памятников христианских», и «новые жители Крыма не многими из прежних храмов могли воспользоваться для открытия в них богослужения»⁵.

Викарные епископы старались восстановить старые или построить новые церкви, обеспечить их духовенством. При этом в первое время между клиром и прихожанами нередко существовал языковой барьер: крымские греки не понимали церковнославянского языка, на котором проводились богослужения, незнание большинством российских священников греческого затрудняло исполнение треб.

Феодосийское и Мариупольское викариатство было упразднено 16 октября 1799 г. С тех пор в течение 60 лет (вплоть до учреждения в 1859 г. Таврической и Симферопольской епархий) на полуострове отсутствовало местопребывание архиерея. Всеми крымскими православными приходами ведало духовное правление (в 1800–1804 гг. — Перекопское, в 1804–1859 гг. — Симферопольское), подчинявшееся епархиальной духовной консистории, находившейся на материке⁶.

Екатеринославские архиепископы, управлявшие огромной территорией, уделяли недостаточно внимания церковным проблемам Крыма. Положение изменилось в лучшую сторону с созданием 9 мая 1837 г. новой церковно-административной единицы — Херсонской и Таврической епархий (включившей в себя две одноименные губернии) с центром в Одессе. Уже первый архиепископ Херсонский и Таврический Гавриил (Розанов, 1837–1848), занимавшийся историей и археологией, проявил живой интерес к Крыму, написав работу «Остатки христианских древностей в Крыму, в Феодосийском уезде»⁷. Для второго главы епархии — архи-

епископа Иннокентия (Борисова, 1848–1857) Крымский полуостров, названный им «аванпостом духовным России перед Востоком»¹, стал объектом особого внимания и попечения.

По признанию архиепископа Иннокентия, уже во время своей первой пастырской поездки в Крым летом 1848 г. он обратил внимание на «вековые горы Тавриды», «неестественность положения господствующей религии среди преобладающего магометанства», «духовные нужды православных» и «памятники священных древностей, лежащие в развалинах»². У него возникла идея о возрождении обителей, существовавших на полуострове в средневековье.

По поручению Иннокентия в августе 1849 г. протоиерей симферопольского Александро-Невского собора Михаил Родионов составил от имени жителей Симферополя, Бахчисарая, Алушты и «прочих соседних городов и селений» прошение о «постепенном восстановлении в приличном виде» крымских духовных центров: скита в Бахчисарайской Успенской скале, где прежде находилась резиденция православного митрополита, и других «главнейших мест, озаменованных древней святыею» (был приведен список из десяти наименований). «В сих местах, — говорилось в документе, — могли бы... устроиться небольшие киновии, в зависимости от скита Успенского, дабы таким образом, сообразно природному свойству здешних мест, похожему на известную во всем мире христианском гору Афонскую, на горах Крымских мог составиться со временем наш Русский Афон в пристанище многим душам, кои, ища безмолвия, оставляют отечество и текут в монастыри Афонские»³. Прошение подписали 250 человек.

В специальной «Записке о восстановлении древних святых мест по горам Крымским», предназначенной как для духовных, так и для светских властей, архиепископ Иннокентий подчеркнул религиозно-нравственное и церковно-политическое значение предлагаемого проекта, реализация которого позволила бы: во-первых, поддержать, «особенно в глазах иноверцев, честь веры христианской и самого правительства»; во-вторых, сохранить «от конечного разрушения места, по многим причинам стоящие внимания всякого просвещенного человека»; в-третьих, создать «неприметно средоточия» благотворного воздействия христианской веры на окрестное татарское население и, возможно, подготовить «постепенное сближение» крымских мусульман с христианством; наконец, в-четвертых, предоставить возможность путешественникам по Крымским горам «вместо мертвых и безгласных развалин, наводящих грусть и уныние», находить «пристанища священные, где бы вместе с телом мог опочить и дух»⁴.

¹ Камеральное описание Крыма 1784 г. Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1889. № 7. С. 35–37, 44.

² ПСЗ-1. Т. 25. № 19156.

³ Лебединцев А., прот. О Феодосийской (викарной) епархии // Прибавления к Херсонским епархиальным ведомостям. Одесса, 1861. Ч. II. С. 49.

⁴ Родионов М., прот. Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии... С. 92.

⁵ Лебединцев А., прот. О Феодосийской (викарной) епархии. С. 49–50.

⁶ Епархиальная духовная консистория до 1797 г. находилась в Полтаве, в 1797–1803 гг. (с переименованием Екатеринославской, Херсонской и Таврической епархий в Новороссийскую и Днепровскую) — в Новомиргороде, в 1804–1837 гг. (после возвращения епархий предшествующего названия) — в Екатеринославе; в 1837–1859 гг. (после учреждения Херсонской и Таврической епархий) — в Одессе.

⁷ Гавриил (Розанов), архиеп. Остатки христианских древностей в Крыму, в Феодосийском уезде // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 320–328.

¹ Цит. по: Калиновский В. В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непечатый уголок»: церковное крымоведение (1837–1920). Киев; Симферополь, 2012. С. 69.

² Там же.

³ Гроздов А. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря // ИТУАК. 1888. № 5. С. 81–83.

⁴ Там же. С. 88.

Заручившись поддержкой новороссийского генерал-губернатора князя М. С. Воронцова, архиепископ Иннокентий направил соответствующее ходатайство в Святейший Синод. В своем представлении, к которому прилагались вышеупомянутые прошение и записка, он ограничил число подлежащих восстановлению мест пятью объектами (Успенской скалой близ Бахчисарая, церковь Святой Анастасии в долине реки Качи, источником Св. Козьмы и Дамиана в верховьях реки Альмы, церквами на развалинах Херсонеса и в Инкерманской скале) и изложил положения, на которых предлагал учредить там немногочисленные монашеские обители. В них, в частности, предусматривалось: первым основать скит в Успенской скале, остальные открывать постепенно, по мере представляющихся возможностей; ввести в них общежительный образ жизни по примеру пустынножительства горы Афонской, составив для этого особенный, применительно к местности, устав; в Успенском скиту как главном иметь настоятеля в звании игумена или архимандрита, в прочих местах, именуемых киновиями, назначать начальниками старших из числа монашествующих; всем учреждениям содержаться своими трудами и приношениями богомольцев, без издержек из казны¹. 4 мая 1850 г. указ императора Николая I из Святейшего Синода одобрил и утвердил проект архиепископа Иннокентия, который впоследствии получил название «Русский Афон»².

Данная инициатива с большим интересом была воспринята и в русских общественных кругах. Так, 10 июля 1850 г. граф А. П. Толстой³ в письме к Иннокентию отметил, что его проект крайне важен в масштабах не только региона или даже страны, но и всего православного мира: «Я твердо уверен, что предпринятое Вами дело будет вскоре иметь самые благотворнейшие последствия. Когда величественное и многовековое здание Христианства подверглось сильным внешним нападениям и колебанию внутреннему, Промысел указал христианству обширную беспредельную Россию. Кто знает, что еще произойдет на Востоке и удержится ли старинный Афон? Новый — необходим, и необходимо было указать ему место на южных горах России, чтобы он светил единоверцам и восточным, и западным»⁴.

15 августа 1850 г. состоялось торжественное открытие Бахчисарайского Успенского скита. В то время обитель имела хорошо сохранившийся пещерный храм Успения Богородицы и три небольшие пещерные кельи, в которых разместились шесть иноков. Настоятелем скита был назначен архимандрит Поликарп (Радкевич), в течение семи лет служивший в российской посольской церкви в Афинах и хорошо знавший традиции греческого Афона⁵.

¹ Гроздов А. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря. С. 83–86.

² Там же.

³ С 20 сентября 1856 г. А. П. Толстой — обер-прокурор Святейшего Синода.

⁴ ОР РНБ. Ф. 313. Ед. хр. 42. Л. 386–387.

⁵ К началу XX в. обитель разрослась, на ее территории было уже пять храмов, дом настоятеля, трапезная, гостиница для паломников, 27 келий (в том числе 19 пещерных), численность братии составляла около 60 человек.

В 1851 г. была основана Анастасиевская киновия¹, в 1853 г. после проведения части запланированных работ были освящены еще две киновии — Херсонесская Св. Владимира и Инкерманская Св. Климента. В Херсонесе к тому времени был обнесен каменной стеной земельный участок, переданный обители Морским ведомством, устроены три кельи и небольшой временный молитвенный дом². Идея Иннокентия о строительстве Владимирского собора на предполагаемом месте крещения князя Владимира тогда еще находилась в начальной стадии реализации: было взято на вооружение предположение Н. Н. Мурзакевича о том, что искомым местом могут быть остатки крупной базилики в центральной части городища, и тем же ученым был составлен проект храма «в точном духе церковью V–XI вв.»³. (Собор Св. Владимира был построен лишь в 1861–1876 гг. по другому проекту, разработанному академиком архитектуры Д. Гриммом, окончательно отделан к 1894 г. В 1861 г. во внимание к историческому значению местности Херсонесская киновия Св. Владимира была возведена Святейшим Синодом в степень первоклассного монастыря.) В Инкермане к моменту освящения киновии была воссоздана одна пещерная церковь и отремонтировано несколько келий⁴.

Дальнейшее восстановление обителей временно приостановила Крымская война 1853–1856 гг., в ходе которой значительно пострадали многие храмы полуострова, а также киновии в Херсонесе и Инкермане. После заключения мира воссоздание крымских святынь продолжилось. В 1856 г. Иннокентием основаны Кизилташская Св. Стефана Сурожского и Космо-Дамиановская киновии, в 1857 г. — Катерлезская Свято-Георгиевская киновия. (В 1899–1900 гг. две последние мужские обители были обращены в женские монастыри.)⁵

Архиепископ Иннокентий глубоко осознавал государственную и духовно-религиозную значимость Крыма для России. В своих письмах и проповедях он называл полуостров «колыбелью нашего православия», «купелью нашего крещения», «началом нашей священной истории и народных преданий»⁶. Возрождение

¹ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи: полный список всех 1105 ныне существующих в 75 губерниях и областях России (и двух иностранных государствах) мужских и женских монастырей, архиерейских домов и женских общин. М., 1908. С. 789.

² Калиновский В. В. «Древностей — и замечательных, и интересных, и красивых — непочатый уголок»... С. 85.

³ Там же. С. 81–82, 84–85.

⁴ Там же. Инкерманская киновия Св. Климента получила статус монастыря 2-го класса в 1905 г. (Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи... С. 794.)

⁵ Денисов Л. И. Православные монастыри Российской империи... С. 797–798.

⁶ См., например: *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Речь, произнесенная 15 июля 1854 г. при заложении в Севастополе храма во имя Святого и Равноапостольного князя Владимира, в память просвещения его верою христианскою в Херсонесе Таврическом // Собрание слов и речей по случаю нашествия неприятельского, произнесенных в разных местах Херсон-Таврической епархии преосвященным Иннокентием, архиепископом Херсонским и Таврическим. Одесса, 1855. Т. 1. С. 88–94; *Иннокентий (Борисов), архиеп.* Слово, сказанное в Севастопольском Николаевском соборе во время бомбардирования сего города...

на этой земле заброшенных духовных центров («постановку креста на пустынных пространствах Новороссии») владыка считал одним из главных дел своей жизни¹.

26 мая 1857 г. архиепископ Иннокентий скончался. После его смерти в Крыму была открыта только одна обитель — Топловский Параскевиевский монастырь. Это учреждение было основано в 1858 г. в виде единственной на тот момент на полуострове женской киновии, в 1864 г. преобразовано в монастырь². Таким образом, к началу XX в. в Крыму насчитывалось девять православных обителей (шесть мужских и три женские).

16 ноября 1859 г. по ходатайству православных жителей Крымского полуострова из состава Херсонской епархии была выведена Таврическая губерния, на территории которой учреждена самостоятельная одноименная ей епархия с центром в Симферополе. При этом в соответствующем докладе Святейшего Синода, утвержденном императором Александром II, подчеркивалась «древность Православной церкви таврической и важность ее исторического значения как колыбели Русского Христианства»³. Архиепископу новой епархии был присвоен титул епископа Таврического и Симферопольского. До конца имперского периода российской истории это место последовательно занимали 11 человек: Елпидифор (Бенедиктов, 1860), Алексей (Ржаницын, 1860–1867), Гурий (Карпов, 1867–1882), Гермоген (Добронравин, 1882–1885), Алексей (Лавров-Платонов, 1885), Мартиниан (Мура-товский, 1885–1897), Михаил (Грибановский, 1897–1898), Николай (Зиоров, 1898–1905), Алексей (Молчанов, 1905–1910), Феофан (Быстров, 1910–1912), Димитрий (Абашидзе, 1912–1921).

С образованием Таврической и Симферопольской епархий церковная жизнь в Крыму активизировалась. Ежегодно появлялись новые приходы. По данным протоиерея Михаила Родионова, в 1859–1871 гг. в Таврической епархии было открыто 88 церквей и 60 молитвенных домов⁴. Всего в 1871 г. на ее территории насчитывалось 215 церквей и 61 молитвенный дом⁵. В 1884 г., по данным епископа Гермогена (Добронравина), число храмов в епархии (без монастырских, военных и дворцовых) достигло 281, из них 85 располагались в Крыму⁶. 12 храмов епархиального ведомства имели в то время статус соборных (из них восемь находились в Крыму, четыре — в материковых уездах Таврической губернии)⁷. Крымскими епархиальными соборными храмами являлись: Успенский собор — в Еникале (1797 г.), Николаевские — в Карасубазаре (1793 г., перестроен в 1854 г.), Бахчисарае (1799 г.),

Евпатории (1805 г.) и Перекопе (1835 г.), Александро-Невские — в Симферополе (кафедральный, 1829 г.) и Феодосии (1873 г.), Троицкий — в Керчи (1835 г.). Кроме того, в Севастополе располагались два собора Морского ведомства: Николаевский Адмиралтейский (1852 г.) и Владимирский (1881 г.). В 1902 г. в Крыму появился еще один епархиальный собор — Александро-Невский в Ялте.

Численность служащего духовенства Таврической епархии в 1884 г. составляла 602 человека (22 протоиерея, 288 священников, 80 диаконов, 212 псаломщиков), в том числе в Крыму — 139 человек (14 протоиереев, 64 священника, 22 диакона, 39 псаломщиков). Православная паства епархии насчитывала в то время 582 830 человек, из них в Крыму — 74 950¹. В городах Крымского полуострова на одного священнослужителя приходилось около 807 прихожан, в селах — 1195². В северных уездах приходы были крупнее: в городах на одного священника приходилось в среднем 2404 человека, в селах — 2197 человек³.

Подготовке квалифицированных священников, имевших полное богословское образование, способствовало создание в Симферополе в 1873 г. Таврической духовной семинарии. Духовное училище там было открыто в 1864 г. С 1869 г. при Симферопольской духовной консистории стало выходить периодическое издание «Таврические епархиальные ведомости», освещавшее актуальные вопросы церковной жизни.

РИМСКО-КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Для католиков наиболее благоприятным периодом истории Крыма было время существования там генуэзских и венецианских факторий (1260-е — 1475 гг.), в течение которого на полуострове возникли десятки католических храмов и учреждены папами римскими четыре католических епископства — в Каффе (1318 г.), Херсоне (1333 г.), Чембало (между 1357 и 1364 г.), Солдае (между 1365 и 1393 г.) — и митрополия в Воспоро (1333 г.) (подробнее см. главу 13). После захвата факторий турками-османами в Крыму осталось незначительное число католиков, действовали лишь единичные приходы. В дальнейшем, несмотря на миссионерскую деятельность доминиканцев в Каффе (1625–1639 гг.) и французских иезуитов в Бахчисарае (1704–1736 гг.), вплоть до конца XVIII в. Римско-Католической Церкви так и не удалось сколь-либо существенно поправить свое положение на полуострове.

После присоединения Крыма к России правительство приняло ряд мер, направленных на заселение и экономическое развитие края, среди них манифест императора Павла I от 13 февраля 1798 г. «О установлении на полуострове Таврическом порто-франко на 30 лет и о даровании разных выгод жителям сего [полу]острова и приезжающим туда иностранцам»⁴. Этим манифестом император приглашал «всякого рода и состояния иностранцев» «водвориться» в городах и селениях

¹ Цит. по: *Востоков Н. М.* Иннокентий, архиепископ Херсонский и Таврический. 1800–1857 гг. Биографический очерк // Русская старина. 1879. Т. XXIV, № 4. С. 686.

² *Денисов Л. И.* Православные монастыри Российской империи... С. 798–799.

³ ПСЗ-II. Т. 34. № 35117.

⁴ *Родионов М., прот.* Статистико-хронологическо-историческое описание Таврической епархии... С. 95–99.

⁵ Там же. С. 92–99.

⁶ *Гермоген, еп.* Таврическая епархия. Псков, 1887. С. 404.

⁷ Там же.

¹ *Гермоген, еп.* Таврическая епархия. С. 404.

² Там же. С. 402–404.

³ Там же. С. 303–304, 404.

⁴ ПСЗ-I. Т. 25. № 18373.

Крыма (кроме Севастополя как военной гавани) «для отправления купечества, ремесел и художеств или для произведения земледелия», обещая им «полную защиту и покровительство». Переселенцы получали ряд привилегий (в частности, льготы от всех податей и государственных повинностей на время действия порто-франко) и право на свободу вероисповедания, им разрешалось строить храмы для отправления богослужения «по обряду каждой религии»¹.

В конце XVIII — начале XIX в. в Крыму появились польские переселенцы, что в исторической литературе обычно связывается с последствиями третьего раздела Речи Посполитой (1795 г.).

В феврале 1803 г. император Александр I удовлетворил просьбу французского католического общества «Les Frères de la Rédemption» («Братья Искупления») «водвориться» на Крымском полуострове. Обществу была отведена незаселенная земля в Старом Крыму, а также 10 тыс. десятин земли в степной части региона².

В 1804–1805 гг. в Крыму возникли шесть немецких колоний: три — в Симферопольском уезде (Нейзац, Фриденталь и Розенталь) и три — в Феодосийском (Гейльбрун, Герценберг и Судак Немецкий). В Феодосийском уезде тогда же была основана швейцарская колония Цюрихталь, представители которой в дальнейшем постепенно ассимилировались с немцами, а в Симферопольском уезде в 1811 г. устроилась немецкая колония Кроненталь³. В 1860-х гг. колонисты заселили часть земель, покинутых крымскими татарами. В это время на полуострове было уже около 40 населенных пунктов немецких колонистов, среди которых были представители разных вероисповеданий, объединявшиеся в католические, евангелическо-лютеранские, меннонитские и иные религиозные общины.

В Керчи сложилась итальянская католическая община, построившая там в 1831–1840 гг. Успенский храм.

В первой половине 1860-х гг. в Перекопском уезде появились четыре чешские колонии: Табор, Богемка, Цареквич и Александровка⁴.

Наконец, после восстаний в Царстве Польском 1830–1831 гг. и 1863 г. в Крыму увеличилось число поляков, оказавшихся там не только по доброй воле, но и в результате высылки.

В плане духовного управления католическое население Крыма относилось к Тираспольской римско-католической епархии. Эта седьмая на момент учреждения епархия Римско-Католической Церкви в России была основана под наименованием Херсонской согласно конкордату, заключенному 22 июля (3 августа) 1847 г. между российским правительством и папским престолом и ратифицированному 21 июня (3 июля) 1848 г. буллой папы Пия IX «*Universalis ecclesiae cura*» («Управление вселенской церковью»). Новая епархия охватила католическое население Таврической, Екатеринославской, Херсонской, Ставропольской, Саратовской,

Астраханской губерний, двух уездов Самарской губернии (Николаевского и Новоузенского), а также Грузии и Бессарабии. В 1852 г. центр епархии был перенесен из Херсона в уездный город Херсонской губернии Тирасполь, а епархия переименована в Тираспольскую. В 1856 г. кафедра епископа и консистория перебазируются в Саратов, при этом наименование Тираспольская за епархией было сохранено, чтобы не путать ее с Саратовской православной епархией. Первый епископ Херсонский (затем Тираспольский) Фердинанд Геланус Кан, назначенный на эту должность 20 мая 1850 г., бывал на Юге России, в том числе в Крыму, лишь в ходе визитации находившихся в его юрисдикции католических приходов. В силу разных обстоятельств он не смог поселиться в Херсоне и Тирасполе и сначала фактически проживал в Санкт-Петербурге, а 10 октября 1856 г. переехал в Саратов¹.

Тираспольская римско-католическая епархия делилась на деканаты (административные округа), наименование и количество которых неоднократно менялись. Католические приходы Крыма входили сначала в Таврический, затем в Симферопольский деканат. В начале XX в. в Симферопольском деканате значились девять самостоятельных католических приходских храмов (в Симферополе, Розентале, Перекопе, Григорьевке, Александровке, Карамине, Феодосии, Керчи и Севастополе) и 31 филиальная церковь. Численность прихожан составляла 15 598 человек².

АРМЯНСКАЯ КАТОЛИЧЕСКАЯ ЦЕРКОВЬ. Крымские армянские поселения насчитывают многовековую историю (первые письменные упоминания о них относятся к XII–XIII вв.). В ходе переселения крымских христиан в Азовскую губернию в 1778 г. полуостров покинули 12 598 армян. Духовными предводителями армянского населения, возглавившими этот процесс, были архимандрит Петрос Маркосян (глава армяно-григориан) и пастор Акоп Вардересович (глава армяно-католиков). В 1780 г. вышедшие из Крыма армяне основали на Нижнем Дону город Нор-Нахичеван (Новая Нахичевань, с 1838 г. — Нахичевань-на-Дону) и несколько деревень³.

После присоединения Крыма к России многие армяне, как проживавшие ранее в регионе, так и выходцы из Западной Армении и других мест, стали перебираться на полуостров. В 1790 г. разрешения Г. А. Потемкина на возвращение в Крым добилась армяно-католическая община, состоявшая из 1 тыс. человек, среди которых были также армяно-григориане и 123 грека⁴. В 1820 г. политического покровительства России для эмиграции из Турции в Крым попросили подвергавшиеся там религиозным преследованиям армяно-католики численностью 15–20 тыс. семей, од-

¹ ПСЗ-I. Т. 25. № 18373.

² Там же. Т. 27. № 20646.

³ Памятная книга Таврической губернии... С. 213.

⁴ Там же. С. 199.

¹ Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России: история и правовое положение. Саратов, 2001. С. 99–108; Городецкий М. И. К истории Римского католицизма в России. (Тираспольская или Саратовская латинская епархия) // Исторический вестник. 1889. Т. XXXVIII. С. 122–134.

² Лиценбергер О. А. Римско-католическая церковь в России... С. 351–352.

³ Микаелян В. А. На крымской земле: История армянских поселений в Крыму. Ереван, 1974. С. 141, 144, 148.

⁴ Там же. С. 150–151.

нако двойственная позиция императора Александра I (не препятствовать, но и не «покровительствовать эмиграции открыто», «дабы не компрометировать дипломатических наших с Портою сношений») помешала осуществлению этого замысла¹. Тем не менее переселение армян в Крым, хотя и не в столь массовом порядке, продолжалось различными путями вплоть до Первой мировой войны. При этом большую часть армянских переселенцев составили армяно-григориане, хотя среди них были и армяно-католики. Так, в 1897 г. в Крыму насчитывалось 6920 армяно-григориан и 1177 армяно-католиков².

Армяно-католики проживали в Симферополе, Карасубазаре, Феодосии, Евпатории, Керчи, Севастополе, Ялтинском и Перекопском уездах³. Община Карасубазара (одна из самых крупных на полуострове) с 1790 по 1870 г. имела городское национальное самоуправление — Карасубазарский армяно-католический суд⁴. В начале XX в. в Крыму действовали три армяно-католических храма — в Карасубазаре, Симферополе и Феодосии⁵. При первых двух функционировали церковно-приходские школы.

С 1847 г. крымские армяно-католики, как и другие проживавшие на полуострове лица католического вероисповедания, находились в ведении Тираспольского римско-католического епископа. В последней четверти XIX — начале XX в. армяно-католическое духовенство России неоднократно ходатайствовало об учреждении в стране самостоятельной армяно-католической епархии, но российское правительство по ряду причин всякий раз признавало это нецелесообразным. Наконец, в 1903 г. между папским престолом и Россией было заключено соглашение о создании Апостольской администрации для церковного управления католиками армянского обряда, однако, как показали дальнейшие события, эта мера лишь создала дополнительные проблемы.

Первым апостольским администратором армяно-католиков Российской империи с резиденцией в Тифлисе стал в 1909 г. архимандрит Саркис Тер-Абрамян — ставленник Римской курии, сторонник максимального сближения армяно-католицизма с римским (латинским) католицизмом в сфере обрядов и канонического устройства⁶. Присущий ему авторитарный стиль руководства, насаждаемая им латинизация обрядов и богослужения, а также его нежелание считаться с национально-церковными традициями армяно-католиков вызвали вскоре недовольство паствы. Осенью 1915 г. между апостольским администратором и армяно-католическими общинами Крыма развернулся серьезный конфликт, порожденный внезапным смещением с должностей настоятелей симферопольской и феодосийской церквей, авторитетных священников Григория Сапарьяна и Тимотеоса Тер-Гюль-

яна, и назначением на их места сторонников латинизаторской политики Атанасия Аветисьяна и Акопа Бакаратьяна. Общие собрания прихожан обратились к апостольскому администратору с просьбой оставить общинам их духовных руководителей, подчеркнув при этом, что прежде все назначения делались исключительно с ведома и согласия паствы. Однако Саркис Тер-Абрамян, сославшись на «церковные и правительственные законы», дававшие ему право назначать и перемещать духовных лиц по своему усмотрению, отказался соблюсти этот «местный обычай», являвшийся у армяно-католиков (как и у армяно-григориан) неписаной традицией. В результате феодосийская община перестала посещать церковь, а синдики (члены приходского совета) отказались выполнять свои служебные обязанности. Волнения наблюдались и среди прихожан симферопольской церкви.

Конфликт между армяно-католиками и апостольским администратором обострялся также индифферентным отношением последнего к трагедии турецких армян, подвергшихся в годы Первой мировой войны массовым погромам и гонениям. Позиция Саркиса Тер-Абрамяна объяснялась нежеланием сотрудничать с Тифлисским центральным комитетом для оказания помощи жертвам войны, организованным армяно-григорианами. Феодосийский священник Тимотеос Тер-Гюльян «самовольно» уехал на Кавказский фронт для оказания помощи пострадавшим единоверцам¹.

В 1917 г. Саркис Тер-Абрамян в связи с многочисленными жалобами на него российских армяно-католиков указом папы римского был отстранен от должности. Новым апостольским администратором был назначен упоминавшийся выше Акоп Бакаратьян, что не предвещало сколь-либо серьезных перемен. Неслучайно консультант Департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел Г. К. Чарыхов в подготовленной им еще в 1916 г. записке полагал необходимым осуществить коренную реформу российского законодательства об армяно-католиках, направленную на расширение их самостоятельности в вопросах церковного управления². Однако революция 1917 г. помешала возможной реализации этого предложения.

АРМЯНСКАЯ АПОСТОЛЬСКАЯ ЦЕРКОВЬ. В конце XVIII в. перебивавшиеся в Крым армяно-григориане обосновывались в разных местах полуострова: в Карасубазаре, Симферополе, Евпатории и др. В 1790-х гг. среди них возникает идея собрать крупную общину в заброшенном в то время городе Старый Крым и добиться для нее экономических привилегий и административно-правового самоуправления. 28 октября 1799 г. император Павел I, идя навстречу соответствующим ходатайствам, подписал жалованную грамоту о предоставлении армянскому обществу льгот и преимуществ. В число последних входили не только разрешение на поселение в Старом Крыму и получение на выгон 12 тыс. десятин удобной земли «с водами и лесом», но также отсрочка на 10 лет от налогов и право учредить городскую

¹ *Микаелян В. А.* На крымской земле... С. 159–160.

² Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XLI. С. 92.

³ Там же.

⁴ *Микаелян В. А.* На крымской земле... С. 163.

⁵ *Амбарцумов И. В.* Российские армяно-католики и Первая мировая война // Вестник Тверского государственного университета. Сер. История. 2014. № 3. С. 121.

⁶ Там же. С. 123.

¹ *Амбарцумов И. В.* Российские армяно-католики и Первая мировая война. С. 126–129.

² Там же. С. 131–133.

ратушу. Кроме того, для проживания армян отводилась также часть Феодосии (так называемая Армянская слобода), а древнеармянскому монастырю Сурб-Хач (Святого Креста), оставленному насельниками в 1778 г., возвращалось 3,5 тыс. десятин земли¹.

Старокрымская армянская городская ратуша функционировала с 1808 по 1870 г. и, несомненно, способствовала заселению, строительству и экономическому развитию города, который называли армянским². При этом армяно-григориане по-прежнему осваивали и другие места Крымского полуострова. В конце XIX в. они проживали на территории всех уездов Таврической губернии. Наиболее крупные общины существовали в Симферополе, Феодосии, Керчи, Карасубазаре, Старом Крыму, Севастополе, Ялте и Евпатории³.

В конце XVIII — начале XIX в. армяно-григориане Крыма относились к Астраханской епархии, первой и до 1809 г. единственной церковно-административной единице Армянской Апостольской Церкви в России. Архиепископ Иосиф Аргутинский-Долгорукий, возглавлявший эту епархию в 1773–1800 гг., активно способствовал переселению армян в Крым и их размещению на полуострове.

В 1830 г. была учреждена Бессарабская и Ново-Нахичеванская епархия с центром в Кишиневе, в состав которой вошли армянские приходы Крыма, Новороссии, Малороссии, области Войска Донского, Москвы и Санкт-Петербурга. В 1858 г., когда епархию возглавлял вардапет Гавриил Айвазовский (Габриэл Айвазян), родной брат прославленного художника-мариниста И. К. Айвазовского, кафедра была временно переведена в Феодосию, в 1879 г. она вновь переместилась в Кишинев, а в 1895 г. — в Новую Нахичевань. С 1812 г. в Крыму пребывал наместник Верховного Патриарха и Католикоса всех армян, в 1842 г. он уступил свое место главному попечителю крымских армянских церквей.

К началу XX в. в Крыму действовали не менее 15 армянских церквей (средних были как восстановленные древние, так и вновь построенные)⁴. Почти во всех армянских поселениях функционировали церковно-приходские школы. Первая из них открылась в 1816 г. в Карасубазаре по инициативе наместника Верховного Патриарха и Католикоса всех армян Манвела Гюмушханеци⁵. В 1905 г. на полуострове насчитывалось восемь церковно-приходских школ (две — в Симферополе и по одной — в Карасубазаре, Керчи, Евпатории, Феодосии, Старом Крыму и Орабазаре), в которых в общей сложности обучались не менее 236 детей обоего пола⁶.

14 октября 1858 г. стараниями Гавриила Айвазовского в Феодосии открылось Халибовское армянское училище, названное в честь мецената А. П. Халибова, пожертвовавшего на строительство здания 152 тыс. рублей. Российское правительство,

предоставившее этому учебному заведению ряд привилегий (преподавание на армянском языке, веротерпимость, покровительство выпускникам и т. д.), стремилось сделать его конкурентоспособным армянскому Муратовскому училищу в Париже, которое в 1849–1855 гг. возглавлял Гавриил Айвазовский. После неудачной Крымской войны привлечение на Юг России детей турецких армян рассматривалось как один из способов усиления русского влияния на Ближнем Востоке. Феодосия была выбрана местом для армянского училища неслучайно. По мнению Гавриила Айвазовского, она имела очень удачное географическое положение: находилась «почти в центре между Константинополем, Малой Азией и Кавказом», а «намеченная железная дорога» должна была вскоре соединить ее с Москвой и Петербургом¹.

Согласно уставу Халибовского армянского училища, высочайше утвержденному 4 июня 1858 г., в заведении могли учиться дети всех армян, независимо от происхождения, вероисповедания и отчизны. Руководитель училища наделялся исключительным правом приема преподавателей. Учебная программа в целом соответствовала гимназическому образованию, принятому тогда в России и Европе. В нее входили армянский, русский, французский и турецкий языки, Закон Божий, арифметика, тригонометрия, история, география, физика, химия, рисование, чистописание, физкультура и другие предметы. Курс обучения составлял шесть лет. Содержалось училище за счет отчислений из церковных средств епархии, субсидий А. П. Халибова и взносов части воспитанников. Неимущие армяне обучались бесплатно².

Первым руководителем Халибовского армянского училища стал Гавриил Айвазовский. С 1860 г. при заведении начала работать типография, в которой печатались журнал «Голубь Масиса», основанный Г. Айвазовским в Париже и затем переведенный в Феодосию, а также учебная, научная, церковная и художественная литература. В 1871 г. вследствие острых финансовых затруднений Халибовское училище и типография были закрыты.

Художник И. К. Айвазовский, принимавший активное участие в общественной и духовной жизни крымских армян, построил за свой счет церковь в Старом Крыму, написал иконы для ряда армянских храмов полуострова, завещал 50 тыс. рублей феодосийской армянской церкви Сурб-Саркис (Св. Сергия) и школе при ней³.

ПРОТЕСТАНТСКИЕ ЦЕРКВИ, ДЕНОМИНАЦИИ И СЕКТЫ. Протестанты (в основном немецкие переселенцы) появились в Крыму в конце XVIII — начале XIX в. в результате политики российского правительства, направленной на привлечение иностранных колонистов в южные регионы России (см. выше). Согласно первой всеобщей переписи населения Российской империи, в 1897 г. большую часть крымских протестантов составляли лютеране (24 886 человек) и меннониты

¹ *Микаелян В. А.* На крымской земле... С. 153–155.

² Там же. С. 155, 162.

³ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XLI. С. 92.

⁴ Крым // Православная энциклопедия. М., 2015. Т. XXXIX. С. 132.

⁵ *Микаелян В. А.* На крымской земле... С. 190.

⁶ Там же. С. 192.

¹ *Микаелян В. А.* На крымской земле... С. 193–195.

² Там же. С. 195–197.

³ Там же. С. 201.

(3861 человек), незначительное число — реформаты (141 человек), баптисты (103 человека) и англикане (100 человек)¹.

Среди протестантов наиболее централизованную структуру конфессионального управления имели лютеране. Согласно «Уставу Евангелическо-Лютеранской Церкви в России», утвержденному императором Николаем I 28 декабря 1832 г., все лютеранские приходы Российской империи были объединены в восемь консисториальных округов. Лютеранские приходы Таврической губернии, наряду с приходами Санкт-Петербургской, Новгородской, Псковской, Вологодской, Олонецкой, Архангельской, Костромской, Ярославской, Смоленской, Черниговской, Волынской, Подольской, Киевской, Полтавской, Екатеринославской, Херсонской губерний и Бессарабской области, вошли в Санкт-Петербургский консисториальный округ. Все приходы этого округа находились в ведении Санкт-Петербургской провинциальной консистории, которая (как и консистории других округов) являлась органом местного церковно-административного управления и подчинялась Генеральной евангелической консистории².

В Крыму первые лютеранские приходы открылись в 1822 г. в колониях Нейзац и Цюрихталь. В начале XX в. на полуострове насчитывалось не менее 10 лютеранских приходских храмов. В 1830–1910-х гг. кирхи были построены в Симферополе, Ялте, Севастополе, предместье Судака, а также в общинах Джелал, Гохгейм, Шенбрунн и Бютень³.

СТАРООБРЯДЧЕСТВО И РУССКОЕ СЕКТАНТСТВО. Как упоминалось выше, первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. зафиксировала в Крыму 1688 старообрядцев и так называемых «уклоняющихся от православия», к которым в то время относили русских сектантов различных направлений⁴. Данные переписи несколько отличаются от статистических сведений Таврического епархиального миссионерского комитета за тот же 1897 г., согласно которым на полуострове проживали тогда 1126 старообрядцев и сектантов. Старообрядцы были представлены беспоповцами (109 человек) и приемлющими Австрийское (Белокриницкое) священство (312 человек), а «уклоняющиеся от православия» сектанты — молоканами (445 человек) и штундистами (260 человек)⁵.

В отличие от православия, являвшегося «первенствующей и господствующей» религией в Российской империи, и иностранных инославных (т. е. христианских неправославных) вероисповеданий, признававшихся правительством,

старообрядческие и сектантские течения нередко воспринимались как сила, враждебная государству, а их последователи вплоть до 1905 г. находились на полугалльном положении. Среди них велась работа православных миссионеров.

Первая в Крыму старообрядческая община появилась в Феодосийском уезде в 1874–1876 гг. Ее составили выходцы из Нижегородской и Черниговской губерний, основавшие на берегу Азовского моря село Мама Русская. Община имела молитвенный дом и церковно-приходскую школу. Ее члены являлись приемлющими Австрийское священство. Вместе с небольшой группой старообрядцев того же толка, проживавшей неподалеку — в Казантипе, в 1897 г. община насчитывала 288 человек. Остальные старообрядцы в то время были рассеяны по несколько десятков человек в разных местах полуострова (60 беспоповцев — в Севастополе, 49 последователей того же толка — в Еникале и 24 приемлющих Австрийское священство — в Керчи). Сравнительно немного старообрядцев было тогда и в материковых уездах Таврической губернии (1647 человек)¹. По мнению православных миссионеров и приходских священников, «раскол старообрядства» в силу своей малочисленности не представлял в Таврической епархии «силы, которая бы могла чинить вред Православной Церкви и православному населению, что замечается относительно него в других местах»².

Что касается сектантов (особенно штундистов, обвиненных в начале 1890-х гг. в отрицании всех государственных институтов и проповеди социалистических идей), то они и в Таврической губернии составляли головную боль светских и церковных властей. Поскольку в 1894 г. высочайше утвержденное положение Комитета министров под угрозой уголовного преследования запретило штундистам проводить молитвенные собрания, то за ними осуществлялся постоянный контроль³. В 1897 г. большинство сектантов Таврической губернии (10 974 человека) проживали на материке, особенно много их было в Бердянском уезде. В Крыму в то время они находились в Севастополе (89 штундистов) и двух уездах — Перекопском (369 молокан и 139 штундистов) и Евпаторийском (76 молокан и 32 штундиста)⁴.

Таким образом, после включения Крыма в состав Российской империи правительство и Русская Православная Церковь старались укрепить в регионе позиции православия, что было направлено на повышение в глазах местного населения престижа государственной власти и скорейшую интеграцию края в состав страны. В отношении селившихся на полуострове представителей инославных конфессий проводилась политика веротерпимости: им разрешалось исповедовать свою веру и строить храмы, но запрещалось проводить прозелитическую деятельность среди

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XLI. С. 92–93.

² ПСЗ-II. СПб., 1833. Т. 7. № 5870.

³ Лиценбергер О. А. Евангелическо-лютеранская церковь в российской истории (XVI–XX вв.). М., 2003. С. 458; Крым // Православная энциклопедия. Т. XXXIX. С. 133.

⁴ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XLI. С. 92.

⁵ Высокский А. Сведения о состоянии раскола и сектантства и о деятельности православной миссии в Таврической епархии в 1897 году // Таврические епархиальные ведомости. 1898. Часть неофиц. № 1. С. 31–32.

¹ Высокский А. Сведения о состоянии раскола и сектантства... С. 31–32.

² Там же. С. 33.

³ Амбарцумов И. В. Неправославные христианские исповедания в системе Российской государственности (конец XIX в. — июль 1914 г.): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2014. С. 20–21.

⁴ Высокский А. Сведения о состоянии раскола и сектантства... С. 32.

православных. Последователей старообрядческих и русских сектантских течений, как и в других районах государства, строго контролировали и по возможности старались вернуть в лоно Православной Церкви.

§ 3. Иноверные конфессии. Их религиозные учреждения и храмовое строительство

Д. А. Прохоров

МУСУЛЬМАНЕ. После присоединения Крыма к России в 1783 г. одним из первоочередных мероприятий российских властей стала организация управления новыми территориями, а также определение административного и правового положения представителей местного «инородческого» населения. Манифестом императрицы Екатерины II от 8 апреля 1783 г. объявлялось о том, что крымские жители будут находиться под защитой правительства; им будут предоставлены те же права, что и «природным подданным» Российской империи. Императрица обещала «охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную веру... позволять каждому из них состоянию все те правости и преимущества, каковыми таковое в России пользуется»¹. Именным указом № 15 798 от 28 июля 1783 г. «О принятии крымских жителей и прочих татарских народов в Российское подданство» новороссийскому генерал-губернатору князю Г. А. Потемкину предписывалось следить за соблюдением ранее обещанных прав и свобод; жителям гарантировалась и свобода религиозная. Помимо этого устанавливался ряд налогов и сборов: доходы «таможенные, с соли с озер продаваемые, с земли вместо поголовных и десятинные с произрастаний», причем властям предписывалось, чтобы налогообложение «не было в тягость народную». Часть доходов предполагалось отпускать на «надлежащее и нескучное содержание мечетям и служащим в оных школах их и на другие тому подобные полезные дела». Дальновидной мерой правительства стало оговоренное право не призывать на воинскую службу представителей местного населения, прежде всего крымских татар, без их «собственной доброй воли и желания»².

Одновременно происходил и процесс инкорпорации представителей крымско-татарской родовой аристократии и служилой знати в российское общество, длившийся почти столетие³. Указ от 22 февраля 1784 г. № 15 936 «О позволении князьям и мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами российского дворянства» означал, что крымские татары получали те же права, что и российское дворянство; исключением стал лишь запрет им на возможность «приобретать, покупать и иметь крепостных или подданных христианского исповедания»⁴.

¹ ПСЗ-I. Т. 21. С. 898.

² Там же. С. 986.

³ *Маєвіна О. С.* До питання про надання мурзам роду Ширінів дворянського титулу // *Східний світ*. Київ, 2010. № 2. С. 55.

⁴ ПСЗ-I. Т. 22. С. 51.

Предусматривались подтверждение принадлежности знати из крымских татар к привилегированным сословиям и запись их в геральдические книги¹. Основные права дворянства Российской империи были получены крымско-татарской знатью и мурзами в соответствии с «Грамотой на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» от 21 апреля 1785 г.²

По указу Сената от 9 ноября 1794 г. «Об оставлении владельцев Таврической области в свободном распоряжении их поместьями, вотчинами и тому подобными дворянскими имениями с распространением права сего на их наследников» представителям мусульманского духовенства, кадиям, мурзам, ранее владевшим собственностью («землями, деревнями, садами и прочими угодьями»), а также их наследникам был дарован ряд льгот и подтверждались данные ранее права и привилегии. Однако дальнейшие продажа и приобретение такого имущества могли осуществляться исключительно теми, кто имел на это право в рамках российского законодательства, т. е. представителями дворянства³.

4 сентября 1785 г. был обнародован указ № 16 255 «О построении школ и о заведении караван-сараяв при мечетях татарских», регламентировавший постройку новых мечетей, создание школ при них и караван-сараяв⁴. А 9 декабря 1802 г. указом № 20 548 «О выдаче денег магометанским владельцам за отходящих от них, по принятии христианского закона, крепостных людей, по Уложению 20 главы 70 пункта» объявлялось невозможным нахождение у крепостных помещиков мусульманского исповедания крепостных христиан⁵.

Ко времени присоединения Крыма к России, по сведениям каймаканов, направленных к барону О. А. Игельструму, на полуострове функционировали 1531 мечеть, 21 текие, 25 медресе и 35 мектебе. В состав мусульманского духовенства входили муфтий, кадиаскер, пять кадиев, 454 хатиша, 1113 имама, 941 муэдзин, 103 мудерриса и 201 оджиев⁶. (Для сравнения: в 1849 г. в Таврической губернии насчитывалось 1660 мечетей, а спустя почти полвека, в 1912 г., — 105 каменных мечетей в городах и 650 в уездах и только шесть мечетей, построенных из кирпича-сырца, или самана, — при количестве жителей-мусульман 210 472 человека, причем 46 738 из них проживали в городах⁷.)

¹ *Змерзла Е. П.* Создание нормативно-правовой базы правового положения крымских татар в Российской империи в конце XVIII — начале XIX в. // *УЗ ТНУ. Сер. Юридические науки*. 2013. Т. 26 (65), № 2–1 (1). С. 25–26.

² ПСЗ-I. Т. 22. С. 344–358.

³ Там же. Т. 23. С. 585–589.

⁴ Там же. Т. 22. С. 450.

⁵ Там же. Т. 27. С. 392.

⁶ *Завадовский А. Г.* Сто лет жизни Тавриды... С. 92; *Александров И.* О мусульманском духовенстве и управлении духовными делами мусульман в Крыму после его присоединения к России // *ИТУАК*. 1914. № 51. С. 212.

⁷ Новороссийский календарь на 1849 год. Одесса, 1848. С. 79; Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год / изд. Таврического губернского статистического комитета; под ред. секр. Комитета Н. Г. Часовникова. Симферополь, 1914. Ч. I. С. 42–43, 46, 47.

В 1783 г. мусульманское духовенство Таврической области возглавлял муфтий Сеит-Мегмет-эфенди, который, по словам Г. А. Потемкина, «довольно оказал усердия... при восприятии Крыма под высочайшую... державу»¹. Муфтий был назначен в состав Крымского правительства, созданного 7 ноября 1783 г. В это учреждение, помимо крымско-татарских мурз, также входили кадиаскер² Муслидин-эфенди и его товарищ (заместитель) Мустафа-эфенди (при этом, по словам современников, кадиаскер и муфтий были друг с другом «в весьма хорошем согласии» и оказывали «свое усердие и верность»)³. Однако в декабре 1783 г. Муслидин-эфенди в связи с болезнью был заменен в Крымском правительстве Якуб-агой (Яковом Измайловичем Рудзевичем)⁴. Что касается Мусалар-эфенди (сменившего на посту муфтия умершего в 1784 г. Сеит-Мегмет-эфенди)⁵, то правитель Таврической области В. В. Каховский, высказывавший опасения также и по поводу действий некоторых мулл и кадиев, сообщал правителю канцелярии Г. А. Потемкину В. С. Попову, что ни он сам, «ни здешние благомыслящие не возьмемся отвечать за его постоянство»⁶.

Вскоре Г. А. Потемкин в разработанном им проекте об устройстве Таврической области, представленном Екатерине II на рассмотрение, рекомендовал установить кадиаскеру и муфтию ежегодное жалованье в сумме 1,5 и 2 тыс. руб. соответственно (впоследствии размер жалованья кадиаскеру был уменьшен до 500 рублей)⁷. Высочайшим указом от 24 апреля 1784 г. Мусалар-эфенди был утвержден в должности муфтия, а на посту кадиаскера — кадиаскер Сеит-Мегмет-эфенди; указом также предписывалось определить еще пять должностных лиц, именованных «эфендиями» — «людей, испытанных в верности, кротости и благомыслии, которые бы, под председательством муфтия составляя духовное правление, имели надлежащее надзирание над всем духовенством магометанским области Таврической»⁸. После смерти Мусалар-эфенди в 1791 г. обязанности муфтия исполнял кадиаскер Сеит-Мегмет-эфенди (до 23 января 1794 г.).

18 июня 1792 г. правитель Таврической области генерал-майор С. С. Жегулин подал официальное представление в Санкт-Петербург на утверждение в должно-

сти муфтия кадиаскера Сеит-Мегмет-эфенди. Кроме того, было предложено упразднить должность кадиаскера и разрешить избрать коллегию, состоящую из шести «эфендиев» — они под руководством муфтия должны были «составлять духовную в Тавриде консисторию». 23 января 1794 г. Екатерина II подписала указ, в котором Сеит-Мегмет-эфенди был утвержден в должности муфтия. Одной из особенностей данного проекта стало решение не упразднить традиционную для мусульманской общины Крыма должность кадиаскера; кроме того, в соответствии с законами шариата должность «эфендия» (дословно с турецкого — «господин») не соответствовала номенклатуре исламских духовных должностей¹. И хотя мусульманское правление было фактически учреждено, тем не менее иных функций, кроме как «надзирать» за духовенством, у него на тот момент не существовало; не были определены также права и обязанности его членов.

В период с 1794 по 1831 г. предпринималось несколько попыток (в основном неудачных) законодательно утвердить права Таврического муфтията. В сентябре 1801 г. Таврический муфтий Сеит-Мегмет-эфенди представил императору Александру I докладную записку (кстати, поддержанную по всем пунктам новороссийским военным губернатором И. И. Михельсоном), где, в частности, указал на необходимость решения вопросов о подтверждении преимуществ и прав, дарованных крымским татарам и духовенству; о записанных по ревизии крымских татар «из духовенства в число казенных» крестьян и возвращении их в категорию духовного сословия; о вакуфных имуществах и капиталах, наследовании имений после смерти того или иного крымского мусульманина, определении опекунов и роли местного исламского духовенства вообще и Таврического муфтията в частности². 14 ноября 1802 г. Александр I подписал указ, в котором распорядился рассмотреть вопрос об открытии мусульманского правления в Таврической губернии.

18 февраля 1803 г. сенатор И. В. Лопухин представил доклад по вопросу о существовании и функционировании мусульманского духовного правления, а также дал соответствующие рекомендации. Этот документ, положения которого, увы, так и не были реализованы, можно считать первым серьезным шагом в деле регламентации прав и обязанностей духовного правления и его членов³. Следующей попыткой трансформации стало предложение генерал-губернатора Новороссии и Бессарабии Армана Эммануэля дю Плесси дюка де Ришелье (Э. О. де Ришелье) к таврическому губернатору Д. Б. Мертваго «о лучшем духовной магометанской части устройении», сделанное в 1805 г. во время визита первого в Симферополь. 28 сентября 1805 г. Д. Б. Мертваго представил доклад «Штаты духовного правления магометанского закона и правила для производства и о обязанностях духовных, также копия Высочайших указов, кои имелись основанием при сем сочинении». Однако

¹ Иванов П. А. Из дел Московского отделения архива Главного Штаба // ИТУАК. 1893. № 19. С. 76.

² Кадиаскер — верховный судья; глава судебно-кассационного ведомства, в подчинении которого находились местные кадии.

³ Мурзакевич Н. Н. Письма правителя Таврической области Василия Васильевича Коховского правителю канцелярии В. С. Попову для доклада Его Светлости Князю Григорию Александровичу Потемкину-Таврическому // ЗООИД. 1877. Т. X. С. 243.

⁴ Камеральное описание Крыма 1784 г. Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1897. № 2. С. 20–21; Прохоров Д. А. Крымские татары в органах управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787 гг.) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2016. № 1 (51). С. 284–287.

⁵ Александров И. О мусульманском духовенстве... С. 212.

⁶ Мурзакевич Н. Н. Письма правителя Таврической области... С. 273.

⁷ Иванов П. А. Из дел Московского отделения архива... С. 76; ПСЗ-I. Т. 23. С. 482.

⁸ ПСЗ-I. Т. 23. С. 482.

¹ Александров И. О мусульманском духовенстве... С. 213–215.

² Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления (1794) // ИТУАК. 1918. № 54. С. 319–321.

³ Бойцова Е. В. и др. Ислам в Крыму... С. 129.

и этот в целом прогрессивный проект устройства мусульманского духовного правления остался только на бумаге¹.

В первых десятилетиях XIX в. Таврический муфтият так и не был открыт. Одной из основных причин стало то, что делами таврической мусульманской общины занимались сразу несколько ведомств, в частности Комитет министров, Департамент полиции, Министерство юстиции. В сентябре 1802 г. было учреждено Министерство внутренних дел, затем — Главное управление духовных дел иностранных исповеданий (ДДИИ). В функции данного ведомства входил надзор за делами католического, армяно-григорианского и протестантского вероисповеданий, а также духовные дела мусульман, евреев, караимов и ламаистов.

Тем не менее законодательная деятельность, направленная на урегулирование вопроса о мусульманском духовном правлении, продолжалась. Так, 23 ноября 1826 г. были утверждены правила «о порядке определения кадиев в Крыму»². Этим документом устанавливались функциональные обязанности Таврических муфтия и кадиаскера, по представлению которых губернатор утверждал уездного кадия из нескольких кандидатов. В свою очередь, губернатором назначалась дата выборов в том уездном центре, где требовались услуги кадия. 22 марта 1829 г. обнародовали указ «О вакуфских в Крыму имениях», которым регламентировалась система вакуфной собственности (например, разъяснялись общие правила о вакуфах, а именно о духовном и частном вакуфах)³. А в 1830 г. был принят указ «О неотступлении от общих правил при погребении магометан», в который включено мнение таврического муфтия Сеит-Джемиль-эфенди относительно правил погребения мусульман в Крыму⁴.

Наконец, 23 декабря 1831 г. в именном указе Правительствующему сенату предписывалось: «Признав необходимым дать предназначенному еще в 1794 году Таврическому Магометанскому Духовному Правлению надлежащее, твердое и полное образование и определить с точностию правила производства Духовных дел Магометан, обитающих в губернии Таврической и некоторых местах Западных Губерний Империи Нашей, Главное Управление Духовных дел Иностранных Исповеданий... составило проект Положения о Таврическом Магометанском Духовенстве и порядке отправления подлежащих ведению его дел»⁵. Этим документом закреплялось Положение о ТМДП, а также утверждался его штат; устанавливалось разделение мусульманского духовенства на высшее и приходское. Председателем правления стал Таврический муфтий, а его членами — кадиаскер и пять уездных кадиев (симферопольский, феодосийский, перекопский, евпаторийский и до 1839 г. — ногайский, а с 7 апреля 1841 г. — ялтинский). В состав канцелярии ТМДП вошли секретарь, переводчик, два столоначальника, «журналист» (архивариус), шесть канцелярских служащих и сторож. 29 ноября 1832 г. на заседании Тавриче-

ского губернского правления было принято решение об официальном открытии духовного правления.

Позднее приняты Уставы ДДИИ, в которых на основании «Положения 1831 года» утверждались права и обязанности мусульманского духовенства и духовного правления (этот документ был опубликован в 1857 г.). Второй Устав появился в 1913 г. Он включил в себя законодательные акты, касавшиеся мусульманского населения Таврической и Западных губерний, функционировавшие и принятые к началу XX в. Законом «О управлении духовных дел магометан» 1913 г. подтверждалось основное разделение мусульманского духовенства Крыма на высшее и приходское¹.

Должность Таврического муфтия вплоть до 1891 г. была выборной, и кандидатуры на этот пост утверждались собранием мусульман Таврической губернии. В выборах имели право участвовать представители высшего мусульманского духовенства, старшие из приходских чинов (хатипы, имамы и муллы губернского и уездных городов), мурзы Таврической губернии, главы волостей или по одному депутату от каждой волости. 27 мая 1891 г. законом «О порядке замещения должностей Таврических муфтия и кадиаскера» существовавший порядок избрания был изменен, и Таврические муфтии назначались непосредственно министром внутренних дел из «магометан духовного звания или из магометанских дворян, не имеющих сего звания», и затем утверждались «Высочайшей властью»². В должности Таврического муфтия в разные годы состояли: Сеит-Мегмет-эфенди, Мусалар-эфенди, Муртаза Челеби-эфенди, Аджи-Абдураим-эфенди, Сеит-Джемиль-эфенди, Сеит-Джемиль-эфенди-оглу Эмиров, князь Али-бей Хункалов, Аджи-Али-эфенди, Мемет-мурза Кипчакский, Адиль-мурза Карашайский, Сеямет-мурза Кипчакский.

ИУДЕЙСКИЕ ОБЩИНЫ КРЫМА. ЕВРЕИ-РАВВИНИСТЫ. На полуострове в 1783 г. насчитывалось 56 796 мужчин нехристианского населения, в том числе и 1407 «жидов» (евреев-раввинистов и караимов) при общей цифре населения 140 тыс. человек (мужчин и женщин)³. Вскоре в Крым было переселено значительное число представителей различных этносов и конфессий. С 1791 г. евреям-раввинистам (или так называемым «польским евреям») разрешили селиться в Новороссии (Екатеринославской, Херсонской губерниях и Таврической области, а с 1812 г. и в Бессарабской области); с 1794 г. они получили право на проживание в северовосточных губерниях Украины (Черниговской и Полтавской). На Крымский полуостров активно переселялись еврей-ашкеназы, которые обосновались в Керчи, Симферополе, Севастополе, Евпатории, Феодосии (где они частично вливались в местные крымчакские общины).

¹ Александров И. К истории учреждения Таврического магометанского духовного правления... С. 330–331.

² ПСЗ-II. СПб., 1830. Т. 1. С. 1239.

³ Там же. Т. 4. С. 189–192.

⁴ Там же. СПб., 1830. Т. 5. Ч. I. С. 396–398.

⁵ Там же. СПб., 1830. Т. 6. Ч. I. С. 337.

¹ Бойцова Е. В. и др. Ислам в Крыму... С. 140–142.

² ПСЗ-III. СПб., 1894. Т. 11. С. 309.

³ Лашков Ф. Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // ИТУАК. 1916. № 53. С. 159; Домбровский Ф. М., Ханацкий К. В., Элгерс. Краткое историко-статистическое обозрение Таврической губернии // Памятная книга Таврической губернии... С. 151; Камеральное описание Крыма 1784 г. Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1888. № 6. С. 39.

В феврале 1788 г. в ордере на имя правителя Таврической области В. В. Каховского Г. А. Потемкин распорядился о том, чтобы представителей различных этнических и конфессиональных общностей, ранее причисленных Таврической областной казенной палатой к мещанскому и купеческому сословиям, «в сходственность узаконений обложить... некоторым платежом в казну для приращения государственных доходов»¹. С 23 июня 1794 г. для евреев Минской, Изяславской, Брацлавской, Полоцкой, Могилевской, Киевской, Черниговской, Новгород-Северской, Екатеринославской губерний и Таврической области устанавливалась двойная норма налогообложения: «Позволив евреям отправлять мещанские и купеческие промыслы их... записываться по городам в мещанство и купечество, повелеваем с тех из упомянутых евреев, которые таким дозволением пользоваться желают, собирать с 1 числа следующего июля установленные подати вдвое противу положенных с мещан и купцов христианского закона разных исповеданий»². Отметим, что данный шаг правительства весьма негативно отразился на экономическом положении евреев Российской империи; правда, вскоре в соответствии с указом № 17432 от 21 января 1796 г. они получили право откупа (по 500 рублей за человека) от обязанности предоставлять рекрутов для военной службы³.

В 1804 г. в Таврической губернии была проведена перепись еврейского населения, которая приурочена к изданию высочайше утвержденного 9 декабря 1804 г. «Положения об устройстве евреев». Документом, разработанным для «умеренности и попечения об истинном благе евреев, столько и основанными на пользах коренных обывателей тех губерний, где людям сим жить дозволяется», определялись права и свободы еврейского населения. В частности, перечислялись территории империи, где евреи могли жить и торговать. Тем самым правительство ограничивало их расселение во внутренних губерниях Российской империи, создав так называемую черту оседлости (в число губерний, в которых евреям дозволялось жить, вошла и Таврическая губерния). Реформа была призвана улучшить материальное благосостояние евреев и, что более важно, защитить христиан от так называемой «еврейской эксплуатации»⁴. По окладным книгам 1805 г. в Таврической губернии насчитывалось: купцов-христиан — 828 человек, купцов из числа евреев — 29 человек; мещан-христиан — 2346 человек, мещан-евреев — 451 человек⁵. Тем не менее следует заметить, что вплоть до второй половины XIX в. статистика населения в Российской империи носила фискальный характер, и евреи оказывали упорное сопротивление любой попытке властей «считать головы», опасаясь, что это

приведет к увеличению налогов, призыву в армию и т. п.¹ Данные VI и VII ревизий продемонстрировали, что к 1816 г. число мужского еврейского населения в Таврической губернии составило около 2 тыс. человек, однако достоверность этих сведений вызывает сомнения, так как в окладных книгах, составленных за годы, прошедшие между ревизиями, евреи-раввинисты не всегда были отделены от караимов².

28 декабря 1828 г. был обнародован сенатский указ «О воспрещении евреям, выходящим из Царства Польского, водворяться в России», где говорилось: «Воспрещено евреям переселение из-за границы в Россию и водворение их в оной на тот конец, дабы преградить чрезвычайное размножение в России сих людей более вредных, нежели полезных для государства»³. В 1829 г. император Николай I объявил, что евреи, не служащие в армии, должны покинуть Севастополь и Николаев, поскольку их пребывание там власти сочли «неудобным и вредным» (находившимся на военной службе солдатам и матросам из числа евреев оставаться в городе разрешалось)⁴. 20 ноября 1829 г. вышел указ «О воспрещении неслужащим евреям иметь постоянное пребывание в Севастополе и Николаеве». «Евреи не должны иметь в Севастополе и Николаеве постоянного пребывания, — говорилось в документе, — ни заведений для отправления обрядов их, равным образом не могут они приписываться к тамошним городским обществам. 2) Евреи, имеющие ныне в Севастополе и Николаеве оседлость или только приписанные к этим городам, должны в течение одного года переписаться в другие города, открытые для постоянного их пребывания»⁵. К 1832 г. все евреи, кроме семей служивших солдат и матросов, были выселены из Севастополя. Лишь в 1859 г. им вновь было разрешено постоянное жительство: в Николаеве — всем (закон от 24 марта 1866 г.), а в Севастополе — лишь почетным гражданам, производящим торговлю «с запиской в гильдии», а также купцам обеих гильдий⁶.

13 апреля 1835 г. вступило в силу новое «Положение о евреях». В Белоруссии евреям разрешалось проживать только в городах, в Малороссии — везде, кроме Киева и сел, принадлежащих казне, в Новороссии — во всех населенных пунктах, за исключением Николаева и Севастополя; в прибалтийских губерниях могли жить только их уроженцы (так называемые «старопоселенцы»). Евреям было запрещено селиться в 50-верстной пограничной полосе. Во внутренние губернии им разрешалось приезжать не более чем на шесть недель по паспортам, выдаваемым губернаторами, и при обязательном условии ношения русской одежды. Был также подтвержден запрет христианам работать в домах евреев⁷. 19 декабря 1844 г. в при-

¹ Ордера князя [Г. А.] Потемкина правителю Таврической области. 1788-й год (продолжение). Сообщ. Ф. Лашкова // ИТУАК. 1890. № 10. С. 8.

² ПСЗ-I. Т. 23. С. 532.

³ Там же. С. 857–858.

⁴ Там же. Т. 27. С. 731–737.

⁵ Шабат Я. Таврическая губерния // Еврейская энциклопедия. Свод знаний о еврействе и его культуре в прошлом и настоящем / под ред. Л. Каценельсона. СПб., [б. г.]. Т. XIV. Стб. 669–672.

¹ Россия: Демография еврейского населения Российской Империи 1772–1917 гг. // Краткая еврейская энциклопедия. Т. 7. Кол. 382–390.

² Водарский Я. Е., Елисеева О. И., Кабузан В. М. Население Крыма в конце XVIII — конце XX веков... С. 81, 123.

³ ПСЗ-II. Т. 3. С. 1228, 1229.

⁴ Там же. Т. 4. С. 790.

⁵ Там же.

⁶ Там же. СПб., 1868. Т. 41. С. 316–318.

⁷ Там же. СПб., 1836. Т. 10. С. 308–323.

нятом правительством «Положении о подчинении евреев в городах и уездах общему управлению, с уничтожением еврейских кагалов» на органы городского самоуправления возлагались обязанности по учету еврейского населения¹.

О представителях еврейского населения губернии в официальной прессе середины XIX в. сообщалось, что после переселения в Крым они «занимаются торговлею, ремеслами, маклерством, а главное, водочною и другою питейною продажей... с некоторого времени занялись они и другими видами промышленности, содержанием почтовых станций и мелкими подрядами»². Однако общий тон высказываний о евреях-раввинистах был обусловлен ксенофобскими настроениями в российском обществе. Особенно ярко это проявлялось в отношении принимавшихся правительством постановлений, направленных на уравнивание караимов в гражданских правах с русским населением. Например, некоторые печатные издания сообщали, что караимы «гораздо человечнее, общежительнее, искреннее и дружелюбнее», чем евреи; губернская администрация сообщала об «их доброй нравственности, безукоризненной честности и примерном трудолюбии»³. Отмечалось также, что караимы — «народ бодрый, серьезный, честный, справедливый, веселый, миролюбивый, чистоплотный, разумный... Всех этих качеств нельзя найти в евреях»⁴.

Кризис внутренней политики в отношении еврейского населения России (и, как следствие, волна еврейских погромов, прокатившаяся по югу и юго-западу страны) привел к тому, что 22 августа 1881 г. было опубликовано высочайшее повеление, в котором говорилось о «ненормальном отношении между коренным населением некоторых губерний и евреями». Документом предписывалось создать в губерниях черты оседлости особые комиссии из представителей местных сословий и обществ под председательством губернаторов для изучения экономической деятельности евреев⁵. В начале 1880-х гг. в ряде губерний (Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Екатеринославской, Киевской, Ковенской, Минской, Могилевской, Подольской, Полтавской, Таврической, Херсонской, Харьковской, Черниговской и в Одесском градоначальстве) были организованы комиссии по еврейскому вопросу, создание которых инициировали в рамках деятельности «Высшей Комиссии для пересмотра действующих о евреях в империи законах», созданной в феврале 1883 г.

Одной из задач комиссий являлся сбор сведений о «нравственной и экономической деятельности евреев, вредно влияющей на быт коренного населения». Статистические сведения о еврейском населении страны выглядели таким образом: в Таврической губернии проживали 25 083 еврея, из которых 7590 человек имели

определенные занятия, а остальные 17 493 человека, «исключая детей и неспособных к деятельности, помогали своим соплеменникам эксплуатировать коренное население»: среди их основных занятий упоминались ростовщичество, содержание публичных домов и питейная торговля (из 970 шинков и кабаков евреям принадлежало 690)¹. Однако выявить более серьезные «преступления» евреев против русских жителей комиссии так и не смогли. В 1888 г. Таврическая комиссия по еврейскому вопросу была распущена.

Некоторое ослабление политики государства в отношении евреев во второй половине XIX в. во многом было обусловлено либеральными реформами императора Александра II, отменившего ограничения черты оседлости для еврейской экономической элиты. Тем не менее в контексте «антиеврейского курса» Александра III вскоре приняли новые ограничения для евреев, например ввели запреты на профессиональную деятельность и процентную норму в учебных заведениях. В губерниях черты оседлости процентная норма для мужских гимназий и университетов была установлена в размере 10% от числа всех учеников, в остальных регионах России — 5%, в Москве и Петербурге — 3%. Студентов и учащихся гимназий из числа евреев обвиняли в распространении революционной пропаганды. В конце 1880-х — начале 1890-х гг. проводилась политика очищения внутренних губерний от евреев. Так, в 1893 г. из черты оседлости была исключена Ялта как место отдыха императорской семьи. В городе могли оставаться и вновь селиться только евреи, имевшие право повсеместного жительства, а также приписанные к различным городским обществам (тем не менее женам тех евреев, кто имел право повсеместного жительства, приезжать на отдых в Ялту, равно как и приобретать там недвижимость, без мужей запрещалось). В манифесте от 12 декабря 1904 г. декларировался «пересмотр законов, ограничивающих права иностранцев», однако с оговоркой, что будут сохранены те из ограничений, «которые вызываются насущными интересами и явной пользой русского народа». На фоне ужесточения антисемитской политики и пропаганды, продолжившейся при императоре Николае II, в конце 1890-х — начале 1900-х гг. Россию вновь потрясла волна погромов. Например, одним из проявлений ксенофобии и нетерпимости в обществе стал еврейский погром в Симферополе в сентябре 1905 г.² Однако в манифесте от 17 октября 1905 г., предоставившем населению России основные гражданские права, об отмене ограничений для евреев не упоминалось.

Некоторое ослабление антиеврейского законодательства наметилось после Русско-японской войны 1904–1905 гг., однако оно носило локальный характер: право повсеместного жительства в империи получили советники коммерции и ма-

¹ ПСЗ-II. СПб., 1845. Т. 19. С. 887.

² Военно-статистическое обозрение Российской империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального штаба. СПб., 1849. Т. 11, ч. 2: Таврическая губерния. С. 104.

³ Еврей-караимы // ЖМНП. 1843. Ч. XXXIX, № 7. Отд. 6. С. 111.

⁴ Кондараки В. X. Универсальное описание Крыма. Ч. 9. С. 7.

⁵ Шполянский В. В. О деятельности Комиссии по еврейскому вопросу в Крыму в 1881–1882 гг. // Евреи Крыма. Очерки истории. Симферополь; Иерусалим, 1997. С. 44.

¹ Труды губернских комиссий по еврейскому вопросу. СПб., 1884. Ч. 2: Харьковская, Екатеринославская, Киевская, Таврическая, Волынская, Бессарабская, Полтавская, Херсонская, с Одесским градоначальством, и Подольская. С. 526; Шполянский В. В. О деятельности Комиссии по еврейскому вопросу... С. 48–51.

² Клейнершефт И. С. Дело об октябрьском погроме в Симферополе. Судебный отчет. Симферополь, 1907. С. 148; Королев В. И. Еврейский погром 1905 года в Симферополе // КНП. 2004. № 3. С. 168–169.

нуфактур, «беспорочно прослужившие» участники войны и члены их семей. В пределах черты оседлости (в сельской местности) было разрешено проживать купцам 1-й гильдии и некоторым категориям ремесленников. Жены и дети евреев с высшим образованием получили право повсеместного жительства отдельно от главы семьи и приобретения недвижимости «всюду, где евреям это дозволено».

«Первая всеобщая перепись населения Российской империи» 1897 г. зафиксировала в Таврической губернии следующие показатели: на основании родного языка численность еврейского населения составила 55 418 человек (или 3,8% всего населения губернии), при этом караимов и жителей из числа евреев насчитывалось 8911 человек. В городах евреев проживало 34 248 человек (11,8%). По вероисповеданиям численность иудейских общин (евреев, караимов и крымчаков) достигала 60 752 человека (31 499 мужчин и 29 253 женщины), т. е. 4,2% от общего населения Таврической губернии¹. Статистика еврейского населения за последующие годы имела такие показатели: в 1904 г. в Таврической губернии проживало 50 625 человек; в 1907 г. — 52 210 человек. В 1910 г. евреев в Таврической губернии насчитывалось 53 714 человек, а в 1912 г. — 71 035 человек².

Местом отправления религиозных обрядов и учения, а также общинными центрами у евреев-раввинистов служили синагоги: в Таврической губернии в 1912 г. их насчитывалось 66 (50 каменных строений и 16 деревянных)³. В Симферополе в конце XIX — начале XX в. функционировало, по некоторым данным, шесть синагог; одной из архитектурных доминант центра города стала возведенная в 1881 г. Хоральная синагога с большим двусветным залом с балконом для женщин («вейбершул»). Помимо этого в городе действовали синагоги «Бейт га-Мидраш» («Дом учения»), «Нер-Томид» («Неугасимая свеча», 1894 г.), «Егия-Капай» («Труд рук моих»), «Эц-Хаим» («Древо жизни»), «Бейт-Яков» («Дом Иакова»), а также молитвенный дом при еврейской больнице. В 1911 г. в Евпатории состоялись торжества по случаю закладки зданий новой еврейской синагоги (вместо старой, так называемой «Торговой синагоги») и синагоги еврейских ремесленников («Егия Капай») ⁴. В Феодосии одним из древнейших культовых зданий на территории Крымского полуострова являлась еврейская синагога, построенная в 1309 г. При каждой синагоге состоял раввин, а также староста, казначей и ученый. Кроме того, должность казенного раввина при еврейской общине подразумевала выполнение ряда обязанностей: принимать присягу у евреев-новобранцев, вести книги записи рождений, бракосочетаний и смертей, в дни государственных праздников произносить в синагоге патриотические проповеди (чаще всего на русском языке) и т. п.

КРЫМЧАКИ. Самоназвание евреев-раввинистов Крыма средневекового периода — «иехуди»; в более позднее время (конец XIX — начало XX в.) — «к'крымчах» (крымчаки). На момент присоединения Крыма к России крымчакская община Крыма состояла из 600–800 человек¹. В своей петиции российскому императору Александру I от 12 мая 1818 г. крымчаки именовали себя «бени Исраэл» («сыны Израиля»); авторы прошения Яаков Борух и Мордехай-Шалом бен Элизер, обратившиеся к государю за «помощью и вниманием», сообщали, что численность общины достигала 150 семейств (около 750–900 человек). В документе было также указано, что в 1813 г. карасубазарские крымчаки (среди которых было до 50 лавочников, ремесленников, торговцев, а также ростовщиков) пострадали от эпидемии чумы, а в 1815 г. — от наводнения; в этот период экономическое и культурное положение общины находилось на довольно низком уровне². Название «крымчаки» («евреи-крымчаки») впервые появляется в официальных русских источниках с 1859 г.: возможно, термин был призван отличать крымских евреев-раббанитов от караимов, а также от ашкеназов. Основная масса крымчаков проживала в Карасубазаре; лишь с середины XIX в. они переселяются в Симферополь, Феодосию, Керчь, Бахчисарай. В 1847 г. еврейское население Таврической губернии состояло из 2837 человек; подавляющее большинство из них являлись крымчаками. По данным «Первой всеобщей переписи населения Российской империи» 1897 г. насчитывалось 3345 крымчаков; в 1912 г. в Российской империи проживали 7500 крымчаков.

За столетия существования Крымского ханства крымские евреи подверглись значительной тюркизации: они переняли язык, многие обычаи и нравы крымских татар. Верующие крымчаки — иудеи, однако их литургия отличалась и от сефардского, и от ашкеназского ритуалов. Смешение в Крыму выходцев из разных общин привело к возникновению особой формы обряда, включающего элементы, характерные для различных толков. В начале XVI в. была создана собственно крымская литургия — так называемый «Ритуал Кафы» (разработанная рабби Моше га-Голе, который был взят в плен татарами и привезен в Крым в 1506 г.), что позволило объединить представителей разноэтничных иудейских общин полуострова на основе старожильческой тюркоязычной иудейской общины³. Внутри нее языком общения был крымчакский этнолект крымско-татарского языка, а языком богослужения, деловой переписки, научных и теософских трудов до начала XX в. оставался иврит. Свои религиозные службы крымчаки проводили в молитвенных домах — к'аалах.

¹ Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Вып. XLI. С. V, IX, IX, 93.

² Шабат Я. Таврическая губерния. Стб. 669–672; Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год. С. 42–43.

³ Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год. С. 46–47.

⁴ Хроника: Евпатория. На торжестве закладки // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2. Июль. С. 84.

¹ Куповецкий М. С. Динамика численности и расселение караимов и крымчаков за последние двести лет // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 82.

² Ачкинази И. В. Крымчаки. Историко-этнографический очерк. Симферополь, 2000. С. 84; Кизилов М. Б. Крымчаки // От киммерийцев до крымчаков. Симферополь, 2004. С. 270–283.

³ Шапира Д. Евреи в Северном Причерноморье от древности до раннего Средневековья // История еврейского народа в России: от древности до раннего Нового времени / под ред. А. Кулика. Иерусалим; М., 2010. Т. 1: От Древности до раннего Нового времени. С. 24.

Значительное влияние на крымчакскую общину оказала просветительская деятельность приглашенного в Крым из Турции Хаима Хизкиягу Медини, состоявшего в должности раввина в Карасубазаре в 1866–1899 гг. Его деятельность способствовала повышению духовного и культурного уровня общины крымчаков. Х. Медини внес ряд изменений в обычаи общины (в соответствии с догматами сефардов), основал несколько школ и иешиву (учебное заведение для подготовки духовенства и учителей). Быт крымчаков напоминал быт крымских татар, а патриархальный уклад в семье сохранился вплоть до конца XIX в. О крымчаках сообщалось, что они «живут почти исключительно в городах, занимаются торговлей, ремеслами... очень близки к караимам»; их также отличали «горячая привязанность к своему родному, к религии, любовь к родной старине, полная патриархальность семейного уклада жизни»¹.

Община крымчаков Карасубазара в 1844 г. ходатайствовала об освобождении от свечного сбора, однако эта просьба не была удовлетворена. Тем не менее крымчакской общине все же предоставили некоторые льготы в области налогообложения и рекрутчины. Кроме того, запрет евреям приобретать в Крыму земельную собственность в 1861 г., благодаря вмешательству новороссийского генерал-губернатора графа А. Г. Строганова, правительством утвержден не был. Вскоре власти обратили внимание и на проблему крымчакского народного образования, находившегося, как свидетельствовали многие современники², на более низком уровне, чем у представителей других национальностей. Две начальные школы для детей крымчаков с преподаванием на русском языке были впервые открыты в Симферополе в 1902 г. и Карасубазаре в 1903 г.

КАРАИМЫ. После присоединения Крыма к России караимы приняли активное участие в процессах, связанных с оформлением гражданско-правового статуса, где основной целью стала борьба за признание их общностью, отличающейся от евреев-раввинистов, при этом главным доводом стал тезис о непризнании караимами Талмудического учения. После обнародования указа о том, что евреи с 1 июля 1794 г. должны платить двойной промысловый налог, к правителю Новороссии и Бессарабии графу П. А. Зубову с ходатайством об освобождении от уплаты этого налога обратились крымские караимы — в связи с тем, как указывалось в прошении, что для них это было «сколько отяготительно, столько и постыдно»³. В 1795 г. в Санкт-Петербург отправилась делегация влиятельных членов караимской общины (в нее вошли купец Шломо «Чабак» Бабович, бывший управляющим финансами и заведующий монетным двором крымского хана Шагин-Герая (Шагин-Гирея) Биньямин

бен Шмуэль Ага, а также караимский гахам Чуфут-Кале Йицхак бен Шломо), уполномоченных представлять интересы караимов.

В заключении, представленном П. А. Зубовым императрице Екатерине II, говорилось о том, что караимы, в отличие от евреев-раввинистов, «живут на местах пребывания своего мирно и постоянно, упражняются в разных рукоделиях трудолюбиво, поведением своим, тишиною и доставляемою пользою всей Тавриде со стороны распространения полезных рукоделий и торговли заслужили от начальства особливую похвалу и уважение», а также «отправляют по выборам службу и должности с возможным усердием». 8 июня 1795 г. в соответствии с высочайшим рескриптом крымские караимы освобождались от двойного налогообложения, уплаты «рекрутских» денег и солдатского постоя, однако с оговоркой, «чтобы в общество сих караимов не входили из тех евреев, как известны под именем Рабинов»¹.

В отличие от российских евреев-раввинистов, испытывавших на себе все тяготы принятого правительством антиеврейского внутривосточного курса, караимы пользовались режимом наибольшего благоприятствования в сфере гражданского законодательства. Развитие промышленности и торговли вскоре привело к тому, что после присоединения Крыма к России многие караимы избрали новые территории для своей экономической деятельности, переселившись из традиционных мест проживания в крупные города юго-западных губерний Российской империи. Проникновение в караимскую среду просветительских идей, активная интеграция караимской молодежи в русское культурное и образовательное пространство, появление среди караимов крупных землевладельцев, фабрикантов, промышленников стали причиной появления караимских общин в большинстве губерний Российской империи.

Проявляя различные инициативы в рамках российского правового поля и тесно контактируя с представителями различных ветвей власти, лидеры караимских общин смогли добиться от правительства ряда важных уступок. Так, 27 ноября 1827 г. императором Николаем I было сделано распоряжение об освобождении караимов от рекрутского набора². Кроме того, российское правительство в первой половине XIX в. приняло ряд законов и постановлений, в которых закреплялись права караимского населения³. Наконец, в марте 1837 г. было утверждено «Положение об учреждении Таврического караимского духовного правления», которому предоставлялось право регулировать религиозную деятельность внутри караимских общин. «Живущие в пределах Таврической губернии караимы ходатайствуют об устроении состояния их духовенства и о даровании им некоторых из тех прав,

¹ Статистический справочник Таврической губернии / сост. статистик Тавр. губ. земства Ф. Н. Андреевский; под ред. М. Е. Бененсона. Симферополь, 1915. С. 25.

² *Тавричанин*. О крымчаках вообще и карасубазарских в частности // Крым. 1898. 11 января.

³ Ордера князя Платона Александровича Зубова правителю Таврической области. Собр. общ. Г. К. Кириенко // ИТУАК. 1895. № 23. С. 20–21.

¹ ПСЗ-I. Т. 23. С. 705.

² *Ачкинази И. В.* Крымчаки... С. 88; *Гаммал М. И.* Караимы и империя: освобождение караимов от рекрутской повинности 1827 года // *Израиль древний и новый: труды кафедры иудаики* / под ред. А. Б. Ковельмана. М., 2015. Вып. 1. С. 157.

³ *Прохоров Д. А.* Правовые основы организации конфессионального самоуправления караимов в конце XVIII — первой половине XIX в. // *Ученые записки Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского. Сер. Юридические науки*. Симферополь, 2015. № 1. С. 76–88.

которыми пользуется тамошнее магометанское духовенство»¹. Проект, составленный неофициальным главой караимской общины Крыма, евпаторийским купцом 1-й гильдии Симхой бен Шломо Бабовичем, фактически повторял основные положения об организации Таврического мусульманского духовного правления; различия состояли только в конфессиональной составляющей и некоторых деталях. Правление первоначально было названо «Крымским и Одесским караимским обществом таврического губернатора».

В соответствии с указанным Положением выборы и назначение караимского гахама (духовного главы караимов) осуществлялись на съезде представителей всех караимских общин в Евпатории путем прямого голосования. Собрание по выборам гахама считалось правомочным, если в нем участвовало не менее половины представителей от общин: от каждой общины по одному человеку (впоследствии этот пункт был изменен и выборы проводились на основании принципа пропорциональности). Таврический губернатор предоставлял министру внутренних дел сведения о двух кандидатах, набравших наибольшее число голосов; в свою очередь министр утверждал в должности караимского гахама одного из кандидатов, представляя свое мнение в Правительствующий сенат. 4 апреля 1839 г. утвержден указ № 19 266 об утверждении в должности Таврического и Одесского караимского гахама Симхи бен Шломо Бабовича².

Возглавлял караимское духовное правление гахам, а членами правления являлись газзаны (должность, аналогичная раввину). Последние имели право совещательного голоса, а гахам — решающего. При каждой караимской кенасе состояли по два газзана (старший и младший) и шамаш (староста кенасы), избиравшиеся караимскими общинами. По согласованию с гахамом и его представлению кандидаты на духовные должности утверждались губернатором, после чего они приносили присягу на верность российскому престолу. В разные годы пост Таврического и Одесского караимского гахама занимали: Симха Бабович (в 1839–1855 гг.), Шломо бен Авраам Бейм (и. о. гахама в 1855–1857 гг.), Нагаму (Бабакай) бен Шломо Бабович (в 1857–1879 гг.), Самуил Моисеевич Пампулов (с 1879 по 1911 г.), старший газзан Самуил Моисеевич Нейман (и. о. гахама в 1912–1915 гг.), Серайя Маркович Шапшал (в 1915–1920 гг.) и старший газзан Борис Саадьевич Ельяшевич (и. о. гахама с 1920 по 1925 г.). Что касается газзанов, то их число обычно соответствовало количеству караимских кенас или молитвенных домов.

Закон, принятый 8 апреля 1863 г., окончательно закрепил статус караимов в российском правовом поле: «Караимы, находясь под покровительством общих законов Российской империи, пользуются всеми правами, предоставленными русским подданным, смотря по состоянию, к которому кто из них принадлежит»³. С этого момента караимы официально получали право служить в армии, учиться в университетах, занимать государственные посты и т. п.

Религиозные обряды караимы отправляли в кенасах (так после 1911 г. назывались караимские синагоги)¹ и молитвенных домах. В 1861 г. в Таврической губернии насчитывалось семь караимских кенас, в 80-х гг. XIX в. их было 10 (по две — в Евпатории и Чуфут-Кале, по одной — в Симферополе, Перекопе, Бахчисарае, Севастополе, Феодосии и Мелитополе), а также три молитвенных дома (в Ялте, Керчи и Бердянске)². Караимская кенаса Феодосии была одним из наиболее древних культовых сооружений на полуострове (построена в 1292 г.)³. Возведение кенас Чуфут-Кале датируется, по разным сведениям, XIV–XVII вв. (Большая кенаса) и концом XVIII в. (Малая кенаса). Постепенно караимы переняли европейские строительные и архитектурные традиции, что придало их постройкам ярко выраженный эклектизм. Особенно ярко это отразилось на стиле зданий караимских кенас (симферопольской, севастопольской, евпаторийских и др.).

ИУДЕЙСТВУЮЩИЕ, ИЛИ СУББОТНИКИ. В первой половине XIX в. в Крым на постоянное поселение прибывают представители религиозных сект различных направлений. Например, в Керчь-Еникальском градоначальстве в 1830-е гг. поселились выкrestы из субботников (соблюдавших, подобно иудеям, субботу). В 1865 г. «иудействующих» в Таврической губернии насчитывалось всего четыре человека⁴. В августе 1870 г. по приглашению караимского ученого и собирателя древностей А. С. Фирковича из Бакинской губернии прибыли девять семей субботников «с тем предположением, что если отыщут удобную землю вблизи для хлебопашества, то останутся жить в Чуфут-Кале»⁵. Тем не менее вскоре они покинули Крым, отправившись на Тамань. Вместе с тем администрация и представители органов конфессионального самоуправления караимов настороженно относились к иудействующим — русским субботникам, проживавшим в Дагестане, Баку и на Кубани⁶. Несмотря на то что субботникам удалось добиться права на регистрацию своей общины, в официальных кругах на них смотрели как на «временно отпавших от государственной церкви», которые рано или поздно вернуться в лоно своей прежней конфессии⁷. Правительство до манифеста 1905 г. старалось избегать, на-

¹ ПСЗ-II. СПб., 1837. Т. 23. С. 132.

² Там же. СПб., 1840. Т. 14. С. 348–349.

³ Там же. СПб., 1866. Т. 38. С. 303.

¹ Прохоров Д. А. Молитвенные дома караимов в Российской империи в XIX—начале XX в.: к вопросу об изменении названия «синагога» // Научные труды по иудаике. Материалы XVIII Междунар. ежегодной конф. по иудаике. М., 2011. (Академическая серия; вып. 35). Т. 2. С. 174–204.

² ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 37. Л. 87; Д. 419. Л. 34.

³ Сумароков П. Путешествие по всему Крыму и Бессарабии в 1799 г. М., 1800. С. 91.

⁴ Памятная книжка Таврической губернии на 1914 год. С. 202, 356.

⁵ ГАРК. Ф. 26. Оп. 2. Д. 499. Л. 7.

⁶ В частности, крымские караимы контактировали с субботниками сел Пришиб и Привольное Ленкоранского уезда Бакинской губернии (там же существовала крупная религиозная община молокан, или духоборцев).

⁷ Хроника текущей жизни: о русских караимах // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 2. Июль. С. 81, 82; И. Ж-ь. «Русские караимы»: этнографический очерк // Караимская жизнь. М., 1911. Кн. 3–4. Август—сентябрь. С. 86–102.

сколько это было возможно, официального признания существования иноверия среди русских. В Российской империи помимо православия признавались лишь «иностранные исповедания», а русские раскольники и сектанты подлежали бессрочному «нравственному увещанию»¹. В связи с этим Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Пампулов предпочел занять выжидательную позицию по отношению к сектантам, желавшим воссоединиться с крымскими караимами, рассчитывая при этом на вынесение официального вердикта властей по данному вопросу². Местная администрация, зачастую не делая различия между субботниками и евреями, применяла к ним ряд ограничений (как ранее к караимам), и МВД в циркулярах от 1908 и 1909 гг. было вынуждено разъяснять, что иудействующие имеют одинаковые права с коренным населением.

Шаги, направленные на признание за караимами прав и привилегий и уравнивание с титульной нацией империи, имели свои как позитивные, так и негативные последствия. С одной стороны, караимы получали равные с русскими многочисленные права и свободы, при этом активно интегрируясь в российское языковое и культурное пространство. С другой стороны, усиливались социальные противоречия между еврейской и караимской общинами, отдельные проявления которых имели место во второй половине XIX в. Но несмотря на ограничительную политику правительства в отношении еврейского населения, взаимоотношения между евреями и караимами все же не носили отпечатка резкого антагонизма. Об этом могут свидетельствовать многочисленные факты плодотворного сотрудничества между караимскими и еврейскими учеными и общественными деятелями в различных областях науки, культуры, а также в социальной и экономической сферах.

Серьезное влияние на иудейские общины России в середине XIX в. оказала «Гаскала» (еврейское просвещение), представители которого («маскилим») проводили активную работу среди еврейского и караимского населения. Существенный вклад в образовательную сферу внесло и «Общество для распространения просвещения между евреями в России». Евреи и караимы получали традиционное еврейское образование в хедерах и мидрашах (конфессиональных школах, где им преподавали основы вероучения), а также в Талмуд-торах. Помимо этого в городах Таврической губернии караимская и еврейская молодежь обучалась в государственных и частных училищах, гимназиях и прогимназиях. Как замечал в 1894 г. глава дирекции народных училищ Таврической губернии А. Н. Дьяконов, «если принять во внимание, как много евреев и караимов обучается в общих училищах, средних и низших, несомненно, что и здесь весь школьный возраст проходит через элементарную школу»³.

В результате образовательных реформ 1860-х—1870-х гг. 26 марта 1870 г. были утверждены «Правила о мерах к образованию населяющих Россию иноподданных», в соответствии с которыми создавались новые учебные заведения для представителей национальных меньшинств. Были открыты русско-татарские и русско-караимские министерские училища (РТМУ и РКМУ). К 1905 г. в Таврической губернии действовали четыре РКМУ (в Симферополе, Бахчисарае, Евпатории и Карасубазаре), в которых обучались около 100 караимских детей, а также 33 РТМУ¹. С 1872 г. в губернской столице функционировала Симферопольская татарская учительская школа (СТУШ) для подготовки педагогических кадров, а с 1895 г. в Евпатории — Александровское караимское духовное училище (АКДУ), где обучались будущие газзаны. Кроме того, на полуострове началось реформирование традиционных мусульманских мектебе и медресе путем создания новометодных школ («мектебе-рушти»), в которых преподавание велось по звуковой методике Исмаила Гаспринского и его последователей-джадидистов. В конце 1913 г. в Ялтинско-Севастопольском районе было уже 50 новометодных школ, в Симферопольском — 23, а в Феодосийско-Керченском — 33². Под влиянием идей прогрессивных национальных педагогов, среди которых были крымские татары И. Гаспринский, И. Леманов, У. Боданинский, Д. Меинов, А. Медиев, караимы И. И. Казас, А. И. Катък, Б. С. Ельяшевич, И. Я. Круглевич, в Крыму сформировалась интеллектуальная элита, потенциал которой раскрылся не только в сфере народного образования, но и в период социальных трансформаций в российском обществе в начале XX в.

¹ Львов А. Дело о караимских молитвенниках // Параллели: русско-еврейский историко-литературный и библиографический альманах. М., 2004. № 4–5. С. 52–53.

² ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1421. Л. 38–41, 43, 59.

³ Дьяконов А. Н. Общий очерк состояния народных училищ Таврической губернии за 1894 г. Бердянск, 1895. С. 12.

¹ ГАРК. Ф. 212. Оп. 1. Д. 212. Л. 158 об., 167; Ганкевич В. Ю. Очерки истории крымско-татарского народного образования (реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман в Таврической губернии в XIX — начале XX века). Симферополь, 1998. С. 80.

² Ганкевич В. Ю. На службе правде и просвещению... С. 251.

Глава 25

Крым в русской культуре конца XVIII — начала XX в.

§ 1. Крым в художественной литературе и искусстве

Л. В. Мельникова

Войдя в состав Российской империи, Крым вскоре занял особое место в различных областях ее жизни, в том числе в культурной. Экзотическая природа полуострова, его насыщенная история, древняя часть которой окутана мифами и легендами, стали источником вдохновения для многих поэтов, писателей и художников, посетивших Крым и создавших немало шедевров на его сюжеты.

В русской литературе крымскую тему первыми обозначили М. В. Ломоносов, Г. Р. Державин, М. М. Херасков и В. В. Капнист. В начале XIX в. строки о Тавриде появились в стихах К. Н. Батюшкова и некоторых других поэтов. Однако, вопреки хронологии, истинным поэтическим первооткрывателем Крыма по праву считается А. С. Пушкин, создавший романтический образ полуострова, который буквально заворожил читателя.

Пушкин побывал в Крыму в августе — сентябре 1820 г. Направляясь в Кишинев к новому месту службы и простудившись по дороге, он принял предложение Раевских подлечиться и отдохнуть вместе с ними на Кавказских Минеральных Водах и в Крыму¹. Основными пунктами маршрута, проделанного поэтом по Крыму, стали Керчь, Феодосия, Гурзуф, Балаклавский Георгиевский монастырь, Бахчисарай и Симферополь. Керчь и Феодосия не произвели на Пушкина яркого впечатления, а вот картина Южного берега Крыма с видом на гору Аю-Даг и Гурзуф, открывшаяся взору поэта с палубы корабля на рассвете 19 августа 1820 г., буквально потрясла

его воображение. В 1824 г. в письме к барону А. А. Дельвигу А. С. Пушкин так описал это утро: «Проснувшись, увидел я картину пленительную: разноцветные горы сияли; плоские кровли хижин татарских издали казались ульями, прилепленными к горам; тополи, как зеленые колонны, стройно возвышались между ними; справа — огромный Аю-Даг... и кругом это синее, чистое небо, и светлое море, и блеск, и воздух полуденный...»¹. Полученные впечатления позднее, при работе над романом «Евгений Онегин», вылились в бессмертные строки:

Прекрасны вы, брега Тавриды,
Когда вас видишь с корабля
При свете утренней Киприды,
Как вас впервой увидел я;
Вы мне предстали в блеске брачном:
На небе синем и прозрачном
Сияли груди ваших гор,
Долин, деревьев, сел узор
Разостлан был передо мною².

А тогда, еще накануне прибытия в Гурзуф, в ночь на 19 августа 1820 г., проплывая при свете звезд мимо «полуденных гор», А. С. Пушкин написал элегию «Погасло дневное светило...» — первое крымское произведение, считающееся началом романтизма в его поэзии. Подражая Д. Байрону, от которого он, по собственному признанию, в то время «с ума сходил», автор элегии создает образ «поэта-беглеца», превращая свою южную ссылку в добровольное изгнание. Однако, по справедливому замечанию исследователя А. Ю. Маленко, «в отличие от Байрона, Пушкин настроен оптимистично»³; в поисках «новых впечатлений» он бежит из «отеческих краев» в Крым, и образ поэта-романтика логично сочетается у него с романтическим восприятием полуострова:

Я вижу берег отдаленный,
Земли полуденной волшебные края;
С волненьем и тоской туда стремлюся я,
Воспомянем упоенный...⁴

В Гурзуфе, в доме бывшего херсонского военного губернатора герцога Э. О. де Ришелье (первой европейской постройке на Южном берегу Крыма), А. С. Пушкин прожил три недели. Это время, проведенное в кругу «милого семейства» Н. Н. Раевского, посреди «природы, удовлетворяющей воображение», он назвал

¹ На Кавказские Минеральные Воды генерал Н. Н. Раевский направлялся тогда с сыном Николаем и младшими дочерьми Марией и Софьей. Супруга генерала Софья Алексеевна и старшие дочери Екатерина и Елена находились в то время в Крыму. Через два месяца, 19 августа 1820 г., вся семья Раевских (за исключением старшего сына Александра, служившего на Кавказе) и А. С. Пушкин собрались вместе в Гурзуфе.

¹ Пушкин А. С. Отрывок из письма к Д. // Собр. соч.: в 10 т. М., 1959–1962. Т. 7. 1962. С. 280.

² Пушкин А. С. Евгений Онегин (Отрывки из путешествия Онегина) // Собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. 4. С. 187.

³ Маленко А. Ю. Собрание пестрых глав: Крым в жизни и творчестве Александра Пушкина. Симферополь, 2007. С. 176.

⁴ Пушкин А. С. «Погасло дневное светило...» // Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 1. С. 117.

«счастливейшими минутами» своей жизни¹. Ощущением счастья, радости и праздника проникнут практически весь «Крымский цикл», к которому пушкинисты относят около 30 произведений, созданных в 1820-х — начале 1830-х гг. Во многих из них легко угадываются пейзажи Гурзуфа и его окрестностей, так восхитившие поэта. Например, в небольшой зарисовке «Там на берегу, где дремлет лес священный...» показана оливковая роща, в которой часто гулял А. С. Пушкин; в стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» представлена широкая панорама крымского побережья: от Гурзуфа, где «отражена волнами скал громада», до Керчи, ассоциировавшейся у поэта с «могилой Митридата»²; а в заключительных строках поэмы «Бахчисарайский фонтан» великолепная характеристика полуострова завершается упоминанием столь любимого им Аю-Дага и его конных прогулок к нему:

Волшебный край! очей отрада!
 Все живо там: холмы, леса,
 Янтарь и яхонт винограда,
 Долин приютная краса,
 И струй, и тополей прохлада...
 Все чувство путника манит,
 Когда, в час утра безмятежный,
 В горах, дорогою прибрежной,
 Привычный конь его бежит,
 И зеленеющая влага
 Пред ним и блещет и шумит
 Вокруг утесов Аю-Дага...³

С явной симпатией относится А. С. Пушкин и к населению Гурзуфа. В упомянутом стихотворении «Кто видел край, где роскошью природы...» он даже несколько идеализирует жизнь «простых татар», отмечая их «веселый и прилежный труд», «взаимную дружбу» и гостеприимство. Знание этнографии местного населения, его верований и обычаев ощущается и в незавершенном произведении «Недавно бедный мусульман...», являющемся вольным переводом сказки французского поэта А. Сенесе «Каймак, или Потерянное доверие». Перенос действия из малоазийской области Вифинии в Гурзуф и весь колорит стихотворения свидетельствуют о восприятии А. С. Пушкиным Крыма как мусульманского Востока.

5 сентября 1820 г. А. С. Пушкин и Раевские покинули Гурзуф и отправились в Симферополь. При этом женщины выбрали прямую дорогу через Алушту, а мужчины, желая осмотреть как можно больше достопримечательностей, предпочли более сложный маршрут — через Байдарский перевал, Балаклаву и Бахчисарай. По признанию поэта, Балаклавский Георгиевский монастырь произвел на него

«сильное впечатление»¹. А размышления над преданиями о том, что недалеко от обители, на мысе Фиолент, у древних тавров находился храм Артемиды (в римской мифологии — Дианы), где верховная жрица Ифигения едва не принесла в жертву собственного брата Ореста, нашли отражение в стихотворении «Чаадаеву» («С морского берега Тавриды...»). В упомянутом письме к А. А. Дельвигу А. С. Пушкин утверждает, что эти «рифмы» «посетили» его еще в Балаклаве, где он «думал стихами»². Однако пушкинисты полагают, что данное произведение, как и само письмо, было написано в 1824 г., после знакомства поэта с книгой И. М. Муравьева-Апостола «Путешествие по Тавриде» (1823 г.), где выдвигалась другая версия о местонахождении храма Артемиды, ибо стихи звучат как ответ автору:

К чему холодные сомненья?
 Я верю: здесь был грозный храм,
 Где крови жаждающим богам
 Дымились жертвоприношенья...³

Так или иначе, несомненно одно: А. С. Пушкин интересовался античной историей Крыма, и этот интерес усиливал романтическое восприятие им полуострова. Об этом, в частности, свидетельствуют античные по содержанию и форме стихотворения «Нереида» и «Редет облаков летучая гряда...», объединенные автором в рукописи под общим названием «Эпиграммы во вкусе древних».

В Бахчисарай, бывшую столицу Крымского ханства, А. С. Пушкин приехал больным, что не могло не отразиться на его впечатлении от увиденного («но не тем в то время сердце полно было: лихорадка меня мучила») ⁴. Ханский дворец поэт «обошел с большой досадою на небрежение, в котором он истлевет, и на полувосточные переделки некоторых комнат». Фонтан слез («странный памятник влюбленного хана») показался ему испорченным («из заржавой железной трубки по каплям падала вода») ⁵. Тем не менее легенда о безответной любви хана Кырым-Гирея к безвременно умершей в застенках гарема пленнице-христианке (по одной версии — грузинской княжне Диляре-Бикеч, по другой — польской красавице Марии Потоцкой), поведенная поэту ранее некоей К., оставила глубокий след в его сердце и стала сюжетом для знаменитой поэмы «Бахчисарайский фонтан». На фоне экзотики Крыма А. С. Пушкин изобразил сильные человеческие чувства, противопоставив два контрастных женских образа: бесстрастную, непокорную Марию и страстную, ревнивую Зарему, готовую на убийство соперницы ради возвращения былой любви хана. В предисловии к первому изданию поэмы П. А. Вяземский отметил, что автору удалось «со всею возможною свежестью и яркостью»

¹ Письмо А. С. Пушкина к Л. С. Пушкину. 24 сентября 1820 г., Кишинев // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. М., 1962. Т. 9. С. 21.

² Пушкин А. С. «Кто видел край, где роскошью природы...» // Собр. соч.: в 10 т. Т. 1. С. 151–152.

³ Пушкин А. С. Бахчисарайский фонтан // Собр. соч.: в 10 т. М., 1960. Т. 3. С. 158.

¹ Пушкин А. С. Отрывок из письма к Д. С. 281.

² Там же.

³ Пушкин А. С. Чаадаеву // Собр. соч.: в 10 т. М., 1959. Т. 2. С. 56.

⁴ Пушкин А. С. Отрывок из письма к Д. С. 282.

⁵ Там же. С. 281–282.

сохранить «цвет местности», а также передать «отпечаток восточный в картинах, в самих чувствах, в слоге»¹.

«Бахчисарайский фонтан» имел у современников грандиозный успех. Еще до выхода издания его читали в списках, первый тираж раскупили за несколько месяцев, при жизни А. С. Пушкина произведение публиковалось четыре раза. «Радуясь, что мой «Фонтан» шумит», — с удовольствием писал поэт А. А. Бестужеву в феврале 1824 г.² Оценки литературных критиков подытожил основатель пушкинистики П. В. Анненков: «Все оттенки мнений, разделявших литературу нашу, слились при появлении «Бахчисарайского фонтана» в одну похвалу неслыханной еще дотоле гармонии языка, небывалой у нас роскоши стихов и описания, какими отличалась поэма. В ней видели торжество русского языка»³. Эта поэма, а также стихотворение «Фонтану Бахчисарайского дворца», в котором А. С. Пушкин упоминает о своем даре памятнику — «двух розах», сделали бывшую резиденцию крымских ханов одним из самых посещаемых туристами мест полуострова. В наши дни сотрудники музея «Ханский дворец», следуя «пушкинской традиции», ежедневно кладут в верхнюю чашу Фонтана слез две свежие розы.

В литературе о А. С. Пушкине часто встречается утверждение, что во время пребывания на «берегах Тавриды» поэт был страстно, но безответно влюблен и что образ этой таинственной возлюбленной дан во многих произведениях «Крымского цикла», включая поэму «Бахчисарайский фонтан». В качестве возможных претенденток на роль вдохновительницы его творчества называются как минимум девять женщин, наиболее вероятной из которых считается Мария Николаевна Раевская. О любви в тот период А. С. Пушкина к М. Н. Раевской пишет и Н. А. Некрасов в поэме «Русские женщины». Не отрицая многочисленных увлечений великого русского поэта слабым полом, нам тем не менее наиболее правильной представляется точка зрения Ю. М. Лотмана, согласно которой мотив «утаенной» («безыменной») любви в пушкинской лирике начала 1820-х гг. — это прежде всего обязательный элемент образа поэта-романтика, не чуждого «иронической игры с читателем, а порой и элементов прямой мистификации»⁴. Примерно так же считала и сама М. Н. Раевская: «В сущности, он обожал только свою музу и поэтизировал все, что видел»⁵.

В конце 1820-х — начале 1830-х гг. А. С. Пушкин стал воспринимать Крым реалистично. В поэме «Полтава» и подготовительных текстах к «Истории Петра I» полуостров представлен как исторический регион, во многом определявший внешнюю политику России в петровское время. А в стихотворении «Клеветникам России», обращенном к депутатам французского парламента, демонстративно выражавшим сочувствие Польскому восстанию 1830–1831 гг., поэт предупреждает, что

в случае европейского вооруженного вмешательства в ход конфликта на защиту своих рубежей встанет вся русская земля — «от Перми до Тавриды, / От финских хладных скал до пламенной Колхиды, / От потрясенного Кремля / До стен недвижного Китая»¹, и эти слова четко показывают, что Крым для него — важная составная часть современного ему Российского государства.

Для большинства россиян Крым стал «родным краем» во время Восточной войны 1853–1856 гг., когда вся страна с напряженным вниманием следила за ходом военных действий на полуострове, особенно за положением осажденного Севастополя. Оборону города современники нередко сравнивали с Бородинской битвой, а затопление кораблей в фарватере Севастопольского рейда — с пожаром Москвы 1812 г., что, несомненно, свидетельствовало о восприятии этих событий как равных по проявленному героизму, принесенным жертвам и нравственному итогу — сознанию непокоримости русского народа, защищающего честь своей страны. Первые литературные произведения, посвященные Крымской войне, вышли еще в ходе этого противостояния. Среди них наибольшее впечатление на читателей произвела трилогия «Севастопольские рассказы» графа Л. Н. Толстого, опубликованная в литературном журнале «Современник».

Подпоручик (с мая 1855 г. — поручик) Толстой был очевидцем и активным участником военных действий. В Крыму он провел ровно год (с ноября 1854 г. по ноябрь 1855 г.), будучи переведен туда из Дунайской армии согласно поданному прошению, продиктованному чувством «патриотизма, который в то время сильно нашел» на него². Сначала Л. Н. Толстой служил в Севастополе, в декабре 1854 г. его воинскую часть (3-ю легкую батарею 14-й артиллерийской бригады) отвели в резерв, в деревню Эски-Орда, в семи километрах от Симферополя. В январе 1855 г. молодой офицер был переведен в 11-ю артиллерийскую бригаду, располагавшуюся в районе реки Бельбек; 1 апреля батарею, в которой находился писатель, перебросили в Севастополь для защиты наиболее опасного 4-го бастиона. Через полтора месяца Л. Н. Толстой был назначен командиром отдельного артиллерийского горного взвода, принявшего участие в сражении у Черной речки 4 августа 1855 г. Наконец, 27 августа он вернулся в Севастополь, где в качестве «добровольца» помогал отражать последний штурм неприятеля, командуя пятью орудиями.

В основу рассказа «Севастополь в декабре месяце» положены первые впечатления Толстого от осажденного города, а также «наблюдения над солдатами, моряками и самым образом войны»³, сделанные им во время службы на 4-м бастионе. Вопреки традиции, господствовавшей тогда в русской литературе, Л. Н. Толстой показал войну реалистично: «...не в правильном, красивом и блестящем строе, с музыкой и барабанным боем, с развевающимися знаменами и гарцующими генералами, а...

¹ Цит. по: Маленко А. Ю. Собрание пестрых глав... С. 188.

² Письмо А. С. Пушкина к А. А. Бестужеву. 8 февраля 1824 г., Одесса // Пушкин А. С. Собр. соч.: в 10 т. Т. 9. С. 91.

³ Анненков П. В. Материалы для биографии А. С. Пушкина. М., 1984. С. 113.

⁴ Лотман Ю. М. Александр Сергеевич Пушкин. Л., 1983. С. 70.

⁵ Цит. по: Маленко А. Ю. Собрание пестрых глав... С. 193.

¹ Пушкин А. С. Клеветникам России // Собр. соч.: в 10 т. Т. 2. С. 340.

² Письмо Л. Н. Толстого к С. Н. Толстому. 3 июля 1855 г., позиция на р. Бельбек // Толстой Л. Н. Собр. соч.: в 22 т. М., 1978–1985. Т. 18. 1984. С. 393.

³ Толстой Л. Н. Дневник 1855 г. // Собр. соч.: в 22 т. М., 1984. Т. 21. С. 143.

в настоящем ее выражении — в крови, в страданиях, в смерти»¹. Защитники Севастополя в его рассказе не романтические герои и не представители лубочных картин, а обыкновенные русские люди, в невероятно тяжелых условиях («среди беспрерывного труда, бдения и грязи»), просто, буднично и бесстрашно исполняющие свой долг перед Отечеством². На их лицах видны «главные черты, составляющие силу русского, — простоты и упрямства», а также «следы сознания своего достоинства и высокой мысли и чувства»³. Их ежедневный, привычный, ставший уже естественным героизм писатель объясняет «чувством, редко проявляющимся, стыдливом в русском, но лежащим в глубине души каждого — любовью к родине». Ему кажется, что раскрывшиеся в столь напряженный момент внутренние силы и духовные возможности этих людей практически безграничны («они все могут сделать»), отсюда его «убеждение в невозможности взять Севастополь и не только взять Севастополь, но поколебать где бы то ни было силу русского народа»⁴. Заканчивается произведение сознанием исторического значения событий, происходивших тогда на крымской земле: «Надолго оставит в России великие следы эта эпопея Севастополя, которой героем был народ русский...»⁵

Вскоре после публикации рассказа главный редактор «Современника» Н. А. Некрасов сообщил Л. Н. Толстому: «Статья эта написана мастерски, интерес ее для русского общества не подлежит сомнению, — успех она имела огромный... Пожалуйста, давайте нам побольше таких статей!»⁶ Однако второй рассказ — «Севастополь в мае», — в основу которого была положена кровопролитная рукопашная схватка, происшедшая на одном из участков оборонительной линии в ночь с 10 на 11 мая 1855 г., натолкнулся на цензурные барьеры и был опубликован без подписи автора, в сокращении на треть и со значительными редакторскими изменениями. Дело в том, что в этом рассказе Л. Н. Толстой выступил не только убежденным противником войны, назвав ее «сумасшествием» и бессмысленным занятием («вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью»), но и страстным обличителем тщеславия отдельных офицеров, готовых ради своей карьеры пожертвовать тысячами человеческих жизней⁷.

Желание делать главным героем своих произведений правду (даже если она «злая»), подчеркнутое Л. Н. Толстым в конце упомянутого рассказа, в полной мере проявилось и в сатирической песне «Как четвертого числа...», посвященной неудачному сражению у Черной речки. Устами рядового солдата автор последовательно изложил ход событий и показал просчеты командующих войсками, назвав их подлинные имена и дав им меткие характеристики. Эта песня вскоре стала очень

популярной как в Крыму, так и в Петербурге, принеся Л. Н. Толстому помимо широкой известности неприятные объяснения с командованием.

Заключительный рассказ трилогии — «Севастополь в августе 1855 г.» — был закончен и опубликован уже после возвращения писателя в Петербург. В нем отражены события последних дней Севастопольской обороны, а также душевное состояние защитников, вынужденных после одиннадцатимесячных кровопролитных боев оставить и собственноручно уничтожить свой город — «красивый, праздничный и гордый».

Исследователи творчества Л. Н. Толстого неоднократно отмечали, что «Севастопольские рассказы», отразившие личные впечатления писателя, познавшего бесчеловечный облик войны и понявшего, что в сражениях испытываются нравственные качества борющихся сторон и проступают главные черты национального характера, повлияли в дальнейшем на создание главного труда его жизни — романа-эпопеи «Война и мир»¹. М. И. Выгон полагает, что «Севастопольская трилогия оказала основополагающее влияние на всю русскую военную литературу. После Л. Н. Толстого уже невозможно было писать о войне, не учитывая его опыт»².

К героической обороне Севастополя 1854–1855 гг. в разное время обращались в своем творчестве многие поэты и писатели. В частности, Н. А. Некрасов, сделавший в годы Крымской войны эту тему одной из ведущих в редактируемом им журнале «Современник», опубликовал в нем и свои произведения: стихотворение «Внимая ужасам войны...», полное скорби и сочувствия горю матерей, потерявших сыновей «на кровавой ниве», и поэму «Тишина», повествующую об итогах знаменитого противостояния. Позднее Севастопольской эпопее посвятили стихи Ф. И. Тютчев, М. П. Розенгейм, Л. А. Мей, В. Д. Косинский, А. Н. Апухтин, А. А. Фет и др. В 1889 г. вышел в свет исторический роман М. М. Филиппова «Осажденный Севастополь», получивший высокую оценку Л. Н. Толстого.

Лев Николаевич приезжал в Крым еще дважды: в марте 1885 г., когда сопровождал в Симеиз своего друга князя Л. Д. Урусова, и в 1901–1902 гг., когда с женой и младшей дочерью в течение 10 месяцев гостил в Гаспре на даче графини С. В. Паниной. Во время своего последнего пребывания на полуострове он довольно часто встречался с А. П. Чеховым и М. Горьким, подолгу проживавшими там в надежде на исцеление от туберкулеза.

После открытия профессором С. П. Боткиным целебных свойств Южного берега Крыма для «слабогрудых» в эту «исцеляющую местность», уже успешную статью престижным курортом, устремились тысячи больных чахоткой. А. П. Чехов, страдавший этим коварным недугом, решил переехать в Крым на постоянное место жительства. В октябре 1898 г. он купил небольшой земельный участок

¹ Толстой Л. Н. Севастополь в декабре месяце // Собр. соч.: в 22 т. М., 1979. Т. 2. С. 93.

² Там же. С. 100.

³ Там же. С. 98.

⁴ Там же. С. 100–101.

⁵ Там же. С. 101.

⁶ Письмо Н. А. Некрасова к Л. Н. Толстому. 15 июня 1855 г., Санкт-Петербург // Письма Н. А. Некрасова: в 2 т. М., 1987. Т. 2. С. 30.

⁷ Толстой Л. Н. Севастополь в мае // Собр. соч.: в 22 т. Т. 2. С. 102–103, 108, 138.

¹ См., напр.: Опульская Л. Д. Роман-эпопея Л. Н. Толстого «Война и мир». М., 1987. С. 5.

² Выгон М. И. Крымские страницы жизни и творчества Л. Н. Толстого. Симферополь, 1978. С. 73–75.

в деревне Аутка на окраине Ялты, на котором меньше чем за год по проекту московского архитектора Л. Н. Шаповалова был построен двухэтажный дом с флигелем, названный друзьями писателя «Белой дачей». В 1900 г. А. П. Чехов приобрел также маленький домик в Гурзуфе на берегу моря, однако бывал там нечасто.

До того как переселиться в Ялту, Чехов приезжал в Крым неоднократно. Первая встреча с воспетым А. С. Пушкиным «волшебным краем», состоявшаяся летом 1888 г., произвела на писателя противоречивое, скорее даже негативное, впечатление. В письме к сестре Марии Павловне от 14 июля того же года он дал уничижительную характеристику ряду посещенных им мест полуострова: «Таврическая степь уныла, однотонна, лишена дали, бесколоритна... и в общем похожа на тундру»; Южный берег «красивым не представляется», «красота его преувеличена»; «Ялта — это помесь чего-то европейского, напоминающего виды Ниццы, с чем-то мещански-ярмарочным»¹. А. П. Чехов даже сделал вывод, что «Крымский полуостров блестящей будущности не имеет и иметь не может»². При этом ему понравились тогда Севастополь и Черное море: «Город красив сам по себе, красив и потому, что стоит у чудеснейшего моря. Самое лучшее у моря — это его цвет, а цвет описать нельзя. Похоже на синий купорос... Купанье до того хорошо, что я, окунувшись, стал смеяться без всякой причины»³.

В дальнейшем, уже имея страшный диагноз и проводя по рекомендации врачей холодное время года в южных краях (за границей, на Кавказе и в Крыму), А. П. Чехов изменил свое отношение к полуострову и решил бросить якорь именно там. В письмах к разным лицам он не раз обосновывал свое решение: «Крымское побережье красиво, уютно и нравится мне больше, чем Ривьера»⁴; «из всех русских теплых мест самое лучшее пока — Южный берег Крыма»⁵.

Устроив ялтинский дом по своему вкусу и посадив рядом с ним великолепный сад, где круглый год что-нибудь цвело, А. П. Чехов тем не менее очень скучал по северной природе и особенно — по московскому литературному и театральному окружению, от которого был оторван. В мае 1901 г. сорокалетний писатель женился на актрисе Московского художественного театра О. Л. Книппер. Однако значительную часть календарного года (театральный сезон) супруги были вынуждены жить порознь, что, несомненно, усиливало чувства тоски и одиночества, преследовавшие А. П. Чехова в Крыму. Подобные настроения мешали литературному творчеству. 17 ноября 1901 г. он сообщал жене: «Я пишу, работаю, но... в Ялте нель-

зя работать, нельзя и нельзя. Далеко от мира, неинтересно»¹. Как бы то ни было, но ялтинский период жизни и творчества А. П. Чехова (1898–1903 гг.) был достаточно плодотворным. В это время писатель создал 12 произведений, многие из которых по праву считаются шедеврами русской классики.

В некоторых рассказах («Дама с собачкой», «Ариадна», «Черный монах»), написанных как в Ялте, так и до переезда туда, действие происходит в Крыму. Со свойственным ему мастерством А. П. Чехов художественно воссоздает виды Ялты, Ореанды, Севастополя. Особенно хороши описания Черного моря, так любившегося писателю в действительности. Например, взору главного героя рассказа «Черный монах» А. В. Коврина, вышедшего на балкон гостиницы в Севастополе, открывается такая картина: «Чудесная бухта отражала в себе луну и огни и имела цвет, которому трудно подобрать название. Это было нежное и мягкое сочетание синего с зеленым; местами вода походила цветом на синий купорос, а местами, казалось, лунный свет ступил и вместо воды наполнял бухту, а в общем какое согласие цветов, какое мирное, покойное и высокое настроение!.. Бухта как живая глядела на него множеством голубых, синих, бирюзовых и огненных глаз и манила к себе»².

В рассказе «Дама с собачкой», написанном в период развития отношений с О. Л. Книппер, без сомнения, нашли отражение личные душевные переживания писателя. Согласно сюжету легкий курортный роман двух людей, случайно познакомившихся во время отдыха в Ялте, перерастает в глубокое взаимное чувство. Чеховский герой Д. Д. Гуров, как и сам автор, в сорокалетнем возрасте «в первый раз в жизни полюбил как следует, по-настоящему», но при этом волею судьбы (хотя и по другой причине) вынужден довольствоваться редкими встречами с женщиной, которая «наполняла теперь всю его жизнь, была его горем, радостью, единственным счастьем, какого он желал для себя»³. Создавая фон, на котором начинается действие, А. П. Чехов кратко и емко показал Ялту и ее окрестности, нравы отдыхающих, царившую на курорте атмосферу. В 2004 г., к столетию со дня смерти писателя, на набережной Ялты была открыта скульптурная композиция «Антон Чехов и дама с собачкой» работы Г. А. и Ф. Г. Паршиных и Ю. А. Иванченко, ставшая одним из символов города.

М. Горький (А. М. Пешков) побывал в Крыму не менее 15 раз. Впервые будущий писатель попал на полуостров в 1891 г., во время полуторогового «хождения по Руси», вызванного желанием узнать поближе свою страну и свой народ. В то время в средней полосе России выдался тяжелый неурожай, вынудивший тысячи людей отправиться на юг в поисках работы и пропитания. В Крыму А. М. Пешков

¹ Письмо А. П. Чехова к М. П. Чеховой. 14 июля 1888 г., Феодосия // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Сочинения: в 18 т. Письма: в 12 т. М., 1974–1983. Т. 2 (20): Письма, 1887—сентябрь 1888. М., 1975. С. 294–296.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Письмо А. П. Чехова к А. С. Суворину. 8 октября 1898 г., Ялта // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1979. Т. 7 (25): Письма, июнь 1897—декабрь 1898. С. 289–290.

⁵ Письмо А. П. Чехова к В. М. Соболевскому. 19 января 1900 г., Ялта // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1980. Т. 9 (27): Письма, 1900—март 1901. С. 17–18.

¹ Письмо А. П. Чехова к О. Л. Книппер-Чеховой. 17 ноября 1901 г., Ялта // Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1981. Т. 10 (28): Письма, апрель 1901—июль 1902. С. 116–117.

² Чехов А. П. Черный монах // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1977. Т. 8: Рассказы, повести, 1892–1894. С. 255–256.

³ Чехов А. П. Дама с собачкой // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. М., 1977. Т. 10: Рассказы, повести, 1898–1903. С. 139, 143.

пробыл тогда около месяца (с августа по сентябрь 1891 г.). Чтобы заработать на кусок хлеба, он таскал кирпичи для ремонта кафедрального собора в Симферополе, был землекопом в Севастополе, работал в Керчи на соляных промыслах. Во время странствий по Крыму, Кубани и Кавказу он познакомился с прототипами героев своих будущих произведений — босяками: людьми «дна», бродягами, ворами и обманщиками, жившими случайным заработком, воровством и попрошайничеством, но при этом обладавшими гордостью и внутренней свободой.

В 1894–1897 гг. на основе крымских впечатлений А. М. Горький написал рассказы «Два босяка», «Мой спутник», «Коновалов» и «В степи». В них автор показал не традиционную парадную, а оборотную сторону благословенной Тавриды — мир нищеты, голода и тяжелого труда. Например, в рассказе «Коновалов» он реалистично представил картину строительства порта и железной дороги в Феодосии: «Весь каменистый берег перед бухтой был изрыт, всюду ямы, кучи камня и дерева, тачки, бревна, полосы железа, копры для битья свай и еще какие-то приспособления из бревен, и среди всего этого сновали люди. Они, разорвав гору динамитом, дробили ее кирками, расчищая площадь для линии железной дороги, они месили в громадных творилах цемент и, делая из него саженные кубические камни, опускали их в море, строя оплот против титанической силы его неугомонных волн»¹. При этом из-за избытка желающих даже на такую практически каторжную работу устроиться было нелегко. Герои рассказа «Мой спутник» также стремятся в Феодосию на строительство гавани, однако город обманывает их ожидания: «Когда мы пришли, там было около четырехсот человек, чайвших, как и мы, работы и тоже принужденных удовлетвориться ролью зрителей постройки мола. Работали турки, греки, грузины, смоленцы, полтавцы. Всюду — и в городе, и вокруг него — бродили группами серые, удрученные фигуры «голодающих» (попрошаек. — *Авт.*) и рыскали волчьей рысью азовские и таврические босяки»².

Босяков, известных своим непростым нравом и выделявшихся из толпы «пришибленных голодающих» «костюмом, рисовкой и бесшабашной независимостью», работодатели старались избегать. Так, в рассказе «Два босяка» севастопольский подрядчик-землекоп отказывается в приеме на работу Маслову и Степку, обвиняя их в краже лопат и кирок³, а в «Моем спутнике» лодочники не соглашаются взять Максима и Шахро гребцами на противоположный берег Керченского пролива, не без основания причисляя их к категории босяков, незадолго до того натворивших в Керчи «много геройских подвигов» и в качестве «лишнего народа» вывезенных полицией из города⁴.

Крымских пейзажей в ранних рассказах А. М. Горького немного, но и здесь он не скрывает «немного восхищения перед красотой природы этого куска земли, ласкаемого морем»⁵. Море у писателя — «большое, сильное, доброе», его мо-

¹ Горький М. Коновалов // Собр. соч.: в 30 т. М., 1949–1955. Т. 3. 1950. С. 44.

² Горький М. Мой спутник // Собр. соч.: в 30 т. М., 1949. Т. 1. С. 427.

³ Горький М. Два босяка // Собр. соч.: в 30 т. 1949. Т. 1. С. 391–393.

⁴ Горький М. Мой спутник. С. 429.

⁵ Там же. С. 422.

гучее дыхание освежает «истомленных людей, трудящихся над тем, чтобы стеснить свободу его волн», при этом оно «точно улыбается добродушной улыбкой Гулливера, сознающего, что, если он захочет, одно движение — и работа лилипутов исчезнет»¹.

Все последующие приезды А. М. Горького в Крым (с 1897 по 1936 г.) были связаны с попытками поправить здоровье: в конце 1896 г. ему поставили диагноз туберкулез легких. Каждый раз он проводил на полуострове от нескольких недель до полугода, останавливаясь в гостиницах, пансионатах, на съемных дачах. В 1920-х гг. неоднозначно отнесшийся к Октябрьской революции А. М. Горький жил в основном в Италии под предлогом лечения. В 1932 г. после окончательного возвращения прославленного писателя в СССР советское правительство предоставило ему, наряду с особняком в Москве и дачей в Горках, дом в Тессели на Южном берегу Крыма, более полувека принадлежавший семье генерала Н. Н. Раевского. В 1933–1936 гг. А. М. Горький подолгу бывал на крымской даче, работая над романом-эпопеей «Жизнь Клима Самгина».

Из многочисленных сочинений А. М. Горького, помимо указанных выше произведений, с крымской тематикой связаны также рассказы «Дора» и «Крымские эскизы», повествующие, в частности, о страданиях и психологии туберкулезных больных, проходивших лечение в пансионатах полуострова. При создании знаменитой «Песни о Соколе», воспевающей «безумство храбрых», и рассказа «Хан и его сын» писатель использовал фольклорные мотивы крымских татар.

Среди русских классиков, любивших отдыхать в Крыму, были А. И. Куприн и В. Г. Короленко. Куприн часто приезжал на полуостров в период с 1900 по 1907 г. Излюбленными местами Александра Ивановича стали Ялта, где началась его дружба с А. П. Чеховым, Мисхор, где он подолгу бывал на даче своего шурина, и особенно Балаклава («оригинальнейший уголок пестрой русской империи»), куда писатель собирался переселиться, но судьба распорядилась иначе.

Произведения А. И. Куприна, действие которых происходит в Крыму, как правило, основаны на реальных событиях. Например, в рассказе «Белый пудель» передана подлинная история пропажи и счастливого нахождения собаки, принадлежавшей бродячим цирковым артистам (старик-шарманщику и мальчику-акробату), неоднократно устраивавшим представления в Мисхоре, а в цикле рассказов «Листригоны» показан тяжелый труд и несгибаемый характер балаклавских рыбаков, с которыми автор сам неоднократно выходил в море.

Крым в описаниях А. И. Куприна удивительно красив и романтичен. В частности, в рассказе «Тишина» из цикла «Листригоны» наблюдательный писатель создал неповторимый образ балаклавского вечера: «Нигде во всей России, — а я порядочно ее изъездил по всем направлениям, — нигде я не слушал такой глубокой, полной, совершенной тишины, как в Балаклаве. Выходишь на балкон — и весь поглощаешься мраком и молчанием. Черное небо, черная вода в заливе, черные горы. Вода так густа, так тяжела и так спокойна, что звезды отражаются в ней, не рябясь

¹ Горький М. Коновалов. С. 45.

и не мигая. Тишина не нарушается ни одним звуком человеческого жилья. Изредка, раз в минуту, едва расслышишь, как хлюпнет маленькая волна о камень набережной. И этот одинокий, мелодичный звук еще больше углубляет, еще больше настаивает тишину... Скрипнула лодка на своем канате. И опять тихо. Чувствуешь, как ночь и молчание слились в одном черном объятии»¹. По справедливому замечанию исследовательницы Г. Н. Кунцевской, «Листригоны» А. И. Куприна являются «лучшим произведением в художественной литературе о Балаклаве» и «одной из выдающихся» в мире книг «о людях рыбацкой профессии»².

В ноябре 1905 г. А. И. Куприн стал невольным свидетелем подавления восстания на крейсере «Очаков» под руководством лейтенанта П. П. Шмидта, а также участником спасения матросов, выбравшихся с горевшего корабля. Эти события позднее нашли отражение в его рассказе «Гусеница». Не в силах сдержать негодование, писатель опубликовал в петербургской газете «Наша жизнь» статью «События в Севастополе», в которой обвинил вице-адмирала Г. П. Чухнина в гибели сотен людей. По распоряжению властей тираж газетного номера был конфискован, а А. И. Куприн получил предписание немедленно покинуть Балаклаву и впредь никогда более не появляться на территории, входившей в ведомство командующего Черноморским флотом. В 1907 г., после нескольких неудачных попыток добиться снятия строгого запрета, писатель продал приобретенный им ранее под строительство дома земельный участок в Балаклаве и простился со своей мечтой о проживании в «этой земле обетованной». В дальнейшем, особенно во время эмиграции (1919–1936 гг.), А. И. Куприн часто думал о «благословенном Крыме», к которому «тянулось его сердце». Крымские мотивы в той или иной степени отразились в целом ряде его произведений, написанных в разные годы: «Морская болезнь», «В Крыму», «Винная бочка», «Гранатовый браслет» и др.

В. Г. Короленко, отдохнувший в сентябре — октябре 1889 г. в имении Карабах (в семи километрах от Алушты), принадлежавшем семье Кеппен-Келлеров, изложил свои впечатления от увиденного в рассказах «Емельян» и «Рыбалка Нечипор», объединенных под общим названием «В Крыму». Размышления над историей полуострова, наблюдения за татарами, переживавшими в то время «разгар эпидемии выселения из Крыма», общение с простыми людьми — переселенцами из центральных губерний России (бывшим графским садовником Емельяном, на старости лет одиноко прозябавшем в тесном сарае у приютившего его татарина Алия, и сыном погибшего рыбака Нечипором, тщетно пытавшемся найти золотую статую понтийского царя Митридата) создали у писателя «ощущение какой-то загадочной тоски» и «безлюдья», «отсутствия человека»: «народу... много, но все это народ чужой этой стране и этой природе, не связанный с ними ничем органическим»³. Подобным настроениям способствовало также посещение «Пещеры тысячи голов»

(«Бим-баш-коба») в горе Чатыр-Даг, содержащей груды человеческих черепов и захватывавшей «мрачным трагизмом тайны». Черепа эти могли принадлежать многим народам Крыма, подвергавшегося постоянным нашествиям. «Чудесный южный берег, находящийся ныне в счастливом обладании курсовиков, проводников, дачевладельцев и туристов, — писал В. Г. Короленко, — представлялся мне чем-то вроде отмели, через которую на расстоянии столетий, как волны, перекатываются чередой людские поколения — тавры, скифы, греки, гетуэцы, татары, русские — в поисках счастья... Здесь, под этим солнцем, вблизи этого моря, оно как будто ближе, чем где бы то ни было... Ласкает, обещает, манит... И волны перекатываются одна за другой, одна прогоняя другую...»¹

Певцом Киммерии (Восточного Крыма) стал поэт и художник М. А. Волошин, значительную часть своей жизни проживший в Коктебеле. С «краем синих холмов», что в переводе с тюркского означает название этой местности, он познакомился в 1893 г., когда 16-летним юношей поддержал решение матери переехать в Крым. Необычная природа Коктебельской долины сразу и навсегда покорила творческое воображение М. А. Волошина. В 1932 г., уже совершив немало путешествий по миру, поэт назвал ее одним из «самых красивых земных пейзажей», которые он встречал. «Коктебель... очень пустынен и в то же время очень разнообразен, — писал М. А. Волошин. — Нигде, ни в одной стране, я не видел такого разнообразия типов природы. Такого соединения морского и горного пейзажа, со всем разнообразием широких предгорий и степных далей. Положение его на границе морских заливов, степи и гор делает его редким и единственным в смысле местности»². Красоту любимого края М. А. Волошин воспел в циклах стихов «Киммерийская весна» и «Киммерийские сумерки», создав в литературе и общественном восприятии образ древней крымской земли — Киммерии.

Коктебельский дом М. А. Волошина, построенный в 1903–1913 гг. на берегу моря по проекту самого хозяина и названный им «Домом поэта», стал своеобразным культурным феноменом Крыма. В разное время туда приезжали многие поэты, писатели, художники и артисты, интересовавшиеся крымской природой и талантливой личностью хозяина: О. Э. Мандельштам, Н. С. Гумилев, К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой, М. И. Цветаева, И. А. Бунин, Н. А. Бердяев и др. В доме царила удивительная атмосфера творчества, внутренней свободы, естественности, вечного праздника, неумного веселья и игры. Шутки и розыгрыши сменялись пешеходными и морскими экскурсиями (с непременно посещением Карадага), литературными вечерами, диспутами и философскими спорами. Такой, по словам М. А. Волошина, «мудрый отдых, обогащающий и творчество, и познание»³, помог многим из его гостей узнать и по-настоящему полюбить Киммерийскую землю. В годы Гражданской войны «Дом поэта» превратился в убежище для

¹ Куприн А. И. Листригоны // Собр. соч.: в 9 т. М., 1972. Т. 5. С. 279.

² Кунцевская Г. Н. Благословенная Таврида: Крым глазами великих русских писателей. М., 2011. С. 337.

³ Короленко В. Г. В Крыму // Собр. соч.: в 10 т. М., 1953–1956. Т. 4. 1954. С. 192.

¹ Короленко В. Г. В Крыму. С. 194.

² Волошин М. Избранное: стихотворения, воспоминания, переписка. Минск, 1993. С. 198.

³ Цит. по: Кунцевская Г. Н. Неповторимый Крым: Крым в судьбе и творчестве русских писателей. М., 2011. С. 155–156.

«беглецов, скрывавшихся от петли и расстрела». Не приняв ни одну из противоборствующих сторон, М. А. Волошин укрывал у себя и белых, и красных, делая все, «чтоб братьям помешать // Себя губить, друг друга истреблять»¹.

В русском искусстве первым пропагандистом красот крымской природы стал Н. Г. Чернецов, создавший своеобразную живописную энциклопедию полуострова. В 1833 г. новороссийский генерал-губернатор М. С. Воронцов предложил ему должность художника в своей канцелярии и поручил ответственное задание — «снимать виды» присоединенных к России новых земель и те изменения, которые на них происходили. В течение трех лет Н. Г. Чернецов работал в Крыму. Он объехал верхом практически весь полуостров и неоднократно прошел на корабле вдоль его берегов. За это время художник выполнил около 300 рисунков, акварелей и сепий, имеющих помимо живописных достоинств несомненное документально-историческое значение.

Н. Г. Чернецов запечатлел крымские бухты и заливы, горы и долины, руины крепостей и пещерных монастырей, усадьбы русской знати и татарские сакли. В его произведениях отразился старинный облик Бахчисарая, Ливадии, Мисхора, Кореиза, Ореанды, Гурзуфа, Керчи и многих других населенных пунктов. Часть рисунков послужила в дальнейшем основой для создания художником литографий (в частности, «Кореиз») и картин маслом («Вид у подножия Аю-Дага», «Вид на Аю-Даг в Крыму со стороны моря», «Вид Бахчисарайского дворца», «Пушкин в Бахчисарайском дворце», «Вид Каралезской долины на Южном берегу Крыма», «Татарский дворик в Крыму», «Южный берег Крыма. Вид на Ливадию сверху» и т. д.). По свидетельству современников, работы Н. Г. Чернецова создавали впечатление о райски красивой природе полуденного края, «внушали любовь и гордость своим отечеством»².

Особую роль в живописном прославлении Крыма сыграл знаменитый русский маринист И. К. Айвазовский. Уроженец Феодосии, он провел в родном городе большую часть своей жизни. Окончив с большой золотой медалью Императорскую академию художеств, пройдя творческую стажировку за рубежом, получив звание академика и должность художника Главного морского штаба, 28-летний И. К. Айвазовский в 1845 г. неожиданно для многих принял решение уехать на постоянное место жительства в Феодосию, в те времена захолустный, провинциальный город. Дело в том, что своим главным призванием талантливый художник считал изображение берегов родного Крыма, Черного моря и русского флота, полюболюбившихся ему с раннего детства и на всю жизнь.

Многочисленные произведения И. К. Айвазовского, посвященные Феодосии, сделали этот город известным всему миру. В 1840–1890-х гг. он периодически писал виды родного города с различных ракурсов в разное время суток («Старая Феодосия», «Восход солнца в Феодосии», «Лунная ночь. Купальня в Феодосии», «Феодосия. Восход солнца», «Пристань в Феодосии», «Феодосия. Закат солнца»,

«Восход луны в Феодосии» и др.), а также исторические картины, посвященные происходившим там событиям («Приход русских войск в Феодосию в 1771 г.», «Приезд Екатерины II в Феодосию», «Первый поезд в Феодосии» и др.).

И. К. Айвазовский запечатлел на своих картинах и многие другие места Крымского побережья — от Керчи до Евпатории. По выражению Г. Н. Кунцевской, «если бы была возможность собрать воедино все его работы, можно было бы составить целую панораму прибрежной полосы полуострова от Восточного берега до Западного»¹. При этом самые изысканные, романтические пейзажи изображены на полотнах художника, посвященных Южному берегу Крыма, особенно Ялте и Гурзуфу («Ночь в Крыму. Вид на Аю-Даг», «Гурзуф», «Вид в Ореанде», «Восход над Ялтой», «Лунная ночь. Окрестности Ялты», «Восход солнца у берегов Ялты», «Морской вид» и т. д.). Несмотря на то что И. К. Айвазовский писал «по памяти» (предварительно делая рисунки с натуры), ему удалось четко передать характерные природные особенности различных мест прибрежной полосы Крыма.

Несомненным новаторством художника стала точная передача солнечного и лунного света. Сияние неба и моря, блики на воде он изображал настолько виртуозно, что неискушенные в живописи люди даже сомневались, «нет ли тут фокуса, нет ли за картиной свечи или лампы»². Особенно тонко И. К. Айвазовский понимал и чувствовал море, которое неизменно присутствует практически на всех его полотнах. Писать море с натуры невозможно, но художник обладал удивительной способностью запоминать и предугадывать движение морских волн. Море у Айвазовского — это живая стихия, мастерски изображенная как в тихом, штилевом состоянии («Утро на море», «Штиль» и др.), так и в момент наивысшего напряжения ее мощи («Девятый вал», «Радуга», «Кораблекрушение», «Среди волн» и пр.). Фраза художника А. А. Иванова, что «воду... никто не пишет так хорошо, как Айвазовский»³, актуальна до сих пор, ибо его лучшие произведения по-прежнему являются непревзойденными шедеврами маринистической живописи.

По признанию И. К. Айвазовского, он всегда чувствовал «поэзию природы» и старался передать ее своей кистью. В литературе неоднократно отмечалось созвучие творчества прославленного мариниста поэзии А. С. Пушкина. Стихи русского гения, названного Айвазовским «великим вдохновителем художников», несомненно, оказали значительное влияние на его искусство, тем более что романтическое восприятие Крыма и морской стихии у поэта и живописца было схожим. И. К. Айвазовский был знаком с А. С. Пушкиным мимоходом (он был представлен поэту в сентябре 1836 г. на выставке в Императорской академии художеств, а затем случайно встретился с ним на улице), но это знакомство оставило глубокий след в его жизни. «С тех пор и без того любимый мною поэт сделался предметом моих

¹ Волошин М. Дом поэта // Волошин М. Стихотворения. М., 2009. С. 286–287.

² Цит. по: Кунцевская Г. Н. Русские художники в Крыму. М., 2013. Т. 2. С. 165.

¹ Кунцевская Г. Н. Русские художники в Крыму. М., 2013. Т. 1. С. 15.

² Барсамов Н. С. Айвазовский в Крыму: очерки об И. К. Айвазовском и художниках Л. Ф. Лагорио, А. И. Фесслере, К. Ф. Богаевском, М. А. Волошине, М. П. Латри. Симферополь, 1970. С. 10.

³ Цит. по: Там же. С. 9.

дум, вдохновения, длинных бесед и расспросов о нем», — признавался художник¹. В 1860–1890-х гг. Айвазовский создал серию картин, посвященных пребыванию Пушкина на юге. На большей части этих полотен поэт изображен на фоне крымских пейзажей: «А. С. Пушкин в Крыму у Гурзуфских скал», «А. С. Пушкин в Гурзуфе», «А. С. Пушкин и Раевская у моря около Гурзуфа», «А. С. Пушкин и Раевская в Гурзуфе», «А. С. Пушкин на вершине Ай-Петри при восходе солнца» и др.

Особое место в творчестве И. К. Айвазовского занимает русский военноморской флот (главным образом Черноморский). Художника по праву называют «летописцем и певцом русской морской славы», ведь он показал на своих полотнах многие победы русского флота в крупных морских сражениях («Морское сражение при Наварине 2 октября 1827 года», «Чесменский бой», «Синопский бой», «Бриг «Меркурий», атакованный двумя турецкими кораблями» и др.). Не менее блестяще выглядят у Айвазовского боевые парусные корабли, изображенные во время штурма или на рейде («Штурм Черноморского флота в 1849 году», «Черноморский флот в Феодосии» и т. д.).

Несколько батальных картин художник посвятил обороне Севастополя в годы Крымской войны 1853–1856 гг., среди них «Осада Севастополя» и «Взятие Севастополя». Первое полотно, изображающее панораму обороняющегося города (от Северной стороны до Херсонесского маяка) и верхушки мачт кораблей, затопленных в фарватере Севастопольской бухты, создано под непосредственным впечатлением от увиденного И. К. Айвазовским осенью 1854 г., когда он прибыл на место знаменитого сражения. На склоне лет художник написал картину «Малахов курган (Место, где был смертельно ранен Корнилов)», в которой ему удалось не только отдать дань памяти погибшему вице-адмиралу, но и показать душу русского солдата. На полотне показан вид на Севастополь, открывающийся с Малахова кургана. На переднем плане — памятник в виде креста, выложенного ядрами, рядом с ним — два убеленных сединами ветерана Севастопольской обороны, пришедшие поклониться святыне. Один из них благоговейно припал к кресту.

И. К. Айвазовский считается основоположником так называемой Киммерийской школы живописи, к которой относятся художники, жившие и работавшие на южном и восточном побережье Крыма (К. Ф. Богаевский, Л. Ф. Лагорио, А. И. Фесслер, Э. Я. Магдесян, М. А. Волошин, М. П. Латри, А. И. Ганзен, К. К. Арцелулов; трое последних являются внуками Ивана Константиновича). Все они в той или иной мере испытали на себе влияние И. К. Айвазовского, а многим из них посчастливилось какое-то время работать в мастерской прославленного мариниста и брать у него уроки.

Л. Ф. Лагорио и К. Ф. Богаевский, как и И. К. Айвазовский, родились в Феодосии. Л. Ф. Лагорио после окончания Императорской академии художеств остался жить в Санкт-Петербурге, но весну и лето, как правило, проводил в Крыму, работая над темой морского пейзажа. На его полотнах, отличающихся исключительным вниманием к натуре и тщательной проработкой мельчайших деталей, легко узна-

ваемы изображенные уголки Крымского побережья, даже если названия не содержат уточняющих топонимов (например, «Вид на крымский берег», «Крымский пейзаж»). Картины «Алушта», «Вид на Аю-Даг от Алушты», «Симеиз» и ряд других считаются шедеврами маринистической живописи. Две акварели Л. Ф. Лагорио, посвященные Ласточкиному гнезду, запечатлели первоначальный вид нынешней визитной карточки Крыма. В начале XX в. это романтическое сооружение, прилепившееся к обрыву Аврориной скалы (одного из отрогов мыса Ай-Тодор), еще не было каменным готическим замком, а представляло собой деревянный беленый домик под красной черепичной крышей. Пейзажи Л. Ф. Лагорио удивительно спокойны и лиричны. По выражению одного из рецензентов, художник умел «в изображении самой обыкновенной природы уловить ее внутренний смысл, ее впечатление на душу человека и всему придать какую-то неизъяснимую прелесть»¹.

К. Ф. Богаевский почти всю жизнь прожил в Крыму, которому посвятил большую часть произведений. Однако, в отличие от своих знаменитых земляков, маринистом он не стал (возможно, потому, что не хотел остаться в тени великого Айвазовского). К. Ф. Богаевский писал в основном пейзажи предгорного и горного Крыма, отдавая особое предпочтение сохранившимся на полуострове археологическим и историческим памятникам. При этом ему удалось найти свой собственный художественный стиль. По признанию К. Ф. Богаевского, он внимательно изучал природу, а потом «творчески преображал ее в картине». Главной темой его творчества стал исторический и героический пейзаж легендарной Киммерии, т. е. древнего Восточного Крыма. На полотнах полуостров предстает не в реальном, привычном виде, а таким, каким он был или мог быть много веков назад. Названия картин подчеркивают это: «Старый Крым», «Генуэзская крепость», «Жертвенники», «Киммерийская область», «Каффа (Старая Феодосия)», «Тавроскифия», «Киммерия» и др.. По выражению Г. Н. Кунцевской, «под кистью живописца археологическая реальность... оказывалась овеванной дыханием мифологии и откровенного вымысла. При этом все его произведения написаны с такой силой пластической убедительности, что в это «нереальное» верилось»². Новаторство художника было высоко оценено современниками. Оно оказало значительное влияние на живопись М. А. Волошина, который в свою очередь вдохновлял К. Ф. Богаевского стихами о Киммерии. Последний не случайно сказал однажды: «Мы с Максимилианом Александровичем дополняем друг друга»³. М. А. Волошин написал около 3 тыс. акварелей с изображением окрестностей Коктебеля, при этом ни одна из них не была выполнена им с натуры. Свои живописные произведения поэт и художник называл «музыкально-красочной композицией на тему киммерийского пейзажа»⁴.

Во второй половине XIX — начале XX в. в Крыму отдыхали и писали местные пейзажи многие знаменитые русские художники. В частности, А. М. Васнецов, побывавший там многократно, создал на крымскую тему более 60 этюдов и кар-

¹ Цит. по: Кунцевская Г. Н. Русские художники в Крыму. Т. 2. С. 17.

² Там же. Т. 1. С. 48.

³ Цит. по: Барсамов Н. С. Айвазовский в Крыму... С. 78.

⁴ Цит. по: Кунцевская Г. Н. Русские художники в Крыму. Т. 2. С. 111.

¹ Цит. по: Барсамов Н. С. Айвазовский в Крыму... С. 29.

тин. Он изображал не только широко известные виды (например, «Крым. Байдарские ворота»), но и потаенные уголки полуострова, затерявшиеся в предгорьях маленькие деревушки («Крымский пейзаж», «Крымский вид» и др.). В августе 1914 г. А. М. Васнецов наблюдал в Крыму полное солнечное затмение, которое вскоре запечатлел на полотнах «Надвигающаяся на Феодосию лунная тень» и «Солнечная корона. Полное солнечное затмение в Феодосии».

Около 60 картин, эскизов и этюдов посвятил также Крыму И. И. Левитан, посетивший Ялту, Алушту, Симеиз и Кореиз. Стремясь передать красоту и гармонию полуострова «без слащавости», художник писал в основном не парадные, а простые, будничные, но при этом полные поэзии виды: старые улочки, татарские жилища, скалистые склоны гор, пробуждение леса («Улица в Ялте», «Сакля в Алушке», «В крымских горах», «Весна в Крыму» и др.). Под впечатлением от пейзажей И. И. Левитана А. П. Чехов придумал слово «левитанистый» и неоднократно употреблял его для характеристики русской природы, в том числе крымской.

Г. П. Кондратенко, напротив, тяготел к изображению дворцово-парковых ансамблей и наиболее величественных уголков Южного берега. Значительная часть его крымских произведений отображает облик Воронцовского дворца и парка в Алушке, а также их живописных окрестностей («Дворец в Алушке», «Алушка. Дворец», «Алушка. Дворец. Терраса», «Парк в Алушке», «Вид Воронцовского парка. Цветущие деревья», «Крым. Алушка. Вид на Ай-Петри от Воронцовского дворца» и др.).

Своей мастерской называл Южный берег Крыма А. И. Куинджи, купивший в 1886 г. земельный участок возле поселка Кикинеиз и привозивший туда студентов на летнюю практику. Этот удивительный художник, обладавший непревзойденной способностью передавать на холсте «иллюзию света», запечатлел красоту солнечной Тавриды в целой серии картин и эскизов («Крым. Яйла», «Морской берег. Крым», «Вид на берег и море с гор. Крым», «Кипарисы на берегу моря. Крым», «Крым», «Море. Крым» и др.).

Многое связывало с Крымом основателя Товарищества передвижных художественных выставок Г. Г. Мясоедова. Впервые к крымской теме он обратился в 1871 г., когда вместе с И. М. Прянишниковым, В. Е. Маковским, В. О. Шервудом и П. А. Нисевиным написал к открытию Политехнической выставки 1872 г. серию из 97 работ, посвященных героической обороне Севастополя во время Крымской войны. Эти произведения, как правило называемые рисунками, были выполнены жидким маслом по картону и предназначались для альбома «Эпизоды севастопольской жизни 1854–1855 гг.». В 1872–1878 гг. Г. Г. Мясоедов написал картину «В Севастополе 1854 г.», на которой показал убитых неприятельским снарядам женщину и ребенка. После покупки Мясоедовыми земельного участка на набережной Ялты и постройки на нем дома художник, прежде работавший в жанровой живописи, неожиданно увлекся пейзажем, запечатлев на десятках полотен великолепные виды Южного берега («Осенний вид в Крыму», «Пристань в Ялте» и др.).

Подлинным летописцем Крымской войны 1853–1856 гг. по праву считается В. Ф. Тимм, побывавший в осажденном Севастополе и выполнивший с натуры

многочисленные рисунки и акварели. Опубликованные в виде литографий в издаваемом им «Русском художественном листке», они стали своеобразными иллюстрированными военными репортажами. Большая часть крымских произведений В. Ф. Тимма — это портреты защитников Севастополя, среди них единственное прижизненное изображение адмирала П. С. Нахимова («Адмирал П. С. Нахимов на бастионе»).

Самый известный русский художник-баталист В. В. Верещагин батальных полотен Крыму не посвятил, однако полуостров все же нашел отражение в его творчестве. Во второй половине 1890-х гг. художник отдыхал в Магараче и на мысе Фиолент, где выполнил с натуры несколько ярких этюдов, в том числе «Мыс Фиолент вблизи Севастополя» и «Близ Георгиевского монастыря». В последней работе обращает на себя внимание одинокая фигура священника, пристально вглядывающегося в морскую даль. Этот образ был списан В. В. Верещагиным с находившегося тогда в обители студента Петербургской духовной академии Георгия Гапона, впоследствии ставшего широко известным своими провокационными действиями, приведшими к Кровавому воскресенью — вооруженному разгону шествия петербургских рабочих к Зимнему дворцу 9 января 1905 г.¹

Таким образом, у каждого из русских поэтов, писателей и художников конца XVIII — начала XX в. были свои встречи с «полуденным краем», породившие произведения, имевшие порой историческое значение. В частности, стихи А. С. Пушкина, картины Н. Г. Чернецова и И. К. Айвазовского открыли Крым для соотечественников, пожелавших своими глазами увидеть прославленные ими места. Став источником вдохновения для писателей и художников, Крым дал литературе и искусству не только новые сюжеты, но и новый толчок к развитию. Можно сказать, что со временем в значительной степени сбылось пророчество писателя-сентименталиста В. В. Измайлова, еще в 1802 г. написавшего о Крыме: «В сем уголке света хранится новая жила поэзии, рождение нового царства в мире фантазии, может быть, тайный ключ русской литературы»².

Картины и художественные произведения русских классиков можно рассматривать и как важные исторические источники. Их комплексное изучение позволяет проследить не только постепенное изменение внешнего облика полуострова, но и проанализировать отношение мыслящих людей России к событиям и процессам, происходившим в регионе и свидетельствовавшим об интеграции края в состав империи, укреплении его связей со страной.

¹ Аксентьев С. Т. «Монастырские» каникулы В. В. Верещагина // Московский журнал. 2013. № 10 (273). С. 18–24.

² Измайлов В. В. Путешествие в полуденную Россию. М., 1802. Ч. 2. С. 231–232.

§ 2. Усадебная культура Крыма

А. А. Непомнящий

С момента присоединения Крыма к России элиту империи неудержимо туда влекло. Как бы ни был Крым далек от холодной столицы, все равно самые сиятельные и влиятельные люди Отечества туда стремились. Нехарактерный для России целебный климат и уникальная природа побуждали аристократию обустраивать себе усадьбы в заповедных местах полуострова.

Во многом моду на крымские поместья определило венценосное семейство. Первым из Романовых приобрел себе имение в Крыму Александр I. Две кратковременные поездки в Крым (весной 1818 г. и осенью 1825 г.) произвели на императора сильное впечатление. Уставший от тяжелого бремени власти, подавленный верой в неизбежность расплаты за причастность к свержению отца, Павла I, часто впадавший в меланхолию, победитель Наполеона говорил подданным: «Я скоро переселюсь в Крым и буду жить частным человеком. Я отслужил 25 лет, и солдату в этот срок дают отставку». Место для имения Александр I присмотрел в первую же поездку. Выбор его пал на Ореанду¹.

В первой половине XIX в. Ореанда в числе прочих входила во владения пограничников из греческого батальона и впоследствии досталась командиру батальона Феодосию Ревелиоти, который в свою очередь продал ее графу А. Г. Кушелеву-Безбородко. У последнего ее и выкупил император, но пожить в ней Александру I не удалось. Во время второй поездки в Крым он тяжело заболел и 19 ноября 1825 г. скончался в Таганроге. Его вдова Елизавета Алексеевна также недолго была хозяйкой Ореанды. В мае 1826 г. она скончалась².

Ореанда перешла к Николаю I, который подарил ее своей жене Александре Федоровне. Проект дворца в этом имении было поручено разработать А. И. Штакеншнейдеру (1802–1865) — любимому архитектору императора. В 1843 г. начались работы, которые велись под руководством английского архитектора Вильяма Гунта и столярного мастера Вильямса до 1852 г. Император остался чрезвычайно доволен результатом, щедро наградив причастных к стройке. Созданный в итальянском стиле дворец стал на долгие годы любимой резиденцией царской семьи. Александра Федоровна часто принимала там гостей, а после ее кончины Ореанда по завещанию отошла великому князю Константину Николаевичу³.

Чрезвычайно занятый человек, Константин Николаевич поначалу нечасто бывал в своем имении, хотя Ореанда ему весьма понравилась. Только при Алексан-

дре III, отойдя от дел, великий князь начал проводить в Ореанде лето и осень. Однако проживал он уже не во дворце, который в 1881 г. был уничтожен огнем. Пожар продолжался почти целый день, при этом многие ценные вещи удалось спасти. Творение А. И. Штакеншнейдера, к сожалению, восстановлению не подлежало. От него остались только живописные развалины. Когда они начали обрушаться, Константин Николаевич, сославшись на нехватку средств на строительство нового дворца, приказал построить из остатков старого церковь, как давно хотел. Проект церкви создан академиком архитектуры А. А. Авдеевым (1819–1885). Особым украшением ее стали мозаики венецианского мастера А. Сальвиати¹.

После смерти в 1892 г. Константина Николаевича усадьбу унаследовал его сын Дмитрий, вскоре продавший ее императору Александру III. В 1912 г. великий князь Дмитрий Константинович приобрел на Южном берегу Крыма небольшое имение для племянников, которое назвал Кичкине — «Малютка». Крошечное строение, расположенное на горном склоне, было создано по проекту ялтинских архитекторов братьев Н. Г., В. Г. и А. Г. Тарасовых и должно было обладать всеми удобствами начала XX в., однако завершали начатое уже другие подрядчики, поскольку Тарасовы не справились в срок. Планировал Дмитрий Константинович и строительство небольшого храма, как сделал это его отец. Однако на Россию уже надвигалась гроза, и Кичкине стало последним имением, приобретенным Романовыми в Крыму².

Рядом с Кичкине находилась усадьба великого князя Георгия Михайловича, названная им Харакс в честь располагавшейся здесь ранее римской крепости, развалины которой сохранялись. Она была возведена прославленным Н. П. Красновым, бывшим главным архитектором Ялты, которого, кстати, сменил на этом посту один из братьев Тарасовых — Николай Георгиевич. Строительство осложнялось не только характерным для местности каменистым рельефом, но и охватившими всю Россию беспорядками 1905–1907 гг. Однако благодаря талантам Н. П. Краснова, в том числе и дипломатическим, в усадьбе были возведены дворец в стиле позднего модерна и храм Преображения Господня и Святой Нины (четырёхлетней дочери великого князя Нине 6 июля, в день Преображения Господня, сделали операцию, спасшую ей жизнь, — отсюда и название), который, наряду с Ливадией, архитектор считал одним из лучших своих творений. По трагическому совпадению, хозяева соседствовавших усадеб впоследствии вместе были расстреляны большевиками в Петропавловской крепости, а оба имения превратились в санатории³.

Является ныне санаторием и Дюльбер, еще один дворец, построенный Н. П. Красновым в Кореизе для другого великого князя — Петра Николаевича, двою-

¹ *Бертъе-Делагард А. Л.* Справки о прошлом Ореанды // ИТУАК. 1919. № 56. С. 198–202.

² *Евдокимов В. М.* Некоторые особенности имения «Ореанда» // Красновские чтения: материалы научных конференций к 140-й и 141-й годовщинам со дня рождения Н. П. Краснова (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей): сборник научных статей / под ред. Л. И. Прокоповой, С. В. Юрченко. Симферополь, 2006. С. 87–89.

³ Крым. Ореанда, дача великого князя Константина Николаевича // Всемирная иллюстрация. 1881. № 659. С. 161–162.

¹ *Киселева А.* Земной рай для , князя, супруги-княгини и любовницы-балерины // Крымская Ривьера: образ счастья. Симферополь, 2004. № 3 (11). С. 16–20.

² *Лозбень Н. С., Пальчикова А. П.* Ливадия. Ореанда: Очерк-путеводитель. Симферополь, 2007.

³ *Калинин Н. Н., Земляниченко М. А.* Николай Петрович Краснов: к 125-летию со дня рождения // Архитектура СССР. 1990. № 4. С. 88–94; *Они же.* Исламские мотивы в творчестве архитекторов Южного берега Крыма // Творчество. 1991. № 9. С. 29.

родного дяди императора Николая II. Это был первый заказ, выполненный архитектором для царской семьи, и заказчик во многом предпочел Н. П. Краснова из-за общего для них увлечения восточным зодчеством. Название Дюльбер, которое можно перевести с крымско-татарского как «красивый» или «прелестный», вполне соответствует этому выполненному в неомавританском стиле строению с серебристыми куполами и зубчатыми стенами, над входом которого выведено арабской вязью «Да благословит Аллах вошедшего сюда»¹.

Вряд ли, набрасывая романтический эскиз своей крымской резиденции, Петр Николаевич мог себе представить, что наступит день, когда меж крепостных зубцов будут стоять пулеметы, а стены Дюльбера спасут его, великих князей Александра Михайловича и Николая Николаевича и вдовствующую императрицу Марию Федоровну от физической расправы. Однако страшную зиму 1917–1918 гг. члены императорской фамилии, приговоренные Ялтинским советом рабочих, солдатских и матросских депутатов к смерти, пережили именно там: дворец, оборонявшийся матросами Черноморского флота под руководством Ф. Л. Задорожного и укрепленный по расчетам Александра Михайловича, оказался превосходной крепостью и выдержал все налеты вооруженных анархистов. После германского вступления в Крым члены императорской семьи смогли покинуть Россию².

Однако самым известным из произведений Н. П. Краснова, его визитной карточкой стал дворец семьи Романовых в Ливадии. Этот крупный земельный участок, чье название по-гречески означает «луг, лужайка», был приобретен влиятельным графом Л. С. Потоцким в 1834 г. Продавцом снова оказался упомянутый выше Ф. Ревелиоти. Большой поклонник античного искусства, граф превратил имение в парк, который некоторые путешественники сравнивали с музеем. Его украшали подлинные мраморные скульптуры, а в одном из кабинетов дома Л. С. Потоцкого хранилась коллекция древностей из Помпеи³.

После смерти сановника имение досталось его дочерям — Леонии Ланцкоронской и Анне Мнишек. Однако вскоре было выкуплено императором Александром II для своей жены, императрицы Марии Александровны, у которой начали проявляться признаки грозной смертоносной чахотки, и целебный климат Южнобережья был призван поправить ее здоровье. Впервые посетив свое новое владение, императорская чета была им совершенно очарована. Путешествия по живописным окрестностям принесли новые и необычные впечатления. Однако дома, возведенные здесь Л. С. Потоцким, нуждались в реконструкции, для руководства которой из Петербурга приехал придворный архитектор царской семьи И. А. Монигетти (1819–1879). Дом Л. С. Потоцкого был перестроен в Большой дворец, возведены Малый дворец (дом для великих князей), а также дом для свиты, военно-поход-

ной канцелярии, кухня, дом садовника, баня, госпиталь и конюшня. Современники выделяли и маленький шедевр И. А. Монигетти — Крестовоздвиженскую церковь, мраморные украшения для которой были приобретены в Италии. 36 икон для нее написал известный живописец А. Е. Бейдеман. Кроме того, при помощи местного ландшафтного мастера К. Геккеля был разбит замечательный парк с крупными посадками хвойных деревьев — по совету лейб-медика С. П. Боткина, это должно было помочь императрице¹.

Все было закончено к 1867 г., и в августе царская чета в сопровождении многочисленной свиты прибыла в Крым. Согласно воспоминаниям очевидца тех событий историка В. Х. Кондараки, император много гулял, купался в море и принимал гостей. Как упоминалось выше, он гостеприимно пригласил к себе пассажиров и команду американского корабля «Квакер Сити», в числе которых был Марк Твен, лично поздравил с приездом и даже организовал небольшую экскурсию по имению. По случаю тезоименитства императора было организовано замечательное народное празднество: гуляния, соревнования кавалеристов, аттракционы и всеобщее угощение. Однако уже в следующем году режим ужесточили по причине угрозы императору со стороны террористов².

Для Марии Александровны Ливадия стала не просто лечебным заведением, но и местом, где можно было отдохнуть от личной драмы. Ее муж увлекся молодой Екатериной Долгорукой, и пребывание в Петербурге превратилось для императрицы в унижительную пытку. Однако, когда молодая соперница стала сопровождать императора в Крым, императрица распорядилась возвести дачу Эреклик на севере Ливадии, где и старалась проводить время в уединении. В последний раз она посетила «свою милую Ливадию» весной 1879 г. Затем были популярны у страдающих от чахотки немецкие курорты и смерть в Зимнем дворце 3 июня 1880 г. А осенью того же года самодержец отправился в Ливадию с молодой женой, тоже в последний раз³.

Погибшему от рук террориста Александру II наследовал Александр III. Будучи цесаревичем, он неоднократно бывал в Ливадии с отцом, судьба которого, несомненно, наложила отпечаток на принятые в имении порядки. Должность управляющего начали занимать военные. Усадьба разрасталась. Согласно описи, представленной при вступлении в должность нового управляющего полковника В. А. Плева, на территории находилось 210 различных строений и зданий, и основной задачей управляющего была не постройка новых, а реконструкция и содержание старых в пристойном состоянии. Так, в 1887 г. разваливавшийся Малый

¹ Кондаков Н. П. Дворец в имении «Дюльбер» на Южном берегу Крыма // Искусство и художественная промышленность. 1899. № 9/10. С. 731–734.

² Цоффка В. В. Две статьи о «Дюльбере» // Крымский архив. 2014. № 1 (15). С. 92–97.

³ Муханова К. Жемчужина в ожерелье русской земли: Ливадия и ее окрестности // Новь. 1895. № 1. С. 10–15; Калинин Н., Кадиевич А., Земляниченко М. Архитектор высочайшего двора. Симферополь, 2003.

¹ Вересова О. И. Архитекторы имения «Ливадия» // III Красновские чтения: памятники архитектуры и художественно-оформительская направленность в творчестве Н. П. Краснова и других архитекторов Крыма: материалы науч. конф., посвященной 142-й годовщине со дня рождения Н. П. Краснова (Крым, Ялта, Ливадийский дворец-музей, 8 декабря 2006 г.). Симферополь, 2006. С. 6–22.

² Пальчикова А. П. Из истории строительства дворца // Ливадийский дворец-музей: сборник, 2000–2003. Севастополь, 2003. С. 83–95.

³ Земляниченко М., Калинин Н. «В этой дорогой по воспоминаниям Ливадии...» // Тайна Великой княжны: полуденный альманах / ред. Н. В. Николаенко. М.; Симферополь, 1998. (Б-ка журнала «Крымский контекст»). С. 29–44.

дворец был полностью перестроен в том же виде, в каком был создан И. А. Монигетти. Император любил бывать в Ливадии; сложилось так, что в ней он и скончался в 1894 г.¹

Последний император России также проводил в Ливадии много времени. Подобно своим отцу и деду, в усадьбе царь отнюдь не вел праздной жизни. Во время пребывания Николая II в Ливадии сюда смещался центр российской дипломатии. Так, именно в южной резиденции была проделана основная работа над российской нотой, которая легла в основу будущей Гаагской конвенции, а встречи с послом Турции проходили каждый год. Однако, несмотря на свою любовь к Крыму, с 1903 по 1908 г. император там не бывал, опасаясь так далеко уезжать из столицы в крайне беспокойное время. Когда же в 1909 г. он снова приехал в Ливадию, им было принято судьбоносное решение — снести Большой дворец и построить на его месте новый².

Из всех возможных вариантов Николай II выбрал так называемый «нежный стиль» — стиль раннего Ренессанса. После полутора месяцев работы венценосная чета утвердила проект академика Н. П. Краснова, доверив ему крайне дорогое и трудоемкое строительство. Дворец был возведен в кажущиеся совершенно невероятными 17 месяцев. Архитектор сумел справиться с такими непредвиденными трудностями, как грунтовые воды, мешавшие закладке фундамента, эпидемия холеры и неожиданно жестокие морозы, ударившие в январе 1911 г. и грозившие сорвать отделочные работы. В оговоренный срок (14 сентября 1911 г.) объект был сдан заказчику. Восхищенный император наградил всех причастных к стройке — от Н. П. Краснова и его коллеги Г. П. Гущина, создателя хозяйственных объектов на территории Ливадии, до простых рабочих³.

Правда, Николаю II с семьей всего четыре раза довелось побывать в своем дворце; после 1914 г. он больше туда не возвращался. Уже после отречения он подавал прошение А. Ф. Керенскому разрешить ему жить в Ливадии частным лицом, но получил отказ.

В первые годы советской власти Ливадийский дворец постигла печальная участь превращения в первый в мире санаторий для крестьян. Затем он снова оказался центром дипломатии, причем мировой: здесь решали судьбу послевоенного мира представители стран — победительниц Второй мировой войны. В настоящее время в Ливадии располагается музей, и едва ли что-нибудь может быть правильнее для удивительного здания с такой богатой историей.

Говоря о владениях Романовых в Крыму, нельзя не упомянуть Массандру. Знаменита она прежде всего не своим замком, симпатичным строением во французском стиле, созданным по проекту архитектора М. Э. Бушара, а винными погре-

бами. Начало крымскому виноделию положил еще князь Г. А. Потемкин, а 1804 г. по высочайшему повелению было открыто первое в России училище, впоследствии переведенное в местечко Магарач под Ялтой. Огромный вклад в становление виноделия в Крыму внес генерал-губернатор М. С. Воронцов, большой знаток и энтузиаст. Однако после смерти князя родовые имения Массандра и Ай-Даниль перешли к его сыну С. М. Воронцову, а затем — к вдове последнего Марии Васильевне, которую едва ли можно назвать рачительной хозяйкой. Княгиня нисколько не заботилась о них, предпочитая жить за рубежом. Постепенно она распродала земли мужа. Выкупило их Удельное ведомство, сделав, таким образом, собственностью императорской семьи. Покупке предшествовал разговор Александра III со знаменитым виноделом князем Л. С. Голицыным, убедившим царя в том, что виноделие крайне важно для будущего страны. Вот почему, приобретя виноградарские поместья, император пригласил князя заведовать всем уездным виноделием¹.

Лев Сергеевич Голицын приобрел несколько имений в Крыму, в том числе знаменитый Новый Свет (ранее называвшийся Парадизом). Он выстроил в имении два здания: одно — в мавританском стиле (ныне отданное под офисы), второе — в балканском (в наше время вмещает музей Л. С. Голицына). Виноделие стало главной страстью всей жизни князя, и успех его в этом деле ошеломлял. Вина Л. С. Голицына стали популярны даже в знающих толк европейских странах, а на Всемирной выставке 1889 г. в Париже они получили золотые медали. Основу успеха Л. С. Голицын видел не в слепой попытке подражать западным маркам, а в промышленном производстве своих. И чем больше становилась площадь виноградников, тем более очевидной была необходимость строительства крупного хранилища. Главное управление уделов поручило разработку проекта погреба на более чем миллион бутылок архитектору В. И. Чагину, специализировавшемуся в данной области, а прокладкой тоннелей на месте занимался гражданский инженер А. И. Дитрих. Данное строение по размеру, сложности постройки и особым для винного погреба качествам считалось одним из первых в мире².

Князь Михаил Семенович Воронцов запомнился Крыму не только потому, что стоял у истоков местного виноделия. Он также основал имение и построил роскошный дворец в Алушке, оставшийся в наследство потомкам. В этом оригинальном произведении британского архитектора Эдварда Блора (1789–1879) английский стиль изящно сочетается с неомавританским (так, готические дымовые трубы напоминают минареты)³. Стройка началась в 1828 г. и велась 20 лет усилиями кре-

¹ Пальчикова А. П. Ливадийский дворец — характерный памятник архитектуры Южного берега рубежа XIX–XX веков // Красновские чтения: материалы научных конференций к 140-й и 141-й годовщинам со дня рождения Н. П. Краснова. С. 9–13.

² Новый императорский дворец в Ливадии // Тавричанин. 1911. 3 февраля.

³ Прокопова Л. И. Царская Ливадия в калейдоскопе ушедшего времени: очерки. Симферополь, 2008.

¹ Калинин Н. Н. О приобретении имений Массандра и Ай-Даниль Удельным ведомством // Россия и Крым в судьбе Воронцовых: II Крымские Воронцовские чтения. (Крым, Алушка, Воронцовский дворец, 18–19 октября 1999 г.): материалы. Симферополь, 2000. С. 34–43.

² Ламан Н. К., Борисова А. Н. Князь Лев Сергеевич Голицын: выдающийся русский винодел. М., 2000.

³ Тимофеев Л. Н. К вопросу о генезисе композиции Воронцовского дворца в Алушке // Мир усадебной культуры: VIII Крымские международные научные чтения: сборник докладов / сост. Г. Г. Филатова. Симферополь, 2008. С. 29–33.

постных мастеров (сам архитектор в Крым не приезжал). Крымская резиденция оказалась достойной блистательного генерал-губернатора Тавриды и Бессарабии. Одновременно с дворцом усилиями главного садовника Южнобережья К. А. Кебаха создавался замечательный парк. Впрочем, князь в Алушке почти не бывал. Основная его резиденция располагалась в Одессе, а в 1844 г. М. С. Воронцов вдобавок стал наместником на Кавказе. Времени для отдыха у одного из влиятельнейших сановников империи почти не оставалось¹. Во дворце жили три поколения семьи Воронцовых, а после революции он был превращен в музей. Некоторое время дворец функционировал как государственная дача. Именно там останавливалась британская делегация во время Ялтинской конференции.

Романовы были не единственными правителями — владельцами крымских дворцов и усадеб. С Николаем II в хороших отношениях был Сеид Абдул-Ахадхан — бухарский эмир из династии Мангытов, потомок Чингисхана, реформатор, отменивший рабство и запретивший кровную месть, поэт, путешественник, генерал от кавалерии русской армии и почетный гражданин Ялты. В 1898 г. этот неординарный восточный правитель купил участок в Крыму неподалеку от резиденции русского самодержца, заложил там парк и хозяйственные постройки и назвал его Дилькисо (с тюркского — «обворожительный»), а в 1907 г. заказал архитектору Н. Г. Тарасову строительство дворца. За четыре года был возведен небольшой, но уютный двухэтажный корпус в мавританском стиле.

К сожалению, сам эмир не дождался завершения строительства. В 1910 г. он скончался в Кермине. Его наследник, Сейид Алим-хан, стал десятым и последним эмиром Бухары из династии Мангытов и вторым владельцем Дилькисо — тоже последним. Он не был столь примечательной личностью, как отец, свернул его реформы и впоследствии вынужден был бежать в Кабул от большевиков, которые распорядились его имением так, как и многими прочими. Изначально в нем открылся Восточный музей, который ликвидировали с 1 января 1930 г. Дворец превратили в дом отдыха, а потом в противотуберкулезный санаторий. В настоящее время в нем располагается восьмой корпус санатория «Ялта». Ни один из более чем 300 потомков беглого эмира претензий на него не заявлял.

Мода на строительство дворцов на Южнобережье в начале XX в. стала популярной — не устояла даже княгиня Анастасия Давидовна Гагарина (урожденная княжна Орбелиани). Разменявшая восьмой десяток бездетная вдова генерал-лейтенанта А. И. Гагарина решила таким образом увековечить память давно погибшего мужа и обратилась к Н. П. Краснову. В заказ, кроме дворца, входили винные погреба и домовая Александро-Невская церковь. Любопытно, что основное здание было выполнено с древнегерманскими мотивами, но в стиле модерн, из зарубежных материалов. Княгиня строила памятник не только своему мужу, но и себе. Вскоре после завершения работ в 1907 г. она скончалась и была похоронена во дворике только

что построенной церкви. Имение досталось ее племяннице, княгине Елене Тархан-Моурави, которая после революции доживала в двух отведенных ей большевиками комнатах дворца, в остальных разместился дом отдыха¹. Здание дворца сильно пострадало во время землетрясения 1927 г., но было полностью отстроено. Сейчас во дворце находится санаторий «Утес».

Николай Петрович Краснов работал и над другими аристократическими поместьями в Крыму. Именно он спроектировал дворец Юсуповых — одного из самых блистательных семейств эпохи. Феликс Феликсович Юсупов, граф Сумароков-Эльстон, сделал превосходную карьеру, в том числе и благодаря удачной женитьбе на последней из рода Юсуповых княжне Зинаиде Николаевне. В 1880 г. он приобрел дачу «Розовый дом» в Кореизе у винодела Морозова, чтобы впоследствии превратить его в дворец, в котором преобладает неоромантический стиль, хотя выражены и элементы Ренессанса, а интерьер выполнен в модерне.

Хотя сыну Юсупова, тоже Феликсу Феликсовичу, не нравилась архитектура его южного дворца, именно там произошла его помолвка с княжной императорской крови Ириной Александровной, племянницей Николая II, да и каждое лето семья Юсуповых там отдыхала не без удовольствия. Русская аристократия, не исключая членов императорской фамилии, охотно гостила в Кореизе. После революции семейство Юсуповых перебралось в Крым и покинуло его марте 1919 г. на британском линкоре «Мальборо» вместе с великими князьями, отбивавшимися от анархистов в Дюльбере.

Дворец был небольшим и уютным, хорошо спрятанным в парке, и эти качества, видимо, обратили на себя внимание силовых ведомств молодого Советского государства. В отличие от большинства поместий, ставших домами отдыха, Юсуповский был передан ВЧК как государственная дача № 4, а винный погреб превращен в бункер. Там останавливался И. В. Сталин во время Ялтинской конференции (кабинет вождя сохранился до сих пор, как и другие помещения). Никакие политические изменения статуса Крыма никак не сказывались на статусе легендарного имения: менялись названия хозяина (ЦК КПСС, Управление делами Президента Украины, Управление делами Президента России), но суть оставалась прежней². Объект и сейчас режимный, экскурсии туда — редкость.

Одним из первых дворянских поместий в Крыму является Варино в деревне Мшатка. Принадлежало оно Дмитрию Евламповичу Башмакову, участнику Отечественной войны 1812 г. Название было дано в честь его жены — княжны Варвары Аркадьевны Суворовой, приходившейся внучкой легендарному полководцу. Новый хозяин нашел в Крыму край прекрасной, но совершенно необлагороженной природы. Д. Е. Башмаков в кратчайшие сроки построил дом и разбил виноградники. Однако после его преждевременной смерти в 1835 г. имение пришло в запустение.

¹ Лапаева Г. А. Долина Девы и Раевские: литературно-исторический очерк. 3-е изд., испр. и доп. Симферополь, 2014.

² Науменко И. В. Материалы к истории имения И. А. Юсуповой «Сосновая роща» // Мир усадебной культуры: III–V Крымские международные научные чтения: сборник докладов. Симферополь, 2005. С. 45–48.

¹ Касперович А. А. Воронцовский дворец. Образ и Время: опыт исторического очерка // Воронцовский дворец. Образ и время: сборник докладов / сост. Г. Г. Филатова. Симферополь, 2009. С. 3–6.

Впоследствии во Мшатке, в имении, названном Абильбах, последние годы жизни провел выдающийся русский социолог и политолог, идеолог панславизма Н. Я. Данилевский. Этот участник кружка М. В. Петрашевского, просидевший несколько месяцев в одиночной камере Алексеевского равелина, решил обосноваться в Крыму и в 1867 г. приобрел недорого запущенное имение графа Г. А. Кушелева-Безбородко. Лучшие представители русской интеллигенции бывали в имении Н. Я. Данилевского, сам Лев Толстой приходил в Абильбах познакомиться с автором книги «Россия и Европа». Истинной страстью ученого стал оригинальный сад, выращенный им в поместье. Бамбуковая роща и виноградники принесли ему известность в среде садоводов. Он акклиматизировал до трех сотен редких сортов растений и помог победить эпидемию филлоксеры — вредителя винограда. После смерти прах ученого захоронен в кипарисовом зале Мшаткинского парка. К сожалению, и парк, и могила Н. Я. Данилевского впоследствии были заброшены¹.

Символом полуострова стала еще одна дача — удивительная постройка, гордо возвышающаяся над морем на отвесной сорокаметровой скале Аврора — Ласточкино гнездо. Первый дом на этом месте появился после Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., его можно видеть на картинах и фотографиях того времени. После он принадлежал придворному врачу А. К. Тобину, был продан купчихе Рахмановой, построившей там деревянный замок, названный ею Ласточкиным гнездом. Особой популярностью замок не пользовался, пока это место не приглянулось одному немецкому нефтепромышленнику². Барон П. Л. Штейнгель, приобретя участок, сломал деревянный замок, решив возвести вместо него каменный в романтическом стиле. За этим он обратился к архитектору Л. В. Шервуду, перед которым встала непростая задача — возвести готический замок на участке малых размеров, буквально 10 на 20 метров. Ряд сложных инженерных решений позволил тому удовлетворить заказчика. Позже в оригинальном строении находился ресторан купца П. Г. Шелапутина, который закрылся после его смерти, и Гнездо пришло в запустение³. Вдобавок ялтинское землетрясение обрушило в море часть скалы с садом. В 1960-е гг. советская власть обратила внимание на здание над обрывом: была укреплена скала, под основание замка подвели железную плиту, строение подвергли реконструкции.

Дворянские имения стали важной частью истории и современности Крыма. Самые богатые, знатные и влиятельные аристократы Российской империи, включая семью венценосца, стремились приобретать недвижимость на Южном

берегу Крыма и обустраивать там летние дачи с неподражаемыми роскошью и блеском. Особенно замечателен строительный бум начала XX в., подаривший шедевры Н. П. Краснова и Н. Г. Тарасова. Эта эпоха принесла Крыму немало достопримечательностей, определивших облик и восприятие полуострова на долгие годы вперед. Судьба дворянских имений при новой власти сложилась по-разному, однако большинство из них по-прежнему существуют и хранят в себе частичку великой и трагической истории Крыма и России.

§ 3. Развитие науки и образования

А. А. Непомнящий

Одной из важнейших задач, стоявших перед российской властью после присоединения Крыма, была организация на новой территории образовательных учреждений. Крым постоянно испытывал кадровый дефицит. Так, когда херсонский военный губернатор А. Ф. Ланжерон потребовал от гражданского губернатора Тавриды А. С. Лавинского исполнять требования закона и не брать на службу чиновников без образования, тот ответил, что в Крыму просто нет нужного количества квалифицированных кадров¹. Создание образовательных учреждений на полуострове должно было способствовать скорейшей интеграции Крыма в Российскую империю.

В 1793 г. в Симферополе было открыто Главное народное училище, обучение в котором было четырехклассным, а с 1797 г. стало двухклассным. Само народное училище было переименовано в Малое. В целом же количество подобных заведений постоянно увеличивалось, зачастую на благотворительных основах. Губернии крайне не доставало гимназии, поскольку для поступления в высшие учебные заведения окончания училища было недостаточно².

В 1812 г. гимназия, за неимением иного здания, была открыта в том же помещении, что и училище, но это создавало определенные неудобства. В 1814 г. губернатор А. М. Бороздин приказал приобрести для гимназии дом княгини Н. Ф. Горчаковой, который также не отвечал нужным требованиям. Только в 1841 г. мужская гимназия получила постоянную прописку в особняке генерал-майора Ф. Ревелиоти на Екатерининской улице. Первоначально в гимназии было всего три класса, в которые в первый год записались лишь 17 человек: обучение было платным, вдобавок требовались некоторые начальные знания. В 1817 г. обучение стало четырехклассным, а в 1836 г. — семиклассным. После реформ Александра II была введена классическая система образования, а заведение получило его имя. Престиж гимназии

¹ Галиченко А. А. Старинные усадьбы Крыма. Симферополь, 2008. С. 133–162.

² Тарасенко Д. Ласточкино гнездо и другие сокровища мыса Ай-Тодор. Симферополь, 2004.

³ Мякота И. В. Дворец-замок «Ласточкино гнездо»: сохранение культурного наследия Крыма путем создания культурно-выставочного комплекса в памятнике архитектуры национального значения // Историко-культурное наследие Причерноморья: изучение и использование в образовании и туризме: IV Междунар. науч.-практ. конф. (Ялта, 25–26 апреля 2013 г.): [тезисы докладов]. Ялта, 2013. С. 34–35.

¹ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 3204. Л. 1–4.

² Глузман А. В. Развитие образования в России и Крыму в XIX — начале XX ст. Образование и педагогическая мысль Крыма (XIX — начало XX столетия): в 2 т. / под ред. А. В. Глузмана, Л. И. Редькиной. Киев, 2007. Т. 1: XIX — начало XX столетия. С. 14–37.

стремительно рос: большинство местных помещиков и обеспеченных жителей почитали за честь обучать там своих отпрысков¹.

Высокий уровень образования обеспечивался незаурядными педагогами: так, в 1855 г. в гимназии работал великий химик Д. И. Менделеев. Более 25 лет отдал гимназии известный историк А. И. Маркевич, в ней преподавали такие выдающиеся деятели крымской науки, как Ф. Ф. Лашков и Х. П. Ящуржинский. Среди выпускников учебного заведения — великий художник-маринист И. К. Айвазовский, крымско-татарский просветитель И. Гаспринский, ботаник и географ Е. В. Вульф и много других деятелей науки и культуры. Одним из последних выпускников гимназии в 1920 г. стал И. В. Курчатov, руководитель советского атомного проекта. В 1920-х гг. гимназия была переименована в общеобразовательную школу № 1.

Особую роль в многоконфессиональной губернии занимало религиозное образование. В 1816 г. начало работу греческое училище при Троицкой церкви, в 1836 г. — иудейская талмуд-гора, в 1845 г. — училища при католической церкви и лютеранской кирхе, в 1851 г. — первоклассное еврейское казенное училище. Статус прогимназий имели другие учебные заведения, в которых учились представители национальных групп: Александровское караимское духовное училище, Симферопольская татарская училищная школа.

По мере укрепления позиций Православной Церкви в Крыму насущной становилась проблема создания учебных заведений, которые готовили бы священнослужителей для строящихся на полуострове церквей. 14 августа 1861 г. было получено высочайшее разрешение на открытие в Симферополе православного духовного мужского училища. В 1873 г. стараниями преосвященного Гурия (Карпова) в Симферополе была открыта Таврическая духовная семинария².

Реформа образования, проведенная в 1863–1864 гг., содействовала количественному и качественному росту образовательной сети на полуострове. Она способствовала созданию новых гимназий, училищ и школ. Так, 27 ноября 1863 г. была открыта Александровская классическая гимназия в Керчи. Со временем из прогимназий в гимназии были преобразованы учебные заведения в других городах Крыма: Феодосии и Ялте — в 1894 г., Евпатории — в 1903 г.

Со второй половины XIX в. в Таврической губернии активно развивалось женское образование. В 1865 г. было открыто Симферопольское женское училище, преобразованное в 1871 г. в гимназию. После этого казенные гимназии для девушек появились в Евпатории, Керчи, Севастополе и Ялте. В то же время на полуострове создавались частные женские гимназии. Наиболее известными из них были гимназии Е. И. Оливер и М. А. Станишевской в Симферополе, Э. А. фон Таубе в Керчи, А. Руфинской и А. Миронович в Евпатории³.

¹ Попов А. Д. Симферопольская мужская казенная гимназия и ее учебные экскурсии // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2006. № 12/13. С. 116–120.

² Шумский К. В. Епархиальная система таврических духовно-учебных заведений // КНП. 2003. № 46. С. 171–176.

³ Моисеев Л. С. Женское гимназическое образование в Крыму // Сурб-Хач. Симферополь, 1998. Декабрь. С. 14–17.

По всем городам полуострова активно действовала сеть уездных училищ и школ. Дети из необеспеченных семей и сироты получали образование в приютах и религиозных школах всех конфессий, представленных на полуострове. В сельской местности образовательные учреждения открывались крайне редко. Ситуация изменилась лишь благодаря деятельности земств. К 1887 г. в Таврической губернии насчитывалось 148 школ в городах и 421 школа в сельской местности.

Сразу после присоединения Крыма российское правительство стремилось как можно подробнее исследовать и изучить все аспекты присоединенного края. Наибольший интерес в это время представляли природные богатства полуострова, которые можно было использовать во благо региона. Поэтому в первых рядах Крым начали исследовать ученые-натуралисты. Одним из них стал географ Карл Иванович Габлиц (1752–1821)⁴, ставший помощником первого начальника края М. В. Каховского. В работе «Физическое описание Таврической области по ее местонахождению и по всем трем царствам природы» давалась характеристика рельефу, флоре и фауне полуострова⁵.

Энциклопедически образован был один из первооткрывателей Крыма — академик Петр Симон Паллас (1741–1811)⁶. Его деятельность касалась нескольких важнейших направлений. В труде «Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 гг.», который стал частью работы «Путешествие по южным провинциям Русского государства»⁷, подробно описывались геологическое строение Крыма, его географическое положение и природные ресурсы. В книге «Перечень дикорастущих растений Крыма» приводились характеристики почти тысячи видов местной флоры. П. С. Паллас одним из первых обратил внимание на археологические богатства Крыма, на возможности его развития как центра виноградарства. При его поддержке в 1804 г. в Судаке было создано первое в Российской империи казенное училище виноградарства и виноделия⁸. Усадьба академика на выезде из Симферополя стала одним из важнейших интеллектуальных центров края в то время.

В сентябре 1812 г. при поддержке известного ученого Ф. К. Биберштейна⁹ близ деревни Никита на Южном берегу Крыма был открыт Императорский казенный ботанический сад. Его первым директором стал сподвижник Ф. К. Биберштейна Х. Х. Стевен (1781–1863)¹⁰. В 1800 г. Ф. К. Биберштейн, служивший главным

⁴ Габлиц Карл Иванович // РБС. М., 1914. Т. 4. С. 10–14.

⁵ Габлиц К. И. Физическое описание Таврической области...

⁶ Непомнящий А. А. Подвижники крымоведения. Симферополь, 2008. (Биобиблиография крымоведения; вып. 12). Т. 2: Taurica Orientalia. С. 32–38.

⁷ Брун Ф. К. Путешествие по Крыму академика Палласа в 1793 и 1794 г. / пер. с нем. М. С[лавич]; ред. Ф. К. Брун, Г. Э. Караулов // ЗООИД. 1881. Т. XII. С. 62–208.

⁸ Непомнящий А. А. Начало научного изучения Крыма // Историческое наследие Крыма. 2008. № 21. С. 168–195.

⁹ Тункина И. В. Забытый исследователь древностей Боспора конца XVIII в. — Ф. К. Биберштейн // Scripta Gregoriana: древние цивилизации и мировая культура: к 70-летию академика Григория Максимовича Бонгард-Левина. М., 2003. С. 340–352.

¹⁰ Вульф Е. В. Христиан Стевен как ботаник: к 50-летию со дня его смерти // Записки Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. 1913. Т. 3. С. 53–60.

инспектором шелководства на Кавказской линии, сумел увлечь молодого врача, убедив того бросить госпиталь и стать его помощником. Ученые много путешествовали по Кавказу, собирая коллекции местной флоры и фауны. В 1806 г. Х. Х. Стевен поселился в Симферополе, откуда регулярно выезжал с различными целями на Кавказ¹. Когда для создаваемого в Крыму по инициативе Э. О. де Ришелье ботанического сада понадобился директор, Ф. К. Биберштейн считал оптимальной кандидатуру своего коллеги, которого ценил за педантичность, работоспособность и любовь к науке.

Х. Х. Стевен взялся за работу с энтузиазмом, прилагая огромные усилия к акклиматизации южных растений для дальнейшего их распространения в России. Благодаря деятельности ученого страна приобрела немало сортов вечнозеленых растений и лучших фруктов. Достиженные успехи побудили Э. О. де Ришелье в 1818 г. испросить для Х. Х. Стевена 2 тыс. червонцев для научной командировки в Европу, где тот познакомился с рядом выдающихся ученых и изучил опыт ботанических садов. Вернувшись, ученый поселился вблизи Симферополя, где в свободное от работы время занимался упорядочением своих коллекций. Когда в 1826 г. Ф. К. Биберштейн скончался, Х. Х. Стевен заменил его на посту главного инспектора шелководства, передав пост директора Никитского ботанического сада Н. А. Гартвису, однако сохранив за собой контроль над ним.

Николай Андреевич Гартвис (1793–1860) специального естественно-научного образования не получил. Он учился в Дерптском университете на экономическом отделении, но, не окончив обучения, ушел на военную службу, которую в 1818 г. оставил в чине штабс-капитана. В отставке Н. А. Гартвис увлекся разведением и коллекционированием плодовых растений и роз², что способствовало его назначению в 1824 г. смотрителем Никитского ботанического сада. Получить место ему помог М. С. Воронцов, покровительствовавший ветеранам войн с Наполеоном³.

Н. А. Гартвис отлично зарекомендовал себя в роли смотрителя и, не без поддержки генерал-губернатора Новороссии, 8 апреля 1827 г. получил директорский пост. Новый директор продолжил деятельность предшественника, всемерно заботясь о развитии доверенного ему предприятия. За время работы Н. А. Гартвисом были построены несколько хозяйственных зданий и оранжерей, существенно расширен перечень растений, высаженных на территории сада. Особое внимание он уделял плодовым культурам, коллекция сада насчитывала 550 сортов груш и 330 сортов яблок. Никитский ботанический сад при Н. А. Гартвисе активно сотрудничал с зарубежными заведениями и отправлял ученые экспедиции. Также ученый-администратор приложил немало усилий для развития виноделия, открыв Магарачское училище.

¹ Вульф Е. В. Материалы для биографии Хр. Стевена // Вестник русской флоры. 1917. Вып. 1. С. 55–77.

² Крюкова И. Никитский ботанический сад: история и судьбы: к 200-летию юбилею. Симферополь, 2011. С. 66–68.

³ Галиченко А. А. Переписка Н. А. Гартвиса с М. С. Воронцовым // Дворянство в истории Российского государства: Материалы III Крымских Воронцовских чтений (Симферополь — Севастополь, 9–15 ноября 2000 г.). Симферополь, 2001. С. 28–39.

Магарачское урочище принадлежало саду, и в 1828 г. М. С. Воронцов поручил Н. А. Гартвису организовать посадки там виноградников. Усилиями ученого были высажены 79 различных сортов винограда, как зарубежные, так и местной селекции. Богатая практика позволила ученому написать две работы, посвященные болезням винограда⁴. Площади, отведенные под виноградники, постоянно росли; в 1835 г. был построен винный погреб, позднее уничтоженный оползнем и замененный новым в 1852 г.⁵ Об увлечении Н. А. Гартвиса виноделием свидетельствует тот факт, что на сельскохозяйственной выставке 1844 г. он получил серебряную медаль за вина, как созданные им в казенном саду, так и произведенные непосредственно в его имении.

Современники характеризовали Н. А. Гартвиса как человека скромного и трудолюбивого⁶. Его многолетняя деятельность на посту директора Никитского ботанического сада была высоко оценена коллегами и заслужила ему благодарность потомков, в частности сам Х. Х. Стевен в 1857 г. назвал в его честь сорт дуба⁴. Н. А. Гартвис скончался в 1860 г. и был похоронен в фамильном склепе в своем имении в Артеке⁵.

Первой попыткой создания обобщающей работы по истории Крыма можно считать «Крымский сборник», созданный выдающимся ученым-энциклопедистом П. И. Кеппеном (1793–1864). Сын немецкого врача, П. И. Кеппен получил в Харьковском университете магистерскую степень по правоведению и переехал в Санкт-Петербург, где служил в почтовом департаменте. Там же он начал всерьез заниматься историей и филологией и приобрел многочисленные знакомства в ученых кругах⁶. В 1829 г. он стал помощником главного инспектора шелководства Х. Х. Стевена и переселился в Крым, где приобрел близ Алушты имение Карабах⁷ и прожил до 1834 г. В 1832 г. молодой статистик опубликовал работу «О виноделии и винной торговле в России», где в том числе уделил внимание крымскому виноградарству. Вернувшись в Санкт-Петербург, где ему предложили должность редактора немец-

⁴ Гартвис Н. О болезни винограда // Земледельческая газета. 1855. 30 декабря. № 104. С. 413–414; *Он же*. О болезни винограда и о простом, но верном средстве против нее // Земледельческая газета. 1856. 21 декабря. № 102. С. 405–406.

⁵ Обзор действий Императорского Никитского сада и Магарачского училища виноделия, составленный Н. Гартвисом и изданный Департаментом сельского хозяйства. СПб., 1855.

⁶ Домбровский Ф. Обзорение Южного берега Крыма, пособие для путешествующих. Одесса, 1850.

⁷ Соколов С. Я., Стратонович А. И. Род 6. Quercus — Дуб // Деревья и кустарники СССР: Дикорастущие, культивируемые и перспективные для интродукции / ред.: С. Я. Соколов, Б. К. Шишкин. М.; Л., 1951. Т. 2: Покрытосеменные. С. 467–468.

⁸ [Гартвис Н. А.]: некролог // Журнал садоводства, издаваемый Российским обществом любителей садоводства под редакцией А. Грелль. М., 1861. Т. 1, кн. 1. Раздел «Смесь». С. 6.

⁹ Замечательные уроженцы и деятели Харьковской губернии // Харьковский календарь на 1886 г. Харьков, 1885. Отд. 9. С. 137.

¹⁰ Кеппен Ф. П. Биография П. И. Кеппена // Сборник Отделения русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1911. Т. 89, № 5. С. 1–170.

ких «Санкт-Петербургских ведомостей», Кеппен не оставил занятий историей Крыма. Проживая в Крыму, он совершал много путешествий по служебной надобности, делая в дороге заметки и зарисовки, а в 1833 г. объехал горную часть Крыма по поручению М. С. Воронцова¹.

Собранные П. И. Кеппеном за несколько лет материалы легли в основу книги, полное название которой звучит так: «О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических». Произведение более известно как «Крымский сборник» — эти слова были теснением выбиты на переплете издания. Книга представляет интерес для историков как минимум тем, что многочисленные зарисовки и описания дают представление о том, как выглядели археологические памятники Крыма в 1830-е гг. Также она содержит немало исторической топонимической информации, включая этимологию названий, и этнографических наблюдений². П. И. Кеппен известен как инициатор идеи создания полного перечня населенных пунктов России. В книге приведены название и описание всех посещенных им селений. Издание сопровождалось подробной картой Крыма, что вызвало повышенный интерес к ней во время Крымской войны и способствовало двум ее переизданиям.

Всего перу П. И. Кеппена принадлежат более 40 публикаций, посвященных различным сюжетам научного крымоведения³. Он создал перечень населенных пунктов Таврической губернии, список 130 источников Крыма, опубликовал воспоминания о ряде событий, которым стал очевидцем, и первую биографию Х. Х. Стевена. В последние годы страдавший от болезни ученый часто бывал в своем алуштинском имении, где и скончался 23 мая 1864 г.⁴

В своих исследованиях П. И. Кеппен ссылался в том числе и на изыскания И. П. Бларамберга (1772–1831). Этот уроженец Фландрии перешел на русскую службу в 1804 г.⁵, с 1812 по 1824 г. работал начальником Одесского таможенного округа. В 1824 г. он вышел в отставку, однако уже в следующем году вернулся на службу, став чиновником особых поручений при М. С. Воронцове⁶. Во время объездов

губернии он заинтересовался археологией и, когда были открыты археологические музеи в Одессе и Керчи, стал их первым директором.

По поручению М. С. Воронцова И. П. Бларамберг вел раскопки под Керчью¹, что принесло городу европейскую известность и пополнило коллекцию Эрмитажа бесценными экспонатами. Вместе с ним в раскопках принимали участие И. А. Стемповский (1789–1832), П. А. Дюбрюкс (1770–1835) и А. Б. Ашик (1801–1854). С именем последнего связан период так называемой керченской золотой лихорадки. Количество ценностей, обнаруженных в кургане Куль-Оба, раскопанном первым, поражаало воображение и вызвало бурный энтузиазм у этого археолога, волею судеб пережившего своих коллег и ставшего директором Керченского музея древностей. Раскопки при нем велись активно, но бессистемно². Научный подход к раскопкам возле Керчи вернулся, только когда А. Б. Ашика сменил А. Е. Люценко (1806–1884), по всем правилам изучивший Павловский курган. Он и его последователи вели исследования системно³, осторожно и без лишней спешки, что принесло плоды в виде ценных сведений об истории Пантикапея.

Археологическая деятельность на полуострове привлекала к себе внимание далеко за его пределами⁴. Раскопки в Крыму, как правило, курировались созданным в 1839 г. по инициативе ученых Н. Н. Мурзакевича (1806–1883) и М. М. Кирьякова (1810–1839) Одесским обществом истории и древностей. Его покровителем стал наследник престола Александр Николаевич, а среди основных целей числились такие, как «собрать, описывать и хранить все остатки древности, открывающиеся в Южной России или имеющие к ней отношение» и «заняться отысканием, разбором и объяснением документов и актов, до истории означенного края относящихся»⁵.

Располагавшееся в административном центре Новороссии общество, не в последнюю очередь благодаря пристальному вниманию М. С. Воронцова, располагало немалым научным потенциалом и авторитетом, вследствие чего развивалось и процветало. Уже в 1844 г. оно обзавелось собственным музеем, который в 1858 г. объединился с городским музеем древностей. В 1847 г. высочайшим повелением было приказано передавать обществу древности, не поступившие в столичные хранилища, что способствовало накоплению в его музее огромного количества археологических материалов. В Крыму общество курировало также музей в Феодосии, архитектурные памятники Судака и Аккермана, Мелек-Чесменский курган

¹ Кеппен Ф. П. О древностях Южного берега Крыма и гор Таврических. СПб., 1837. С. 5.

² Маркевич А. И. К биографии академика П. И. Кеппена. С. 232.

³ Куник А. А. Литературные труды П. И. Кеппена // Сборник статей, читанных в Отделении русского языка и словесности Императорской академии наук. СПб., 1868. Т. 2. Прил. № 6; Непомнящий А. А. История и этнография народов Крыма: библиография и архивы (конец XVIII — начало XX века). Симферополь, 2001. С. 279–282, 693–695.

⁴ Непомнящий А. А. Начальный этап каталогизации крымских древностей: первые достижения и неудачи // Пространство и время. 2015. № 3. С. 213–228.

⁵ Непомнящий А. А. Крымоведение в Одессе (середина XIX — начало XX века): биоисториографические этюды // Пространство и время: альманах: электрон. науч. изд. 2016. Т. 12, вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. URL: http://j-spacetime.com/actual%20content/t12v1/2227-9490e-aprov1_e-ast12-1.2016.51.php (дата обращения: 26.03.2017).

⁶ Тункина И. В. Классическая археология: академики и дилетанты (первая треть XIX века) // Петербургская академия наук в истории академий мира: к 275-летию Академии наук: материалы междунар. конф.: в 4 т. СПб., 1999. Т. 2. С. 245–256.

¹ Тункина И. В. Раскопки И. П. Бларамберга в Керчи в 1826 г. // Боспорское царство как историко-культурный феномен: материалы науч. конф. (декабрь 1998 г.). СПб., 1998. С. 96–102.

² Люценко Е. Е. Ашик и Карейша // ИТУАК. 1907. № 40. С. 63–73.

³ Непомнящий А. А. Музейное дело в Крыму и его старатели (XIX — начало XX века): библиографическое исследование. Симферополь, 2000. С. 95–112.

⁴ См. об этом: Тункина И. В. Русская наука о классических древностях юга России (XVIII — середина XIX в.). СПб., 2002.

⁵ Устав Одесского общества истории и древностей. Одесса, 1839.

в Керчи. С 1844 г. издавались «Записки Одесского общества истории и древностей»; до 1919 г. увидело свет 33 тома.

Впрочем, не только эта влиятельная организация, которую ощутимо укрепляла фигура ее почетного президента, всесильного князя М. С. Воронцова, занималась археологическими изысканиями в Крыму. Конкуренцию резиденту Одесского общества истории и древностей А. Б. Ашику в Керчи составлял чиновник Министерства императорского двора Д. В. Карейша (1808–1878), чья деятельность, если называть вещи своими именами, сводилась к скоростному раскапыванию тех памятников, до которых не успел добраться соперник¹.

Усиленный интерес к Крыму проявляло Императорское русское археологическое общество, в особенности один из его основателей граф А. С. Уваров (1825–1884). Первоначально организация носила название «Археолого-нумизматическое общество» и интересовалась в основном нумизматикой. Однако один из его наиболее активных членов, А. С. Уваров, увлекался археологией и в 1848 г. предпринял экспедицию по Югу России за свой счет. Обширные цели экспедиции были трудновыполнимы, однако А. С. Уваров с коллегами смог совершить вояж от Дуная до Тамани, результатом чего стали подготовленные им карты древних памятников с их описаниями². Переименование общества было связано с борьбой партий внутри него. После победы патриотических сил иностранцы были изгнаны оттуда, а научное объединение получило новое название и статус. После кончины его первого президента герцога М. Лейхтенбергского организацию возглавил великий князь Константин Николаевич. Под эгидой данной организации А. С. Уваров провел первые раскопки в Херсонесе, которые заслуживают называться научными³.

Попытки раскопок в Херсонесе предпринимались и ранее. Так, незадолго до А. С. Уварова, в 1846–1847 гг., в Херсонесе работал Д. В. Карейша, достойный конкурент А. Б. Ашика, бесхитростно объяснивший переезд из Керчи тем, что ценностей там осталось мало. Однако его постигла неудача (в его понимании) — ничего ценного он не вырыл⁴. А. С. Уваров же был не охотником за ценностями, а умелым археологом. Он занимался просеиванием земли и привлек к раскопкам топографа и художника, а результаты работ отразил в отчетах. Граф сотрудничал с архиепископом Херсонским и Таврическим Иннокентием (Борисовым), заинтересованным

в нахождении церкви, где крестился князь Владимир Великий¹. А. С. Уварову удалось найти самый крупный храм Херсонеса и множество его архитектурных элементов, в том числе мозаичный пол, который был вывезен в Эрмитаж из-за начавшейся Крымской войны (по этой же причине раскопки А. С. Уварова были свернуты)².

В последней трети XIX в. в России возникла общественная инициатива по созданию на местах (в губернских центрах) научных исторических обществ, которые занимались бы изучением и созданием архивов. Вопросы архивной реформы постоянно обсуждались на проходивших с интервалом в три года Археологических съездах. К концу 1880-х гг. возникли предпосылки для появления на полуострове собственного краеведческого общества. 24 января 1887 г. по инициативе главы земской управы А. Х. Стевена (1844–1910), сына Х. Х. Стевена, была создана Таврическая ученая архивная комиссия³. Александр Христианович Стевен стал ее председателем, в ряды членов влились наиболее авторитетные ученые-краеведы Таврической губернии, а позже были привлечены и историки-крымоведы из различных академических центров России. В первые годы существования ТУАК в основном занималась разбором, отбором на хранение, изучением архивных документов, предназначенных к уничтожению в различных ведомствах и учреждениях. Для будущего губернского архива отбирались наиболее интересные с исторической точки зрения. Особенный интерес для комиссии представляли документы ханского периода — те из них, которые уцелели после похода Х. А. Миниха в 1736 г., когда ханский архив в Бахчисарае был уничтожен огнем. Краеведы вынуждены были собирать даже копии бумаг, сохранившихся у татарской аристократии. Принимали пожертвования в виде личных архивов и старых книг от населения⁴.

Деятельность комиссии довольно быстро вышла за пределы, определенные при основании. Членов общества крайне беспокоила ситуация с охраной исторических памятников на полуострове, которые страдали от расхитителей и произвола землевладельцев и чиновников. В ТУАК была составлена картотека крымских памятников, и комиссия всякий раз, столкнувшись с угрозой одному из них, оперативно реагировала, что не раз спасало памятники от уничтожения. Также обществу было не чуждо музейное дело. Так, председателю А. Х. Стевену принадлежит идея создания Симферопольского музея древностей⁵, а Бахчисарайский историко-этнографический музей был создан как его отделение⁶. После перевода

¹ Тункина И. В. Археологические исследования А. Б. Ашика и Д. В. Карейши на Таманском полуострове в 1820–1840-х гг. // Лукомор'я: археологія, етнологія, історія Північно-Західного Причорномор'я. Одеса, 2008. Вып. 2. С. 60–63.

² Корсаков Д. А. К характеристике графа Алексея Сергеевича Уварова // Памяти графа Алексея Сергеевича Уварова: речи, произнесенные С. М. Шпилевским, П. Д. Шестаковым и Д. А. Корсаковым в заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 17 января 1885 г. Казань, 1885. С. 89–101.

³ Домбровский О. И. О хронологии «Базилики Уварова» // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3/4. С. 11.

⁴ Об археологических раскопках близ древних Пантикапея, Фанагории и Херсонеса (1845–1846): извлечения из отчета Д. В. Карейши // ЖМВД. 1846. № 11. С. 248–310.

¹ Гроздов А. Архивные документы, относящиеся к истории Херсонесского монастыря. С. 99–100.

² Яцуржинский Х. Очерк археологических разведок и исследований в области Херсониса Таврического // ИТУАК. 1888. № 5. С. 112–113.

³ Протокол открытия Таврической ученой архивной комиссии 24 января 1887 г. // ИТУАК. 1887. № 1. С. III.

⁴ Шарана В. Ф., Непомнящий А. А. Лашков Ф. Ф. — краевед Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III. С. 175–181.

⁵ Систематический свод постановлений Таврического губернского земского собрания со времени открытия земских учреждений в Таврической губернии. Симферополь, 1909. Т. 2: 1887–1908. С. 832.

⁶ ЦМТ. Кп 26162. Д. 9910. Л. 90–99.

А. Х. Стевена в столицу комиссию сначала возглавлял В. В. Олив, а после его смерти — А. Н. Ильин.

С 1887 по 1920 г. выходили «Известия Таврической ученой архивной комиссии». Поначалу они представляли собой небольшой, нерегулярно выходивший журнал, однако постепенно стали солидным научным изданием, в котором публиковались как местные, так и столичные авторы. Кроме статей, немалую ценность для науки представляют многочисленные архивные документы, размещавшиеся на страницах «Известий».

Последние годы существования общества его возглавлял крупнейший крымский краевед А. И. Маркевич (1855–1942), чьи заслуги перед организацией были огромны. Его настойчивость и дипломатичность позволили комиссии добиться немалых успехов в деле охраны памятников. Выходец из семьи священника в Брест-Литовске, А. И. Маркевич окончил гимназию в г. Бела, в 1872 г. стал студентом Варшавского университета¹. Там он в 1876 г. опубликовал работу, посвященную хорватскому ученому-языковеду Юрию Крижаничу, удостоившуюся лестных оценок коллег, однако из-за материальной неустроенности был вынужден покинуть учебное заведение после окончания курса. А. И. Маркевич сменил несколько мест, занимаясь преподавательской деятельностью, пока 1 июля 1883 г. не стал учителем русской словесности в Симферопольской гимназии.

Переезд не только помог А. И. Маркевичу поправить пошатнувшееся здоровье, но и открыл для него новое увлечение — историей Тавриды. Совместно с близкими ему по духу исследователями-энтузиастами он сначала создал археологический кружок, а потом стал одним из основателей ТУАК и едва ли не самым деятельным ее участником. С первых дней существования комиссии Арсений Иванович взял на себя организационную работу, его заслуга в деле обнаружения и сохранения ценных архивных материалов огромна. Сам А. И. Маркевич в статье, посвященной 35-летию комиссии, называет цифру в 152 144 архивных дела, рассмотренных организацией². А. И. Маркевич был постоянным автором «Известий ТУАК», где опубликовал немало исследований на основе изученных архивов, причем весьма разнообразной тематики: от истории Бахчисарайского дворца до освобождения крестьян. Также А. И. Маркевичем был создан универсальный библиографический указатель «TAURICA», до сих пор являющийся наиболее полным списком публикаций о Крыме. Данный титанический труд содержит ссылки на более чем 10 тыс. материалов.

Напряженная работа сказалась на здоровье ученого. В 1907 г. его зрение ухудшилось из-за кровоизлияния в глаз, и он оставил службу в гимназии (по другой версии, имел место конфликт с руководством)³. Однако едва ли можно назвать его

жизнь в отставке спокойной: А. И. Маркевич продолжал свои краеведческие изыскания, а также приложил немало усилий для открытия в Крыму высшего учебного заведения. После революции А. И. Маркевич занимался научными исследованиями в Крыму в изменившихся условиях, а ТУАК, переименованная в Таврическое общество истории, археологии и этнографии, продолжала деятельность до 1931 г., когда общество было разогнано, а многие его участники репрессированы. Патриарх крымоведения уцелел, но вынужден был уехать в Ленинград, где и скончался во время блокады 18 января 1942 г.¹

Среди прочих ученых-краеведов Крыма выделяется А. Л. Бертъе-Делагард (1842–1920). Будущий археолог родился в Севастополе в семье контр-адмирала Л. А. Бертъе-Делагарда (1810–1883), что во многом предопределило его судьбу. Александр Львович закончил Военно-инженерную академию и долгое время трудился на этой ниве: его усилиями были возведены Ялтинский и Феодосийский порты, алуштинский и ялтинский водопроводы, а также железная дорога до Феодосии. Параллельно с этим инженер посвящал немало времени своему увлечению археологией и нумизматикой. В 1887 г. он вышел в отставку, поселился в Ялте в доме, проект которого был разработан академиком Н. П. Красновым, и посвятил себя науке².

Тематика научного творчества отставного инженера весьма разнообразна: в его библиографии можно обнаружить и исследования на церковную тематику, и статью о пребывании в Крыму А. С. Пушкина, и подготовленные в рамках деятельности ТУАК, членом которой он состоял, на основании архивных документов заметки о Крымском ханстве³. Также, обратив внимание на отсутствие путеводителя по востоку Крыма, А. Л. Бертъе-Делагард в 1900–1901 гг. предпринял поездку по этому региону, правда, его путевые заметки так и не были опубликованы. Бывший инженер обладал немалым авторитетом в научном сообществе; он стал членом Императорской археологической комиссии, поручившей ему составление каталога памятников Крыма. Кроме того, ученый был умелым организатором: ему обязано своим существованием Ялтинское отделение Крымско-Кавказского горного клуба, председателем которого он оставался до 1907 г. Крушение самодержавия стало тяжелым ударом для А. Л. Бертъе-Делагарда⁴. Возможно, это ускорило его кончину, наступившую в Ялте 27 февраля 1920 г.

¹ *Непомнящий А. А.* Крымская краеведческая библиография: важные вехи // Библиография. 2001. № 4. С. 75–80.

² *Непомнящий А. А.* Очерки развития исторического краеведения Крыма в XIX — начале XX века. Симферополь, 1998. С. 75–84.

³ *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения. Симферополь, 2005. (Библиография крымоведения; вып. 3).

¹ *Непомнящий А. А.* Арсений Маркевич и развитие историко-краеведческой библиографии Крыма в конце XIX — начале XX века // Историко-библиографические исследования: сборник научных трудов. СПб., 2002. Вып. 9. С. 66–96.

² *Непомнящий А. А.* А. Л. Бертъе-Делагард в историко-краеведческом изучении Крыма в конце XIX — начале XX века // Французы в Крыму / ред.-сост. Ж. С. Амфитеаторова. Симферополь, 2004. (История, культура и традиции народов Крыма; кн. 1). С. 15–30.

³ *Непомнящий А. А.* Крымоведческое наследие А. Л. Бертъе-Делагарда: по новым эпистолярным источникам // Библиотечное дело и краеведение: сборник научных трудов. 2003 год / под ред. А. А. Непомнящего. Киев; Симферополь, 2004. Вып. 5. С. 67–90.

⁴ ГАО. Ф. 153. Оп. 1. Д. 255. Л. 64–65.

Подводя итоги, необходимо признать, что рассмотренный исторический период был довольно противоречивым для крымской науки. Безусловно, были достигнуты определенные успехи в области образования, особенно учитывая то, что пришлось начинать практически с нуля. Казенная мужская гимназия Симферополя может служить тому примером. В то же время Крым трудно назвать крупным научным центром, пожалуй, за исключением исторических дисциплин и ботаники. На то есть объективные причины: едва ли отдаленная, малонаселенная и приграничная провинция могла и должна была стать интеллектуальным центром, однако ее уникальные природные условия делали ее хорошим местом для изучения и акклиматизации растений, а памятники, оставленные многочисленными народами, проживавшими на полуострове, представляли особый интерес для историков. Не всегда деятельность исследователей и чиновников была бережной по отношению к наследию веков, однако нельзя не отметить огромные успехи ученых, сумевших узнать очень многое об истории Тавриды. Не все они были профессионалами своего дела, зачастую это были любители, чье хобби превратилось в смысл жизни, однако их роль в сохранении и изучении исторических памятников сложно переоценить.

§ 4. Музеи и театры Крыма

А. А. Непомнящий

Интеграция Крыма в пространство Российской империи проводилась не только на уровне административных преобразований. Ярким проявлением адаптации к реалиям государства стала культурная жизнь полуострова. Дворянство и интеллигенция края стремились соответствовать актуальным для столиц тенденциям в этой сфере деятельности. Безусловно, имело место некоторое отставание от крупных городов империи, что во многом компенсировалось встречным интересом к Крыму со стороны уже сформировавшихся центров культуры и искусства.

Присоединение Крыма к Российской империи давало отечественным ученым возможность знакомиться с античными древностями непосредственно на территории государства, а не совершать дальние зарубежные вояжи. Актуальным становился и вопрос сохранения предметов старины, который часто решался путем их оставления неподалеку от мест обнаружения. Это привело к созданию первых крымских музеев.

Одним из старейших провинциальных музеев России по праву считается Феодосийский музей древностей. Он был создан 13 мая 1811 г. по решению градоначальника С. М. Броневского, незаурядного общественного деятеля, оставившего ощутимый след в истории города. Сразу после прибытия в Феодосию он отметил большое количество древних надписей и барельефов, использовавшихся местными жителями в качестве строительного материала, и приказал хранить их в пустой мечети, изначально вынашивая замысел создать музей¹. Осуществить все свои пла-

¹ ИР НБУ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1264. Л. 82–83.

ны он так и не успел, ибо вскоре был отправлен в отставку, однако по мере сил и далее помогал молодому музею.

Первым директором музея стал городской голова А. Галлера. Он был сыном уроженца Апеннинского полуострова Бартоломео Галлера, оставившего Геную ради Крыма. Первый руководитель музея с немалым энтузиазмом принялся за собирание музейной коллекции¹, однако коммерческая деятельность мешала ему полностью отдаться этой работе. Должность директора в ту эпоху переходила как почетное звание к наиболее образованным представителям местной элиты. В 1818 г. директором стал Иван Иванович (Жан Батист Эспри) Грапперон — сын дворянина из Орлеана, довольно известный врач-инфекционист, по рекомендации Наполеона I Бонапарта перебравшийся на службу в Россию². В 1810 г. он перевелся в Крым и обосновался в Феодосии, испытывавшей немалый недостаток во врачах и просто образованных людях. Широкий круг интересов И. И. Грапперона и его энтузиазм позволили ему 30 лет числиться директором музея, до своей гибели от рук бандитов в 1848 г.³

Музей в те годы напоминал скорее обычное хранилище предметов и развивался в основном усилиями филантропов. Ситуация несколько изменилась только после того, как музей был передан Одесскому обществу истории и древностей, а директором стал член этого общества Е. Ф. де Вильнев⁴. Значительно пополнились фонды музея после раскопок археолога-любителя князя А. А. Сибирского, увлекавшегося историей Боспора, а также благодаря деятельности Н. Н. Мурзакевича (1806–1883), одесского ученого, деятельного члена Одесского общества истории и древностей, занимавшегося реорганизацией музея и придавшего ему профессиональный вид⁵. С именем Н. Н. Мурзакевича связано развитие памятникоохранной деятельности на полуострове, а также организация раскопок в Судак.

С 1869 по 1878 г. директором музея являлся С. И. Веребрюсов, преподаватель местной прогимназии. Именно он занимался переносом материалов в новое здание, построенное в одном архитектурном комплексе с надгробным памятником герою Кавказской кампании П. С. Котляревскому. После перевода С. И. Веребрюсова в Керченский музей древностей его место занял О. Ф. Ретовский, уроженец Данцига, зоолог и специалист по средневековой нумизматике⁶, также преподававший в прогимназиях и сохранявший свой пост до 1900 г., когда он покинул Феодосию в связи с открывшейся вакансией в Эрмитаже.

Последним директором Феодосийского музея древностей стал Л. П. Колли (1849–1917) — подвижник крымоведения, увлеченный исследователь, он руководил музеем практически на общественных началах и тратил гонорары за свои статьи на пополнение коллекции. В 1916–1917 гг., будучи уже тяжелобольным, он оставался единственным сотрудником музея. Краевед скончался 28 декабря 1917 г. от недоеда-

¹ *Непомнящий А. А.* Музейное дело в Крыму и его старатели... С. 22–25.

² РГИА. Ф. 1349. Оп. 4. Д. 302. Л. 28–32.

³ *Колли Л. П.* Иван Иванович Грапперон // ИТУАК. 1905. № 38. С. 47.

⁴ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 17513. Л. 1.

⁵ ИРЛИ РАН. Ф. 603. Д. 81. Л. 1–30.

⁶ *Ретовский О. Ф.* Указатель Феодосийского музея древностей. 4-е изд. Одесса, 1891.

ния¹. Этот фанатичный любитель истории трагически закрыл список директоров музея, финансировавшегося по остаточному принципу, — любителей, но искренних и увлеченных.

2 июня 1826 г. был открыт Керченский музей древностей. Основу его фондов составила коллекция француза-роялиста Поля Дюбрюкса, бежавшего в Россию от революции². Работа начальником таможни не отнимала у него много времени (таможня была чисто номинальной). П. Дюбрюкс увлекся археологическими раскопками и, будучи первопроходцем на этом клондайке, собрал уникальную коллекцию древностей³. Не являясь профессионалом, он, безусловно, был подвижником и даже на склоне лет, ведя полунцищенское существование, не оставлял своих занятий до самой смерти в 1835 г.

Немалый след в истории музея оставил И. А. Стемповский, человек необычной судьбы, успевший и послужить личным секретарем герцога Э. О. де Ришелье, и войти в Париж с победоносной русской армией, и стать в том же Париже членом-корреспондентом Академии надписей и словесности⁴. После возвращения на родину М. С. Воронцов предложил ученому пост керчь-еникальского градоначальника, и тот, увлеченно принявшись за дело, способствовал открытию музея под руководством И. П. Бларамберга, совмещавшего эту должность с обязанностями директора Одесского музея. Этот уроженец Фландрии, служивший чиновником особых поручений при М. С. Воронцове⁵, во время разъездов увлекся археологией и добился некоторых успехов на новом поприще.

Однако широким планам И. А. Стемповского и И. П. Бларамберга по превращению музея в Керчи в крупнейший экспозиционный центр, где будет представлена античная культура, не суждено было сбыться. В 1831 г. умер И. П. Бларамберг, а в 1833 г. чахотка забрала и И. А. Стемповского. В завещании он просил похоронить его на горе Митридат и поставить часовню (что было исполнено), а также передать его коллекцию монет Парижскому музею⁶. (Коллекция, вопреки воле усопшего, была передана в Эрмитаж.)⁷ После его смерти М. С. Воронцов принял решение разделить Одесский и Керченский музеи⁸ и назначил директором последнего А. Б. Ашика, далматинского серба из Одессы⁹.

А. Б. Ашик и другой старатель, Д. В. Карейша, подотчетный только Министерству императорского двора¹, видели своей основной задачей исключительно поиск златоносных находок. Они развернули деятельность бурную, но хаотичную, конкурируя между собой и стараясь выкопать все, что можно, без разбора (едкий Н. Н. Мурзакевич охарактеризовал их деятельность словами «роются как свиньи») ². Вместо составления описей найденного в курганах они увлеченно составляли жалобы друг на друга во всевозможные инстанции³. Однако спрос на керченские артефакты был огромен, и раскопки производились и далее. Бесконечно так не могло продолжаться, и после очередной сомнительной истории⁴ А. Б. Ашика отправили в Одессу директором библиотеки, а музеем стал заведовать приятель Н. Н. Мурзакевича — инженер путей сообщения А. Е. Люценко.

Тяжелым ударом по Керченскому музею стала Крымская война. А. Е. Люценко смог эвакуировать наиболее ценные экспонаты. Интервенты в здании музея поместили пороховой склад⁵, в результате чего оно пришло в негодность, а некоторые из оставшихся древностей успешно пополнили коллекцию Британского музея⁶. Нового здания у музея не появилось до прихода большевиков, и все это время коллекция кочевала по квартирам.

После отставки А. Е. Люценко музей возглавил С. И. Веребрюсов, перешедший сюда из Феодосии. В планы краеведа входило создание печатного справочника фондов музея⁷, но смерть в 1884 г. не дала им реализоваться. Музей возглавил художник Ф. И. Гросс, помощник А. Е. Люценко. Из-за хронической болезни он оставил пост в 1891 г., и директором стал К. Е. Думберг⁸. Его работа на этом поприще запомнилась, прежде всего, первыми крупными систематическими раскопками Пантикапея и результативной борьбой с «черными археологами»⁹.

Сменил его сын австрийскоподданного В. В. Шкорпил¹⁰. При нем, помимо новых раскопок, были организованы школьные экскурсии в музей¹¹. В смутное время 1917–1918 гг. он пытался остановить вал незаконных археологических разрытий, но сам пал жертвой роста преступности. Грабители убили его в подъезде собствен-

¹ Маркевич А. И. Памяти Людвика Петровича Колли // ИТУАК. 1918. № 55. С. 208–214.

² Тункина И. В. «Отец боспорской археологии» Поль Дюбрюкс // Дюбрюкс П. Собр. соч.: в 2 т. / сост., отв. ред. И. В. Тункина; подгот. текстов И. В. Тункиной, Н. Л. Сухачева; пер. с фр. Н. Л. Сухачева. СПб., 2010. Т. 1: Тексты. С. 13–101.

³ СПИИРАН. Ф. 200. Оп. 2. Д. 217. Л. 1–2.

⁴ Брашинский И. Б. В поисках скифских сокровищ. Л., 1979. С. 34.

⁵ Петрова Э. Б. Феодосийский музей древностей: античные памятники и их собиратели // Античные коллекции из раскопок Северного Причерноморья. М., 1994. (Б-ка российского этнографа). С. 20–25.

⁶ РГАЛИ. Ф. 118. Оп. 1. Д. 615. Л. 2.

⁷ Веселовский Н. И. О приобретении для императорского Эрмитажа нумизматической коллекции И. А. Стемповского // ИТУАК. 1915. № 52. С. 186–195.

⁸ РГИА. Ф. 733. Оп. 2. Д. 79. Л. 1–4.

⁹ Тункина И. В. Раскопки Д. В. Карейши и А. Б. Ашика в Восточном Крыму (1831–1835 гг.) // Дюбрюкс П. Собр. соч. Т. 1. С. 533–588.

¹ Непомнящий А. А. Биобиблиография А. Б. Ашика в контексте изучения Крыма в XIX веке // Боспорские исследования. Симферополь, 2002. Вып. II. С. 333–345.

² Мурзакевич Н. Н. Автобиография. СПб., 1886. С. 86.

³ Люценко Е. Е. Ашик и Карейша.

⁴ Мурзакевич Н. Н. Автобиография. С. 226–227.

⁵ Керченский музей // Воскресный досуг. 1865. 26 сентября. № 138. С. 203.

⁶ Непомнящий А. А. А. Е. и Е. Е. Люценко — исследователи боспорских древностей: по новым архивным материалам // Боспор Киммерийский и Понт в период античности и средневековья: материалы II Боспорских чтений. Керчь, 2001. С. 103–110.

⁷ ИИМК РАН НА РО. Ф. 1 (1882 г.). Д. 28. Л. 2–3.

⁸ Там же. Ф. 1 (1891 г.). Д. 37. Л. 246–247.

⁹ Гробокотатели // Крымский вестник. 1901. 6 ноября.

¹⁰ Непомнящий А. А. Владислав Шкорпил — историк-крымовед // Чехи в Крыму: очерки истории и культуры. Симферополь, 2005. (История, культура и традиции народов Крыма; кн. 4). С. 124–132.

¹¹ Экскурсия в окрестности Керчи // Керчь-Феодосийский курьер. 1911. 8 мая.

ного дома. На этом фактически заканчивается досоветская история Керченского музея древностей.

Еще в 1860-х гг., когда начались систематические раскопки Херсонеса, возникла потребность в создании музея на месте раскопок. Крупный краевед, инженер, археолог-любитель А.Л. Бертъе-Делагард выступал против закрытия от публики раскопок Херсонеса, справедливо считая, что музей должен быть доступен для всеобщего обозрения¹. Однако ситуация с сохранностью памятников на раскопанных развалинах Херсонеса была довольно плачевной, и создание музея, по мнению Археологической комиссии, должно было помочь их сохранению.

В 1891 г. заведующим раскопками назначен фанатичный подвижник крымской археологии К.К. Косцюшко-Валюжинич². Новый заведующий успешно ходатайствовал о постройке музея³, даже были разработаны на конкурсной основе проекты здания, увы, оставшиеся только на бумаге⁴. 9 августа 1892 г. был открыт музей, названный «Складом местных древностей», размещавшийся в каменном сарае и являвшийся с функциональной точки зрения складом, причем не самых ценных экспонатов. Наиболее яркие находки отправлялись в Одессу и Санкт-Петербург. Ни на что большее, чем сарай, средств не хватило (для сравнения: только отделочные работы соседнего собора обошлись в 300 тыс. рублей)⁵. Посетители Херсонеса с удовольствием осматривали коллекцию, невзирая на внешнее убожество. Ни Археологическая комиссия, ни государство не собирались оказывать финансовую помощь⁶.

К.К. Косцюшко-Валюжиничу пришлось решать постоянно возникавшие конфликты с Херсонесским монастырем, заявлявшим свои права на проведение археологических работ и откровенно мешавшим проведению раскопок представителями Археологической комиссии⁷. Неудивительно, что при такой организации фонды музея находились в неудовлетворительном состоянии. Ни времени, ни умения привести их в порядок у заведующего — археолога-любителя — не было. Провести инвентаризацию ученый так и не успел: в 1907 г. он простудился на раскопках и умер. Полную инвентаризацию сделал уже его преемник Р.Х. Лепер.

С началом Первой мировой войны Р.Х. Лепер запросил разрешения закрыть музей, однако Археологическая комиссия решила иначе, и директором был назначен Л.А. Моисеев. Он эвакуировал 25 ящиков с экспонатами в Харьков⁸, одна-

ко беспокойное время не позволило ему разобраться с остальными вещами, накопившимися на складе, и в новое время музей-склад вошел со старыми проблемами.

Судьба музея Севастопольской обороны ощутимо отличалась от уже описанных по причине принципиально иной тематики. Для его организации достаточно было пустить клич среди ветеранов — и пополнение фондов вместе с материальной помощью были обеспечены.

Организацией музея занялся П.В. Алабин, опытный офицер, участник и летописец обороны Севастополя, а председателем комитета по координации действий стал легендарный Э.И. Тотлебен, выделивший под музей пять комнат своего дома¹. Благодаря широкой агитационной кампании² удалось собрать 12 тыс. рублей³ и большое число материалов. Музей открылся 14 сентября 1869 г. Четверть века спустя военное и морское министерства выделили внушительные средства на новое здание для музея, заодно переименовав его в Военно-исторический музей Черноморского флота, который стал первым крымским музеем, имевшим для экспозиции отдельное помещение, в котором он и размещается до сих пор.

Упомянутый музей не единственное заведение в Севастополе, посвященное его первой обороне. Гордостью города стала уникальная панорама сражения на Малаховом кургане 6 июня 1855 г., созданная профессором Ф.А. Рубо⁴ и размещенная в здании, спроектированном военным инженером Ф.-О. Энбергом, на 4-м бастионе. Этот уникальный мемориал, открытый к 50-летию юбилею обороны 14 мая 1905 г., работает и сейчас.

В досоветское время в Крыму было открыто еще несколько музеев. Так, в Ялте работал музей Горного клуба⁵, где хранились сделанные членами клуба находки, довольно разнообразные, хотя и не имевшие исключительной ценности. В 1916 г. был создан музей в Евпатории, однако он существовал только в виде археологической коллекции, планы выделить ему здание так и остались проектами.

Музейное дело в Крыму в досоветский период развивалось только лишь благодаря старанию энтузиастов. Богатая древними артефактами земля полуострова привлекала многих деятелей, однако далеко не все добытое оставалось в Крыму и попадало в руки ученых. Наиболее ценные предметы вывозились в столичные музеи, а местные заведения снабжались (как и финансировались) по остаточному принципу. Таким образом, можно сказать, что досоветское крымское музейное дело всеми своими успехами обязано не системной поддержке, а стараниям любителей-энтузиастов, фанатично преданных своему делу. Невзирая на все ошибки, которые

¹ ИРЛИ РАН. Ф. 603. Оп. 1. Д. 68. Л. 3 об. — 4.

² Махов И.И. Косцюшко-Валюжинич: к годовщине его смерти // Крымский вестник. 1908. 14 декабря.

³ ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 38. Л. 66–67.

⁴ РГИА. Ф. 485. Оп. 1. Д. 305. Л. 1–2; Д. 306. Л. 1–2.

⁵ Белов Г.Д. Херсонесский археологический музей: к 40-летию его существования // Советский музей. 1933. № 1. С. 83.

⁶ ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 39. Л. 105–106.

⁷ Косцюшко-Валюжинич К.К. Посещение их императорскими величествами... музея и раскопок в Херсонесе 18 сентября 1902 г. // Крымский вестник. 1902. 26 ноября; То же. Севастополь, 1904.

⁸ ГИАМЗ «Херсонес Таврический». Д. 143. Л. 176.

¹ Макаров И.К., Парамонова Г.В., Зарубин С.Ф. Музей Краснознаменного Черноморского флота: путеводитель. 2-е изд. Симферополь, 1977. С. 3.

² Алабин П.В. Севастопольцы в Севастополе // Русский инвалид. 1869. 18 марта.

³ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25128. Л. 1–35.

⁴ Григорьева Н.В., Петропавловский В.П. Панорама «Штурм 6 июня 1855 г.» профессора батальной живописи Франца Алексеевича Рубо // Крымский архив. 1997. № 3. С. 118–121.

⁵ Непомнящий А.А. Музейное дело в Крыму и его старатели... С. 239–249.

ими допускались, их деятельность заслуживает самой высокой оценки, ибо если их и можно в чем-то упрекнуть, то не в отсутствии страсти к работе.

В русле общегосударственных тенденций развивалось в Крыму театральное искусство. В 1820 г. в Симферополе был открыт первый стационарный театр. Его основателем стал московский купец Волков, поправлявший в Крыму свое здоровье. А. И. Маркевич находил замечательным совпадение фамилии купца с фамилией основателя русского театра в Ярославле — купца Ф. Г. Волкова. Зал был оборудован в каменном сарае при здании Таврического губернского дворянского депутатского собрания¹. До этого он использовался для содержания лошадей. После получения разрешения купец-театрал устроил в помещении зал, ложи и партер. Местная труппа была любительской и не лишенной талантов (среди актеров был задействован ставший впоследствии известным композитором и музыкальным критиком А. Н. Серов). Она демонстрировала спектакли (среди которых были драматические произведения А. П. Сумарокова и Д. И. Фонвизина) публике, не искушенной в театральном искусстве. Не добавлял популярности учреждению и антураж. В 1845 г. газета «Одесский вестник» сообщала, что «стены сарая просвечивают, потолок обит парусиной; театр низок и тесен до крайности» (примечательно, что названная публикация способствовала ремонту здания)². Ситуацию спасал интерес признанных мастеров сцены к гастролем в южном крае.

Гастролирующие труппы начали регулярно появляться на симферопольской сцене с начала 1840-х гг. Антрепренерами выступали Д. Д. Жураховский, Виноградов-Дудченко, К. М. Зелинский, а репертуар включал в себя преимущественно водевили. Выступали и менее примечательные гастролеры. Однако наиболее значительное событие театральной жизни Крыма того времени произошло в 1846 г. в компании с критиком В. Г. Белинским Симферополь посетил великий русский актер М. С. Щепкин. Здесь он принял участие в нескольких представлениях, сыграв одну из своих лучших ролей — городничего в гоголевском «Ревизоре». Спектакли прошли с небывалым успехом, при аншлагах, а М. С. Щепкин удостоился многочасового приема у предводителя таврического дворянства А. И. Казначеева³. Примечательно, что спектакли великого театрального мастера активно посещали крымские мусульмане, далеко не всегда понимавшие все обороты русского языка, но от души смеявшиеся над представлениями. За 12 дней пребывания в Симферополе М. С. Щепкиным были показаны гоголевские «Ревизор» и «Женитьба», «Наталка-Полтавка» И. П. Котляревского, «Господин Богатонов» М. Н. Загоскина и ряд других⁴.

После визита М. С. Щепкина театральная жизнь в Симферополе поддерживалась за счет гастролей других трупп: Барбиери, Горского, Пилони и др. Их можно охарактеризовать как посредственные, с ограниченным жанровым репертуаром.

На период Крымской войны театральная жизнь центра Таврической губернии предсказуемо замерла, возобновившись лишь в 1861 г. В этом году антрепренером местного театра становится уже знакомый горожанам И. И. Пилони¹. В новую постоянную труппу вошли многие его родственники. В осеннее и зимнее время они выступали в Симферополе, а летом отправлялись со спектаклями по курортным городам полуострова. Однако уже в 1872 г., как следует из рапорта полицмейстера на имя таврического губернатора, постоянной труппы в городе не было, а выступали приезжавшие на время актеры². Постепенно театр приходил в кризисное состояние, пик которого пришелся на сезон 1887 г. Ситуацию несколько выправили гастролеры выдающихся актеров — М. Т. Иванова-Козельского в 1888 г. и П. Н. Орленева в 1889 г.³ В 90-е гг. XIX в. ситуация изменилась благодаря деятельности антрепренера И. С. Габриеля.

На рубеже веков более частыми становились гастролеры известных коллективов. 8, 9 и 10 марта в городском клубе выступала известная актриса В. Ф. Комиссаржевская⁴. Ее выступление вне пределов театрального здания объясняется его ветхим состоянием. К 1900 г. находиться в нем было рискованно, в первую очередь по причинам его пожароопасного состояния⁵. Вопрос о строительстве нового здания для театра регулярно поднимался в это время на заседаниях Симферопольской городской думы, однако окончательное решение он нашел в 1909 г., когда была создана комиссия по постройке театра. О важности этой проблемы для города говорит тот факт, что в ее состав вошли, помимо прочих, губернский предводитель дворянства А. А. Нестроев и таврический губернатор Н. А. Княжевич⁶. В результате отбора конкурса проектов для нового здания было решено остановиться на проекте профессора Академии художеств А. Н. Бекетова⁷. Смета расходов на строительство составила 36 тыс. рублей. Место для постройки было выбрано неподалеку от прежнего здания. В марте 1911 г. строительство и отделка здания завершились. Оно совместило в себе черты неоклассицизма и модерна. 11 апреля 1911 г. новое здание Дворянского театра в Симферополе было открыто. Первым сыгранным спектаклем стала опера М. Глинки «Жизнь за царя». В 1913 г. в городе был создан отдел Театрально-справочно-статистического бюро⁸. Однако возведение нового здания принесло и новые проблемы: дворянское собрание запрашивало слишком высокую плату за использование помещения, поэтому находилось крайне мало желающих ставить представления на этой сцене⁹.

¹ Симферопольский дворянский театр: краткий очерк // Крым. 1890. № 123. С. 1.

² ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 25812. Л. 6.

³ Городской театр // Крымский вестник. 1888. 11 марта.

⁴ Симферопольский городской клуб // Крым. 1902. 1 марта.

⁵ ГАРК. Ф. 49. Оп. 1. Д. 5360. Л. 4.

⁶ Там же. Д. 5359. Л. 8.

⁷ Там же. Л. 40.

⁸ Симферополь // Театр и искусство. 1913. № 39. С. 777.

⁹ Там же. 1914. № 27. С. 718.

¹ Маркевич А. И. Краткий очерк развития учебных заведений в г. Симферополе // Третья учебная экскурсия симферопольской мужской гимназии / сост. Ф. Ф. Лашков. Симферополь, 1890. С. 87.

² Симферопольский театр // Одесский вестник. 1845. 17 марта.

³ Симферопольский театр // Одесский вестник. 1846. 2 октября.

⁴ Гриц Т. С. М. С. Щепкин: летопись жизни и творчества. М., 1966. С. 2–20.

Военные и революционные события в Крыму, естественно, наложили свой отпечаток на театральную жизнь. Она оживала лишь в периоды относительного затишья. Так, 14 октября 1918 г. в здании Дворянского (Драматического) театра Симферополя прошло торжественное открытие Таврического университета. В условиях общей неразберихи, зачастую в поисках пропитания, Симферополь посещали гастрольные труппы. На общем фоне выделяются гастроли Московского художественного театра в августе 1919 г. Легенды отечественной сцены (В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова и др.) показали симферопольцам «Дядю Ваню» А. П. Чехова и спектакль-концерт, основанный на чтении отрывков из поэтических и прозаических произведений.

После окончательного разгрома Белой армии в Крыму в 1920 г. Дворянский (Драматический) театр в Симферополе был национализирован и переименован в Первый советский, что открыло принципиально новую страницу в истории театрального искусства административного центра Крыма¹.

Первые упоминания о театральных постановках в Севастополе датируются 1838 г. Согласно сообщениям газеты «Одесский вестник», в это время несколько представлений в городе дала группа некоего Ерохина². Хотя репертуар и отличался разнообразием, а среди представленных пьес значились «Гамлет» У. Шекспира и «Горе от ума» А. С. Грибоедова, уровень спектаклей был крайне невысоким.

Оживление театральной жизни Севастополя произошло в 1840 г. и связано с деятельностью труппы купца Д. Д. Жураховского. Как и в Симферополе, первое помещение театра было неприглядным и представляло собой неопрятный амбар в Артиллерийской слободке³. В основном представления давались трижды в неделю, хотя иногда бывали и ежедневными. В 1842 г. при содействии адмирала М. П. Лазарева было открыто красивое двухэтажное здание для театра⁴. В 1846 г. здесь выступал М. С. Щепкин⁵. Труппа Д. Д. Жураховского проработала в городе до 1851 г. После этого в Севастополе началась постоянная смена театральных ансамблей. Усугубила ситуацию и Крымская война, разрушившая город, и в том числе здание театра. Строительство нового стационарного здания для него, очевидно, не входило в приоритетные задачи восстановления города, помещение для летнего театра появилось только в 1884 г. Поэтому до 80-х гг. XIX в. Севастополь регулярно посещали заезжие труппы, а местные актеры выступали на разных площадках. При этом коллектив антрепренера С. И. Томского, как следует из сообщений прессы, не вызывал интереса у публики и страдал от отсутствия сборов. Гораздо больше нравились севастопольцам московские и петербургские артисты, регулярно приезжавшие на гастроли. Наибольший период их активности приходится на середину

90-х гг. XIX в. Так, в 1896 г. в городе выступала легендарная актриса М. Г. Савина. В 1900 г. Севастополь посетил М. В. Дальский¹, а через некоторое время свое мастерство показала труппа Московского художественного театра. Среди прочих публики увидела и пьесу А. П. Чехова «Дядя Ваня»². Эти гастроли имели небывалый и заслуженный успех. Так, после окончания упомянутого спектакля под овации публики на сцену вышел сам автор.

14 сентября 1911 г. открылось здание Большого художественного театра «Ренессанс» на Приморском бульваре. Его директором стал А. Н. Никуличев³. Севастополь получил современное стационарное театральное здание, в котором можно было комфортно проводить спектакли в любое время, но вновь в силу военных и революционных событий театральная жизнь Севастополя развивалась хаотичными импульсами.

Довольно поздно профессиональная театральная жизнь пришла в Ялту. Имеются лишь отрывочные упоминания об отдельных любительских постановках, проводившихся с благотворительными целями. При этом все возрастающее значение Ялты как рекреационного центра требовало наличия комфортного театрального здания. По решению городской думы в 1883 г. был создан летний театр⁴. В 1896 г. было открыто здание театра на Екатерининской улице. Первым спектаклем стала пьеса А. Н. Островского «Без вины виноватые», где солировал М. В. Дальский. Весной 1900 г. при содействии А. П. Чехова в городе выступила труппа Московского художественного театра⁵. Трагедией для любителей сценического искусства Ялты стал пожар здания театра, случившийся в сентябре 1900 г. Открытие нового произошло 5 сентября 1908 г.⁶ До начала Первой мировой войны ялтинский театр показывал свои представления гостям города.

В других крымских городах театральные вопросы решались следующим образом: в Евпатории стационарное здание театра было открыто в 1910 г.⁷, в Керчи в конце XIX в. существовали летний и зимний театры⁸, в Феодосии спектакли долгое время проводились в непригодном для этих целей здании⁹. Однако все трудности не мешали ни гастролям столичных и провинциальных трупп, ни зрительскому интересу.

¹ Крымский областной драматический театр им. М. Горького / сост. Д. Холендро, Л. Жукова. Симферополь, 1947. С. 9.

² Севастопольский театр // Одесский вестник. 1838. 20 июля.

³ Васильева Л. И. Театр легендарного города. Киев, 1988. С. 4.

⁴ ГАРК. Ф. 26. Оп. 1. Д. 12536. Л. 6.

⁵ Довгань Т. А. 100 лет Севастопольскому академическому русскому драматическому театру имени А. В. Луначарского. Симферополь, 2011. С. 5.

¹ Севастопольское городское собрание // Крымский вестник. 1900. 28 марта.

² Городской театр // Крымский вестник. 1900. 9 марта.

³ Довгань Т. А. 100 лет Севастопольскому академическому русскому драматическому театру... С. 4–5.

⁴ ГАРК. Ф. 522. Оп. 1. Д. 395. Л. 75–77.

⁵ Чехов А. П. Письма: в 16 т. М., 1914. Т. 4: Письма (1892–1896). С. 42.

⁶ Барская Т. От курзала — к театру // Крымская газета. 1998. 4 апреля.

⁷ Кутайсов В. А., Кутайсова М. В. Евпатория: Древний мир. Средние века. Новое время. Киев, 2007. С. 178–179.

⁸ ГАРК. Ф. 162. Оп. 2. Д. 3799. Л. 6.

⁹ Ермолинский А. Зрелища старой Феодосии: воспоминания старожилы // Крымский альбом 1997: историко-краеведческий и литературно-художественный альманах. Феодосия; М., 1997. С. 281.

Самобытным явлением полуострова является крымско-татарский театр. 4 апреля 1886 г. в Бахчисарае было дано самостоятельное представление на крымско-татарском языке. После этого театральные постановки стали проводиться в городе регулярно, но стационарное помещение появилось только в октябре 1901 г. Основу репертуара составляли не только спектакли на народные темы, созданные местными авторами, но и переводы русской классики, в том числе и произведения А. С. Пушкина. Эти представления стали одними из первых театральных постановок в мусульманской среде Российской империи.

Таким образом, театральная жизнь Крыма была неразрывно связана с общественно-политической и культурной жизнью Российской империи. Это подтверждается и репертуаром местных театров, и регулярными гастролями общепризнанных мастеров сцены.

§ 5. Записки путешественников о Крыме

А. А. Непомнящий

Задолго до присоединения Крыма к России этот край стал объектом интереса многочисленных европейских вояжеров. Особый интерес в силу географической близости и истории проявляли путешественники из России. Однако во времена Крымского ханства на подобный рискованный с точки зрения личной безопасности вояж решались единицы. После присоединения полуострова к России, изменения тут условий жизни для приезжих в Крым хлынул поток любопытствующих. Они, следуя сложившейся литературной традиции, вели путевые записи, впоследствии ставшие серией статей в периодике или книгой. Ценность подобных записок как исторического источника очевидна всякому исследователю. Вот почему многие из них стали объектом изучения историков уже в XIX в.

В истории крымоведческой библиографии известны несколько попыток представить сводный каталог записок путешественников по Крыму. Еще в 70-х гг. XIX в. неизвестным исследователем был составлен довольно обширный библиографический словарь по крымоведению. Как первый подобный опыт, он изобилует неточностями. Наиболее авторитетным указателем литературы о Крыме является библиографический справочник «TAURICA», составленный крымским краеведом А. И. Маркевичем¹ и вышедший в трех дополняющих друг друга выпусках в 1894, 1898, 1902 гг. Это издание содержит наиболее полную информацию об опубликованных к началу XX в. крымоведческих материалах, однако далек от абсолютной полноты. Немалый интерес в качестве дополнения к изданной в досоветское время библиографии А. И. Маркевича представляют выборочные

библиографические подборки авторитетного краеведа А. Л. Бертъе-Делагарда и известного ботаника Л. П. Симиренко¹, а также «Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке»² хранителя Новгородского музея С. Р. Минцлова.

Екатерининский век, с которого и начинается активное посещение Крыма отечественными и иностранными путешественниками, в целом отмечен интересом ко всему, что связано с Востоком³. Дипломатическое и военное продвижение Российской империи на Восток способствовало пристальному вниманию к этим районам и в России, и в Европе. Толчок интересу к Крыму был вызван в том числе знаменитым таврическим вояжем императрицы. Воспоминания о поездке принца Ш.-Ж. де Линя и французского посла графа Л.-Ф. Сегюра, уже в начале XIX в. опубликованные в России, и специально выпущенный по этому случаю путеводитель должны были поощрять интерес элит к новоприобретенным землям.

Записки путешественников представляют собой разновидность мемуаров и зачастую публиковались в виде дневника (реже в форме писем к друзьям)⁴. Сочинение могло отличаться как серьезностью и практичностью, так и романтичностью и иронией — зависело это целиком от автора. Любопытно, что обязательной частью почти всех изданных в виде книжек записок является предисловие, в котором автор извинялся за слабость своего пера и утверждал, что публикует воспоминания исключительно по настоянию друзей.

Из отечественных путешественников наиболее обстоятельные записки о своем пребывании в Крыму оставил литератор и крупный государственный чиновник П. И. Сумароков (1760–1846), приходившийся племянником известному русскому писателю А. П. Сумарокову⁵. В 1799 г. П. И. Сумароков опубликовал объемные воспоминания о своей первой поездке в Тавриду, где содержалось историческое

¹ *Маркевич А. И.* «TAURICA»: опыт указателя сочинений, касающихся Крыма и Таврической губернии вообще // ИТУАК. 1894. № 20. С. 1–395; 1898. № 28. С. 92–185; 1902. № 32–33. С. 47–128.

¹ *Бертъе-Делагард А. Л.* Память о Пушкине в Гурзуфе // Пушкин и его современники: материалы и исследования. СПб., 1913. Вып. 17/18. С. 81–85; *Симиренко Л. П.* Крымское промышленное садоводство. М., 1912. С. 1–20.

² *Минцлов С. Р.* Обзор записок, дневников, воспоминаний, писем и путешествий, относящихся к истории России и напечатанных на русском языке. Новгород, 1912. Вып. 2/3: Времена императоров Александра I и Николая I.

³ *Вигасин А. А.* Предисловие // Путешествия по Востоку в эпоху Екатерины II. М., 1995. (Б-ка журнала «Преподавание истории в школе»). С. 3–7.

⁴ *Робоби Т.* Литература «путешествий» // Русская проза: сборник статей / под ред. Б. Эйхенбаума), Ю. Тынянова. Л., 1926. С. 42–73.

⁵ См. о П. И. Сумарокове: *Русский энциклопедический словарь*: в 16 вып. / под ред. И. Н. Березина. СПб., 1877. Отд. 4. Т. 2. С. 359; *Российская родословная книга*, издаваемая князем Петром Долгоруковым. СПб., 1857. Ч. 4. С. 444–445; *Мамышев В.* Гергиевские кавалеры, или Подвиги кавалеров ордена Св. великомученика и победоносца Георгия всех степеней с обозрением их службы и жизни. СПб., 1867. Вып. 15 (Т. 2, № 5); *Толль Ф. Г.* Настольный словарь для справок по всем отраслям знаний: в 3 т. СПб., 1864. Т. 3. С. 565; *Richten J.* Borbericht des Aeberzzers // Sumarikkoff P. Reise durch die Krim und Bessarabien im Jahre 1799. Leipzig, 1802. P. 5–8; личный архивный фонд П. И. Сумарокова: ИРЛИ РАН. Ф. 93 (Собрание П. И. Дашкова). Оп. 11 (П. И. Сумароков).

и географическое описание края. Справки эти, несмотря на лаконичность, могли быть полезны археологам¹. Уже в 1802 г. он посетил Крым повторно по заданию правительства для создания комиссии по урегулированию земельных споров. Двухтомник, названный «Досуги крымского судьи, или Второе путешествие в Тавриду», был опубликован в Санкт-Петербурге в 1803–1805 гг. и снабжен большим количеством рисунков и описаний памятников, утерянных к середине XIX в., а также подробными описаниями городов, культуры и быта народов Крыма. Среди современников П. И. Сумароков стал считаться знатоком Крыма².

В 1820 г. два месяца в Крыму провел И. М. Муравьев-Апостол (1765–1851)³. Путешествие его также не было случайным. И. М. Муравьев-Апостол готовился к поездке заранее и добился разрешения не только «обозревать редкости в курганах», но и проводить раскопки в Судаке⁴. Его записки — одно из лучших сочинений о Крыме тех лет. Современные путешественнику критики отмечали увлекательную и вместе с тем достоверную форму изложения⁵. Для произведения И. М. Муравьева-Апостола характерны четкое определение топографии и обилие интересной информации по древней истории Крыма, что гарантировало его известность в ученом и литературном мире и привело к тому, что записки были переведены на европейские языки.

Приблизительно в то же время в Крыму пребывал известный востоковед А. С. Норов (1795–1869), однако его «Записки о Крыме» так и остались в рукописи⁶ на русском и французском языках. Для записок путешествовавшего примерно в тот же период писателя В. А. Эртеля (1793–1847) характерен акцент на описании мест отдыха и личных воспоминаниях. Другие русские писатели, бывавшие в Крыму в то время, также оставляли свои мемуары, в частности В. В. Измайлов (1773–1830), автор «Путешествия в полуденную Россию в письмах», подробно описавший первые русские поселения в Крыму, и Г. В. Гераков (1775–1838), домашний учитель в семье Воронцовых, проезжавший Крым в 1820–1821 гг. по дороге с Кавказа.

В 1825 г. Тавриду посетил издатель «Отечественных записок» П. П. Свиньин (1788–1839). Выйдя в отставку из Коллегии иностранных дел, он ежегодно принимал очередное «археологическое путешествие» по стране, объезжая губернии одну за другой, превращая впоследствии свои дневниковые записки в статьи

¹ Геннади Г. Н. Список сочинений о Крыме // ЗООИД. 1867. Т. VI. С. 623–644.

² [П. И. Сумароков: некролог] // Московские ведомости. 1846. 15 октября.

³ См. о И. М. Муравьеве-Апостоле: Балас М. С. Муравьев-Апостол, 1794–1826: биографический очерк // Русская старина. 1873. Т. VII, № 5. С. 651–676; *Он же*. Русская родословная книга. СПб., 1873. С. 122–123, 235–236; Греч Н. Опыт краткой истории русской литературы. СПб., 1812. С. 341; личный архивный фонд И. М. Муравьева-Апостола: ГА РФ. Ф. 1002. Оп. 1. 9 ед. хр.

⁴ Маркевич А. И. [Документы крымских архивов о путешествии разных знатных особ по Таврической губернии] // ИТУАК. 1912. № 47. Протоколы. С. 25–26.

⁵ Н. Н. Рецензия на кн.: Муравьев-Апостол И. М. Путешествие по Тавриде в 1820-м году. СПб., 1823 // Северный архив. 1824. Ч. 10, № 9. С. 151–160.

⁶ ОР РНБ. Ф. 531. Д. 118; ОРДИ ОННБ. Ф. 17. Картон 5. Д. 442.

для журнала. В материале, озаглавленном «Письмо издателя «Отечественных записок» редактору», он ограничился общим описанием своего путешествия по Южному берегу, уделив особое внимание известным и интересным людям, с которыми его свело странствие (А. М. Бороздину, С. М. Броневскому, М. С. Воронцову и многим другим). Подробный очерк «Обозрение путешествия издателя «Отечественных записок» по России в 1825 г. относительно археологии» опубликован в журнале год спустя. П. П. Свиньин с одинаковым вниманием описал археологические памятники разных народов и культур и одним из первых заговорил о необходимости их охраны. Самыми яркими моментами путешествия он считал пребывание в Керчи и Бахчисарае, поэтому впоследствии переработал свои записки и издал вновь. Эти работы имели большое значение для становления описательного крымоведения и зарождения крымской биографики в первой трети XIX в.

В форме дневника выполнено «Обозрение Южного берега Тавриды. 1815 г.», которое подготовил командующий мелкими судами Черноморского флота, впоследствии генерал-майор В. Б. Броневский (1784–1835)¹. В мае 1815 г. вместе с градоначальником Феодосии, своим однофамильцем С. М. Броневским (1764–1839), он посетил Южный берег, чтобы проинспектировать карантинные заставы. Хотя в книге описаны лишь впечатления от увиденного по пути, она интересна тем, что в ней анализируются «государственные выгоды, которые произойдут от устройства дорог в Крыму»².

Немалый исследовательский интерес вызывают путевые записки известного исследователя Крыма П. И. Кеппена (1793–1864). Главной целью его поездок было собирание сведений о следах греческих поселений на Южном берегу Крыма и татарской топографии. В 1833–1834 гг. им были подготовлены «Материалы для ближайшего познания горной части Крыма: путевые заметки»³, но изданы они не были.

В первой половине XIX в. распространилась новая форма описания путешествий — небольшие, но емкие газетные очерки. Особенно популярны они были в старейшей из газет Новороссийского края — «Одесском вестнике», первые годы печатавшемся на двух языках — русском и французском.

Посещавшие Крым гости из Европы также оставили немало ценных свидетельств, поскольку их авторы могли взглянуть на незнакомый край совершенно иным взглядом, нежели отечественные авторы. Одним из первых британских пилигримов в Крыму стала Элизабет Кравен (1750–1828), писатель и композитор. Впрочем, мотивы ее вояжа до сих пор не прояснены, что позволяет заподозрить шпионаж в пользу английского адмиралтейства, интересовавшегося портами России на Черном море. Так или иначе, итогом путешествия стала книга «Путешествия через Крым в Константинополь», изданная в Лондоне в 1789 г., а на русском языке —

¹ ОР РНБ. Ф. 178. Д. 11. Л. 200–201.

² С. К. [Крашенинников С.]. Генерал-майор и разных орденов кавалер Владимир Богданович Броневский // Русский инвалид. 1835. 9 мая; 10 мая.

³ СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 343–345; *Непомнящий А. А.* Начальный этап каталогизации крымских древностей...

в 1795 г. (перевод Д. Рунича)¹. Воспоминания Э. Кравен тем более ценны, поскольку она стала свидетельницей начала преобразований в Крыму, связанных с присоединением к России. В книге, исполненной в форме писем к графу Бранденбургскому, содержится немало сведений об этнографии татар, казаках в Крыму, военно-промышленном развитии полуострова и в особенности базы флота в Севастополе. Весьма вероятно, что собранные леди Элизабет сведения были использованы во время высадки турецкого десанта в 1787 г., уничтоженного суворовскими войсками. Как бы то ни было, но книга Э. Кравен немало поспособствовала популяризации Крыма в Европе.

Одним из первых путешественников, оставивших описание вояжа, стал профессор минералогии в Кембриджском университете Эдвард Даниэл Кларк (1769–1822). По мотивам путешествия 1801 г. он составил подробные исторические и этнографические характеристики Крыма, а также описания городов и памятников археологии. Э. Д. Кларк, недовольный плачевным состоянием памятников, крайне нелестно отзывался об отношении русских к культурному наследию «покоренных народов» и о России в целом, поэтому, несмотря на насыщенность его трудов интереснейшей фактологией, они не были переведены и изданы в России.

После появления столь противоречивых и явно антироссийских записок Э. Д. Кларка интерес европейцев к неизведанному полуострову только усилился. В первой трети XIX в. в Крыму побывали такие путешественники, как Форстер (1801 г.), Жан де Рейи (1803 г.), Г. де Кастельно д'Орос (1810-е гг.), М. Космели (1812 г.), Э. Гендерсон, Р. Лайелл, Д. Шлаттер, М. Холдернесс (1822 г.), Д. Джонс (1823 г.), Ж.-Ф. Гамба, Б. Егер, К. Качковский (1825 г.), Асфилд (1826 г.), Дж. Вебстер (1827 г.), Д. Э. Александер, А. Слейд (1829 г.), С. Бруннер (1831 г.), М. Г. Ратке (1832 г.), Ф. Дюбуа де Монпере (1833 г.), оставившие яркие воспоминания о своих странствиях. Нужно заметить, что зачастую интерес был финансовым: иностранцев волновали открывавшиеся торговые и промышленные перспективы. Тем более что администрацию Новороссии возглавлял Э. О. де Ришелье, француз-эмигрант, сторонник привлечения в регион иностранного капитала. Поэтому совершенно неслучайно то, что именно в Париже был опубликован один из наиболее солидных образцов жанра — записки Габриэля де Кастельно, долгое время жившего в Новороссии, содержавшие как очерк истории края, так и сведения о сельском хозяйстве и промышленности Крыма.

В 1802 г. в Лондоне Мэтью Гатри издал мемуары своей жены, Марии Гатри, под названием «Путешествие в Крым». Этот незаурядный шотландский врач на службе российского императора увлекался древностями и античной историей, поэтому поручил супруге, отставной директрисе Императорского совета институты благородных девиц, поездку в Крым с оздоровительными и исследовательскими

целями. Мария принялась за дело скрупулезно и педантично. Помимо 448 страниц текста (100 писем), произведение содержит множество иллюстраций — изображений монет, керамики, статуй, медалей и т. д. Начав путешествие в 1795 г., Мария посетила все наиболее крупные города Тавриды. Очерк о каждом городе содержит исторические сведения о нем, а также информацию о древних городах, находившихся некогда в том же месте. Так, в Карасубазаре миссис Гатри, основываясь на свидетельствах Птолемея и византийца Маврия Кастропа, сделала предположение, что город стоит на месте древнего селения Портакра. Автор умело обходит обсуждения политических вопросов, однако живо интересуется историей Крымского ханства, в том числе судьбой последнего хана Шагин-Гирея, а также крымско-татарской этнографией. Также она интересовалась бытом: по составленной М. Гатри таблице можно определить, что после присоединения Крыма товары подорожали в среднем в два раза по объективным причинам. Книги М. Гатри, будучи одним из наиболее полных произведений о Тавриде, были переведены на многие европейские языки и переиздавались впоследствии. Так, в Лондоне в 1874 г. была опубликована оригинальная переработка ее писем.

В 1821 и 1823 гг. в Лондоне были изданы две книги, принадлежавшие перу Мэри Холдернесс, с пространными заголовками «Замечания касательно быта крымских татар, написанные в течение четырехлетнего пребывания среди этого народа»¹ и «Новая Россия: путешествие из Риги в Крым через Киев с прилегающим отчетом о колонизации, а также о нравах и обычаях колонистов Новороссии, к которому добавлены записки о крымских татарах»². О писательнице сохранилось крайне мало биографических сведений. По-видимому, она проживала в селе Карагозы (ныне Первомайское) с 1816 по 1820 г. и занималась христианским миссионерством. В отличие от большинства авторов, М. Холдернесс практически не обратила внимания на древности и достопримечательности Крыма. Англичанку больше интересовали жизнь простых людей в Крыму, процесс колонизации и его последствия. С миссионерской прямотой и смелостью живописует она проблемы, на которые отечественные путешественники закрывали глаза, в частности несправедливый и продажный суд, пассивность местных властей и их нежелание осваивать полуостров³. В отличие от многих зарубежных посетителей Крыма, ее интерес к этнографии не закончился на крымских татарах; немало внимания уделила она ногайцам, крымским грекам, болгарам, немецким колонистам. Таким образом, ее книги можно считать первыми этнографическими справочниками, посвященными Крыму.

Подобно М. Холдернесс, несколько лет прожил в России шотландский врач Роберт Лайелл — так написано им самим в предисловии к двухтомному труду

¹ Колупаев Д. Путешествие леди Кравен: из истории шпионажа в Крыму // Таврика: 125 лет со дня основания. Симферополь, 1998. С. 75–76; Craven E. A journey through the Crimea to Constantinople. In a series of letters from the right honorable Elizabeth lady Craven. 2nd ed. London, 1789.

¹ Holderness M. Notes relating to the manners and customs of the Crim-Tatars, written during a four year's residence among this people. London, 1821.

² Holderness M. New Russia: Journey from Riga to the Crimea, with some account of the colonization and the manners and customs of the colonists of new Russia: to which are added notes relating to the Crim Tatars. London, 1823. Vol. VIII. P. 131.

³ Ibid.

«Путешествие в Россию, Крым, Кавказ и Грузию» (Лондон, 1825 г.)¹. Уточнить эти сведения пока не удалось. Непосредственно Крыму посвящены пять глав названной книги. Некоторые приведенные в книге свидетельства уникальны, например описание первого варианта собора Александра Невского, впоследствии снесенного из-за ошибок, допущенных при строительстве, или рассказ о посещении Чуфут-Кале. Кроме того, здесь можно найти немало любопытных, хотя и вызывающих подозрение, статистических данных.

Немалый интерес представляют записки Д. Э. Александера (1803–1885). Этот британский офицер участвовал во многих колониальных войнах и экспедициях империи, по служебным делам ему доводилось бывать и в Крыму, записки о чем он опубликовал в Лондоне в 1830 г. под названием «Travels through Russia and the Crimea»².

Не менее любопытными представляются путевые записки французского консула в Тифлисе Ж.-Ф. Гамба (1763–1833). Потерявший все после Великой французской революции, Ж.-Ф. Гамба много путешествовал, вернулся на родину после реставрации Бурбонов и обратил на себя внимание другого вернувшегося аристократа, упомянутого герцога Э. О. де Ришелье. Он дал Ж.-Ф. Гамба задание исследовать возможные выгоды от торговли Франции с Россией, и тот совершил несколько путешествий, посетив по пути следования и крымские города³. Записки его отличались яркими характеристиками современников и интересными интерпретациями событий.

Летом 1831 г. в Крыму побывал Самуэль Бруннер, доктор медицины из Швейцарии. Полукикий край этот ему настолько понравился, что он закончил свои воспоминания стихотворением, посвященным Крыму, а спустя два года снова посетил полуостров⁴.

Фредерик Дюбуа де Монпере, профессор Нефшательской академии, оставил обстоятельное, академичное и потому весьма авторитетное исследование Крыма. Этот натуралист и археолог после четырех лет странствий еще несколько лет готовил их к публикации и, дабы избежать неточностей, согласовывал с П. И. Кеппеном разделы, касавшиеся Крыма, о чем свидетельствует переписка ученых⁵. Результатом его работы стал труд, признанный современниками лучшим естественно-научным описанием Крыма той эпохи.

¹ Lyall R. Travels in Russia, the Crimea, the Caucasus and Georgia: in 2 vols. London, 1825. Vol. 1.

² См.: Прохорова Т. А. Джеймс Александер и его путешествие в Крым в 1829 г.: к вопросу о роли иностранных путешественников в формировании науки о Крымских древностях // Междунар. науч. конф. «Охрана культурного наследия: проблемы и перспективы». 30 сентября—5 октября 2012 г.: тезисы докладов и сообщений. Севастополь, 2012. С. 57–59.

³ Непомнящий А. А. Ж.-Ф. Гамба и его записки о путешествии по Крыму.

⁴ Андреевский И. Путешествие Бруннера через Одессу в Крым // Библиотека для чтения. 1836. Т. 18. Октябрь. С. 152–175.

⁵ Gchreiden des Grn Dubois de Montpereux an P. V. Kpn // St. Petersburgische Zeitung. 1835. 9 (21) Mai; СПФ АРАН. Ф. 30. Оп. 1. Д. 349.

Немало полезных сведений содержится в записках таких заметных гостей полуострова, как Густав Хенрик Атаназий Олизар (1798–1865)¹, поэт, публицист и предводитель дворянства Киевской губернии, Ян Потоцкий (1761–1815), историк, географ и этнограф, или Карл Качковский, врач. Все эти заметки объединяет то, что они написаны на польском языке².

Во второй трети XIX в. Крым еще в большей степени стал предметом внимания русского образованного общества и зарубежных туристов³. Социальный состав путешествующих изменился: если ранее подобные странствия были по карману только людям весьма состоятельным, то теперь поездку в Крым могли себе позволить люди меньшего достатка, и полуостров стало посещать больше литераторов, профессоров и чиновников.

Из сочинений того времени в первую очередь следует отметить «Крымские письма» Евгении Тур (Е. В. Салиас-де-Турнемир), которые публиковались в «Санкт-Петербургских ведомостях». По письмам раскрывали перед читателем яркую картину жизни Крыма середины XIX в., особенно нравов, обычаев и традиций крымских татар⁴.

Важным явлением для развития жанра путевых заметок стали «Очерки России» В. В. Пассека (1808–1842), в которых важное место занимают крымоведческие материалы. Этот ученик М. П. Погодина оставил много этнографических наблюдений, в том числе из жизни крымских татар.

Бывал в Крыму и автор «Записок русского путешественника» А. Г. Глаголев (1793(9)–1844)⁵, литератор и чиновник Министерства внутренних дел. Привела его сюда служба. Он отвечал за обобщение сведений о древних замках. Итогом его работы стал уникальный перечень памятников страны, а о древностях Керчи им была опубликована целая статья.

¹ См. о Г. Х. А. Олизаре: *Leszczyca J. Gustav Olizar i jego pasc 1798–1865* // Olizar G. Pamietniki 1798–1865. Lwow, 1892. S. III–XLIV; *Lopuczanski B. Olizar Gustav Henryk Atanazy* // Polski slownik biograficzny. Wroclaw; Warszawa; Krakow; Gdansk, 1978. T. 23. S. 808–810; *Копылов А.* Мемуары графа Олизара // Русский вестник. 1893. Август. С. 1–41; Сентябрь. С. 101–132; *Полякова И. В.* Густав Олизар: по материалам польских и отечественных источников // Крымские пенаты. Симферополь, 1994. № 1. С. 65–70; *Архипова Е. Н.* Друзья и знакомые А. С. Пушкина в доме Ришелье (1820–1825) // Пилигримы Крыма-97: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: междунар. науч. конф.: материалы. Симферополь, 1998. С. 3–4.

² *Громенко С.* Stepy, morze i góry: польские путешественники конца XVIII—начала XX века о Крыме / под ред., вступ. ст. А. А. Непомнящего. Симферополь, 2011. (Библиография крымоведения; вып. 14).

³ *Платонов С. Ф.* [Речь на торжественном заседании Второй конференции археологов СССР в Херсонесе 10 сентября 1927 г.] // Вторая конференция археологов СССР в Херсонесе 10–13 сентября 1927 г.: по случаю столетия херсонесских раскопок / под ред. А. Н. Деревницкого, К. Э. Гриневича, Н. Л. Эрнста. Севастополь, 1927. С. 11–15.

⁴ *Непомнящий А. А.* Записки путешественников и путеводители в развитии исторического краеведения Крыма (последняя треть XVIII—начало XX века). Киев, 1999.

⁵ *Проскурин О. А.* Глаголев Андрей Гаврилович // Русские писатели, 1800–1917: биографический словарь. М., 1989. Т. 1. С. 570–571.

Легко и с интересом читаются мемуары о путешествии в 1836–1837 гг. Н. С. Всеволожского (1772–1857), историка и писателя. Основательно подготовившись, он на 64-м году жизни совершил вояж длиной в год. Суждения автора насчет происхождения тех или иных памятников не всегда верны, и в рецензии Н. И. Надеждина высказывается немало замечаний автору, однако, увлекательно написанные, эти записки заслужили лестные отзывы критиков¹.

Последовательные описания своих путешествий оставили В. И. Кельсиев (1835–1872)², В. Н. Назарьев³, С. И. Веребрюсов, впоследствии возглавлявший Феодосийский и Керченский музеи древностей. Весьма любопытны записки члена-корреспондента Академии наук Г. И. Спасского (1783–1864) о его поездке в Старый Крым и Херсонес — в первую очередь профессиональным описанием памятников. Большой интерес для исследователей представляют крымские вояжи Н. И. Надеждина (1804–1856)⁴, литератора, историка и этнографа, издателя популярного «Телескопа», профессора Московского университета и председателя Этнографического отделения Русского географического общества. Этот общественный деятель бывал в Крыму в 1832 г. (Керчь, Симферополь), в 1839 г., в 1851 и 1852 гг. (пребывал на Сакском грязелечебном курорте). После закрытия «Телескопа» за публикацию «Философического письма» П. Я. Чаадаева и череды ссылок стараниями друзей Н. И. Надеждина был переведен в Одессу. В одесский период жизни он вместе с инспектировавшим учебные заведения Д. М. Княжевичем посетил Бахчисарай и Южнобережье, о чем опубликовал в «Одесском альманахе» очерк «Русская Альгамбра», где раскрыл читателю основные этапы истории Крымского ханства. По одной из версий, познания в крымской истории Н. И. Надеждина почерпнул от И. С. Андреевского, известного краеведа, сопровождавшего его, по другой — благодаря самостоятельному изучению еще до вояжа.

Несколько необычные литературные результаты дала поездка в Крым А. Н. Муравьева (1806–1874), известного русского духовного писателя и поэта⁵. Он

¹ *Надеждин Н.* Рецензия на кн.: *Всеволожский Н. С.* Путешествие через Южную Россию, Крым и Одессу в Константинополь, Малую Азию, Северную Африку, Мальту, Сицилию, Италию, Южную Францию и Париж в 1836 и 1837 г.: в 2 т. М., 1839 // ЗООИД. 1844. Т. I. С. 438–441. Другие рецензии на эту книгу см.: *Сын Отечества*. 1839. Т. 9. Отд. 4. С. 50–52; *Северная пчела*. 1839. 1 июня; 2 июня; *Литературное приращение к «Русскому инвалиду»* на 1839 год. 1839. Т. 2. 8 июля; 15 июля; 22 июля.

² *Кельсиев В.* Пережитое и передуманное: воспоминание Василия Кельсиева. СПб., 1868.

³ *Назарьев В.* Путевые заметки в Крыму, в 1857 г. // Иллюстрация. 1859. 26 февраля; 12, 19, 26 марта; 2 апреля.

⁴ *Орехова Л. А.* Путешествие Н. И. Надеждина по Крыму в 1839 г.: обстановка и датировка // *Пилигримы Крыма-97*. С. 45–57; *Она же*. Н. И. Надеждин в Бахчисарае // *Бахчисарайский историко-археологический сборник*. Симферополь, 1997. Вып. 1. С. 487–494.

⁵ См. о А. Н. Муравьеве: *И. Г.* К биографии Андрея Николаевича Муравьева и письма его к протоиерею Петру Гавриловичу Лебединцеву. Киев, 1901; *Казанский П. С.* Воспоминания об Андрее Николаевиче Муравьеве. М., 1877; *Лесков Н.* Синодальные персоны. Период борьбы за преобладание. (1820–1840) // *Исторический вестник*. 1882. Т. 10, № 11. С. 371–409; *Муравьев (Андрей Николаевич)* //

оставил поэтические воспоминания о посещении Крыма — сборник стихотворений «Таврида». Прозаическим же итогом стала работа «Впечатления Украйны и Севастополя», содержащая описание разрушенной в Крымскую войну твердыни, а впоследствии во вторую часть его двухтомника «Путешествие по светлым местам русским» (1888–1889 гг.) вошли и описания крымских святынь.

Не обойден Крым вниманием и в других путевых записках и прочих произведениях путешественников той эпохи. Это и «Письма о Киеве и воспоминания о Тавриде» ботаника, этнографа-фольклориста, историка русской словесности, профессора М. А. Максимовича¹, и воспоминания А. М. Фадеева, и мемуары его жены Елены Павловны², и «Заметки и воспоминания русской путешественницы по России в 1845 г.» известной исторической писательницы О. П. Шишкиной (1791–1854), и «Очерки Крыма» директора Симферопольской гимназии писателя Е. Л. Маркова (1835–1903)³.

Из иноязычных сочинений выделяется «Путешествие в Крым» Т. Л. Ванцетти (1809–1888), профессора Харьковского, а после — Падуанского университетов, изданное при содействии М. С. Воронцова. Т. Л. Ванцетти, уроженец Венеции, получил образование в Падуанском университете и в качестве домашнего врача в 1835 г. сопровождал в Крым жену князя Нарышкина. В его записках, сделанных в Крыму, можно найти не только описание полуострова и развлечений высшего класса, но и профессиональный взгляд на возможности развития Крыма как лечебного курорта⁴.

К запискам иностранцев можно отнести сочинение, изданное под именем А. Н. Демидова (1812–1870), представителя известной в России семьи, служившего в Коллегии иностранных дел и прожившего большую часть жизни за границей⁵. В 1837 г. А. Н. Демидов снарядил, организовал и возглавил экспедицию, состоявшую из большой группы иностранных ученых, которые и написали книгу о ней⁶. Русский перевод книги «Путешествие в Южную Россию и Крым...» несколько запоздал: через 16 лет после публикации в Европе она больше не отличалась новизной и актуальностью. Однако работа имела значение для развития исторического

Энциклопедический словарь. СПб., 1897. Т. 39. С. 188–189; *Путята Н.* Заметки об А. Н. Муравьеве // *Русский архив*. 1876. № 7. С. 357–358; *Сулима С.* Андрей Николаевич Муравьев // Там же. С. 353–356. Личные архивные фонды А. Н. Муравьева: ОР РГБ. Ф. 188. 426 ед. хр.; ОР РГБ. Ф. 498. 77 ед. хр. (совместно с М. О. Семеновым).

¹ *Лесков-Стебницкий Н.* Рецензия на кн.: *Максимович М.* Письма о Киеве и воспоминание о Тавриде. СПб., 1871 // *Биржевые ведомости*. 1871. 21 февраля.

² *Петрова М. М.* Путешествие по Крыму А. М. Фадеева // *Пилигримы Крыма-98: путешествия по Крыму, путешественники о Крыме: междунар. науч. конф.: материалы*. Симферополь, 1998. С. 154–162.

³ *Маркевич А. И.* О деятельности Е. Л. Маркова в Крыму // ИТУАК. 1903. № 35. С. 44–46.

⁴ *Грубе В.* Памяти Т. Л. Ванцетти // *Южный край*. 1888. 7 февраля.

⁵ РГАДА. Ф. 1267. Оп. 5. Д. 1. Л. 2–3.

⁶ ГАРК. Ф. Р-3283. Оп. 1. Д. 14.

краеведения Крыма. Кроме того, могут представлять интерес личные письма А. Н. Демидова, хранящиеся в архивах Москвы и Санкт-Петербурга¹.

Упоминается Крым и в сочинениях Огюста Мармона (1774–1852), наполеоновского маршала, герцога Рагузского. Будучи человеком состоятельным, О. Мармон уволился со службы и посвятил время путешествиям. В 1833 г. он решил посетить края, где не бывало воинство Бонапарта, в том числе и русские земли, где он был принят как личный гость Николая I. Путевые записки маршала выдержали семь изданий на четырех языках и имеют немалое значение для исторической географии и топографии Новороссии.

В последней трети XIX — начале XX в. литература путешествий претерпела серьезные изменения. В 1874 г. была проложена железная дорога до Севастополя, в 1892 г. — до Феодосии, и это существенно облегчило путешествие на полуостров. Началось бурное развитие курортов, крупными тиражами печатались путеводители, расцвела местная печать всеми цветами ведомостей, газет и журналов, многие из них историко-краеведческой тематики. Газетные страницы были переполнены очерками гостей Крыма².

Наряду с небольшими опусами появлялись и крупные повести о крымских вояжах. Так, любопытной можно считать «Жизнь в Крыму» Ю. Н. Бартенева (1792–1866)³, весьма интересна книга об экскурсии по Крыму в 1899 г. литератора М. А. Бернова (1864–?). Немало полезных сведений содержат сочинения поэтессы и писательницы княжны Е. С. Горчаковой (1824–1897).

Полезной для исследований быта отдыхающих в Крыму может быть путевая книжка А. Н. Нилидина⁴ — воспоминания о своем пребывании на евпаторийском и сакском курортах он издал под псевдонимом «Н-н А. Н.». Живым, непринужденным языком написаны статьи о посещении Крыма сотрудника, а затем редактора издававшегося в Казани «Волжского вестника» В. Н. Соловьева (1870–

1900)¹. Книга «По Крыму», принадлежащая перу писателя и журналиста С. Н. Филиппова (1863–1910), хотя и была несколько субъективной и полной восторгов и гипербола, все же, по мнению современников, адекватно отображала многие реалии крымской жизни².

Записки путешественников сыграли важную популяризирующую роль в становлении исторического краеведения. Впервые были представлены описания древностей и произведены их зарисовки, созданы этнографические этюды о большей части народов, населяющих полуостров. Содержащиеся в записках вояжеров очерки различных периодов истории края, хотя и отличающиеся в большей своей части примитивизмом изложения, основанном на легендарной традиции и пересказах старожил, все же сыграли роль в активизации интереса к прошлому Тавриды. Для данного корпуса исторических материалов характерны крайняя разнородность и субъективность. Вместе с тем внимательное изучение этих исторических источников (и одновременно литературных памятников) дает весьма интересные, полезные, неожиданные, а порой и уникальные результаты.

¹ Демидов А. Н. Путешествие в Южную Россию и Крым, через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. М., 1853. См. также: Каушлицев Г. С. Научно-исследовательская экспедиция А. Н. Демидова в историко-краеведческом познании Крыма // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2011. Т. 24 (63), № 1. С. 43–50; Прохорова Т. История одного путешествия: Анатолий Николаевич Демидов и его «Путешествие в Южную Россию и Крым...» // Воронцовский сборник / отв. ред. И. Н. Шкляев. Одесса, 2010. Вып. 3. С. 127–142; Она же. Анатолий Николаевич Демидов и его путешествие в Южную Россию и Крым через Венгрию, Валахию и Молдавию, совершенное в 1837 г. // Петрова Э., Прохорова Т. Крымские путешествия: Н. Н. Мурзакевич, А. Н. Демидов. Симферополь, 2011. С. 71–94.

² Непомнящий А. А. Историческое краеведение Крыма на страницах местной периодической печати в XIX — начале XX века // Записки историчного факультету. Одеса, 1998. Вип. 7. С. 171–190.

³ См. о Ю. Н. Бартенева: Славинский Н. Е. Письмо Юрия Никитича Бартенева Евстафию Наумовичу Славинскому // ИТУАК. 1914. № 51. С. 248–250. Личный архивный фонд Ю. Н. Бартенева: РГАЛИ. Ф. 46. 1706 ед. хр.

⁴ Лизуржинский Х. Рецензия на кн.: Нилидин А. Н. Силуэты Крыма: из путевой книжки. СПб., 1884 // Таврические губернские ведомости. 1884. 6 ноября.

¹ Перцов П. В. Н. Соловьев: биографические сведения // Соловьев В. Н. Посмертный сборник: рассказы, стихи, путевые очерки. СПб., 1901. С. 7–12.

² Рецензия на кн.: Филиппов С. Н. По Крыму. Отражения. М., 1889 // Крым. 1889. 11 июня.

РАЗДЕЛ V

КРЫМ В XX —
НАЧАЛЕ XXI В.

Глава 26

Крым в годы «великих потрясений». 1917–1920 гг.

А. С. Пученков, В. Г. Зарубин

§ 1. Февральская революция в Крыму и на Черноморском флоте. Февраль 1917 г. — весна 1918 г.

Февральская революция, смена власти и формы правления были встречены большинством крымчан скорее с безразличием, нежели с восторгом или неприятием.

В этот момент исключительную роль играли события на флоте. Известия о революционных волнениях в Петрограде командующий Черноморским флотом вице-адмирал А. В. Колчак получил в Батуме, во время совещания с главнокомандующим Кавказским фронтом великим князем Николаем Николаевичем. В революции и Гражданской войне А. В. Колчаку суждено было стать одной из центральных действующих фигур, формально он — главный антипод В. И. Ленина, в конце 1918 г. — начале 1920 г. — первое лицо в стане контрреволюции; тогда же, в начале 1917 г., А. В. Колчак был, вероятно, подобно подавляющему большинству офицеров, монархистом, не задумывавшимся над своими политическими убеждениями. «Долгий» февраль 1917 г. постепенно и неумолимо втягивал А. В. Колчака, как и тысячи других офицеров, в политику, заставляя их, всегда живших в традиционной для российского офицерства системе координат, выражавшейся в формуле «За Веру, Царя и Отечество», искать новые, приемлемые для них модели социального поведения.

2 марта 1917 г.¹ А. В. Колчак издал приказ по Черноморскому флоту, который призывал всех чинов флота сохранять спокойствие и выполнять свой долг перед императором и Россией². Получив 4 марта известия об отречении императора

¹ При освещении событий 1917 г. используется старый стиль (юлианский календарь). В дальнейшем до 1920 г. указывается двойная датировка, так как на территории РСФСР с февраля 1918 г. действовал новый стиль (григорианский календарь), а на территориях, контролируемых Вооруженными силами на Юге России, в том числе и в «белом Крыму», сохранялся старый.

² Кузнецов Н. А. Адмирал А. В. Колчак // Белые офицеры. Колчак и другие. М., 2016. С. 433.

Николая II и манифест великого князя Михаила Александровича, А. В. Колчак собрал на штабном корабле «Георгий Победоносец» команды всех боевых судов, стоявших на рейде. Огласив манифесты, адмирал сказал, что «династия, видимо, кончила свое существование и наступает новая эпоха». Он подчеркнул, что, несмотря на взгляды и убеждения, моряки имеют обязательства не только перед правительством, но и перед страной, а потому обязаны продолжать войну, которую она ведет¹. 19 марта 1917 г. весь флот был приведен к присяге Временному правительству, первым текст присяги произнес вице-адмирал А. В. Колчак². Как вспоминал начальник штаба Севастопольской крепости генерал-майор Ф. П. Рерберг, «никакого действия эта присяга не имела, и моральное разложение войск по получении приказа № 1 прогрессировало по кривой, весьма однообразной»³. Вместе с тем харизма и исключительный профессионализм А. В. Колчака способствовали тому, что разложение моряков-черноморцев развивалось гораздо более медленными темпами, чем на Балтийском флоте; здесь, на Черном море, энергия революционного порыва поначалу была обращена в более спокойное русло⁴, приехавшим из Петрограда «севастопольские порядки казались образцовыми»⁵. «Все его движения были быстры, порывисты, от него веяло необузданной энергией, и несокрушимый весь его облик говорил о большой внутренней силе и настойчивости. Вместе с тем в его лице было что-то болезненное, какая-то издерганность. Общим своим видом он сильно действовал на окружающих, заставляя их как бы подбираться и подчиняться ему», — писал о командующем Черноморским флотом полковник С. Н. Сомов⁶.

До поры до времени А. В. Колчак воспринимал произошедшую революцию и смену власти как свершившийся факт, с которым следует считаться, при этом он, несомненно, попытался стать фактическим руководителем революционного движения на Черноморском флоте, стараясь, по словам историка А. В. Смолина, «поддерживать репутацию человека, преданного революции и учитывающего настроения матросских масс»⁷. Естественно, что А. В. Колчак при этом не мог игнорировать и настроение революционного Петрограда, превратившегося в 1917 г. из столицы

империи в источник и эталон всех нововведений¹. А. В. Колчак распорядился об освобождении из тюрем политзаключенных, роспуске полиции, жандармского корпуса и формировании городской милиции. Были опубликованы печально известный приказ № 1 Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, имевший, по обоснованному утверждению историка Н. Н. Смирнова, «катастрофические последствия» для русской армии и фактически разложивший ее², а также дублирующий его приказ военного и морского министра А. И. Гучкова, которые отменили звание «нижние чины», ограничения гражданских прав солдат и матросов (например, запрет ездить внутри трамвая, а также в 1-м и 2-м классах поездов, курить на улицах, посещать буфеты), титулование офицеров. Смягчались кары за дисциплинарные проступки. Авторитет А. В. Колчака не только среди офицерского состава, но и среди матросов первое время был исключительно высок. А. В. Колчак, будучи человеком от природы крайне вспыльчивым и неуравновешенным, сумел в той ситуации совладать со своими нервами и направить революционную энергию в нужное ему русло, достаточно успешно соблюдая новые для него «правила игры» и активно участвуя в митингах, выступлениях, раздавая интервью и даже возглавляя делегацию командования Черноморского флота во время торжественной церемонии перезахоронения останков лейтенанта П. П. Шмидта, за гробом которого шел вице-адмирал³, и других руководителей восстания на «Очакове» в 1905 г.⁴ По словам бывшего военного и морского министра Временного правительства А. И. Гучкова, «совершенно исключительная личность адмирала Колчака» проявилась в том, что «он с самого начала понял фатальность этой войны, как-то личным соприкосновением с матросскими массами внушил им доверие к себе в том смысле, что он не представитель реакционных течений, желающих повернуть назад. Он быстро признал новое положение вещей, очень охотно пошел на бытовые изменения в матросской среде и чрезвычайно быстро получил доверие матросских масс. Этим он так долго держался»⁵. О том, каковы были реальные позиции большевиков в те дни, говорит следующий факт: после появившейся в газетах информации о возможном приезде в мае в Крым В. И. Ленина, предполагавшего посетить в целях агитации Севастополь, Евпаторию и другие города, 4 мая этот вопрос был поставлен на голосование Центрального военно-исполнительного комитета (далее — ЦВИК) Черномор-

¹ Зырянов П. Н. Колчак. М., 2012. С. 306.

² Протоколы допроса адмирала А. В. Колчака чрезвычайной следственной комиссией в Иркутске 21 января — 7 февраля 1920 г. // Архив русской революции. М., 1991. Т. X. С. 219.

³ Вице-адмирал А. В. Колчак на Черноморском флоте в 1916–1917 гг. Из воспоминаний начальника штаба Севастопольской крепости генерал-майора Ф. П. Рерберга // Ганин А. В. «Мозг армии» в период «Русской смуты»: статьи и документы. М., 2013. С. 515–516.

⁴ Кожевин В. Л. Российское офицерство и Февральский революционный взрыв: монография. Омск, 2011. С. 162.

⁵ «С уходом А. В. Колчака закрылась последняя светлая страница истории Черноморского флота». Воспоминания Р. Р. Левговда / публ. В. И. Шишкина // Исторический архив. 2008. № 5. С. 144.

⁶ Сомов С. Н. В Севастополе. Ноябрь 1915 — июль 1918 // ГА РФ. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1. Л. 103–104.

⁷ Смолин А. В. Два адмирала: А. И. Непенин и А. В. Колчак в 1917 г. СПб., 2012. С. 153.

¹ Бажанов Д. А. Щит Петрограда: Служебные будни балтийских дредноутов в 1914–1917 гг. СПб., 2007. С. 187.

² Смирнов Н. Н. Февраль и российская государственность // Россия в XIX–XX вв.: сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина. СПб., 1998. С. 312.

³ Грицко П. Перенесение праха борцов за свободу в Севастополе // Крымский вестник. 1917. 11 мая.

⁴ Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть: К изучению политической культуры российской революции 1917 г. СПб., 2001. С. 56.

⁵ Александр Иванович Гучков рассказывает... Воспоминания председателя Государственной думы и военного министра Временного правительства. М., 1993. С. 68.

ского флота. Из 409 присутствовавших делегатов 340 высказались против приезда, 49 воздержались и лишь 20 высказались за приезд В. И. Ленина на полуостров¹.

Вскоре, однако, ситуация изменилась. Матросы, обладавшие, по удачному выражению историка М. А. Елизарова, «до, после и в период Февральской революции» своей «партийной», флотской и матросской идеологией, хотя и не записанной в программах и уставах², отныне стремились руководствоваться только ею, не очень-то обращая внимание на прежние чины и авторитеты; своеобразно понимаемые ими понятия «правда» и «справедливость» с каждым днем все более и более расходились с устремлениями офицерского корпуса флота и самого А. В. Колчака. С каждым днем взаимный антагонизм «верхов» и «низов», а в данном случае матросской массы и офицеров, становился все более очевидным, а взаимное ожесточение и абсолютная неготовность к диалогу дали в Крыму свои кровавые всходы и в первые месяцы после Октября, и в особенности в годы Гражданской войны. На глазах у кадровых морских офицеров происходило не просто крушение старой, привычной и комфортной для них системы ценностей — рушился мир. По словам морского офицера Б. Бьеркелунда, «все полетело к черту, все понятия сместились в пустое пространство, никаких заранее другими обдуманых ответов на неожиданно возникавшие вопросы не оказалось, надо было искать их самому и в случае неудачного решения платить головой»³.

Изменилась после Февраля и прежняя система гражданского управления Таврической губернии. Верховная власть в губернии принадлежала теперь губкомиссару, первоначально в лице бывшего председателя губернской земской управы Я. Т. Харченко, уполномоченному «Хлебармии» по Таврической губернии, занимающейся поставками хлеба и фуража для армии. С мотивацией «правые взгляды и махинации с хлебом» он был замещен распоряжением правительства от 27 марта членом конституционно-демократической партии ялтинцем кадетом Н. Н. Богдановым с помощниками социал-демократами П. И. Бианки и П. С. Бобровским. На местах был создан институт уездных комиссаров.

Опорой комиссара были комитеты общественной безопасности (общественные комитеты), возглавляемые в основном деятелями либерального толка. Самостоятельной властной роли комитеты не играли. Сохранились как органы управления городские думы и управы, губернское и уездные земства (решение Временного правительства о создании волостных земств фактически не было реализовано). В июне — июле, сентябре — октябре 1917 г. в них состоялись перевыборы, началось оформление профессиональных союзов, объединявших представителей самых разнообразных профессий.

В марте 1917 г. временные центральные бюро, затем советы профсоюзов возникли в Симферополе и Севастополе. Возродившиеся в 1917 г. фабрично-завод-

ские комитеты — фабзавкомы (или, как они официально определялись, низовые профсоюзные ячейки на предприятиях), своеобразные внутрифабричные общины, как и везде по стране, были более радикальными, чем собственно профсоюзы. На съезде фабзавкомов 12 октября были представлены 21 145 рабочих.

Профсоюзы создавались и возглавлялись меньшевиками и предпочитали заниматься сугубо материальными проблемами. За четыре месяца после Февраля было создано 255 профсоюзов, объединяемых по городам центральными бюро, с численностью более 65 тыс. человек. В контакте с советами и соцпартиями профсоюзы весной добились сокращения рабочего дня до восьми часов примерно для 30 тыс. рабочих и служащих (данные по всей губернии)¹.

Как и по всей стране, органы Временного правительства в губернии вынуждены были сосуществовать с иными властными структурами. Первую скрипку среди них играло возрожденное детище 1905 г. — Советы и их исполнительные комитеты, которые оформились раньше партийных комитетов.

6 марта был создан ЦВИК Черноморского флота, который возглавил эсер К. В. Сафонов. Аналогичные комитеты создавались на кораблях, в каждой береговой части и в полку. Их задачами значились: 1) поддержание дисциплины в частях; 2) заботы о продовольствии и обмундировании; 3) заботы о просвещении людей. Предполагалось, что комитеты не будут заниматься никакими оперативными и боевыми вопросами. А. В. Колчак утвердил принятое решение. 7–10 марта были созданы Совет рабочих и Совет солдатских депутатов, объединившиеся в Совет солдатских и рабочих депутатов под руководством меньшевиков. 28 марта произошло слияние ЦВИК с Советом рабочих и солдатских депутатов в Севастопольский совет рабочих, солдатских и матросских депутатов.

Весной Советы сформировались во всех городах Крыма. Полоса организации советов крестьянских депутатов, волостных и уездных, оказалась более растянутой: лето — осень 1917 г. Рядом с ними функционировали правительственные временные земельные комитеты. Повсеместного объединения городских и сельских советов в Крыму в течение 1917 г. так и не произошло. Севастопольский, Симферопольский, Керченский, Феодосийский, Евпаторийский, затем Ялтинский советы приступили к изданию своих печатных органов — «Известий». Лидерство в советском движении на первых порах принадлежало меньшевикам. В крестьянских советах сильные позиции занимали эсеры.

10 мая Съезд советов Таврической губернии окончательно определил советскую тактику на период до Учредительного собрания. Ведомые меньшевиками Советы встали на путь пресечения классово-розовой розни, пытаясь закрепить мирный путь развития революции. Крымские советы заняли платформу полной поддержки Временного правительства, что продемонстрировали съезды, состоявшиеся 24 марта и 10 мая.

При этом национальный вопрос за весь 1917 г. ни разу съездами советов не обсуждался и, таким образом, был отдан на полный откуп самим национальным

¹ Платонов А. Черноморский флот в революции 1917 г. и адмирал Колчак. Л., 1925. С. 65.

² Елизаров М. А. Матросские массы в 1917–1921 гг.: от левого экстремизма к демократизму. СПб., 2004. С. 42.

³ Бьеркелунд Б. В. Путешествие в страну всевозможных невозможностей. СПб., 2014. С. 10.

¹ Королев В. И. Таврическая губерния в революциях 1917 г. (политические партии и власть). Симферополь, 1993. С. 23.

активистам. 30 марта исполком Симферопольского совета отклонил просьбу татар о предоставлении им мест в Совете. По свидетельству И. Ф. Федосеева, Симферопольский совет «среди нацменьшинств определенной работы не вел. В своем составе представителей от нацменьшинств не имел. По существу, Совет был противником национальной автономии»¹. 24 мая на экстренном заседании Таврического совета, посвященном решениям Всероссийского съезда советов, была принята следующая резолюция по национальному вопросу: «Признавая право каждой нации на самоопределение, Совет считает недопустимыми до созыва Учредительного собрания попытки отдельных национальностей разрешить самочинно национальный вопрос»². «Отдельные национальности», однако, ждать Учредительного собрания не желали.

Февральская революция ознаменовала запрещение черносотенных организаций. Монархисты всех мастей мгновенно исчезли из поля зрения. В Крыму попытки их консолидации случались, но серьезного характера не носили.

По Таврической губернии прокатилась волна арестов бывших агентов охранного отделения, провокаторов, а также черносотенцев и пр. Первоначально этим во внесудебном порядке занимались Советы. После постановления Временного правительства от 16 июля 1917 г. о неприкосновенности личности внесудебные аресты сменил правовой подход.

Не вызвало никакого неудовольствия (напротив, источники отмечают сочувствие) прибытие в Крым с конца марта 1917 г., по распоряжению Временного правительства, группы свергнутых Романовых. В имении Ай-Тодор расположились вдовствующая императрица Мария Федоровна, великий князь Александр Михайлович, адмирал, организатор военной авиации России, великая княгиня Ольга Александровна и их родственники; в имении Дюльбер — великий князь Петр Николаевич с женой и детьми; в имении Кореиз — Юсуповы; в имении Чаир — бывший Верховный главнокомандующий великий князь Николай Николаевич. Выезды Романовым были запрещены, телефонная связь отсутствовала; они находились под постоянной охраной. Фактически Романовы были под домашним арестом. 26 апреля, с распространением слухов о готовящемся заговоре монархистов, Севастопольский совет направил в Ялту специальную комиссию во главе с подполковником А. И. Верховским, будущим военным министром Временного правительства³. В результате слышные подверглись ночному бесцеремонному обыску, угрозам и тривиальному ограблению, что было сокрыто Временным правительством. «Тайников не оказалось», — констатировала комиссия в отчете об обыске, специально составленном для министра юстиции А. Ф. Керенского, отмечая, что у Романовых было изъято большое количество личных писем⁴.

¹ ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 107. Л. 29, 33.

² Единение. Симферополь, 1917. 27 мая.

³ О пребывании А. И. Верховского в Крыму в 1917 г. см.: *Полторац С. Н.* Военная и научная деятельность Александра Ивановича Верховского. Памяти профессора В. И. Старцева. СПб., 2014. С. 52–62.

⁴ РГА ВМФ. Ф. Р-181. Оп. 1. Д. 30. Л. 7–8.

В декабре, в период первой вспышки матросского террора, над Романовыми навис дамоклов меч расстрела, на чем настаивал Ялтинский совет и чему не без труда воспрепятствовал комиссар Севастопольского совета Ф. Л. Задорожный. Только в мае 1918 г., после германской оккупации, Романовы смогли вздохнуть свободно. Впоследствии они покинули Крым, избежав тем самым участи родственников на Урале и в Петрограде.

Вторая половина марта — апрель 1917 г. прошли в Крыму под знаком воодушевления и надежд на скорое светлое будущее. По крымским городам прошумели праздники свободы, демонстрирующие трогательное согласие всех и вся, во время которых «восторженные крики «ура» лились из многотысячных уст и потрясли воздух»¹. 10 марта, день похорон в Петрограде героев революции, был объявлен днем «всенародного почитания».

Непосредственно после Февральской революции и буржуазные, и социалистические, и национальные организации всячески подчеркивали свое единство и лояльность Временному правительству. 17 марта под председательством А. Я. Хаджи в Симферополе состоялось общее собрание партии кадетов, которой еще суждено было сыграть особую роль в истории Гражданской войны в Крыму. Оно высказалось за установление демократической республики и единодушие Советов с Временным правительством до конца войны. Недвусмысленно о поддержке Временного правительства и его действий заявляли умеренные социалисты — эсеры и меньшевики (большевики в Крыму еще окончательно не отпочковались от единой РСДРП). Такую же линию проводили многочисленные национально-общественные и культурные организации: мусульманские исполкомы, еврейские и армянский общинные комитеты Ялты, украинские громады и украинское культурно-просветительное общество «Просвита», эллинское и греческое, великороссов, немцев, караимское, болгарское, польское, литовское, эстонское, молдавское общества (и комитеты).

5 марта 1917 г. устами архиепископа Таврического Дмитрия (Абашидзе) Таврическая епархия поспешила заявить о полной лояльности новой власти, сменившей богопомазанного государя.

Тем временем Крым удостоили чести посещения известные «демократические» особы. В мае в Ливадийском дворце начала свой отдых прибывшая императорским поездом «бабушка русской революции» Е. К. Брешко-Брешковская, ставшая по воле пропагандистов символом февральских перемен, ее визит широко освещался местной прессой. 17 мая в 8 часов утра морем в Севастополь прибыл А. Ф. Керенский².

А. Ф. Керенский побывал и на кораблях, где призывал моряков к продолжению войны и сохранению дисциплины во имя революции. Выступая перед матросами, А. Ф. Керенский особо отметил А. В. Колчака как командующего флотом и «лучшего представителя офицерского корпуса»³. О выступлениях министра

¹ Южные ведомости. Симферополь, 1917. 15 марта.

² Там же. 20 мая.

³ Прибытие А. Ф. Керенского в Севастополь // Крымский вестник. 1917. 18 мая.

перед военными адмирал М. И. Смирнов отозвался следующим образом: «Надо отдать справедливость, что его речи производили действие на матросов и вообще на людей малоразвитых и неспособных к самостоятельному и логическому мышлению. Но это действие через короткое время исчезало, так как слушатель *забывал* (курсив наш. — *Авт.*) содержание речи, потому что смысла в ней было мало, был лишь фонтан трескучих фраз»¹. А. В. Колчак, составивший свое нелицеприятное мнение о Временном правительстве в целом и о А. Ф. Керенском в частности, ранее высказался о последнем: «болтливый гимназист»². В свою очередь, по словам А. Ф. Керенского, в беседе с ним А. В. Колчак «со слезами на глазах» воскликнул: «Для них (матросов. — *Авт.*) Центральный комитет значит больше, чем я! Я не желаю иметь с ними никакого дела! Я их больше не люблю!»³

В конце мая прошли перевыборы Севастопольского совета. Новый состав отличался широким представительством солдат. Совет вел политику автономной, независимой от командующего флотом деятельности. Офицеры, в свою очередь, ввели практику закрытых собраний. Разлад и взаимное озлобление нарастали.

В начале июня в Севастополь прибыла делегация от Центрального комитета Балтийского флота (до этого на Север была отправлена умеренно-оборонческая «Черноморская делегация» во главе с подполковником А. И. Верховским и популярным в те дни революционером-агитатором, а в недалеком будущем сначала участником Ледяного похода Добровольческой армии, а затем агентом ВЧК Ф. И. Баткиным). Балтийцы произносили радикальные речи, электризуя обстановку. Они выступали против так называемого займа свободы и за опубликование тайных договоров прежнего правительства.

5 июня 1917 г. командование фактически утратило свои функции. Начались аресты офицеров. 6 июня делегатское собрание армии, флота и рабочих вынесло резолюцию об отстранении от должности А. В. Колчака и М. И. Смирнова. Последняя попытка вице-адмирала А. В. Колчака, обвиненного в «возбуждении матросских масс» своими действиями, повлиять на команды провалилась: на делегатском собрании 7 июня ему просто не дали слова. Началось разоружение офицеров. Некоторые из них, не желая разоружаться, застрелились. Сам А. В. Колчак, заявив о том, что обращенным к нему требованием сдать наградное оружие ему «нанесли тяжкое оскорбление», выбросил его за борт, найдя тем самым почетный выход из положения⁴. Однако ни речь А. В. Колчака, ни его «величественный», по словам генерала Д. В. Филатьева⁵, поступок впечатления на матросов не произвели. Прежним

флот уже быть не мог, дисциплина падала на глазах. А. В. Колчак телеграфно сообщил Временному правительству о желании выйти в отставку¹. В ответ правительство отбило ему телеграмму, в которой предписывалось сдать командование контр-адмиралу В. К. Лукину и выехать в Петроград.

А. В. Колчак сдал дела В. К. Лукину, а его начальник штаба М. И. Смирнов — капитану 1 ранга А. С. Зарину. Ночью 9 июня они покинули Севастополь. 11 июня А. В. Колчак прибыл в Петроград для доклада Временному правительству о положении дел на флоте. На заданный представителями печати вопрос, «находит ли адмирал возможным вернуться в Севастополь и принять командование Черноморским флотом, адмирал А. В. Колчак категорически заявил, что он не считает это возможным»². В интервью «Русским ведомостям» А. В. Колчак обосновал свою отставку тем, что «мы не можем уже спасти положение», ввиду чего он счел необходимым «передать командование адм. Лукину и приехал на берег»³.

Отставка А. В. Колчака совпала с визитом в Севастополь американской военно-морской миссии во главе с контр-адмиралом Дж. Г. Гленноном. Его речь на делегатском собрании, в которой американец призвал к продолжению совместной борьбы с Германией, встретила полное одобрение, после чего делегаты постановили: вернуть часть оружия офицерам, прекратить обыски и аресты и выполнять все распоряжения нового командующего В. К. Лукина⁴. Это, однако, никак не означало приостановки дальнейшего разложения флота, уже утратившего свою боеспособность.

Временное правительство, пытаясь хоть как-то повлиять на события в Севастополе, выслало телеграмму с требованиями прекратить «анархию» и вернуть оружие офицерам. Судовые комитеты и команды, обсудив телеграмму, выразили лояльность Временному правительству, освободили арестованных офицеров, но сочли нужным выдавать оружие офицерам только одновременно с солдатами. На флот отправилась официальная комиссия под председательством товарища министра юстиции А. С. Зарудного и эсера И. И. Бунакова (Фондаминского), будущего комиссара флота. Комиссия сочла возможным возвращение А. В. Колчака на пост командующего флотом (другое дело, что флот и сам А. В. Колчак по разным мотивам придерживались противоположной точки зрения), чем ее функции и были исчерпаны. Не справившись с ролью революционного командующего Черноморским флотом, А. В. Колчак начинал очередной «боевой поход» — на этот раз уже по мутным волнам российской политики. Сменивший вскоре В. К. Лукина новый командующий флотом контр-адмирал А. В. Немитц в беседе с корреспондентом газеты «Крымский вестник» отметил, что Черноморский флот «после государственного

¹ *Смирнов М. И.* Адмирал А. В. Колчак во время революции в Черноморском флоте // Страна гибнет сегодня. Воспоминания о Февральской революции 1917 г. М., 1991. С. 89.

² Там же. С. 86.

³ *Керенский А. Ф.* Россия в поворотный момент истории / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М., 2006. С. 273.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1. Л. 244–246.

⁵ *Филатьев Д. В.* Катастрофа белого движения в Сибири. 1918–1922. Впечатления очевидца. Париж, 1985. С. 15.

¹ Севастопольские события // Русские ведомости. 1917. 9 (22) июня.

² Там же. 11 (24) июня.

³ Там же. 13 (26) июня.

⁴ *Дроков С. В.* Военно-морская миссия контр-адмирала Дж. Г. Гленнона в июньский Севастополь 1917 г. (По русским и американским источникам) // Революция и Гражданская война 1917–1920 годов: новое осмысление: материалы. Крым, Ялта, 10–18 ноября 1995 г. Симферополь, 1995. С. 32–34.

переворота обнаружил характерную особенность, именно — исключительное сознание гражданского и военного долга»¹. По мнению А. В. Немитца, после революции у большинства чинов флота «теперь еще больше сознания гражданского долга, чем раньше», и, несмотря на подрыв дисциплины, «через несколько месяцев боевая способность флота станет на должную высоту»². Адмирал подчеркнул, что ключевая проблема в жизни флота — дисциплина, которая вернется в полной мере тогда, когда «вернется доверие между офицером, солдатом и матросом. Еще недавно его не было почти совсем, сейчас же оно постепенно, хотя и не везде одинаково, создается»³. Желая показать свою демократичность, А. В. Немитц отметил, что «доброжелательное отношение между начальником и выборными представителями воинских чинов (комитетами) — единственный путь к восстановлению дисциплины в последнее время... Нам необходимо только законом разграничить сферы компетенции комитетов и начальников и возложить как на тех, так и на других ответственность перед судом за превышение и бездействие власти». В заключение беседы А. В. Немитц выразил уверенность в том, что «Черноморский флот благодаря проявлению высокого сознания в массе его чинов, несмотря на все тревоги, сохранил боеспособность»⁴. Любопытно, что сразу после захвата власти большевиками в Петрограде А. В. Немитц заявил о своей поддержке власти Советов⁵.

Крупнейшей по численности и влиянию в Крыму, как и России в целом, в 1917 г. была Партия социалистов-революционеров (ПСР). В мае только севастопольская ее организация насчитывала 13 тыс. человек⁶, а в октябре общая численность вышла на уровень 35 тыс. по губернии и до 30 тыс. в Севастополе⁷. Состав партии: городские средние слои, моряки Черноморского флота, солдаты (работе в судовых, гарнизонных и прочих комитетах ПСР уделяла особое внимание), частично — рабочие и крестьяне. Областной комитет партии, воссозданный в апреле, возглавил И. П. Попов. Из партийных лидеров можно выделить С. А. Никонова, авторитетного члена ЦК ПСР И. И. Бунакова (Фондаминского), в 1917 г. — генерального комиссара Временного правительства на Черноморском флоте И. Ю. Баккала (впоследствии левый эсер), В. Д. Жирова, А. В. Фосса. С августа партия начала терять свой прежний «народный» ореол, ее ряды поредели (тем более что прием был беспорядочным, а организация — рыхлой), однако до конца года эсеры продолжали лидировать среди крымских политических объединений благодаря если не активности, то численности. Осенью (а в Севастополе в июне — августе) выдели-

лось радикальное крыло, оформившись (в ноябре — декабре) в самостоятельную партию левых эсеров.

Большим авторитетом еще с дореволюционных времен пользовалась на полуострове РСДРП. Сразу после Февраля в городах Крыма возродились социал-демократические организации. 9–10 апреля на конференции в Ялте был реанимирован Крымский союз РСДРП. В организационный комитет Союза вошли Н. Л. Канторович, В. И. Бианки, А. А. Иоффе, И. Ф. Федосеев, Г. Е. Бережиани (член Симферопольского совета; в октябре вышел из организации «объединенцев» и вступил в «Единство»).

Крымских социал-демократов (меньшевиков) возглавляли крупные политические фигуры — организаторы, ораторы, публицисты. Помимо популярного П. И. Новицкого в партийной среде выделялись В. А. Могилевский (председатель губкома РСДРП), профсоюзный деятель Е. И. Либин, а также присланные центром партийцы со стажем А. Г. Галлоп и Н. А. Борисов, советский работник Е. И. Рабинович, Б. Я. Лейбман (присяжный поверенный). Костяк партии составляли квалифицированные рабочие, ремесленники. В армии и на флоте позиции меньшевиков были слабыми.

Крымский союз РСДРП был объединенной организацией (меньшевики, бундовцы — на правах автономии, большевики или, скорее, «ленинцы», под которыми неопределенно понимались противники войны и интернационалисты). В апреле начали обособляться большевики. С сентября союз развалился. Размежевались интернационалисты и оборонцы. Свои группы обозначила РСДРП (объединенная) — «объединенцы» и социал-демократы (интернационалисты). Сформировался крымский филиал плехановцев «Единство» — партия, стоявшая на крайне правом фланге социал-демократии (группа во главе с П. С. Бобровским оформилась еще в апреле). Газета «Прибой» (Севастополь) выражала позиции более-менее ортодоксального меньшевизма.

Среди левых к концу года бесспорно доминировали большевики, численность крымской организации которых весной 1917 г. составляла не более нескольких десятков человек. Первая самостоятельная большевистская группа в виде фракции Севастопольского совета сложилась в мае (руководитель — матрос С. Г. Сапронов, затем И. А. Назукин, А. И. Калич, И. К. Ржанников, И. Н. Клепиков). Однако положение большевиков в общественно-политической и «народной» среде было незавидным. Их листовки и литературу Союз печатников выпускать отказался. Флот их не признавал: дело доходило до разгрома клуба, избиений и сброса с кораблей, как это было с И. Финогеновым на эсминце «Гневный»¹. Связь с центром была чисто условной. Да и уровень образованности, подготовленности крымских большевиков оставлял желать лучшего. Крупных партийных организаторов в их среде до осени 1917 г. не было. В конце июня — июле, отражая растущее недовольство рабочих, создавались первые самостоятельные большевистские группы. С августа стали

¹ Черноморский флот и текущий момент (Беседа с командующим Черноморским флотом контр-адмиралом А. В. Немитцом) // Крымский вестник. 1917. 13 августа.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Ганин А. В. Между красными и белыми: Крым в годы революции и Гражданской войны, 1917–1920 // История Крыма. М., 2015. С. 287.

⁶ Крымский вестник. 1917. 14 мая.

⁷ Крестьянников В. В. Демократизация Черноморского флота в 1917 г. и события 23 февраля 1918 г. в Севастополе // Крымский архив. 2001. № 7. С. 302.

¹ Гавен Ю. Возникновение Крымской организации РСДРП(б) // Революция в Крыму: Историческая библиотека Истпарта О. К. Крыма. Симферополь, 1923. № 2. С. 8.

появляться большевистские фракции в Советах. Так, в Севастопольском совете фракция насчитывала в то время 25 человек, сама же партия — 150¹.

Размежевание с меньшевиками завершилось в октябре — ноябре, когда были избраны губернский комитет и парторганизатор (Ж. А. Миллер). Ряды большевиков укрепили прибывшие в Крым представителями ЦК Н. И. Островская, Ю. П. Гавен (вошли в Севастопольский совет), Н. А. Пожаров, Я. Ю. Тарвацкий, С. П. Новосельский. К октябрю численность таврических большевиков достигла 1871 человека², продолжая в отличие от прочих партий расти. 19 декабря стали выходить «Известия Севастопольского Военно-Революционного Комитета» (с конца декабря — «Известия Севастопольского Совета Рабочих и Военных Депутатов»), «первая в Крыму газета, ставшая на платформу октябрьского переворота»³.

Виднейшей фигурой в дни установления советской власти в Крыму был Ю. П. Гавен, делегированный ЦК РСДРП(б) осенью 1917 г. на полуостров: «В конце сентября 1917 г. я получил поручение от ЦК нашей партии отправиться в Крым для руководства партработой. Директивы ЦК передал мне через покойного тов. Свердлова. Помню, что Яков Михайлович торопливо, кратко и очень ясно — это был его стиль — отчеканивал: “Вопрос о взятии власти пролетариатом — вопрос нескольких дней. Во всех промышленных центрах пролетарские силы уже достаточно созрели. На юге же, особенно в Крыму, наши дела обстоят плохо. Там полное засилье социал-соглашателей. А это особенно печально, если принять во внимание значение Севастополя как военного порта. Ближайшая важнейшая задача — превратить Севастополь в революционный базис Черноморского побережья... Спешите. Подбодри хорошенько крымских ребят. Нарисуй им картину той революционной бодрости, пламенного энтузиазма и боевого пыла, каким охвачен питерский пролетариат. Крымчаки должны чрезвычайно напрягаться, чтобы подогнать события, которые мчатся вперед бешеным темпом. Еще раз подчеркиваю: в центре внимания — Севастополь и Черноморский флот. Севастополь должен стать Кронштадтом юга»⁴.

В это же время видную роль на арене политической борьбы начинают играть анархисты. Группы анархистов действовали в Севастополе, Симферополе, Феодосии, Ялте и других местах. Наиболее известная фигура среди них — севастопольский матрос А. В. Мокроусов. Галопирующее «полевение» масс осенью 1917 г. обусловило резкое усиление влияния анархистов на Черноморском флоте. Достаточно сказать, что 30 августа на первом заседании Центрального комитета Черно-

морского флота (далее — ЦК ЧФ, Центрофлот) его председателем был избран анархист Е. Н. Шелестун, вполне лояльный большевикам. Нередко в те дни анархистов принимали за большевиков, что вызывало серьезную обеспокоенность у последних.

Крымские конституционные демократы — Партия народной свободы (сколько-нибудь заметные группировки правее их не прослеживаются) организовались, видимо, раньше всех. Организации конституционных демократов возникли в Севастополе, Симферополе, Керчи, Ялте, Феодосии, Евпатории и других городах. Это была партия либерально настроенной, государственного мышления интеллигенции, считавшей императивом упрочение, а не видоизменение завоеваний Февральской революции. Среди крымского актива партии выделялись Д. С. Пасманик, Н. Н. Богданов и С. С. Крым. Настоящей «кадетской Меккой» Крым стал позднее, начиная с лета 1918 г., когда на полуостров, под защиту немецких штыков, съехались такие крупные деятели партии, как И. И. Петрункевич и В. Д. Набоков.

В Севастополе сформировался Украинский национальный комитет. В марте там же на арену вышли украинские эсеры (лидер — К. П. Величко, костяк — матросы, призванные из малороссийских губерний). В апреле 1917 г. подобная организация возникла в Феодосии. Летом в Севастополе была создана организация УСДРП. Центральная рада инициировала формирование весной — летом в Таврической губернии местных рад (Севастополь, Симферополь, Евпатория), украинских войсковых комитетов (Севастополь, Симферополь) и громад (Севастополь, Симферополь, Евпатория, Ялта). В 1917 г. все эти группы придерживались умеренно-социалистической ориентации. Их целью в это время была автономия Украины в составе демократической федеративной России.

Активизировалось в 1917 г. и крымско-татарское национальное движение. 12 марта под влиянием А. А. Боданинского состоялось общее собрание Крымского мусульманского благотворительного общества, создавшее временный мусульманский революционный комитет во главе с самим А. А. Боданинским, Ибраимом Фехми и Ибраимом Тарпи, претендовавшим на должность муфтия — духовного главы крымских мусульман.

15 марта в Симферополе на собрании крымско-татарских активистов был выдвинут вопрос о ликвидации Мусульманского (Магометанского) духовного правления и Вакуфной комиссии как органов, носящих «полицейско-охранительный характер». Было решено прекратить практику фактического назначения муфтия сверху. 17 марта после торжественного богослужения во всех мечетях тысячи татар Симферополя собрались на новом кладбище, где принесли присягу Временному правительству. 20 марта с фронта прибыли виднейшие деятели крымско-татарского движения — Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет.

25 марта в Симферополе открылось общее собрание мусульман Крыма (от 1,5 тыс. до 2 тыс. делегатов, представлявших 12 организаций), создавшее Временный крымско-мусульманский исполнительный комитет (далее — Мусисполком) из 48 человек (был утвержден Временным правительством) под председательством

¹ Письмо Симферопольской инициативной группы большевиков в ЦК РСДРП(б). 6 августа 1917 г. // Борьба за Советскую власть в Крыму: документы и материалы. Симферополь, 1957. Т. I: Март 1917 — апрель 1918. С. 39.

² Аникеев В. В. Деятельность ЦК РСДРП(б) — РКП(б) в 1917–1918 годах: (Хроника событий). Октябрь 1917 — октябрь 1918. М., 1974. С. 521.

³ Гавен Ю. Из истории пролетарской печати в Крыму // Красный Крым. 1924. 6 мая.

⁴ Гавен Ю. П. Отголоски Октября в Крыму // ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 312. Л. 104.

Ч. Челебиева. В первый состав ЦК Мусисполкома вошли М. Д. Енилеев, Б. А. Меметов, М. Сыдык-эфенди, А. Зекьяи, А. С.-А. Озенбашлы, А. Ляtif-эфенди¹.

Усилия Мусисполкома, как понимал их Ч. Челебиев, должны были быть направлены на: «1) объединение крымско-татарского народа, организацию местных комитетов и подготовку татар к учредительному собранию; 2) реорганизацию духовного правления и управления вакуфами; 3) коренную реформу школьно-воспитательного дела крымских татар»². Была принята резолюция о переходе вакуфных имуществ и доходов с них в национальное достояние, послана приветственная телеграмма Временному правительству с выражением полной лояльности, произведен сбор пожертвований в фонд победы России в войне.

Весной — летом возникло 124 региональных исполнительных комитета (городских, уездных, волостных). С 5 апреля 1917 г. фактически все дела крымских татар, культурные, религиозные, экономические, а затем и политические, перешли в ведение Мусисполкома.

По указанию Мусисполкома исполкомы на местах начали создавать комитеты женщин и молодежи. Кроме того, в Симферополе и Бахчисарае были организованы комитеты студентов и школьников. Одновременно Мусисполком открывал краткосрочные курсы по повышению квалификации татарских учителей и подготовке уездных и районных работников. В Симферополе открылись женская татарская гимназия и женский татарский техникум. Мусисполком за подписью Челебиева опубликовал воззвание о снятии чадры с татарок. Для всех учителей татарских школ вводились экзамены. С августа 1917 г. Зынджирлы медресе в Бахчисарае было реорганизовано в педагогический институт³.

Интеллектуальная крымско-татарская верхушка позаботилась об информационной основе движения. С июня стали выходить газеты «Миллет» («Нация», на крымско-татарском языке); независимая «Къырым оджагы» («Крымский очаг», на крымско-татарском языке), отражающая линию оппозиционеров Мусисполкому, но вскоре закрывшаяся с продажей своей типографии газете «Миллет»⁴; с июля — «Голос татар» (на русском языке), орган левого крыла Мусисполкома. Продолжала издаваться газета «Енъи Терджиман» («Новый переводчик»), основанная просветителем И. Гаспринским в 1883 г.

Лидерами Мусисполкома стали Дж. Сейдамет — председатель Вакуфной комиссии, А. С. Айвазов, М. М. Кипчакский, С. Дж. Хаттат(ов), А. А. Боданинский и др. Бесспорным авторитетом для всех татар, вне различия взглядов, был

¹ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Крымско-татарское национальное движение в 1917—начале 1918 г. // История и археология Юго-Западного Крыма: сборник научных трудов Бахчисарайского государственного историко-культурного заповедника. Симферополь, 1993. С. 202.

² Бочагов А. К. Милли Фирка: национальная контрреволюция в Крыму: очерк. Симферополь, 1930. С. 38.

³ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму // Восточный свет. 2005. № 3. С. 29–30.

⁴ Там же. С. 34.

Ч. Челебиев. Он стал во главе Духовного управления и демократическим путем был избран муфтием.

Взгляды Ч. Челебиева, судя по его публичным высказываниям, ограничивались на первых порах реализацией крымско-татарской культурно-национальной автономии в составе федеративной России. Но идеи турецкого патронажа в руководстве национального движения не надо сбрасывать со счетов. Вообще зигзагообразность политического поведения «курултаевцев», как окрестили их крымские газеты, относительно внешних, явных и возможных, покровителей стала их видовой чертой.

Мурзачество и архаичное духовенство, потерпев неудачу на собрании 25 марта, на какое-то время сумело консолидироваться и развернуть кампанию против демократов — «безбожников» и ревнителей женского равноправия. Но 24 июля их вождь Ибраим-эфенди Тарпи был исключен из Мусисполкома за интриги против Ч. Челебиева и попытки занять там главенствующее положение. В начале сентября провалилась и его акция по созданию конкурентного татарского центра — Союза мусульман-ученых (улемов). Съезд духовенства был сорван татарской молодежью¹.

Несомненна социалистическая ориентация большинства «просветителей». Не менее важен и вопрос о создании Национальной партии крымских татар — «Милли Фирка». Советский историк А. К. Бочагов считал, что «Милли Фирка» сложилась в июле 1917 г., и ее руководящее ядро составили Ч. Челебиев, Дж. Сейдамет, С.-Дж. Хаттатов, А. Хильми, А. С.-А. Озенбашлы, А. С. Айвазов, Дж. Аблаев². В архиве нами обнаружена машинописная копия редакции партийной программы, выпущенной в виде листовки типографией газеты «Миллет» в 1917 г.³, что и дало повод согласиться с хронологией А. К. Бочагова. По его утверждению, газета «Миллет» являлась боевым партийным органом «Милли Фирки» и редактировалось А. С. Айвазовым⁴.

По словам А. С. Айвазова, программа «Милли Фирки», которую отстаивали Ч. Челебиев и Дж. Сейдамет, среди прочего была поставлена на обсуждение и утверждение на Всекрымском татарском делегатском съезде (1–2 октября 1917 г.). После двухчасового обсуждения она была единогласно принята⁵.

Этот вариант программы был выдержан в общедемократическом духе с элементами народнической идеологии. Провозглашался суверенитет народа, отстаивались равенство всех перед законом, политические свободы, демократические выборы, отмена сословных различий, паспортов, неприкосновенность личности, жилища, писем, декларировались социализация фабрик и заводов, ликвидация вакуфного землевладения и имущества в прежней, религиозной форме. Был выдвинут лозунг «Вся земля принадлежит общинам», по принципу: каждому

¹ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму. С. 29.

² Бочагов А. К. Милли Фирка... С. 24–25, 34.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 770. Л. 112–114.

⁴ Бочагов А. К. Милли Фирка... С. 42.

⁵ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму. С. 32.

земледельцу столько земли, сколько он может обработать без применения наемного труда. Оговаривались культурно-просветительские задачи (создание национальных форм на основе обязательного, всеобщего и бесплатного обучения, введение делопроизводства на родном языке), равноправие женщин и активное вовлечение их в общественно-политическую жизнь. В вопросе национально-государственного устройства «Милли Фирка» выступала за федеративную Россию, в которой «все языки должны быть равны», а Крыму отводилось место ее субъекта.

Если верить тюремным запискам А. С. Айвазова, «Милли Фирка» имела две программы — официальную и нелегальную. Вторая сводилась к восстановлению самостоятельности Крыма под протекторатом европейских великих держав¹. Для партии был характерен проводимый в ней строжайший кастовый централизм.

Первым «смотром» национальных сил и возможностей, поводом для которого послужил конфликт Мусисполкома с органами Временного правительства, стали события июня — июля 1917 г. Их стержнем явилась проблема создания чисто этнических (равно — одноконфессиональных) военных соединений, убежденнейшим сторонником чего выступал Ч. Челебиев. С такой просьбой муфтий обратился к военному министру еще 17 мая, предложив перевести в Крым запасные тыловые части Крымского конного полка. В июне крымско-татарская делегация предприняла «разведывательную» миссию в Петроград, столкнувшись в столице с полным безразличием к своим нуждам. После этого 18 июня началось сведение всех солдат-татар Крыма в единый комплекс.

Одним из определяющих ситуацию и в то же время чрезвычайно болезненных для Крыма оказался вопрос о его взаимоотношениях с Украиной. Центральная Рада, все более дистанцируясь от центра, проявляла в то же время и все большее желание втянуть в орбиту своей «самостийности» Крымский полуостров. Общественный комитет (с представительством от конституционных демократов, ПСР, РСДРП), чьи решения являлись пожеланиями для губернского комиссара, учитывая активизацию Рады и гипотетическую вероятность отрыва от центральных районов, счел нужным постановить: «Признав невозможным включение той или иной местности в состав какой-либо автономной территориальной единицы без ясно выраженного желания населения данной местности, обратить внимание Временного правительства на то, что вопрос о включении Таврической губернии в состав автономной Украины не разрешен ни одной из общественных организаций губернии и что поэтому и разрешение его Временным правительством преждевременно»².

Но украинский вопрос стал одним из тех многих вопросов, где Временное правительство продемонстрировало свое полное бессилие и неспособность принять какое-то определенное решение, поощряющее или, напротив, отвергающее претензии Украины на Крым. Вплоть до октября вопрос этот так и оставался подвешенным в воздухе.

¹ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму. С. 27, 31.

² Цит. по: Бунезин М. Ф. Революция и гражданская война в Крыму. 1917–1920 гг. Симферополь, 1927. С. 41.

После корниловского выступления лозунг «Пора брать власть» все чаще звучал на всевозможных съездах, причем не только из уст большевиков. 11 сентября 1917 г. ЦК Черноморского флота принял резолюцию: «Центральный комитет Черноморского флота, выразитель воли команд флота и портов, обсудив вопрос о кризисе власти и опираясь на решение масс в лице Советов и комитетов Черноморского флота, представивших резолюцию команд по этому вопросу, находит, что выходом из создавшегося гибельного для России и революции положения является немедленная передача власти в руки Всероссийского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»¹. Переход власти от Временного правительства и его производных типа Предпарламента к Советам означал переход от демократии парламентской к демократии прямой.

Большевики внедрялись в сильные и авторитетные общественные структуры: флотское самоуправление, советы, профсоюзы, фабзавкомы, создавали свои боевые отряды. Местные большевики налаживали контакт с центром, откуда вскоре начали, по заданиям ЦК, «поступать» эмиссары. Почти не имея доступа к газетам (где их взгляды зачастую подавались ернически или карикатурно), крымские большевики брали свое листовками и устной агитацией.

12 октября 1917 г. в Симферополе прошла первая конференция большевиков. Она выдвинула кандидатом в Учредительное собрание Г. Я. Сокольникова, будущего наркома финансов СССР.

Все сильнее расходящиеся в разные стороны векторы деятельности крымских политических кругов на очень короткий срок сблизил корниловское выступление конца августа. 30 августа 1917 г. для борьбы с правой опасностью был создан Объединенный комитет революционных организаций (просуществовал до 6 сентября). Властные структуры Крыма, включая губкомиссара и губисполком, земскую управу, Советы, Мусисполком и других, продекларировали свое единство, продемонстрировав лояльность по отношению к Временному правительству.

В свою очередь, провал корниловского выступления изменил и расстановку политических сил в столице. 31 августа Петроградский СРисД одобрил политическую резолюцию «О власти», внесенную большевиками и нацеливавшую на переход власти в руки Советов.

Проходивший в Крыму в сентябре 1917 г. так называемый Съезд народов принял решение созвать в ноябре Курултай (сейм, национальное учредительное собрание), который должен был решить вопрос о территориальной автономии Крыма и принять основные законы. По мнению сторонников созыва национального парламента, необходимость существования такого органа обусловлена наличием у татар государственной мудрости, присущей им с давних времен (в доказательство приводился пример Золотой орды).

Мусисполком, получив политический карт-бланш, все настойчивее стремился к стягиванию в один кулак всех имевшихся в наличии крымско-татарских вооруженных сил, а именно — эскадронов Крымского конного полка. Для изучения

¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. I. С. 57.

вопроса в Симферополь прибыл начальник штаба Одесского военного округа генерал-лейтенант Н. А. Маркс. Он пообещал перевести в Крым конный полк.

Главной же силой на полуострове был Черноморский флот. Визуально состояние флота была ужасающим. «Демократизация» перехлестнула все мыслимые границы. Новый командующий флотом контр-адмирал А. В. Немитц не контролировал подчиненных. Офицеры третировались, отстранялись от должностей, изгонялись, их помещения на судах захватывались матросами. Корниловский мятеж, несмотря на то что командующий подтвердил в приказе от 27 августа верность флота Временному правительству, а единство флота, по словам А. В. Немитца, «на этот раз было сохранено»¹, усилил недоверие рядовой массы к офицерам. В октябре были зафиксированы первые случаи их избиения. Назревала волна мщения «за всё». «Снова быстро нараставшее революционное движение, в экипажах, в порту, в городе, явно приближало вторую революцию», — вспоминал А. В. Немитц². Несмотря на падение дисциплины, силовой потенциал флота был по крымским масштабам огромен. В Севастополе, на флоте и в крепости, насчитывалось около 40 тыс. моряков. В сухопутных частях дисциплина разложилась раньше.

Временное правительство потеряло в армии и на флоте остатки авторитета. Это рикошетом ударило по партиям, его поддерживающим. Октябрьские выборы в Севастопольский совет лишили эсеров 63 мандатов; количество членов партии к этому времени сократилось вдвое. Резкое неприятие вызвали учреждение на флоте военно-революционных судов и введение в конце июля смертной казни, которую, однако, никто не осмелился бы применить. Разворачивалась украинизация флота, которой ввиду своего бессилия вынуждено было потворствовать Временное правительство. 1 ноября 1917 г. в Киеве была создана Морская генеральная рада. В октябре вопреки запрету Всероссийского центрофлота украинские флаги взвились над миноносцами «Завидный» и «Гаджибей» («Хаджибей»). Готовилась украинизация крейсера «Память Меркурия». А над иными судами с середины сентября реяли красные флаги. Лозунг «Вся власть Советам!» начинал повсеместно доминировать.

Итак, к Октябрю действующие лица заняли исходные позиции. Органы Временного правительства, беспомощные, не оправдавшие надежд, потеряли остатки власти.

§ 2. Установление и крах советской власти.

Осень 1917 г. — весна 1918 г.

После Октября события в Крыму начали развиваться стремительно. При этом лицо существовала разница между ситуацией в Севастополе, ставшем локомотивом социалистической революции, и остальным Крымом, не имевшим реаль-

¹ Немитц А. В. Недавнее прошлое русского флота (по личным воспоминаниям) // Гражданская война в России: Черноморский флот / сост. В. Доценко. М., 2002. С. 321.

² Там же.

ных сил для того, чтобы противостоять попытке татарских националистов взять власть в свои руки¹.

Принципиальным был вопрос о статусе Черноморского флота, во все времена игравшего определяющую роль в жизни полуострова. В Севастополе — главной базе флота — ситуация складывалась крайне непросто. Власть перешла к Севастопольскому военно-революционному комитету (ВРК), призвавшему всех к «соблюдению спокойствия, выдержке и железной революционной дисциплине»². В городе сначала обосновались большевики, практически ежедневно заседал революционный трибунал, изображавший видимость революционной законности³, но не слишком контролировавший матросскую стихию, политические настроения которой были весьма разнообразны — от большевиков до анархистов. Вместе с тем именно матросы были главной политической силой в Севастополе, определявшей ход событий в городе⁴. Значительная часть матросов просто не понимала лозунгов большевиков⁵ или понимала в своем, уже привычном анархическом ключе.

После прихода к власти большевиков усилился национализм крымских татар, решивших в тот момент сделать ставку на самоопределение Украины и поддержку власти Центральной рады. В воззвании Севастопольского военно-революционного комитета утверждалось, что «Севастополь в опасности!»; не только ему, но и всему Крыму «грозит военная диктатура татар»; повсюду «шныряют тайные агенты Рады и татарского штаба»⁶. Немалую роль играли так называемые «эскадронцы», т. е. вернувшиеся с германского фронта кавалерийские части, набранные только из татар и устроившие в Евпатории и Феодосии настоящую охоту на большевиков и их агитаторов⁷. Севастопольский ВРК предлагал всем желающим записываться в Черноморский революционный отряд, «недавно смело разбивший реакционные банды Корнилова»⁸, и призывал бороться с «военной диктатурой татар»⁹. Во второй декаде января советской властью было ликвидировано «татарское восстание» — попытка наступления местных националистов на Севастополь. 14 января 1918 г. большевиками был взят Симферополь, лидер националистов Д. Сейдамет бежал в Константинополь, а татарское националистическое движение ушло

¹ Атлас М. Л. Борьба за Советы. Очерки по истории Советов в Крыму 1917–1918 гг. Симферополь, 1933. С. 70.

² Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. I. С. 134–135. № 133–134.

³ Революционный трибунал // Крымский вестник. 1918. 13 января; Заседание революционного трибунала в Севастополе // Революционная Евпатория. 1918. 11 января.

⁴ Урановский. Переворот в Севастополе // Революция в Крыму... 1923. № 2. С. 30.

⁵ Воспоминания матроса-большевика П. З. Марченко: Воспоминания о Черноморском флоте в Севастополе в 1917–1918 гг. // ЦДНИКК. Ф. 2830 (Истпарт). Оп. 1. Д. 890. Л. 17.

⁶ Революционная Евпатория. 1918. 13 января.

⁷ Елагин В. История большевистского переворота в Ялте // Революция в Крыму... 1922. № 1. С. 47; Грудачев П. А. Багряным путем Гражданской. Симферополь, 1971. С. 20–35.

⁸ Революционная Евпатория. 1918. 13 января.

⁹ Там же.

в подполье, вновь активизировавшись лишь после падения советской власти в Крыму и прихода немецких оккупационных сил на полуостров. Сам факт возрождения татарского движения после ухода большевиков в конце весны 1918 г. наглядно свидетельствовал о том, что для татарских националистов, как справедливо заметил большевик В. Елагин, советская власть «оставалась русской, говорила на чуждом для татар языке», а крымские большевики в 1918 г. «не смогли разрешить национального вопроса»¹. «Собственно говоря, — вспоминал видный участник установления советской власти в Крыму И. Фирдевс, — в 1918 г., кроме большевиков, единственной реальной силой, которая была организована и политически могла сгруппировать вокруг себя, было национальное движение татар. Это национальное движение было, так сказать, одним из таких мощных факторов, к овладению которым нам нужно было стремиться. Все наши попытки в период 1918 г. овладеть этим национальным движением и направить его в русло советской власти нам не удавались»².

Вместе с тем татарский национализм и стремление татар захватить власть в Крыму искусно были использованы большевиками на первой фазе — в период борьбы за политическую власть над полуостровом. По выражению мемуариста Д. С. Пасманика, большевики фактически выступили в роли «национальных героев, свергающих ненавистное иго инородцев, поскольку другие партии настоящего стремления к власти проявить не сумели. “Воля к власти” оказалась лишь у большевиков, и они ее осуществили, не брезгуя никакими средствами»³.

Под предлогом борьбы с татарским национализмом большевики смогли устранить с флота наиболее ненавистных офицеров: на рубеже 1917–1918 гг. в Севастополе прошли две волны матросских самосудов⁴. 23 февраля 1918 г. стал одним из самых страшных дней в истории Севастополя⁵. В этот день при попустительстве советских властей вооруженная толпа пьяных, подчас до озверения, матросов устроила Варфоломеевскую ночь для офицеров Черноморского флота⁶.

¹ Елагин В. Националистические иллюзии крымских татар в революционные годы // Забвению не подлежит... (Из истории крымско-татарской государственности и Крыма): научно-популярные очерки. Казань, 1992. С. 105.

² Стенограмма вечера воспоминаний участников революции и Гражданской войны. Доклад И.-К. Фирдева. 1926 г. // ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 776. Л. 1.

³ Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926. С. 72–73.

⁴ Павленко А. П. Офицеры Черноморского флота России в революции 1917 г. и начале Гражданской войны (март 1917 г.—апрель 1918 г.): Дис. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2015. С. 58.

⁵ Лидзарь В. А. Варфоломеевская ночь в Севастополе // Бизертинский морской сборник. 1921–1923: Избранные страницы. М., 2003. С. 123.

⁶ В марте 1918 г. для борьбы с пьянством Совнаркомом Республики Тавриды был даже назначен чрезвычайный комиссар по борьбе с пьянством Коляденко. См.: Ялтинская коммуна. 1918. 2 апреля. Отдельные, а подчас и весьма серьезные вспышки насилия против «контры» наблюдались в Севастополе и раньше — в декабре 1917 г. и январе 1918 г. См. также: Гавен Ю. Первые шаги Соввласти в Крыму // Революция в Крыму... 1923. № 2. С. 52.

Повод для расправы над офицерами нашелся. По словам В. В. Роменца, главного комиссара Черноморского флота, назначенного на этот пост В. И. Лениным 13 ноября 1917 г., «виновники-организаторы татарского восстания и особенно украинская реакция, которая обосновалась в Севастополе, получили свое в февральские дни 1918 г.»¹. В. В. Роменец, одно имя которого, по свидетельству мемуариста А. С. Добровольского, «наводило трепет» на черноморскую буржуазию², утверждал, что такие «крутые меры пришлось принять в силу того, что был раскрыт заговор Севастопольской рады, и списки участников заговора в количестве 383 были доставлены мне М. М. Богдановым, который являлся секретарем этого секретного заседания, но был нашим человеком»³. Ужасы февральских расстрелов В. В. Роменец в своих воспоминаниях описал очень просто: «Мы дали залпы из винтовок по тем, кто этого заслужил»⁴. В другой версии своих воспоминаний он писал еще проще: «Случилась жестокая расправа с врагами рабочих и крестьян, и в одну из ночей врагам было отведено свое место в количестве 386 человек за боновым заграждением»⁵. Большинство убитых были похоронены в ту же ночь. По словам осведомленного начальника штаба Севастопольской крепости Ф. П. Рерберга, «в эту же ночь матросы мобилизовали все свои грузовики, которые ездили по городу и окрестностям, подбирали все трупы и свозили их на пристань, где тела убитых накладывались в баржи, как дрова, и увозились для потопления в море»⁶. Ф. П. Рерберг вспоминал: «Таким образом, в эту ужасную ночь матросы убивали людей на Историческом бульваре, прямо на улицах, даже на квартирах, много было убито на пристани, где были приготовлены баржи; убиты были и содержащиеся в тюрьме. Точное число жертв мы не имели, но общее число жертв исчислялось от 250 до 300. Убивали только мужчин и главным образом офицеров»⁷. Обратим внимание на то, что офицеров убивали, как справедливо заметил В. В. Крестьянников, «даже несмотря на то, что они были избраны своими командами». Опасаясь за жизнь своих командиров, матросы и солдаты направляли письма в ВРК, Севастопольский совет и ЦК Черноморского флота⁸.

¹ Воспоминания главного комиссара Черноморского флота В. В. Роменца // ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1800. Л. 37.

² Воспоминания А. С. Добровольского, комиссара Народного банка в г. Новороссийске // Там же. Д. 3893. Л. 1.

³ Воспоминания главного комиссара Черноморского флота В. В. Роменца // Там же. Д. 1800. Л. 37.

⁴ Там же. Л. 38.

⁵ Роменец В. В. Мои воспоминания ко дню 11-й годовщины // ГАРК. Ф. П-150. Оп. 1. Д. 676. Л. 4.

⁶ Rerberg F. P. Записки и воспоминания начальника штаба Севастопольской крепости // НИА. Р. 188. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

⁷ Там же.

⁸ Крестьянников В. В. «Варфоломеевские» ночи в Севастополе в феврале 1918 г. // Севастополь: взгляд в прошлое: научные статьи сотрудников Государственного архива г. Севастополя / сост. В. В. Крестьянников. Севастополь, 2006. С. 202.

По утверждению Ф. П. Рерберга, в офицерской среде говорили, что февральская резня была кем-то «заказана», при этом в первую очередь называлось имя матроса Василия Роменца¹. В свою очередь, Ю. Гавен утверждал, что в ночь с 22 на 23 февраля 1918 г. в Севастополе были убиты не менее 250 человек². Советский историк и активный участник событий В. К. Жуков называл две «главнейшие причины» «массового террора над севастопольской буржуазией и офицерством». Во-первых, невнесение в указанный в декрете Ревкома срок 10-миллионной контрибуции. «К этому ее можно побудить только оружием, тем более что в декрете угроза такая имелаась»³. Во-вторых, резкое обострение «военного и политического положения, в котором находилась Республика Советов»⁴. Правда, В. К. Жуков оговаривает, что местные советские власти потом приняли «экстренные меры», восстанавливая «порядок и авторитет власти» и объясняя «всю нелепость ночной расправы»⁵. Вместе с тем кровь уже была пролита, а градус напряжения в городе становился все более высоким.

Впечатление от Варфоломеевской ночи в Севастополе было такое сильное, что дошло даже до Петрограда. Л. Д. Троцкий прислал на имя Центрофлота телеграмму, в которой говорилось о том, что «виновники кошмарного произвола и беззакония, учинившие самосуд и расправу в Севастопольском порту и крепости, Революционным комитетом будут расследованы и преданы суду»⁶. В. В. Роменец был срочно вызван в Петроград для доклада. Ехать туда, по его собственным словам, он «очень трусил», поэтому принял решение пойти прямо к В. И. Ленину, минуя Л. Д. Троцкого. Выслушав сообщение В. В. Роменца о «заговоре» и изучив список «заговорщиков», В. И. Ленин заявил, что Роменец как руководитель поступил правильно, прибавив, что «такие меры надо принимать только тогда, когда нет иного выхода»⁷. Жестокость В. В. Роменца, конечно, не была забыта белогвардейцами. По словам А. С. Добровольского, «т. Роменец был на особом счету в Добровольческой армии, и первым приказом Кутепова, по занятии Новороссийска, было объявлено о награде в 20 тыс. рублей золотом за указания пребывания т. Роменец»⁸. В. В. Роменец пережил не только Гражданскую войну, но и сталинские репрессии и даже XX съезд КПСС. Заслуженный «герой революции» скончался в 1957 г., старательно работая в последние годы жизни над своими воспоминаниями, ныне хранящимися в бывшем партийном архиве в Санкт-Петербурге⁹.

¹ *Rerberg F. P.* Записки и воспоминания начальника штаба Севастопольской крепости. Р. 187.

² *Гавен Ю.* Первые шаги Соввласти в Крыму. С. 53.

³ *Жуков В. К.* Черноморский флот в революции 1917–1918 гг. М., 1932. С. 135.

⁴ Там же.

⁵ Там же. С. 143.

⁶ ЦГАИПД СПб. Ф. 4000. Оп. 5. Д. 1800. Л. 37–38.

⁷ Там же. Л. 38–39.

⁸ Там же. Д. 3893. Л. 3.

⁹ Копия воспоминаний В. В. Роменца хранится в ЦГАООУ: Ф. 59 (Коллекция воспоминаний о революционном движении, Октябрьской революции, Гражданской войне и социалистическом строительстве на Украине). Оп. 1. Д. 1136.

В начале 1918 г. была образована Социалистическая Республика Тавриды — первый опыт советской власти в Крыму. Во многом это напоминало краткосрочное владычество М. А. Муравьева в Киеве: те же террористические замашки, кураж вседозволенности и упоение сознанием собственной силы. Современный крымский историк А. А. Бобков даже утверждает в этой связи, что ни о каком «строительстве советской власти в Крыму... зимой — весной 1918 г. говорить нельзя. Это был абсолютно деструктивный процесс. Не анархия, а именно направленное разрушение русского государства и общества»¹. Так или иначе, но на рубеже 1917–1918 гг. «моряки возомнили себя вершителями судеб полуострова, устраивая одну за другой массовые расправы и терроризируя население»².

Население Крыма никакого сопротивления террору не оказало. Антибольшевистское движение на полуострове в то время было пассивно. Общественные деятели себя никак «не проявляли, притихли, и голоса их, хотя бы даже шепота, слышно не было совсем»³. Ключевой фигурой в антибольшевистском движении мог бы быть в таких условиях командующий Черноморским флотом М. П. Саблин. Однако этот, несомненно, порядочный человек и хороший офицер⁴ в силу особенностей своего характера не был готов к открытому бунту против новой власти, считая, что его долг как военного — приносить пользу России при любом политическом режиме⁵. Свое дело он, безусловно, знал. Везде М. П. Саблин служил хорошо — иначе он просто не умел. Служивший в оперативной части Черноморского флота С. Н. Сомов, может быть, не совсем обоснованно называл его «кабинетным адмиралом». Он же, вероятно, справедливо писал: «Будь на месте Саблина адмирал Колчак, было бы что-нибудь одно: или флот снес бы Севастополь, или большевики были бы выметены из него»⁶. На практике же получилось иначе: Севастополь не оказал большевикам за время их владычества организованного сопротивления и также безропотно покорился немцам, спокойно властвовавшим в городе русской военной славы все время их пребывания на полуострове.

Немцы, пользуясь подписанным с Центральной радой договором, приступили к фактической оккупации Украины. При этом Крым оккупировался ими, что называется, по умолчанию — пользуясь правом сильного. Советская Россия считала полуостров своей территорией и пыталась дипломатическим путем помешать немцам, по выражению В. И. Ленина, «мимоходом слопать» Крым⁷.

¹ *Бобков А. А.* Разворот солнца над Аквилоном вручную. Феодосия и феодосийцы в Русской смуте. Год 1918. Феодосия; Симферополь, 2008. С. 323.

² *Зарубин А. Г., Зарубин В. Г.* Без победителей. Из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 2008. С. 718.

³ ГА РФ. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1. Л. 440 об.

⁴ *Пилкин В. К.* В Белой борьбе на Северо-Западе: Дневник 1918–1920. М., 2005. С. 36.

⁵ Записки капитана 2 ранга П. А. Светлика // РГА ВМФ. Ф. Р-315 (Материалы по истории советского военно-морского флота). Оп. 1. Д. 266. Л. 125–126.

⁶ ГА РФ. Ф. Р-6378. Оп. 1. Д. 1. Л. 440 г.

⁷ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч. 5-е изд. М., 1958–1965. Т. 50. 1962. С. 50.

Однако оккупанты не обращали никакого внимания на увещания большевиков и упрямо гнули свою линию.

В апреле 1918 г. началось наступление немцев по всему побережью, не встречавшее практически никакого сопротивления, несмотря на уверения Военно-морским комиссариатом Республики Тавриды населения в том, что флот и «революционный Севастополь... решили до последнего вздоха стойко защищать благополучие Крыма от различных посягательств со стороны различных банд, руководимых предателями интересов трудящихся во главе с австро-германским генералом Макензенем и другими империалистами»¹. Однако плохо вооруженные отряды матросов и рабочих (одним из крупнейших отрядов руководил знаменитый матрос А. В. Мокроусов), численность которых, по воспоминаниям рабочего Севастопольского порта Колосова, не превышала 200 человек², не смогли сдержать наступления немцев. К 25 апреля 1918 г. все отряды оставили позиции и перешли на суда и береговые укрепления³. Одновременно, стараясь опередить немцев, вела наступление Крымская группа украинских войск под командованием подполковника П. Ф. Болбочана. Ему ставилась задача, опережая немецкие войска на линии Харьков—Лозовая—Александровск—Перекоп—Севастополь, очистить Крымский полуостров от большевиков и занять Севастополь. Предполагалось, что флот будет включен в состав вооруженных сил Украинской державы⁴. Однако сразу по занятии Крыма командующий немецкой группировкой в Крыму генерал Р. фон Кош огласил П. Ф. Болбочану ультиматум: украинцам предлагалось, сдав оружие, немедленно покинуть территорию полуострова под сопровождением немецкого конвоя на правах интернированных из независимого государства⁵. 1 мая оккупационные войска овладели Севастополем, сразу же начав проводить расправу с местными большевиками и сочувствующими. Активное участие в этом принимали и гайдамаки, превосходившие немцев в жестокости⁶.

Неприятелю достались значительные трофеи: семь линкоров, три крейсера, 12 эсминцев, 15 подводных лодок, пять плавучих баз, три румынских вспомогательных крейсера, несколько крупных торговых судов, учебных кораблей, минных заградителей, гидроаэропланов (1-й и 2-й бригад воздушного флота полностью), много мелких судов, большие запасы сырья и продовольствия, значительное число пушек, мин, бомбометов, радиотелеграфная станция и многое другое. Машины и пушки на кораблях обнаружены были в рабочем состоянии, разбитыми оказа-

лись только компасы и подзорные трубы. Потери для флота исчислялись колоссальной суммой. 3 мая после захвата Севастопольской морской базы украинские флаги были спущены и подняты германские¹. Расчет украинцев на передачу им Черноморского флота не оправдался.

§ 3. Крым в период германской оккупации весной—осенью 1918 г.

Итак, к 1 мая 1918 г. советская власть в Крыму пала. «Красная опричнина» на полуострове², как назвал ее генерал А. И. Деникин, просуществовала недолго, но оставила после себя жуткую память. Социалистическую Советскую Республику Тавриды большевиков сменили германские оккупационные силы под командованием генерала Р. фон Коша (три пехотные дивизии и конная бригада). Обыватели с трудом привыкали к мысли о том, что «Крым стал немецким и, наверное, на очень долгое время»³. Повседневная жизнь жителей полуострова поначалу мало изменилась. Русский генерал Э. В. Экк писал о том, что при немцах «стало спокойнее жить, особенно по ночам. Но присутствие их на нашей территории, образцовый порядок, царивший первое время в их войсках, еще больше давал чувствовать всю глубину нашего развала... и сердце щемило, и слезы навертывались от сознания своего бессилия»⁴.

В Крыму, как в свое время на Украине, оккупанты быстро установили порядок, т. е. режим наиболее выгодного для себя управления благодатным краем, революционная анархия была ими ликвидирована, а местные политические силы вели свою деятельность чрезвычайно осторожно, фактически подчинившись немцам⁵. В Крым из Советской России потянулись напуганные большевиками «буржуи», а «товарищи, — как вспоминал генерал В. Н. фон Дрейер, — топившие еще недавно офицеров в бухте и бросавшие их живьем в паровозные топки, притаились, ушли в подполье, и жизнь русской эмиграции в собственном отечестве была ключом»⁶.

Германию привлекало уникальное геополитическое положение полуострова — своеобразного моста между Европой и Азией⁷. По словам военного министра Центральной рады А. Т. Жуковского, «немецкая политика давно повернула взгляд на Крымский полуостров и предвидела большие выгоды для интересов своей власти.

¹ Борьба за Советскую власть в Крыму. Т. I. С. 271. № 348.

² Колосов. Севастополь с февраля до прихода немцев // Революция в Крыму... 1923. № 2. С. 96.

³ Воспоминания большевика-подпольщика А. П. Цырнюка // ЦГАООУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1460. Л. 22–23.

⁴ Сідак В., Осташко Т., Вронська Т. Полковник Петро Болбочан: трагедія українського державника. Київ, 2004. С. 22–23.

⁵ Там же. С. 26–27.

⁶ ЦГАООУ. Ф. 59. Оп. 1. Д. 1460. Л. 23.

¹ Королев В. И. Черноморская трагедия (Черноморский флот в политическом водовороте 1917–1918 гг.). Симферополь, 1994. С. 33.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты: [в 3 кн.]. М., 2003. Кн. 2, т. 3. С. 394.

³ Судейкина В. А. Дневник: 1917–1919: Петроград—Крым—Тифлис. М., 2006. С. 126.

⁴ Экк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны: Воспоминания о службе. 1868–1918. М., 2014. С. 506.

⁵ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 294.

⁶ Дрейер В. Н. фон. На закате империи. Мадрид, 1965. С. 224.

⁷ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 364.

Для них необходимы были занятия Севастополя и добыча в самое ближайшее время стратегического пути Берлин — Севастополь — Черное море и Центральная Азия»¹. Германия, естественно, не желала видеть Крым по-настоящему независимым государством. Однако позиции кайзеровской империи в продолжающейся до ноября 1918 г. мировой войне неуклонно слабели. Из Украины и Крыма Германия, находившаяся в глубочайшем экономическом кризисе, стремилась по максимуму вывезти ценное имущество и продовольствие. В повседневную жизнь края оккупанты особо не вмешивались — было уже не до этого: события на Западном фронте в ту пору были важнее, сил на полноценную диктатуру в Крыму у немцев уже не было, устроить «новый германский порядок» на полуострове в полной мере не удалось. Вместе с тем главный приоритет был соблюден: при поддержке германского руководства пост премьер-министра крымского краевого правительства получил генерал-лейтенант М. А. Сулькевич, приступивший 5–6 июня 1918 г. к формированию своего кабинета.

Американский историк П. Кенез назвал М. А. Сулькевича «крымским Скоропадским», акцентируя внимание на его прогерманской политике². В свою очередь, в советской литературе для оценки личности М. А. Сулькевича не могли подобрать другой характеристики, кроме как «приказчик» у немцев³. Конечно, такая аттестация слишком однобока, но нельзя не признать и того, что этот человек казался немцам исключительно удобной фигурой: царский генерал, литовский татарин по происхождению (это придавало правительству национальный характер), мусульманин, убежденный противник всякого рода революций, человек, «в Крыму совершенно неизвестный» и не имевший, как выразился осведомленный В. Д. Набоков, «никакого политического прошлого и никакой политической программы»⁴. Немцы были убеждены, что М. А. Сулькевич сохранит в Крыму спокойствие и порядок и обеспечит для них режим наибольшего благоприятствования. Его кандидатура показалась германскому командованию наиболее удобной, поэтому именно он и получил «ярлык» из рук оккупационных властей.

Каким запомнили М. А. Сулькевича современники? Своими размашистыми манерами и непринужденной болтовней он напоминал кадету В. А. Оболенскому «хлебосольного помещика доброго старого времени»⁵. Вместе с тем Д. С. Пасманик в своих воспоминаниях охарактеризовал М. А. Сулькевича как «полнейшее ничтожество»⁶. Думается, что подобные оценки чересчур предвзяты, хотя также очевидно и то, что государственным гением М. А. Сулькевич не был и не мог им быть. Его политические взгляды очевидны: генерал был убежденным монархистом и противником большевизма. Как следствие, кабинет М. А. Сулькевича проводил правую по-

литику, не пытаясь, в отличие от П. П. Скоропадского, заигрывать с представителями самых разных партийных течений¹. По своему составу кабинет представлял причудливое смешение разных национальных сил: представитель татар Д. Сейдамет получил портфель министра иностранных дел, немецкий колонист Т. Г. Рапп — министра земледелия, В. С. Налбандов, в жилах которого текла немецкая и армянская кровь, стал министром народного просвещения, а граф В. С. Татищев принял на себя управление Министерством финансов. Таким образом, как справедливо заметил Д. С. Пасманик: «Новая власть сразу повисла в воздухе: она не была ни татарской, ни русской»². Вряд ли поэтому можно согласиться с советским историком А. К. Бочаговым, что «миллифирковцы создают новое правительство»³.

Несмотря на, видимо, недостаточный для правителя Крыма в революционное время масштаб личности, генерал М. А. Сулькевич относился к своей должности на редкость серьезно и стремился к отстаиванию интересов маленького полуострова на всех уровнях и во всех вопросах. И если в отношениях между Германией и Крымом правила игры диктовали немцы, то в отношениях с Украинской державой гетмана П. П. Скоропадского все было совсем иначе: Крым не считал себя продолжением Украины, и в этом вопросе занял абсолютно принципиальную позицию. Опытный кадровый дипломат Н. В. Чарыков, получивший осенью 1918 г. приглашение от М. А. Сулькевича занять пост министра народного просвещения, а также принять кураторство над внешними сношениями, вспоминал, что в беседе с ним генерал признался, что «все, чего он хочет, это чтобы когда-нибудь его вспомнили, как «хорошего дворника», который помог сохранить для Российского государства его драгоценность, Крым»⁴.

Особый интерес вызывают отношения Крыма и Украины. И Центральная рада, и правительство гетмана П. П. Скоропадского стремились к включению Крыма в состав Украины. Германии же было бесспорно выгодно существование двух вассальных режимов на Юге бывшей Российской империи — П. П. Скоропадского и М. А. Сулькевича. Как следствие, Берлин запугивал последнего угрозой превращения Крыма в часть Украины (так было легче держать Крым в узде); П. П. Скоропадского же успокаивали в том духе, что скоро все территориальные притязания Украины будут удовлетворены. Примечательно, что Крым (в первую очередь, об этом приятно было думать самому М. А. Сулькевичу, выпрашивавшему, по слухам, у кайзера Вильгельма II ханский титул) в ту пору считал себя независимым государством, хотя местные политики и осознавали, что судьба полуострова — будет ли он в составе державы П. П. Скоропадского или же будет самостоятельным — фактически решается в Берлине, что и продемонстрировала история работы дипломатической миссии В. С. Татищева в германской столице. В. С. Татищев с подачи своего патрона, генерала М. А. Сулькевича, поставил перед германским руководством во-

¹ ЦГАВО Украины. Ф. 3543. Оп. 1. Д. 1. Л. 84 об.

² *Kenez P.* Civil war in South Russia, 1918. Berkeley, CA, 1971. P. 276.

³ *Бунегин М. Ф.* Революция и гражданская война в Крыму... С. 192.

⁴ *Набоков В. Д.* Крым в 1918/19 гг. / публ. А. С. Пученкова // Новейшая история России. 2015. № 1. С. 225.

⁵ *Оболенский В. А.* Моя жизнь. Мои современники. Париж, 1988. С. 596–597.

⁶ *Пасманик Д. С.* Революционные годы в Крыму. С. 102.

¹ ГА РФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 6.

² *Пасманик Д. С.* Революционные годы в Крыму. С. 102.

³ *Бочагов А. К.* Милли Фирка... С. 51.

⁴ *Чарыков Н. В.* Беглый взгляд на высокую политику / пер. с англ. Л. А. Пуховой. М., 2016. С. 214.

прос о признании на межгосударственном уровне независимости Крыма. Конечно, немцы более чем холодно встретили дипломатические инициативы нового государства, заявив о том, что «в связи с настоящим международным положением» Германия не считает возможным объявить «о признании государственной независимости Крыма»¹. Миссия В. С. Татищева, таким образом, провалилась, а германский генерал Р. фон Кош прямо заявил М. А. Сулькевичу о том, что «окончательная судьба Крыма должна определиться позднее»².

§ 4. Судьба Черноморского флота и крымско-украинские взаимоотношения в период германской оккупации

Черноморский флот, претерпевший чудовищную драму затопления в Цемесской бухте³, был, конечно, обезглавлен и деморализован. В свою очередь, та часть флота, которая была приведена капитаном 1 ранга А. И. Тихменевым из Новороссийска в Севастополь, фактически в плен к немцам, также находилась не в лучшем техническом состоянии. Остатки Черноморского флота, базировавшиеся в первую очередь в Севастополе, беспощадно разграблялись. В таких условиях флот, безусловно, не мог себя ощущать полноценной боевой единицей. Немцы, рассчитывавшие остаться в Крыму надолго, со свойственной им хозяйственностью проводили ремонт наличных кораблей, собираясь увести их в конечном итоге в Германию. В течение всего времени своего пребывания на полуострове оккупанты отправляли в «метрополию» то, в чем Германия на тот момент испытывала дефицит. По распоряжению генерала Р. фон Коша в Берлин отправлялись поезда, нагруженные предметами обстановки императорских дворцов и яхт, из Севастопольского порта вывозилось разнообразное ценное имущество⁴. Ключи от магазинов, складов и мастерских порта хранились у немецких офицеров, забиравших из них материалы и инвентарь без всяких документов, «причем забор их носит характер, если можно так выразиться, чисто стихийный, не оправдываемый надобностью» — так докладывал командующему Черноморским флотом Украины капитан 2 ранга В. Д. Погожев 13 мая 1918 г.⁵ Немцы и австрийцы грабили все, что только можно, официально именуя это «военной добычей». Начальник всех портов Черноморского флота адмирал А. Г. Покровский наивно вопрошал в одном из документов: что «является «военной добычей»

при настоящей обстановке, когда войска дружественных государств введены в страну по приглашению ее правительства?»¹

Новые хозяева вели себя в Крыму бесцеремонно, пользуясь своей силой и безнаказанностью. Неопределенность положения в смысле принадлежности тому или иному правительству флота, Севастополя, имущества флота способствовала тому, что грабежи с территории порта стали каждодневным делом. Помимо немецких, если можно так выразиться — легальных, грабителей, хватало и своих, воровавших казенное имущество, не боясь поставленных немецких караулов. Такие кражи стали обыденным явлением². Доходило до того, что жители города воровали даже крупногабаритные вещи: корабельные столы, деревянные переборки и даже пианино рубились на дрова и уносились на берег³. Из-за действий грабителей от кораблей остались только старые железные коробки, так как германцы сняли все целые механизмы.

После ухода немцев из города на заседании Севастопольской городской думы 16 декабря 1918 г. был организован Севастопольский отдел Комиссии по исчислению убытков, «причиненных германскими войсками в Крыму», председателем которого назначен генерал-майор М. П. Щиголев⁴. Комиссия производила допросы свидетелей для установления точной суммы «убытков ведомств», одновременно производя «поверочные действия путем допросов свидетелей по исчислению убытков частных лиц»⁵. Еще прежде, 9 декабря 1918 г., постановлением Совета министров крымского краевого правительства была образована Комиссия по исчислению «убытков, причиненных в Крыму частным лицам и казне германскими властями во время оккупации»⁶.

Что же касается судьбы Черноморского флота в период оккупации, то она так и осталась неразрешенной. Немцы предложили Украине заплатить за флот как за общероссийское имущество сумму порядка 200 млн рублей⁷. Но вопрос повис в воздухе. Чьим был флот во второй половине 1918 г.: украинским, крымским, российским или немецким — на этот вопрос с правовой точки зрения ответить крайне сложно.

Украина делала попытки получить корабли Черноморского флота, находившиеся в румынских портах, но платить содержание личному составу команд крейсеров не собиралась, поскольку, как сообщал товарищ морского министра контр-адмирал Н. Л. Максимов официальному представителю морского министерства

¹ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 2, т. 3. С. 396.

² Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 382.

³ Подробнее см.: Пученков А. С. Украина и Крым в 1918—начале 1919 года: очерки политической истории. СПб., 2013. С. 133–144.

⁴ Винавер М. М. Наше правительство (Крымские воспоминания 1918–1919 гг.). Париж, 1928. С. 2.

⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 2203 (Морской генеральный штаб при Морском министерстве Украинской державы). Оп. 1. Д. 3. Л. 58.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 5. Л. 60.

² Там же. Д. 120. Л. 86.

³ Там же. Ф. Р-1722. Оп. 1. Д. 19. Л. 8.

⁴ АГС. Ф. Р-437 (Севастопольский отдел по исчислению убытков, причиненных германскими войсками в Крыму). Оп. 1. Д. 22. Л. 2, 4.

⁵ Там же. Л. 42.

⁶ Там же. Л. 45.

⁷ Скоропадский П. Спогади. Кінець 1917—Грудень 1918. Київ; Філадельфія, 1995. С. 264.

Украинской державы для связи с германским командованием в Крыму контр-адмиралу В. Е. Ключковскому, «выдавать содержание командам означенных судов возможно лишь с момента перехода этих судов в распоряжение Украинской державы. За прежнее же время Украина платить не обязана и вообще не имеет возможности делать это за отсутствием средств»¹. Подобный факт более чем показателен. Великодержавность Украины, попытки заполучения державой русского имущества не подтвердились ни военной силой, ни экономической, ни политической независимостью.

Правительство гетмана более чем отчетливо понимало значение Крыма для украинской торговли. П. П. Скоропадский не единожды получал от своих подчиненных докладные записки подобного плана: «Неясность положения Крыма, главным образом Севастополя, в высшей степени затрудняет решение очень многих существенных вопросов... По-видимому, вопрос о принадлежности флота и Крыма крайне трудно разрешить на месте, а потому не явится ли правильным решением послать в Берлин специальную миссию для решения столь коренных для Украинской державы вопросов, как вопрос о существовании морской торговли, каковая без обладания Крымом и без военного флота явится лишь фикцией»².

Сам же П. П. Скоропадский личных контактов с М. А. Сулькевичем не имел, они оборвались, не начавшись. Два генерала понять друг друга не смогли. Гетман был убежден, что «Украина не может жить, не владея Крымом, *это будет какое-то туловище без ног* (курсив наш. — Авт.). Крым должен принадлежать Украине, на каких условиях — это безразлично, будет ли это полное слияние или широкая автономия, последнее должно зависеть от желания самих крымцев, но нам надо быть вполне обеспеченными от враждебных действий со стороны Крыма. В смысле же экономическом Крым фактически не может существовать без нас»³. В свою очередь генерал М. А. Сулькевич заявлял в интервью одной из ялтинских газет: «Мое правительство не было ни за Украину, ни против нее, а стремилось лишь к установлению добрососедских отношений, одинаково полезных и нужных как для Украины, так и для Крыма. После того как я сообщил в Киев о моем новом назначении, я неожиданно получил от украинского правительства телеграмму, адресованную мне как «губерниальному старосте» на украинском языке. Я ответил, что я не «староста», а глава правительства самостоятельного края и что я прошу установить сношения между нами на *общественном языке — на русском* (курсив наш. — Авт.). Этот мой поступок объявили в Киеве «разрывом дипломатических отношений». Мы, т. е. крымское правительство, послали своего уполномоченного в Киев для установления экономического соглашения, но оно там натолкнулось на абсолютные закрытые двери»⁴.

¹ РГА ВМФ. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 120. Л. 9. Рапорт от 30 октября 1918 г.

² ЦГАВО Украины. Ф. 2203. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.

³ Скоропадский П. Спогади... С. 262.

⁴ Цит. по: Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 415. «На Украине официальным языком был украинский, и не генералу Сулькевичу было менять заведенный порядок», — комментировал сложившуюся ситуацию гетман П. П. Скоропадский (Скоропадский П. Спогади... С. 262).

Действительно, в июне 1918 г. Украина развернула против Крыма настоящую таможенную войну, решительным сторонником которой выступал сам гетман¹, по его словам, эта мера была, может быть, и «слишком решительная, но она по крайней мере приводила крымское правительство к сознанию, что то направление, которое оно приняло, не может дать счастье Крыму»². По распоряжению украинского правительства все товары, направляемые в Крым, реквизировались. В результате закрытия границ Крым лишился украинского хлеба, а Украина — крымских фруктов. Продовольственная ситуация в Крыму заметно ухудшилась, даже в Симферополе и Севастополе были введены карточки на хлеб. Населению Крыма стало очевидно, что край прокормить сам себя не может, но правительство М. А. Сулькевича упорно стояло на позиции сохранения фактической независимости своего маленького государства и уделяло большое внимание вопросам, связанным с внешними атрибутами независимости. Крым в 1918 г. успел получить, например, свой герб.

Государственным гербом утверждался герб Таврической губернии (византийский орел с золотым восьмиконечным крестом на щите), флагом — голубое полотнище с гербом в верхнем углу древка. Столицей государства объявлялся Симферополь. В ранг государственного языка был возведен русский, но с правом использования на официальном уровне татарского и немецкого. Независимый Крым планировал начать выпуск и собственных денежных знаков. Был разработан закон о гражданстве Крыма. Гражданином края, без различия вероисповедания и национальности, мог стать любой человек, родившийся на крымской земле, если он своим трудом содержал себя и свою семью. Предусматривалось и двойное гражданство³. М. А. Сулькевич ставил задачу создания собственных вооруженных сил, так и не реализованную на практике. Украинизация Крыма не осуществлялась, так как край стремился всячески подчеркивать свою обособленность от Украины, что в целом успешно удавалось осуществлять в течение всего периода владычества М. А. Сулькевича и П. П. Скоропадского. В куда большей степени независимый Крым ассоциировал себя именно в государственной связи с Россией, воспринимая себя как часть Российского государства; лишь временно, вследствие отсутствия в России признанной национальной власти, Крым находил возможным считать себя независимым государством.

В сентябре 1918 г. Украина несколько ослабила режим экономической блокады Крыма. Официально «таможенная война» закончилась. В результате Симферополь счел возможным начать переговоры с Киевом. В конце сентября крымская делегация во главе с министром юстиции А. М. Ахматовичем посетила Киев. В письме гетману М. А. Сулькевич сообщал о том, что А. М. Ахматович уполномочен на ведение переговоров «об урегулировании экономических и финансовых вопросов, касающихся Крыма и Украины, об условиях политического соединения Крыма

¹ Донцов Д. Рік 1918, Київ. Київ, 2002. С. 59.

² Скоропадский П. Спогади... С. 263.

³ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 383.

и Украины и о других вопросах, затрагиваемых таковым соединением»¹. А. М. Ахматович, постоянно телеграфировавший в Симферополь М. А. Сулькевичу о ходе переговоров и получавший от него дополнительные инструкции², вел себя достаточно амбициозно, в частности заявляя, что в «экономическом отношении Крым находится в блестящем положении», и подчеркивая, что крымская делегация приехала в Киев лишь потому, что таможенная война прекратилась³. Отвечая на вопрос о слиянии Крыма с Украиной, А. М. Ахматович отмечал, что «на Украине, очевидно, не осведомлены о крымских делах. Мы приехали сюда говорить, как равный с равным. Мы стоим на принципе национального самоопределения, и мы верим, что идея национального самоопределения восторжествует. Сейчас я не имею права говорить, какую форму правления делегация считает приемлемым и необходимым отстаивать для Крыма. Но несомненно одно, что для Крыма мы будем требовать таких же прав, какие Украина требует для себя»⁴.

Переговоры, хотя и шли несколько недель, не привели ни к каким определенным результатам. Крымская делегация с самого начала оговорила, что приехала в Киев «не для подписания готового контракта, а для ведения переговоров»⁵. Симферополь предлагал акцентировать внимание на экономических вопросах, в то время как для Киева важнее были вопросы политические, а именно условия присоединения Крыма к Украине. Украинская делегация во главе с премьер-министром Ф. А. Лизогубом пыталась на переговорах играть первую скрипку и представила «Главные основания соединения Крыма с Украиной» из 19 пунктов. Суть их сводилась к тому, что Крым должен был войти в состав Украины на правах автономного края «под единой Верховной властью Его Светлости Ясновельможного Пана Гетмана (официальный титул П. П. Скоропадского)»⁶. Для решения вопросов, связанных с Крымом, при особе гетмана должен был состоять статс-секретарь по крымским делам, назначавшийся гетманом из числа трех кандидатов, предлагавшихся крымским правительством. «Вскоре мы увидели, — вспоминал участвовавший в переговорах в составе крымской делегации дипломат Н. В. Чарыков, — что все, чего хочет украинское правительство, это просто захватить Крым»⁷.

Первое заседание крымской и украинской делегаций состоялось 5 октября 1918 г. Условия, предложенные Украиной, крымскую делегацию не устроили. Некоторые из 19 пунктов могли бы «стать предметом соглашений», а остальные выходили далеко за пределы полномочий крымской делегации, ибо говорили о фактическом признании Крыма частью Украинской державы. «Главные основания» были

¹ Крымско-украинские переговоры. Собрание документов, касающихся пребывания в Киеве делегации Крымского государства. 26 сентября — 16 октября 1918 г. Симферополь, 1918. С. 18. Письмо от 26 сентября 1918 г.

² ГАРК. Ф. Р-999. Оп. 1. Д. 53. Л. 1–15.

³ Сообщение А. М. Ахматовича // Киевская мысль. 1918. 18 сентября (1 октября).

⁴ Там же.

⁵ Крымско-украинские переговоры... С. 3.

⁶ Киевская мысль. 1918. 27 сентября (10 октября).

⁷ Чарыков Н. В. Беглый взгляд на высокую политику. С. 215.

расценены крымскими дипломатами не как «проект соединения», а как «проект порабощения», последнее утверждение относилось в первую очередь к признанию Крымом власти П. П. Скоропадского¹. В этой ситуации крымская делегация попросила отсрочку в переговорах и заявила о требовании того, чтобы текст соглашения был утвержден «международным мирным конгрессом»². Крымские делегаты высказали убеждение, что в конце концов Киев поймет «невозможность механического соединения Крыма и Украины» и что, напротив, «автономия Крыма — путь к умиротворению внутренней вражды. На этом пути примирятся как внутренние сепаратисты, так и те, кто живет надеждой на воссоздание великой России»³.

Симферополь, в свою очередь, выдвинул контрпредложения, сводившиеся к установлению с Украинской державой федеративного союза и заключению двустороннего договора⁴, причем в основе деятельности союза, по убеждению Крыма, должна была лежать «братская согласованность внешней политики членов союза», а во всем остальном члены союза, «обладая каждый своей собственной верховной властью... пользуются полной, в пределах упомянутых соглашений, самостоятельностью»⁵. Киев, естественно, «контрпредложения» Симферополя устроить не могли: украинская делегация прервала переговоры, пригрозив возобновлением таможенной войны. В итоге ни к какому соглашению стороны так и не пришли, а вскоре изменились и общие условия: к концу стала подходить мировая война, в которой Германия — главный источник поддержки и для М. А. Сулькевича, и для П. П. Скоропадского — потерпела поражение.

§ 5. Военная и гражданская власть в Крыму в период англо-французской интервенции. Осень 1918 г. — весна 1919 г.

Благодеяние немцев в Крыму продолжалось недолго. Близился конец мировой войны, что в середине октября 1918 г. стало очевидным уже для многих. Судьба же правительства М. А. Сулькевича зависела только от поддержки немцев.

За время своего правления кабинет М. А. Сулькевича не сумел обрести в глазах народа какого-нибудь признания и уважения. С симпатией к ставленнику немцев относились лишь крымские татары. Оппозиция же видела в нем виновника всех бед края. 17 октября на квартире видного кадета Н. Н. Богданова в Ялте кадетское руководство, предварительно заручившееся поддержкой немецкого командования, вынесло решение о необходимости отрешения кабинета М. А. Суль-

¹ Крымско-украинские переговоры... С. 4.

² Там же. С. 40. Нота от 10 октября 1918 г.

³ Там же. С. 60.

⁴ Разрыв украинско-крымских переговоров // Киевская мысль. 1918. 28 сентября (11 октября).

⁵ Краккий отчет о деятельности делегации Крымского правительства в Киеве с 26 сентября по 16 октября 1918 г. // Крымский архив. 1996. № 2. С. 73.

кевича от власти. Участники совещания с самого начала квалифицировали поставленную задачу — смещение М. А. Сулькевича — «как государственный переворот»¹. На партийном совещании комитета кадетов на даче М. М. Винавера под Алуштой было принято решение о необходимости рекомендовать съезду губернских гласных Крыма избрать председателем правительства опытного политического деятеля кадета С. С. Крыма².

Сам М. М. Винавер чуть раньше осуществил, по его выражению, «паломничество»³ в Екатеринодар, где познакомился с вождями Добровольческой армии и составил о них благоприятное мнение. Почва для будущей «челобитной» А. И. Деникину была подготовлена. Год спустя М. М. Винавер обосновывал необходимость свержения М. А. Сулькевича тем, что в противном случае край вновь грозили захлестнуть большевистская анархия и волна губительного для дела последующего воссоздания России сепаратизма. М. М. Винавер писал, что кадеты решили осуществить переворот и отрешить Сулькевича от власти с единственной целью — установления в Крыму антибольшевистского и лояльного Деникину политического режима вплоть «до момента образования единой государственной власти»⁴.

В середине октября приехавший в Екатеринодар Н. Н. Богданов проинформировал А. И. Деникина о предстоявшем перевороте в Крыму. Кроме того, Н. Н. Богданов просил его о назначении ответственного лица для организации в Крыму «вооруженной силы именем Добровольческой армии и о посылке туда десантного отряда»⁵.

А. И. Деникин дал Н. Н. Богданову согласие на все его предложения. Уже в эмиграции Н. Н. Богданов стремился подчеркнуть, что «крымское правительство призвало Добрармию в Крым, оно сделало все возможное, чтобы материально и нравственно поддержать Добрармию, и с самых первых дней своего существования связало свою судьбу с армией»⁶. Ситуация в Крыму менялась день ото дня. Так, 3 ноября 1918 г. командующий немецкой группой в Крыму генерал Р. фон Кош письмом на имя М. А. Сулькевича заявил отказ от дальнейшей поддержки его правительства, а уже 4 ноября крымский премьер-министр запросил А. И. Деникина о «быстрой помощи союзного флота и добровольцев»⁷. В ожидании десанта Добровольческой армии улицы Ялты были украшены трехцветными флагами

и гирляндами. Буржуазные обыватели надеялись на скорый приход добровольцев¹. Однако было уже поздно.

Начавшаяся в Германии революция ускорила падение кабинета М. А. Сулькевича. Понимая, что без поддержки «общественности» ему не удержать власть, глава крымского правительства предложил кадетам составить свой кабинет, с условием, что он остается «начальником края». Однако такие компромиссы уже не могли устроить конституционных демократов, и они ответили отказом на предложения генерала, власть которого доживала последние дни. 14–15 ноября кабинет М. А. Сулькевича сложил свои полномочия, генерал без споров передал все дела новому кабинету. Вскоре сам незадачливый лидер Крыма отбыл в Азербайджан, чтобы там продолжать в роли начальника Генерального штаба Вооруженных сил Азербайджанской Демократической Республики свою, как выразился А. И. Деникин, «русифицированную работу»². Позднее М. А. Сулькевич был расстрелян большевиками.

Крушение центральных держав сделало Крым вновь всецело зависимым от России, с которой тогдашнее правительство полуострова ассоциировало в первую очередь Добровольческую армию.

Ядром для формирования Добровольческой армии в Крыму был ее Крымский центр, возглавляемый генералом бароном А. К. де Боде³. Деятельность Центра по отправке офицеров в армию была не слишком эффективна, Крым не дал армии ни одной значительной партии. Теперь, после поражения центральных держав, правительство Крыма вошло с генералом А. К. де Боде в соглашение. В свою очередь А. И. Деникин в письме С. С. Крыму заявил о готовности Добровольческой армии помочь краю. Приказом А. И. Деникина от 18 ноября (1 декабря) 1918 г. Крымский центр был расформирован, а А. К. де Боде стал именоваться «Командующим войсками Добровольческой армии в Крыму». Генерал должен был «вступить в командование всеми полевыми войсками и гарнизонами крепостей на правах Командира Корпуса»⁴. По распоряжению А. И. Деникина небольшой отряд добровольцев с одним орудием был выслан в Ялту, а другой отряд отправлен для занятия Керчи. На основе этих незначительных по численности сил начала формироваться «Крымская дивизия», в командование которой вступил генерал-майор А. В. Корвин-Круковский, которому А. И. Деникин дал следующие инструкции: «Русская государственность, русская армия, подчинение мне. Всемерное содействие крымскому правительству в борьбе с большевиками. Полное невмешательство во внутренние дела Крыма и в борьбу вокруг власти»⁵.

¹ Записки министра труда крымского правительства П. С. Бобровского // ГА РФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 7. Л. 16. К слову, точно так же определил результаты совещания и генерал М. А. Сулькевич, употребивший именно эту дефиницию — «государственный переворот» — в беседе с кадетом В. Д. Набоковым (см.: *Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг.* С. 230).

² *Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники.* С. 612.

³ *Винавер М. М. Наше правительство...* С. 16.

⁴ Черновик письма М. М. Винавера. 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р-5818. Оп. 1. Д. 54. Л. 1–2.

⁵ *Деникин А. И. Очерки русской смуты.* Кн. 3, т. 5. С. 418.

⁶ *Богданов Н. Открытое письмо А. И. Деникину // Последние новости.* Париж, 1928. 22 декабря.

⁷ *Деникин А. И. Очерки русской смуты.* Кн. 2, т. 3. С. 398.

¹ Письмо В. А. Степанова А. И. Деникину. 15 ноября 1918 г. // ГА РФ. Ф. 10003. Оп. 11. К. 54. Л. 210.

² *Деникин А. И. Очерки русской смуты.* Кн. 2, т. 3. С. 398. О некоторых аспектах деятельности М. А. Сулькевича на этом посту см.: *Ганин А. В. Разведчики эпохи дилетантов // Известия Лаборатории древних технологий.* 2016. № 4. С. 98–123.

³ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 18. Л. 1.

⁴ Там же. Д. 20. Л. 6.

⁵ *Деникин А. И. Очерки русской смуты.* Кн. 3, т. 5. С. 419.

Несмотря на номинальное главенство А. К. де Бодде, именно А. В. Корвин-Круковский и был центральной фигурой, представлявшей интересы А. И. Деникина в Крыму. А. В. Корвин-Круковский по мере сил инструкцию своего главкома выполнял и изначально публично выказывал лояльность по отношению к ревниво оберегавшему свои прерогативы крымскому правительству и уважение к местным особенностям региона, заявляя, что главная функция Добровольческой армии на полуострове сводится к поддержанию здесь законности и порядка при помощи союзников¹. Впрочем, в среде военных А. В. Корвин-Круковский, «молодцеватый генерал, боевой, но с недобрим взглядом и с сугубой резкостью в манерах»², о гражданской власти правительства уже ничего не говорил, демонстрируя тем самым, по мнению мемуариста, «свое бурбонски-презрительное отношение к гражданской власти»³.

Вместе с тем решение генерала о начале мобилизации офицеров и формировании офицерских рот вызвало недовольство у местного населения, и без того подверженного большевистской пропаганде. К моменту прибытия добровольцев и союзников в Крым у значительной части жителей имелось оружие: во-первых, его распродавали солдаты, возвращавшиеся с фронта и нуждавшиеся в деньгах; во-вторых, оружием вовсю торговали немцы, торопясь получить последний доход перед убытием на родину. Все это сильно сгущало атмосферу, в воздухе буквально витало напряжение. Отношение к добровольцам у крымского населения, как правило, было откровенно недоброжелательное. «Не хотим власти генерала Деникина», — вот что говорил базар. А трехцветный флаг и золотые погоны просто возбуждали ненависть, как символ старого «проклятого» времени», — вспоминал вдумчивый мемуарист, профессор Н. Н. Алексеев, живший в то время в Крыму⁴. Добровольцев считали откровенными реакционерами, армию А. И. Деникина — монархической и буржуазной. Этому немало способствовали и сами деникинцы, зачастую распевавшие в пьяном виде в крымских ресторанах «Боже, царя храни». Такое поведение белогвардейцев приводило к тому, что отношение к Добровольческой армии становилось все более неприязненным, а количество противников деникинцев в Крыму все увеличивалось, включая уже не только рабочих, но и представителей мелкой буржуазии⁵.

Однако сами добровольцы в конце 1918 г. думали, что Крым — полуостров с высоким уровнем политической стабильности, пребывание на территории которого для Белого движения очень выгодно. В письме военному министру правительства А. В. Колчака генералу Н. А. Степанову, датированном декабрем 1918 г., А. И. Деникин с удовлетворением сообщал, что «Крымский полуостров входит в сферу действий Добровольческой армии по соглашению с местным краевым правитель-

ством и занят частями Добровольческой армии, также начинается производство мобилизации»¹. Предполагалось, что посланные А. И. Деникиным части являются лишь кадрами, которые будут пополняться путем мобилизации офицеров и солдат на территории Крыма. Дело это возлагалось также на генерала А. К. де Бодде². Резюмируя плюсы и минусы попадания Крыма в «сферу действий Добровольческой армии», А. И. Деникин писал в «Очерках русской смуты»: «В морально-политическом отношении это был еще один шаг в сторону государственного объединения. Но в чисто стратегическом, кроме прикрытия военных портов и морских баз, занятие Крыма давало к тому моменту мало выгод: Крым требовал войск, снабжения и хлеба, отягчая тем положение главного фронта Добр. армии»³.

Помимо всего прочего, падение немцев, кризис гетманской власти и ожидаемый приход в Крым союзников способствовали тому, что А. И. Деникин открыто заявил о своих претензиях на Черноморский флот, оставшийся к концу 1918 г. фактически бесхозным. Присоединение это было, по словам А. И. Деникина, «номинальное, так как был командный состав, но не было в его распоряжении боевых судов», находившихся в фактическом плену у союзников: вошедшие в Севастополь союзники подняли на русских судах свои флаги и заняли их своими командами⁴.

13 ноября А. И. Деникин отдал приказ о назначении на должность командующего Черноморским флотом адмирала В. А. Канина, в годы войны одно время командовавшего Балтийским флотом. Тот некоторое время колебался, прекрасно зная тяжелейшее положение уцелевших после новороссийской катастрофы остатков Черноморского флота, к тому же находившихся в «плену», и старательно отмечая в прессе всякие разговоры о своем грядущем назначении⁵, но затем согласился на вступление в должность командующего, сразу же начав активно бомбардировать вновь образованное правительство С. С. Крыма просьбами о срочной денежной помощи действительно бедствующему флоту⁶. Положение на флоте было таково, что большинство офицеров не имели не то что денег, но даже огнестрельного и холодного оружия, последовательно изымавшегося у них всеми властями. Револьверы для офицеров пришлось закупать у находившейся в Севастополе английской эскадры⁷.

В новое правительство С. С. Крыма, в соответствии с постановлением Земско-городского собрания, созданного на коалиционной основе⁸, вошли социалисты С. А. Никонов (народное просвещение) и П. С. Бобровский (Министерство труда),

¹ Беседа с генералом Корвин-Круковским // Южные ведомости. 1918. 30 ноября.

² Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. С. 125.

³ Там же. С. 126, 131.

⁴ Алексеев Н. Н. Из воспоминаний // Архив русской революции. М., 1993. Т. XVII. С. 183.

⁵ Доклад подполковника Знаменского о положении в Крыму. Декабрь 1918 г. // РГВА. Ф. 39749 (Штаб корпуса Добровольческой армии в Крыму). Оп. 1. Д. 1. Л. 3–8.

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 22. Л. 2.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 5. С. 419.

³ Там же. С. 419–420.

⁴ Там же. С. 419. Лишь к осени 1919 г. союзники вернули добровольцам все захваченные ими суда Черноморского флота.

⁵ Судьба Черноморского флота // Одесский листок. 1918. 29 октября (11 ноября).

⁶ Письмо Канина С. С. Крыму. 14 декабря 1918 г. // РГА ВМФ. Ф. Р-338. Оп. 1. Д. 120. Л. 32.

⁷ Письмо Канина командующему английской эскадрой в Севастополе. 26 декабря 1918 г. // Там же. Д. 8. Л. 452.

⁸ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919 год: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2009. С. 143.

кадеты С. С. Крым, М. М. Винавер (внешние сношения), В. Д. Набоков (юстиция) и Н. Н. Богданов (Министерство внутренних дел). Эти шесть человек составляли коллегию, руководившую общей политикой правительства. Известный кадетский деятель, редактор «Речи» И. В. Гессен писал, возможно слишком субъективно, про крымское правительство: «Здесь (в Крыму. — *Авт.*) кучка людей сами себя назначили правительством, вследствие чего оно было еще более эфемерно (чем Северо-Западное правительство. — *Авт.*), от Добровольческой армии, ведшей здесь борьбу с большевиками, совсем оторвано и никакого влияния, никакого касательства к борьбе этой не имело»¹. Рабочий народ немедленно прозвал краевое правительство «кривым»².

Тон в правительстве С. С. Крыма задавали, конечно, кадеты — В. Д. Набоков и М. М. Винавер, члены Первой Государственной думы. Важнейшим министерством в правительстве было Министерство внешних сношений, которое возглавил умный и энергичный кадет М. М. Винавер. Ему, как за полтора года до этого лидеру кадетов П. Н. Милюкову, нравились и его пост, и его работа. Министр справедливо полагал, что в условиях наличия на территории полуострова сил интервентов установление с ними нормальных отношений является главной задачей момента.

Заседания правительства проходили ежедневно, иногда дважды в день. Введенный председателем предельный час заседаний (23 час.) соблюдался редко. Несмотря на изнурительную работу, поглощавшую все время, министрам удавалось работать единодушно. «Люди были разные, — вспоминал М. М. Винавер, — но их личные особенности удачно дополняли друг друга»³. Новый председатель правительства, глубоко порядочный человек и обладавший трезвым и практическим умом, С. С. Крым, несомненно, мог бы быть идеальным правителем своего маленького государства. По словам М. М. Винавера, С. С. Крым был на редкость демократически настроен и во всей своей деятельности больше стремился походить «скорее на президента республики французского типа, чем на активного главу исполнительной власти»⁴.

Занимавший в крымском правительстве кресло министра юстиции В. Д. Набоков, отец знаменитого писателя, работавший еще во Временном правительстве, также был одной из ключевых фигур кабинета С. С. Крыма, полностью соответствуя своему высокому посту. Контрастную характеристику крымского правительства оставил в своих воспоминаниях кадет Н. И. Астров, полагавший, что оно больше напоминало по своему виду старую «земскую управу», настолько очевиден был провинциализм мышления крымских министров⁵.

Тем не менее правительство Крыма сразу активно проявило себя. В опубликованной правительственной декларации, адресованной Добровольческой армии и союзникам, говорилось о том, что «Единая Россия мыслится правительством не в виде прежней России, бюрократической и централизованной, основанной на угнетении отдельных народностей, но в виде свободного демократического государства, в котором всем народностям будет предоставлено право культурного самоопределения. Вместе с тем правительство убеждено, что обеспечение благополучия и процветание всех народов, населяющих Россию, ни в коем случае не может быть построено на отрицании единой России, на ее ослаблении и на стремлении к отторжению от нее. В настоящее время наибольшей угрозой восстановлению нормальной жизни в Крыму, как и во всей России, являются те разлагающие силы анархии, которые довели нашу родину и наш край до теперешнего бедственного положения. Правительство призывает все население помочь ему в его борьбе с этими злейшими врагами права и свободы. В этой борьбе правительство не остановится перед самыми решительными мерами и воспользуется как всеми средствами, имеющимися в его распоряжении, так и готовой ему содействовать военной силой»¹. Однако на самом деле правительство С. С. Крыма мало кто боялся, присутствия «сильной руки» в нем не ощущалось. По словам видного царского сановника А. Н. Куломзина, жившего в то время в Крыму, «главной чертой крымского правительства, красной нитью проходившей через все его акты и действия, и это было уже всецело делом его главы С. С. Крыма, был его дух, его незлобливость, если можно так выразиться. Оно старалось быть беспристрастным и не мстило населению или отдельным его слоям за старое»². Наладить бесконфликтные отношения с правительством С. С. Крыма А. И. Деникину не удалось. По словам П. Н. Милюкова, добровольцы обвиняли краевое правительство в «левизне» и «сношениях с социалистами»³. В свою очередь, А. И. Деникин нашел возможным признать, что в самом начале правительство и Ставка не расставили все точки над «i», взаимные обязательства сторон по отношению друг к другу не прописаны достаточно четко, характер взаимоотношений, по его признанию, был установлен «недостаточно определенно, давая впоследствии поводы для взаимных трений»⁴.

26 ноября 1918 г., ровно в 12 часов, произошло крупное и давно ожидаемое событие: эскадра из 22 судов союзников — английские, французские, греческие и итальянские корабли — вошла в Севастопольскую бухту. Приморский бульвар был запружен многотысячной толпой народа: севастопольцы с напряжением и затаенной надеждой ждали появления кораблей⁵. Крымское краевое правительство в полном составе не замедлило засвидетельствовать свое почтение и было принято на

¹ Гессен И. В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 116.

² Думова Н. Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром (октябрь 1917–1920 гг.). М., 1982. С. 188.

³ Винавер М. М. Наше правительство... С. 64.

⁴ Там же. С. 65–66.

⁵ Астров Н. И. Воспоминания. О гражданской войне на Юге России. Ч. IV // ДРЗ. Ф. 53 (Всероссийский Национальный центр). Оп. 1. Д. 17. Л. 118–119.

¹ Крымское Краевое правительство в 1918/19 г. // Красный архив. 1927. Т. 3 (22). С. 128–129.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 369. Л. 14.

³ Милюков П. Н. Россия на переломе. Париж, 1927. Т. 2: Антибольшевистский этап русской революции. С. 101.

⁴ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 5. С. 419.

⁵ Соединенная эскадра // Прибой. Севастополь, 1918. 14 (27) ноября.

флагмане адмиралом С. Колторпом. В приветственных речах С. С. Крым и М. М. Винавер подчеркивали, что связывают с пребыванием союзников на крымской земле большие надежды на помощь в деле борьбы с большевизмом и анархией в крае¹.

В беседе с представителем прессы М. М. Винавер заявил, что «приход союзной державы в Севастополь является первым шагом к установлению непосредственных отношений с союзниками», подчеркнув, что устройство судьбы Крыма возможно только посредством совместной деятельности союзников и Добровольческой армии². Он также обратил внимание прессы на то, что в день прибытия союзной эскадры состоялось специальное совещание, в котором участвовали от имени правительства С. С. Крым и сам М. М. Винавер, от Добровольческой армии — генералы А. К. де Бодэ и А. В. Корвин-Круковский, а также представители морского командования — адмирал В. Е. Ключковский и начальник его штаба. На совещании было принято решение о том, чтобы правительство совместно с Добровольческой армией представило командующему эскадрой памятную записку и высказало по отношению к союзникам следующие пожелания: во-первых, оставление десанта в Севастополе и Феодосии; во-вторых, оставление нескольких крейсеров для охраны всего побережья; в-третьих, ускорение отъезда немецких войск; в-четвертых, немедленная приостановка немцами вывоза из Крыма русского имущества³.

Насколько большое значение крымское правительство уделяло отношениям с союзниками, говорит тот факт, что Министерство внешних сношений во главе с М. М. Винавером перебралось в Севастополь, где разместилось в особняке, принадлежавшем раньше городскому голове. Оттуда министр дважды в неделю ездил в Симферополь для участия в заседаниях правительства. Причины перемещения своего министерства в Севастополь М. М. Винавер объяснял желательностью оказания «более усиленного воздействия на союзников» и необходимостью предоставления им объективной информации о положении в России⁴.

К концу 1918 г. в Крыму все было спокойно. На полуострове, воспринимаемом белым командованием исключительно в виде тылового района и источника пополнения для фронта, присутствовала внешняя (союзники) и внутренняя (добровольцы) вооруженная сила, которой, по мысли А. И. Деникина, предстояло развернуться в мощные вооруженные формирования, служившие гарантом стабильности в регионе. Отношения между союзниками и добровольцами пока не приняли конфликтный характер. Основные события в Крыму были еще впереди. Измученному крымскому обывателю еще предстояло увидеть большевизацию края, разложение союзных войск и их поспешную эвакуацию.

С новым, 1919 г. антибольшевистское движение связывало очень большие надежды. Этому, казалось бы, способствовали все факторы: в Крыму имелось свое

правительство, во главе которого стоял кадет С. С. Крым; на территории края находились пока еще немногочисленные добровольческие войска и войска интервентов. Большевики, как думали крымские политики, были деморализованы и не представляли никакой серьезной угрозы. Кроме того, только что завершилась продолжавшаяся четыре с лишним года мировая война, из которой победителями вышли союзники, приславшие свой контингент в Севастополь и Одессу. Под прикрытием союзнических войск, овеванных ореолом победителей грозных немцев, антибольшевистские силы планировали развернуть формирование мощной национальной армии, которая начнет решающее наступление на красную Москву.

Между тем радужные мечты столкнулись с куда более сложной реальностью. Во-первых, формирование Крымско-Азовской Добровольческой армии под командованием генерала А. А. Боровского проходило крайне неудачно, численность армии так и не превысила 5 тыс. человек (т. е. почти в четыре раза меньше штатной дивизии русской императорской армии времен Первой мировой войны; штаб же самого А. А. Боровского, по отдельным свидетельствам, достигал вместе с конвоем 3 тыс. человек), идти защищать «Единую и Неделимую Россию» генерала А. И. Деникина жители Крыма в массе своей не желали, а генерал А. А. Боровский был большим любителем закладывать за воротник и в целом качеств вождя в Крыму не проявил¹. Во-вторых, интервенты (французы и греки), главной базой которых стал Севастополь (общая численность свыше 20 тыс. человек), заняли очень своеобразную позицию по «русскому вопросу»: от участия в боях с большевиками они уклонялись, опасаясь «покраснения» своих войск и их большевизации (в скором времени так и произойдет в Одессе); большевизм полагали внутренним делом России и больше заботились о поддержании общего порядка на полуострове; в то же время себя считали главными распорядителями судеб Крыма, а Добровольческую армию рассматривали как находящуюся в подчинении. Доходило до курьезов: когда главнокомандующий Вооруженными силами Юга генерал А. И. Деникин решил перенести Ставку из Екатеринодара в Севастополь, союзники категорически воспротивились этому, указывая, что «генерал Деникин должен быть при Добровольческой армии, а не в Севастополе, где стоят французские войска, которыми он не командует».

Можно констатировать, что интервенты вели себя в Крыму очень осторожно, всемерно стараясь уклониться от участия в боях, но в то же время ревниво следя за соблюдением своего престижа и приоритетного права решать в свою пользу все

¹ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 430–431.

² М. М. Винавер о встрече с командованием союзной эскадры // Южные ведомости. 1918. 29 ноября.

³ Там же.

⁴ Винавер М. М. Наше правительство... С. 105.

¹ Саханев В. В. Некоторые моменты вооруженной борьбы с большевиками на Юге России // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 611. Л. 3; Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина: Записки начальника штаба главнокомандующего вооруженными силами Юга России. СПб., 1994. С. 50; Шидловский С. Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 14. По свидетельству мемуариста Н. Н. Алексеева, про А. А. Боровского «в Крыму все говорили, что он пропил Крым» (см.: Алексеев Н. Н. Из воспоминаний С. 186–187). Подробнее о генерале А. А. Боровском и Крымско-Азовской добровольческой армии см.: Набоков В. Д. Крым в 1918/19 гг. С. 233–238, 248–256).

возникающие политические вопросы. Крым они рассматривали как часть территории России — страны, заключившей сепаратный мир и проигравшей войну. Как следствие этого, союзники, победители в войне, считали, что имеют право указывать, что нужно делать и местным властям, и деникинцам.

Большое значение в судьбах полуострова играло краевое правительство, которое (в первую очередь, М. М. Винавер) всячески старалось выслужиться перед союзниками, чтобы добиться оказания ими непосредственной военной поддержки в защите Крыма от Красной армии. При этом краевое правительство, в свое время просившее А. И. Деникина о помощи, ревниво следило за невмешательством добровольцев во внутренние дела Крымского полуострова. С подачи премьера правительства (так, во всяком случае, думали в окружении А. И. Деникина) в крымской печати развернулась целая кампания по дискредитации Добровольческой армии как «реакционной», «монархической» и не проявляющей уважения к местной автономии¹. Подобная точка зрения на политический облик Добровольческой армии господствовала и в среде офицеров союзного контингента войск.

При этом от участия добровольцев в обороне полуострова крымское правительство не думало отказываться. Отношение его членов к Добровольческой армии было непростым. В воспоминаниях министра труда П. С. Бобровского по этому поводу говорилось, что уже к концу января 1919 г. «наши разногласия с Деникиным превратились в какой-то запутанный клубок». Крымских деятелей до крайности раздражали «эксцессы армии», т. е. самосуды, которые осуществляли добровольцы в отношении лиц, правомерно или неправомерно осуждаемых в пособничестве большевикам, а также подозрительность А. И. Деникина, усматривавшего в отношениях правительства с союзниками «сепаратизм»². Вместе с тем П. С. Бобровский всячески подчеркивал лояльность своего правительства А. И. Деникину, отмечая, что, «несмотря на все эксцессы Добровольческой армии, на целый ряд волнений, вызывавшихся политикой командования, я продолжал считать, что Добровольческая армия борется за демократическую Россию. Пусть та демократия, которая воцарится в России в результате победы армии, будет очень куцая. Все же это будет демократия, а не насильническая и все мертвящая диктатура большевиков. Победа над большевиками — вот основная задача момента. Во имя ее не страшны никакие жертвы»³.

¹ Делегация крымского правительства (Н. Н. Богданов, С. С. Крым, П. С. Бобровский, секретарь премьер-министра Г. Н. Часовников) 25 января 1919 г. была принята А. И. Деникиным. Подводя итоги совещания, Деникин резюмировал их следующим образом: 1) командному составу Крымско-Азовской армии было предписано «самое дружественное отношение к Крымскому правительству»; 2) объяснения правительства в отношении «тона» крымской печати были сочтены главкомандованием «удовлетворительными»... 6) также крымскому правительству было рекомендовано воздержаться от эмиссии своих денежных знаков (см.: *Крым С.* Отчет о поездке в штаб Добровольческой армии. 1919 г. // ГА РФ. Ф. Р-6400. Оп. 1. Д. 10. Л. 2–3).

² Цит. по: *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. С. 300–301, 311.

³ Там же. С. 323.

Комментируя же деникинскую трактовку отношения к крымскому правительству, П. С. Бобровский писал, что «Деникин так и не понял истинной (демократической. — *Авт.*) физиономии нашего правительства. А это значит, что в борьбе с большевиками он не понял главного — ее не военного, а общественно-политического значения»¹. В свою очередь, и министр внутренних дел Н. Н. Богданов в «Открытом письме А. И. Деникину», опубликованном в популярнейшей среди русской эмиграции газете «Последние новости», выходявшей в Париже под редакцией П. Н. Милюкова, упрекал А. И. Деникина в «несправедливости» его отношения к крымскому кабинету и в том, что он «ничего не сделал для защиты Крыма» от большевиков². К слову, в своих воспоминаниях Н. Н. Богданов также не преминул заявить, что в крушении крымского правительства он «не без основания обвинял Деникина»³.

А. И. Деникин не остался в стороне от полемики по этому вопросу и, констатируя, что П. С. Боровский «не сумел справиться с трудным военно-политическим положением», а «жизнь его и штаба не могла поддержать авторитет командования»⁴, вместе с тем иронически писал о том, что правительство С. С. Крыма «являет собою законченный опыт демократического правления, хотя и в миниатюрном территориальном масштабе, — правления, обладавшего суверенностью, полным государственным аппаратом и подобающими ему званиями. В части правительства поначалу существовала преувеличенная оценка своего значения «как прототипа будущей Всероссийской власти»⁵.

На примере Крыма можно увидеть, как в очередной раз антисоветские силы были не в состоянии выработать общую стратегию, способную объединить все усилия для совместной борьбы против большевиков. Таким образом, к весне 1919 г. в Крыму сосредоточились три силы: союзники (мощная французская эскадра под командованием адмирала Амета, сухопутные войска полковника Труссона и несколько тысяч греков); Крымско-Азовская армия под командованием генерала А. А. Боровского и слабейшая, не обладавшая реальными возможностями для поддержания своей власти, — правительство С. С. Крыма. Равнодействующей между этими тремя силами не прочерчивалось. В Гражданской войне военные структуры не только доминируют над гражданскими, но и не желают вникать в интересы последних. Было очевидно, что если добровольцы и союзники откажутся от участия в защите полуострова от большевиков, то правительство С. С. Крыма падет, так как своей вооруженной силой у него не было. «Игры в демократию» в условиях Гражданской войны были явно несвоевременными. «Для создания в Крыму образцового демократического управления обстановка была слишком неблагоприятна: снизу грозили сохранению порядка крайне левые настроения, сверху — бессудные

¹ *Пученков А. С.* Украина и Крым в 1918 — начале 1919 года. С. 330.

² *Богданов Н.* Открытое письмо А. И. Деникину.

³ *Богданов Н. Н.* От Екатеринодара до Владивостока во время Гражданской войны // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 254. Л. 5.

⁴ *Деникин А. И.* Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 5. С. 424.

⁵ Там же. С. 420.

расправы добровольческих офицерских разведок, — писал П. Н. Милуков. — Расчет на помощь союзников свелся к взаимному обмену любезностей; население воевать не хотело; изолированные от него части Добровольческой армии в Крыму были слишком малочисленны и плохо дисциплинированы»¹.

Тем временем пребывание союзников в Севастополе вызывало у городских низов огромное недовольство. Даже А. И. Деникин вынужден был признать в своих воспоминаниях, хотя и не без доли сарказма, что «рабочий народ» требовал советской власти»². Он же писал: «Севастополь — наша база — представлял собой котел, ежеминутно готовый взорваться»³. Действительно, присутствие интервентов в Севастополе привело не к «успокоению» города, а как раз наоборот — к его революционизированию. Севастополь забурлил, в нем непрерывно шли митинги, а тем временем большевики, не встречая фактически никакого сопротивления, вели хорошо организованное и спланированное наступление.

Все время деятельности кабинета С. С. Крыма активно и успешно функционировали подпольные комитеты большевистской партии, координировавшие деятельность партизанских отрядов⁴. К тому же большевики ухитрились наладить успешную агитацию среди судовых команд дредноутов «Жан Барт» и «Мирабо», стоявших на рейде Севастополя⁵. В конце марта началась эвакуация Симферополя, а 5 апреля союзники заключили с большевиками перемирие, не нарушавшееся до 15 апреля, когда закончилась эвакуация с полуострова французских и греческих войск. В самом Севастополе среди рабочего люда царил ликование: по городу ходили демонстрации с красными флагами, в которых принимали участие и матросы французской эскадры.

Незадолго до этого точно так же, без боя, ушла из Одессы французская эскадра, «покрасневшая» за несколько месяцев пребывания в революционной России. Солдаты и матросы «ограниченного контингента» французских войск, прибывшего в Россию с Западного фронта, где только что закончилась мировая война, не хотели воевать против большевиков. В. И. Ленин и его лозунги пользовались в ту пору огромной популярностью в рабочих массах Европы, а кампания «Руки прочь от Советской России!» давала потрясающие результаты.

Против расширения масштабов интервенции было и еще одно важное обстоятельство: большинство западных политиков осознавало тот факт, что, по выра-

жению историка С. В. Листикова, «лицо Белого движения осталось неприглядным для основной массы русского народа»¹. Кроме того, союзникам не удалось вникнуть в сложнейшие хитросплетения тогдашней русской политики: им было непонятно, почему они должны оказывать помощь Добровольческой армии, считавшей себя правопреемницей старой России, ведь Россия заключила сепаратный мир с Германией. Франция, страна с богатейшими революционными традициями, воспринимала армию А. И. Деникина как армию реставрации, а деникинцев сравнивала с Бурбонами XIX в., которые, как говорили в ту пору, «ничего не забыли и ничему не научились»².

§ 6. Крымская Советская Республика. 1919 г.

В апреле 1919 г. союзники ушли из Крыма, который накрыла вторая волна большевизма: к 1 мая весь полуостров был занят советскими войсками. Уже 28–29 апреля состоялась Крымская областная партконференция. В ее работе участвовали около 30 делегатов от партийных организаций городов Крыма. Для придания конференции представительности на нее был делегирован член Политбюро ЦК РКП(б) и член Президиума ВЦИК, чрезвычайный уполномоченный Совета рабочей и крестьянской обороны на Южном фронте Л. Б. Каменев и нарком внутренних дел Украины К. Е. Ворошилов. С информационным докладом «О национальном вопросе партии и о решении ЦК об образовании Крымской Социалистической Советской Республики» выступил Ю. П. Гавен. После развернувшихся по докладу прений конференция большинством голосов постановила «одобрить решение ЦК об образовании Крымской ССР и немедленно приступить к его осуществлению»³.

Возникла Крымская Советская Социалистическая Республика, которая 1 июня 1919 г. вошла в военно-политический союз советских республик. Ввиду краткосрочности существования Крымской ССР наладить работу Советов на ее территории не удалось⁴. Было создано и правительство, в составе которого выделялись две любопытные фигуры. Временно председательствующим (постоянного так и не появилось) наркомом здравоохранения и соцобеспечения крым-

¹ Милуков П. Н. М. М. Винавер как политик // М. М. Винавер и русская общественность начала XX века. Париж, 1937. С. 34.

² Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 5. С. 429.

³ Там же.

⁴ Ряд партизанских отрядов действовал в крымских каменоломнях, осуществляя вылазки против войск белогвардейцев. Во второй половине февраля 1919 г. большевики ухитрились провести в Аджимушкайских каменоломнях подпольную партийную конференцию. Белое командование даже прорабатывало вопрос о выкуривании большевиков из каменоломен с помощью серы, углекислого газа и других ядовитых веществ (см.: РГВА. Ф. 39660. Оп. 1. Д. 21. Л. 111–112).

⁵ Щербаков С. Да здравствует Коммуна! // В борьбе за Советский Крым. Воспоминания старых большевиков. Симферополь, 1958. С. 28–31.

¹ Листиков С. В. Проблема интервенции западных держав в России и позиция США на Парижской мирной конференции // Первая мировая война, Версальская система и современность: сборник статей. СПб., 2012. С. 245.

² Подробнее см.: Обзор взаимоотношений между Крымским правительством и Доброй армией за период декабря 1918 г.—апреля 1919 г. // Новейшая история России. 2016. № 3. С. 211–224.

³ Брошев В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й. Краткий исторический очерк. Симферополь, 1992. С. 65.

⁴ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 303.

ского правительства стал Дмитрий Ильич Ульянов, младший брат В. И. Ленина, приехавший в Крым по приглашению Ю. П. Гавена¹, а должность наркома военно-морского флота в течение месяца исполнял знаменитый Павел Ефимович Дыбенко — личность в своем роде уникальная. КССР считалась автономной республикой в составе РСФСР.

Успехи большевиков в Крыму продолжались недолго. Уже 8 июня 1919 г. Крымский обком РКП(б) и Совнарком Крымской ССР приняли совместное решение о создании на полуострове Совета обороны Крыма. В состав Совета обороны вошли П. Е. Дыбенко, нарком продовольствия и торговли С. Вульфсон-Давыдов, секретарь Симферопольского комитета РКП(б) Н. Бабахан и нарком внутренних дел, председатель Крымского областкома Ю. П. Гавен. Совет обороны в «интересах Советской власти на полуострове и в целях оказания помощи Южному фронту объявил Крымскую Советскую Республику военным лагерем, подчинил деятельность наркомов К. С. С. Р. нуждам обороны Крыма, обратился с призывом ко всем трудящимся полуострова прийти на помощь Красной армии в ее героической борьбе за власть рабочих и крестьян, за социализм»².

Деятельность Совета обороны Крыма оказалась неэффективной. «Второе пришествие» советской власти в Крым было недолговечным. Крымская Красная армия к июню 1919 г. насчитывала 8650 штыков, 1010 сабель, 48 пулеметов и 25 орудий³. Боеспособность ее была невелика. 18 июня 1919 г. в районе Коктебеля высадился белый десант под командованием генерала Я. А. Слащова, который зашел в тыл красным частям, ведущим бои на Акманайских позициях против слабых и немногочисленных сил добровольцев. Красные были деморализованы, по словам белогвардейца С. Н. Шидловского, участвовавшего в тех боях, «с каждым днем стояния у них дух падал, у нас поднимался»⁴. Опасаясь окружения, красные стали быстро уходить на север, оставляя один крупный населенный пункт за другим.

Учреждения республики эвакуировались в Никополь, а затем в Киев⁵. Как писал историк М. В. Владимирский, «от «пришли» до «ушли» прошло всего 75 дней»⁶. Вместе с тем нельзя не отметить того, что краткий период повторного большевистского владычества отличался определенной гуманностью — без бессудных и кровавых эксцессов сродни Варфоломеевской ночи, не говоря уже о страшном красном терроре конца 1920 — начала 1921 г. Во многом это было связано и со спецификой личности самого Д. И. Ульянова, мягкого и добродушного человека, земского врача чеховского интеллигентного склада.

§ 7. «Последний оплот». Крым в период правления А. И. Деникина и П. Н. Врангеля. Лето 1919 г. — осень 1920 г.

Наступило лето 1919 г. — пик успехов войск генерала А. И. Деникина, к концу июня с впечатляющей легкостью очистивших от большевиков полуостров. К октябрю его войска контролировали огромные территории, население которых составляло десятки миллионов человек. Выполняя так называемую московскую директиву А. И. Деникина, белогвардейцы дошли до Орла. Казалось, вот-вот — и большевистский режим будет сокрушен. Но счастье отвернулось от деникинцев, и начался их стремительный откат обратно на Юг. Армии Юга России, в массе своей состоявшие уже не из прежних идейных добровольцев, а из казаков и пленных красноармейцев, поставленных в строй под знамя «Единой и Неделимой России», под влиянием поражений утратили свой боевой дух и стремительно разлагались. В марте 1920 г. после новороссийской эвакуации, в результате которой армия лишилась своей материальной части, деникинцы оказались в Крыму. Крым стал последним плацдармом белого Юга. Дальше отступать было некуда.

В начале 1920 г. символом белого Крыма стал генерал Яков Александрович Слащов-Крымский (1885–1929) — легендарный белогвардейский военачальник. Именно ему Белое движение обязано тем, что Крым выстоял под натиском красных на рубеже 1919–1920 гг.; он же — самый известный реэмигрант, вернувшийся из Константинополя в РСФСР в 1921 г., а затем деятельно сотрудничавший с советской властью как военный ученый и педагог¹.

Несомненно, можно согласиться с осведомленным генералом В. В. Чернавиным, по утверждению которого в начале 1920 г. «удалось прикрыть, а затем и удержать перешейки лишь благодаря ошибке красного командования. Если бы оно не разделило своих сил, поведя одновременно из района Нижнего Днестра наступление и в Одесском, и в Крымском направлении, а сосредоточило бы все свои усилия на Крыме, оставив временно Одессу в покое, то слабые части Слащова перешейков бы не удержали»². Признававший талант Я. А. Слащова как военного профессионала М. В. Фрунзе констатировал, что возникновению «нового центра активной контрреволюции» (Крыма) «помогла недостаточная оценка нами оперативно-политической важности Крымского направления. Для действий на подступах к Крыму первоначально были выделены совершенно недостаточные силы, что и привело вместо быстрого овладения им сначала к длительному беспомощному топтанию на месте у перешейка, а впоследствии к отходу на север и необходимости нового, огромного напряжения наших сил»³.

¹ Ульянов Д. И. Очерки разных лет: Воспоминания, переписка, статьи. М., 1984. С. 268. Письмо от 11 мая 1919 г.

² Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й. С. 66.

³ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 507.

⁴ Шидловский С. Н. Записки белого офицера. С. 27.

⁵ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 511–512.

⁶ Владимирский М. В. Красный Крым 1919 г. М., 2016. С. 4.

¹ Подробнее о Я. А. Слащове см.: Слащов Я. А. О Добрармии в действии в 1918 г. // Новейшая история России. 2015. № 3. С. 193–197.

² Заметки В. В. Чернавина об эвакуации Одессы в 1920 г. // ГА РФ. Ф. Р-5956. Оп. 1. Д. 391. Л. 22.

³ Фрунзе М. В. Врангель // Избранные произведения. М., 1951. С. 166–167.

Крым стал последним бастионом белой России, а Я. А. Слащов по праву приобрел к своей фамилии почетную приставку «Крымский» — последним из военачальников в истории Русской армии. Его военные успехи продлили сопротивление белого Юга красным до ноября 1920 г.

В Крыму, несмотря на беспрецедентную энергию и харизму Я. А. Слащова, в начале 1920 г. обстановка была крайне тревожной. Ярким показателем этого было знаменитое выступление офицества против главного командования под руководством капитана Н. И. Орлова, известное как «орловщина»¹ и даже названное одним из мемуаристов «обер-офицерской революцией»². По словам А. И. Деникина, выступление капитана Н. И. Орлова свидетельствовало «ярко о том развале, который охватил армейский тыл, флот, администрацию, одним словом, всю жизнь Крыма»³.

В начале 1920 г. командир Симферопольского офицерского полка капитан Н. И. Орлов поднял мятеж и без боя захватил Симферополь. Орлов — храбрец, имевший 10 ранений, однако, как писал Я. А. Слащов, «неудачник, за время войны не подвинувшийся выше капитана, но со страшным самолюбием и самомнением»⁴. Совершенно Я. А. Слащову высказывался в те дни и осуществлявший кратковременную поездку по Крыму генерал В. Л. Покровский, по утверждению которого «Орлов, достаточно известный своими боевыми заслугами, представляется мне человеком неширокого идейного размаха, а более всего личностью, самолюбие которой ущемлено тем, что она пребывала в тени. Все движение Орлова лишено программы, не имеет определенной цели, системы»⁵.

Впрочем, помимо ущемленного самолюбия, нельзя отрицать и того, что за Н. И. Орловым была и определенная часть младшего офицества, убежденного в том, что «генералы нас предадут красным, они неспособны спасти положение. Долой их. Станем вместо них и поведем борьбу»⁶. Кроме того, совершенно очевидно и то, что бесхитростным Н. И. Орловым «владели еще два сливающихся воедино чувства: справедливости и сохранения в чистоте риз Белого движения»⁷. По словам хорошо знавшего Н. И. Орлова мемуариста П. Скулера, командир Симферопольского офицерского полка «искренне желал вытащить из грязи Белое движение»⁸. «Это было уникальное в своем роде выступление, — писал историк Н. Д. Карпов. — Своим противником Орлов объявил не белые войска вообще, а тех военачальников, которые развалили тыл армии. Он заявил, что чаша его терпения переполнена, так как Перекоп защищает горстка людей, а штабы, тыловые части и учреждения пухнут от их избытка. «Строгие приказы генерала Слащова, — говорил он, — результа-

тов не дают. Медицинские комиссии вместо здоровых направляют не долечившихся в госпиталях и инвалидов»¹.

Н. И. Орлов был первым, кто открыто заявил о том, что своим «молодым вождем» считает именно генерала П. Н. Врангеля, отправив в адрес последнего телеграмму, в которой сообщил о готовности немедленно ему подчиниться и предоставить в его распоряжение свой отряд². Несмотря на то что П. Н. Врангель выслал в адрес Н. И. Орлова ответную телеграмму, в которой «горячо» призвал капитана во «имя блага» России «подчиниться требованиям Ваших начальников»³, «орловщина» могла быть использована П. Н. Врангелем в его пользу как очередной аргумент для доказательства факта разложения деникинского тыла. Впрочем, вряд ли есть основания говорить о наличии какой-то связи между выступлением Н. И. Орлова и самим П. Н. Врангелем⁴; видимо, нельзя и утверждать, подобно Г. З. Иоффе, что движение Н. И. Орлова «было спровоцировано... не без участия врангелевских сторонников»⁵.

На контакт с белогвардейцем Н. И. Орловым решило пойти даже коммунистическое подполье Симферополя. Капитан, не отвергая саму возможность сотрудничества, так и не сумел внятно определить свою политическую платформу, заявив, что он стоит левее правых эсеров, но правее левых⁶.

В ответ на получение приказа выйти на фронт 22 января (4 февраля) 1920 г. отряд поднял в Симферополе мятеж. После ареста губернатора и других представителей местных властей Н. И. Орлов объявил себя начальником местного гарнизона⁷. В Симферополе он продержался всего два дня. Узнав о приближении войск Я. А. Слащова, отряд оставил город, прихватив с собой 10 млн рублей, изъятых из симферопольского казначейства⁸. Из Симферополя отряд ушел на Южный берег, где занял Ялту. Приехавшему из Одессы генералу Н. Н. Шиллингу после долгих переговоров удалось убедить Н. И. Орлова сдаться при условии, что он остается командиром своего отряда⁹.

Однако через месяц Н. И. Орлов самовольно покинул позиции и вновь пошел на Симферополь¹⁰. Вдогонку ему неслись воззвания, подписанные Я. А. Слащовым и Н. Н. Шиллингом, предписывавшие чинам отряда немедленно разоружиться и сдаться и грозившие военно-полевым судом всякому, кто не сообщит властям

¹ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг. Ноябрь 1919—ноябрь 1920. М., 1997. С. 32.

² Скулер. Как возникла орловщина. Воспоминания строевого офицера. 1922 г. // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 471. Л. 3.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 5. С. 774.

⁴ Слащов Я. А. Белый Крым. 1920 г.: мемуары и документы. М., 1990. С. 58.

⁵ Ген. В. Л. Покровский о текущем моменте // Юг. Севастополь, 1920. 14 февраля.

⁶ Слащов Я. А. Белый Крым... С. 58.

⁷ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 555.

⁸ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 471. Л. 2.

¹ Карпов Н. Д. Трагедия Белого Юга. М., 2005. С. 156.

² Друян. Орловское выступление // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 324. Л. 20.

³ Врангель П. Н. Воспоминания. 1916–1920 / биограф. справки С. В. Волкова. М., 2006. С. 356.

⁴ Шафир Я. Орловщина // Антанта и Врангель: сборник статей. М.; Пг., 1923. Вып. I. С. 134.

⁵ Иоффе Г. З. Крах российской монархической контрреволюции. М., 1977. С. 257.

⁶ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 33.

⁷ Там же.

⁸ Альмедингер В. Орловщина // Последние бои Вооруженных сил Юга России. М., 2004. С. 396.

⁹ См.: Друян. Орловское выступление. Л. 19.

¹⁰ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 33.

о местонахождении мятежников¹. Для Я. А. Слещова стало очевидно, что Н. И. Орлов неуправляем, вслед за ним была отправлена погоня. Приверженцев капитана вынудили сдаться, наиболее активных участников выступления казнили, сам командир скрылся в горах, где вскоре сколотил настоящий «зеленый» отряд. Позднее, после взятия большевиками Крыма, как вспоминал знаменитый адъютант генерала В. З. Май-Маевского, а по совместительству красный разведчик и партизан П. В. Макаров, «Орлов явился в особый отдел и заявил, что своей фронтовой работой в качестве чуть ли не вождя красно-зеленых он ускорил падение Перекопа. Орлову поверили и поручили сформировать отряд по борьбе с бандитизмом. Авантюриста разоблачили симферопольские партийные работники, и Орлов был расстрелян»².

Как справедливо писал А. И. Деникин, все выступление Н. И. Орлова «от начала до конца имело характер неумной авантюры, только эта авантюра... разыгрывалась на вулкане»³. Ясно, правда, и то, что это выступление играло на руку генералу П. Н. Врангелю, в начале 1920 г. осуществлявшему «поход на власть», стремясь сменить А. И. Деникина на его посту. В этой ситуации «орловщина» лишней раз показывала уязвимость системы управления тылом и армией, созданной А. И. Деникиным, свидетельствовала о кризисе доверия к власти⁴.

22 марта (5 апреля) 1920 г. в командовании Вооруженными силами Юга России (ВСЮР) произошла кардинальная перемена. На место генерала А. И. Деникина, сменившего весной 1918 г. убитого под Екатеринодаром генерала Л. Г. Корнилова и доведшего белую армию до Орла, заступил герой взятия Царицына генерал П. Н. Врангель. В тот же день после проходившего в Севастополе Военного совета генерал А. И. Деникин передал свои полномочия барону П. Н. Врангелю и навсегда оставил Россию⁵. С отставкой генерала А. И. Деникина начиналась крымская эпопея барона П. Н. Врангеля — завершающий этап белой борьбы на Юге России.

Сменивший А. И. Деникина на посту главнокомандующего генерал Петр Николаевич Врангель находился в чрезвычайно трудном, практически безнадежном положении. По его признанию, «войска знали, что я никогда не скрывал от них правды, и, зная это, верили мне. Я и теперь не мог сулить им несбыточные надежды. Я мог обещать лишь выполнить свой долг и, дав пример, потребовать от них того же»⁶. Приказ главнокомандующего, написанный четким, по-военному ясным слогом, произвел на армию сильное впечатление. Как военный человек, П. Н. Врангель рассматривал вверенную ему территорию как осажденную

крепость¹, для наведения порядка в которой нужна абсолютная власть. Он совместил в своем лице посты главнокомандующего и правителя Юга России. Провал похода на Москву привел к тому, что очень многие из белогвардейцев были убеждены в дальнейшей бесплодности борьбы. Новому главнокомандующему предстояло решить огромное количество проблем, оставшихся по наследству от А. И. Деникина, и прежде всего вернуть армии веру в победу. Даже по признанию М. В. Фрунзе, главного оппонента П. Н. Врангеля, «барон Врангель, начиная с апреля месяца (1920 г. — *Авт.*), развертывает в Крыму колоссальнейшую работу»².

Позднее П. Н. Врангель вспоминал: «Первый месяц моего управления всюду был такой хаос, такой всеобщий развал, такое озлобление против главного командования, что, отбросив все остальные вопросы, я свою энергию направил исключительно на приведение в порядок всего разрушенного, на поднятие престижа главного командования»³. Весной 1920 г. под его контролем находился только Крымский полуостров, а под властью большевиков — вся Россия. В связи с этим политическая программа П. Н. Врангеля сводилась к тому, чтобы выиграть время в надежде на изменение обстановки в Центральной России в пользу белогвардейцев. Главком говорил: «Я не задаюсь широкими планами... Я считаю, что мне необходимо выиграть время... Я отлично понимаю, что без помощи русского населения нельзя ничего сделать... Я добиваюсь, чтобы в Крыму, чтобы хоть на этом клочке, сделать жизнь возможной... Ну, словом, чтобы, так сказать, показать остальной России... вот у вас там коммунизм, т. е. голод и чрезвычайка, а здесь идет земельная реформа, вводится волостное земство, заводится порядок и возможная свобода... Никто тебя не душит, никто тебя не мучает — живи, как жилось... Ну, словом, опытное поле... И так мне надо выиграть время... чтобы, так сказать, слава пошла, что вот в Крыму можно жить. Тогда можно будет двигаться вперед — медленно, не так, как мы шли при Деникине, медленно, закрепляя за собой захваченное. Тогда отнятые у большевиков губернии будут источником нашей силы, а не слабости, как было раньше... Втягивать их надо в борьбу по существу... чтобы они тоже боролись, чтобы им было за что бороться»⁴.

П. Н. Врангель был, прежде всего, исключительно одаренный военный. «У него были способности настоящего вдохновенного полководца. Он мог поднять дух войск, люди шли за ним и верили ему», — писал о главнокомандующем доброволец Ю. К. Мейер⁵. Основой врангелевского государства была армия. Приказом от 29 апреля (12 мая) П. Н. Врангель объявил все находившиеся в Крыму войска Русской

¹ РГВА. Ф. 40308. Оп. 1. Д. 53. Л. 42, 44, 74–75, 78–79.

² Макаров П. В. Адъютант генерала Май-Маевского. Из воспоминаний начальника отряда красных партизан в Крыму. Л., 1927. С. 86.

³ Деникин А. И. Очерки русской смуты. Кн. 3, т. 5. С. 775.

⁴ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922 гг.: формирование и эволюция политических структур Белого движения в России. М., 2013. Ч. 1. С. 161.

⁵ Подробнее см.: Лученков А. С. Антон Иванович Деникин — полководец, государственный деятель и военный писатель // Деникин А. И. Очерки русской смуты. М., 2017. Т. 1: Крушение власти и армии (февраль — сентябрь 1917). С. 15–46.

⁶ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 391.

¹ В белогвардейской прессе 1920 г. нередко использовался более верный, чем у Василия Аксенова, термин «крепость Крым» (см.: Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922... Ч. 1. С. 197).

² Фрунзе М. В. Врангель. С. 167.

³ Раковский Г. Конец белых. От Днепра до Босфора. Вырождение, агония и ликвидация. Прага, 1921. С. 25–26.

⁴ Шульгин В. В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 462–463.

⁵ Мейер Ю. К. Записки последнего кирасира // Российский архив. М., 1995. Вып. 6. С. 629.

армией¹, слово «Добровольческая» было изъято из обращения. Положение, в котором находился П. Н. Врангель весной 1920 г., делало реорганизацию ВСЮР безальтернативной². Главком был вынужден пойти на системную организационную перестройку армии. Отныне в строительстве вооруженных сил торжественно провозглашался приоритет «регулярства» над «добровольчеством»: части армии должны были комплектоваться не добровольцами, а лицами, призванными на военную службу по мобилизации³.

Начальником штаба П. Н. Врангеля первое время был доставшийся ему по наследству от А. И. Деникина либерально настроенный генерал П. С. Махров, однако уже летом 1920 г. его сменил ближайший друг и единомышленник главнокомандующего, занимавший ранее пост его помощника, генерал П. Н. Шатилов⁴. Примечательно, что еще в период врангелевского «похода на власть» об этой возможной комбинации главнокомандующего и его начальника штаба как о нежелательной говорил приверженец П. Н. Врангеля А. А. фон Лампе, который писал в своем дневнике: «Я знаю недостатки Врангеля, но думаю, что его достоинства их покрывают, но я знаю недостатки Шатилова и знаю, что его достоинства их не покрывают»⁵. Вероятно, что по уровню своей профессиональной подготовки П. Н. Шатилов не соответствовал занимаемой должности; вместе с тем нельзя отрицать и того, что главком и его помощник были единой командой, что не могло не пойти на пользу дела.

Первым генерал-квартирмейстером Генерального штаба был полковник Г. И. Коновалов, вторым — полковник П. Е. Дорман, дежурным генералом — генерал-майор С. М. Трухачев, прошедший с белой армией весь путь, начиная еще с периода «Алексеевской организации»⁶. П. Н. Врангелю не удалось изжить давнишнюю беду Белого движения — непомерную раздутость штабов и тыловых учреждений. Так, например, по состоянию на сентябрь 1920 г. при общей численности врангелевских офицеров в 50 тыс. человек на фронте находились только 19 тыс., из них непосредственно боевой состав — лишь 6 тыс. человек, остальные состояли в тыловых учреждениях. Таким образом, в тылу находилась большая часть офицеров Русской армии. К лету армия состояла из 1-го и 2-го армейских, Сводного и Донского корпусов⁷.

Не сумел найти своего места в команде П. Н. Врангеля талантливый и амбициозный Я. А. Слащов. И главком, и начальник штаба относились к нему со злой иронией и опаской, не стесняясь публично подвергать героя обороны Крыма

едкой критике; под этим, думаем, скрывается и то, что барон, несомненно, усматривал в Я. А. Слащове своего потенциального соперника. Между двумя, несомненно, самыми талантливыми в военном отношении в Русской армии генералами существовала и понятная профессиональная ревность к заслугам друг друга, равно как и стратегические расхождения по вопросу о путях развития наступления армии во время кампании 1920 г. Я. А. Слащов ни во что не ставил штаб П. Н. Врангеля, считая его «бездарным»¹, да и с самим бароном поладить так и не сумел, попросившись летом 1920 г. в отставку, которую главнокомандующий принял не раздумывая². В короткий период своей эмиграции Я. А. Слащов успел выпустить брошюру с красноречивым названием «Требую суда общества и гласности. (Оборона и сдача Крыма). Мемуары и документы», в которой первая (удачная) оборона Крыма под руководством Я. А. Слащова противопоставлялась второй — врангелевской, закончившейся катастрофой. Подтекст брошюры был ясен: Я. А. Слащов сумел бы вновь отстоять Крым, а П. Н. Врангель — нет. Вместе с тем брошюра понравилась не всем, авторитет главкома даже после крымской катастрофы был очень велик, а героизм Я. А. Слащова, видимо, многими уже был забыт³.

П. Н. Врангель избавился от недостаточно ему лояльного командующего Донской армией генерала В. И. Сидорина и его начальника штаба генерала А. К. Кельчевского, обвиненных, в частности, в том, что выходящая при штабе армии газета «Донской вестник» встала «в резко оппозиционное отношение к Главному командованию и Добровольческой армии» и была направлена «к возбуждению розни между казаками и добровольцами»⁴. В результате В. И. Сидорин и А. К. Кельчевский были отрешены от должностей и в начале мая 1920 г. преданы военному суду, приговорившему их к четырем годам каторжных работ. П. Н. Врангель утвердил приговор, но, «принимая во внимание заслуги казачества», заменил каторгу увольнением со службы без права ношения мундира⁵. Процесс, несомненно, носил политический характер. Предполагаемый главкомом перед началом процесса результат был достигнут: преемник В. И. Сидорина на его посту генерал Ф. Ф. Абрамов был абсолютно лоялен П. Н. Врангелю и оставался с ним до конца.

Ключевой и абсолютно самодостаточной фигурой в высшем генералитете Русской армии в 1920 г. был генерал А. П. Кутепов, которого, по словам Б. А. Штейфона, можно рассматривать как «силу, основную в политических и военных расчетах крымского главнокомандующего»⁶. При П. Н. Врангеле его значение возросло

¹ См.: Махров П. С. В Белой армии генерала Деникина... С. 291.

² Гагуев Р. Г. Белое движение на Юге России. Военное строительство, источники комплектования, социальный состав. М., 2012. С. 489.

³ Там же. С. 492–493.

⁴ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 309–310.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5853. Оп. 1. Д. 2. Л. 41 (дневниковая запись от 15 марта 1920 г.).

⁶ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 310.

⁷ Там же. С. 311.

¹ Слащов Я. А. Белый Крым... С. 90, 201.

² Там же. С. 177.

³ Краснов В. М. Из воспоминаний о 1917–1920 гг. // Архив русской революции. М., 1993. Т. XI. С. 163. Необходимо сказать, что во многих из эмигрантских воспоминаний, издававшихся в 1920-е гг., личность Я. А. Слащова освещалась сквозь призму его «предательства», каковым многими почиталось возвращение генерала в большевистскую Россию.

⁴ ГА РФ. Ф. Р-6051. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.

⁵ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 55.

⁶ Штейфон Б. А. Генерал А. П. Кутепов // Генерал Кутепов. М., 2009. С. 43.

даже в сравнении с деникинскими временами. Энергия и властность жесткого и требовательного А. П. Кутепова, в недалеком будущем — символа Галлиполи, знаменитого Кутеп-паши, в немалой степени способствовали успеху П. Н. Врангеля в деле возрождения армии.

Крымскому главнокомандующему удалось восстановить в армии дисциплину и боевой дух. «В то время Врангель пользовался громадным авторитетом. С первых же дней своего управления он показал себя недюжинным властителем, как бы самой судьбой призванным для водворения порядка. После Деникина хаос и развал царили всюду — в верхах и в низах, но главным образом в верхах. Врангель сумел в короткий срок упорядочить все: и управление, и войска, и офицерство, и оборону Крыма — эти важнейшие вопросы первых дней своего пребывания у власти. Его промахи и бестактности не замечали и прощали ввиду той громадной работы, которую он проявлял по восстановлению расшатанного аппарата власти. Блестящие победы на фронте снискали ему общее доверие в войсках; разумеется, у него были и недоброжелатели, но их было немного, и масса в общем шла за ним как за признанным вождем», — вспоминал генерал В. А. Замбжицкий¹. Армия, совершенно разложившаяся во время отступления от Орла к Новороссийску, снова стала армией в полном смысле этого слова: практически полностью прекратились грабежи и, как следствие, жалобы населения на добровольцев². «В Крыму не было ни погромов, ни грабежей со стороны воинских частей, которые получали регулярно свое довольствие и не были вынуждены прибегать к самоснабжению, что было одной из наиболее вопиющих язв 1919 г. Совершенно невозможно было существование таких начальников, как Шкуро и Покровский, о грабежах коих слагались легенды. Даже казачьи части подтянулись, среди них царила строгая дисциплина, мораль окрепла», — вспоминал политик Н. В. Савич³. Военные и административные способности П. Н. Врангеля отмечают большинство мемуаристов⁴. У Черчилль в этой связи даже заявил, что П. Н. Врангель — «фигура исключительной энергии и качеств, человек, чересчур поздно занявший место среди белых вождей»⁵.

Масштаб личности П. Н. Врангеля признается и большинством историков и публицистов⁶. «Конечно, он был воин с головы до пят. Конечно, он был настоящий военачальник. Но как невоенный, как ученый в области наук государственных, я могу удостоверить, что этот воин был прирожденный правитель. В нем и был тот естественный гипнотизм власти, который бывает присущ таким прирожденным

правителям. Этот гипнотизм исходил и от обаятельной силы духа, и от исполински-повелительной фигуры Воина-Правителя», — писал П. Б. Струве¹.

От природы П. Н. Врангель, по-видимому, был наделен и способностями политика. По убеждению генерала М. Георгиевича, «если бы ему посчастливилось дойти до Москвы, то он в ней удержался бы и замирил нашу Родину... Талант организатора и политика, обнаруженный им за рубежом, был воистину потрясающий — далеко выше чисто военных его дарований»².

Не обладая никаким опытом политической деятельности, барон смог достичь заметных успехов и в деле мирного строительства на территории Крыма, и на дипломатическом поприще. В июле — августе 1920 г. ему удалось заручиться предварительным согласием правительства Великобритании на оказание помощи Русской армии, а также добиться признания Францией врангелевского правительства «фактическим правительством Южной России»³.

Известно несколько высказываний П. Н. Врангеля в отношении того, каким он хотел видеть свое государство — Крым. Политический сотрудник барона Г. В. Немирович-Данченко сообщал, что «Крым Врангель предполагает превратить в маленькое самостоятельное образцовое государство: с разрешением в пользу обрабатывающих земельного вопроса, с истинными гражданскими свободами, с демократическими учреждениями, с университетами и прочими культурными учреждениями. Пусть там, за красной стеной, слышат о «Земном рае», действительном не в Совдепии, а в белом Крыму. Пусть видят и идут к нам; всем идущим — наша поддержка и братский привет. Образцовое государство на носу у большевиков — лучший способ пропаганды к восстаниям. И притом к восстаниям не бесплодным: где-то на Юге есть база — Крым с признанным иностранцами правительством (летом 1920 г. Франция де-факто признала правительство генерала П. Н. Врангеля. — Авт.), с армией, с танками и боевыми припасами»⁴.

П. Н. Врангель пришел на свой пост с полным осознанием необходимости не повторять тех ошибок, которые были сделаны А. И. Деникиным. Необходимо было иначе решить те вопросы, которые являлись главными: отношение правительства к аграрному вопросу и окраинным новообразованиям, отношение армии к населению.

Ключевой фигурой и мотором реформ в правительстве генерала П. Н. Врангеля стал убежденный монархист А. В. Кривошеин, в свое время бывший ближайшим сотрудником П. А. Столыпина в деле проведения земельной реформы. А. В. Кривошеин был человеком прагматически настроенным, имевшим острый ум и огромный политический опыт. Можно утверждать, что он имел очень серьезное влияние

¹ Замбжицкий В. Последний поход на Кубань. Август 1920 г. Записки участника // ГА РФ. Ф. Р-6559. Оп. 1. Д. 5. Л. 141.

² Оболенский В. А. Моя жизнь. Мои современники. С. 726.

³ Савич Н. В. Воспоминания. СПб.: Дюссельдорф, 1993. С. 397.

⁴ Гуаццинтон Э. Н. Записки белого офицера. СПб., 1992. С. 78.

⁵ Черчилль У. Мировой кризис: Автобиография. Речи. М., 2003. С. 315–316.

⁶ Полторацкий Н. П. Генерал П. Н. Врангель // Наши вести. Санта-Роза, Калифорния, 1992. № 1. С. 9; Цветков В. Ж. Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель // Белое движение. Исторические портреты: Л. Г. Корнилов, А. И. Деникин, П. Н. Врангель. М., 2006. С. 383.

¹ Струве П. Б. Памяти вождей Белой армии // Наши вести. 1992. № 1. С. 8.

² Георгиевич М. М. Свет и тени: Первая мировая война. Добровольческая армия. Воспоминания. Сидней, 1968. С. 66.

³ Бортневский В. Г. Правитель Юга России // Белое дело. Люди и события. СПб., 1993. С. 40.

⁴ Патек В. Планы правителя Крыма // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 418. Л. 6.

на главнокомандующего. В начале июня 1920 г. А. В. Кривошеин был назначен помощником П. Н. Врангеля, т. е. фактически первым лицом в Крыму после самого барона¹. «По иронии судьбы, «постоянный кандидат» на премьерство Российской империи, отказавшись от него в дни ее могущества, принял эту должность, когда она свелась к управлению одной губернией», — с грустью заметил сын А. В. Кривошеина Кирилл в документальной книге, посвященной своему отцу². П. Н. Врангель и А. В. Кривошеин, безусловно, дополняли друг друга³. П. Б. Струве, блестящий интеллектуал и широко известный всей Европе человек, был назначен главкомом начальником Управления иностранных сношений. Также заметную роль в правительстве Юга России играли С. Д. Тверской, Г. В. Глинка, М. В. Бернацкий, Н. В. Савич и Е. К. Климович.

П. Н. Врангель, несомненно, был убежденным монархистом, но считал преждевременным выставление какого-либо партийного лозунга. Его политику нередко называют, вслед за П. Б. Струве, «левой политикой правыми руками», самому же главнокомандующему приписывают слова, характеризующие ее таким образом: «хоть с чертом, но против большевиков»⁴.

В том же духе было выдержано и известное политическое воззвание генерала П. Н. Врангеля к населению, опубликованное 20 мая 1920 г.:

Слушайте, русские люди, за что мы боремся:
За поруганную веру и оскорбленные ее святыни.
За освобождение русского народа от ига коммунистов, бродяг и каторжников,
вконец разоривших Святую Русь.
За прекращение междоусобной брани.
За то, чтобы крестьянин, приобретая в собственность обрабатываемую
им землю, занялся бы мирным трудом.
За то, чтобы истинная свобода и право царили на Руси.
За то, чтобы русский народ сам выбрал бы себе Хозяина.
Помогите мне, русские люди, спасти Родину.
Генерал Врангель⁵.

Использование слова «Хозяин» вызвало целый шквал критики: многие тут усматривали не только желание П. Н. Врангеля реставрировать монархию, но и стремление самому стать «Петром Четвертым». Разъясняя в прессе свое воззвание, П. Н. Врангель заявил: «Хозяином я себя никоим образом не считаю, что признаю долгом засвидетельствовать самым решительным образом. Но я никак не могу признать «Хозяином» русской земли неведомо кем уполномоченный московский Совнарком — бурьян, выросший из анархии, в которую погружена Россия. Хозяин — это сам русский народ. Как он захочет, так и должна устроиться страна. Если он предпочтет монарха, Россия будет монархией, если он признает для себя

полезной республику, будет республика. Мои личные взгляды не имеют никакого значения. С минуты принятия на себя власти я отделился... от личных влечений к тому или другому порядку и беспрекословно подчиняюсь голосу русской земли»¹.

Еще более подробно П. Н. Врангель высказал свою позицию в беседе с известным правым деятелем Н. Н. Чебышевым: «За что мы боремся? На этот вопрос может быть только один ответ: мы боремся за свободу... По ту сторону нашего фронта, на севере, царит произвол, угнетение, рабство. Можно держаться самых разнообразных взглядов на желательность того или иного государственного строя, можно быть крайним республиканцем, даже монархистом, и все-таки признавать так называемую советскую республику образцом самого небывалого, зловещего деспотизма, под гнетом которого погибает и Россия, и даже новый ее якобы господствующий класс пролетариата, придавленный к земле, как и остальное население. Теперь это не составляет тайны и в Европе. Над советской Россией приподнята завеса. Гнездо реакции в Москве. Там сидят поработители, трактующие народ как стадо. Только слепота и недобросовестность могут считать нас реакционерами. Мы боремся за раскрепощение народа от ига, какого он не знал в самые мрачные времена своей истории»².

Буквально через несколько дней после крымской эвакуации А. В. Кривошеин заявил, что «по существу говоря, мы действительно проводили в жизнь демократические реформы... Отвечали ли мы желаниям населения? О, да! На это у меня имеются объективные доказательства. Я присутствовал при различных эвакуациях, но никогда не видел, чтобы население сопровождало отходящую Добровольческую армию с таким выражением любви и дружбы, как это имело место в Крыму»³. В свою очередь, и П. Н. Врангель считанные дни спустя после оставления Крыма в личном письме А. В. Кривошеину подчеркнул, что «в сложной политической обстановке, не смущаясь партийными нападками справа и слева, мы оба твердо стремились, насколько могли, к одной цели: разгадать жизненные потребности русского возрождения, прислушиваясь прежде всего к голосу населения и армии, кровью своей жертвовавшей за Родину. Опыт минувших месяцев, сочувственные отклики общественных организаций и прорвавшееся наружу в дни эвакуации общее сожаление всех слоев крымского населения о нашем уходе укрепляют во мне глубокое нравственное убеждение, что в области гражданского управления основная линия поведения взята была нами *правильно* (курсив наш. — Авт.)»⁴.

П. Н. Врангелем действительно была скорректирована национальная политика А. И. Деникина, забыты призывы к борьбе с самостийностью казачества, новый лидер Белого движения предпринял безуспешные попытки заключить союз с представителями горцев Северного Кавказа и даже с самим Нестором Махно⁵.

¹ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. Франкфурт-на-Майне, 1982. С. 39.

² Кривошеин К. А. Кривошеины. Судьбы века. СПб., 2002. С. 306.

³ Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле. Берлин, 1922. С. 22.

⁴ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. С. 45.

⁵ Там же. С. 53–54.

¹ Вознесенский Н. Авторитетные разъяснения // Вечернее слово. Севастополь, 1920. 7 июня.

² Беседа с генералом Врангелем // Великая Россия. Севастополь, 1920. 5 июля.

³ У А. В. Кривошеина // Общее дело. Париж, 1920. 1 декабря.

⁴ Письмо П. Н. Врангеля А. В. Кривошеину. 23 ноября 1920 г. // РГИА. Ф. 1571. Оп. 1. Д. 384. Л. 1.

⁵ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922... Ч. 1. С. 224–225.

Однако, по справедливому замечанию В. Ж. Цветкова, главным во всей внутренней жизни Крыма в 1920 г. стала аграрная политика, рассчитанная на создание новой социальной базы Белого движения и привлечение на свою сторону широких слоев русского крестьянства¹. П. Н. Врангель самолично подолгу беседовал с крестьянами, пробравшимися через фронт из Северной Таврии, поручив сенатору Г. В. Глинке «записать и формулировать их соображения и желания»². Разработанный специальной комиссией проект после доработок был утвержден 25 мая 1920 г. и опубликован в качестве приказа главнокомандующего.

Характерной чертой аграрной политики П. Н. Врангеля стал отказ от безусловного «непредрешения» в области земельного вопроса, провозглашался курс на незамедлительное проведение реформ, из которых земская и земельная провозглашались важнейшими; ключевой для новой программы стала идея, что «армия должна нести крестьянам землю на штыках»³. Радикального решения земельного вопроса данный проект все же не предусматривал. Принятые положения предполагали, что отчуждению подлежат вся сдававшаяся в аренду земля, а также площади, превышавшие установленную для каждого района максимальную норму. Не подлежали изъятию наделные земли; участки, выделенные на хутора и отруба; купленные при содействии Крестьянского банка; церковные земли; усадьбы; земля, принадлежащая учебным заведениям, а также высококультурные хозяйства. Отчуждаемые земли должны были распределяться между крестьянами и закрепляться в частную собственность купчими актами⁴. По мысли барона, проведение в жизнь земельного закона должно возлагаться на волостные земства, с тем чтобы «все земельное дело» перешло «в руки самого земледельческого населения»⁵. Земельная реформа, поддерживаемая модернизированной земской реформой, предполагавшей последовательное проведение децентрализации и передачу решения широкого круга вопросов из центра на места, должна была расширить социальную базу режима и придать ему большую, чем прежде, устойчивость.

В приказе П. Н. Врангеля фактически происходило узаконение захвата частновладельческих земель после 1917 г. Специальным его распоряжением помещикам было запрещено возвращаться в свои имения и занимать любые административные должности в местностях, где они находились. Передачу выкупа бывшим владельцам государство брало на себя. «Захваченные земли» закреплялись в собственность крестьян после уплаты (деньгами или натурой) государству «пятикратного среднего за последние 10 лет урожая зерновых» данного района⁶.

«Смело начертан план целого социального переворота путем создания класса мелких собственников. По нашему земельному закону... мы передали мелкому

собственнику и власть на местах. Мы отдали мелким крестьянским собственникам не только власть земскую, но и власть административную. Наш закон идет дальше любого из западных. Будущее уездное земство получит право губернского. Мы последовательно пойдем дальше. Я глубоко верю в здравый государственный смысл новой деревни... Сейчас мы сделали смелую попытку заложить первые камни будущего государственного здания», — рассказывал А. В. Кривошеин о врангелевском законе представителям печати¹. Действительно, аграрную реформу П. Н. Врангеля можно считать шагом вперед по сравнению с земельным законодательством А. И. Деникина. Однако серьезного результата она принести не успела: деревня в массе своей выжидала, не слишком веря в успех белых и долговечность врангелевского режима.

Крым, как и вся Россия, в годы Гражданской войны находился на грани экономического коллапса. Прогрессирующая дороговизна жизни, хроническое снижение реального роста доходов населения, казнокрадство и взяточничество чиновников², валютная спекуляция — экономическое положение блокированного Крыма ухудшалось с каждым днем³. Все это удивительным образом совпало с небывалым расцветом культурной жизни в Крыму, ставшем настоящей землей обетованной для ярчайших представителей российской культуры. Академик В. И. Вернадский, будущий глава советской исторической науки академик Б. Д. Греков, поэт М. А. Волошин, оставивший в своих стихотворениях фотографически точные изображения картин Гражданской войны на полуострове, великий русский писатель И. С. Шмелев, ученый И. А. Линниченко и многие другие необычайно плодотворно работали на благодатной земле охваченной пожаром братоубийства Тавриды⁴. Здесь, в Крыму, царил необычайно творческая атмосфера. Политическая нестабильность, казалось, лишь способствовала их созидательному поиску.

Белое командование отчетливо осознавало, что в случае отсутствия со стороны Русской армии наступательных действий занятие Крыма Красной армией является только вопросом времени. По словам П. Н. Врангеля, «тяжелое экономическое положение не позволяло далее оставаться в Крыму. Выход в богатые южные уезды Северной Таврии представлялся жизненно необходимым»⁵. План летней кампании 1920 г. в общих чертах сводился к операции по овладению Таманским полуостровом «с целью создать на Кубани новый очаг борьбы», очищению от красных Дона и Кубани («казаки должны были дать новую силу для продолжения борьбы»),

¹ Цветков В. Ж. Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. С. 367–368.

² Росс Н. Г. Врангель в Крыму. С. 154.

³ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922... Ч. 1. С. 201.

⁴ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 65.

⁵ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 458.

⁶ Цветков В. Ж. Генерал-лейтенант барон П. Н. Врангель. С. 369.

¹ Ставка на деревню. Беседа с А. В. Кривошеиным // Великая Россия. 1920. 21 июля.

² Подробнее см.: Карпенко С. В. Белые генералы и красная смута. М., 2009. С. 345–361.

³ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 314.

⁴ Подробнее см.: Филимонов С. Б. Интеллигенция в Крыму (1917–1920): Поиски и находки источниковедца. Симферополь, 2006; Он же. Из прошлого русской культуры в Крыму: Поиски и находки историка-источниковеда. Симферополь, 2010; Мальгин А. В., Кравцова Л. П. Культура Крыма при Врангеле // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 125–142.

⁵ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 470–471.

а также предусматривал «бесперывные укрепления Крымских перешейков (доведение укреплений до крепостного типа», наконец, «создание в Крыму базы для Вооруженных Сил Юга России»¹.

21 мая (3 июня) началось наступление белых. Директива П. Н. Врангеля предписывала 1-му армейскому корпусу генерала А. П. Кутепова и Сводному корпусу генерала П. К. Писарева нанести красным лобовой удар от Перекопского перешейка. Одновременно в тылу противника планировалось высадить десант 2-го армейского корпуса под командованием Я. А. Слацова², что было с успехом проделано благодаря отряду судов Азовского моря. 24 мая 1920 г. на рассвете десант подошел к деревне Кирилловка, где была произведена высадка врангелевцев³. 28 мая силами десанта взят Мелитополь; еще 25 мая главные силы Русской армии, стоявшие на позиции у Перекопа и станции Сальково, перешли в наступление. Операция П. Н. Врангеля оказалась для красных совершенно неожиданной, вся 13-я советская армия, стоявшая на Перекопских позициях, была разгромлена, в плен к белым попали около 10 тыс. красноармейцев, несколько десятков орудий, два бронепоезда, сотни пулеметов и все снабжение армии, сосредоточенное в Мелитополе. «Наша же армия, — вспоминал мемуарист Б. Карпов, — понесла небольшие сравнительно потери и сразу вышла из «бутылки» Крыма на широкий простор Таврии»⁴.

Попытка красных отвоевать Северную Таврию закончилась разгромом конного корпуса Д. П. Жлобы. «При неудаче армия Врангеля должна была положить оружие, последний очаг борьбы угасал... задуманная красными операция отвоевать Северную Таврию окончилась полной неудачей на всех направлениях... Сам Жлоба едва ускользнул от преследования, но его автомобиль с помощником начальника штаба был захвачен в плен», — писал очевидец⁵.

Не останавливаясь на достигнутом, белое командование решило развивать успех. Ставка, как и во времена Л. Г. Корнилова и М. В. Алексева, была сделана на поддержку казачества. «Операция по расширению нашей базы путем захвата казачьих земель могла вестись, лишь опираясь на местные силы, рассчитывая, что при появлении наших частей по всей области вспыхнут восстания. Для операции мы не могли выделить значительных сил, так как удержание нашей житницы, Северной Таврии, являлось жизненной необходимостью. Лишь впоследствии, в случае первоначальных крупных успехов и захвата богатых областей Северного Кавказа, мы могли бы, оттянув войска к перешейкам Крыма и закрепившись здесь, направить большую часть сил для закрепления и развития достигнутых на востоке успехов», — писал П. Н. Врангель⁶.

Десант под командованием генерала С. Г. Улагая высадился на Кубани в конце июля 1920 г. Отряд должен был развернуться в армию и подчинить себе все повстанческие отряды, действовавшие на Северном Кавказе. В июле повстанческие отряды Кубани были объединены в «Армию возрождения России» под началом генерал-майора М. А. Фостикова, всего под началом генерала объединились около 9–10 тыс. казаков¹. К моменту высадки десанта С. Г. Улагая армия М. А. Фостикова вела уже полномасштабные боевые действия против 9-й Кубанской армии, насчитывавшей вместе с фронтовыми резервами к 3 (14) августа около 30 тыс. штыков и 4125 сабель — силы, сопоставимые с общей численностью Русской армии в Крыму². В этой связи успех предпринятого П. Н. Врангелем десанта вовсе не казался утопией, напротив, если бы к белогвардейцам обернулась лицом фортуна, врангелевцы действительно могли бы рассчитывать на получение базы на Кубани.

В отличие от предыдущего, июльский десант не оказался для большевиков неожиданностью, к тому же операция была проведена не слишком профессионально и потерпела крушение, по словам Я. А. Слацова, «по вине неорганизованности»³. В действительности белые к 5 (18) августа заняли станицы Брюховецкую и Тимашевскую (60 верст севернее Екатеринодара), со дня на день ожидалось занятие Екатеринодара и Новороссийска. Однако Ставкой были получены известия о сосредоточении в угрожаемых районах значительных сил. Сам С. Г. Улагай дальше продвинуться не смог. По словам П. Н. Врангеля, «необходимое условие успеха — внезапность — была уже утеряна; инициатива выпущена из рук, и сама вера в успех у начальника отряда поколеблена»⁴. В этой ситуации главком решил отозвать обратно десант С. Г. Улагая. Его отряд, отправленный на Кубань в составе 8 тыс. человек (в том числе 2 тыс. конных), вернулся в составе 20 тыс. человек и 5 тыс. лошадей. «Такой случай возможен лишь во время Гражданской войны», — справедливо писал генерал А. С. Лукомский⁵.

Подвергнутый разгромной критике начальник штаба С. Г. Улагая генерал Д. П. Драценко по свежим следам предельно точно написал о причинах неудачи кубанского десанта и его ближайших последствиях: «Десант из Крыма на Кубань в 1920 г., ввиду незначительности сил десантного отряда и неверных сведений о готовящемся поголовном восстании на Кубани, окончился неудачей. Выгоды, полученные от двойного увеличения людей и лошадей отряда за счет Кубани, не могли окупить впечатления морального поражения: терялась надежда на присоединение наиболее враждебной большевикам части России — Кубани, падал престиж армии и доверие союзников, большевики же убедились в слабости нашей армии, что равнялось их победе»⁶.

¹ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 471.

² Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 69.

³ Карпов Б. Краткий очерк действий белого флота в Азовском море в 1920 г. // Флот в Белой борьбе. М., 2002. С. 153.

⁴ Там же.

⁵ ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 1. Д. 774. Л. 3.

⁶ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 523.

¹ Гагкуев Р. Г. Белое движение на Юге России... С. 576–577.

² Там же. С. 578.

³ Слацов Я. А. Белый Крым... С. 121.

⁴ Врангель П. Н. Воспоминания. С. 561.

⁵ Лукомский А. С. Очерки из моей жизни. Воспоминания. М., 2012. С. 594.

⁶ Драценко Д. П. Заднепровская операция. 24 сентября — 1 октября 1920 г. 1921 г. // ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 323. Л. 1.

Неудачей закончилась и высадка 25 июня (8 июля) 1920 г. на Кривой косе в Азовском море десанта под командованием есаула Ф. Д. Назарова, пытавшегося поднять Дон против большевиков. В результате этот небольшой отряд был полностью уничтожен¹.

П. Н. Врангель переоценил «контрреволюционность» кубанского казачества, надежда на повсеместное восстание казаков против советской власти себя не оправдала; не удалось и сохранить в тайне от красного командования саму подготовку десанта. Очевидно также и то, что удача в тот момент отвернулась от белых, а само командование не слишком-то и верило в успех операции. После неудачной попытки расширить базу Русской армии стало очевидно, что режим П. Н. Врангеля в Крыму недолговечен, а вопрос о ликвидации врангелевщины большевиками связан исключительно с внешним фактором — тем, сколь долго будет продолжаться советско-польская война.

Неудачная октябрьская Заднепровская операция белых, задуманная с целью ликвидировать Каховский плацдарм красных, предопределила отход белых в Крым, привела, по выражению генерала Д. П. Драценко, к «закупориванию» Русской армии в Крыму² и создала хроническую угрозу для всей врангелевской армии — Перекоп. Даже массированное по тем временам использование танков не смогло способствовать достижению врангелевцами победы³. «Танки оказались бессильными решить участь Каховки», — вспоминал красный командир Р. П. Эйдеман⁴. Начиналась агония белого Крыма.

В советской прессе уже весной 1920 г. можно было встретить выражение «крымская заноза». «Белогвардейщина сведена на пустяк. Ее крымские остатки — это последняя гнилая заноза, остающаяся в теле Советской России», — сообщала передовая статья в газете «Правда»⁵. Из статьи следовало, что «занозу» надо немедленно удалить. Но операция по разгрому белых в Крыму началась только осенью. Летом 1920 г. бросить все силы на борьбу против «черного барона» большевикам мешала советско-польская война. Завершение последней позволило Красной армии ускорить разгром генерала П. Н. Врангеля⁶.

Советские авторы писали о взаимодействии держав Антанты с Польшей, об их страхе перед Красной армией, наступление которой на Варшаву грозило «всей буржуазной Европе»⁷. По утверждению И. В. Сталина, «врангелевский фронт является продолжением польского фронта»⁸, много говорилось о «соглашении» между «панской Польшей» и П. Н. Врангелем, однако еще в советских работах

1920-х гг. подчеркивалось, что П. Н. Врангель был «недостаточно уступчив в отношениях с Польшей», в то время как поляки не «очень доверяли заверениям генералов «свободной и демократической» и в то же время «единой и неделимой России»¹. По мнению советского автора Н. Ковалева, лишь давление Антанты вынудило Польшу на открытие переговоров с П. Н. Врангелем «под угрозой быть раздавленными Красной армией и Революцией»². Однако соглашение это «пришло слишком поздно для Врангеля, и объединения контрреволюционных сил Врангеля и Польши не произошло»³, отчаянные попытки миссии генерала П. С. Махрова, прибывшего в Варшаву в середине сентября 1920 г.⁴, ускорить заключение фактического соглашения между главнокомандующим ВСЮР и Польшей, не увенчались успехом. П. С. Махров вспоминал потом, что вроде бы и сам начальник государства Польского маршал Ю. Пилсудский был сторонником соглашения с белыми, но штаб генерала П. Н. Врангеля потратил три драгоценные недели на урегулирование сугубо военных вопросов, что вызвало «в польском командовании недовольство, а сведения о внутренней политике главнокомандующего — раздражение». Вскоре на встрече с П. С. Махровым Ю. Пилсудский «озабоченно» заявил о том, что «до сих пор он не видит со стороны генерала Врангеля желания приступить к переговорам о политическом соглашении с Польшей и украинцами», и о том, что «совершенно неожиданно для него политическая обстановка резко изменилась» и со дня на день между поляками и советской делегацией будет подписано перемирие⁵. Таким образом, надежды П. Н. Врангеля на военный союз с поляками не оправдались — разочарование и П. С. Махрова, и белого главнокомандующего было велико.

Отметим, что еще в июне 1920 г. П. Н. Врангель телеграфировал в российское дипломатическое представительство в Варшаве, что для него «польские войска не только не являются вражескими, но рассматриваются как союзные, поскольку Польша борется не с русским народом, а с советским режимом»⁶. Парадокс, однако, был в том, что, как вспоминал осведомленный дипломат Г. Н. Михайловский, «сочувствие всех членов русской белой миссии в Варшаве [было] на стороне большевиков»⁷. Эмиграция, кстати, также понимала, что стремление генерала «сойтись даже с Польшей... компрометирует национальное знамя»⁸. Вместе с тем и представители военных кругов, и дипломаты отчетливо осознавали: единственный шанс

¹ Гагжуев Р. Г. Белое движение на Юге России... С. 585.

² ГА РФ. Ф. Р-5881. Оп. 2. Д. 323. Л. 3.

³ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 319–320.

⁴ Эйдеман Р. П. Каховский плацдарм // Этапы большого пути. М., 1963. С. 336.

⁵ Крымская заноза // Правда. 1920. 15 апреля.

⁶ Подробнее см.: Пученков А. С. «Даешь Варшаву!»: Из истории советско-польской войны 1920 г. // Новейшая история России. 2012. № 2. С. 24–40.

⁷ Альф И. (Сеймович И.). Антанта и Врангель // Антанта и Врангель. Вып. I. С. 14.

⁸ Сталин И. В. О положении на польском фронте // Сочинения. М., 1946–1955. Т. 4. 1947. С. 340.

¹ Ковалев Н. Южная контрреволюция — Врангель. Заметки и материалы к истории. Курск, 1925. С. 31.

² Там же.

³ Там же. С. 33.

⁴ Росс Н. Г. Врангель в Крыму. С. 85.

⁵ Махров П. С. Генерал Врангель и Б. Савинков // BAR. Petr S. Makhrov collection. Вых. 4. Р. 342, 348. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

⁶ Цветков В. Ж. Белое дело в России. 1919–1922... Ч. 1. С. 253.

⁷ Михайловский Г. Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства, 1914–1920 гг. М., 1993. Кн. 2: Октябрь 1917 г. — ноябрь 1920 г. С. 511.

⁸ Письмо В. А. Маклакова Б. А. Бахметеву. 10 июня 1920 г. // «Совершенно лично и доверительно!» Б. А. Бахметев — В. А. Маклаков. Переписка. 1919–1951. М., 2001. Т. 1: Август 1919 — сентябрь 1921. С. 216.

П. Н. Врангеля на продолжение борьбы с большевизмом заключался в максимальном затягивании срока окончания советско-польской войны, т. е. в использовании принципа «враг твоего врага есть твой союзник», как бы цинично это ни выглядело по отношению к своей Родине.

Подписание предварительных условий мира между Советской Россией и Польшей сделало все усилия белой дипломатии по заключению договора с Ю. Пилсудским тщетными. По утверждению генерала Б. С. Пермикина, командующего 3-й Русской армией, формирующейся в Польше, «последний шанс возможности нашего союза с поляками был пропущен во время наступления большевиков на Варшаву»¹. Действительно, после победы под Варшавой у поляков не было резонов видеть в П. Н. Врангеле спасителя от уже несуществующей опасности поглощения Польши большевиками. Эта победа в значительной степени ускорила разгром П. Н. Врангеля.

Когда до чинов Русской армии белого генерала стали доходить слухи о том, что «поляки с большевиками заключили перемирие и начали переговоры о мире в Риге, у всех здравомыслящих мелькнула мысль — конец Крыму», — вспоминал вернувшийся в Советскую Россию генерал Ю. К. Гравицкий². Комментируя поведение поляков, П. Н. Врангель написал в своих воспоминаниях: «Поляки в своем двуличии остались себе верны»³.

Советско-польская война была завершена, и большевики теперь могли бросить все силы на уничтожение армии П. Н. Врангеля. Перекопско-Чонгарская операция красных войск Южного фронта под командованием М. В. Фрунзе была одной из самых ярких побед большевиков в Гражданской войне. Она же и завершила Гражданскую войну в Европейской части России. Уже 12 октября 1920 г. главнокомандующий всеми Вооруженными силами Республики С. С. Каменев в докладе членам Политбюро ЦК РКП(б) высказал необходимость «быстрой и полной ликвидации Врангеля»⁴. По замыслу советского командования к врангелевскому фронту были стянуты многократно превосходящие силы, которые должны были обеспечить успех операции по разгрому Русской армии. Так, в штыках на момент наступления красные обладали превосходством в соотношении 4,8 : 1, а в саблях — 2,8 : 1⁵. При таком соотношении сил удержать Крым было практически невозможно⁶. Долговременные укрепления Крыма, о которых трубила врангелевская пропаганда,

существовали больше «на бумаге, чем в действительности»¹. К тому же обескровленная армия П. Н. Врангеля, видимо, утратила волю к сопротивлению, в то время как войска М. В. Фрунзе, напротив, находились на подъеме, видя реальную возможность закончить войну.

По словам П. Н. Врангеля, красные сосредоточили против Русской армии такие превосходящие силы, что могли атаковать позиции белых, «совершенно не считаясь с потерями». Всего на Перекопских позициях врангелевцы, по словам своего главнокомандующего, потеряли половину состава армии. Дальнейшее сопротивление становилось бесполезным. «После этого, — рассказывал барон представителям прессы, — для меня стало ясно, что удерживать далее свои позиции войска более не в состоянии, и я отдал приказание эвакуировать Крым»².

§ 8. Русский исход и красный террор

В действительности секретный приказ о начале подготовки эвакуации был отдан П. Н. Врангелем еще до начала боев с Красной армией на Перекопе — сразу после получения известия о заключении РСФСР перемирия с Польшей³. Это позволило избежать при осуществлении эвакуации катастрофы, подобной новороссийской весной 1920 г. «По нашим расчетам, — вспоминал начальник штаба главнокомандующего генерал П. Н. Шатилов, — мы были почти уверены, что все, кто не пожелает остаться в Крыму, будут иметь возможность эвакуироваться... Вследствие желания многими лицами уничтожить перед отходом важнейшие склады и сооружения порта и крепости, 27 октября главнокомандующий, по докладу адмирала М. А. Кедрова, отдал следующий приказ: «В случае оставления Крыма воспрещаю какую бы то ни было порчу и уничтожение казенного имущества, так как таковое принадлежит русскому народу. Генерал Врангель». Этот приказ действительно препятствовал ненужному уничтожению ценного имущества; мы являлись последней белой армией, и возобновление борьбы с большевиками в том же виде, в каком она велась до сих пор, нам уже представлялось невозможным. Кроме того, этим мы рассчитывали облегчить участь тех, которые добровольно останутся в Крыму»⁴.

Надо признать, что эвакуация была проведена образцово. Паника и хаос, царившие в Новороссийске в последние дни власти А. И. Деникина, отсутствовали начисто⁵. Генерал С. Д. Позднышев, переживший с армией эту эвакуацию, писал: «Молча стекались к набережным серые толпы притихших людей. Их окружала глухая, зловещая тишина. Точно среди кладбища двигался этот людской молчали-

¹ Пермикин Б. С. Генерал, рожденный войной. Записки 1912–1959. М., 2011. С. 86.

² Гравицкий Ю. Белый Крым (1920 г.) // Военная мысль и революция. 1923. Кн. 2. С. 110.

³ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 630. Подробнее см.: Гришанин П. И., Ермаков В. П. П. Н. Врангель и Польша: сложности и противоречия взаимоотношений // Крым. Врангель. 1920 год. М., 2006. С. 116–124.

⁴ Каменев С. С. Записки о гражданской войне и военном строительстве. М., 1963. С. 53.

⁵ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 622.

⁶ Подробнее о боях за Перекоп см.: Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 320–325.

¹ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 76.

² Последние дни Крыма. Впечатления, факты и документы. Константинополь, 1920. С. 36.

³ Ушаков А. И., Федюк В. П. Белый Юг... С. 76.

⁴ Шатилов П. Н. Памятная записка о Крымской эвакуации // Октябрь 1920-го. Последние бои Русской армии генерала Врангеля за Крым. М., 1995. С. 99.

⁵ Воспоминания адмирала М. А. Кедрова // ГА РФ. Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 37 об.

вый поток; точно уже веяло над этим нарядными, красивыми, оживленными некогда городами дыхание смерти. Надо было испить последнюю чашу горечи на родной земле. Бросить все: родных и близких, родительский дом, родные гнезда, все, что было дорого и мило сердцу, все, что украшало жизнь и давало смысл существования; все, что надо было бросить, похоронить, подняв крест на плечи и с опустошенной душой уйти в чужой, холодный мир навстречу неизвестности. Медленной поступью, мертвым стопудовым шагом, прирастая к земле, шли тысячи людей по набережным и окаменелые, немые поднимались по трапу на корабли. Душили спазмы в горле; непрошенные слезы катились по женским щекам, и надрывалось у всех сердце жгучим надгробным рыданием. А как были туманны и печальны глаза, в последний раз смотревшие на родную землю! Все кончено: мечутся набатные слова: «Ты ли, Русь бессмертная, мертва? Нам ли сгинуть в чужеземном море?» Прощай, мой дом родной! Прощай, Родина! Прощай, Россия!»¹.

Только после того как все военнослужащие были погружены на корабли и в Севастополе не осталось больше ни одной военной части, в 14 час. 50 мин. 2 ноября 1920 г. генерал П. Н. Врангель и руководивший эвакуацией командующий Черноморским флотом адмирал М. А. Кедров «оставили последними Графскую пристань»² и в сопровождении чинов штаба перешли на крейсер «Генерал Корнилов», отдав приказание сниматься с якоря³. «Огромная тяжесть свалилась с души. Невольно на несколько мгновений мысль оторвалась от горестного настоящего, неизвестного будущего. Господь помог исполнить долг. Да благословит Он наш путь в неизвестность. Я отдал приказ идти в Константинополь», — вспоминал П. Н. Врангель⁴.

У каждого из покидавших в тот момент Россию было свое прощание с Родиной. Казачий генерал Н. В. Шинкаренко вспоминал: «Грусти, такой особой и трогательной, не было... И, благодаря несравненному дару Врангеля внушать, во всех нас жило даже такое чувство, что как будто бы Крым был нашей победой. Абсурдное чувство. Лучше было бы нам быть убитыми в последних боях двадцатого года. Абсурдное, но хорошее и нужное. И прощались мы с Родиной так, как надо прощаться. Лучше, чем мы, нельзя»⁵. «На этот раз, — констатировала видный деятель партии кадетов А. В. Тыркова-Вильямс, — «белый генерал» ушел с честью, с высоко поднятой головой. И нам, русским, нет причины стыдиться поражения»⁶.

«Черное море в эти дни было бурное, с сильным ветром», оно, по словам участника эвакуации Г. Л. Языкова, «казалось, хотело отомстить уплывающим эми-

грантам за уход русских кораблей»¹. Дошла эскадра почти без потерь (при крайне загадочных обстоятельствах затонул только эсминец «Живой», на борту которого, не считая команды, находились 250 пассажиров)². Как вспоминал переживший эвакуацию полковник М. А. Ардатов, несмотря «на усиление волнения на море», «шли хорошо»³. Условия похода были исключительно тяжелыми: страшная теснота и голод стали общим явлением почти для всех. Смогут ли разместиться на судах все желающие — этот вопрос, по словам адмирала М. А. Кедрова, был для него и его помощников «истинным кошмаром в эти тяжелые дни»⁴. «Все утрясутся, — успокаивал его генерал А. П. Кутепов, — вы увидите, как наши умеют размещаться на пароходах, там, где место для одного англичанина, поместятся пять наших»⁵.

В сложившихся условиях флот выполнил свою основную задачу — эвакуировать тех, кто желал уйти вместе с П. Н. Врангелем. «На вопрос, так часто задаваемый: «Что же сделал флот, какова его заслуга?» — я отвечаю: он спас 150 000 русских людей, воинов, инвалидов, граждан, патриотов, женщин и детей, которые были яркими врагами большевиков. Сколь велика эта заслуга, судить не берусь как современник и участник. Я устанавливаю лишь факт, а судить будут беспристрастные исследователи и история. Без флота вся эпопея в Крыму и борьба была невозможна», — справедливо писал начальник штаба Черноморского флота контр-адмирал Н. Н. Машуков⁶.

Всего из Крыма на 126 судах эвакуировались 145 693 человека, не считая судовых команд⁷, из которых около 50 тыс. составляли чины армии, свыше 6 тыс. раненых, остальные — служащие различных учреждений и гражданские лица, среди них около 7 тыс. женщин и детей⁸. Белая борьба на Юге России потерпела окончательное поражение.

На Графской пристани Севастополя есть неприметная мемориальная табличка, на которой выбиты следующие слова: «В память о соотечественниках, вынужденных покинуть Россию в ноябре 1920 г.». В одном-единственном слове — соотечественники — заключается вся трагедия Гражданской войны, войны, в которой нет победителей, а есть лишь побежденные. Соотечественников, покинувших Крым, как правило, ожидали нищета, прозябание и безуспешная надежда на возвращение в *ИХ*, т. е. *НЕбольшевицкую Россию*; не лучшая участь ожидала и тех соотечественников-«беляков», кто остался в России.

¹ Позднышев С. Д. Этапы. Париж, 1939. С. 9.

² ГА РФ. Ф. Р-6666. Оп. 1. Д. 18. Л. 37.

³ Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. М., 2009. С. 102.

⁴ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 670.

⁵ Воспоминания генерал-майора Н. В. Шинкаренко о его жизни, о войнах и о тех делах, в которых ему довелось участвовать. Ч. 4. 1958 // ЦМВС. Собрание Музея-общества «Родина». Л. 31.

⁶ Письмо А. В. Тырковой-Вильямс В. А. Оболенскому. 4 декабря 1920 г. // Наследие Ариадны Владимировны Тырковой: дневники, письма / сост., авт. предисл. введ. и коммент. Н. И. Канищева. М., 2012. С. 347.

¹ Языков Г. Л. Эвакуация Черноморского флота // Новый часовой. СПб., 1996. № 4. С. 162.

² Кузнецов Н. А. Русский флот на чужбине. С. 104–107.

³ Из Севастополя в Бизерту. Дневник полковника Г. А. Ардатова // Кортик. 2011. № 13. С. 93.

⁴ Кедров М. А. Эвакуация // Генерал Кутепов: сборник статей. Париж, 1934. С. 255.

⁵ Там же.

⁶ Машуков Н. Н. Заметки. 1964 г. // VAR. Nikolai N. Mashukov collection. Box 3. Folder 1. Без нумерации листов. Предоставлено С. Машкевичем (Нью-Йорк).

⁷ Врангель П. Н. Воспоминания... С. 670.

⁸ Карпов Н. Д. Крым — Галлиполи — Балканы. М., 2002. С. 20.

Теперь Крыму предстояло еще пережить большевистскую зачистку оставшихся в России врангелевцев и прочего «буржуазного элемента», познакомиться с «революционной законностью» председателя Крымского ревкома Белы Куна и секретаря обкома РКП(б) Розалии Землячки, являвшихся одними из инициаторов массового террора в Крыму.

По оценкам историка А. В. Ганина, за время боев по овладению Крымом Красной армией были взяты в плен в общей сложности 52 тыс. врангелевцев¹. Естественно, что белогвардейцы, даже находившиеся в плену, рассматривались советской властью как безусловные враги и источник прямой угрозы победившей на полуострове революции.

Уже 21 ноября 1920 г. чекистами была создана так называемая Крымская ударная группа при Особом отделе ВЧК Юго-Западного фронта, объединившая целый ряд видных особистов во главе с заместителем начальника этого отдела Е. Г. Евдокимовым. Перед ними стояла сформулированная Ф. Э. Дзержинским задача массовой чистки, чтобы выявить всех причастных к Белому движению и тут же с ними расправиться. «Примите все меры, — телеграфировал Ф. Э. Дзержинский начальнику Особого отдела Юго-Западного и Южного фронтов В. Н. Манцеву 16 ноября 1920 г., — чтобы из Крыма не прошел на материк ни один белогвардеец. Поступайте с ними согласно данным Вам мною в Москве инструкциям. Будет величайшим несчастьем Республики, если им удастся просочиться. Из Крыма не должен быть пропущен никто»². При этом чекисты настоящих следственных дел зачастую не заводили, а ограничивались арестами и сбором анкетных данных. По анкетам и судили тройками, в результате чего на десятки и сотни репрессированных оказывалось одно-единственное дело³. Значительную часть арестованных, среди которых нередко оказывались женщины и подростки, сразу расстреливали, остальных отправляли в концлагеря или высылали⁴. В представлении Ефима Евдокимова к ордену Красного Знамени указывалось на то, что силами его ударной группы были «расстреляны до 12 тыс. человек, из коих до 30 губернаторов, больше 150 генералов, больше 300 полковников, несколько сот контрразведчиков-шпионов»⁵. В свою очередь, М. М. Вихман, занимавший короткое время весной 1921 г. пост главы Крымской ЧК, 20 лет спустя с гордостью сообщал о своих личных заслугах: «При взятии Крыма был назначен лично тов. Дзержинским... председателем Чрезвычайной Комиссии Крыма, где по указанию боевого органа Партии ВЧК уничтожил энное количество тысяч белогвардейцев — остатки врангелевского офицерства»⁶.

¹ Ганин А. В. Между красными и белыми... С. 326.

² Цит. по: Соколов Д. В. Без срока давности. Большевистский террор в Крыму в 1917–1920 гг. М., 2015. С. 115.

³ Подробнее см.: Филимонов С. Б. Тайны крымских застенков: документальные очерки о жертвах политических репрессий в Крыму в 1920–1940-е годы. 3-е изд. доп. Симферополь, 2007.

⁴ Теляков А. Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. // Вопросы истории. 2015. № 11. С. 139.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 140.

Небывалый размах творимого в Крыму террора вызвал не только вооруженное сопротивление части населения, но и возмущение многих местных коммунистов, активно обращавшихся к центральным властям. Пришедшая в ярость от самого факта этих обращений, «фурия красного террора» Р. С. Землячка писала в Москву 14 декабря 1920 г.: «Начну с обстановки. Буржуазия оставила здесь свои самые опасные осколки — тех, кто всасывается незаметно в среду нашу, но в ней не рассасывается. Контрреволюционеров здесь осталось достаточное количество, несмотря на облавы, которые мы здесь проделали, и прекрасно организованную Манцевым чистку. У них слишком много возможностей, благодаря всей той сложной обстановке, которая окружает Крым. Помимо несознательности, полной инертности бедноты татарской, действует здесь, и я сказала бы в первую очередь, попустительство, слабая осознанность момента и слишком большая связь наших работников с мелкой и даже крупной буржуазией. От Красного террора у них зрачки расширяются (курсив наш. — Авт.), и были случаи, когда на заседаниях Ревкома и Областкома вносились предложения об освобождении того или иного крупного зверя только потому, что он кому-то из них помог деньгами, ночлегом»¹.

Примером подобного «попустительства» может служить письмо в секретариат ЦК РКП(б) крымского большевика С. В. Констансова, обеспокоенного тем, что «в Крыму с 20-х чисел ноября с. г. установился красный террор, принявший необыкновенные размеры и вылившийся в ужасные формы»². В качестве примера С. В. Констансов указал на массовые расстрелы в Феодосии, проведенные под видом «регистрации всех военных, служивших в армии Врангеля». Он назвал «неприемлемым» применение террора в условиях, когда на всей территории России, в том числе и в Крыму, «не осталось не только ни одного фронта Гражданской войны, но ни одного открытого вооруженного врага». «Обрушившийся так неожиданно на голову крымского населения красный террор, — завершал свое письмо С. В. Констансов, — не только омрачил великую победу Советской власти, но и внес в население Крыма то озлобление, которое изжить будет нелегко. Поэтому я полагаю бы необходимым немедленно поставить вопрос о принятии возможных мер, направленных к тому, чтобы скорее изгладить последствия и следы примененного в Крыму террора и вместе с тем выяснить, чем было вызвано применение его в Крыму»³.

В июне 1921 г. на полуострове начала функционировать Полномочная комиссия ВЦИК и СНК РСФСР по делам Крыма. Благодаря ее работе масштаб террора резко сократился: начались проверка деятельности и чистка среди самих «героев» расправы с подлинными или мнимыми врангелевцами. Член комиссии и коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР М. Х. Султан-Галиев сообщал о невероятной жестокости расстрелов, коснувшихся и лояльных советской власти лиц: «По отзывам самих крымских работников, число расстрелянных врангелевских офицеров достигает по всему Крыму от 20 000 до 25 000. Указыва-

¹ Сорокин А., Григорьев С. «Красный террор омрачил великую победу Советской власти...» // Родина. 2016. № 8. С. 117.

² Письмо С. В. Констансова от 26 декабря 1920 г. // Там же. С. 118.

³ Там же. С. 119–120.

ют, что в одном лишь Симферополе расстреляно до 12 000. Народная молва превозносит эту цифру для всего Крыма до 70 000. Действительно ли это так, проверить мне не удалось»¹.

Общественный резонанс от кровавой расправы в Крыму ужаснул и Москву. Ввиду этого значительная часть видных работников Крымской ЧК и особых отделов была осуждена, в частности расстреляны председатель Старо-Крымской ЧК, а также несколько сотрудников Феодосийской ЧК, грабивших под видом обысков семьи бывших офицеров и зажиточных крестьян. По словам А. Г. Теплякова, специально занимавшегося исследованием этой проблемы, доступные архивные судебные материалы, ставшие следствием работы Полномочной комиссии ВЦИК и СНК РСФСР, «позволяют с большим доверием отнести к многочисленным мемуарным источникам о крайней жестокости и криминализированности как чекистских, так и прочих властных структур Крыма. Судебное преследование наиболее скомпрометированных чекистов оказалось достаточно распространенным явлением, но в целом не отличалось жесткостью и принципиальностью, в силу чего многие из наказанных видных работников ВЧК смогли впоследствии вернуться в карательную-репрессивную систему»².

Сложно назвать реальную численность расстрелянных в период «установления советской власти в Крыму» врангелевцев и прочих «буржуев»: большинство из называемых цифр (кое-где можно прочитать даже про 120 тыс. расстрелянных) совершенно неправдоподобны. Близким к истине представляется мнение А. Г. Теплякова, согласно которому «можно уверенно говорить о 20–25 тыс. жертв «зачистки» полуострова»³. Очевидно, однако, другое: необходима не только серьезно поставленная на государственном уровне задача составления мартиролога жертв красного террора в Крыму, но и в перспективе установление монумента в память об убиенных, но не в рамках обличения «кровавого большевизма», а в целях доказательства того, что Россия делает твердые шаги к достижению согласия в обществе и отныне не делит своих соотечественников на правых и виноватых.

¹ Тепляков А. Г. Чекисты Крыма в начале 1920-х гг. С. 140.

² Там же. С. 144.

³ Там же. С. 140.

Глава 27

Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика.

1920–1941 гг.

§ 1. Установление советской власти в Крыму

Г. Н. Кондратюк, Д. А. Прохоров

В ноябре 1920 г. в Крыму была установлена советская власть. 14 ноября создается ее высший местный орган — Крымский революционный комитет (Крымревком) во главе с известным деятелем международного революционного движения Б. М. Куном. В состав Крымревкома в разное время входили известные деятели российской революции: Р. С. Самойлова (Землячка), Д. И. Ульянов, Ю. П. Гавен, О. А.-Г. Дерен-Айерлы, А. М. Лидэ, Н. Бабахан (С. Я. Бабаханян) и др. В 1921 г., после красного террора в Крыму, который своим невероятным размахом произвел негативное впечатление в Москве, был сформирован новый состав Крымревкома: М. Х. Поляков (председатель), И. А. Акулов, Г. Шидарев, крымские татары С. М. Меметов, С. Идрисов и У. Балич, Ю. П. Гавен, Я. Горин, И. Э. Якир (командующий войсками Крыма), К. Хамзин, П. Бортников и С. Н. Крылов (председатель Севастопольского ревкома)¹. Крымревком, действовавший на правах Губернского исполнительного комитета депутатов (Губисполкома)² и формально подчинявшийся Президиуму ВЦИК РСФСР, обладал достаточно широкими полномочиями.

Новая власть столкнулась с целым рядом сложных проблем, многие из которых требовали немедленного решения. Гражданская война нанесла катастрофический ущерб жителям и экономике Крыма. К 1921 г. население полуострова сократилось до 719,5 тыс. человек (в 1917 г. — 808,9 тыс. человек)³. Чрезмерная перенаселенность жилых помещений, их антисанитарное состояние, нехватка топлива привели к развитию эпидемий, особенно тифа и холеры. За 1921 г. было зарегистрировано свыше 5 тыс. случаев сыпного и порядка 7 тыс. возвратного тифа. Брюшным тифом заболели 662 человека, оспой — 1020 человек. В результате эпидемии холеры 50% заболевших умирали.

Экономика полуострова за годы войны подверглась практически полному разрушению. Объем промышленного производства в 1922 г. составил только 20% от уровня 1912 г. Значительная часть промышленных предприятий (свыше 600) пре-

¹ Ревкомы Крыма: сборник документов и материалов. Симферополь, 1968. С. 21.

² Переписка заведующего конвойной стражей Крыма с НКВД РСФСР // ГА РФ. Ф. Р-5677. Оп. 2. Д. 217. Л. 112.

³ Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. Симферополь, 1922. С. 10–11.

кратила свое существование, безработица достигла огромных размеров. Сложным было положение и аграрного сектора, где существенно сократились посевная площадь (на 30%) и урожайность сельскохозяйственных культур (более чем вдвое), в итоге многочисленных реквизиций лошадей и продовольствия воюющими сторонами упало число рабочего скота.

Существовавшие у крестьян излишки продовольствия реквизировались в первую очередь на нужды армии в ходе продразверстки. Национализация земли не оправдала надежд безземельных крестьян-арендаторов (около половины сельского крымско-татарского населения) по причине ее форсированного обобществления (в виде создания совхозов). Таким образом, крестьяне оказались лишены экономических стимулов для работы.

Тяжелая экономическая ситуация в сочетании с неблагоприятными природно-климатическими условиями (малоснежная зима и засуха 1921 г.) привели к массовому голоду 1921–1923 гг. Наиболее сильно пострадали от голода населявшие предгорные и южнобережную аграрные зоны крымские татары, которые занимались разведением садов и виноградников, выращиванием табака, а зернового хозяйства из-за особенностей местности и климата не имели. К тому же в условиях запрета свободной торговли у крестьян из числа крымских татар практически не было возможности продать или обменять свою продукцию (виноград, вино, табак) на муку и крупу. Первые случаи смерти от голода зафиксированы уже в ноябре 1921 г., в январе 1922 г. несколько районов Крыма были признаны «неурожайными».

Различные официальные отчеты представляют ужасающую картину голода: «Из-за недостатка кормов скот в селах практически весь вырезан, есть много сел, где осталось всего по одной паре полуживых лошадей и по одной паре худых волов. Много сел в Бахчисарайском и Керченском районах совсем пустые, жители оставляют имущество или продают его за бесценок и отправляются пешком в поисках хлеба. На дорогах попадает много трупов, особенно детей и стариков... Во многих селах население ест даже мясо падежных животных»¹.

Вскоре голод охватил всю территорию Крымского полуострова. О его масштабах свидетельствует один из отчетов: «Голод сильно прогрессирует и достигает угрожающих размеров, охватив всю территорию Крымской Республики. В большей или меньшей степени голодают во всех округах, во всех районах... Выражаясь языком цифр, можно сказать, что сила голода в районах колеблется от 40 до 90% (во многих татарских селах Биюк-Онларского района голодают от 75 до 90%)»². 16 февраля 1922 г., когда показатели смертности на полуострове достигли трехзначных цифр, Президиум ВЦИК РСФСР признал всю территорию Крыма «голодающей»³.

Голод привел к деградации общества, моральной катастрофе, смерть стала обычным повседневным явлением: «В городе Карасубазаре и его районе на улицах

и в домах трупы умерших от голода не убирают по несколько дней, случаи людоедства стали обычным явлением, и были факты ловли детей и пропажи их»¹. Своего пика голод достиг к апрелю 1922 г. Особенный размах он приобрел в отдаленных от городов горных селах, где отсутствовало зерновое хозяйство.

Один из отчетов фиксирует ситуацию в крымско-татарских селах в апреле 1922 г.: «Население Эльбузлов осенью 1921 г. состояло из 706 человек, теперь осталось 400 человек, все другие умерли от голода. Село Большой Таракташ. В октябре 1921 г. населения было свыше 2000 человек. С ноября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. умерло от голода более 800 человек. С января 1922 г. смертность доходила до 15 человек в день. Село Малый Таракташ. В октябре 1921 г. было 1867 человек, до 1 апреля осталось 1152, умерло от голода 715 человек... из них 299 детей. Село Токлук. Умерли от голода по 1 апреля 1922 г. 256 человек, наибольшее количество умерло в марте с/г... В Токлуке был случай, когда вырыли труп человека из могилы, чтобы съесть. В Кожах осенью 1921 г. было 1092 человека, по 1 апреля с/г умерли от голода 346 человек. Смертность особенно возросла в марте, с 12 марта по 1 апреля с/г за 19 дней умерло от голода 1025 человек. Зафиксировано 3 случая людоедства»².

Голод затронул большинство крымско-татарских сел. Этот вопрос обсуждался на VI Крымской областной конференции РКП(б), состоявшейся 13–16 марта 1922 г. В докладе секретаря Крымского обкома партии Ю. П. Гавена отмечалось: «Голод тут (в крымско-татарских селах. — Авт.) проявился в очень резких формах, он не уступает голоду в Поволжье. Но он не так бросается в глаза, как бросается в Поволжье. Это происходит в связи с некоторыми специфическими крымскими условиями, главным образом из-за национально-бытовых особенностей. Крымские татары так связаны со своим селом, что даже голод не может их выгнать оттуда. И они тихо умирают в своих селах... голод тяжелее всего сказался на татарском населении... порядка 70% всего числа голодающих — татары»³.

Центром координации по борьбе с голодом стала Крымская центральная комиссия помощи голодающим (КрымЦКпомгол), созданная 1 декабря 1921 г., а с 19 октября 1922 г. по 16 августа 1923 г. — Комиссия по борьбе с последствиями голода (Последгол). Открывались специальные столовые для голодающих в городах, коллекторы для детей, организовывались общественные работы, чтобы помочь безработным, труд которых оплачивался питанием. Так, Евпаторийская окружная комиссия помощи голодающим «в первую очередь намечает выполнить работы по ремонту тротуаров, шоссежных дорог, а также канализации и водопровода»⁴. Одной из первоочередных задач центральной и окружных комиссий стало предоставление продовольственной и медицинской помощи детям, особенно сиротам. Тем не менее на первом этапе борьбы с голодом, с ноября 1921 г. по апрель 1922 г., усилий местных властей было недостаточно. Постепенно стабилизировать ситуацию

¹ ГАРК. Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 135. Л. 4 об.

² Там же.

³ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 697.

¹ ГАРК. Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 202. Л. 1.

² ГА РФ. Ф. Р-1318. Оп. 13. Д. 4. Л. 28.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 115. Л. 197.

⁴ Там же. Ф. Р-709. Оп. 1. Д. 168. Л. 56.

удалось с привлечением возможностей центральной власти и помощи международных организаций, в частности Американской организации помощи, которая открыла свои базы в Симферополе и Феодосии, Еврейской международной благотворительной организации «Джойнт». К 1 сентября 1922 г. американцы ежедневно кормили 117 276 взрослых, 42 293 ребенка, 3100 больных. Свой вклад в спасение людей внесли миссии Фритьофа Нансена, папы римского, американские квакеры, немецкие меннониты, зарубежные крымско-татарские и мусульманские благотворительные общества и др. В целях оказания помощи голодающим власти разрешили использовать частную инициативу религиозных и этнических организаций. Заботу о своих соотечественниках проявляли специально созданные крымско-татарские, еврейские, немецкие организации¹. Все это позволило справиться с массовой смертностью и к концу 1923 г. победить голод.

Точной статистики жертв голода не имеется. Исследователи называют разные цифры, вплоть до 100 тыс. человек. По выборочному обследованию, проведенному Крымским ЦСУ летом 1923 г., в Крыму насчитывалось 569,5 тыс. жителей. Таким образом, по сравнению с переписью 1921 г., которая учла в Крыму 719,5 тыс. человек, убыль населения составила около 150 тыс. человек². Несомненно, в это число попали не только умершие, но и эвакуированные КрымЦКпомголом, а также беженцы из зоны голода. Однако смертность была весьма высокой. С учетом возвращения беженцев и переселения на полуостров жителей других регионов РСФСР, Крыму несколько лет после окончания голода не удавалось достигнуть прежней численности населения. По переписи населения 1926 г. на полуострове насчитывалось 713,8 тыс. жителей.

Безусловно, голод существенно сказался на демографическом положении крымских татар. Руководитель Татарского бюро Крымского обкома РКП(б) И. К. Фирдевс полагал, что не менее 33% от общего числа умерших от голода на полуострове составляли крымские татары.

Еще одной проблемой для новой власти в Крыму стало активное вооруженное сопротивление действующему режиму, принявшее форму бандитизма. После окончания Гражданской войны на территории Крымского полуострова оставалось немало противников советской власти (бывшие военные, представители буржуазии, члены администрации белых правительств и т. д.). Красный террор и голод во многом подталкивали несогласных к созданию в горно-лесной зоне полуострова так называемых отрядов «бело-зеленых», осуществлявших нападения на представителей и сторонников советской власти, лояльное население и т. д. Пик «бело-зеленого» движения в Крыму пришелся на лето — осень 1921 г., когда в горных районах действовало до 20 отдельных отрядов и банд. Борьбу с ними затрудняли как природные условия, так и поддержка части жителей горных сел.

Негативную роль сыграла и несогласованность в деятельности чрезвычайных органов, существовавших в подразделениях армии и флота, располагавшихся

на территории полуострова, а также в городах и районах Крыма. Преодолеть этот недостаток удалось после создания летом 1921 г. Крымской областной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем (далее — КрымЧК) и упразднения особых отделов 4-й армии, Особого отдела Черного и Азовского морей ВЧК РСФСР, самостоятельных городских отделов ЧК. Также при Крымревкомме учредили постоянно действующее совещание по борьбе с бандитизмом. Добиться перелома удалось после привлечения значительного количества войск и объявления амнистии. В июле 1921 г. ряд руководителей отрядов «зеленых» (штабс-капитан врангелевской армии Мамуладзе, командир «корпуса зеленых» Алешин и его адъютант Грозный) подписали с представителями полномочной комиссии ВЦИК РСФСР по Крыму договор о сложении оружия¹. Все эти меры постепенно привели к окончательной ликвидации «зеленого движения». Если в конце 1920 г. в бандах насчитывалось до 10 тыс. человек, то к лету 1921 г. их численность сократилась до 500 человек².

Большое значение для будущего Крыма имел декрет Совета народных комиссаров РСФСР от 21 декабря 1920 г. «Об использовании Крыма для лечения трудящихся». В целях обеспечения курортного строительства было организовано Центральное управление курортами Крыма, которое возглавил занимавшийся революционной работой в Крыму брат В. И. Ленина Д. И. Ульянов. Декретом предписывалось «обязать Народный комиссариат здравоохранения открыть в кратчайший срок санатории в Крыму с таким расчетом, чтобы в январе было открыто 5000 коек, весной — 25 000 коек; наблюдение за отбором больных рабочих, а также за размещением их в санаториях Крыма возложить на ВЦСПС совместно с Наркомздравом»³. На ремонтно-восстановительные работы после военной разрухи было выделено более 11 млрд руб. Для нужд курортов и в целях организации питания больных в первой половине 1921 г. Совет труда и обороны отправил в Крым более 7 тыс. пудов продовольствия, а Наркомат здравоохранения РСФСР — несколько групп врачей и медсестер для комплектования медицинским персоналом крымских здравниц.

20 февраля 1921 г. в Ялте торжественно открылся первый советский курортный сезон. Весной того же года в санаториях Центрального управления курортами Крыма находились на отдыхе 1200 человек из Москвы, Киева, Харькова и других городов. В рамках осуществления программы курортного строительства создавались районные курортные управления в Ялте, Евпатории, Феодосии и Севастополе. В октябре 1921 г. на побережье действовали 39 санаториев на 4 тыс. мест. Всего в здравницах полуострова за этот год восстанавливали свое здоровье около 17 тыс. человек.

¹ Годовой отчет Крымской чрезвычайной комиссии за 1921 год // 95 лет КрымЧК: сборник. Симферополь, 2016. С. 116–117.

² Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. Симферополь, 1990. С. 11.

³ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма: Материалы районной планировки ЮБК / Комитет по планировке Южного берега Крыма при СНК Крым. АССР. Симферополь, 1935. С. 3.

¹ Зарубин А. Г., Зарубин В. Г. Без победителей... С. 703–704.

² Усов С. А. Историко-экономические очерки Крыма. Симферополь, 1925. С. 14–15.

§ 2. Создание Крымской АССР

А. В. Мальгин, Г. Н. Кондратюк

В период Гражданской войны на территории Крыма дважды провозглашалось создание республики Советов — в 1918 и 1919 гг. В обоих случаях это были чисто территориальные политические образования. После окончания войны наряду с классовым принципом формирования советской государственности большое значение приобрел национальный. Все образованные в это время советские республики были не только «государствами рабочих и крестьян», но и «ранее угнетенных национальностей». В этом смысле Крым являлся не совсем типичной территорией. С одной стороны, это был, безусловно, многонациональный регион бывшей Российской империи, имеющий коренную национальность — крымских татар; с другой — большинство его населения составляли русские и украинцы, а удельный вес крымских татар был сравнительно невелик.

По данным переписи населения Крыма 1921 г., из проживавших на полуострове 720,3 тыс. человек русских и украинцев насчитывалось 371 тыс. человек (что составляло 51,5%), крымских татар — 186,7 тыс. (25,9%), евреев — 49,4 тыс. (6,8%), немцев — 42,3 тыс. (5,8%), греков — 23,8 тыс. (3,3%), армян — 12 тыс. (1,6%), болгар — 10,5 тыс. (1,4%), поляков — 5,7 тыс. (0,8%), караимов и представителей других этнических групп — 5,5 тыс. человек (0,7%)¹.

С периода борьбы с германской оккупацией в 1918 г. Крым рассматривался советским правительством как часть РСФСР. Однако полуостров не имел с Российской Федерацией сухопутной границы, будучи отделенным от нее территорией Украинской ССР. 21 января 1921 г. состоялось совместное заседание Крымревкома и Крымского обкома РКП(б), на котором рассмотрен вопрос «О политических взаимоотношениях Крыма с РСФСР и УССР». В принятом постановлении отмечалось: «Признать наиболее желательным подчинить Крым непосредственно Москве на положении автономной единицы, присвоив ей название Крымская автономная область» (отдельное мнение высказал Ю. П. Гавен, предложив «в целях революционирования мусульманского Востока... создать видимость самостоятельного Крыма» под названием «Крымская Коммуна») ².

Спустя месяц, 21 февраля, позицию большинства подтвердил в своей речи на заседании Крымревкома и назначенный вместо Б. М. Куна его новым председателем М. Поляков: «Вопрос о судьбе Крыма будет решаться трудящимися Крыма. Сейчас он (Крым) является частью РСФСР. О подчинении в хозяйственном отношении Крыма вопрос не поднимался, ибо мне не известно было о том, что на его подчинение в хозяйственном отношении претендовала Украина» ³. С этого момента законодательные акты Крымревкома стали приводиться в соответствие с законодательством РСФСР.

2 апреля 1921 г. пленум Крымского обкома РКП(б) постановил «направить циркулярное письмо уездным организациям с предложением обменяться мнениями... по вопросу «О будущем политическом положении Крыма». Также решено было запросить мнение ЦК РКП(б) ¹. Партийные комитеты основательно подошли к обсуждению будущего Крымского полуострова. Симферопольский уездный комитет РКП(б) поручил специальной комиссии подготовить доклад «О формах государственного строительства Крыма». В Ялте с тезисами «О будущем политическом устройстве Крыма» выступил член Крымревкома Н. Бабахан.

Партийная дискуссия выявила разные подходы к перспективам государственного строительства в Крыму. В то время как председатель Керченского ревкома М. П. Гринев, например, высказывался за создание «самостоятельной области» в непосредственном подчинении Москве, Керченский уездный комитет РКП(б), напротив, настаивал на подчинении Крыма Украине. Делегаты Севастопольской уездной партконференции постановили считать, что «Крым должен быть областью с губернским аппаратом, непосредственно подчиненной центральной власти РСФСР». Секретарь Татарской секции Ялтинского уездного комитета РКП(б) указывал на настойчивое желание коммунистов-татар «видеть Крым особым государственным образованием в составе РСФСР».

Мнение Москвы первоначально было сформулировано в телеграмме Совета национальностей при Народном комиссариате по делам национальностей РСФСР, который «признал необходимым выделение Крымского полуострова в Автономную республику» и поручил крымским властям представить заключение о ее возможных границах.

14 апреля 1921 г. члены Татарского бюро при Крымском обкоме РКП(б) (И. К. Фирдевс, С. Меметов, В. Ибраимов, О. Дерен-Айерлы и др.) признали целесообразным «объявить Крым советской социалистической интернациональной республикой в границах Крымского полуострова». Аналогичное решение о необходимости «провозглашения Крыма интернациональной республикой, входящей в Российскую Федерацию», приняла и Крымская областная конференция коммунистов-татар Крыма. Крымско-татарская часть обкома партии считала главной задачей автономии решение насущных проблем крымских татар, что могло бы послужить делу «мировой революции» на Востоке. Член Татарского бюро С. Меметов, в частности, указывал, что в Крыму необходимо создать такой «образцовый советский уголок», который служил бы «агитацией для всего Востока и притягивал бы ориентацию Востока к себе» ².

Некоторые представители коммунистов-татар требовали даже создания специального крымского «наркомата иностранных дел». Это предложение вызвало довольно резкую реакцию наркома иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерина, который в телеграмме, направленной уполномоченному комиссариата в Крыму, заявлял: «Мысль о том, чтобы Крым вел относительно Турции самостоятельную

¹ Предварительные итоги переписи в Крыму в 1921 г. С. 10–11.

² Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й. С. 8.

³ Там же. С. 7.

¹ Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й. С. 9.

² ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 73.

революционную политику, настолько вредна и опасна, что ее достаточно, чтобы решительно отвергнуть этот проект, ибо это означает, что там будут срывать нашу политику, будут нам вставлять палки в колеса и создавать скандалы с турецким правительством». В конце июня 1921 г. за проект решения об отклонении предложения Крымревкома о создании в Крыму самостоятельного комиссариата иностранных дел, внесенный Г. В. Чичериным, высказался В. И. Ленин. Тем не менее внешнеполитический мотив образования Крымской республики полностью сохранил свою силу.

Это было подтверждено на состоявшемся 7 мая 1921 г. пленуме Крымского обкома РКП(б), который подвел итоги партийной дискуссии о статусе Крыма. В итоговом документе отмечалась необходимость проведения мероприятий по «окончательному государственному устройству Крыма для обеспечения действительно революционного влияния на Востоке»¹. Вскоре окончательное мнение высказал и ЦК РКП(б): на пленуме 18 мая 1921 г. было «признано необходимым выделить Крымский полуостров в Крымскую автономную республику». ЦК предложил Крымревкому командировать своих представителей для выработки положения о Крымской автономной республике. Крымскую делегацию возглавил председатель Крымревкома М. Х. Поляков.

В июне в Крым из Москвы была направлена полномочная комиссия ВЦИК РСФСР, в которую вошли представители Народных комиссариатов: по делам национальностей — Ш. Н. Ибрагимов, здравоохранения — П. Г. Дауге и земледелия — М. Ф. Фофанова. В течение нескольких месяцев комиссия занималась выработкой и согласованием с местными властями проекта Конституции республики, параллельно изучала положение дел в политической и хозяйственной жизни Крыма. Комиссия опиралась в своей работе на уже существовавший опыт создания в составе РСФСР автономных образований: немцев Поволжья, Туркестанской, Башкирской, Татарской, Киргизской, Горской и Дагестанской республик.

24 августа 1921 г. расширенный пленум Крымского обкома партии после детального обсуждения одобрил представленные комиссией проекты документов об образовании автономной Крымской республики, включая и проект ее Конституции.

18 октября 1921 г. был принят декрет ВЦИК и Совнаркома РСФСР «Об Автономной Крымской Советской Социалистической Республике». Республика образовывалась как часть РСФСР, в границах Крымского полуострова. Республиканский аппарат государственной власти формировался на основании законодательства РСФСР. Вопросы в сферах военной, борьбы с контрреволюцией, иностранных дел и внешней торговли, а также путей сообщения и курортов полностью находились в ведении центральных органов власти, в иных областях действовали решения местных органов власти, основанные на законодательных актах РСФСР.

Сразу же началась работа по подготовке к проведению I Всекрымского учредительного съезда Советов, который состоялся 7–11 ноября 1921 г. в Симферополе. В его работе приняли участие 428 депутатов, из них 357 с решающим правом голоса.

10 ноября Учредительный съезд принял Конституцию Крымской ССР. Документ состоял из шести разделов, включавших 33 статьи. Основой для построения документа стала Конституция РСФСР. В статье 3 отмечалось, что «КрымССР заявляет о своей твердой решимости остаться одной из составных частей общей федерации великой Российской республики на началах тесного и полного политического и экономического объединения для совместной борьбы за торжество коммунистической революции. Исходя из этого КрымССР принимает и вводит в действие на всей территории Крыма все законодательные акты, которые действуют в РСФСР, как те, которые уже действуют, так и те, которые будут издаваться позже»¹. В тексте Конституции содержалось следующее важное положение: «Крымская Советская Социалистическая Республика, утверждая равенство и право на развитие всех национальностей Крыма, отменяет все существовавшие ранее национальные и национально-религиозные привилегии и ограничения. Государственными языками КССР являются русский и татарский»².

Высшим органом представительной и законодательной власти определялся Всекрымский съезд Советов, а между его заседаниями — Центральный исполнительный комитет Крымской АССР (ЦИК) в составе 50 человек. Его возглавил известный революционный деятель Ю. П. Гавен. Органом исполнительной власти становился Совет народных комиссаров Крымской АССР. Пост председателя Совнаркома занял рекомендованный Москвой партийный деятель из казанских татар С. Г. Саид-Галиев. 15 республиканских наркоматов ведали всеми основными сферами жизни Крыма.

Создание Автономной Крымской ССР способствовало преодолению тяжелых последствий Гражданской войны и восстановлению экономики, заложило основы государственного строительства и дальнейшего развития Крымского полуострова.

§ 3. Крым в годы нэпа (1923–1928 гг.)

Г. Н. Кондратюк

Переход к новой экономической политике (нэп) произошел в Крыму несколько позже, чем в других регионах страны. Решение о замене продразверстки продналогом, принятое ВЦИК РСФСР в марте 1921 г., начало реализовываться на полуострове с июня. 1922 г. фактически явился периодом преодоления голода. Начало экономического оживления фиксируется со следующего, 1923 г.

Основные последствия голода были преодолены, собран относительно неплохой урожай зерновых. У крестьян появились экономические стимулы для работы. До 1925 г. посевная площадь увеличилась в 2,5 раза, а количество рабочего скота — в 1,5 раза. Общая валовая прибыль сельского хозяйства Крымской АССР

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 55. Л. 6–6 об.

¹ ГАРК. Ф. П-1188. Оп. 3. Д. 68. Л. 231 об.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 57. Л. 12.

достигла 60 млн рублей. Но урожайность оставалась очень низкой, в 1925 г. она составила приблизительно 98 пудов с десятины. Основу экономики Крыма в условиях нэпа составляли сельское хозяйство и отрасли, работавшие на аграрном сырье: консервное, молочное, мукомольное производства, сыроварение, переработка табака. В общем обороте в 1925 г. мукомольная промышленность занимала 22,3%, табачная — 16,6%, кожевенная — 15,2%, швейная — 8,7%, консервная — 8,2%¹.

Однако восстановление крымской промышленности происходило сложно и медленно. Так, если в 1912 г. предприятия Крыма выпускали продукции на 40 830 тыс. золотых рублей, то в 1922 г. — на 7038 тыс. (20% от довоенного уровня). Разруха на предприятиях привела к катастрофическому сокращению числа работающих. Если в 1912 г. в промышленности были заняты 19 805 трудящихся, то в 1922 г. — 5287 человек (27% от числа ранее работавших)².

Быстро развивающийся частный капитал устремился прежде всего в сферу торговли. В 1921–1922 гг. было выдано 5142 патента на ведение торговли, из них 95% — частным лицам. В 1922–1923 гг. оборот частной торговли достиг 87,6% от всего торгового оборота на полуострове. В 1925–1926 гг. насчитывалось 6900 частных торговых единиц (85,7% от их общего числа). Обследование Крымским центральным статистическим управлением (далее — Крымское ЦСУ) рыночного оборота сельского хозяйства за 1923–1924 гг. показало, что 64,3% всех промышленных товаров на селе было приобретено у частных торговцев.

Достаточно активно участвовал частный капитал и в сфере промышленности. По данным переписи городского населения 1923 г., государственные предприятия производили 71,4% продукции, кооперативные — 3,3%, а частные — 25,3%³. Промышленность Крыма носила в основном кустарно-ремесленный характер и обслуживала прежде всего интересы сельского хозяйства. В 1925–1926 гг. мелкая и кустарно-ремесленная промышленность достигла довоенного уровня, тогда как фабрично-заводская — только 47,1%.

Восстановление фабрично-заводской промышленности началось в середине 1920-х гг. на Керченском государственном металлургическом заводе, Севастопольском морском заводе и Сакском бромном заводе. В 1926–1927 гг. были введены в строй небольшие предприятия по производству стройматериалов. Наиболее быстрыми темпами развивалась главная отрасль крымской промышленности — пищевая. За три года валовая продукция консервной промышленности превысила уровень 1913 г., а ее удельный вес в народном хозяйстве составил 50%.

Однако новая экономическая политика в промышленности не решила проблем общей экономической и технической отсталости, диспропорций в структуре производства, замены устаревшего оборудования и т. д.

Важное место в годы нэпа принадлежало кооперативам и обществам взаимопомощи, также осуществлявшим экономическую деятельность. В городах Крыма работали армянские, греческие, еврейские, татарские кооперативы, а также общества взаимопомощи, многие из которых также строились по национальному принципу. Наиболее крупным крымско-татарским кооперативом стал «Шеркет», выступавший как торгово-сбытовая структура: кооператив приобретал виноград и вино для реализации за пределами Крыма. Кооперативы тесно взаимодействовали с Центральным советом народного хозяйства (ЦСНХ) Крымской АССР. Они сыграли свою роль в снижении уровня безработицы и содействовали формированию национального пролетариата. Общественные организации способствовали удовлетворению различных потребностей людей в сфере организации местного хозяйства, культуры и отдыха.

Серьезнейшие преобразования в 1920-х гг. происходили в аграрной сфере. С установлением советской власти Крымревком зачислил подавляющее большинство национализированных земель в государственный фонд для создания совхозов. В начале 1921 г. в Крыму уже насчитывалось 978 совхозов, в распоряжении которых находилось 730 тыс. десятин земли. Однако совхозы не располагали достаточными силами и средствами для обработки закрепленных за ними площадей. В условиях, когда из 64 848 крестьянских дворов на полуострове 25 314 хозяйств (т. е. около 40%) были совершенно безземельными и работали на арендованных помещичьих землях, создание на этих землях совхозов означало вытеснение с них арендаторов.

В мае 1921 г. IV Крымская партконференция приняла решение о наделении бедняцких слоев сельского населения землей за счет сокращения земельной площади совхозов. Численность последних была сокращена до 150, а земельная площадь — до 130 тыс. десятин. В ноябре 1921 г. Всекрымский учредительный съезд Советов установил нормы наделения крестьян землей, исходя из места расположения хозяйств: в полеводческой (зерновое и животноводческое хозяйство), спецкультурной (садоводство, виноградарство, табаководство) или смешанной зонах. В последующем Совнарком Крымской АССР принял еще несколько решений, призванных упорядочить землепользование в различных сельскохозяйственных зонах республики, чем было продолжено осуществление аграрных преобразований.

Реформа предполагала проведение внутриселенного и межселенного землеустройства. Внутриселенное землеустройство предусматривало упорядочивание владения землей в границах небольшого района, межселенное допускало выселение части крестьян из районов с острой нехваткой земли туда, где существовал ее избыток. Народный комиссариат земледелия Крымской АССР до 1926 г. проводил прежде всего внутриселенное землеустройство. Оно должно было устранить чересполосицу, создать более благоприятные условия для хозяйствования земельных обществ. Однако установленные и скорректированные местными нормативными актами в сфере землеустройства 1925 г. нормы наделения землей, прежде всего в зоне выращивания «спецкультур», не позволяли наделить ею всех нуждающихся. По мнению ряда критиков земельной реформы, это было связано с искусственным установлением повышенных норм землевладения в районах выращивания «спецкультур» в интересах крупных «капитализированных» хозяйств.

¹ Отчет Крымского областного комитета РКП(б) к XI областной партконференции. Симферополь, 1925. С. 6.

² Отчет КрымЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений КрССР III Всекрымскому Съезду Советов. Симферополь, 1923. С. 50.

³ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 42–43.

Компенсировать нехватку земли предлагалось за счет переселения крестьян в районы преимущественно северного Крыма, где существовал избыток земли. 23 февраля 1926 г. Совнарком Крымской АССР утвердил план расселения хозяйств из зон выращивания «спецкультуры» в другие (прежде всего степные) районы республики. Всего предусматривалось переселить свыше 8 тыс. семей в основном из Судакского, Бахчисарайского, Севастопольского, Карасубазарского районов, из которых не менее 3 тыс. семей должны были составлять безземельные крестьяне¹. Переселиться должны были те сельские жители, у которых земельный надел был меньше установленной средней нормы. При этом государство обязывалось не только наделить переселенцев землей, но и оказать помощь в обустройстве на новом месте, обеспечении инвентарем и т. д. Переселенцам предоставлялся надел в 70 десятин земли и ссуда в 2 тыс. рублей. На 1 мая 1928 г. расселение охватило 5917 хозяйств. Для них Народный комиссариат земледелия Крымской АССР выделил 143 тыс. га земли. Для помощи крестьянам-переселенцам в республиканском бюджете предусматривалась сумма в размере 1 168 000 рублей².

Однако обустройство на новых местах проходило трудно, и к 1928 г. полностью создали себе необходимые условия для жизни и работы лишь 2604 хозяйства. Это было связано с бедностью большинства переселенцев. Не имея достаточного количества рабочего скота и сельхозинвентаря (49,2% переселившихся хозяйств располагали лишь 16,3% общего количества сельхозинвентаря), переселенцы вынуждены были сдавать часть своих наделов в кабальную аренду. К 1928 г. общие диспропорции в землевладении в Крыму не были устранены. Несмотря на то что общее землепользование крестьянства увеличилось по сравнению с 1921 г. почти вдвое (с 1033 тыс. до 1984 тыс. га), а количество земли, полученной крестьянами — крымскими татарами, составляло 328,5 десятин (т. е. увеличилось на 90%), в горных и предгорных районах обеспеченность землей составляла только 67%, 4660 крестьянских хозяйств оставались без земли³, а среди 5198 крымско-татарских хозяйств у 74,6% посевная площадь не превышала шести десятин.

Осуществление земельной реформы в Крыму к концу 1920-х гг. вызывало все больше критических замечаний, в основном сводившихся к тому, что главными выгодополучателями от преобразований являются крупные кулацкие хозяйства, в то время как основная опора власти, беднота, остается обделенной землей. В постановлении Оргбюро ЦК ВКП(б) от 25 июля 1927 г. «О работе и состоянии Крымской партийной организации» обкому партии было указано на необходимость урегулирования земельного вопроса в Крыму путем «революционного передела земли» на основе трудовых форм землепользования. В дальнейшем вопросы аграрной реформы послужили одной из главных причин возникновения так называемого «Дела председателя ЦИК Крыма Вели Ибраимова».

¹ ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 99. Л. 181.

² Там же. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1757. Л. 41 об.

³ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 59.

Вызванная столь много дискуссий земельная реформа 1920-х гг. предполагала и осуществление совсем новых и необычных проектов. Таким должна была стать реэмиграция крымских татар из-за рубежа.

По замыслу организаторов, реэмиграция была призвана восстановить численность крымско-татарского народа, который понес существенные демографические потери от голода 1922–1923 гг. Руководство Крымской АССР обратилось в Президиум ЦИК СССР с просьбой разрешить широкую реэмиграцию крымских татар, уехавших из Крыма в XIX — начале XX в., и их потомков с территорий Болгарии, Румынии и Турции и выделение земли для переселенцев. Авторы соответствующего обращения, председатель ЦИК Крымской АССР В. Ибраимов и председатель Совнаркома республики О. Дерен-Айерлы, указывали, что, «если придерживаться земельных норм, утвержденных I Всекрымским съездом Советов, и применить их во время землеустройства, для местного населения необходимо оставить 1 748 563 десятины... При условии предоставления на хозяйство по 20–25 десятин земли земельный фонд даст возможность обустроить порядка 20 000 реэмигрантов, размещение которых предусматривается в Джанкойском, Евпаторийском, Симферопольском и Карасубазарском районах селами по 200 душ в каждом... в первую очередь предусматривается вселение переселенцев, начиная с заселения тех районов, где в связи с голодом 1921 г. имела место значительная потеря татарского населения»¹.

Идея встретила широкую поддержку татар-коммунистов. 29 января 1925 г. вопрос выделения земельных участков для реэмигрантов рассматривался на заседании Президиума ЦИК Крымской АССР. По итогам его обсуждения было принято постановление, в котором, в частности, отмечалось: «Поставить перед ЦИК СССР ходатайство о разрешении въезда в Крым эмигрантов из Болгарии и Румынии, в первую очередь в количестве 20 000 душ, удовлетворить полностью из наличного в Крыму запасного земельного фонда в первую очередь реэмигрантов татар, забронировав за ними необходимое количество земли для первой партии в количестве 100 000 десятин»².

На волне этой поддержки ЦИК Крымской АССР инициировал создание в сентябре 1926 г. Крымского общества помощи переселенцам и расселенцам, целью деятельности которого было «содействовать переселению и расселению коренного сельского населения внутри Крыма, а также содействовать татарам-эмигрантам и их потомкам в возвращении на родину и обустройстве на местах»³. 14 июня 1926 г. состоялось первое заседание Пленума Крымского общества помощи переселенцам и расселенцам, в котором приняли участие В. Ибраимов, У. Балич, М. Мамут Недим, Арабский, А. А. Лятиф-заде. Общество предоставляло материальную, правовую, медицинскую, агрономическую, землеустроительную, культурно-просветительскую помощь крестьянам — крымским татарам.

¹ ГА РФ. Ф. 3316. Оп. 64. Д. 49. Л. 4.

² ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 99. Л. 181.

³ Там же. Ф. Р-441. Оп. 1. Д. 4. Л. 2.

25 мая 1927 г. в Симферополе состоялся Всекрымский съезд Крымского общества помощи переселенцам и расселенцам, его делегатами стали 4,7 тыс. человек. Съезд подвел итоги работы общества за первый неполный год и одобрил решение просить Народный комиссариат финансов Крымской АССР выделить для нужд переселенцев 35 тыс. рублей. Народный комиссариат земледелия УССР также выделял обществу 30 тыс. пудов пшеницы в порядке помощи. Крымскому обществу помощи переселенцам и расселенцам было суждено просуществовать четыре неполных года. Из-за политических событий организация прекратила свою работу в марте 1930 г.

Необходимо отметить, что в осуществлении земельной реформы в Крымской АССР участвовали и другие организации. Так, в мае 1926 г. при ЦИК Крымской АССР была создана Организационная комиссия помощи переселенцам горной местности Крыма. В ее президиум, который возглавил В. Ибраимов, вошли: С. Меметов, Д. Меинов, М. Мамут Недим, А. А. Лятиф-заде¹.

Еще одним важнейшим аспектом аграрных преобразований в Крыму стали переселение в Крымскую АССР евреев из бывшей черты оседлости и организация еврейских коллективных земледельческих хозяйств. К марту 1925 г. переселение евреев стало государственной политикой, которая получила мощное зарубежное финансирование и поддержку. Внутрикрымское переселение фактически было остановлено, а земли Джанкойского и Евпаторийского районов отданы под переселение евреев. За период с 1923 по 1925 г. было организовано 596 хозяйств евреев-переселенцев. При активном участии Комитета по вопросам земельного устройства трудящихся евреев в автономии с 1925 по 1928 г. за переселенцами было закреплено 113 тыс. га земли. Внеплановые переселенцы в целом заняли 19 416 га (в основном до 1925 г.).

В соответствии с постановлением ВЦИК РСФСР от 21 апреля 1925 г. выделенная под переселение евреев земельная площадь увеличивалась до 132 928 га. В дальнейшем масштабы выделенной земли и количество переселенцев только возрастали. По состоянию на 1929 г. площадь земель, которые осваивались евреями-переселенцами, составляла 227 965 га, на них разместились 4454 еврейских хозяйства².

§ 4. Политика «коренизации» в Крымской АССР. Дела Вели Ибраимова и «Милли Фирки»

Р. И. Хаяли, Г. Н. Кондратюк

Советские преобразования 1920-х гг. как в Крыму, так и в других национальных (или с высоким удельным весом нерусского населения) регионах включали в качестве своей составной части осуществление специальной административной, кадровой и образовательной национальной политики, получившей название «коренизации»

и выражавшейся в форсированном вовлечении национальных кадров в управление, промышленное производство и культурное строительство на местах. «Коренизация» предусматривала частичный перевод делопроизводства на национальные языки и осуществление административно-территориальных преобразований в интересах этнических групп, составлявших большинство на тех или иных территориях, но являвшихся меньшинством в рамках республик или в целом Союза ССР.

Основные направления этой политики были определены на XII съезде РКП(б), состоявшемся в апреле 1923 г. Однако в реальности ее осуществление стартовало раньше и было частью революционных преобразований, начатых большевиками в 1917 г. Уже при создании Крымской АССР в 1921 г. установка на вовлечение «отсталых» татарских масс в советское строительство играла существенную роль. В дальнейшем она приобрела еще большее значение, а сама Крымская АССР стала восприниматься как едва ли не главный инструмент выравнивания политического, экономического и культурного положения крымских татар по отношению к остальному населению Крыма.

Одним из первых шагов на пути осуществления «коренизации» стало создание при Крымском обкоме РКП(б) специального подотдела по работе с татарским населением — Мусульманской секции (или Мусульманского бюро), которой был предоставлен политический и общественный контроль за тем, как власти обеспечивают экономические и социальные потребности «коренного населения». В «Положении о национальных секциях партийных комитетов Крыма» (1921 г.) также была обозначена задача ведения коммунистической агитации и пропаганды на родном языке¹.

В первое время Мусульманская секция (бюро) занималась изданием литературы на крымско-татарском языке, пропагандистской работой среди учителей, женщин, организацией политкурсов. Эта структура во многом должна была нейтрализовать амбиции крымско-татарской политической элиты, в частности лидеров партии «Милли Фирка». Деятельность секции позволила привлечь к сотрудничеству часть старой интеллигенции и молодое поколение леворадикальных сил национального движения².

В 1921 г. филиалы Мусульманской секции (бюро) были созданы во всех крупных городах Крыма. Ее представители имели большое влияние на сельское крымско-татарское население. 8 января 1921 г. решением совещания представителей национальных секций при Агитпропе Крымского обкома РКП(б) Мусульманская секция (бюро) была переименована в Крымское областное татарское бюро (Крымоблтатбюро, Татарская секция) на правах отдела обкома партии. В 1921 г. в Симферополе при поддержке Татарской секции был создан рабочий клуб им. А. Боданинского. На местах деятельность бюро была направлена на укрепление связи с работой Политпросвета³.

¹ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 251.

² Хаяли Р. И. Деятельность Крымоблтатбюро в первой половине 20-х годов XX столетия // КНП. 2006. № 73. С. 205.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 9, 66.

¹ ГАРК. Ф. П-441. Оп. 1. Д. 2. Л. 1.

² Там же. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 1834. Л. 63.

В разные годы в работе Крымоблтатбюро было занято до 45 человек¹. Одним из первых его решений, затронувших интересы населения, исповедующего ислам, стало признание 11 февраля 1921 г. днями отдыха религиозных праздников: Курбан байрама, Рамазан байрама, мусульманского Нового года и дня рождения Пророка Мухаммеда². Особое внимание уделялось развитию и укреплению советского государственного строительства путем привлечения в органы государственной власти и управления татарских крестьян и представителей пролетариата, сотрудничества с «надежной интеллигенцией»³.

Со времени создания Татарской секции, ведущее место в деятельности которой занимала издательская работа, возобновился выпуск газеты «Ени Дунья» («Новый мир») ⁴. Местные советские власти полагали, что «татарская масса» была слишком «мало пропитана революционным духом, насквозь пропитана религиозным фанатизмом, суеверием и предрассудками», поэтому «среди татарского населения должна вестись самая интенсивная и энергичная работа для поднятия культурного и политического уровня и, самое главное, для пробуждения у него классового самосознания»⁵.

Принимались решения по «коренизации» органов исполнительной власти. В протоколе заседания Крымоблтатбюро от 14 апреля 1921 г. № 50 выдвигались цели «поставить во главу угла работу среди татар и по возможности татаризировать аппараты Наробраза, Земотдела, Здраводела, отдела управления и Президиумы руководящих органов»⁶. В системе Управления народным образованием был создан татарский подотдел⁷ под руководством Б. В. Чобан-заде, в полномочия которого входило создание системы народного просвещения среди татар, привлечение педагогических кадров и материально-техническое обеспечение школ и учебных заведений.

Особое внимание уделялось внедрению статуса крымско-татарского языка как государственного на территории Автономной Крымской ССР. С этой целью Крымоблтатбюро 3 декабря 1921 г. на своем заседании приняло специальное решение «О реализации татарского языка как государственного», согласно которому делопроизводство в партийных и советских органах предполагалось вести на двух языках. С этой целью при ЦИК и Совнаркоме республики было создано переводческое бюро. На совещании было принято решение: «...просить ОК предложить СНК ввести в штаты наркоматов и их отделов на местах на должности практиков татар, установив для них жалованье в размере прожиточного минимума» в порядке государственного распределения. В первую очередь предполагалось охватить Наркомат земледелия, Крымсовхоз, Рабрин, Крымсоюз и сельскохозяйственный кооператив.

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 104. Л. 161–162.

² Там же. Д. 102. Л. 10.

³ Там же. Д. 194. Л. 40; Д. 288. Л. 5.

⁴ Там же. Д. 288. Л. 37.

⁵ «Работа среди татар» // Красный Крым. 1921. 9 февраля; Брошеван В. М., *Форманчук А. А.* Крымская республика: год 1921-й. С. 102–103.

⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 102. Л. 32.

⁷ Очерки по истории Крыма / под общ. ред. И. С. Чирвы. Симферополь, 1964. Ч. III: Крым в период социалистического строительства (1921–1941). С. 39.

Правовое обеспечение дальнейшего проведения политики «коренизации» в Крыму нашло отражение в Декрете ЦИК и Совнаркома Крымской ССР от 10 февраля 1922 г. «О татаризации государственных аппаратов и применении татарского языка в учреждениях республики», который ставил целью привлечение местного, преимущественно татарского, населения в советский государственный аппарат и широкое использование крымско-татарского языка¹. В соответствии с этим декретом предполагалось создание при КрымЦИК постоянной комиссии по татаризации в составе председателя КрымЦИК Ю. П. Гавена, И. Фирдевса, С. Меметова, Б. В. Чобан-заде и др. Эта комиссия отвечала за разработку мероприятий в политической, социально-экономической, культурно-образовательной сферах².

В отчетном докладе Татарской секции за период с 3 ноября 1921 г. по 20 февраля 1922 г. отмечалось, что «одной из самых существенных работ было проведение в жизнь коренизации советских аппаратов»³. Особое внимание уделялось работе среди женщин и молодежи.

По мере развития политики «коренизации» расширялась и сфера ее распространения. 12 сентября 1922 г. на совещании секретарей татарских секций при окружкомах РКП(б) отмечалось, что мероприятия в отношении крымских татар должны быть нацелены на развитие среди них кооперации, агитации и пропаганды, использование сильного движения среди них к просвещению и вовлечение их в советское строительство. Дополнительно предполагалась организация издательского дела, печати⁴.

Дальнейшее развитие и организационное оформление политика «коренизации» получила после состоявшегося в апреле 1923 г. XII съезда РКП(б), где задачи «вовлечения пролетарских и полупролетарских элементов в партийное и советское строительство», перевода государственного аппарата на «понятный для местного населения язык», поднятия культурного и образовательного состояния местного населения были сформулированы в Платформе ЦК РКП(б) по национальному вопросу⁵.

28–29 июля 1923 г. на совещании ответственных татарских работников Симферополя и округов, проведенном совместно с секретарями Татарской секции, с докладом о национальной политике в Крыму выступил председатель Совнаркома Крымской АССР М. Саид-Галиев, определивший план работы на ближайшую перспективу: подбор татарских кадров в сельские советы, выдвижение татарских работников, особенно женщин, в партийные и советские органы, введение в делопроизводство татарского языка в районах с преобладанием коренного населения,

¹ Брошеван В. Татары в Крымской АССР. Симферополь, 2005. С. 10, 12.

² Крымско-татарское национальное движение: в 4 т. М., 1992. (Сер. «Национальные движения в СССР»). Т. 2: Документы. Материалы. Хроника. С. 40–41.

³ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 264.

⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 194. Л. 39.

⁵ Тайны национальной политики ЦК РКП: Четвертое совещание ЦК РКП с ответственными работниками национальных республик и областей в г. Москве 9–12 июня 1923 г. Москва: Стенографический отчет. М., 1992. С. 102–103.

организация курсов по подготовке агрономов и бухгалтеров, введение татарского языка как обязательного предмета в школах второй ступени и профтехнических школах, изучение татарского языка русскими работниками, возвращение в Крым «коренного татарского населения», эмигрировавшего в прошлом. Эти предложения в целом были поддержаны состоявшимся вскоре пленумом Крымского обкома РКП(б), за исключением тезиса о переселении крымских татар из-за рубежа.

В апреле 1923 г. при Крымском ЦИК была создана переводческая коллегия, задачи которой состояли в ознакомлении крымско-татарского населения с основами советского строя и законами, принятыми центральными и республиканскими органами власти¹.

В декабре 1923 г. вопрос о «коренизации» рассмотрел III Всекрымский съезд Советов, принявший в виде резолюции по докладу «О татаризации» развернутую программу развития национальной школы, культуры, печати, расширения функций татарского языка в республике.

Наиболее трудновыполнимой задачей для новой власти было вовлечение крымских татар в большевистскую партию. В мае 1921 г. в Севастопольской уездной парторганизации из 1409 коммунистов крымских татар был 41 человек, а на учете Керченского уездного комитета РКП(б) в ноябре 1921 г. состояли 713 человек, из них крымских татар — 11. Среди 227 делегатов 2-й Симферопольской уездной конференции РКП(б), проходившей в мае 1921 г., только 11 были представлены крымскими татарами².

В 1921 г. Крымский обком партии рассмотрел кандидатуры 105 крымских татар для работы в партийных и советских органах. Помимо этого, по решению обкома партии 25 крымских татар были направлены в областные учреждения в качестве членов коллегий³. К этому времени из 5875 членов партии крымских татар насчитывалось 192 человека (3,3%), в том числе две женщины⁴. Через два года, в 1923 г., из 2598 членов партии и кандидатов в члены партии 119 (4,6%) были крымскими татарами. Вовлечение крымских татар в партию проходило достаточно медленно, что во многом объяснялось как малочисленностью среди крымских татар рабочих, так и низким авторитетом коммунистов, недоверием к советским органам власти.

Особенностью Крыма была не только слабость местных партийно-большевистских сил, прежде всего в среде крымских татар, но и, напротив, большое количество представителей в той или иной степени антисоветски настроенных кругов, в том числе принадлежавших к политическим партиям, признаваемым новой властью «контрреволюционными». Вопрос создания новой партийной и советской политической элиты решался, с одной стороны, путем назначения на руководящие посты в Крымском обкоме РКП(б) партийных работников из других регионов стра-

ны, а с другой — путем набора «национальных кадров», прежде всего из представителей крымских татар.

Практически вся политически активная часть крымских татар в ходе революции и Гражданской войны сгруппировалась вокруг так называемой «Народной партии» («Милли Фирка»), деятели которой созвали в 1917 г. национальный съезд — Курултай, боролись сначала с большевиками, а затем с белыми режимами, рассматривая большевиков в качестве союзников.

Вскоре после окончательного установления советской власти, 25 ноября 1920 г., в Крымревком поступила записка, подписанная семью членами ЦК «Милли Фирки». В ней говорилось, что организация представляет мусульманскую общественность и выступает против гнета, эксплуатации народов Востока мировым капиталом, стоит за последовательный переход от капиталистического хозяйства к коммунально-коллективистскому. Эксплуататором и угнетателем мусульманского мира и всего Востока признается европейский капитализм (Антанта), а естественным противником последнего являются две крупные силы: советская власть и революционное движение в мусульманском мире. Советская Россия является первым, верным и естественным другом и союзником угнетенного мусульманства. Руководители этой партии предлагали подписать договор о сотрудничестве на условиях легализации «Милли Фирки», передачи в ее ведение религиозных и просветительных дел, разрешения вопросов о вакуфах, издание газеты «Миллет», книг, литературных и научных журналов на татарском языке¹.

Этот вопрос был рассмотрен созданным при Крымском обкоме РКП(б) Мусульманским бюро, которое решило рекомендовать партийному руководству не идти ни на какое сотрудничество с «Милли Фиркой», а, напротив, выступить с ее разоблачением как «контрреволюционной» силы, начав «против нее кампанию в устной и письменной агитации»².

Однако, несмотря на то что легализация «Милли Фирки» как самостоятельной политической силы не удалась, очень скоро представители ее левого крыла, став членами РКП(б), заняли целый ряд ключевых постов в руководстве Крымской АССР. Их список приводит известный деятель крымско-татарского движения А. С. Айвазов: Х. Чапчакчи — наркомздрав, И. Мухиддинов — наркомпрос, У. Балич — представитель Крыма в Москве, О. Ибраимов — наркомзем, Р. Ногаев — наркомост, О. Дерен-Айерлы — председатель Совнаркома, В. Ибраимов — нарком РКИ, Одабаш — научный секретарь академсовета Наркомпроса, А. Озенбашлы — директор татарского педтехникума, а позже заместитель наркомфина, А. Муслимов — заместитель председателя Крымсельсоюза, М. Недим — редактор газеты «Ени Дунья» и журналов «Чолпан» и «Илери»³.

Место нашлось даже некоторым представителям правого крыла, таким как бывший председатель Курултая и редактор газеты «Миллет» А. С. Айвазов, послан-

¹ ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 1. Д. 114. Л. 17.

² Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й. С. 36–37, 51.

³ Там же. С. 52.

⁴ Крымская Автономная Советская Социалистическая Республика // БЭС. М., 1937. Т. 35. С. 318.

¹ Хованцев Д. В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы // КНП. 1999. № 8. С. 201.

² Там же.

³ Айвазов А. С. История национального движения в Крыму.

ный в 1922 г. Крымским обкомом РКП(б) в Турцию для ведения переговоров с турецким правительством о помощи голодающему населению Крыма и встречавшийся в Анкаре с К. Ататюрком. Бывшие члены «Милли Фирки» организовали также кооператив «Ширкет», игравший большую роль в экономической жизни Крыма в период нэпа, и вообще занимали ключевые позиции в различных сферах жизни татарской общины полуострова. Неудивительно, что влияние этой группы на политическую жизнь республики и ход «коренизации» было весьма значительным.

В 1924 г. структура Крымской областной парторганизации состояла из 151 первичной ячейки, объединенной в девять районных комитетов. В составе партии числились 2737 членов и 1582 кандидата в члены партии. Национальный состав: крымские татары — 6,1%, русские и украинцы — 73,0%, евреи — 10,0%, немцы — 1,1% и прочие — около 10,0%¹.

Новая власть при закреплении своих позиций в регионе делала упор прежде всего на молодых коммунистов из числа крымско-татарской молодежи, выходцев из самых бедных слоев населения. Роль «туземных коммунистов», как отмечалось на XI Крымской областной партконференции в ноябре 1924 г., заключалась в том, чтобы они стали «связующим звеном между компартией, соввластью и туземными крестьянскими массами в широком смысле слова». По признанию местных политиков того периода, одной из ключевых ошибок, которую допускало руководство Крымского обкома РКП(б) в реализации национальной политики, была «верхушечность», организационная и идеологическая оторванность от масс. Все это «вытекало главным образом из неправильного понимания ОК принципов татаризации и ориентации на работников, не связанных в социальном отношении с местным туземным населением и трудящимися массами, не знающими местных условий, языка, быта, культуры и зачастую не ведущих практической работы»². Для проведения национальной политики в Крым направлялись коммунисты из числа поволжских татар, деятельность которых лидерами крымско-татарской интеллигенции оценивалась и виделась по-разному. Часть из них, такие как Ш. Ибрагимов, М. Султан-Галиев, пользовались авторитетом и поддержкой, других называли «жандармерией ЦК»³.

К январю 1926 г. доля крымских татар в партийной организации республики увеличилась до 7,8% (509 членов), из которых шесть — женщины. По сравнению с другими республиками это был один из самых низких показателей. Например, в Башкирской областной партийной организации «национальное представительство» на 1 января 1926 г. составляло 36,1%, в Татарской ССР — 31,4%⁴. Для повышения образования членов партии и советских работников в Симферополе дей-

ствовала совпартшкола второй ступени, в которой обучались 212 человек, из них 112 — крымские татары¹.

Несколько лучше шел процесс вовлечения крымских татар в комсомольскую организацию, имевшую в 1927 г. в Крымской АССР 504 ячейки, в которых состояло 14 537 членов. Значительную часть составляли крымские татары — 3753 человека (24,2%). В 105 пионерских организациях насчитывалось 3643 человека — дети крымских татар (28,8%)².

В первые годы советской власти и в дальнейшем при проведении политики «коренизации» особое внимание уделялось женскому вопросу среди мусульманского населения. В тезисах об организации работы среди коренного населения от 27 февраля 1922 г. И. К. Фирдевс поставил задачу широкого и интенсивного вовлечения женщин в различные союзы, систему образования, школы, детские сады³. Постепенно задача расширилась до вовлечения женщин — крымских татарок в государственные и партийные органы власти на местах, в общественную работу.

В основе решения гендерного вопроса лежал большевистский подход, предусматривающий освобождение и раскрепощение мусульманских женщин, создание для них максимально равных с мужчинами условий в социальной, образовательной и культурной областях. В агитационных материалах отмечалось, что женщина Востока прикована, как раба, к своей семье, домашнему хозяйству, а ей необходимо, так же как и русской женщине, переустраивать жизнь по-новому, нужны грамота, школы, клубы и избы-читальни, надо добиваться улучшения положения детей⁴.

9 марта 1921 г. в Крыму открылась Первая конференция женщин Востока, на которую приехали 67 делегаток. Участницы конференции обсуждали проблемы равноправия женщин и мужчин, народного образования и т. д. Делегатки разъехались с горячим желанием принять самое активное участие в пропагандистской работе среди женщин Востока и приложить усилия к созыву Второй конференции⁵.

В октябре 1927 г. в Крыму прошел Всекрымский съезд женщин — членов Советов. Делегатки выразили полное доверие советской власти, говорили о нуждах деревни, бытовых проблемах. Съезд закончил работу обращением к женскому населению: «Работница, крестьянка и трудящаяся Востока должны принять самое горячее участие в разрешении задач, стоящих перед коммунистической партией и советской властью, особенно в вопросах укрепления тыла и подготовки обороны

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 310. Л. 248–250.

² Там же. Л. 98–99; Сильницкий Ф. Национальная политика КПСС (1917–1922 гг.). 3-е изд. М., 1990. С. 175.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 310. Л. 103.

⁴ Сильницкий Ф. Национальная политика КПСС (1917–1922 гг.). С. 175.

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 310. Л. 250.

² Там же. Д. 636. Л. 15, 17, 18.

³ Там же. Д. 194. Л. 4–9.

⁴ Женщина Востока и Советская власть: тезисы для агитаторов к предстоящей областной конференции, выработанные областным женотделом РКП // Листок пропагандиста и политпросветработника (Орган агитпропа областкома РКП и Крымполитпросвета). 1921. 10 июня.

⁵ Федорова А. Крымская работница и крестьянка в гражданской войне и советском строительстве. Симферополь, 1928. С. 23.

страны, чтобы тем самым не дать мировой буржуазии вырвать из рук пролетариата и крестьянства завоеваний Красного октября»¹.

Одной из главных задач политики «коренизации» было привлечение населения в органы местного управления. В местах концентрации крымских татар ими являлись сельские советы. В результате формирования выборных органов власти в 1922 г. в составе сельсоветов из общего количества 1485 депутатов было избрано 535 крымских татар².

В последующие годы ситуация в сельских советах изменилась. В ходе административной реорганизации было создано 345 национальных сельсоветов, в том числе 145 крымско-татарских³. Если в 1924–1925 гг. в этих органах числилось 806 крымских татар (39,71%)⁴, то в 1925–1926 гг. — 1439 (37,0%), что соответствовало их процентному соотношению с представителями других национальностей, проживавших на селе⁵. Председателями сельских советов были избраны 159 (46,2%) крымских татар, тогда как в 1924–1925 гг. — всего 54.

В 1927 г. в Крымской АССР действовало 404 сельсовета, из них русских — 136, крымско-татарских — 167, других национальностей — 51 и смешанных — 50⁶. К этому времени из 145 сельсоветов в 55 делопроизводство осуществлялось на крымско-татарском языке, в том числе в 37 — полностью и в 18 — частично. В состав сельсоветов было избрано 38,5% русских, 37,4% крымских татар, 1,6% евреев. Среди председателей сельсоветов крымские татары составляли 45,3%, русские — 30,5%, немцы — 9,9%. В ревизионных комиссиях сельсоветов крымские татары составляли 35,5%⁷.

Политика «коренизации» охватила и городские советы, хотя и в меньшей степени, поскольку крымских татар среди городского населения было немного. В начале 1920-х гг. в состав городских советов было избрано 36 крымских татар (5,5%)⁸. В последующем в результате перевыборов число крымских татар увеличилось. Если в 1924–1925 гг. в составе горсоветов их насчитывалось 79 человек (15,3%), то в 1926 г. — 270 (14,6%). По результатам выборов 1929 г. в состав горсоветов было избрано 1810 человек, из них крымских татар — 241 (13,3%). На выборах в 1930–1931 гг. в состав городских советов избрали свыше 2 тыс. человек, из них около 400 крымских татар (18%)⁹.

¹ Федорова А. Крымская работница и крестьянка в гражданской войне... С. 26–29.

² Очерки по истории Крыма / под общ. ред. И. С. Чирвы. Симферополь, 1967. Ч. III.

³ Зинченко Ю. И. Кримські татари: історичний нарис. Київ, 1998. С. 78.

⁴ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636. Л. 38.

⁵ Ибраимов В. На пути самоопределения национальностей // Забвению не подлежит (из истории крымскотатарской государственности и Крыма) / сост. Н. Ибадуллаев. Казань, 1992. С. 253–255; ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 19. Л. 41.

⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636. Л. 9.

⁷ Там же. Л. 19.

⁸ Результаты кампании 1922 года по перевыборам Советов // Вестник административной жизни Крыма (орган НКВД). Симферополь, 1922. 25 декабря.

⁹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1133. Л. 35, 44 об.

Обращают на себя внимание определенные диспропорции в представительстве крымских татар на разных уровнях государственной власти в конце 1920-х — начале 1930-х гг. В центральных аппаратах республиканских государственных органов крымских татар числился всего 161 человек (7,9%), на районном уровне — 1003 (13,3%). При общей доле крымских татар в составе населения 26,8% их представительство среди сотрудников республиканских органов власти составило 12,2%.

В то же время по результатам выборов 1927 г. в ЦИК Крымской АССР было избрано 75 членов, в том числе русских — 26, крымских татар — 26, евреев — 6, немцев — 2, греков — 2, болгар — 1, армян — 1, украинцев — 5, прочих — 6. Из 15 наркомов русских — 7, крымских татар — 5, латышей — 2, армян — 1¹. При этом крымские татары часто занимали должности первых руководителей органов власти республики, начиная с председателя ЦИК и председателя Совнаркома (секретарем Крымского обкома РКП(б) становились русские или евреи).

Ситуация с количеством крымских татар — служащих различных наркоматов была крайне неравномерной. Так, в 1924 г. в центральном аппарате Наркомата земледелия Крымской АССР числилось всего 3% крымских татар, тогда как в Наркомате просвещения — 20%, а из 15 заведующих районными отделами народного образования крымскими татарами были восемь человек². В 1927 г. количество сотрудников — крымских татар в Наркомате статуправления составило 11 человек (5,5%), Наркомате торговли — 10 (1,1%), Наркомате труда — 7 (2,1%), Наркомате юстиции — 44 (13,3%), Наркомате финансов — 57 (6,1%), Наркомате земледелия — 124 (6,8%), Наркомате здравоохранения — 127 (3,5%). При этом наркоматами в большинстве этих ведомств являлись крымские татары.

В докладе народного комиссара юстиции Крымской АССР Р. А. Ногаева в 1924 г. отмечалось, что прокуратура не имеет ни одного сотрудника из числа крымских татар, а в составе Главсуда их всего двое. Из 38 участков нарсуда в Крыму всего семь возглавлялись крымскими татарами. В целом судьи из числа крымских татар составляли 21%³.

Остро стояла проблема и с кадрами милиции в местах проживания крымских татар. Впрочем, по мере организации соответствующего юридического образования ситуация и здесь менялась. По данным на 25 мая 1930 г. среди прокуроров автономии крымские татары составили 33,2%, следователей — 15,9%⁴.

Результаты «коренизации» в 1927 г. выглядели следующим образом. В аппаратах Крымского ЦИК, Совнаркома, Крымплана, РКИ, горсоветах и сельсоветах были заняты 368 крымских татар (26,8%). В центральных аппаратах ведомств трудилось от 5 до 8% крымских татар, в аппаратах территориальных органов Нарко-

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 636. Л. 7.

² Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымско-татарского народа. Симферополь, 1999. С. 20.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 15–15 об.

⁴ Брошев В. Татары в Крымской АССР. С. 19.

матов и областных учреждений на местах их было 1186 человек (81,0%)¹. На 1 марта 1928 г. из почти 20 тыс. служащих крымские татары составляли 10,9%.

Национальная политика «коренизации», реализуемая в Крымской АССР, вызывала неизбежные противоречия, обусловленные национальным составом населения республики, в частности наличием не только коренной национальности — крымских татар, не составлявших большинства населения Крыма, но и многочисленных представителей иных национальных меньшинств, интересы которых также должны были учитываться. Это заметно сказывалось на общественно-политической ситуации в Крыму, приводило к острой политической и идеологической борьбе в республиканском партийно-государственном руководстве.

Довольно быстро отдельные элементы «коренизации» стали подвергаться критике. Так, это коснулось положения немецкого населения. К середине 1920-х гг. немцы составляли около 6% населения Крыма, при этом им принадлежало более 22% посевных площадей, 29% рабочего скота, немецкие колонисты производили 20% валового дохода в сельском хозяйстве Крымской АССР². Недавнее экономическое благополучие немецких колонистов явилось причиной ущемления их политических прав. Немцы не были представлены в органах власти даже в тех районах, где проживали компактно, не говоря уже о том, что в Крымском ЦИК для них не было создано ни секции, ни подотдела. К серьезным социальным последствиям привел закон о лишении избирательных прав хозяев, нанимавших рабочую силу, как это традиционно делалось в немецких хозяйствах. Это, в свою очередь, вело к разрушению многих немецких земельных товариществ, поскольку их членами могли быть только лица, обладавшие избирательными правами.

В январе 1925 г. один из немецких колонистов А. Я. Нефф направил во ВЦИК РСФСР обращение, где писал, что в категорию «лишенцев» попали около половины немецких крестьян из-за того, что в страдную пору набирали сезонных работников. Несправедливое налогообложение, изгнание немцев из сельскохозяйственной кооперации привели к росту эмиграционных настроений среди них, падению производительности немецких хозяйств, что было весьма серьезным сигналом для недавно пережившего голод Крыма. По запросу ВЦИК, крымские власти провели проверку обоснованности сделанных заявлений. Властям пришлось признать, что в деле лишения избирательных прав были сделаны «серьезные перегибы», а в разряд «лишенцев» попало большое количество середняков и крестьян «образцово ведущих хозяйств»³.

Недовольство выражали не только немецкие крестьяне. В ходе проводившихся беспартийных конференций греков, болгар, армян, евреев также отмечались претензии представителей этих национальностей к местным органам власти за то, что льготы и преимущества предоставляются только татарскому населению⁴.

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 8.

² Чеботарева В. Г. Социальные противоречия национальной политики в Крымской АССР в 1920-е годы // Вопросы истории. 2006. № 12. С. 26.

³ Подробнее об этом см.: Там же.

⁴ Хованцев Д. В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы. С. 205.

Весной 1925 г. в Крыму побывала Комиссия ЦК РКП(б). По итогам изучения деятельности Крымской партийной организации Комиссия сделала следующие выводы: «1. Констатировать значительные достижения в области привлечения татарского населения к управлению Республикой, однако проделанную работу в этой части считать не вполне достаточной. 2. Что же касается работы по вовлечению других меньшинств в советское строительство, как то: немцев, болгар, греков и т. д., и работы среди них вообще, то она почти совершенно отсутствует»¹.

Еще более сложную ситуацию в республиканском руководстве вызвала кампания еврейского переселения на север Крыма, инициированная Комитетом по земельному устройству еврейских трудящихся и одобренная ЦИК и Совнаркомом СССР в 1923 г. Эта кампания также поддерживалась влиятельным международным благотворительным обществом «Джойнт», проявившим активность во время голода 1921–1923 гг. и предлагавшим финансовую и техническую помощь СССР взамен на предоставление земли еврейским переселенцам. Одним из главных идеологов реализации этой идеи стал известный деятель российского революционного движения, экономист, член президиума Госплана, председатель Общества землеустройства еврейских трудящихся Юрий Ларин (М. А. Лурье), уроженец Симферополя, будущий тесть Н. И. Бухарина².

Несмотря на то что в 1924 г. Крымский обком РКП(б) принял специальное постановление о возможности расселения на свободных землях Крымского полуострова (50 тыс. десятин) определенного контингента еврейских переселенцев, в ЦИК и Совнаркоме Крымской АССР это намерение вызвало серьезное противодействие.

Руководство Наркомата земледелия республики (У. Ибраимов) мотивировало свое несогласие с принятым решением тем, что в условиях осуществления земельной реформы в Крыму все земельные излишки должны быть предоставлены безземельному татарскому населению горной зоны и Южного берега Крыма. Совнарком Крымской АССР поддержал эту позицию и сообщил уполномоченному Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся Ю. В. Гольде, что намерен принять 100 тыс. репатриантов — крымских татар из Румынии и Болгарии, возвращение которых ожидается в ближайшее время, и поэтому выделение земли еврейским переселенцам является проблематичным.

Председатель КрымЦИК В. Ибраимов заявил, что руководство республики не будет располагать исчерпывающими сведениями о наличии удобной земли для переселения евреев до завершения межселенного землеустройства в 1926 г. Эту позицию последовательно отстаивал Наркомат земледелия Крымской республики, настаивая на том, что «до завершения межселенного землеустройства необходимо особенно осторожно относиться к вопросам переселения. Наркомзем Крыма ставит первоочередной задачей устройство местного земледельческого населения, его расселение из малоземельных, особенно тесных районов в крупноземельные

¹ Хованцев Д. В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы. С. 205.

² Горбачев С. Крымская Калифорния // Остров Крым. Симферополь, 1999. № 5. С. 36–40.

и только в последующем считает возможным использование остающегося фонда для переселения»¹. Под большим нажимом У. Ибраимов согласился на переселение 500 еврейских семейств, но в реальности этот процесс всячески саботировался.

28 февраля 1925 г. был издан специальный циркуляр КрымЦИК, в котором объявлялось, что любое переселение в республику рассматривается как внеплановое и стихийное, и для местных органов власти вводился «категорический запрет» на предоставление земель переселенцам в пределах Крыма. Евреям, впрочем, разрешалось переселение «при наличии визы» Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся в Джанкойском районе. При этом несколько сотен переселенцев-евреев подлежали исключению из сельхозартелей и выселению из пределов Крымского полуострова. Совнарком Крымской АССР создал специальную комиссию для проверки сельхозартелей в Джанкойском районе, которая по итогам своей работы сделала вывод, что большинство еврейских артелей и коммун поселились в Крыму самовольно, представляют собой нетрудовое население и вызывают к себе отрицательное отношение окружающих жителей, особенно батрачества. На этом основании комиссия считала невозможным предоставление участков евреям-переселенцам.

Острая ситуация вызвала прямое вмешательство Совнаркома РСФСР. 16 апреля 1925 г. Экономическое совещание при Совнаркоме постановило отвести евреям в степной части Крыма 40 тыс. десятин земли. Накануне утверждения этого решения ВЦИК РСФСР председатель ЦИК Крыма В. Ибраимов и председатель Совнаркома Крымской АССР О. Дерен-Айерлы послали в Москву телеграмму с просьбой воздержаться от принятия решения до изложения ими «обоснованных возражений». В итоге О. Дерен-Айерлы выступил в Совнаркоме РСФСР с большим докладом об истоках безземелья крымских татар как результате колониальной политики русского царизма, однако его усилия не увенчались успехом. Совнарком утвердил постановление Экономического совещания, обязав Народный комиссариат земледелия Крыма передать в распоряжение Комитета по земельному устройству еврейских трудящихся в добавление к отведенным 8140 десятинам еще 31 860 десятин земли в Джанкойском и Феодосийском районах.

Не потерявший своей актуальности вопрос рассмотрело Политбюро ЦК ВКП(б), создавшее специальную комиссию в составе С. В. Косиора, М. И. Калинина, П. Г. Смидовича и А. Н. Мережина, и по результатам ее работы 18 мая 1926 г. приняло постановление, согласно которому в Крымской АССР следовало «держать курс на возможность организации автономной еврейской единицы при благоприятных результатах переселения в бывший Джанкойский и Евпаторийский уезды» и «постепенно забронировать для еврейского переселения» все не занятые трудовым землепользованием земли в этих уездах, «предоставляя ежегодно площадь не менее чем для 5 тыс. семей»².

Ситуация с еврейским переселением вызвала ожесточенные дискуссии и в Крымском областном комитете ВКП(б), которые в полной мере затрагивали и другие вопросы национального строительства и осуществления «коренизации». Окончательный раскол в крымской партийной организации произошел на XI областной партийной конференции, состоявшейся в ноябре 1925 г. Часть делегатов, преимущественно коммунисты — крымские татары, ориентированные на председателя ЦИК Крыма В. Ибраимова и председателя Совнаркома республики О. Дерен-Айерлы, выразила несогласие с линией обкома партии по национальному вопросу и выступила против еврейского переселения, радикализации земельной реформы и, напротив, за углубление «коренизации», понимаемой ими, прежде всего, как «татаризации» (правые). Другая часть делегатов (интернациональная группа, левые) поддержала позицию секретаря Крымского обкома ВКП(б) С. Д. Петропавловского и бюро обкома, добивавшихся выполнения решений, принятых в Москве¹.

В 1926 г. противостояние между возникшими группировками активизировалось. На объединенном заседании пленумов Крымского обкома и Областной контрольной комиссии ВКП(б) в марте 1926 г. правая оппозиция поставила вопрос о своих расхождениях с линией Крымского обкома ВКП(б) по национальной политике и о недоверии С. Д. Петропавловскому. 16 октября 1927 г. в адрес пленума Крымского обкома партии и ЦК ВКП(б) было направлено коллективное заявление с требованием отставки С. Д. Петропавловского с поста секретаря обкома, которое подписали 27 человек².

С учетом сложившейся в Крыму обстановки в Москву были вызваны секретарь Крымского обкома С. Д. Петропавловский, председатель Крымской областной контрольной комиссии К. Я. Дирик и лидеры правой оппозиции В. Ибраимов, Я. Мусаниф, Шугу. На состоявшемся 12 мая 1927 г. заседании Секретариата ЦК ВКП(б), на котором присутствовали секретари ЦК С. В. Косиор и В. М. Молотов, были заслушаны доклад К. Я. Дирика о положении в партийной организации Крыма и выступления лидеров оппозиции. Результатом этого совещания стало возникновение в Центральной контрольной комиссии ВКП(б) «дела Председателя ЦИК Крымской АССР В. Ибраимова». Еще ранее он получил выговор Центральной контрольной комиссии ВКП(б) «за неправильное проведение директив обкома, безответственные выступления в печати» по вопросу о еврейской колонизации, а также за содействие в освобождении от наказания осужденных как кулаков братьев Муслимовых. Кроме того, он был обвинен в ряде недопустимых для членов партии и представителей советской власти действий.

В начале января 1928 г. для рассмотрения дела В. Ибраимова была образована комиссия в составе прокурора РСФСР, наркома юстиции РСФСР Н. М. Янсона, члена Центральной контрольной комиссии ВКП(б) Я. Х. Петерса и председателя Верховного трибунала при ВЦИК Н. В. Крыленко, которая рекомендовала на основании представленных материалов исключить его из партии, вывести из состава кандидатов в члены ВЦИК и снять с занимаемых постов.

¹ Чеботарева В. Г. Социальные противоречия национальной политики... С. 29.

² Там же. С. 33.

¹ Хованцев Д. В. О национальной политике в Крымской АССР в 1920-е годы.

² Хованцев Д. В. Об одном из «белых пятен» национальной политики в Крымской АССР // КНП. 2001. № 17. С. 150–154.

В феврале 1928 г. В. Ибраимов был арестован, суд над ним проходил в апреле того же года в Симферополе. В ходе процесса на первый план были выдвинуты уголовные обвинения: организация убийства бывшего партизана Чолака, покушение на убийство крестьянина, участие в бандитской шайке и растрата казенных средств. По делу В. Ибраимова проходили 13 человек. В. Ибраимов и бывший секретарь Комитета по расселению и переселению М. Абдулла были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, еще девять подсудимых получили тюремные сроки, трое оправданы. Приговор В. Ибраимову и М. Абдулле приведен в исполнение 9 мая 1928 г.

Несмотря на то что, как подчеркивала советская пресса, дело Вели Ибраимова было «чисто уголовным», его процесс послужил сигналом к началу репрессий в отношении бывших членов партии «Милли Фирка». В том же, 1928 г. ОГПУ подготовило большой процесс, в рамках которого были преданы суду 63 человека. В обвинительном заключении отмечалось, что в ходе следствия «выявилось существование в Крыму организационного ядра контрреволюционной партии, сохранившей свой костяк с момента зарождения в 1917–1918 годах»¹. Всего по делу «Милли Фирки» были осуждены 53 человека, среди которых в основном видные представители крымско-татарской интеллигенции, многие из них занимали руководящие должности в государственных органах Крымской АССР: А. Озенбашлы, Х. Чапчакчи, С. Хаттатов, Б. Одабаш и др. 11 человек были приговорены к высшей мере наказания — расстрелу, замененному для большинства лишением свободы на 10 лет (многие из них были повторно осуждены и погибли в 1937–1938 гг.).

В 1928 г. в Крым была направлена специальная комиссия ЦК ВКП(б) во главе с ответственным инструктором ЦК Н. А. Филатовым для изучения положения дел в Крымской партийной организации, общественных настроений в республике, состояния экономической и социальной жизни и подготовки предложений по преодолению «негативных тенденций». Комиссия отметила «искривление классовой линии в национальном строительстве» (в том числе в решении вопроса о еврейской колонизации), установила факт сохранения «помещичьего землевладения» при осуществлении аграрной реформы, предписала провести чистку местных парторганизаций и направить в Крым на руководящие посты ответственных работников из Центра. Отдельное внимание было уделено преодолению так называемой групповщины: критике и разоблачениям были подвергнуты действия как правой, так и левой групп, существовавших в Крымском обкоме ВКП(б). Секретаря обкома С. Д. Петропавловского отозвали в Москву.

«Дела» В. Ибраимова и «Милли Фирки» имели серьезные последствия для общественно-политической ситуации в Крыму. Фактически на местном уровне была ликвидирована оппозиция линии высшего партийного руководства, изменились характер и темпы «коренизации» при сохранении общего курса на ее осуществление. Наряду с «делом» М. Султан-Галиева и Шахтинским процессом, «дела»

В. Ибраимова и «Милли Фирки» стали началом формирования сталинской репрессивно-политической системы, окончательно оформившейся к концу 1930-х гг. Однако ликвидация политической оппозиции не привела к исчезновению породивших ее конфликтов в аграрной и переселенческой сферах. В феврале 1931 г. новый председатель ЦИК Крымской АССР М. И. Кубаев выступил с критикой политики центра, после чего также был немедленно снят с должности и впоследствии репрессирован.

Результаты политики «коренизации» были подведены на XIV Крымской областной партийной конференции в декабре 1928 г. Отмечалось, что в государственном аппарате произошло увеличение числа представителей крымских татар: в республиканских учреждениях — до 7,2%, а в хозяйственных — до 19,7% по сравнению с практически нулевыми показателями начала 1920-х гг. Вместе с тем подчеркивалось, что в деле «коренизации» зачастую имеются «серьезные недочеты»: в отношении классового отбора вовлекаемых в работу государственного аппарата представителей различных национальностей, в части перевода делопроизводства на родной язык (в частности, в советах, судебных и других органах), недостаточное внимание к процессам «коренизации» среди представителей иных крымских этносов (караимов, армян, болгар, греков, крымчаков, немцев, евреев и др.), что вызвало обвинения в адрес руководства Крымской АССР в том, что «коренизация» нередко подменялась «татаризацией».

В январе 1931 г. бюро Крымского обкома партии признало работу Совнаркома Крымской АССР по «коренизации» неудовлетворительной. Основные причины такой оценки: «сопротивление советско-хозяйственного и кооперативного аппарата», политическая недооценка ими проводимых мероприятий, отсутствие конкретных планов и контроля над выполнением принятых обязательств¹.

Главным инструментом проведения в жизнь политики «коренизации» в начале 1930-х гг. стала так называемая Нацменкомиссия при Президиуме Крымского ЦИК, в состав которой входили Председатель Крымского ЦИК, республиканские народные комиссары и представитель обкома партии.

25 июля 1929 г. Совнарком Крымской АССР принял декрет о переводе делопроизводства в госучреждениях и общественных организациях в районах, городах и сельских советах с большинством коренного населения на татарский язык. Срок перевода в татарских сельсоветах определялся до 1 января 1930 г.²

В 1930 г. численность крымских татар в Крымской областной партийной организации составила 1398 человек (10,3%) при общем количестве членов партии в Крымской АССР 13 524 человека, затем медленно росла, составив в 1932 г. 3300 человек (14,8%). В 1939 г. из 16 299 членов и кандидатов в члены партии на долю крымских татар приходился 3521 коммунист и кандидат в члены партии (21,6%).

¹ Цит. по: Габриелян О., Ефимов С., Зарубин В. и др. Крымские репатрианты: депортация, возвращение и обустройство. Симферополь, 1998. С. 50.

¹ Пащенко В. Н. Татарский вопрос в национально-государственном строительстве Крымской АССР и его решение в деятельности исполнительно-распорядительных органов власти в 1930-х — начале 1940-х гг. // КНП. 2005. № 66. С. 35.

² Брошев В. Татары в Крымской АССР. С. 39.

По результатам выборов в 1929 г. в сельские советы было избрано 4325 депутатов, из них 1598 крымских татар (37,0%), а в 1930–1931 гг. соответственно 4464 и 1577 (35,3%). Состав председателей сельских советов по состоянию на 12 декабря 1931 г. включал 460 человек, из них крымских татар — 190 (41,5%)¹. На 1 января 1931 г. количество татар в областных и районных аппаратах по всем категориям работников составило 10,4% от общего числа, на 1 сентября 1934 г. — 21%.

На 1 января 1931 г. среди руководящего и административного технического персонала республики крымских татар насчитывалось 9%, на 1 января 1932 г. — 18%. В районах, где крымские татары составляли значительное большинство, удельный вес управленческого аппарата колебался от 60 до 90%. В ЦИК Крымской АССР в 1932 г. крымские татары составляли 50,4%, в исполкомах 16 районных советов — 40%, в управленческом аппарате промышленности — 55%. В перспективе планировалось увеличить долю крымских татар среди руководящих работников областного аппарата до 40% и районного — до 45%.

Однако с середины 1930-х гг. темпы «коренизации» замедлились, усилия властей сосредоточились главным образом на вовлечении крымских татар (как и представителей других национальных меньшинств) в промышленное производство и подготовку кадров. Это было связано с постепенным отказом от «коренизации» как приоритетной политики национального строительства в СССР в целом. В середине 1930-х гг. доля крымских татар в руководящих органах управления республики уменьшилась до 15%.

Политика «коренизации», осуществлявшаяся в Крымской АССР в 1920–1930-е гг., носила противоречивый характер. Она сыграла большую роль в деле подъема образования, развития культуры крымских татар и других небольших по численности этнических групп Крыма, способствовала вовлечению крымских татар в промышленность, курортное строительство, на разные уровни государственной власти. Вместе с тем «коренизация» приводила к существенным диспропорциям в правах и возможностях, которые получали те или иные национальные группы крымского населения, что, в свою очередь, было причиной острой политической борьбы в руководстве Крымской АССР.

§ 5. Крымская АССР в годы первых пятилеток (1929–1941 гг.)

В. П. Петров, Д. А. Прохоров

На рубеже 1928–1929 гг. в основном было завершено восстановление крымской промышленности и подготовлена материально-техническая база для широкомащтабной индустриализации. Уже к 1929 г. в Крыму не осталось ни одного частного промышленного предприятия. Удельный вес социалистического сектора промышленности вырос с 2,4% в 1926 г. до 98,9% в 1928 г. Подтверждением начавшейся

индустриализации стал рост доли промышленности в народном хозяйстве с 47% в 1927 г. до 53% в 1928 г.¹ Именно в ходе индустриализации предстояло завершить решение проблем восстановительного периода: модернизацию изношенного оборудования, подготовку квалифицированных кадров, повышение трудовой дисциплины и производительности труда.

Исходя из общей концепции первого пятилетнего плана, принятого XVI Всесоюзной партконференцией в апреле 1929 г., были определены и основные направления развития народного хозяйства Крыма, которые утвердил VI Всекрымский съезд Советов. Они предусматривали ускоренное развитие тяжелой промышленности, в первую очередь горнодобывающей и металлургической. 83,9% всех планируемых капиталовложений предстояло направить именно на эти цели. Намечалось дальнейшее наращивание производства стройматериалов, продукции химической и пищевой промышленности, базирующихся на местном сырье. Подчеркивалась важность электрификации и развития транспорта как важнейших факторов подъема промышленной базы Крыма. В целом пятилетний план был разработан с учетом хозяйственных особенностей и реальных ресурсов Крыма, хотя в нем имелись и определенные диспропорции, порожденные в том числе необходимостью обеспечения обороноспособности СССР.

Дальнейшее развитие экономики должно было происходить за счет реконструкции и расширения имеющихся предприятий и строительства новых фабрик и заводов. Поэтому основные усилия партийных организаций и советских органов Крыма направлялись на восстановление и наращивание мощностей некогда крупнейших предприятий полуострова — Севастопольского морского и Керченского металлургического заводов. На морском заводе был осуществлен переход от небольших заказов к судостроению и судоремонту, проведен капитальный ремонт ряда цехов и доков, установлено новое оборудование. Численность рабочих на заводе превысила 4 тыс. человек. Результаты не замедлили сказаться. В течение года выпуск продукции увеличился на 14%². Со стапелей сошел первый серийный океанский лесовоз «Михаил Фрунзе», начался выпуск мощных паровых котлов и другой продукции для Черноморского флота.

Острая потребность страны в металле требовала скорейшего возрождения металлургического завода в Керчи. В 1926 г. на заводе начались ремонтно-строительные работы. Были демонтированы разрушенные печи, начат ремонт коксовых батарей, прокатного и других цехов. Велась подготовка к закладке новых доменных печей и строительству агломерационной фабрики. Однако задержки с проектированием, нехватка людей и техники, распыление средств приводили к неоднократному срыву сроков ввода первой очереди завода в эксплуатацию. В Керчи работала специальная комиссия Наркомата рабоче-крестьянской инспекции, выявившая ряд серьезных просчетов руководства завода и «факты халатности» со стороны части

¹ Борьба большевиков за упрочение Советской власти, восстановление и развитие народного хозяйства Крыма: сборник статей. Симферополь, 1958. С. 176.

² Десять лет Советского Крыма. 1920–1930. Симферополь, 1930. С. 143–144.

специалистов. Крымский обком партии и Совнарком Крымской АССР приняли необходимые меры для ускорения темпов работ. К 1929 г. число рабочих на строительстве увеличилось по сравнению с 1926 г. в четыре раза и достигло 8,5 тыс. человек. Осенью 1928 г. строительство первой очереди Керченского металлургического завода вступило в завершающую фазу. В условиях непривычно суровой зимы строители и монтажники с опережением графика произвели сборку водонапорной башни и монтаж основных агрегатов первой доменной печи¹.

20 апреля вступила в строй домна № 1 Керченского металлургического завода — первенца черной металлургии СССР. Вторая доменная печь была пущена 15 мая 1930 г. Перед этим заработали новые коксовые батареи. Вскоре дала первую продукцию агломерационная фабрика, ввод которой позволил избавиться от больших затрат, связанных с доставкой криворожской руды, и использовать исключительно местное сырье. Тогда же были приняты в эксплуатацию томасовский и прокатный цеха, новая электростанция и коксохимический завод. В 1931 г. пуском третьей, самой мощной домны закончилось строительство первой очереди Керченского государственного металлургического завода и началось сооружение Камыш-Бурунского железорудного комбината — новой рудной базы советской металлургии на Керченском полуострове.

Успехи промышленного строительства, рост индустриального потенциала выдвигали на первый план задачу подготовки квалифицированных рабочих кадров. С 1927 по 1930 г. численность рабочего класса в Крыму возросла на 8 тыс. человек. Сеть учреждений профтехобразования постоянно расширялась. К началу 1929 г. в республике действовали 11 техникумов, 15 профтехшкол, три школы фабрично-заводского ученичества, несколько вечерних рабочих школ, в которых обучались более 5 тыс. человек. Предусматривалось создание школ фабрично-заводского ученичества при всех крупных предприятиях. Уже в 1931 г. их число достигло 22. Серьезное внимание уделялось формированию кадров рабочего класса из числа представителей национальных меньшинств. В 1928 г. был открыт промышленный техникум народов Востока². Проводилась последовательная работа по подготовке и привлечению специалистов. Если в 1929 г. на промышленных предприятиях Крыма работал 361 инженер, то к концу 1932 г. их было уже 1759.

В мае 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление «О социалистическом соревновании фабрик и заводов», в котором подчеркивалось, что основным свидетельством успеха на каждом предприятии является достижение высоких производственных показателей. Широкое распространение получило создание ударных бригад. Строители и металлурги Керченского металлургического завода вызвали на соревнование коллектив Мариупольского металлургического завода им. Ильича. К осени 1929 г. в этом движении участвовали 13,5 тыс. рабочих крымских предприятий. Развернувшееся в ходе соревнования массовое движение за повышение про-

изводительности труда дало положительные результаты. Прирост промышленного производства по Крыму в 1928–1929 гг. составил 39,3%.

В эти дни VI Всекрымский съезд Советов принял новую редакцию Конституции Крымской АССР. Формально новая Конституция была направлена на защиту и углубление автономных начал в деятельности местных органов власти и управления. В случае расхождения законов РСФСР с соответствующими актами Крымской АССР действующим считалось местное законодательство, однако этот пункт не имел значения, поскольку все спорные вопросы решались ВЦИК РСФСР. Автономия Крыма приобретала все более декларативный характер. Все последующие изменения сопровождались сокращением полномочий республиканских учреждений и все большим подчинением их центру.

В новой редакции Конституции статус языков определялся иначе, чем в Конституции 1921 г. В статье 6 провозглашалось: «Исходя из прав равенства граждан независимо от их расовой и национальной принадлежности и признавая совершенно несовместимым с основными законами Республики установление или допущение каких бы то ни было преимуществ для отдельных национальностей... Крымская АССР, признавая общеупотребительными языками языки русский и татарский, в то же время каждому гражданину обеспечивает возможность в его сношениях с государственными органами и общественными организациями пользоваться родным языком, равно как и пользоваться таковыми... на заседаниях и разных выступлениях, в том числе и в суде и общественных организациях. Национальным меньшинствам обеспечивается обучение на родном языке в школе». Таким образом, понятие «государственный язык» из текста Конституции 1929 г. исчезает¹.

Успехи, достигнутые в первые два года пятилетки, породили у местного руководства намерение форсировать темпы индустриализации. На 1931 г. был принят план, в соответствии с которым выпуск промышленной продукции предполагалось увеличить вдвое. При этом проигнорированы многие объективные трудности: распыленность средств по нескольким объектам, дефицит электроэнергии и стройматериалов, значительная текучесть рабочей силы, особенно квалифицированной, что и привело к закономерному результату — годовой план выполнен всего на 74%². Чтобы наверстать упущенное, потребовались концентрация ресурсов на важнейших пусковых объектах, проведение организованного набора рабочей силы на селе и т. д. Тем не менее проблемы с выполнением производственных планов на керченских предприятиях сохранялись до конца 1930-х гг.

Несмотря на все трудности, руководство республики отчиталось в 1933 г. о досрочном выполнении плана первой пятилетки. Изменения действительно были впечатляющими. Промышленность Крыма пополнилась рядом новых крупных

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации. Симферополь, 1981. С. 127.

² Там же.

¹ Зарубин В. Г. Проблема статуса русского и других языков в Крыму в первой половине XX века // Историческое наследие Крыма: сборник статей. Симферополь, 2014. С. 142.

² Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 51.

предприятий, коренным образом изменивших ее структуру: удельный вес промышленной продукции достиг 75% против 51% в 1928 г., что свидетельствовало о превращении Крыма аграрного в индустриально-аграрный. Объемы промышленного производства выросли в четыре раза, в том числе производства продукции тяжелой индустрии в шесть раз¹. Основные производственные фонды увеличились на 31,5%. За эти годы коренным образом изменился экономический облик полуострова. Уже более половины промышленной продукции выпускалось на новых или полностью реконструированных предприятиях. Крупнейшим промышленным районом стал Керченский полуостров с металлургическим заводом, рудниками, агломерационной фабрикой, коксохимическим заводом, электростанциями, крупным портом. В индустриальные центры превратились Севастополь и Симферополь.

Вместе с развитием промышленности рос и рабочий класс. За пятилетку общее количество рабочих и служащих увеличилось с 83,3 до 184 тыс. человек. Более 80% промышленных предприятий было переведено на семичасовой рабочий день. К концу 1930 г. в Крыму была полностью ликвидирована безработица.

Второй пятилетний план Крыма был разработан в соответствии с директивами XVII съезда ВКП(б) и предусматривал, наряду с дальнейшим развитием промышленности и сельского хозяйства, превращение края во «всесоюзную здравницу». Произошло известное смещение акцентов в плане по развитию промышленности: при сохранении курса на всемерное развитие металлургии и машиностроения предусматривался ускоренный рост пищевой промышленности. Определенные сдвиги произошли и в структуре капиталовложений: оставляя приоритетное финансирование тяжелой индустрии, были увеличены ассигнования на социально-культурные нужды.

По-прежнему первоочередное внимание уделялось развитию металлургической базы на Керченском полуострове. В годы второй пятилетки было завершено строительство следующей очереди Керченского металлургического завода, в 1936 г. вступили в строй мощный рудник и обогатительная фабрика, а в 1939 г. полностью завершилось строительство Камыш-Бурунского железорудного комбината, что позволило в 25 раз увеличить добычу руды по сравнению с 1913 г.

С середины 1930-х гг. быстрыми темпами развивалось машиностроение: вступили в строй Камыш-Бурунский судостроительный завод, Керченская судостроительная верфь. В Симферополе были построены два авторемонтных завода, реконструирован Машиностроительный завод им. В. В. Куйбышева, переведенный на выпуск оборудования для консервной промышленности. К концу 1930-х гг. машиностроение давало свыше четверти промышленной продукции республики. В пищевой промышленности, наряду со строительством новых предприятий (пищекombинат и макаронная фабрика в Симферополе, рыбзавод в Ялте), началась техническая реконструкция старых фабрик. Однако масштабы ее были совершенно недостаточны, работы осуществлялись на базе устаревшей техники, что и привело к хроническому отставанию этой отрасли, наиболее органичной для экономики Крыма.

По мере расширения масштабов промышленного и гражданского строительства, вступления в строй новых предприятий нарастали и трудности, связанные с нехваткой инженерно-технического персонала и квалифицированных рабочих. Бичом производства оставались текучесть рабочей силы, высокая себестоимость и низкое качество выпускаемой продукции. Так, на металлургических предприятиях Керчи в 1933 г. обновилось до 80% рабочих, аналогичная или близкая ситуация складывалась и на других заводах. В 1933 г. промышленность Крыма, за исключением Севастопольского морского и Керченского коксохимического заводов, выполнила производственную программу лишь на 82%, были сорваны сроки строительства ряда объектов, в том числе Камыш-Бурунского железорудного комбината.

Серьезное отставание наблюдалось на Керченском металлургическом заводе, который не выполнил государственных планов по выпуску металла и производству рельсов, что негативно сказывалось на ходе железнодорожного строительства, поскольку завод производил 20% рельсов, выпускаемых в СССР. Кроме того, завод допускал массовый брак, не использовал всех производственных мощностей, за что коллектив был подвергнут жесткой критике на страницах газеты «Правда»¹. Отмеченные недостатки во многом объяснялись технической неграмотностью нового пополнения рабочего класса, среди которого преобладала сельская молодежь. Аварии, простои оборудования по этой причине приобрели повсеместный характер. Не всегда отвечал требованиям и уровень квалификации многих руководителей производства. В частности, на Керченском металлургическом заводе в 1933 г. сменились четыре директора агломерационной фабрики. При этом ни один из них не имел инженерного образования и не разбирался в технологических процессах. Неслучайно в этом году фабрика недодала государству 296 тыс. т агломерата.

Принятые меры, направленные на повышение квалификации персонала и овладение новой техникой, улучшили положение. Особенно большое значение имела организация массового обучения рабочих без отрыва от производства. На предприятиях была организована широкая сеть школ и кружков по изучению технического минимума. Только на Керченском металлургическом заводе в этих кружках занимался 2391 человек, на Севастопольском морском заводе — 1349, в легкой промышленности — около 1100 рабочих. Более эффективному использованию инженерно-технического состава помогла реорганизация трестов и заводоуправлений. Их аппарат был сокращен более чем вдвое, а большинство инженеров перешли работать непосредственно на производство. Внедрялось материальное стимулирование за работу без брака и выпуск сверхплановой продукции.

Результаты проделанной работы сказались уже в 1934 г. Промышленность Симферополя и Севастополя полностью выполнила плановые задания. Вышел из провала Керченский металлургический завод, впервые справившийся с годовым планом. На большинстве предприятий Крыма значительно снизился процент брака, повысилась производительность труда, улучшилось управление

¹ Борьба большевиков за упрочение Советской власти... С. 197.

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 143.

производственными процессами. В строй действующих вошли Балаклавский флюсовый рудник и Перекопский химический завод.

Промышленность Крыма за годы второй пятилетки достигла значительных успехов. Достаточно отметить, что в 1937 г. было выпущено продукции в 9,5 раза больше, чем в 1913 г. Производительность труда выросла более чем вдвое.

Стабилизировавший свою работу Керченский металлургический завод неуклонно повышал выпуск продукции. Выплавка чугуна на заводе возросла с 326,2 тыс. т в 1934 г. до 441,9 тыс. т в 1936 г., стали — с 203,7 до 291,1 тыс. т, проката — с 173,9 до 263,3 тыс. т. Значительных успехов в наращивании объемов производства добились Сакский химический и Перекопский бромный заводы. При этом оба предприятия снизили себестоимость выпускаемой продукции на 18 и 32% соответственно. Увеличили выпуск продукции предприятия пищевой и легкой промышленности. Производственных успехов добились работники винкомбината «Масандра», выполнив годовую программу по виноделию на 106%.

4 июня 1937 г. делегаты IX Чрезвычайного съезда Советов Крыма приняли новую, третью по счету Конституцию Крымской АССР. Республика объявлялась «социалистическим государством рабочих и крестьян» и входила в состав РСФСР на правах автономии. Особой статьей закреплялась обязательность исполнения законов СССР и РСФСР на ее территории. В этой Конституции понятие «государственный язык» также отсутствовало, но предусматривалась публикация законов Крымской АССР на русском и татарском языках. Судопроизводство в городах и сельских районах могло вестись на языках преобладающей национальности, а в центральных судебных учреждениях — на татарском и русском языках. Гарантировалось обучение в школах на родном языке¹. Эта Конституция была утверждена Законом РСФСР от 2 июня 1940 г.

В условиях надвигавшейся войны особое внимание уделялось развитию оборонной и металлургической промышленности. Страна переходила к мобилизационному типу экономики, основанному на предельной концентрации ресурсов, жесткой управленческой вертикали, строгой производственной и финансовой дисциплине.

XVIII съезд ВКП(б), состоявшийся в марте 1939 г., рассмотрел и принял третий пятилетний план развития народного хозяйства СССР. Задачи, сформулированные в плане, требовали от трудящихся Крыма предельной мобилизации сил. Особое внимание уделялось развитию оборонной и металлургической промышленности. Необходимо было полностью завершить строительство Камыш-Бурунского железорудного комбината. Перед Керченским металлургическим заводом стояла задача расширения ассортимента выпускаемой продукции. Для этого намечались строительство второй коксовой батареи и оснащение завода прокатными станами нового типа.

Пятилетним планом предусматривалось дальнейшее развитие химической промышленности на базе использования сырьевых ресурсов Сиваша. Для увеличе-

ния энергооборуженности предприятий проектировалось окончание строительства второй турбины на Севастопольской ГРЭС. Сакский и Красноперекопский химзаводы подлежали коренной реконструкции. Рост производства намечался и в других отраслях промышленности.

В 1940 г. работа Керченского металлургического завода и Камыш-Бурунского железорудного комбината подверглась критике со стороны ЦК ВКП(б). В постановлении ЦК ВКП(б) и Совнаркома СССР «О мероприятиях, обеспечивающих выполнение установленного плана выплавки чугуна, стали и производства проката» было указано, что Крымский обком ВКП(б) не взялся еще по-настоящему за выполнение поставленных задач по подъему работы предприятий черной металлургии и не оказал нужной помощи Наркомату черной металлургии СССР. Причинами этого назывались слабая организационная работа первичных парторганизаций и недостаточный контроль за ходом реализации плановых заданий со стороны обкома и горкома партии.

К началу 1941 г. предприятия черной металлургии Керчи, преодолев отставание, работали более ритмично, выполнив производственные планы 1940 г. В этом году одна домна Керченского металлургического завода дала в 18 раз больше чугуна, чем весь завод произвел в 1915 г. Добыча руды на Камыш-Бурунском железорудном комбинате увеличилась в 25 раз по сравнению с 1913 г.¹

На собрании партийного актива, где были обсуждены итоги работы предприятий, отмечалось, что за годы советской власти в экономику Крыма вложено более 2 млрд рублей, в том числе в промышленность — около 1 млрд рублей. Промышленность давала свыше 65% валовой продукции народного хозяйства Крыма. В годы первых пятилеток развитие крымской промышленности шло, прежде всего, за счет строительства предприятий, работающих на местном сырье. К 1941 г. на этой базе действовало более 75% заводов и фабрик. При этом до 90% промышленной продукции производилось на предприятиях, построенных либо полностью реконструированных в 1928–1940 гг.

После взятого XV съездом ВКП(б) курса на коллективизацию сельского хозяйства в Крыму активизировался процесс создания колхозов. Их число увеличилось с 516 в октябре 1927 г. до 1254 в октябре 1929 г., а удельный вес объединяемых ими крестьянских хозяйств вырос с 7,9 до 20,6%. По форме организации колхозы к октябрю 1929 г. распределялись следующим образом: коммун — 24 (2%), артелей — 632 (50%), товариществ по совместной обработке земли — 598 (48%). Бедняки и батраки составляли в колхозах 72%, середняки — 26%, кулаки — 2%.²

Один из организаторов первых колхозов А. Гиндин спустя много лет вспоминал: «Колхоз имел 20 дворов, около 400 га земли, два десятка коров, столько же лошадей, а из машин — плуг, сеялку и лобогрейку»³. Примерно таким же хозяйством располагали и другие колхозы того времени. Важными стимулами, ускорившими

¹ Советскому Крыму двадцать лет. 1920–1940. Симферополь, 1940. С. 307.

² Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 74.

³ Борьба большевиков за упрочение Советской власти... С. 209.

¹ Зарубин В. Г. Проблема статуса русского и других языков в Крыму... С. 143.

объединение крымских крестьян, в 1928–1929 гг. стали проводимые в ходе земельной реформы выселения бывших помещиков из их имений, изъятие излишков земли у кулаков, передача колхозникам в бесплатное пользование свободных земель госфонда, первоочередное землеустройство колхозов. При этом важно отметить, что до ноября 1929 г. колхозы создавались силами бедняцко-средняцких масс и в целом на добровольной основе.

Однако процесс поэтапного перехода к коллективным формам ведения сельского хозяйства начал искусственно форсироваться уже весной 1929 г. Теоретическим обоснованием стали ошибочные утверждения И. В. Сталина, что в колхозы «массово пошел середняк», а значит, в преобразовании деревни уже одержана решающая победа, хотя на самом деле в колхозах по стране состоялось всего 7,6% крестьянских хозяйств. В Крыму, который опережал средние показатели, в колхозах состоялось 26% середняков, но по уровню своих хозяйств они были ближе к бедноте.

Следующий шаг на пути ускорения темпов коллективизации был сделан на пленуме ЦК ВКП(б) в ноябре 1929 г. Задача сплошной коллективизации ставилась перед отдельными областями, и, хотя Крым не входил в этот список, руководители Крымской АССР, стремясь отличиться в глазах лидеров страны, все активнее применяли меры административного нажима. С октября по декабрь 1929 г. уровень коллективизации крестьянских хозяйств был доведен с 20,6 до 41%. Декабрьский (1929 г.) пленум Крымского обкома ВКП(б) объявил Крымскую АССР республикой сплошной коллективизации и постановил завершить ее к весне 1931 г. Под угрозой разорения налогами, лишения земли и раскулачивания крестьян принуждали записываться в колхозы. Начались спешный перевод первичных форм кооперации на уставы артелей, непомерное укрупнение колхозов. Темпы организации новых коллективных хозяйств значительно опережали развитие их материально-технической базы. В октябре 1929 г. на 1254 крымских колхоза приходилось 397 тракторов, 75 из которых пришли в негодность из-за полной изношенности.

Игнорируя это обстоятельство, а также неготовность и нежелание большинства крестьян отказаться от собственного хозяйства, руководство Крымской АССР решило в срочном порядке довести уровень коллективизации до 100%. В обращении ко всем членам партии от 1 февраля 1930 г. бюро обкома призывало завершить коллективизацию уже к весне 1930 г. Данный срок противоречил не только собственному, ранее принятому решению, но и Постановлению ЦК ВКП(б) от 5 января 1930 г. «О темпе коллективизации и мерах помощи государства колхозному строительству», по которому Крым был отнесен к тем районам страны, где завершение коллективизации намечалось на весну 1932 г.

Тем не менее, несмотря на решение ЦК, в Крыму развернулось соревнование среди районов, кто раньше доложит о завершении коллективизации. Были забыты все ленинские указания о добровольности, недопустимости насилия и спешки в деле коллективизации. Райкомы принимали решения завершить коллективизацию в два-три месяца (Зуйский, Джанкойский, Ялтинский), а сельские партячейки — в две-три недели. Всех превзошел Евпаторийский райком, который

26 февраля 1930 г. вынес постановление об организации колхозов до 5 марта, т. е. в течение недели.

Вместо разъяснительной и организационной работы использовались грубый нажим, угрозы под лозунгом «Кто не за колхозы, тот против Советской власти». В деревне Розенталь Зуйского района был объявлен бойкот беднякам и середнякам, не желавшим вступать в колхоз. В частности, им не отпускали керосин и другие дефицитные товары. В Зуе наиболее упрямых крестьян лишали избирательных прав. Кое-где в разряд кулаков стали зачислять и середняков. Грубые извращения допускались при обобществлении средств производства. В колхозы забирали приусадебные участки, единственных коров, мелкий скот и птицу. В результате истребление коров и лошадей перед вступлением в колхоз приобрело массовый характер. В начале 1930 г. их было вырезано более 13 тыс. голов. В ответ была развернута кампания раскулачивания и высылки из Крыма кулацких семей, имущество которых предварительно конфисковывалось.

В результате уровень коллективизации стремительно повышался. На 10 марта 1930 г. в колхозах Крыма числилось 92,2% крестьянских хозяйств. Начавшаяся шумиха толкала многих районных работников на путь очковтирательства. Среди новых колхозов многие значились лишь на бумаге. Главным последствием насилия при создании колхозов стало массовое недовольство, особенно зажиточных крестьян, вплоть до открытых антисоветских выступлений.

В марте—апреле 1930 г. ЦК ВКП(б) принял ряд документов, направленных на преодоление перегибов в коллективизации и нормализацию обстановки в стране. За искривление партийной линии в колхозном движении с работы были сняты секретарь Крымского обкома ВКП(б) Д. Е. Живов, 10 секретарей райкомов партии и председателей райисполкомов, около 60 председателей и секретарей сельсоветов. Следствием перегибов стал массовый выход крестьян из колхозов. Только в апреле 1930 г. их покинули 13 358 человек. В сентябре 1930 г., когда выход завершился, в колхозах оставалось 40% крестьянских хозяйств¹. Это свидетельствовало о том, что немалая часть крымского крестьянства по-прежнему связывала свое будущее с колхозами.

В 1930 г. были внесены очередные изменения в административно-территориальное деление Крымской АССР. Вместо 10 ранее существовавших районов было образовано 16, причем среди них впервые выделились национальные районы — территории с преобладанием определенных этносов. Последних было восемь, среди них пять крымско-татарских (Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Судакский и Ялтинский), один немецкий (Биюк-Онларский), один еврейский (Фрайдорфский) и один украинский (Ишуньский). Остальные восемь районов (Симферопольский, Карасубазарский, Евпаторийский, Джанкойский, Сейтлерский, Ленинский, Старокрымский и Акмечетский) были отнесены к смешанным. Первоначально к татарским был отнесен и Карасубазарский район, однако впоследствии его причислили к смешанным. Вновь образованные сельсоветы по национальному составу

¹ В среднем по стране в колхозах осталось 21,4% крестьянских хозяйств.

ву населения распределялись следующим образом: татарских — 158, русских — 133, немецких — 36, еврейских — 31, украинских — 12, болгарских — девять, греческих — семь, армянских — два, смешанных — 55. Национальными считались те сельсоветы, в которых не менее 60% составляли представители одной национальности. Новое районирование было призвано приблизить органы управления к населению и производству, поскольку шесть новых районов образовывались путем раздела прежних наиболее крупных районов¹.

Пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), состоявшийся в декабре 1930 г., переместил Крым по темпам коллективизации в первую группу с завершением ее сроков весной 1931 г. Основное внимание партийных и государственных органов Крыма вновь сосредоточилось на решении задач коллективизации. Необходимо было обеспечить новый приток крестьян в колхозы, но уже на добровольной основе. В этой работе главное место теперь занимала пропаганда преимуществ коллективного труда над единоличным с демонстрацией конкретных успехов общественного хозяйства в старых колхозах.

Основная масса крестьян вернулась в колхозы к маю 1931 г. С октября 1930 г. по апрель 1931 г. уровень коллективизации в Крыму вновь вырос с 40 до 82,5%. Колхозные земли занимали 94% площадей зерновых культур, 98% — табака, 95,5% — садов и 86% — виноградников². К маю 1931 г. в Крыму насчитывалось 1,4 тыс. колхозов. Их удельный вес составил 93%. Таким образом, колхоз стал основной формой кооперирования. В одном колхозе в среднем объединялось 46 крестьянских дворов.

Столь быстрое возвращение крестьян к коллективному земледелию было в немалой степени обусловлено финансовой помощью государства и налоговыми льготами колхозам, а также возросшими масштабами технической поддержки. В 1930 г. сельское хозяйство Крыма получило 25,9 млн рублей государственного кредита. До конца 1931 г. в Крыму было создано 13 машинно-тракторных станций (МТС). К этому времени в сельском хозяйстве работали уже 700 тракторов. В неделимые фонды колхозов было передано имущество раскулаченных на сумму 4,2 млн рублей, полностью списана задолженность колхозов по землеустройству. Это означало, что основная задача — достижение абсолютного перевеса социалистического сектора в сельском хозяйстве — была решена³.

Вместе с тем для крестьян-единоличников были утверждены новые ограничения: увеличены ставки сельхозналога, введены специальные единовременные налоги. Возрос объем государственных заготовок, которые приобретали обязательный характер. Фактически единоличные хозяйства ставились в неравные условия с колхозными. Несомненно, это обстоятельство вынуждало большинство единоличников вступить в колхозы.

¹ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 22.

² К концу 1932 г. вне колхозов в Крыму оставалось всего 15% дворов, притом что в среднем по стране в колхозах состояло 60% крестьянских хозяйств.

³ История городов и сел Украинской ССР: в 26 т. Киев, 1974. Т. 26: Крымская область. С. 43.

Летом 1931 г. ЦК ВКП(б) предложил местным парторганизациям перенести центр тяжести дальнейшей работы с создания новых колхозов на укрепление существующих. На первый план выдвигались вопросы, связанные с организацией производства, совершенствованием учета и оплаты труда, подготовкой колхозных кадров.

В деле преобразования сельского хозяйства большая роль, наряду с колхозами, отводилась совхозам. План совхозного строительства в стране, принятый в 1928 г., заключался в организации новых крупных механизированных зерносовхозов. В Крыму, где сельское хозяйство было многоотраслевым, создаваемые совхозы специализировались не только на зерновом производстве, но и на производстве фруктов, винограда, табака, эфиромасличных культур.

Возрождение крымских совхозов началось в 1929–1931 гг. За это время их численность возросла с 53 до 90, посевные площади увеличились с 124 до 537 тыс. га, тракторный парк — с 95 до 544 машин. Значительная часть сельхозтехники была сосредоточена в трех созданных зерносовхозах, на полях которых работали 273 трактора и 182 комбайна. Совхозы объединялись в специализированные тресты: зернотрест, савинтрест, консервтрест, птицетрест и т. д. Таким образом, с 1931 г. колхозно-совхозное производство стало одной из основ экономики Крымской АССР.

Коллективизация нанесла ощутимые удары по производительным силам деревни. Под видом классовой борьбы от колхозов была отброшена наиболее зажиточная, деятельная часть крестьянства. Трудно определить общее число раскулаченных в Крыму хозяйств и пострадавших при этом людей. Часть из них была экспроприирована еще в 1929 г. за саботаж хлебозаготовок, часть успела бежать в города. За период коллективизации из-за установки на максимальное обобществление средств производства было подорвано животноводство. С 1928 по 1932 г. поголовье крупного рогатого скота сократилось с 231 до 135,2 тыс. голов, количество лошадей — со 142,9 до 94,9 тыс. голов, овец и коз — с 877,8 до 345 тыс. голов. В сокращении поголовья особенно опасным было уничтожение молодняка, которое надолго затормозило возможности воспроизводства скота. По сравнению с периодом нэпа значительно снизилась урожайность многих сельхозкультур. В 1932 г. по зерновым она составляла 6,3 ц с га, табаку — 4 ц с га, винограду — 18 ц с га. Голод 1932–1933 гг., охвативший юг России, Казахстан и Украину, затронул полуостров в меньшей степени. Спас ситуацию хороший урожай в 1933 г., однако проблемы с продовольствием возникали и в Крыму.

В январе 1933 г. вместо хлебозаготовок были введены обязательные поставки колхозной продукции государству, имевшие силу налога. Цены на зерно и другие сельхозпродукты были установлены в 10–12 раз ниже рыночных. При этом средние по областям и республикам нормы сдачи зерна из урожая 1933 г. для Крымской АССР устанавливались самые высокие в СССР — 3,3 ц с га¹.

¹ Для УССР — 3,1 ц с га, Центральной Черноземной области — 3 ц с га, Восточно-Сибирского края — 3,1 ц с га и т. д.

Январский (1933 г.) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б), признав состояние сельского хозяйства тяжелым, призвал к повышению трудовой дисциплины и мобилизации колхозников, рабочих МТС и совхозов на преодоление кризиса в сельском хозяйстве. Уже в 1933 г. заметно улучшился коэффициент использования техники в МТС и колхозах Крыма. Появилось немало механизаторов, дающих выработку в два раза выше средней. Количество ударников в колхозах и совхозах по сравнению с 1932 г. выросло вдвое и достигло 7433 человек. Производительность труда увеличилась на 25–30%, улучшилась обработка полей. Это позволило повысить урожайность зерновых культур. В 1933 г. она составила 10,3 ц с га. Валовой сбор зерна по сравнению с 1932 г. увеличился на 75%, достигнув 840 тыс. т. Колхозы и совхозы Крыма досрочно, первыми в стране, выполнили государственный план поставок зерна¹.

Достижения тружеников сельского хозяйства Крыма были отмечены государством. В январе 1934 г. Президиум ЦИК СССР постановил: «За выдающиеся успехи в деле проведения основных сельскохозяйственных работ (сев, уборка урожая, засыпка семян), укрепление колхозов и совхозов и выполнение обязательств перед государством наградить орденом Ленина Крымскую Автономную Социалистическую Республику».

В 1935 г. на территории Крыма было проведено новое административное переустройство. В его основу положено выравнивание территорий сельских районов и количества населения, проживающего в них, а также более равномерное распределение количества МТС, сельсоветов, колхозов и сети социально-культурных учреждений. При выделении районов в 1930 г. ряд из них (Симферопольский, Ленинский, Фрайдорфский, Бююк-Онларский) по числу населения, размеру территории значительно превосходил остальные районы, что затрудняло руководство на местах. За счет разукрупнения ряда районов были дополнительно созданы девять новых. В результате в республике появились 25 районов, в том числе 11 национальных: семь татарских (Алуштинский, Балаклавский, Бахчисарайский, Карасубазарский, Куйбышевский, Судакский, Ялтинский), два немецких (Бююк-Онларский, Тельманский) и два еврейских (Фрайдорфский, Лариндорфский). В состав 25 районов входил 451 сельсовет, в том числе 177 татарских, 130 русских, 40 немецких, 32 еврейских, 72 прочих². В 1937 г. был создан 26-й, Зуйский район. Симферополь, Севастополь, Керчь и Феодосия объявлялись городами республиканского подчинения.

В 1938 г. ЦК ВКП(б) выступил с инициативой ликвидировать «искусственно созданные» национальные районы и сельсоветы (польские, немецкие, греческие и др.). Президиум Верховного Совета СССР принял это предложение, в результате чего многие национальные районы в стране перестали существовать. По представлению КрымЦИК было принято решение о ликвидации 19 национальных сельсоветов и реорганизации 11 национальных сельсоветов в обычные³. В резуль-

тате этих перемен к началу Великой Отечественной войны в Крыму насчитывалось 411 сельсоветов, не считая городов и городских поселков.

К середине 1930-х гг. растущая нехватка кадров в колхозах и совхозах стала серьезно тормозить развитие производства. В первом полугодии 1934 г. в колхозы вступили 5935 семей, а выбыли 4450. Во многом это объяснялось тем, что в порядке оргнабора на стройки пятилеток отправлялись тысячи крестьян, многие молодые колхозники уезжали на учебу в город. По-прежнему продолжалось изгнание из колхозов так называемых кулаков. В 1933 г. эта участь постигла 2,4 тыс. человек, среди которых были несколько сотен председателей колхозов, бригадиры, заведующие фермами и другие руководители хозяйств.

Не прекращались административные исключения из колхозов, злоупотребления административно-репрессивными мерами и подмена ими разъяснительной работы. По одному Карасубазарскому району в результате проверки поступившей жалобы в хозяйствах были восстановлены 76 ранее исключенных колхозников. В Сейтлерском районе из колхоза «Вторая пятилетка» была исключена Анна Лахина, вдова расстрелянного белыми красногвардейца и мать проходившего службу в РККА красноармейца. Три года она являлась членом сельсовета, много раз премировалась и была исключена по неизвестным обстоятельствам. Подобных фактов в те годы отмечалось немало.

Решение кадровой проблемы искали в различных формах подготовки специалистов для села. Только в годы второй пятилетки на различных курсах было подготовлено около 700 водителей, трактористов, механиков для сельского хозяйства. Во многих районных центрах работали курсы счетоводов.

В 1937 г. Крым занял одно из первых мест в стране по механизации сельского хозяйства. Тракторами в Крыму обрабатывалось 90% пахотной земли, тогда как в целом по стране — 60%. 96% всех зерновых культур было убрано комбайнами. Использование техники позволило значительно сократить сроки проведения основных сельхозработ. Улучшилась обработка полей, садов, виноградников и табачных плантаций.

В 1940 г. в Крыму насчитывалось 1194 колхоза и 103 совхоза. Колхозы объединяли 88 648 (98,8%) крестьянских хозяйств. К этому времени была восстановлена утраченная в первые годы коллективизации численность скота и достигнут уровень 1913 г. Однако рост численности поголовья не сопровождался повышением его продуктивности. Среднегодовой удой на фуражную корову составлял 1,4–1,6 тыс. л, настриг шерсти от овцы — 2 кг, выход поросят от свиноматки — 8–10 голов. Низкая продуктивность общественного животноводства объяснялась слабостью кормовой базы и плохим содержанием скота на колхозных фермах.

Осуществление планов индустриализации и коллективизации привело к существенным изменениям в составе и структуре населения Крыма. Значительно увеличилась доля городского населения. При этом если в конце 1920-х гг. его рост был обусловлен главным образом перетеканием рабочей силы из села, то в 1930-е гг. — преимущественно миграцией из-за пределов Крыма. Вместе с тем значительное большинство крымских татар, немцев и болгар по-прежнему оставались сельски-

¹ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 84.

² Там же. С. 22–24.

³ Пащенко В. Н. Этногосударственное строительство в Крыму в первой половине XX века (1900–1945 гг.). Симферополь, 2008. С. 147.

ми жителями. Это подтверждают данные о национальном составе занятых в промышленности, среди которых, как и до революции, преобладают русские (58,2%), евреи (15,1%) и украинцы (9,7%)¹.

Продолжался активный процесс формирования интеллигенции, особенно в городах. Самый высокий удельный вес интеллигенции сохранялся у евреев, однако растущими темпами велась подготовка кадров у крымских татар. Во всех этнических группах выросла численность инженерно-технических работников, а также управленческого персонала. Наиболее высокой она была среди русских, а у крымских татар и немцев преобладали культурно-просветительные работники и служащие. К концу 1930-х гг. инженерно-технические работники составили почти треть интеллигенции.

По результатам Всесоюзной переписи 1939 г., численность населения Крымской АССР достигла 1 226,4 тыс. человек, в том числе: 558,5 тыс. русских (49,6%), 218,9 тыс. татар (19,4%), 154,1 тыс. украинцев (13,7%), 65,5 тыс. евреев (5,8%), 51,3 тыс. немцев (4,6%), 20,6 тыс. греков (1,8%), 15,3 тыс. болгар (1,4%), 12,9 тыс. армян (1,1%) и т. д.²

За 20 лет между двумя войнами Крымская АССР пережила сложный и противоречивый период развития, связанный с коренным изменением всей системы социально-экономических отношений.

В годы первых пятилеток разрабатывался и осуществлялся комплекс мер по дальнейшему развитию санаторно-курортного дела в Крыму. Если в 1920-е гг. увеличение коечной сети и расширение здравниц шли в основном за счет ремонта и переделки под санатории имеющихся, зачастую малоприспособленных дач и особняков, то в дальнейшем осуществлялось строительство новых санаторных комплексов по специальным проектам, рассчитанным на круглогодичную эксплуатацию. В 1928 г. вступил в строй первый из таких санаториев — «Долоссы» на 400 коек. В 1930 г. приняли отдыхающих «Жемчужина», затем «Курпаты», «Золотой пляж» и «Сосняк». В 1931 г. был введен новый корпус Мойнакской грязелечебницы³. Строительство собственных санаториев начали и многие ведомства, как военные, так и гражданские. Вместе с тем последствия крымского землетрясения 1927 г., повлекшего за собой разрушение многих санаторных зданий старой постройки, были преодолены лишь через несколько лет. В 1929 г. на крымских курортах прошли лечение всего 26 тыс. трудящихся, что уступало показателям середины 1920-х гг., и лишь в 1932 г. санаторно-курортные учреждения преодолели спад, оздоровив за сезон уже 70 тыс. человек.

Одним из центров детского отдыха в СССР в 1920-х гг. стал пионерский лагерь «Артек», основанный по инициативе председателя Российского общества Крас-

ного Креста З. П. Соловьева как лагерь-санаторий для детей, страдающих туберкулезной интоксикацией. «Для нас пионерский летний лагерь — большое, серьезное и весьма важное дело, — сообщал З. П. Соловьев. — Новое человеческое общество мы строим на основе оздоровления, духовного и телесного, строителя этого общества — рабочих масс. Этой цели должен служить и пионерский лагерь»¹.

16 июня 1925 г. состоялось торжественное открытие «Артека», который на тот момент представлял собой всего несколько больших брезентовых палаток с деревянным полом. В первую смену здесь смогли отдохнуть 80 пионеров из Москвы, Иваново-Вознесенска и Крыма. В 1926 г. в лагере побывала первая зарубежная делегация — пионеры из Германии. Постепенно налаживалась инфраструктура лагеря: через два года после открытия на берегу моря были установлены домики из фанеры. Затем в верхнем парке возведен капитальный зимний корпус, и «Артек» переведен на круглогодичную работу. В 1936 г. в лагере отдыхала смена пионеров-орденоносцев, награжденных правительственными наградами, а в 1937 г. «Артек» принимал детей из Испании.

Серьезное внимание уделялось повышению качества медицинского обслуживания, укреплению лечебно-диагностической базы. В результате внедрения новых методов климатотерапии и грязелечения расширился спектр предоставляемых отдыхающим процедур. Этому способствовала активная работа Севастопольского научно-исследовательского института физических методов лечения им. И. М. Сеченова и Клинического противотуберкулезного института в Ялте, взявших на себя научно-методическое сопровождение санаторно-курортных учреждений.

Весомый вклад в развитие отечественной физиотерапии и курортологии в те годы внес директор Севастопольского НИИ физических методов лечения им. И. М. Сеченова профессор А. Е. Щербак. Созданное им новое научное направление — рефлекторная физиотерапия — и разработанная методика лекарственного электрофореза нашли широкое применение в здравницах Крыма и до сих пор востребованы практическими врачами. А. Е. Щербаку первому из физиотерапевтов страны было присвоено звание «Заслуженный деятель науки СССР».

В начале 1930-х гг. условия пребывания трудящихся в здравницах постепенно улучшались, существенные изменения произошли в организации питания отдыхающих. В 1920-е гг. жалобы на низкую калорийность, однообразное меню и просто нехватку продуктов носили повсеместный характер. Однако затем ситуация изменилась, причем весьма существенно. Достаточно ознакомиться с перечнем продуктов, отгруженных Крымскому курортному тресту по нарядам Наркомата снабжения СССР в мае 1931 г. для питания отдыхающих в санаториях и домах отдыха. Этот список включал в себя 1012 т мяса, более 200 т рыбы, 59 тыс. банок консервов, 20 вагонов муки, 10 вагонов картофеля, шесть вагонов масла, пять вагонов яиц, четыре вагона круп, два вагона сахара, один вагон риса, один вагон сгущенного молока. Следовали эти продукты в Крым из Москвы и Вологды, Харькова и Одессы, Баку

¹ *Леицков Ю. А.* Политика Советской власти и этносоциальные процессы в Крыму // Проблемы истории Крыма. Симферополь, 1991. Вып. 2. С. 83–85.

² Этническая история Крыма в таблицах, картосхемах и диаграммах (по данным переписей населения): информационно-справочное пособие / авт.-сост. А. С. Петроградская. Симферополь, 2007.

³ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 122.

¹ *Соловьев З.* Крым — пионерам // Лагерь в Артеке. М., 1926. С. 6.

и Центральной Черноземной области¹. Не будем забывать, что в эти годы в стране продолжала действовать карточная система на хлеб и другие продукты.

Куда больших усилий потребовало решение других проблем, прежде всего связанных с водоснабжением и канализацией здравниц. Во многих курортных городах и поселках водопровода и канализации не было вообще, а вода поступала из артезианских скважин или колодцев. В других местах эти системы настолько обветшали, что требовали полного обновления. В 1933–1937 гг. было начато строительство канализационных сетей в Алуште, Балаклаве, Евпатории, Саках, Судаке и водопровода в Алуште, Евпатории, Старом Крыму, Феодосии и Ялте. К концу 1937 г. суточное потребление воды на душу населения в городах и поселках Южного берега Крыма увеличилось с 80 до 130 литров. В результате удалось лишь частично снизить остроту коммунальных проблем, но до полного их решения было еще далеко.

В 1936 г. постановлением Совнаркома РСФСР Евпатория была утверждена местом развертывания образцового детского курорта, что повлекло за собой расширение сети детских здравниц для лечения заболеваний органов дыхания и опорно-двигательного аппарата. К началу войны в Евпатории уже работали 17 детских санаториев на 3260 коек, вступила в строй и первая очередь городского водопровода протяженностью 6,6 км.

Значительных успехов в лечении туберкулеза добился персонал детского костно-туберкулезного санатория им. А. А. Боброва в Алушке. Врач П. В. Изергин, ученик и продолжатель дела А. А. Боброва, разработал новые методы климатотерапии, применение которых значительно повысило эффективность лечения костного туберкулеза у детей. В 1936 г. П. В. Изергин был награжден орденом В. И. Ленина.

В 1932 г. Комитетом по планировке Южного берега Крыма при Совнаркоме Крымской АССР и Гипрогором РСФСР во главе с профессором М. Я. Гинзбургом по заданию Совнаркома Крымской АССР была начата масштабная работа по районной планировке Южного берега Крыма, ставшая в СССР первым подобным мероприятием. Медицинской частью заведовал доктор И. Д. Яхнин, экономической было поручено руководить П. Н. Першину, а транспортной — профессору Н. Н. Образцову. Целью этого грандиозного проекта являлась выработка единого архитектурно-строительного облика Южного берега с учетом его курортных, природно-климатических и ландшафтных особенностей. Организацию работы и руководство осуществлял Комитет по планировке Южного берега Крыма при Совнаркоме Крымской АССР.

В 1938–1940 гг. Совнарком Крымской АССР разработал и утвердил генеральные схемы планировки курортов Южного берега, Евпатории и Сак, в соответствии с которыми предусматривались значительное расширение курортных зон, строительство новых здравниц с доведением количества мест в них до 50,6 тыс. коек к 1942 г., развитие транспортных коммуникаций, сетей водоснабжения, комплексное озеленение и благоустройство.

Накануне войны в Крыму действовали 195 санаториев и домов отдыха на 35,5 тыс. мест, в том числе 31 ведомственный, принимавшие до 300 тыс. человек в год. Отдыхающих и больных обслуживали около 3 тыс. медработников, в том числе 1061 врач, что обеспечивало базовый уровень диагностики и лечения многих заболеваний. Всего с 1921 по 1940 г. на полуострове лечились и отдыхали 3,5 млн человек¹. Все это свидетельствовало о превращении Крыма в курорт всесоюзного значения.

§ 6. Государство, конфессии и школа (1920–1930-е гг.)

Г. Н. Кондратюк, Д. В. Соколов

Важное место в жизни Крымской АССР занимали взаимоотношения государства и церкви. В условиях поликонфессионального Крыма они приобрели особую специфику и остроту. Советская власть заняла резко негативную позицию в отношении религии и преподавания основ вероучений. Задача заключалась в том, чтобы сформировать совершенно иную систему мировоззрения, которая бы отвечала цели создания декларируемого коммунистического общества. При этом в отношении различных конфессий антирелигиозная политика власти была достаточно дифференцированной: от жесткого и бескомпромиссного давления до терпимости в определенных границах. В наибольшей степени от государственного антирелигиозного курса пострадало православие.

После окончательного установления советской власти в ноябре 1920 г. на Русскую Православную Церковь в Крыму обрушилась волна репрессий. 4 декабря 1920 г. в Феодосии постановлением тройки Особого отдела 13-й армии по обвинению в «активной помощи контрреволюции в ее борьбе за свержение власти пролетариата» к расстрелу были приговорены священники Виктор Толковид и Алексей Родионов². 16 декабря 1920 г. за «произнесение в храме проповедей, направленных на дискредитацию советской власти», Феодосийской чрезвычайной комиссией был расстрелян священник Екатерининской церкви села Сарыгол протоиерей Андрей Косовский³. Аналогичная участь постигла последнего директора Алушкинской климатической колонии для учителей церковно-приходских школ протоиерея Константина Аггеева. В Евпатории «за публичное осуждение репрессий» был расстрелян 72-летний священник Владимир Славосников⁴. Там же 9 апреля 1921 г. «за

¹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 45.

² *Абраменко Л. М.* Последняя обитель. Крым, 1920–1921 годы. Киев, 2005. С. 336, 338.

³ *Доненко Н., прот.* Новомученики Феодосии: Священномученик Андрей Косовский, Преподобномученик Варфоломей (Ратных), Священномученик Иоанн Блюмович. Феодосия, Судак, Старый Крым в годы воинствующего атеизма, 1920–1938. Феодосия; М., 2005. С. 23.

⁴ *Доненко Н., прот.* Новомученики Феодосии... С. 442.

¹ По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму, 1920–1989: сборник документов и материалов. Симферополь, 1989. С. 65–66.

антисоветскую агитацию» расстреляли еще одного священника — Петра Кудринского¹.

13 февраля 1921 г. в Бахчисарае по обвинению в угрозе физической расправой председателем местного революционного комитета был арестован священник Иоанн Спано. Арест священнослужителя вызвал многочисленные протесты со стороны населения. Ежедневно в Особый отдел 4-й армии приходили толпы людей и требовали освобождения арестованного. Несмотря на это, 12 марта 1921 г. тройка Особого отдела вынесла постановление, согласно которому отец Иоанн и вступившие за него члены церковного совета Владимир и Спиридон Канаки подлежали расстрелу².

По мере того как жизнь в стране стала понемногу возвращаться в мирное русло, кровавые методы борьбы с религией в политике Советского государства отступили на второй план. Удобным предлогом для наступления на религию стал охвативший страну массовый голод. 23 февраля 1922 г. ВЦИК РСФСР принял декрет о принудительном изъятии церковных ценностей. Стараясь не отставать в столь важном революционном деле от центра, 4 марта 1922 г. Вторая сессия ЦИК Крымской АССР постановила: немедленно изъять все ценности из монастырей и церквей.

30 марта 1922 г. вышло распоряжение, предписывающее всем православным храмам в течение 36 часов с момента получения циркуляра опечатать все ценности, сдать их в Наркомат финансов Крымской АССР и сообщить об исполнении в шестичасовой срок. А поскольку за время революции и Гражданской войны все храмы епархии были в той или иной степени обворованы, к циркуляру было сделано дополнение, по которому лица, являющиеся «по своему юридическому или фактическому положению» хранителями церковных ценностей, привлекались к ответственности «наравне с совершителями краж».

22 апреля 1922 г. состоялось заседание Севастопольского совета депутатов, на котором был заслушан доклад Комиссии по изъятию церковных ценностей. Вскоре из ризниц севастопольских храмов начали изымать «ценности богослужебного и другого церковного имущества из золота, серебра, драгоценных камней». Обрисовав «борьбу с темными людьми, которые благодаря своей темноте становились на защиту духовенства», местная газета сообщила, что были обследованы 32 храма, описей церковного имущества до 1917 г. нигде не обнаружили и в 28 церквах изъяли ценности³.

С целью установления контроля за духовной жизнью православного Крыма большевики взяли курс на поддержку обновленческого движения и так называемой живой церкви — группы священников и мирян, выступавших за проведение «церковных реформ» (они предлагали упростить структуру церковного управле-

ния, разрешить епископам жениться, а священникам вступать в брак более одного раза, изменить язык богослужений со старославянского на русский и сократить время служб). В Крыму ведущим идеологом обновленчества являлся симферопольский протоиерей Евгений Эндека, бывший настоятель Свято-Троицкого греческого храма.

Пользуясь негласной поддержкой, оказываемой властями, обновленцы захватывали храмы епархии, различными путями устраняя из них ревнителей церковных канонов. Так, с подачи живоцерковников в Крыму состоялся ряд показательных судебных процессов над священнослужителями, которых обвиняли в сокрытии церковных ценностей, подделке документов и кражах, а также антисоветской агитации среди трудящихся масс. После недолгого судебного разбирательства священников приговаривали к различным срокам тюремного заключения или высылали из Крыма.

Одним из пострадавших подобным образом стал архиепископ Таврический и Симферопольский Димитрий (Абашидзе), к тому времени устранившийся от управления делами епархии и принявший монашеский постриг. Арестованный в апреле 1923 г. владыка был выдворен в Киев. Не менее драматично сложилась судьба других священнослужителей Таврической (впоследствии Крымской) епархии. 1 декабря 1922 г. Революционный трибунал при КрымЦИК приговорил к восьми годам лишения свободы преемника владыки Димитрия, архиепископа Никодима (Кроткова). Отсидев почти год в нижегородской тюрьме, владыка был выпущен по амнистии, после чего в течение двух лет пробыл в ссылке. В июне 1926 г. архиепископ приехал в Москву, где вскоре вновь был арестован. 4 апреля 1927 г. в Керчи по обвинению в антисоветской агитации арестовали священника греческой церкви Иосифа Куницкого. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 17 февраля 1928 г. священник был выслан из Крыма.

Координация антирелигиозной и пропагандистской деятельности осуществлялась «Союзом воинствующих безбожников» и Крымским обкомом РЛКСМ. Первая из названных организаций вела работу среди всех слоев населения (в том числе женщин, представителей различных национальных групп), а вторая — среди молодежи. Задача комсомольских ячеек состояла в формировании коммунистического и атеистического мировоззрения.

Важность антирелигиозной деятельности была отмечена на состоявшемся в апреле 1923 г. XII съезде РКП(б), принявшем резолюцию «О постановке антирелигиозной агитации и пропаганды»¹. Власти осуществляли твердый контроль за недопустимостью преподавания религиозных знаний в школе: «На основании декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви ЦАУ Крыма просит (райисполкомы. — *Авт.*): 1) установить надзор за выявлением преподавания Закона Божьего в школах всех видов и ступеней... 2) в случаях обнаружения преподавания Закона Божьего лиц, которые его преподают, немедленно снимать

¹ Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 3. Симферополь, 2006. (Науч.-документ. сер. книг «Реабилитированные историей»). С. 267.

² Абраменко Л. М. Последняя обитель... С. 449–450.

³ Покровский собор в Севастополе: страницы истории / сост. Н. М. Терещук, С. Е. Соколин. Киев, 2010. С. 26.

¹ Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). 9-е изд., доп. и испр. М., 1984. Т. 3. С. 116.

с должностей с одновременным привлечением их к судебной ответственности по 121 ст. УК»¹.

Антирелигиозной пропагандой занимались также национальные клубы в городах и избы-читальни в селах. Всего в Крыму к концу 1920-х гг. насчитывался 21 клуб. В сельской местности функционировали 63 крымско-татарские избы-читальни².

С 1929 г. политика советской власти в отношении служителей церкви все более ужесточается. 24 января ЦК РКП(б) принял постановление «О мерах усиления антирелигиозной работы», которое затем разослали всем нижестоящим партийным инстанциям. Религиозные организации в этом документе назывались «единственной легально действующей контрреволюционной организацией, имеющей влияние на массы», в связи с чем местным органам власти предписывалось в том числе «взять на себя инициативу разработки ряда мероприятий, около проведения которых можно было организовать широкие массы на борьбу с религией»³.

В печати регулярно публиковались фельетоны и очерки, высмеивающие священников и монахов, христианские традиции и праздники. Наряду со ссылкой и тюремными сроками, в перечне карательных мер в отношении священнослужителей важное место вновь заняли смертные приговоры.

Одним из тех, кого в этот период подвергли репрессиям, стал бывший настоятель севастопольского Свято-Владимирского адмиралтейского собора протоиерей Роман Медведь. Арестованный 16 февраля 1931 г. в Москве, он был приговорен к смертной казни, которую затем заменили 10-летним заключением в Соловецком лагере⁴.

Особенно ощутимый удар по православию в Крыму был нанесен в 1937–1938 гг. Именно в этот период список репрессированных церковнослужителей пополнился множеством новых имен: священник ялтинского Александро-Невского собора Дмитрий Киранов⁵, иеромонах Владимир Пищулин⁶, священник Покровской церкви в Судаке протоиерей Иоанн Блюмович, священник симферопольской Свято-Троицкой церкви протоиерей Николай Мезенцев⁷ и др.

К 1941 г. легальная церковная жизнь Крыма была фактически ликвидирована. Многие храмы епархии либо разрушили, либо превратили в хранилища и сельские клубы; святыни были безвозвратно утрачены. Несколько десятков православных священнослужителей репрессировали.

В проведении антиисламской пропаганды большевики проявляли большую осторожность. На первых порах на волне советизации школы в начале 1920-х гг.

крымские власти, наряду с введением в начальных школах изучения природоведения, отменили преподавание Корана. Задачи искоренения религиозного образования ставились довольно жестко. На совещании татарских учителей Джанкойского округа в сентябре 1923 г. давалась установка: «Никоим образом не допускать преподавания Корана в татарских школах; если Коран есть у учителя, который преподает в школе, то принять соответствующие меры для исключения его из Союза Работпрос (работников просвещения)»¹.

Однако уже в мае 1924 г. ОГПУ констатировало: «По имеющимся у нас данным, в связи с введением в школах преподавания природоведения и отмены преподавания Корана большинство татар очень неохотно отпускают в школу своих детей, примером чего является случай закрытия школы на этой почве в селе Биюк-Актачи Евпаторийского района, где школа совсем перестала функционировать из-за непосещения детей»². Бахчисарайский районный отдел народного образования был вынужден признать, что «в селах преподавание (вероучения. — Авт.) совсем не ликвидировано. Причиной такого положения является то обстоятельство, что зажиточные крестьяне поддерживают тесную связь с духовенством, как это бывает всегда, и, пользуясь тем, что у учителя нет куска хлеба, заставляют его подпадать под их влияние»³.

Власть была вынуждена корректировать первоначальные подходы. Председатель ЦИК Крымской АССР В. Ибраимов обратился в Президиум ВЦИК РСФСР с предложением предоставить мусульманскому населению Крыма право обучать своих детей вероучению при «неизменном выполнении» ими двух условий: «обучаться мусульманскому вероучению могут только лица, которые закончили полный 5-летний курс трудовой школы первой ступени» и достигли 14-летнего возраста⁴. Преподавать вероучение можно было только в мечети⁵. В 1924 г. в Симферополе было создано Народное управление религиозными делами мусульман Крыма. Председательствовал в этом учреждении муфтий, избравшийся сроком на один год. Мусульманскому управлению было разрешено издание «религиозно-прогрессивного» журнала «Асрый мусульманлык» («Современное мусульманство»).

В 1925 г. на совещании наркомов образования союзных республик рассматривался вопрос об отношении к преподаванию основ ислама. В установочном докладе «О религиозной школе» указывалось: «Вопрос о мусульманской школе обусловлен... тем обстоятельством, что в областях с мусульманским населением советская школа в большинстве развивается туго не только вследствие недостатка необходимых средств, но также и в результате чрезвычайных трудностей в деле поиска советских учителей. Мусульманское духовенство было единственным распространителем грамотности. Поскольку грамотность эта не может быть быстро поднята достаточным распространением светских школ, то мусульманское духовенство в случае крайнего ограничения его учительской деятельности получило возмож-

¹ ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 47. Л. 82.

² Там же. Л. 31.

³ Альманах «Россия. XX век» [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.alexanderyakovlev.org/almanah/inside/almanah-doc/1005110> (дата обращения: 11.04.2017).

⁴ Доненко Н., *прот.* Наследники царства. Симферополь, 2000. Т. I. С. 374–415.

⁵ Реабилитированные истории. Автономная Республика Крым: Кн. 3. С. 148.

⁶ Доненко Н., *прот.* Наследники царства. Симферополь, 2004. Т. II. С. 306.

⁷ Там же. Т. I. С. 286; Т. II. С. 364.

¹ ГАРК. Ф. П-346. Оп. 1. Д. 42. Л. 6.

² Там же. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 10. Л. 304.

³ Там же. Ф. Р-1622. Оп. 1. Д. 1. Л. 49.

⁴ Там же. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 23. Л. 248.

⁵ Там же. Д. 10. Л. 363.

ность политически спекулировать фактом снижения грамотности среди населения и разрушения советской властью исламо-арабской культуры без замены ее какой-то другой... Духовенство это в своей основе подтвердило свою лояльность в отношении советской власти (на манер обновленной православной церкви)... и требовало иногда путем сбора петиций среди больших масс населения дальнейшего расширения своих прав, в частности и образовательных... Для Наркомпроса РСФСР целиком понятно, что единственным правильным и основным методом борьбы с религиозной мусульманской школой было бы расширение количества и повышение качества советской школы»¹.

Тем не менее применение административных мер и репрессий было только вопросом времени. Уже в конце 1924 г. началось изъятие из библиотек исламской религиозной литературы. В 1926 г. Президиум ВЦИК РСФСР запретил мусульманское вероучение к преподаванию на всей территории СССР. Начался снос мечетей, закрылись медресе. В конце 1920-х гг. на исламское духовенство обрушились репрессии, достигшие апогея в конце 1930-х гг. В 1937 г. НКВД Крымской АССР арестовал по делу так называемой «Идель-Уральской организации» более сотни представителей мусульманского духовенства, 99 из них были расстреляны. В 1940 г. в Крыму действовало только 16 мечетей были заброшены и разрушены «азизы» — места поклонения и мавзолеи святых. Активное участие в этом принимали татары — коммунисты и комсомольцы.

Аналогичная политика осуществлялась советской властью и по отношению к иным конфессиям, действовавшим на территории Крыма. С конца 1920-х гг. активизировалась деятельность «Союза воинствующих безбожников», которая теперь приобрела все большую антимусульманскую окраску. Его руководители стремились подготовить пропагандистов, которые своей агитацией охватили бы все советские учреждения: «Кадры, которых не хватало, должны быть подготовлены антирелигиозным университетом, организованным Крымнаркомпросом и Советской партийной школой. Ввести через Наркомпрос антирелигиозные курсы в педтехникумах, в пединституте, в девятилетках с педагогическим уклоном, в рабфаках»². В октябре 1929 г. Второй пленум Крымского совета «Союза воинствующих безбожников» утвердил план работы на 1929–1930 гг.: увеличить тираж антирелигиозной литературы более чем втрое, провести районные и областные курсы безбожников, организовать коллективы пропагандистов и отдельные секции по мусульманству и сектантству³.

Вопросы антирелигиозной пропаганды в 1930-е гг. рассматривались и на заседаниях секретариата Крымского обкома партии. Особое внимание уделялось формам и методам антирелигиозной работы⁴. Формы были различными: от диспутов

¹ ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 23. Л. 249.

² Тихомиров П. Безбожие победит...: (Обзор текущей деятельности религиозных организаций и работа СВБ в Крыму). Симферополь, 1930. С. 21.

³ Красный Крым. 1929. 20 октября.

⁴ ГАРК. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 69. Л. 81.

и лекций до проведения «комсомольской пасхи». Острые борьбы по-прежнему было направлено против православия. Несмотря на активизацию атеистической деятельности, власти следили за тем, чтобы по отношению к национальным меньшинствам она не принимала слишком откровенных форм. В пропагандистских документах нет критики ислама как такового, а говорится только о консерватизме мулл и «религиозных предрассудках».

В мае 1928 г. в союзных и автономных республиках, где значительную долю составляло тюркское население, было принято решение о переходе национальных языков на латинский алфавит (так называемый яналиф). В сентябре 1929 г. на областном агитационно-пропагандистском совещании народный комиссар просвещения Крымской АССР Р. М. Александрович так объяснял политический смысл этого шага: «Некоторые товарищи не видят той жестокой классовой борьбы, которая разворачивается вокруг введения новотюркского алфавита (НТА). Переход на НТА бьет в первую очередь по религии. Ведь Коран написан арабским языком. Новое поколение, которое учит в школах НТА и не знает арабского языка, уже из-за этого отходит от Корана, от религии, выпадает из-под влияния духовенства. Поэтому самым лютым врагом проведения реформы является духовенство, всемерно поддерживаемое националистической частью интеллигенции. Борьба за новый алфавит выливается в классовую борьбу за молодое поколение»¹.

В среде крымско-татарской интеллигенции реформа алфавита оценивалась неоднозначно. Многие воспринимали ее как разрыв с многовековой исламской культурной традицией. Партийная пропаганда вешала на них ярлык ретроградов и врагов: «Буржуазно-националистическая часть татарской интеллигенции стремилась возглавить культурное строительство, направить его против интересов пролетариата и трудового крестьянства»². В 1939 г. крымско-татарский язык был переведен на кириллическую графику.

Установление советской власти в Крыму в ноябре 1920 г. обусловило коренную реорганизацию системы образования, что отразилось не только в изменениях названий школ, профессиональных учреждений и вузов, учебных планах и программах, сроках обучения, составе преподавателей, но и в методологической и мировоззренческой концепции, понимании и толковании роли образования в жизни общества. Реформирование образования в значительной степени диктовалось интересами национальной политики советской власти.

В 1921 г. в Крыму массово открывались школы, всего насчитывалось 1232 школьных учреждения. После закрытия многих из них из-за отсутствия материальных ресурсов уже в следующем году их количество сократилось вдвое и составило 638 школ, в 1923 г. — 834, в 1924 г. — 846, в 1925 г. — 875³.

В начале 1923 г. состоялся I Всекрымский съезд работников образования, который стал важным событием в развитии просвещения в Крымской АССР.

¹ Красный Крым. 1929. 11 сентября.

² Там же.

³ Весь Крым. Юбилейный сборник. 1920–1925. Симферополь, 1926. С. 422.

С основным докладом, посвященным работе массовой начальной школы, выступил нарком просвещения Гарютин¹. В октябре 1923 г. в Крымской АССР насчитывалось 785 школ первой ступени и 49 школ второй ступени. На протяжении 1923 г. была восстановлена работа 204 начальных школ². Если из общего числа крымских школ первой ступени 329 были крымско-татарскими, что составляло 41,9%, то из школ второй ступени крымско-татарских числилось только четыре, или 8,5%. Причина этого дисбаланса, сохранявшегося на протяжении 1920-х гг., заключалась в том, что крымские татары в основном являлись сельскими жителями, а школы второй ступени (бывшие гимназии) располагались в городах. В начале 1923 г. в крымско-татарских школах обучались 12 617 учеников, работу с которыми проводили 410 учителей³.

В 1924 г. количество школ в Крыму увеличилось. Из 846 школ первой ступени крымско-татарских насчитывалось 351, а из 2385 учителей крымскими татарами были 503. В крымских школах обучались 39 385 учеников, из них 15 тыс. крымских татар (38,1%)⁴.

Динамика развития национальных школ, прежде всего крымско-татарских, была заметной. Одной из важнейших задач в системе народного образования являлось создание крымско-татарских школ второй ступени и профессиональных учебных заведений, материально-техническая база которых стабилизировалась в условиях нэпа. В 1925 г. работали 11 крымско-татарских школ второй ступени. В 1926 г. их стало уже 14, количество учеников — 2291. По социальному составу в этих школах преобладали дети крестьян — 1509 учащихся (65,8%), детей рабочих было 253 человека (11,1%)⁵. Школы второй ступени готовили абитуриентов в техникумы и высшие учебные заведения. Крымская экономика в период нэпа требовала все больше квалифицированных кадров.

Сравнительный анализ численности учреждений образования крымских татар в 1925 и 1928 гг. показывает: количество школ первой ступени увеличилось с 359 до 372, второй ступени — с 13 до 14, школ крестьянской молодежи — с одной до трех, число техникумов (три) и профшкол (две) осталось неизменным, продолжал действовать один рабочий факультет, а количество клубов увеличилось с трех до шести⁶.

Создание новых учреждений образования, ремонт школ, подготовка педагогов, издание учебников требовали финансовых ресурсов. В отчете Наркомпроса РСФСР за 1924 г. отмечалось, что «в 40% школ учителя получали 17–18% зарплаты довоенного времени (5–6 рублей)»⁷. В 1920–1930-х гг. выход из ситуации был найден за счет введения частичной платы за обучение. Школы были разделены на две группы: первые, входившие в «твердую сеть», финансировались государством, вто-

рые существовали за счет платы за обучение. Бесплатные школы предназначались для детей рабочих, представителей национальных групп Крымской АССР. О реальности положения дел можно судить по следующим цифрам. Бюджет системы образования в 1914 г. составлял 2 438 115 рублей. Через 10 лет, на 1924/1925 учебный год, было выделено 2 741 138 рублей. При пересчете по курсу золотого рубля бюджет образования 1924/1925 г. составил только 56,2% от довоенного уровня¹.

Важными и сложными вопросами, стоявшими в это время на повестке дня, являлись введение всеобщего начального обучения и борьба с неграмотностью. По результатам школьной переписи, проведенной в Крыму в январе 1924 г., среди подростков в возрасте от семи до 14 лет в городах обучались 32,5%, а в селах — 27,7%. Среди детей школьного возраста от восьми до 11 лет обучались 57,4%. Для осуществления общего начального обучения в объеме четырех лет количество школьных мест необходимо было увеличить на 70%, а для семилетней школы — на 127%².

В Крымской АССР существовала целая сеть школ для детей различных национальностей. Создавались они по времени неравномерно, и значительная их часть начала свою работу в 1930-х гг. При Коллегии Народного комиссариата просвещения Крымской АССР был создан Совет по вопросам образования национальных меньшинств (Крымсовнацмен). 31 августа 1921 г. на заседании Коллегии было принято «Положение о Совнацмене Крымнаркомпроса»³.

Руководство Совнацмена стремилось создать школы даже для самых малых по численности народов, проживавших в Крыму. К такой категории принадлежали эстонцы, являвшиеся потомками переселенцев, прибывших в Таврическую губернию в 1860-х гг. 1 сентября 1921 г. на окраине Симферополя, в бывшем имении А. Х. Стевена, совхозе «Битак», начали работу эстонская школа первой ступени и школа-коммуна (детский дом) «Койт». При школе были организованы эстонский клуб и библиотека с книгами на родном языке. Для материальной поддержки детского дома выделена земля, организованы столярная, палитурная, швейная, кузнечная мастерские. 13 марта 1924 г. в помещении Эстонского сельскохозяйственного товарищества в Симферополе состоялось Всекрымское совещание по вопросам образования эстонского населения. По итогам работы совещания Коллегия Наркомпроса Крымской АССР приняла постановление об изменении количества эстонских школ: поскольку эстонцы проживали компактно только на севере Крыма, то из пяти школ первой ступени и школы-коммуны «Койт» продолжили работу только три школы⁴.

Немногочисленной этнической группой являлись также итальянцы. В Керчи проживала наибольшая в РСФСР колония итальянцев, включавшая около 300 семей. По их просьбе в пригороде Керчи была открыта итальянская школа первой ступени.

¹ ГАРК. Ф. Р-3415. Оп. 1. Д. 215. Л. 13.

² Отчеты КрымЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений КрССР III Всекрымскому Съезду Советов. Симферополь, 1923. С. 69.

³ ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 4. Д. 455. Л. 79.

⁴ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 358. Л. 49.

⁵ Там же. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 25. Л. 57.

⁶ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 813. Л. 12.

⁷ Народное образование в РСФСР к 1924/25 учебному году. М., 1925. С. 57.

¹ Педагогическая жизнь Крыма. Симферополь, 1925. № 5. С. 18.

² Вологдин Б. Народное образование и условия осуществления всеобщего обучения в Крыму. Симферополь, 1925. С. 26.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 200. Л. 64.

⁴ Красный Крым. 1924. 23 июня.

В Крымской АССР, по приблизительным подсчетам статистических органов, проживали около 25–30 тыс. цыган. Для обучения цыганских детей была создана начальная цыганская школа в месте их компактного проживания в Симферополе — так называемой Цыганской слободе¹. Особенностью цыганского населения был низкий уровень грамотности, поэтому развитие как школьного образования, так и просветительской работы со взрослыми являлось чрезвычайно актуальным.

По данным переписи 1921 г., греческое население Крыма составляло свыше 24 тыс. человек (среди национальных меньшинств греки занимали третье место по численности). Греки Крымской АССР состояли из двух групп: собственно крымские греки и беженцы-переселенцы из Трапезундского вилайета Анатолии, бежавшие в Крым после 1918 г. Одной из специфических особенностей местных греков было использование различных языков. Крымские греки использовали русский или крымско-татарский языки, а переселенцы из Турции — анатолийский диалект греческого языка. Это создавало дополнительные трудности в работе школ, культурно-просветительских учреждений, органов власти и управления. В 1923 г. на полуострове функционировали семь греческих школ первой ступени: в Ялте, Керчи, Севастополе, Симферополе, Старом Крыму, Феодосии, Симферопольском районе. Позже были восстановлены греческие школы в Алуште и Карасубазаре. Всего в 1923/1924 учебном году насчитывалось 10 греческих школ, в которых обучались 750 учеников. В 1926 г. работали уже 24 греческие школы первой ступени с 1,3 тыс. учащихся, что составляло почти половину детей школьного возраста.

В школах не хватало квалифицированных учителей, которые хорошо владели греческим языком. Для обсуждения языковой проблемы греческого населения в январе 1927 г. в Симферополе было созвано Всекрымское совещание по вопросу о реформе греческого языка и орфографии, на котором принято решение о присоединении к постановлению Всесоюзного греческого культурного совещания о замене классического литературного языка «кафареуса» на более распространенную «демотику», а также старой исторической орфографии — на орфографию фонетическую.

Высокий уровень грамотности был характерен для еврейского населения Крымской АССР. Этому способствовало то, что до 1925 г., т. е. до начала плановой аграрной колонизации, евреи были практически исключительно жителями городов. Важными обстоятельствами являлись еврейская религиозная традиция и обязательность обучения. Особенностью еврейского образования в Крыму было использование не идиша, а русского языка. Поэтому национальных школ, где обучение велось на идише, на полуострове функционировало очень мало. Еврейская молодежь обучалась в основном в русских городских школах. В апреле 1926 г. в Крыму существовали всего четыре еврейские школы, где преподавали на идише. В них 15 преподавателей обучали 450 учеников. Весьма значительной была численность евреев в школах второй ступени. В школах-девятилетках получали знания 2524 человека, что составляло 24% от общей численности учеников. В школах-семилетках обучался 651 ученик-еврей (12%). Этот показатель весьма высок, если

учесть, что в данный период в среднем в Крыму обучение проходили примерно 57% детей школьного возраста. Несмотря на тенденцию использования русского языка в еврейских школах, Наркомпрос Крымской АССР стремился увеличить до 10 количество еврейских школ, с тем чтобы в них обучались до 50% детей школьного возраста.

Национальный характер был присущ школам в еврейских аграрных колониях. Значительные средства на разворачивание там сети культурно-просветительских учреждений затратило Общество по землеустройству евреев¹. В 1926 г. открылись две еврейские школы первой ступени в селе Агдас Биюк-Онларского района и селе Основа Шунукского сельсовета, в 1927 г. — еще четыре школы². Однако национальный характер еврейских школ был неотделим от религиозности. Еврейская секция Крымского обкома РКП(б) отмечала, что «существующие школы являют собой тип советизированных хедеров»³. Чаще всего преподавателями в этих школах были меламеды. Партийное руководство не одобряло инициативы в вопросах «культурного строительства» со стороны еврейской общественности. Так, на заседании бюро Еврейской секции Крымского обкома РКП(б) 11 октября 1927 г. было принято решение отказаться в создании «Гезкульты» — Общества содействия еврейской культуре⁴. Важное место в работе Еврейской секции занимала борьба с клерикализмом в еврейской среде и национальными молодежными организациями в школах⁵.

До Всесоюзной переписи населения, состоявшейся в декабре 1926 г., в одной графе с евреями учитывались и крымчаки, пользовавшиеся диалектом крымско-татарского языка. По переписи 1926 г., крымчаков насчитывалось порядка 8 тыс. человек. В Симферополе и Карасубазаре, основных местах компактного проживания крымчаков, работали две школы первой ступени. В Феодосии существовала смешанная еврейско-крымчакская школа. В этих трех школах обучались около 400 учеников. Крымсовнацмен планировал увеличить число крымчакских школ до пяти-шести с 600 учениками⁶.

Одной из наибольших по численности национальных групп Крымской АССР являлись немцы. В 1921 г. в немецких сельскохозяйственных колониях проживали 42 350 человек, что составляло 5,88% от общего количества жителей полуострова. В этих колониях сформировалась целостная образовательная система, в основу которой легло материальное благополучие колонистов. Важным фактором, который обусловил практически полную грамотность немецкого населения, стало требование протестантизма к членам религиозной общины уметь самостоятельно прочитать текст Священного Писания. На 1 января 1922 г. в Крыму насчитывалось 275 немецких школ первой ступени и пять школ второй ступени. В них обучались

¹ ЦГАООУ. Ф. 1. Оп. 20. Д. 748. Л. 69.

² Красный Крым. 1927. 7 июня.

³ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 701. Л. 32.

⁴ Там же. Л. 41.

⁵ ЦГАВО Украины. Ф. 166. Оп. 2. Д. 624. Л. 8.

⁶ ГАРК. Ф. П-121. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.

¹ Красный Крым. 1928. 7 октября.

4 тыс. детей в возрасте от трех до семи лет и 7 тыс. школьников от восьми до 15 лет¹. Летом 1921 г. были проведены две немецкие учительские конференции, в работе которых приняли участие практически все учителя². По итогам конференций власть делала неутешительный вывод: «Состояние народного образования среди немцев в Крыму неудовлетворительно. В ряде школ преподают Закон Божий, значительная часть учителей выполняет обязанности кюстера»³.

В результате голода, экономической разрухи, реквизиций продовольствия, проведенных у немецких колонистов, школьная сеть значительно уменьшилась. Несмотря на это, немецкое население лучше, чем представители других национальностей, было охвачено обучением в школах. В 1924/1925 учебном году насчитывалось 139 немецких школ первой ступени, в 1925/1926 — 131, в 1926–1927 — 144⁴. Из 144 школ первой ступени 141 работала в сельской местности. Характерными чертами немецких школ являлись проведение всех занятий на родном языке, а также наличие школ второй ступени, готовивших детей к обучению в техникумах и вузах. В 1920-х гг. в Крымской АССР действовали пять немецких школ второй ступени, находившиеся в колониях Спат, Карасан, Окречь, Цюрихталь, Нейзац.

Вопросы развития образования были внесены в повестку дня работы II Всекрымской немецкой беспартийной конференции, которая проходила в Симферополе 16–29 мая 1927 г. В резолюции, принятой участниками конференции, ставились задачи увеличения количества начальных школ, создания немецких школ крестьянской молодежи, преобразования Окречьской школы в Немецкий педагогический техникум⁵.

В Крымской АССР также проживали представители славянских народов: чехи, поляки, болгары, украинцы. В марте 1927 г. состоялся съезд Общества крымских чехов, насчитывавшего более 200 человек. Общество обладало своей библиотекой книг на чешском языке. В 1923 г. в Крыму начали функционировать две польские школы — в Симферополе и Севастополе. При севастопольской польской школе действовало Польское культурно-просветительское общество.

В 1925 г. начали работать школы, занимавшиеся обучением болгарского населения Крыма, которого к середине 1920-х гг. на полуострове насчитывалось порядка 12 тыс. человек (четвертое место после немцев, евреев и греков). Значительная часть болгар ассимилировалась и не владела родным языком, а те, кто сохранил разговорный болгарский язык, не владели литературным, поскольку за много лет жизни в Крыму выработали свой крымско-болгарский диалект. Указанные факторы обусловили сложность ведения культурно-просветительской работы для Наркомпроса Крымской АССР. Тем не менее в 1925 г. Народный комиссариат просвещения открыл 14 болгарских школ первой ступени, в которых обучались 950 учеников.

Но из 27 учителей, работавших в этих школах, только семь владели родным языком. Фактически учебный процесс осуществлялся на русском языке. В резолюции о культурно-просветительской деятельности, принятой I Всекрымской болгарской конференцией, устанавливалось: «Языком преподавания в болгарских школах ввести новый болгарский литературный язык, полностью доступный для болгар Крыма, независимо от их наречия»¹.

В 1923/1924 учебном году в Севастополе работала единственная в Крыму украинская школа, которая носила имя Т. Г. Шевченко. В пяти группах школы обучались 223 ученика, с которыми работали семь преподавателей². После проведения в декабре 1926 г. Всесоюзной переписи населения был поставлен вопрос о развитии образования среди украинцев Крыма.

По данным Орготдела ЦИК Крымской АССР, в середине 1927 г. насчитывалось пять сельских советов с числом домохозяйств украинцев свыше 75% и 11 сельсоветов, где украинское население составляло более половины жителей. Предусматривалось преобразовать их в украинские сельсоветы³. В июле 1927 г. в Симферополе состоялись общегородские сборы родителей учеников-украинцев. Собрание признало необходимым организовать с 1927/1928 учебного года украинскую школу первой ступени в Симферополе, с тем чтобы в последующем она была развернута в школу-семилетку. Под нее отвели часть помещения бывшей мужской гимназии. Там же разместился и украинский клуб. В этой школе в первый год обучения преподавание велось только на родном языке. Со второго года как отдельный предмет вводилось украиноведение⁴. Созданные две школы охватывали только 3% учащихся с преподаванием на украинском языке⁵. В 1928/1929 учебном году началась работа по переводу целого ряда школ на украинский язык обучения в Симферопольском, Джанкойском, Керченском и Евпаторийском районах⁶.

Проблему развития украинского образования обсуждали 23 февраля 1930 г. на заседании Комиссии по делам национальных меньшинств при Президиуме ЦИК Крымской АССР. По итогам рассмотрения этого вопроса было принято решение создать комиссию, задачей которой являлась разработка практических предложений для представления их в Президиум ЦИК⁷. В отчете Народного комиссариата просвещения Крымской АССР за 1930 г. указывалось: «Что касается украинского населения, которое составляет 11% всего населения Крыма, почти полное отсутствие школ на родном языке объясняется тем, что вопрос о культурном обслуживании украинских масс, вопрос об украинизации встал перед Наркомпросом впервые в 1929 г., и уже намечен план перехода на родной язык десятков школ, которые обслуживают украинское на-

¹ ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 1. Д. 47. Л. 283.

² Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 199. Л. 2.

³ Там же. Д. 292. Л. 1.

⁴ Там же. Ф. Р-20. Оп. 3. Д. 47. Л. 28.

⁵ Там же. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 700. Л. 30.

¹ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 702. Л. 8–12.

² Красный Крым. 1923. 20 ноября.

³ Красный Крым. 1927. 13 августа.

⁴ Красный Крым. 1927. 21 июля; 1 сентября.

⁵ Красный Крым. 1928. 24 мая.

⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1033. Л. 76.

⁷ Там же. Л. 6.

селение»¹. Пик активности по созданию украинских школ пришелся на 1927–1930 гг. До 1930 г. было создано 12 украинских школ первой ступени. Но эти школы являлись не национальными, а школами с преподаванием украинского языка.

В 1930-х гг. в работе учреждений образования Крымской АССР можно выделить следующие направления. В 1930 г. ЦК ВКП(б) принял постановление о введении обязательного начального образования. Существенно увеличилось количество не только начальных школ, но и школ второй ступени. Так, если в 1930/1931 учебном году работало 18 крымско-татарских школ второй ступени, то в 1931/1932 учебном году — уже 26 школ². Для руководства введением общего начального образования был создан специальный орган — Крымский комитет по вопросам всеобщего начального обучения³.

В 1932 г. в Крымской АССР было введено обязательное семилетнее обучение. В это время в республике работали 111 школ второй ступени, в которых обучались 13 950 учеников. По национальному критерию эти школы подразделялись следующим образом: русских и смешанных — 64 школы с 6220 учениками, крымско-татарских — 25 школ с 3860 учениками, немецких — восемь школ с 1180 учениками, еврейских — пять школ с 575 учениками, украинских — три школы с 680 учениками, армянских — две школы с 435 учениками, греческих — две школы с 440 учениками, одна болгарская школа с 350 учениками и одна крымчакская школа с 210 учениками⁴.

В 1930-х гг. наблюдалось заметное увеличение общего количества школ. Так, в марте 1933 г. в Крыму работала 1201 школа, где обучались 116 097 учащихся. Из общего числа школ 350 были крымско-татарскими, 37 из них находились в городах и 313 — в сельской местности⁵. Во второй половине 1930-х гг. действовали 20 еврейских школ, 12 армянских и две украинские⁶. В 1938 г. в Крымской АССР функционировали 1223 школы, из них 387 были крымско-татарскими и 803 — русскими⁷.

К 1923 г. в Крымской АССР сформировалась система профессионального образования, включавшая шесть направлений подготовки специалистов: индустриально-техническое, сельскохозяйственное, медицинское, экономическое, промышленное и педагогическое. Обучение по каждому направлению проходило в профессиональных трехлетних школах, профшколах, готовивших мастеров-техников, и техникумах. Последние стали основным источником кадров средней квалификации для промышленных предприятий в процессе индустриализации. В 1923/1924 учебном году в Крымской АССР насчитывалось восемь техникумов: два педагогических, один сельскохозяйственный, три промышленно-экономических, один медицинский

и один фельдшерско-акушерский¹. В 1926/1927 учебном году функционировало уже 31 профессиональное учебное заведение².

В апреле 1932 г. Совнарком Крыма принял постановление о том, чтобы при комплектовании состава учащихся фабрично-заводских школ «установить норму вовлечения коренного населения татар к общему количеству учащихся не менее 45%. Организовать широкую вербовку в специальные вузы татарской молодежи, поставив на должную высоту довузовскую подготовку»³.

§ 7. Наука и культура (1920–1930-е гг.)

Д. А. Прохоров, Э. И. Сейдалиев

Несмотря на потрясения революционной эпохи, в 1920–1930-е гг. в Крыму сохранились многие научные учреждения, которые, пережив зачастую болезненные трансформации, продолжали играть важную роль в культурной жизни полуострова. Прежде всего это относится к Таврическому университету, основанному в 1918 г. После окончательного установления советской власти в Крыму было проведено преобразование этого вуза с целью очистки его от «неблагонадежных» преподавателей и студентов. В январе 1921 г., согласно приказу Чрезвычайной комиссии по реорганизации университета, ректору В. И. Вернадскому предлагалось остаться на своей должности, но его деятельность должны были «подвергнуть соответствующему контролю со стороны комиссара высших учебных заведений Крыма». Слушатели ликвидированных факультетов Таврического университета и профессора поступали в распоряжение Крымнаробраза (отдел Крымревкома, ведавший образованием); «в порядке трудовой мобилизации» им необходимо было приступить к культурно-просветительской работе⁴.

На базе университета созданы три высших учебных заведения: педагогический (открыт в 1925 г.), медицинский (открыт 1 апреля 1931 г.) и сельскохозяйственный (открыт в 1922 г.) институты. Сам вуз переименовали первоначально в Крымский университет им. М. В. Фрунзе (в январе 1921 г. его ректором избран профессор А. А. Байков, а в 1924 г. — С. С. Салазкин), а затем в 1925 г. — в Крымский государственный педагогический институт им. М. В. Фрунзе. Как сообщала газета «Красный Крым», число учащихся в четырех высших учебных заведениях Симферополя и в Педагогическом институте в Феодосии в ноябре 1939 г. составляло 2890 человек⁵.

¹ ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 6. Д. 42. Л. 22.

² Там же. Ф. Р-663. Оп. 4. Д. 719. Л. 8.

³ Там же. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 8789. Л. 240.

⁴ Сборник материалов к отчету ОК ВКП(б) на XVI областной партконференции. Симферополь, 1933. С. 60.

⁵ Статистический бюллетень УНХУ Крымской АССР. Симферополь, 1933. № 1. С. 50–51.

⁶ ГАРК. Ф. Р-219. Оп. 1. Д. 1795. Л. 84.

⁷ Там же. Ф. Р-20. Оп. 8. Д. 2. Л. 1.

¹ Отчеты КрымЦИКа, Совнаркома, Наркоматов и Госучреждений КрССР... С. 156.

² ГАРК. Ф. Р-137. Оп. 1. Д. 276. Л. 112 об.

³ *Полетаев Д.* Состояние коренизации и подготовки национальных кадров в Крыму // Экономика и культура Крыма. Симферополь, 1932. № 1–4. С. 111.

⁴ ГАРК. Ф. Р-1024. Оп. 1. Д. 10. Л. 205.

⁵ Симферополю 200 лет. 1784–1984: сборник документов и материалов. Киев, 1984. С. 156.

Среди выпускников пединститута в предвоенные годы были будущие академики: геолог Д. И. Щербаков, физик, создатель советского атомного оружия И. В. Курчатов, биофизик Г. М. Франк, ставший впоследствии нобелевским лауреатом физик И. М. Франк¹. Лекции в вузе читали видные ученые и специалисты, профессора: математик Н. В. Оглоблин, химик П. А. Данильченко, геологи П. А. Двойченко и Г. А. Максимович, биологи В. В. Лункевич и И. И. Пузанов, филологи П. С. Попов, Е. В. Петухов, А. Н. Деревицкий и В. И. Филоненко, теоретик педагогики Н. К. Бауман и др.

Помимо становления высшего образования и вузовской науки, пристальное внимание уделялось и развитию научно-исследовательских учреждений различного уровня и специализации. Так, в Симферополе работали Крымский научно-исследовательский институт, Крымское общество естествоиспытателей, Естественно-исторический отдел Центрального музея Тавриды. В Севастополе действовала биологическая станция, в Керчи — ихтиологическая лаборатория; функционировала Карадагская научная станция. На Южном берегу Крыма существовала сеть из 15 научно-исследовательских учреждений и лечебных институтов: отделение Государственной астрономической обсерватории, Крымский государственный заповедник, четыре гидрометеорологические станции 1-го разряда, Институт физических методов лечения, Государственный институт курортологии и климатотерапии, филиал Института табачной и махорочной промышленности и др.² На 1 января 1940 г. в Крымской АССР насчитывалось 33 научно-исследовательских учреждения, в которых трудились 474 сотрудника.

Наиболее заметными научными учреждениями являлись Никитский ботанический сад (Ялта), Государственный научно-исследовательский институт физических методов лечения им. И. М. Сеченова (Севастополь) и Государственный институт медицинской климатологии и климатотерапии (Ялта).

Первым советским директором Никитского ботанического сада в 1922–1927 гг. стал Ф. К. Калайда, до этого более 30 лет служивший его главным садовником. Директор, его заместитель А. И. Паламарчук и плодовод Э. А. Альбрехт фактически спасли ценные коллекции сада в годы послевоенной разрухи и голода.

В 1930-х гг. Никитский ботанический сад начал успешно развиваться: увеличились площади, создавались новые отделы (генетики и селекции, энтомологии и фитопатологии, агрохимии и физиологии растений). В 1931 г., в условиях реорганизации научно-опытного дела в СССР, Никитский ботанический сад в качестве Южнобережного отделения вошел в состав Всесоюзного института растениеводства. В то же время была начата передача ряда коллекций сада в специализированные зональные опытные станции, ставшие впоследствии самостоятельными научно-исследовательскими учреждениями (Всесоюзный научно-исследовательский институт эфиромасличных культур, Институт табака и махорки, опытная станция

лекарственных ароматических растений, Институт виноделия и виноградарства «Магарач»). Было организовано Симферопольское отделение сада как база для продвижения изучаемых культур на север.

В 1934 г. началась реконструкция Никитского ботанического сада, которая осуществлялась под руководством его директора В. Д. Абаева (с 1934 по 1937 г.). К 1940 г. в Никитском ботаническом саду было собрано около 2 тыс. сортов персиков, абрикосов, вишен, слив, алычи, миндаля, яблонь и других плодовых, а в питомниках выращивались саженцы для хозяйств Крыма и юга страны, более 300 тыс. штук посадочного материала было передано в производство¹.

Государственный научно-исследовательский институт физических методов лечения им. И. М. Сеченова в Севастополе стал первым лечебным и научно-исследовательским учреждением, где восстановление здоровья производилось при помощи физических методов лечения. Институт был создан по инициативе основоположника отечественной физиотерапии профессора А. Е. Щербака, а также И. М. Сеченова, С. П. Боткина, В. Н. Дмитриева и открыт по распоряжению императора Николая II 12 мая 1914 г. Именно профессор С. П. Боткин доказал лечебные свойства климата Южного берега Крыма для лечения туберкулеза легких, сердечно-сосудистых заболеваний. Первоначально это учреждение именовалось Романовским институтом физических методов лечения; в 1921 г. его преобразовали в Государственный клинический институт физических методов лечения им. И. М. Сеченова.

Директором института был назначен А. Е. Щербак, под руководством которого такие специалисты, как Е. А. Нильсен, Г. М. Славский, Б. В. Лихтерман, Э. Д. Тыкочинская, Ф. Л. Супоницкая, И. Я. Брук, М. А. Бородин, В. М. Линченко, М. М. Орлов, В. А. Глинка, А. Я. Фирзон, А. И. Соркин, Д. Н. Вершинин, проводили экспериментально-клинические исследования по изучению вегетативных рефлексов, механизма физиологического действия отдельных компонентов на организм человека и обосновывали необходимость их терапевтического применения².

1 января 1922 г. в Ялте открылся Клинический туберкулезный институт, расположившийся на территории бывшей Ялтинской санатории для недостаточных чахоточных больных в память императора Александра III. Ученые, работавшие в этом институте, занимались исследованием особенностей лечения туберкулеза в условиях Южного берега Крыма и разрабатывали методы его климатотерапии, изуча-

¹ Крюкова И. В. Никитский ботанический сад: история и судьбы: к 200-летию юбилею. Симферополь, 2014. С. 164, 165.

² Государственный клинический институт физических методов лечения имени проф. И. М. Сеченова: Описание инст[иту]та, его оборудование и организация с прилож[ением] списка показаний и противопоказаний к лечению в инст[иту]те, условий санаторного, клинич[еского] и амбулаторного лечения и статьи д-ра мед. Е. Э. Иванова о физиотерапевтич[еских] средствах Севастополя и его района: С 9 фотограф[ическими] снимками и карт[ами] окрестностей Севастополя / под ред. и с предисл. директора инст[иту]та проф. А. Е. Щербака. Севастополь, 1928; План краткосрочных курсов по физико-терапии для врачей и среднего медицинского персонала в 1925–26 г. Севастополь, [1926]. С. 1–7.

¹ На пороге столетия: от Таврического университета — до Крымского федерального: история в документах и фотографиях. Симферополь, 2014. С. 44.

² Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма... С. 453.

ли механизмы действия климатических факторов, готовили медицинские кадры для противотуберкулезных санаториев Крыма.

Первым директором Клинического туберкулезного института являлся Н. А. Зевакин, затем эту должность занял Л. А. Гибш. Научную и лечебную работу в стенах института вели признанные специалисты своего дела: профессора Я. А. Керцман, А. С. Фурман, Г. И. Блох, М. М. Бременер, Н. Д. Королев, Л. С. Киш, М. М. Дитерихс, кандидаты медицинских наук А. В. Овсянников, Д. П. Мухин, Е. Д. Петров и др. В 1924 г. институту присвоили статус Государственного туберкулезного института при Главном курортном управлении Наркомата здравоохранения РСФСР. В это время здесь было создано биоклиматическое отделение, в котором сотрудники вели исследования геофизических, гелиофизических, аэрохимических факторов Южного берега Крыма и их влияния на организм человека.

В 1928 г. на базе Ялтинской курортной поликлиники им. Н. А. Семашко, размещавшейся в здании бывшей виллы «Елена», был открыт Ялтинский климато-физиатрический лечебный институт им. Н. А. Семашко. По своему профилю работы он являлся научно-исследовательским и научно-практическим учреждением, а его сотрудники занимались изучением климато-физиатрических факторов и их применения с лечебной целью, а также повышением квалификации медицинского персонала в клинических условиях. В институте имелось 460 коек для больных, из которых 305 являлись стационарными.

В 1931 г. произошло слияние туберкулезного и климато-физиатрического институтов в Государственный институт медицинской климатологии и климатотерапии (ГИМКК), задачей которого стала разработка методов климатотерапии туберкулеза и нервно-соматических заболеваний. ГИМКК являлся руководящим центром местных институтов на Южном берегу Крыма в области медицинской климатологии и лечебно-профилактического дела, одновременно принимал до 300 больных, причем 225 стационарно¹. В 1940 г. в рамках реализации государственной программы СССР по ликвидации туберкулеза как массового заболевания ГИМКК был реорганизован в Институт климатотерапии туберкулеза².

В 1928 г. по инициативе ВЦСПС в Феодосии также был создан Институт физических методов лечения (Инфизмет), занимавшийся научными разработками и внедрявший в практику курортного лечения местные минеральные воды и грязи. При институте была открыта грязелечебница, созданы бетонированные гряземестилы для хранения лечебной грязи из озера Аджиголь; применялся опыт лечения кожных болезней концентрированными солнечными лучами. В 1928 г. институт имел 30 коек и работал только четыре месяца в году. Однако уже с 1932 г. он действовал круглогодично, принимая одновременно до 750 больных. Разработанные методики грязелечения показали высокоэффективные клинические результаты.

Феодосийский Институт физических методов лечения наравне с другими профильными учреждениями Крыма вел большую научную работу по вопросам лечебных ресурсов и курортологии¹.

Агрономический факультет Таврического университета с 1918 г. успешно занимался подготовкой сельскохозяйственных кадров, а в 1922 г. на его базе был создан Крымский институт сельскохозяйственных отраслей. В состав нового института были включены: Государственный Никитский ботанический сад, Салгирская научно-опытная помологическая станция, а также Ливадийские оранжереи и теплицы, лесные участки на Ай-Петри². На следующий год институт переименовали в Институт специальных культур, а в 1925 г. он вошел в состав Кубанского сельскохозяйственного института. Осенью 1931 г. в Симферополе состоялось открытие Института специальных культур им. М. И. Калинина. В приветственном письме ЦИК Крымской АССР по поводу этого события, в частности, говорилось: «Центральный Исполнительный Комитет Крымской АССР, приветствуя открываемый сегодня Крымский государственный институт специальных культур им. М. И. Калинина, отмечает важнейшее историческое и общественно-политическое значение этого события. Открытие института специальных культур особенно ярко отражает то колоссальное значение, которое придается Советской властью и партией делу всемерного улучшения и развития спецкультурного хозяйства»³. В 1935 г. институт вновь переименовали — в Крымский сельскохозяйственный институт им. М. И. Калинина.

Таврическая ученая архивная комиссия (ТУАК) в 1923 г. преобразована в Таврическое общество истории, археологии и этнографии (ТОИАЭ) и продолжала издавать свой печатный орган — «Известия ТОИАЭ». В работе Общества принимали участие его бессменный с дореволюционных времен председатель А. И. Маркевич, Н. Л. Эрнст, В. И. Филоненко, Л. В. Жирицкий, П. И. Голландский, К. Э. Гриневич, Ю. Ю. Марти, Н. Ю. Репников, Г. А. Бонч-Осмоловский, А. С. Башкиров, И. Н. Бороздин, О. Акчокраклы, У. Боданинский и многие другие исследователи Крыма. Согласно отчетам общества и «Известиям ТОИАЭ», его члены в 1920–1930-х гг. изучали историю и археологию Крыма (А. И. Маркевич, С. И. Забнин, Ю. Ю. Марти, А. И. Полканов, Н. Л. Эрнст, С. Н. Бибиков, У. Боданинский), этнографию крымских татар и других народов Крыма, а также посвящали свои работы вопросам крымской ориенталистики (В. И. Филоненко, У. Боданинский, А. А. Соколов, О. Акчокраклы).

Активные и крепкие связи ТОИАЭ поддерживало с центральными научными учреждениями (Академией наук СССР, Академией истории материальной культуры, Главнаукой РСФСР, Центральным бюро краеведения, Всесоюзной научной ассоциацией востоковедения при ЦИК СССР), а также с местными краеведческими, музейными и общественными организациями (Центральным музеем Крымской АССР, Бахчисарайским, Херсонесским, Евпаторийским и Керченским

¹ Социалистическая реконструкция Южного берега Крыма... С. 157–158, 489–490.

² Климатотерапия на Ю. Б. К.: Сборник посвящается 35-летию науч[ной] и педагог[ической] деятельности и 10-летию науч[ного] руководства на Ю. Б. К. проф. П. Г. Мезерничского / отв. ред. А. И. Агапов. Ялта, 1936.

¹ Костылев Г. Д. По Крыму: Краткие сведения для приезжающих. Симферополь, 1938. С. 23.

² ГАРК. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 363. Л. 77.

³ Там же. Ф. Р-663. Оп. 3. Д. 214. Л. 2.

музеями, Обществом по изучению Крыма, Крымским педагогическим институтом и др.). Благодаря деятельности общества пополнялись фонды крымских музеев и Крымцентрархива¹. Члены общества А. И. Маркевич и О. Акчокраклы, а также директор Ялтинского восточного музея Я. Кемаль были связаны «общей работой и дружбой» с известным исследователем истории, культуры, филологии крымских татар А. Н. Самойловичем². Работы А. Н. Самойловича и других столичных академиков-востоковедов (В. В. Бартольда, И. Ю. Крачковского, Н. Я. Марра) публиковались в «Известиях ТОИАЭ»³.

1920-е гг. для Крыма были ознаменованы активными археологическими исследованиями. Как отмечал Н. Л. Эрнст, значительная часть раскопок в этот период проведена крымскими музеями, которые занимались не только просветительской работой, но и научными изысканиями⁴. Памятники каменного и бронзового веков исследовали Н. Л. Эрнст, Г. А. Бонч-Осмоловский, С. И. Забнин. Раскопками античных памятников на Керченском и Гераклеяском полуостровах, а также в Херсонесе руководили Ю. Ю. Марти, И. Н. Бороздин, А. С. Башкиров, К. Э. Гриневиц. В раскопках древней скифской столицы Крыма — Неаполя участвовал Н. Л. Эрнст⁵.

Памятники крымско-татарской истории изучались сотрудниками Бахчисарайского дворца-музея и Всесоюзной ассоциации востоковедения. В период осуществления национальной политики «коренизации» в Крымской АССР в 1920-е гг. значительно активизировались археологические и этнографические исследования, связанные с коренным населением Крыма. В этом направлении работали первый директор Бахчисарайского дворца-музея, историк, археолог, художник У. Боданинский и сотрудник музея, историк, этнограф, палеограф, тюрколог О. Акчокраклы. В 1924 г. А. С. Башкиров совместно с У. Боданинским проводил исследования на кладбище золотоордынского времени Кырк-Азизлер в Эски-Юрте (предместье Бахчисарая). В следующем году к ним присоединились И. Н. Бороздин, П. И. Голландский и О. Акчокраклы. Ученые совместно провели масштабные разведки и раскопки древностей золотоордынского центра Крыма и первой столицы Крымского ханства городища Солхат-Крым (Старый Крым). Были исследованы древние памятники города, в числе которых комплекс медресе-мечети Узбека. Впоследствии работы

¹ Маркевич А. И., Эрнст Н. Л. Отчет о деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии за 1926 г. // ИТОИАЭ. 1928. Т. II (59). С. 188–189; *Они же*. Отчет о деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии за 1927 г. // Там же. С. 189–192.

² *Непомнящий А. А.* Крым в научном наследии академика А. Н. Самойловича // Самойлович А. Н. Избранные труды о Крыме: сборник. Симферополь, 2000. С. 15.

³ *Урсу Д. П.* Очерки истории культуры крымско-татарского народа. С. 36.

⁴ Эрнст Н. Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930 гг.) // ИТОИАЭ. 1931. Т. 4. С. 72–92.

⁵ Там же; *Непомнящий А. А.* Крым в научном наследии академика А. Н. Самойловича; *Винокуров Н. И.* Профессор А. С. Башкиров — археолог, историк, преподаватель (штрихи биографии) // XVII Боспорские чтения. Боспор Киммерийский и варварский мир в период античности и средневековья. Исследователи и исследования. Керчь, 2016. С. 92–118.

были продолжены и расширены за чертой города. В 1927 и 1929 гг. У. Боданинский, Б. Н. Засыпкин и О. Акчокраклы проводили исследования на городище Чуфут-Кале.

Эти исследования дали богатейший археологический материал, который пополнил коллекции крымских музеев. К сожалению, в фондовых коллекциях сохранилась незначительная часть этих находок, судьба же остальных предметов древности неизвестна¹. Результатом работ экспедиций стали также многочисленные публикации в «Известиях ТОИАЭ», журналах «Новый Восток», «Крым» и др.²

Под руководством У. Боданинского действовала этнографическая группа Научной экспедиции по изучению татарской культуры, в состав которой входили: О. Акчокраклы, композитор А. Рефатов, художник А. Р. Челебиев, практикант-фотограф А. Х. Кадыэскеров, практикант, специалист по литературе и эпиграфике С. Абдуль-Рагим. Исследователи объехали весь Крым, за исключением Керченского полуострова и Южного берега, и собрали ценный материал, впоследствии использованный У. Боданинским в его публикациях по истории, культуре и этнографии крымских татар. Коллекции Бахчисарайского музея пополнялись уникальными предметами, добытыми как в ходе этих экспедиций, так и переданными из других музеев³.

Директор Бахчисарайского дворца-музея У. Боданинский и представитель Главнауки РСФСР архитектор Б. Н. Засыпкин при помощи А. Г. Шейх-заде, архитектора П. И. Голландского, О. Акчокраклы, Э. Я. Бера проводили также экспертизу состояния памятников истории, культуры и архитектуры крымских татар. Результатом их работ стали акты о состоянии объектов и мерах, которые необходимо предпринять для их сохранения. Кроме того, ими были обследованы памятники в Бахчисарае, Карасубазаре (Белогорске) и Старом Крыму.

Важность археологического изучения полуострова и успехи крымских археологов обусловили проведение в Керчи с 5 по 10 сентября 1926 г. Всесоюзной

¹ *Крамаровский М. Г., Сейдалиев Э. И.* Дюрбе Инджи-бек Хатун в Солхате. Вопросы изучения и сохранения // XVII Боспорские чтения... С. 240–243.

² *Акчокраклы О.* Новое из истории Чуфут-Кале // ИТОИАЭ. Т. II (59). С. 158–171; *Он же*. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII–XV вв. // ИТОИАЭ. 1927. Т. I (58). С. 5–17; *Башкиров А. С.* Сельджукизм в древнем татарском искусстве // Крым. 1926. № 2. С. 109–125; *Он же*. Художественные памятники Солхата // Крым. 1927. № 1. С. 122–144; *Боданинский У. А., Засыпкин Б. Н., Акчокраклы О. А.* Чуфут-Кале по материалам раскопок 1928–1929 гг. // ИТОИАЭ. 1929. Т. III (60). С. 170–187; *Боданинский У. А.* Татарские «Дурбе»-мавзолеи в Крыму // ИТОИАЭ. Т. I (58). С. 195–201; *Бороздин И. Н.* Солхат // Новый Восток. 1926. № 13–14. С. 271–301; *Он же*. Новые данные о золотоордынской культуре в Крыму // Новый Восток. 1927. № 16–17. С. 256–274; *Засыпкин Б. Н.* Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С. 113–168. (Более подробный список вышедших статей см.: *Ломакин Д. А.* Мусульманские памятники Старого Крыма XIII–XV вв.: история изучения, современное состояние. Симферополь, 2015. С. 211–213.)

³ *Эминов Р. Р.* История формирования коллекций Государственного дворца и Музея тюрко-татарской культуры в Бахчисарае (1922–1944) // Крымское историческое обозрение. Казань; Бахчисарай, 2016. № 1. С. 200–209.

конференции археологов СССР. В научном форуме приняли участие 135 делегатов из 73 учреждений семи республик Советского Союза. На этом первом после установления советской власти археологическом съезде прозвучали и доклады крымских археологов, в том числе по проблемам памятников крымско-татарской культуры.

В результате была сформирована экспедиция под руководством И. Э. Грабаря, главы Центральных государственных реставрационных мастерских в Москве. После осмотра участниками экспедиции памятников были выделены средства на реставрацию Ханского дворца и Ешил-Джами в Бахчисарае, турецкой крепости Ени-Кале, ремонт мечетей в селах Карагоз и Колеч и других объектов¹.

Успешно развивалось в Крымской АССР и музейное дело. Если в досоветское время с инициативой создания музеев выступали, как правило, представители местной интеллигенции или общественные организации (например, ТУАК), то после установления на Крымском полуострове советской власти музеями занимались государственные органы. В Москве учредили Отдел по делам музеев и охране памятников искусства и старины Народного комиссариата просвещения РСФСР. Претерпев ряд изменений и преобразований, в 1922 г. он был включен в состав Главнауки Наркомпроса РСФСР в качестве Музейного отдела. В Крыму музеями и охраной памятников истории и культуры занимался КрымОХРИС — отдел Крымревкома, а потом Наркомпроса Крымской АССР, главой которого являлся Г. А. Бонч-Осмоловский, а позже А. И. Полканов. В его структуре были созданы подразделения в Бахчисарае, Евпатории, Керчи, Феодосии, Ялте. Первоначальной задачей КрымОХРИСа стали сохранение предметов, составлявших культурно-историческую ценность, и борьба с разграблением музейных коллекций.

На базе археологической коллекции Музея древностей ТУАК был образован Центральный музей Тавриды. Продолжали свою деятельность возникшие в досоветский период Керченский, Феодосийский, Херсонесский музеи и Музей Севастопольской обороны. Новые музеи на Южном берегу Крыма разместили свои экспозиции в бывших усадьбах и дворцах². В 1922 г. в Бахчисарае были объединены Ханский дворец и коллекции созданного ранее Национального музея крымских татар, новое учреждение получило название Бахчисарайский дворец и музей³. В его состав вошли также Дом-музей И. Гаспринского в Бахчисарае, памятники Чуфут-Кале, Эски-Юрт, дворец-музей Юсуповых в Коккозах и др. В 1926 г. музей переименовали в Государственный дворец и музей тюрко-татарской культуры в Бахчисарае. Он вел активную научную, собирательскую и экспозиционную деятельность до момента отстранения от должности директора музея У. Боданинского в 1934 г. В последующие годы в учреждении велась лишь выставочная и просветительская работа, а вторую половину 1930-х гг. исследователи характеризуют как затяжной кризис в истории музея⁴.

¹ Ломакин Д. А. Мусульманские памятники Старого Крыма... С. 115–116.

² Мусаева У. К. Развитие музейного дела в Крымской АССР (1921–1941). Симферополь, 2013. С. 78–80.

³ Эминов Р. Р. История формирования коллекций Государственного дворца... С. 196.

⁴ Мусаева У. К. Развитие музейного дела в Крымской АССР... С. 271, 275.

В бывшем дворце Бухарского эмира в Ялте в 1921 г. был основан Восточный музей, чьи коллекции составили предметы, связанные с ориентальной культурой, по большей части из коллекций южнобережных дворцов. Заведующим музеем был назначен А. Хатинов, позже его сменил И. А. Роджеро, а в 1927–1929 гг. — Я. М. Якуб-Кемаль. В 1930 г. Восточный музей прекратил свое существование, а уволенный ранее его последний директор Я. М. Якуб-Кемаль был репрессирован, как и многие другие представители интеллигенции¹.

В 1920–1930-х гг. Крымский полуостров становится не только объектом курортного строительства, но и одним из культурных центров молодой Советской республики. В 1924 г. с одобрения Наркомпроса РСФСР русский поэт, переводчик, художник-пейзажист, художественный и литературный критик М. А. Волошин превратил свой дом в Коктебеле в бесплатный дом творчества (впоследствии — Дом творчества Литфонда СССР). Дом создавался как «художественная колония для поэтов, ученых и художников». Гостями М. А. Волошина в это время были поэты Андрей Белый (Б. Н. Бугаев), В. Я. Брюсов, Г. А. Шенгели, В. А. Рождественский, писатели Е. И. Замятин, М. А. Булгаков, А. С. Грин, Л. М. Леонов, В. Г. Лидин, К. И. Чуковский. Здесь отдыхали и работали художники К. С. Петров-Водкин, А. П. Остроумова-Лебедева, М. А. Шаронов, К. Е. Костенко и другие представители мира искусства. «Из любой пятерки московских и ленинградских художников кисти и слова один непременно связан с Коктебелем через дом Волошина», — отмечал в 1933 г. поэт А. Белый². По его словам, «деятели культуры, являвшиеся к нему москвичами, ленинградцами, харьковчанами, уезжали патриотами Коктебеля».

Крым вдохновлял многих известных писателей, поэтов и художников: здесь творили С. Н. Сергеев-Ценский, А. М. Горький, В. В. Маяковский, К. Ф. Богаевский.

Русский и советский художник-баталист Н. С. Самокиш жил и работал в Евпатории (до 1920 г.) и Симферополе, где создал собственную художественную студию, ставшую основным региональным центром художественного образования. Постановлением Совнаркома Крыма от 28 июня 1937 г. студия была преобразована в Государственное среднее художественное училище имени заслуженного деятеля искусств академика Н. С. Самокиша. В нем обучались более 120 студентов, действовали вечернее отделение и отделение для одаренных детей³. Сам художник привлекался в качестве консультанта при создании масштабного проекта — панорамы «Штурм Перекопа». Н. С. Самокишем были выполнены работы «Переход Красной Армии через Сиваш», «Штурм Перекопа», «Штурм Перекопского вала» и др. В 1937 г. он получил почетное звание «Заслуженный деятель искусств РСФСР», а в 1940 г. был награжден орденом Трудового Красного Знамени. В 1941 г. за картину «Переход Красной Армии через Сиваш» (1935 г.; ныне она находится в Симферопольском художественном музее) художнику была присуждена Сталинская премия второй сте-

¹ Мусаева У. К. Развитие музейного дела в Крымской АССР... С. 285–286, 292.

² Волошин М. Коктебельские берега. Поэзия, рисунки, акварели, статьи. Симферополь, 1990. С. 13.

³ ГАРК. Ф. Р-652. Оп. 10. Д. 35. Л. 10.

пени¹. В годы немецкой оккупации Крыма Н. С. Самокиш оставался в Симферополе, где умер 18 января 1944 г.

Осенью 1924 г. в Феодосию вместе с женой переехал писатель А. С. Грин (Гриневский). Здесь супруги приобрели квартиру в доме № 10 на Галерейной улице (теперь там находится его мемориальный музей). Именно в Крыму в период с 1925 по 1930 г. писателем были созданы такие романы, как «Золотая цепь», «Бегущая по волнам», «Джесси и Моргиана», «Дорога никуда», «Недотрога» (не закончен). А. С. Грин скончался 8 июля 1932 г., похоронен на городском кладбище г. Старый Крым.

Советский прозаик и драматург К. А. Тренев с 1909 г. проживал в Симферополе, где преподавал русский язык, литературу и педагогику в женской и мужской гимназиях. В Крыму писатель плодотворно работал: создал историческую драму «Пугачевщина», начал работу над пьесой «Любовь Яровая». С 1922 г. он публиковал свои небольшие прозаические произведения: рассказы и отрывки «В пути», «Весна в степи», «Тихий город», «Выборы». Уже будучи известным писателем, в 1921 г. он прослушал курс на агрономическом факультете в Таврическом университете. В 1932 г. К. А. Тренев перебрался в Москву, однако часто возвращался в Крым, работая на даче в Ялте над пьесами «Гимназисты», «На берегу Невы» и другими произведениями.

В 1922 г. на базе существовавших киноателье возникла Ялтинская государственная кинофабрика. В том же году к пятилетию Октябрьской революции на киностудии был создан фильм «Великий Октябрь», за что ее удостоили благодарности Реввоенсовета РСФСР. Известный советский кинорежиссер Я. А. Протазанов снимал в Ялте фильм «Праздник святого Иоргена» (1930 г.). В том же, 1930 г. Ялтинская кинофабрика, входившая в состав Всеукраинского фотокиноуправления, была включена в трест «Востоккино», а с 1936 г. передана студии «Союздетфильм».

Одним из старейших театров полуострова являлся Крымский государственный драматический театр (бывший Дворянский театр, основанный в 1888 г.), который действовал под таким названием в период с 1921 по 1931 г. В период нэпа в здании театра разместилось Общество взаимного кредита советского типа. В 1928 г. столичная пресса сообщала, что «Крымгосдрамтеатр стал одним из лучших провинциальных театров Союза». В сезоне 1925/1926 гг. музыкальной частью театра руководил композитор И. О. Дунаевский. 20 сентября 1932 г. постановлением ЦИК Крымской АССР театру было присвоено имя М. Горького — в ознаменование 40-летнего юбилея литературной и общественной деятельности писателя². На сцене театра в годы социалистического строительства осуществлены постановки как классических произведений (например, «Горе от ума» А. С. Грибоедова, «Разбойники» Ф. Шиллера и др.), так и сочинений современных драматургов («Любовь Яровая» К. А. Тренева, «Шторм», «Штиль», «Луна слева» В. Билль-Белоцерковского,

«Бронепоезд 14-69» В. Иванова, «Темп» Н. Погодина, «Гибель эскадры» А. Е. Корнейчука, «Виринея» Л. Сейфуллиной, «Разлом» Б. Лавренина и другие героико-революционные пьесы). На его подмостках играли ставшие впоследствии известными актеры М. И. Царев, Ф. Г. Раневская, В. В. Кенигсон, М. М. Названов и др.

Крымский государственный татарский драматический театр открылся в Симферополе 15 апреля 1923 г. Среди сотрудников театра можно выделить У. Ипчи, Д. Меинова, А. Тайганскую, Х. Эмир-заде. Популярность театра способствовала развитию театральных трупп и в других крымских городах и селах. Исследователи отмечают особую активизацию работы театра в начале 1930-х гг. Так, в театральном сезоне 1929/1930 гг. было поставлено 19 спектаклей, а в сезоне 1930/1931 гг. — 29. На сцене этого театра играли не только крымско-татарские пьесы, но и русскую и зарубежную классику (в частности, произведения Н. В. Гоголя, А. Н. Островского, Лопе де Вега). Обязательными являлись постановки, связанные с историей Гражданской войны и Октябрьской революции. Впрочем, это не могло защитить сотрудников театра от обвинений в национализме. В 1928 г. был выслан в Узбекистан сотрудник театра, писатель и режиссер Д. Меинов¹. Репрессии 1937–1938 гг. и депортация 1944 г. надолго прервали развитие крымско-татарского сценического искусства.

В 1937 г. постановлением СНК Крымской АССР был создан Крымский государственный татарский театр оперы и балета, а также осуществлена реорганизация Крымского татарского театрального училища с целью обеспечить его кадрами².

К 1 января 1940 г. в Крымской АССР действовало восемь театров: Крымский государственный театр им. А. М. Горького в Симферополе (стационарная площадка и зал на 1072 места, спектакли играли на русском языке); Крымский государственный татарский театр в Симферополе (своя стационарная площадка, число мест — 1068, труппа выступала в спектаклях на крымско-татарском языке); Крымский государственный театр юного зрителя в Симферополе (стационарная площадка, число мест — 881, спектакли на русском языке); Крымский еврейский колхозный театр в Симферополе (передвижной, спектакли на еврейском языке); Севастопольский городской театр им. А. В. Луначарского (стационарная площадка, зал на 881 место, спектакли на русском языке); Феодосийский драматический театр (зал вместимостью 503 места, труппа работала на русском языке), Евпаторийский городской театр им. А. С. Пушкина (располагался в зале, рассчитанном на 901 место, своей труппы не имел, но предоставлял ее гастролирующим коллективам, ставившим спектакли на русском, украинском и крымско-татарском языках); в Севастополе работал

¹ Коллекция произведений Н. С. Самокиша из собрания Симферопольского художественного музея: учебное пособие: альбом. М., 2015. С. 2.

² ГАРК. Ф. Р-663. Оп. 4. Д. 18. Л. 28.

¹ Абибуллаева Д. И. История формирования и развития Симферопольской татарской учительской школы и русско-татарских министерских училищ (1870–1920). Симферополь, 2016. С. 50–51.

² Заатов И. Крымский государственный татарский театр оперы и балета 1937–1938 гг.: опыт создания (по материалам архивов) // Крымское историческое обозрение. 2016. № 1. С. 171–184.

также театр Черноморского флота. Что касается городского театра в Керчи, то он был ликвидирован в 1939 г.¹

В описываемый период наблюдалось и развитие национального киноискусства в Крыму. В 1926 г. был снят один из популярнейших в то время фильмов «Алим». Главные роли в нем исполнили известные крымско-татарские актеры: первый народный артист Крымской АССР Х. Эмир-заде и его жена А. Эмир-заде. Картина, поставленная по пьесе крымско-татарского поэта и драматурга У. Ипчи, демонстрировала в духе эпохи борьбу простого народа за свои права. Главный герой Алим в фильме становится разбойником, который грабит богатых и раздает награбленное бедным. В 1937 г. картина была запрещена к показу, копии ее уничтожены, сохранилось лишь несколько, в том числе и проданные за рубеж. В 1930-е гг. активно обсуждалась возможность создания в Крымской АССР киногорода по образцу Голливуда, рассчитанного на «800 кинокартин в год»².

В 1920-х — начале 1930-х гг. произошел расцвет и музыкального искусства крымских татар. Автором первой крымско-татарской национальной оперы «Чора-Батыр», премьера которой состоялась в 1923 г. на сцене Клуба красноармейцев в Симферополе, являлся композитор А. Рефатов. Ему принадлежат также многие другие музыкальные произведения: «Татарский марш», музыка к спектаклям «Нареддин Ходжа», «Уджум», опера «Арзы кыз» и др. В 1937 г. композитор был репрессирован и умер в 1938 г. в заключении³. Еще один талантливый татарский композитор Я. Шерфединов, окончив в 1931 г. Московскую консерваторию, работал в Крыму музыкальным редактором радиокомитета, заместителем художественного руководителя Крымского государственного татарского театра, а в 1939 г. стал художественным руководителем Государственного ансамбля песни и танца Крымской АССР. Он написал музыку ко многим театральным пьесам («Алим», «Арзы кыз» и т. д.). В 1940 г. Я. Шерфединов получил звание заслуженного деятеля искусств Крымской АССР.

§ 8. Политические репрессии в Крымской АССР в 1930-е гг.

Д. В. Омельчук

На протяжении 1920-х гг. репрессии против нелояльных граждан применялись в Крыму почти непрерывно. После подавления к середине 1920-х гг. вооруженного бандитизма органы ОГПУ раскрыли и обезвредили на территории Крыма несколько антисоветских подпольных организаций, провели ряд иных мероприятий.

Так, в 1924 г. чекисты организовали масштабную чистку населения приграничных районов (особенно Севастополя) от «потенциально опасного элемента», к которому относились жены бывших офицеров, чиновники дореволюционного времени, бывшие помещики, священнослужители и т. д. Их, как правило, высылали во внутренние районы страны.

Со второй половины 1920-х гг. развернулась кампания по лишению избирательных прав. Основанием для лишения избирательных прав могли стать социальное происхождение и статус в дореволюционное время, нэпмановское прошлое (ведение торговой деятельности, наличие собственности, использование наемного труда, сдача жилья в аренду). Вслед за лишением избирательных прав следовали иные репрессивные действия: лишение продовольственных талонов для горожан, выселение из государственного жилья, увольнение со службы, запрет для детей лишенцев учиться в вузах, служить в армии. Всего в Крыму до 1936 г. такому виду репрессий подверглись около 100 тыс. человек⁴. В этом смысле нэп оказался большой социальной ловушкой: те, кто поверил в его возможности, впоследствии за это были наказаны.

Особенно обострилась общественно-политическая обстановка в Крыму с началом массовой коллективизации. Беспощадной ломке подвергался образ жизни крестьянства, составлявшего большую часть населения полуострова. Также недовольство и сопротивление крестьян вызывал административный нажим при создании колхозов. Движение против коллективизации приняло широкий размах и разнообразные формы: агитация против вступления в колхозы, преследование колхозников и членов их семей, письменные обращения к руководству страны, попытки покинуть СССР, поджоги и порча колхозного имущества. Дело доходило до террора против колхозного актива. В Зуе был убит комсомолец П. Вербовский, в деревне Булганак Керченского района — колхозный активист И. Щелкунов, в селе Илларионовка Джанкойского района — селькор Ф. Приходько, в деревне Машаш Карасубазарского района — пионервожатый А. Алексеев и многие другие. Всего в 1929–1930 гг. было совершено 97 терактов, жертвами которых стали не менее 40 человек.

В начале 1930 г. силами ОГПУ были проведены операции по очистке Крыма от противников колхозного строя. С 8 по 13 февраля арестованы более 600 человек — глав крестьянских семейств, из которых 376 человек были приговорены к лишению свободы в основном на срок от трех до пяти лет, несколько человек (наиболее злостные борцы с колхозами) — к высшей мере наказания или 10 годам исправительно-трудовых лагерей, остальные высланы. Однако эти цифры нуждаются в уточнении: названы только главы семейств, а с учетом жен, детей, родителей количество возрастает в четыре-пять раз. Аресты и высылки продолжались и в последующие месяцы. По некоторым данным, только в 1930–1931 гг. этой «мере соци-

¹ Крымская АССР 1921–1945 гг. Вопросы и ответы. С. 143–144.

² Заатов И. Крымский государственный татарский театр оперы и балета... С. 180.

³ Там же. С. 178–179.

⁴ Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 1. Симферополь, 2004. (Науч.-документ. сер. книг «Реабилитированные историей»). С. 19.

альной защиты» подверглись 4325 семей (19,2 тыс. человек). Основными местами их расселения стали Урал (2722 семьи) и Архангельская область (1553 семьи)¹.

Наиболее серьезное сопротивление созданию колхозов оказали крестьяне Южного берега Крыма. Люди, веками привыкшие к индивидуальному труду на своих небольших участках земли в гористой местности, ни психологически, ни экономически не были готовы к обобществлению хозяйства. Центром их сопротивления стала деревня Ускут. В этом и прилегающих селах было собрано до 300 заявлений, адресованных Совнаркому Крымской АССР и ВЦИК РСФСР, с требованием немедленной отмены земельной реформы и коллективизации как противозаконных шагов. Группа активистов готовилась отправить уполномоченных к турецкому послу в Москву с жалобой на притеснение мусульман и изъявлением желания всех ускутских крестьян перейти в турецкое подданство. Параллельно начались переговоры с турками-яличниками о возможности эмиграции в Турцию.

26 января 1930 г. во время проведения нелегального собрания чекисты арестовали собравшихся ускутцев. В ходе перестрелки при задержании двое из них были ранены, один скончался от потери крови. Вооруженное сопротивление давало чекистам основание рассматривать действия крестьян как подготовку восстания. Из 254 человек, проходивших по этому делу, 61 был приговорен к расстрелу, троих обвиняемых освободили, остальные получили различные сроки тюремного заключения².

Сопротивление коллективизации проявилось и в мощном эмиграционном движении. Особенно сильным оно было в среде немцев и греков. Чтобы остановить выезд, принявший массовый характер, крымские власти приняли решение запретить продажу имущества, а органы ОГПУ усилили репрессии против потенциальных эмигрантов.

Жесткими мерами властям удалось сломить сопротивление коллективизации. К концу 1932 г. вне колхозов оставалось всего 15% дворов. Поскольку коллективизация привела к снижению объемов сельскохозяйственного производства, то горожане на себе ощутили ухудшение продовольственного снабжения. На этой почве в ряде городов (Керчь, Феодосия) произошли волнения. Они носили экономический характер, но власти увидели в них и политическую сторону. Так, во время митинга в Феодосии 10 июня 1930 г. участники выкрикивали: «Зачем нам индустриализация через пять лет, если мы сейчас голодные?»³

С целью отвлечь внимание людей от истинных причин нехватки продовольствия власти с помощью чекистов находили «врагов-вредителей», якобы повинных в сложившейся ситуации. Вредители были найдены в Крымконсервтресте, Госплане, Потребкооперации. В Крыму «выявили» ячейки Трудовой крестьянской

партии. Большинство лиц, проходивших по этим делам, были приговорены к лишению свободы на срок от трех до пяти лет или высылке из Крыма. И только по делу Потребкооперации приговоры были более суровыми.

В этот период начинаются репрессии уже против членов колхозов. Если в 1930 г. количество лиц, проходивших по таким делам в Крыму, исчислялось десятками, уже спустя два года — сотнями. Почти всегда бесхозяйственность квалифицировалась как контрреволюционная вредительская деятельность, т. е. как политическое преступление. Удар прежде всего наносился по колхозному активу: председателям, счетоводам, бухгалтерам, бригадирам. Так, в 1933 г. в Евпаторийском районе была раскрыта целая «организация», в рамках расследования деятельности которой проходили 49 человек (в частности, руководители колхоза «Новый путь», председатель Михайловского сельсовета). Наряду с полным развалом работы в колхозе, большими потерями продукции и хищениями, следствие зафиксировало ряд высказываний, которые квалифицировали как антисоветские. Особым совещанием Коллегии ОГПУ СССР обвиняемые были приговорены к различным срокам лишения свободы (преимущественно от одного до трех лет) и высылке из Крыма.

После убийства С. М. Кирова 1 декабря 1934 г. в стране началась новая волна политических преследований, достигшая своего пика в 1937–1938 гг. Введен упрощенный порядок следствия, позволявший внесудебным органам — тройкам выносить смертные приговоры. В ходе «большого террора» происходила «кадровая революция»: в Крыму были репрессированы (в основном расстреляны) большинство партийных, советских, хозяйственных руководителей. Жестокий удар был нанесен по интеллигенции, особенно национальной. Но большинство жертв репрессий — простое население Крыма, часто люди с невысоким уровнем образования, далекие от политики, представители всех национальностей. Особенностью «большого террора» была исключительная суровость приговоров: в 1935–1940 гг. 5041 человек расстрелян и 16 611 человек осуждены к лишению свободы (преимущественно на срок от семи до 10 лет)¹.

Особенностью этой волны политических репрессий было и то, что, в отличие от всех предыдущих, она велась на плановой основе и состояла из ряда отдельных операций. Наиболее известной является «операция по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов», в процессе которой в Крыму планировалось репрессировать 4 тыс. человек, в том числе 1,3 тыс. приговорить к расстрелу. В январе 1938 г. нарком внутренних дел Крымской АССР А. Михельсон направил в Москву телеграмму с просьбой выделить дополнительный лимит на арест 5 тыс. человек, в том числе на расстрел 1,5 тыс. человек². Кроме того, были проведены «национальные» операции: немецкая, польская, латышская и др. Специальной операции по крымским татарам не было, но они массово подвергались репрессиям по обвинению в буржуазном национализме. Особенно

¹ Скорее всего, в это число входят раскулаченные в первой половине 1930 г. 2682 крестьянских хозяйства, уже упоминавшиеся в литературе. Также см.: ГА РФ. Ф. Р-9479. Оп. 1. Д. 89. Л. 205.

² Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 1. С. 22.

³ Там же. С. 24.

¹ Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 1. С. 47.

² Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 7. Симферополь, 2012. (Науч.-документ. сер. книг «Реабилитированные историей»). С. 23.

сильный удар был нанесен по руководящим кадрам и интеллигенции. Арестованный выдающийся ученый-тюрколог Б. В. Чобан-заде, не выдержав допросов, оговорил ряд крымско-татарских деятелей культуры, которых также репрессировали¹.

«Большой террор», начавшийся по команде сверху, так и закончился. 17 ноября 1938 г. вышло постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Об арестах, прокурорском надзоре и ведении следствия», которое стало сигналом к прекращению массовых репрессий. Виновниками «искривления партийной линии» объявили сотрудников НКВД. В Крыму были осуждены более 30 человек, многих просто уволили из органов².

В политическом плане волна террора была призвана сбить недовольство широких слоев общества методами управления, которые сложились в СССР, низким уровнем жизни, пресечь возможности проявления протеста в дальнейшем. Цели были достигнуты частично, сплочению общества террор не способствовал. Обиды остались и явились впоследствии одной из причин случаев коллаборационизма в годы Великой Отечественной войны.

¹ Урсу Д. П. Очерки истории крымско-татарского народа. С. 87.

² Шевцова Н. Н. Кадровые изменения в НКВД Крымской АССР в 1939–1940 гг. Советские органы государственной безопасности в Украине (1918–1991 гг.): история, структура, функции. Киев, 2014. С. 203.

Глава 28

Крым в годы Великой Отечественной войны. 1941 г. — май 1944 г.

§ 1. Боевые действия за Крымский полуостров (июнь 1941 г. — июль 1942 г.)

А. В. Исаев, О. В. Романько

Великая Отечественная война началась для Крыма 22 июня 1941 г., когда в 3 час. 15 мин. на Севастополь упали первые немецкие бомбы. В тот же день Крым, как и другие приграничные районы СССР, был объявлен на военном положении. Утром 22 июня в Симферополе состоялось совещание руководителей партийных, советских и хозяйственных органов. На нем был принят план мероприятий, переводящих мирную жизнь на военные рельсы. Развертывалась мобилизация, изменялись формы и методы работы органов власти, общественных организаций и учреждений, перестраивалось народное хозяйство. В Симферополе, Севастополе и Керчи создавались городские комитеты обороны, которые возглавили первые секретари городских комитетов ВКП(б) С. В. Мартынов, Б. А. Борисов и Н. А. Сирота.

Мобилизация населения была организована успешно. В результате за первые три месяца войны на военную службу призвали 93 тыс. человек. Кроме того, из добровольцев было создано 155 подразделений народного ополчения, 33 истребительных батальона, 3,3 тыс. групп противовоздушной обороны и другие формирования, в рядах которых насчитывалось более 166 тыс. человек.

До войны на территории Крыма не было крупных военных заводов, и производство вооружения началось в связи с мобилизацией промышленности. В Севастополе, Керчи и Симферополе развернули производство 50-мм и 82-мм минометов, бронепоездов, мин и гранат. На Керченском металлургическом заводе им. П. Л. Войкова наладили ремонт танков. В целом предприятия Крыма передали в действующую армию семь бронепоездов, 2,8 тыс. минометов, 40 тыс. противотанковых и 150 тыс. противопехотных мин.

Взамен ушедших на фронт мужчин на рабочие места пришли женщины, молодежь и пенсионеры. Население Крыма оказывало значительную материальную поддержку сражающейся Красной армии, которая выражалась, например, в сборе

денежных и материальных средств, а также теплых вещей. На базе здравниц Южного берега Крыма развернулся 51 госпиталь на 17,3 тыс. коек.

Приближение врага к полуострову ускорило процесс эвакуации населения: всего с июня по октябрь 1941 г. в тыл были вывезены более 200 тыс. человек. Помимо людей вывозились производственное оборудование, колхозный скот и культурные ценности. Первоначально эвакуация шла по железной дороге через Чонгар. После того как Крым был блокирован немцами, людей и ценности стали вывозить по морю — из портов Керчи, Феодосии и Севастополя¹.

Руководство нацистской Германии считало овладение Крымом делом особой важности. Оно рассматривало полуостров не только как богатую сырьевую базу, но и как своего рода трамплин для прыжка на Кавказ, откуда можно было оказывать давление на Турцию и Иран. С захватом полуострова гитлеровцы рассчитывали укрепить свое положение в бассейне Черного моря и сковать действия советского Черноморского флота. Кроме того, Крым привлек пристальное внимание германского командования в связи с авиаударами советских военно-воздушных сил по нефтепромыслам и нефтеперерабатывающим предприятиям Румынии. 23 июля 1941 г. в дополнении к директиве верховного командования вермахта № 33 А. Гитлер указывал, что «первоочередной задачей... является овладение Украиной, Крымом»². 12 августа он сформулировал задачу и ее мотивировку вполне однозначно: «Овладеть Крымом, который, будучи авиабазой противника, представляет собой большую угрозу румынским нефтяным районам»³.

Понимая стратегическое значение Крыма, советское командование держало на полуострове значительные силы. К началу войны здесь находился 9-й стрелковый корпус в составе 156-й и 106-й стрелковых и 32-й кавалерийской дивизий. Вскоре 32-ю дивизию отозвали в резерв Ставки. Через несколько недель после начала войны войска в Крыму были усилены новыми формированиями: на полуостров прибыли 271-я и 276-я стрелковые, 40, 42 и 48-я кавалерийские дивизии. Последние были облегченными и не могли служить равноценной заменой довоенной 32-й дивизии. Помимо этого, в Крыму из местных ресурсов (в том числе Управления пограничных войск НКВД Черноморского округа) формировались еще четыре дивизии. Первоначально они имели свою, крымскую, нумерацию (с 1-й по 4-ю), позднее получили общевойсковые номера. Опасения относительно высадки противником десанта, по опыту западной кампании 1940 г., нашли отражение в постановлении Совнаркома СССР от 24 июня 1941 г. о формировании истребительных батальонов, речь о которых шла выше⁴.

14 августа 1941 г. директивой Ставки Верховного Главнокомандования № 00931 формировалась 51-я армия под командованием генерал-полковника

Ф. И. Кузнецова, непосредственно подчиненная Ставке. К тому моменту отдельные батальоны 9-го стрелкового корпуса уже занимали позиции на Перекопе, но с прибытием Ф. И. Кузнецова началось энергичное укрепление подступов к Крыму с севера, Перекопа и Чонгара. Работы велись днем и ночью. Сделано было немало. Перекопский перешеек в нескольких местах перегородили минными полями, противотанковыми рвами и надолбами из стальных балок, забетонированных в землю (всего было установлено почти 11,5 тыс. балок). Также 51-я армия получила 10 танков Т-34 и 56 танкеток Т-37 и Т-38. Иногда командующего 51-й армией упрекают в увлечении противодесантной обороной Крыма, в распылении сил. Однако необходимо учитывать, что Ф. И. Кузнецов поставил на оборону Перекопа и прикрытие Сиваша наиболее боеспособные 156-ю и 106-ю стрелковые дивизии довоенного формирования. Также на север Крыма были нацелены вновь прибывшие войска, 276-я стрелковая дивизия прикрывала Чонгар и Геническ. Крымские дивизии в тот момент не имели в достаточном количестве вооружения и снаряжения, подготовка подразделений была слабой, поэтому им поручили вспомогательную задачу обороны побережья.

Тем временем войсками группы армий «Юг» был форсирован Днепр. В середине сентября 1941 г. на подступы к Крыму вышли части немецкой 11-й армии, которую на тот момент возглавлял Э. фон Манштейн. Первым ударом стала внезапная атака 15 сентября станции Сальково, прикрывавшейся подразделениями 276-й стрелковой дивизии. Немцам удалось занять станцию, захватить эшелон с техникой и отсечь один батальон 276-й дивизии от 51-й армии.

Германским командованием на подступах к Крыму была сосредоточена вполне соразмерная поставленной задаче группировка войск. 11-я армия немцев обладала безусловным преимуществом в артиллерии (в том числе 305-мм мортирами чешского производства и самоходными артиллерийскими установками «Штурмгешютц»), а советская 51-я армия, напротив, не имела армейской артиллерии усиления. Корабли Черноморского флота не могли поддержать огнем войска на Перекопе из-за мелководья. Положение было несколько сглажено направленными на север Крыма флотскими батареями.

Штурм Перекопа начался 24 сентября, на начальном этапе немцы задействовали две дивизии 54-го армейского корпуса (73-я и 46-я пехотные дивизии) против 156-й стрелковой дивизии генерал-майора П. В. Черняева. Как отмечалось в немецком отчете об операции, их встретил «исключительно упорно и ожесточенно обороняющийся противник, оборонявший каждое укрепление до последнего»¹. Однако немецкая пехота обладала разработанными по опыту Первой мировой войны навыками штурмовых действий, что позволяло медленно, но продвигаться вперед.

Решающим днем в боях за Перекоп стало 26 сентября 1941 г. Накануне немцы подобрались ко рву перед Турецким валом и ночью сняли заграждения. Это позволило утром, используя эффект артподготовки, броском преодолеть ров и вал. Быстрое овладение участком Турецкого вала стало неприятным сюрпризом для со-

¹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1987. С. 17–28.

² Дашичев В. И. «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР: документы и материалы. М., 1967. С. 265.

³ Там же. С. 272.

⁴ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 19.

¹ NARA. T-315. Roll 1068. Frame 795.

ветского командования. Ф. И. Кузнецов вынужден был днем выдвигать резервы под ударами с воздуха. Тем временем немцы ударами тяжелых 240-мм орудий подавили оборону на приморском отрезке вала и переправили на плацдарм артиллерию. Контрудар 51-й армии потерпел неудачу, и советские войска были вынуждены отходить на Ишуньские позиции. Критическое положение сгладилось наступлением Южного фронта, вынудившим 11-ю армию перейти к обороне и использовать предназначенные для Крыма резервы.

Нарастание кризиса в Крыму вынудило советское командование эвакуировать на полуостров оборонявшую Одессу Приморскую армию под командованием генерал-майора И. Е. Петрова. Это решение не стало неожиданным для немецкого командования¹. Более того, генерал Э. фон Манштейн получил от верховного командования новые соединения, как немецкие (72-ю и 170-ю, позднее 132-ю и 24-ю пехотные дивизии), так и войска союзников (ему была подчинена 3-я румынская армия).

18 октября 1941 г. начались бои за Ишуньские позиции. Их инженерное оборудование уступало Перекопу, но части 51-й армии оказали противнику упорное сопротивление. На правом фланге 106-я стрелковая дивизия полковника А. Н. Первушина удержала позиции под натиском немецкой 22-й пехотной дивизии. На левом фланге немцам удалось вклиниться в советскую оборону. В журнале боевых действий 11-й армии отмечалось: «Каждый узел сопротивления приходилось уничтожать по отдельности в упорных боях». На какое-то время наступление врага удалось удержать на рубеже реки Чатарлык. 24–25 октября 1941 г. прибывшие из Одессы подразделения Приморской армии попытались нанести контрудар под Воронцовкой, но, столкнувшись с усиленными бронетехникой немецкими войсками, понесли тяжелые потери. Немцы перешли в наступление и, прорвав оборону 172-й стрелковой дивизии полковника И. А. Ласкина, вышли на оперативный простор. 22 октября Ф. И. Кузнецова отстранили от командования 51-й армией, его заменил генерал-полковник П. И. Батов, было создано командование войсками Крыма во главе с вице-адмиралом Г. И. Левченко.

Не располагая подвижными соединениями, Э. фон Манштейн сформировал импровизированную «бригаду Циглера» из моторизованных румынских и немецких подразделений. Хотя попытка взять Севастополь внезапным ударом провалилась, «бригаде Циглера» удалось захватить важный мост через реку Альму. Это не позволило Приморской армии отойти в Севастополь кратчайшим маршрутом. И. Е. Петров проявил упорство и последовательность, ему удалось под нажимом противника горными дорогами вывести войска на Приморское шоссе и далее в Севастополь. Отброшенные на восток части 51-й армии П. И. Батова с боями отходили в район Керчи, 16 ноября последние из них были эвакуированы на Тамань.

4 ноября был образован Севастопольский оборонительный район, который первоначально возглавил командующий Приморской армией И. Е. Петров. Приказом № 002 от 9 ноября 1941 г. он очертил структуру обороны района, состоявшую из четырех секторов. Практически в неизменном виде эта структура просущество-

вала до июня 1942 г. 7 ноября 1941 г. командующим Севастопольским оборонительным районом стал вице-адмирал Ф. С. Октябрьский с подчинением ему Приморской армии. Большую роль в первые дни обороны Севастополя сыграл флот. По существу, морская пехота отразила натиск немецких передовых частей еще до входа в город стрелковых частей Приморской армии (31,5 тыс. человек по состоянию на 10 ноября). Первый штурм, предпринятый немцами ударом вдоль Ялтинского шоссе 11–21 ноября, успеха не имел.

Основной идеей нового немецкого наступления стал удар силами 54-го армейского корпуса, нацеленный на Северную бухту Севастополя. В своих мемуарах Э. фон Манштейн мотивировал это решение следующим образом: «Главный удар должен был наноситься с севера или северо-востока в направлении бухты Северной... Для нас важен был не город, а порт. Только на севере наша армия могла использовать свою мощную артиллерию для поддержки наступления»¹. Действительно, германским командованием была собрана у стен Севастополя сильная артиллерийская группировка: 126 единиц 150-мм гаубиц разных моделей, 36 единиц 100-мм пушек, восемь 150-мм пушек K18, восемь 240-мм гаубиц, одиннадцать 210-мм мортир, четыре 305-мм мортиры чешского производства и одна сверхтяжелая 355-мм мортира M1².

По первоначальному плану Э. фон Манштейна наступление должно было начаться 28 ноября 1941 г. Но хлынули дожди, которые сильно замедлили подготовку штурма Севастополя. В начале зимы 1941–1942 гг. немецкий блицкриг находился в глубоком кризисе. Соответственно, одна из главных целей штурма заключалась в том, чтобы «высвободить резервы и перебросить их из Крыма на другие участки фронта группы армий»³.

Оперативная пауза, возникшая во второй половине ноября — начале декабря 1941 г., позволила советскому командованию привести войска в порядок и усилить оборону, отладить взаимодействие пехоты с артиллерией. Вызов огня стал осуществляться не через штабы полков, а непосредственно в звене батальон/батарея, что сократило время на открытие огня до двух минут⁴. Предпринятые меры сыграли важную роль в устойчивости обороны района. Гарнизон Севастополя, считая все сухопутные и морские части, штабы и учреждения, на 20 ноября составлял 62 237 человек⁵.

Второй штурм Севастополя начался на рассвете 17 декабря 1941 г. внезапным ударом немецких штурмовых групп, без артиллерийской подготовки. Главный удар наносила 24-я пехотная дивизия. Однако ее атаки натолкнулись на упорное сопротивление 3-го морского полка подполковника С. Р. Гусарова (1144 человека)⁶ и успеха не имели. Моряки построили развитую в инженерном отношении оборо-

¹ NARA. T-312. Roll 362. Frame 7937325.

¹ Манштейн Э. Утерянные победы. М., 1999. С. 240–241.

² NARA. T-312. Roll 1693. Frame 36.

³ Дашичев В. И. «Совершенно секретно! Только для командования!»... С. 354.

⁴ ЦАМО РФ. Ф. 335. Оп. 5113. Д. 38. Л. 3.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. 1100. Оп. 1. Д. 19. Л. 156.

ну, с продуманной маскировкой сооружений и тесным взаимодействием с артиллерией. Относительный успех был достигнут немцами в этот день на вспомогательном направлении, в долине Бельбека, где 22-й пехотной дивизии удалось сбить с позиций 8-ю бригаду морской пехоты и 241-й полк 95-й стрелковой дивизии. Здесь немецкая пехота прорвалась вглубь Севастопольского оборонительного района до Камышловского моста (уже взорванного на тот момент). Развить успех немцам не удалось, не в последнюю очередь из-за манеры Э. фон Манштейна вести наступление без выделения резервов, когда все наличные силы находились в первой линии, а перегруппировка требовала времени.

Возникшая кризисная ситуация заставила командира главной базы Черноморского флота контр-адмирала Г. В. Жукова 19 декабря доложить в Москву, что «гарнизон Севастополя продержится не более трех дней»¹. Уже ночью 20 декабря Севастопольский оборонительный район был подчинен Закавказскому фронту, командующий которым генерал-лейтенант Д. Т. Козлов получил приказ направить в Севастополь боеприпасы. Были предприняты чрезвычайные меры. 20 декабря в Севастополь на боевых кораблях была переброшена 79-я стрелковая бригада полковника А. С. Потапова, а 23–24 декабря — 345-я стрелковая дивизия подполковника Н. И. Гузя.

Тем временем командование Севастопольского оборонительного района пыталось стабилизировать ситуацию за счет ввода в бой резервов, в первую очередь 388-й стрелковой дивизии. Оказавшись под ударом сильного противника, свежесформированная дивизия не удержала выгодные позиции на рубеже Камышловского оврага. В сводке по итогам дня 21 декабря штаб IV сектора признавал, что 388-я стрелковая дивизия «под сильным артминавтоматическим огнем противника в беспорядке отошла с занимаемого рубежа, потеряв больше половины своих бойцов»².

79-я стрелковая бригада и 345-я стрелковая дивизия практически сразу после выгрузки выдвинулись на позиции на Северной стороне и вступили в бой. Это позволило сохранить целостность фронта, хотя пришлось отвести на рубеж реки Бельбек левофланговые части IV сектора. Кроме того, поддержку войскам артиллерийским огнем оказывал флот.

К концу декабря 1941 г. немецкое наступление стало выдыхаться. Помимо истощения сил пехоты проблемой стала нехватка боеприпасов дивизионной артиллерии и артиллерии усиления. 11-я армия начинала наступление, имея ограниченный запас в полтора-два комплекта боеприпасов. Ситуация усугублялась нехваткой горючего для доставки уже имевшегося боезапаса. Тем не менее 28 декабря немцы снова перешли в наступление при массивной поддержке реактивной артиллерии. Преодолевая упорное сопротивление 345-й стрелковой дивизии, 54-й армейский корпус продвинулся на подступы к башенной береговой батарее № 30 и зенитной батарее № 365 (впоследствии названной немцами «форт Сталин»).

Десанты в районе Керчи и высадка в Феодосии 29 декабря не привели к немедленной остановке наступления на Севастополь. Отражение последнего натиска в немалой степени стало заслугой флота. Ф. С. Октябрьский в своем докладе Военному совету Кавказского фронта о результатах действий сообщил: «29/XII-41 г. решающее влияние оказал линкор» (корабль выпустил за день 179 штук 305-мм и 265 штук 120-мм снарядов)¹. 30 декабря 1941 г. наступление было свернуто из-за нарастания кризиса на Керченском полуострове и незначительных успехов в наступлении на город. Вскоре немецкие войска даже вынуждены были отступить на рубеж реки Бельбек и Камышловского оврага.

Командир 54-го армейского корпуса генерал Э. Хансен впоследствии охарактеризовал декабрьский штурм коротко, но емко — «кровопролитная неудача»². Расчет немецкого командования строился на взятии Севастополя быстрым ударом; на длительное позиционное сражение у 11-й армии не хватало ни людских резервов, ни боеприпасов. Спасательными для советских войск, так же как и на всем фронте от Ладоги до Азовского моря, стали новые формирования. Вместе с тем второй штурм стал демонстрацией ограниченности возможностей свежесформированных дивизий. Также пришлось оставить выгодные позиции, и линия фронта теперь оказалась ближе к жизненно важной для Севастопольского оборонительного района Северной бухте.

Вытеснение советских войск с Керченского полуострова стало вызовом, на который практически сразу был дан ответ. Ресурсом для высадки явились новые формирования и войска, выведенные из Ирана. Доклад с изложением основных идей операции был направлен в Ставку уже 26 ноября 1941 г.³ Однако первоначальный план десанта двумя армиями через Керченский пролив резко раскритиковал командующий Черноморским флотом Ф. С. Октябрьский, предложивший высадку в Феодосии. Окончательный вариант плана операции был подготовлен к 13 декабря 1941 г. Предусматривалось разделение задач между Керчью и Феодосией с нацеливанием на первую 51-й и на вторую 44-й армий. Высадку 51-й армии предполагалось осуществить силами Азовской военной флотилии (в окончательном варианте 7516 человек) и Керченской военно-морской базы (5100 человек). Десант должен был высадиться пятью отрядами в пяти местах северного побережья Керченского полуострова от Ак-Моная до Еникале. Лобовой удар по Керчи сочли нецелесообразным, поскольку было очевидно, что город и порт немцы будут упорно оборонять. Расчет советского командования на ослабление обороны Крыма ввиду сосредоточения немцами сил на штурме Севастополя оказался в целом верным. Оборонять Керченский полуостров немцы оставили одну 46-ю пехотную дивизию под управлением 42-го армейского корпуса.

Посадка десанта на корабли осуществлялась во второй половине дня 25 декабря. Из-за шторма, встречного ветра и наката волн суда опоздали на срок от двух

¹ Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК: документы и материалы: 1941 год. М., 1996. Т. 16 (5-1). С. 406.

² ЦАМО РФ. Ф. 1265. Оп. 1. Д. 7. Л. 76.

¹ Ванев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны: в 2 кн. Киев, 1995. Кн. 1. С. 195.

² NARA. T-312. Roll 364. Frame 7939957.

³ Русский архив. Великая Отечественная: Ставка ВГК... Т. 16 (5-1). С. 399.

до шести часов и подошли к местам высадки уже при свете дня. Это ухудшило условия для десантирования в условиях оказания противодействия с воздуха. Земснаряд «Ворошилов» 3-го отряда был потоплен, погибли 450 человек¹. Шлюпки выбрасывало на берег, сейнеры не могли подойти из-за осадки. В первой волне 2-го отряда бойцы десанта выходили на берег по грудь в ледяной воде². Позднее, после захвата плацдарма, все же удалось выгрузить на берег артиллерию и даже три танка.

Всего 26 декабря Азовской военной флотилии удалось высадить около 2,5 тыс. человек на широком фронте, с весьма приблизительным соблюдением районов высадки, часть кораблей вернулась в Темрюк с десантом. Удалось закрепиться на берегу группе лейтенанта А. И. Капрана из 1-го отряда, группе из 900 бойцов 2-го отряда — западнее м. Зюк, группе командира 83-й стрелковой бригады полковника И. П. Леонтьева из 4-го отряда — западнее м. Хрони. 5-му отряду высадиться не удалось.

В тот же день, 26 декабря, началась высадка частей 302-й горнострелковой дивизии 51-й армии в районе Камыш-Бурун. Она осуществлялась тремя отрядами катеров, сейнеров, буксиров и барж, на борт были приняты 1154 человека 1-м отрядом, 744 человека 2-м отрядом и 3327 человек 3-м отрядом³. В связи с плохими погодными условиями и проблемами с навигацией при прохождении Тузлинской промоины, а также посадкой на мель ряда судов, десант частично высадился на сушу при свете дня. Небольшие группы, десантированные у Старого Карантина и в Эльтигене, были уничтожены противником. Наиболее результативной оказалась высадка у Камыш-Буруна (1,6 тыс. человек) и южнее Эльтигена (в районе коммуны «Инициатива», около 500 человек).

Практически сразу начались контратаки немцев на советский десант. 27 декабря продолжение высадки не состоялось по причине шторма. В результате боев 27–28 декабря, несмотря на поддержку с моря и артиллерии с берега, десантные отряды оказались в крайне тяжелом положении. Отряд у м. Зюк был практически разгромлен, только около 200 бойцов удерживались в прибрежных скалах. Были прижаты к берегу отряды, дислоцированные в районе коммуны «Инициатива», и группа И. П. Леонтьева. Лишь в Камыш-Буруне десант отбил все атаки и даже расширил плацдарм. Тем не менее, по оценке немецкого командования, ожидалась скорая ликвидация десантов⁴.

Обстановка резко изменилась 29 декабря с высадкой десанта в Феодосии. Подготовка обороны Феодосии велась немцами с серьезными промахами. Минирование порта отсутствовало (впоследствии порт был буквально наштапигован минами), боновое ограждение оказалось открытым. Предназначенный по плану для обороны города батальон был отправлен в район Керчи для борьбы с десантами,

осталась только артиллерия. Командир следовавшего через Феодосию немецкого 46-го саперного батальона не располагал информацией о планах обороны города.

Первый бросок советского десанта (5419 бойцов и командиров) высаживался в порту Феодосии крейсерами «Красный Кавказ» и «Красный Крым», эсминцами «Железняков», «Шаумян», «Незаможник» и транспортом «Кубань». Первыми в Феодосийскую гавань ворвались катера, за ними последовали эсминцы. Крейсер «Красный Кавказ» в условиях сильного отжимного ветра отшвартовался к широкому молу, но из-за загроможденного причала был высажен только личный состав десанта. Несмотря на обстрел гавани артиллерией, попадания в корабли, в целом оборона Феодосии была немцами провалена.

Воздействие дерзкой высадки на ситуацию оказалось даже сверх ожидаемого. Вопреки приказу Э. фон Манштейна уже 29 декабря командир 42-го армейского корпуса генерал-лейтенант граф Х. фон Шпонек приказал 46-й пехотной дивизии отойти с Керченского полуострова. Впоследствии Х. фон Шпонек за это отступление был приговорен судом военного трибунала под председательством Г. Геринга к расстрелу, замененному А. Гитлером шестью годами заключения в крепости. 23 июля 1944 г. в ходе репрессий после неудавшегося покушения на фюрера по приказу Г. Гимmlера Х. фон Шпонека расстреляли. Мужество сражавшихся в прибрежных скалах у м. Зюк десантников оказалось вознаграждено: изготовившийся к атакам противник неожиданно ушел. Захват порта позволил быстро наращивать силы. В период с 29 по 31 декабря были перевезены и высажены в районе Феодосии 23 тыс. человек, 1550 лошадей, 34 танка, 109 орудий, 24 миномета, 334 автомашины и трактора, 734 т боеприпасов и 250 т других грузов.

Наиболее опасным средством противодействия десанту со стороны противника стала авиация. Уже 31 декабря в Феодосии был потоплен транспорт «Красногвардеец», 1 января — «Ташкент», 4 января — «Ногин» и «Зырянин»¹. Также самолеты сбрасывали неконтактные мины². Шторм и ликвидация транспортов ударами с воздуха снизили темпы накопления войск и ухудшили их снабжение. Войска 51-й армии медленно выдвигались от Керчи по раскисшим из-за оттепели дорогам полуострова. Напротив, командование 11-й армии лихорадочно собирало ударную группировку, в том числе за счет снятия войск из-под Севастополя. Контрнаступление началось 15 января, а к 18 января противник полностью занял Феодосию, 44-я армия частично попала в окружение. Немцы заявили о захвате 10 тыс. пленных, 177 орудий и 85 танков. Остатки 44-й армии отошли к Парпачскому перешейку, на самое узкое место Керченского полуострова, где вместе с войсками 51-й армии заняли оборону.

В рамках общего замысла освобождения Крымского полуострова Черноморский флот высаживал десанты в Евпатории и Судаке. Высадка в Евпатории осуществлялась с целью «подготовки района для последующего наступления на Сим-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 209. Оп. 1089. Д. 14. Л. 107.

² Там же. Л. 105.

³ Там же. Л. 131.

⁴ NARA. T-312. Roll 355. Frame 7929502.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 83. Л. 46.

² Морозов М. Э., Кузнецов А. Я. Черноморский флот в Великой Отечественной войне: краткий курс боевых действий. М., 2015. С. 99.

ферополь»¹. При том что разведчики флота предпринимали рейд в Евпаторию еще 6 декабря, срочные меры по усилению обороны порта немцы предприняли только после высадки советского десанта в Феодосии 29 декабря. Противник взорвал причалы, но только на протяжении 20 м. Минирование гавани отсутствовало, немецкий гарнизон насчитывал всего около 200 человек.

Для высадки в Евпатории первого эшелона десанта (740 человек) использовали тральщик «Взрыватель», буксир СП-4 и семь катеров. Руководить высадкой поручили уроженцу Евпатории капитану 2 ранга Н. В. Буслаеву. Погрузившись на корабли в Севастополе вечером 4 января, десантники уже в 3 часа ночи 5 января высадились в Евпатории, почти не встречая противодействия. Последовавшая реакция немцев оказалась достаточно быстрой. В Евпаторию были направлены крупные силы пехоты, саперов и артиллерии. Высадка же второго эшелона десанта не состоялась из-за штормовых условий и противодействия противника. Тральщик «Взрыватель» вечером 5 января выскочил на мель у Соленых озер и с утра был расстрелян полевой артиллерией. В городе уже во второй половине дня 5 января развернулись ожесточенные уличные бои с использованием огнеметов, продолжавшиеся до ночи с 6 на 7 января. Последним очагом сопротивления в городе стала гостиница «Крым», в итоге взорванная немецкими саперами. В целом трагическая судьба евпаторийского десанта стала следствием недооценки возможностей 11-й армии оборонять полуостров.

Для организации десанта в Судак из состава 44-й армии был выделен 226-й горнострелковый полк майора Н. Г. Селихова. Первоначально предполагалось высадить десант в Алушту, но этому воспрепятствовал шторм. Задачей десанта стал перехват в районе Салы важной дороги от Феодосии на Карасубазар. 226-й полк десантировался в Судак в ночь с 15 на 16 января. Несмотря на немецкие контратаки, отряду Н. Г. Селихова удалось закрепиться и удержаться. В ночь с 24 на 25 января десант был усилен высадкой 1300 человек 554-го горнострелкового полка. Под нажимом немецкой артиллерии утром 27 января отряд Н. Г. Селихова вынужден был уйти в горы к партизанам. Десант стал жертвой неудачи действий советских войск у Феодосии в целом, несмотря на грамотное поведение майора Н. Г. Селихова и его людей.

После потери Феодосии Ставка направила на Кавказский фронт своим представителем армейского комиссара 1 ранга Л. З. Мехлиса. 28 января был образован Крымский фронт.

Началась тщательная подготовка к наступлению с целью вернуть потерянную Феодосию. Немалую роль в улучшении снабжения и состояния войск сыграли усилия Л. З. Мехлиса и его связи в Москве. Так, Ставка направила на фронт ручные пулеметы, автоматы и минометы, в частности 3 тыс. пистолетов-пулеметов Шпагина. Достаточно сказать, что последних во всей 51-й армии в тот момент было только 202². Крымский фронт получал танки, в том числе Т-34 и тяжелые КВ. Важ-

ным мероприятием стали проведенные по настоянию Л. З. Мехлиса перемещения личного состава внутри соединений с целью получения относительно однородных по национальному составу дивизий — грузинской, армянской, азербайджанской. Однако в ударные группировки 51-й и 44-й армий отбирались дивизии и бригады, укомплектованные преимущественно славянскими национальностями. Сильную танковую группировку получила 51-я армия, которой предстояло нанести главный удар по противнику.

Советское наступление началось 27 февраля с успеха: удалось сбить с позиций румынскую 18-ю пехотную дивизию, для восстановления фронта которой немцам пришлось задействовать все наличные резервы. Однако начавшийся в тот же день дождь привел к раскисанию почвы и большим трудностям в передвижении танков: Т-34 и КВ массово выходили из строя ввиду поломок, а Т-26 и Т-60 просто застредали. Неопытность недавно сформированных частей привела к большим потерям на минных полях. Наступление буквально увязло в грязи. Командующий 51-й армией генерал-лейтенант В. Н. Львов после поездки в войска докладывал командующему фронтом: «Автомашины вовсе не идут, лошади надрываются и падают», «пехота завязает в липкой грязи, вся измазалась до неузнаваемости»¹. 2 марта 1942 г. операция была приостановлена.

Препятствием на пути советских войск стал немецкий опорный пункт, расположенный примерно посередине Парпачского перешейка и включавший селения Кой-Асан и Крым-Шибань с господствующей высотой 69,4. В ходе новой операции советских войск планировалось «обойти систему инженерных сооружений с севера»². Перед наступлением внимательно изучали состояние грунта на предмет проходимости танков. Однако полностью восстановить боеспособность танковых войск Крымского фронта не удалось: на ходу оставались только восемь танков Т-34 и восемь КВ. В свою очередь немцы усилили оборону Кой-Асанского узла подразделениями 50-й пехотной дивизии, снятыми с позиций под Севастополем. Достижениями наступления, начавшегося 13 марта, стали захват господствующей высоты 25,3 и населенных пунктов Корпечь и Крым-Шибань, в которых каждый дом был превращен в крепость.

Э. фон Манштейн считал обстановку близкой к критической и полученные из Германии резервы в виде 28-й легкой пехотной дивизии и 22-й танковой дивизии предполагал использовать для контрнаступления с решительными целями. Контрудар силами 22-й танковой дивизии был нанесен 20 марта и закончился полным провалом как из-за резко переменившихся погодных условий, сгустившегося тумана, так и по причине ошибок в планировании и организации атаки. Будучи ослабленными неделями позиционных боев, советские части тем не менее оказали упорное сопротивление, особенно активно действовали танкисты, уверенно выиграв танковый бой. Закалившиеся в боях части Крымского фронта были достаточно крепким орешком.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 12. Л. 63.

² Там же. Д. 23. Л. 79.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 102. Л. 114.

² Там же.

В целом боевые действия на Крымском фронте носили характер позиционных сражений. С 10 марта до конца месяца наносившая главный удар 51-я армия потеряла 9582 человека убитыми, 4959 человек пропавшими без вести и 23 799 человек ранеными¹. 44-я армия потеряла около 11 тыс. человек убитыми и ранеными. Советским войскам в Крыму, так же как и на других участках фронта, не хватало навыков штурмовых действий для преодоления обороны противника. Вместе с тем можно определенно утверждать, что Крымский фронт не был жертвой «снарядного голода» начала 1942 г.: по расходу боеприпасов он почти не уступал немецкой 11-й армии, противник однозначно превосходил лишь по количеству выпущенных снарядов большой и особой мощности — 210-мм и выше.

К апрелю 1942 г. штаб Д. Т. Козлова спланировал штурм Кой-Асана. Стоявшие там немецкие войска предполагалось окружить и уничтожить смежными флангами 51-й и 44-й армий. В качестве пополнения фронт получил 30 танков КВ (47-тонные машины были не без труда переправлены на Керченский полуостров). К 8 апреля 1942 г. в составе Крымского фронта имелся 281 танк: 51 КВ, один Т-34, 108 Т-60, 121 Т-26². Со стороны немецкого командования была произведена смена понесшего большие потери гарнизона Кой-Асана на части только что прибывшей 28-й легкой пехотной дивизии.

Переменчивая крымская погода преподнесла еще один сюрприз. Утром 9 апреля сгустился туман, сокративший видимость до минимума. Танки сбились с маршрута, попали на минные поля, артподготовка велась без корректировки. В итоге минами и немецкой артиллерией оказались выбиты больше половины танков КВ, имевшихся у Крымского фронта. 10 апреля была взята пауза для перегруппировки, но это сыграло, скорее, на руку немцам — они пополнили истощившиеся запасы боеприпасов. Продолжение наступления 11 апреля успеха не имело. Всего с 9 по 11 апреля войска Крымского фронта лишились 119 танков, в том числе 35 танков КВ³. Не все боевые машины были потеряны безвозвратно, но сокращение числа боеспособных танков делало атаки бесперспективными.

Наступившее в конце апреля 1942 г. затишье было обманчивым. Еще с февраля Э. фон Манштейн вынашивал планы разгрома советских войск на Керченском полуострове, совпадавшие с устремлениями верховного командования. На совещании 28 марта 1942 г. Ф. Гальдер записал в дневнике слова Гитлера: «Крым. Керчь — сосредоточение основных сил авиации». В начале мая 1942 г. в Крым прибыли 460 самолетов 8-го авиакорпуса генерал-полковника В. фон Рихтгоффера. К началу мая 11-я армия насчитывала 350 тыс. человек личного состава, включая румын, военно-воздушные силы и военно-морской флот.

Э. фон Манштейн спланировал наступление, представлявшее собой уменьшенную версию его «удара серпом» — разгрома Франции 1940 г. Предполагалось нанесение удара на приморском фланге по 44-й армии с последующим прорывом

к Азовскому морю в тыл 51-й и 47-й армий Крымского фронта. Операция получила кодовое наименование «Охота на дроф» («Trappenjagd»).

Позднее командование Крымского фронта и лично Д. Т. Козлова и Л. З. Мехлиса упрекали в отсутствии подготовки к обороне и эшелонирования войск в глубину. Однако эти упреки несправедливы. Оперативные документы фронта свидетельствуют о том, что был осуществлен переход к обороне с установкой обширных минных полей. Эшелонирование соединений также имело место. В первой линии фронта протяженностью примерно 22 км находились семь стрелковых дивизий, еще семь — на удалении 3–12 км в глубину в армейских резервах. Однако план предполагал не статичную оборону, а контрудары дивизий из глубины во взаимодействии с танковыми бригадами, что в условиях резкого усиления военно-воздушных сил противника уже не отвечало обстановке. Кроме того, войска фронта были слабы в противотанковом отношении. Из 603 положенных по штату 45-мм пушек Крымский фронт на 26 апреля располагал всего 206 орудиями этого типа, из 416 дивизионных 76-мм пушек в наличии имелись 236, из 4754 положенных по штату противотанковых ружей — 1372¹. По существу, основной надеждой противотанковой обороны являлись танки. Фронт располагал 238 танками (41 КВ, семь Т-34, 79 Т-60 и 111 Т-26)². При этом они были распределены между несколькими участками обороны.

Выбранная немцами для нанесения главного удара 63-я горнострелковая дивизия 44-й армии представляла собой недостаточно сильное соединение Крымского фронта. Старший офицер Генерального штаба Красной армии при 44-й армии майор А. А. Житник рекомендовал вывести эту дивизию из первой линии, Д. Т. Козлов и Л. З. Мехлис в принципе согласились с этим предложением, но сделать это планировали 10–11 мая 1942 г.

Немецкое наступление началось 8 мая. Две дивизии первого эшелона 44-й армии подверглись сильнейшему удару противника. Артиллерия немецкой 11-й армии в первый день «Охоты на дроф» выпустила 1718 т боеприпасов³, в тыл 63-й дивизии высадился десант со штурмовых лодок. Серьезным промахом командующего 44-й армией генерал-лейтенанта С. И. Черняка стала задержка с вступлением в бой танков: их использовали только во второй половине дня, когда сопротивление пехоты уже оказалось сломленным, а противотанковый ров преодолен. Советских танкистов ждал еще один неприятный сюрприз: именно в Крыму немцами были испытаны новые образцы вооружения с 75-мм длинноствольными орудиями, легко поражавшими советские танки на всех дистанциях боя.

На следующий день советское командование попыталось стабилизировать ситуацию контрударом с использованием дополнительных танковых сил. Однако на второй день операции немцы ввели в бой 22-ю танковую дивизию. Незадолго до начала «Охоты на дроф» она получила 12 новейших танков Pz IV с 75-мм длинноствольным орудием, 20 танков Pz III с 50-мм длинноствольным орудием и само-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 21. Л. 35, 42.

² Там же. Оп. 1209. Д. 1. Л. 65.

³ Там же. Л. 64.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 79. Л. 12.

² Там же. Оп. 1209. Д. 2. Л. 29–30.

³ NARA. T-312. Roll 420. Frame 7996606.

ходно-артиллерийские установки «Мардер» с 76,2-мм орудием¹. Всего по состоянию на 1 мая 1942 г. 22-я танковая дивизия насчитывала 212 танков (42 Pz II, 120 Pz 38(t), 20 Pz III, 30 Pz IV)². В районе Арма-Эли 9–10 мая разыгралось танковое сражение, которое немцы выиграли за счет новейшей техники. Основная масса советских КВ и Т-34 была поражена 75-мм пушками. Неудача под Арма-Эли привела к окружению главных сил 51-й и 47-й армий у побережья Сиваша. Ситуация усугубилась запаздыванием приказа об отходе. По немецким данным, к 12 мая ими были захвачены в плен около 40 тыс. человек из состава окруженной группировки.

Попытка восстановления фронта за счет резервов, 72-й кавалерийской дивизии, 12-й и 83-й стрелковых бригад успеха не имела. Приказ Ставки опереться на Турецкий вал также оказался невыполним. На рубеж вала выдвинулась 156-я стрелковая дивизия от Керчи. Э. фон Манштейн создал импровизированное соединение бригады «Гроддек», состоявшей из моторизованных подразделений и погруженной в грузовики пехоты. Пользуясь прорывом фронта 44-й армии, произошедшим 8 мая, бригада «Гроддек» и пехота продвинулись в глубину, почти не встречая сопротивления, и уже 11 мая прорвали позиции на Турецком валу.

Отход советских войск происходил под непрерывными ударами с воздуха, приносившими большие потери. Несмотря на упорное сопротивление, удержать оборону на подступах к Керчи оставшимися в распоряжении Крымского фронта частями не удалось. 14 мая И. В. Сталин разрешил их эвакуацию на Таманский полуостров, в район Керчи, для осуществления которой с ближайших баз и портов собрали баржи, сейнеры, тральщики, боты, баркасы и буксиры, торпедные и сторожевые катера. 20 мая 1942 г. в 3 час. 45 мин. переправа с Керченского полуострова закончилась, но бои в районе завода Войкова продолжались до вечера того же дня. Безвозвратные потери Крымского фронта 8–19 мая 1942 г. составили 162 282 человека.

Планы германского командования после разгрома Крымского фронта не вызывали сомнений. Уже 17 мая 1942 г. военный совет Черноморского флота докладывал в Ставку: «Немцы готовят захват Севастополя».

После отказа немцев от второго штурма Севастополя в январе 1942 г. войска Приморской армии получили столь необходимую им передышку. Севастопольскому оборонительному району настоятельно требовалось пополнение людьми, техникой и, главное, боеприпасами. Командование фронта и Ставка немало сделали для Приморской армии. В январе в Севастополь было доставлено 5969 т боеприпасов, в феврале — 3773 т³. В конце февраля 1942 г. запасы боеприпасов по основным калибрам были доведены до трех — пяти боекомплектов.

В рамках общего наступления И. Е. Петровым была разработана операция с ударом в общем направлении на Дуванкой с целью улучшения своих позиций и сковывания сил противника. Наступление началось 27 февраля, но первоначаль-

ный успех развить не удалось, более того, вскоре немцы перешли в контрнаступление и окружили вклинившиеся в их оборону подразделения советских войск.

Действия И. Е. Петрова подверглись резкой критике со стороны Д. Т. Козлова. Он писал, что войска Приморской армии вместо сковывающих ударов на коротке «самотеком вползли в наступательные действия широкого масштаба, попали в огневые мешки»¹. Вылазка довольно дорого обошлась войскам Севастопольского оборонительного района. Всего за период с 27 февраля по 10 марта 1942 г. Приморская армия потеряла 1477 человек убитыми, 1275 пропавшими без вести и 5627 ранеными². Еще одним последствием стал расход значительного количества боеприпасов. При этом задача сковывания противника не была решена: немцы снимали части с периметра осады Севастополя и перебрасывались под Феодосию.

Общая обстановка неуклонно ухудшалась. В результате переброски немцами на Черное море летчиков, имевших большой опыт действий на Средиземном море, возросла результативность немецких атак советских транспортов. Как докладывал в Ставку Ф. С. Октябрьский, «на 1 апреля оставалось в эксплуатации 16 судов общей грузоподъемностью в 27 400 т». Темпы доставки грузов в Севастополь существенно снизились. Планы доведения запасов оборонительного района до шести боекомплектов выполнены не были, лишь по некоторым позициям их довели до четырех — четырех с половиной. К началу июня Севастопольскому оборонительному району не хватало 122-мм гаубичных выстрелов, 76-мм горных выстрелов, достаточно напряженная ситуация сложилась со снарядами дивизионной артиллерии. Особенно острой была нехватка минометных мин. Производство боеприпасов на предприятиях города не решало проблемы. За январь — апрель 1942 г. в Севастополе было изготовлено 66 тыс. минометных мин, но потребности войск в минах исчислялись сотнями тысяч штук (4,5 боекомплекта — это 932 тыс. мин калибром от 50 до 120 мм, на 1 июня имелось 250 тыс.). Относительно благополучной была ситуация с боекомплектом морских орудий береговых батарей.

Численность Севастопольского оборонительного района к началу июня 1942 г., перед третьим штурмом города, составляла 106 625 человек³. 1-й сектор (протяженность фронта 7,5 км) обороняли 109-я и 388-я стрелковые дивизии, 2-й сектор (12 км) удерживали части 386-й стрелковой дивизии, 7-я и 8-я бригады морской пехоты. 3-й сектор (8,5 км) защищали части 25-й стрелковой дивизии, 79-я стрелковая бригада, 2-й и 3-й полки морской пехоты. Оборона 4-го сектора (6 км) возлагалась на 95-ю и 172-ю стрелковые дивизии. В резерве находились 345-я стрелковая дивизия и один полк 388-й дивизии. Артиллерия СОР насчитывала 638 орудий и 1770 минометов. Однако войскам не хватало 45-мм противотанковых и 76-мм дивизионных пушек, что заставляло И. Е. Петрова уделять большое внимание противотанковой обороне. В составе Приморской армии имелись 81-й и 125-й отдельные

¹ NARA. T-312. Roll 1693. Frames 141, 142.

² Ibid. T-315. Roll 785. Frame 4.

³ Ванев Г. И. Севастополь 1941–1942. Хроника героической обороны: в 2 кн. Киев, 1995. Кн. 2. С. 260.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 215. Оп. 1185. Д. 7. Л. 64.

² Там же. Л. 72.

³ Моргунов П. А. Героический Севастополь. М., 1979. С. 312.

танковые батальоны. Первый из них имел один танк Т-34 (неисправный), один танк БТ-7 и 12 танков Т-26, второй — 25 танков Т-26¹.

Организационно назначенные для штурма Севастополя соединения 11-й армии объединялись в два армейских корпуса — 54-й (22, 24, 50, 132-я пехотные дивизии) и 30-й (28-я легкая пехотная дивизия, 72-я и 170-я пехотные дивизии). Связкой между ними выступал Румынский горный корпус. По состоянию на 31 мая 1942 г. в составе 11-й армии насчитывалось 352 509 человек, включая военно-воздушные силы (люфтваффе), военно-морские силы (кригсмарине), румынские соединения, но без учета коллаборационистов². По сравнению с декабрем 1941 г. немцы значительно усилили артиллерийскую группировку. К Севастополю были подтянуты 15 единиц 283-мм мортир, две 420-мм мортиры, увеличилось количество 210-мм, 240-мм и 305-мм орудий. Кроме того, 11-я армия получила три 600-мм мортиры «Карл» и 800-мм сверхпушку «Дора». В целом артиллерия 11-й армии представляла собой пестрый набор новейших и старых орудий. Так, большинство 283-мм, 305-мм и 420-мм орудий были разработаны еще в начале XX в., но располагали большим боекомплектом. Основным видом бронетехники немцев в штурме Севастополя являлись штурмовые орудия (46 машин), имелся также 300-й батальон радиоуправляемых танкеток с танками Pz III в качестве машин управления.

План действий Э. фон Манштейна, по существу, являлся улучшенной версией декабрьского штурма. Операция получила кодовое наименование «Лов осетра» («Störfang»). 54-й армейский корпус вновь нацеливался на Северную бухту. Позднее в своих мемуарах Э. фон Манштейн представлял форсирование Северной бухты как импровизацию. Однако, согласно документам, оно было заложено в план штурма еще в мае 1942 г., велась соответствующая подготовка. Также германское командование перебросило на Черное море итальянские и немецкие торпедные катера и подводные лодки.

Утром 2 июня 1942 г. началась артиллерийская и авиационная подготовка немецкого наступления, которая продолжалась пять дней. Она носила характер методичного поражения выявленных целей с паузами для оценки эффекта от стрельбы. Спровоцировать артиллерию Севастопольского оборонительного района на ответный огонь немцам, однако, не удалось. Всего с 2 по 6 июня 11-я армия выпустила 42 595 снарядов (2449 т боеприпасов). Авиация за то же время выполнила 3 тыс. самолето-вылетов, сбросив 2325 т фугасных авиабомб и 23,8 тыс. зажигательных бомб³.

Благодаря эффективной работе разведки командование Приморской армии своевременно получило данные о начале немецкого наступления 7 июня 1942 г. Это позволило предпринять соответствующие меры, провести артиллерийскую контрподготовку. Тем не менее под прикрытием ураганного огня артиллерии с расходом сотен снарядов большого калибра (даже по отдельным опорным пунктам)

пехоте 54-го армейского корпуса удалось преодолеть Камышловский овраг и долину Бельбека. 172-я стрелковая дивизия И. А. Ласкина понесла тяжелые потери, командир был ранен. Атаки румын и 30-го армейского корпуса были отбиты, части 109-й стрелковой дивизии генерал-майора П. Г. Новикова в 1-м секторе не только остановили противника, но и заставили его отойти в исходное положение. В целом задачи первого дня не были решены немецкой 11-й армией ни на одном участке наступления.

Как писал в своем докладе командир наносившей главный удар по советским позициям 22-й пехотной дивизии генерал К. Вольф, «неудача наших атак объяснялась в первую очередь огнем русской артиллерии и батареей тяжелых минометов»¹. В условиях характерного для Севастополя гористого рельефа местности минометы оказались исключительно эффективными, немцам было очень сложно их обнаружить, поскольку звук выстрела почти не слышен. Попытки немцев подавить советскую артиллерию, ставшую с 10 июня их основной целью, оставались безуспешными. Однако запасы снарядов и мин неуклонно истощались. Достаточно результативным стал ввод И. Е. Петровым резервов. Так, 9 июня контратакой 345-й стрелковой дивизии при поддержке танков Т-26 было фактически остановлено наступление 24-й пехотной дивизии противника, понесшей большие потери и впоследствии (после перегруппировки) отправленной на новое направление.

Одним из центров управления огнем советской артиллерии являлась 365-я зенитная батарея лейтенанта И. С. Пьянзина («форт Сталин»). Сходство с фортом ограничивалось бетонированными позициями четырех 76,2-мм орудий и укрытиями для расчетов. Важность этой позиции заключалась в расположении батареи на господствующей высоте, что давало отличный обзор. Вокруг батареи имелась система позиций пехоты с дзотами и стрелковыми ячейками. Атаки 22-й пехотной дивизии на эту батарею, предпринятые врагом 11 июня, были отражены своевременным вызовом огня артиллерии из глубины.

Использование немцами сверхтяжелых орудий не принесло желаемого эффекта. При помощи 600-мм мортиры «Карл» удалось добиться лишь вывода из строя одной башни 305-мм 30-й батареи. 800-мм сверхпушка «Дора» не обеспечила результативных попаданий. Также в условиях пересеченной местности Севастополя не принесло ожидаемого результата использование радиоуправляемых танкеток.

Успеха в штурме 365-й батареи немцам удалось добиться только 13 июня, после двух дней обстрела. Стремясь избежать убийственного артиллерийского огня, усиленная самоходками штурмовая группа 22-й пехотной дивизии атаковала батарею на рассвете внезапно, практически без артподготовки. Бои на батарее шли до середины дня. Почти все ее защитники погибли. 24 июня 1942 г. командиру 365-й батареи старшему лейтенанту И. С. Пьянзину было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Захват позиций «форта Сталин» 13 июня Э. фон Манштейну в докладе германскому верховному командованию удалось выдать за решающий успех. Это по-

¹ ЦАМО РФ. Ф. 38. Оп. 11360. Д. 106. Л. 24.

² NARA. T-312. Roll 420. Frame 7997371.

³ Hayward J. Stopped at Stalingrad. The Luftwaffe and Hitler's defeat in the East, 1942–1943. Lawrence, KS, 1998. P. 96.

¹ NARA. T-314. Roll 1349. Frame 673.

могло ему убедить А. Гитлера выделить еще три пехотных полка и не перебрасывать под Харьков 8-й авиакорпус, как это первоначально планировалось.

После недели тяжелых боев боеприпасы Севастопольского оборонительного района стали истощаться. Сказывался недальновидный расход снарядов на поддержку весенних наступлений на Дуванкой. Также сказывались потери транспортных судов, серьезной проблемой стала блокада Севастополя, преимущественно с воздуха. 14 июня немецкие пикировщики потопили в Севастопольской бухте транспорт «Грузия» с 526 т боеприпасов. В ночь на 14 июня Ф. С. Октябрьский телеграфировал в Ставку: «Положение с людьми и особенно боезапасом на грани катастрофы»¹. 19 июня немецкими торпедными катерами был потоплен транспорт «Белосток». После этого в Севастополь ходили только боевые корабли.

В ночь с 16 на 17 июня 1942 г. очередной целью немецкого наступления стала 30-я береговая батарея майора Г. А. Александра. В 2 час. 30 мин. началась атака командного пункта батареи («Бастион I»). К тому моменту сооружение сильно пострадало от огня 600-мм мортир «Карл» и других тяжелых орудий. Бой за «Бастион I» шел почти весь день, только во второй половине дня немцы, расстрелявшие практически весь боезапас, пробились к башням 30-й батареи. Ее гарнизон вместе с частью бойцов из наземных укреплений ушел в подземные помещения, где сопротивлялся противнику еще несколько дней.

В целом день 17 июня можно считать решающим для обороны Северной стороны. Немецкая пехота заняла важные и хорошо укрепленные позиции, господствующие высоты, с которых просматривалась Северная бухта. Попытка восстановить положение вводом прибывшей 138-й стрелковой бригады успеха не имела. К 23 июня остатки войск 4-го сектора отошли на южный берег Северной бухты.

Положение с боеприпасами стало критическим. Гарнизону Севастополя требовалось доставлять ежедневно 500 т боезапаса, 200 т продовольствия, 75 т горючего. Вместо этого 21–27 июня город получал в среднем 100 т боезапаса, 40 т продовольствия и 30 т горючего.

Перелом в штурме Севастополя наступил 29 июня 1942 г. Первым ударом по советской обороне стало форсирование немцами Северной бухты. Оно осуществлялось ночью с помощью 130 штурмовых лодок одновременно на двух участках силами 22-й и 24-й пехотных дивизий 54-го армейского корпуса. Форсирование стало неожиданностью для оборонявшихся на южном берегу бухты частей. Помимо десанта через Северную бухту 29 июня усиленный тремя свежими полками 30-го армейского корпуса противник прорвал оборону на стыке 1-го и 2-го секторов и захватил ее ключевой узел — Сапун-гору. Начался стремительный распад обороны.

В это время советским командованием было принято одно из самых спорных решений: эвакуировать командный состав флота и армии. Объясняется эта мера жесточайшим кадровым голодом, который испытывала Красная армия ввиду неудач первого года войны, каждый командир с боевым опытом был на счету. Вечером 30 июня на самолете ПС-84 с мыса Херсонес вылетел Ф. С. Октябрьский со

своим штабом. 63 человека из состава штаба и Военного совета Приморской армии были вывезены в ночь на 1 июля на подводной лодке Щ-209. Еще 117 человек руководящего состава Севастопольского оборонительного района и города вывезла лодка Л-23. Эвакуация командного состава произвела тяжелое впечатление на оставшихся защитников.

Сопrotивление отдельных групп бойцов на мысе Херсонес продолжалось еще несколько дней. Последний акт севастопольской драмы разыгрался 4 июля 1942 г., когда после артиллерийской подготовки на мыс ворвались поддержанные самоходками немецкие пехотинцы и началось массовое пленение оставшихся в живых защитников Севастополя. В донесении обер-квартирмейстера 11-й армии от 10 июля 1942 г. числится 79 760 захваченных в плен красноармейцев¹. Немецкой артиллерией в ходе штурма Севастополя было расстреляно до 10 боекомплектов боеприпасов², сверхтяжелой артиллерией — четыре-пять боекомплектов. Расходовать такие объемы боеприпасов вермахт мог себе позволить только на пике своего могущества.

Упорным сопротивлением, оказанным уже в первые дни обороны Крыма, советские войска заставили противника неуклонно наращивать нацеленную на Крым и Севастополь группировку 11-й армии. Превосходство немцев в артиллерии и боевом опыте сделало свое дело — им удалось пробиться в Крым через Перекоп и Ишунь. В зимней кампании 1941–1942 гг. Крым стал направлением, где советские войска результативно использовали накопленные резервы из числа новых формирований как в Севастополе, так и в дерзкой десантной операции. Недостаточный опыт новых формирований не позволил Красной армии развить первоначальный успех. Только в результате сосредоточения колоссальных материальных ресурсов, в том числе новейшей техники, немцам удалось весной и в начале лета 1942 г. переломить ситуацию в свою пользу.

§ 2. Крым под нацистской оккупацией (ноябрь 1941 г. — апрель 1944 г.)

О. В. Романько

Задачи Германии в войне против СССР были окончательно сформулированы 30 марта 1941 г. на совещании высшего нацистского руководства. С военной точки зрения предполагалось разгромить Красную армию и достигнуть линии Архангельск—Астрахань, а в политической плоскости необходимо было сделать так, чтобы, как сказал А. Гитлер, «никакая организованная сила не могла противостоять немцам по эту сторону Урала». Завершая свое выступление, он выразился более конкретно: «Наши задачи в отношении России — разгромить ее вооруженные силы, уничтожить государство»³.

¹ NARA. T-312. Roll 420. Frame 7997492.

² Подсчитано автором по донесениям обер-квартирмейстера 11-й армии: NARA. T-312. Roll 421. Frames 7998967–7998991.

³ Гальдер Ф. Военный дневник, 1940–1941. М.; СПб., 2003. С. 520, 522.

¹ Моргунов П. А. Героический Севастополь. С. 361.

На этом мартовском совещании все вопросы будущего административно-политического планирования на «восточных территориях» были переданы в ведение А. Розенберга — главного нацистского идеолога и знатока межнациональных отношений. Свои взгляды на будущее Советского Союза и населяющих его народов А. Розенберг отразил в нескольких меморандумах. Их итоговые положения были озвучены 20 июня 1941 г., когда в Берлине состоялось очередное совещание высшего военно-политического руководства нацистской Германии. Согласно планам А. Розенберга, на территории СССР предполагалось создать пять административных единиц — рейхскомиссариатов: «Московия» (центральные области России), «Остланд» (Прибалтика и Белоруссия), «Украина» (большая часть Украины и Крым), «Кавказ» (Северный Кавказ, Закавказье и Калмыкия) и «Туркестан» (Средняя Азия, Казахстан, Поволжье и Башкирия)¹.

План А. Розенберга имел явную антирусскую направленность, поскольку «Московия» должна была оказаться в кольце нерусских административных образований. Кроме того, в их пользу она теряла целый ряд территорий с русским населением. Так, Смоленск отходил к «Остланду», Курск, Воронеж и Крым — к «Украине». В будущей «Московии» предполагалось полностью уничтожить «еврейско-большевистскую элиту», а саму ее подвергнуть интенсивной экономической эксплуатации. Наконец, этот рейхскомиссариат получал статус даже ниже, чем у окружающих его соседей, и превращался, по сути, в «приемник для всех нежелательных элементов с их территорий»².

Что касается Крыма, то его ожидала следующая судьба. В последнем меморандуме А. Розенберга говорилось, что полуостров станет частью будущей «Великой Украины». Однако многочисленные рукописные пометки на документе свидетельствуют о том, что формулировка именно этого пункта далась А. Розенбергу с огромным трудом. Он явно понимал, что Крым только с большой натяжкой можно отнести к Украине, так как число проживавших там украинцев было ничтожно мало. Но это не единственный парадокс плана. Одновременно главный нацистский идеолог настаивал, чтобы Крым находился под прямым контролем правительства Германии. Объясняя этот казус, он всячески подчеркивал «германское влияние» на полуострове, в частности утверждал, что до Первой мировой войны немецким колонистам принадлежали здесь значительные территории. Таким образом, получалось, что Крым только технически присоединялся к Украине. Управлять же им должны были из Берлина³.

План А. Розенберга может показаться полностью противоречивым. Тем не менее он являлся отражением аргументов А. Гитлера и его окружения, которыми те обосновывали причины будущей германизации полуострова. Во-первых, как

считал фюрер, Крым должен был стать «немецким Гибралтаром». Располагаясь здесь, армия и флот могли полностью контролировать акваторию Черного моря. Во-вторых, шеф Германского трудового фронта Р. Лей мечтал превратить полуостров в «один огромный немецкий курорт» для героев войны. Что же касается местного населения, то его в любом случае ожидала незавидная участь: выселение за пределы Крыма. Пустующие же земли предполагалось отдать под расселение немецких колонистов¹.

А. Гитлер принял план А. Розенберга практически без замечаний и уже 17 июля 1941 г. подписал приказ «О гражданском управлении во вновь оккупированных восточных областях», согласно которому на захваченных советских территориях устанавливалась гражданская администрация. Передача полномочий от военных к гражданским властям происходила после прекращения военных действий, а сам момент передачи определялся лично фюрером². Тем же приказом гражданская администрация подчинялась Министерству по делам оккупированных восточных областей под руководством А. Розенберга³.

20 августа 1941 г. начал действовать рейхскомиссариат «Украина», главой которого был назначен видный функционер нацистской партии Э. Кох. Его резиденция находилась в Ровно. Рейхскомиссариат «Украина» делился на шесть генеральных округов: «Волиния-Подоллия», «Житомир», «Киев», «Николаев», «Днепропетровск» и «Крым». Последний — генеральный округ «Крым» — должен был охватывать территории Николаевской и Запорожской областей Украинской ССР и весь Крымский полуостров (общая площадь — около 52 тыс. кв. км; общая численность населения — около 2 млн человек). Центром этого новообразования предполагалось сделать Симферополь, а его руководителем (генеральным комиссаром) — видного члена нацистской партии и бывшего гауляйтера Вены А. Фрауэнфельда⁴.

В административном отношении территория генерального округа «Крым» делилась на 14 округов, в каждом из которых планировалось создать окружной комиссариат во главе с окружным комиссаром. Центрами округов были выбраны следующие населенные пункты: Акимовка, Геническ, Каховка, Мелитополь, Цюрупинск (на материковой части генерального округа), Джанкой, Евпатория, Ички, Керчь, Курман-Кемельчи, Севастополь, Симферополь, Судак и Ялта (на территории Крымского полуострова). Эти новые административные единицы объединяли, как правило, по два-три прежних советских района. В наиболее важных городах генерального округа планировалось создать городские комиссариаты, руководители

¹ *Bräutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. Tübingen, 1954. S. 3–4. Фактически были созданы только два рейхскомиссариата — «Остланд» и «Украина».

² Политический дневник Альфреда Розенберга. 1934–1944 гг. М., 2015. С. 311.

³ *Dallin A.* German rule in Russia 1941–1945: A study of occupation policies. London, 1957. P. 253–254.

¹ *Dallin A.* German rule in Russia... P. 254.

² Преступные цели — преступные средства: документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР (1941–1944) / сост. Г.В. Заставенко и др. М., 1985. С. 51–54.

³ *Bräutigam O.* Überblick über die besetzten Ostgebiete während des 2. Weltkrieges. S. 4–5, 13, 18–20.

⁴ Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg: in 10 Bd. Stuttgart, 1979–2008. Bd. 5, Hb. 2. 1999. S. 45; Personen Lexikon / hrsg. v. H. Weiß. Wien, 2003. S. 130.

которых пользовались бы правами окружных комиссаров. Всего было выбрано четыре таких населенных пункта: Мелитополь, Симферополь, Керчь и Севастополь¹.

Однако генеральный округ «Крым» так и не появился в окончательном виде. Из-за длительных боевых действий Крымский полуостров был из него изъят и передан под военное управление. А. Фрауэнфельд смог приступить к своим обязанностям лишь 1 сентября 1942 г. и только на части запланированной для него территории, где была создана новая административная единица — генеральный округ «Таврия» с центром в Мелитополе².

На протяжении всего периода оккупации реальная власть на Крымском полуострове принадлежала командующему местными частями вермахта, военно-административный аппарат которого складывался следующим образом.

С ноября 1941 г. по июль 1942 г. в Крыму развернулись интенсивные бои. В связи с тем, что теперь полуостров стал тылом немецких войск, вся полнота власти на его территории перешла к соответствующим органам 11-й полевой армии генерал-фельдмаршала Э. фон Манштейна, а именно к коменданту тылового армейского района, имевшего по номенклатуре вермахта 553-й номер. Все время, пока эта армия находилась в Крыму, указанную должность занимал генерал-лейтенант Г. Дёла³. После передислокации 11-й полевой армии под Ленинград ее военно-административные функции перешли к новой структуре — аппарату командующего войсками вермахта в Крыму. В ноябре 1943 г. должность командующего войсками вермахта в Крыму была упразднена, а его функции переданы соответствующим структурам 17-й полевой армии, которая в октябре 1943 г. начала эвакуацию в Крым с ликвидированного Кубанского плацдарма. Ее командующий, генерал-полковник Э. Йенеке, стал одновременно высшим административным лицом на полуострове. 1 мая 1944 г., уже почти на исходе боев за Крым, его на этой должности сменил генерал пехоты К. Альмендингер, являвшийся до этого командующим 5-м армейским корпусом⁴.

Административный аппарат нацистского режима был представлен полевыми и местными комендатурами. Эти учреждения управляли оккупированной территорией, поддерживали порядок, боролись с партизанами и подпольщиками, занимались мобилизацией резервов для ведения войны и т. п. Всего за период с 1941 по 1944 г. в Крыму действовали четыре полевые и 23 местные комендатуры⁵. Так

создавался оккупационный аппарат. Что же касается планов относительно изменения этнической ситуации на полуострове, то они выглядели следующим образом.

Наиболее конкретно о судьбе крымчан А. Гитлер высказался 16 июля 1941 г. на совещании военно-политического руководства нацистской Германии. В своем выступлении он специально выделил Крым из ряда других оккупированных советских территорий и сказал, что его «необходимо очистить от всех чужаков и заселить немцами». В частности, русских предполагалось выселить в рейхскомиссариат «Московия»¹.

Как свидетельствуют документы, крымский вопрос и судьба населения полуострова продолжали занимать А. Гитлера на протяжении всей войны. В декабре 1941 г., когда А. Розенберг в очередной раз посетил фюрера в его резиденции, между ними состоялся разговор на тему «восточной политики», в ходе которого А. Гитлер в очередной раз повторил: «Крым должен быть полностью очищен от негерманского населения». Эта встреча интересна еще и тем, что на ней была затронута проблема так называемого «готского наследия» как повод для изменения демографической ситуации на полуострове². Завершая беседу с А. Розенбергом, фюрер высказал пожелание, чтобы после окончания войны и решения вопроса с населением Крым получил бы название Готенланд. А. Розенберг ответил, что уже думает над этим, и предложил переименовать Симферополь в Готенбург, а Севастополь — в Теодорихсхафен³.

Фантазии относительно Готенланда так и остались фантазиями, а вот планы по переселению немцев в Крым разные инстанции нацистской Германии неоднократно подавали А. Гитлеру для рассмотрения. Во-первых, руководство СС предлагало переселить сюда 140 тыс. этнических немцев из так называемой «Транснистрии» — территории СССР между реками Днестр и Южный Буг, которая находилась под румынской оккупацией. Этот план стоял на повестке дня до 1944 г., но немцы к нему так и не приступили⁴. Во-вторых, летом 1942 г. генеральный комиссар А. Фрауэнфельд подготовил специальный меморандум, в котором предложил переселить в Крым 235 тыс. немецких жителей Южного Тироля, чтобы раз и навсегда решить старый итало-германский спор⁵. А. Гитлер отнесся к плану А. Фрауэнфельда с большим энтузиазмом. Так, на одном из совещаний он сказал: «Я думаю, что это великолепная идея. Кроме того, я также считаю, что Крым и климатически, и географически подходит тирольцам, а по сравнению с их родиной он действительно

¹ *Frauenfeld A.* Und trage keine Reu': vom Wiener Gauleiter zum Generalkommissar Krim. Leoni am Starnberger See, 1978. S. 215–224.

² *Personen Lexikon.* S. 129–130.

³ *ВArch.* RH 23. Kommandanten rückwärtiges Armeegebiet (Korück). RH 23/92. Bl. 4.

⁴ *Залесский К. А.* Вермахт. Сухопутные войска и Верховное командование. М., 2005. С. 27–28, 217–218, 237, 289–290; *Roth K., Abraham J.-P. Reetsma* auf der Krim. Tabakproduktion und Zwangsarbeit unter deutschen Besatzungsherrschaft 1941–1944. Hamburg, 2011. S. 150–151; *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945: in 17 Bd. Frankfurt am Main; Osnabrück, 1965–2002. Bd. 1. Osnabrück, 1977. S. 23–25.

⁵ *Kunz N.* Die Feld- und Ortskommandanturen auf der Krim und der Judenmord 1941/42 // Täter im Vernichtungskrieg. Der Überfall auf die Sowjetunion und der

Völkermord an den Juden. Berlin, 2002. S. 54–70; *Roth K., Abraham J.-P. Reetsma* auf der Krim... S. 154–155.

¹ Политический дневник Альфреда Розенберга... С. 314.

² Речь идет о германском племени готов, которые в III–IV вв. владели Северным Причерноморьем.

³ *Романько О. В.* Крым в период немецкой оккупации: национальные отношения, коллаборационизм и партизанское движение, 1941–1944. М., 2014. С. 25.

⁴ *Dallin A.* German rule in Russia... P. 255.

⁵ *Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg.* 1990. Bd. 6. S. 840.

земля, где текут реки с молоком и медом. Их переселение в Крым не вызвало бы ни физических, ни психологических трудностей»¹.

Интересно, что рейхсфюрер СС Г. Гиммлер, в чьем ведении находились все вопросы по «укреплению германской расы», не возражал против постороннего вторжения в сферу своей компетенции. Германизация Крыма признавалась настолько важной, что он собирался уступить тирольцев Фрауэнфельду, несмотря на то что ранее планировал поселить их в «Бургундии» — государстве, где после окончания войны должна была «концентрироваться германская кровь». Но, по мнению Г. Гиммлера, переселять их следовало только после окончания войны. В конце концов, А. Гитлер согласился именно с рейхсфюрером, хотя и подписал в начале июля 1942 г. директиву, согласно которой выселение русских из Крыма должно было начаться практически сразу, а украинцев и татар — немного позже².

В-третьих, во второй половине 1942 г. А. Фрауэнфельд разработал еще один план. На этот раз он предлагал переселить в Крым 2 тыс. немцев из Палестины. Правда, генеральный комиссар оставил за скобками, как такое можно было сделать в условиях британской оккупации региона. Более того, этот план уже явно граничил с прожектерством. Поэтому даже официальный германизатор Г. Гиммлер приказал отложить его до лучших времен³.

Наконец, предел всем фантазиям по переселению положили протесты тех органов вермахта, которые отвечали за военную экономику. В середине августа 1943 г. начальник верховного командования генерал-фельдмаршал В. Кейтель решительно выступил против каких-либо перемещений населения в условиях войны. Не без основания он заметил, что эвакуация русских и украинцев (4/5 всего населения Крыма) полностью парализует экономическую жизнь полуострова. Тремя неделями позднее А. Гитлер принял сторону военных и заявил, что любые перемещения возможны только после окончания войны. С этой точкой зрения согласился и Г. Гиммлер⁴.

В целом можно констатировать, что нацисты имели весьма обширные планы на территорию Крымского полуострова и его население. Тем не менее военно-политическое руководство нацистской Германии окончательно так и не решило, что с ними делать. Все это, безусловно, наложило свой отпечаток на оккупационную действительность и взаимоотношения с местным населением.

В первых числах декабря 1941 г. началось формирование силовых структур оккупационного режима, главной задачей которых стала борьба с активными противниками нового порядка. Силовой аппарат оккупантов был весьма разветвленный и состоял из группировки вермахта и подразделений, действовавших под эгидой полицейских властей.

Армейская группировка включала в себя следующие структуры: части и соединения вермахта, части и соединения союзников Германии (Румынии и Словакии), подразделения военной разведки (абвера), подразделения службы порядка (полевая жандармерия и тайная полевая полиция). Первые две категории представляли собой полевые войска, на плечах которых лежала основная ответственность по обороне Крыма и обеспечению в нем порядка. Части и соединения вермахта и его союзников несли гарнизонную службу, обеспечивали охрану побережья, а также участвовали в операциях против партизан. В декабре 1941 г. — августе 1942 г. их группировка находилась в подчинении 11-й полевой армии. В августе 1942 г. был создан специальный орган — штаб командующего войсками вермахта в Крыму, речь о котором шла выше. Этот штаб не только руководил воинскими частями, но еще и осуществлял военно-административные функции на полуострове. Наконец, в ноябре 1943 г. вся армейская группировка перешла в подчинение командованию 17-й полевой армии¹.

Военная разведка (абвер) являлась еще одной структурой вермахта. Весной 1941 г., перед нападением на СССР, каждой немецкой группе армий были приданы абверкоманды, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы. В задачи этих подразделений входили разведывательно-диверсионная или контрразведывательная функции. Из них на территории Крыма с 1941 по 1944 г. действовали следующие: 101, 201 и 301-я абверкоманды, экономическая абверкоманда IWi/153 и зондеркоманда принца Ройса, а также 106, 201, 202, 301, 302 и 320-я абвергруппы².

Абвергруппы и абверкоманды представляли собой оперативные формирования, приданные полевым частям, и действовали на территории Крыма ограниченный период. После начала оккупации полуострова здесь была создана стационарная организация разведки — главная резидентура «Крым», которая находилась в Симферополе с июля 1942 г. по ноябрь 1943 г. Для работы на определенной территории в ее структуре предусматривались специальные внешние резидентуры, которые располагались в Биюк-Онларе, Геническе, Сейтлере, Симферополе и Юшуне³.

¹ *Picker H.* Hitlers Tischgespräche. Bonn, 1951. S. 314.

² *Бройнингер В.* Противники Гитлера в НСДАП, 1921–1945. М., 2006. С. 385–386; *Reichsführer!*. Briefe an und von Himmler / hrsg. v. H. Heiber. Stuttgart, 1968. S. 126.

³ *Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg.* Bd. 6. S. 840–841.

⁴ *Dallin A.* German rule in Russia... P. 257.

¹ *Басов А. В.* Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 318–323; *Мюллер-Гиллебранд Б.* Сухопутная армия Германии 1933–1945. М., 2002. С. 781, 784, 788; *Das Deutsche Reich und Zweite Weltkrieg.* 2007. Bd. 8. S. 460, 465–469; *Tessin G.* Verbände und Truppen der deutschen Wehrmacht und Waffen-SS im Zweiten Weltkrieg 1939–1945. Frankfurt am Main, 1967. Bd. 3. S. 191–193; 1970. Bd. 4. S. 50–54, 282; 1973. Bd. 5. S. 101, 155.

² *ВArch. RH 20. Armeeoberkommandos.* Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/334. Oberkommando der Heeresgruppe Süd, Ic/AO, Nr. 1320/41 geh., H. Qu., den 2. September 1941. Bl. 1–4; Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны: сборник документов / сост. А. В. Валякин, А. А. Кохан. Симферополь, 2011. С. 62–63, 90–91, 129–135, 177–183, 228–230, 236–237.

³ *ВArch. RH 20. Armeeoberkommandos.* Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/334. Oberkommando der Truppen des deutschen Heeres in Rumänien, Abt. Ic/AO, Nr. 56/41 g. Kdos., H. Qu., den 21. Juni 1941. Bl. 1–3.

Особую роль в системе силовых структур на оккупированных территориях выполняли все формы армейской службы порядка. В Крыму они были представлены полевой жандармерией и тайной полевой полицией.

Полевая жандармерия осуществляла функции военной полиции, следя за порядком и пресекая враждебные действия в тылу наступающей немецкой армии. На территории Крыма она действовала при соответствующих воинских формированиях и административных структурах. В Симферополе находилось жандармское управление, в районных центрах — жандармские посты, а в сельской местности за порядком следили служащие опорных пунктов. Так, в течение 1941–1944 гг. на Крымском полуострове оперировали следующие батальоны этой структуры: 593, 683 и 694-й¹.

Тайная полевая полиция осуществляла охранные и следственные функции, являясь, по сути, армейским аналогом гестапо. Ее подразделения были представлены группами при штабах 11-й и 17-й полевых армий, при полевых комендатурах и комиссариатах при штабах корпусов, дивизий и некоторых местных комендатурах. Для карательных операций против партизан, проведения облав, охраны и конвоирования арестованных подразделения тайной полевой полиции имели небольшие воинские формирования. С 1941 по 1944 г. на территории Крыма действовали следующие группы тайной полевой полиции: 312, 647, 711 и 720-я².

Согласно уже упоминавшемуся приказу А. Гитлера от 17 июля 1941 г. на рейхсфюрера СС и шефа германской полиции Г. Гимmlера было возложено «полицейское обеспечение восточных территорий». Последний назначал главных фюреров СС и полиции, которые являлись высшими полицейскими чиновниками в рейхскомиссариатах или, по согласованию с военной администрацией, в тыловых районах групп армий. С 23 июня 1941 г. главным фюрером СС и полиции на территории рейхскомиссариата «Украина» являлся СС-обергруппенфюрер Ф. Еккельн, которого 11 декабря сменил СС-обергруппенфюрер Х. Прютцманн. Здесь следует отметить, что эти лица исполняли свои обязанности не только на территории гражданской администрации. По соглашению между Г. Гимmlером и командованием вермахта они отвечали за полицейское обеспечение также и в тыловом районе южного крыла Восточного фронта. В связи с этим их должность со штаб-квартирой в Киеве официально именовалась как главный фюрер СС и полиции «Россия Юг»³.

В генеральных округах, входивших в состав рейхскомиссариата, этому чиновнику подчинялись местные фюреры СС и полиции. Так, в генеральном округе «Крым» эту должность со штаб-квартирой в Симферополе занимал СС-бригадефюрер Л. фон Альвенслебен, который приступил к своим обязанностям в ноябре

1941 г. Следует отметить, что, в отличие от гражданской администрации, его юрисдикция распространялась на всю территорию генерального округа образца августа 1941 г. Поэтому должность Л. фон Альвенслебена официально называлась фюрер СС и полиции генерального округа «Таврия — Крым — Симферополь», а сам он находился в оперативном подчинении командующего войсками вермахта в Крыму. Организационно Л. фон Альвенслебену подчинялись полиция порядка и полиция безопасности. В округах находились структурные подразделения аппарата фюрера СС и полиции, которые возглавляли окружные фюреры. В подчинении Л. фон Альвенслебена находились 14 полицейских округов, территориально совпадавшие с округами генерального округа «Крым» по состоянию на сентябрь 1941 г. Полиция безопасности и полиция порядка имели здесь свои отделы¹.

Полицейский аппарат также располагал своими вооруженными формированиями, которые в Крыму были представлены частями и подразделениями полиции порядка и полиции безопасности.

Местные отделения начальника полиции порядка стали создаваться на полуострове несколько позже, чем на остальной территории генерального округа «Таврия», — только в августе 1942 г. До этого их функции выполняли соответствующие подразделения полевой жандармерии 11-й полевой армии. Всего местных отделений насчитывалось восемь, которые располагались в следующих населенных пунктах: Алушта, Бахчисарай, Евпатория, Зуя, Карасубазар, Симферополь, Феодосия и Ялта. Основными частями полиции порядка, которые осуществляли свои функции в городах и сельской местности, были охранный полиция и жандармерия².

13 марта 1941 г. Главное управление имперской безопасности приняло решение о создании так называемых оперативных групп полиции безопасности и СД. Эти формирования должны были действовать в тыловых районах групп армий, следить за безопасностью и уничтожать враждебные элементы. Всего было создано четыре оперативные группы: «А», «Б», «Ц» и «Д», каждую из которых придали соответствующей группе армий. К тыловому району группы армий «Юг» прикрепили оперативную группу «Д», штаб которой располагался сначала в Кишиневе, а с ноября 1941 г. по август 1942 г. — в Симферополе. Основными зонами деятельности этой группы были Молдавия, юг России, Крым и Северный Кавказ. Ее первым начальником стал СС-штандартенфюрер О. Олендорф, который находился на этой должности с июня 1941 г. по июль 1942 г.³

¹ BArch. RH 24. Generalkommandos. RH 24–42/50. SS- und Polizeifür die Krim. «Kräfte — Übersicht». Bl. 1–6; Personen Lexikon. S. 20–21, 360–361.

² Waffen-SS und Ordnungspolizei im Kriegseinsatz 1939–1945. Ein Überblick anhand der Feldpostübersicht / bearb. v. G. Tessin, N. Kannapin. Osnabrück, 2000. S. 593.

³ BAArch. RH 20. Armeeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/334. Vortrangsnotiz über die Besprechung am 16.5.1941 bei Gen. Qu. (Gen. Major Wagner) in Wünsdorf. Teil B. Vollziehende Gewalt im Operationsgebiet. Bl. 3; Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen. Die Truppen des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt am Main, 1985. S. 99–100, 135.

¹ Уильямсон Г. Немецкая военная полиция, 1939–1945. М., 2005. С. 7–10; Munoz A. J., Romanko O. V. Hitler's White Russians: Collaboration, extermination and anti-partisan warfare in Byelorussia, 1941–1944. New York, 2003. P. 131.

² BAArch. RW 5. Oberkommando der Wehrmacht — Amt Ausland / Abwehr. RW 5/283. Bl. 1–3, 7; Munoz A. J., Romanko O. V. Hitler's White Russians... P. 160.

³ Birn R. Die Höheren SS- und Polizeiführer: Himmlers Vertreter im Reich und in den besetzten Gebieten. Düsseldorf, 1986. S. 74.

Организационно оперативные группы состояли из нескольких подразделений — специальных и оперативных команд, действовавших вполне самостоятельно. Не была исключением и оперативная группа «Д», команды которой с ноября 1941 по август 1942 г. располагались в следующих населенных пунктах Крыма: Алушта, Бахчисарай, Джанкой, Евпатория, Зуя, Карасубазар, Керчь, Симферополь, Судак, Феодосия и Ялта. Осенью 1942 г. были созданы полноценные органы полиции безопасности, которые заменили команды оперативной группы «Д»¹.

Таким образом, в относительно небольшом Крыму нацисты держали значительные военные и полицейские силы, численность которых постоянно росла. В результате в апреле 1944 г. к началу советской наступательной операции немецкая группировка насчитывала около 200 тыс. человек².

Оккупанты придавали большое значение психологической обработке населения. В сентябре 1942 г. при военной администрации был создан специальный штаб пропаганды «Крым», главной целью которого являлась нейтрализация последствий идеологической деятельности советской власти. Этот штаб имел по всему полуострову очень разветвленную сеть представительств, посредством которых нацистские пропагандисты и их помощники из числа местного населения руководили учебными заведениями, театрами, библиотеками, музеями и т. д. Выпускалось большое количество газет и прочей печатной продукции на русском, татарском и немецком языках. Каждый город и районный центр имели свой печатный орган. Добиваясь поддержки населения, оккупационные власти особенно охотно использовали факты недавнего прошлого. В газетах, на плакатах и в других пропагандистских материалах были преданы гласности трагические факты насильственной коллективизации, репрессий, религиозных преследований, осуществлявшихся советской властью в довоенный период. Эти и другие факты, неизвестные широкой общественности, производили на крымчан угнетающее впечатление, а некоторых даже привели на путь открытого сотрудничества с оккупантами³.

Безусловно, все вышесказанное наложило существенный отпечаток на повседневную жизнь населения, которое оказалось в очень непростых условиях и испытало на себе все «прелести» пресловутой политики кнута и пряника. Так, чтобы минимизировать количество противников нового порядка и сделать нейтральными основную массу крымчан, оккупанты были вынуждены создавать для них условия, способствующие удовлетворению бытовых, культурных, образовательных, религиозных и прочих потребностей. Правда, все эти процессы имели ярко выраженный двойственный характер.

Нацисты понимали влияние образования на подрастающее поколение. Поэтому сразу же после окончания боевых действий они разрешили открывать школы

¹ Залесский К. А. РСХА. М., 2004. С. 262–264; Munoz A. J., Romanko O. V. Hitler's White Russians... P. 130–131.

² ВArch. RH 20. Armeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/257. Bl. 9, 10–10 rs.; Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Освобождение Крыма (ноябрь 1943 — май 1944 г.). М., 1994. (Сер. «Документы свидетельствуют»). С. 6, 10, 15, 20, 82.

³ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 1–8, 24–25, 33.

в городах и районах Крыма. Местная администрация проводила встречи с учителями, в ходе которых последним разъяснялись их задачи в условиях нового порядка. В июне 1943 г. было принято постановление об обязательном школьном образовании. Предпринимались попытки ввести раздельное обучение для мальчиков и девочек¹. Все это дало определенные результаты, например уже к декабрю 1943 г. в 25 школах Симферополя обучались 4450 человек (1976 мальчиков и 2474 девочки). Преподавание вели 249 педагогов². Тем не менее оккупанты не поддержали проект некоторых представителей интеллигенции, направленный на открытие Крымского университета на базе педагогического, сельскохозяйственного и медицинского институтов. Устав и штаты университета разрабатывались зимой 1941–1942 гг., но этот проект так и остался на бумаге³.

В силу отсутствия на территории Крыма серьезного промышленного производства главную роль в экономической жизни полуострова стали играть мелкие кустари, рыночная (отчасти меновая) торговля и сельское хозяйство. Со временем последнее стало главной заботой оккупационной администрации, которая нуждалась в стабильных поставках продовольствия. Понимая это, нацисты сохранили колхозную систему, так как через нее было удобнее забирать зерно и прочую сельскохозяйственную продукцию⁴.

Однако уже в начале 1942 г. они решили поменять свою политику. Согласно «Закону о новом аграрном порядке», подписанному А. Розенбергом, колхозы должны были превратиться в «общинные хозяйства», действовавшие по инструкции оккупационных властей. Совхозы и МТС объявлялись собственностью германского государства и в качестве «государственных имений» управлялись оккупантами. С разрешения соответствующих немецких органов допускалось и частное землевладение. На последних этапах аграрной реформы, которую немцы планировали завершить после окончания войны, предполагалось допустить существование индивидуальных крестьянских хозяйств. В Крыму из-за проходивших там боевых действий к аграрному вопросу смогли обратиться только в начале 1943 г. Правда, дальше пропагандистских мероприятий с показательной раздачей колхозного скота и инвентаря дело не двинулось⁵.

В годы оккупации на территории Крымского полуострова могли свободно функционировать религиозные общины всех конфессий, за исключением иудаизма. За два с половиной года здесь открылись более 80 православных храмов, более

¹ Борисов Д. А. Школьное образование в оккупированном Симферополе 1941–1944 гг. // Историческое наследие Крыма. Симферополь, 2004. № 3–4. С. 86; Романько О. В. Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму (1942–1944): органы и формы деятельности // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2015. № 5. С. 12–13.

² Голос Крыма. 1944. 1 января.

³ Голос Крыма. 1942. 15 февраля.

⁴ Казанцев А. С. Третья сила. Россия между нацизмом и коммунизмом. М., 1994. С. 179.

⁵ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 24–25, 33.

50 мечетей, а также культовые сооружения армянской церкви и караимов. Возрождались иконописное мастерство и преподавание Закона Божьего. Представители духовенства начали играть активную роль в местном самоуправлении и общественной жизни национальных общин. Казалось бы, по сравнению с советским периодом в Крыму произошло религиозное возрождение¹.

Однако не следует забывать, что лояльное отношение оккупантов к религиозным чувствам крымчан было во многом обусловлено чисто прагматическими соображениями. По мнению нацистского военно-политического руководства, религия представляла собой очень действенный инструмент, чтобы держать население в покорности. Кроме того, священнослужители всех конфессий активно участвовали в мероприятиях оккупационной администрации: от пропаганды до набора добровольцев в коллаборационистские формирования².

С одной стороны, нацисты охотно использовали религиозные чувства крымского населения, с другой — они категорически пресекали все попытки священнослужителей вмешиваться в политику. Именно так окончились попытки крымско-татарских националистов избрать осенью 1943 г. муфтия — высшее духовное лицо крымских мусульман. Выяснив, что инициаторы этих выборов не столько преследуют цели централизации духовной жизни крымских татар, сколько хотят создать политический орган, оккупанты запретили все действия в этом направлении³.

В 1941–1944 гг. на территории оккупированного Крыма выходили газеты на русском и татарском языках, работали кинотеатры и музеи, вещало радио. В русском и крымско-татарском театрах шли пьесы местных и некрымских авторов, которые даже у оккупантов пользовались популярностью. Однако не следует питать иллюзий, что эта культурная жизнь существовала вне нового порядка. Журналисты, актеры, музейные работники и прочие деятели культуры находились под полным контролем оккупационной администрации, использовавшей их в своих целях⁴.

Характерной чертой нового порядка, который нацисты устанавливали на оккупированных территориях, был террор. Не являлся исключением и Крымский полуостров. На собственной земле основная масса крымчан превратилась в людей низшего сорта. Их жизнь регламентировалась приказами и правилами, нарушение которых каралось расстрелом или заключением в концлагерь. Одной из первых акций нацистов после оккупации Крыма стало преследование «расово-неполно-

ценных» (евреи, крымчаки, цыгане) и «враждебных» (коммунисты) элементов. Эта функция была возложена на упоминавшуюся оперативную группу «Д».

В ноябре 1941 г. на территории Крыма оставались примерно 40 тыс. евреев и крымчаков. С первых же дней установления оккупационного режима нацисты приступили к их уничтожению, которое происходило в несколько этапов. В больших городах Крымского полуострова, таких как Симферополь, Керчь, Феодосия и Ялта, начались учет и регистрация еврейского населения. В Керчи и Феодосии этим занимались городские управления, в Симферополе — созданный под контролем оккупантов Еврейский комитет. Всем евреям было приказано носить на своей одежде шестиконечные звезды¹.

После завершения регистрации, т. е. во второй половине ноября — декабре 1941 г., начались массовые казни. Все было организовано так, чтобы исключить любые попытки сопротивления или бегства. Поэтому спастись удавалось буквально единицам. Завершив акции уничтожения в городах, нацисты начали проводить зачистки еврейского населения в сельских районах Крыма. В результате к апрелю 1942 г. на полуострове были истреблены более 30 тыс. евреев и крымчаков².

Массовые акции уничтожения еврейского населения продолжались и после весны 1942 г., прежде всего в оставленном советскими войсками Севастополе и на Керченском полуострове. В данном случае жертвами становились как представители гражданского населения, так и советские военнопленные-евреи. В дальнейшем охота на уцелевших евреев и крымчаков продолжалась фактически до самого конца оккупации³.

В целом же, по приблизительным подсчетам, в ходе холокоста на территории Крыма погибли примерно 40 тыс. евреев и крымчаков, т. е. все, кто оставался здесь на момент начала оккупации или более половины всего довоенного еврейского населения полуострова⁴.

С декабря 1941 г. по август 1942 г. оперативной группой «Д» проводились массовые казни цыган, которые по нацистской терминологии относились к «асоциальным элементам». Всего за этот период были уничтожены около 2 тыс. человек — большая часть цыганского населения Крыма⁵.

Во второй половине 1942 г. нацистский террор стал выборочным и принял политический характер. Теперь он был направлен на так называемые «враждебные элементы», которые, по мнению оккупантов, мешали установлению нового порядка: партизан, подпольщиков и сочувствующих движению Сопротивления.

¹ Катунин Ю. А. Русская православная церковь в годы Второй мировой войны (1939–1945 гг.). Симферополь, 2000. С. 97; Кырымал Э. Положение мусульманской религии в Крыму // Вестник Института по изучению истории и культуры СССР. Мюнхен, 1955. № 2 (15). С. 67.

² ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 38–38 об.; Ф. П-151. Оп. 1. Д. 388. Л. 25–26; ВArch. RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 5: AOK 11. RH 20–11/433. Bl. 17, 18.

³ Dallin A. German rule in Russia... P. 267–268; ВArch. RH 20. Armeeoberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17, RH 20–17/713. Sprachendienst des Reichsministerium für die besetzten Ostgebiete, Betr. «Die Frage der mohamedanischen Religion in der Krim». Bl. 1–6.

⁴ Романько О. В. Нацистская пропаганда в оккупированном Крыму... С. 13–15.

¹ Холокост в Крыму. 1941–1944 гг.: документы и материалы / сост. Б. Г. Берлин, Д. В. Омельчук. Симферополь, 2013. С. 10.

² Krausnick H. Hitlers Einsatzgruppen... S. 99–100, 121–128, 135.

³ Холокост в Крыму... С. 11.

⁴ Тяглый М. М. Места массового уничтожения евреев Крыма в период нацистской оккупации полуострова, 1941–1944: справочник. Симферополь, 2005. С. 24.

⁵ Tyaglyy M. Were the «Chingené» victims of the Holocaust? Nazi policy toward the Crimean Roma, 1941–1944 // Holocaust and Genocide Studies. 2009. Vol. 23, Iss. 1. P. 26–53.

При этом в качестве наказания могли применяться как физическое уничтожение, так и заключение в концлагерь.

Постоянным местом казней в Симферополе нацисты избрали противотанковый ров в Курцовской балке (в двух километрах от города), балку у села Дубки и так называемый картофельный городок. Сюда пригоняли на расстрелы мирное население. В других городах и селах оккупанты также устраивали жестокие расправы. Так, местами массовых расстрелов крымчан стали Красная горка в Евпатории, Аджимушкайские каменоломни и Багеровский ров в Керчи¹.

Тех, кто не был уничтожен сразу, могла ждать мучительная смерть в местах принудительного содержания (тюрьмы, лагеря, сборные пункты и т. п.), которых на территории Крыма в годы оккупации существовало около сотни. Все они использовались для заключения партизан, подпольщиков, членов их семей, советских военнопленных, граждан, попавших в немецкие облавы, и т. п. — всех тех, кто представлял угрозу для нового порядка².

Самую печальную известность получил концлагерь, созданный летом 1942 г. в окрестностях Симферополя на территории довоенного совхоза «Красный». По меркам Крыма он был самым большим, поскольку за период оккупации через него прошли от 8 до 15 тыс. человек — советских военнопленных и мирных жителей. Режим лагеря, обращение с узниками, способы, которыми производились акции уничтожения, позволяют считать это место настоящим лагерем смерти³.

В целом же за время своего пребывания в Крыму нацисты расстреляли 72 тыс. человек, еще более 18 тыс. крымчан замучили в тюрьмах и лагерях. Кроме того, на территории Крыма оккупанты уничтожили 45 тыс. советских военнослужащих, которые оказались в плену⁴.

Нацисты осуществляли широкую программу экономического ограбления Крыма. В Германию вывозили оборудование, сырье, продовольствие, произведения искусства и музейные экспонаты. На работу в промышленности и сельском хозяйстве Германии были отправлены почти 86 тыс. человек. В результате к 1944 г. экономика полуострова практически замерла, а жизненный уровень населения резко упал даже относительно не очень сытных лет довоенного периода⁵.

После нападения Германии на СССР определенное число советских граждан оказались перед дилеммой: оставаться ли верными советской власти? Со временем этот кризис лояльности, главным образом на оккупированных территориях, трансформировался в коллаборационизм с оккупантами. Такие настроения в той или иной степени имели место среди всех социальных слоев и всех народов Совет-

ского Союза. Не был в данном случае исключением и Крымский полуостров, где проблема кризиса лояльности и последовавшего за ним коллаборационизма приняла довольно разнообразные формы.

Понятие «коллаборационизм» можно определить следующим образом: это добровольное, осознанное и намеренное сотрудничество с нацистским военно-политическим руководством на территории Германии или оккупированных ею стран с целью установления или укрепления нового административно-политического режима. Исходя из сфер такого сотрудничества, принято выделять административную, политическую, военную, экономическую, культурную и бытовую разновидности коллаборационизма, а к наиболее активным относить первые три. Таким образом, административный коллаборационизм — это работа в органах так называемого местного самоуправления, организованных при поддержке оккупантов. Политический коллаборационизм представляет собой участие в деятельности всевозможных советов и комитетов, созданных с целью получения власти и влияния на политику оккупантов. Наконец, военный коллаборационизм — это служба в силовых структурах нацистской Германии (вермахт, войска СС и полиция)¹.

В Крыму сотрудничество населения с оккупантами в этих сферах происходило следующим образом.

Сразу же после установления нового порядка началось создание органов так называемого местного самоуправления — сельских, районных и городских управлений. Их возглавляли старосты, начальники районов и бургомистры, которые подчинялись начальникам немецких комендатур. Руководители органов самоуправления всех уровней должны были обеспечивать «покой и порядок» на подведомственной территории, бороться с проявлениями саботажа, диверсиями, неподчинением немецким властям, организовывать изъятие продукции для нужд Германии и удовлетворять потребности оккупационных войск, которые были расквартированы на их территории. В политико-идеологическом отношении органы самоуправления были полностью бесправными².

Уже самим фактом того, что здесь проживало значительное количество разных народов, Крым был просто обречен стать таким регионом, где коллаборационизм неминуемо принимал этнические формы. Естественно, что не все народы, проживающие на полуострове, могли претендовать на выражение своей национальной идеи.

Для нерусских народов организациями, где они пытались развивать свою политическую активность, стали так называемые национальные комитеты, основная масса которых появилась зимой 1941 г. и в 1942 г. Эти комитеты создавались одновременно с органами самоуправления, но не являлись параллельной им властью (хотя многие националисты и претендовали на это). В принципе они не являлись

¹ Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945: сборник документов. Симферополь, 1973. С. 192–195, 196–204.

² Нацистские лагеря смерти. Очевидцы свидетельствуют / сост. А. В. Валякин. Симферополь, 2010. С. 15–65.

³ Лагерь смерти: совхоз «Красный» / сост. Г. Н. Гржибовская. Симферополь, 2015. С. 125–126.

⁴ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 4599. Л. 1–3.

⁵ Там же. Л. 3–4.

¹ Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации... С. 34.

² BArch. RH 22. Befehlshaber der rückwärtigen Heeresgebiete / Heeresgebiet Mitte. RH 22/215. Bl. 36–43.

властью вообще, даже в том урезанном виде, какой имели районные, городские и сельские управления. Это были представительные органы, так как их основной задачей являлось отстаивание интересов данной национальной группы (или влияние на членов этой группы в нужном оккупантам направлении): культурные, религиозные, экономические, но ни в коем случае не политические интересы. Еще одним их отличием от органов местного самоуправления, подчиненных военной администрации, было то, что вся их деятельность направлялась и контролировалась полицией безопасности и СД. Финансирование органов местного самоуправления происходило за счет собранных с населения налогов (т. е. из оккупационного бюджета). Национальные комитеты должны были содержаться в целом на средства, собранные от деятельности подведомственных им культурных учреждений (театров, музыкальных ансамблей и т. п.), а также за счет добровольных пожертвований. Какой-либо предпринимательской деятельностью членам комитетов заниматься запрещали. Наконец, о том, что эти организации не дублировали местное самоуправление, свидетельствует также и тот факт, что руководителями последнего могли быть представители любой населявшей Крым этнической группы, членом же национального комитета — только представитель определенной национальности¹.

В целом ни одна из этнических групп на территории Крыма не смогла получить для своего комитета сколько-нибудь серьезный политический статус. Наиболее скромные результаты отмечались у симферопольского украинского комитета, членам которого даже не удалось создать свои филиалы в других городах и районах полуострова, его деятельность, крайне неудачная, так и ограничилась столицей Крыма. Относительно успешно действовали болгарский и армянский национальные комитеты: они имели представительства почти во всех крупных городах Крымского полуострова, а их активность была более разносторонней, чем у украинцев: от влияния на религиозные и культурные вопросы до помощи оккупантам в наборе добровольцев для коллаборационистских формирований. Крымско-татарские национальные комитеты смогли добиться от нацистов больше, чем все остальные подобные организации, вместе взятые. Успех или неуспех национальных комитетов зависел от понимания реалий оккупации и умения в них ориентироваться. В данном случае эти навыки наиболее рельефно отразились в деятельности крымско-татарских и украинского комитетов, а также отчасти на политической активности русского населения².

После оккупации большей части Крыма немцы повели открытую политику заигрывания с крымско-татарским населением, используя националистические настроения в его среде и создавая для него ряд материальных преимуществ по сравнению с остальными народами. Оккупационные власти во многих случаях не подвергали репрессиям комсомольцев и коммунистов из числа крымских татар,

а разъясняли им, что они заблуждались, и теперь с оружием в руках должны исправить свои ошибки, активно сотрудничая с новой властью¹.

Одной из форм такого сотрудничества стало создание мусульманских комитетов. Так, уже в конце декабря 1941 г. в Бахчисарае при поддержке немцев появился первый мусульманский комитет, который затем переехал в Симферополь. По замыслу его основателя Дж. Абдурешидова, этот комитет должен был представлять всех крымских татар и руководить всеми сферами их жизни. Однако нацисты сразу же запретили называть комитет «крымским», оставив в его названии только слово «симферопольский». В этом качестве он должен был служить только примером районным мусульманским комитетам, которые стали создаваться в других городах и населенных пунктах Крыма в январе — марте 1942 г. В программу руководства комитета входило: организация крымско-татарского населения для борьбы с партизанским движением, восстановление старых традиций и обычаев, открытие мечетей, пропаганда и агитация в пользу создания под покровительством Германии крымско-татарского государства, помощь оккупационному режиму и немецкой армии материальными и людскими ресурсами².

Несмотря на полное подчинение всей деятельности комитетов немецкой оккупационной администрации, лидеры крымско-татарских националистов не оставляли надежды получить более широкие полномочия. В этих целях ими было предпринято несколько попыток. Так, в апреле 1942 г. группа руководителей симферопольского комитета разработала новый устав и программу деятельности мусульманских комитетов. В целом эта программа предполагала в конечном итоге создание «татарского парламента, татарской национальной армии и самостоятельного татарского государства под протекторатом Германии». Эти документы были поданы на рассмотрение в Берлин, однако их утверждения не последовало³.

В ноябре 1942 г. один из старейших крымско-татарских националистов А. Озенбашлы подал на имя оккупационных властей меморандум, в котором изложил программу сотрудничества между Германией и крымскими татарами, основные положения которой были сходны с пунктами предыдущей. Однако выполнение подобных требований не входило в планы нацистского руководства, поэтому спецслужбы сочли более благоразумным не давать ход этому документу. А. Гитлер о нем не узнал⁴.

Результатом такой политики явилось то, что уже к концу 1943 г. почти все мусульманские районные комитеты практически не функционировали. Так, даже симферопольский комитет состоял фактически только из одного человека — своего председателя Д. Абдурешидова. Хотя помимо него в комитете на тот момент числились еще 11 членов, ни один из них участия в его работе не принимал, а вся крымско-татарская политическая активность переместилась на территорию Германии⁵.

¹ ГАРК. Ф. Р-1458. Оп. 1. Д. 2. Л. 4, 28 а; Ф. П-151. Оп. 1. Д. 388. Л. 10–11; Голос Крыма. 1941. 12 декабря.

² Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: в 8 т. М., 1995–2014. Т. 5, кн. 1. 2007. С. 60–61.

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 26. Л. 40–41; Ф. П-156. Оп. 1. Д. 37. Л. 112.

² Там же. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 57.

³ Там же. Д. 40. Л. 15.

⁴ Там же. Ф. Р-652. Оп. 24. Д. 16. Л. 34.

⁵ Там же. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 505. Л. 210; Романько О. В. Крымско-татарское национальное движение: между Сталиным и Гитлером // Советские нации и национальная

Украинские националисты всегда стремились овладеть Крымом. И стремление это не было случайным. Уже перед войной их лидеры считали, что «только тот, кто будет здесь господином и будет иметь свободный путь через Босфорские ворота к мировым путям, тот будет хозяином Черного моря и юга Восточной Европы»¹.

Внедрением украинской национальной идеи должны были заниматься так называемые Походные группы Организации украинских националистов (ОУН), укомплектованные выходцами из Галиции. Целью этих структур являлось проникновение в Восточную и Южную Украину вплоть до Кубани. По ходу следования их члены собирались заниматься пропагандой, а также проникать в создаваемые немцами органы местного самоуправления и полицию с целью их последующей украинизации. Походные группы держались обычно в тылу наступающих немецких войск и непосредственно на линию фронта старались не попадать. Их члены действовали очень скрытно, часто под видом переводчиков при воинских частях, в качестве личного состава рабочих команд или сотрудников «экономических штабов»².

Примерно осенью 1941 г. в составе бандеровской Южной походной группы ОУН была создана походная подгруппа «Крым», перед которой поставили задачу проникнуть на полуостров, дойти до Симферополя и создать здесь подполье. В первых числах ноября это удалось сделать семерым бандеровцам под руководством уроженца Тернопольщины С. Тесли. При этом трое из них остались в Джанкое, а остальные во главе со своим руководителем отправились в столицу Крыма. Здесь они планировали внедриться в создаваемую немцами администрацию и полицию, а в идеале возглавить их³.

Представители местной украинской интеллигенции также решили создать свою общественную организацию. С этой идеей они обратились к немецким властям. Немцы идею одобрили, в результате чего 27 сентября 1942 г. в Симферополе появился отдельный Украинский национальный комитет. Новый комитет представлял собой небольшую организацию и состоял всего из пяти членов. Его председателем был назначен Н. Шапарь, который по совместительству являлся сотрудником Симферопольского городского управления. Остальные четверо работали на общественных началах и отвечали каждый за определенную сферу общественной украинской жизни⁴.

Эта организация старалась объединить вокруг себя «сознательных украинцев», однако столкнулась с вполне объяснимыми трудностями. Украинцев в Крыму

политика в 1920–1950-е гг.: материалы VI междунар. науч. конф. (Киев, 10–12 октября 2013 г.). М., 2014. С. 524–526.

¹ Цит. по: *Сергийчук В.* Український Крим. Київ, 2001. С. 186.

² Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны: документы: в 2 т. / под ред. А. Н. Артизова. М., 2012. Т. 2. С. 374–378.

³ *Шанковський Л.* Похідні групи ОУН. (Причинки до історії похідних груп ОУН на центральних і східних землях України в 1941–1943 рр.). Мюнхен, 1958. С. 30–35, 176–178.

⁴ Голос Крыма. 1942. 27 сентября; Реабилитированные историей. Автономная республика Крым: Кн. 2. Симферополь, 2006. (Науч.-документ. сер. книг «Реабилитированные историей»). С. 18–19.

было мало, а тех, кто поддерживал комитет, еще меньше. Поэтому, чтобы дело украинизации шло успешнее, руководители комитета открыли специальный украинский магазин «Консум» и объявили, что только украинцам там будут выдавать муку и другие продукты. Остальные достижения комитета были гораздо скромнее. В 1942 г. в Симферополе некоторое время работала украинская начальная школа. Была попытка открыть автокефальную церковь, но из-за сопротивления верующих она провалилась. Как событие большого значения «местная украинская общественность» отмечала постановку оперы «Запорожец за Дунаем», которая 2 июня 1942 г. шла в украинском музыкально-драматическом театре. К слову, просуществовал этот театр недолго и был закрыт немцами за связь некоторых его актеров с бандеровцами. Деятельность комитета носила исключительно культурный и экономический характер, а об участии в решении каких-либо политических вопросов не могло быть и речи. Поэтому к середине 1943 г. эта организация влачила жалкое существование, а ее члены никого не представляли¹.

И украинский комитет, и магазин, и театр были вполне легальными организациями, состояли из местных жителей и действовали с разрешения оккупантов. Бандеровцы, которые проникли на полуостров, никакой ведущей и самостоятельной роли в них не играли. Их руководитель С. Тесьля вообще не участвовал в деятельности комитета, держался от него в стороне и никак себя не проявлял. В феврале 1943 г. его арестовали немцы и через год с небольшим расстреляли в симферопольской тюрьме. Еще раньше, в феврале 1942 г., они расстреляли всех бандеровцев, которые пытались закрепиться в Джанкое².

В целом все попытки украинских националистов (как легальных, так и нелегальных) украинизировать полуостров были весьма скромными. Так, весной 1942 г. один из бандеровских подпольщиков сообщал вышестоящему руководству, что «украинцы в Крыму представлены не лучшим образом... Они, в общем, перепуганы, без инициативы»³.

Процесс развития русского национального движения на полуострове можно условно поделить на два этапа: до и после марта 1943 г. До этого времени оно не было единым ни в идейном, ни в организационном плане, а представляло собой конгломерат групп, исповедующих антикоммунизм и некоторые основы традиционной российской идеологии, часто дореволюционного образца. С марта 1943 г. ситуация изменилась коренным образом. Прежде всего, это связано с так называемым власовским движением, которое с осени 1942 г. стало важным фактором, повлиявшим на изменения в нацистской оккупационной и национальной политике.

Столь поздний срок появления этого движения на территории Крыма можно объяснить лишь тем, что власовская программа «Смоленский манифест» практически осталась неизвестной на юге СССР, тем более в Крыму. Широкою же известность на территории полуострова имя бывшего советского генерала А. А. Власова

¹ ГАРК. Ф. Р-1315. Оп. 1. Д. 1. Л. 3–3 об.

² *Косик В.* Україна і Німеччина у другій світовій війні. Львів, 1993. С. 221; *Шанковський Л.* Похідні групи ОУН... С. 178, 186–187.

³ Реабилитированные историей. Автономная Республика Крым: Кн. 2. С. 19.

получило в связи с его пропагандистским выступлением «Почему я встал на путь борьбы с большевизмом?» (18 марта 1943 г.). Именно этому открытому письму, в котором он рассказывал «о своей жизни и своем опыте в СССР», объяснял причины, «побудившие его начать войну против сталинского режима», А. А. Власов был обязан своей популярностью в некоторых слоях населения¹.

В Крыму первым на это письмо публично отреагировал начальник городского управления Ялты, бывший полковник советских военно-воздушных сил В. И. Мальцев. Прочитав письмо А. А. Власова, он решил присоединиться к его движению и в марте 1943 г. подал рапорт о своем переводе в распоряжение генерала. 4 июня 1943 г. газета Симферопольского городского управления «Голос Крыма» опубликовала ответ В. И. Мальцева на письмо А. А. Власова, который также был написан в форме открытого письма и озаглавлен так: «Борьба с большевизмом — наш долг». В своем ответе В. И. Мальцев рассказывал, как прошел путь от «коммунизма к борьбе с ним» и призывал всех последовать его примеру, отдав все силы на благо русского народа, т. е. поддержать А. А. Власова и созданную им Русскую освободительную армию (далее — РОА)².

Поддержка населения, конечно, играла существенную роль. Однако было ясно, что в условиях оккупации власовское движение может действовать только при немецком покровительстве. Для этого и Мальцев, и его сторонники участвовали в мероприятиях оккупационных властей, заключавшихся в вербовке добровольцев в подразделения РОА (первые призывные пункты были открыты уже в июне 1943 г.) и в пропагандистском обеспечении нового порядка³.

Как известно, 1943 г. прошел под знаком ухудшения военного положения Германии на Восточном фронте. Это, естественно, не могло не сказаться на ситуации с власовским движением, в том числе в Крыму. В отчетах оккупационных властей постоянно отмечалось неуклонное снижение энтузиазма населения в отношении этого движения. Одновременно с этим нацисты констатировали появление в среде определенной части крымчан так называемых русских фантазий. Как правило, эти опасения были связаны с распространением идеи «третьей силы», которая заключалась в том, что русскому народу необходимо бороться как против коммунистов, так и против нацистов, отстаивая исключительно свои интересы⁴.

Оккупантов беспокоило, что такие убеждения «снизили страх перед возвращением большевиков», что они могли сказаться на лояльности населения к оккупационным властям и повлиять на желание совместно с ними оборонять Крым. В результате эти опасения привели к тому, что крымское власовское движение и крымская РОА прекратили фактически свое существование еще до полного

освобождения полуострова. В феврале 1944 г. немцы закрыли симферопольский вербовочный пункт, показав в очередной раз, что им были нужны обыкновенные наемники, а не идейные добровольцы¹.

Нацистский оккупационный режим на территории СССР вообще и Крыма в частности имел много особенностей. Одной из них было то, что значительную роль в его силовом обеспечении играли коллаборационистские формирования, созданные из местных жителей и военнопленных. Процесс создания и использования таких формирований на территории Крыма был в целом похож и имел в своей основе те же политические и военные причины, которые сыграли роль в создании подобных частей в других оккупированных регионах Советского Союза. Однако он имел и свои отличительные черты, зависевшие от особенностей оккупационного режима на территории Крыма и его положения как многонационального региона. Эти особенности позволяют выделить здесь два этапа в процессе создания и использования коллаборационистских формирований.

На первом из них (октябрь/ноябрь 1941 — октябрь/декабрь 1943 г.) главная задача оккупационных властей состояла в умиротворении полуострова. Этой цели подчинялись все проводимые здесь мероприятия, включая попытки привлечения к сотрудничеству местного населения. Поэтому процесс создания и использования коллаборационистских формирований приобрел в Крыму в первую очередь форму организации «местных полицейских вспомогательных сил» для поддержания порядка. Их главной отличительной чертой было то, что практически все они создавались из представителей крымского населения.

После ликвидации Кубанского плацдарма оборона Крыма стала одной из главных задач для нацистского военно-политического руководства на южном фланге Восточного фронта. Ее должна была осуществлять эвакуированная сюда в октябре — декабре 1943 г. 17-я полевая армия. Эвакуация этой армии на полуостров является началом второго этапа в создании и использовании коллаборационистских формирований на его территории (октябрь/декабрь 1943 г. — май 1944 г.). Главной характеристикой этого этапа является то, что в Крым вместе с 17-й полевой армией прибыло большое количество «восточных» частей, личный состав которых был укомплектован некрымчанами (всего же в этой армии проходили службу более 28 тыс. «восточных» добровольцев, что составляло 16% от ее общей численности).

Особенности немецкой оккупационной политики в Крыму, а также общая ситуация на Восточном фронте привели к тому, что на территории полуострова было организовано или побывало большое количество коллаборационистских формирований, укомплектованных представителями разных национальностей общей численностью до 50 тыс. человек.

Из них наиболее заметный след в истории Крыма оставили крымско-татарские (15–20 тыс. человек), украинские (3 тыс. человек) и казацкие (до 1 тыс. человек)

¹ Голос Крыма. 1943. 18 марта.

² Голос Крыма. 1943. 4 июня.

³ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 25. Л. 65–66, 68–70, 72–73; Д. 26. Л. 24, 19; Голос Крыма. 1943. 18 июня; 27 июня; 30 июня.

⁴ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 34.

¹ BArch. MSg 149. Sammlung Vladimir Pozdnakoff (Vlasov-Bewegung). MSg 149/7. Bl. 58.

формирования, а также подразделения РОА (4 тыс. человек) и так называемых Восточных легионов (7 тыс. человек)¹.

Воинские части из представителей местного населения поддерживали оккупационный порядок в городах и сельской местности, боролись с партизанами и Красной армией, несли охрану военных и хозяйственных учреждений. В качестве вспомогательного персонала они охраняли лагерь советских военнопленных и участвовали в карательных акциях нацистов².

Таким образом, ближе к осени 1943 г. основными действовавшими формами коллаборационизма на территории Крыма оставалось административное и военное сотрудничество. Попытки же политической деятельности со стороны разных националистических организаций активно пресекались оккупационной администрацией. Но вскоре ситуация изменилась.

В ноябре 1943 г. в результате наступления Красной армии крымская группировка немцев была полностью отрезана от основных сил. Несмотря на это, генерал-полковнику Э. Йенеке было отказано в эвакуации 17-й полевой армии с полуострова на Большую землю. Наоборот, А. Гитлер приказал превратить Крым в «неприступную крепость» и защищать его до последней возможности. В связи со сложившейся ситуацией штабом 17-й полевой армии была разработана целая программа действий. Помимо чисто военных мероприятий, направленных на противодействие частям Красной армии на Перекопском перешейке и Керченском полуострове, немцы предприняли еще целый ряд важных шагов, которые должны были помочь стабилизировать положение в тылу.

Сначала они попытались окончательно уничтожить партизанское движение, прежде чем начнется наступление Красной армии. Для этого части 17-й полевой армии и полицейские формирования провели в конце 1943 г. — начале 1944 г. так называемый «большой прочес», в ходе которого крымские партизаны понесли значительные потери, однако не были уничтожены и сохранили свои основные силы. В дальнейшем это позволило им сыграть существенную роль в Крымской наступательной операции советских войск, которая началась в апреле 1944 г.³

Когда стало ясно, что Крымский полуостров придется оборонять, оккупационные власти развернули большую пропагандистскую кампанию с целью привлечь на свою сторону основную массу населения. Первоначально нацисты планировали свести все пропагандистские усилия к разъяснению тезиса, который, казалось, должен был заставить задуматься почти всех крымчан: «Что они собираются делать и что их ждет в случае возвращения большевиков?»⁴. Поскольку население Крыма не являлось однородным, то каждой социальной группе предлагался свой ответ на этот вопрос. Рабочие должны были работать, крестьяне по-прежнему «обеспечи-

вать всех продуктами питания»¹, а бойцы коллаборационистских формирований должны и дальше в моральном единстве, «плечом к плечу с немецкими солдатами сражаться, защищая от большевиков свою Родину и Европу»².

Наконец, в январе 1944 г. оккупанты решили коренным образом преобразовать систему самоуправления, сведя воедино все свои усилия по привлечению к сотрудничеству местного населения. Глава оккупационной администрации Крыма генерал-полковник Э. Йенеке приказал начать подготовку к созданию на полуострове «земельного правительства», которое должно было функционировать под надзором оккупантов. По замыслу немецкого генерала в правительство следовало включить лучших представителей трех основных этнических групп, населяющих Крым: крымских татар, русских и украинцев. В дальнейшем в компетенцию этого органа планировалось передать руководство гражданской властью, командование «местными полицейскими вспомогательными силами», а также все вопросы, касающиеся религии и просвещения, благотворительности, судопроизводства. К марту 1944 г. всю местную администрацию в основном переформатировали согласно этому плану. Но «земельное правительство» так и не приступило к своей работе, так как 8 апреля 1944 г. началось освобождение Крыма частями Красной армии³.

§ 3. Движение Сопротивления (ноябрь 1941 г. — апрель 1944 г.)

С. Н. Ткаченко

Партизанское и подпольное движение в Крыму сыграло заметную роль во время оборонительных боев 1941–1942 гг., в период полной оккупации полуострова и при его освобождении в 1944 г. В Крыму всего действовали 80 партизанских отрядов общей численностью около 12 тыс. бойцов и 202 подпольные организации, объединявшие более 2,5 тыс. человек⁴.

Движение Сопротивления в Крыму являлось частью подпольно-партизанского движения на оккупированной территории СССР и имело с ним общие черты (руководство партийных органов, добровольность при комплектовании, многонациональный характер и т. д.). Но были и особенности: географическое положение полуострова предопределяло его изолированность от Большой земли и наличие проблем с организацией связи, снабжения и руководства партизанским движением. Кроме того, местность, пересеченная и покрытая лесом, не представляла на-

¹ Романько О. В. Крым в период немецкой оккупации... С. 90.

² Дробязко С. И. Под знаменами врага: антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945. М., 2005. С. 453–454, 471, 496–498.

³ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 222–224.

⁴ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 26. Л. 33.

¹ Окупаційний режим в Криму: 1941–1944 рр. За матеріалами преси окупаційних властей / упоряд. В. М. Гуркович. Сімферополь, 1996. С. 95.

² ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 27. Л. 35.

³ ВArch. RH 20. Aгmeooberkommandos. Bd. 7: AOK 16 bis AOK 17. RH 20–17/257. Bl. 108–110 rs.

⁴ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 29. Л. 111–112.

дежного укрытия, будучи небольшой по площади (2 тыс. кв. км) и прорезанной дорогами.

В Крыму боевые действия начались в конце октября 1941 г., поэтому партийные, советские органы и НКВД Крымской АССР имели около четырех месяцев для подготовки к сопротивлению оккупантам. Несмотря на определенные просчеты в организационном плане¹, в Крыму, в отличие от многих других районов СССР, достаточно быстро развернулась масштабная партизанская война. Так, Э. фон Манштейн заявлял о постоянной опасности со стороны партизан². Высокую оценку крымским партизанам дал начальник Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко, отметив их боевые операции, оказавшие заметную помощь советским войскам³.

В июле 1941 г. на основании директивных указаний ЦК ВКП(б), СНК СССР и НКВД СССР Крымский обком ВКП(б) принял решение о подготовке базы для партийного подполья и партизанского движения, были определены ответственные лица, размеры, расположение партизанской зоны и структура формирований, подобран командный и личный состав отрядов с учетом того, что их основой станут истребительные батальоны. Из местных ресурсов выделили необходимое количество продовольствия и средств материально-технического снабжения, которые к середине ноября частично были заложены в скрытые хранилища базовых лагерей из расчета обеспечения боевых действий 36 отрядов (3,5–4,5 тыс. бойцов) в течение шести месяцев⁴. Вместе с тем НКВД Крымской АССР не полностью обеспечил силы Сопротивления техническими средствами, подготовленными специалистами, аппаратурой для радиосвязи.

В горно-лесной части полуострова еще до оккупации было решено дислоцировать партизанские отряды в пяти районах: в первом районе (старокрымские и судакские леса) — четыре отряда (Феодосийский, Старокрымский, Судакский и Кировский); во втором районе (карасубазарские и зуйские леса) — шесть отрядов (Ичкинский, Колайский, Джанкойский, Карасубазарский, Сейтлерский и Зуйский); в третьем районе (леса Крымского государственного заповедника) — восемь отрядов (Алуштинский, Биюк-Онларский — вскоре перешел в подчинение штаба второго района, Евпаторийский, три Симферопольских, Тельманский и отряд сотрудников НКВД Крымской АССР — не вышли в лес); в четвертом районе (леса Куйбышевского района, ялтинские и алушкинские леса) — восемь отрядов (Бахчисарайский, Акмечетский, Акшеихский, Ялтинский, Куйбышевский — дезертировал в полном составе, Красноперекоский, Фрайдорфский и Лариндорфский — три последних не вышли в лес, частично переправившись в Севастополь); в пятом районе (леса Мекензиевых гор и окрестных долин) — три отряда (Балаклавский, Севастопольский, Сакский — последний перешел в Севастополь). Кроме того, планирова-

лась группа отрядов Керченского полуострова (на базе местных каменоломен): четыре отряда (Ленинский — не вышел в каменоломни, Маяксальнский — распущен командованием, Керченский им. В. И. Ленина и Керченский им. И. В. Сталина).

Крымский обком ВКП(б) в сентябре рассмотрел кандидатуры А. В. Мокроусова, обладавшего опытом Гражданской войны, для назначения на должность командующего партизанским движением в Крыму, и секретаря Симферопольского горкома партии С. В. Мартынова на должность комиссара. Управление партизанским движением было возложено на Штаб главного руководства. Командующий, комиссар и начальник штаба были утверждены постановлением бюро обкома ВКП(б) только 23 октября, а должностные лица партизанских районов назначены приказом № 1 А. В. Мокроусова от 31 октября 1941 г., изданным уже в лесу.

С 28 октября 1941 г., когда на территории Крымской АССР было введено осадное положение, личный состав партизанских отрядов начал переходить в лес. Некоторая задержка с выходом привела к тому, что советский и партийный актив нескольких административных районов республики не успел переместиться в свои базовые лагеря, а некоторые отряды пробивались в леса и каменоломни с боями. В первую декаду ноября основная часть партизанских отрядов, главный штаб и штабы партизанских районов вышли в места дислокации, где приступили к окончательному формированию, вооружению и обустройству подразделений. Кроме того, в горно-лесной части полуострова из более чем 1,3 тыс. военнослужащих Красной армии и флота были сформированы три партизанских отряда, получивших наименования Красноармейских. К середине ноября 1941 г. после проведения организационных мероприятий партизанское движение состояло из пяти районов и Керченской автономной группы. В 27 отрядах насчитывалось более 3,5 тыс. партизан.

Конец осени и зима 1941–1942 гг. в Крыму отличались неблагоприятными погодными условиями. Но основной ущерб партизанам нанесла потеря продовольственных баз. Своевременно в лесу и каменоломнях удалось укрыть лишь 70% от всего вывезенного продовольствия, остальные запасы находились на перевалочных базах вблизи дорог. Однако уже к началу 1942 г. даже скрытые базы были в основном потеряны¹. Оккупационные спецслужбы с помощью «отрядов самообороны», создаваемых из местных жителей, предпринимали действия по поиску и разграблению этих баз².

Тем не менее боевая деятельность отрядов развернулась. Партизаны создавали заслоны для помощи отступающим частям Красной армии, вели оборонительные бои за сохранение запасов и базовых лагерей. В дальнейшем усилия сосредоточились на нападениях на транспорт и обозы, диверсионных действиях, устройстве завалов, выведении из строя линий телефонно-телеграфной и полевой связи, ак-

¹ Мельничук Е. Б. Партизанское движение в Крыму. Накануне. Львов, 2008. Кн. 1. С. 63–67.

² Манштейн Э. Утерянные победы. С. 253–254.

³ Федоренко Ф. И. Годы партизанские. 1941–1944. Симферополь, 1990. С. 75.

⁴ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 21. Л. 68–71.

¹ Партизанское движение в Крыму в период Великой Отечественной войны: сборник документов и материалов. 1941–1944 гг. Симферополь, 2006. С. 58.

² Германские документы о борьбе с крымскими партизанами в 1941–1942 гг. // Москва — Крым: историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 1. С. 281–295.

циях по уничтожению предателей, проведении мероприятий войсковой разведки и охране базовых лагерей.

Борьбу с партизанами и участниками подполья осуществляли тайная полевая полиция, полевая жандармерия, органы военной разведки и контрразведки, комендатуры.

Перед декабрьским штурмом Севастополя командование немецкой 11-й армии приняло решение очистить тыл от партизан. В первом прочесе были задействованы штаб для борьбы с партизанами, румынские кавалерийские и горнострелковые части, три немецких противотанковых дивизиона, а в районе Керчи — саперный батальон и части 46-й дивизии, заставы и команды прикрытия¹. 10 декабря 1941 г. оккупанты начали операцию. В результате тяжелых боев отряды пятого района были практически полностью разгромлены, четвертого — понесли потери в командном составе, первого и второго — утратили значительное число бойцов. Тяжелые испытания выпали двум керченским отрядам, заблокированным в каменоломнях.

Первые месяцы оккупации стали сложными и для подпольщиков. Для руководства подпольным движением был сформирован Крымский областной партийный центр в составе высокопоставленных партийных работников Крымской АССР И. А. Козлова, В. С. Колесниченко, Е. В. Ефимова. Но не все оставленные Крымским обкомом ВКП(б) для работы в подполье оказались готовы к трудностям и особенностям подпольной борьбы: из 184 человек к нелегальной деятельности приступили не более 50². Неудачно было выбрано место дислокации Центра — в Керчи, удаленной от большинства районов полуострова, что затрудняло связь с другими подпольными организациями Крыма. Не имевшим опыта конспиративной работы подпольщикам пришлось столкнуться с хорошо организованными специальными службами оккупантов.

Несколько улучшилась ситуация после высадки советских войск в Керчи и Феодосии в конце декабря 1941 г. и в Судаче в январе 1942 г. Партизаны первого и второго районов активно помогали десантникам, подвергнув тылы немецко-румынских войск внезапным нападениям. В январе 1942 г. партизанам удалось освободить несколько деревень в карасубазарских лесах. 24 января вышел первый номер газеты «Крымский партизан». Была установлена радиосвязь с разведывательным отделом Кавказского (затем Крымского) фронта. Всего за зиму было совершено более 250 операций.

Немецко-румынские войска и части вспомогательной полиции с 15 февраля 1942 г. предприняли новую операцию против партизан. Несколько дней продолжались бои в лесах первого, второго и пятого партизанских районов. Но на этом испытания не закончились. Зимой 1942 г. в отрядах третьего, четвертого и пятого

районов умерли от голода до 400 человек¹. На 21 марта 1942 г. численность партизан в 26 действующих отрядах составляла 3180 человек.

В марте 1942 г. командование Крымского фронта поддержало партизан, организовав с использованием авиации доставку продовольствия и боеприпасов путем парашютной сброски. В апреле продукты также доставлялись легкомоторными самолетами на подготовленные партизанами посадочные площадки (в Крымском заповеднике, нагорье Орта-Сырт в зуйских лесах и на Караби-яйле)².

Весной 1942 г. в населенных пунктах Крыма развернули деятельность 33 подпольные группы и организации, объединявшие около 400 активных патриотов. Организационную работу возглавил один из руководителей партизанского движения И. Г. Генов. Под руководством Главного штаба им были подготовлены и в апреле — ноябре 1942 г. отправлены в города и сельские районы 34 уполномоченных по организации подполья³. Среди них были коммунисты, создавшие подпольные организации, вплоть до подпольных райкомов: И. С. Дьяченко, В. С. Чумасов, Н. А. Ханин, В. И. Бугаев. Своих организаторов готовили органы безопасности, чьи представители находились в партизанских формированиях. Был взят курс на создание групп советских патриотов⁴, а не строго партийных подпольных организаций. Некоторые подпольные группы были непосредственно связаны с разведывательными органами Красной армии, например группа «Сокол», созданная в Крымском драматическом театре.

Весной 1942 г. оккупанты реорганизовали антипартизанскую деятельность, создав на базе иррегулярных отрядов самообороны карательные и охранные полицейские батальоны «Schuma», одной из главных задач которых стали расправы с местным населением, поддерживающим партизан. В мае советские войска Крымского фронта потерпели поражение на Керченском полуострове, а в июне начался третий штурм Севастополя. Партизанские отряды старались облегчить положение осажденного города: только за июнь они совершили 26 нападений, 76 диверсий на шоссе, уничтожали линии связи, вели разведку⁵. Падение Севастополя многократно ухудшило положение партизан, оставшихся один на один с немецко-румынской карательной машиной.

Свою негативную роль в организации дальнейшей борьбы сыграл конфликт внутри руководства партизанского движения. Изначально назначенные Крымским обкомом руководители партизан (А. В. Мокроусов и др.) и некоторые представители командования воинских частей, попавших в лес в конце 1941 г. — начале 1942 г., придерживались разных взглядов на методы организации и тактику партизанской борьбы, а также на роль военнослужащих в ее осуществлении. О тренингах в партизанском руководстве стало известно командованию Северокавказского фронта (в зону ответственности которого входили партизанские силы Крыма),

¹ Диксон Ч. О., Гейльбрунн О. Коммунистические партизанские действия. М., 1957. С. 156–157.

² ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 61. Л. 22–30.

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 21. Л. 62–68.

² Крым в период Великой Отечественной войны... С. 221–222.

³ Генов И. Г. Дневник партизана. Симферополь, 1963. С. 248, 255.

⁴ ГАРК. Ф. П-156. Оп. 1. Д. 61. Л. 35.

⁵ Там же. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 23. Л. 151–152.

которое решило поддержать военных. В июле 1942 г. командующий партизанским движением А. В. Мокроусов и комиссар С. В. Мартынов были отозваны, на их должности назначены соответственно полковник М. Т. Лобов и Н. Д. Луговой.

В середине июля 1942 г. в Крыму в трех партизанских районах (третий и четвертый районы были объединены, пятый упразднен) в 17 отрядах продолжали сражаться 2127 партизан.

В это же время немцы с целью окончательного решения партизанского вопроса провели большой прочес полуострова, в котором приняли участие штаб по борьбе с партизанами, румынская 1-я горнострелковая дивизия, части немецкой 18-й пехотной дивизии, батальоны «Schuma», вспомогательная полиция и контрразведка. К 14 июля была окружена вся территория третьего партизанского района. Предполагалось замкнуть партизан в кольцо и вытеснить их на нагорье Чатыр-Даг, где был создан «огневой мешок»¹. Однако партизаны, не принимая боя, удачно маневрировали; отряды второго и первого районов вели тяжелые бои, понесли потери, но причинили немалый урон противнику. Партизанам приходилось действовать в условиях отсутствия поставок продовольствия и возможности эвакуации раненых².

В августе 1942 г. 396 партизан были тайно отправлены из леса на оседание в городах и селах для ведения в дальнейшем подпольной работы. Многие погибли, попав в поле зрения спецслужб противника. Тем не менее летом в Крыму действовало 38 групп подпольщиков, насчитывавших 126 человек. Одной из крупных была созданная в Симферополе организация «Дяди Володи» — А. Дагджи, проводившая работу среди крымских татар и в коллаборационистских подразделениях. В 1943 г. она была раскрыта фашистами, ее руководители казнены. Во второй половине 1942 г. появились группы в Севастополе, Ялте, семи административных районах полуострова. В основном это были самостоятельные организации патриотов, не имевших связи с партийным руководством на Большой земле.

В конце лета — начале осени 1942 г. встал вопрос о целесообразности существования партизанских отрядов на полуострове. Представители высшего командования недооценивали роль партизан, действовавших в оккупированном Крыму. Отчасти это было отголоском упомянутого конфликта в партизанском руководстве. С июля по октябрь 1942 г. за организацию снабжения партизан отвечал обком ВКП(б), не имевший ни запасов, ни средств доставки, ни возможности оперативного управления партизанскими отрядами. В этом он напрямую зависел от решений Военного совета Северо-Кавказского фронта. Командование фронта предложило переформировать партизанские отряды в воинские подразделения, но руководство Центрального штаба партизанского движения с этим не согласилось³.

¹ NARA. T-312 (11 AOK). Roll 1691. Frame 1458.

² Луговой Н. Д. Страда партизанская: 900 дней в тылу врага. Дневниковые записи. Симферополь, 2004. С. 266.

³ Кондратов И. П. Крым. 1941–1945. Хроника. Симферополь, 2000. С. 94.

С целью подъема боеспособности партизан Военный совет Северо-Кавказского фронта постановил в сентябре 1942 г. произвести эвакуацию всех раненых и тяжелооболженных партизан плавсредствами Черноморского флота и санитарными самолетами. Однако из-за отсутствия должной организации, дефицита судов, противодействия авиации противника эвакуация морем не удалась. Только 5 октября 1942 г. двумя «морскими охотниками» от мыса Кикенеиз были вывезены 78 человек. Походы подводной лодки Д-5 оказались неудачными¹.

В августе партизаны, обессиленные голодом и ранениями, фактически прекратили активные боевые действия. От каждого из трех сохранившихся партизанских районов были сформированы группы эвакуируемых. При переходах к местам посадки на суда на морском побережье, охраняемом противником, и обратно группы понесли потери, многие умерли от ран и истощения.

Учитывая неудачные морские эвакуационные мероприятия, к середине сентября 1942 г. по требованию руководства партизан военное командование решило использовать авиацию. Командованием 5-й воздушной армии и разведывательным отделом Черноморской группы войск Закавказского фронта (в которую с сентября 1942 г. преобразовался Северо-Кавказский фронт) было спланировано проведение эвакуационной операции (транспортным самолетом ПС-84, бомбардировщиком ТБ-3 и легкомоторными самолетами). 25 сентября 1942 г. Военный совет Черноморской группы войск постановил передать руководство крымскими партизанами и проведением эвакуации Южному штабу партизанского движения.

28 сентября на Караби-яйлу совершил посадку тяжелый бомбардировщик и эвакуировал два десятка партизан. 3 октября 1942 г. транспортный самолет впервые приземлился на Караби-яйле². В эту же ночь прилетели и четыре санитарных самолета, в лес прибыл секретарь обкома П. Р. Ямпольский с широкими полномочиями. С 4 октября 1942 г. началась деятельность подпольного обкома партии, продолжавшаяся до освобождения Симферополя.

Трудности с продовольствием и действия карателей вызвали перемещение из старокрымских лесов более 100 человек раненых и переход всех отрядов третьего партизанского района в небольшие по площади зуйские леса; общая численность партизан здесь к концу 1942 г. составила 710 человек, из них 300 больных и раненых.

По просьбе Центрального штаба партизанского движения гражданский воздушный флот выделил три самолета из состава Московской авиагруппы особого назначения³, которые совместно с санитарной авиацией с 24 по 27 октября 1942 г. провели успешную эвакуацию 259 человек и доставку продовольствия⁴. В лес прибыл

¹ Хроника Великой Отечественной войны Советского Союза на Черноморском театре. М.; Л., 1947. Вып. 3. С. 190.

² ЦАМО РФ. Ф. 33. Оп. 682525. Д. 231. Л. 63.

³ Великая Отечественная: сборник документов. М., 1999. Т. 9: Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг. С. 137.

⁴ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 329. Л. 1, 4–5.

секретарь Крымского обкома ВКП(б) Р. Ш. Мустафаев. Командованию пришлось настойчиво работать с личным составом: отбирались выносливые, психологически сильные люди. Базировались продукты и боеприпасы. После эвакуации в Крыму остались 432 партизана.

18 октября 1942 г. постановлением Крымского обкома ВКП(б) «О мероприятиях по укреплению партизанских отрядов и дальнейшему развитию партизанского движения в Крыму», в частности, было принято решение эвакуировать на Большую землю всех раненых и больных, оставив в Крыму 300–400 бойцов. В конце октября 1942 г. после реформирования партизанское движение состояло из двух секторов, в которые входили 1-й, 2-й (первый сектор) и 3, 4, 5, 6-й (второй сектор) партизанские отряды общей численностью 430 бойцов (в том числе 100 раненых и больных, сведенных в 7-й отряд). Первый сектор располагался к западу от дороги Симферополь — Алушта, в лесах Крымского государственного заповедника, второй — в зуйских и карасубазарских лесах к востоку от этой дороги. При штабе второго сектора находились Областной подпольный партийный центр и члены Оперативного центра — секретари Крымского обкома ВКП(б) П. Р. Ямпольский и Р. Ш. Мустафаев. Командующий партизанскими отрядами Г. Л. Северский, отозванный на Большую землю в начале октября, оставался при обкоме ВКП(б). К 29 октября 1942 г. в леса Крымского заповедника успешно перешли отряды первого сектора. Штаб и отряды второго сектора продолжали базироваться в зуйских лесах.

После активизации полетов советской авиации оккупанты решили уничтожить партизан и блокировать посадочные площадки. В операции «Кожаный чулок» приняли участие Штаб антипартизанской борьбы, подразделения немецкой 50-й пехотной дивизии, 1-я румынская горнострелковая дивизия, два батальона «Schuma» и сводная группа добровольцев местной полиции¹. С утра 29 ноября 1942 г. прочесу подлежал массив зуйских лесов. Вследствие действий противника и потери возможности получать грузы и эвакуировать людей партизанское командование приняло решение уйти из зуйских лесов в Крымский заповедник.

В ноябре — начале декабря 1942 г. помощь с Большой земли партизанам практически не оказывалась. Легкомоторные самолеты летали в сторону Крыма, но из-за непогоды возвращались на базовый аэродром. 13 декабря 1942 г. в Крым совершил последний перелет санитарный самолет. Сброски проводились, но крайне нерегулярно и в небольших объемах. Зимой 1942–1943 гг. голод поставил на грань катастрофы все партизанское движение. Кроме того, возникли проблемы с организацией связи. До 18 декабря 1942 г. радисты были на связи с опытными операторами разведотделов Черноморской группы войск и Черноморского флота и одновременно со слабо подготовленными специалистами узла связи Крымского обкома ВКП(б). С перемещением на территорию Крымского заповедника по приказу первого секретаря Крымского обкома В. С. Булатова связь первого сектора с разведотделом Черноморского флота, а второго сектора с разведотделом Чер-

номорской группы войск была прекращена, и весь радиообмен стал идти через узел обкома ВКП(б), где не смогли организовать надежную связь. Длительные перерывы в связи заставили членов Оперативного центра потребовать от Крымского обкома организовать ее через узел разведотдела штаба Черноморского флота¹.

17 декабря 1942 г. начался очередной прочес зуйских лесов силами румынских горных стрелков и полиции. После жесточенных боев партизаны, имея недостаточное количество боеприпасов и понеся существенные потери, 19 декабря успели, спрятав тяжелораненых, перейти в леса Крымского заповедника. Общая численность партизан составляла в это время не более 360 человек, около 50 из которых оставались в зуйских лесах. Бои в лесах заповедника и организация всей партизанской жизни требовали объединения командования обоих секторов. В последних числах декабря исполняющим обязанности командующего партизанским движением в Крыму был назначен Д. Ф. Ермаков.

Происходили изменения и на Большой земле. Государственный комитет обороны СССР воссоздал Южный штаб партизанского движения и учредил должность уполномоченного Центрального штаба партизанского движения по Крымской АССР, имевшего в своем распоряжении оперативную группу. 20 декабря на эту должность был назначен В. С. Булатов². Однако, не имея в своем распоряжении средств доставки (самолетов), оружия и боеприпасов, уполномоченный находился в зависимости от Военных советов Черноморской группы войск и Черноморского флота, а вскоре был подчинен Военному совету Закавказского фронта.

Зимой и весной 1943 г. партизаны страдали из-за блокады леса гарнизоном и формированиями коллаборационистов, тяжелых погодных условий и отсутствия продовольствия. Отряды вели оборонительные бои. В новогодние дни 1943 г. вновь началась массовая смертность. Партизанское командование спланировало операцию для захвата продовольствия. Четыре группы наткнулись на засады и вынуждены были, теряя людей, возвратиться. Лишь группа под руководством Л. А. Вихмана успешно совершила 100-километровый марш-бросок и привела 20 лошадей, мяско которых позволило дотянуть до сброски продовольствия фронтовой и флотской авиацией, которая состоялась 10 и 16 января. В составе партизанских соединений боеспособными оставались 230 человек, из них в операциях принимали участие не более 100, так как остальные были истощены.

В феврале 1943 г. из-за обильных снегопадов доставка продовольствия приостановилась. Это повлияло на морально-психологический климат в отрядах. 7 февраля члены Оперативного центра сообщили на Большую землю, что из-за сложившегося положения партизанские отряды не могут решать «никаких боевых и оперативных задач»³. 10 февраля молния соответствующего содержания была направлена в Ставку Верховного Главнокомандования. По срочному указанию командующего Черноморским флотом Ф. С. Октябрьского самолетами военно-воздушных

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 470. Л. 190, 220.

² Там же. Д. 14. Л. 1.

³ Там же. Д. 53. Л. 117.

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 391. Л. 44–46.

сил флота с 10 по 12 февраля в лес было доставлено 45 грузовых парашютов. Но бесценные партизаны продолжали умирать. В их радиограмме сообщалось: «Наличие людей на 17 февраля — 266 человек, из них в дальних разведках — 32, небоеспособных — 20. Наши потери с 25 октября 1942 г. — 167 человек, из них: в боях — 37, диверсиях — один, разведках — три, продоперациях — 59, умерших от голода — 57, расстрелянных — 10»¹.

В конце зимы благодаря заброске инструкторов из интернационалистов-испанцев и спецтехники активизировалась диверсионная деятельность партизан. В то же время каратели продолжили прочесы. Снова пришлось маневрировать: штаб второго сектора и четыре отряда ушли в зуйские леса. Однако, добравшись туда, 13 марта партизаны столкнулись с коллаборационистами, блокировавшими посадочные площадки. Поэтому командование сектора решило перевести отряды дальше, в карасубазарские леса, получить там грузы с продовольствием и возвратиться к местам прежней дислокации. 21 апреля второй сектор прибыл в указанный район.

Боевая деятельность не затихала. Партизаны неоднократно повреждали стационарную и полевую связь оккупантов. Постоянно действовали разведгруппы, в населенные пункты уходили уполномоченные Подпольного партийного центра для связи с подпольными группами. Через две радиостанции флотских и войсковых разведчиков и две радиостанции партизан было передано большое количество разведданных. В отрядах функционировали партийные и комсомольские организации. По состоянию на 1 мая 1943 г.: «...за 18 месяцев партизаны истребили 15 200 человек. Уничтожено 1500 автомашин... Пущено под откос 15 эшелонов, из них только в 1943 г. 11 эшелонов... Истреблено 300 предателей. Произведено 30 налетов на гарнизоны, распространено газет, брошюр, листовок — 1 950 000»².

Весной и летом 1943 г. возникли новые подпольные группы в Симферополе, Керчи, Севастополе, Феодосии, Ялте, Евпатории и многих районах, развернулась диверсионная деятельность. Некоторые подпольщики работали в оккупационных учреждениях, собирая необходимую разведывательную информацию.

Численность партизан с лета 1943 г. до конца года росла за счет местного населения, перехода на их сторону бывших участников коллаборационистских формирований и военнотружущих противника (словацкая пехотная дивизия, румынские подразделения). По данным на 1 июня 1943 г., численность партизанских отрядов в Крыму составила 262 человека, на 1 декабря 1943 г. — 3506, на 1 января 1944 г. — 3998³.

30 мая 1943 г. Военный совет Северо-Кавказского фронта принял постановление об оказании партизанам помощи самолетами 102-го авиаполка дальнего действия⁴. 14 июня (через полгода после декабрьского полета) на площадку на плато

Орта-Сырт приземлились два санитарных самолета. Июньская операция по приемке партизан и грузов, а также эвакуации всех больных прошла успешно¹.

12 июля был образован Крымский штаб партизанского движения во главе с В. С. Булатовым. Создание отдельного штаба со службами, в том числе снабжения, способствовало существенному укреплению подпольно-партизанского движения. Был принят план доставки продовольствия и материальных средств самолетами. 15 июля Крымский штаб упразднил должность командующего партизанским движением, ликвидировал сектора. Из состава 1, 2 и 7-го отрядов в зоне бывшего первого сектора был создан автономно действующий 1-й отряд, который подчинялся непосредственно Крымскому штабу. На участке бывшего второго сектора была создана 1-я бригада из трех отрядов, командиром которой назначен Н. Д. Луговой, комиссаром — М. М. Егоров. 6-й отряд, действовавший в старокрымских лесах, преобразован в 5-й, подчинявшийся Крымскому штабу.

В 1943 г. возникли партизанские отряды на Керченском полуострове. Они создавались местными жителями, бывшими военнопленными и не имели связи с Крымским штабом. В целом до весны 1944 г. в различных каменоломнях существовало четыре отряда, впоследствии в основном уничтоженных противником.

Осенью 1943 г. партизанские подрывники участвовали во всеобщей «Рельсовой войне». Крымчане подорвали 666 рельсов и один эшелон². Подпольщики Феодосии, получив из леса специальные мины, пустили под откос два эшелона; подпольщики из Семи Колодезей уничтожили эшелон и склад горючего.

Усилилась пропаганда через печать: в августе 1943 г. в лесу начала издаваться газета «За Советский Крым», а в подпольной организации Севастополя (руководитель В. Д. Ревякин) с конца сентября выпускалась газета «За Родину», изготавливалось множество листовок на семи языках. Крымский обком ВКП(б) начал транслировать радиопередачи из Сочи с периодичностью три раза в неделю. Была усовершенствована работа Подпольного центра, утвержден его новый состав во главе с П. Р. Ямпольским.

В середине октября 1943 г. Южный штаб партизанского движения был ликвидирован, а часть его работников и оборудования переданы для усиления Крымскому штабу. Продолжились полеты выделенных групп транспортных самолетов Ли-2 из 11-го гвардейского авиаполка дальнего действия, 2-го транспортного авиаполка и 9-го отдельного авиаполка гражданского воздушного флота.

1 ноября 1943 г. в связи с притоком пополнения Крымский штаб провел переформирование соединений: на базе 1-й бригады было создано три бригады (1, 5 и 6-я в составе по три отряда), а в старокрымских лесах — 3-я бригада из дислоцировавшихся там отрядов и 2-я бригада из вновь прибывших партизан. 24 ноября для координации руководства партизанским движением создана Центральная оперативная группа, командиром которой назначен П. Р. Ямпольский, начальником политотдела — Н. Д. Луговой.

¹ Кондратов И. П. Крым. 1941–1945. Хроника. С. 126.

² ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 18. Л. 23.

³ Там же. Д. 19. Л. 49; Д. 471. Л. 56–66.

⁴ РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 20. Л. 196–197.

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 500. Л. 184.

² РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 54. Л. 146.

В ноябре 1943 г. советские войска захватили плацдармы на Керченском полуострове и Сиваше. В ожидании скорого освобождения Крыма Подпольный партийный центр принял поспешное решение разослать своих представителей к местному населению «поднять народ на уход в лес к партизанам». В результате в партизанские отряды пришли не менее 10 тыс. женщин, стариков, детей со скарбом и скотом. Присутствие населения в гражданских лагерях лишило партизан маневренности и вынудило их вести несвойственные позиционные бои.

В ноябре и декабре 1943 г. партизаны неоднократно выбивали противника из соседних деревень, совершили десятки налетов на обозы и населенные пункты, в том числе районные центры (село Зуя — 9 декабря) и железнодорожные станции (Шакул — 14 декабря, Сюрень и Альма — 20 декабря). На железной дороге диверсанты подорвали бронепоезд и воинский эшелон. Партизаны выдержали два больших боя с карателями: 16 ноября в зуйских лесах и 18–21 декабря южнее Бахчисарая.

С конца осени 1943 г. оккупанты ужесточили режим: сожгли многие прилегающие к партизанскому лесу деревни, а войска приступили к проведению операции «Огонь и меч». В этой операции участвовали три румынские горнострелковые дивизии, четыре немецких пехотных и восемь полицейских батальонов, эскадрильи штурмовой авиации, минометные и артиллерийские батареи. Первыми с 29 декабря 1943 г. прочесывались зуйские леса. Партизаны были вынуждены защищать гражданские лагеря, частью сил заняв позиционную оборону. В то время, когда отряды в зуйских лесах вели ожесточенные бои, партизаны из старокрымских лесов и лесов Крымского заповедника совершали налеты на немецкие гарнизоны, дислоцированные в селах Изюмовка и Бараколь, и станцию Альма. Горные стрелки в ходе прочесов пытались уничтожить партизан в лесах Крымского заповедника, к юго-востоку от Карасубазара, к югу от Зуи, южнее Старого Крыма, но в целом безуспешно. Лагеря были уничтожены, но ценой ощутимых потерь противника. Командование немецкой 17-й армии признало неэффективность борьбы с партизанами¹.

29 января 1944 г. в связи с ростом численности партизан Центральная оперативная группа, образованная для непосредственного руководства движением в 1943 г., была упразднена и сформированы два партизанских соединения: Северное в составе 1-й и 5-й бригад и Южное из трех бригад — 4, 6 и 7-й. А 19 февраля в старокрымских лесах образовано Восточное соединение в составе 2-й и 3-й бригад.

Несмотря на прочесы, партизаны за январь и февраль пустили под откос шесть эшелонов, разрушили пути на трех железнодорожных станциях, уничтожили 80 автомашин, взорвали два склада с горючим и склад с боеприпасами. С 7 по 12 февраля 4-я и 6-я бригады провели бой в районе деревни Бешуй, контратаками против прочесывающих частей вынудили противника покинуть лес и захватили

множество трофеев. В феврале партизанами 7-й бригады Южного соединения был уничтожен крупный гарнизон в селе Фоти-Сала.

Активизировалась разведка на основе конкретных заданий от командования Отдельной Приморской армии. В тылу врага работало девять радиостанций, две из них в Симферополе. Однако в начале 1944 г. произошли провалы многих подпольных групп: органы контрразведки противника использовали внедренную агентуру. Существовали и внутренние причины, в частности пренебрежение правилами конспирации и связи. Были уничтожены крупные организации в Севастополе, Симферополе, на Керченском полуострове. Но все подполье не было ликвидировано.

В марте 1944 г. партизаны начинали действовать в крупных населенных пунктах, например селе Битак в пригороде Симферополя (14 марта). В ночь на 27 марта силами отрядов 2-й и 3-й бригад был произведен успешный налет на гарнизон в г. Старый Крым¹. Сказывались возросший боевой опыт и наличие большого количества оружия. На 1 апреля 1944 г. на вооружении 3679 партизан имелись 22 миномета, 29 противотанковых ружей, восемь станковых и 148 ручных пулеметов, 873 автомата, 2561 винтовка, 349 пистолетов и револьверов².

Выполняя приказ Военного совета Отдельной Приморской армии о содействии частям Красной армии в операции по освобождению Крыма, партизанские соединения 11 апреля 1944 г. развернули активные боевые действия. Отряды перерезали пути отхода отступающего противника. Действия подпольщиков и отрядов Северного соединения не позволили уничтожить хозяйственные объекты Симферополя. Южное соединение 13 апреля захватило Бахчисарай, а 15-го при подходе армейских частей завязало бои в Ялте. От разрушения были сохранены винные подвалы в Массандре и целый ряд санаториев на Южном берегу Крыма. Восточное соединение освободило г. Старый Крым и окрестные села.

По состоянию на 12 апреля 1944 г., по учетным данным, в Крыму числились 8149 партизан, в том числе 3750 человек в действующих отрядах, в госпитале на лечении находились 249 человек. По мнению Военного совета Отдельной Приморской армии, «партизанское движение в Крыму вполне себя оправдало и на протяжении всего периода боевой работы, особенно в момент наступательных операций, оказало большую помощь частям Красной армии»³.

16 августа 1944 г. Крымский штаб партизанского движения был расформирован, к концу года подведены итоги партизанской борьбы за все три года оккупации. По общим данным, всего партизаны уничтожили 29 383 военнослужащих и полицейских (и еще 3872 захватили в плен); провели 252 боя и 1632 операции (в том числе 39 налетов и обстрелов, 212 засад, 81 диверсию на железных дорогах, 770 нападений на автотранспорт), уничтожили и вывели из строя 48 паровозов, 947 вагонов и платформ, два бронепоезда, 13 танков, три бронеавтомобиля, 211 орудий, 1940 автомашин, 83 тягача, 112,8 км телефонного кабеля и 6000 км линий электропередач;

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 552. Л. 82–84.

² Колтунов Г., Исаев С. Крымская операция в цифрах // Военно-исторический журнал. 1974. № 5. С. 39.

³ Великая Отечественная. Т. 9. С. 553–554.

¹ Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Освобождение Крыма... С. 95.

захватили 201 автомашину, 40 тракторов, 2627 лошадей, 542 повозки, 17 орудий, 250 пулеметов, 254 автомата, 5415 винтовок, боеприпасы и военное имущество¹. Не менее важен политический итог: все дни оккупации в Крыму не прекращалась борьба партизан и подпольщиков с противником.

Значительный вклад в обеспечение партизанских формирований внесла авиация. За все время их боевой деятельности было «проведено полетов в Крым: самолетами типа ТБ-3 и Ли-2 — 450 самолето-вылетов, типа ПР-5 и У-2 — 261. Доставлено... 725 т боеприпасов, продовольствия, медикаментов, обмундирования. Вывезено из отрядов 1311 раненых и больных партизан. Вывезено из тыла противника 545 человек гражданского населения... Заброшено в партизанские отряды и тыл противника 521 человек командно-политического состава и спецгрупп»². Но эти 711 полетов совершили только указанные типы авиатехники. Учитывая другие самолеты (авиация Черноморского флота за 1941–1944 гг. совершила 177 вылетов на специальные задания)³, можно говорить о почти тысяче успешных вылетов. Потери составили 22 самолета⁴.

Потери партизан за весь период с 1941 по 1944 г. составили 5608 человек, из них 33% погибли в боях и умерли от ран, 13% умерли от голода и 18% пропали без вести. И еще примерно 1 тыс. человек, эвакуированных из леса вследствие ранений и болезней, остались инвалидами. За все время оккупации погибли более 700 подпольщиков⁵.

В марте 1942 г. командованием Крымского фронта были награждены несколько керченских партизан. С осени 1942 г. партизаны награждались массово: 288 человек получили ордена и медали по приказу командующего Черноморской группой войск Закавказского фронта. Всего государственных наград удостоились более 4 тыс. крымских партизан и подпольщиков, в том числе 14 человек награждены орденом Ленина, руководителю севастопольской подпольной организации В. Д. Ревякину в 1965 г. присвоено звание Героя Советского Союза (посмертно).

§ 4. Освобождение Крыма (апрель — май 1944 г.)

А. В. Исаев

Предпосылками для начала освобождения Крымского полуострова стали успешное для Красной армии развитие летне-осенней кампании 1943 г. и перехват стратегической инициативы. Первый план высадки десантов в Крыму был представлен в Став-

ку 30 сентября 1943 г. командующим Северо-Кавказским фронтом И. Е. Петровым и командующим Черноморским флотом вице-адмиралом Л. А. Владимирским. В середине октября он был утвержден в окончательном варианте. Германское командование в тот период намеревалось эвакуировать войска из Крыма, грозящего стать мышеловкой для 17-й армии генерал-полковника Э. Йенеке. Однако в последний момент (28 октября 1943 г.) А. Гитлер запретил эвакуацию и приказал удерживать Крым, мотивируя это опасностью его оставления для румынских нефтепромыслов¹. Тем не менее уже началось уничтожение материальных ценностей, гремели взрывы, которые хорошо были видны с Таманского полуострова. Это убедило командование Северо-Кавказского фронта в правильности оценки обстановки.

Откладываемая из-за погодных условий десантная операция началась в ночь на 1 ноября высадкой 2 тыс. человек в районе Эльтигена, в ночь на 3 ноября высадились две дивизии 56-й армии на Еникальском полуострове. Однако из-за принятого немцами решения удерживать Крым, переброски ими резервов и пополнений для 17-й армии, вмешательства Военно-морского флота Германии в перевозки в Керченском проливе операция развития не получила. Фронт стабилизировался на подступах к Керчи, группа командира 318-й стрелковой дивизии полковника В. Ф. Гладкова 7–11 декабря прорвалась с Эльтигенского плацдарма и эвакуировалась из района горы Митридат. С 20 ноября советские войска на Еникальском полуострове объединились под управлением Отдельной Приморской армии, возглавляемой И. Е. Петровым. Попытки расшатать оборону противника десантами в районе мыса Тархан и в Керчи в январе 1944 г. успеха не имели.

В северной части Крыма важным достижением войск 4-го Украинского фронта Ф. И. Толбухина стал стремительный прорыв на плечах отходящего противника к Турецкому валу. Части 19-го танкового корпуса генерал-лейтенанта танковых войск И. Д. Васильева в ночь с 31 октября на 1 ноября 1943 г. заняли проход вала и образовали плацдарм южнее его. Плацдарм был удержан, несмотря на яростные контратаки противника. Тем самым обеспечивались выгодные условия для наблюдения с Турецкого вала. Еще одним успехом стал захват плацдарма на Сиваше. Германское командование не уделило должного внимания обороне берега Сиваша, что позволило форсировать его 1 ноября 346-й стрелковой дивизии 51-й армии, не встречая сопротивления противника. Плацдарм был расширен и укреплен, создавая угрозу с фланга позициям немцев на Перекопе. Развитие операции было отложено из-за сосредоточения усилий 4-го Украинского фронта против никопольского плацдарма немцев. Таким образом, поздней осенью 1943 г. были созданы предпосылки для успеха операции по освобождению Крыма: силы изолированной на полуострове германской 17-й армии были разделены между двумя направлениями (Перекоп и Керчь) с необходимостью выделения войск на противодесантную оборону.

Ликвидация в феврале 1944 г. Никопольского плацдарма окончательно похоронила для немцев перспективу восстановления сухопутного сообщения с Кры-

¹ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 29. Л. 167–169.

² Крым в период Великой Отечественной войны... С. 343.

³ Советские Военно-воздушные силы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. в цифрах. М., 1962. С. 256.

⁴ ГАРК. Ф. П-151. Оп. 1. Д. 331. Л. 98–104.

⁵ Книга памяти Республики Крым. Симферополь, 1995–1997. Т. 6. 1995. С. 217–256; Т. 8. 1995. С. 317.

¹ Fuehrer Conferences on Naval Affairs, 1939–1945. London, 2005. P. 372.

мом и прорыва на соединение с основными силами группы армий «А». Тем не менее решение удержаться в Крыму оставалось неизменным, и 17-я армия была усилена резервами. В феврале на полуостров была переброшена 73-я, в марте 1944 г. — 111-я пехотная дивизия. Первую направили на Керченский полуостров, вторую — на Перекоп. Снабжение 17-й армии осуществлялось по морю из Румынии и Одессы и считалось достаточным для решения оборонительных задач.

Соображения относительно плана операции были представлены в Ставку А. М. Василевским еще 6 февраля 1944 г. Главный удар предполагалось нанести силами 51-й армии 4-го Украинского фронта Ф. И. Толбухина из района Сиваша и вспомогательный — из района Перекопа. Как вспоминал А. М. Василевский, удар с плацдарма на Сиваше «выводил наши войска в тыл всем укреплениям врага на Перекопе, а следовательно, позволял нам гораздо быстрее вырваться на просторы Крыма»¹. Для проведения наступления советские войска на подступах к Крыму с севера усиливались высвободившейся 2-й гвардейской армией генерал-майора Г. Ф. Захарова. Операция первоначально должна была стать частью общего весеннего наступления Красной армии в южном секторе советско-германского фронта. 2-й гвардейской армии на Перекопском перешейке и Отдельной Приморской армии А. И. Еременко² на Керченском полуострове достались вспомогательные задачи.

Однако с 12 по 18 февраля 1944 г. на Черном море бушевал сильнейший шторм, сопровождавшийся большим подъемом воды с волнобоем на Сиваше, что привело к выходу из строя обеих переправ через Сиваш. Строившиеся много недель дамбы переправы № 1 (до м. Джонгара) оказались размыты на большом протяжении. Восстановление переправ потребовало больших усилий, а также увеличения протяженности участка паромной переправы. Первые девять танков Т-34 переправились через Сиваш только 9 марта³. Нанесение главного удара с плацдарма на Сиваше означало необходимость сосредоточения тяжелой техники (как танков, так и орудий калибром до 203-мм), и начало наступления было отложено. Как докладывал в Ставку А. М. Василевский, «операцию можно будет начать лишь в период между 15–20 марта». В последний момент наступление отложили из-за плохой погоды, в итоге дату начала операции, впоследствии названной «Третьим ударом», назначили на 8 апреля 1944 г.

Нельзя не отметить, что сосредоточение большой массы техники удалось скрыть от противника. Командующий немецкой 17-й армией Э. Йенеке 3 апреля убеждал командира 49-го горного корпуса генерала Р. Конрада: «Количество вражеских танков на Сивашском плацдарме Вы считаете 80–100, а, по моему мнению, их там меньше. Я думаю, что «сталинские органы» минометных частей Вы спутали с легкими танками»⁴. На самом деле на плацдарм были заблаговременно переправ-

лены не только танки частей непосредственной поддержки пехоты, но и 19-го танкового корпуса, предназначенного для развития прорыва.

Численность сосредоточенных для проведения операции войск к началу апреля характеризовалась следующими цифрами. Без учета тыловых частей и частей боевого обеспечения 51-я армия насчитывала 93 300 человек, 2-я гвардейская армия — 72 230 человек, части и соединения в подчинении фронта — 20 681 человек¹. Отдельная Приморская армия насчитывала 92 367 человек. Характерной чертой Крымской операции стало использование орудий особой мощности: 280-мм мортиры Бр-5 предполагалось задействовать в разрушении обороны противника на Перекопе.

Общая численность немецкой 17-й армии в начале апреля 1944 г. составляла 235 тыс. человек, при этом значительная часть — румыны. На 1 апреля 1944 г. румынская армия в Крыму была представлена горным корпусом (32 561 человек) и кавалерийским корпусом (32 151 человек)². Одна из пехотных дивизий румын (10-я) оборонялась на подступах к плацдарму на Сиваше, занимаемому войсками 51-й армии. Воспоминания о советском десанте, предпринятом в декабре 1941 г., заставляли немцев расплывать и без того немногочисленные резервы. Так, полковая группа 111-й пехотной дивизии с батареей штурмовых орудий занимала бутылочное горлышко (так немцы называли район Парпачского перешейка) у Феодосии.

Длительное время, в течение которого велась подготовка операции, позволило тщательно спланировать прорыв немецкой обороны. Так, с целью сближения с противником на Перекопе были отрыты так называемые усы — траншеи в сторону неприятеля. Расстояние от усов до передней траншеи противника колебалось от 70 до 150 м, что сокращало время на бросок в атаку. Штурмовые группы тренировались в тылу на полигонах, воспроизводящих систему немецкой обороны на участке будущего прорыва.

В ночь на 8 апреля 1944 г. пехота заняла исходное положение. В ходе артиллерийской подготовки утром того же дня был использован необычный прием с целью введения в заблуждение противника. Во 2-й гвардейской армии заранее заготовили 1,5 тыс. чучел с касками. В ходе ложного переноса огня в глубину пехотинцы передовых подразделений с криками «ура!» выставили из окопов чучела и небольшими группами обозначили начало атаки. Немецкие солдаты бросились из «лисьих нор» к пулеметам, молчавшие батареи открыли огонь, и в этот момент последовал новый удар советской артиллерии, дезорганизовавший сопротивление. Как указывалось в немецком докладе по горячим следам событий, «линию обороны сравняло с землей»³. Это неудивительно, поскольку 2-я гвардейская армия в этом столкновении с противником массированно использовала тяжелую 203–280-мм артиллерию.

¹ Василевский А. М. Дело всей жизни. М., 1978. С. 381.

² Сменил отстраненного за неудачи десантов января 1944 г. И. Е. Петрова.

³ ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 803. Л. 28.

⁴ Литвин Г. А., Смирнов Е. И. Освобождение Крыма... С. 60–61.

¹ Операции советских вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945. М., 1958. Т. 3: Операции советских вооруженных сил в период решающих побед (январь — декабрь 1944 г.). С. 182.

² Axworthy M. Third axis, Fourth ally: Romanian armed forces in the European War, 1941–1945. Minneapolis, MN, 1995. P. 133.

³ ЦАМО РФ. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 521. Л. 13.

Несмотря на сложности, вызванные подрывом танков на невскрытом минном поле в глубине обороны (подорвались сразу 12 танков, еще два сгорели, 11 было подбито)¹, войска 2-й гвардейской армии быстро овладели Армянском и частично окружили 50-ю пехотную дивизию ударом в направлении Перекопского залива. Командование немецкой 17-й армии приказало уже в ночь на 10 апреля отходить на Ишуньскую позицию². Срыву организованного отхода способствовал советский тактический десант через залив. Оборона на озерных дефиле под Ишунью занималась немцами поспешно, по существу, к моменту получения приказа на отход в Севастополь она уже была взломана.

Главный удар 51-я армия наносила с Сивашского плацдарма на тарханском направлении. Однако атаки на Тархан в первый день операции успеха не имели. Напротив, на вспомогательном каранкинском направлении оборона румын пошатнулась уже в первый день боев. Командующий армией генерал-лейтенант Я. Г. Крейзер быстро сориентировался в обстановке и перенацелил на Каранки танки и артиллерию. Ввод в бой немцами резервов по частям привел к их постепенному перемалыванию под ударами советских танков и артиллерии. Ускорился обвал немецкой обороны тактическим десантом во фланг через озеро Айгульское. С утра 11 апреля в бой вступил 19-й танковый корпус, быстро набравший высокий темп наступления. Уже в 11 час. передовой отряд 202-й танковой бригады вышел к Джанкою. Город был полностью очищен от противника к 18 час. того же дня.

11 апреля командование немецкой 17-й армии решило начать отход в Севастополь и эвакуацию войск, разрешение из Берлина на проведение этих мероприятий было получено на следующий день. Войска 4-го Украинского фронта перешли к преследованию противника с вводом в бой передовых отрядов. Прорыв немецких позиций в северном Крыму произошел в немалой степени благодаря сильному артиллерийскому удару войск 4-го Украинского фронта. С 8 по 10 апреля войска фронта израсходовали 677 вагонов боеприпасов³. На этот период пришлось меньшая часть потерь личного состава фронта (3923 человека убитыми и 12 166 ранеными)⁴.

Приказ на отход войскам 5-го армейского корпуса под Керчью был отдан штабом 17-й армии еще 10 апреля. Выполнение приказа началось в ночь на 11 апреля. К тому моменту войска Отдельной Приморской армии были готовы к преследованию противника, А. И. Еременко уже вечером 10 апреля отдал приказ о наступлении, и с 22 час. стала производиться разведка боем. Общее наступление войск началось в 2 час. 11 апреля, в 6 час. была освобождена Керчь. Планомерный отход противника оказался сорван, арьергарды частично уничтожены. Запланированный отход 5-го армейского корпуса через Карасубазар на Симферополь привел немцев под удар 19-го танкового корпуса и вытеснил остатки корпуса генерал-лейтенанта К. Альмендингера на Приморское шоссе. Из Судака, Ялты, Алушты личный состав

отходящих дивизий частично вывозился морем на быстроходных десантных баржах. По оценке в отчете адмирала Г. Бринкмана, объем перевозок личного состава из приморских портов составил около 10 тыс. человек¹. Поспешная эвакуация заставляла немцев бросать артиллерию и пристреливать лошадей тыловых и артиллерийских частей. Один из участников событий, старший офицер Генерального штаба в Отдельной Приморской армии Н. Д. Салтыков вспоминал: «В Алуште все приморские парки были завалены трупами пристреленных гитлеровцами лошадей»².

Период преследования противника в Крымской операции в некоторой степени может быть назван временем упущенных возможностей. Во-первых, из-за ранения опытного командира 19-го танкового корпуса генерал-лейтенанта И. Д. Васильева подразделением фактически командовал заместитель командующего 51-й армией генерал-майор В. Н. Разуваев. Он поставил бригадам корпуса задачи наступать на трех разных направлениях: Бахчисарай, Алушта и Карасубазар (блокирование отхода противника от Керчи). Это привело к разгрому крупных сил немцев и румын у Карасубазара, но одновременно не был использован шанс взять Севастополь с ходу ударом всего 19-го танкового корпуса. Передовые отряды 2-й гвардейской армии не обладали достаточными ударными возможностями для захвата занятых немцами на подступах к городу рубежей. Во-вторых, отходящие немецкие и румынские части не были разгромлены с воздуха. Запасов авиационного горючего 8-й воздушной армии хватило на поддержку прорыва немецкой обороны на Перекопе, но уже не осталось на преследование противника. 13 апреля летали только ночные У-2, 14 апреля 8-я воздушная армия совершила всего 204 вылета, 15 апреля — 441, 16 апреля — 271³. По существу, штурмовики вынужденно бездействовали, когда немцы отходили к внешнему оборонительному обводу Севастополя.

Вместе с тем советским частям удалось сбить немцев со старого обвода Севастопольского оборонительного района под Балаклавой, а также вклиниться в оборонительный рубеж на Бельбеке. Это определило стратегию 4-го Украинского фронта при штурме Севастополя: нанесение главного удара силами Отдельной Приморской армии вдоль Ялтинского шоссе с вводом в прорыв 19-го танкового корпуса.

Одним из дискуссионных вопросов является оценка возможности вмешательства советского Военно-морского флота в процесс эвакуации немцев из Крыма. После потери 6 октября 1943 г. лидера и двух эсминцев от ударов немецких пикировщиков Ставка запретила использование крупных кораблей без особого разрешения. Кроме того, немецкое командование для противодействия Черноморскому флоту держало в готовности флотилию торпедных катеров и самолеты-торпедоносцы с опытными экипажами. Это делало потери крупных советских кораблей в атаках на конвои практически неизбежными, что могло снизить эффект от успеха операции в целом.

¹ ЦАМО РФ. Ф. 303. Оп. 4005. Д. 384. Л. 3.

² Там же. Ф. 500. Оп. 12451. Д. 521. Л. 13.

³ Там же. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 455. Л. 202.

⁴ Там же. Л. 204.

¹ NARA. T-1022. Roll 1907. Frame 88.

² Салтыков Н. Д. Докладываю в Генеральный штаб. М., 1983. С. 227.

³ ЦАМО РФ. Ф. 244. Оп. 3000. Д. 455. Л. 203.

Еще до завершения отхода 17-й армии Севастополь был объявлен немцами «крепостью». Э. Йенеке пытался настаивать на эвакуации 17-й армии, что привело к его конфликту с А. Гитлером и отстранению от должности командующего армией. Его заменил командир 5-го армейского корпуса К. Альмендингер. По состоянию на 3 мая 1944 г. в Севастополе оставались 67 384 немца, 18 077 румын и 810 человек в охранных подразделениях¹. Сосредоточенные для удара по последнему бастиону врага в Крыму советские войска насчитывали на 1 мая 1944 г. 242 159 человек, в их распоряжении находилось 5541 орудие и миномет, 340 танков и самоходных артиллерийских установок.

Наступление Красной армии на Севастополь началось в 10 час. 5 мая 1944 г. с двухчасовой артиллерийской подготовки, проведенной 2-й гвардейской армией. Прогресс на сильно пересеченной местности Северной стороны шло медленно. 6 мая частью сил перешла в наступление 51-я армия. Наконец, в 10 час. 30 мин. 7 мая 1944 г. после полуторачасовой артподготовки и мощного авиаудара к наступлению присоединилась Отдельная Приморская армия. Наибольший успех был достигнут на стыке 51-й и Отдельной Приморской армий, где войскам удалось овладеть сильным опорным пунктом противника — Сапун-горой.

В литературе часто встречаются утверждения о весьма тяжелых потерях советских войск на Сапун-горе, о тысячах убитых. Однако, согласно донесению 63-го стрелкового корпуса, потери за три дня боев (с 7 по 9 мая 1944 г.) составили 748 человек убитыми и 3077 ранеными². Потери 32-й гвардейской стрелковой дивизии Приморской армии за 7 мая составили 39 человек убитыми и 141 ранеными³. В отчете о действиях 11-й пехотной дивизии в качестве одной из причин быстрого оставления немцами выгодной для обороны и крайне важной высоты Сапун-гора называлась паника, возникшая в войсках ввиду их слабой подготовки. Напротив, мастерство советских войск позволяло достигать решительного результата в кратчайшие сроки.

Потеря Сапун-горы привела к разрушению немецкой обороны Севастополя в целом. Командование 17-й армии приняло поспешное решение об оставлении Северной стороны для высвобождения резервов и восстановления фронта. Уже вечером 8 мая командующий группой армий Ф. Шернер запросил Ставку фюрера: «Прошу разрешить эвакуацию, так как дальнейшая оборона Севастополя более невозможна». Через несколько часов поступил приказ А. Гитлера об оставлении «крепости». Преследуя по пятам отходящего противника, части 2-й гвардейской армии вышли к Северной бухте. К исходу дня 9 мая город Севастополь был освобожден. Советское наступление на короткое время было остановлено на так называемом аварийном рубеже — на подступах к мысу Херсонес.

Поспешное оставление позиций и потеря Северной бухты существенно ухудшили условия эвакуации немецких войск из Севастополя. Вошедший

в Северную бухту утром 9 мая конвой в составе танкера «Продромос», двух буксиров и лихтера был немедленно расстрелян поставленной на прямую наводку артиллерией 2-й гвардейской армии. Потеря гавани заставляла немцев осуществлять погрузку на корабли в море с лодок и паромов, что замедляло посадку. Командующий 17-й армией К. Альмендингер, начальник штаба Ксиландер и другие штабные офицеры эвакуировались в ночь на 10 мая боевыми кораблями. Также было эвакуировано командование 49-го горного корпуса. Командование остатками 17-й армии в итоге принял командир 73-й пехотной дивизии генерал Ф. Беме.

10 мая по эвакуации 17-й армии нанесла еще один удар переменчивая погода, в районе Констанцы и Севастополя дул северо-восточный ветер силой 7–8 баллов. Тем самым из состава конвоев оказались исключены все суда ограниченной мореходности. Кроме того, встречный ветер задержал движение даже крупных кораблей, и они подошли к Севастополю уже после рассвета. Поэтому погрузка велась при свете дня под ударами советской авиации. В итоге конвой «Патриа» в составе теплоходов «Тотила» и «Тейя» под прикрытием «раумботов»¹ был разгромлен с воздуха, оба теплохода потоплены советскими самолетами-топмачтовиками, унеся на дно около 7,5 тыс. немецких солдат и офицеров. По расчетам немецкого командования конвой «Патриа» должен был переправить в Констанцу 9 тыс. человек, план этот полностью провалился.

Следующий удар был нанесен советским подводным флотом. Подводная лодка Л-4² около 6 час. утра 11 мая атаковала конвой противника и повредила танкер «Фридерике» («Фируз»), и без того вышедший в море неисправным, но обладавший большой грузоподъемностью — около 10 тыс. человек. Это сразу резко уменьшило возможности эвакуации. Подошедшие к Херсонесу днем суда подверглись атаке со стороны советских военно-воздушных сил. Пароход «Данубиус» утром 11 мая затонул перед Херсонесом от попадания бомбы³, «Романиа» в процессе погрузки попал под удар авиации, загорелся и затонул в результате взрыва боеприпасов. Пароход «Хельга» в районе Херсонеса сел на мель, был поврежден бомбами, загорелся и затонул. В целом немцы потеряли половину крупных судов, участвовавших в эвакуации 17-й армии. Гораздо более эффективным было использование быстроходных десантных барж, представлявших собой малоразмерную цель для авиации и практически неуязвимых для торпедоносцев из-за их малой осадки.

Отход немцев к пристаням в ночь на 12 мая был сорван ночным наступлением 51-й армии. Бригады 19-го танкового корпуса уже в 7–8 час. утра прорвались к берегу моря. Всего за день на мысе Херсонес были пленены 25 тыс. немецких солдат и офицеров и взяты богатые трофеи.

Общие потери немцев и румын в Крыму можно оценить в 80–100 тыс. человек. Безвозвратные потери советских войск с 8 апреля по 12 мая 1944 г. составили

¹ Hillgruber A. Die Raumdung der Krim 1944. Berlin, 1959. S. 134.

² Морозов М. Э. Подводные лодки ВМФ СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945. Летопись боевых походов. М., 2003. Ч. 2: Черноморский флот. С. 20.

³ Обстоятельства даются по Журналу боевых действий авиации Черноморского флота (NARA. T-1022. Roll 2563. Frames 73–74).

¹ NARA. T-78. Roll 269. Frame 6217195.

² ЦАМО РФ. Ф. 954. Оп. 1. Д. 21. Л. 134.

³ Там же. Ф. 1118. Оп. 1. Д. 16. Л. 378 об.

вили 17 754 человека, даже по самым заниженным оценкам вчетверо меньше, чем у противника.

Разгром 17-й армии в Крыму знаменовал собой новый период в действиях советских войск, время сокрушительных ударов по противнику с разгромом целых армий. Катастрофа в Крыму в немалой степени повлияла на позицию Румынии как германского союзника и стала шагом к выходу ее из войны на стороне Германии в августе 1944 г. Также разгром в Крыму произвел впечатление на Турцию как поставщика хромовой руды Третьему рейху, поставки были свернуты. Для Красной армии успех в Крыму в мае 1944 г. означал высвобождение двух армий, которые вскоре были задействованы в развитии операции «Багратион».

Глава 29

Крым на завершающем этапе Великой Отечественной войны. Май 1944 г. — 1945 г.

§ 1. Крым после оккупации

О. В. Волобуев

В условиях продолжения войны и в послевоенное время Крым не только сохранил, но и усилил свое военно-стратегическое значение для страны и ее юго-западных рубежей. На его территории находилась главная военно-морская база Черноморского флота. В известном смысле можно сказать, что весь полуостров был цитаделью, выдвинутой самой географией на роль стража Северного побережья Черного моря. Великая Отечественная война наглядно показала, что значил Крым для развития как наступательных, так и оборонительных военных операций на южном направлении. Неслучайно после освобождения полуострова на его территории была оставлена Отдельная Приморская армия. В июле—августе 1945 г. полевое управление армии было преобразовано в Управление Таврического военного округа.

Еще не окончилась война, как флот начал возвращаться в Севастополь. В октябре 1944 г. из Новороссийска в Балаклаву перебазировалась 2-я бригада подводных лодок. В ноябре в Севастополь вернулась черноморская эскадра, возглавляемая адмиралом Ф. С. Октябрьским. Судам надо было швартоваться, поэтому в первую очередь оборудовались причалы. В сентябре 1945 г. нарком Военно-морского флота Н. Г. Кузнецов утвердил тактико-техническое задание по восстановлению базы Черноморского флота в Севастополе. Тактико-техническая документация была подготовлена также для Керчи и других крымских портов, включая поселок Черноморский (на Тарханкуте). Однако все время военным судам, даже для загрузки водой, приходилось пользоваться портами на Кавказском побережье (Новороссийск и др.).

После освобождения Севастополя первыми встали вопросы разминирования побережья, прилегающей к нему акватории, а также расчистки городских развалин. При разминировании побережья от мыса Фиолент до Северной бухты Севастополя было извлечено 337 632 взрывоопасных предмета (мин, бомб и снарядов), проведено траление всех Севастопольских и Балаклавской бухт. Приходилось одну и ту же водную площадь покрывать два или три раза разными типами тралов.

Не только в Севастополе, но и в Керчи территория города была нашпигована сложными минными полями. На противотанковые минные участки накладывались участки противопехотных мин. Особо опасными являлись мины, расставленные в жилых кварталах. В отличие от Севастополя, где разминирование проводилось, как правило, воинскими частями, в Керчи оно во многом было возложено на молодежь. Саперы Керченской базы Черноморского флота и Приморской армии расчищали самые ответственные участки, им доставались основные работы, остальные выпали на долю бойцов-минеров из команд Осоавиахима или военкомата. Комплектовались они из числа рабочей молодежи, парней и девушек в возрасте от 16 до 23 лет, предпочтительно из комсомольцев, хотя последние не составляли в отрядах большинства. К разминированию привлекалась и сельская молодежь, проживавшая в близлежащих к Керчи районах. Преобладали в командах минеров допризывники. Обычно на курсы направлялись группы от керченских предприятий, например от рыбкомбината были направлены 26 девушек-работниц. Минеры числились за предприятиями и получали там продуктовые карточки. Организованного питания не было, каждый приносил из дома, что мог. Длительность обучения на курсах не превышала трех месяцев, но порой ограничивалась 10 днями. Работали минеры на протяжении всего светового дня, приходилось вручную выносить предназначенные для подрыва боеприпасы весом до 20 кг¹. Сплошное разминирование в Керчи продолжалось до 1946 г. В целом на крымской суше и просторах Черного моря было обнаружено и обезврежено более 1,1 млн боеприпасов².

Армия и флот не только обустроивались сами, но и помогали Крыму подниматься из развалин и разрухи, убирать урожай, ремонтировать сельскохозяйственную технику, предоставляя хозяйствам автомашины и лошадей, участвуя в строительных работах, а крымчане старались внести свой вклад в окончание войны.

Колхозы предоставили в фонд Красной армии 184 тыс. пудов хлеба. Керченские рыбаки поставили для Красной армии 1167 ц сельди. Население с первых дней освобождения оказывало помощь в организации госпиталей для раненых красноармейцев.

§ 2. Депортация крымских татар, болгар, греков, армян

О. В. Волобуев

После освобождения Крыма от гитлеровских оккупантов, осуществленного Красной армией 8 апреля — 12 мая 1944 г., советское руководство вслед за проведенными депортациями калмыков и народов Северного Кавказа (чеченцев, ингушей,

карачаевцев, балкарцев) приняло решение о выселении крымских татар. Мотивы (сотрудничество с оккупантами), порядок и условия выселения были определены постановлением Государственного Комитета Обороны СССР (ГКО СССР) от 11 мая 1944 г. Спецпереселенцам разрешалось взять с собой личные вещи, одежду, бытовой инвентарь, посуду и продовольствие весом до 500 кг на семью. Приемку скота и сельхозпродукции от депортируемых следовало производить с выпиской обменных квитанций, также полагалось разработать правила возвращения изъятого¹.

Подготовка к выселению началась еще в апреле 1944 г. В ходе освобождения Крыма производились аресты членов и активистов сотрудничавшего с оккупантами Мусульманского комитета. Комиссары НКВД СССР, заместители наркома Б. З. Кобулов и И. А. Серов, которым было поручено руководить переселением народов Крыма, докладывали, что к концу апреля 1944 г. выявлено 5806 антисоветских элементов, изъято у населения 6100 единиц оружия, направлены в армию 58504 человека, из них 6941 татарской национальности, отправлены в фильтрационные пункты 14214 человек². В другой докладной записке они просили выделить для операции по выселению 2 тыс. грузовиков и 1,5 тыс. т автобензина. К этой операции привлекались воинские части, принимавшие участие в выселении народов Северного Кавказа.

Операция по депортации началась в ночь с 17 на 18 мая, на следующий день сотни автомашин свозили семьи крымских татар на железнодорожные станции. Паша-Халид из селения Ай-Василь (окрестности Ялты), которому тогда исполнилось восемь лет, вспоминал об этом так: «Нас отводят на кладбище и до утра там держат. Утром грузят на «студебекеры» и везут через Ай-Петри в Сюрен на станцию. Там загоняют в глухие вагоны и везут. При погрузке в вагоны разделили семью... Все, кто был в вагоне, были ошеломлены случившимся, никто ничего не понимал. Старались предугадать судьбу: повернет поезд налево — к несчастью, к смерти, повернет направо — останемся жить. В вагоне преимущественно были старики, женщины, дети. В Саратове нас пересадили на грузовые баржи. Пять дней ни у кого маковой росинки во рту не было: не кормили, пока не привезли в Марийскую АССР»³. В постановлении ГКО СССР от 11 мая 1944 г. предусматривалось обеспечение спецпереселенцев в дороге горячим питанием и кипятком, однако этот пункт часто не соблюдался.

Через два дня в донесении ГКО СССР на имя И. В. Сталина и В. М. Молотова народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия официально доложил об окончании операции: «Сегодня, 20 мая, закончена операция по выселению крымских татар. Выселено и погружено в эшелоны 180014 человек. Эшелоны направлены в Узбекскую ССР». Далее сообщалось об изъятии оружия, перечислялось его

¹ См.: Венедиктов Л. А. Разминирование Керчи [Электрон. ресурс] // KERCH.COM.RU. 2005. 10 апреля. URL: <http://www.kerch.com.ru> (дата обращения: 19.03.2017).

² Касатонов И. В. Командую флотом: С. Г. Горшков и его адмиралы на Черном море в период «холодной войны»: в 2 т. М., 2004. Т. 1. С. 115.

¹ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма: документы, факты, комментарии. М., 2002. С. 70–71.

² Там же. С. 84.

³ Кьясует: социально-литературный журнал. Крым, с. Родниковое, 1992. № 1/22. С. 16.

количество, констатировалось, что «происшествий во время операции не было»¹. Основную часть депортированных крымских татар отправили в Узбекскую ССР (151 604 человека). 6 тыс. молодых людей призывного возраста по нарядам одного из управлений Красной армии были направлены в Куйбышев, Гурьев, Рыбинск, 5 тыс. человек переданы тресту «Московуголь». Заявки на спецпереселенцев поступили также от леспромхозов и предприятий целлюлозно-бумажной промышленности из Молотовской, Горьковской, Свердловской областей и Марийской АССР (на территории РСФСР было распределено 31 555 человек). Всего из Крыма было депортировано, по официальным источникам, — 191 014 «лиц татарской национальности» (45 384 семьи)².

В соответствии с постановлением ГКО СССР от 2 июня 1944 г. из Крыма были выслены 12 075 болгар, 14 300 греков и 9919 армян³. В письме Л. П. Берии И. В. Сталину от 29 мая 1944 г. давалась мотивировка этой акции, выглядевшая натянуто и неубедительно. Например, грекам, проживавшим в приморских городах, было предъявлено обвинение в том, что с приходом оккупантов они «занимались торговлей и мелкой промышленностью», а «немецкие власти оказывали им содействие в торговле, транспортировке и т. д.». Подобного обвинения оказалось достаточно для выселения людей с мест их постоянного проживания⁴. Также в отдельных районах выселению подверглись цыгане и караимы. В действиях по выселению из Крыма «неблагонадежного» населения принимали участие 23 тыс. бойцов войск НКВД СССР и 9 тыс. оперативников НКВД СССР и НКГБ СССР⁵. С целью организации учета конфискованного имущества в Крым была командирована комиссия СНК СССР. Всего местными комиссиями в ходе учета приняты 25 561 дом, 15 тыс. различных надворных построек, 18 736 приусадебных участков, площадь которых составляла около 3 тыс. га. По другим данным, осталось более 25 829 домов и 26 567 надворных построек⁶.

В декабре 1944 г. указ Президиума Верховного совета РСФСР положил начало переименованию населенных пунктов Крыма, имевших нерусские названия. Подготовка к этой акции началась еще в октябре 1944 г. на заседании Крымского обкома ВКП(б), указавшего на необходимость изменения названий, связанных «с татарским, греческим, немецким происхождением»⁷. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 июня 1945 г. Крымская АССР была переименована в Крымскую область в составе РСФСР⁸.

Крымские татары перед войной составляли около 18% населения полуострова, но большинство из них жили в сельской местности, поэтому в первую очередь пострадало сельское хозяйство. Еще долго, вплоть до 1950-х гг., в предгорьях можно было часто наткнуться на растущие за каменными оградами давно не обрезавшиеся грушевые и яблоневые деревья — заброшенные сады-чаиры. Изгнанные из Крыма семьи оставили там не только дома и домашний скот, но и весь свой скот, поля и огороды, сады и виноградники.

Дорога в изгнание была тяжелой: депортируемые испытали много мучений, немало было и смертей. При этом намерения заморить людей голодом у власти, конечно же, не было. Сохранилась ведомость выделения продуктов Народному комиссариату торговли СССР для питания переселенцев в пути следования, датированная 11 мая 1944 г. В ней перечислялись выданные продукты из расчета следующей суточной нормы на человека: хлеб — 500 гр., мясо/рыба — 70 гр., крупа — 60 гр., жиры — 10 гр. Имеется и ведомость (приложение № 2 к постановлению ГКО СССР № 5859сс от 11 мая 1944 г.) о выделении продуктов для спецпереселенцев в Узбекской ССР из расчета месячной нормы на человека: 8 кг муки, 8 кг овощей, 2 кг крупы. Правда, нормы эти не всегда соблюдались, впрочем, как и в отношении не подвергавшихся репрессиям советских граждан⁹.

Условия жизни ссыльных в первые месяцы являлись достаточно тяжелыми. Это признали советские и партийные органы. Так, 13 июля 1944 г. в постановлении Совета народных комиссаров Узбекской ССР и ЦК КП(б) Узбекистана отмечалось: «В ряде районов республики спецпереселенцы крымские татары размещены и благоустроены совершенно неудовлетворительно, не обеспечены жилищами и санитарно-медицинским обслуживанием, трудоустройство происходит крайне медленно»¹⁰.

Массовая смертность от голода и лишений стала повседневностью жизни переселенцев в семьях представителей раскулаченных или наказанных народов. По данным 1945 г., умерших среди крымских спецпереселенцев насчитывалось 15 997 человек¹¹, а всего за период с 1 января 1945 г. по 31 декабря 1950 г. умерли 32 107 человек¹². На первых порах депортированные должны были получать определенную им месячную продовольственную норму, однако выдавалась она только в течение трех месяцев¹³. Среди спецпереселенцев было немало людей, служивших ранее в Красной армии. Их общая численность по состоянию на март 1949 г. составляла 8995 человек, в том числе 1392 сержанта и 524 офицера¹⁴.

Некоторая забота была проявлена по отношению к крымским татарам — членам и активистам партии. В августе 1944 г. ЦК ВКП(б) дал указание ЦК КП(б) Узбекистана использовать всех бывших партийных работников Крыма в низовых

¹ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 88; *Он же*. Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...»: [О депортации народов в СССР в 30–40-е гг.]. М., 1995. С. 154.

² Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 88–89.

³ «По решению правительства Союза ССР...»: (Депортация народов: документы и материалы) / сост., коммент. Н. Ф. Бугай, А. М. Гонов. М.; Нальчик, 2003. С. 550–551.

⁴ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 90.

⁵ Там же. С. 93.

⁶ ГАРК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2221. Л. 4. Сведения предоставлены Р. И. Хаяли.

⁷ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 120.

⁸ Там же. С. 122.

⁹ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 73.

¹⁰ Бекабадский городской архив. Ф. 35. Оп. 1. Д. 43. Л. 33. Сведения предоставлены Р. И. Хаяли.

¹¹ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 100.

¹² «По решению правительства Союза ССР...». С. 572.

¹³ Там же. С. 547.

¹⁴ Там же. С. 571.

звеньях партийных, советских и хозяйственных аппаратов и в целом уделять больше внимания трудовому и хозяйственному устройству крымских спецпереселенцев¹.

О положении спецпереселенцев из Крыма можно в какой-то мере судить по официальным документам 1944–1945 гг. Так, очень неудовлетворительными выглядели бытовые условия в Костромской области, где в числе спецпереселенцев находились и крымские татары. Там люди жили в бараках, не обеспечивались одеждой и обувью («спецпереселенцы работают в лесу босиком»), получали хлеб из расчета 150 гр. на человека². В связи с антисанитарными условиями быта среди крымских татар в разных местах имелись вспышки сыпного тифа, а также заболевания дизентерией, чесоткой, экземой. Несколько более приемлемым (но тоже очень тяжелым) было положение крымских татар в Узбекистане, о чем свидетельствует докладная записка НКВД Узбекской ССР в НКВД СССР, хотя и здесь ситуация оставляла желать лучшего: «По состоянию на 10 июня 1945 г. из 14 631 семьи спецпереселенцев в колхозы были приняты 13 645 семей (93%)». Отмечалось, что приусадебными участками и индивидуальными огородами были наделены 84% семей. Проживали в непригодных условиях 3660 семей. Число бесприютных детей составляло 1483³.

В первые годы после депортации происходило уменьшение численности крымских спецпереселенцев за счет превышения смертности над рождаемостью. В 1945–1950 гг. рождаемость составила 13 823 человека, а смертность — 32 107. Постепенное повышение численности начиналось лишь со второй половины 1948 г. На 1 января 1954 г. крымский контингент спецпереселенцев насчитывал 202 464 человека, в том числе 165 629 татар. Граждане, освобожденные из спецпоселения (таковых до конца 1948 г. насчитывалось 3531 человек), не имели права возвращаться в Крым⁴. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. предписывалось, что переселение проведено навечно и без права возврата на прежние места жительства.

Несправедливая и жестокая в отношении целых народов сталинская депортация завязала первый gordiev узел исторической судьбы и крымских татар, и оставленного ими Крыма на долгие в рамках человеческой жизни годы.

§ 3. Ялтинская конференция глав стран антигитлеровской коалиции (4–11 февраля 1945 г.)

С. В. Юрченко

Важным событием в истории Крымского полуострова стало проведение в Ялте встречи председателя Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталина, президента США Ф. Рузвельта и премьер-министра Великобритании У. Черчилля, состоявшейся 4–11 февраля 1945 г.

¹ Бугай Н. Ф. Депортация народов Крыма... С. 140–141.

² Там же. С. 142.

³ Там же. С. 146.

⁴ Земсков В. Н. Спецпоселенцы из Крыма (1944–1956) // Крымский музей. 1994. № 1. С. 74.

Осенью 1944 г. главы стран антигитлеровской коалиции все в большей мере задумывались о послевоенном устройстве мира, что вызывало противоречия в «великом союзе». В ситуации успешного продвижения Советской армии в Европе руководители трех держав решили устроить конференцию.

Начиная с 16 июля 1944 г., когда У. Черчилль в послании Ф. Рузвельту впервые упомянул о необходимости новой встречи лидеров «большой тройки», в их переписке упоминались возможные места проведения конференции: Каабланка, Рим, Тегеран, Инвергордон, Гаага, Афины, Кипр, Мальта, Пирей, Салоники, Константинополь, Иерусалим, Ривьера, Хайфа, Александрия, Таормина¹. За напряженной перепиской по поводу времени и места проведения конференции скрывались серьезные соображения, связанные с обеспечением успеха «своей» внешней политики на завершающем этапе войны. «Сталин не раз говорил, — вспоминал нарком иностранных дел В. М. Молотов, — что Россия выигрывает войны, но не умеет пользоваться плодами побед. Русские воюют замечательно, но не умеют заключать мир, их обходят, недодают»². Чтобы эта историческая ошибка не повторилась вновь, советский лидер откладывал время проведения конференции, предоставляя временной ресурс продвигавшимся на запад советским войскам.

Тем временем президент США, как писал его советник Г. Гопкинс, «как всегда стал подбирать место для конференции, и в предложенных им многочисленных вариантах Россия не фигурировала. Как только этот вопрос стал обсуждаться, я сказал президенту, что в свете обстановки на германском Восточном фронте нет никакой надежды уговорить Сталина выехать из России. И если президент не учтет этого обстоятельства, то дело закончится бесконечным потоком раздражительных телеграмм с обеих сторон, и мы не сдвинемся с места. Поэтому нам лучше заранее решить поехать в какой-нибудь удобный пункт в России, предпочтительно в Крым. Президент не возражал против этого, но ввиду предстоявших выборов считал это неразумным»³.

Г. Гопкинс встретился с советским послом А. А. Громыко и сообщил ему о желании созвать конференцию. При этом советник президента спросил: «Найдется ли в Крыму подходящее место для конференции?» «Вероятно, найдется», — последовал ответ. 19 октября И. В. Сталин писал Ф. Рузвельту: «Посол Громыко информировал меня о недавней своей беседе с г-ном Гопкинсом, в которой Гопкинс высказал мысль о том, что Вы могли бы прибыть в конце ноября в Черное море и встретиться со мной на советском черноморском побережье. Я весьма приветствовал бы осуществление этого намерения. Из беседы с Премьер-Министром я убедился, что он также разделяет эту мысль. Таким образом, в конце ноя-

¹ См.: Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны / пер. с англ. М., 1995. С. 666, 667, 671, 705, 724; Переписка Председателя Совета Министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: в 2 т. 2-е изд. М., 1989. Т. 1. С. 299–300; Т. 2. С. 157, 175, 177–178.

² Чуев Ф. И. Молотов: Полудержавный властелин. М., 1999. С. 102.

³ Шервуд Р. Рузвельт и Гопкинс глазами очевидца: в 2 т. М., 1958. Т. 2. С. 558.

бря могла бы состояться встреча нас троих, чтобы рассмотреть накопившиеся за время после Тегерана вопросы»¹.

Ф. Рузвельт в послании У. Черчиллю 9 декабря отметил: «Думаю, что смогу выехать после вступления в должность. Я надеюсь, что дядюшка Джо (так союзники называли И. В. Сталина. — *Авт.*) сможет приехать в Рим, на Мальту, в Тармину или Египет, но, если он не пожелает и будет настаивать на Черном море, я смогу поехать туда, даже несмотря на большие трудности из-за конгресса. Гарриман (посол в СССР. — *Авт.*) предложил Батум, город с превосходным климатом. Мы с Вами могли бы поехать туда с Мальты или Афин, отправив заранее один из моих транспортных флагманов, на котором можно было бы жить. Ялта также не повреждена, хотя там открытый рейд, и нам, вероятно, пришлось бы жить на берегу»². Так Ялта впервые возникла в переписке в качестве возможного места встречи «большой тройки».

Стратегические соображения в определении места встречи касались укрепления престижа державы и обозначения общих намерений. Сталину при подготовке к проведению конференций союзников неизменно удавалось добиваться, чтобы они проходили в тех местах, при тех обстоятельствах и в те моменты (когда военные успехи Советской армии были уже неоспоримы), которые не могли оставлять никаких сомнений насчет необходимости считаться с Советским Союзом как с равным партнером. Он, по-видимому, хотел и того, чтобы руководители стран-союзников увидели ужасные разрушения, произведенные немецкими войсками. Последствия немецкой оккупации и недавних боев действительно произвели сильное впечатление на президента США Ф. Рузвельта, который сказал И. В. Сталину во время первой встречи в Ливадии, что «он поражен бессмысленными и беспощадными разрушениями, произведенными немцами в Крыму», и что «теперь... он хотел бы уничтожить в два раза больше немцев, чем до сих пор»³.

Подготовка первой многосторонней конференции на высшем уровне на территории Советского Союза была делом важным и сложным. Заместитель наркома иностранных дел И. М. Майский вспоминал: «Размещение участников конференции и их окружения представляло в условиях того времени нелегкую задачу. Крым лишь незадолго до этого был освобожден от немцев. Война оставила здесь много разрушений. Города, дороги, строения, электростанции, железнодорожные и телеграфные линии сильно пострадали»⁴. Большим разрушениям подверглась и Ливадия. Если до войны в поселке проживали 2250 человек, то после ухода немцев оста-

лись лишь 234 жителя и 19 уцелевших домов¹. Поэтому «для приема конференции нужно было многое исправить, восстановить, привести в порядок»².

Уже в начале ноября 1944 г. возглавлявший восстановительные работы в Севастополе заместитель наркома строительства СССР Н. В. Бехтин получил задание силами Особой строительной-монтажной части «Севастопольстрой» восстановить Ливадийский, Воронцовский и Юсуповский дворцы и здания некоторых санаториев. Для выполнения этих задач были отобраны самые опытные и квалифицированные специалисты, согласован план первоначальных работ. Из Севастополя на катерах и автомашинах сотни строителей отправились на Южный берег Крыма. Они немедленно приступили к работе на всех объектах, включая трассу к Сакскому аэродрому, куда должны были приземлиться самолеты союзников. Темпы работ возросли, когда 8 января 1945 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия издал приказ «О специальных мероприятиях по Крыму», в котором по каждому направлению назначался ответственный сотрудник центрального аппарата НКВД СССР.

К 22 января 1945 г. все работы завершились и объекты для размещения делегаций союзников были готовы к использованию. «За два месяца строители и реставраторы завершили всю намеченную сложнейшую программу. Но главное даже не в громадном объеме проделанного, а в том, что они своими руками сумели выполнить такие виды работ, которые требовали редчайшей квалификации специалистов. Например, отделка поверхностей объектов мрамором разных цветов и оттенков. Для этого непосредственно на месте (в Партените) было налажено производство нужных мраморных изделий. Очень сложной оказалась реставрация помещений второго этажа Белого дворца в Ливадии, построенного из плотного альминского камня. Распиловка его и отделка тоже велись на месте, что облегчало и ускоряло работы. Повышенные требования предъявлялись и к восстановлению первого этажа, где должны были проходить пленарные заседания... Парадные комнаты отделялись деревом»³. «Это была очень большая, сложная и трудная работа, — подчеркивал И. М. Майский. — Достаточно сказать, что для указанной цели в Крым было доставлено свыше 1500 вагонов оборудования, строительных материалов, мебели и т. д. Все эти усилия увенчались несомненным успехом, и участникам конференции был обеспечен максимум возможного в тот момент комфорта»⁴. Для американской делегации предназначался Ливадийский дворец, для британской — Воронцовский, а основной состав советской делегации размещался в Юсуповском дворце в Кореизе.

Весь путь, который должны были проделать делегации союзников от Сакского аэродрома до Ялты, разделялся на пять оперативных секторов, во главе которых находились руководящие работники НКВД СССР. Л. П. Берия докладывал И. В. Сталину: «На место направлены и приступили к выполнению своих обязанностей

¹ Переписка... Т. 2. С. 173.

² Секретная переписка... С. 705.

³ Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны, 1941–1945 гг.: сборник документов. М., 1984. Т. 4: Крымская конференция руководителей трех союзных держав — СССР, США и Великобритании (4–11 февраля 1945 г.). С. 45.

⁴ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата: 1925–1945 гг. 2-е изд. М., 1987. С. 750.

¹ Багров Н. В. На Крымской земле // Ялтинская конференция. 1945. М., 1985. С. 20.

² Майский И. М. Воспоминания советского дипломата... С. 750.

³ Мы — севастопольстроевцы. Страницы трудовой летописи. Севастополь, 2004. С. 41.

⁴ Майский И. М. Воспоминания советского дипломата... С. 750.

четыре полка войск НКВД, в том числе два полка специально подготовленных для несения охраны, 50 человек особо отобранных офицеров охраны, 1200 человек оперативных работников, мотоциклетный отряд в 120 человек... Вокруг помещений глав делегаций установлены два кольца чекистско-войсковой охраны, а с наступлением темноты дополнительно будет выставляться третье кольцо войсковых дозоров со служебными собаками»¹. Важные задачи по обеспечению безопасности конференции ложились на военно-воздушные силы и Черноморский флот, корабли которого были рассредоточены по маршруту Бургас—Саки с интервалом 30–40 миль.

3 февраля 1945 г. самолеты союзников приземлились на Сакском аэродроме, а затем члены делегаций на машинах отправились на Южный берег Крыма. Встретившись в Ливадийском дворце, И. В. Сталин, Ф. Рузвельт и У. Черчилль определили позиции держав на завершающем этапе войны и основы мирового порядка, существовавшего почти всю вторую половину XX в.

Лидеры трех держав констатировали, что «нацистская Германия обречена» и «германский народ, пытаясь продолжать свое безнадежное сопротивление, лишь делает тяжелее цену своего поражения», для скорейшего достижения которого союзные державы соединили военные усилия, обменялись информацией, полностью согласовали и детально спланировали сроки, размеры и координацию новых и еще более мощных ударов, которые будут нанесены в сердце Германии армиями и военно-воздушными силами с востока, запада, севера и юга. Стороны договорились об общей политике и планах принудительного осуществления условий безоговорочной капитуляции Германии: зонах оккупации; координированной администрации и контроле через специальный орган в составе главнокомандующих с местом пребывания в Берлине; предоставлении Франции, «если она этого пожелает», зоны оккупации и места в контрольном органе. Три державы заявили, что их «непреклонной целью является уничтожение германского милитаризма и нацизма и создание гарантий в том, что Германия никогда больше не будет в состоянии нарушить мир всего мира»². Для этого были предусмотрены полное разоружение, демилитаризация и расчленение Германии, а также взимание репараций, размеры и способы выплаты которых должна была определить специальная комиссия в Москве.

Для поддержания мира союзники решили создать всеобщую международную организацию, для подготовки устава которой 25 апреля 1945 г. в Сан-Франциско созывалась конференция Объединенных Наций. При этом было установлено, что в Совете Безопасности этой организации будет действовать принцип единогласия постоянных членов, США и Великобритания поддержат предложение о допуске к первоначальному членству в ООН Украинской ССР и Белорусской ССР.

В «Декларации об освобожденной Европе» союзники провозгласили «соглашение политики трех держав и совместные их действия в разрешении политических и экономических проблем освобожденной Европы в соответствии с демократическими принципами».

По сложному польскому вопросу стороны договорились реорганизовать Временное правительство Польши «на более широкой демократической базе с включением демократических деятелей из самой Польши и поляков из-за границы»¹. Восточная граница Польши была определена по «линии Керзона» с отступлением от нее в некоторых районах от пяти до восьми километров в пользу Польши, а на севере и западе она должна была получить «существенные приращения территории».

По вопросу о Югославии три державы рекомендовали образовать Временное объединенное правительство из представителей Национального комитета освобождения Югославии и королевского правительства в эмиграции, а также Временный парламент. На конференции было принято решение о создании постоянного механизма для консультаций между тремя министрами иностранных дел, совещания которых планировалось проводить каждые три-четыре месяца.

СССР взял обязательство вступить в войну против Японии через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе при условии сохранения status quo Внешней Монголии (МНР); возвращения Советскому Союзу южной части острова Сахалин и всех прилегающих к ней островов; интернационализации торгового порта Дайрен с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза и восстановления аренды на Порт-Артур как на военно-морскую базу СССР; совместной эксплуатации Китайско-Восточной железной дороги и Южно-Маньчжурской железной дороги на началах организации смешанного Советско-Китайского общества с обеспечением преимущественных интересов Советского Союза; передачи Советскому Союзу Курильских островов.

На конференции были также подписаны двусторонние соглашения, определявшие порядок обращения с военнопленными и гражданскими лицами государств — участников соглашений в случае их освобождения войсками стран-союзниц, а также условия их репатриации.

Ялтинская конференция стала успешной попыткой урегулирования возникших противоречий, реализацией ближайшей цели трех держав — разгрома Германии и Японии — и олицетворением компромисса в определении основ послевоенного мира, просуществовавших почти полвека.

§ 4. Проблема трудовых ресурсов и начало переселенческой политики

О. В. Волобуев

Крым относился к регионам, где ущерб от войны был особенно велик². К тому же экономика полуострова была подорвана депортацией значительной части его

¹ ГА РФ. Ф. Р-9401 сч. Оп. 2. Д. 94. Л. 24–25.

² Советский Союз на международных конференциях... Т. 4. С. 247–248.

¹ Советский Союз на международных конференциях... Т. 4. С. 260.

² Довольно обстоятельную характеристику этого ущерба см.: Максименко М. М. Девятьсот дней в огне. Симферополь, 1970. С. 77–85. См. также: Басов А. В. Крым

населения. Проживавшее на территории Крыма население сократилось с довоенных 1,196 млн до 351 тыс. человек. Особенно пострадали Севастополь и Керчь. В первом городе к моменту его освобождения от немцев осталось 1010 человек, во втором — всего 11 жителей¹. По данным Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба, в Крыму за время военных действий и оккупации были убиты и замучены 86 943 мирных жителя. По их числу Крымская АССР занимала второе в РСФСР место после Смоленской области².

Помимо разрушений важной причиной тяжелого экономического положения являлось сокращение трудовых ресурсов. Если по состоянию на сентябрь 1940 г. число рабочих и служащих составляло 255,1 тыс. человек, то в сентябре 1944 г. их насчитывалось 109,5 тыс.³ Поэтому уже в сентябре 1944 г. было создано шесть ремесленных училищ и 10 школ фабрично-заводского обучения (ФЗО), в которые поступили 5 тыс. учащихся подросткового и юношеского возраста, нередко не получившие семилетнего образования.

О нехватке высококвалифицированных кадров свидетельствует следующая справка по Крыму, датированная сентябрем 1944 г.⁴

Таблица 1

Специальности	Требуется	Имеется	Недостает
Учителя	3171	2182	980
Врачи	1136	512	624
Агрономы	176	120	56
Зоотехники	105	55	50
Ветврачи	71	29	42

Количество требуемых специалистов приводилось из расчета минимальных норм. В графе «имеется» часто указывались лица не с высшим, а со средним специальным образованием (кроме врачей). Проблема состояла не только в количестве рабочих рук, но еще в специализации и квалификационных показателях. Так, в приведенной таблице указано, что в Крыму имелось 55 зоотехников. Но в то же

время в документах содержатся сведения, что во Фрайдорфском районе зоотехник не имел специального образования, а прошел «лишь одномесячные курсы по специальности», поэтому в течение трех недель не мог составить кормовой баланс; а в Красноперекоском районе «единственный участковый зоотехник» «не разбирался в животноводстве»¹.

Проблема отмечалась и с руководящими кадрами (партийными, советскими, хозяйственными, культурными). Из них в 1944 г. высшее образование имели 17,6%, незаконченное высшее — 6,3%, среднее — 37,4%, незаконченное среднее — 18,4%, начальное — 20,3%².

Весьма показательным было и положение с председателями колхозов. По сведениям на 1 января 1945 г., в Крыму имелось 957 председателей колхозов, из них членов и кандидатов в члены ВКП(б) — 170 человек, комсомольцев — 22, инвалидов войны — 186, женщин — 86. Причем 727 человек имели стаж работы в этой должности не более одного года³.

Статистика кадров отражает послевоенную действительность, для которой были характерны не только скудость финансовых и материальных ресурсов, но и голод кадрового обеспечения всех сфер жизнедеятельности.

Особенно тяжелое положение сложилось в сельском хозяйстве. 12 августа 1944 г. принято постановление ГКО СССР № 6372с «О переселении колхозников в районы Крыма», в котором «в целях быстрейшего освоения плодородных земель, садов и виноградников» предусматривалось переселение до 1 октября 1944 г. в восемь горных наиболее обезлюдивших районов Крыма (Алуштинский, Белогорский, Бахчисарайский, Балаклавский, Куйбышевский, Старо-Крымский, Судакский, Ялтинский) 17 тыс. хозяйств колхозников численностью более 50 тыс. человек из российских и украинских областей. Вместе с колхозниками в Крым должны были направить 160 председателей колхозов, 121 председателя сельсоветов, 143 учителя, 32 врача, 60 комбайнеров, 186 трактористов, 16 механиков, 35 агрономов и 16 зоотехников.

Вскоре в домах, где раньше жили депортированные из Крыма семьи, появились новые хозяева: переселенцы с недавно освобожденных от оккупации территорий, жители разоренных там сел и деревень. Колхозникам, переселяемым в Крым, предоставлялись различные льготы, среди которых: выдача единовременного денежного пособия в размере 2,5 тыс. рублей на каждую семью; списание всех числящихся за переселенцами недоимок по натуральным поставкам, денежным налогам и страховым платежам; сохранение всего урожая с приусадебных участков в местах выезда путем возмещения равного количества сельскохозяйственных продуктов на новом месте жительства; освобождение на 1944–1945 гг. хозяйств колхозников, переселяемых в Крым, и организуемых ими колхозов от всех государственных денежных налогов, страховых платежей и поставок государству; разрешение колхозникам-переселенцам взять с собой инвентарь, скот, находящийся в личном

в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 288–289. В первой работе широко использованы крымские архивы, во второй — центральные.

¹ Басов А. В. Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. С. 288, 289. Имеются и другие данные, например, по Крыму — 379 тыс. человек, а по Севастополю — 10 тыс.

² Данные ЧГК о людских потерях СССР в годы войны. Март 1946 г. (В. Г. Бухерт) // Исторический архив. 2016. № 4. С. 33.

³ РГАЭ. Коллекция документов «Восстановление экономики Крыма. 1944–1950 гг.». Ф. 1582. Оп. 18. Д. 335. Л. 280.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 758. Л. 5.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 759. Л. 17, 55.

² Там же. Д. 751. Л. 4 об.

³ Там же. Оп. 45. Д. 996. Л. 83.

пользовании, и другое домашнее имущество общим весом до 2 т на одну семью; оплата за счет государства стоимости проезда, перевозки скота и имущества переселяемых, а также их медицинское обслуживание на период переезда; разрешение Сельхозбанку СССР выдавать нуждающимся переселенцам ссуду на хозяйственное обзаведение и другие нужды в размере 5 тыс. рублей на одно хозяйство с возвратом в течение пяти лет.

В соответствии с данным постановлением вновь организуемым переселенческим колхозам в вечное пользование передавались земли бывших татарских, немецких, болгарских и других выселенных колхозов с имеющимися посевами и насаждениями. Переселяемые в Крым семьи колхозников предлагалось наделить домами и приусадебными участками, выдать по оценочной стоимости (установленной местными органами власти) ручной сельскохозяйственный инвентарь и предметы домашнего обихода, ранее принадлежавшие спецпереселенцам.

В ноябре 1944 г. Крымский обком ВКП(б) рапортовал о проведенной работе по приему и размещению переселенцев из других областей в количестве 16 428 семей (62 тыс. человек). Новоселы были распределены в четырех прибрежных и четырех горных районах. Завозили переселенцев не только из России, но и из Украины. Так, в Куйбышевский район с Украины приехали более 8 тыс. человек (2433 семьи).

Многие переселенцы на новом месте оказались отнюдь не в благополучной обстановке. На пленуме Крымского обкома ВКП(б), состоявшемся 27–29 декабря 1944 г., отмечалось: «Фактически на местах из проверенных жалоб выявлены вопиющие безобразия. В Алуштинском районе в колхозе им. Молотова Демерджинского сельского совета размещено свыше 300 семей переселенцев, из которых 107 семейств живут по две-три семьи в одной квартире... Такое же примерно положение в колхозе им. Сталина (деревня Ускут) этого же района, в котором находится 670 семей переселенцев. В Старом Крыму до 20 ноября ни одной копейки колхозникам ссуды не выдали... В Карасубазарском районе в колхозе Осоавиахим Башинского сельского совета не оформлен прием в колхоз прибывших переселенцев, приусадебными участками они не наделены, ссуды на обзаведение и хлеб не получили»¹.

Не выполнялись в полном объеме и другие льготы колхозникам-переселенцам. На каждую семью полагалось определенное количество керосина, спичек, соли, а также метров ткани. Но в ряде районов эти нормы соблюдались частично либо вовсе не соблюдались. Секретарь Куйбышевского райкома ВКП(б), выступая на том же пленуме Крымского обкома партии, заявил: «Ни мануфактуры, ни керосина, ни спичек переселенцам не выдано». Секретарь Карасубазарского райкома сообщил, что в районе на 1550 семей выделили 2700 м ткани, т. е. каждой семье недодали по 2 м и сказали, что больше мануфактуры не будет². В других районах дело с удовлетворением льгот обстояло более благополучно.

§ 5. Восстановление сельского хозяйства и промышленности

О. В. Волобуев

Первоочередными задачами восстановления мирной жизни, ее экономических и социокультурных условий в Крыму, казалось бы, являлись те же, что и в других ранее оккупированных областях. Необходимо было наладить функционирование всех уровней местной администрации и действие советского законодательства, произвести минимальное жизнеобеспечение населения продовольствием (хотя бы накормить и напоить), санитарными и коммунальными услугами, осуществить мобилизацию всех общественных, в том числе людских, ресурсов на возрождение промышленности, коммуникаций и сельского хозяйства. Однако Крым, как и каждый регион, при этом имел свою специфику.

Не все в экономике сводилось к наличию свободных рабочих рук. В Крыму важную роль играл вековой опыт агрокультуры южных сельскохозяйственных растений: винограда, табака, эфироносков и др. О нем свидетельствовало разнообразие сортов плодовых культур в каждом микрорайоне. Так, в Ускуте (Приветное) выращивали 25 сортов винограда, 10 сортов яблок, восемь видов черешни, 30 сортов груш. Важна была не только агрокультура, но и первичная обработка даров природы: изготовление виноматериалов, сушка табака под навесами и его заводская ферментация. Частью агрокультуры было орошение водами горных рек и ручьев, умение эффективно распределять ограниченные водные ресурсы¹.

Еще одной особенностью региональной экономики являлось использование природных возможностей Крыма как всесоюзной здравницы. Это был не совсем обычный сектор затратной экономики, поскольку требовал дотационных инвестиций из союзного бюджета и наличия медицинских кадров, способных обеспечить санаторное (в том числе и противотуберкулезное) лечение.

14 июля 1944 г., т. е. уже через два месяца после завершения операции по освобождению территории Крымской АССР от оккупации, состоялся пленум Крымского обкома ВКП(б), на котором был утвержден новый состав областного комитета партии. Его первым секретарем стал П. Ф. Тюляев. В начале повестки дня пленума стоял вопрос «Об уборке урожая зерновых культур». Один из ключевых тезисов основного доклада, с которым выступил перед участниками заседания первый секретарь Крымского обкома ВКП(б), гласил: «Тяжелые раны, нанесенные народному хозяйству и особенно сельскому хозяйству, создали исключительные трудности

¹ «По решению правительства Союза ССР...». С. 557–559. Цитата приведена не для сравнения положения спецпереселенцев — крымских татар и «добровольных» переселенцев, присланных на их места. Их положение было несравнимо.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 759. Л. 131, 214.

¹ Ситуацию с водой в Алуштинском районе в июле 1944 г. секретарь местного райкома ВКП(б) характеризовал так: «В связи со спецпереселением люди, которые знали источники, водоотводы выбыли, и мы стали перед тем, что Алушта стоит накануне обезвоживания. Нужно найти источники, а для этого нужны специалисты, которых мы не имеем» (РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 759).

в восстановлении совхозов, МТС и колхозов»¹. И выражение «исключительные трудности» не было преувеличением.

Все сельское хозяйство Крымского полуострова в 1944 г. располагало 1675 тракторами, 1101 комбайном, 362 автомашинами (для сравнения: в 1940 г. данных видов техники имелось в количестве 4027, 2041 и 3239 единиц соответственно). Но и они были не в ходу, т. е. в непригодном состоянии, подлежали немедленному ремонту (массово отсутствовали многочисленные детали).

Уменьшилось поголовье скота. В 1945 г. по всем категориям хозяйства оно несколько возросло, так как колхозам было передано 10,8 тыс. голов крупного рогатого скота, 34 тыс. овец и коз, 2,9 тыс. лошадей, 5074 пчелосемей². Теперь насчитывалось: 26,9 тыс. лошадей (в том числе 17,7 тыс. в колхозах), 99,7 тыс. голов крупного рогатого скота (в том числе 60,5 тыс. коров, в колхозах — 28,9 и 9,7 тыс. соответственно), 94,1 тыс. овец и коз (в том числе 38,1 тыс. в колхозах). Но даже это немногочисленное поголовье не было обеспечено кормами. Уменьшились укосные угодья, но о выделении на прокорм скоту зерна не могло быть и речи, приходилось сохранять солому и закладывать силос. Рекомендовались и иные способы заготовки кормов, например соление желудей для скота (удалялась присущая им горечь), заготовление виноградных листьев для добавления в силос и др.

В 1944 г., по сравнению с 1940 г., сократились посевные площади в колхозах: с 767,4 до 375,4 тыс. га, в том числе по зерновым культурам — с 596,3 до 345,2 тыс. га, а по техническим культурам — с 67,9 до 13 тыс. га. Причем в этой последней группе на подсолнечник приходилось 11,2 тыс. га, а на табак — 1,2 тыс. га. Таким образом, ряд технических культур, в первую очередь эфиромасличных, совершенно исчез из севооборота. Не встречались также кормовые культуры, кроме многолетних трав прошлых лет (укосные площади). Под овощами и картофелем в 1944 г. находилось 6,3 тыс. га по сравнению с 28,3 тыс. в 1940 г. Картофель занимал в 1940 г. 10,7 тыс. га, а в 1944 г. — только 0,6 тыс. га. При уменьшении посевных площадей отмечалось и падение урожайности. По зерновым при исчислении на 1 га она составляла в 1944 г. 8,7 ц (в 1940 г. — 13,4 ц), по подсолнечнику — 4,4 ц (в 1940 г. — 6,8 ц), по картофелю — 33 ц (в 1940 г. — 90 ц)³.

На первом пленуме Крымского обкома ВКП(б) выступили секретари ряда райкомов партии; картина состояния сельского хозяйства в их отчетах выглядела удручающе. Секретарь райкома Фрайдорфского (степного) района говорил о том, что из 52 колхозов 37 было бывших немецких, еврейских и татарских. В этих колхозах осталось от пяти до шести семей в каждом. В колхозе «Красный пахарь», где имелось 280 га пашни, трудоспособных насчитывалось 14 человек, а скота — пять лошадей и шесть коров. Некому было работать и в учреждениях. Так, в райкоме партии и райисполкоме трудилось всего по два работника. Секретарь райкома

Белогорского района (предгорье) сообщал, что полностью разрушено 16 колхозов. Секретарь Ленинского райкома (Керченский полуостров) сетовал, что на весь район в действующих колхозах осталось 2332 человека и 200 лошадей, а для уборки урожая необходимо как минимум 4 тыс. работников¹. Секретарь Красноперекопского райкома обращал внимание на то, что все поля изрыты окопами и траншеями, в связи с чем косить зерновые на них можно только вручную.

В докладе П. Ф. Тюляева и решениях пленума достаточно детально, вплоть до мелочей, был организационно расписан план уборочной кампании. Предстояло провести уборку урожая на площади 452,8 тыс. га. Уборка колосовых проводилась тремя видами работ: машинными (комбайнами — 125,3 га), механизированными на животной тяге (лобогрейками, самоскидками — 233,5 га), ручным способом (94,0 га). Взглянув на эти цифры, нетрудно понять, какого напряжения сил потребовал такой труд (на уборку отводилось 24 рабочих дня) при отсутствии сколь-нибудь значительных резервов. Предусматривалось круглосуточное использование тракторов и комбайнов. Зерно надо было не только убрать, но и обмолотить его некомбайновую часть при наличии лишь 70 молотилок.

Всего область располагала 12 тыс. голов лошадей и волов. Поэтому без привлечения к уборочным работам находящихся в общественном и индивидуальном пользовании коров (40 тыс., т. е. 80% от всех имеющихся) обойтись было нельзя. Вопрос об использовании коров на полевых работах не раз обсуждался на партийных заседаниях и хозяйственных совещаниях. Коровы широко привлекались к сельскохозяйственным работам не только в уборочную пору, но и в пахотную и посевную во всех районах. Иногда они буквально спасали дело. Например, в Старокрымском районе в колхозе им. Фрунзе имелось шесть лошадей, в колхозе им. Ленина — четыре, поэтому там были мобилизованы на работы все коровы. В одном из вновь созданных совхозов Сакского района имелось два поломанных трактора при полном отсутствии лошадей. Ситуацию спасло получение 100 коров. Особо обрадовало рабочих совхоза то, что «часть из этих коров обучены»². В Алуштинском районе никак не могли решить, на чем вывезти урожай винограда из дальнего села Ускут, поскольку из 160 ослов в наличии оказалась только одна треть³.

Летом и осенью люди, а вместе с ними волы, лошади, ослы, коровы выбивались из сил на уборке урожая и других полевых работах. Спешно готовились кадры трактористов, механизаторов, косарей. Нехватку рабочих рук возмещали за счет привлечения пенсионеров, инвалидов, подростков, горожан. Большую помощь оказывала армия. Значительная часть уборочной площади пришлось на ее долю. Красноперекопскому району, в котором к моменту освобождения не было ни одной лошади, военными было передано 320 голов. В Сейтлеровском районе с помощью армии восстановлены временные ремонтные мастерские сельскохозяйственной техники.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 758. Л. 1.

² Там же. Д. 759. Л. 47 об.

³ Сводные таблицы ЦСУ СССР по Крымской области за 1940, 1941 и 1944 гг. // РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1070. Л. 131, 133, 134.

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 758. Л. 11, 14 об. — 16.

² Там же. Д. 759. Л. 30, 40.

³ Там же. Л. 30, 40, 75.

Урожай зерновых в 1945 г. крымчане собрали за 20 дней (а не за 24, как намечалось), был выполнен государственный план хлебозаготовок. В фонд Красной армии Крым сдал 3 млн пудов зерна. Перевыполнены планы по сенокосению и подъему паров. Тем не менее по ряду работ наблюдалось отставание (скирдование и обмолот зерна; обработка садов, виноградников, табака). Под урожай 1945 г. было засеяно зерновыми 375,7 тыс. га. На 18 тыс. га восстановлено орошение¹.

Хуже всего обстояло дело с виноградниками, садами, табачными плантациями. Секретарь Карасубазарского райкома сетовал: «Кадры новые, табака не знают, учить их надо, но у нас нет ни одного табаководы»². Государство пыталось помочь восстановлению сельского хозяйства. 13 декабря 1944 г. было принято постановление СНК СССР «О мерах дополнительной помощи сельскому хозяйству Крымской АССР», в котором, кроме помощи сельскохозяйственной техникой, предусматривались меры по стимулированию производства южных спецкультур. В частности, устанавливались хлебные надбавки за их производство, что было важно для послевоенного времени. Так, в Ялтинском и Алуштинском районах полагалась выдача 5 т зерновых за 1 т табака и 3 т в остальных районах, а также по 1 ц за 1 т винограда и фруктов³.

Картину состояния промышленности и планов ее восстановления дают материалы второго после освобождения от оккупации пленума Крымского обкома ВКП(б), на котором в августе 1944 г. обсуждался вопрос «О первоочередных мероприятиях по восстановлению хозяйства Крыма». Эти неотложные мероприятия можно сгруппировать следующим образом: 1) организация производства стройматериалов; 2) обеспечение полуострова топливом и электроэнергией; 3) восстановление предприятий пищевой промышленности; 4) организация коммунальных и бытовых услуг; 5) налаживание работы транспорта и связи; 6) возобновление работы санитарных и медицинских служб.

Показателен перечень объектов, намеченных к восстановлению и строительству в течение 1944–1945 гг.⁴ В части организации производства стройматериалов к таким объектам отнесены кирпично-черепичные заводы (Керченский — восстановление, Балаклавский — новый), асфальтовый завод на базе сохранившегося оборудования (Керчь), известковый завод (Багеровский), возобновление карьеров ракушечника. Для подготовки кадров открывался строительный техникум с набором 150 учащихся. По электроэнергетике предусматривалось налаживание разными путями электрообеспечения городов, по топливу — введение в эксплуатацию Бешуйских угольных шахт и проведение узкоколейки от них до железнодорожной

¹ Максименко М. М., Попов А. Г. Восстановление народного хозяйства Крыма в 1944–1945 гг. // Вопросы истории СССР: Республиканский межведомственный научный сборник. Харьков, 1980. Вып. 25. С. 101.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 759. Л. 214.

³ Там же. Оп. 45. Д. 996. Л. 134.

⁴ В приводимое перечисление не включены объекты жилищного и административного строительства.

станции Сюрень, а также восстановление двух шахт на Донбассе, которые предназначались для обеспечения Крыма. Но последнее в намеченные сроки не было выполнено.

В области пищевой промышленности на первом месте стояли хлебозаводы и хлебопекарни, государственные мельницы, макаронные фабрики, молочные заводы и мясокомбинаты, затем — производство консервов, безалкогольных напитков и пива. Трудности отмечались с обеспечением этих предприятий электроэнергией и топливом. На пленуме Крымского обкома партии речь шла о положении на Симферопольском хлебозаводе: «Если 2–3 тонны топлива выпросит, он живет, хлеб печет, и мы его кушаем, но мало кто знает, что будем кушать завтра»¹. Очень выручали крымские рыбаки, которые выходили в еще не полностью разминированное море на байдах, лодках с малой осадкой и часто с подвесным мотором. В Крыму восстановили 26 рыбколхозов и все девять крымских рыбзаводов.

По организации коммунальных и бытовых услуг первое место занимали вопросы водоснабжения, канализационных стоков (Севастополь, Ялта, Феодосия, Алупка), отопительных систем, уборки мусора, приведения в порядок улиц, налаживания внутригородского транспорта (Симферополь, Севастополь). Для очистки городов от мусора не имелось транспорта, для ассенизационных работ использовались 250 лошадей. На втором месте в сфере коммунальных услуг находились швейное и обувное обслуживание (не столько шили новое, сколько перешивали старое), ремонт мебели, бытовых предметов. В Ялте, Алупке, Феодосии предполагалось восстановить гостиницы. В Симферополе, Севастополе, Керчи пришлось обходиться размещением в подходящих (более или менее) помещениях ночлежных коек.

В 1944–1945 гг. развернулось восстановление межгородской и внутригородской дорожной сети. Поезда начали ходить несмотря на то, что во всем Крыму осталось только одно железнодорожное депо в Джанкое. Ремонт шоссе и грунтовых дорог преимущественно включал восстановление мостов и дренажные работы. Удалось ввести в строй шинномонтажный завод. Для обеспечения кадров шоферов в 1944/1945 учебном году начались занятия в автотранспортном техникуме.

По данным ЦСУ СССР, валовая продукция всей крымской промышленности за 1944 г. выразилась в 92 607 тыс. рублей в ценах 1926–1927 гг. по сравнению с 976 724 тыс. рублей в 1940 г. и 732 369 тыс. рублей в урезанном 1941 г. Прежде всего, на производстве резко сказалось уменьшение числа рабочих (в среднегодовом исчислении): в 1940 г. в крупной промышленности были заняты 62 902 человека, в 1941 г. — 45 845, а в 1944 г. — всего 8,3 тыс. человек. Немного лучше обстояло дело и в мелкой промышленности (деревообрабатывающая, швейная, пищевкусовая), валовая продукция которой составляла в 1940 г. 112 440 тыс. рублей, в 1941 г. — 73 178 тыс. рублей, а в 1944 г. — 23 773 тыс. рублей. В ней в 1944 г. оставалось всего 3865 рабочих. Крайне низко упала энергообеспеченность: мощность электрогене-

¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 44. Д. 759. Л. 190.

раторов в 1944 г. составляла 10,2 тыс. квт, тогда как в 1940 г. она имела показатель 87,7 тыс. квт¹. Дефицит рабочих рук накладывался на нехватку энергетических и механических ресурсов. И все же в 1945 г. объем валовой продукции составлял 23% по отношению к довоенному².

Динамика роста промышленного производства в 1944–1945 гг. была довольно высокой. По данным ЦСУ СССР, за восемь месяцев 1944 г. объем валовой продукции промышленности в денежном выражении составил 92,6 млн рублей при среднегодовом количестве рабочих 11,6 тыс. человек, в 1945 г. — 200 млн рублей при 22 тыс. человек. Таким образом, и валовая продукция, и количество рабочих, занятых в промышленности, выросли в два раза³. Что касается роста производительности труда, то он был очень незначительным. Это объясняется высоким удельным весом ручного труда, устарелостью и изношенностью технического оборудования, трудностями с сырьем и низкой квалификацией занятых на производстве рабочих (молодежь, инвалиды и т. д.).

§ 6. Возрождение городов

О. В. Волобуев

Из шести крымских городов республиканского подчинения два лежали в руинах (Севастополь, Керчь), два были сильно разрушены в центральной части (Феодосия, Ялта), два относительно сохранились (Симферополь, Евпатория). Но даже в Симферополе было уничтожено 30% жилого фонда. В восстановлении городов было много общего: от разбора завалов до возрождения коммунальной инфраструктуры.

Приведем точную и яркую зарисовку севастьяпольского писателя В. Б. Иванова того, что предстояло восстанавливать: «Многие улицы нельзя было определить — была потеряна их градостроительная сетка. На центральном городском кольце восстановлению подлежали всего два здания — главного почтамта и комендатуры. По проспекту Нахимова остался только полуразрушенный фасад дома № 11, в котором ныне размещаются музыкальная школа и Художественный музей. На месте нынешних проспекта Нахимова и улицы Большой Морской среди заросшего бурьяном пространства пролегла «тропинка». А по сторонам стояли развалины. Кое-где вился дым из торчащих в руинах дымовых труб. И было до жути тихо среди белого дня»⁴. По данным Севастопольского городского совета депута-

тов трудящихся, в городе насчитывалось восемь зданий с разрушениями на 15–20%, 180 небольших домов с разрушениями до 40%, 620 домов с разрушениями до 70%¹.

Восстановление Севастополя шло в трех направлениях: как базы Черноморского флота, как промышленного центра и как города русской воинской славы, историко-патриотического памятного места.

В октябре 1945 г. было принято постановление Совета министров СССР о первоочередном восстановлении 15 городов, в числе которых был и Севастополь. И менее чем за два года в Севастополе уже можно было ездить по улицам, а часть населения города получила жилье.

При перепланировке нового послевоенного Севастополя акцент был сделан на его героическом военно-морском прошлом. Важное место в облике города заняли реставрируемые памятники, посвященные Крымской войне 1853–1856 гг. На своих прежних местах остались центральные площади и бульвары². Уже в октябре 1944 г. в районе мыса Херсонес был воздвигнут памятник бойцам, на лицевой грани которого изображен макет ордена Победы, а в мае 1945 г. на Сапун-горе открыт военно-полевой музей. Установлены первые памятники в честь павших на крымской земле советских воинов (Северная сторона, Малахов курган).

Население Севастополя быстро росло за счет военнослужащих, строителей, возвращения в город прежних жителей, поэтому в условиях войны и первых послевоенных лет обеспечение жильем и коммунальной инфраструктурой не могло идти достаточно удовлетворительно. Такое положение наблюдалось и в других крымских городах. В 1945 г. из эвакуации вернулись 50 тыс. человек, а за два года в Крыму было введено жилплощади из расчета на 57 тыс. (при том что в Севастополе норма устанавливалась в размере 5 кв. м на человека). На каждого жителя Севастополя приходилось 5–7 литров воды в сутки.

В Севастополе, как и в других городах Крыма, к концу 1945 г. удалось восстановить лишь минимальный уровень жизнеобеспечения: транспортную связь между городскими центрами, электроснабжение, водоснабжение, канализацию (в тех городах, где она была раньше), санпропускники и бани, элементарное медицинское обслуживание, функционирование детских садов и школ.

Не лучше обстояло дело в другом городе-герое — Керчи. Общий ущерб, нанесенный городу, с учетом его промышленных окрестностей составлял 2,5 млрд рублей. Уже 11 апреля 1944 г., в день освобождения Керчи, начал свою административную, организаторскую и хозяйственную работу городской Совет депутатов трудящихся. 13 апреля, на третий день после освобождения, на совместном заседании

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 1070. Л. 264, 267–270.

² Более подробно об экономическом возрождении области см.: *Акулов М. Р.* Восстановительные работы в Крыму // *Отечественная история*. 1993. № 1. С. 182–190.

³ Социалистическое народное хозяйство Крымской области (1945–1970): сборник документов и материалов [сост. Л. П. Вакатова и др.]. Симферополь, 1980. С. 40.

⁴ *Иванов В.* Послевоенный Севастополь 1944–1954 гг. [Электрон. ресурс] // Иванов Валерий Борисович: официальный сайт писателя. URL: <http://ivb.com.ua>;

см. также: ForPost: Новости Севастополя. URL: <https://sevastopol.su> (дата обращения: 19.03.2017).

¹ *Богаткевич Т. Я.* Черноморский флот и Главная военно-морская база в 1946–1953 годах // *Научные труды Московского гуманитарного университета. Экономика*. История. М., 2008. № 91. С. 155.

² *Куоллис К.* Агитировать и создавать условия: перепланировка города-героя Севастополя, 1944–1953 гг. // *Новейшая история России*. 2013. № 2. С. 70–95.

Керченских горсовета и горкома партии в городе были намечены пути решения первоочередных задач.

Как и в Севастополе, в Керчи даже ходить по улицам можно было только пользуясь тропками, проложенными между завалами. Сразу организованно приступили к расчистке города, района порта и железнодорожных станций, что позволило наладить движение поездов по линии Керчь — Джанкой — Симферополь.

Важнейшей задачей местной власти являлось обеспечение горожан продуктами. Заработали хлебозавод, молокозавод, мясокомбинат. В 1944 г. начали функционировать предприятия, в том числе такие крупные, как Металлургический завод им. П. Л. Войкова и торговый порт.

К октябрю 1944 г. керченская молодежь, преимущественно школьного возраста, при проведении благоустройства города отработала на общественных началах порядка 185 тыс. часов. Велась подготовка к занятиям в школах, включавшая не только ремонт помещений, но и сбор учебников. К зиме 1945 г. были введены в эксплуатацию 131 тыс. кв. м жилплощади, 16 школ, восемь детских садов, два детских дома¹.

Симферополь, пострадавший менее, чем Севастополь и Керчь, тоже представлял собой печальную картину. Вот как она была воспроизведена в одном из послевоенных историко-краеведческих очерков: «Большинство промышленных предприятий лежало в развалинах. Гитлеровцы полностью разрушили мебельный комбинат. От консервного завода «Серп и молот» остались лишь груды камней. На территории консервного завода «Трудовой Октябрь» уцелела только труба от котельной. Оккупанты взорвали все здания табачно-ферментационного завода. А оборудование привели в полную негодность. На месте вокзала торчали обгорелые столбы. Красивое здание швейной фабрики им. Крупской по ул. К. Маркса, многоэтажные дома на Набережной, школа на Севастопольской улице, гостиницы «Ленинградская» и «Европейская» и многие-многие другие здания представляли собой или нагромождения кирпича и взорванных железных конструкций, или пустые коробки с зияющими дырами вместо окон. Город лишился трети своего жилого фонда, остался без электрической энергии и водоснабжения»². Было разрушено и сожжено почти 249 тыс. кв. м жилой площади.

В 1945 г. в Симферополе уже были налажены электроснабжение (даже начата работа по уличному освещению), водоснабжение (восстановлена насосная станция), вывоз мусора (город приведен в санитарное состояние). Заработали банно-прачечный комбинат и дезостанция. В строй введено более 100 предприятий³.

Ситуация в перечисленных трех самых крупных крымских городах и в остальных населенных пунктах была однотипной с поправкой на степень разрушения. Перечислять послевоенную разруху и ее преодоление в городах можно

¹ По материалам: История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 296–297; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 173–176.

² Успенская В. Симферополь: историко-краеведческий очерк. Симферополь, 1961. С. 143–144.

³ Факты взяты из доклада председателя горсовета на пленуме Крымского обкома ВКП(б): РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 147–165.

по одной и той же схеме, начиная с очистки от завалов и заканчивая восстановлением промышленности и транспортных, коммуникационных связей.

Над возрождением городов трудились созданные в них строительные организации. Наряду с вольнонаемными местными жителями на работах по расчистке развалов и строительстве трудились и немецкие военнопленные. На 1 января 1946 г. в строительном-монтажной части Севастопольстроя числилось рабочих: 5238 человек вольнонаемных, 6785 военнопленных, 236 учащихся ФЗО. В отчете одного из подразделений имеется такой отзыв об отношении к тяжелому и опасному труду: «Из общего количества учтенных 1316 рабочих выполняют и перевыполняют нормы 803 человека, в том числе 313 военнопленных»¹.

Восстановление экономики, коммунальной инфраструктуры, системы здравоохранения, школьного и специального образования, учреждений культуры происходило в условиях крайне низкого жизненного уровня. И без того скудные общегосударственные нормы обеспечения продовольствием горожан и сельчан нередко урезались условиями военной и послевоенной обстановки. Наблюдались перебои со снабжением, очереди за хлебом. В какой-то мере положение облегчали продовольственные и вещевые рынки.

Выход искали в самообеспечении продовольствием. В Севастополе, Керчи и других населенных пунктах расчищали от мин не только жилые кварталы, промышленные предприятия, дороги, но и землю под садами и огородами. На такой земле в Керчи, не теряя времени, засадили в первый весенний сев 5 га огородов. К осени 1944 г. это уже были многие десятки гектаров. Огородная кампания охватила все крымские города. Огороды были и коллективными, и семейными. В Севастополе было принято решение: каждой семье иметь индивидуальный огород. Кроме того, всюду предприятия создавали подсобные хозяйства. Решением Совета народных комиссаров Крымской АССР под подсобные хозяйства, где сеяли зерновые и подсолнечник, выращивали картофель и откармливали свиней, было передано 15–18 тыс. га, не считая огородов и садов².

Городские советы и городские комитеты ВКП(б) брали на себя руководство возрождением городской жизни, районные советы и районные комитеты ВКП(б) — сельской. В апреле 1945 г. были подведены итоги всекрымского социалистического соревнования по благоустройству городов. Отмечалось, что крымчане ввели в эксплуатацию 5380 кв. м жилплощади, намеченные объемы по окраске фасадов домов выполнены на 124%, по вывозке нечистот — на 610%, по посадке деревьев — на 100%, по капитальному ремонту дорог и тротуаров — на 442%³. Эти цифры можно при желании трактовать только как парадный отчет, но за ними нельзя не видеть и упорного стремления к мирному обустройству жизни. Вклад общественной инициативы в возрождение Крыма отметил заместитель председателя Совета народных комиссаров Крымской АССР В. И. Филиппов: «Активные женщины-черка-

¹ Иванов В. Послевоенный Севастополь 1944–1954 гг.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 130.

³ Севастополь 200 лет, 1783–1983: сборник документов и материалов. Киев, 1983. С. 272.

совцы¹... сами отремонтировали свои квартиры, в которых сейчас живут, сами провели водопровод, сами натянули провода, провели свет»².

Можно только удивляться тому, сколько всего было сделано в Крыму за неполных два года при недостатке трудовых и материальных ресурсов. И не найти этому объяснения без понимания роли человеческого фактора, т. е. отношения человека к делу, стремления тех, кто выжил в обстановке военных действий, преодолеть трудности последнего года войны, наладить мирную жизнь в послевоенное время. Лозунги «Работать за троих» и «Ни одного жителя Крыма вне восстановления своего города, района и предприятия» не были для подавляющего большинства крымчан отвлеченными фразами, они наполнялись созидательным смыслом.

§ 7. Возобновление деятельности учреждений образования, культуры, здравоохранения

О. В. Волобуев

Важнейшей задачей стало восстановление социокультурной инфраструктуры на полуострове. В 1940/1941 учебном году в Крыму насчитывалось 1284 начальных, неполных средних (семилетних) и средних школ, из них 161 средняя. В 1944/1945 учебном году функционировали (с учетом восстановленных) 934 школы, из них неполных средних — 119, а средних — всего 46. Из 7650 довоенных учителей в Крыму оставалось 3114 человек, и это были главным образом учителя начальных классов. Сократилось также число техникумов и средних специальных училищ. В 1940 г. их имелось 32 с 6366 учащимися, в 1944 г. — 14 с 1942 учащимися. Из эвакуации вернулись преподавательские и студенческие коллективы четырех крымских вузов, в которых по состоянию на октябрь 1944 г. обучались 1604 студента³.

Начинать учебный год приходилось часто в полуразрушенных зданиях, непригодных помещениях. Вот как описывалось положение в Симферопольском педагогическом институте после его возвращения из эвакуации в Дагестан: «Занятия начали в чрезвычайно трудных условиях. В институте не было аудиторного и лабораторного оборудования, столов, стульев и т. д. Студентам приходилось слушать лекции стоя или сидя на досках, положенных на камни. Во многих окнах не имелось стекол, долгое время не было топлива и электроэнергии. Работа лабораторий тормозилась из-за нехватки реактивов и химической посуды»⁴.

¹ Черкасовское движение — патриотическое движение добровольцев, преимущественно женщин, трудившихся на восстановительных работах во время Великой Отечественной войны и после ее окончания. Названо так по фамилии сталинградки, стоявшей у истоков его создания.

² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 45. Д. 996. Л. 199.

³ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3886. Л. 136 об. — 137 об.

⁴ Загородских Ф. С., Зайцев В. А., Секиринский С. А. История Крымского педагогического института им. М. В. Фрунзе. Симферополь, 1960. С. 56.

Не лучше обстояло дело и в ряде школ. В справке Севастопольского городского отдела народного образования, датированной декабрем 1945 г., как достижение отмечалось: «В 1945/1946 учебном году не было случаев, когда учащиеся на классных занятиях стоят. Парты, столы, скамейки, доски сделаны для школ». Восстановление детского сада в справке описывалось следующим образом: «Вытаскивали кровати из-под камня, выпрямляли их, красили, сносили посуду, мягкий инвентарь — так постепенно создавали сады»¹. В керченских школах в оконные проемы вместо стекол вставляли колонки стеклянных банок, скрепленных цементом (то же было и в других общественных и личных помещениях). В уже цитированной выше справке сообщалось, что на четвертый день после освобождения в Севастополе была организована столовая для ослабленных голодом детей, а на десятый день начались занятия с учащимися.

К декабрю 1945 г. в Севастополе имелись 14 школ, в которых числились 5,5 тыс. учащихся, и две вечерние школы для рабочей молодежи. В школы поступило 5 тыс. учебников и 20 тыс. тетрадей. Один учебник в крымских школах приходился на нескольких человек, а то и на большую группу. Когда не было тетрадей, писали на грифельных досках, на более или менее пригодных листах бумаги, даже на газетах.

Нередко сельские учителя жаловались, что их недостаточно обеспечивают продовольствием. Так, порой они вместо выпеченного хлеба получали паек зерном. А чтобы смолотить зерно, надо было доставить на мельницу за свой счет керосин. Были случаи, когда сельским учителям незаконно уменьшали норму выдачи хлеба. Устранение подобных недостатков требовало вмешательства партийных и советских органов.

Для сирот военного времени были открыты детские дома в общей сложности на тысячу мест.

Шло восстановление культурной инфраструктуры. Первыми открылись Феодосийская картинная галерея, театры в Симферополе и Севастополе, Городской театр для приезжих трупп в Ялте, Симферопольское музыкальное училище. Начали работать кинотеатры.

Особое внимание после освобождения Крыма уделялось возобновлению работы санитарных и медицинских служб. Предстояло в первую очередь избавить население от вшей, предохранить его от эпидемий, уменьшить массу расплодившихся за войну носителей малярии — комаров. Срочно нужно было удовлетворить спрос на бани. В Симферополе ввели в строй банно-прачечный комбинат, в Севастополе и Керчи — бани. Во всех районах Крыма открывались дезинфекционные станции, начали работу 15 санитарно-гигиенических пунктов, две малярные станции и два малярных пункта. В 1945 г. планировалось введение в действие мыловаренного завода в Симферополе и килоперемолочной фабрики².

¹ Севастополю 200 лет... С. 273–274.

² Кил — природная мылопригодная глина. Обмывает даже в морской воде. Имеется в Крыму.

Остро стоял вопрос об инвалидах. Для них предназначались здания в Симферополе, Бахчисарае, Ялте, Евпатории. В Симферополе создавалась протезная мастерская. Возобновила работу и психиатрическая служба. Открылись Симферопольская психиатрическая больница (гитлеровцы всех ее пациентов расстреляли в 1941 г.) и Александровская колония для душевнобольных.

Несмотря на продолжавшиеся в 1944–1945 гг. военные действия, в Крыму существовали не только военные госпитали и санатории для участников войны, но и система здравоохранения для гражданского населения. В Симферополе и Керчи были восстановлены по три больницы, в Севастополе — две, одна — в Феодосии. В 1944 г. всего в Крымской АССР открылись 81 больница на 3787 койко-мест, 225 поликлиник и амбулаторных учреждений. Но количество врачей по сравнению с довоенным периодом в медицинских учреждениях уменьшилось в 2,5 раза. Всего в области осталось 757 действующих врачей (без врачей-стоматологов)¹. Не хватало ни лекарств, ни санитарных средств. Но самое главное, что несмотря на трудности удалось избежать массовых эпидемий (их локальные очаги быстро подавлялись). Однако с туберкулезом и малярией смогли наладить эффективную борьбу только после окончания Великой Отечественной войны.

Крым всегда играл особую роль в противотуберкулезном комплексе государственной системы здравоохранения. На полуострове было сосредоточено много противотуберкулезных санаториев и диспансеров, находился Научно-исследовательский институт климатотерапии туберкулеза. В 1944–1945 гг. началось восстановление этого комплекса. Продолжил свою деятельность подчиненный Народному комиссариату здравоохранения СССР Научно-исследовательский институт климатотерапии туберкулеза, специализировавшийся на туберкулезе легких и горла, лечебная часть которого была рассчитана на 210 круглогодичных мест для больных. В этом учреждении был разработан весьма эффективный метод комплексного лечения пораженной гортани, ранее считавшейся неизлечимой. Его врачи добились больших успехов в хирургических операциях на легких. В 1955 г. Институт климатотерапии туберкулеза слился с Научно-исследовательским институтом физических методов лечения им. Сеченова, который до войны размещался в Севастополе, а с 1944 г. обосновался в Ялте. Также на Южном берегу Крыма был создан медицинский центр по лечению костно-суставного туберкулеза — Детский санаторий им. А. А. Боброва (Алупка), названный по имени основавшего его в 1902 г. профессора Московского университета. В 1945 г. в Крыму функционировали семь противотуберкулезных санаториев, преимущественно размещенные в Симеизе.

Наряду с санаториями Наркомата здравоохранения СССР и ВЦСПС, в первую очередь вводились в строй санатории для лечения военнослужащих. Кроме того, значительная часть санаториев и домов отдыха принадлежала различным ведомствам, которые их восстанавливали и финансировали. В Ялте открылись 10 санаториев, в Симеизе — два, в Кореизе и Мисхоре — по два, в Алупке и Кастрополе —

по одному, в Евпатории — 12¹. Всего в Крыму действовали 30 санаториев (в том числе 11 детских), рассчитанных на 3677 мест, из которых более тысячи предназначалось для туберкулезных больных и более тысячи — для детей. Открылись пока еще единичные послевоенные дома отдыха. В августе 1944 г. первую партию детей принял Всесоюзный пионерский лагерь «Артек».

Если подводить итог полуторагодичного возрождения Крыма после освобождения от оккупации, то он выражается в налаживании минимальных условий для проживания и выживания населения: наличие хлеба, воды, керосина, электричества, крыши над головой и других первоочередных потребностей. И синхронно с бытовым устройством было достигнуто восстановление опорных основ экономической жизни общества в промышленном производстве, сельском хозяйстве, транспортных связях.

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3886. Л. 138. По врачам приводятся и другие цифры, в любом случае их было мало.

¹ Перечень санаториев см.: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 335. Л. 25–26.

Глава 30

Крымская область в составе РСФСР. 1946–1954 гг. Передача Крыма Украинской ССР

О. В. Волобуев

§ 1. Завершение восстановления городов и сел: обустройство повседневной жизни

Полноценное восстановление всех сфер жизни в Крыму происходило в 1946–1953 гг. Верхним хронологическим рубежом этого периода являются первые месяцы 1954 г., когда состоялась передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР. С точки зрения государственной политики этот период в свою очередь можно разделить на две части: время четвертой пятилетки (1946–1950 гг.) и первые три года пятой пятилетки (1951–1953 гг.).

Восстановление народного хозяйства в четвертой пятилетке пришлось на время нарастания напряженности в отношениях с бывшими союзниками по антигитлеровской коалиции. Государство старалось выделять средства для восстановления Крыма, несмотря на тяжелые для финансового состояния СССР затраты на оборону в условиях холодной войны. В пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства на 1946–1950 гг. первостепенное место отводилось не только тяжелой и оборонной промышленности, но также восстановлению населенных пунктов и налаживанию жизни на разоренных войной территориях.

Немалых успехов добилась Крымская область в восстановлении жилого фонда и коммунальных служб городов, а также инфраструктуры полуострова. К концу четвертой пятилетки крымские города и их жилой фонд, за исключением Севастополя и Керчи, были восстановлены. Как большое достижение тех лет можно оценивать то, что многие горожане (кроме севастопольцев), жившие в землянках и подвалах, к концу 1947 г. получили нормальное по существовавшим тогда меркам жилье, т. е. комнату или комнаты, хотя и не всегда с коммунальными удобствами. К концу пятилетки жилье из относительно пригодных для жизни помещений обрели и переселенцы. И это происходило в условиях быстрого роста численности городского населения. В первую очередь квартиры предоставлялись инвалидам войны, семьям партизан, многодетным семьям, больным туберкулезом (а последних в Крыму было немало).

В 1951–1953 гг. Совет министров РСФСР выделил Керчи значительные дополнительные ассигнования на жилищное строительство и капитальный ремонт жилых домов. В Севастополе, Симферополе, Керчи, Ялте появились целые районы новой застройки. Развертывалось также индивидуальное строительство за счет средств горожан. Всенародной стройкой стал Севастополь: в 1947 г. была поставлена задача восстановить город за три-четыре года. С учетом этого выделялись деньги и направлялись кадры строительных рабочих. Тем не менее планы жилищного строительства выполнялись не в полном объеме. Так, при проверке в 1948 г. выяснилось, что в Севастополе они выполнены на 50%, в Евпатории — на 42,2%, в Симферополе — на 33,9%, в Ялте и Керчи — на 27,7%¹.

С 1949 г. строительство велось уже индустриальными методами. Впервые в Севастополе были опробованы конструкции сборного железобетонного каркаса. Проемы каркасов заполнялись крымским камнем-ракушечником и белым инкерманским (севастопольским) камнем. Вокруг исторического Севастополя возникло девять благоустроенных рабочих поселков. В 1949 г. в Севастополе появился троллейбусный транспорт. Так разрушенный город снова возродился из руин и пепла. В целом по области жилищный фонд за годы четвертой пятилетки вырос с 1075 тыс. до 1775 тыс. кв. м. Но большая часть жилплощади далеко не отвечала коммунальным требованиям даже того времени. Так, 23% жилых помещений не имели водопровода, около 20% — канализации, только 8,5% были оборудованы центральным отоплением².

После денежной реформы декабря 1947 г. началось заметное улучшение жизни людей, которое особенно проявилось в 1950-е гг. Важнейшим источником приобретения сельхозпродуктов (кроме хлеба, сахара и еще некоторых товаров государственных магазинов) была рыночная (колхозная, кооперативная и индивидуальная) торговля. О снижении цен на продукты свидетельствуют данные Крымского статистического управления о рыночных ценах, датируемые сентябрем 1948 и 1949 гг. Для сравнения приводятся цены в рублях за килограмм по областному центру Симферополю (в райцентрах они были ниже)³.

Таблица 1

Дата	Говядина	Масло сливочное	Масло растительное, литр	Молоко, литр	Картофель	Яйца, десяток
25.09.1948	22	55	45	3,50	4	17
25.09.1949	12	50	32	3,50	2	12

¹ РГАЭ. Ф. 4372. Оп. 48. Д. 1204. Л. 245.

² Там же. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3886. Л. 138 об.

³ ГАРК. Ф. Р-3348. Оп. 5. Д. 8. Л. 24.

Одним из показателей обеспечения населения продовольственными товарами могут служить объемы производства колбасы и копченостей: в 1940 г. — 2944 т, в 1945 г. — 453 т, в 1950 г. — 4335 т, в 1953 г. — 6177 т¹. Приведем еще такой показатель, как размеры продажи продуктов на колхозном рынке (в масштабах области), в тоннах².

Таблица 2

Годы	1950	1951	1952	1953	1955
Говядина	1320	1019	1085	1274	999
Баранина	332	332	473	494	283
Свинина	484	605	1213	1544	779
Птица	228	180	373	648	525
Молоко (тыс. литров)	2842	3026	3216	2809	4225
Масло животное	126	156	186	128	63
Мед	80	81	99	118	99

Приведенные таблицы отражают как динамику развития колхозного рынка, так и покупательские возможности горожан. При этом надо учитывать, что в государственной торговле не всегда эти продукты можно было приобрести. Данные за 1955 г. свидетельствуют, что после передачи Крымской области из РСФСР в состав УССР объемы продаж большинства продуктов не увеличились, а сократились, за исключением молока.

Послевоенная жизнь не отличалась ни продуктовым и промтоварным изобилием, ни высокими денежными заработками. В магазинах можно было купить крабовые консервы «Снатка» (но их не покупали: дорого и непривычно), а в столовых подавали жидкий суп с тоненьким кусочком жилистой конины. Большим подспорьем для горожан были огороды, которыми обзавелись в годы войны или сразу после освобождения. Горожане готовили еду на фитильных керосинках или примусах. Большие проблемы были с одеждой и обувью. Зимой надевали доставшиеся от армии шинели и ватники. Жизнь в послевоенном Крыму была далеко не такой, как она рисовалась в произведениях писателей того времени — П. Павленко «Счастье» (1947 г.) и Д. Холендро «Горы в цвету» (1950 г.).

В 1940 г. городское население Крыма по численности незначительно превышало сельское: из 1127 тыс. человек 586 тыс. проживали в городах и 541 тыс. — на селе. К концу 1944 г. сельское население уменьшилось более чем наполовину. Поэтому,

¹ Народное хозяйство Крымской области: статистический сборник. Симферополь, 1957. С. 44.

² Там же. С. 190.

как показано в предыдущей главе, было организовано государственное переселение колхозников из разных областей РСФСР и УССР в обезлюдившие крымские села. Это переселенчество М. М. Максименко делит на четыре периода. В данной главе рассматриваются два из них: сентябрь 1944 г. — конец 1949 г. и 1950 г. — июль 1954 г. В это время организовывались целые переселенческие колхозы. Таковых в первый период насчитывалось 226. Переселенческие льготы (кредиты, освобождение от налогов и т. д.), предусмотренные на 1944–1945 гг., были продлены до 1947 г. включительно. Однако большинство переселенцев на новых местах не закрепились. Причины тому были разные, но основной поток уехавших приходится на неурожайные 1946 и 1947 гг. Оставшиеся новоселы составили 43,4% от числа прибывших. Второй период переселения колхозников в Крым характеризуется приездом уже в более благоприятную для жизни и работы среду. В 1950–1954 гг. по оргнабору было переселено 13 739 семей общей численностью более 57 тыс. человек. Все они получили льготные ссуды на обустройство жизни в новых местах¹.

Проблема переселенчества получила освещение также в исследованиях Э. И. Сеитовой, которая первый этап его проведения датирует 1944–1953 гг. (доукраинский период). По ее оценке, все этапы реализации планов переселения «сопровождались ошибками, в результате которых новоселы покидали Крым»². Ошибки, конечно, были, но оснований для вывода о том, что в первые 10 лет «переселение оказалось провальным»³, не имеется. Положение с переселенцами значительно улучшилось в начале 1950-х гг. По данным Крымского статистического управления, в 1951 г. на полуостров прибыло 3036 семей в составе 13 205 человек, в том числе 7316 трудоспособных человек, а выбыло 247 семей; в 1952 г. прибыло 2188 семей в составе 8597 человек, в том числе 4672 трудоспособных, а выбыло 43 семьи⁴.

Э. И. Сеитова не учитывает, что сами исторические обстоятельства первого послевоенного десятилетия и последующих годов существенно отличаются друг от друга: разоренная войной страна и страна с восстановленной и в значительной степени модернизированной экономикой, голодный и полуоборванный люд и в относительном достатке (по первым послевоенным меркам) живущие люди.

Статистика, конечно, показательна, но она как-то по касательной относится к конкретным человеческим судьбам. Источником «живого» свидетельства могут служить краеведческие очерки А. Лесина, которые создают определенную картину

¹ Максименко М. М. Местные советы Крыма в послевоенный период 1945–1958. Киев, 1972. С. 110–128. Из новых публикаций, основанных на материалах ГА РФ и РГАЭ, см.: Конониренко В. А. Переселение колхозников из России и Украины на постдепортационные территории Крыма в 1944–1953 годы // Известия Саратовского университета. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17, вып. 1. С. 59–62.

² Сеитова Э. И. Трудовая эмиграция в Крым (1944–1966) // УЗ ТНУ. Исторические науки. 2011. Т. 24 (63), № 1 (спец. вып. «История Украины»). С. 147.

³ Сеитова Э. И. Переселенческий билет: трудовая миграция в Крым (1944–1976). Симферополь, 2013. С. 111.

⁴ ГА РК. Ф. Р-3348. Оп. 7. Д. 29. Л. 66; Д. 45. Л. 53.

состояния переселенческих хозяйств на 1950 г.¹ Описываемые места представлены разными географическими и природными районами, разной историей сел.

Деревня Лесная Судакского района расположена на южном склоне главной горной гряды. «Колхоз в горах», по определению автора, на месте татарского села Суук-су. Начинали колхоз в октябре 1944 г. с первыми переселенцами из Краснодарского края, восемью лошадьми и еще с четырьмя старожильцами, единственными местными жителями, оставшимися в селе, чья помощь и советы были бесценными. Основной профиль — табаководство. В 1946 г. было собрано 4 т табака (т. е. высушенного табачного листа), в 1950 г. — 10 т. В 1945 г. насчитывалось полсотни овец, в 1950 г. — порядка 300.

Село Виноградное (прежнее название Чокул) на Керченском полуострове. Степь. Вода — дорогой ресурс. Бывшее население — потомки немецких колонистов, выселенных в 1941 г. Переселенцы, похоже, орловские. Основным профилем являлось зерновое хозяйство, высеивали озимую пшеницу. Пахотной земли имелось 1,5 тыс. га на 87 рабочих рук. Пафос очерка: молодежное звено подобралось к 40 ц урожая зерна с га. Как? Трудом и крестьянским потом. Старанием, не уступающим немецкому.

Село Ароматное (бывшая немецкая колония Розенталь) Зуйского района. Предгорья. В 1944 г. села фактически не было: не осталось ни одного уцелевшего дома. Доход колхоза в 1948 г. — 250 тыс. руб., в 1950 г. — 600 тыс. руб. Успешно развивалось производство эфиромасличных культур, что значительно увеличило доход. Построили свой, колхозный, маслозавод. Очерк называется «Богатство». Это и колхозное богатство, и личное. В очерке приводится рассказ одного из переселенцев с Кубани, бывшего фронтовика, штурмовавшего крымский берег с косы Тузла. Приехал он в Крым с семейством, все богатство которого состояло из фотоальбома и двух табуреток, так как после оккупации никакого имущества в семье не осталось. А теперь ему есть что показать: никелированные кровати, настенные ковры, шифоньер, швейная ножная машинка, большое зеркало. Личное хозяйство: корова с теленком, свиньи, овцы, куры. Это, конечно, богатство по меркам того времени, но тогда такое благосостояние привлекало и воодушевляло людей. Неслучайно в правлении колхоза имелось 16 заявлений с просьбой принять в колхоз от жителей других областей.

Новое село в долине реки Альмы Бахчисарайского района, основанное в 1946 г. как отделение эфиромасличного совхоза-завода. Переселенцы из Пензенской области занимали только-только построенные для них дома. Перед переездом на новые места «всякое им говорили недобрые языки о Крыме: и то, что не родится здесь, на камнях, и уж конечно, прежде всего не родится картофель (а можно ли сельскому жителю обойтись без него?), и то, что будто бы и воды нет. Словом, если и есть что в Крыму, так это одни яблоки да груши, которыми-де сыт не будешь»².

¹ Лесин А. На новых местах. Симферополь, 1950. По материалам книги изложено то, что представляет интерес как исторические свидетельства.

² Там же. С. 60.

Хоть и «недобрые языки», но действительно земля в предгорьях каменная и далеко не чернозем, да и с водой туго (впрочем, в северных предгорьях ее относительно достаточно), а картофель дает хорошие урожаи главным образом в горах, например, на Ай-Петринском плато. Но жить-то можно, если трудиться и накапливать опыт.

Переселенчество не сводимо только к оргнаборам по планам. К концу 1947 г. в Крым по своей инициативе прибыло 2337 семей из 27 областей СССР¹. Разумеется, самочинное переселение в села и города Крыма в еще больших размерах продолжалось и в 1950-е, и в последующие годы, в частности за счет бывших военно-служащих.

Значительные успехи были достигнуты в деле образования и просвещения. К концу четвертой пятилетки в области имелось 1155 школ, 24 специальных учебных заведения, четыре вуза. Особенно много школ было построено в сельской местности. Крымский педагогический институт обеспечивал область учителями, Крымский медицинский институт удовлетворял потребности поликлиник, больниц и санаториев во врачах, Крымский сельскохозяйственный институт поставлял в колхозы и совхозы кадры агрономов. Техникумы (библиотечный, железнодорожный, консервный и др.) и училища (педагогические, медицинские, сельскохозяйственные и пр.) ежегодно выпускали большое количество специалистов самых разных профессий.

Крымская область отличалась высоким культурным потенциалом. Уже в первые послевоенные годы возобновили работу обладавшие большими археологическими, культурно-бытовыми и военно-историческими экспонатами крымские музеи в Бахчисарае, Севастополе (Херсонесский историко-археологический музей, Музей истории Черноморского флота), Симферополе (областной краеведческий), Евпатории, Керчи (историко-археологический), Феодосии, Ялте.

В результате раскопок музеи пополнялись интересными артефактами. Археологами В. Д. Блаватским, О. И. Домбровским, П. Н. Шульцем и другими были прояснены многие вопросы истории древнейшего, античного и средневекового Крыма. Э. И. Соломоник получила мировую известность как исследователь крымских эпиграфических памятников. Из-под земли были извлечены остатки и склепы столицы Скифского царства в Крыму.

Наряду с краеведческими музеями были восстановлены литературно-мемориальный музей А. П. Чехова в Ялте, картинная галерея И. К. Айвазовского в Феодосии, Симферопольская и Севастопольская картинные галереи. В 1954 г. после реставрации открылась знаменитая панорама Ф. А. Рубо «Оборона Севастополя 1854–1855 гг.». Начали вновь функционировать дома Союза писателей в Ялте и Коктебеле, дом отдыха Всесоюзного театрального общества в Ялте, дом творчества Художественного фонда СССР в Гурзуфе, которые оказывали влияние на культурную атмосферу в Крыму. В области были известны постановки Симферопольского и Севастопольского драматических театров, выставки крымских художников

¹ Сеитова Э. И. Переселенческий билет... С. 97.

Н. С. Барсамова, Я. А. Басова, В. Н. Бернадского, К. А. Прохорова, В. П. Цветковой и др. Одаренная молодежь получала профессиональное обучение в Крымском художественном училище им. Н. С. Самокиша (Симферополь). Большим успехом пользовались концертные программы Крымской филармонии. В них участвовали А. Вертинский, К. Шульженко, Л. Русланова. Кадры музыкальных работников, на которых был спрос в курортном Крыму, готовило училище им. П. И. Чайковского в Симферополе. С 1947 г. существовало в Крыму и литературное объединение, которое имело свой областной литературно-художественный альманах. В Крыму проживали известные в то время писатели П. А. Павленко и С. Н. Сергеев-Ценский, автор эпического цикла «Преображение России».

Уже в 1946 г. в Крыму имелись 23 научно-исследовательские организации и опытные станции, а в 1950 г. их число увеличилось до 36. Среди них можно выделить Крымский филиал АН СССР, Никитский ботанический сад, Всесоюзный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач», Всесоюзный научно-исследовательский институт табака и махорки, Всесоюзный научно-исследовательский институт эфиромасличных культур, Крымская астрофизическая обсерватория АН СССР, Азово-Черноморский научно-исследовательский институт морского рыбного хозяйства и океанографии в Керчи, Ялтинский научно-исследовательский институт физических методов лечения и медицинской климатологии им. И. М. Сеченова, Черноморская гидрофизическая станция Московского гидрофизического института, Севастопольская биологическая станция им. А. О. Ковалевского, сейсмические станции Института геофизики АН СССР.

Многие из этих научных центров являлись уникальными и внесли большой вклад в развитие мировой науки. Так, в восстановленной и расширенной Симеизской обсерватории были сделаны открытия в области исследования физико-химического состава звезд и особенно хромосферных вспышек на Солнце (Г. А. Шейн, А. Б. Северный). Обсерватория получила мировую известность наблюдениями за малыми планетами. В Крымском филиале АН СССР составили почвенную карту Крыма и карту полезных ископаемых (в 1956 г. филиал преобразован в Институт минеральных ресурсов АН СССР).

§ 2. Социально-экономическое развитие

В историографии существуют две противоположные оценки состояния экономики Крыма в послевоенные годы: с одной точки зрения, экономическое развитие полуострова в этот период было позитивным, с другой — депрессивным. Поэтому ключевое значение приобретают критерии, на основе которых следует произвести анализ статистических и других источников и, следовательно, сделать объективные выводы. В качестве базового оценочного критерия состояния экономики первоочередное значение имеют темпы и тенденции экономического роста с учетом исторических условий и обстоятельств, которые на них влияли.

Исходной позицией для анализа является рассмотренный в предыдущей главе урон, нанесенный Крыму военными действиями, оккупацией и нацистским террором, а также депортациями. Перестройка народного хозяйства и всей общественной жизни в бывших фронтовых и оккупированных областях применительно к обстановке мирного времени в основном закончилась в 1946 г. Предстояло этот процесс завершить восстановлением народного хозяйства и созданием нормальных условий для мирной жизни. Урон от безжалостной войны, прежде всего, проявлялся в резком (одном из самых резких по сравнению с другими подвергшимися разорению областями) сокращении трудовых ресурсов, т. е. нехваткой специалистов разных профилей и рабочих рук в целом, необходимых для восстановления разрушенного народного хозяйства. Другой стороной проблемы являлся очень большой размер материального ущерба, требующий значительного объема денежных инвестиций во все сферы народного хозяйства и поставки нового технического оборудования. К неблагоприятным факторам восстановительного периода следует также отнести некоторые особенности природных условий полуострова. Одним из самых дефицитных природных благ в Крыму, особенно в степной части, был водный ресурс. Полуостров, наряду с южными областями Украины, часто подвергался засухе. Особенно значительными были засухи 1946 г. (эта засуха по ее природным проявлениям была большей, нежели в 1921 г.) и 1954 г. Наиболее трудным в восстановлении промышленности и инфраструктуры городов и в целом области стал 1946 г.

Вопрос о социально-экономическом развитии Крыма в послевоенные годы со временем приобрел не только научный, но и политический характер. Появились публикации, в которых обосновывается, а чаще просто декларируется тезис о том, что Крым в 1954 г. был передан из состава РСФСР в Украинскую ССР как депрессивный и дотационный регион¹. При этом применяется прием выборочного вылавливания фактов о тяжелом материальном положении населения Крыма (таким оно было и в других областях как РСФСР, так и Украинской ССР), и речь идет чуть ли не о глубоком кризисе всего сельского хозяйства полуострова (низкая урожайность, низкая продуктивность животноводства и т. п.). Но такие оценки должны объясняться в контексте общего социально-экономического положения послевоенного Советского Союза. Кроме того, нельзя сравнивать восстановление экономики на территориях, где ущерб от оккупации и военных действий был меньше, с регионами, где он дошел до грани почти полного разорения населения, как это сложилось в Крыму².

¹ Заметим некорректность этого определения: все разоренные военными действиями и оккупацией области были в годы четвертой пятилетки (да часто и после) дотационными. См., напр.: *Ильницкая О. И.* Восстановление и развитие аграрного сектора Крымской области в послевоенный период в составе РСФСР: проблемы, пути решения, результаты // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2011. Т. 24 (63), № 1 (спец. вып. «История Украины»). С. 35–42.

² Наиболее значительный труд по рассматриваемой в главе тематике: *Максименко М. М.* Местные советы Крыма в послевоенный период...

Восстановление послевоенного Крыма проходило в условиях постоянного дефицита трудовых ресурсов. Динамика численности рабочих и служащих, являющаяся одним из основных условий обеспечения экономического роста, за время четвертой пятилетки выглядит следующим образом¹.

Таблица 3

Годы	1940	1944	1945	1946	1947	1948	1949	1950
Число рабочих и служащих	259 077	109 427	191 057	191 205	189 535	182 234	227 239	244 369

Анализ статистики трудовых ресурсов показывает огромный разрыв между показателями 1940 и 1944 гг., который сократился к 1946 г., почти стабилизировался в 1947–1948 гг. и вновь стал увеличиваться в 1949–1950 гг. (за счет возвращения эвакуированных, демобилизованных и репатриированных).

Приведем данные по трудовым ресурсам в колхозах Крымской области за три послевоенных года. Всего колхозников трудоспособного возраста на полуострове проживало: в 1947 г. — 107,9 тыс., в 1948 г. — 110 тыс., в 1949 г. — 118 тыс. человек. К этой статистике имеется приписка уполномоченного Госплана СССР по Крымской области: «Недостающие 18 600 [человек] будут пополнены за счет привлечения учащихся, неработающего несельскохозяйственного населения села и неработающего городского населения». Дефицит колхозной (и совхозной) рабочей силы пытались возместить привлечением к сельхозработам учащихся, инвалидов, стариков и увеличением количества тракторов и другой специализированной техники (в МТС)².

Численность населения Крыма составляла: на 1 января 1949 г. — 622 781 человек, в том числе в городах проживали 328 183 человека, в селах — 294 598 человек; на 1 января 1954 г. — 1 064 663 человека, из них городского населения — 629 866 человек, сельского — 434 797 человек³. Таким образом, в 1954 г. численность населения Крымской области почти достигла показателя переписи 1939 г. (1 126 429 человек) и втрое превысила показатель конца лета 1944 г. (379 тыс. человек). Эти данные наглядно опровергают существующее мнение о полном провале переселенческой политики в рассматриваемый период.

М. М. Максименко указывает, что не во всех регионах СССР восстановительный период, несмотря на суммарные статистические данные по стране в целом, закончился в 1950 г. К таким регионам он относит Крым, а также Украину и Белоруссию, где в четвертую пятилетку в ряде промышленных отраслей довоенный уровень производства не был достигнут. Однако исследователь не указывает, что

это регионы, которые в годы войны стали местом активных боевых действий и их территории были оккупированы.

По данным ЦСУ СССР, динамика роста валовой продукции Крымской области в послевоенный период составляла: в 1945 г. — менее 25% от показателя 1940 г., в 1950 г. — уже 81%, в 1951 г. — 97%, т. е. практически достигла довоенного уровня. Показатели 1952 г. (116%) и 1953 г. (131%) демонстрируют заметное превышение по отношению к довоенным данным и существенный ежегодный прирост¹.

В развитии производственных мощностей и обеспечении коммунальных услуг первостепенное значение приобретала топливно-энергетическая база. К началу 1946 г. ее составляли Севастопольская ГРЭС № 2 и пять передвижных электростанций. Весной 1946 г. была запущена в эксплуатацию Севастопольская ГРЭС № 1 мощностью в два раза больше довоенной. Также завершились восстановительные работы на электростанциях в Ялте, Евпатории, Камыш-Буруне. К концу четвертой пятилетки производство электроэнергии в Крыму почти достигло уровня 1940 г., а в 1953 г. превысило его в два с половиной раза. Уже в 1950 г. удалось вдвое увеличить довоенные показатели по производству стройматериалов, а также добыче железной руды в Камыш-Буруне². В 1947 г. возрожден Балаклавский рудник флюсовых известняков, которые поставлялись на металлургические предприятия Украины. В Керчи заработало чугунолитейное производство. Производство химической промышленности (Сакский и Краснопереконский химзаводы) к концу пятилетки вплотную приблизилось к довоенному уровню.

Если тяжелая промышленность развивалась весьма успешно, то ряд отраслей легкой промышленности отставал по сравнению с довоенными показателями. Это относится, например, к изготовлению обуви, а также к производству отдельных видов пищевых продуктов. Наибольшее значение для Крыма имели две отрасли пищевой промышленности — консервная и винодельческая. Консервная промышленность специализировалась на плодоовощных и рыбных заготовках. Самым крупным центром плодоовощной продукции являлся Симферополь. В 1952 г. был введен в эксплуатацию завод этого профиля и в Джанкое. Центром рыбоконсервной промышленности оставалась Керчь, заводы этой отрасли существовали в Ялте и Севастополе. В Симферополе находился завод, специализирующийся на выпуске оборудования для пищевой промышленности.

Имеющая в Крыму исторические корни винодельческая промышленность оказалась сильно подорвана в военные годы. За виноградниками не было ухода, многие из них пришли в негодное состояние, а новых посадок никто не производил. Следовательно, нужны были годы на восстановление виноградарства и виноделия в прежних объемах. Возрождение их шло в трех направлениях: производство ординарного столового вина, марочных десертных и шампанских вин.

Еще двумя специфическими отраслями промышленности являлись табачная и эфиромасличная. Наибольшее отставание наблюдалось в производстве

¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3886. Л. 136.

² Там же. Ф. 4372. Оп. 95. Д. 728. Л. 212.

³ ГАРК. Ф. Р-3348. Оп. 7. Д. 2. Л. 8. Д. 55. Л. 20.

¹ Народное хозяйство Крымской области. 1957. С. 26.

² Там же. С. 26, 38.

табака, требующего больших трудовых затрат на стадиях сборки и низки листового материала. С эфиромасличной продукцией дело обстояло лучше: плантации розы, лаванды, шафрана и других эфирноносителей восстанавливались сравнительно быстро. Наладилась выработка эфиромасличной продукции.

Успешно развивалась в Крыму в послевоенный период пищевкусовая промышленность¹.

По сравнению с промышленностью подъем производства в сельском хозяйстве шел намного сложнее и тяжелее. Отсутствие у русских и украинских переселенцев в горные и предгорные местности Крыма опыта ведения садоводства, виноградарства и табаководства имело следствием весьма низкую по сравнению с довоенной урожайность (по фруктам — 64%, винограду — 48%). Сократились посевные площади и урожайность зерновых и технических культур.

Значительное увеличение валового сбора (амбарный урожай) зерна и технических культур по Крымской области приходится на начало 1950-х гг. По сравнению с 1950 г. (принимается за 100%) он составил 399% в 1951 г., 410% в 1952 г., а в неурожайном 1953 г. — 331%. В неурожайном 1954 г. он снизился до 198%, а в урожайном 1955 г. поднялся до 435%. Причем наиболее высокий валовой сбор пшеницы приходился на 1951–1952 гг. (1951 г. — 523%, 1952 г. — 543%), а наиболее низкий — на 1954 г. (222%) и 1956 г. (241%). В общем же валовом сборе зерна после 1953 г. стала больше место занимать кукуруза (сборы ее по сравнению с 1950 г. увеличились более чем в 20 раз)².

После засухи и голода 1946–1947 гг. в 1948 г. было принято постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР «О плане полесозащитных лесонасаждений, внедрения травопольных севооборотов, строительства прудов и водоемов для обеспечения высоких и устойчивых урожаев в степных и лесостепных районах Европейской части СССР». Это постановление привело к появлению существующих до сих пор лесополос в степных районах Крыма. За последние два года четвертой пятилетки было высажено более 3 тыс. га лесополос и 4 тыс. га леса. Почти в три раза увеличились площади под многолетними травами. Расчищались и создавались пруды, росло число насосных станций. Началось строительство Симферопольского и Старокрымского водохранилищ, а в 1950 г. принято решение о строительстве Северокрымского канала, призванного доставить днепровскую воду в Крым.

Если указанное постановление опиралось на труды и проекты отечественных почвоведов (В. В. Докучаева и др.), то указание И. В. Сталина о целесообразности насаждения на Южном берегу Крыма цитрусовых и эвкалиптов было сугубо волонтеристским. Но по призыву тысячи людей направлялись для спасения цитрусовых от холодов, на рытье траншей и ям под их посадку. Попытка выращивать ли-

моны и мандарины в Крыму как в открытом, так и закрытом грунте через несколько лет закончилась полной неудачей.

В 1940 г. вся посевная площадь Крымской области составляла 987,4 тыс. га, в 1950 г. — 881,9 тыс. га, в 1953 г. — 1006,1 тыс. га. Площади под зерновыми культурами (1953 г. — 661,4 тыс. га) так и не достигли уровня 1940 г. (742,3 тыс. га). Уменьшились они и под техническими культурами. Так, под табаком в 1940 г. было 8,7 тыс. га, а в 1953 г. — 6,7 тыс. га; под эфиромасличными и лекарственными культурами сокращение площадей было незначительным: 7,2 тыс. га в 1940 г., 7,0 тыс. га в 1953 г. Почти сравнялись с довоенными показателями площади под овощебахчевыми культурами и картофелем: 35,6 тыс. га в 1940 г., 35,3 тыс. га в 1953 г.¹

Для понимания специфики развития сельского хозяйства важны данные о площадях, занятых под разными культурами, по административным районам Крымской области. Выделим прибрежные горные районы: Алуштинский (1297 га в 1940 г., 1120 га в 1950 г.), Судакский (1140 га в 1940 г., 992 га в 1950 г.). В этих виноградческих и табаководческих районах, где до депортации преобладали крымские татары, размеры довоенных посевных площадей не были достигнуты. Другой крымский природный регион — северные предгорья: Бахчисарайский (в 1940 г. — 22 087 га, в 1950 г. — 22 141 га), Куйбышевский (в 1940 г. — 7299 га, в 1950 г. — 7046 га), Симферопольский (в 1940 г. — 42 705 га, в 1950 г. — 43 780 га), Зуйский (в 1940 г. — 21 857 га, в 1950 г. — 23 035 га), Белогорский (в 1940 г. — 29 152 га, в 1950 г. — 24 365 га), Старокрымский (в 1940 г. — 18 154 га, в 1950 г. — 17 198 га) районы. Не дотянули до довоенных показателей районы в северо-восточных предгорьях, достаточно отдаленные и менее богатые водой, и в степной части Крыма. Об этом свидетельствуют, в частности, данные по площадям зерновых культур². Еще до введения в строй Северо-Крымского канала за послевоенные годы выросли площади земель с оросительной сетью. Если в 1945 г. их размеры составляли 5932 га, то в 1953 г. — 41 032 га³.

Отдельно следует рассмотреть показатели размеров площадей, занятых под виноградники. Виноградники имелись практически во всех районах области. Но важны те районы, где в больших объемах виноград шел на винодельческое производство и на рынок (курортный и на вывоз). Среди них наиболее значимыми были Судакский (в 1940 г. — 1581 га, в 1950 г. — 845 га), Алуштинский (в 1940 г. — 1129 га, в 1950 г. — 900 га), Ялтинский (в 1940 г. — 783 га, в 1950 г. — 291 га), Куйбышевский (в 1940 г. — 653 га, в 1950 г. — 311 га) районы⁴. Указанные цифры свидетельствуют, что именно в этих ведущих по виноградарству и виноделию районах произошло самое значительное уменьшение площадей под виноградниками.

Трудно восстанавливалось крымское животноводство. Наибольший урон понесло поголовье овец и коз. Если в 1940 г. на полуострове в расчете на 100 га сель-

¹ Цёхла С. Ю., Симченко Н. А., Плугарь Д. И. Исторический аспект становления пищевкусовой промышленности Крыма: довоенный и послевоенный периоды (1926–1950 гг.) // Теория и практика общественного развития: электрон. науч. журн. Краснодар, 2015. № 24. URL: <http://www.teoria-practica.ru> (дата обращения: 19.03.2017).

² Народное хозяйство Крымской области. 1957. С. 58.

¹ Народное хозяйство Крымской области. 1957. С. 61–62.

² Там же. С. 70–72.

³ Там же. С. 87.

⁴ Там же. С. 92.

скохозайственных угодий имелось: крупного рогатого скота — 11,9 (в том числе коров — 5,0), свиней — 9,8, овец и коз — 40,7 голов, то в 1950 г. насчитывалось: крупного рогатого скота — 11,1 (в том числе коров — 4,5), свиней — 7,1, овец и коз — 28,7 (в том числе овец — 24,3) голов. В абсолютных показателях (тыс. голов по категориям всех хозяйств): в 1940 г. крупный рогатый скот — 234,1, свиньи — 140,6, овцы и козы — 957 (в том числе овцы — 913,8), лошади — 96,2 голов; в 1953 г. крупный рогатый скот — 208,7, свиньи — 149,7, овцы и козы — 798,1 (в том числе овцы — 738,6), лошади — 57,7 голов.

Динамика показателей развития животноводства в Крыму в послевоенный период представлена в докладе первого секретаря Крымского обкома КПСС П. И. Титова, прозвучавшем на пленуме обкома в октябре 1953 г. Приведем данные в процентах по отношению к 1941 г. (100%): крупный рогатый скот на 1945 г. — 40,6%, на 1949 г. — 78,8%, на 1953 г. — 123,0%; свиньи на 1945 г. — 7,5%, на 1949 г. — 41,2%, на 1953 г. — 162,1%; овцы и козы на 1945 г. — 9,7%, на 1949 г. — 38,4%, на 1953 г. — 96,5%¹. В статье нового первого секретаря Крымского обкома КПСС Д. С. Полянского (избран в январе 1954 г.), напечатанной через полгода после октябрьского пленума 1953 г., приведены следующие показатели развития животноводства: крупного рогатого скота в Крыму стало больше, чем до войны, на 43%, свиней — на 85%, птицы — в три раза². Создание таких специализированных птицеводческих хозяйств, как совхоз «Южный» в окрестностях Симферополя, позволило в значительной степени решить вопрос снабжения куриным мясом горожан Крыма.

Недостаточно высокими оставались надои в молочном производстве. Средние надои молока от одной фуражной коровы составляли: в 1940 г. — 1389 кг, в 1950 г. — 1016 кг (по материалам октябрьского 1953 г. пленума Крымского обкома КПСС — 968 кг)³.

Очень показательна в плане состояния сельского хозяйства урожайность зерновых. Она была низкой в восстановительный период из-за неблагоприятных климатических условий, дефицита трудовых ресурсов и сельскохозяйственной техники. В 1947 г. урожайность не превышала 5,8 ц с га, в 1948 г. она составила в колхозах в среднем 13,9 ц с га. В 1949 и 1950 гг. на урожайности зерновых сказались суховеи, и она составила 4,5 и 3,9 ц с га⁴. Но уже в 1951 и 1953 гг. средняя урожайность с гектара достигла 10–11 ц, а в 1952 г. — 14–15 ц⁵. Для сравнения приведем обобщенные

данные об урожайности зерновых в среднем по всей Украине: в 1951 г. — 10,2 ц, в 1952 г. — 13,7 ц, в 1953 г. — 10,8 ц¹. Таким образом, положение в сельском хозяйстве в Крыму и на Украине (особенно степной) отличалось несущественно. Причины низких урожаев были одни и те же, если не принимать в расчет степень обеспеченности трудовыми ресурсами (включая наличие опыта ведения сельского хозяйства в конкретных природных условиях).

Для понимания состояния и трудностей развития сельскохозяйственного производства показательна «Объяснительная записка к годовому отчету о заготовках сельхозпродуктов по Крымской области за 1949 год», в которой сообщается: «Метеорологические условия в 1949 г. сложились неблагоприятно для сельского хозяйства области. Количество выпавших осадков в 1949 г. было значительно ниже средних многолетних данных. В 1949 г. положение усугубилось еще и тем, что в летний период выпадение осадков было очень неравномерным, а также были сильные ветры. Осенние заморозки начались очень рано, с конца сентября. При столь неблагоприятно сложившихся метеорологических условиях необходимо было усилить проведение агротехнических мероприятий, однако в ряде колхозов и совхозов правила агротехники не полностью соблюдались». Далее идет перечисление производственных упущений, которые привели к тому, что план заготовок по отдельным видам продукции в 1949 г. не был выполнен. Особенно отмечается невыполнение плана по фруктам, винограду, табаку и продуктам животноводства. Низкие удои объясняются «тяжелым положением с кормами для скота». Выводы неутешительные: «План поставок молока не выполнен колхозами и индивидуальным сектором. Подсобные хозяйства и совхозы план перевыполнили... Облпотребсоюз не выполнил план закупки по таким продуктам, как мясо, рыба, жиры животные и овощи. Промкооперация выполнила план только по жирам животным»².

Главным показателем экономического развития являются темпы количественного и качественного роста производства, его динамика. В годы возрождения крымской экономики эти темпы превышали довоенные. Вместе с тем полностью преодолеть все трудности, ставшие следствием войны и депортаций, в это время не представлялось возможным. Поэтому вряд ли можно ставить в вину и руководству, и труженикам области то, что в четвертой пятилетке не были восстановлены посевные площади, занятые под зерновые и технические культуры, площади под садами и виноградниками, урожайность ряда сельскохозяйственных культур и продуктивность животноводства.

К началу 1950-х гг. самые значительные трудности в сельском хозяйстве были преодолены. Стартовые возможности движения областной экономики по восходящей линии заложены в послевоенный восстановительный период. Дальнейшее развитие сельского хозяйства Крыма в 1950-х гг. протекало уже в более благоприятных условиях.

¹ Об итогах Пленума ЦК КПСС и задачах Крымской партийной организации по дальнейшему развитию сельского хозяйства области. Из доклада секретаря Крымского обкома партии тов. П. И. Титова на пленуме обкома КПСС // Крымская правда. 1953. 24 октября.

² Полянский Д. За дальнейший подъем хозяйства и культуры Крыма // Коммунист Украины. Киев, 1954. № 5. С. 66.

³ Народное хозяйство Крымской области. 1957. С. 110.

⁴ Максименко М. М. Местные советы Крыма в послевоенный период... С. 138, 150.

⁵ Районная экономическая конференция. Материалы первой экономической конференции Симферопольского района Крымской области. 15 марта 1956 г. Симферополь, 1956. С. 70.

¹ См.: Народное хозяйство Украинской ССР: юбилейный статистический ежегодник. Киев, 1977.

² ГАРК. Ф. Р-3348. Оп. 5. Д. 9. Л. 18, 21.

ятных условиях. Сыграло свою роль и списание с колхозов задолженности на существовавшую сумму в объеме 7487 тыс. рублей¹.

Результаты развития сельского хозяйства в 1951 и 1952 гг. выразились в расширении посевных площадей до довоенного уровня, выполнении планов урожайности по зерновым культурам и увеличении государственных закупок по винограду, овощам, подсолнечнику, лаванде и лепесткам розы, перевыполнении плана развития поголовья общественного животноводства.

Проведенный анализ убедительно показывает, что сельское хозяйство Крымской области в 1951–1953 гг. по основным показателям находилось на возможном для условий того времени подъеме².

§ 3. Крымский полуостров — военно-стратегический плацдарм СССР и всесоюзная здравница

Географическое положение и природные условия всегда выделяли Крым среди других регионов юга европейской части СССР. Ими определялось его особое значение в двух направлениях — военно-оборонительном и курортно-оздоровительном.

В условиях обострения холодной войны Крым приобрел исключительное значение как военно-стратегический плацдарм. Великие державы готовились к возможной третьей мировой, на этот раз ядерной войне, что не могло не отразиться на военном строительстве в Крыму. На полуострове находилась главная база Черноморского флота и создавалась военно-воздушная база стратегического назначения. В 1947 г. в Крыму побывал И. В. Сталин. Из Крыма он на крейсере «Молотов» вместе с наркомом Военно-морского флота Н. Г. Кузнецовым, адмиралами флота и заместителем председателя СНК СССР А. Н. Косыгиным отправился в августе в Сочи. Адмиралы собрались на борту крейсера неслучайно: речь шла об укреплении Черноморского флота и выполнении утвержденной в сентябре 1945 г. десятилетней программы военного судостроения.

25 октября 1948 г. Советом министров СССР было принято постановление «О мероприятиях по ускорению восстановления Севастополя». Вслед за ним появился Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 29 октября 1948 г., который определил: «Выделить город Севастополь в самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом и отнести его к категории горо-

дов республиканского подчинения»¹. Так Севастополь с прилегающей к нему территорией, включая береговую линию от мыса Лукулл на западном побережье Крыма и до мыса Сарыч, крайней южной географической точки полуострова, стал особой административно-хозяйственной зоной.

С этого времени Севастополь как база Черноморского флота превратился в так называемый закрытый город, в котором вводился особый режим пребывания и посещения, не проживавшие в нем постоянно граждане СССР могли проехать в город-герой только по пропускам. Пропуска и документы проверялись на внутригосударственных пограничных пунктах, расположенных по периферийной линии Севастопольского округа².

В соответствии с указанным выше постановлением Совета министров СССР в 1949–1952 гг. на восстановление Севастополя (жилого фонда, культурных учреждений, объектов здравоохранения и коммунального хозяйства) выделялось 1523 млн рублей капиталовложений, на возрождение промышленных предприятий и транспорта — 409 млн рублей, военно-морской базы — 700 млн рублей. В постановлении подчеркивалось, что восстановление Севастополя и военно-морской базы правительство СССР считает «важнейшей государственной задачей»³.

К концу 1940-х гг. встал также вопрос о создании хранилищ ядерного оружия. В начале 1950-х гг. началось строительство под видом рудника одной из центральных баз этого профиля в скальной местности у села Краснокаменка (Кизилташ). Объект, получивший адрес «Феодосия 13», считался сверхсекретным. В созданном при нем лагере находились заключенные, работавшие на объекте. На 1 июня 1953 г. их насчитывалось 1837 человек. В толще горы был проложен тоннель со вторым выходом в сторону Старого Крыма⁴. Строительство ядерного склада в Кизилташе закончено в 1954 г.

Другой объект, связанный с подготовкой к ядерной войне, — это аэродром вблизи поселка Багерovo, расположенного в 14 км от Керчи. В 1947 г. на базе разрушенного в войну аэродрома был создан секретный полигон. Он предназначался для семи типов самолетов — носителей ядерного оружия, которые должны были участвовать в испытаниях сбрасывания бомб. Темпы строительства были впечатляющими: через год уже приступили к первым летным испытаниям, в которых использовались макеты атомных бомб. Сами бомбы, начиная с 1951 г., сбрасывались на Семипалатинском полигоне. После взрыва самолеты облетали ядерный гриб, проводя фотосъемки и отбор радиоактивных продуктов из облака взрыва. Полученный материал доставлялся на аэродром в Багерovo. В 1952 г. летно-инженерный

¹ Максименко М. М. Местные советы Крыма в послевоенный период... С. 155.

² Данное заключение, на наш взгляд, достаточно обосновано проведенным анализом динамики развития сельского хозяйства области и в целом совпадает с точкой зрения М. М. Максименко, прежде исследовавшего деятельность местных Советов, и А. Г. Попова, изучавшего уровень жизни колхозного крестьянства. См.: Максименко М. М. Местные советы Крыма в послевоенный период...; Попов А. Г. Деятельность КПСС по подъему материального благосостояния и культурного уровня колхозного крестьянства в послевоенный период (на материалах Крымской области): Автореф. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 11.

¹ Россия, Крым и город русской славы Севастополь: документы и материалы. 1783–1996. М., 1996. С. 57.

² Географическими ориентирами сухопутных городских границ могут служить села Верхнесадовое (Дуванкой) на шоссе Севастополь — Симферополь и Орлиное (Байдари) на южном берегу шоссе, ведущем в Ялту.

³ Россия, Крым и город русской славы Севастополь... С. 55–56.

⁴ Хорсун М. Рассекреченный Крым: от лунодрома до бункеров и ядерных могильников. СПб., 2014. (Тайны истории; вып. 27).

коллектив аэродрома принимал участие в испытании первых советских крылатых ракет по поражению надводных целей¹.

Одним из важнейших исторических народно-хозяйственных секторов Крыма являлись его курортно-лечебный и курортно-туристский оздоровительные комплексы. На полуострове имелись три курортные зоны: Южный берег Крыма, юго-восточное и западное побережья. На Южном берегу Крыма в 1952 г. было проведено медицинское районирование курортов. Центральный южнобережный курортный район простирался от «Артека»-Гурзуфа до Симеиза. На этой территории противотуберкулезные санатории около Ялты располагались выше 300 м над уровнем моря («Долоссы», «Горная здравница», «Узбекистан» и др.) и на прибрежном участке от поселка Шевченко (Алупка-Сара) до Симеиза. Еще одним местом для противотуберкулезного лечения стал Старый Крым, где после войны был построен санаторий «Нефтяник». Территориальное выделение противотуберкулезных санаториев имело большое значение для развития других профилей курортного лечения и отдыха. В свою очередь, локализация противотуберкулезных санаториев способствовала обмену лечебным опытом и создавала более комфортную обстановку для больных. В условиях послевоенного времени нужно было в короткие сроки вернуть людям хотя бы часть утерянного здоровья. Поэтому большие усилия были приложены для налаживания противотуберкулезного лечения. Если в 1945 г. функционировали всего семь действующих противотуберкулезных санаториев, то в 1946 г. их стало 13, а в 1950 г. — 39. Увеличилось и число мест для больных, проходивших лечение и реабилитацию (в санаториях этого профиля больные находились на протяжении трех и более месяцев): если в 1945 г. имелось 1090 мест, то в 1950 г. их было уже 5358.

Санаторно-курортный Крым в послевоенные годы приобрел большую многопрофильность. Лечению бронхиальной астмы и хронической пневмонии помогала климатотерапия. Наличие лечебных грязей в Саках определило создание здесь крупного бальнеологического и спинального центра. Благодаря минеральной воде было налажено лечение заболеваний желудочно-кишечного тракта в Феодосии.

Еще одним направлением в развитии курортов стало оздоровление детей. Для этого строились детские санатории и пионерские лагеря. В 1945 г. детей принимали 11 детских санаториев на 1175 мест, а в 1950 г. — 24 санатория на 3925 мест.

Всего за послевоенные годы сеть лечебно-профилактических учреждений и домов отдыха в Крыму существенно выросла: в 1945 г. действовал 31 санаторий на 3677 мест, в 1953 г. — 110 санаториев на 17409 мест². Кроме того, в 1948 г. имелось 19 спецсанаториев (санатории, на территории которых располагались государственные дачи МВД СССР, МГБ СССР). Значительно увеличилось и число домов отдыха. В 1949 г. в Ялте было закончено строительство нового, первого послевоенного

санатория «Энергетик». В Ялте, Алуште, Евпатории, Феодосии появились хорошо оснащенные курортные поликлиники. В Симферополе, Ялте, горном Крыму были основаны турбазы. В 1951 г. только в Ялте всеми видами отдыха было охвачено 165 тыс. человек.

Чтобы иметь представление о развитии санаторно-курортной базы в послевоенном Крыму, приведем в качестве типичного примера фрагмент из очерка об одном из евпаторийских санаториев: «Послевоенная история «Ударника» — это история постоянного обновления. Санаторий значительно расширился, ряд корпусов был перепланирован, чтобы вместо многоместных палат сделать двух- и трехместные. Прежде санаторий своей лечебной базы не имел, а диагностическая была настолько мизерной, что сейчас даже трудно представить, в каких условиях пришлось работать врачам». Для характеристики курортного дела в Крыму не найдешь более точного определения, как «история постоянного обновления»¹.

Обновление затрагивало и всю систему здравоохранения. Техническое оснащение, снабжение аптек лекарствами улучшалось наряду с ростом числа медицинских кадров: в 1945 г. — 1016 человек, в 1950 г. — 2476 человек².

Сеть домов отдыха по состоянию на 15 августа 1950 г. располагала 11 объектами на Южном берегу Крыма, одним в Евпатории, четырьмя на восточном побережье (Планерское, Судак, Феодосия) в общей сложности на 10591 койку. Из них бюджетное финансирование имели три дома отдыха, остальные являлись хозрасчетными учреждениями³.

Успехи курортного строительства были связаны с заинтересованностью не только органов здравоохранения, но и ВЦСПС, многочисленных ведомств и организаций (партийных, советских, военных, транспортных, промышленных и т. д.) в создании «своих» здравниц.

§ 4. Передача Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР

Передача Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР состоялась по инициативе первого секретаря ЦК КПСС (с сентября 1953 г.) Н. С. Хрущева. Вернувшись из Киева в Москву с юбилейных торжеств, посвященных празднованию на Украине 300-летия Переяславской рады (8 января 1954 г.), Н. С. Хрущев в узком кругу высшего партийно-государственного руководства СССР заявил, что упрочению дружбы русского и украинского народов способствовала бы передача Крыма Украине. По воспоминаниям Д. Т. Шепилова, бывшего тогда главным редактором газеты «Правда», это произошло на одном из совещаний, где присутствовали

¹ Хорсун М. Рассекреченный Крым...

² Статистика по развитию курортов дана по: РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 18. Д. 335. Л. 25–26. Там же приведены данные о специализации санаториев. См. также: Народное хозяйство Крымской области. 1957. При этом численность санаториев и домов отдыха и мест в них менялась в разные годы.

¹ Супрунюк Б. Член правительства // Дворцы здоровья — трудящимся. Симферополь, 1970. С. 147.

² РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 3886. Л. 138.

³ Там же. Оп. 18. Д. 593. Л. 63.

члены Президиума и Секретариата ЦК КПСС. Предложение прозвучало во время перерыва, в комнате для отдыха. Первый секретарь ЦК КПСС аргументировал его территориальной близостью Крымского полуострова к Украине, что способствует их тесным экономическим связям. В заключение он выразил уверенность, что возражений не будет. И в этом не ошибся. Возражений не было, только В. М. Молотов выдал из себя, ни к кому не обращаясь, что, по-видимому, предложение придется принимать¹.

25 января 1954 г. на заседании Президиума ЦК КПСС был утвержден проект Указа Президиума Верховного Совета СССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР². Вел заседание председатель Совета министров СССР Г. М. Маленков, присутствовали семь из восьми членов Президиума ЦК (отсутствовал В. М. Молотов), два кандидата в члены Президиума ЦК и три секретаря ЦК КПСС, не входившие в состав Президиума. В выписке из протокола этого заседания, подписанной Н. С. Хрущевым, содержится решение, состоящее из двух пунктов: утвердить предложенный проект Указа и признать целесообразным провести специальное заседание Президиума Верховного Совета СССР, на котором рассмотреть совместное представление Президиума Верховного совета РСФСР и Президиума Верховного совета УССР. В дальнейшем содержание этого проекта Указа с его мотивацией — общность экономики и хозяйственная целесообразность, а также культурные связи между населением Крымской области и Украинской ССР (которые, заметим, очень уж значительными не были) — повторяется во всех принимаемых документах.

Мнением тогдашних жителей Крыма никто не интересовался. Превращение желания Н. С. Хрущева в позицию Президиума ЦК КПСС было проявлением персонального всемогущества человека, которому по сталинской традиции подчинялись остальные члены так называемого коллективного руководства. Решение высшего партийного органа имело силу директивы. Заседание Президиума Верховного Совета СССР было назначено на 19 февраля 1954 г.

Уже 1 февраля за подписью секретаря Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Пегова подготовлены и представлены в Президиум ЦК «Предложения о порядке проведения заседания Президиума Верховного Совета СССР по рассмотрению совместного представления Президиума Верховного совета РСФСР и Президиума Верховного совета УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР». В этом документе было детально расписано, кто приглашается на заседание, кто и в каком порядке выступает. Отмечалось, что тексты выступлений на предстоящем заседании председателя Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилова, председателя Президиума Верховного совета РСФСР

М. П. Тарасова и председателя Президиума Верховного совета УССР Д. С. Коротченко будут представлены дополнительно. К. Е. Ворошилов полагал целесообразным, чтобы в поддержку предложения о передаче Крымской области выступили кандидат в члены Президиума ЦК КПСС, председатель ВЦСПС, бывший председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. М. Шверник, председатель Президиума Верховного совета Карело-Финской ССР О. В. Куусинен, начальник Управления трудовых резервов при Совете министров СССР З. Т. Федорова и председатель Президиума Верховного совета Узбекской ССР Ш. Р. Рашидов.

5 февраля было принято несколько документов, в том числе постановление Совета министров РСФСР, в котором признано «считать целесообразным» передачу Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, а также содержится просьба Президиуму Верховного совета РСФСР рассмотреть данный вопрос и войти с соответствующим ходатайством в Президиум Верховного Совета СССР.

Сохранился черновой вариант проекта совместного постановления Президиума Верховного совета РСФСР и Президиума Верховного совета УССР: «Учитывая общность экономики, территориальную близость и тесные хозяйственные и культурные связи между Крымской областью и Украинской ССР, Президиум Верховного совета РСФСР считает возможным поддержать ходатайство Президиума Верховного совета Украинской ССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР»¹. Обращает на себя внимание тот факт, что инициатива передачи Крыма, согласно этому документу, исходит от Украины. Но эта погрешность была оперативно исправлена.

5 февраля состоялись два заседания Президиума Верховного совета РСФСР: одно плановое (оформлено протоколом № 42) и другое внеплановое (протокол № 41). Подобного случая не имелось ни в предшествующей, ни в последующей практике этого государственного органа. Показательно, что в протоколе № 41 о передаче Крымской области в состав УССР не отражены выступления ни одного из присутствовавших на заседании членов Президиума Верховного совета.

7 февраля председатель Президиума Верховного Совета СССР К. Е. Ворошилов направил председателю Совета министров СССР Г. М. Маленкову и первому секретарю ЦК КПСС Н. С. Хрущеву записку, в которой сообщил, что «в соответствии с решением Центрального комитета 19 февраля с. г. собирается Президиум Верховного Совета СССР» для рассмотрения вопроса о передаче Крымской области, в приложении к записке — материалы к заседанию Президиума Верховного Совета.

9 февраля председатель Президиума Верховного совета РСФСР М. П. Тарасов и секретарь Президиума Верховного совета РСФСР И. Н. Зимин направили письмо К. Е. Ворошилову с информацией о принятом 5 февраля постановлении Верховного совета РСФСР по вопросу о передаче Крымской области. В этом письме три предложения, но интерес представляет только одно из них: «Передача Крымской области в состав Украинской Советской Социалистической Республики отвечает общим интересам Советского государства, будет способствовать развитию эконо-

¹ См.: *Шенников Д. Т.* Непримкнувший. М., 2001. С. 34–36.

² «Исключительно замечательный акт братской помощи». Документы и материалы о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав УССР (январь—февраль 1954 г.) / сост. О. В. Волобуев; коммент. О. В. Волобуев, Г. Н. Иофис // Исторический архив. 1992. № 1. С. 40–41. В данной подборке насчитываются 17 документов из Архива Президента Российской Федерации, ГА РФ, РГАСПИ.

¹ «Исключительно замечательный акт братской помощи»... С. 44–45.

мики Украины, еще большему укреплению нерушимой дружбы и братских связей между украинским и русским народами»¹. Таким образом, к уже известной аргументации принимаемого решения прибавляется: соответствие общим интересам Советского государства (подчеркивается, что вопрос внутрисоветский), «будет способствовать развитию экономики Украины» (а не Крыма и даже не Украины и Крыма), укреплению дружбы между народами.

13 февраля состоялось заседание Президиума Верховного совета УССР, посвященное тому же вопросу. В тексте принятого Президиумом Верховного совета постановления продолжается «линия дружбы народов»: передача Крымской области «является свидетельством безграничного доверия великого русского народа украинскому народу»; «украинский народ с сердечной благодарностью и одобрением встретит решение о передаче Крыма Украинской ССР как новое проявление заботы ЦК КПСС и Советского правительства о дальнейшем укреплении нерушимой дружбы и братской связи между русским и украинским народами»².

19 февраля 1954 г. под председательством К. Е. Ворошилова состоялось заседание Президиума Верховного Совета СССР. На нем выступили пять человек: М. П. Тарасов, Д. С. Коротченко, Н. М. Шверник, Ш. Р. Рашидов и О. В. Куусинен. В своем выступлении Д. С. Коротченко заявил: «Президиум Верховного совета Украинской Советской Социалистической Республики выражает свою сердечную благодарность великому русскому народу за тот исключительно замечательный акт братской помощи, о котором идет речь на данном заседании»³. О «нерушимой и вечной дружбе братских народов» говорил Н. М. Шверник. Это же выражение вслед за ним, как заклинание, повторили Ш. Р. Рашидов и О. В. Куусинен. Последний при этом вводил пафосные уточнения: «Только в нашей стране возможно, чтобы такой великий народ, как русский народ, без всяких колебаний великодушно передал другому братскому народу одну из ценных (здесь и далее курсив наш. — Авт.) областей. Только в нашей стране возможно, когда такие важнейшие вопросы, как территориальное перемещение отдельных областей в состав той или иной республики, разрешаются без всяких затруднений, с полной согласованностью, руководствуясь исключительно соображениями целесообразности»⁴.

В этих перекликающихся оценками и выражениями выступлениях хотелось бы отметить некоторые места, незаметные тогда, но обратившие на себя внимание в дальнейшем, при обсуждении обстоятельств и последствий принятия «замечательного акта». Так, в выступлении Д. С. Коротченко речь идет о «братской помощи» Украине (еще раз подчеркнем, Украине, а не Крыму). В выступлении О. В. Куусинена отмечается, что русский народ передает украинскому «одну из ценных областей» (не депрессивных, как утверждает в современной украинской историографии), а «территориальные перемещения... разрешаются без всяких затруднений».

¹ «Исключительно замечательный акт братской помощи»... С. 45–46.

² Там же. С. 46.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 51.

Президиум Верховного Совета СССР единогласно утвердил совместное представление Президиума Верховного совета РСФСР и Президиума Верховного совета УССР о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР¹. Соответствующий Указ Президиума Верховного Совета СССР² текстуально совпадал с упомянутым выше проектом, утвержденным на заседании Президиума ЦК КПСС 25 января 1954 г. Позднее Указ был утвержден Законом СССР от 26 апреля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР», принятом на заседании первой сессии Верховного Совета СССР четвертого созыва, и опубликован в центральных газетах 28 апреля.

В мемуарных произведениях, научной и публицистической литературе давно дебатировалась проблема мотивов инициированного Н. С. Хрущевым решения.

Одной из первых публикаций, освещающих этот вопрос, являются воспоминания А. И. Аджубея (в 1953–1954 гг. — главный редактор газеты «Известия», зять Н. С. Хрущева)³. Автор объяснял мотивы первого секретаря ЦК КПСС исключительно экономическими причинами: Крым был неухоженным, запущенным, не обеспеченным рабочей силой⁴. При этом журналист ссылаясь на свои личные впечатления от пребывания вместе с Н. С. Хрущевым в Крыму осенью 1953 г., на тяжелое состояние сельского хозяйства полуострова и массовые жалобы переселенцев из центральных областей РСФСР, которые не могли прижиться на новых местах.

Эта точка зрения, объясняющая решение Н. С. Хрущева «безвыходностью» социально-экономической ситуации на полуострове, необходимостью его восстановления «за счет ресурсов Украины» или «исторической привязанностью» региона к украинской экономике, преобладает и в современной украинской исторической и политологической литературе⁵. Однако она не является достаточно убедительной. К тому же имеются сведения, что идея передачи Крыма Украинской ССР у Н. С. Хрущева возникла еще в 1944 г., сразу после депортации крымских татар, когда в связи с необходимостью решения проблемы заселения полуострова он выступал за его присоединение к Украине⁶.

Обсуждаются и более реальные политические причины принятия решения о передаче Крыма. В частности, нередко отмечается, что «проводник сталинских репрессий Хрущев» мог передать Крым, «чтобы в какой-то мере искупить

¹ «Исключительно замечательный акт братской помощи»... С. 52. См. также: Известия. 1954. 27 февраля.

² Указ от 19 февраля был опубликован в центральных газетах 27 февраля 1954 г.

³ Аджубей А. Как Хрущев Крым подарил. Воспоминания на заданную тему // Новое время. 1992. № 6. С. 20–21.

⁴ См.: Комсомольская правда. 1992. 22 мая.

⁵ Ильницкая О. И. Восстановление и развитие аграрного сектора Крымской области в послевоенный период в составе РСФСР: проблемы, пути решения, результаты // УЗ ТНУ. Сер. Исторические науки. 2011. Т. 24 (63), № 1 (спец. вып. «История Украины»). С. 35–42.

⁶ См.: Кнышевский П. Штрихи к портретам кремлевской галереи // Новое время. 1994. № 9. С. 54.

свою вину перед Украиной»¹. Наиболее вероятным представляется объяснение Д. Т. Шепилова, полагавшего, что в политической борьбе за власть, которая вернулась после смерти И. В. Сталина, Н. С. Хрущев нуждался в поддержке руководителей Компартии Украины — одной из крупнейших республиканских партийных организаций, это и повлияло на принятие решения². Однако, чтобы скрыть настоящие мотивы своего решения, Н. С. Хрущев «подгоняет» под него экономическое обоснование.

В октябре 1953 г., вскоре после ареста Л. П. Берии и избрания на сентябрьском пленуме ЦК КПСС первым секретарем ЦК партии, Н. С. Хрущев, находясь на отдыхе, вместе с председателем Совета министров СССР Г. М. Маленковым, в сопровождении председателя Крымского областного совета депутатов Д. С. Полянского и А. И. Аджубея совершает поездку с Южного берега Крыма в предгорную его часть. Эта рабочая поездка на автомобиле по дороге, ведущей через Ай-Петринское плато в северо-западные предгорья полуострова, не освещалась ни в центральной, ни в местной прессе. Точный маршрут поездки установить не представляется возможным, поскольку в воспоминаниях А. И. Аджубея отсутствуют конкретные географические ориентиры, но представить его можно: шоссейная дорога выводит на трассу Симферополь — Севастополь.

На привалах, как свидетельствует автор воспоминаний, их окружали толпы колхозников, переселенцы из РСФСР, жившие в ближайших селениях. И журналист недоумевает, откуда они узнали о тайной поездке Н. С. Хрущева и Г. М. Маленкова и тем более о местах их возможных остановок. Можно предположить, что это был результат усилий Д. С. Полянского, знавшего о замысле Н. С. Хрущева и организовавшего через местные органы власти «случайные хождения» представителей народа к высшим государственным лицам³. Переселенцы жаловались на то, что и капуста вянет, и картошка не растет. Вероятно, это помогло Н. С. Хрущеву получить поддержку Г. М. Маленкова, на которого было оказано эмоциональное давление. Теперь можно было продолжить «крымское дело» в Киеве, куда первый секретарь ЦК КПСС экспромтом и отбыл на «случайном» самолете. Представленная картина может рассматриваться как одна из версий, но, с нашей точки зрения, как версия наиболее логичная и доказательная.

Посещение Н. С. Хрущевым вслед за Крымом Киева, где он стал обсуждать с украинским руководством планы передачи Крыма, привело к появлению справки «О состоянии сельского хозяйства Крымской области», подготовленной для первого секретаря ЦК Компартии Украины А. И. Кириченко 4 января 1954 г., т. е. практически в дни празднования 300-летия Переяславской рады и за три недели до заседания Президиума ЦК, рассмотревшего вопрос о передаче Крыма.

¹ Якунов Е. Подарок Хрущева // Киевские ведомости. 2009. 20 февраля.

² Шепилов Д. Т. Непримкнувший. С. 303.

³ Заслуги Д. И. Полянского были вознаграждены: в январе 1954 г. он заменил на посту первого секретаря Крымского обкома КПСС П. И. Титова, противника передачи Крыма Украине, и в дальнейшем сделал блестящую партийную и государственную карьеру.

Практически в справке содержалась информация о социально-экономическом развитии региона, входившего в состав другой республики. Однако, по-видимому, вопрос с подачи Н. С. Хрущева уже начал всерьез прорабатываться. В справке искажалась картина социально-экономического развития Крыма: приводились заниженные показатели, ущербно представлялась социальная сфера.

Документы о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР позволяют сделать вывод, что данный вопрос, впервые официально поставленный на заседании Президиума ЦК КПСС 25 января 1954 г., готовился в кратчайшие сроки, наспех и явно под нажимом сверху, без учета мнения населения Крымской области.

При передаче Крыма Украине вопрос о границах никто не затрагивал: считалось, что область остается в прежних границах. Но в какой мере сама передача Крымской области в 1954 г. была юридически правомерной — этот вопрос остается дискуссионным до сих пор. Определились две точки зрения: сторонники одной из них считают, что все основные юридические формальности при передаче Крыма в 1954 г. были соблюдены, другой — напротив, полагают, что Крымская область оказалась в составе Украинской ССР незаконно.

Последняя позиция представлена в постановлении Верховного совета Российской Федерации от 21 мая 1992 г. «О правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР, принятых по изменению статуса Крыма в 1954 году», которое квалифицирует постановление Президиума Верховного совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» как антиконституционное, принятое с нарушением законодательной процедуры и не имеющее юридической силы. Экспертные заключения, на основании которых принималось данное постановление, опубликованы¹.

В соответствии с пунктом «д» статьи 14, статьей 31 и статьей 146 Конституции СССР 1936 г. утверждение изменения границ между союзными республиками и внесение соответствующих поправок в Конституцию (в данном случае в статьи 22 и 23, устанавливающие состав РСФСР и УССР) осуществляются исключительно Верховным Советом СССР, поскольку решение этих вопросов не входит в компетенцию подотчетных Верховному Совету органов, в том числе Президиума Верховного Совета СССР. Таким образом, вопрос о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР должен был рассматривать непосредственно Верховный Совет с участием двух его палат — Совета Союза и Совета национальностей, а не просто утверждать ранее принятый антиконституционный

¹ См.: Аналитические записки // Россия, Крым и город русской славы Севастополь... С. 143–204; Аналитический обзор экспертных заключений, поступивших в рабочую комиссию Верховного совета Российской Федерации по международно-правовому, государственно-правовому, конституционно-правовому и историческому аспектам статуса города Севастополя // Москва — Крым: историко-публицистический альманах. М., 2000. Вып. 1. С. 68–72. См. также: Вишняков В. Крым: право и политика. М., 2011. С. 8–10, 13.

Указ Президиума. Статья 18 Конституции СССР устанавливает, что территория союзных республик не может быть изменена без их согласия. Однако в реализации этой нормы допущены нарушения Конституции РСФСР 1937 г.: соответствующее решение принимал не Верховный совет РСФСР как высший орган государственной власти республики, а его Президиум. Правда, следует отметить, что в перечне полномочий Верховного совета РСФСР право принятия решения о территориальных изменениях границ с другими союзными республиками также не предусмотрено.

Пунктом «в» статьи 33 Конституции РСФСР было предусмотрено, что Президиум Верховного совета РСФСР имеет право проводить всенародный опрос (референдум). В условиях отсутствия нормы о волеизъявлении жителей передаваемой Крымской области на выбор гражданства той или иной республики эта возможность не была использована¹. В целом в СССР процедура передачи части территории из одной союзной республики в другую не была определена на законодательном уровне. Это открывало дорогу для принятия волюнтаристских решений и различной интерпретации такой процедуры.

Отдельную проблему представляла ситуация, сложившаяся с Севастополем². В соответствии с постановлением Совета министров СССР от 25 октября 1948 г. и Указом Президиума Верховного совета РСФСР от 29 октября 1948 г. Севастополь был выделен в «самостоятельный административно-хозяйственный центр со своим особым бюджетом» и отнесен «к категории городов республиканского подчинения» (РСФСР). Порядок финансирования городского бюджета Севастополя определялся соответствующим постановлением Совета министров РСФСР от 29 октября 1948 г. № 1082 «Вопросы города Севастополя». Таким образом, город имел специальный статус, требовавший отдельных решений. Однако в итоговых документах о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР о Севастополе не упоминалось.

До 25 апреля 1968 г., когда Совет министров РСФСР признал утратившим силу свое постановление от 29 октября 1948 г. № 1082, город Севастополь частично продолжал получать финансирование непосредственно из бюджета Российской Федерации. Причем Указ Президиума Верховного совета РСФСР от 29 октября 1948 г., согласно которому Севастополь стал городом республиканского подчинения (РСФСР), отменен так и не был. Статус Севастополя оставался неопределенным вплоть до принятия Конституции УССР 1978 г., где в статье 77 Севастополь обозначен как город республиканского подчинения в Украинской ССР, и Конституции РСФСР 1978 г., в которой в статье 71, определявшей состав Российской Федерации, город Севастополь отсутствовал.

¹ Вишняков В. Крым: право и политика. С. 8–10, 13.

² По проблеме Севастополя опубликовано много работ, прежде всего см.: Федоров А. В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. М., 1999; Бабурин С. Н. Территория государства: правовые и геополитические проблемы. М., 1997. С. 231–242.

Глава 31

Крымская область в составе Украинской ССР. 1954–1985 гг.

§ 1. Этнодемографическая ситуация в Крымской области. Попытки «украинизации» Крыма

В. Б. Жиромская, Н. А. Араловец, А. А. Форманчук

По данным Всесоюзной переписи населения 1959 г.¹, на территории Крымской области проживали 1201,6 тыс. человек. В Крыму преобладало городское население — 775,5 тыс. человек (64,5%), сельское население составляло 426,1 тыс. человек (35,5%). В Севастополе проживали 148 тыс. человек, или 19,1% от горожан полуострова.

Наиболее многочисленными этносами были русские, украинцы, евреи и белорусы. На полуострове по-прежнему доминировали русские — 858,3 тыс. человек (71,4%), украинцев насчитывалось 267,7 тыс. человек (22,3%), евреев — 26,7 тыс. человек (2,2%), белорусов — 21,7 тыс. человек (1,8%). Многонациональный состав населения был также характерен и для Севастополя (русских — 76,8%, украинцев — 17,0%, евреев — 2,1%, белорусов — 1,3%).

В Крымской области в конце 1950-х гг. все еще остро ощущались последствия людских потерь в годы Великой Отечественной войны, выразившиеся в диспропорции полов, сокращении удельного веса трудоспособного населения, особенно мужского.

Если в первое послевоенное десятилетие острую нехватку трудовых ресурсов для восстановления промышленности и сельского хозяйства Крыма восполняли переселенцы из центральных и других российских регионов, то после передачи Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г. переселенческая политика изменилась, и основная нагрузка легла на области Украины. Постановлением Совета министров УССР от 5 января 1957 г. планировалось пере-

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 г.: Украинская ССР. М., 1963. С. 12, 178, 184, 190 (подсчеты авторов).

селить в Крымскую область 6 тыс. семей, в том числе 3,5 тыс. семей из западных областей Украины. Наиболее активно переселение происходило в 1956–1965 гг.: по оргнабору в Крым перебралось 38 258 семей (около 150 тыс. человек) из 15 областей Украины.

В 1960–1970-е гг. негативные демографические тенденции на Крымском полуострове во многом были преодолены. В 1970 г. в Крымской области уровень рождаемости составлял 16,0%, смертности — 7,4%, естественный прирост — 8,6%.

За период между переписями 1959 и 1979 гг. население полуострова увеличилось на 934,4 тыс. человек, или на 77,8% (с 1201,5 тыс. в 1959 г. до 2135,9 тыс. человек в 1979 г.). Наиболее активно шло повышение численности городского населения: с 775,5 до 1412,4 тыс. человек, или на 82,1%, в селах — с 426,1 до 723,5 тыс. человек, или на 69,8%. В значительной степени сгладилась послевоенная диспропорция полов, особенно среди сельского населения.

В 1970-е гг. в этническом составе полуострова наиболее многочисленным этносом по-прежнему оставались русские. В 1970 и 1979 гг. их численность составляла 67,3% и 68,4% соответственно. Прирост украинцев происходил главным образом за счет переселенцев: только в период с 1965 по 1979 г. из украинских областей в Крымскую область переехали 130 тыс. человек. Численность украинского населения возросла более чем в два раза: с 267 659 человек в 1959 г. до 547 336 человек в 1979 г.¹, или с 22,3 до 26,5% (на протяжении 1970-х гг. удельный вес украинцев существенно сократился).

Еще одной тенденцией 1970-х гг. стал незначительный рост числа крымских татар, проживавших в Крыму. В 1979 г. перепись зарегистрировала в составе населения полуострова 0,7% крымских татар.

После передачи Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР в 1954 г. украинское руководство предприняло ряд мер, направленных на «украинизацию» Крыма. Начало этому процессу положило введение в учебные программы общеобразовательных школ обязательного изучения украинского языка и литературы. Для подготовки учителей этого языкового профиля на историко-филологическом факультете Крымского государственного педагогического института было открыто специальное отделение. На украинский язык перевели трансляцию некоторых программ местного телевидения и радиовещания, а отдельные программы дублировались на украинском языке. Самая массовая в Крыму областная газета «Крымская правда», являвшаяся органом Крымского обкома Компартии Украины, стала выходить в двух вариантах — на русском и украинском языках. Повсеместно производилась замена русскоязычных вывесок на зданиях партийных комитетов, органов власти, государственных учреждений, магазинов и объектов бытового обслуживания, дорожных указателей и названий населенных пунктов на их украинский аналог.

Некоторые партийные руководители, включая секретарей Крымского обкома КПУ, практиковали публичные выступления на украинском языке. Однако этот опыт не получил широкого распространения¹.

Вскоре в адрес ЦК КПСС стали поступать обращения жителей Крымской области с жалобами на насильственное принуждение к изучению и использованию украинского языка. Это привело к тому, что крымские партийные функционеры вынуждены были подвергнуть острой критике тех, кто излишне увлекся кампанией «украинизации» полуострова. Больше всех осуждению подверглось руководство органов народного образования, а также некоторые директора общеобразовательных школ².

Уже к началу 1960-х гг. административная кампания «украинизации» Крыма сбавила обороты. Однако в школьных программах некоторое время изучение украинского языка имело добровольный характер.

Попытка оживить «украинизацию» полуострова на рубеже 1960–1970-х гг., когда пост первого секретаря ЦК Компартии Украины занимал П. Е. Шелест, успеха не имела. Более того, национальная политика украинского партийного руководства, а также книга первого секретаря республиканской компартии «Україна наша радянська» были подвергнуты критике, в том числе на общекрымском собрании партийно-хозяйственного актива³. 19 мая 1972 г. П. Е. Шелест был освобожден от должности и переведен на работу в Москву.

§ 2. Социально-экономическое развитие

В. П. Петров, А. А. Форманчук

Во второй половине 1950-х — начале 1960-х гг. народное хозяйство Крымской области, наряду с другими регионами СССР, стало полем административных и экономических экспериментов послесталинского советского руководства во главе с Н. С. Хрущевым. К этому времени обострился кризис старой системы управления, основанной на методах прямого администрирования и высокого уровня централизации, встал вопрос о расширении хозяйственной самостоятельности предприятий. Решению этих задач должен был способствовать переход от отраслевого (министерства) к территориальному управлению (совнархозы).

В начале 1958 г., вопреки планам руководства области, Крым был включен в состав Херсонского совнархоза, ставшего своего рода многоотраслевым министерством на региональном уровне, и занял важное место в этом административно-экономическом районе, поскольку на территории полуострова размещались все

¹ Форманчук А. А. Крым в составе Советской Украины: книга для чтения по истории Крыма. Симферополь, 2010. С. 284–285.

² Там же.

³ Там же.

¹ Итоги Всесоюзной переписи населения... С. 94.

металлургические, химические, табачные предприятия совнархоза. Здесь же производилось 80% продукции винодельческой промышленности, 40% консервов, вырабатывалось около 70% электроэнергии. В подчинение Херсонскому совнархозу были переданы 128 промышленных предприятий, производивших около 60% продукции крымской промышленности¹. Однако в 1960 г. крымскому руководству все-таки удалось добиться образования на базе Крымского экономического района самостоятельного совнархоза, в состав которого вошли 138 промышленных предприятий.

На первых порах совнархозы дали определенный положительный эффект, однако вскоре начался спад, усилились местнические тенденции. Регионы замкнулись в себе, теряя общесоюзный рынок сбыта, создавая мелкие, но зато собственные предприятия. Если раньше отраслевые интересы нацеливали на первоочередное выполнение государственных заданий, то теперь интересы каждого совнархоза требовали максимально использовать имеющиеся средства для удовлетворения местных потребностей. В результате массовый характер приобрели постоянные срывы графиков поставок сырья и комплектующих по кооперации с соседними совнархозами, нарушалось руководство отраслями как единым целым. Сокращались темпы роста производительности труда, снижалась эффективность промышленного производства, а это в свою очередь приводило к недостаточно полному использованию основных производственных фондов. Так, в 1959–1963 гг. основные фонды в химической промышленности Крымского полуострова увеличились более чем в два раза, а объем выпускаемой продукции — лишь на 36%. На Камыш-Бурунском железорудном комбинате в 1961 г. выпуск продукции на 1 рубль основных фондов составлял 37,4 коп., в 1963 г. — 31,9 коп., а в 1965 г. — только 20 коп.²

В целях исправления ситуации в 1962 г. было осуществлено укрупнение совнархозов. Крымский совнархоз был ликвидирован, а его предприятия вошли в состав вновь созданного Черноморского совнархоза с центром в Одессе, который включил в себя промышленность Одесской, Крымской, Николаевской и Херсонской областей. Однако и эти меры не дали желаемых результатов, сохранив многоступенчатость в управлении отдельными отраслями экономики. Проводимые мероприятия были рассчитаны в основном на эффект административных перестроек и не предусматривали сущностных преобразований, затрагивающих основные звенья экономических отношений. Административный аппарат экономики стал еще более разветвленным и многочисленным, реформа свелась к бюрократической реорганизации.

Гораздо значительнее на структуру производства повлияли преобразования в сельском хозяйстве. Прежде всего увеличивались капиталовложения в сельское хозяйство, аннулировались долги колхозов, повышались закупочные цены на все

виды сельхозпродуктов. Колхоз получал только обязательные задания по заготовкам зерна, молока и других сельхозпродуктов и впервые мог решать сам, как использовать собственные ресурсы и организовать производство¹. Произошли сокращение числа колхозов и рост числа совхозов². Подобные тенденции имели место и в Крымской области, где полным ходом шли укрупнение колхозов и частичная трансформация их в совхозы. Количество совхозов с 79 в 1958 г. увеличилось до 124 в 1965 г. В свою очередь, число колхозов сократилось за это же время с 217 до 119³.

Основная разница между совхозом и колхозом состояла в отношении к техническим средствам производства. Совхозы как государственные предприятия владели ими непосредственно, колхозы должны были пользоваться услугами государственных МТС в обмен на свою продукцию. Н. С. Хрущев предложил реорганизовать МТС и передать колхозам технику в собственность. Закон «О дальнейшем развитии колхозного строя и реорганизации машинно-тракторных станций», принятый Верховным Советом СССР в марте 1958 г., предусматривал постепенное и поэтапное осуществление реформы, однако не везде по стране она была проведена удачно⁴.

В Крыму удалось избежать характерных для многих регионов осложнений. Состоявшийся 13 марта 1958 г. пленум Крымского обкома партии разработал конкретные мероприятия и рекомендации, позволившие организованно провести все этапы реформы. До конца года вместо 44 машинно-тракторных станций были созданы 22 ремонтно-тракторные станции и более 20 их отделений в различных районах Крыма. Из МТС в колхозы передано более 3 тыс. тракторов, 1,2 тыс. комбайнов и другая техника. Специальные комиссии, созданные в районах, проверяли техническое состояние передаваемых машин, полноту их комплектации и уровень износа. Особенно выиграли от этого экономически крепкие хозяйства, сумевшие быстро нарастить имевшуюся ремонтно-техническую базу и привлечь к работе персонал, высвобождающийся в связи с ликвидацией МТС. Всего в колхозы Крыма из МТС перешли работать 7 тыс. трактористов, комбайнеров, агрономов и других специалистов. Во многих колхозах заблаговременно подготовили места для хранения и обслуживания техники⁵.

В начале 1962 г. Н. С. Хрущев провел реорганизацию всего руководящего аппарата органов управления сельским хозяйством. В соответствии с решениями ноябрьского 1962 г. Пленума ЦК КПСС⁶ вся партия сверху донизу меняла территориальную структуру на производственную. Ее аппарат разделили на две параллельные структуры — для промышленности и сельского хозяйства, которые объединялись только на уровне центральных органов партии. Все обкомы были разделены на промышленные (в Крыму возглавлял Н. П. Суркин) и сельские (И. Г. Лутак), каждый со своим первым секретарем и собственным аппаратом. По такому же принципу

¹ Очерки по истории Крыма / под общ. ред. И. С. Чирвы. Симферополь, 1967. Ч. IV: Крым в период Великой Отечественной войны, в годы восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства (1941–1965 гг.). С. 153.

² Там же. С. 229.

¹ XXII съезд КПСС. М., 1961. Т. 1. С. 395, 446.

² Народное хозяйство СССР в 1965 г. М., 1966. С. 257, 425.

³ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 255.

⁴ Пленум Центрального Комитета КПСС. 24–26 марта 1965 г. М., 1965. С. 8.

⁵ Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 252.

⁶ Пленум Центрального Комитета КПСС. 19–23 ноября 1962 г. М., 1962. С. 12–26.

были разделены и исполкомы областных советов. Последствия этого акта проявились быстро. Производственный принцип лишал парторганизации согласованности действий в решении социально-экономических проблем, вел к смешению функций партийных и советских органов. Реформа обернулась бюрократической трансформацией, повлекшей за собой лишь раздувание партийного аппарата.

К концу пятой пятилетки (1951–1955 гг.) промышленность Крымской области на 16% превзошла довоенный уровень. Только обувная и пищевая отрасли из-за проблем с сырьевой базой продолжали отставать. В строй действующих вступили около двух десятков новых предприятий. Крупной победой строителей и энергетиков стал ввод в эксплуатацию Симферопольской ГРЭС, первая очередь которой дала промышленный ток в декабре 1958 г. ГРЭС стала первым энергетическим предприятием в СССР, построенным из сборного железобетона индустриальным методом. Ввод в эксплуатацию второй очереди станции в 1960 г. позволил вдвое увеличить энергетические мощности Крыма.

В 1957–1958 гг. дали первую продукцию Ялтинский рыбокомбинат и Алуштинский молокозавод. На Керченском заводе железобетонных изделий и строительных материалов был введен в действие цех по выпуску древесно-стружечных плит производительностью 60 тыс. кв. м в год. На винном комбинате «Массандра» вступил в строй крупный завод десертных вин. Изделия «Массандры» высоко оценило жюри Всемирной дегустационной выставки в Югославии в 1955 г. Вина «Пино-гри», «Мускат белый Красного камня» были отмечены золотыми медалями.

В октябре 1958 г. было принято решение о строительстве первой в СССР и Европе горной троллейбусной трассы Симферополь — Алушта — Ялта. Первая очередь этой трассы протяженностью 52 км была построена в рекордно короткий срок — за 11 месяцев. Строили эту линию специалисты более 80 предприятий страны. Крымский обком комсомола объявил стройку ударной и направил на нее более 300 молодых крымчан. В ходе строительства первой очереди были введены в эксплуатацию два троллейбусных парка в Симферополе и Алуште, 16 тяговых подстанций, установлено 3 тыс. опор и свыше 200 км контактного провода. К лету 1961 г. трассу продлили до Ялты. Финансирование велось за счет субвенций из союзного бюджета, а закупку троллейбусов у фирмы «Шкода» (Чехословакия) осуществлял Внешторг СССР. Строительство линии позволило значительно увеличить пассажиропоток и сократить время пребывания в пути.

В 1958–1959 гг. 97 передовиков промышленности и строительства были награждены орденами и медалями, а пятерым присвоено звание Героя Социалистического Труда: агломератчику Камыш-Бурунского ЖРК Н. К. Никонову, бригадиру штукатуров из Севастополя Н. А. Музыке, главному виноделу винного комбината «Массандра» И. Н. Околелову, начальнику вагонного депо станции Симферополь Н. А. Симоненко и машинисту экскаватора «Крымканалстроя» И. Ф. Малышеву.

В сельском хозяйстве Крыма к середине 1950-х гг. наметились позитивные сдвиги, однако оно по-прежнему не удовлетворяло потребностей развития экономики и спроса населения. Низкими оставались урожайность основных сельскохозяйственных культур и надой молока, на полях и фермах, за исключением сева

и уборки, преобладал ручной труд, медленно росло и материальное благосостояние колхозников.

В подъеме сельского хозяйства области значительную роль сыграло продолжавшееся переселение колхозников из других районов страны. Как отмечалось ранее, в 1956–1965 гг. в Крым переехало 38 258 семей (около 150 тыс. человек) из 15 областей Украины¹. Переселение этих лет осуществлялось на более прочной материальной основе, чем в 1944–1945 гг. Часть колхозников переселялась целыми бригадами и даже колхозами со всем имуществом и инвентарем. Государство обеспечивало бесплатный проезд и провоз на новое место жительства скота и имущества. Выдавались единовременные пособия, кредиты на строительство домов и т. д. К тому же экономический уровень крымских колхозов был уже выше, чем в областях, откуда прибывали переселенцы. Это позволяло создать более благоприятные условия для закрепления новоселов.

В результате принятых мер к 1955 г. посевные площади в Крыму увеличились до 1149,7 тыс. га, площади садов выросли на 13%, виноградников — на 51%. Это позволило колхозам и совхозам собрать 1 млн т зерна, а многие хозяйства и бригады получили высокие урожаи фруктов и винограда².

Больших успехов добился, в частности, совхоз «Коктебель», где средняя урожайность винограда составила 150 ц с га, а звенья Героев Социалистического Труда М. А. Брынцевой и А. В. Пиковой собрали по 305 и 276 ц соответственно. Директор совхоза «Коктебель» М. А. Македонский, грек по национальности, родился и вырос в Крыму. В годы войны прославленный партизан командовал отрядом, а затем Южным соединением крымских партизан. Летом 1944 г. вместе с другими соотечественниками подвергся депортации из Крыма, однако уже через три месяца был возвращен и вскоре назначен директором совхоза «Коктебель», имевшего в то время всего 200 га виноградников. Постепенно под руководством М. А. Македонского, ставшего к тому времени одним из лучших руководителей хозяйств, совхоз превратился в мощное индустриальное производство. К 1958 г. площадь виноградников выросла до 1176 га, построены винзавод, новые жилые дома, дом культуры, стадион. Совхоз награжден орденом Трудового Красного Знамени, а самому М. А. Македонскому в 1958 г. присвоено звание Героя Социалистического Труда³.

Однако в целом по области садоводство и виноградарство развивались медленно. Сады и виноградники размещались в основном на Южном берегу и в предгорной части Крыма. В степных районах (Азовском, Ленинском, Октябрьском, Первомайском, Советском) их было крайне мало. Там по-прежнему недооценивали возможности степного Крыма в развитии этих культур.

В 1956–1965 гг. на полуострове под лозунгом «Превратим Крым в край сплошных садов и виноградников» были осуществлены масштабные работы по расши-

¹ Проблемы истории Крыма. 1991. Вып. 2. С. 87.

² Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 244.

³ М. А. Македонский возглавлял совхоз до самой смерти в 1971 г. и был похоронен в пос. Щebetовка, где ему поставлен памятник.

рению посадочных площадей, в том числе в степной зоне. Новые посадки заняли в общей сложности 138 тыс. га, из них 92 тыс. га — под виноградниками и 46 тыс. га — под садами. Уже к 1960 г. общие площади садов и виноградников увеличились в пять раз¹. Наиболее успешно справились с заданиями труженики Азовского района, где в 1955–1959 гг. площади под садами увеличились с 233 до 1241 га, а под виноградниками — с 392 до 5354 га. Не менее ответственно подошли к решению задачи комсомольские бригады в Красногвардейском районе, в котором за аналогичный период площадь садов выросла с 452 до 1791 га, а виноградников — с 1428 до 9024 га. В числе передовых оказались также Октябрьский, Первомайский, Сакский и другие районы².

Для реализации планов расширения многолетних насаждений требовалось большое количество посадочного материала. С этой целью в области создавалась сеть питомников. Много посадочного материала поступило в Крым из союзных республик (Армении, Азербайджана, Узбекистана) и Краснодарского края. Сады и виноградники уверенно продвигались в степь, меняя ее облик. Степным хозяйствам помогали специалисты Научно-исследовательского института виноделия и виноградарства «Магарач», работавшие над проблемами повышения урожайности, борьбы с вредителями и болезнями винограда. Урожайность винограда и фруктов в конце 1950-х — 1960-е гг. неуклонно повышалась. В 1958 г. в среднем по области она составила 42,2 ц с га фруктов и 42,6 ц с га винограда.

В результате последовательной работы по организационному и хозяйственному укреплению колхозов ряд из них превратился в многоотраслевые хозяйства. Из Симферополя и других городов на руководящую работу в колхозы были направлены 130 опытных специалистов-аграриев, организаторов производства. В 1958 г. хозяйства Крыма осуществили уборку урожая в новых условиях, когда в их распоряжении находилась вся сельхозтехника. Основные работы были проведены в самые сжатые сроки. Крымская область первой на Украине закончила уборку зерновых и досрочно выполнила государственный план заготовок зерна. Собранный урожай (1047 тыс. т) в то время был самым большим в истории Крыма. В среднем по области собрано 17,8 ц с га. Многие колхозы и совхозы Красногвардейского, Джанкойского, Симферопольского и других районов получили по 28–30 ц с га³.

Государство высоко оценило труд работников сельского хозяйства Крыма. В 1958 г. за достижения высоких результатов Президиум Верховного Совета СССР присвоил звание Героя Социалистического Труда бригадиру совхоза им. Чкалова Бахчисарайского района Н. Г. Гржибовскому, звеньевой совхоза им. Осипенко Бахчисарайского района В. М. Коноваловой, звеньевым совхоза «Малореченский» Алуштинского района И. А. Тихоновой и В. Н. Кононенко, бригадиру Евпаторийской МТС Д. А. Николаенко и др. Герои Социалистического Труда виноградари М. А. Брынцева и М. Д. Князева были награждены второй золотой медалью «Серп

и Молот». Всего более 1,5 тыс. колхозников, работников совхозов и МТС награждены орденами и медалями, в том числе 114 человек — орденом Ленина¹.

25 октября 1958 г. «за успехи, достигнутые трудящимися в развитии сельского хозяйства и выполнении социалистических обязательств по продаже государству 21,7 млн пудов хлеба», Крымская область была награждена орденом Ленина².

В годы семилетки (1959–1965 гг.) промышленность и строительная отрасль в Крыму продолжили успешное развитие. В 1960 г. дал первую продукцию Бахчисарайский межколхозный цементный завод — крупнейший в Крыму. Балаклавские горняки впервые в СССР внедрили мокрое обогащение флюсов. Это техническое новшество обеспечило более 3 млн рублей дополнительной прибыли³. Заметных успехов достиг Симферопольский завод «Продмаш» им. В. В. Куйбышева. Его коллектив освоил выпуск 20 типов закаточных машин-автоматов для пищевой промышленности, в том числе для расфасовки и упаковки молочной продукции.

На многих фабриках и заводах Крымской области появились автоматические линии и устройства, стали применяться новейшие технологические методы и более совершенная организация труда. На Камыш-Бурунском ЖРК все процессы, начиная с добычи руды и заканчивая погрузкой агломерата, были полностью механизированы. На Симферопольском заводе «Сельхоздеталь» смонтированы автоматическая линия по производству вкладышей и шесть автоматических линий по сортировке и укладке режущих сегментов сельхозмашин. В молочной промышленности внедрялись пастеризаторы, линии с автоматическим контролем розлива и укупорки молока, что позволяло снизить потери продукции.

Крупным инфраструктурным проектом стало сооружение Северо-Крымского канала в целях обводнения засушливых земель степного Крыма и снабжения водой городов и сел северо-восточной части полуострова, прежде всего Красноперекоска, Джанкоя, Судака, Керчи и Феодосии. Протяженность трассы канала составила более 400 км, она проходила от Каховского водохранилища на территории Херсонской области до Керчи.

Проектирование канала было осуществлено еще в начале 1950-х гг., однако его реализацию отложили. Строительство началось только в 1961 г. В первый год на стройке были заняты более 1,5 тыс. рабочих. Затем их численность выросла в несколько раз, достигнув почти 5 тыс. человек. На строительстве было задействовано более 2 тыс. дорожных и строительных машин, что обеспечило высокие темпы работ. Это была по-настоящему всесоюзная стройка, где трудились представители всего Советского Союза.

17 октября 1963 г. состоялось торжественное открытие первого участка Северо-Крымского канала на границе Крыма, в котором принял участие Н. С. Хрущев. Так днепровская вода пришла на полуостров, придав мощный импульс развитию

¹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 65.

² Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 171.

³ Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 252.

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 253.

² Правда. 1958. 26 октября.

³ Минов Г. У балаклавских горняков. Симферополь, 1959. С. 43.

сельскохозяйственного производства. К 1965 г. первые 72 км канала вошли в эксплуатацию, а полностью строительство было завершено в начале 1980-х гг.

Введение в строй Северо-Крымского канала позволило значительно увеличить урожайность и валовые сборы зерновых и других сельскохозяйственных культур, а также создать необходимую кормовую базу для развития животноводства и приступить к выращиванию риса¹.

В 1960-е гг. начиналось промышленное освоение газовых месторождений на Тарханкутском полуострове, в северном Крыму и на Арабатской стрелке. На базе этих месторождений был построен газопровод Глебовка — Евпатория — Саки — Симферополь. Благодаря этому во многие города и поселки пришло голубое топливо, что позитивно сказалось на развитии экономики и улучшении бытовых условий жизни населения. Завершена была электрификация всех населенных пунктов Крыма, в строй действующих вступили 75 новых предприятий, в том числе Симферопольский завод телевизоров, Джанкойский машиностроительный завод, завод «Сантехпром» в Симферополе, шиноремонтный завод и др.

В 1965 г. более 10 предприятий Крыма производили продукцию на экспорт, в частности Сакский химзавод направлял свои изделия почти в 30 стран. На экспорт из Крыма шли автоматические линии для консервных заводов, режущие части для сельхозмашин, электродвигатели, разнообразная химическая продукция. Популярностью на зарубежном рынке пользовались крымские вина, табак, эфирные масла².

За годы семилетки увеличилось производство пищевых товаров. Так, выпуск колбас и копченостей с 9,6 тыс. т в 1958 г. увеличился до 16,7 тыс. т в 1965 г., масла животного — с 3,3 до 7,1 тыс. т, молочной продукции — с 77,2 до 166,8 тыс. т, макаронных изделий — с 10,3 до 11,7 тыс. т³.

Объем промышленного производства за годы семилетки увеличился более чем в 2,5 раза, производительность труда возросла в 1,7 раза⁴. Наиболее интенсивно развивались винодельческая и консервная промышленность. Объем их продукции увеличился в 5–7 раз. В экономике Крымской области доля промышленного производства достигла 72%, что свидетельствовало о высоком уровне индустриального развития Крыма.

Кроме того, Крым добился роста производства и заготовок многих видов сельхозпродуктов. В первые годы семилетки увеличилось производство молока, мяса, овощей, фруктов и винограда. Улучшилось экономическое положение многих колхозов. На 15% выросла мощность тракторного парка. Денежные доходы колхозов по сравнению с 1953 г. возросли на 6,5 млн рублей. В то же время замедлилось развитие зернового хозяйства, которое имело значительный удельный вес в сельхозпроизводстве.

¹ Крым: прошлое и настоящее. М., 1988. С. 94.

² Крымская правда. 1966. 15 февраля.

³ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 227.

⁴ Крымская правда. 1965. 7 декабря.

Урожайность пшеницы за годы семилетки колебалась от 12,3 ц с га в 1961 г. до 18,1 ц с га в 1965 г., валовые сборы тоже выросли. За этот период посевные площади под зерновыми несколько расширились, однако посевы пшеницы сократились за счет увеличения посевов кукурузы. Если в 1958 г. под пшеницей было занято 383 тыс. га, то в 1961 г. — лишь 284 тыс., и только в 1965 г. посевы пшеницы выросли до 404,7 тыс. га. Потребовалось несколько лет, чтобы изменить положение дел в структуре зернового хозяйства, отставание которого было во многом вызвано давлением сверху при определении набора культур для сева.

Интенсивное развитие садоводства и виноградарства в Крыму началось с 1956 г. и позволило значительно увеличить площади садов и виноградников. В 1959 г. виноградники занимали 152,5 тыс. га, однако к 1965 г. они уменьшились до 108 тыс. га. Это объяснялось тем, что в ходе массовых посадок имели место серьезные нарушения агротехники. Сказывалось и отсутствие опыта в отборе и хранении посадочного материала. В результате часть насаждений погибла, и более 40 тыс. га виноградников пришлось перепахать и занять другими культурами. Тем не менее просчеты и неудачи не могли повлиять на общий подъем садоводства и виноградарства в Крыму.

За годы семилетки возросли и валовые сборы винограда и фруктов. Если в 1958 г. было собрано 59,3 тыс. т винограда, то к 1965 г. сбор достиг 458,2 тыс. т. Сбор фруктов увеличился с 67,4 до 107 тыс. т. Наиболее крупными производителями фруктов продолжали оставаться Бахчисарайский, Белогорский и Нижнегорский районы, где площади садов колебались от 5 до 10 тыс. га¹.

С увеличением производства в Крыму развернулось строительство специальных холодильников — хранилищ. Первыми за их сооружение взялись совхозы «Коктебель» и «Малореченский». К концу 1965 г. в области было построено 45 холодильников для длительного хранения фруктов и винограда. Это позволило обеспечить крымчан и отдыхающих свежими виноградом и фруктами на протяжении почти всего года.

Успехи, достигнутые крымскими виноградарями и садоводами в годы семилетки, заложили прочную базу для последующего роста производства и удовлетворения потребностей населения.

Дальнейшее развитие получило животноводство. В хозяйствах Крыма росло поголовье скота, повышалась его продуктивность. В 1957 г. средние надои на фуражную корову на 447 кг превысили показатели 1955 г. Доярка совхоза «Симферопольский» Е. Г. Кузнецова надоила от каждой коровы своей группы 5 тыс. кг молока. По заготовкам и закупкам мяса и молока в 1957 и 1958 гг. Крымская область досрочно выполнила государственный план.

Заметно возросло поголовье крупного рогатого скота. Если к началу 1959 г. во всех категориях хозяйств области насчитывалось 368 тыс. голов, то в 1965 г. их количество увеличилось до 580,9 тыс. Также увеличилось поголовье свиней и птицы. Вместе с тем в личных подсобных хозяйствах поголовье всех видов

¹ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 273.

скота значительно уменьшилось. Так, количество коров с 79 тыс. в 1959 г. сократилось до 51,5 тыс. в 1965 г., а количество овец и коз — с 92 до 30,6 тыс. Причина этому — необоснованная установка на сокращение личных подсобных хозяйств. Жизнь показала, что такие призывы оказались преждевременными и нецелесообразными, поскольку общественное животноводство не достигло уровня, позволяющего полностью удовлетворять потребности населения. Административные меры, направленные на свертывание личных подсобных хозяйств, привели к ухудшению снабжения не только сельского, но и городского населения. Поэтому после отставки Н. С. Хрущева развитие личных подсобных хозяйств было вновь объявлено важным фактором решения продовольственной проблемы.

За годы семилетки прирост производства мяса, молока и яиц составил 40%. Это увеличение произошло как за счет роста поголовья, так и путем повышения продуктивности скота. Среднегодовой надой молока от коровы в колхозах и совхозах, составлявший в 1958 г. 2440 кг, возрос до 2500 кг в 1965 г. В 1964 г. в совхозе «Красный» Симферопольского района была построена первая в стране фабрика по производству бройлеров¹.

Немало усилий животноводы области уделяли улучшению кормовой базы. В основном это происходило за счет увеличения заготовок силоса, создания цехов по приготовлению кормов и увеличения запасов концентратов. Расширялась специализация хозяйств. Наиболее крупными по уровню развития общественного животноводства стали птицефабрика «Южная», совхоз «Красный», колхозы «Россия» и «Дружба народов» Красногвардейского района и др. Все это позволило расширить возможности бесперебойного снабжения городов и курортов Крыма продуктами животноводства.

Государство высоко оценило труд животноводов Крымской области. За достигнутые успехи в увеличении производства и заготовок мяса, молока, яиц и другой продукции животноводства орденами и медалями были награждены более тысячи работников сельского хозяйства Крыма².

В 1965 г. во всех 119 колхозах области стала применяться гарантированная денежная оплата, что создало благоприятные предпосылки для роста производительности труда. Уровень оплаты труда колхозников в Крыму стал таким же, как у рабочих совхозов. Доходы колхозов области только за 1965 г. достигли 558,4 млн рублей. Прибыль совхозов Крыма составила свыше 70 млн рублей, что в два раза превышало уровень 1964 г.³

Работа, проделанная в последние годы семилетки, положила начало переводу всех подразделений колхозов и совхозов на внутрихозяйственный расчет, что способствовало снижению себестоимости производимой продукции. В итоге значительная часть доходов хозяйств шла на увеличение основных средств производства: строительство винзаводов и консервных цехов, сооружение животноводче-

ских помещений, посадку новых садов и виноградников, приобретение техники и постройку объектов социально-культурного назначения.

После смещения Н. С. Хрущева начал осуществляться возврат к прежней системе организации партийного аппарата, управления народным хозяйством и пятилетнему планированию. В декабре 1964 г. был восстановлен единый Крымский областной комитет Компартии Украины, который до 1967 г. возглавлял И. К. Лутак, а в течение 10 лет (с 1967 по 1977 г.) — Н. К. Кириченко, с именем которого связаны основные успехи в экономическом и социальном развитии Крымской области в послевоенный период. С 1977 г. первым секретарем Крымского обкома партии являлся В. С. Макаренко.

Изменения произошли и в административно-территориальном делении Крымской области. В соответствии с Указом Президиума Верховного совета УССР от 4 января 1965 г. «О внесении изменений в административное районирование Украинской ССР» были восстановлены Кировский, Раздольненский и Симферопольский районы. В 1966 г. созданы Первомайский и Советский районы. В результате разукрупнения административное деление приобрело тот вид, который не претерпел серьезных изменений вплоть до распада СССР. В 1977 г. в Крымской области существовало 14 районов и восемь городов областного подчинения¹.

Восьмая пятилетка (1966–1970 гг.) стала в целом успешной для СССР, в том числе и для Крымской области. Итоги развития народного хозяйства Крыма за эти годы подвела X сессия Крымского областного совета, состоявшаяся в марте 1971 г. В отчетном докладе отмечалось, что объем промышленного производства в 1965–1970 гг. в Крыму возрос на 85%. В 1970 г. объем валовой продукции промышленности вырос по сравнению с довоенным периодом в 10 раз, в 29 раз увеличилось количество выпускаемой продукции химической промышленности. Стремительно развивалась пищевая отрасль, особенно виноделие. В 1970 г. в Крыму было произведено в 35 раз больше вина, чем в 1952 г. Отмечен серьезный рост в консервной и рыбной промышленности². Развивались и эксклюзивные виды производства, например в 1970 г. Крым давал 70–80% общесоюзного производства розового, лавандового, эфирного и других ароматических масел для парфюмерной промышленности.

Базой для развития этих видов промышленности являлось сельское хозяйство, которое после завершения хрущевских экспериментов также успешно развивалось. Объем его валовой продукции увеличился на 57,7%. Средняя урожайность зерновых достигла 23,9 ц с га, а в урожайном 1970 г. составила 34 ц. Тогда было убрано 1,9 млн т хлеба. В том же году в Крыму собрано 700 тыс. т фруктов и винограда.

Во второй половине 1960-х — начале 1970-х гг. в сельское хозяйство Крыма внедрялся целый ряд новаций. Развитие орошаемого земледелия позволило ввести в Крыму рисосеяние и превратить Крым в один из ведущих рисосеятельных районов

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 269.

² Крымская правда. 1966. 25 марта.

³ Крымская правда. 1966. 15 февраля.

¹ Крымская область. Административно-территориальное деление на 1 января 1977 г.: справочник. 3-е изд. Симферополь, 1977.

² Народное хозяйство Крымской области: статистический сборник. Одесса, 1972. С. 18, 19.

Украины и СССР. Во многих колхозах и совхозах создавались птице- и кроликофермы. В 1970 г. в Крымской области насчитывалось 250 кроликоферм, продавших государству 578 т мяса¹. В садоводстве и виноградарстве распространялись новые формы производства (пальметные сады и т. д.).

За годы восьмой пятилетки доходы населения увеличились на 700 млн рублей (на 66%), средняя зарплата рабочих и служащих возросла на 23%, достигнув 115,5 рубля, а оплата труда колхозников — на 26%². Однако оставались нерешенными проблемы обеспечения населения жильем (14,7 тыс. крымских семей проживали в бараках и ветхих зданиях), водоснабжения и газификации.

За высокие производственные показатели в восьмой пятилетке Крымская область была награждена орденом Трудового Красного Знамени³.

Девятая пятилетка (1971–1975 гг.) считается временем наивысших результатов в социально-экономическом развитии советского Крыма. За эти годы на развитие народного хозяйства Крымской области направлено 4067 млн рублей. В результате было введено в строй 24 цеха на существовавших предприятиях и 16 новых предприятий, а основные фонды промышленности за этот период выросли на 1 млрд рублей в ценах 1961 г.⁴ К 1975 г. объем промышленного производства вырос на 830 млн рублей.

В короткие сроки были построены Симферопольский телевизионный завод и Севастопольский завод «Парус». В Керчи, Севастополе, Ялте, Евпатории и Бахчисарае начали работать собственные хлебо- и мясокомбинаты. В райцентре Присивашья Нижнегорске началось строительство самого крупного в Европе консервного завода по переработке овощей и фруктов.

Крупные заводы железобетонных изделий и домостроительные комбинаты появились в областном центре, а также в Керчи, Феодосии и Евпатории, что привело к резкому увеличению объемов строительства и ввода в эксплуатацию благоустроенного жилья. Активизировалось также строительство новых школ, больниц, домов культуры и магазинов, причем не только в городах, но и на селе.

Успешно развивались и другие предприятия различных отраслей промышленности. Уверенно наращивал объемы производства телевизоров Симферопольский завод телевизоров им. 50-летия СССР, выросший впоследствии в одно из крупнейших в отрасли Научно-производственное объединение «Фотон». Сложное оборудование, пользовавшееся спросом в 27 странах мира, выпускал Симферопольский завод продовольственного машиностроения. Продукция Симферопольского завода «Сельхоздеталь» была известна более чем в 30 странах Азии, Африки, Центральной и Латинской Америки⁵.

Также реализовывались крупномасштабные промышленные проекты всесоюзного значения. После того как в 1958 г. на Керченском судостроительном заводе был построен док водоизмещением 4200 т, в 1974 г. спущен на воду первый

в СССР супертанкер «Крым», принесший судостроительному заводу «Залив» мировую известность. Этот танкер мог перевезти за один рейс 250 тыс. т нефти. Серию нефтеналивных танкеров крымского производства продолжили «Кубань», «Кавказ», «Кузбасс», «Кривбасс» и «Советская нефть». Далеко за пределами полуострова были известны плавучие краны-гиганты «Богатырь», «Черноморец» и «Витязь» грузоподъемностью от 100 до 1600 т, которые изготавливались на Севастопольском морском заводе¹.

Крым постепенно превращался в центр химической индустрии союзного уровня. На севере Крыма, в Армянске и Красноперекоске, на минерально-ресурсной базе залива Сиваш были построены бромный, содовый, анилино-красочный заводы, а также создано мощное производственное объединение «Титан». Продукция этих химических предприятий получила широкий спрос не только в Советском Союзе, но и за его пределами, прежде всего в странах — членах СЭВ.

Вступил в строй первый в мире Завод капельного орошения, проведена успешная модернизация Сакского химзавода, закончено строительство завода «Сантехпром» и Всесоюзного научно-производственного объединения «Пневматика».

Большая часть электронной и приборостроительной промышленности Крыма работала на союзный оборонный комплекс, который достойно представляли такие крымские предприятия, как Научно-производственное объединение «Муссон», заводы «Маяк» и «Парус» в Севастополе, завод «Фиолент» в Симферополе. Вместе с тем эти предприятия производили и продукцию гражданского назначения. Так, выпускаемые в Крыму магнитолы и радиоприемники под торговыми марками «Ореанда» и «Ласпи» считались одними из лучших в стране и пользовались широким спросом у населения. Научно-производственное объединение «Муссон» наладило производство оборудования для гражданских судов (например, аварийные радиобуи). Кроме того, на этом предприятии выпускалось специальное оборудование для советских космических кораблей².

В связи с возросшей потребностью полуострова в электроэнергии союзным центром было принято решение о строительстве в районе мыса Казантип на Керченском полуострове Крымской атомной электростанции. Строительство этого стратегического энергетического объекта началось в 1975 г. На мысе стремительно вырос город энергетиков Щелкино³.

К середине 1970-х гг. сельское хозяйство Крыма представляло собой многоотраслевой агроперерабатывающий комплекс с высоким уровнем рентабельности и производством широкого ассортимента продукции. Из 119 крымских колхозов рентабельность менее 20% оказалась лишь в девяти, от 20 до 50% — в 47, от 50 до 90% — в 54, свыше 90% — в девяти. Аналогичная картина наблюдалась и в 147 совхозах области⁴.

¹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 64.

² Крымская правда. 1972. 1 февраля.

³ Там же.

⁴ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 74.

⁵ Там же.

¹ История Крыма. М., 2015. С. 425.

² Там же.

³ Там же.

⁴ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. Симферополь, 2015. С. 340.

За 1971–1975 гг. в аграрный сектор крымской экономики было вложено 1384,4 млн рублей, что на 27% больше, чем в восьмой пятилетке. Это позволило, в частности, дополнительно ввести в эксплуатацию 60 тыс. га поливных площадей. В результате валовой сбор зерна в Крымской области к 1975 г. впервые достиг 1499 тыс. т при средней урожайности 24,1 ц с га. При этом валовой сбор кукурузы составил 101,9 тыс. т.

За годы девятой пятилетки среднегодовой объем производства зерна вырос на 23% по сравнению с восьмой пятилеткой, что дало возможность увеличить закупки зерна на 390 тыс. т, мяса — на 235 тыс. т, молока — на 408 тыс. т, а яиц — на 1 млрд штук. Таких темпов роста не показывала ни одна область Украинской ССР¹.

Хороших результатов добились сельские труженики области в выращивании риса. Так, в 1975 г. рисоводческие хозяйства Присивашья заготовили 93 тыс. т высококачественного риса при средней урожайности 60,1 ц с га, а в колхозе «Гвардеец» Нижнегорского района урожайность риса достигла показателя в 71,5 ц². При этом все процессы по выращиванию риса от посева до уборки и дальнейшей переработки были механизированы.

Бурный рост производства зерна позволил создать мощную кормовую базу, без чего было невозможно добиться устойчивого развития животноводства и птицеводства. Существенных успехов достигли многочисленные птицефабрики объединения «Крымптицепром», птицефабрика «Южная» и птицесовхоз им. Ф. Э. Дзержинского Симферопольского района, колхозы «Дружба народов» и «Россия» Красногвардейского района, птицефабрика «Первомайская» Сакского района, агрофирма им. Н. К. Крупской Нижнегорского района и многие другие. Одна только птицефабрика «Южная» производила около 1 млн яиц в день³.

Лидерами сельскохозяйственного производства являлись совхоз-завод «Широкое», совхоз «Урожайный» и колхоз им. В. И. Ленина Симферопольского района, совхоз «Славное» Раздольненского района, колхоз им. П. Л. Войкова Нижнегорского района⁴.

И все же самые значительные успехи связаны с развитием крымского садоводства и виноградарства. В начале 1976 г. площадь интенсивных садов составила 17,6 тыс. га. Это позволило повысить урожайность фруктов на 11,5 ц с га. В результате среднегодовое производство фруктов увеличилось на 97 тыс. т. В целом сбор плодовых на полуострове за пять лет увеличился более чем в два раза и достиг по семечковым и косточковым рекордного уровня в 1660 тыс. ц, или 92 кг на одного крымчанина. Всего же за 1976 г. в крымских садах собрали 242 тыс. т фруктов. По производству плодово-ягодной продукции на Крым приходилось более 10% общеукраинского сбора⁵. В 1975 г. Крымская область продала государству 512 тыс. т винограда (105% к плану)⁶.

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 345.

² Там же. С. 346.

³ История Крыма. С. 419.

⁴ Крым: прошлое и настоящее. С. 98.

⁵ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 346.

⁶ Там же.

Успешно развивалось крымское виноделие. В 1970 г. в Ялте на втором Международном конкурсе вин хрустальный кубок «Гран-при» завоевало одно из лучших вин комбината «Массандра» «Мускат белый Красного камня».

Далеко за пределами Крыма пользовались широким спросом шампанские вина совхоза-завода «Новый свет». Сухое шампанское марки «брют» в существенных объемах экспортировалось в ФРГ вплоть до распада СССР. Но прежде всего крымские вина в большом ассортименте поставлялись буквально во все регионы Советского Союза¹.

В период девятой пятилетки в Крымской области было построено 4,6 млн кв. м жилья, что позволило улучшить жилищные условия 154 тыс. семей. С начала 1970-х гг. шла активная газификация городов и сел. К марту 1973 г. было газифицировано 400 тыс. квартир, в том числе 180 тыс. в сельской местности.

По итогам девятой пятилетки Крымская область получила переходящее Красное знамя ЦК КПСС, Совета министров и ЦК ВЛКСМ.

Десятый пятилетний план (1976–1980 гг.) осуществлялся под лозунгом поворота экономики в сторону интенсификации, повышения эффективности производства, качества производимой продукции. Однако в целом по стране именно в этот период характерные для предшествующего десятилетия темпы экономического роста снижались, начиналась эпоха, позднее получившая название «застой».

В официальной статистике Крымской области, впрочем, все выглядит достаточно благополучно, что обусловлено экономическими успехами середины 1960-х — середины 1970-х гг. За годы пятилетки объем промышленного производства вырос на 11,1%, сверх плана реализовано продукции на 200 млн рублей. Всего промышленной продукции произведено на 12,9 млрд рублей, что выше достигнутого объема в девятой пятилетке на 20,7%. Основные фонды промышленности составили 2,3 млрд рублей (рост на 44%). Особое внимание уделялось производству товаров народного потребления и строительству мощностей для их производства.

На развитие сельского хозяйства области было направлено 1,871 млн рублей капитальных вложений, что, в частности, позволило существенно увеличить машинно-тракторный парк хозяйств. Несмотря на неурожайные 1976, 1979 и 1980 гг., общий уровень сельскохозяйственного производства повысился. Среднегодовое производство продукции увеличилось на 12,5%, в том числе валовой сбор зерна — на 18%². В 1977 г. впервые в советской истории Крыма был собран рекордный урожай зерновых в объеме 2136 тыс. т при средней урожайности 33,5 ц с га.

Тем не менее в официальных отчетах наблюдается снижение темпов роста объемов производства: за 10 месяцев 1977 г. при плановом показателе в 4,3% они составили 0,5%³. На сессии Крымского областного совета в марте 1980 г. отмечалось, что за четыре года пятилетки темпы роста объемов промышленного производства составили 50% от запланированного.

¹ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 79.

² Крымская правда. 1980. 21 ноября.

³ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 55.

В одиннадцатой пятилетке (1981–1985 гг.) усилия руководства Крымской области были направлены на осуществление широкой программы капитального строительства, финансирование которой составило 6 млрд рублей. В результате введены в строй новые производственные мощности, построено несколько заводов и фабрик. Стоимость производственных фондов увеличилась за пятилетку более чем на 25%. Производство предметов потребления возросло на 23%, культурно-бытовых товаров — на 42,4%¹. За годы пятилетки было построено 866 тыс. кв. м жилья, школ на 8,6 тыс. ученических мест, больниц на 590 мест.

В предприятия аграрного сектора было вложено 2,4 млрд рублей. Благодаря строительству второй очереди Северо-Крымского канала площадь орошаемых земель достигла 330 тыс. га, среднегодовой объем сельскохозяйственной продукции вырос на 10%. Крымская область успешно справилась с плановыми заданиями по производству мяса и яиц, молока, овощей, фруктов, эфиромасличных культур².

Однако областное руководство отмечало, что увеличение объемов производства и качества продукции происходит значительно медленнее роста капитальных вложений. Наблюдалось снижение уровня рентабельности колхозов и совхозов до 19%, в то время как для ведения расширенного воспроизводства сельхозпродукции необходимо было обеспечить рентабельность не менее 35%. Кроме того, в два раза увеличилось количество предприятий, не выполняющих планы и хронически нерентабельных. Все это свидетельствовало о нарастании проблем в социально-экономическом развитии Крымской области.

В середине 1950-х — середине 1980-х гг. значительные изменения происходили в курортно-рекреационной сфере Крыма. Уже к 1958 г. коечный фонд здравниц Крыма превысил довоенный уровень, и это позволило одновременно принимать на лечение свыше 31 тыс. человек. В 10 санаториях Южного берега Крыма лечились 14 315 служащих и ИТР (53,7% от общего числа) и только 9489 рабочих (35,6%). При этом «рабочие направлялись на курорт преимущественно в зимний период»³.

Начал осуществляться перевод санаториев и домов отдыха летнего типа на круглогодичный режим работы. Сооружались котельные, прокладывались теплотрассы, велась реконструкция зданий, укреплялась лечебно-материальная база курортов. В это же время происходило объединение ряда однопрофильных санаториев, в результате чего их количество со 126 в 1955 г. сократилось до 97 в 1960 г. при увеличении объемов коечного фонда⁴.

Вместе с тем во многих санаториях сохранялись серьезные недостатки в лечении и обслуживании больных, о чем свидетельствуют результаты комплексной проверки состояния дел в санаторно-курортных учреждениях Крыма комиссией ВЦСПС в конце 1958 г. В итоговом документе отмечалось, что благоустройство ряда

курортов Южного берега Крыма и Евпатории оставляет желать лучшего, плохо организовано водоснабжение здравниц Ялты, Мисхора, Гаспры, Феодосии, что ведет к срывам проведения лечебных процедур. В ряде санаториев врачи допускали назначение грязевых процедур больным с противопоказаниями, не были достаточно укомплектованы штаты медперсонала, а имеющиеся врачи не имели необходимой подготовки. В ходе проверки поступали многочисленные жалобы со стороны больных на невнимательность обслуживающего персонала, невкусное и однообразное питание (санатории «Ливадия», «Украина», «Ясная Поляна», «Октябрь»), на холод в корпусах (осенью температура в палатах и столовых снижалась до 12–13 градусов). Имелись массовые случаи желудочно-кишечных заболеваний, наблюдались перебои в снабжении санаториев медикаментами, реактивами, лабораторной посудой и другим медицинским оборудованием¹.

Выводы комиссии послужили основой для принятия в 1959 г. постановления Крымского обкома Компартии Украины и Крымского облисполкома «О мерах по дальнейшему расширению и улучшению курортного лечения и отдыха трудящихся в Крымской области». В результате принятых мер, направленных на преодоление отмеченных недостатков, ситуацию постепенно удалось изменить к лучшему. В 1960–1962 гг. в курортных городах было построено 41,8 км водопроводных сетей, в том числе в Ялте — 6,7, Феодосии — 10,4, Евпатории — 8,5, Судаке — 8,7, Старом Крыму — 6,8, Саках — 0,7 км. Канализационная сеть возросла на 14,1 км, в том числе в Ялте — на 5,6 км, Феодосии — на 4 км, Евпатории — на 4,5 км².

Важным событием в истории послевоенного возрождения рекреационного комплекса Крыма стало постановление Совета министров СССР от 10 марта 1960 г. «О передаче профсоюзам санаториев и домов отдыха», в соответствии с которым до конца 1960 г. в ведение республиканских профсоюзов были переданы все действующие на хозрасчетной основе санатории (кроме туберкулезных), дома отдыха, курортные лечебницы, поликлиники, пансионаты, курортные гостиницы. С 1961 г. предусматривалось обеспечить централизованное финансирование проектных и ремонтно-строительных работ в санаторно-курортных учреждениях³.

Наряду со взрослыми успешно развивались детские курорты. К началу 1956 г. только в Евпатории, детской курортной столице, действовало 13 круглогодичных санаториев. В течение учебного года дети в них не только проходили курс лечения, но и учились, не отставая от школьной программы.

Продолжал развиваться международный пионерский лагерь «Артек». За 30 лет в нем отдохнули около 100 тыс. детей, в том числе из многих стран мира. В 1965 г., отмечая 40-летний юбилей, пионерский лагерь располагал территорией в 500 га, протянувшейся вдоль побережья Черного моря на 9 км. В это время в «Артеке» ежегодно отдыхали около 5 тыс. детей.

В годы семилетки (1959–1965 гг.) в Крыму насчитывалось 124 санатория и дома отдыха, а количество койко-мест в здравницах превысило 40 тыс., что по-

¹ Крымская правда. 1985. 15 декабря.

² Крымская правда. 1985. 20 декабря.

³ По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму... С. 133.

⁴ Народное хозяйство Крымской области. 1972. С. 177.

¹ По декрету Ильича: Курортное строительство в Крыму... С. 131–137.

² Там же. С. 148.

³ Там же. С. 139–140.

звонило к 1965 г. ежегодно принимать в Крыму до 3 млн отдыхающих¹. Были введены в строй санатории «Горный», им. XXII съезда партии, «Парус», а также новые корпуса в санаториях «Россия», «Сосновая роща», «Мелас», «Нижняя Ореанда», «Золотой пляж», им. П. Тольятти. В строй ввели большие базы отдыха — пансионаты «Донбасс», «Марат» и др.

Наряду с успехами в этот период все более проявлялись ведомственная разобщенность, отсутствие научно-обоснованных подходов к вопросам перспективного планирования и комплексной застройки здравниц. Нарастание коечного фонда без развития и благоустройства прилегающих территорий, строительства очистных сооружений, культурных и спортивных комплексов негативно сказывалось на качестве обслуживания и создавало неблагоприятную санитарно-эпидемиологическую обстановку. Существенно отставало развитие базы отдыха для граждан, приезжавших в Крым не в санатории и дома отдыха, а самостоятельно.

Дальнейшее развитие курортов Крыма как части курортного комплекса страны определялось постановлениями Совета министров СССР «О мерах по упорядочению застройки территории курортов и зон отдыха и строительства санаторно-курортных учреждений и учреждений отдыха» (1970 г.)², «Об утверждении Положения о курортах» (1973 г.)³, постановлением ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению санаторно-курортного лечения и отдыха трудящихся и развитию сети здравниц профсоюзов» (1982 г.)⁴ и т. д. Важную роль играли также постановления ЦК КПСС, Совета министров СССР и ВЦСПС «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий» (1969 г.)⁵, «О дальнейшем развитии и совершенствовании туристско-экскурсионного дела в стране» (1980 г.)⁶ и др.

Как отмечалось выше, для Крыма были разработаны специальные схемы планировки по трем крупным курортным районам — Южному берегу, юго-восточному и западному побережьям, которыми предусматривалось медицинское и функциональное зонирование курортных территорий, размещение и профиль здравниц, перспективы развития оздоровительных учреждений, комплексное оборудование

и благоустройство территорий. К реализации поставленных задач были привлечены ученые и врачи Ялтинского научно-исследовательского института физических методов лечения и медицинской климатологии им. И. М. Сеченова, Крымского медицинского института и других научных учреждений.

В 1980 г., когда в СССР отмечалось 60-летие курортов, в Крыму работали 110 санаториев, 30 домов отдыха, 68 пансионатов, 18 туристских баз, 188 пионерских лагерей, 140 летних баз отдыха и 50 других оздоровительных учреждений, рассчитанных на 140 тыс. мест. В среднем за год с целью туризма и отдыха Крым посещали более 6 млн человек¹.

§ 3. Крымские татары в местах депортации. Движение за реабилитацию и возвращение

Р. И. Хаяли

В результате депортации крымские татары проживали на территориях пяти союзных республик, в том числе в автономных республиках и областях РСФСР, Узбекской ССР, Казахской ССР, Киргизской ССР и Таджикской ССР. Они населяли отдаленные регионы, существенно отличавшиеся по уровню социально-экономического, исторического и культурного развития, а также языковой, этнической и конфессиональной средой. Депортация и дисперсное расселение на обширных пространствах обусловили разрушение этнического единства, языковой общности, определили социальный, культурный и демографический регресс крымско-татарского народа.

Политика государства, направленная на пролетаризацию широких слоев крымско-татарского населения, привела к тому, что в конце 1950-х — 1960-х гг. большая его часть состояла из индустриальных рабочих. Численность колхозников и интеллигенции среди крымских татар была минимальной. Становление интеллигенции происходило в условиях отсутствия образовательных учреждений (дошкольных, школ, техникумов и вузов), в которых обучение и воспитание велось бы на родном языке.

Осуждение сталинской политики депортации народов во второй половине 1950-х гг. было воспринято крымскими татарами как отказ государства от несправедливых решений военных лет. Однако в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г. «О снятии ограничений по спецпоселению с крымских татар, балкарцев, турок — граждан СССР, курдов, хемшилов и членов их семей, выселенных в период Великой Отечественной войны» изменение их положения «не влечет за собой возвращение им имущества, конфискованного при выселении», и бывшие спецпоселенцы «не имеют права возвращаться в места, от-

¹ Очерки истории Крымской областной партийной организации. С. 270.

² Постановление Совета министров СССР «О мерах по упорядочиванию застройки территорий курортов и зон отдыха и строительства санаторно-курортных учреждений и учреждений отдыха» от 28 августа 1970 г. № 723.

³ Постановление Совета министров СССР «Об утверждении Положения о курортах» от 5 сентября 1973 г. № 654.

⁴ Постановление ЦК КПСС, Совмина СССР, ВЦСПС «О мерах по дальнейшему улучшению санаторно-курортного лечения и отдыха трудящихся и развитию сети здравниц профсоюзов» от 7 января 1982 г. № 7.

⁵ Постановление Центрального комитета КПСС, Совета министров СССР и Всесоюзного центрального совета профессиональных союзов «О мерах по дальнейшему развитию туризма и экскурсий в стране» от 30 мая 1969 г.

⁶ Постановление ЦК КПСС, Совета министров СССР, ВЦСПС «О дальнейшем развитии и совершенствовании туристско-экскурсионного дела в стране» от 31 октября 1980 г. № 983.

¹ Крым: Путеводитель / сост. С. К. Сосновский. Симферополь, 1979. С. 65.

куда были выселены»¹. Эти меры расценивались крымскими татарами как имеющие временный характер². Не дожидаясь официального разрешения, сотни бывших спецпоселенцев стали возвращаться в родные места.

В мае — июне 1956 г. в ЦК КПСС решались вопросы, связанные с депортированными в годы войны народами. В частности, в процессе обсуждения предлагалось «рассмотреть вопрос о создании для граждан немецкой, калмыцкой, чеченской, ингушской, карачаевской и балкарской национальностей и крымских татар автономии в виде национальных районов и округов в местах их нового поселения»³.

Однако 24 ноября 1956 г. было принято постановление ЦК КПСС «О восстановлении национальной автономии калмыцкого, карачаевского, балкарского, чеченского и ингушского народов», в котором отмечалось: «Признать нецелесообразным предоставление автономии татарам, ранее проживавшим в Крыму, имея в виду, что бывшая Крымская АССР не была автономией только татар, а представляла из себя многонациональную республику, в которой татары составляли менее одной пятой части населения, и что в составе РСФСР имеется национальное автономное объединение Татарская АССР, а также то, что в настоящее время территория Крыма является областью Украинской ССР и заселена. Вместе с тем, учитывая стремление части татар, ранее проживавших в Крыму, к национальному объединению, разъяснить, что все, кто пожелает, имеют право поселиться на территории Татарской АССР»⁴.

Вместе с тем в марте 1957 г. Крымский облисполком сообщал в Президиум Верховного совета УССР о том, что «за последнее время татары без разрешения посещают Крым и занимаются запугиванием местного населения... требуют разрешения въезда в Крым и возвращения им имущества»⁵. В этой ситуации власти «нелегально» прибывавших в Крымскую область татар выдворяли за пределы полуострова.

За возвращение в Крым все настойчивее выступали представители и других депортированных национальных групп: немцы, греки, армяне, болгары. Неудовлетворенность половинчатой реабилитацией подогревала в их среде эмиграционные настроения. Однако власть жестко пресекала любые намерения такого рода. Усилия посольства Греции в Москве организовать репатриацию греков из СССР успеха не имели⁶. В 1959 г. 58 греков, оформлявших в Ташкенте паспорта для выезда за границу, были арестованы.

¹ Земсков В. Массовое освобождение спецпоселенцев и ссыльных (1954–1960 гг.) // Социологические исследования. 1991. № 1. С. 17.

² Брошеван В. М., Тыглиянц П. К. Изгнание и возвращение. Симферополь, 1994. С. 148.

³ Хаяли Р. Политико-правовое урегулирование крымско-татарской проблемы в СССР // Ленинградский юридический журнал. 2016. Вып. 3 (45). С. 29.

⁴ Волобуев О. В. Крымско-татарский вопрос по документам ЦК КПСС (вторая половина 50-х — середина 80-х гг.) // Отечественная история. 1994. № 1. С. 157–158.

⁵ Депортовани крымськи татари, болгари, вірмени, греки, німці. 1917–1991. Київ, 2004. С. 261.

⁶ Там же.

Начала возрождаться культура крымских татар. Для развития литературы, журналистики и издательского дела важную роль сыграло создание в 1957 г. при Союзе писателей Узбекистана секции татарских писателей, в состав которой вошли Ш. Алядин, А. Дерменджи, А. Алтанлы, Э. Шемьи-заде, Ю. Болат, З. Джавтобели, Р. Тынчеров, Р. Мурад, Ф. Акимов, Г. Булганаклы¹.

С мая того же года началось издание газеты «Ленин байрагы» на крымско-татарском языке. Несмотря на то что значительная часть газетных полос отводилась под публикацию официальной партийной и государственной информации, газета из номера в номер печатала материалы о передовиках производства в промышленности и сельском хозяйстве, документальные статьи об участниках Великой Отечественной войны, партизанского и подпольного движений.

Создание ансамбля «Хайтарма» при Государственной филармонии Узбекской ССР способствовало развитию творческой деятельности художественной интеллигенции. В местах проживания крымских татар в Ташкентской, Ферганской, Самаркандской и других областях энтузиастами при домах культуры и клубах создавались самодеятельные фольклорные, хореографические и эстрадные ансамбли, объединявшие любителей народного творчества. С развитием изобразительного искусства стали известными имена художников К. Эминова, А. Усеинова, Д. Тохтарова и др.

Во второй половине 1950-х гг. произошло организационное возрождение национального движения крымских татар как общественно-политической силы. Процесс десталинизации и демократизации общественно-политической жизни в СССР, реабилитация депортированных народов Кавказа и восстановление их национальных автономий во многом определили характер и тактику национального движения.

У его истоков стояли участники Великой Отечественной войны, партизанского и подпольного движения в Крыму, партийные и государственные работники, среди них: М. Селимов, В. Муртазаев, Дж. Акимов, М. Османов, Б. Османов, Б. Умеров, М. Халилов, Р. Мустафаев и др. Наряду с организацией и сбором подписей под обращениями к властям, в которых поднимались вопросы о реабилитации крымско-татарского народа и его возвращении на полуостров, национальное движение направляло в Москву делегации, которые посещали высшие партийные и государственные органы СССР, где обсуждались волновавшие их темы.

В свою очередь партийное руководство Крыма также использовало участников партизанского и подпольного движения для обоснования отказа крымским татарам в возвращении. В марте — апреле 1966 г. в адрес ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР были направлены письма, подписанные известными деятелями партизанского и подпольного движения в Крыму С. В. Мартыновым, Н. Д. Луговым, И. Г. Геновым и др., в которых давалась резко отрицательная оценка поведению крымских татар в годы Великой Отечественной войны. В использованных авторами обращений архивных документах, советской и немецкой литературе,

¹ ЦГА РУз. Ф. 2356. Оп. 1. Д. 943. Л. 27–29.

материалах периодической печати приводилось немало фактов прямого сотрудничества представителей крымских татар с оккупационным режимом.

В мае 1966 г. первый секретарь Крымского обкома Компартии Украины И. К. Лутак сообщил в ЦК КПСС, что обком считает невозможным удовлетворить требования крымских татар о возвращении, поскольку их выселение «явилось правильной и необходимой мерой наказания за измену Советской власти». Первый секретарь ЦК КПУ П. Е. Шелест в письме в ЦК КПСС подчеркивал, что «каких-либо оснований для пересмотра вопроса о невозвращении татар в Крым не имеется». Приводилась следующая аргументация: во-первых, бывшая Крымская АССР была многонациональной республикой, а не автономией одних крымских татар; во-вторых, возвращение татар к прежнему месту жительства породило бы «огромную несправедливость в отношении сотен тысяч жителей сегодняшнего Крыма»; в-третьих, переселение татар в Крым отрицательно отразится на экономике районов их нынешнего проживания; в-четвертых, часть крымских татар изменила Родине в годы войны¹.

Тем не менее руководство СССР предприняло определенные меры по поддержке крымских татар. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О гражданах татарской национальности, проживавших в Крыму» отменялись «соответствующие решения государственных органов в части, содержащей огульные обвинения» в их отношении². Постановлением Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 г.» разъяснялось, что «граждане татарской национальности, ранее проживавшие в Крыму, и члены их семей пользуются правом, как и все граждане СССР, проживать на всей территории Советского Союза в соответствии с действующим законодательством о трудоустройстве и паспортном режиме»³. Однако в постановлении Политбюро ЦК КПСС «О дальнейшем развитии культуры крымских татар на местах спецпоселения» от 17 августа 1967 г. отмечалось, что постановка вопроса о возвращении татар, укоренившихся в Узбекской и других союзных республиках, в Крым и создании их автономии «не вызывается ни государственными интересами, ни политической целесообразностью, она не отвечает также интересам самих трудящихся татарской национальности»⁴. Допускалось лишь организованное переселение востребованных специалистов для работы в народном хозяйстве по так называемому оргнабору. Это открывало хотя и незначительную, но все же определенную перспективу возвращения на полу-

остров части крымских татар. Всего за 1967–1977 гг. в Крымскую область по оргнабору переселилось 577 семей¹.

Основные мероприятия власти по отношению к крымским татарам заключались в обеспечении обустройства и укоренения в местах вынужденного поселения. В соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. Советам министров союзных республик поручалось «оказывать помощь и содействие гражданам татарской национальности в хозяйственном и культурном строительстве с учетом их национальных интересов и особенностей»².

В 1968 г. при Ташкентском педагогическом институте им. Г. Низами открылось отделение крымско-татарского языка и литературы, в отдельных школах республики для крымско-татарских учащихся вводилось факультативное изучение родного языка. Одновременно увеличилось число изданий художественной литературы, время радио- и телевидения на крымско-татарском языке.

Представители отдельных течений в национальном движении выступали против образовательной политики государства, нацеленной на внедрение крымско-татарского языка в систему обучения, усматривая в этом попытку укоренить народ в местах ссылки. Однако эта позиция имела негативные последствия. Во-первых, подрастающая молодежь, не прошедшая даже факультативного обучения родному языку в школе, хуже знала свой язык, литературу, фольклор, историю и традиции народа. Во-вторых, существовавшая система факультативного обучения, с которой боролись национальные активисты, несмотря на свою ограниченность, в условиях дисперсного расселения через создание среды общения детей на родном языке давала возможность формировать атмосферу этнопсихологического комфорта.

Крымско-татарская молодежь поступала, как правило, в вузы и средние специальные учебные заведения, готовившие специалистов для промышленности, строительства, сельского хозяйства, здравоохранения и народного образования. Однако ощущалась нехватка профессионалов, имевших гуманитарное образование, а также подготовку в области искусства и культуры.

Начался процесс формирования крымско-татарских кадров высшей квалификации в точных и прикладных науках, медицине и ветеринарии, биологии и сельском хозяйстве. Большая часть ученых из крымских татар проживала в Узбекской ССР. Основными центрами подготовки научных кадров крымских татар являлись научно-исследовательские учреждения и высшие учебные заведения Российской Федерации, Узбекистана и Казахстана. За выдающиеся творческие достижения в науке директор Всесоюзного научно-исследовательского института техники бурения доктор технических наук А. Асан-Нури, доктор медицинских наук Г. Баиров, доктор биологических наук З. Шемсутдинов, кандидат биологических наук Р. Чалбаш, доктор химических наук У. Джемилев, доктор геологических наук

¹ Волобуев О. В. Крымско-татарский вопрос по документам ЦК КПСС... С. 162.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. 8 сентября. № 36. С. 531–532. № 493.

³ Постановление Президиума Верховного Совета СССР от 5 сентября 1967 г. «О порядке применения статьи 2 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 28 апреля 1956 года» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. 8 сентября. № 36. С. 532. № 494.

⁴ Постановление Политбюро ЦК КПСС «О дальнейшем развитии культуры крымских татар на местах спецпоселения» 17 августа 1967 г. // Губогло М., Червонная С. Крымскотатарское национальное движение. М., 1992. Т. 1. С. 291.

¹ Финогеев Б. Л., Люманов Э. М., Боднер Г. Д. Проблемы занятости крымскотатарского населения Крыма (аналитический обзор). Симферополь, 1994. С. 10.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1967. 8 сентября. № 36. С. 531–532. № 493.

К. Аширов, а также конструктор Р. Батыров были удостоены Государственной премии СССР. За вклад в развитие педагогической мысли народов Средней Азии академик АПН СССР, доктор педагогических наук А. Измайлов был удостоен Государственной премии им. Н. К. Крупской.

Важным этапом в становлении национального издательского дела стал выход в свет на крымско-татарском языке с 1976 г. альманаха, а с 1980 г. — литературно-художественного и общественно-политического журнала «Йылдыз». Его главным редактором являлся писатель Ш. Алядин.

В 1970-х гг. разрабатывались планы по укоренению крымско-татарского народа с помощью создания его культурно-национальной автономии на территории Узбекской ССР. В первой половине 1970-х гг. этот план пытались реализовать в Джизакской области. Первым секретарем Джизакского обкома партии был назначен С. Таиров. Многие крымские татары привлекались на другие руководящие посты в областных органах государственной власти, учреждениях образования, культуры и печати. Среди рабочих и колхозников, представителей интеллигенции, членов партии местными властями проводилась агитация за переезд в Джизакскую область, где имелись огромные территории целинных и залежных земель и ощущалась острая нехватка рабочих рук. Однако основная цель этих мероприятий не была достигнута, поскольку подавляющая часть крымских татар отказалась переезжать в эту область.

В середине 1970-х гг., после крушения «джизакской авантюры», власти предполагали создать культурно-национальную автономию крымских татар в южных областях Узбекской ССР, где шло интенсивное освоение целинных земель и строительство крупных промышленных объектов газонефтеперерабатывающего комплекса.

В сентябре 1978 г. в Бухарской области был создан Мубарекский район, а в апреле 1979 г. в Кашкадарьинской области — Бахористанский район, где возникли показательные совхозы «Таврия» и им. Аметхана Султана. В местные партийные и советские органы власти этих районов вскоре стали усиленно выдвигать коммунистов — крымских татар. На должность первого секретаря Мубарекского райкома партии назначили Н. Османова, директорами совхозов им. Аметхана Султана — С. Тикеева, а им. XXVI съезда КПСС — С. Иззетова. Многих выпускников вузов, техникумов под угрозой невыдачи дипломов об окончании учебных заведений принудительно направляли на работу в эти районы. Организовали выпуск газет на крымско-татарском языке «Достлукъ байрагы» и «Бахористан акъикъаты». Создавались крымско-татарские творческие и художественные коллективы. Одному из пионерских лагерей было присвоено название курортного населенного пункта Крыма — «Мисхор». Политика по укоренению крымских татар в Средней Азии продолжалась вплоть до 1985 г.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. крымско-татарское национальное движение попадало в поле зрения советских диссидентов, которые активно включились в деятельность по поддержке требований крымских татар. В результате власти в 1969 г. арестовали П. Г. Григоренко, И. Я. Габая. В июле — августе 1969 г.

в Ташкенте состоялся так называемый «процесс десяти» — суд над десятью крымско-татарскими активистами (Р. Кадыев, И. Хаиров, А. Бариев и др.), ставший самым крупным судебным разбирательством за время существования движения.

Во второй половине 1970-х — начале 1980-х гг. массовые выступления крымско-татарского населения национальным движением не проводились. Однако одной из особенностей деятельности его инициативных групп стала конспирация. Традиционно направлялись коллективные обращения в высшие советские и партийные органы. В полемике с властями лидеры крымско-татарского движения широко использовали произведения и цитаты классиков марксизма-ленинизма по национальному вопросу и государственному строительству. Это способствовало зарождению полемической самиздатской литературы. Одновременно все большее значение приобретали обращения к представителям советской культуры и стремление расширить связи с международными правозащитными организациями. Продолжали осуществляться попытки организации переселения в Крым крымско-татарских семей, а также практиковалась отправка детей на учебу на полуостров.

Самостоятельное возвращение крымских татар значительно усилилось в 1977 г. Это было связано с обязательствами по обеспечению прав человека и основных свобод, взятыми на себя СССР в соответствии с Заключительным актом Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (Хельсинкским актом) 1975 г., а также с подготовкой и принятием новой Конституции СССР 1977 г. и празднованием 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции в 1977 г., предоставившим активистам национального движения дополнительную возможность аргументировать свои требования необходимостью учета «ленинского наследия» в национальной политике.

Новая волна переселений напугала местные власти и партийное руководство УССР. С сентября 1977 г. возобновились выдворения нелегально переселившихся крымских татар и происходили новые процессы по делам о нарушителях паспортного режима. В апреле 1978 г. один из них, Муса Мамут, совершил самоубийство в поселке Зуя Белогорского района в знак протеста из-за невозможности получить прописку, что вызвало очередное обострение межэтнической ситуации на полуострове.

Под давлением местного руководства, настойчиво добивавшегося введения действенных мер по сдерживанию стихийно прибывавших крымских татар, Совет министров СССР 15 августа 1978 г. принял постановление «О дополнительных мерах по укреплению паспортного режима в Крымской области», в котором «в качестве временной меры» устанавливалось, что «лица, прибывшие в Крымскую область в неорганизованном порядке и проживающие без паспорта, по недействительным паспортам, без прописки или регистрации... удаляются из области органами внутренних дел». Выселение из пределов Крыма на срок до двух лет грозило также владельцам домов и нанимателям жилых помещений, допускающим у себя проживание лиц без паспортов, по недействительным паспортам, без прописки или регистрации¹.

¹ Депортовани крымськи татары, болгары, вірмены, греки, німці... С. 357–358.

В итоге к 1979 г. в Крымской области закрепилось 10 220 представителей крымско-татарского народа, из которых 3299 не имели прописки¹. Значительное число крымских татар из-за невозможности возвращения в Крым сконцентрировалось к тому времени в соседних с Крымской областью регионах. В частности, в Краснодарском крае проживали 6680 крымских татар, в Запорожской области — 1189, в Херсонской области — 830.

§ 4. Образование, наука и культура

А. А. Форманчук

Передача Крыма из состава РСФСР в состав Украинской ССР несущественно повлияла на систему образования, поскольку положение в ней централизованно определялось партийными директивами и общесоюзным законодательством. В гораздо большей степени на развитие образовательной сферы оказала воздействие научно-техническая революция, развернувшаяся в СССР в 1950–1980-е гг.

Государство продолжало уделять большое внимание развитию массового (всеобщего) образования, что в первую очередь выражалось в увеличении количества школ и расширении числа учащихся. С 1953 по 1957 г. в Крымской области за счет государственного бюджета было построено 39 средних школ на 13 750 учебных мест, в следующем 1958/1959 учебном году — еще 13 школ. Школы строились не только государством, в сельской местности эта задача выполнялась колхозами и совхозами. Если сразу после окончания Великой Отечественной войны в Крыму имелось 48 средних школ, в которых обучались 24 445 учеников, то к 1961 г. на полуострове насчитывалось 187 средних школ, где за партами занимались 110 422 учащихся. Активное строительство школ позволило Крымской области в 1955–1956 гг. перейти на всеобщее семилетнее образование². В период семилетки (1959–1965 гг.) на полуострове построили дополнительно 78 школ на 48,6 тыс. учебных мест, а всего в области к тому времени насчитывалось 994 школы (начальных и средних), в том числе 748 в сельской местности. Количество учащихся выросло с 161,8 тыс. в начале семилетки до 253 тыс. в 1964/1965 учебном году³. Тенденция к росту числа общеобразовательных школ не была неизменной: по мере укрупнения сельских поселений, ликвидации неперспективных населенных пунктов количество школ в период восьмой пятилетки (1966–1970 гг.) уменьшилось. В 1972/1973 учебном году в Крымской области работали 772 общеобразовательные школы, в том числе 299 средних, в которых обучались 301,5 тыс. детей и трудились 18,1 тыс. учителей.

¹ Крымські татари 1944–1994 р.: Статті. Документи. Свідчення очевидців / сост. О. Г. Бажан, Ю. З. Данилюк. Київ, 1995. С. 240, 255.

² Максименко М. М. Развитие социалистической культуры в Крыму. Симферополь, 1963. С. 27.

³ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 303–304.

Однако в 1980-е гг. количество школ, число учащихся и преподавателей вновь стало увеличиваться.

Задачу подготовки квалифицированных специалистов среднего звена решали средние специальные учебные заведения — профессионально-технические училища и техникумы. Если в 1962 г. в 24 профтехучилищах и техникумах обучались 8502 человека, то в 1965 г. в 26 средних специальных учебных заведениях насчитывалось 17,5 тыс. человек¹, а в 1972/1973 учебном году в профтехучилищах и техникумах получали знания 27,5 тыс. человек².

Высшее образование в Крыму было представлено четырьмя образовательными учреждениями: Крымским государственным педагогическим институтом, Крымским государственным медицинским институтом, Крымским государственным сельскохозяйственным институтом, Севастопольским государственным приборостроительным институтом. Если первые три вуза образовались на базе Таврического университета и существовали еще с довоенного времени, то Севастопольский приборостроительный институт был создан в 1963 г. В 1962 г. в высших учебных заведениях Крымской области обучались 5652 человека³, а в 1965 г. — 18,2 тыс. студентов⁴. В годы семилетки были построены учебный корпус Крымского педагогического института и учебный городок Крымского сельскохозяйственного института.

Одним из ведущих вузов полуострова являлся Крымский государственный педагогический институт. Если в послевоенном 1947 г. в пединституте получали образование 905 человек, то в 1967 г. — 6,5 тыс. студентов. В 1965/1966 учебном году в институте работали 248 преподавателей, из них 97 специалистов имели ученые степени. В конце 1960-х гг. Крымский пединститут по итогам учебно-методической и научной работы был признан лучшим в Украинской ССР и вошел в десятку лучших педагогических вузов СССР. В 1972 г. он был преобразован в Симферопольский государственный университет имени М. В. Фрунзе (первый ректор — А. Ф. Переход). К концу 1980-х гг. в университете обучались около 8 тыс. студентов и работали 579 преподавателей (практически в два раза больше, чем в 1972 г.), из них 59 докторов наук (в 1972 г. — девять). Среди профессоров университета трудились известные ученые: биолог В. Л. Делямуре, филолог В. Н. Мигирин, историк С. А. Секиринский и др.

В Крымском государственном медицинском институте в 1956 г. трудились 27 докторов и 116 кандидатов наук. В 1979 г. в вузе обучались 3,5 тыс. студентов, среди них 250 иностранцев из 46 стран. В 1981 г. за заслуги в подготовке квалифицированных специалистов для народного здравоохранения и развитие медицинской науки, а также в связи с 50-летием Крымский мединститут был удостоен ордена Трудового Красного Знамени. В конце 1980-х гг. мединститут входил в десятку ведущих медицинских вузов страны. Здесь преподавали многие выдающиеся ученые, среди которых профессора С. Г. Георгиевский, Е. И. Захаров, Б. П. Хватов, А. Б. Шахназаров.

¹ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 305.

² История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 70.

³ Максименко М. М. Развитие социалистической культуры в Крыму. С. 38.

⁴ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 305.

Не меньшей известностью пользовался и Крымский государственный сельскохозяйственный институт. За 1950–1980-е гг. вуз подготовил около 30 тыс. специалистов для сельского и лесного хозяйства, ветеринарной медицины, в том числе более 400 иностранных граждан из 49 стран. Многие преподаватели и выпускники сельхозинститута стали известными учеными, крупными специалистами и общественными деятелями: профессора П. Г. Болгарев, П. И. Богдан, академик ВАСХНИЛ В. Л. Мазлумов, члены-корреспонденты ВАСХНИЛ В. Л. Колесников, М. М. Долгилевич, С. Ю. Дженеев.

Севастопольский государственный приборостроительный институт был создан для подготовки специалистов для отечественного гражданского флота и судостроения, позднее его профиль существенно расширился за счет строительных специальностей. К 1965 г. в институте обучались 5358 студентов, а научно-преподавательский состав включал 286 человек, в том числе 96 специалистов с учеными степенями и званиями. Среди них были известные ученые и изобретатели И. К. Бондаренко, Н. А. Грудина, З. Г. Емец, С. Р. Зиборов, В. Н. Козаков, Ф. Н. Канареев, Е. В. Пашков, В. В. Саламатин. Результатами деятельности вуза стали шесть золотых, 33 серебряные и 37 бронзовых медалей ВДНХ СССР, более 2 тыс. авторских свидетельств и патентов на изобретения.

В Симферополе и Севастополе действовали также три высших военных училища: Симферопольское высшее военно-политическое строительное училище, Севастопольское высшее военно-морское инженерное училище и Черноморское высшее военно-морское ордена Красной Звезды училище имени П. С. Нахимова.

До 1954 г. управление научными учреждениями Крыма осуществлялось Крымским филиалом АН СССР, которым руководил геолог профессор Я. Д. Козин. Филиал включал восемь отделов (геологии, химии, карстоведения и спелеологии, почвоведения, геоботаники и растениеводства, зоологии, горной агролесомелиорации, истории и археологии) и одну научную станцию (Карадагскую биологическую станцию) с общим количеством научных работников 74 человека, в том числе 38 кандидатов и пять докторов наук. Всего же в его ведении находились 33 научных учреждения (четыре научно-исследовательских института, три филиала, 11 научно-опытных станций и 15 других учреждений) с общим количеством сотрудников 487 человек, среди которых насчитывалось 18 докторов и 146 кандидатов наук¹.

После передачи Крымской области из РСФСР в состав Украинской ССР Крымский филиал АН СССР был преобразован в Крымский филиал АН УССР. В ноябре 1954 г. президиум АН УССР принял постановление «О состоянии и направлении научно-исследовательской работы Крымского филиала АН УССР», определившее дальнейшие планы развития крымской науки². Однако в 1956 г. Крымский филиал был упразднен, а на его базе созданы Институт минеральных ресурсов АН УССР и Крымское отделение Института археологии АН УССР. В то время как ряд научно-

исследовательских учреждений Крыма вошел в структуру АН УССР, руководство большинством научно-исследовательских институтов осуществлялось научными структурами АН СССР.

Государственный Никитский ботанический сад — одно из старейших научных учреждений не только Крыма, но и всего Советского Союза — входил в систему Академии сельскохозяйственных наук СССР. В 1962 г. Никитский ботанический сад торжественно отметил свое 150-летие; за заслуги в науке и практике развития сельского хозяйства и в связи с юбилеем он был награжден орденом Трудового Красного Знамени¹. К концу 1980-х гг. он имел крупнейшую в СССР коллекцию хризантем, представленную 220 сортами отечественной и зарубежной селекции и 1400 гибридными формами. Коллекция насчитывала 295 сортов канн, 300 сортов тюльпанов, 150 сортов лилий и т. д. Сад ежегодно передавал озеленительным организациям Крыма и других регионов СССР около 1,5 млн луковиц, укорененных черенков и рассады цветов, а также 650 кг семян цветов и газонных трав². К 1990 г. в Никитском ботаническом саду были собраны богатейшие коллекции плодовых культур: персика — 1553 сорта и формы, нектарина (голоплодного персика) — 151, абрикоса — 716, алычи — 150, черешни и вишни — 600, яблони — 598, груши — 227 и т. д. Всего 4363 сорта и формы³.

В 1980–1990-х гг. под руководством профессора В. К. Смыкова было защищено пять докторских и 22 кандидатские диссертации по промышленному ассортименту плодовых культур. Результаты его научных исследований опубликованы в 320 книгах и статьях. Ученый награжден Золотой медалью им. И. В. Мичурина⁴.

Выдающийся вклад в селекцию миндаля внес профессор А. А. Рихтер. Созданные им сорта давали около 400 кг очищенного ядра с гектара, а при поливе — до 1 т. Профессор был удостоен Государственной премии СССР.

В 1960–1980-е гг. в Никитском ботаническом саду интенсивно работал отдел технических растений под руководством доктора сельскохозяйственных наук В. И. Машанова, где выводились новые сорта розы, осуществлялась селекция лаванды и масличных культур⁵.

Велись в рамках Никитского ботанического сада и другие научные разработки, имевшие большое значение для развития сельскохозяйственного производства, садоводства, виноградарства, цветоводства и прочих аграрных отраслей. К концу 1980-х гг. патентный фонд Никитского ботанического сада насчитывал 24 тыс. единиц. Авторами изобретений являлись 36 сотрудников этого уникального научного заведения⁶.

В 1965–1970 гг. в структуре Никитского сада появился научно-организационный отдел, в который вошли: научная библиотека, патентная служба, издательская

¹ Максименко М. М. Развитие социалистической культуры в Крыму. С. 43.

² Текст постановления см. на сайте Института истории Украины: http://history.org.ua/LiberUA/Krimskiy_arkhiv/PostPrANURSR01.11.54.pdf (дата обращения: 27.03.2017).

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 378.

² Там же.

³ Там же. С. 379.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 380–381.

группа с печатным цехом, фотолаборатория и архив. Библиотека, ставшая старейшим и наиболее значительным собранием биологической и сельскохозяйственной литературы в СССР, к 1987 г. насчитывала 187 тыс. томов книг.

В 1970–1980-е гг. Никитский ботанический сад активно развивал международное сотрудничество с плодоводческими учреждениями ГДР, ВНР, БНР, ЧССР, СФРЮ.

Широкую известность приобрел Всесоюзный научно-исследовательский институт физических методов лечения и медицинской климатологии им. И. М. Сеченова (Ялта), созданный в 1955 г. в результате объединения Института физических методов лечения им. И. М. Сеченова и Научно-исследовательского института климатологии туберкулеза¹.

С начала 1970-х гг. научно-практическая деятельность института переориентировалась на разработку методов климато-физиотерапии неспецифических заболеваний легких. Туберкулезные клиники были преобразованы в пульмонологические, а терапевтическая клиника сосредоточилась на кардиологической тематике. С 1978 г. на базе института успешно функционировали кафедры физиотерапии и пульмонологии факультета усовершенствования врачей Крымского государственного медицинского института.

11 июля 1963 г. в соответствии с постановлением Совета министров Украинской ССР на базе Севастопольской, Одесской и Карадагской биологических станций был создан Институт биологии южных морей АН УССР с центром в Севастополе. Уже к началу 1966 г. в институте работали восемь докторов и 50 кандидатов наук. В том же году его сотрудники представили на проходивший в Москве 2-й Международный океанографический конгресс более 30 научных докладов.

30 апреля 1970 г. постановлением президиума Академии наук УССР было принято решение о праздновании 100-летия Института биологии южных морей, ведущего свою историю от первого в Российской империи морского научно-исследовательского учреждения — Севастопольской биологической станции, основанной в сентябре 1871 г., и о присвоении ему имени академика А. О. Ковалевского. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 сентября 1971 г. институт был награжден орденом Трудового Красного Знамени, а 21 сентября 1971 г. перед зданием института установлены бюсты Н. Н. Миклухо-Маклая и А. О. Ковалевского. Весной 1971 г. в Аквариуме (научном музее института) открыта диорама «Коралловый риф — Красное море», созданная по проекту и под руководством художника-конструктора В. М. Ногина. Ежегодно институт издавал около 10 научных книг. В 1980-х гг. сотрудниками Института опубликовано 50 монографий, из них восемь за рубежом².

Значительных успехов достиг Севастопольский гидрофизический институт. По состоянию на 1 января 1968 г. в нем работали 716 сотрудников, в том числе академики В. В. Шулейкин и А. Г. Колесников, три доктора и 22 кандидата наук. Для проведения экспедиционных работ институт располагал двумя научно-исследова-

тельскими судами — «Ломоносов» и «Юрий Шокальский». В феврале 1968 г. институт получил в свою собственность построенное на верфях ГДР научно-исследовательское судно «Академик Вернадский». Использовались также суда на подводных крыльях. По результатам научных исследований в 1963–1967 гг. сотрудники института опубликовали около 600 научных статей. Многие их научные разработки носили закрытый характер, например исследования, связанные с поведением дельфинов¹.

К началу 1960-х гг. в поселке Научный Бахчисарайского района было полностью завершено начатое еще в 1945 г. строительство разветвленной инфраструктуры крупнейшей в Европе Крымской астрофизической обсерватории. С этого момента начинается успешная деятельность научного коллектива обсерватории под бесменным руководством профессора, а затем академика А. Б. Северного. В 1960 г. был введен в строй поляриметр для измерения линейной поляризации звезд, в 1963 г. установлен крупнейший в Европе 2,6-метровый рефлектор, положивший начало строительству второй очереди обсерватории. В 1964 г. этот рефлектор был оборудован спектрографом для изучения быстропеременных звезд, а в 1966 г. завершился монтаж 22-метрового радиотелескопа, который позволил начать наблюдения за звездными радиоисточниками и активными галактиками. В 1975 г. обсерватория получила орбитальный солнечный телескоп ОСТ конструкции профессора А. В. Брунса — первый телескоп, которым управляли советские летчики-космонавты. В 1976 г. завершено строительство большого коронографа.

Благодаря совершенной в то время материальной базе и плодотворной научной работе Крымская астрофизическая обсерватория стала местом проведения множества международных конференций и симпозиумов. В апреле 1976 г. на базе обсерватории проводился Международный симпозиум по проблеме магнитных полей в космосе, в работе которого приняли участие около 100 представителей научных учреждений СССР, ВНР, ГДР, ПНР, Великобритании, США, ФРГ, Нидерландов, Италии. В 1981 г. была проведена целая серия подобных научных мероприятий. В 1985 г. на базе обсерватории состоялось шесть научных конференций и симпозиумов как союзного, так и международного уровня². 18 февраля 1976 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР Крымская астрофизическая обсерватория была награждена орденом Трудового Красного Знамени³.

Флагманом отечественной винодельческой науки в эти годы являлся расположенный в Ялте Всесоюзный научно-исследовательский институт виноградарства и виноделия «Магарач». В 1970 г. доля Украинской ССР в общесоюзном производстве вина достигла 27,9%. В 1966–1970 гг. из произведенных на Украине 116,08 млн бутылок шампанского и игристых вин крымские виноделы поставили более 34 млн бутылок (30%)⁴. В 1981 г. в состав учреждения входили головной институт с тремя экспериментальными хозяйствами на территории Крымского полуострова и Мо-

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 382–383.

² Там же. С. 392.

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 411.

² Там же. С. 409.

³ Там же. С. 408.

⁴ Там же. С. 398.

сковский филиал с опытным хозяйством в поселке Кучино Московской области. В головном институте успешно работали 26 научных и научно-технических подразделений, в том числе 11 отделов, восемь лабораторий, семь секторов, в которых трудились 380 сотрудников (из них шесть докторов и 65 кандидатов наук). В аспирантуре велась подготовка научных кадров по 10 специальностям. В январе 1981 г. там обучались 47 аспирантов¹. В это время институт возглавлял авторитетный ученый и организатор науки профессор С. Ю. Дженева.

22–24 ноября 1978 г. на базе института в честь 150-летия со дня его основания был проведен Всесоюзный симпозиум «Основные направления развития виноделия и виноградарства СССР»². В марте 1981 г. в институте впервые прошла Международная научная конференция.

21 августа 1965 г. приказом по Министерству сельского хозяйства СССР в Симферополе был организован Всесоюзный научно-исследовательский институт эфиромасличных культур с головным специализированным конструкторским бюро по сельхозмашинам для эфирносов. Институту выделялось пять опытных станций в различных регионах СССР, а также Всесоюзное сортосеменоводческое объединение по техническим культурам. Возглавил институт профессор А. М. Смолянов. По состоянию на 15 ноября 1965 г. там трудились 83 научных сотрудника. 22–26 ноября 1966 г. на базе института проведено Всесоюзное совещание-семинар «Состояние и перспективы развития эфиромасличных культур в СССР», в котором приняли участие 70 начальников главных управлений и управлений министерств и ведомств, директоров совхозов-заводов, председателей колхозов, научных сотрудников со всех регионов Советского Союза³. На совещании отмечалось, что за 1961–1965 гг. производство эфиромасличного сырья в СССР возросло с 112,8 до 203,2 тыс. т, или на 80%. Однако планы заготовок ежегодно выполнялись лишь на 60–70%. Особенно плохо шли заготовки кориандра, тмина, аниса, лаванды, базилика. В числе главных причин назывались низкий уровень агротехники возделывания, а также большие потери при уборке урожая и его хранении. Создание в Крыму Института эфиромасличных культур сказалось положительным образом на устранении отмеченных недостатков. К 1970 г. институт имел в своем распоряжении пять профильных совхозов, три отделения, другую необходимую материально-экспериментальную базу. Это позволяло комплексно решать проблемы развития отраслевых научных исследований и непосредственного внедрения их результатов в сельскохозяйственное производство. Такой подход способствовал ускоренному выводу отрасли из кризиса.

В ноябре 1972 г. Министерством сельского хозяйства СССР был утвержден устав Научно-производственного объединения по эфиромасличным культурам и маслам, в состав которого включены восемь организаций: Всесоюзный научно-исследовательский институт эфиромасличных культур (Симферополь), головное специализированное конструкторское бюро (Симферополь), машиностроительный

завод (Симферополь), Центральное опытно-производственное хозяйство (поселок Крымская Роза Белогорского района), четыре опытные станции (в Белгородской области, Краснодарском крае, Черниговской области, поселке Ехагнут Октябрьского района Армянской ССР)⁴.

По итогам 1972 г. на полях шести совхозов было произведено валовой продукции на сумму 3592,1 тыс. рублей. К 1973 г. в институте и его опытных станциях выведено 17 новых высокопродуктивных сортов кориандра, лаванды, розы, шалфея, семь из которых районировано по СССР. Конструкторское бюро разработало 28 новых образцов техники, из которых 21 рекомендован в производство, три машины запатентованы за рубежом⁵. В 1970–1974 гг. деятельность института в комплексе с сельскохозяйственными предприятиями позволила увеличить производство эфирных масел в полтора раза. Эфиромасличные заводы института вырабатывали 40% лавандового, 25% розового и 15% шалфейного эфирных масел от общего объема этих масел, производившихся в СССР. Прибыль заводов возросла в полтора раза. Кроме эфиромасличных культур, в опытных хозяйствах Научно-производственного объединения выращивались также зерновые, подсолнечник, кормовая кукуруза, кормовые корнеплоды, травы. Это дало возможность довести количество крупного рогатого скота на фермах опытных станций до 4031 головы. Объединение в 1988 г. продало хозяйствам области 167 голов племенного крупного рогатого скота и 80 голов свиней крупной белой породы, что считалось очень хорошим показателем³.

К 1970 г. здесь успешно работали 670 человек, в том числе 380 научных сотрудников, из них семь докторов и 107 кандидатов наук. Они проводили научно-исследовательские работы в Якутии, Восточной Сибири, Казахстане, Белоруссии, Украине и Молдавии⁴. В институте функционировало более 15 подразделений, в том числе девять по геолого-минералогическому направлению и пять по технологии обогащения руды.

Коллектив института создал «Структурно-формационную карту УССР и Молдавской ССР», а также «Карту глубинного геологического строения УССР и Молдавской ССР». В первой половине 1970-х гг. в институте разрабатывались 14 тем по исследованию геологических закономерностей и прогнозной оценке оруденения в Донбассе и Закарпатье, в том числе ртути. Результаты этих исследований были отражены в изданной в 1975 г. монографии «Ртутные месторождения и рудопроявления Украины»⁵.

В 1976 г. в НИИ организован сектор прогнозирования благородных металлов, преобразованный в 1989 г. в лабораторию локального прогнозирования благородных металлов под руководством Ю. А. Аверина. Институт также активно

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 401.

² Там же. С. 400.

³ Там же. С. 414.

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 416.

² Там же. С. 417–419.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 393.

⁵ Там же. С. 394.

участвовал в разработке алмазной проблемы Украины. Был создан отдел алмазов и благородных металлов, нацеленный на прогнозирование и поиски коренных и рассыпных месторождений алмазов в УССР. Работники отдела заложили основы технологической минералогии мелких алмазов в Зеленом Яре, Красном Куте, Волчанске, расположенных на материковой части Украины¹.

Традиционным для Крыма являлось изучение подземных вод, их инженерно-геологических условий. Этой проблемой в НИИ профессионально занимался отдел гидрогеологии и карстоведения, в котором работали 56 человек. Становление отдела связано с именами С. А. Ковалевского, Б. Н. Иванова, В. Г. Ткачука, А. В. Лушчика, В. Н. Соломатина и др. Этими учеными выполнялись большие объемы исследований в сфере прогнозирования землетрясений, карста, оползней и прочих экзогенных геологических процессов, в том числе в районе строительства Крымской атомной электростанции. Именно сотрудники отдела сделали заключение о техногенной угрозе этой стройки из-за тектонического разлома².

Всего в Крымской области к 1980 г. работали 40 научно-исследовательских и проектных институтов³.

В соответствии с политикой партии в области культуры в Крыму, как и по всей стране, деятельность учреждений культуры была направлена на «воспитание советского человека» и ориентировалась на массовый охват населения в городе и на селе. К середине 1950-х гг. система культурно-просветительских учреждений Крымской области включала 26 домов культуры, 130 сельских клубов, 284 колхозных клуба, 663 массовые библиотеки, 278 изб-читален.

К 1957 г. была решена задача создания в каждом более-менее крупном населенном пункте своей библиотеки. В 1960 г., согласно официальной статистике, в Крыму насчитывалось 977 клубов и 988 библиотек. За период семилетки (1959–1965 гг.) количество библиотек возросло до 1019, книжный фонд в них к концу семилетки составлял 9 млн экземпляров⁴. К 1974 г. из 1072 библиотек с 14-миллионным книжным фондом, работавших в Крымской области, 552 библиотеки, располагавшие 4 млн книжных изданий, действовали в селах⁵.

К началу 1970-х гг. в Крыму насчитывалось 1025 домов культуры и клубов, в том числе 571 в сельской местности⁶. За годы десятой пятилетки (1976–1980 гг.) на полуострове построили 21 дом культуры, в Севастополе и Керчи возвели новые здания Дворца культуры рыбаков и Дворца культуры металлургов с залами на 1,2 тыс. мест в каждом, в Симферополе — Дом культуры профсоюзов⁷.

В конце 1960-х — 1970-е гг. в связи с празднованием 50-летия (1967 г.) и 60-летия (1977 г.) Великой Октябрьской социалистической революции, 100-летия

со дня рождения В. И. Ленина (1970 г.), 50-летия образования СССР (1972 г.) открывались новые учреждения культуры и проводились разнообразные массовые мероприятия: фестивали профессионального и самодеятельного искусства, конкурсы, смотры художественной самодеятельности и т. д., в которых были задействованы до 350 тыс. человек. Так, в 1973 г. впервые проведен Всесоюзный фестиваль «Крымские зори», оказавший заметное влияние на развитие советского песенного искусства и эстрады.

В 1973 г. на базе двух учреждений, занимавшихся организацией концертной деятельности, создали Крымскую государственную филармонию. В 1971 г. начал свою деятельность вокально-хореографический ансамбль «Таврия», в дополнение к уже существовавшему Ансамблю песни и пляски Краснознаменного Черноморского флота.

Одним из первых мероприятий в рамках приобщения Крыма к украинской культуре после передачи Крымской области в состав Украинской ССР стал перевод весной 1955 г. в Симферополь Киевского областного передвижного драматического театра, ставшего Крымским областным украинским музыкально-драматическим театром. В 1977 г. для него было построено новое здание в центре Симферополя, долго считавшееся лучшим в УССР. Украинский музыкально-драматический театр стал шестым стационарным театром в Крыму. Кроме него еще с досоветского периода в Симферополе существовал Крымский областной драматический театр им. М. Горького, с 1960 г. — Крымский русский драматический театр, получивший в 1979 г. звание академического. В 1980-е гг. здание театра было реконструировано. С дореволюционных времен действовали Севастопольский театр им. А. В. Луначарского, для которого в 1957 г. построили новое современное здание, Театр им. А. П. Чехова в Ялте и Театр им. А. С. Пушкина в Евпатории, занимавшиеся гастрольной деятельностью. В Симферополе работал Театр кукол.

Как и на раннем этапе становления советской массовой культуры, главным из искусств по-прежнему оставалось кино. В 1959 г. Крымская область имела 695 киноустановок в городах и сельской местности. К началу 1980-х гг. на полуострове действовали 1,4 тыс. кинотеатров и киноустановок. Кроме того, Крым являлся еще и одним из крупных центров советского кинопроизводства. В 1957 г. Ялтинская кинофабрика была преобразована в Ялтинскую киностудию художественных фильмов. В 1963 г. она стала филиалом Центральной киностудии детских и юношеских фильмов им. А. М. Горького, а в 1988 г. — самостоятельным государственным предприятием Крымской киностудией «Ялтафильм». На базе Ялтинской киностудии созданы многие полюбившиеся не одному поколению советских зрителей фильмы, среди них «Человек-амфибия», «Волшебная лампа Аладдина», «Остров сокровищ», «Пираты XX века», «Дети капитана Гранта», «Кавказская пленница», «Солярис», «Человек с бульвара Капуцинов» и др.

В 1960-е гг. в жизнь Крыма, как и всей страны, активно входит телевидение. В 1959 г. в Симферополе и Керчи закончилось сооружение телевизионных станций и началось регулярное телевидение. В 1963 г. завершилась полная радиофикация сел.

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 395.

² Там же. С. 396.

³ История Крыма. С. 421.

⁴ Очерки по истории Крыма. Ч. IV. С. 306.

⁵ История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 71.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

Тем не менее традиционными и наиболее важными средствами массовой информации являлись газеты. В 1970-х — середине 1980-х гг. на полуострове издавались три областные газеты («Крымская правда» на русском и украинском языках, «Курортная газета», «Крымский комсомолец»), а также четыре городские и 14 районных газет.

В 1960–1980-е гг. местные власти много внимания уделяли организации системы учета и охраны историко-культурного наследия. Важную роль в этой деятельности играло созданное в 1967–1968 гг. Крымское отделение Украинского общества охраны памятников истории и культуры. В соответствии с Законом УССР от 13 июля 1978 г. «Об охране и пользовании памятников истории и культуры» Крымский облисполком 15 января 1980 г. принял решение «Об утверждении охранных зон на памятниках истории и культуры» и утвердил ряд других документов¹. На государственном учете в Крымской области к середине 1970-х гг. находилось 3,5 тыс. памятников истории и культуры из 10–12 тыс. существовавших археологических, архитектурных, исторических объектов².

В 1953–1956 гг., к 100-летию Крымской войны, успешно восстановили панораму «Оборона Севастополя в 1854–1855 гг.», получившую серьезные повреждения в годы Великой Отечественной войны. Научно-реставрационные работы велись в Херсонесском музее в Севастополе, на памятниках античного Пантикапея в Керчи, в Ханском дворце в Бахчисарае и т. д. Наряду с существовавшими ранее Государственной галереей И. К. Айвазовского в Феодосии, Алушкинским дворцом-музеем, Крымским областным краеведческим музеем, Мемориальным домом-музеем А. П. Чехова в 1960–1970-е гг. открылись новые мемориальные музеи писателей С. М. Сергеева-Ценского, А. С. Грина, поэта и художника М. А. Волошина. В 1959 г. завершено создание диорамы «Штурм Сапун-горы 7 мая 1944 г.», в 1966 г. — подземного Музея обороны Аджимушкайских каменоломен³.

К началу 1970-х гг. на территории Крымского полуострова работали 14 государственных музеев и 22 музея на общественных началах. Эту систему представляли краеведческие, историко-археологические, литературно-мемориальные музеи, картинные галереи. В 1965 г. крымские музеи посетили 4259 тыс. человек, в 1987 г. — 5134 тыс. человек. Общая площадь музеев в том же году составила 36 754 кв. м. Обслуживали посетителей 602 работника, из которых 212 являлись научными сотрудниками⁴.

Творческая жизнь деятелей искусства и писателей Крыма была тесно связана с местными отделениями Союза писателей УССР, Союза художников УССР и Союза композиторов УССР. Крымское отделение Союза писателей УССР до 1962 г. должно было выпускать литературный сборник «Крым», где увидели свет произведения

многих крымских авторов: С. Славича, Е. Криштоф, А. Домбровского, В. Маковецкого, В. Фроловой, М. Новиковой и др. В 1960-е гг. выходил сборник «День поэзии в Крыму», где печатались стихи Б. Сермана, Г. Петникова, М. Глушко, Н. Тарасенко, И. Тучкова, Я. Вассермана, В. Ленцова и др. Среди членов Крымского отделения Союза художников присутствовал ряд известных живописцев и скульпторов: Ф. З. Захаров, А. А. Козлов, В. П. Цветкова, С. К. Яровой, Я. А. Басов, Ю. В. Волков, С. Г. Мамчич, О. В. Грачев, Р. В. Сердюк, С. А. Чиж и др.¹ В 1984 г. открылся Выставочный зал Крымского отделения Союза художников в Симферополе. В Крымском отделении Союза композиторов УССР, созданном в 1977 г., состоял выдающийся композитор А. С. Караманов, расцвет творчества которого пришелся на 1970–1980 гг. Многие крымские художники и композиторы являлись выпускниками художественного и музыкального училищ, существовавших в Симферополе с 1930-х гг.

¹ Соколов А. А. Взаимодействие государства и общественности в деле охраны памятников истории и культуры в Крыму (конец 60-х — 70-е гг.) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2014. № 2 (58). Т. 2. С. 71.

² История городов и сел Украинской ССР. Крымская область. С. 75.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 281.

¹ Алексеева Е. Н. Союз художников Крыма и его роль в художественной жизни полуострова во второй половине XX века // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 1, ч. 2. С. 21. URL: <http://www.gramota.net/materials/3/2013/1-2/3.html> (дата обращения: 19.03.2017).

Глава 32

Крым в период социально-политических изменений в СССР. 1985–1991 гг.

А. А. Форманчук, А. В. Мальгин

§ 1. Начало перестройки

После апрельского 1985 г. Пленума ЦК КПСС советское руководство начало осуществление ряда преобразований в социально-экономической и политической сферах жизни общества, получивших название «перестройка». К середине 1980-х гг. Крымская область была одним из самых благополучных регионов не только Украинской ССР, но и Советского Союза в целом. Тем не менее и в экономике Крыма в этот период наблюдаются определенные негативные тенденции.

В первую очередь кризис проявился в агропромышленном комплексе Крыма. Так, к 1986 г. 30 местных хозяйств из 287 имели годовой уровень рентабельности ниже 5%, а общая задолженность колхозов и совхозов по долгосрочным и краткосрочным ссудам Госбанка СССР составила 729 млн рублей¹.

Впервые с середины 1960-х гг. Крымская область не выполнила плановых заданий по производству молока, масла, эфиромасличных культур и даже рыбы. По различным причинам не эксплуатировалось 1668 га прудов, из-за чего не было выловлено около 1 тыс. т живой рыбы. При этом хозяйства жаловались на то, что для ввода новых водоемов для рыборазведения только на согласование землеотвода уходит до пяти лет.

Неэффективно работал и океанический флот. В 1984 г. каждое пятое судно не выполнило годовой план по добыче рыбы. Недолов составил: в объединении «Атлантика» — 14,7 тыс. т, в «Керчьрыбпроме» — 14 тыс. т. Суда Крымского рыбколхозсоюза недовыполнили план вылова рыбы в объеме 3,8 тыс. т. В результате этого на прилавки магазинов не поступило 1 тыс. т охлажденной и замороженной рыбы, более 300 т солено-пряной рыбы, 33 т рыбных кулинарных изделий, 900 т филе, 270 т рыбной муки, 84 т рыбного жира и 18 т сушено-вяленой рыбы².

От сильных морозов зимы 1984/1985 гг. погибло 5 тыс. га садов, на долю которых приходилось 20% сбора фруктов. В 1985 г. не был выполнен и государственный

план по производству и закупкам винограда. При этом разброс урожайности винограда составлял 80 ц с га в одних хозяйствах и 20 ц с га в других¹.

Трудности в развитии аграрного сектора свидетельствовали об определенных кризисных явлениях в советской совхозно-колхозной организации сельскохозяйственного производства и требовали определенных изменений. Как и в других регионах страны, процесс перестройки в аграрном секторе пошел по пути внедрения такой формы организации сельскохозяйственного труда, как арендный подряд. Это со временем привело к неизбежному отступлению от промышленного к индивидуальному, кустарному характеру производства сельскохозяйственной продукции, что в конечном итоге постепенно разрушило крымский агропромышленный комплекс, созданный напряженным трудом нескольких поколений сельских тружеников.

Негативные последствия ярче всего проявились в так называемой антиалкогольной кампании. Начало ей положило постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР от 7 мая 1985 г. «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма, искоренению самогонварения». В результате одна из ведущих отраслей экономики полуострова, где были заняты тысячи работников, оказалась перед угрозой уничтожения.

Позднее бывший первый секретарь Крымского обкома КПСС Н. В. Багров писал: «Сельское хозяйство Крыма было в значительной степени подкошено антиалкогольной кампанией. Старейшая отрасль — виноделие — в третий раз за свою историю подверглась испытанию на выживание из-за гнева людей, не понимающих истинной цены виноделию»². Вопрос стоял о закрытии целого ряда винодельческих предприятий, в том числе и всемирно известной «Массандры». Не выдержав административного давления, покончил жизнь самоубийством руководитель научного коллектива Всесоюзного научно-исследовательского института «Магарач» профессор П. Я. Голодрига. Площади под виноградниками в Крыму сократились с 89 тыс. га в 1984 г. до 69 тыс. га в 1988 г.

В 1980-е гг. Крым остро нуждался в реформировании курортного хозяйства. На фоне нескольких десятков процветающих элитных здравниц особенно отчетливо наблюдался упадок большинства специализированных санаториев, в особенности относящихся к системе Министерства здравоохранения Украинской ССР. Крымское руководство рассматривало даже возможность привлечения в эту сферу крупных иностранных инвестиций, что стало реальным на фоне потепления политических отношений СССР с Западом, но поступавшие от потенциальных инвесторов предложения не имели в тот период механизмов реализации.

Все отчетливее становились проблемы экологии, связанные с осуществлявшимся крупным строительством (прежде всего, Крымской АЭС на Керченском полуострове), производством строительных материалов и т. д.

Не вполне удачные шаги в области реформирования советской экономики не только обострили критическое отношение в обществе к системе партий-

¹ История Крыма. С. 427.

² Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 358.

¹ Пащенко В. Н., Пащенко Е. В. Крым в 1965–1991 гг.: Взлет и падение. С. 360.

² Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. Симферополь, 1966. С. 49–50.

ного руководства, но и выявили проблемы, связанные с управлением местными процессами извне, как из союзного центра — Москвы, так и из республиканского центра — Киева.

Начало перестройки привело к изменениям в руководстве Крымской области. В июне 1987 г. представитель старой номенклатуры первый секретарь Крымского обкома Компартии Украины В. С. Макаренко написал заявление о выходе на пенсию с традиционной формулировкой «по состоянию здоровья». По рекомендации члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК КПУ В. В. Щербицкого первым секретарем Крымского обкома был избран А. Н. Гиренко, работавший до этого первым секретарем Херсонского обкома¹. Новый руководитель Крыма столкнулся с целым комплексом перестроечных проблем, среди которых главными для него в то время были две.

Первая проблема — проведение в марте 1989 г. выборов народных депутатов СССР на альтернативной основе, за результаты которых на местах отвечали первые секретари обкомов и крайкомов партии. При этом сами первые секретари были обязаны принять участие в конкурентной предвыборной борьбе. Вторая проблема — все чаще звучащие требования крымской общественности о закрытии стройки Крымской АЭС в поселке Щелкино на мысе Казантип на Керченском полуострове. Строительство к тому времени вступило в завершающую стадию, объем выполненных работ, необходимых для ввода объекта в эксплуатацию, составлял приблизительно 90%. Введение в строй этой атомной электростанции позволило бы не только полностью обеспечить Крым необходимым для потребления объемом электроэнергии (в то время полуостров получал извне до 75% потребляемого электричества), но и поставлять избыток электроэнергии на материковую часть СССР. Однако после катастрофы на Чернобыльской АЭС в апреле 1986 г., ставшей причиной негативного отношения населения к атомным электростанциям, строительство аналогичного объекта в Крыму стало восприниматься как серьезная опасность для жителей полуострова.

В Крымской области стремительно набирала силу общественная организация Ассоциация «Экология и мир», которая постепенно от экологических вопросов перешла к обсуждению политических проблем, в частности возможности смены партийного руководства, стоявшего во главе области, в ходе выборов народных депутатов СССР. В этой связи тема закрытия Крымской АЭС стала точкой противостояния между властями и общественностью полуострова, которых представляли первый секретарь Крымского обкома КПУ А. Н. Гиренко и лидер Ассоциации «Экология и мир» профессор Симферопольского университета В. Г. Пивоваров. Предвыборные телевизионные дебаты указанных должностных лиц обещали перерасти в настоящую общественно-политическую драму, и реальный риск поражения лидера крымских коммунистов был достаточно высок. Однако накануне решающей встречи В. Г. Пивоваров добровольно снял свою кандидатуру с предвыборной гонки в связи с назначением его руководителем Кольского филиала Академии наук

СССР. Но этого для победы было недостаточно, и в целях привлечения голосов избирателей А. Н. Гиренко вынужден был публично заявить о необходимости закрытия строительства Крымской АЭС.

В итоге на выборах, состоявшихся в марте 1989 г., 54% избирателей Крыма поддержали кандидатуру первого секретаря Крымского обкома КПУ А. Н. Гиренко, который стал народным депутатом СССР. Учитывая, что почти половина первых секретарей обкомов и крайкомов партии по всей стране на выборах потерпели поражение, победу крымского первого секретаря можно расценить как относительный успех¹. В сентябре 1989 г. А. Н. Гиренко был избран секретарем ЦК КПСС.

Вновь встал вопрос о кандидатуре первого секретаря Крымского обкома партии. По рекомендации ЦК КПСС, вопреки мнению партийного руководства Украины, на эту должность был избран Н. В. Багров, ранее работавший заведующим отделом науки и учебных заведений Крымского обкома КПУ, выходец из партийного руководства Симферопольского государственного университета. Новому первому секретарю пришлось завершать процесс закрытия строительства Крымской АЭС. «После довольно жестких дискуссий в Политбюро и Правительстве СССР, — позже вспоминал Н. В. Багров, — благодаря поддержке группы депутатов СССР от Крыма, настойчивости правительства Украины и облисполкома, активности средств массовой информации и общественных организаций, особенно «Экологии и мир», в октябре 1989 г. было принято решение о перепрофилировании Крымской АЭС»².

Проблема АЭС резко подняла уровень политизации общественных настроений в Крыму, что выразилось в возникновении целого ряда новых общественных организаций. В 1989 г. представителями научной и творческой интеллигенции было образовано Крымское отделение Всесоюзного историко-просветительского общества «Мемориал». Затем созданы Крымское отделение первой в СССР оппозиционной КПСС политической партии «Демократический союз» и местная общественная организация «Добрая воля», ставшие серьезным раздражителем для крымских властей.

С отменой в марте 1990 г. статьи 6 Конституции СССР о руководящей роли КПСС появление многочисленных общественных организаций и движений самой различной направленности пережило на полуострове настоящий бум. Практически все они в той или иной мере преследовали политические цели. В центре общественных обсуждений оказались актуальные проблемы социально-экономического и политического развития Крыма. Широкую популярность получили идея расширения местной самостоятельности в экономической сфере путем введения так называемого регионального хозрасчета, который мог бы оживить местную хозяйственную практику, а также лозунг борьбы против «засилья центральных (союзных и республиканских) хозяйственных ведомств», осуществляющих массивное промышленное строительство и разрушающих экологию полуострова.

Тогда же наблюдался рост национального самосознания представителей этнических меньшинств, проживающих в Крымской области, что нашло воплощение

¹ Макаренко В. С. Радость, гордость и грусть. Киев, 2004. С. 613.

¹ Форманчук А. А. Мифы советской эпохи. Симферополь, 2002. Кн. 2. С. 423.

² Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. С. 57.

в создании целого ряда национально-культурных обществ. В числе первых возникли Крымское армянское общество, Общество советских немцев Крыма, Еврейское общество культуры, Крымское караимское общество, а также общества крымчаков, болгар и греков. Несколько позднее были организованы Русское общество Крыма и Крымское общество русской культуры, а также Культурно-просветительское общество украинцев Крыма «Просвита». Всего за несколько лет на территории Крыма было зарегистрировано около 30 различных национально-культурных обществ¹.

С началом перестройки прекратилось преследование активистов крымско-татарского движения, были освобождены из заключения многие его лидеры, в том числе известные правозащитники-диссиденты М. Джемилев и Ю. Османов. В условиях демократизации общественно-политической жизни в стране, как в период оттепели после смерти И. В. Сталина, проживавшие за пределами Крыма крымские татары рассчитывали на возможность скорого возвращения на полуостров.

Весной 1987 г. крымско-татарское движение было достаточно аморфным, его представляли различные инициативные группы. Их активисты во главе с М. Джемилевым создали так называемую Центральную инициативную группу, которая позднее стала ядром Организации крымско-татарского национального движения. Часть групп (например, «Ферганская долинная группа» Ю. Османова) не вошла в Центральную инициативную группу, а образовала Национальное движение крымских татар. Летом 1987 г. Центральная инициативная группа провела в Москве встречи с ответственными работниками ЦК КПСС и представителями оппозиции, а также организовала серию митингов.

9 июля 1987 г. решением Политбюро ЦК КПСС была создана комиссия «для рассмотрения вопросов, поднимаемых крымскими татарами», под руководством председателя Президиума Верховного Совета СССР А. А. Громько. Вскоре от имени комиссии было подготовлено сообщение ТАСС, в котором обосновывалась невозможность и нецелесообразность возвращения татар в Крым.

Между тем ситуация стремительно менялась. Движение за возвращение на родину среди представителей ранее депортированных народов, в том числе и крымских татар, приобретало массовый характер, в СССР и за рубежом разворачивалась кампания в их поддержку.

14 ноября 1989 г. Верховный Совет СССР принял Декларацию «О признании незаконными и преступными репрессивных актов против народов, подвергшихся насильственному переселению, и обеспечении их прав». Спустя две недели, 28 ноября, Верховный Совет СССР одобрил выводы и предложения парламентской Комиссии по проблемам крымско-татарского народа (председатель — народный депутат СССР Г. И. Янаев). Комиссия полагала целесообразным: осуществить пересмотр дел, возбужденных против крымских татар за участие в национальном дви-

¹ Киселева Н., Мальгин А., Петров В., Форманчук А. Этнополитические процессы в Крыму: исторический опыт, современные проблемы и перспективы их решения. Симферополь, 2015. С. 100.

жении; считать законным правом крымско-татарского народа возвращение в Крым и последовательно решать эту задачу путем группового и индивидуального возвращения; восстановить Крымскую АССР в составе Украинской ССР, воссоздав автономии Крыма как многонационального образования и т. д.

В соответствии с постановлением Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа» была создана Государственная комиссия по проблеме крымских татар (председатель — первый заместитель председателя Совета министров СССР В. Х. Догуджиев), которая разработала Комплексную программу и первоочередные меры по организованному возвращению крымских татар в Крым. Эта программа предусматривала организованное переселение крымских татар на полуостров в течение 1990–2000 гг. (в основном оно должно было осуществиться в 1991–1996 гг.). Финансирование Комплексной программы предполагало целевые выделения финансовых средств из бюджетов Узбекской ССР, Таджикской ССР, РСФСР и Украинской ССР. Планировалось также обеспечить развитие духовной культуры, возрождение языка, наладить подготовку специалистов и т. д.¹ Осуществлением Комплексной программы в Крыму занимался созданный при Крымском облисполкоме Комитет по делам депортированных народов (руководитель — Ю. Османов, впоследствии — Л. Безазиев).

В 1989–1991 гг. органы государственной власти СССР и местные власти Крыма приняли ряд важных решений, регулировавших процесс возвращения крымских татар. Однако реализация этих решений практически сразу же столкнулась с существенными трудностями. Сроки организованного переселения, определенные в документах, не соответствовали настойчивому желанию многих крымских татар вернуться как можно быстрее; тем более что в республиках Средней Азии появились тенденции к выталкиванию крымских татар. Репатрианты и организаторы переселения в основном расходились в вопросе выбора мест расселения, так как территория прежнего проживания крымских татар (горная зона и Южный берег) являлась густонаселенной, а степные районы Крыма в меньшей степени привлекали крымских татар для нового обустройства.

Острой оказалась проблема трудоустройства в условиях достаточно жесткой конкуренции на рынке труда. Многие переселенцы испытывали большие материальные затруднения, лишившись более благоприятных условий жизни, которые были у них в местах прежнего проживания. Нормальному процессу возвращения препятствовали бюрократическая волокита, трудности с пропиской, предоставлением участков, кредитов под строительство и т. д. Наконец, следует отметить общее ухудшение экономической ситуации в стране и рост цен в конце 1980-х — начале 1990-х гг.²

Все это явилось источником недоверия и непонимания между представителями государственных органов и возвращающимися гражданами, сделало про-

¹ Более подробно об этом см.: Габриелян О. и др. Крымские репатрианты...

² Там же.

цесс возвращения во многом стихийным, неуправляемым, породило значительную социальную напряженность.

По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г., в Крымской области проживали 2 430 495 тыс. человек. Доля русских составляла 1 629 542 тыс. человек (67,05%), доля украинцев — 625 919 тыс. человек (25,7%). Третьей по численности этнической группой являлись белорусы — 50 054 тыс. человек (2,06%). Крымских татар на тот момент было зарегистрировано 38 365 тыс. человек (1,58% населения области), хотя уже к концу 1990 г. их численность возросла до 97 тыс. человек. Всего же на территории СССР проживали 271 715 тыс. крымских татар, большинство из которых еще оставались в республиках Средней Азии.

§ 2. Проблема статуса Крыма. Референдум 20 января 1991 г. о воссоздании республики

В конце 1980-х — начале 1990-х гг. крымско-татарские общественные организации настаивали на воссоздании Крымской АССР, которую они рассматривали как форму национальной государственности крымских татар. Лозунг возвращения крымской автономии был неизменным требованием всех политических протестных акций крымских татар и следовал в одном ряду с требованиями организованного возвращения народа и его политической реабилитации¹.

В то же время среди зарождающихся на полуострове общественных организаций демократической направленности родилась идея объявления Крыма самостоятельной республикой в составе СССР, без какой-либо национальной окраски (известную роль здесь сыграла публикация в конце 1980-х гг. знаменитого романа Василия Аксенова «Остров Крым»). Так, в программе созданного в начале 1989 г. членами оппозиционного «Демократического союза» комитета «Крым» говорилось о необходимости «добиваться самоуправления Крыма и подчинения его непосредственно Москве»². Выдвигалось также требование «предоставить крымскому областному парламенту право аннулировать любые решения центральной власти». В случае же «отказа центра» крымские демократы намеревались добиваться «мирного, путем референдума, выхода Крыма из состава СССР и создания независимой Крымской демократической республики».

Были и иные, менее радикальные, но не менее оригинальные предложения. В частности, профессор Симферопольского государственного университета В. Н. Сагатовский предлагал восстановить Советскую Республику Тавриды, существовавшую в 1918 г., и придать ей статус субъекта советской федерации. «Идея республики, — писал позже бывший в те годы первым секретарем Крымского обкома

КПУ Н. В. Багров, — диктовалась объективными причинами и не принадлежала какой-либо отдельной личности, организации или группе людей. С разных сторон, под различным углом зрения к ней подходили все, и в этом плане идея воссоздания республики... стала точкой пересечения самых различных интересов, объединительным началом в общественной жизни Крыма»¹.

Партийная пресса начала зондаж общественного мнения в этом направлении не раньше середины 1989 г., когда в газете «Крымская правда» была опубликована стенограмма пресс-клуба газеты под названием «Региональный хозрасчет и автономия». Здесь впервые осторожно был сформулирован вывод о том, что «для успешного внедрения регионального хозрасчета и превращения Крыма во всесоюзную здравницу было бы целесообразно преобразовать область в автономную республику».

В начале октября Крымский обком КПУ организовал научно-практическую конференцию, в ходе которой ученые высказывали аргументы в пользу республиканского статуса Крыма. Однако эта тема в итоговом выступлении Н. В. Багрова не была обозначена.

25 октября 1989 г. лозунг «Крыму — республиканский статус!» был открыто провозглашен на учредительной конференции оппозиционного КПСС «Народного фронта Крыма».

Вопрос повышения статуса Крыма был также поставлен и на уровне союзного центра, в частности в постановлении Верховного Совета СССР от 28 ноября 1989 г. «О выводах и предложениях комиссий по проблемам советских немцев и крымско-татарского народа»².

Вместе с тем и в Крымском обкоме КПУ росло понимание необходимости изменения статуса Крыма, тем более что общественное давление по данной проблеме остановить уже было невозможно. Многие здесь зависело от личной позиции первого секретаря Н. В. Багрова, который в своих воспоминаниях писал: «Впервые официально о необходимости поиска путей решения этой проблемы было заявлено на январском (1990 г.) пленуме обкома партии по межнациональным отношениям». «Мы, — подчеркнул он в своем докладе на этом пленуме, — за идею Крымской АССР в составе Украины, тем более что решение данного вопроса в условиях перехода области на региональный хозрасчет позволит нам получить большую экономическую самостоятельность, лучше решать наши проблемы, в том числе и проблемы межнациональных отношений»³. В этом докладе Н. В. Багров обозначил возможный будущий статус Крыма как территориального, многонационального автономного государства.

Вопрос о повышении статуса Крыма активно обсуждался в ходе кампании по выборам депутатов Верховного совета Украинской ССР и Крымского областного совета депутатов, которые состоялись в марте 1990 г. Эта тема использовалась многими кандидатами в депутаты, а некоторые из них включили ее в предвыборные

¹ Губогло М. Н., Червоная С. М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 1.

² Об этом подробнее см.: Мальгин А. В. Крымский узел: Очерки политической истории полуострова, 1989–1999. Симферополь, 2000.

¹ Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. С. 96.

² Ведомости Верховного Совета СССР. 1989. 29 ноября. № 25. С. 669.

³ Крымская правда. 1990. 7 января.

программы. Избранные впоследствии депутатами облсовета С. А. Ефимов, Н. В. Косухин, Ю. Д. Розгонюк, В. Г. Зарубин и др. открыто предлагали решить проблему повышения статуса Крыма на общекрымском референдуме.

Вопрос о республиканском статусе Крыма стал настолько актуальным, что был включен в повестку дня первой сессии только что избранного Крымского областного совета депутатов, состоявшейся в апреле 1990 г. В ходе ее работы депутаты Б. В. Кизилов и Ю. А. Мешков предлагали провозгласить восстановление республики на съезде народных депутатов всех уровней. Второй секретарь Крымского обкома партии Л. И. Грач считал необходимым собрать «съезд народов Крыма», где и принять соответствующее решение. Однако депутатам не удалось прийти к приемлемому для всех варианту.

В то же время новый состав Верховного совета Украинской ССР с 1 января 1990 г. ввел в действие Закон УССР «О языках», который придавал украинскому языку статус единственного государственного языка на всей территории республики. Это было сделано несмотря на то, что около 50% населения Украины и 90% крымчан использовали в общении исключительно русский язык. 16 июня 1990 г. Верховный совет Украинской ССР под давлением Народного руха принял «Декларацию о суверенитете», ставшую важным шагом в процессе выхода Украины из состава СССР.

12 ноября 1990 г. в Симферополе состоялась внеочередная сессия Крымского областного совета депутатов, специально рассмотревшая вопрос о статусе полуострова. В принятой «Декларации о государственном и правовом статусе Крыма» отмечалось: «Крымский областной совет народных депутатов... заявляет о праве народов Крыма на воссоздание государственности в форме Крымской АССР как субъекта Союза ССР и участника союзного договора. Реализация этого права должна быть осуществлена исключительно на основе волеизъявления народа путем референдума»¹. Крымский областной совет также утвердил Временное положение о референдуме и порядке его проведения на территории Крымской области.

Проведение референдума поддержали многие общественно-политические организации и движения, в том числе «Мемориал», «Демократическая Таврида», «Экология и мир» и др. Однако Организация крымско-татарского национального движения во главе с М. Джемилевым призвала избирателей из числа крымских татар бойкотировать референдум.

20 января 1991 г. Общекрымский референдум состоялся. Это был первый референдум в СССР. В голосовании по вопросу «Вы за воссоздание Крымской АССР как субъекта Союза и участника союзного договора?» приняли участие 1 441 019 человек, или 81,37% жителей полуострова. Проголосовали за воссоздание республики 1 343 255 человек (93,26% от принявших участие в голосовании)².

24 января 1991 г. сессия Крымского областного совета утвердила итоги референдума и обратилась к Верховному совету УССР с предложением внести изменения в Конституцию Украинской ССР, закрепляющие его результаты.

¹ Крымская правда. 1990. 13 ноября.

² Крымская правда. 1991. 22 января.

12 февраля 1991 г. Верховный совет Украинской ССР принял Закон «О восстановлении Крымской Автономной Советской Социалистической Республики». Крымская АССР восстанавливалась в пределах территории Крымской области в составе УССР. Крымский областной совет до создания нового высшего органа признавался «высшим органом государственной власти на территории Крымской АССР». В месячный срок полагалось избрать депутатов Крымской АССР от общественных организаций, национально-культурных обществ и других объединений депортированных народов Крыма, а также из числа депутатов Севастопольского горсовета. За законопроект проголосовали 253 депутата Верховного совета УССР из 355 депутатов, принимавших участие в поименном голосовании (всего в составе Верховного совета числились 450 депутатов). Весной 1991 г. формирование законодательной и исполнительной власти Крымской АССР завершилось. Верховный совет возглавил Н. В. Багров, а Совет министров — В. В. Курашик.

После воссоздания Крымской республики председатель Верховного совета Крымской АССР Н. В. Багров вошел в состав участников «Новоогаревского процесса», в ходе которого велась подготовка к подписанию нового Союзного договора. Согласованный 23 июля 1991 г. проект Союзного договора Суверенных Государств предоставлял автономиям равное с союзными республиками право на полномасштабное участие в формате нового Союза. При этом проект предусматривал, что «отношения между государствами, одно из которых входит в состав другого, регулируются договором между ними, Конституцией государства, в которое оно входит, и Конституцией СССР».

4 июля 1991 г. Верховный совет Крымской АССР рассмотрел проект Союзного договора. Сессия уполномочила Н. В. Багрова как председателя Верховного совета Крыма подписать Договор о Союзе Суверенных Государств с учетом предложений Верховного совета Украинской ССР и Верховного совета Крыма.

Воссоздание Крымской Автономной Советской Социалистической Республики стало одним из важнейших событий новейшей истории Крыма. Оно позволило защитить гражданские права населения Крыма в условиях приближавшегося распада Союзного государства, на раннем этапе становления независимой Украины избежать острой конфронтации на этнической почве и сформировать механизм интеграции репатриантов — крымских татар и представителей других этнических групп в состав многонационального крымского сообщества.

§ 3. Крымско-татарское движение в 1991 г. Курултай: курс на этническое государство

Процесс возвращения крымских татар отличался чрезвычайно высокой динамикой: в 1979 г. в Крыму проживали 5422 крымских татарина, в 1988 г. — 17 500, в 1989 г. — 38 365, в 1990 г. — 83 116. К августу 1991 г. численность крымских татар на полуострове достигла 142 200 человек.

Это намного превышало темпы, заложенные в Комплексной программе. Организация крымско-татарского национального движения быстро включилась в проведение земельных самоуправлений и борьбу с властями. Ее представители обвиняли Крымский обком КПУ и облисполком в сознательном создании препятствий крымским татарам в процессе их возвращения, недостаточном выделении им земельных участков, в то время как земля активно предоставлялась под дачные участки местному населению и обеспечивались жильем привлекаемые в Крым славянские переселенцы (называлась цифра — 10 тыс. человек в 1990 г.).

По данным Комитета по делам депортированных народов, крымскими татарами к июлю 1991 г. явочным порядком было занято 9645 участков, из них 7265 участков через некоторое время были узаконены и оформлены в установленном порядке. Подобные самоуправы, в несколько меньших масштабах продолжавшиеся и в последующие годы, спровоцировали столкновения репатриантов с органами правопорядка, а порой и с местным населением. Наиболее крупными были инциденты в селах Молодежном и Нижние Орешники близ Симферополя, селе Садовом Нижнегорского района, селах Запрудное и Краснокаменка, совхозе «Ливадия» на Южном берегу Крыма. Конфликт в селе Плодовое Бахчисарайского района поставил власти лицом к лицу с практически сформировавшимся этническим противостоянием.

Государственные власти и лидеры движения крымских татар по-разному представляли себе процесс возвращения крымских татар на полуостров, вопрос восстановления гражданских прав представителей этого народа, его место в политической жизни Крыма, роль репатриантов и их организаций в развитии полуострова.

С самого начала деятельности общественного движения крымских татар одним из его главных требований к власти, наряду с возвращением и обустройством этого народа в Крыму, стало требование обеспечить им право на самоопределение, которое трактовалось как право на восстановление национальной государственности крымско-татарского народа на всей территории Крыма. И Организация крымско-татарского национального движения, и Национальное движение крымских татар рассматривали Крымскую АССР 1921–1944 гг. в качестве национально-территориального автономного государственного образования крымских татар «как единственного коренного народа Крыма»¹. Крымские власти, в свою очередь, трактовали Крымскую АССР как региональную автономию всего населения Крыма, обусловленную традиционной многонациональностью этого региона и обеспечивавшую равные гарантии развития всем этническим общинам полуострова. В то же время представители республиканских властей далеко не всегда учитывали тяжелое положение, в котором находились репатрианты, а зачастую и не стремились оперативно реагировать на возникавшие проблемы и острые ситуации.

С 1990 г. Организация крымско-татарского национального движения взяла курс на проведение в Крыму национального съезда (Курултая), который мыслился как первый шаг к воссозданию национальной государственности.

Съезд состоялся 26–30 июня 1991 г. в Симферополе. В его организации самое деятельное участие приняла крымская администрация в надежде наладить конструктивный диалог с татарским движением, однако с самого начала съезд отказался от сотрудничества с властями. Основным документом, принятым на Курултае, была так называемая «Декларация о национальном суверенитете крымско-татарского народа». Пункт 1 Декларации гласил: «Крым является национальной территорией крымско-татарского народа, на которой только он обладает правом на самоопределение, так как оно изложено в международных правовых актах, признанных международным сообществом. Политическое, экономическое, духовное и культурное возрождение крымско-татарского народа возможно только в его суверенном национальном государстве. К этой цели будет стремиться крымско-татарский народ, используя все средства, предусмотренные международным правом»; пункт 4 Декларации провозгласил землю и природные ресурсы Крыма «основой национального богатства крымско-татарского народа». Курултай высказался против признания восстановленной на референдуме 20 января 1991 г. Крымской АССР, ее государственных органов: «Крымская АССР, восстанавливаемая не как национально-территориальное образование, рассматривается как попытка юридического закрепления результатов депортации... и не признается Курултаем в таком виде». «В случае противодействия государственных органов, — говорилось далее в Декларации, — или каких-либо иных сторон достижению целей, провозглашенных Курултаем, Курултай оставляет за собой право объявить крымско-татарский народ народом, борющимся за свое национальное освобождение»¹.

Курултай провозгласил образование Меджлиса как «высшего полномочного представительного органа крымско-татарского народа». При этом лидеры движения неоднократно подчеркивали, что Меджлис не является обычной общественной организацией. Они рассматривали его как «орган альтернативной государственной власти». Председателем Меджлиса стал М. Джемилев.

Тем самым были заложены основы для конфликтных отношений между крымской властью и обществом с одной стороны и организованным крымско-татарским политическим движением с другой. В постановлении Верховного совета Крымской АССР от 29 июля 1991 г. «О съезде (Курултае) представителей крымских татар» решения «о провозглашении Крыма национальной территорией крымско-татарского народа с символами и атрибутами государства, исключительным правом собственности на землю и природные ресурсы, а также попытку создания параллельных структур власти и управления» были признаны незаконными.

Конфронтация между властью и Меджлисом приобрела вскоре не только идейный, но и прямой политический характер. 2 августа 1991 г. в ответ на самовольные захваты земли в поселке Молодежное Симферопольского района органами правопорядка было снесено 200 незаконно возведенных времянки крымских татар. 18 августа Меджлис собрал своих сторонников на протестный митинг

¹ Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. Т. 1. С. 171.

¹ Губогло М. Н., Червонная С. М. Крымско-татарское национальное движение. М., 1992. Т. 2. С. 109–111.

в городском парке Симферополя. Вероятно, открытого противостояния крымских властей с Меджлисом крымских татар уже было не избежать, если бы не события 19 августа 1991 г.

§ 4. Крым на завершающем этапе существования СССР

19 августа 1991 г., когда президент СССР М. С. Горбачев находился на отдыхе в своей летней крымской резиденции «Заря» на мысе Сарыч вблизи Фороса, в Москве группа высокопоставленных должностных лиц, выступивших против подписания проекта нового Союзного договора Содружества Суверенных Государств и пытавшихся изменить осуществлявшийся в стране политический курс, объявила о переходе всей полноты власти к Государственному комитету по чрезвычайному положению в СССР (ГКЧП) и о фактическом отстранении президента М. С. Горбачева от власти «в связи с невозможностью выполнения им своих обязанностей по состоянию здоровья».

Накануне, в воскресенье 18 августа, заговорщики, возглавляемые генералом В. И. Варенниковым, встречались в Крыму с М. С. Горбачевым, пытались убедить его санкционировать их действия. Не давший путчистам однозначного положительного ответа М. С. Горбачев был изолирован в своей крымской резиденции (свидетелями чему стали некоторые депутаты Верховного совета Крымской АССР во главе с Ю. А. Мешковым, 20 августа отправившиеся в Форос для выяснения ситуации), отключен от каналов связи, его средства авиасообщения были заблокированы в аэропорту Бельбек.

В Москве ГКЧП объявил о введении чрезвычайного положения «в отдельных местностях СССР», в столицу были введены войска и боевая техника. В трехдневном противостоянии со своими противниками, сплотившимися вокруг президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, ГКЧП потерпел неудачу. 21 августа ГКЧП был распущен, все его решения признаны недействительными. 22 августа М. С. Горбачев вернулся в Москву, путчисты были арестованы.

Как и в большинстве других регионов Советского Союза, в вопросе поддержки ГКЧП общественное мнение Крыма разделилось. Верховный совет Крымской АССР принял довольно обтекаемое заявление, суть которого заключалась в призыве населения полуострова к спокойствию¹. Позже, при расследовании обстоятельств путча в Верховном совете Украинской ССР, это позволило Н. В. Багрову сохранить свой пост и продолжить карьеру. По итогам последующих расследований в отставку был отправлен поддержавший ГКЧП командующий Черноморским флотом адмирал М. Н. Хронопуло.

Для Крымской АССР важнейшим последствием этих событий стало то, что 24 августа 1991 г. Верховный совет Украинской ССР принял Акт провозглашения не-

зависимости Украины, и последующие события в Крыму стали происходить в совершенно иных условиях.

После августовских событий 1991 г. вопрос о статусе Крыма перешел в новую плоскость. Первым актом Верховного совета Крымской АССР, принятым после путча, стала «Декларация о государственном суверенитете Крыма» от 4 сентября 1991 г.¹ Она провозглашала принцип верховенства в Крыму местных законов и одновременно заявляла об уважении территориальной целостности Украины. В принятом в тот же день Обращении Верховного совета Крымской АССР к Верховному совету УССР отмечалось, что крымские депутаты восприняли решение о провозглашении независимости Украины «как решительную меру законодателей по обеспечению гарантий свободного экономического, социально-культурного и духовного развития Украины... как стремление занять достойное место в мировом содружестве наций». Также предлагалось «ускорить конституционно-договорное разграничение полномочий между законодательной, исполнительной и судебной властью Украины и входящей в ее состав Крымской АССР».

Большинство населения Крыма рассматривало возможный распад Советского Союза негативно. На Всесоюзном референдуме о сохранении СССР как обновленной федерации равноправных суверенных республик, состоявшемся 17 марта 1991 г., за сохранение Союза высказались 85% крымчан.

В августе и осенью 1991 г. в республике образовался ряд общественных организаций, начавших борьбу за независимый политический статус Крыма, прежде всего подразумевая при этом сохранение тесных связей с Россией. «Республиканское движение Крыма» (лидер Ю. А. Мешков), «Движение 20 января», «Демократическая Таврида», «Русское общество Крыма» выступили с требованием проведения до 1 декабря 1991 г., когда должен был состояться Всеукраинский референдум о подтверждении Акта провозглашения независимости Украины, Всекрымского референдума по вопросу «Вы ЗА самостоятельную республику Крым в союзе с другими государствами?». После того как Верховный совет Крыма, где преобладали умеренные круги, отказался обсуждать вопрос о референдуме, активисты «Республиканского движения Крыма» организовали коллективную голодовку протеста у здания Крымского парламента в Симферополе.

Парламентское большинство и правительство Крыма придерживались более умеренных взглядов. Председатель Верховного совета Н. В. Багров выдвинул программу укрепления самостоятельности Крыма в составе Украины при сохранении его связей с Россией и СНГ, по существу, носившую федералистский характер, хотя сам спикер и его окружение старались избегать термина «федерализм» как неприемлемого для украинского руководства.

Власти независимой Украины развернули массированную пропагандистскую кампанию, построенную на том, что Украина — богатая страна, эксплуатируемая Советским Союзом, и после обретения независимости ее ждет процветание. Они не скупилась на многочисленные гарантии сохранения прежних экономиче-

¹ Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. С. 155–191.

¹ Крымская правда. 1991. 5 сентября.

ских и гуманитарных связей с республиками, высокого статуса русского языка. Это отразилось на результатах референдума 1 декабря 1991 г. в Крымской АССР, в котором приняли участие 67,7% избирателей. На вопрос референдума «Подтверждаете ли вы Акт провозглашения независимости Украины?» положительный ответ дали лишь 54,2% участвовавших в голосовании, 42% проголосовали против¹. Эти результаты кардинально отличались от общего итога по всей Украинской ССР: за независимость высказались более 90% проголосовавших.

Руководство РСФСР, устанавливая двухсторонние отношения с УССР, вопрос о Крыме не ставило. В соответствии со статьей 6 Договора, подписанного 19 января 1990 г. Председателем Верховного совета РСФСР Б. Н. Ельциным и Председателем Верховного совета Украинской ССР Л. М. Кравчуком: «Высокие договаривающиеся стороны признают и уважают территориальную целостность РСФСР и УССР в ныне существующих в рамках СССР границах»².

В ходе официальных переговоров, предшествовавших подписанию «Соглашения о создании Содружества Независимых Государств» 8 декабря 1991 г. в Беловежской Пуще, по предложению президента Украины Л. М. Кравчука этот вопрос также не обсуждался³. Позиция российского руководства в этот период объяснялась заинтересованностью в сохранении «братских» и партнерских взаимоотношений с Украиной, чему должен был служить принцип «нерушимости границ», и, по-видимому, уверенностью в стабильности и дружественности украинского государства в дальнейшем.

¹ Крымские известия. 1991. 6 декабря.

² Договор между Российской Советской Федеративной Социалистической Республикой и Украинской Советской Социалистической Республикой (19 ноября 1990 г., г. Киев) // Российско-украинские отношения 1990–1997 гг.: сборник документов. М., 1998. С. 109.

³ Леонид Кравчук: «В Беловежской Пуще Ельцин не требовал вернуть Крым» [Электрон. ресурс] // Комсомольская правда. 2016. 8 декабря. URL: <https://kp.ua/politics/560120-leonyd-kravchuk-v-belovezhskoi-pusche-eltsyn-ne-treboval-vernut-krum> (дата обращения: 19.03.2017).

Глава 33

Крым после распада СССР: между Россией и Украиной. 1991–2004 гг.

А. В. Мальгин

§ 1. Проблема Черноморского флота и первые попытки ее разрешения

30 декабря 1991 г. страны — участники СНГ подписали ряд документов по военным вопросам, в соответствии с которыми государства СНГ получали право создавать свои вооруженные силы на базе частей Вооруженных сил СССР, дислоцировавшихся на территории этих государств, кроме тех из них, которые признавались «стратегическими силами» и должны были остаться под объединенным командованием. Однако у сторон, подписавших пакет военных документов, не было единого представления о том, что входит в понятие «стратегические силы» и каковы должны быть их статус и условия размещения на территории новых государств¹.

В первые дни 1992 г. президент Украины Л. М. Кравчук заявил о начале строительства Вооруженных сил Украины. 5 января Министерство обороны Украины начало приводить к присяге на верность Украине войска, дислоцировавшиеся в республике. В большинстве частей и соединений принятие присяги прошло без каких-либо осложнений, исключение составили некоторые стратегические части и Черноморский флот, командование которых отказалось выполнить решение украинских властей.

Черноморский флот являлся весьма крупным соединением Вооруженных сил бывшего Советского Союза. В 1990 г. он насчитывал в своем составе 833 кораб-

¹ О проблеме Черноморского флота см.: *Clarck D. L.* The Battle of the Black Sea Fleet // RFE/RL Research Report. 1992. 31 January; *Мальгин А.* Крымский узел...; *Савченко Н. А.* Анатомия необъявленной войны (Крым, Севастополь, Флот). 1991–199... Киев, 1997; *Горбачев С. П.* Севастополь в третьей обороне: 1991–199...: Хроника одного противостояния с элементами развала. Севастополь, 1995. Ч. 1: Год первый: под флагом Касатонова; Черноморский флот России: (исторический очерк). Симферополь, 2002. С. 384; *Касатонов И. В.* Записки командующего Черноморским флотом. М., 2002; *Чикин А. М.* На разломе. Черноморский флот: хроника противостояния (1992–1995 гг.). СПб., 1998; *Усов С. А.* Политико-правовые проблемы Черноморского флота и Севастополя в контексте распада Российской империи и СССР: Историко-политологический анализ. М., 2003; *Федоровых А. П.* Черноморский флот в российско-украинских отношениях: непростой путь от конфронтации к диалогу (1991–2000 гг.) // Труды Института российской истории. М., 2009. Вып. 8. С. 298–322.

ля и судна, в том числе 28 подводных лодок, два противолодочных крейсера, шесть ракетных крейсеров, 20 эсминцев и фрегатов, 410 единиц морской авиации и около 100 тыс. человек военнослужащих и персонала.

Получив соответствующие распоряжения Министерства обороны Украины, командующий флотом адмирал И. В. Касатонов заявил, что флот подчиняется командованию Военно-морского флота бывшего СССР — СНГ и не будет выполнять приказов министра обороны Украины. Двухдневные переговоры командования Черноморского флота и Министерства обороны Украины не привели к каким-либо результатам¹.

В январе 1992 г. на встрече глав государств СНГ в Москве были подписаны новые документы по военным вопросам, в частности Протокол рабочей встречи, в котором указывалось, что «ВМФ бывшего СССР входит в состав стратегических сил Содружества, за исключением части сил Черноморского флота, которые войдут в состав вооруженных сил Украины»². Однако оставался неурегулированным вопрос о размере этой «части». Украина полагала, что она должна составить около 80% флота. Главкомандующий Объединенными вооруженными силами СНГ Е. И. Шапошников заявил, что большая часть Черноморского флота должна остаться у Содружества³.

Между тем обстановка в Севастополе накалялась. Министерство обороны Украины в ряде частей и подразделений флота инициировало создание организаций Союза офицеров Украины, главной задачей которых был перевод флота под украинскую юрисдикцию. В течение января — марта 1992 г. украинскую присягу принял ряд частей флота, дислоцировавшихся преимущественно за пределами Крыма. Министерство обороны Украины предприняло даже попытку ареста адмирала И. В. Касатонина, в ответ на которую командование Черноморского флота усилило охрану своего штаба.

2 апреля Л. М. Кравчук обратился со специальным заявлением «к морякам-черноморцам, рабочим и служащим Черноморского флота». В нем президент Украины подверг резкой критике действия «руководства ВМФ бывшего СССР», которое якобы не считалось с интересами украинского государства⁴. В ответном заявлении президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина говорилось: «В случае чьих-либо попыток одностороннего изменения статуса Черноморского флота Российская Федерация будет вынуждена взять флот под свою юрисдикцию с последующей передачей в состав стратегических сил СНГ»⁵.

5 апреля Л. М. Кравчук подписал указ «О неотложных мерах по строительству вооруженных сил Украины», которым предписывалось сформировать Военно-морские силы Украины на базе сил Черноморского флота. В свою очередь, указом Б. Н. Ельцина «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморско-

го флота»¹ 7 апреля объявлялось о подъеме над кораблями российских военно-морских Андреевских флагов.

Стороны находились на грани открытого конфликта, который угрожал выходом Украины из СНГ. Ни одна из сторон не была заинтересована в подобном развитии событий. В этих условиях руководители двух государств воздержались от осуществления дальнейших действий, которые могли бы еще более осложнить ситуацию. 8 апреля 1992 г. начались переговоры делегаций Украины (руководитель — первый заместитель председателя Верховной рады В. В. Дурдинец) и России (руководитель — заместитель председателя Верховного совета РСФСР Ю. Ф. Яров). Президенты двух стран объявили о двустороннем моратории на действия своих указов. Однако напряженная ситуация с Черноморским флотом вновь вернула в повестку дня вопрос, который казался уже решенным, — вопрос о Крыме.

В начале 1992 г. многие российские политики высказались за пересмотр решений 1954 г. о передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР, а 23 января Верховный совет Российской Федерации большинством голосов принял резолюцию о рассмотрении специальной парламентской комиссией вопроса о правовой оценке решений высших органов государственной власти РСФСР, принятых по изменению статуса Крыма в 1954 г.

§ 2. Конфронтация между Киевом и Симферополем. Конституция Крыма 1992 г.

Проблема принадлежности Черноморского флота также оказала существенное влияние на внутрикрымские политические процессы². В феврале — марте 1992 г. Республиканское движение Крыма и ряд других общественных организаций развернули сбор подписей среди населения с требованием назначения нового референдума о судьбе полуострова. Ситуацию крайне обострило прибытие в Севастополь около 300 членов экстремистской украинской организации УНА — УНСО (Украинская Национальная ассамблея — Украинская народная самооборона), вызвавшее протесты населения. В начале марта 1992 г. Республиканскому движению Крыма удалось собрать свыше 200 тыс. подписей сторонников проведения референдума.

¹ *Clarck D.* The Battle of the Black Sea Fleet. P. 53.

² Независимая газета. 1992. 21 апреля.

³ *Горбачев С. П.* Севастополь в третьей обороне... С. 116.

⁴ Заява Президента України (2 квітня 1992 року) // Леонід Кравчук: «Є така держава — Україна». Київ, 1994. С. 77–79.

⁵ *Горбачев С. П.* Севастополь в третьей обороне... С. 161.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О переходе под юрисдикцию Российской Федерации Черноморского флота» // Российско-украинские отношения... С. 143.

² По проблеме украино-крымских взаимоотношений в 1990-х — начале 2000-х гг. см.: *Рибак Н. Б.* Автономна Республіка Крим: правові аспекти становлення // Вісник Київського інституту «Слов'янський університет». Київ, 2002. Вип. 12: Історія; *Котиленко О. Л.* Автономна Республіка Крим: проблеми правового статусу. Київ, 2002; *Sasse G.* The Crimea question: identity, transition, and conflict. Cambridge, MA, 2007; *Евтюшкин И. В.* Автономизация Крыма и распад политической системы СССР // УЗ ТНУ. Сер. Политические науки. 2005. Т. 19 (58), № 3. С. 79–98.

В этот же период активизировался и противоположный фланг политического спектра. Несколько небольших украинских групп — филиалов Народного руха, Украинской республиканской партии, Организации украинских националистов, общества «Просвита» — с примкнувшей к ним частью местной политической элиты, ориентированной на Киев, образовали новую общественную организацию «Крым с Украиной». Некоторые депутаты нескольких городских и районных советов севера Крыма заявили о намерении этих районов перейти к Херсонской области в случае провозглашения независимости Крыма.

В свою очередь, умеренное крыло Верховного совета Крымской АССР (оно было представлено в основном партиями «Союз в поддержку Республики Крым» и Партией экономического возрождения Крыма) разработало пакет документов по разграничению полномочий государственных органов Крыма и Украины. На переговорах делегации Крыма с представителями Украины в Киеве в марте 1992 г. стороны согласовали основные принципы решения проблемы, зафиксировав их в проекте Закона Украины «О разграничении полномочий Украины и Республики Крым», в целом предоставлявшем Крыму весьма широкую автономию. Однако Верховная рада Украины под давлением националистов проигнорировала эти договоренности и 22 апреля 1992 г. приняла Закон «О статусе Автономной Республики Крым», существенно урезающий сферу компетенции региональных властей.

Принятие Закона и характер его обсуждения на сессии Верховного совета Украины вызвали резко негативную реакцию в Крыму, где этот законодательный акт расценили как проявление региональной дискриминации. Но по-настоящему накалил ситуацию инцидент в штабе Крымского армейского корпуса Вооруженных сил Украины, связанный с отстранением от командования корпусом генерала В. Е. Кузнецова, отказавшегося дать утвердительный ответ представителю Министерства обороны Украины на вопрос: готов ли он в случае необходимости воевать с Россией? Конфликт получил широкую огласку. Ряд общественных организаций, выступавших за самостоятельность Крыма и его реинтеграцию с Россией, пикетировали здание штаба корпуса, блокировали автомобильное движение и организовали серию митингов у здания Верховного совета Крыма.

5 мая 1992 г. в Симферополе открылась сессия Верховного совета Крыма. Выступая на ней, председатель Н. В. Багров сказал о том, что принятый в Киеве «Закон о статусе Автономной Республики Крым» не может быть принят республикой в редакции, предложенной парламентом Украины. Это мнение разделялось большинством депутатского корпуса. Ю. А. Мешков и другие депутаты от Республиканского движения Крыма предлагали принять акт о независимости республики и вынести его на общекрымский референдум. В итоге Верховный совет принял Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым, где подчеркивался государственный статус Крыма, но не декларировался его выход из состава Украины¹.

6 мая Верховный совет Крыма принял Конституцию республики. В соответствии с ее основными положениями Республика Крым объявлялась «правовым, демократическим государством, обладающим на своей территории верховным правом в отношении природных богатств, материальных, культурных и духовных ценностей, осуществляющим свои суверенные права и всю полноту власти на данной территории». Носителем суверенитета и единственным источником государственной власти объявлялся народ — «граждане Республики Крым всех национальностей». Устанавливалось также, что Республика Крым входит в состав государства Украина и определяет с ним свои отношения на основе «договоров и соглашений»¹. Это была типичная Конституция для субъекта федерального государства, основанная на принципах, которые существовали в советской системе взаимоотношений союзного центра и республик. Такой подход противоречил взглядам представителей официального Киева, которые видели Украину унитарным государством и готовы были предоставить Крыму лишь административную автономию.

Невзирая на то что большинство депутатов склонялось к разрешению противоречий между Украиной и Крымом в духе федерализма, депутатам от Республиканского движения Крыма удалось добиться принятия Верховным советом постановления о назначении референдума о независимости.

Крым был готов к сопротивлению, и в этой решимости его поддержало командование Черноморского флота, выступившее со специальным заявлением. Тем не менее верный своей тактике компромиссов Н. В. Багров принял участие в сессии Верховного совета Украины, назначенной на 12 мая для обсуждения крымского вопроса. Спикер крымского парламента выступил с речью, в которой призвал украинскую сторону к продолжению диалога. Киев также стремился избежать конфронтации. Это было связано с тем, что позиции украинских властей в Крыму были достаточно слабы, к тому же развитие конфликта могло бы привести к перерастанию его в межгосударственный. Президент Украины Л. М. Кравчук заверил прибывшую на сессию крымскую делегацию в том, что при условии отмены некоторых наиболее радикальных актов самим Верховным советом Крыма работа по разграничению полномочий будет продолжена.

Вскоре, вопреки бурным протестам республиканцев, большинством голосов Верховный совет Крыма отменил принятый 5 мая Акт о провозглашении государственной самостоятельности Республики Крым с формулировкой «как фактически реализованное» и объявил бессрочный мораторий на референдум о статусе Крыма².

В условиях обострения крымско-украинских взаимоотношений 21 мая 1992 г. Верховный совет Российской Федерации принял постановление «О правовой

¹ Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. С. 258.

¹ Конституция Республики Крым (принята Седьмой сессией Верховного совета Крыма 6 мая 1992 г.) // Ведомости Верховного совета Крыма. 1992. № 7 (май — июнь). Док. 259.

² Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. С. 268–275.

оценке решений высших органов государственной власти РСФСР, принятых по изменению статуса Крыма в 1954 году», которое квалифицирует постановление Президиума Верховного совета РСФСР от 5 февраля 1954 г. «О передаче Крымской области из состава РСФСР в состав Украинской ССР» как антиконституционное, принятое с нарушением законодательной процедуры и не имеющее юридической силы¹. На следующий день, 22 мая, депутаты приняли заявление, где было отмечено, что Российская Федерация не выдвигает территориальных претензий к Украине, подтверждая неприкосновенность существующих границ, и предлагает решать проблему посредством переговоров.

Вскоре были сделаны и некоторые шаги по преодолению наметившегося противостояния между Симферополем и Киевом. 1 июня 1992 г. в Ялте прошли переговоры делегаций Президиумов Верховных советов Украины и Крыма во главе со спикерами обоих парламентов. В ходе переговоров совместно был разработан проект Закона Украины «О разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым»², принятый Верховным советом Украины 30 июня 1992 г., но его вступление в действие было отложено до того момента, когда Конституция Крыма будет приведена в соответствие с законодательством Украины.

25 сентября Верховный совет Крыма внес в Конституцию необходимые изменения. В частности, первая статья новой редакции Конституции была сформулирована так: «Республика Крым является правовым, светским государством в составе Украины... Осуществляет на своей территории все полномочия, кроме тех, которые составляют исключительную компетенцию органов государственной власти Украины»³.

Вступивший в силу Закон предоставлял достаточно широкие полномочия местным властям, оставляя в ведении центрального правительства вопросы обороны, вооруженных сил, внешней политики, государственной безопасности, единой избирательной и налоговой системы, связи и информации, общегосударственно-го транспорта, топливно-энергетической системы⁴.

После принятия Закона началась разработка основных положений проекта так называемого «режима открытой экономики» для Крыма, основная идея которого заключалась в том, чтобы преодолеть экономический кризис за счет получения большей экономической самостоятельности. В июне 1993 г. проект «режима открытой

экономики» был рассмотрен и в целом одобрен Верховным советом Крыма. 23 июня президент Украины Л. М. Кравчук подписал указ «О режиме открытой экономики на территории Республики Крым». Вскоре Верховным советом Крыма было принято постановление о разграничении собственности между Украиной и Крымом.

Тем не менее вступивший в действие Закон не был встроен в систему законодательства Украины как унитарного государства, его применение постоянно создавало противоречивые ситуации. Однако самым главным препятствием реализации и Закона, и «режима открытой экономики» в Крыму стал тяжелый экономический кризис на Украине, наступивший в следующем, 1993 г.

§ 3. Российско-украинские переговоры по Черноморскому флоту

Очередной этап переговоров президентов России и Украины по Черноморскому флоту состоялся 23 июня 1992 г. в Дагомысе (Сочи). Б. Н. Ельцин и Л. М. Кравчук договорились о создании на базе Черноморского флота двух флотов — российского и украинского, однако на переходный период Черноморскому флоту необходимо было оставаться под объединенным командованием, а военнослужащие должны приводиться к присяге того государства, гражданами которого они являлись¹.

Новое обострение ситуации было вызвано самовольным уходом в июле 1992 г. из базы Донузлав в Одессу под украинским флагом сторожевого корабля СКР-112. Командование Черноморского флота расценило этот инцидент как «провокацию, устроенную Министерством обороны Украины». Это стало поводом новой встречи президентов двух стран для переговоров о судьбе Черноморского флота, которая состоялась в августе 1992 г. в Мухалатке (Крым).

В результате переговоров было подписано соглашение², устанавливавшее трехлетний переходный период, в течение которого флот сохранялся единым под объединенным командованием. Также договорились о совместном базировании флота и о том, что призыв матросов будет осуществляться Россией и Украиной в равной пропорции (50 на 50%)³. Стороны брали ответственность за равное финансирование флота.

Однако уже в следующем году новые соглашения были подвергнуты существенной корректировке ввиду серьезных экономических трудностей, в которых оказалась Украина.

¹ Россия, Крым и город русской славы Севастополь... С. 8.

² Протокол и Заявление об итогах консультативной встречи Президиума ВС Украины и Президиума ВС Крыма // Ведомости Верховного совета Крыма. 1992. № 7 (май — июнь). Док. 284.

³ Конституция Республики Крым (принята Седьмой сессией Верховного совета Крыма 6 мая 1992 года. С изменениями и дополнениями, внесенными на Девятой сессии ВС Крыма 25 сентября 1992 г.). Симферополь, 1992.

⁴ Закон Украины о разграничении полномочий между органами государственной власти Украины и Республики Крым (название в редакции от 30 июня 1992) // Крымские известия. 1993. 21 января. См. также: Solchanyk R. The Crimean Imbroglio: Kiev and Simferopol // RFE/RL Research Report. 1992. 21 August. P. 13–16.

¹ Solchanyk R. Ukrainian-Russian Summit at Dagomys // RFE/RL Research Report. 1992. 24 July.

² Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о принципах формирования ВМФ России и ВМС Украины на базе Черноморского флота бывшего СССР // Российско-украинские отношения... С. 150.

³ Савченко Н. А. Анатомия необъявленной войны... С. 84–95.

В конце 1992 г. Кабинетом министров Украины было принято решение о либерализации розничных цен. Только в январе 1993 г. цены выросли приблизительно на 100%, к маю — еще на 50%. Наиболее ощутимым был скачок цен в июне 1993 г. В итоге за первое полугодие 1993 г. цены в государственной и кооперативной торговле по сравнению с тем же периодом 1992 г., согласно официальным данным, выросли в 18 раз. Столь же угрожающим был рост цен на коммунальные услуги и пассажирский транспорт: за первую половину 1993 г. они подорожали в 26 и 40 раз соответственно.

Стремительный рост цен был вызван обвальной инфляцией украинской денежной единицы — карбованца. Согласно некоторым данным, темпы инфляции на Украине в 1993 г. составили 2500%. К концу 1993 г. 1 доллар США стоил 30 тыс. украинских карбованцев. В это же время доход на одного работающего на госпредприятиях в сентябре 1993 г. составлял около 4 долларов.

Угрожающие размеры приобрел спад промышленного и сельскохозяйственного производства. К осени 1993 г. он составил 11,3%. Это сразу же сказалось на финансировании флота. В условиях стремительного обесценения украинской денежной единицы доля Украины в его содержании неуклонно сокращалась.

В апреле 1993 г. Б. Н. Ельцин подписал указ о повышении денежного довольствия военнослужащим Черноморского флота. Это нанесло серьезный удар по Военно-морским силам Украины, где денежное содержание оставалось прежним. Поскольку финансирование флота осуществлялось через банковские структуры Украины, украинские власти попытались вмешаться в процесс распределения средств, одновременно значительно сократив свое финансовое участие в содержании флота. Во многом именно этим обстоятельством был вызван последовавший вскоре крупный демарш на Черноморском флоте. 18 мая на кораблях дивизиона судов обеспечения крымской военно-морской базы были подняты Андреевские флаги Военно-морского флота России. Вскоре уже более 200 кораблей Черноморского флота стояли на рейдах Севастополя под российскими стягами. Фактически Украина оказалась перед лицом потери Черноморского флота. Киевские власти были не в состоянии что-либо противопоставить этому процессу, кроме угроз выйти из режима ялтинских договоренностей.

17 июня 1993 г. президенты России и Украины встретились в Москве (Завидово), где подтвердили прежние договоренности по Черноморскому флоту и подписали соглашение о разделе не только кораблей, но и береговой инфраструктуры¹. Таким образом, Россия сохраняла за собой военно-морскую базу в Севастополе. Однако это не удовлетворило антиельцинское парламентское большинство, требовавшее немедленного признания флота российским. 9 июля 1993 г. Верховный совет Российской Федерации принял постановление «О статусе города Севастополя»,

¹ Соглашение между Российской Федерацией и Украиной о неотложных мерах по формированию Военно-морского флота России и Военно-морских сил Украины на базе Черноморского флота (17 июня 1993 г., Москва) // Российско-украинские отношения... С. 154.

в котором объявил о «переходе его под российскую юрисдикцию». Вызвавшее бурную реакцию в Киеве, это решение парламента не было имплементировано¹.

3 августа 1993 г. в крымском местечке Массандра (Ялта) состоялись очередные переговоры Б. Н. Ельцина и Л. М. Кравчука. По воспоминаниям председателя Верховного совета Крыма Н. В. Багрова, традиционно принимавшего участие в российско-украинских переговорах по Черноморскому флоту, «все началось не с проблемы флота, а с долгов Украины за нефть и газ. Поскольку тогда убедительные ответы украинскому руководству дать было трудно, возникла идея заплатить за долги частью флота... Пригласили президентов, и тогда Б. Ельцин сказал, что готов покупать Черноморский флот, а Л. Кравчук — что продавать»².

Стороны достигли соглашения о том, что большая часть украинской половины Черноморского флота будет «выкуплена» Россией (порядка 30%). Фактически Украина обязалась рассчитаться по долгам своей частью флота, в свою очередь Россия гарантировала поставки энергоносителей Украине по специальным ценам.

§ 4. Блок «Россия»

Серьезное ухудшение экономического положения Украины в 1993 г. привело к активизации протестного движения в Крыму, характерной особенностью которого стал резкий рост популярности лозунгов реинтеграции с Россией. В январе 1994 г., в преддверии выборов президента Крыма и депутатов местного парламента, две крупнейшие пророссийские организации — Республиканское движение Крыма и Народная партия Крыма — заявили о создании предвыборного блока «Россия», выдвинув его лидера Ю. А. Мешкова кандидатом в президенты Крыма. Он предлагал избирателям отмену моратория на проведение референдума о статусе Крыма, который позволил бы восстановить «единство с Россией», всемерное содействие интеграции в рамках СНГ, двойное гражданство, прохождение армейской службы крымчанами только на территории полуострова, возвращение Крыма в рублевую зону.

По результатам выборов, состоявшихся в январе 1994 г., в борьбе с пятью соперниками, среди которых был и председатель Верховного совета Крыма Н. В. Багров, убедительную победу одержал Ю. А. Мешков, набравший 72,92% голосов избирателей (за Н. В. Багрова проголосовали 23,35%).

Успех Ю. А. Мешкова как кандидата блока «Россия» повторился и на выборах в Верховный совет Крыма. За список блока «Россия» отдали свои голоса 66,8% избирателей, за Коммунистическую партию Крыма — 11,6%, за Партию экономического возрождения Крыма — 7,1%.

Это, однако, не означало решительного перевеса большинства над оппозицией в новом парламенте. К тому же обе партии, образовавшие блок «Россия»,

¹ Заявление Президиума ВС Украины // Россия, Крым и город русской славы Севастополь... С. 112.

² Багров Н. В. Крым. Время надежд и тревог. С. 165.

представляли собой достаточно аморфные ассоциации, не имеющие устойчивых структур на местах. Верховный совет Крыма возглавил один из активных деятелей Республиканского движения Крыма, в прошлом депутат Верховного совета Украины С. П. Цеков.

Выступая за самый широкий федерализм и тесный союз с Россией, президент Крыма Ю. А. Мешков и его сторонники не могли избежать конфронтации с украинскими властями. Этому во многом способствовало решение Ю. А. Мешкова о проведении 27 марта 1994 г., во время первого тура парламентских выборов, «консультативного опроса». Избирателям предлагалось ответить на три вопроса: о восстановлении Конституции Крыма от 6 мая 1992 г. в полном объеме, о двойном гражданстве и о предоставлении президенту Крыма права издавать указы со статусом законов. Несмотря на то что президент Украины Л. М. Кравчук объявил плебисцит незаконным, он состоялся. Раздражение Киева вызывали переход Крыма на московское время и решение Верховного совета не отправлять призывников из Крыма в украинскую армию за пределы полуострова.

Вскоре разгорелась борьба за контроль над силовыми ведомствами в Крыму. С целью недопущения готовившегося перехода крымских территориальных подразделений Министерства внутренних дел, Службы безопасности Украины, Министерства юстиции, прокуратуры в полное подчинение Киева Ю. А. Мешков произвел замену их руководителей.

Пиком противостояния Киева и Симферополя явилось восстановление Верховным советом Крыма 20 мая 1994 г. Конституции Республики Крым в редакции от 6 мая 1992 г. (т. е. без позднейших поправок), в которой был заложен договорной принцип взаимоотношений Украины и Крыма¹.

Напряженность во взаимоотношениях с Киевом создала неблагоприятную атмосферу для внутрикрымских экономических реформ. Крым перестал получать кредиты от центрального правительства. Кроме того, Киев начал осуществление блокадных мероприятий, прекратив поставки горюче-смазочных материалов сельхозпредприятиям республики. Бойкот выборов в Верховный совет Украины, состоявшийся 27 марта 1994 г., лишил блок «Россия» возможности в дальнейшем влиять на принятие решений в Киеве. В борьбе за силовые структуры крымские власти проиграли.

Реформирование крымской экономики на рыночных принципах, осуществление приватизации было частью экономической программы Ю. А. Мешкова и его сторонников из блока «Россия», которые наивно пытались совместить рыночную экономику с желанием практически в полном объеме сохранить социальные гарантии для населения. В качестве руководителя нового крымского правительства в ранге первого вице-премьера пригласили известного российского экономи-

ста Е. Ф. Сабурова и поручили ему формирование кабинета (в который вошел ряд российских специалистов)¹.

Е. Ф. Сабуров видел Крым своеобразной офшорной зоной и «кассово-расчетным центром между республиками бывшего Союза». Предполагалось осуществить либерализацию банковской деятельности с целью привлечения иностранных и российских инвестиций в экономику, а также оптимизировать налогообложение, ввести поливалютный режим, осуществить программу приватизации. В аграрной сфере реформаторы планировали, сохранив государственную собственность на землю, перейти к практике долгосрочной аренды земли сельскохозяйственными производителями².

Реализация правительственной программы началась с подписания 11 апреля 1994 г. Ю. А. Мешковым серии указов, вводивших упрощенную систему налогообложения, предоставлявших субъектам хозяйственной деятельности возможность продавать заработанную валюту по коммерческому курсу, устанавливавших автономность республиканского банка Крыма. Были реализованы некоторые другие мероприятия, существенно облегчавшие порядок открытия частных предприятий и создававшие более благоприятные условия для деятельности частного сектора в экономике.

В целом же результаты реформирования крымской экономики существенно отличались от ожидаемых. Крымские мероприятия, конечно, не могли переломить неблагоприятных тенденций в экономическом развитии Украины и последствий гиперинфляции 1993 г. Инициативы крымского правительства существенно расходились с курсом украинских властей, в условиях отсутствия нормального разграничения полномочий между Украиной и Крымом постоянно наталкивались на противодействие Киева и, в сущности, не могли быть проведены в жизнь.

Кроме того, работа Совета министров столкнулась с сильной оппозицией в парламенте республики. Основную критику обрушила на правительство Партия экономического возрождения Крыма, представлявшая интересы местных (в значительной степени теневых) предпринимательских структур, опасавшихся, что деятельность правительства Е. Ф. Сабурова приведет к их вытеснению из контролируемых секторов экономики. Впоследствии к этой критике присоединились и многие представители блока «Россия», недовольные кадровой политикой президента Крыма Ю. А. Мешкова. По оценке самого Е. Ф. Сабурова, действительным предметом спора между законодательной и исполнительной властью был раздел собственности в ходе предстоявшей приватизации. Весной 1994 г. Верховный совет наложил

¹ Конституция Республики Крым (С изменениями и дополнениями, внесенными Законами Республики Крым от 07.09.1994 № 160-1 и от 05.10.1994 № 204-1) // Ведомости Верховного совета Крыма. 1994. № 4. С. 228.

¹ Указ Президента Республики Крым об изменениях в системе центральных органов государственной исполнительной власти // Крымская газета. 1994. 21 апреля.

² Интервью с Е. Сабуровым // Крымская газета. 1994. 2 марта; Программа аграрной реформы в Республике Крым // Крымские известия. 1994. 15 июня. См. также: Программа проведения экономических реформ в Республике Крым на 1994–1998 гг. // Ведомости Верховного совета Крыма. 1994. № 2 (май — июль). С. 138–151.

мораторий на приватизацию по схеме, предложенной Советом министров, что поставило под вопрос осуществление каких-либо экономических преобразований.

В начале сентября на очередную сессию Верховного совета был вынесен ряд законопроектов, существенно ограничивавших полномочия президента. В ответ на это 11 сентября Ю. А. Мешков по радио обнародовал пять своих указов, которыми приостанавливалась деятельность Верховного совета Крыма и советов всех уровней, создавался особый Конституционный совет, который должен был представить проект новой Конституции, намечалось проведение референдума для принятия Конституции, а также выборы в новый парламент Крыма.

Действия президента Крыма объединили против него как давних оппонентов, так и бывших соратников, на стороне которых выступил Киев. Через три дня Ю. А. Мешков отменил свои указы. 15 сентября Верховный совет Крыма выразил вотум недоверия правительству Е. Ф. Сабурова, назначив на должность премьер-министра А. Р. Франчука, одного из министров в сабуровском правительстве, тесно связанного с украинской политической элитой, родственника президента Украины Л. Д. Кучмы. В сентябре — октябре 1994 г. Крым посетили несколько украинских комиссий, посланных для «оказания помощи» в преодолении кризиса. Эти комиссии сделали очень многое, чтобы наладить тесные отношения с правительством Крыма, превратив его, по существу, в проводника киевской политики.

В конце сентября ситуацию на полуострове рассмотрела Верховная рада Украины и вынесла постановление, обязывающее Верховный совет Крыма привести свою Конституцию и законы в соответствие с украинским законодательством. Это требование вызвало раскол в крымском парламенте. Около половины депутатов, преимущественно члены фракций «Реформа» и «Курултай», выступали за уступки украинской стороне, однако сторонники фракций «Россия», «Россия — единство», «Республика» высказывались против этого. В результате требуемое Украиной решение так и не было принято. В ответ Верховная рада Украины отменила 40 законодательных актов Крыма.

Все предпосылки для прямого вмешательства Киева в крымскую ситуацию сложились к весне 1995 г. К этому времени внутрикрымский политический кризис привел к параличу власти. Ни одна из властных структур, ни один политический лидер не имели массовой поддержки. Разочарование большинства крымского населения в своей элите выразилось в представлении о том, что крымскую власть пронизали мафиозные кланы. Политические структуры партий, составивших блок «Россия», пришли в упадок. Киев, напротив, сохранил и упрочил контроль над важнейшими сферами управления.

Также сказывались тяжелая экономическая ситуация на полуострове в связи с засухой 1994 г. и всплеск преступности. Кроме того, режим Ю. А. Мешкова проиграл «информационную войну»: украинским и прокиевски настроенным местным средствам массовой информации удалось создать неблагоприятный образ крымских властей в глазах населения Крыма и мирового сообщества.

17 марта 1995 г. Верховная рада Украины, рассмотрев на закрытом заседании вопрос о политико-правовой ситуации в Крыму, приняла законы «Об отмене

Конституции и некоторых законов Автономной Республики Крым», «Об Автономной Республике Крым» и ряд постановлений, в соответствии с которыми: отменялась действующая Конституция республики, упразднялся пост президента, отменялись законы о местных выборах, постановления о Фонде госимущества Крыма и другие акты по вопросам собственности. Согласно новому Закону «Об Автономной Республике Крым» республика получала статус «административно-территориальной автономии в составе Украины», Конституция Крыма подлежала обязательному утверждению Верховной радой Украины. Закон устанавливал, что полномочия Верховного совета Крыма могут быть досрочно приостановлены в случае принятия им решений, противоречащих действующей Конституции и законам Украины. Устанавливался новый, существенно сокращенный, перечень полномочий Крыма. Севастополь становился отдельной административной единицей, его территория исключалась из территории республики. Специальная статья закона устанавливала обязательность украинской символики для Крыма. Наконец, Верховная рада Украины изменила даже название республики, добавив к нему определение «Автономная»¹.

Для обеспечения реализации этих решений Киевом еще накануне был принят целый ряд мер, в том числе под предлогом борьбы с преступностью на полуостров введены дополнительные контингенты милиции и спецподразделений. Бывший президент Крыма Ю. А. Мешков был вынужден эмигрировать.

В апреле 1995 г. Верховный совет Крыма инициировал выступление спикера крымского парламента С. П. Цекова на заседании Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации, где он подробно говорил об ущемлении «государственности Крыма» и критиковал позицию Москвы за пассивность. Он также подверг критике подписанное первым заместителем председателя правительства Российской Федерации О. Н. Сосковцом 21 марта 1995 г. в Киеве соглашение о реструктуризации украинского долга Российской Федерации и попытался убедить российских парламентариев увязывать российско-украинские отношения с политикой украинских властей в отношении Крыма.

Московская речь крымского спикера вызвала резкое осуждение Киева и стала поводом для новых призывов к упразднению крымской автономии. Украинские парламентарии потребовали от крымских коллег отмежеваться от выступления С. П. Цекова. Эти требования вызвали очередной раскол в крымском парламенте: часть депутатов Верховного совета Крыма (преимущественно члены фракций «Курултай» и «Реформы») объявили о создании на основе лояльной Киеву группы депутатов Верховного совета Автономной Республики Крым и обратились к Л. Д. Кучме с призывом подтвердить полномочия нового парламента и распустить оставшуюся часть Верховного совета Крыма, а на базе лояльной группы депутатов создать новый орган власти.

¹ Закон України «Про Автономну Республіку Крим» // Урядовий кур'єр. 1995. 21 березня.

25 апреля 1995 г. Верховный совет Крыма постановил провести общекрымский референдум о судьбе Конституции 6 мая 1992 г., однако реализовать это решение не удалось.

В ситуацию вмешалась миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, созданная незадолго до этого в Крыму, которая сыграла посредническую роль между Киевом и Крымом¹.

В начале июля 1995 г. получившие большинство после перевыборов Президиума Верховного совета Крыма сторонники украинской ориентации сместили с поста спикера крымского парламента С. П. Цекова, на место которого был избран лояльный Киеву Е. В. Супрунюк. На этом в целом завершился острый политический кризис, стоивший Крыму многих его завоеваний 1991–1994 гг.

В июне 1996 г. была принята новая Конституция Украины, определившая статус Автономной Республики Крым как «неотъемлемой составной части» Украинского государства. Полномочия республики были существенно сокращены, договорной принцип взаимоотношений с центральными органами власти полностью дезавуирован².

§ 5. Крымско-татарское движение

Важнейшим фактором, влиявшим на все стороны жизни Крыма, являлся процесс массового возвращения на полуостров крымских татар, начавшийся в последние годы существования Советского Союза, но ставший наиболее динамичным в условиях независимой Украины. С распадом СССР репатриация приняла, по существу, стихийный характер, что быстро привело к серьезной социальной напряженности во взаимоотношениях репатриантов, местного населения и власти. В основе проблем лежала неготовность местных властей к выделению возвращающимся необходимого количества земли для строительства и решению других острых вопросов их существования. С другой стороны, сообщества репатриантов, в первую очередь Организация крымско-татарского национального движения и находившийся под ее влиянием Меджлис крымско-татарского народа, избранный на национальном съезде — Курултае в июле 1991 г., далеко не всегда стремились к поиску компромиссных решений. В частности, они подготавливали и направляли акции по самозахвату земли, категорически выдвигали неприемлемые для местного сообщества политические лозунги.

Это наиболее явно отразилось в позиции, занятой Меджлисом в споре о статусе Крыма. Будучи противником территориальной (и, по существу, многонациональной) автономии полуострова, Меджлис заявил о себе как о союзнике

официального Киева в борьбе с ней¹. Националистические и национал-либеральные организации Украины выразили в свою очередь абсолютную поддержку Меджлису, неоднократно выступая с проектами официального признания этого органа, а также увязывая их с требованием уничтожения или ограничения крымской автономии.

Серьезная напряженность возникла в мае 1992 г., когда в соответствии со своей позицией национальные организации крымских татар выступили против Конституции Крыма 6 мая 1992 г. и Акта о государственной самостоятельности республики. Подлинный кризис во взаимоотношениях властей полуострова и национального движения разразился в октябре 1992 г., когда в селе Красный Рай близ Алушты произошли столкновения правоохранительных органов с крымскими татарами, которые за несколько месяцев до этого осуществили несанкционированный захват земли совхоза. В результате столкновений 26 участников беспорядков арестовали, что вызвало массовые акции протеста, было блокировано движение на нескольких магистралях вокруг Симферополя, началось пикетирование здания прокуратуры Крыма. 6 октября толпа, возглавляемая активистами Меджлиса, совершила нападение на здание Верховного совета Крыма, в результате которого имелись пострадавшие. Возникла угроза массовых беспорядков в других районах полуострова.

Собравшаяся 8 октября сессия Верховного совета Крыма дала резкую оценку произошедшему, объявив действия Меджлиса антиконституционными и несущими угрозу общественной безопасности. Были возбуждены уголовные дела против участников столкновений (впоследствии ни одно из них не попало в судебные инстанции). Общественное мнение Крыма было шокировано событиями и настроено против организаторов экстремистских действий. В условиях, когда общее соотношение сил складывалось не в пользу Меджлиса и Организации крымско-татарского национального движения, последние были поставлены перед необходимостью определенного изменения своей тактики.

Необходимость новой тактики и ее основные положения были обоснованы и изложены в специальном документе «Пути самоопределения крымско-татарского народа», разработанном в начале 1993 г. московским Центром этнополитических и региональных исследований (руководитель Э. А. Паин)². Авторы документа определили ситуацию, сложившуюся вокруг крымско-татарского движения, как тупиковую. Они указали на ряд неконструктивных моментов и тактических недоработок официальной концепции национального движения, среди которых выделили установку на построение «суверенного национального крымско-татарского государства», использование движением угрозы применения силы для достижения поставленных целей, обоснование возможности реализации прав крымских татар за счет (или даже в ущерб) прав других этнорегиональных групп и т. д. Разработчики документа предложили программу коррекции приоритетов национального движения, основным моментом которой стал «перенос акцента с основной стратегической

¹ Новая Конституция Украины и политический климат в Крыму. Доклад Крымского представительства миссии ОБСЕ в Украине. Неофиц. перевод. Репринт. С. 4–5.

² Конституция Украины. Принята Верховной радой Украины 28 июня 1996 г. Закон № 254/96-ВР.

¹ Губогло М., Червонная С. Крымско-татарское национальное движение. Т. 1. С. 171.

² Этот документ был опубликован (в выдержках) в № 25 газеты «Таврические ведомости» 25 июня 1993 г. Здесь и далее документ цитируется по этой публикации.

цели — политического самоопределения в полном объеме... на обеспечение реализации отдельных составляющих права на самоопределение (политических, социальных, культурных)».

Весь 1993 г. для крымско-татарского движения прошел под знаком преодоления наследия эпохи «нетерпения». В центре внимания Меджлиса стояли проблемы укрепления местных органов альтернативного самоуправления (региональных и местных меджлисов), вопросы участия крымских татар в приватизации на полуострове, оказания материальной помощи различным категориям активистов и крымско-татарским средствам массовой информации, выстраивания внешних связей, а также борьба с оппозицией внутри движения. В 1993 г. при невыясненных обстоятельствах был убит главный соперник М. Джемилева — лидер Национального движения крымских татар Ю. Османов, после чего это движение утратило свое влияние.

Меджлис проводил активную работу с органами государственной власти Украины и местными властями Крыма; стали практиковаться неофициальные встречи лидеров крымско-татарского движения с руководством Верховного совета и Совета министров Крыма и т. д. В идеологической сфере акцент был перенесен с требования немедленного воссоздания «крымско-татарской государственности» на требование признания за крымскими татарами прав, вытекающих из международных деклараций о правах коренных народов. Благодаря тому, что к концу 1993 г. в Крым вернулась основная часть крымских татар (исходя из данных переписи 1989 г.), в значительной степени снизилась напряженность на так называемых самостроях, которые постепенно были узаконены властями.

Главным направлением внутрикрымской политики крымско-татарского движения стало обеспечение достойного представительства крымско-татарского населения в высшем органе законодательной власти Крыма. 14 октября 1993 г. Верховный совет Крыма принял закон «О дополнениях к Закону Республики Крым «О выборах Верховного совета Крыма», в соответствии с которым образованы четыре одномандатных избирательных округа для представителей депортированных этносов и многомандатный крымско-татарский округ, по которому избирались 14 депутатов от крымских татар.

В состоявшихся 27 марта 1994 г. выборах Верховного совета принял участие целый ряд крымско-татарских национальных организаций. Победу одержал список Курултая, по которому были избраны все 14 депутатов, являвшихся членами Меджлиса. Среди задач депутатской фракции указывались «реформирование в направлении демократизации государственного строя Республики Крым... установление между Верховным советом Республики Крым и Советом министров с одной стороны и Меджлисом с другой... отношений, соответствующих статусу Меджлиса как высшего полномочного представительного органа крымских татар», «разработка конституционных и государственно-правовых норм по восстановлению прав крымско-татарского народа, включая право на самоопределение и восстановление национальной государственности»¹.

¹ Крымские известия. 1994. 22 марта.

Фракция Курултая — Меджлиса, которую возглавил Р. Чубаров, бессменный заместитель М. Джемилева, оказалась самой сплоченной группой депутатов Верховного совета и не раз оказывала существенное влияние на голосование по тем или иным вопросам и вообще на расклад сил в региональном парламенте. В 1994–1995 гг. фракция «Курултай» находилась в оппозиции парламентскому большинству блока «Россия» и президенту Крыма Ю. А. Мешкову, поддерживая все акции его противников в Верховном совете Крыма. В ходе политического кризиса в марте 1995 г. она поддержала и одобрила решения Верховной рады Украины и президента Украины Л. Д. Кучмы об отмене Конституции Республики Крым, выступила одним из инициаторов создания нового Верховного совета Автономной Республики. После отставки председателя Верховного совета Крыма С. П. Цекова в июле 1995 г. лидер фракции Р. Чубаров на некоторое время занял пост заместителя нового спикера Верховного совета.

Летом 1995 г. произошли крупные беспорядки, вызванные конфликтом крымско-татарских предпринимателей и местных криминальных группировок в Восточном Крыму, в ходе которых протестующие крымские татары захватили и удерживали начальника милиции Феодосии, а Меджлисом были задействованы собственные силовые подразделения.

В январе 1997 г. на полуострове, по данным Крымского управления МВД Украины, насчитывалось 244,1 тыс. крымских татар. Предшествовавшее ежегодное снижение числа переселенцев свидетельствовало о том, что репатриация в основном завершилась. Однако оставались нерешенными серьезные проблемы обустройства репатриантов.

После распада СССР в 1991 г. программа государственной помощи для возвращения и обустройства крымских татар и представителей других депортированных этнических групп формально не прекратилась, однако всей своей тяжестью легла на бюджеты Украины и Крыма. В 1992–1997 гг. государством на нужды репатриантов были выделены средства в объеме 280 млн долларов США. В это время за счет государственных капитальных вложений было построено более 5 тыс. и куплено 380 квартир и домов, что позволило обеспечить жильем примерно 20 тыс. человек, построены многие объекты инфраструктуры, дороги в местах компактного проживания репатриантов и т. д. Тем не менее из года в год финансирование программы возвращения и обустройства сокращалось, составив в 1997 г. лишь 6,9 млн долларов США, что было вызвано хроническим экономическим кризисом на Украине.

Материальное положение репатриантов, возвратившихся в Крым, большинство авторов, занимавшихся этой проблемой, определяли как исключительно сложное. «К концу 1996 г., — сообщало официальное издание Государственного комитета по делам национальностей Крыма, — более 100 тыс. из 245 тыс. вернувшихся на полуостров крымских татар и сотни семей депортированных армян, болгар, греков и немцев не имели собственного жилья. Более 47 тыс. из них проживали на частных квартирах, около 11 тыс. — в общежитиях, остальные ютились во времянках или недостроенных домах. Из 200 поселков и микрорайонов компакт-

ного проживания репатриантов около 100 не обеспечены электроэнергией и водой. Большинство поселков не имеют дорог, телефонной связи и автобусного сообщения с центром, во многих отсутствуют магазины, фельдшерско-акушерские пункты, детские дошкольные учреждения»¹. В 1996 г. жилья и коммунальных объектов было построено только 20% от запланированного объема.

Чрезвычайно острой являлась проблема занятости крымских татар. Из 130 тыс. трудоспособных граждан только 75 тыс. (57,7%) имели постоянную работу. В ряде регионов уровень безработицы среди них значительно превышал среднереспубликанский. В течение 1990-х гг. число репатриантов, занятых в государственном секторе экономики, сократилось на 15–20%, прежде всего из-за остановки предприятий и невыплаты зарплаты².

Большую социальную напряженность до конца 1997 г. вызывало отсутствие у большинства крымских татар, вернувшихся после 1991 г., украинского гражданства. Тема получения крымскими татарами украинского гражданства стала одной из причин массовых акций протеста 1998 г.

Еще одним важным фактором общественного бытия крымских татар стала их значительное социальное расслоение, уже отчетливо проявившееся во второй половине 1990-х гг. Как отмечала С. Червонная, «только менее одного процента крымско-татарского населения, вернувшегося в Крым, держали в своих руках более 90% реальных доходов и капиталов, которыми это население располагает. По аналогии с «новыми русскими», в крымско-татарской среде также образовался узкий слой «новых крымских татар»³.

Одним из важных итогов начального этапа деятельности организаций национал-либерального крыла крымско-татарского движения стал глубокий внутренний кризис, который назрел в его руководстве. Причиной являлась фактическая монополия группы М. Джемилева как на определение политики, так и на расходование средств, выделяемых государством и международными организациями на возвращение и обустройство депортированного народа. В 1997 г. деятельность руководства Меджлиса, прежде всего его главы, по распределению средств стала подвергаться растущей критике со стороны значительной части членов этой организации. Ряд активистов движения (председатель республиканского Комитета по делам национальностей Л. Арифов, глава незарегистрированной партии «Адалет» С. Керимов, журналистка Л. Буджурова и др.) обвинили поддерживаемое М. Джемилевым руководство частного крымско-татарского «Имдат-банка», через который шло финансирование помощи, в систематическом нецелевом использовании средств⁴.

¹ Габриелян О., Петров В. Депортированные граждане: возвращение, обустройство и социальная адаптация. Симферополь, 1997. С. 42.

² Габриелян О. и др. Крымские репатрианты... С. 148–155.

³ Червонная С. Крымскотатарское национальное движение (1994–1996). М., 1997. (Исследования по прикладной и неотложной этнологии; № 101). С. 17.

⁴ В прокуратуре АРК // Крымськотатарське питання. 1998. № 4. С. 38–43.

В Меджлисе назрел раскол. Резкой критике подвергался также авторитарный стиль руководства Меджлиса во главе с М. Джемилевым, что, по мнению его оппонентов, неоднократно приводило к нарушению демократических принципов, свободы слова и появлению настоящего культа личности М. Джемилева.

Весной 1998 г., накануне внеочередной сессии Курултая крымско-татарского народа, несогласные обратились к Меджлису с открытым письмом, где сформулировали свои требования. Его подписали 16 из 33 членов организации. Решающее столкновение произошло во время внеочередной сессии Курултая в марте 1998 г. Большинство членов Курултая проголосовали за то, чтобы М. Джемилев сохранил свой пост. Оппозиционеры были исключены из Меджлиса, подверглись морально-психологическому давлению и травле. Итогом внеочередной сессии Курултая стало укрепление позиций М. Джемилева и его личной власти.

В мае 1999 г., когда отмечалось 65-летие депортации, Меджлису удалось не только провести крупную манифестацию в Симферополе, но и добиться от президента Украины Л. Д. Кучмы создания специального совета представителей крымско-татарского народа при президенте Украины, в который в полном составе вошел весь Меджлис¹.

К началу 2000-х гг. Меджлису удалось превратиться в важный фактор внутрикрымской политики и оказывать серьезное влияние на решение целого ряда вопросов, однако положение большинства репатриантов — крымских татар продолжало оставаться весьма сложным, что порождало социальную напряженность и рост недоверия как к политике государства, так и к деятельности национального представительного органа и его верхушки.

§ 6. Большой договор России и Украины 1997 г. Крым на рубеже тысячелетий

Несмотря на то что Россия и Украина договорились об основных условиях раздела Черноморского флота², во взаимоотношениях двух стран оставались неурегулированные проблемы, связанные как с разделом флота, так и с береговой инфраструктурой. Ключевым вопросом в это время стал характер использования Севастополя как главной базы Черноморского флота. Споры вокруг этого технического вопроса вновь подняли проблему государственной принадлежности города³.

¹ Указ Президента Украины «О совете представителей крымско-татарского народа» [Электрон. ресурс] // Лига:закон: Главный правовой портал Украины. URL: http://search.ligazakon.ua/l_doc2.nsf/link1/U518_99.html (дата обращения: 19.03.2017).

² Соглашение между Российской Федерацией и Украиной по Черноморскому флоту (9 июня 1995 г., Сочи) // Российско-украинские отношения... С. 157.

³ Подробнее об этом см.: Федоров А. В. Правовой статус Крыма. Правовой статус Севастополя. С. 7.

5 октября 1996 г. в севастопольской газете «Флаг Родины» было опубликовано письмо секретаря Совета безопасности Российской Федерации генерала А. И. Лебеда, в котором он обвинил власти Украины в отходе от «духа сочинских договоренностей» и указал на целесообразность постановки вопроса о «наличии территориального спора между Россией и Украиной»¹. Еще более резко выступил мэр Москвы Ю. М. Лужков, опубликовавший 1 ноября 1996 г. в газете «Известия» статью под названием «Севастополь — российский город на Крымском полуострове»². В ней мэр российской столицы выступал за «подтверждение» российского статуса Севастополя — части Российской Федерации, главной военно-морской базы российского Черноморского флота — и включение соответствующего пункта в готовящийся договор о дружбе и сотрудничестве между Российской Федерацией и Украиной.

Определенной неожиданностью стало принятое 5 декабря 1996 г. постановление Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации, в состав которого входили руководители высших органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, объявившее действия Украины в отношении Севастополя «односторонними и противоречащими нормам международного права». Совет Федерации обратился с просьбой к президенту Б. Н. Ельцину объявить мораторий на подписание органами государственной власти Российской Федерации каких-либо международных актов, касающихся вопросов раздела Черноморского флота, статуса Крыма и Севастополя до окончания работы специальной комиссии Совета Федерации³. Однако это обращение не получило поддержки у президента России.

В мае 1997 г. на переговорах в Киеве вопросы, касающиеся флота и береговой инфраструктуры, были окончательно урегулированы, и президенты двух стран Б. Н. Ельцин и Л. Д. Кучма 31 мая подписали «Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной»⁴. Его ратификация, однако, вызвала дискуссии в Государственной думе Российской Федерации и затянулась почти на полтора года, а Совет Федерации одобрил договор лишь в феврале 1999 г.

В течение нескольких лет после «введения Крыма в правовое поле Украины» регион переживал последствия острого политического и экономического кризиса. Миссия Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) в своем докладе о ситуации на полуострове констатировала, что «экономический упадок в Крыму приобрел более бедственные размеры, чем на материковой части Украины, и определенные административно-экономические проблемы были усилены или по крайней мере не ослаблены украинскими властями»⁵.

¹ Лебедь А. Севастополь — российский город // Флаг Родины. 1996. 5 октября.

² Лужков Ю. Севастополь — российский город на Крымском полуострове // Известия. 1996. 1 ноября.

³ Сообщение агентства «Интерфакс» // Крымские известия. 1997. 23 апреля.

⁴ Договор о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Российской Федерацией и Украиной (31 мая 1997 г., Киев) // Российско-украинские отношения... С. 51.

⁵ Новая Конституция Украины и политический климат в Крыму. Доклад Крымского представительства миссии ОБСЕ в Украине. Неофиц. перевод. Репринт. С. 4–5.

«Экономика АРК пребывает в глубоком кризисе, — признавал в начале 1998 г. министр экономики Украины В. И. Сулов, — при этом положение по сравнению с 1996 г. не улучшилось, а ухудшилось. Если снижение темпов промышленности в 1996 г. составляло 14,1%, то в 1997 г. уже 24%, в то время как по Украине эти показатели соответственно составляли 5,1% и 1,8%»¹. Помимо общих проблем, свойственных постсоветским экономикам, столь катастрофическая ситуация сложилась в Крыму вследствие большой экспортной зависимости его хозяйства, чрезвычайно страдавшего от ослабления и разрыва экономических связей со странами СНГ, прежде всего с Россией.

Вплоть до выборов 1998 г. депутатский корпус Верховного совета Крыма был расколот на две противоборствующие группировки. Ядро одной из них составила фракция «Созидание», в другую, получившую название «Антикриминальной коалиции», объединились остатки пророссийских и республиканских фракций Верховного совета. Фракция «Созидание» выступала за тесное сотрудничество с Киевом, за что оппозиция обвиняла ее в «проукраинской политике», ведущей к утрате республикой самостоятельности. Оппозиция оперировала пророссийски-республиканскими лозунгами, однако часто была бессильна осуществлять какую-либо конструктивную деятельность. Обе группировки ориентировались на различные финансово-промышленные группы Крыма, сформировавшиеся к 1995 г.

Тесная связь криминальных структур и политиков — также существенная черта этого периода. К середине 1990-х гг. на полуострове действовали несколько преступных группировок (наиболее крупные: «башмаки» — называлась по имени руководителя Виктора Башмакова и «Сэйлем» — от наименования ресторана в Симферополе), которые занимались рэкетом, торговлей оружием и т. д. Их расцвету способствовала длительная неразбериха с подчиненностью правоохранительных структур Крыма. Переподчинение в 1994 г. крымской милиции Киеву также существенно не повлияло на ситуацию, напротив, именно с 1995 г. влияние криминальных группировок на общество стало ощущаться особенно сильно. В это время в Крыму возникли целые альянсы, объединявшие криминал и теневую (или полутеневую) экономику. Связанные с криминалитетом предпринимательские круги контролировали целые сектора местного хозяйства: торговлю горюче-смазочными материалами, санаторно-курортный комплекс, розничную торговлю и т. д. Криминальные группировки начали оказывать целенаправленное воздействие на местных политиков и представителей власти и даже предприняли попытку организации собственной политической партии — Христианско-либеральной партии Крыма.

Общеизвестными были связи между руководителями Партии экономического возрождения Крыма и криминальной группировкой «Сэйлем». С помощью боевиков этой гангстерской бригады они организовывали давление на своих политических противников (так, например, в 1995 г. одним из влиятельных политиков организовано нападение на экс-спикера Верховного совета Крыма С. П. Цекова). Через связанные с криминалом банки близкие к Партии экономического возро-

¹ Крымское время. 1998. 29 января.

ждения Крыма предпринимательские структуры осуществляли крупные хищения бюджетных средств и т. д. В свою очередь политики, ориентировавшиеся на эту партию, обвиняли своих оппонентов из так называемой «антикриминальной коалиции» в том, что они опираются и действуют в интересах другой криминальной группировки — «башмаков».

Согласно данным МВД Украины, в 1995 г. на выборах в местные органы власти, районные и городские советы Крыма, прошли 44 человека, в разной степени связанные с криминальными структурами¹.

Период 1995–1998 гг. вполне закономерно получил название эпохи криминального беспредела. Это было время почти открытой коррупции и уголовного террора. На политиков и бизнесменов организовывались покушения, кровавые конфликты возникали и между представителями преступных групп. Криминогенная ситуация особенно обострилась к концу 1990-х гг., когда были убиты несколько высших чиновников Крыма: председатель Фонда имущества А. С. Головизин, руководитель «Крымтеплокомунэнерго» В. В. Кузин, руководитель «Крымгаза» В. В. Синельник и др. В феврале 1998 г. в результате покушения погиб вице-премьер крымского правительства А. С. Сафонцев. Криминализация политической жизни глубоко дискредитировала органы республиканской власти, лишая их какой-либо поддержки со стороны населения. Лишь в 1998 г., накануне выборов в Верховную раду Украины, руководство МВД Украины предприняло действенные меры против крымского криминалитета, арестовав целый ряд лидеров преступных групп.

Глубокий кризис экономики Украины, приведший к обнищанию значительной части населения, вызвал оживление настроений социального протеста и усиление влияния коммунистов. Компартия Крыма (лидер Л. И. Грач) как часть украинской Коммунистической партии пользовалась поддержкой большого числа избирателей. На выборах в Верховную раду Украины и Верховный совет Крыма, прошедших весной 1998 г., коммунистам в Крыму, как и в целом по Украине, сопутствовал успех.

На выборах в марте 1998 г. в Верховный совет Крыма, которые проходили на пропорциональной основе по территориальным округам, были избраны представители шести из 23 партий, участвовавших в предвыборной кампании: Компартия Украины — 33 депутата (35,5%), Партия «Союз» — четыре депутата (4,3%), Народно-демократическая партия — четыре депутата (4,3%), Аграрная партия — четыре депутата (4,3%), Партия экономического возрождения — два депутата (2,1%), Социалистическая партия Украины — один человек (1,5%)². Большинство депутатов нового крымского парламента были беспартийными — 45 человек (48,4%). Они представляли преимущественно районные и городские администрации, руководство крупных предприятий и т. д.

¹ Чернецов К. Крым бандитский. М., 1998.

² Данные приводятся по итогам выборов по 93 округам, поскольку в остальных округах позднее состоялись перевыборы.

Председателем Верховного совета Крыма был избран лидер коммунистов Л. И. Грач, председателем Совета министров Крыма стал С. В. Куницын (мэр Красноперекоска, член Народно-демократической партии, кандидатуру которого на пост главы крымского правительства в качестве противовеса Л. И. Грачу поддержал президент Украины Л. Д. Кучма). Правительство сформировано на паритетной основе из представителей Компартии Украины и кандидатов, предложенных С. В. Куницыным.

21 ноября 1998 г. Верховный совет принял разработанный в достаточно короткий срок новый текст Конституции Автономной Республики Крым. 23 декабря 1998 г. она была утверждена Верховной радой Украины и вскоре подписана президентом Украины Л. Д. Кучмой. Будучи продуктом неравноправного компромисса между крымской политической элитой и руководством Украины, новая Конституция Крыма подтверждала безоговорочное верховенство украинского законодательства и даже устанавливала статус украинского языка как единственного государственного языка на полуострове, допуская использование русского языка в официальной сфере¹.

Конституция определила ведущую роль Верховного совета Крыма в политической системе республики, соответствующий статус получил спикер Л. И. Грач. Президент Украины Л. Д. Кучма покровительствовал председателю Совета министров С. В. Куницыну, поддерживая конфронтацию между представительной и исполнительной властью Крыма. В результате уступки, сделанной летом 2001 г. Л. Д. Кучмой руководству Компартии Украины в обмен на поддержку в скандале, связанном с так называемым «делом Гонгадзе», С. В. Куницын ушел в отставку, и новое правительство республики, в котором увеличилось число коммунистов, возглавил В. М. Горбатов, в прошлом представитель президента Украины в Крыму.

Период 1998–2002 гг. стал временем относительной стабилизации и даже некоторого роста экономики Крыма. Тем не менее Крыму, как и всей Украине, не удалось выйти на экономические показатели периода СССР. Большинство крупных промышленных предприятий прекратили свое существование еще в 1990-е гг., серьезные проблемы продолжали сохраняться в сельском хозяйстве.

Выборы 2002 г. принесли победу партиям, подконтрольным власти, и политическим организациям, ориентированным на поддержку крупного бизнеса. Впервые обе ветви власти в Крыму удалось сформировать из представителей одной политической силы — пропрезидентской фракции «Созидание». Председателем Верховного совета избран Б. Д. Дейч, крупный предприниматель в сфере курортно-туристической деятельности, а пост председателя Совета министров Крыма вновь занял С. В. Куницын. Оба политика были полностью лояльны Киеву и не заинтересованы в укреплении самостоятельности республики.

¹ Конституция Автономной Республики Крым 21 октября 1998 года // Крымские известия. 1999. 12 января; Заявление Государственной думы России // Русский мир. 1999. № 1.

Многие наблюдатели оценивают период 2002–2004 гг. как наиболее спокойный в политической жизни Крыма. Парламенту и правительству республики действительно довелось работать практически без оппозиции. В это время был завершён процесс приватизации остатков государственных производственных активов и началась аграрная реформа, носившая столь же хищнический характер. Острые противоречия между участниками этого процесса перешли в стадию закулисной борьбы, вновь вышедшую на поверхность политической жизни к концу 2004 г., когда Украина вошла в полосу политической нестабильности.

Глава 34

Крым в дестабилизирующейся Украине: от «оранжевой революции» до Евромайдана. 2004–2014 гг.

А. Р. Никифоров

§ 1. Крым и «оранжевая революция»

В 2004 г. завершалось десятилетие пребывания у власти президента Украины Л. Д. Кучмы (июль 1994 г. — январь 2005 г.). Согласно действовавшему законодательству, он не имел права вновь баллотироваться на пост главы государства, поскольку законом предусматривалось, что один человек может его занимать не более двух пятилетних сроков.

При Л. Д. Кучме произошла заметная стабилизация политической и социально-экономической ситуации на Украине. Однако практически всем было очевидно, что передача власти новому главе государства поставит с таким трудом достигнутую стабильность под вопрос: слишком многое в стране было завязано лично на Л. Д. Кучму и его ближайшее окружение.

С 2001 г. к традиционной левой оппозиции добавилась новая, ориентированная на евроинтеграцию и поддержку Запада — национал-демократическая. Её появление ознаменовало раскол политической коалиции, поддержавшей Л. Д. Кучму на президентских выборах 1999 г. В январе 2002 г. новые оппозиционеры объединились вокруг фигуры экс-премьера Украины В. А. Ющенко и создали блок «Наша Украина». Главный бой «Наша Украина» намеревалась дать последователям Л. Д. Кучмы на президентских выборах 2004 г. Оставшиеся лояльными президенту силы во главе с Партией регионов в марте 2002 г. сформировали блок «За единую Украину!» (в народе его сразу же окрестили «За еду!»), руководителем которого стал В. Ф. Янукович, с 2002 г. занимавший пост главы правительства Украины.

Предвыборная борьба двух кандидатов в октябре — декабре 2004 г. носила чрезвычайно острый характер и достигла своего апогея после второго тура выборов, когда в ответ на зафиксированную Центризбиркомом победу В. Ф. Януковича оппозиционеры, обвинив власть в «массовых фальсификациях», организовали в Киеве ширококомасштабную бессрочную акцию, эпицентром которой стала площадь Независимости (майдан Незалежності по-украински). Со временем обозначение места проведения протестной акции (майдан) стало именем нарицательным, а сама акция получила название «оранжевой революции».

Осенью — зимой 2004 г. в Крыму впервые с января 1991 г. наблюдалось практически полное совпадение устремлений местных властей и рядовых крымчан. И те и другие, пусть и руководствуясь разными мотивациями, оказались на стороне В. Ф. Януковича. Украинский премьер, в отличие от своего оппонента В. А. Ющенко, воспринимался как сторонник пророссийской внешнеполитической ориентации Украины, придания русскому языку статуса государственного, проведения социально ориентированной политики в хозяйственно-экономической сфере, т. е. как носитель набора лозунгов, безотказно действующих на крымчан.

В ходе второго тура президентских выборов, состоявшегося 21 ноября 2004 г., более 80% крымских избирателей проголосовали за В. Ф. Януковича (81,99% в Автономной Республике Крым и 88,97% в Севастополе)¹. Когда в результате так называемой «оранжевой революции» 26 декабря второй тур выборов был переголосован, крымчане практически повторили результат голосования 21 ноября, вновь отдав свои голоса за кандидата от Партии регионов (81,21% в Автономной Республике Крым и 88,83% в Севастополе)². Однако победителем повторного второго тура выборов, а затем и президентом Украины стал В. А. Ющенко.

Более трех месяцев новая верховная власть Украины пыталась подобрать-ся к вопросу о смене премьера Автономной Республики Крым. Традиционно лояльный Киеву С. В. Куницын в этот момент едва ли не впервые апеллировал к тем остаткам автономного статуса Крыма, которые защищали его от киевского произвола. Однако 20 апреля 2005 г. С. В. Куницын подал в отставку. В тот же день крымский парламент поддержал кандидатуру нового премьера, предложенную президентом. Главой крымского правительства стал народный депутат Украины, глава Украинской республиканской партии «Собор» А. С. Матвиенко.

Практически сразу же после прихода к власти В. А. Ющенко началось давление «оранжевых» сил и на Севастополь. Севастопольскую городскую администрацию возглавил ставленник президента В. А. Ющенко С. А. Иванов.

Период деятельности в Крыму правительства А. С. Матвиенко запомнился крымчанам многочисленными нереализованными экономическими проектами. Встретив сопротивление со стороны влиятельных крымских политических группировок, крымский премьер заявил о противодействии его замыслам со стороны криминала. Им предпринимались попытки втянуть во внутрикрымскую политическую борьбу своих киевских патронов. Но, по всей видимости, Киеву на какое-то время стало не до крымской ситуации. В столице Украины разгорелся новый политический кризис, завершившийся отставкой Ю. В. Тимошенко с поста главы правительства Украины. Член Блока Юлии Тимошенко А. С. Матвиенко попал в политическую изоляцию. Предвидя свое неизбежное поражение, он в сентябре 2005 г. добровольно подал в отставку. Премьерское кресло перешло

к А. Ф. Бурдюгову, занимавшему до этого пост главы Крымского отделения Национального банка Украины.

Правительство А. Ф. Бурдюгова продержалось чуть больше восьми месяцев. На период его пребывания у власти пришлось борьба с угрозой эпидемии так называемого птичьего гриппа, рекордно холодная зима 2005/2006 гг., подготовка и проведение парламентских выборов. Нельзя сказать, что команда А. Ф. Бурдюгова оказалась хоть в чем-то на высоте: птичий грипп нанес мощный удар по поголовью домашней птицы полуострова, холода уничтожили отопительную систему и привели в негодность значительную часть жилого фонда города Щелкино.

На этом фоне «антиоранжевой» оппозицией была предпринята отчаянная попытка объединить Русскую общину Крыма и немалый политический капитал, сохранившийся у В. Ф. Януковича. Эти усилия увенчались созданием избирательного блока «За Януковича!» — уникального явления в избирательной кампании 2006 г., поскольку это был единственный местный предвыборный блок Партии регионов. Формально Партия регионов выступала совместно с партией «Русский блок», фактически же — с Русской общиной Крыма.

§ 2. Парламентские выборы 2006 г. Время упущенных возможностей

Впервые выборы в Верховный совет Автономной Республики Крым, которые состоялись в марте 2006 г., проводились исключительно по пропорциональной системе: все крымские избиратели делали выбор из предложенного им списка украинских партий и их предвыборных объединений. Значительная часть крымчан отдала голоса избирательным блокам, не имеющим непосредственного отношения к Крыму, персонифицированным политиками общенационального масштаба.

Относительную победу на выборах в высший представительный орган республики одержал блок «За Януковича!», набравший 32,55% голосов. Немало крымчан проголосовали за Блок Юлии Тимошенко (6,3%) и Блок Наталии Витренко «Народная оппозиция» (около 5%). Традиционный альянс Меджлиса крымско-татарского народа и крымской краевой организации Народного руха Украины позволил руховцам набрать 6,26% голосов крымских избирателей. Коммунисты в этот раз получили поддержку 6,55% избирателей автономии. А вот крымская партия «Союз» во главе с Л. Ю. Миримским и Блок Куницына, претендовавшие на занятие командных высот в Автономной Республике Крым, получили 7,63 и 7,56% голосов соответственно. Трехпроцентный барьер неожиданно преодолел оппозиционный блок «НеТак!», созданный на базе Социал-демократической партии Украины (объединенной)¹.

Ключевую должность председателя Верховного совета Крыма занял лидер крымского блока «За Януковича!» А. П. Гриценко. Главой крымского прави-

¹ Центральная избирательная комиссия Украины. Выборы президента Украины 2004 г. [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.cvk.gov.ua/pls/vp2004/wp0011> (дата обращения: 19.03.2017).

² Там же.

¹ Крымские известия. 2006. 19 апреля.

тельства стал В. Т. Плакида, практически не известный на тот момент в политических кругах автономии, но являвшийся доверенным человеком спикера. Помимо голосов собственной фракции, А. П. Гриценко удалось заручиться поддержкой депутатов от партии «Союз», коммунистов, витренковцев и части депутатов от блока «НеТак!».

С августа 2006 г. и по крайней мере до апреля 2007 г. на полуострове впервые доминировали силы того же политического спектра, что и в Киеве, поскольку 4 августа 2006 г. после долгих политических маневров правительство Украины возглавил В. Ф. Янукович. Более благоприятный момент для восстановления утраченных крымской автономией полномочий трудно было представить. Однако притязания крымской стороны ограничились робкими попытками обрести для Автономной Республики Крым право законодательной инициативы. Примерно так же «решительно» велась борьба правящей в Крыму коалиции за статус русского языка. В адрес высшего политического руководства страны было направлено обращение, в котором говорилось о необходимости принятия проекта государственной программы развития и функционирования русского языка и языков нацменьшинств. Кроме того, крымские депутаты подготовили проекты внесения изменений в Гражданский процессуальный кодекс, Кодекс административного судопроизводства и в 13 законов, касающихся использования русского языка. Однако вразумительного ответа на эту петицию автономии от парламента Украины так и не последовало. Да и особой настойчивости в его получении руководство крымского парламента не проявляло, что послужило в дальнейшем одной из причин раскола блока «За Януковича!».

Время, благоприятное для решительных шагов по восстановлению полномочий крымской автономии, было упущено. Уже весной 2007 г. Украина погрузилась в очередной политический кризис, выходом из которого стали досрочные парламентские выборы в Верховный совет Украины, состоявшиеся в сентябре 2007 г. Итоги выборов привели к власти новую демократическую коалицию, сформированную депутатами от Блока Юлии Тимошенко и блока «Наша Украина» — «Народная самооборона».

Спустя некоторое время в Крыму пошатнулись позиции правящего большинства. В сентябре — октябре 2009 г. в результате неудачной попытки отправить в отставку спикера Верховного совета республики А. П. Гриценко в парламентском большинстве произошел окончательный раскол. Его покинула партия «Союз», вместе с которой в оппозицию к руководству Верховного совета Крыма перешли депутаты от партии «Русский блок» (фактически от Русской общины Крыма), входившие в блок «За Януковича!».

А. П. Гриценко удалось сохранить свои позиции во многом благодаря поддержке со стороны депутатов Блока Куницына, Блока Юлии Тимошенко и Руха, а также в силу того, что его сторону приняло центральное руководство Партии регионов, которое в самый разгар крымского противостояния отстранило от руководства местной организацией регионалов В. А. Киселева (главного оппонента А. П. Гриценко), а затем вынудило его покинуть партийные ряды.

§ 3. Русское движение в 2006–2010 гг.

В то время как борьба в стенах крымского парламента свелась к межфракционным склокам и подковерным интригам, за пределами стен здания Верховного совета Русское движение не прекращало свою деятельность. Его важной страницей стали антинатовские акции, развернувшиеся в этот период в Крыму.

В годы президентства В. А. Ющенко наметилось сближение Украины с НАТО, в том числе были предприняты несколько попыток проведения совместных учений на территории Крыма. Первым местом высадки солдат НАТО в мае 2006 г. стала Феодосия. Ночью шины натовских машин, выгрузившихся в феодосийском порту, оказались проколоты. Активисты заблокировали выход из аэропорта Симферополя автобусов с натовскими солдатами. В гостинице в Алуште, куда пытались их разместить, отключили свет, перекрыли газ и воду. Казаки заблокировали полигон в Старом Крыму.

Крупнейшие антинатовские акции были проведены крымчанами у озера Донузлав в 2007 г. Но главная операция состоялась в 2008 г., когда в ходе совместных украинско-натовских учений в Донузлаве был фактически сорван десант бронетехники. Активистам удалось захватить четыре бронетранспортера из 10, высадившихся на берег Донузлава. План учений был сорван. В последующие годы попыток высадки формирований НАТО на крымскую землю больше не предпринималось. Это стало победой коммунистов, прогрессивных социалистов и активистов Русской общины, возглавивших антинатовскую кампанию.

Своего рода смотром сил Русского движения Крыма стали проводившиеся регулярно с 2007 г. Международные фестивали «Великое русское слово», которые не просто демонстрировали приверженность крымчан русскому языку и русской культуре, но позволяли единомышленникам встречаться, обмениваться опытом, мыслями, завязывать новые контакты. Фестиваль становился все более заметным культурным и общественно-политическим событием в масштабе не только Крыма, но и Украины, стал местом встречи соотечественников, представлявших различные украинские регионы, прежде всего юго-восток страны.

Несмотря на всю масштабность деятельности Русской общины Крыма, она была не единственной организацией в Русском движении. Существовал еще целый ряд русских и пророссийских организаций. Некоторые из них были учреждены или функционировали при непосредственном взаимодействии с Русской общиной, другие регулярно с ней контактировали. Нередки были случаи конкуренции между структурами движения, имели место и конфликты. Но наиболее заметных результатов удавалось добиваться тогда, когда разногласия отодвигались в сторону.

Важным проектом для становления крымского казачества, своеобразной кузницей казачьих кадров стал детский военно-спортивный патриотический лагерь «Крым-Сич», организованный в Бахчисарайском районе. Функционирование лагеря вызывало яростное противодействие со стороны прозападных организаций как внутри Крыма, так и за его пределами. В правоохранительные органы постоянно поступали жалобы на существование лагеря, его организаторы обвинялись

в хранении оружия и прочей противозаконной деятельности. Против одного из руководителей лагеря «Крым-Сич» казачьего атамана С. Н. Юрченко Служба безопасности Украины дважды возбуждала уголовные дела, лагерь дважды подвергался обыскам и многократно — самым разнообразным проверкам. Тем не менее лагерь всякий раз возобновлял свою работу. Вскоре при нем стали проводить «Школы русской журналистики».

Активно взаимодействовали с казаками участники славянских земельных пикетов, противодействующих самозахватам. Эти пикеты получили поддержку со стороны Русской общины. Под ее эгидой сформировался «Таврический союз» — организация, первоначально ориентированная на борьбу за справедливое распределение земельных участков, а затем приступившая к осуществлению гуманитарных и политических акций.

Еще одна организация, Народный фронт «Севастополь — Крым — Россия», с момента своего возникновения заняла остро радикальную позицию по вопросам статуса Крыма и его государственной принадлежности. Речь шла о восстановлении крымской государственности и возвращении полуострова в состав Российской Федерации. Такая позиция вызвала жесткое противодействие со стороны украинских властей, организовавших судебное преследование лидера фронта В. В. Подъячего. Украинским судом он был осужден по статье 110 части 2 Уголовного кодекса Украины «Посягательство на территориальную целостность и неприкосновенность Украины» на три года лишения свободы (условно). Народный фронт «Севастополь — Крым — Россия» занял непримиримую позицию не только по отношению к украинским властям, но и к Русской общине Крыма, что исключало возможность какого-либо конструктивного диалога между этими организациями.

Тем не менее русские и пророссийские организации неоднократно пытались консолидироваться. Самой масштабной попыткой стало создание в 2009 г. движения «Русское единство», к участию в котором были приглашены практически все структуры этого политического спектра. Но объединительные усилия, предпринятые инициаторами формирования движения С. В. Аксеновым и С. П. Цековым, свелись к присоединению к их структурам организации С. И. Шувайникова — «Конгресса русских общин Крыма». Это слияние и стало в дальнейшем организационной базой партии «Русское единство».

Первые шаги новой организации наделали немало шума. К тому же они пришлись на старт новой президентской избирательной кампании 2010 г., в которой «Русское единство» (тогда еще общественная организация) решило поддержать кандидатуру В. Ф. Януковича.

§ 4. Крымско-татарское движение в 2004–2010 гг.

Для крымских татар главным вопросом по-прежнему являлся земельный, тем более что к середине первого десятилетия XXI в. земля в Крыму, особенно на Черноморском побережье, стремительно подорожала. Высокий спрос стимулировал образо-

вание черного рынка земли, на котором, по некоторым данным, стоимость одной сотки достигала в начале 2004 г. 5 тыс. долларов США и выше.

Не все чиновники южнобережных поселковых советов в таких обстоятельствах избежали искушения злоупотребить своим служебным положением. Только контрольно-надзорными органами Крыма за 2002–2003 гг. в ходе 6206 проверок было выявлено 5210 нарушений по выделению и использованию земли. По данным вице-преьера крымского правительства А. В. Корнейчука, на 4258 виновных в нарушениях лиц по итогам этих проверок наложены штрафы в общей сумме 294 тыс. гривен¹. Можно предположить, что выявленные проверками нарушения — это лишь верхняя часть айсберга, поскольку общественный контроль за распределением земли фактически отсутствовал.

В этих условиях крымские татары, для того чтобы принять участие в распределении земли, прибегли к опробованному ими в начале 1990-х гг. приему — земельным самозахватам. Летом 2003 г. в ряде курортных поселков Большой Ялты появились так называемые поляны протеста — палаточные городки крымских татар, обитатели которых добивались от Ялтинского горсовета немедленного выделения им земельных участков под застройку.

Крымчане разных национальностей в ряде населенных пунктов полуострова провели акции, аналогичные крымско-татарским. Возникли славянские поляны протеста, обитатели которых требовали от властей строгого соблюдения равноправия в распределении земли, независимо от социального статуса и национальной принадлежности. Правда, власти относились к славянским самозахватам далеко не так лояльно, как к крымско-татарским.

В начале 2004 г. межэтническая ситуация в Крыму вновь обострилась до предела. В январе — феврале в Судакском районе произошло несколько земельных конфликтов, инициированных местными межджлисами. В ответ славянское население поселков близ Судака стало организовываться в казачьи общины. В ряде случаев дело дошло до столкновений. Не обошлось без вмешательства специальных подразделений милиции «Беркут» и частей внутренних войск.

В марте 2004 г. произошло столкновение самозахватчиков со строителями аквапарка в Симеизе, в ходе которого пострадали съемочные группы киевских и московских телеканалов. По Симферополю активно распространялись слухи о деятельности в городе групп неких скинхедов, готовящих якобы расправы над крымскими татарами. К нагнетанию ненависти в крымско-татарской среде к мифическим скинхедам подключилась и местная пресса². Разогрев обстановки вылился в погром, учиненный в симферопольском баре «Коттон», где группа экстремистов во главе с экс-членом Межджлиса и членом Совета представителей крымско-татарского народа при президенте Украины К. Абдуллаевым напала на посетителей бара,

¹ Семена Н. Крымский «земельный бизнес» в разгаре. Как ввести в правовое русло распределение земли в автономии? // Зеркало недели. 2004. 31 января — 6 февраля.

² Такош Л. Скинхеды хотели утопить ребенка в Салгире // Первая Крымская (еженедельная газета). 2004. 5–11 марта.

в которых нападавшим померещились все те же скинхеды. Ситуация вновь вплотную приблизилась к развязыванию полномасштабного конфликта. Только вмешательство центральных властей, а также примиренческая позиция, занятая в тот момент Меджлисом, уберегли Крым от эскалации конфликта. В итоге группа погромщиков была задержана и осуждена на различные сроки тюремного заключения. Сам К. Абдуллаев был отправлен в тюрьму на девять лет, но вскоре амнистирован президентом Украины В. А. Ющенко.

2004 г. стал для Меджлиса серьезным испытанием и в плане политического выбора: в ходе развернувшейся президентской избирательной кампании меджлисовцы склонялись к поддержке кандидатуры В. А. Ющенко, но при этом делали все возможное, чтобы не поссориться с действующим президентом Л. Д. Кучмой. Наконец, во время второго тура выборов, а затем и переголосования Меджлис призвал поддержать В. А. Ющенко.

Однако взаимодействие Меджлиса и новой власти началось с конфликта. Во время первой же встречи с членами Совета представителей крымско-татарского народа В. А. Ющенко предложил ее участникам отменить «Декларацию о национальном суверенитете крымско-татарского народа», содержащую установку на создание в Крыму крымско-татарской национальной государственности. После этого демарша президента его отношения с Меджлисом были фактически заморожены. Непросто складывались в это время и отношения Меджлиса с крымской республиканской властью. В 2006 г. его представители, баллотировавшиеся в крымский парламент по партийному списку Народного руха Украины, получив восемь мандатов, оказались в оппозиции.

Не замедлило случиться и новое обострение межэтнических отношений. Летом 2006 г. произошло массовое столкновение представителей крымско-татарской и славянской общин Бахчисарая, формальным поводом к которому послужили требования переноса городского рынка на новое место. Хозяйственный спор перерос в серию столкновений на межэтнической почве. Для их прекращения потребовалось вмешательство правоохранительных органов, депутатов крымского парламента и народных депутатов Украины, руководителей исполнительной власти республики.

Осенью следующего, 2007 г. нечто подобное произошло в Симферополе, где активисты Меджлиса попытались организовать очередной самозахват на территории, сданной в аренду фирме «Олви-Крым». Работники фирмы решили очистить территорию от самозахватчиков. Конфликт был погашен с помощью спецподразделений правоохранительных органов.

Не прошло и недели после этого столкновения, как правоохранители, исполняя решение суда, снесли семь незаконных торговых построек на плато горы Ай-Петри. Информация об этой акции напоминала военные сводки. Вскоре она была приостановлена, и плато Ай-Петри вновь перешло под контроль самозахватчиков.

В 2008 г. напомнила о себе партия (зарегистрированная официально как общественная организация) «Милли Фирка». Ее руководитель В. Абдураимов обратился к президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву и президенту Республики Татарстан М. Ш. Шаймиеву с открытым письмом, в котором содержалась

просьба повлиять на Украину в рамках исполнения Большого российско-украинского договора и пресечь притеснения крымских татар. Этот факт вызвал волну возмущения со стороны крымско-татарской общественности, умело скоординированную Меджлисом. Разразившийся скандал вызвал уход В. Абдураимова с поста руководителя партии.

Реального конкурента в крымско-татарской среде в это время у Меджлиса не было. Поэтому с ним искали союза различные политические силы Украины. Блокирование с Меджлисом являлось гарантией поддержки со стороны значительной части крымско-татарского электората.

На президентских выборах 2010 г. Меджлис активно поддержал кандидатуру Ю. В. Тимошенко. Но победил В. Ф. Янукович, что вызвало новый виток обострения отношений Меджлиса с властью, как центральной, так и крымской.

§ 5. Крым и выборы президента Украины 2010 г.

Победа В. Ф. Януковича на президентских выборах 2010 г. во многом была одержана благодаря поддержке крымчан: в автономной республике за него во втором туре проголосовали 78,24% избирателей, а в Севастополе — 84,35%. Всего Крым отдал за кандидата Партии регионов без малого 1 млн голосов. Более активно В. Ф. Янукович был поддержан только на юго-востоке Украины — Донбассе, получив 2 435 522 голоса избирателей Донецкой области (90,44%) и 1 237 922 голоса — Луганской (88,96%)¹.

Поддержка В. Ф. Януковича в Крыму носила ярко выраженный пророссийский характер. Именно с этим кандидатом в президенты у крымчан ассоциировались надежды на укрепление российско-украинских связей, наделение русского языка официальным статусом, восстановление и углубление экономической интеграции российской и украинской экономики. Нельзя сказать, что В. Ф. Янукович давал конкретные обещания по поводу такого внешнеполитического курса, а вот о статусе русского языка он высказывался вполне определенно, причем делал это в Крыму. Очевидцы вспоминают, что на встрече с избирателями в Симферополе, подняв руку, он произнес: «Я вот этой рукой на следующий день после избрания президентом подпишу закон о русском языке!»

Значительную роль в массовой поддержке крымчанами В. Ф. Януковича сыграла и неприемлемость для них его главного оппонента — Ю. В. Тимошенко. Поэтому, несмотря на отсутствие особых иллюзий по поводу идейных взглядов В. Ф. Януковича и истинных политических устремлений возглавляемой им партии, пророссийские силы полуострова вновь, как в 2004 и 2006 гг., консолидировались вокруг его фигуры, обеспечив политику полную поддержку со стороны крымского электората. На сторону лидера Партии регионов стали не только его однопартийцы, но и участники только что созданного общественно-политического движения «Русское единство».

¹ Такош Л. Скинхеды хотели утопить ребенка в Салгире.

Однако внешнеполитические шаги президента В. Ф. Януковича, казалось бы, не оправдывали надежд его избирателей: свой первый визит в качестве главы украинского государства он совершил не в Москву, а в Брюссель — столицу Евросоюза и штаб-квартиру НАТО. Впрочем, дальнейшие действия В. Ф. Януковича должны были убедить и его сторонников, и его критиков, что брюссельский визит не обозначение приоритетного внешнеполитического вектора Украины, а лишь эпизод в осуществляемой новым президентом политике многовекторности, доставшейся ему по наследству от Л. Д. Кучмы.

§ 6. Харьковские соглашения

Действительно, вслед за дипломатическим вояжем на Запад последовал неожиданный дипломатический бросок на Восток. 21 апреля 2010 г. в Харькове состоялась встреча президента Украины В. Ф. Януковича и президента Российской Федерации Д. А. Медведева, по итогам которой было подписано Соглашение между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины, получившее название Харьковских соглашений.

В нем стороны договаривались о продлении срока базирования в Крыму Черноморского флота на 25 лет. Таким образом, если по Соглашению между Украиной и Российской Федерацией о статусе и условиях пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины от 28 мая 1997 г. срок пребывания флота в Крыму завершался 28 мая 2017 г., то теперь он отодвигался до 2042 г. с последующей автоматической пролонгацией на каждые следующие пять лет в случае согласия сторон¹.

Соглашение также фиксировало ежегодную арендную плату за базирование Черноморского флота в Крыму, которая состояла из двух частей: фиксированной в размере 100 млн долларов США в год и формирующейся из скидки на приобретаемый у России природный газ в сумме 100 долларов США на каждую тысячу кубометров.

Если пророссийские силы Украины встретили Харьковские соглашения с нескрываемым оптимизмом, то национал-демократическая оппозиция ответила на их заключение волной негодования. Национал-демократы на момент подписания Харьковских соглашений уже довольно длительное время находились в предвкушении приближавшегося момента вывода флота из Крыма. Был даже создан интернет-сайт «Флот 2017», на котором шел отсчет времени, оставшегося до момента завершения срока аренды мест базирования Черноморского флота в Крыму.

¹ Соглашение между Украиной и Российской Федерацией по вопросам пребывания Черноморского флота Российской Федерации на территории Украины [Электрон. ресурс]. URL: <http://www.unian.net/rus/news/news=374534.html> (дата обращения: 19.03.2017).

В зале пленарных заседаний Верховной рады Украины 27 апреля для того, чтобы сорвать процесс ратификации Соглашения, оппозиционерами были устроены массовые беспорядки. Однако эта акция провалилась: украинский парламент большинством голосов принял закон о ратификации Харьковских соглашений, а через два дня аналогичный российский закон подписал президент Российской Федерации Д. А. Медведев.

Даже после этого борьба против Соглашения со стороны оппозиции не прекращалась. Она выражалась в явно не соответствовавших содержанию документа оценках его последствий, согласно которым «Янукович продал русским Крым за скидку на газ».

§ 7. Внутриполитические процессы в Крыму в период президентства В. Ф. Януковича

На самом же деле статус Крыма по итогам Харьковских соглашений формально никак не изменился. С весны 2010 г. начался новый этап потери крымской автономией остатков самостоятельности и самобытности. Но связаны были эти процессы не с внешнеполитическими документами, а с внедрением в систему управления республики высокопоставленного функционера Партии регионов В. Г. Джарты. В марте 2010 г. его кандидатура, рекомендованная на пост председателя Совета министров Крыма, была поддержана республиканским Верховным советом, новым председателем которого избрали В. А. Константинова.

С приходом В. Г. Джарты в Крыму была осуществлена своеобразная кадровая революция. Фактически изменена иерархия внутри пары первых лиц автономии. В прежнем тандеме явным и всеми признанным лидером являлся спикер парламента. Теперь же В. Г. Джарты приехал не просто руководить крымским правительством, но с полномочиями занять место руководителя № 1 в республике.

Таким образом, с марта 2010 г. в Крыму начал складываться, по сути, новый политический режим, при котором роль местных представительных органов была сведена к одобрению любых решений исполнительной власти. Атрибуты автономии при этом сохранялись, но приобретали еще более декоративный характер.

Не исключено, что, имея в виду именно такую форму политического режима, В. Ф. Янукович и его ближайшее окружение, подбирая кандидатуру нового главы крымского парламента, остановились на фигуре В. А. Константинова, рассчитывая на его политическую неопытность, стремление избегать конфликтов и интриг, готовность к командной игре.

Верховный совет во главе со спикером В. А. Константиновым с самого начала его деятельности на этом посту стал своего рода центром консолидации недовольства произволом исполнительной власти, с которой значительная часть депутатского корпуса, управленческого аппарата и просто общественно активных крымчан вынуждена была считаться, но так и не смирилась.

Одновременно шло стремительное формирование так называемой команды Джарты, складывавшейся в процессе расстановки на всех уровнях властной вертикали кадров, привлеченных в Крым извне. Особенностью этой кадровой интервенции, отличающей ее от предыдущих, было то обстоятельство, что «завозные» кадры привлекались не только на верхние этажи власти, а занимали также должности в среднем управленческом звене и расставлялись практически на всех постах, на которых можно было контролировать денежные потоки. Поскольку значительная часть кадровых «десантников» завозилась из Макеевки (выходцем из этого города был и сам В. Г. Джарты, в 2000–2002 гг. занимавший пост макеевского городского головы) и Донецка, команду Джарты стали именовать также макеевско-донецкими или попросту македонцами.

Поскольку у блока «За Януковича!» по итогам выборов 2006 г. имелось 44 депутатских мандата из 100, В. Г. Джарты на первых порах вынужден был продолжить тактику балансирования между фракциями, использовавшуюся до него А. П. Гриценко. Это отразилось и на принципах формирования его первого правительства, которое было коалиционным. Нашлось в нем место и для представителей «Русского единства». Одним из вице-премьеров стал молодой активист Русской общины А. Д. Козенко, а пост председателя Республиканского комитета по делам религий заняла член Русской общины Л. В. Чулкова.

Следующим актом реформирования политического режима республики стали выборы в местные органы власти, состоявшиеся 31 октября 2010 г. Выборы проходили по существенно измененному избирательному закону. Главными новшествами стали введение смешанной избирательной системы, предусматривающей голосование как по партийным спискам, так и мажоритарное, и запрет партиям создавать предвыборные блоки.

В ходе выборов В. Г. Джарты решал важную для него задачу: им был взят курс на установление монопольного контроля над Крымом. Еще до выборов он избавился от прежнего союзника регионалов — Русской общины, охарактеризовав ее как «вериги на ногах» крымской организации Партии регионов. Остальных потенциальных политических партнеров, традиционно составлявших республиканский «антиоранжевый» консенсус, регионалы рассматривали не иначе как группу своей поддержки, жестко пресекая чьи-либо попытки вести свою игру. Под македонский пресс в ходе подготовки к выборам в парламент попадали «Русское единство», партия «Союз», крымские коммунисты. Что же касается немногочисленных в Крыму сил «оранжевого» политического спектра, то новая избирательная система оставляла им мало шансов даже на повторение более чем скромного результата 2006 г.

В итоге из 100 депутатов Верховного совета Крыма 80 оказались представителями Партии регионов. По пять своих представителей удалось провести местным организациям Компартии Украины и Народного руха, под крышей которого в парламент традиционно баллотировались и попадали ставленники Меджлиса крымско-татарского народа. Трех депутатов получила партия «Русское единство», двоих — еще одна возникшая накануне выборов партийная структура «Сильная Украина». «Батькивщина» Ю. В. Тимошенко не сумела преодолеть трехпроцентный

барьер, что было необходимо для попадания в крымский парламент. Впервые в ходе этих выборов явка в республике составила меньше половины крымских избирателей, из которых более 7% проголосовали «против всех».

По итогам выборов Партия регионов единолично сформировала новое крымское правительство и почти единолично — Президиум Верховного совета, полностью оттеснив местные политические элиты от управления ресурсами региона.

Таким образом, крымский политический ландшафт претерпел в 2010 г. кардинальные изменения. Команда Джарты установила над ним монопольный контроль. Это означало не только разгромное поражение крымской политической элиты, но и ознаменовало собой еще один мощный удар по крымской самобытности и остаткам крымской самостоятельности.

Что же касается деятельности команды «эффективных менеджеров» и «молодых реформаторов», как позиционировала себя группа управленцев, собранных В. Г. Джарты, то она свелась к освоению денежных средств, которые стали поступать в Крым из государственного бюджета в объемах, невиданных республикой за все предыдущие (и последующие) годы нахождения в составе независимой Украины.

Впрочем, вскоре после проведения выборов в крымский парламент В. Г. Джарты тяжело заболел, после чего непосредственно руководить крымским правительством мог только периодически, с большими перерывами. Тем не менее он еще успел резко обострить, а затем также резко нормализовать свои отношения с Меджлисом крымско-татарского народа, депортировать из Крыма прибывшего туда с частным визитом первого президента Крыма Ю. А. Мешкова, попытаться с ходу решить застарелую и хроническую проблему самозахватов, а также отдать приказ о жестком разгоне акции русских активистов по установке Поклонного креста под Феодосией в июле 2011 г. и аресте ее организаторов. 17 августа 2011 г. В. Г. Джарты скончался. В ожидании назначения нового главы исполнительной власти автономии Совет министров Крыма возглавил первый вице-премьер правительства П. Н. Бурлаков.

Пауза с назначением нового крымского премьера затянулась почти на три месяца. Наконец, 8 ноября 2011 г. новым председателем Совета министров Автономной Республики Крым был назначен А. В. Могилев, занимавший до этого назначения пост министра внутренних дел Украины. Несмотря на то что А. В. Могилев уже имел опыт работы в Крыму, он являлся представителем той же макеевско-донецкой команды, что и В. Г. Джарты. Правда, без жесткости и бескомпромиссности, свойственной его предшественнику, что породило в рядах крымских политиков иллюзии установления более сбалансированного компромисса между ними и македонцами. При этом, не обладая деспотическими качествами В. Г. Джарты, А. В. Могилев не был так близок к президенту Украины, не пользовался у В. Ф. Януковича таким же доверием и, судя по всему, не получил таких полномочий, которыми располагал его предшественник. Поток инвестиций в Крым практически сразу иссяк. Начатые при В. Г. Джарты проекты замерли.

Более чем два года находясь во главе крымского правительства, А. В. Могилев был сконцентрирован на обеспечении участия Крыма в выборах парла-

мента Украины (2012 г.), поддержании межэтнической стабильности и разного рода текущих хозяйственных делах. По сути, единственным не сиюминутным направлением деятельности его правительства стали межэтнические отношения, точнее попытки распутать многочисленные узлы крымско-татарского вопроса. Ключевыми в этой деятельности по-прежнему являлись взаимоотношения крымской республиканской власти и Меджлиса крымско-татарского народа.

И администрация В. Г. Джарты, и правительство А. В. Могилева предпринимали попытки ограничить деятельность Меджлиса. Первой в этом направлении стала инициатива по реформативанию Совета представителей крымско-татарского народа при президенте Украины. Согласно указу президента В. Ф. Януковича, изданному в 2010 г., этот орган стал формироваться не председателем Меджлиса, а Администрацией Президента. В итоге в его новом составе из 19 членов только восемь представляли Меджлис. Не менее важным было то обстоятельство, что Совет представителей фактически утратил непосредственную коммуникацию с президентом: теперь его заседания должен был проводить председатель Совета министров Автономной Республики Крым.

Фактически это не просто понизило статус данного органа, а в значительной степени лишило его смысла и жизнеспособности. Не удивительно, что собравшись Совет представителей сумел только через полтора года после своего реформативания — 30 января 2013 г. Возглавил его депутат крымского парламента от Партии регионов Л. Безазиев, его заместителем стал лидер «Милли Фирки» В. Абдураимов, а секретарем — председатель правления Совета старейшин крымско-татарского народа «Намус» Т. Челебиев. Но к какому-то заметному оживлению работы Совета представителей это не привело.

Была предпринята попытка ограничить монополию Меджлиса на политическое представительство крымских татар и в ходе выборов в республиканские и местные органы власти, состоявшихся осенью 2010 г. В них, помимо меджлисовцев, традиционно воспользовавшихся поддержкой партии Народный рух Украины, приняли участие их извечные оппоненты: «Милли Фирка» под вывеской Украинской селянской демократической партии и движение «Поколение Крым» (лидер Р. Бальбек), представители которого были включены в партийные списки Социалистической партии Украины.

Кроме того, имелись «немеджлисовские» выдвиженцы из крымских татар и в рядах кандидатов в республиканский парламента от Партии регионов. Только они и добились электорального успеха: депутатские мандаты крымского парламента получили регионалы Л. Безазиев и Э. Гафаров. Остальные партии, в которых присутствовали крымско-татарские кандидаты, на республиканском уровне потерпели поражение. В районных и городских советах, помимо меджлисовских выдвиженцев, оказалось 11 депутатов — крымских татар, представлявших Партию регионов, и четыре представителя «Милли Фирки». Это несколько поколебало монопольное положение Меджлиса, но в целом никак не поставило под сомнение его лидерство в части представительства крымских татар в органах власти: в республи-

канский парламента он провел пять своих представителей (все по партийным спискам), а в городские и районные советы — 101 депутата¹.

Вскоре Меджлису удалось отбить еще одну атаку на свои позиции. На этот раз ее намеревался предпринять крымский премьер В. Г. Джарты, решивший во что бы то ни стало покончить с самозахватами. В январе 2011 г. он обратился к народному депутату Украины, лидеру Меджлиса М. Джемилеву с открытым письмом, требующим освободить захваченные участки². Однако буквально через несколько дней позиция крымского премьера поменялась на прямо противоположную: он вступил в активный диалог с лидерами Меджлиса, одобрил план фактического узаконения самозахватов, пролоббировал принятие на сессии Симферопольского горсовета решения о выделении земли (ранее самовольно захваченной) под строительство соборной мечети и принял участие в торжественной закладке памятной капсулы на месте ее строительства.

Собственную политику относительно Меджлиса пытался осуществлять и А. В. Могилев. С момента своего назначения на пост председателя Совета министров Крыма он неуклонно проводил линию на максимальное вытеснение представителей Меджлиса с официальных постов в республиканских и местных структурах власти. Крымский премьер пытался стимулировать формирование в недрах крымско-татарского движения оппозиционной Меджлису силы, которую можно было бы сопоставить по влиянию с этим нелегальным представительным органом. 28 января 2012 г. в Симферополе прошла «Объединительная конференция общественных сил крымско-татарского народа», в работе которой приняли участие около 450 делегатов из 15 крымско-татарских общественных организаций и мусульманских общин Крыма. Ими был учрежден Крымско-татарский народный фронт. Среди его учредителей: «Милли Фирка», «Поколение Крым», Фонд исследований и поддержки коренных народов Крыма (глава — бывший меджлисовец Н. Бекиров), благотворительный фонд «Ватандаш-Соотечественник» (глава Р. Халилов) и др. С подачи М. Джемилева, оппозиционеров, сплотившихся вокруг Крымско-татарского народного фронта, стали называть могилевскими татарами, указывая тем самым на их близость к руководству крымского правительства. Стоит заметить, что, несмотря на всевозможные объединения и активную поддержку крымско-татарских оппозиционеров, сформировать нечто альтернативное Курултаю — Меджлису у А. В. Могилева и его сподвижников так и не получилось.

Тем временем в самом Меджлисе тоже назрели перемены: осенью 2013 г. обновленный состав Курултая крымско-татарского народа избрал нового председателя Меджлиса, которым стал многолетний заместитель М. Джемилева Р. Чу-

¹ Бекірова Г. Основні події та тенденції в розвитку кримськотатарського національного руху, громадських і громадсько-політичних організацій кримських татар (серпень 2010—жовтень 2011 року) // Політична мапа Криму: 2010–2011. Процеси і тенденції. Київ; Сімферополь, 2012. С. 37–57.

² Цит. по: Никифоров А. Р. Политические процессы в крымско-татарском национальном движении // Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Сер. Політологія. Севастополь, 2013. Вип. 145/2013. С. 216.

баров. Впрочем, такой исход передачи власти означал, что М. Джемилев остался фактическим лидером структуры Курултай — Меджлис.

С новым составом Меджлиса во главе с другим председателем, но со старым соотношением сил между соперничающими группировками Крымско-татарское национальное движение встретило Евромайдан.

§ 8. Назревание нового политического кризиса на Украине. Реакция на перспективы украинской «евроинтеграции» в Крыму

События, в дальнейшем получившие название Евромайдана и «революции достоинства», подготавливались с начала 2013 г., когда руководство Украины, казалось бы, уверенно встало на путь евроинтеграции и приступило к непосредственной подготовке заключения Соглашения об ассоциации с Евросоюзом. Шла массированная обработка общественного мнения спикерами Партии регионов, доказывавшими необходимость заключения Соглашения, подписание которого было намечено на 29 ноября 2013 г., когда в Вильнюсе должен был проходить очередной саммит Евросоюза.

Примечательно, что какой-либо общественной дискуссии по содержанию самого документа не проводилось. Речь шла исключительно о выборе Украиной геополитического вектора. Любые попытки критического отношения к избранному курсу, в том числе и внутри Партии регионов, жестко подавлялись. Так продолжалось вплоть до 21 ноября, когда неожиданно для многих Кабинет министров Украины принял решение о приостановке курса на евроинтеграцию и необходимости отсрочки подписания Соглашения об ассоциации. Сложившимся положением тут же воспользовалась оппозиция, начавшая в центре Киева бессрочную акцию протеста против приостановки подписания Украиной Соглашения.

В Крыму, напротив, свертывание подготовки к сближению с Евросоюзом было встречено с воодушевлением, поскольку евроинтеграция Украины означала неизбежное отдаление от Российской Федерации, что всегда болезненно воспринималось крымчанами.

22 ноября 2013 г. Президиум Верховного совета Крыма принял заявление, в котором поддержал решение Кабинета министров Украины об отсрочке подписания Соглашения с Евросоюзом, а 24 ноября на площади Ленина в Симферополе прошел многотысячный общекрымский митинг «За стабильность и процветание. Крымчане за развитие торговых отношений с Российской Федерацией», в котором приняли участие председатель Верховного совета Автономной Республики Крым В. А. Константинов, члены Президиума и депутаты крымского парламента.

Но эпицентр разгоравшегося конфликта находился в Киеве. После того как 29 ноября 2013 г. на саммите Евросоюза в Вильнюсе президент В. Ф. Янукович официально отказался ставить свою подпись под Соглашением об ассоциации, в украинской столице вечером того же дня начались столкновения митингующих с правоохранителями, вырос палаточный городок на площади Независимости.

Глава 35

«Крымская весна» 2014 г.

А. Р. Никифоров

В Крыму нарастало ощущение тревоги, но при этом для большинства населения полуострова было довольно характерно чувство отстраненности от происходящего, особенно в начале Евромайдана. В крымском обществе в тот момент шел процесс накопления внутренней мобилизации, малозаметный для постороннего наблюдателя. Это была своего рода психологическая подготовка к последующим решительным действиям.

Однако эскалация конфликта в Киеве, происходившая на фоне растерянности и нерешительности центральных органов государственной власти, заставила республиканское руководство активизироваться. Центр политической жизни в Крыму переместился в здание крымского парламента, оперативно реагирующего на каждый поворот ситуации в столице Украины.

Уже 1 декабря 2013 г. события в Киеве стали предметом обсуждения на внеочередном заседании Президиума Верховного совета Автономной Республики Крым, по итогам которого было принято Обращение к крымчанам, где дана четкая и жесткая оценка происшедшего. В Обращении, в частности, говорилось: «События последних дней в Киеве вызывают серьезную тревогу за будущее нашей страны. Под угрозу поставлены политическая и экономическая стабильность в государстве, его целостность и сами основы конституционного строя»¹.

На следующий день вопрос о политической ситуации в стране был внесен в повестку дня пленарного заседания парламента, на котором принято Обращение к президенту Украины В. Ф. Януковичу. Парламентарии требовали от него немедленного восстановления конституционного порядка. В заключении Обращения содержался призыв к решительным действиям власти: «Призываем Вас, уважаемый Виктор Федорович, принять все доступные Вам меры для восстановления общественного порядка, не останавливаясь, если этого потребует ситуация, перед введением чрезвычайного положения. Политический момент требует проявления

¹ Обращение Президиума Верховного совета АРК к крымчанам 1 декабря 2013 года. № 1511–6/13 [Электрон. ресурс]. URL: <http://crimea.gov.ru/app/2785> (дата обращения: 19.03.2017).

максимальной твердости и решительности. Мы знаем, что они у Вас есть. Крымчане всячески поддержат Ваши усилия по стабилизации политического положения и восстановлению общественного порядка»¹.

Позиция крымского парламента кардинально отличалась от той, которую заняли руководители остальных украинских регионов и центральные органы власти страны. Верховный совет Республики систематически бомбардировал информационное пространство Украины обращениями, заявлениями и прочими документами, предлагая свое видение преодоления кризисной ситуации в государстве. Это было особенно заметно на фоне пассивной выжидательной позиции, которую заняло в эти дни руководство Совета министров республики во главе с А. В. Могилевым. Одновременно спикер крымского парламента В. А. Константинов в частном порядке приступил к консультациям с представителями российских властей относительно возможной позиции Москвы в случае обострения ситуации в Крыму².

Политически активные крымчане тоже искали свое место в разворачивающихся событиях. Первоначально их действия носили разрозненный характер. Предпринимались попытки проведения антимайдановских акций организацией «Таврический союз», имела место серия протестных флешмобов под началом депутата Верховного совета от партии «Русское единство» С. И. Шувайникова. Но все эти акции не носили массового характера и происходили вдали от эпицентра событий, не вызывая реакции официального Киева.

С первых дней Евромайдана крымчане приступили к сбору гуманитарной помощи для бойцов крымского спецподразделения Министерства внутренних дел Украины «Беркут», откомандированных в Киев. Стойкость и выдержка бойцов «Беркута» стали своего рода символом того времени, снискали им авторитет и уважение в крымском обществе, вселяли надежду на то, что украинских экстремистов удастся остановить.

Имело место в Крыму и организованное противодействие Евромайдану: желающие принять участие в антимайдановских акциях в Киеве отправлялись в столицу Украины по линии Партии регионов. В январе 2014 г. в Крыму было создано движение «Стоп-майдан», инициированное руководством Совета министров Автономной Республики Крым. Однако в целом исполнительная власть действовала нерешительно, придерживаясь инструкций центра, которые явно запаздывали.

Вплоть до момента, когда в Киеве был совершен государственный переворот, руководство крымского парламента делало ставку на восстановление стабильности, укрепление законности и правопорядка на Украине. Можно сказать, что Крым являлся единственным регионом, который тогда продолжал последовательно бороться за сохранение целостности страны.

12 февраля в Ливадийском дворце состоялся Всеукраинский форум областных советов и Верховного совета Крыма, в котором приняли участие представители

¹ Обращение Верховной рады Автономной Республики Крым к Президенту Украины Януковичу В. Ф. 2 декабря 2013 года. № 22–6/13–ВР [Электрон. ресурс]. URL: <http://crimea.gov.ru/act/11432> (дата обращения: 19.03.2017).

² Подробнее об этом см.: *Константинов В. А.* Пройти свой путь. Симферополь, 2017.

18 областей Украины (за исключением западных: Волынской, Закарпатской, Ивано-Франковской, Львовской, Ровенской, Тернопольской, Черновицкой, Винницкой, а также Киева). Спикер крымского парламента В. А. Константинов в своем выступлении на форуме заявил, что модель крымской автономии, заложенная в Конституции Украины и Конституции Автономной Республики Крым 1998 г., «полностью себя исчерпала» и следует вернуться к ряду параметров первой половины 1990-х гг., когда Крым имел государственную самостоятельность. Но речь не шла о выходе из состава Украинского государства. Более того, В. А. Константинов был фактически единственным участником форума, кто предложил свой вариант выхода Украины из кризиса. По его мнению, помочь в сложившейся ситуации могла децентрализация власти, «сшивки Украины по горизонтали», что подразумевало опору центра на региональные элиты. Но к серьезному разговору о таком реформировании Украины представители местных властей оказались не готовы, на него не пошли даже руководители юго-восточных регионов. Крым и остальная Украина уже политически разошлись.

19 февраля 2014 г., в 60-ю годовщину передачи Крымской области из состава РСФСР в состав УССР, крымский парламента принял решение о необходимости более активного подключения регионов к подготовке нового текста Конституции Украины, а также предложил провести всеукраинский референдум по ключевым вопросам государственного устройства. Эта инициатива Симферополя также осталась незамеченной в Киеве. В последующие два-три дня власть В. Ф. Януковича рухнула. Командные высоты в столице Украины стремительно переходили в руки сторонников Евромайдана.

Окончательно крымские депутаты убедились в бесперспективности спасать всю страну после проведения в Харькове съезда депутатов всех уровней, который состоялся 22 февраля 2014 г. Многие ожидали от съезда повторения форума, аналогичного состоявшемуся в Северодонецке, когда в декабре 2004 г. депутаты всех уровней юго-востока страны сумели сплотиться и громко заявить о необходимости считаться с интересами и политической волей тех регионов, которые они представляли. Но съезд в Харькове не принес никаких результатов.

В эти же дни из Киева пришли известия о гибели бойцов крымского «Беркута», а затем о погроме, который был учинен возвращавшимся домой крымским участникам Антимайдана. В окрестностях Корсунь-Шевченковского Черкасской области автобусы с крымчанами были остановлены группами активистов Евромайдана, их пассажиры жестоко избиты, несколько человек пропали без вести. Эти события поставили вопрос о необходимости немедленного политического выбора, который должен был сделать Крым.

Первая попытка проведения пленарного заседания Верховного совета Крыма с обсуждением политической ситуации, сложившейся после государственного переворота в Киеве, была предпринята по инициативе его председателя 21 февраля, но кворума собрать не удалось. Сказалось противодействие со стороны премьера А. В. Могилева и его ближайшего окружения, хорошо осознававших, что парламента первым делом отправит в отставку «македонское» правительство. А. В. Могилев

имел влияние на значительную часть депутатского корпуса, что позволило ему на определенное время парализовать работу парламента.

22 февраля Симферополь прощался с бойцами «Беркута», погибшими в Киеве. После прощания на площади Ленина начался стихийный митинг. Во многом именно с этого события начался общественный подъем, который шел затем по нарастающей вплоть до 16 марта. На прощание прямо с марша из Киева прибыли однополчане погибших беркутовцев. Они были встречены симферопольцами оvation и скандированием: «Беркут!».

Жители Симферополя попытались разбить на площади палаточный лагерь, но после переговоров с милицией отказались от этих попыток: на следующий день на площади был запланирован митинг сторонников Меджлиса, поэтому правоохранители убедили людей не создавать лишних поводов для провокаций.

На следующий день, 23 февраля, в крымской столице состоялись две многотысячные акции. У здания Верховного совета около 3 тыс. активистов «Русского единства» под руководством депутата Верховного совета Крыма С. В. Аксенова производили запись добровольцев в народное ополчение — самооборону Крыма. А в нескольких сотнях метров, на площади Ленина, проходил 10-тысячный митинг Меджлиса крымско-татарского народа.

Именно с этого момента начинается стремительный взлет политической карьеры С. В. Аксенова. Будучи депутатом крымского парламента, лидером небольшой депутатской фракции «Русского единства», он тем не менее уже достаточно хорошо был знаком широкой массе крымчан. В течение буквально нескольких дней после 23 февраля С. В. Аксенов становится самым популярным крымским политиком не только внутри полуострова, но и далеко за его пределами.

Ополчение включало в свои ряды активных крымчан — представителей самых различных направлений Русского движения и иных противников Евромайдана. В сложившихся обстоятельствах разногласия отошли на задний план, и все искали возможности для консолидации и участия в противодействии перевороту в Киеве. Буквально за считанные часы было сформировано 10 рот народного ополчения — самообороны Крыма.

Параллельно проходивший митинг на площади Ленина Меджлис приурочил к 96-й годовщине расстрела в годы Гражданской войны председателя Крымской Народной Республики Н. Челебиджихана. На самом же деле на митинге была сформулирована политическая программа Меджлиса: принятие новой Конституции Крыма, которая гарантировала бы квотное представительство крымских татар во всех органах республиканской и местной власти, снос памятника В. И. Ленину в центре Симферополя в течение 10 дней. Митингующие потребовали демонтировать все памятники вождю по всей территории полуострова, пригрозив в случае невыполнения этого ультиматума «принять меры». Было заявлено о готовности дать отпор намерениям вывезти Крым из состава Украины.

В этот же воскресный день севастьяпольцы провели свой многотысячный митинг, на котором народным мэром города был избран А. М. Чалый. Глава Севастопольской городской администрации В. Г. Яцуба добровольно ушел в отставку.

Лидер партии «Русский блок» Г. А. Басов объявил о создании в Севастополе добровольческих отрядов самообороны.

На следующий день, 24 февраля, две роты республиканского народного ополчения, сформированные накануне на основе членов казачьих организаций, выдвинулись к базе «Беркута» в Симферополе и заблокировали подходы к ней с внешней стороны. Ополченцы узнали о прибытии в расположение «Беркута» назначенных киевскими путчистами руководителя МВД Украины А. Б. Авакова и главы Службы безопасности Украины В. А. Наливайченко, намеренных, по слухам, разоружить и распустить спецподразделение. У входа на базу возник бессрочный пикет, стал возводиться палаточный городок. В это же время сами бойцы «Беркута» готовили базу к обороне изнутри. На нее завезли 40 т песка, которым забаррикадировали окна, были заблокированы ворота базы.

Вскоре к базе «Беркута» прибыл председатель Совета министров Крыма А. В. Могилев, первоначально встреченный доброжелательно. Но стоило ему только заговорить о необходимости выполнять распоряжения Киева, как он тут же был изгнан пикетчиками.

База «Беркута» на некоторое время стала объединяющей точкой крымского протеста против государственного переворота в Киеве. Однако в Крыму имела легитимная власть — республиканский парламента. Именно под его стенами пикетчики и все, кто их поддерживал, решили провести на следующий день митинг с требованием немедленного созыва пленарного заседания и принятия политических решений, которых требовала сложившаяся ситуация. Конкретной политической программы у пикетчиков при этом не имелось.

Утром 25 февраля у здания Верховного совета Крыма собрались около 2 тыс. человек. Участники митинга зачитали «Письмо 15» — обращение представителей крымской общественности, адресованное спикеру парламента В. А. Константинову. В нем отмечалось, что после государственного переворота в Киеве единственной легитимной властью в Крыму является местный парламента, который должен взять на себя всю полноту власти и ответственности за происходящее. Для этого предлагалось отказаться от выполнения распоряжений, поступающих из Киева, вернуться к государственной самостоятельности и Конституции 1992 г., переподчинить себе все украинские силовые структуры, размещавшиеся на территории республики, а также провести референдум по вопросу о дальнейшей государственной принадлежности полуострова.

Требования митингующих в целом совпадали с замыслами руководителей депутатского корпуса. Руководство Верховного совета вступило в переговоры с участниками митинга. Их представители были приглашены на заседание Президиума Верховного совета, который принял решение о проведении пленарного заседания на следующий день, 26 февраля, в 15 час.

Сразу после оглашения сроков проведения пленарного заседания партия «Русское единство» подала заявку на проведение в день работы парламента массовой акции в поддержку и для охраны депутатского корпуса. Начало пикета было намечено на 14 час. Одновременно Меджлис по всем доступным ему средствам ин-

формации объявил «национальную мобилизацию» крымских татар, призывая их под стены парламента к 10 час. Крымских татар вводили в заблуждение, заявляя, что на сессии будет принято решение о выходе Крыма из состава Украины, хотя руководители Меджлиса хорошо знали, что в то время таких намерений у руководства Верховного совета не было.

Утром 26 февраля под стены здания Верховного совета Крыма стали стягиваться группы митингующих крымских татар, колонны которых возглавляли члены Меджлиса. Сторонники Меджлиса и Евромайдана были хорошо организованы и технически подготовлены к столкновению. Они использовали в качестве метательных средств пластиковые бутылки, наполненные замороженной водой, толченое в порошок стекло, дровки знамен шли в ход как дубинки, а в кульминационный момент противостояния защитники парламента подверглись настоящей газовой атаке.

Тем не менее блокировать здание парламента у сторонников Меджлиса не получилось, так как на его охрану заступил небольшой пикет русских активистов из числа тех, кто накануне стоял лагерем у базы «Беркута». Затем к защитникам парламента стали подтягиваться подкрепления. Пророссийскую сторону противостояния, вышедшую на защиту парламента, представляли главным образом гражданские активисты казачьих организаций и примкнувшие к ним неравнодушные симферопольцы. На помощь защитникам Верховного совета прибыли активисты из других городов автономии. Отряд ополченцев прибыл из Севастополя.

В это время была возможна реализация нескольких сценариев, каждый из которых предполагал существенное изменение политической ситуации в Крыму.

Сценарий сторонников киевского государственного переворота подразумевал плавную передачу исполнительной власти от правительства А. В. Могилева новому премьеру, присланному из Киева. Этот пост должен был занять выходец из Крыма и близкий соратник Ю. В. Тимошенко, активист партии «Батькивщина» А. В. Сенченко. Договоренность с А. В. Могилевым о мирной передаче власти была достигнута. Единственным препятствием развитию событий по такому сценарию мог стать только Верховный совет Крыма, если бы ему удалось вмешаться в процесс смены правительства. Но с парламентом в «македонский» период привыкли не считаться. Достаточно было продемонстрировать его недееспособность. А после смены правительства предполагалось добиться лояльности депутатского корпуса к новому руководству республики, как бывало уже в новейшей крымской истории не раз. На нейтрализацию Верховного совета Крыма и была направлена акция Меджлиса, лидер которого Р. Чубаров рассчитывал занять в ближайшем будущем пост главы крымского парламента.

Но руководство республиканского парламента пыталось осуществить другой сценарий. Как показало заседание Президиума Верховного совета 25 февраля, практически все его члены были готовы осудить случившийся в Киеве государственный переворот. Кроме того, руководство парламента намеревалось отправить в отставку А. В. Могилева и наиболее одиозных министров его правительства, после чего взять исполнительную власть под собственный контроль. Не совсем

понятно, предусматривались ли этим планом какие-то дальнейшие шаги. Но совершенно очевидно: вопрос о выходе из состава Украины тогда в повестку дня работы парламента не вносился и даже не обговаривался.

К моменту начала работы пленарного заседания (в 15 час.) зарегистрировавшихся в сессионном зале депутатов оказалось меньше половины. При повторной попытке открыть заседание, предпринятой в 16 час., кворум так и не был собран, после чего В. А. Константинов вынужден был распустить депутатов. К тому времени боевики Меджлиса сумели ворваться в здание парламента, но ограничились его символическим взятием и разошлись.

День 26 февраля завершился формальным поражением противников Евромайдана, которые оказались оттеснены от здания Верховного совета и только после ухода оттуда меджлисовцев начали сооружать у входа в парламент баррикаду. Сам парламента так и не собрался, политические решения, стоявшие в повестке дня его работы, так и не были приняты. Деятельность Верховного совета, казалось, была надежно заблокирована. Но в ночь с 26 на 27 февраля все неожиданно изменилось.

Ранним утром 27 февраля здания парламента и правительства республики оказались под контролем вооруженных людей, представившихся бойцами самообороны Крыма. Над зданиями были подняты флаги Российской Федерации.

Рано утром ряд депутатов Верховного совета Крыма и руководители крымского правительства собрались в здании Главного управления Министерства внутренних дел Украины в Крыму. На коротком совещании было решено вступить в переговоры с людьми, заблокировавшими правительственные здания. Попытка председателя Совета министров Крыма А. В. Могилева попасть в свой кабинет успеха не имела. Напротив, члены Президиума Верховного совета были допущены в здание парламента и приступили к подготовке нового пленарного заседания. Его удалось собрать к вечеру того же дня.

Фактически то, чего около недели безуспешно добивалось руководство крымского парламента, решилось в течение нескольких часов: правительство было отправлено в отставку, кроме того, на 25 мая назначен референдум о восстановлении государственного суверенитета Крыма в трактовке Конституции 1992 г. Напомним, речь в ней шла о том, что Крым строит свои отношения с Украиной исключительно на основании договоров и соглашений. Объявление референдума, как и отставка А. В. Могилева, возражений у депутатов не вызвали. После непродолжительных дебатов новым председателем Совета министров Автономной Республики Крым был назначен С. В. Аксенов.

Итак, даже 27 февраля Верховный совет Крыма еще не ставил вопроса о выходе республики из состава Украинского государства. Речь шла о расширении самостоятельности Крыма, восстановлении полномочий республики, незаконно упраздненных официальным Киевом в 1995 г. У новых украинских властей имелись все шансы для того, чтобы попытаться сохранить полуостров в составе Украины. Для этого необходимо было пойти навстречу крымской стороне, начать с ней переговоры.

Однако вскоре выяснилось, что Крыму в своей борьбе за самостоятельность предстоит пройти гораздо дальше, чем предполагалось первоначально. Этого тре-

бовала логика развития событий, прежде всего абсолютная неспособность нового киевского режима к каким-либо переговорам и компромиссам: в ответ на крымские инициативы Киев сменил местных руководителей территориальных управлений силовых ведомств, в Верховной раде был зарегистрирован законопроект о роспуске крымского парламента. Это явственно демонстрировало намерение украинских властей применить силу в отношении мятежной республики.

Для недопущения реализации подобного сценария следовало как можно быстрее заблокировать перешейки, соединяющие Крымский полуостров с материковой Украиной. Силовую часть этой задачи взял на себя севастопольский «Беркут», а для противодействия возможным попыткам прорыва на Перекоп выдвинулись активисты Русского движения и представители народного ополчения Крыма. Вскоре им на помощь прибыли казаки-добровольцы из Краснодарского края. В течение 27 февраля были заблокированы входы в Крым через Перекоп, Чонгар и Арабатскую стрелку.

Народное ополчение, численность которого в те дни достигла 10 тыс. добровольцев, взяло под контроль общественный порядок и приступило к предотвращению террористических угроз, а также приняло участие в блокировании украинских воинских частей, размещенных на территории Крыма. В различных воинских частях находились приблизительно 19 тыс. военнослужащих украинской армии и Военно-морских сил. Значительными были также силы Министерства внутренних дел. На вооружении этой группировки находилось около 50 судов различных модификаций, 126 самолетов и вертолетов, около 200 единиц ракетно-артиллерийского вооружения, свыше 1,5 тыс. военных машин, включая около 50 танков. Использование этих войск пришедшим к власти в результате государственного переворота новым политическим руководством Украины могло бы привести к кровопролитию на полуострове и сорвать народное волеизъявление.

Поэтому одной из важнейших задач новой власти Крыма стали привлечение военнослужащих на сторону народа и нейтрализация возможных попыток со стороны военных вмешаться в политический процесс. Решение этой задачи облегчалось двумя обстоятельствами. Во-первых, подавляющее большинство украинских военных в Крыму (как жителей полуострова, так и служащих здесь представителей других регионов Украины) не поддерживали Евромайдан и государственный переворот. Во-вторых, в Киеве еще не были сформированы новые органы военного управления, способные отдать приказ войскам начать боевые действия.

Часть офицеров Вооруженных сил Украины поддержали стремление Крыма к самоопределению сразу (в их числе был и новоназначенный главнокомандующий Военно-морскими силами Украины адмирал Д. В. Березовский), другие были вовлечены в длительные переговоры. Для недопущения возможных провокаций все украинские воинские части в Крыму были блокированы народным ополчением и российскими военными. О том, что такая возможность имеется, свидетельствовал инцидент у 13-го фотограмметрического центра Вооруженных сил Украины в Симферополе, где 18 марта 2014 г. неустановленным снайпером были убиты украинский офицер и ополченец, а два человека ранены. Благодаря организован-

ными и слаженными действиями российских военных и крымских активистов, а также взвешенности и ответственности, проявленной военнослужащими Украины, других подобных случаев удалось избежать.

Все украинские военнослужащие, пожелавшие принять присягу Республике Крым (а после воссоединения Крыма с Россией — присягу Российской Федерации), получили возможность остаться на территории республики и продолжить службу. Изъявившим желание вернуться на территорию Украины была предоставлена такая возможность. Из 18,8 тыс. солдат и офицеров украинских Вооруженных сил, дислоцировавшихся в Крыму, после его воссоединения с Россией покинуть территорию полуострова пожелали 4,8 тыс. человек. В период с апреля по июнь 2014 г. российская сторона вернула Украине большую часть военной техники, находившейся в распоряжении украинских подразделений на полуострове¹.

28 февраля был сформирован новый состав крымского правительства. После попытки вооруженной атаки на здание Верховного совета Крыма в ночь с 28 февраля на 1 марта председатель Совета министров Крыма С. В. Аксенов обратился к Президенту Российской Федерации В. В. Путину с просьбой об оказании помощи Республике Крым. Ответ был получен незамедлительно: с 1 марта здания правительства и парламента были взяты под охрану российскими военными. В тот же день Президент Российской Федерации В. В. Путин в ответ на свое обращение получил согласие Совета Федерации на использование российских войск на территории Украины «до нормализации общественно-политической обстановки в этой стране»².

1 марта глава крымского правительства С. В. Аксенов своим распоряжением переподчинил Крыму все силовые структуры, базировавшиеся на территории полуострова.

До сих пор в специальной литературе и средствах массовой информации продолжается дискуссия относительно влияния на крымские события российских военных подразделений, как находившихся в Крыму в составе военной базы Черноморского флота, так и появившихся там в последние дни февраля 2014 г. Всего, по различным данным, к февралю 2014 г. на территории Крымского полуострова находилось до 16 тыс. военнослужащих в составе подразделений Черноморского флота, что было предусмотрено межгосударственными соглашениями России и Украины, разрешавшими России иметь контингент, на превышающий 25 тыс. человек. В ходе крымского кризиса на полуостров было переброшено, по разным данным, от 6 до 9 тыс. военнослужащих, что не противоречило межгосударственным договоренностям.

В период крымского кризиса российские военные осуществляли охрану государственных зданий, аэропортов, военных объектов и важных объектов социаль-

¹ Подробнее об этом см.: *Широкопад А. Б.* Крым-2014. Как это было? М., 2016. С. 203–252.

² Путин внес в СФ обращение об использовании войск на территории Украины [Электрон. ресурс] // ТАСС: Информационное агентство России. 2014. 1 марта. URL: <http://tass.ru/politika/1013802> (дата обращения: 19.03.2017).

ной инфраструктуры, а также обеспечивали безопасность при пикетировании гражданскими активистами украинских воинских частей. Это явилось определяющим фактором для сохранения безопасности населения и предотвращения возможных конфликтов, подобных произошедшим 26 февраля у стен крымского парламента. Присутствие российских военных, а также добровольцев из различных общественных организаций Российской Федерации позволило беспрепятственно осуществить волеизъявление крымского населения, обезопасив его от провокаций и влияний извне, что было вполне вероятно в условиях государственного переворота и разгрома экстремистских сил на Украине.

В то же время российские военные не осуществляли непосредственного вмешательства в ход политических процессов в Автономной Республике Крым, которые приобрели в марте 2014 г. исключительно динамичный характер. В значительной степени именно подобный способ действий российских военнослужащих оставил за ними ставшее нарицательным название «вежливые люди».

Сложные политические обстоятельства: растущая враждебность украинского руководства, объявление новой крымской власти вне закона и принятие постановления об аресте ее представителей — заставили скорректировать сроки проведения референдума и выносятся на него вопросы. 6 марта 2014 г. Верховным советом Крыма было принято новое постановление о проведении референдума. Создавалась Комиссия Автономной Республики Крым по проведению референдума, был утвержден новый срок его проведения (16 марта) и сформулированы два альтернативных вопроса, которые на него выносились: 1) Вы ЗА воссоединение Крыма с Россией на правах субъекта Российской Федерации? и 2) Вы ЗА восстановление действия Конституции Республики Крым 1992 г. и за статус Крыма как части Украины?¹

Именно в этом постановлении впервые была сформулирована цель, давно овладевшая умами крымчан: «Войти в состав Российской Федерации в качестве субъекта Российской Федерации». Референдум предполагалось провести на всей территории Крыма, включая Севастополь.

Началась стремительная и очень напряженная подготовка к референдуму, на которую было отпущено менее десяти дней. В крымско-татарской среде, по уверению лидера «Милли Фирки» В. Абдураимова, отношение к референдуму было далеко не однозначным (по его подсчетам, около 40% крымских татар приняли участие во всенародном голосовании), оно менялось от настороженного к нейтральному и благожелательному во многом вследствие миротворческой роли, которую играли представители мусульманских организаций России.

11 марта Верховный совет Крыма принял Декларацию о независимости Автономной Республики Крым и города Севастополя. В ней, ссылаясь на Устав ООН и международно-правовые документы, закрепляющие право народов на самоопределение, а также на прецедент с Косово, провозглашалось, что в случае положитель-

ного ответа на первый вопрос референдума Крым будет объявлен независимым суверенным государством — Республикой Крым в составе Автономной Республики Крым и города Севастополя. После этого Республика Крым, в случае подтверждения независимости на референдуме, обратится к Российской Федерации с предложением о принятии суверенной республики на основе соответствующего межгосударственного договора в состав Российской Федерации как нового субъекта Российской Федерации. Декларация была в тот же день принята и Севастопольским городским советом¹.

Референдум был подготовлен в срок и проведен на высоком организационном уровне. По заказу Комиссии по проведению общекрымского референдума изготовлено 1 517 228 бюллетеней. Вопросы, выносившиеся на референдум, напечатаны на трех языках: крымско-татарском, русском и украинском.

В итоге общее число участников референдума, принявших участие в голосовании, составило 1 274 096 человек (83,10% крымских избирателей). Из них 1 233 002 человек (96,77%) проголосовали за возвращение полуострова в Россию².

Несмотря на позицию украинских властей, захвативших власть в Киеве, и их зарубежных покровителей, за подготовкой и проведением референдума наблюдали многочисленные представители международной общественности. Они подтвердили законность всего происходившего и отметили небывалый энтузиазм крымчан в день голосования.

На следующий день, 17 марта, крымский парламент утвердил итоги Всекрымского референдума. Крымчане подтвердили выход Республики Крым из состава Украины и обретение ею независимости. Президент Российской Федерации В. В. Путин в тот же день подписал указ о признании Республики Крым, в которой город Севастополь имеет особый статус, суверенным и независимым государством³.

Следующим шагом, вытекающим из народного мандата, полученного крымскими властями на референдуме, должно было стать вхождение республики в состав Российской Федерации. Для этого в Москву отправилась представительная крымская делегация во главе с руководителями парламента и правительства Республики Крым, а также города Севастополя.

18 марта 2014 г. в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца Президент Российской Федерации В. В. Путин выступил перед депутатами Государственной думы, членами Совета Федерации, главами регионов Российской Федерации, представителями гражданского общества. Здесь же присутствовала и крымская полномочная делегация. В своем обращении В. В. Путин обосновал исторические,

¹ Парламент Крыма принял постановление «О проведении общекрымского референдума» [Электрон. ресурс] // Государственный совет Республики Крым: [сайт]. URL: http://crimea.gov.ru/news/06_03_2014_1 (дата обращения: 19.03.2017).

¹ Декларация о независимости Автономной Республики Крым и г. Севастополь // Константинов В. А. Пройти свой путь. С. 234–235.

² Обнародование результатов общекрымского референдума, состоявшегося в Автономной Республике Крым 16 марта 2014 года [Электрон. ресурс]. URL: <http://archive.is/bvjR6#selection-883.0-911.1> (дата обращения: 19.03.2017).

³ Полный текст Указа см. на сайте Президента России: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20596> (дата обращения: 19.03.2017).

геополитические и политико-правовые обстоятельства, в соответствии с которыми он вносит в Федеральное собрание проект Федерального конституционного закона о принятии в состав Российской Федерации двух новых субъектов — Республики Крым и города Севастополь¹. После этого Президент Российской Федерации В. В. Путин, Председатель Государственного совета Республики Крым В. А. Константинов, Председатель Совета министров Республики Крым С. В. Аксенов и председатель координационного совета по организации Севастопольского городского управления по обеспечению жизнедеятельности Севастополя А. М. Чалый подписали Межгосударственный договор между Российской Федерацией и Республикой Крым о принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов².

20 марта Федеральный конституционный закон «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов — Республики Крым и города федерального значения Севастополя» принят Государственной думой, а 21 марта одобрен Советом Федерации и подписан президентом В. В. Путиным. Юридическое оформление возвращения Крыма в состав России было завершено.

Таким образом, «крымская весна» стала не только благополучным завершением тяжелого политического кризиса, в котором оказался Крым после государственного переворота в Киеве в феврале 2014 г., но и окончанием почти 25-летнего периода неопределенности, в которой находились полуостров и его жители после распада СССР в декабре 1991 г. Воссоединение с Россией, ставшее результатом демократического волеизъявления подавляющего большинства крымчан, позволило Крыму избежать осуществления наихудшего из возможных сценариев. Многонациональное население полуострова обрело надежду на мирное, созидательное развитие региона в составе Российской Федерации.

Заключение

Территория нынешнего Крыма (возник как полуостров не более 10–7 тыс. лет назад) в период расселения по Евразии первых людей (человека современного типа) была достаточно доступна. Результаты последних исследований археологов, в том числе на соседнем Таманском полуострове, показывают, что время появления человека в Крыму — по-видимому, около 1 млн лет назад. Однако археологические эпохи палеолита, мезолита и неолита на полуострове изучены еще недостаточно.

Впоследствии Крым на протяжении многих тысячелетий являлся своеобразным этнокультурным и лингвистическим анклавом, куда в силу разных причин перемещались и где оставались, иногда надолго, различные этнические группы населения, вытесненные с сопредельных территорий. Первые свидетельства этого имеются по крайней мере с конца эпохи ранней бронзы, когда древнейшие носители индоевропейского языка сменили в части Северного Причерноморья некое автохтонное население, вероятно, относившееся к кругу так называемых палеомегалитических культур Европы. Позднее аналогичные процессы происходили неоднократно с участием целого ряда других этносов, из которых нам известны киммерийцы, скифы, поздние сарматы, готы, тюрки и, наконец, половцы-кыпчаки. При этом судьбы и время бытования реликтовых групп населения складывались по-разному.

В то же время Крым служил межрегиональным центром пересечения интересов и контактов, прежде всего для Северного Кавказа и Северного Причерноморья. При этом многочисленные и многообразные культурные импульсы и прямые миграции осуществлялись в обоих направлениях, порой включая влияние еще более отдаленных цивилизационных центров (Закавказье, Малая Азия, Ближний Восток, Подунавье, Балканы, а позднее — Средняя Азия, Западная Сибирь и др.). Конкретные пути таких передвижений и просто следы культурных новшеств в глубокой древности пока неизвестны, но начиная с эпохи ранней бронзы они проявляются достаточно отчетливо. Причем, по-видимому, вначале преобладало западное направление, а с раннего железного века и до зрелого средневековья — восточное. На раннем и среднем этапах эпохи бронзы существовало историко-культурное, а вероятно, и этнолингвистическое циркумпонтийское единство, в котором Крым занимал определенное, хотя и не самое важное место. Позднее на полуострове в той или иной степени поочередно были представлены практически все основные археологические культуры эпохи бронзы и раннего железа, бытовавшие на соседних территориях.

Античный период в истории Крыма характеризуется целым рядом событий и культурных новаций. Крымский полуостров, как и некоторые другие районы Северного Причерноморья, приблизительно с конца VII — начала VI в. до н. э. оказался в сфере так называемой Великой греческой колонизации. На полуострове появи-

¹ Обращение Президента Российской Федерации 18 марта 2014 года, 15:50, Москва, Кремль [Электрон. ресурс] // Сайт Президента России. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/20603> (дата обращения: 19.03.2017).

² Полный текст Договора см.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/20605> (дата обращения: 19.03.2017).

лись десятки вначале небольших и малочисленных поселений-апоийки греков, из которых через несколько десятилетий выросли поселки городского типа, крупнейшими из которых уже через полтора-два столетия стали города Пантикапей, Феодосия и Херсонес. Эллы принесли с собой не только самые передовые для того времени культуру и технологии, но и традиционную для них форму государственного устройства — полис как средиземноморский вариант гражданской общины.

К началу IV в. до н. э. эти поселения объединились или были объединены в два довольно крупных политических образования — Боспорское и Херсонесское государства. Вместе со своей сельскохозяйственной территорией (хорой) и, вероятно, небольшими удаленными территориями они в периоды наибольшего благополучия, влияния и мощи (IV — начало III в. до н. э. и I в. до н. э. — II в. н. э.) занимали значительные пространства прибрежного и «глубинного» Крыма на востоке и юго-западе. В сущности, это были древнейшие государства на территории современной Российской Федерации. Боспор и Херсонес демонстрировали две основные модели античного государственного устройства, которые условно можно назвать централизованно-монархической и олигархическо-демократической. Именно в Крыму имела место первая в истории всего северочерноморского региона попытка создания на местной «варварской» основе некоего подобия раннего государства, во многом, во всяком случае внешне, копировавшего античные образцы (царство поздних скифов).

Значение античного фактора для истории всего населения Северного Причерноморья и более отдаленных территорий трудно переоценить. Во-первых, жители этого региона на протяжении почти целого тысячелетия оказывались в зоне постоянного влияния и контактов с наиболее развитыми цивилизациями и культурами древности и раннего средневековья. Во-вторых, многогранный и многовековой опыт общения греков, а позже и римлян с местными разноязычными и разноплеменными народами («варварами») дал очень много для их культурного роста, опыта взаимоотношений и даже этногенеза. В-третьих, Крым, как и все Северное Причерноморье, начиная, по крайней мере, с VI в. до н. э., оказался вовлеченным в круг политико-дипломатических и военных коллизий всех крупнейших государств Средиземноморья и Ближнего Востока. Вначале, вероятно, это был недолгий (конец VI — начало V в. до н. э.) «протекторат» Ахеменидов (Персидского царства) над частью греческих полисов, а затем произошло их, также частичное, вовлечение в Афинский морской союз (третья четверть IV в. до н. э.). Знаменитые походы Александра Македонского, его полководцев и преемников (последняя треть IV в. до н. э.) не затронули напрямую Крым, но торговые и дипломатические контакты не только с признанными греческими центрами Эллады, но и с некоторыми эллинистическими царствами постоянно имели место на протяжении IV–II вв. до н. э.

При царе Понтийского царства (Малая Азия) Митридат Евпаторе (конец II в. до н. э. — 63 г. до н. э.) Крымский полуостров не только оказался на какое-то время в центре «мировых» событий (войны Митридата с Римом), но и стал частью его недолговечного общепонтийского государства. Именно к этому и по-

следовавшим за ним периодам относятся, напрямую или косвенно, многие из дошедших до нас свидетельств античной письменной традиции о территории и населении полуострова.

Примерно с середины I в. до н. э. гегемонию, по крайней мере над греческой частью Крыма (Боспорское царство, Херсонес), установила Римская империя. Порой эта зависимость была минимальной, но временами — почти на уровне рядовой, отдаленной провинции Рима. Население Крымского полуострова оказалось вовлеченным в сложную, нередко драматическую хозяйственно-политическую и военную жизнь огромной империи, своего рода прообраза единой Европы.

Около середины III в. этнополитическая ситуация в Крыму радикально изменилась. В результате военной активности германцев в восточных провинциях Римской империи и в Северном Причерноморье Риму пришлось на время вывести свои войска из Херсонеса. Бораны и готы вместе с союзными аланами захватили Юго-Западный Крым, уничтожили позднескифское государство и большую часть его населения.

Восточная Римская империя после победы над варварами, атаковавшими ее границы, восстановила свой гарнизон в Херсонесе. К 325 г. на Боспоре, а к 381 г. в Херсонесе образовались первые христианские епархии. В правление Феодосия I (379–396) активизировалась христианизация Херсонеса, которая стимулировала не только проникновение с территории империи новой духовной и материальной культуры, но и масштабную перепланировку города.

В начале V в. утвердившиеся в Подунавье гунны напали на Боспор и изгнали из крымской степи аланов в Горный Крым, занятый родственными племенами и германцами. Аланы были вынуждены существенно изменить образ жизни — освоить земледелие и отгонное скотоводство.

Византия приблизительно со второй половины V в. стремилась расширить свои владения на полуострове. Византийский писатель Прокопий Кесарийский именовал всех обитавших в регионе во второй половине V в. германцев и аланов готами и христианами — подданными остготского короля Теодориха (418/419–451) и союзниками империи. Юстиниан I (527–565) восстановил укрепления Херсона, подчинил Боспор, возвел новые крепости Алустон и Горзувиты и заключил союз с готами и аланами, населявшими расположенную между Херсоном и Алустоном страну Дори. В годы правления Юстина II (565–578), Тиверия II (578–582) и Маврикия (582–602) византийские власти, реагируя на враждебные действия тюрков, учредили в Херсоне новый приграничный дукат, в который включили Боспор и крепости, построенные в стране Дори. Ее территорию византийцы разделили на районы — архонтии, или климаты, с резиденцией архонта в крепостях на плато Мангуп (Дорос), Эски-Кермен, Чуфут-Кале и Бакла.

Хазарская экспансия в 660-е гг. послужила причиной нового значительного изменения этнополитической картины Крымского полуострова. Изгнанные из Приазовских степей болгары поселились в Юго-Восточном, Центральном и Северо-Западном Крыму. В конце VII в. хазары основали новый портовый город Сугдею, а в начале VIII столетия захватили почти весь полуостров и для сбора дани

объединили климаты Юго-Западного Крыма, а новую область со столицей в Доросе назвали Готией. В ответ Константинополь, стремясь сохранить свое влияние на Крымском полуострове, учредил Готскую и Сугдейскую епархии. В 841 г. Византия возвратила свою администрацию в Готию и по решению императора Феофила (829–842) была создана фема Херсона во главе со стратигом. К концу X в. в климатах Готии завершился многовековой ассимиляционный процесс формирования горнокрымской народности, объединившей на основе христианства и византийской культуры аланский, готский и ромейский этносы.

В 988 г. произошло важнейшее событие в истории Херсона и Древней Руси — захват Херсона киевским князем Владимиром (978–1015). Принятие Владимиром христианства и его брак с византийской принцессой Анной должны были закрепить равноправный союз Древнерусского государства с Византийской империей — самым могущественным европейским государством. В результате обширная часть Восточной Европы присоединилась к христианскому миру. Принятие Древней Русью христианства способствовало развитию ее государственности, социальных институтов, а также формированию средневековых зодчества и живописи — под влиянием византийской культуры как наследницы античной традиции.

В середине XII в. донские и приазовские степи заняли орды тюркоязычных кипчаков, называемых в русских летописях половцами. Крымскую степь стала контролировать донецкая орда, в которую, вероятно, влились кочевавшие здесь печенеги. В XII в. половцы захватили значительную часть Горного Крыма. Арабский географ XII в. Идриси и посетивший в 1253 г. Судак Гийом де Рубрук сообщали о выплате дани половцам расположенными между Херсоном и Солдаей (Судаком) крепостями. По словам арабских историков, в XIII в. Судак также принадлежал половцам и был крупным центром их транзитной торговли.

В 1204 г., после захвата Константинополя крестоносцами и распада Византии, Херсон и климаты Готии попали в зависимость от Трапезундской империи. Однако в 1223 г. впервые на Крымском полуострове появились татары. Вернувшиеся в 1242 г. из похода на Польшу и Венгрию монголо-татары прочно осели в Крыму. Спустя два года сама метрополия — Трапезунд признала верховный сюзеренитет великих ханов. К 1260 г. владения монголов включили в военно-административную систему государства Джучидов. Столицей Крымского улуса и резиденцией улусного эмира стал город Къырым — Крым — Солхат, построенный ордынцами в долине реки Чурук-Су на юго-востоке полуострова. Этот город являлся транзитным и таможенным центром Крыма вплоть до середины XIV столетия. В Солхате сосуществовали три религиозных общины (иудейская, христианская и исламская). В XIV в. название города Крым постепенно перешло на весь Крымский полуостров. Эпоха правления золотоордынского хана Узбека и его сыновей Тинибека и Джанибека (1312–1357) стала периодом наивысшего расцвета Солхата. В первой половине XIV в. в Восточном и Юго-Западном Крыму образовались феодальные поместья татарских беев и мурз. Татарская знать получала земли по тарханским ярлыкам — жалованным грамотам, предусматривавшим различные льготы и привилегии.

В 1260-е гг. итальянские республики Генуя и Венеция по соглашениям с Михаилом VIII Палеологом (1261–1282) получили право на свободное плавание и беспощинную торговлю в Черном море. Венеция основала факторию в Сугдее — Солдае, где после 1267–1268 гг. вели торговлю и генуэзские купцы. В 1270–1280-е гг. генуэзцы по разрешению хана Золотой Орды Менгу-Тимура (1266–1282) основали на побережье Восточного Крыма собственную торговую факторию — Каффу. С итальянскими купцами в Крыму появились и католические миссионеры. Генуэзцы настойчиво стремились превратить Каффу в главный центр всей черноморской торговли. Итальянские колонии в Крыму способствовали включению полуострова в систему экономических и политических связей Средиземноморья.

Во второй половине XIV в. на территории исторической Готии с грекоязычным христианским населением возникло княжество Феодоро. Его правители пытались найти спасение перед угрозой османской экспансии, в том числе и в союзе с Москвой. Однако в 1475 г. османы уничтожили княжество Феодоро.

В первой половине XV в., когда Золотая Орда распалась на несколько ханств, на территории полуострова образовалось независимое государство — Крымское ханство. Если Астраханское, Казанское и Сибирское ханства, а также Ногайская орда прекратили свое существование во второй половине XVI в., то история Крымского ханства насчитывает почти три с половиной столетия. Его основал в начале 1440-х гг. Хаджи-Гирей (ум. в 1466) — один из потомков младшего сына Джучи Тукай-Тимура. Столицей государства первоначально был Солхат (Старый Крым), но вскоре Хаджи-Гирей перенес ее в Кырк-Йер (совр. Чуфут-Кале), а в 1530-х гг. политический центр ханства переместился в основанный Сахиб-Гиреем (1532–1551) Бахчисарай. Особую роль в становлении государства сыграл сын Хаджи-Гирея — хан Менгли-Гирей (1469–1475, 1478–1515), который заложил основы крымской политики, осуществлявшейся в течение всего XVI столетия.

Значительное влияние на судьбу ханства оказало османское завоевание Южного берега Крыма в 1475 г., после чего эта территория находилась под прямым управлением султана. Вплоть до Кючук-Кайнарджийского мира 1774 г. Крымское ханство в отношениях с Османской империей занимало непростое положение: с одной стороны, оно не являлось полностью вассальным, а с другой — не имело полной независимости. Вхождение Крыма в политическую орбиту империи повлияло на организацию государственной власти, в которой сочетались золотоордынские и османские традиции. Ханство в период своего расцвета являлось сильным в военном отношении государством с преобладающим влиянием исламских правовых институтов.

Вопреки сложившемуся стереотипу Крымское ханство не было паразитическим государством, где отсутствовали земледелие и ремесло, а все доходы сводились к транзитной торговле рабами, захваченными в грабительских походах на русские, польские и кавказские земли. Основой его экономики являлись сельское хозяйство и крестьянская община (джемаат), а также развитая торговля.

На всем протяжении своей истории Крымское ханство не являлось моноэтническим и моноконфессиональным государством. Его населяли народы, говорив-

шие на тюркских языках, греческом, армянском и итальянском, которые исповедовали ислам, различные формы христианства и иудаизма. Чрезвычайно велика была роль христиан различных исповеданий (греков, католиков и армян), а также иудеев (караимов и раббанитов) в экономической жизни ханства. Процесс этнической консолидации крымско-татарского народа продолжался вплоть до конца XVIII в.

Главным соперником крымских ханов в первые десятилетия существования ханства являлась Большая орда. В 1480-е — начале 1490-х гг. внешняя политика Менгли-Гирея определялась противостоянием с этим государством, а также сближением с Москвой с целью создания коалиции против Большой орды и Ягеллонов. В 1490-х гг. между Крымом и большеордынскими чингизидами не утихла война, которая завершилась разгромом Орды в 1502 г. В результате этой победы крымские ханы включили титул ханов Большой орды в свою титулатуру и начали выступать как преемники бывшего могущества Золотой орды. Следствием этой преемственности стали претензии ханов на постзолотордынские престолы Астрахани и Казани.

В эпоху Менгли-Гирея проявилась важная роль Крыма в международных отношениях в Восточной Европе. При нем были установлены регулярные дипломатические отношения с Москвой, Краковом, Вильно и рядом других европейских столиц, выработана практика заключения межгосударственных союзных договоров (шертей). Крымские ханы придерживались собственного внешнеполитического курса, сознательно не нарушая восточноевропейское политическое равновесие.

В начале XVI в. после краха польско-литовско-ордынского союза и разгрома Большой орды происходило медленное усиление враждебности Крыма по отношению к Москве, а в 1510-х гг. сложился союз ханства с Великим княжеством Литовским, отмеченный договорами 1516 и 1518 гг. Для Российского царства Крым являлся фактором перманентной военной угрозы, что выражалось в практически ежегодных нападениях крымского войска на его южные территории, а после присоединения Нижнего и Среднего Поволжья русско-крымские отношения приобрели форму открытой военной конфронтации. Для борьбы с крымскими набегами правительство Ивана Грозного помимо традиционного ежегодного сбора войск на южных рубежах страны с 1560-х гг. начало строительство «засечных черт» — пограничных фортификационных сооружений в местах вторжений крымского войска в пределы Российского царства. Кроме того, Иван IV (1533–1584) начал проводить политику военно-политического давления на Крым. В 1556–1559 гг. осуществлялись скоординированные наступательные действия против Крымского ханства приднепровских казаков и русских военных отрядов, главным образом со стороны Днепра.

К началу XVII в. отношения между Москвой и Бахчисараем стабилизировались, набеги татар на русские рубежи почти прекратились. Причиной тому стало усиление позиций Российского государства на степных границах при одновременном осложнении положения хана Гази-Гирея II (1588–1607), находившегося в конфронтации с Османской империей, что вынудило его перейти к курсу на мирное соглашение с Россией, закрепленное в договоре 1594 г.

После Смуты одной из главных задач российского правительства стало обеспечение безопасности южных границ от крымских набегов, в частности восстановление оборонительной системы. Россия, для которой и Османская империя, и Крымское ханство являлись серьезной угрозой с юга, присоединилась к так называемой Священной лиге, созданной в 1684 г. рядом европейских государств. В 1687 и 1689 гг. в рамках крупной коалиционной войны союзников против Османского государства Москва предприняла два похода на Крым, завершившиеся неудачей.

В XVIII столетие Крымское ханство вступило в состоянии нарастающего кризиса. Карловацкий мирный договор 1699 г. положил конец крымским набегам на европейских соседей. Углублялось военно-техническое отставание ханства от передовых держав, что в полной мере проявилось в успехах русских войск в Крыму в 1736–1737 гг. К середине века Крым перестал играть самостоятельную роль и стратегически превратился для Российской и Османской империй в буферную территорию, судьба которой была предрешена их противостоянием.

В ходе Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. в Санкт-Петербурге возникла идея об отделении Крымского ханства от Османской империи и установлении российского протектората над Крымом. Часть крымской и ногайской знати поддержала этот проект, и он был реализован после занятия Крымского полуострова войсками генерала В. М. Долгорукова в 1771 г.

1 августа 1772 г. Российская империя официально признала крымского хана независимым владетелем, а ханство — самостоятельным государством. Через три месяца в Карасубазаре был заключен союзный договор России с Крымским ханством (ратифицирован 29 января 1773 г.), согласно которому начали складываться новые условия существования крымско-татарской государственности — в сфере влияния Российской империи. Кючук-Кайнарджийский мирный договор 1774 г. закрепил статус Крымского ханства как юридически независимого союзного государства, находящегося под покровительством России.

Попытка реставрации османского влияния в Крыму закончилась утверждением на крымском престоле российского ставленника — хана Шагин-Гирея (1777–1783). В новых геополитических условиях хан решился на модернизацию крымско-татарского государства, однако его радикальные реформы, вызвавшие протесты подданных, провалились, что послужило причиной изменения первоначальной политики России по отношению к Крыму. Манифестом от 8 апреля 1783 г. Екатерина II (1762–1796) объявила о включении Крыма в состав Российской империи. Крымское ханство прекратило свое существование.

Присоединение Крыма к России стало завершением долговременных усилий по обеспечению безопасности юго-западных рубежей Российского государства и гарантировало контроль над акваторией Черного моря. Страна приобрела незамерзающие порты, Азовское море стало внутренним, а в смелом воображении Екатерины II, воспринимавшей Крым в тесной связи с Византией и Грецией, получила дальнейшее развитие идея уже задуманного ею прежде «греческого проекта» — плана сокрушения Османской империи и восстановления империи Византийской во главе с ее внуком, носившим красноречивое имя Константин. Многим

крымским городам были даны греческие названия (Симферополь — «город пользы», Севастополь — «императорский город» и др.). Однако грандиозным планам Екатерины Великой не суждено было сбыться.

По прямым указам императрицы новые власти (прежде всего екатеринославский и таврический генерал-губернатор светлейший князь Г. А. Потемкин) прилагали усилия, направленные на скорейшую интеграцию Крыма в состав империи. Одной из первоочередных мер стало обеспечение местного населения всеми привычными, а также новыми правами и свободами, от чего, безусловно, больше всех выиграла татарская знать, влившаяся в одночасье в русское дворянское сословие. Проводились административная и налоговая реформы, строились города и Черноморский флот. Идеальные для военных кораблей бухты и прибрежный рельеф вновь основанного Севастополя навсегда предопределили его судьбу вместе со всеми людьми, кто так или иначе был связан с городом и флотом.

Значение присоединения Крыма к Российской империи было подчеркнуто личным посещением полуострова Екатериной II в 1787 г. Таврический вояж императрицы, являвшийся прежде всего важной внутри- и внешнеполитической акцией, в то же время способствовал ускорению темпов социально-экономического развития края (к приезду государыни прокладывались дороги, возводились мосты и путевые дворцы, благоустраивались города).

Однако процесс русского освоения Крыма не был простым. Численность населения полуострова первоначально сокращалась, поскольку довольно много крымских татар эмигрировали в Турцию, не желая жить под немусульманским владычеством. Османская империя также не смирилась с потерей Крыма и бесперывно угрожала войной. Победа России в Русско-турецкой войне 1787–1791 гг. не оставила никаких сомнений в принадлежности Крыма, а Адрианопольский мир 1829 г., заключенный после очередной войны с Турцией, завершил оформление русских владений в Северо-Восточном Причерноморье — Российская империя получила устье Дуная с прилегающими островами, восточное побережье Черного моря от устья Кубани до поста Святого Николая с крепостями Анапа, Суджук-Кале и Поти, а также города Ахалцихе и Ахалкалаки.

В процессе хозяйственного освоения Крыма одной из наиболее сложных проблем явилось перераспределение и упорядочение земельной собственности, поскольку именно это в конечном итоге должно было составить основу дальнейшего успешного развития полуострова. Строительство новых помещичьих имений и усадеб, становившихся порой воплощением новой мечты о Юге, кардинально меняло облик Крыма, превращая полуостров в русскую Ривьеру при активной поддержке и участии государственной власти в лице выдающегося деятеля эпохи — новороссийского генерал-губернатора графа М. С. Воронцова. На всестороннее развитие края, хотя и с разной степенью успешности, была направлена деятельность целого ряда таврических гражданских губернаторов — Д. Б. Мертваго, А. М. Бороздина, Н. И. Перовского, Д. В. Нарышкина, А. И. Казначеева и др.

В первой половине XIX в. в Крыму возрождалось садоводство, пришедшее в упадок после переселения в 1778 г. в Приазовье армян и греков, постепенно уве-

личивался размер посевных площадей, предпринимались попытки создания казенного виноградарства и виноделия, чему способствовало учреждение сначала Судакского, а затем Магарачского училища виноделия при Никитском ботаническом саде; успех виноградного предпринимательства был ознаменован победами на различных сельскохозяйственных выставках. Развивалось традиционное для Крыма овцеводство, в том числе теперь уже тонкорунное, благодаря ввозу из-за границы особых пород овец для помещичьих хозяйств. Важное место занимало табаководство, продукция которого пользовалась высоким спросом не только на внутреннем рынке, но и за границей. Промышленность носила пока еще ремесленный характер, однако активно развивались соледобыча и добывающая отрасль в целом, связанные с интенсивным строительством на полуострове. Были открыты или вновь разработаны месторождения мрамора, порфира, железных руд. Активно развивалась внутренняя и внешняя торговля, строились новые дороги и мосты, в том числе горные шоссе, потребность в которых росла год от года.

Вместе со всей страной Крым встречал испытания военного времени даже тогда, когда враг не приходил непосредственно на полуостров. Среди славных страниц истории России — участие трех Крымских конно-татарских полков в Отечественной войне 1812 года и Заграничных походах русской армии 1813–1814 гг. Однако самым тяжелым испытанием для Крыма стала Крымская (Восточная) война 1853–1856 гг., разделившая историческое время полуострова на «до» и «после», разорившая хозяйство и запустившая процессы, которые изменили в конечном итоге этнический облик Крыма и задержали развитие края на долгие двадцать лет. В то же время эта война дала стране новый пример выдающегося подвига, свидетельствующего о непобедимости русского народа. 349-дневная героическая оборона Севастополя, которую современники сравнивали с Бородинской битвой, уже более 160 лет служит моральной опорой и источником мужества для моряков Черноморского флота, жителей города и всей России.

В имперский период особое место Крым занимал в духовно-религиозной жизни России. Тесно связанный с ранней историей христианства и крещением святого князя Владимира полуостров воспринимался как «колыбель православия», священная для каждого русского человека. Между тем сложные перипетии истории Крыма привели к тому, что к моменту его включения в состав России в 1783 г. многие христианские святыни были разрушены или пребывали в запустении, а большую часть населения составляли мусульмане. Церковная политика российского правительства в это время была направлена на укрепление в Крыму позиций православия, что должно было способствовать также повышению престижа государственной власти и скорейшей интеграции края в состав страны. Важную роль в этом смысле был призван сыграть церковно-государственный проект «Русский Афон», разработанный по инициативе архиепископа Херсонского и Таврического Иннокентия (Борисова). Он предусматривал восстановление в Крымских горах древних христианских обителей и создание на их основе мощного духовного центра, способного составить конкуренцию греческому Афону. В XIX — начале XX в. доля православных среди крымского населения неуклонно повышалась, при этом

полуостров по-прежнему оставался поликонфессиональным регионом. По отношению к представителям иных вероисповеданий (католикам, лютеранам, мусульманам, иудеям, караимам, крымчакам и др.) российские власти неизменно соблюдали принцип веротерпимости.

Отмена крепостного права, административная и иные реформы императора Александра II (1855–1881), строительство Лозово-Севастопольской железной дороги, благоприятная конъюнктура европейского хлебного рынка, отмена нейтрализации Черного моря и, конечно, наступавший период общегосударственного социально-экономического роста привели к тому, что уже к середине 1880-х гг. возродился из руин Севастополь, усилились процессы колонизации пустующих земель, возникли десятки новых фабрик и заводов, начала формироваться отраслевая структура крымской промышленности. Несмотря на то что основой экономики Крыма оставалось производство зерна, в конце XIX — начале XX в. интенсивно развивались скотоводство и садоводство, виноградарство и виноделие, мукомольная, рыболовная, табачная, консервная, добывающая промышленность, развернулось бурное строительство, возникали новые отрасли и производства.

Примечательным для Крыма второй половины XIX — начала XX в. стал процесс освоения полуострова как курорта, что во многом было связано с особым отношением к нему членов царской семьи, имевших дворцы и усадьбы в Ореанде, Кореизе, Массандре, Ливадии и других местах. Следом потянулись вельможи и сановники, чиновники и военные, люди творческих профессий, да и простой люд находил причину побывать в этом благословенном крае для удовольствия или для исцеления. Особое место занимали реализованные проекты комплексного развития курортных территорий П. И. Губонина, С. М. Соловьевой, промышленников Мальцовых.

В Крыму отдыхали, лечились, жили и творили выдающиеся русские поэты, писатели и художники: А. С. Пушкин, А. П. Чехов, А. М. Горький, Л. Н. Толстой, А. И. Куприн, В. Г. Короленко, М. А. Волошин, И. К. Айвазовский, К. Ф. Богаевский, Л. Ф. Лагорио, А. И. Куинджи, А. М. Васнецов и др. Экзотическая природа и насыщенная история Крымского полуострова стали для них источником вдохновения, подарив литературе и искусству не только новые сюжеты, но и новый толчок к развитию. Произведения А. С. Пушкина, по праву считающегося поэтическим первооткрывателем Крыма, и картины И. К. Айвазовского широко прославили этот «полуденный край», вызвав к нему горячий интерес современников. В начале XX в. своеобразным культурным феноменом Крыма стал дом М. А. Волошина в Коктебеле («Дом поэта»), куда приезжали многие деятели культуры, интересовавшиеся как крымской природой, так и удивительной творческой атмосферой, созданной талантливым и радушным хозяином: О. Э. Мандельштам, Н. С. Гумилев, К. Д. Бальмонт, А. Белый, В. Я. Брюсов, А. Н. Толстой, М. И. Цветаева, И. А. Бунин, Н. А. Бердяев и др. Погостив у певца Киммерии, многие из них возвращались домой патриотами Коктебеля.

Благоприятный климат и древняя история Крыма уже в конце XVIII — начале XIX в. привлекли к нему внимание ученых-естествоиспытателей, историков

и археологов. Природные богатства полуострова одними из первых исследовали К. И. Габлиц и академик П. С. Паллас. Открытый в 1812 г. Императорский Никитский ботанический сад вскоре стал (и остается поныне) уникальным научно-исследовательским учреждением, ведущим работы в области ботаники и плодоводства. В первой половине XIX в. в Крыму начались археологические раскопки, которые, как правило, курировались Одесским обществом истории и древностей и Императорским Русским археологическим обществом. Артефакты, найденные в результате раскопок на полуострове, не только дополнили бесценными экспонатами коллекцию Эрмитажа, но также стали основой для открытия музеев древностей в Керчи, Феодосии и Херсонесе.

Таким образом, к началу XX в. Крымский полуостров, ставший Черноморским военно-морским форпостом России и одновременно южной резиденцией императорской семьи, был всесторонне интегрирован в политическую, экономическую и культурную жизнь страны.

На рубеже XIX–XX вв. Россия переживает бурный рост общественно-политической и национальной активности. В многонациональном и поликонфессиональном Крыму этот процесс имел свою специфику. Общероссийские партии и движения, переплетаясь с национальными, образовывали здесь порой самые причудливые политические формы, а Первая русская революция (1905–1907) в этой связи, конечно, не могла миновать Крым, где кроме забастовок, погромов, приступов саботажа и анархии зловещим предвестником будущих бед стало восстание на крейсере «Очаков» под руководством лейтенанта П. П. Шмидта в ноябре 1905 г.

С началом Первой мировой войны Таврическая губерния становится прифронтовой зоной, а в годы революции и Гражданской войны — предметом борьбы действовавших на Юге бывшей Российской империи политических сил и образований. С 1917 по 1920 г. власть в Крыму последовательно переходила от эсеро-меньшевистского Совета народных представителей, поддержанного крымско-татарским Курултаем, к большевикам и левым эсерам, провозгласившим Советскую Социалистическую Республику Тавриды, затем — к германской оккупационной администрации, передавшей ее сначала правому коалиционному правительству генерала М. А. Сулькевича, а затем кадетско-социалистическому кабинету С. С. Крыма. Все эти политические конструкции являлись достаточно недолговечными. Например, Крымская Советская Республика, сменившая в апреле 1919 г. последнее Крымское краевое правительство, продержалась лишь 75 дней, после чего Крым попал в сферу управления Особого совещания при главнокомандующем Вооруженными силами Юга России, а с весны по ноябрь 1920 г. остался последней территорией Белого движения под управлением правительства Юга России при генерале П. Н. Врангеле. Предпринятая им попытка осуществления земельной реформы, а также преобразования в области местного самоуправления оказались запоздалыми и не смогли повлиять на расстановку сил в Гражданской войне.

В 1920 г. падение под ударами Красной армии перекопских укреплений белых и эвакуация войск П. Н. Врангеля ознаменовали собой фактическое окончание братоубийственного противостояния в европейской части России. «Эпоха великих

потрясений» на полуострове сопровождалась массовым террором, эпидемиями, принудительными миграциями, последующей хозяйственной разрухой и голодом.

Созданная в 1921 г. в составе РСФСР автономная Крымская Советская Социалистическая Республика стала площадкой, где апробировались принципы «ленинско-сталинской» национальной политики, осуществлялась «коренизация» общественно-политической и культурной жизни. В определенной мере это способствовало формированию политической активности, развитию образования и культуры крымских татар и других малочисленных этнических групп Крыма. Однако, отличаясь внутренними противоречиями и существенными диспропорциями, политика «коренизации» привела к росту напряженности в межнациональных отношениях, что повлекло за собой ее свертывание к середине 1930-х гг.

В 1920–1930-е гг. в результате индустриализации и коллективизации сельского хозяйства Крым пережил коренные изменения хозяйственного уклада и быта его многонационального населения. Наряду с традиционными предприятиями обрабатывающей и пищевой промышленности на полуострове стали появляться новые отрасли индустрии — химическая и железорудная, в десятки раз возросли мощности черной металлургии и судостроения.

Как и прежде, Крым привлекал представителей отечественной культуры. В кокетельском доме М. А. Волошина сложилась «художественная колония для поэтов, ученых и художников» (впоследствии — Дом творчества Литфонда СССР), куда приезжали В. А. Рождественский, Е. И. Замятин, М. А. Булгаков, Л. М. Леонов, В. Г. Лидин, К. И. Чуковский, К. С. Петров-Водкин, А. П. Остроумова-Лебедева, М. А. Шаронов, К. Е. Костенко и др. На Крымском полуострове творили в это время А. М. Горький и А. С. Грин, Н. С. Самокиш и К. Ф. Богаевский. Продолжалась деятельность созданной А. А. Ханжонковым Ялтинской киностудии.

Тяжелым испытанием стали для Крыма события Великой Отечественной войны. В связи с важным стратегическим положением Крымский полуостров в 1941–1942 гг. и 1944 г. являлся ареной жестоких сражений между советскими и немецко-румынскими войсками. Оборона Перекопа, главной базы Черноморского флота — Севастополя, Керченско-Феодосийская десантная операция сыграли важную роль на оборонительном этапе войны. Упорным сопротивлением советские войска заставили противника неуклонно наращивать нацеленную на Крым и Севастополь группировку, отвлекая значительное количество войск от других стратегических направлений.

В условиях немецко-румынской оккупации крымские партизаны и подпольщики развернули самоотверженную борьбу с врагом. Вместе с тем имелись случаи организованного сотрудничества населения с оккупационной администрацией, которые стали оправданием для осуществленной в 1944 г. депортации крымских татар, а затем армян, болгар и греков (в 1941–1942 гг. были выселены также немцы и итальянцы). Впоследствии эти массовые изгнания были осуждены решениями высших государственных органов СССР и Российской Федерации.

В феврале 1945 г. Крым стал местом проведения Международной конференции глав государств — участников антигитлеровской коалиции. Проблемы после-

военного мирового устройства в Ялте обсуждали председатель Совета народных комиссаров СССР И. В. Сталин, премьер-министр Великобритании У. Черчилль и президент США Ф. Рузвельт.

Все послевоенное десятилетие заняло восстановление разрушенных войной городов и народного хозяйства Крымской области. Депортация крымско-татарского и других народов коренным образом изменила этнический облик полуострова. В течение 1940–1960-х гг. убыль населения компенсировалась главным образом организованным переселением в Крым жителей аграрных областей РСФСР, а затем Советской Украины. К началу 1980-х гг. русские составляли 68,4% жителей Крыма, украинцы — 26,5%.

В 1954 г. население Крымского полуострова пережило новый драматический поворот в своей судьбе: произвольным, недемократическим решением, принятым по инициативе первого секретаря ЦК КПСС Н. С. Хрущева высшими партийными и государственными органами СССР, Крымская область была передана из РСФСР в состав Украинской ССР. Обстоятельства и мотивы, юридическая правомерность передачи Крыма и Севастополя до сих пор являются предметом острых научных и политических дискуссий. Несомненно, этот волюнтаристский акт имел крайне негативные последствия как для положения русскоязычного населения полуострова, так и для развития взаимоотношений России и Украины уже после распада СССР.

В 1960–1980-е гг. позитивные изменения происходили в народном хозяйстве Крыма. Строительство Северо-Крымского канала придало дополнительное ускорение росту аграрного сектора. Теперь в северной части полуострова появилась возможность выращивать традиционные южные садовые культуры, а также пшеницу и рис. Новыми отраслями сельского хозяйства в это время стали птицеводство и кролиководство. Появились предприятия в области высокоточного машиностроения и электроники, в частности в оборонной промышленности. Динамично развивались судостроение, пищевая промышленность и виноделие. Экономика Крымской области носила ярко выраженный индустриально-аграрный характер, причем на долю промышленности в ней приходилось три четверти совокупной валовой продукции. Крым являлся одним из высокоразвитых регионов Советского Союза, неотъемлемой частью единого народно-хозяйственного комплекса страны.

На полуострове продолжалось курортное строительство. Крым получил неформальный статус «всесоюзной здравницы» — места отдыха и оздоровления как советской партийно-государственной элиты, так и широких слоев трудящихся. Международный пионерский лагерь «Артек», расположенный на Южном берегу Крыма, стал одним из наиболее популярных центров детского отдыха в СССР.

В Крымской области успешно действовали учреждения прикладной и фундаментальной науки, в частности Государственный Никитский ботанический сад, Институт биологии южных морей АН УССР, Институт минеральных ресурсов АН УССР, Всесоюзный институт виноградарства и виноделия «Магарач», Всесоюзный институт физических методов лечения и медицинской климатологии

им. И. М. Сеченова и др. Ученые Крымской астрофизической обсерватории принимали активное участие в космических исследованиях.

Одним из важнейших исторических событий, приведших к драматическому распаду СССР, стало блокирование в августе 1991 г. Государственным комитетом по чрезвычайному положению СССР в государственной резиденции «Заря» в Форосе первого и последнего президента СССР М. С. Горбачева. После заключения в декабре 1991 г. «Беловежских соглашений», в которых вопрос о Крыме и Севастополе не поднимался, возник «крымский узел» разнообразных проблем, в частности принадлежности Черноморского флота, возвращения на полуостров и обустройства ранее депортированных этнических групп, интеграции населения Крыма в новые общественно-политические и культурные реалии постсоветской Украины.

Восстановление в январе 1991 г. Крымской АССР (впоследствии — Республика Крым, Автономная Республика Крым) позволило в условиях переходного периода сохранить языковые и культурные особенности населения Крымского полуострова, в целом благополучно включить в его состав многочисленных репатриантов — крымских татар и представителей других народов. Однако в 1995 г. полномочия республики были существенно ограничены украинским руководством. Националистические и национал-либеральные организации Украины постоянно требовали дальнейшего ограничения прав Крыма и ликвидации автономии.

Поскольку в советское время Крым имел тесные экономические и культурные связи со многими союзными республиками, их разрыв после распада СССР оказался для полуострова чрезвычайно болезненным. Подавляющее большинство населения Крыма, значительная часть общественных организаций в период становления независимой Украины выступали за восстановление взаимодействия с бывшими республиками СССР, прежде всего с Российской Федерацией, а также против национализма и вовлечения Украины в структуры Северо-Атлантического альянса, за сохранение культурной самобытности народов Крыма. Важными вехами этой активности были антинатовские акции 1990–2000-х гг., проведение международного фестиваля «Великое русское слово», повседневная деятельность Русской общины Крыма, партии «Русское единство», ряда других общественных организаций.

В феврале 2014 г., после совершившегося в Киеве государственного переворота, в условиях подъема националистических и откровенно профашистских сил над Крымом нависла угроза серьезной дестабилизации и политических преследований. Верховный совет и Совет министров Автономной Республики Крым обратились за помощью к Российской Федерации. В результате совместных усилий местных сил самообороны, гражданских активистов и российских военнослужащих мир на крымской земле был сохранен.

16 марта 2014 г. в Крыму состоялся общенародный референдум, на котором 96,77% населения республики высказалось за ее вхождение в состав Российской Федерации. Воссоединение Крыма с Россией, через несколько дней юридически оформленное соответствующими межгосударственным договором и федеральным конституционным законом, дало возможность жителям полуострова избежать кро-

вавого гражданского противостояния. Более того, демократическое волеизъявление подавляющего большинства крымчан, поддержанное, согласно социологическим опросам, большей частью россиян, позволило сохранить международную стабильность в стратегически важном регионе — избежать перспективы размещения на полуострове военной базы НАТО и тем самым предотвратить возникновение реальной угрозы для юга России.

«Крымская весна», ставшая закономерным завершением 25-летнего периода политической неопределенности в судьбе полуострова, восстановила искусственно прерванное историческое единство Крыма и России. Президент Российской Федерации В. В. Путин в своем выступлении в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца 18 марта 2014 г. отметил: «В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остается неотъемлемой частью России. Эта убежденность, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение, перед ней были бессильны и время, и обстоятельства, бессильны все драматические перемены, которые мы переживали, переживала наша страна в течение всего XX века».

*А. В. Юрасов, А. И. Айбабин, И. В. Зайцев,
А. В. Мальгин, П. Н. Марциновский,
А. А. Масленников, Л. В. Мельникова*

Список сокращений

- АВПРИ — Архив внешней политики Российской империи
 АГС — Архив города Севастополя
 БЭС — Большой энциклопедический словарь
 ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации
 ГАОО — Государственный архив Одесской области
 ГАРК — Государственный архив Республики Крым
 ГИАМЗ «Херсонес Таврический» — Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический»
 ДРЗ — Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына
 ЖМВД — Журнал Министерства внутренних дел
 ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения
 ЗООИД — Записки Одесского общества истории и древностей. Одесса
 ИИМК РАН НА РО — Институт истории материальной культуры Российской академии наук (Научный архив, рукописный отдел)
 ИППО — Императорское Православное Палестинское общество
 ИРЛИ РАН — Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук
 ИР НБУ — Институт рукописей Национальной библиотеки Украины им. В. И. Вернадского
 ИТОИАЭ — Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь
 ИТУАК — Известия Таврической ученой архивной комиссии. Симферополь
 КНП — Культура народов Причерноморья
 МАИЭТ — Материалы по археологии истории и этнографии Таврии. Симферополь
 ОПИ ГИМ — Отдел письменных источников Государственного исторического музея
 ОР РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки
 ОРДИ ОННБ — Отдел рукописей и древних изданий Одесской национальной научной библиотеки
 ПСЗ-I — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1
 ПСЗ-II — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2
 ПСЗ-III — Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3
 РБС — Русский биографический словарь
 РГА ВМФ — Российский государственный архив Военно-Морского флота
 РГАДА — Российский государственный архив древних актов
 РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории
 РГАЭ — Российский государственный архив экономики
 РГВА — Российский государственный военный архив
 РГВИА — Российский государственный военно-исторический архив
 РГИА — Российский государственный исторический архив
 Сб. РИО — Сборник Императорского Русского исторического общества
 СПИИРАН — Санкт-Петербургский институт истории Российской академии наук
 СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
 УЗ КРИППО — Ученые записки Крымского республиканского института пост-дипломного педагогического образования
 УЗ ТНУ — Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского
 УНХУ — Управление народно-хозяйственного учета
 ЦАМО РФ — Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации
 ЦГА РУз — Центральный государственный архив Республики Узбекистан
 ЦГАВО Украины — Центральный государственный архив высших органов власти и управления Украины
 ЦГАИПД СПб — Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга
 ЦГАООУ — Центральный государственный архив общественных объединений Украины
 ЦДНИКК — Центр документации новейшей истории Краснодарского края
 ЦМВС — Центральный музей Вооруженных Сил Российской Федерации
 ЦМТ — Центральный музей Тавриды
 BAR — Bakhmeteff Archive, Rare Book and Manuscript Library, Columbia University Libraries (Бахметевский архив отдела редкой книги и рукописей Библиотеки Колумбийского университета, США)
 BArch — Bundesarchiv-Militärarchiv (Федеральный военный архив, ФРГ)
 HIA — Hoover Institution Archives (Архив Гуверовского института войны, революции и мира при Стэнфордском университете, США)
 NARA — National Archives and Records Administration (Национальное управление архивов и документации, США)
 RFE/RL — Radio Free Europe Real Life

Указатель имен

- А**
- Абаев В. Д. — 519
 Абдулла М. — 484
 Абдуллаев К. — 731, 732
 Абдул-Меджид I, турецкий султан — 118–120, 122
 Абдул-Хамид — 35
 Абдуль-Рагим С. — 523
 Абдураимов В. — 732, 733, 738, 750
 Абдурахман Мемет-оглу — 243
 Абдурашидов Д. — 567
 Аблаев Дж. — 401
 Абрамов Г. — 249
 Абрамов Ф. Ф. — 439
 Абрикосов А. И. — 208, 235
 Аваков А. Б. — 745
 Авалиани С. Л. — 74, 75
 Авдеев А. А. — 166, 167, 343
 Аверин А. Ю. — 681
 Аветисьян А. — 299
 Агаджанян Н. А. — 221
 Агафангел (Типальдо), митрополит — 160
 Адаменко В. Ф. — 234
 Адамсон А. И. — 169
 Аджи-Абдураим-эфенди — 309
 Аджи-Али-эфенди — 309
 Аджубей А. И. — 643, 644
 Айвазов А. С. — 243, 400–402, 475
 Айвазовский Гавриил (Айвазян Г. К.) — 300, 301
 Айвазовский И. К. — 66, 129, 300, 301, 336–339, 341, 352, 762
 Акимов Дж. — 669
 Акимов Ф. — 669
 Аксенов В. П. — 437, 692
 Аксенов С. В. — 730, 744, 747, 749, 752
 Аксентьев С. Т. — 341
 Акстман К. Э. — 235
 Акулов И. А. — 457
 Акулов М. Р. — 614
 Акчокраклы О. — 521–523
 Алабин П. В. — 367
 Александр Г. А. — 550
- Александр Д. Э. — 376, 378
 Александр I, российский император — 37, 69–71, 73, 77, 90, 98, 100, 101, 104, 106, 296, 298, 307, 315, 342, 373
 Александр II, российский император — 146, 154, 164, 178, 186, 188, 212, 214, 215, 294, 313, 344, 345, 351, 357, 762
 Александр III, российский император — 185, 186, 210, 215, 257, 312, 343, 345, 347, 519
 Александр Македонский — 754
 Александр Михайлович, вел. князь — 344, 392
 Александра Федоровна, императрица — 144, 342
 Александров И. — 305–308
 Александров-Дольник Н.К. — 218
 Александрович Р. М. — 509
 Алексеев А. — 529
 Алексеев И. В. — 271
 Алексеев М. В. — 446
 Алексеев Макарий, протоиерей — 151
 Алексеев Н. Н. — 422, 427
 Алексеева Е. Н. — 685
 Алексей (Лавров-Платонов), епископ — 294
 Алексей (Молчанов), епископ — 294
 Алексей (Ржаницын), епископ — 294
 Алтанлы А. — 669
 Альбрехт Э. А. — 518
 Альвенслебен Л. фон — 558, 559
 Альмедингер В. — 435
 Альмендингер М. Л. — 208
 Альмендингер К. — 554, 590, 592, 593
 Альф И. (Сеймович И.) — 448
 Алядин Ш. — 669, 672
 Амбарцумов И. В. — 298, 299, 303
 Амет Ж.-Ф. — 429
 Амосов О. П. — 48
- Амфитеатрова Ж. С. — 361
 Анатра А. А. — 234
 Андерсен — 235
 Андреевский И. С. — 378, 380
 Андреевский К. Э. — 74
 Андреевский Ф. Н. — 316
 Андреевский Э. С. — 74
 Аникеев В. В. — 398
 Анисимов О. В. — 118
 Анисимова О. С. (Анісімова О. С.) — 179, 183
 Анненков Н. Н. — 158
 Анненков П. В. — 326
 Антонов В. В. — 182
 Антонович П. А. — 67
 Алухтин А. Н. — 329
 Арабский — 469
 Аракчеев А. А. — 74
 Араловец Н. А. — 273, 650
 Аргутинский-Долгорукий И. — 300
 Ардатов М. А. — 453
 Арефьев А. В. — 167
 Арифов Л. — 718
 Аронов И. — 206
 Аронов М. И. — 246
 Арсений (Тыднев), иеромонах — 160
 Артизов А. Н. — 568
 Архипова Е. Н. — 379
 Арцеулов К. К. — 338
 Асан-Нури А. — 671
 Астров Н. И. — 424
 Асфилд — 376
 Атлас М. Л. — 405
 Афанасьев А. К. — 82
 Ахемениды — 754
 Ахматович А. М. — 417, 418
 Ахундов Р. — 243
 Ачкинази А. — 208
 Ачкинази И. В. — 315, 317
 Ашк А. Б. — 67, 357, 358, 364, 365
 Аширов К. — 672
- Б**
- Бабахан Н. — 432, 457, 463
 Бабиян В. — 240
- Бабович Б. С. — 188
 Бабович Нагаму (Бабакай) бен Шломо — 188
 Бабович Симха бен Шломо — 318
 Бабович Шломо «Чабак» — 316
 Бабуджиев Я. Я. — 235
 Багдасарян В. Э. — 134, 135, 137, 146
 Багров Н. В. — 603, 687, 689, 693, 695, 698, 699, 704, 705, 709
 Бажан О. Г. — 674
 Бажанов Д. А. — 389
 Байков А. А. — 517
 Баиров Г. — 671
 Байрон Д. — 323
 Бакаратьян А. — 299
 Баккал И. Ю. — 396
 Бакунина Е. М. — 151–154
 Балас М. С. — 374
 Балатуков Кая-бей — 100, 101, 103, 104, 131
 Балатуков Мехмет-бей — 131
 Балатукова — 84
 Балашов И. П. — 233
 Балич У. — 457, 469, 475
 Бальбек Р. — 738
 Бальмонт К. Д. — 335, 762
 Банк И. — 59
 Баранов А. Н. — 66, 78, 79, 81
 Баранов Н. И. — 78
 Барбиери — 368
 Бариев А. — 673
 Барсамов Н. С. — 337–339, 628
 Барская Т. — 371
 Барсов Н. И. — 164
 Бартенев Ю. Н. — 382
 Барятинский А. — 146
 Баскерини — 168
 Басов А. В. — 534, 557, 572, 605, 606
 Басов Г. А. — 745
 Басов Я. А. — 628, 685
 Баткин Ф. И. — 394
 Батов П. И. — 536
 Батурич И. В. — 22, 24
 Батыров Р. — 672
 Батюшков К. Н. — 322
 Бауман Н. К. — 518
 Бахметев Б. А. — 449
 Башкиров А. С. — 521–523
- Башмаков В. — 721
 Башмаков Д. Е. — 349
 Безазиев Л. — 691, 738
 Безотосный В. М. — 100, 103, 104
 Безчинский А. — 215
 Бейдеман А. Е. — 345
 Бейм Шломо бен Авраам — 318
 Бекетов А. Н. — 231, 369
 Бекиров Н. — 739
 Белинский В. Г. — 368
 Белов А. В. — 21, 39, 170, 273
 Белов Г. Д. — 366
 Белоусова А. Р. — 32
 Белый А. (Бугаев Б. Н.) — 335, 525, 762
 Беме Ф. — 593
 Бененсон М. Е. — 230, 235, 316
 Бер В. М. — 84
 Бер Э. Я. — 523
 Бердяев Н. А. — 335, 762
 Бережанин Г. Е. — 397
 Березин В. И. — 217
 Березин И. Н. — 373
 Березовский Д. В. — 748
 Берия Л. П. — 597, 598, 603, 644
 Бернадский В. Н. — 628
 Бернацкий М. В. — 442
 Бернов М. А. — 382
 Берсенев И. М. — 23, 25
 Бертье-Делагард А. Л. — 342, 361, 366, 373
 Бескровный — 247
 Бессарабова Н. В. — 31
 Бестужев А. А. — 326
 Бестужев М. А. — 147
 Бехтин Н. В. — 603
 Бианки П. И. — 390, 397
 Биберштейн Ф. К. — 353, 354
 Бибилов С. Н. — 521
 Бильдерлинг А. А. — 167
 Биньямин бен Шмуэль Ага — 316
 Бирилев А. А. — 258
 Бирюлев Н. А. — 143
 Блаватский В. Д. — 627
 Бларамберг И. П. — 356, 357, 364
 Блор Э. — 87, 347
 Блосфельдт Г. — 187
 Блох Г. И. — 520
 Блудова А. Д. — 149
- Бобков А. А. — 409
 Бобков В. В. — 66, 82, 182
 Бобович С. С. — 185
 Бобров А. А. — 217
 Бобровский П. С. — 390, 397, 420, 423, 428, 429
 Богаевский К. Ф. — 337–339, 525, 762, 764
 Богаткевич Т. Я. — 615
 Богдан П. И. — 676
 Богданов М. М. — 407
 Богданов Н. Н. — 218, 390, 399, 419, 420, 424, 428, 429
 Богданович М. И. — 133, 137, 140, 142–144, 146, 147
 Боданинский А. А. — 399, 400
 Боданинский У. А. — 321, 521–524
 Боде А. К. де — 421–423, 426
 Бойцова Е. В. — 73, 307, 309
 Болат Ю. — 669
 Болбочан П. Ф. — 410
 Болгарев П. Г. — 676
 Болотина Н. Ю. — 15, 17, 18, 31, 32, 33
 Бонгард-Левин Г. М. — 353
 Бондаренко И. К. — 676
 Бонч-Осмоловский Г. А. — 521, 522, 524
 Боре Э. — 117
 Борисов Б. А. — 533
 Борисов Д. А. — 561
 Борисов Н. А. — 397
 Борисова А. Н. — 347
 Боровский А. А. — 427, 429
 Боровский П. С. — 429
 Бородина М. А. — 519
 Бороздин А. М. — 65, 68–70, 74–76, 92–94, 101, 104, 105, 351, 375, 760
 Бороздин И. Н. — 521–523
 Борохов Б. — 249
 Бортневский В. Г. — 441
 Бортников П. — 457
 Боске П. — 134, 135
 Боткин С. П. — 329, 345, 519
 Бочагов А. К. — 400, 401, 413
 Браилко Н. И. — 85
 Брашинский И. Б. — 364
 Бременер М. М. — 520
 Брешко-Брешковская Е. К. — 393

- Бринкман Г. — 591
 Бройнингер В. — 556
 Броневский В. Б. — 375
 Броневский С. М. — 65, 66, 76, 362, 375
 Броун Дж. — 136
 Брошеван В. М. — 431, 432, 462, 463, 472–474, 479, 485, 668
 Брук И. Я. — 519
 Брун Ф. К. — 353
 Бруннер С. — 376, 378
 Брунов Ф. И. — 164
 Брунс А. В. — 679
 Брынцева М. А. — 653, 654
 Брюллов А. П. — 113
 Брюсов В. Я. — 215, 335, 525, 762
 Буа — 135
 Бугаев Б. Н. — 525
 Бугаев В. И. — 577
 Бугай Н. Ф. — 597–600
 Буджурова Л. — 718
 Булатов В. С. — 580, 581, 583
 Булгаков А. — 243
 Булгаков М. А. — 525, 764
 Булгаков Я. И. — 36
 Булганаклы Г. — 669
 Бунаков (Фондаминский) И. И. — 395, 396
 Бунегин М. Ф. — 402, 412
 Бунин И. А. — 215, 335, 762
 Бунич И. Л. — 266, 267
 Бурбоны — 76, 378, 431
 Бурдогов А. Ф. — 727, 728
 Бурлаков П. Н. — 737
 Бурмистрова Т. Ю. — 253
 Буслаев Н. В. — 542
 Бутаков Г. И. — 125
 Бухштаб М. А. — 234
 Бушар М. Э. — 346
 Быковская Н. В. — 179
 Бьёркелунд Б. — 390
- В**
 Вайсборд С. Х. — 208
 Вайтаци М. П. — 72
 Валерга, Патриарх Латинский — 119
 Валуева А. П. — 171, 177, 178
 Вальд К. — 87
 Вальевский И. — 247
 Валякин А. В. — 557, 564
 Ванев Г. И. — 245, 246, 539, 546
 Ванцетти Т. Л. — 381
 Варданян — 252
 Вардересович А. — 297
 Варницкий А. Д. — 124
 Варганов Б. Х. — 208
 Варшавский И. Я. — 206
 Василевский А. М. — 588
 Васильев — 248
 Васильев И. Д. — 206, 587
 Васильев М. — 206
 Васильев Н. А. — 260
 Васильева Л. И. — 370
 Васильчиков И. И. — 152
 Васнецов А. М. — 339, 340, 762
 Вассерман В. — 685
 Ващановский В. — 247
 Вебер Ф. Д. — 215, 226
 Вебстер — 376
 Вейзен А. М. — 168
 Величко К. П. — 399
 Велишах-мурза — 18
 Венедиктов Л. А. — 596
 Вениамин (Ершов), иеромонах — 160
 Вениамин (Лукьянов), иеромонах — 149–151, 153
 Венокова С. В. — 22, 25–27
 Верebrюсов С. И. — 363, 365, 380
 Вересаев В. — 215
 Вересова О. И. — 345
 Верещагин В. В. — 341
 Вернадский В. И. — 445, 517
 Вертинский А. — 628
 Верховский А. И. — 392, 394
 Вершинин Д. Н. — 519
 Веселовский Н. И. — 364
 Вигасин А. А. — 373
 Вигель Ф. Ф. — 67
 Виктория, королева — 129
 Вильгельм II — 413
 Вильнев Е. Ф. де — 363
 Вильямс — 342
 Винавер М. М. — 414, 420, 424, 426, 428, 430
 Винберг В. К. — 182
 Виноградов В. К. — 19
 Виноградов В. Н. — 116
 Виноградов-Дудченко — 368
 Винцингероде Ф. Ф. — 102
 Виссарийон (Прядкин), иеромонах — 160
 Витгенштейн П. Х. — 109
 Витте С. Ю. — 241
 Вихман Л. А. — 581
 Вихман М. М. — 454
 Вихорев И. Д. — 235
 Вихорев Н. Д. — 235
 Вишняков В. Г. — 645, 646
 Владимир, князь — 163, 293, 359, 756
 Владимирский Л. А. — 587
 Владимирский М. В. — 432
 Власов А. А. — 569, 570
 Водарский Я. Е. — 73, 273, 274, 277–280, 282, 283, 288, 311
 Возгрин В. Е. — 131
 Вознесенский Н. — 443
 Войнович М. И. — 28, 29, 41–44, 49
 Волков, врач — 248
 Волков Е. Н. — 242
 Волков С. В. — 435
 Волков Ф. Г. — 368
 Волобуев О. В. — 248, 255, 595, 596, 605, 609, 614, 618, 622, 640, 668, 670
 Волович Х. — 245
 Вологдин Б. П. — 511
 Волохов Д. К. — 137
 Волошин М. А. — 335–339, 445, 525, 684, 762, 764
 Волховский П. С. — 56
 Вольф К. — 549
 Вольфензон Б. Л. — 244, 245
 Воронцов М. С. — 67, 68, 78–87, 91, 92, 95, 197, 228, 292, 336, 347, 348, 354–358, 364, 375, 381, 760
 Воронцов С. М. — 197, 210
 Воронцов С. Р. — 79
 Воронцова М. В. — 347
 Воронцовы — 32, 210, 216, 347, 348, 374
 Ворошилов К. Е. — 431, 640–642
 Востоков Н. М. — 294
 Врангель П. Н. — 433, 435–453, 455, 763
 Вревский П. А. — 146
 Вронский М. К. — 167
 Всеволожский Н. С. — 380
 Вульф Е. В. — 352–354
 Вульф П. Н. — 125
 Вульфсон-Давыдов С. В. — 432
 Выгон М. И. — 329
 Высотский А. — 302, 303
 Вьюницкая Л. Н. — 76
 Вяземский П. А. — 325
- Г**
 Габаев Г. С. — 101, 104
 Габай И. Я. — 672
 Габлиц К. И. — 16, 57, 59, 90, 91, 353, 763
 Габриель И. С. — 369
 Габриелян О. — 484, 691, 718
 Гавен Ю. П. — 397, 398, 406, 408, 431, 432, 457, 459, 462, 465, 473
 Гавриил (Розанов), архиепископ — 290
 Гаврилов Б. И. — 48
 Гагарина А. Д. — 348
 Гагкуев Р. Г. — 438, 447, 448
 Гаджи-Казы-ага — 17
 Гаевский П. В. — 66
 Гази-Гирей II — 758
 Галицкая Г. А. — 221
 Галиченко А. А. — 350, 354
 Галлера А. — 363
 Галлера Б. — 363
 Галлоп А. Г. — 397
 Гальдер Ф. — 544, 551
 Гальценфель — 235
 Гамба Ж.-Ф. — 70, 76, 376, 378
 Гамм Ф. Г. — 209, 235
 Гаммал М. И. — 317
 Ганзен А. И. — 338
 Ганин А. В. — 388, 396, 411, 421, 431, 438, 445, 448, 450, 454
 Ганкевич В. Ю. — 73, 185, 239, 240, 241, 243, 321
 Ганнибал И. А. — 24
 Гапон Г. — 341
 Гарриман — 602
 Гартвис Н. А. фон — 87, 354, 355
 Гарютин М. — 510
 Гаспринская Ш. — 242
 Гаспринский И. — 185, 239–243, 254, 321, 352, 400, 524
 Гатри Мария — 376, 377
 Гатри Мэтью — 376
 Гаузер — 92
 Гафаров Э. — 738
 Гаше, графиня — 81
 Гейден Л. П. — 113
 Гейльбрунн О. — 576
 Гейниц О. О. — 66
 Геккель К. — 345
 Гелис И. — 255, 257, 262, 263
 Геммельман К. Е. — 168
 Гендерсон Э. — 376
 Геннади Г. Н. — 374
 Генов И. Г. — 577, 669
 Генштейн — 249
 Георги И. Г. — 273
 Георгиевич М. М. — 441
 Георгиевский С. Г. — 675
 Георгий Михайлович, вел. князь — 343
 Гераков Г. В. — 78, 374
 Гервасий (Линцевский), епископ — 289
 Герман, Патриарх Константинопольский — 120
 Гермоген (Добронравин), епископ — 294, 295
 Геронтий (Артноховский), архимандрит — 161
 Герцен А. И. — 19, 252
 Герцык — 248
 Гессен И. В. — 424
 Гиацинтов Э. Н. — 440
 Гибсон У. — 213
 Гибш К. — 112
 Гибш Л. А. — 520
 Гидалевич А. Я. — 181
 Гийом де Рубрук — 756
 Гиммлер Г. — 541, 556, 558
 Гинзбург — 230
 Гинзбург М. Я. — 502
 Гиренко А. Н. — 688, 689
 Гитлер А. — 541, 544, 550, 551–553, 555, 556, 558, 567, 572, 587, 592
 Глаголев А. Г. — 379
 Гладков В. Ф. — 587
 Гленнон Дж. Г. — 395
 Глинка В. А. — 519
 Глинка Г. В. — 442, 444
 Глинка М. — 369
 Глузман А. В. — 351
 Глушко М. — 685
 Гнездилов В. Г. — 167
 Голландский П. И. — 521, 523
 Голенищев-Кутузов П. В. — 102
 Голицын А. Н. — 86
 Голицын Л. С. — 197, 210, 347
 Голицына А. С. — 86
 Головачев В. Ф. — 22–25, 27, 29, 30, 41, 42, 49
 Головизин А. С. — 722
 Головина А. Н. — 77
 Головкин Ф. Г. — 79
 Головкинский Н. А. — 219
 Голодрига П. Я. — 687
 Голубев А. Е., врач — 219
 Голубев Е. А., купец — 231
 Гольде Ю. В. — 481
 Гонов А. М. — 598
 Гончаров А. С. — 271
 Гончаров В. — 26
 Гопкинс Г. — 601
 Горбатов В. М. — 723
 Горбачев С. С. — 698, 766
 Горбачев С. П. — 481, 701, 702
 Гордимер В. — 246, 250
 Горин Я. — 457
 Горностаев А. — 168
 Городецкий М. И. — 297
 Горский — 368
 Горчаков А. М. — 144, 165
 Горчаков М. Д. — 143, 146, 160, 162, 163
 Горчаков П. Д. — 134, 136
 Горчакова Е. С. — 219, 382
 Горчакова Н. Ф. — 351
 Горький А. М. (Пешков А. М.) — 329, 331–333, 370, 525, 762, 764
 Горякина В. С. — 255, 261
 Гоуэн (Гауэн) Г. Дж. — 173, 174
 Гофлин Д. — 208
 Гравицкий Ю. К. — 450
 Гранат С. — 208
 Грапперон Ж. — 363
 Грапперон И. И. — 363
 Грач Л. И. — 694, 722, 723
 Грачев О. В. — 685
 Грабарь И. Э. — 524
 Гребенщикова Г. А. — 108, 110–112
 Грейг А. С. — 51, 66, 107–112
 Греков Б. Д. — 445
 Греков Д. Е. — 102

- Грель А. — 355
Греч Н. — 374
Гржибовская Г. Н. — 564
Гржибовский Н. Г. — 654
Грибоедов А. С. — 370, 526
Григоренко П. Г. — 672
Григорьев С. — 455
Григорьева Н. В. — 367
Гримм Д. — 293
Гримм Ф.-М. — 35, 37
Грин (Гриневский) А. С. — 525, 526, 684, 764
Гринев М. П. — 463
Гриневич К. Э. — 379, 521, 522
Гриц Т. С. — 368
Гриценко А. П. — 727, 728, 736
Гришанин П. И. — 450
Грицко П. — 389
Гроздов А. — 291, 292, 359
Громан В. Г. — 244, 245
Громан Е. П. — 244
Громенко С. — 379
Громько А. А. — 601, 690
Гросс Ф. И. — 365
Грот Я. — 72
Грубе В. — 381
Грудачев П. А. — 405
Грудина Н. А. — 676
Губенко Г. Н. — 75
Губогло М. Н. — 670, 692, 696, 697, 715
Губонин П. И. — 207, 217, 218, 224, 762
Гузь Н. И. — 538
Гумилев Н. С. — 335, 762
Гунт В. — 87, 342
Гурзуф И. — 243
Гурий (Карпов), архиепископ — 294
Гуркович В. М. — 573
Гуркович В. Н. — 187
Гурьев Д. А. — 66
Гусакова В. С. — 253
Гусаров С. Р. — 537
Гучков А. И. — 389
Гущин Г. П. — 346
Гюмушханеци М. — 300
- Д**
Давидович Мустафа Мурза — 242
Давыдович М. М. — 185
- Дальский М. В. — 371
Данилевский Н. Я. — 350
Данильченко П. А. — 518
Дауге П. Г. — 464
Дашичев В. И. — 534, 537
Двойченко П. А. — 518
Дейч Б. Д. — 723
Дёла Г. — 554
Деллингер — 87
Дельвиг А. А. — 323, 325
Делямуре В. Л. — 675
Демерджи И. — 206
Демидов А. Н. — 381, 382
Деникин А. И. — 411, 414, 420–423, 425–431, 433, 434, 436–438, 440, 441, 443, 445, 451
Денисов Л. И. — 293, 294
Деревицкий А. Н. — 379, 518
Дерен-Айерлы О. А.-Г. — 457, 463, 469, 475, 482, 483
Державин Г. Р. — 72, 322
Дерибас И. М. (Дерибас О. М.) — 46, 56
Дерибас Э. М. — 56
Дерменджи А. — 669
Джавтобели З. — 669
Джанибек — 756
Джарты В. Г. — 735–739
Джемилев М. — 690, 694, 697, 716–719, 739, 740
Джемилев У. — 671
Дженеев С. Ю. — 676, 680
Джонс — 376
Джучи — 757
Дзержинский Ф. Э. — 454
Дибич И. И. — 107
Дигби А. — 67
Диксон Ч. О. — 576
Диляра-Бикеч — 325
Димитрий (Абашидзе), архиепископ — 294, 393, 505
Дирик К. Я. — 483
Дискин А. — 245
Дитерихс М. М. — 520
Дитрих А. И. — 347
Дмитриев В. Н. — 215, 519
Дмитрий Константинович, вел. князь — 343
Добахов — 248
Добровольский А. С. — 407, 408
Довгань Т. А. — 370, 371
- Догуджиев В. Х. — 691
Докучаев В. В. — 632
Долгилевич М. М. — 676
Долгов — 224
Долгорукая Е. — 345
Долгоруков В. А. — 163
Долгоруков В. М. — 51, 759
Долгоруков П. — 373
Долженко Г. П. — 225, 226
Долин Г. Н. — 168
Домбровский А. — 685
Домбровский О. И. — 358, 627
Домбровский Ф. М. — 309, 355
Доможиров Д. А. — 23, 29
Донцов Д. — 417
Дорман П. Е. — 438
Дорофей (Возмуйлос), епископ — 289
Доценко В. — 404
Драценко Д. П. — 447, 448
Дрейер В. Н. фон — 411
Дробязко С. И. — 572
Дроков С. В. — 395
Дружинина Е. И. — 21
Друян — 435
Дубко Ю. В. — 271
Дубровин Н. Ф. — 85, 130, 133, 134, 139, 147, 158
Дуван С. Э. — 184, 185, 221
Дугдал Р. — 24
Думбадзе — 218
Думбадзе И. А. — 186, 224, 264
Думберг К. Е. — 365
Думова Н. Г. — 424
Дункан К. К. — 213
Дуранте Л. А. — 202, 256
Дурдинец В. В. — 703
Душевский В. П. — 225
Дыбенко П. Е. — 432
Дьяконов А. Н. — 320
Дьяченко И. С. — 577
Дюбрюкс П. А. — 357, 364
Дюбуа де Монпере Ф. — 376, 378
- Е**
Евдокимов В. М. — 342
Евдокимов Е. Г. — 454
Егер — 376
Егоров М. М. — 583
Езиоранский Л. К. — 232, 235, 236
- Екатерина II, российская императрица — 15, 16, 18–20, 25, 29, 31–39, 42, 50, 53, 57, 63, 187, 274, 289, 304, 306, 307, 317, 373, 759, 760
Еккельн Ф. — 558
Елагин В. А. — 405, 406
Елена Павловна, вел. княгиня — 147–149, 153–155, 161, 381
Елена, мать Константина Великого — 149
Елизавета Алексеевна, императрица — 342
Елизаров М. А. — 390
Елисеев А. А. — 103, 104
Елисеева О. И. — 73, 273, 274, 277–280, 282, 283, 288, 311
Елпатьевский С. — 224
Елпидифор (Бенедиктов), архиепископ — 294
Ельцин Б. Н. — 698, 700, 702, 707–709, 720
Ельяшевич Б. С. — 184, 188, 318, 321
Ельяшевич С. С. — 253
Емец З. Г. — 676
Енилеев М. Д. — 400
Еранцев Ф. Н. — 168
Еременко А. И. — 588, 590
Ермаков В. П. — 450
Ермаков Д. Ф. — 581
Ермолинский А. — 371
Еропкин П. Д. — 37
Ерохин — 370
Есютин Т. — 270
Ефимов Е. В. — 576
Ефимов С. А. — 484, 694
Ефрем, иеромонах — 151
Ефремов И. Е. — 102
- Ж**
Жандр А. — 138–140
Жегулин С. С. — 30, 59, 104, 306
Железнов Г. И. — 125
Живов Д. Е. — 495
Жилин П. А. — 39
Жирицкий Л. В. — 521
Жиров В. Д. — 396
Жиромская В. Б. — 273, 647
Житник А. А. — 545
- Жлоба Д. П. — 446
Жуков В. К. — 408
Жуков Г. В. — 538
Жукова Л. — 370
Жуковский А. Т. — 411
Жураховский Д. Д. — 368, 370
- З**
Задов М. — 249
Заблоцкий В. П. — 271
Забнин С. И. — 521, 522
Завадовский А. Г. — 85, 305
Загородских Ф. С. — 618
Загоскин М. Н. — 368
Задорожный Ф. Л. — 344, 393
Зайончковский А. М. — 115, 116, 118, 120, 121, 123–129, 133, 143
Зайцев В. А. — 618, 767
Залесский К. А. — 554, 560
Залесский, подполковник — 134
Зальцкебер Ф. Б. — 208
Замбрицкий В. А. — 440
Замятин Е. Н. — 525, 764
Зарин А. С. — 395
Зарубин А. Г. — 400, 409, 411, 414, 416, 417, 426, 432, 434, 450, 458, 460, 458, 460
Зарубин В. Г. — 243, 387, 400, 409, 411, 414, 416, 417, 426, 432, 434, 450, 458, 460, 484, 489, 492, 694
Зарубин С. Ф. — 367
Зарудный А. С. — 395
Заставенко Г. В. — 553
Засыпкин Б. Н. — 523
Захаров Г. Ф. — 588
Захаров Е. И. — 675
Захаров Ф. З. — 685
Захарова Л. Г. — 186
Захарова О. Ю. — 80
Зборовский В. А. — 244
Зевакин Н. А. — 520
Зевелев А. И. — 252
Зекья А. — 400
Зелинский К. М. — 368
Земляниченко М. А. — 343–345
Землячка Р. С. — 454, 455
Земсков В. Н. — 600, 668
Зиборов С. Р. — 676
Зимин И. Н. — 641
- Змерзла Е. П. — 305
Золотарев А. А. — 234
Золотарев В. А. — 40–43, 47, 171, 234, 265, 267, 268
Зубов П. А. — 58, 88, 316, 317
Зуев В. Ф. — 95
Зырянов П. Н. — 388
- И**
Ибнеева Г. В. — 31, 33
Ибраимов В. — 463, 468–470, 475, 478, 481–485, 507
Ибраимов О. — 475
Ибраимов У. — 481, 482
Иван IV Грозный — 758
Иваненко М. М. — 180
Иванов А. А. — 337
Иванов Б. Ю. — 244
Иванов Б. Н. — 682
Иванов В. А. — 185, 186
Иванов В. Б. — 527, 614, 617
Иванов И. В. — 271
Иванов П. А. — 306
Иванов С. А. — 726
Иванов-Козельский М. Т. — 369
Иванченко Ю. А. — 331
Ивлева Я. А. — 220, 221
Игельстром О. А. — 16, 17, 33, 52, 54, 72, 288, 305
Игнатий (Гозадинос), митрополит — 289
Идриси — 756
Идрисов С. — 457
Иззет-Магомед-паша — 109
Иззетов С. — 672
Измайлов А. — 672
Измайлов В. В. — 341, 374
Ильин А. Н. — 360
Ильницкая О. И. — 629, 643
Имеретинский А. К. — 218
Инзов И. Н. — 79
Иннокентий (Борисов), архиепископ — 141, 142, 145, 149, 151, 153, 155–159, 161–164, 291–294, 358, 761
Иннокентий, иеромонах — 151
Иоанникий (Добротворский), иеромонах — 160
Иоанникий (Ровинский), иеромонах — 160
Иоанникий (Савинов), иеромонах — 159, 160

- Иов (Потемкин), епископ — 289
 Иов (Сиволодский), иеромонах — 160
 Иорданский Н. И. — 244
 Иосиф II — 35, 36, 39
 Иофис Г. Н. — 640
 Иоффе А. А. — 397
 Иоффе Г. З. — 435
 Ипчи У. — 527, 528
 Исаев С. — 585
 Исакович Ш. — 189
 Истомин В. И. — 145, 167
 Ицхак бен Шломо — 317
- Й**
 Йенеке Э. — 554, 572, 573, 587, 588, 592
- К**
 Кабузан В. М. — 73, 273, 274, 277–280, 282, 283, 288, 311
 Кадиевич А. — 344
 Кадыев Р. — 673
 Кадьгэскеров А. Х. — 523
 Казанский А. Д. — 220
 Казанский П. С. — 380
 Казанцев А. С. — 561
 Казарин В. П. — 147
 Казарский А. И. — 112, 113
 Казас Б. И. — 221
 Казас И. И. — 321
 Казначеев А. И. — 66, 68, 69, 81–83, 368, 760
 Казначеева В. Д. — 93
 Калайда Ф. К. — 518
 Калинин Н. Н. — 343–345, 347
 Калинин С. Е. — 100, 101, 103
 Калиновский В. В. — 291, 293
 Калич А. И. — 397
 Каменев Л. Б. — 431
 Каменев С. С. — 450
 Камерс Я. — 245
 Кан Фердинанд Геланус, епископ — 297
 Канареев Ф. Н. — 676
 Канин В. А. — 423
 Канкрин Е. Ф. — 83
 Канробер Ф. — 135, 145
 Канторович Н. Л. — 397
 Капнист В. В. — 322
 Караманов А. С. — 685
- Карапетян Л. А. — 253
 Караулов Г. Э. — 353
 Карашайский Адиль-мурза — 240, 241, 309
 Кардиган Д. — 142
 Карейша Д. В. — 357, 358, 364, 365
 Карпенко С. В. — 445
 Карпов Б. — 446
 Карпов Н. Д. — 434, 435, 453
 Карташевский Н. Г. — 138
 Касатонов И. В. — 596, 701, 702
 Касперович А. А. — 348
 Кастельно Г. де — 376
 Кастрон М. — 377
 Катунин Ю. А. — 562
 Катгык А. И. — 321
 Каушлиев Г. С. — 382
 Каховский В. В. — 19, 33, 34, 56, 59, 306, 310
 Каховский М. В. — 58, 60, 353
 Качалов В. И. — 370
 Качковский К. — 376, 379
 Квицинский О. А. — 136
 Кебабчанц Х. — 253
 Кебах К. А. — 87, 348
 Кедров М. А. — 451–453
 Кейтель В. — 556
 Кельсиев В. И. — 380
 Кельчевский А. К. — 439
 Кенез П. — 412
 Кеппен П. И. — 82, 91, 355, 356, 375, 378
 Кеппен Ф. П. — 355, 356
 Кеппены-Келлеры — 334
 Кереметчи Г. А. — 253
 Керенский А. Ф. — 346, 392–394
 Керимов С. — 718
 Керсновский А. А. — 132
 Керцман Я. А. — 520
 Кефели И. С. — 235
 Кизилов Б. В. — 694
 Кизилов М. Б. — 315
 Кинни — 213
 Кинсберген Я. Г. ван — 22
 Кипчакский М. М. — 243
 Кипчакский Мемет-мурза — 309
 Кипчакский Мустафа — 400
 Кипчакский Селямет-мурза — 309
- Киравосян Н. Б. — 253
 Киранов Дмитрий, священник — 506
 Кириенко Г. К. — 316
 Кирилл (Векшин), иеромонах — 160
 Кирилл, Патриарх Иерусалимский — 120
 Кириченко А. И. — 644
 Кириченко Н. К. — 659
 Киров С. М. — 531
 Кирьяков В. Я. — 134, 135, 137
 Кирьяков М. М. — 357
 Киселев В. А. — 728
 Киселева Н. — 690
 Китайгородский Э. Б. — 234
 Киш Л. С. — 520
 Кишинский Л. С. — 134
 Кларк Э. Д. — 376
 Клейнершехт И. С. — 313
 Клеменс С. Л. — см. Твен М.
 Клепиков И. Н. — 397
 Климович Е. К. — 442
 Клокачев Ф. А. — 24–26, 28, 40
 Клочковский В. Е. — 416, 426
 Книппер О. Л. (Книппер-Чехова О. Л.) — 330, 331, 370
 Кнорринг К. Б. — 103
 Кнушевицкий С. А. — 201, 204, 238
 Кнышевский П. — 643
 Княжевич А. Д. — 197
 Княжевич А. М. — 193, 194
 Княжевич Д. М. — 380
 Княжевич Н. А. — 369
 Князева М. Д. — 654
 Кобулов Б. З. — 597
 Ковалев Н. — 449
 Ковалевский О. А. — 678
 Ковалевский С. А. — 682
 Коган А. — 244
 Кожевин В. Л. — 388
 Козаков В. Н. — 676
 Козенко А. Д. — 736
 Козин Я. Д. — 676
 Козлов А. А. — 685
 Козлов В. Ф. — 217
 Козлов Д. Т. — 538, 544, 545
 Козлов И. А. — 42, 47, 171, 265, 267, 268, 576
 Коковцев В. Н. — 218
- Колесников А. Г. — 678
 Колесников В. Л. — 676
 Колесниченко В. С. — 576
 Колли Л. П. — 363, 364
 Колоницкий Б. И. — 389
 Колосов — 410
 Колторп С. — 426
 Колтунов Г. — 585
 Колупаев Д. — 376
 Колчак А. В. — 269, 270, 387–391, 393–395, 409, 422
 Коляденко — 406
 Комзолова А. А. — 244
 Комиссаржевская В. Ф. — 369
 Кондаков Н. П. — 344
 Кондараки В. Х. — 212, 214, 283, 312, 345
 Кондранов И. П. — 578, 582
 Кондратенко Г. П. — 340
 Коновалов Г. И. — 438
 Коновалова В. М. — 654
 Кононенко В. Н. — 654
 Кононов В. А. — 83
 Конрад Р. — 588
 Констансов С. В. — 455
 Константин Великий, римский император — 149
 Константин Николаевич, вел. князь — 193, 342
 Константин Павлович, вел. князь — 36, 759
 Константинов В. А. — 735, 740, 742, 743, 747, 752
 Константинов Ф. — 208
 Копылов А. — 379
 Корбек А. — 243
 Корвин-Круковский А. В. — 421, 422, 426
 Корде В. К. — 263
 Корневский В. П. — 80, 82–84
 Коржов А. Х. — 206
 Коркунов П. А. — 235
 Корнейчук А. В. — 527, 731
 Корнилов В. А. — 124–126, 128, 132, 138–141, 145, 167, 338
 Корнилов Л. Г. — 405, 446
 Корнилова Е. В. — 128
 Коровин В. — 266
 Коровин К. А. — 218
 Королев В. И. — 185, 243–248, 250–252, 256, 264, 313, 391, 411
- Королев Н. Д. — 520
 Короленко В. Г. — 215, 333–335, 762
 Короп П. — 247
 Коротченко Д. С. — 641, 642
 Корсаков В. Н. — 215
 Корсаков Г. А. — 49
 Корсаков Д. А. — 358
 Корсаков Н. И. — 18
 Косик В. — 569
 Косинский В. Д. — 329
 Косиор С. В. — 482, 483
 Космели — 376
 Коссовский М. Л. — 208
 Костенко К. Е. — 525, 764
 Косухин Н. В. — 694, 695
 Косцюшко-Валюжинич К. К. — 366
 Косыгин А. Н. — 636
 Котляревский И. П. — 368
 Котляревский П. С. — 363
 Котляров С. — 206
 Кох Э. — 553
 Кохан А. А. — 557
 Коховский В. В. — 306
 Коцебу П. Е. — 214
 Кочубей В. М. — 96
 Кош Р. фон — 410, 411, 414, 420
 Кошка П. М. — 143
 Кравен Э. — 375, 376
 Кравцова Л. П. — 20, 445
 Кравчук А. С. — 64–66, 68, 70, 71, 74, 79, 81, 83, 84
 Кравчук Л. М. — 700–702, 705, 707, 709, 710
 Крамер — 87
 Краснов В. М. — 439
 Краснов Н. П. — 218, 343–346, 348, 349, 351, 361
 Крашенинников С. — 375
 Крейзер Я. Г. — 590
 Кремер О. К. — 177
 Крестьянников В. В. — 160, 176, 246, 396, 407
 Кривошеин А. В. — 441–443, 445
 Крижанич Ю. — 360
 Кристи М. — 263
 Критский Н. Д. — 110
 Криштоф Е. — 685
 Крокер Д. — 213
 Круглевич И. Я. — 321
- Крупская А. М. — 150
 Крылов С. Н. — 457
 Крым С. С. — 248, 256, 263, 763
 Крымтаев С. — 243
 Крюков П. И. — 95
 Крюкова И. В. — 354, 519
 Ксенофонт, иеромонах — 151
 Кубаев М. И. — 485
 Кудашевич А. Р. — 208
 Кузин В. В. — 722
 Кузнецов А. — 154
 Кузнецов А. Я. — 541
 Кузнецов В. Е. — 704
 Кузнецов Н. Г. — 595, 636
 Кузнецов Н. А. — 387, 452, 453
 Кузнецов Ф. И. — 535, 536
 Кузнецова А. И. — 188
 Кузнецова Е. Г. — 657
 Кузьменко В. — 218
 Кузьмин — 87
 Кузьмин Ю. А. — 182
 Куинджи А. И. — 340, 762
 Куликовский Г. Л. — 211
 Куликовский Д. М. — 99
 Куломзин А. Н. — 425
 Кумани М. Н. — 111
 Кун Б. — 454, 457, 462
 Куник А. А. — 356
 Куницкий И. — 505
 Куницын С. В. — 723, 726, 728
 Кунтуганский Садык-ага — 103
 Кунцевская Г. Н. — 334–337, 339
 Куоллс К. — 615
 Куповецкий М. С. — 315
 Куприн А. И. — 215, 333, 334, 762
 Куракин А. Б. — 60, 74
 Курашик В. В. — 695
 Курчатова И. В. — 352, 518
 Кутайсов В. А. — 371
 Кутайсова М. В. — 185, 371
 Кутепов А. П. — 408, 439, 440, 446, 453
 Кутузов М. И. — 39, 81
 Куусинен О. В. — 641, 642
 Кучма Л. Д. — 712, 713, 717, 719, 720, 720, 723, 725, 732, 734
 Кушелев-Безбородко А. Г. — 342, 350
 Кырымал Э. — 562
 Кырым-Гирей — 325

- Л**
- Лавинский А. С. — 69, 70, 77, 78, 351
 Лагорио Л. Ф. — 337–339, 762
 Лазарев М. П. — 28, 49, 113, 123, 141, 145, 167, 370
 Лайэль (Лайелл) Р. — 376, 377
 Лакло — 84
 Ламан Н. К. — 347
 Ламотт-Валуа Ж. — 81
 Лампе А. А. фон — 438
 Лангеман И. Я. — 234
 Ланжерон А. Ф. — 65, 69, 70, 77, 78, 80, 86, 351
 Лансере С. Л. — 218
 Ланской С. С. — 77
 Ланцкоронская Л. — 344
 Лапаева Г. А. — 349
 Ласкин И. А. — 536, 549
 Латри М. П. — 337, 338
 Лашков Ф. Ф. — 17, 20, 52, 288, 290, 306, 309, 310, 352, 359, 368
 Лебедев И. Ф. — 215, 216
 Лебединцев А. Г. — 140–144, 151, 153, 154, 161, 290
 Лебединцев П. Г. — 380
 Лебедь А. И. — 720
 Левговд Р. Р. — 388
 Левитан И. И. — 340
 Левицкий Г. — 151
 Левченко Г. И. — 536
 Лейбман Б. Я. — 249, 397
 Леманов И. — 242, 321
 Ленин В. И. — 167, 387, 389, 390, 407–409, 430, 432, 461, 464, 670, 683
 Ленцов В. — 685
 Леонов Л. М. — 525, 764
 Леонтьев И. П. — 540
 Лёпер Р. Х. — 366
 Лерих Ф. И. — 208
 Лесевич П. Д. — 248
 Лесин А. А. — 625, 626
 Лесков Н. — 380
 Лесков-Стебницкий Н. — 381
 Лесли П. И. — 145
 Либин Е. И. — 397
 Ливанов Ф. В. — 29, 30, 171, 172
 Лидзарь В. А. — 406
 Лидин В. — 525, 764
 Лидэ А. М. — 457
- Лизогуб Ф. А. — 418
 Линниченко И. А. — 76, 445
 Линченко В. М. — 519
 Линь Ш.-Ж. де — 35, 373
 Липранди П. П. — 142
 Листиков С. В. — 431
 Литвин Г. А. — 560, 584, 588
 Лихтерман Б. В. — 519
 Лиценбергер О. А. — 297, 302
 Лобов М. Т. — 578
 Лозбень Н. С. — 343
 Ломакин Д. А. — 523, 524
 Ломоносов М. В. — 322
 Лопатин В. С. — 15, 31
 Лопухин И. В. — 307
 Лорей Г. — 265, 266, 269, 271
 Лосев Н. Д. — 220
 Лотман Ю. М. — 326
 Луговой Н. Д. — 578, 583, 669
 Лужков Ю. М. — 720
 Лукин В. К. — 395
 Лукомский А. С. — 447
 Луначарский А. В. — 370
 Лункевич В. В. — 518
 Лупанова М. Е. — 19
 Лурье (Ларин) М. А. — 481
 Лутак И. Г. — 651
 Лутак И. К. — 659, 670
 Лущик А. В. — 682
 Лысенко Л. М. — 69
 Львов А. — 320
 Львов В. Н. — 543
 Люценко А. Е. — 357, 365
 Люценко Е. Е. — 357, 365
 Лятиф-заде А. А. — 469, 470
 Лятиф-эфенди А. — 400
- М**
- Маврина О. С. — 304
 Маврикий — 755
 Мавроен К. И. — 19
 Магдесян Э. Я. — 338
 Мазлумов В. Л. — 676
 Май-Маевский В. З. — 436
 Майский И. М. — 602–603
 Макадзюба М. С. (Панин) — 246
 Макаренко В. С. — 659, 688
 Макаров И. К. — 367
 Макаров П. В. — 436
 Македонский М. А. — 653
 Макензен А. фон — 410
- Маклаков В. А. — 449
 Маковецкий В. — 685
 Маковский В. Е. — 340
 Максименко М. М. — 75, 605, 612, 625, 630, 634, 636, 674–676
 Максимов Н. Л. — 415
 Максимович Г. А. — 518
 Максимович М. А. — 381
 Маленко А. Ю. — 33, 323, 326
 Маленков Г. М. — 640, 641, 644
 Малышев И. Ф. — 652
 Мальгин А. В. — 211, 445, 462, 686
 Мальцев В. И. — 570
 Мальцовы — 217, 218, 762
 Мамайский Абдулла-ага — 100, 103
 Мамут М. — 673
 Мамут-Недим М. — 469, 470
 Мамчич С. Г. — 685
 Мамышев В. — 373
 Мангуби Берах — 189
 Мангыты — 348
 Мандельштам О. Э. — 335, 762
 Манукьян М. — 252
 Манцев В. Н. — 454, 455
 Манштейн Эрих фон — 535–538, 541, 543, 544, 546, 548, 549, 554, 574
 Марзуванов Е. — 206
 Мария Александровна, императрица — 212, 344, 345
 Мария Федоровна, вдовствующая императрица — 187, 221, 222, 344, 392
 Маркевич А. И. — 81–83, 98–102, 104, 105, 352, 356, 360, 361, 364, 368, 372, 374, 381, 521, 522
 Марков Е. Л. — 381
 Маркосян Петрос, архимандрит — 297
 Маркс К. — 616
 Маркс Н. А. — 404
 Мармон О. — 382
 Марр Н. Я. — 522
 Мартен — 189
 Мартенс Ф. Ф. — 107, 165
 Марти Ю. Ю. — 521, 522
 Мартиниан (Муратовский), епископ — 294
- Маргьнов С. В. — 533, 575, 578, 669
 Марциновский П. Н. — 51, 56, 86, 88, 91, 95, 188, 190, 200, 205, 210, 211, 229, 230, 767
 Марченко П. З. — 405
 Масаев М. В. — 85
 Маскина А. С. — 180, 181
 Матвиенко А. С. — 726
 Махмуд II — 106, 107
 Махно Н. И. — 443
 Махов И. И. — 366
 Махров П. С. — 427, 438, 449
 Машуков Н. Н. — 453
 Маяковский В. В. — 525
 Мегметша-бей Ширинский — 17
 Медведев Д. А. — 732, 734, 735
 Медиев А. — 240, 242–244, 321
 Медиев А. М. — 263
 Медиев Абдулрешид — 243, 244
 Медини Хаим Хизкиягу — 316
 Мей Л. А. — 329
 Мейер С. М. — 84
 Мейер Ю. К. — 437
 Меинов Д. — 321, 470, 527
 Мекензи Ф. Ф. — 22, 24, 26–30, 49
 Мелихов В. И. — 107–113
 Меллер-Закомельский А. Н. — 259, 260
 Мельников А. В. — 143
 Мельникова Л. В. — 98, 106, 115, 119, 142, 155, 160, 161, 287, 322, 767
 Мельничук Е. Б. — 574
 Меметов Б. А. — 400
 Меметов С. М. — 457, 463, 470, 473
 Менгли-Гирей — 757, 758
 Менгу-Тимур — 757
 Менделеев Д. И. — 352
 Меншиков А. С. — 108, 109, 120, 121, 123–126, 128–135, 137–143, 148, 158
 Мережин А. Н. — 482
 Меркурова (Меркулова) М. — 150
 Мертваго Д. Б. — 64, 68, 70, 72–75, 78, 81, 99–101, 307, 760
 Мессер Ф. Ф. — 109
 Мехлис Л. З. — 542, 543, 545
 Мехмет-паша — 117
- Мешков В. А. — 222
 Мешков Ю. А. — 694, 698, 699, 704, 709–713, 717, 737
 Мигирин В. Н. — 675
 Микаелян В. А. — 297, 298, 300, 301
 Миллер Ж. А. — 398
 Милорадович Г. А. — 70, 71
 Милорадович Г. П. — 69–72
 Милюков П. Н. — 424, 425, 429, 430
 Минасов М. — 208
 Миних Х. А. — 359
 Минцлов С. Р. — 373
 Миримский Л. Ю. — 727
 Миронович А. — 352
 Миссиров Х. — 208
 Митридат VI Евпатор — 334, 754
 Митрофан, архимандрит — 151
 Михаил (Грибановский), епископ — 294
 Михаил VIII Палеолог — 757
 Михаил Александрович, вел. князь — 388
 Михаил Николаевич, вел. князь — 144, 212, 214
 Михаил Павлович, вел. князь — 67
 Михайловский Г. Н. — 449
 Михельсон А. — 531
 Михельсон И. И. — 307
 Мнишек А. — 344
 Могилев А. В. — 737–739, 743, 745–747
 Могилевский В. А. — 397
 Модзалевский Б. Л. — 79
 Моисеев Л. А. — 366
 Моисеев Л. С. — 352
 Моисей (Гумилевский), епископ — 289
 Мокроусов А. В. — 398, 410, 575, 577, 578
 Моллер Ф. Ф. — 139
 Молотов В. М. — 483, 601, 640
 Монигетти И. А. — 344–346
 Моргунов П. А. — 547, 550
 Мординов Н. С. — 56
 Мордехай-Шалом бен Элизер — 315
 Морозов — 349
 Морозов М. Э. — 541, 593
 Москвич Г. — 215
- Моше га-Голе — 315
 Музыка Н. А. — 652
 Муравьев А. Н. — 75, 117, 380, 381
 Муравьев М. А. — 409
 Муравьев-Апостол И. М. — 325, 374
 Мурад Р. — 669
 Муратова Э. С. — 73
 Мурзаев М. К. — 248
 Мурзакевич Н. Н. — 85, 293, 306, 357, 363, 365, 382
 Муромцов М. М. — 69, 82, 83
 Мургаза Челеби-эфенди — 99, 100, 102, 309
 Муртазаев В. — 669
 Мусалав-эфенди — 35
 Мусалар-эфенди — 306, 309
 Мусаниф Я. — 483
 Муслидин-эфенди — 306
 Мустафаев Р. Ш. — 580, 669
 Мустафа-эфенди — 306
 Муфти-заде А. — 243
 Муфти-заде И. — 243
 Муфтий-заде И. — 100, 102–104
 Муханова К. — 344
 Мухин Д. П. — 520
 Мюллер-Гиллебранд Б. — 557
 Мягзовский Е. А. — 177
 Мякота И. В. — 350
 Мясоедов Г. Г. — 340
 Мясоедовы — 340
- Н**
- Набоков В. Д. — 399, 412, 420, 424, 427
 Надеждин Н. И. — 380
 Надель З. И. — 234
 Надсон С. — 215
 Назарбекян А. М. — 252
 Назарбекян М. — 252
 Назаров Ф. Д. — 448
 Назарьев В. Н. — 380
 Назукин И. А. — 397
 Найда С. Ф. — 24
 Налбандов В. С. — 413
 Наливайченко В. А. — 745
 Наполеон III (Луи Наполеон) — 117, 118, 129, 135, 145, 155
 Наполеон Бонапарт — 79, 82, 89, 98, 100, 106, 118, 213, 342, 354, 363

- Нарышкин — 381
 Нарышкин Д. В. — 69, 80, 81, 761
 Нарышкин Л. А. — 86, 87
 Нассау-Зиген К.Г. — 56
 Наулков В. И. — 283
 Науменко И. В. — 349
 Нахимов П. С. — 112, 124–129, 132, 139, 140, 145, 167, 341, 614, 676
 Недзельский Б. Л. — 78
 Нейзбауер Ф. Б. — 208
 Нейман С. М. — 318
 Неклин И. — 64
 Некрасов Н. А. — 326, 328, 329
 Немирович-Данченко Г. В. — 441, 442
 Немитц А. В. — 271, 395, 396, 404
 Неплюев В. С. — 264
 Непомнящий А. А. — 15, 63, 67, 70, 71, 76, 81, 82, 178, 182, 342, 351, 353, 356, 357, 359–363, 365, 367, 372, 375, 378, 379, 382, 522
 Нессельроде К. В. — 120–122
 Нестроев А. А. — 369
 Нефф А. Я. — 480
 Нечипоренко К. С. — 263
 Никандр, иеромонах — 160
 Николаенко Д. А. — 654
 Николаенко Н. В. — 345
 Николай (Зиоров), епископ — 294
 Николай I, российский император — 70, 83, 104, 106, 107, 108, 110–113, 115, 116, 119, 120, 122–124, 128, 129, 131, 137, 141, 143, 144, 148, 155, 157, 158, 164, 184, 187, 292, 302, 311, 317, 342, 373, 382
 Николай II, российский император — 185, 218, 222, 241, 242, 263, 313, 343, 346, 348, 349, 388, 519
 Николай Николаевич, вел. князь — 144, 344, 387, 392
 Николай, игумен — 151
 Никольский П. В. — 66
 Никонов Н. К. — 652
 Никонов С. А. — 247, 396, 423
 Никуличев А. Н. — 371
 Нилидин А. Н. — 382
 Нильсен Е. А. — 519
 Нисевин П. А. — 340
 Новиков А. В. — 263
 Новиков Н., историк — 266, 269
 Новиков Н. И. — 17
 Новиков П. Г. — 549
 Новикова М. — 685
 Новицкий В. В. — 186
 Новицкий П. И. — 397
 Новосельский С. П. — 398
 Новосильский Ф. М. — 125–127
 Ногаев Р. А. — 475, 479
 Ногин В. М. — 678
 Норов А. С. — 374
- О**
 Обершмуклер, братья — 230
 Оболенский В. А. — 248, 258, 262, 263, 412, 420, 440, 452
 Оболенский Д. А. — 148
 Обольянинов П. Х. — 72
 Овсянников А. В. — 520
 Оглоблин Н. В. — 518
 Одабаш А. — 475, 484
 Одинцов И. М. — 24
 Оже Н. — 219
 Озенбашлы А. С.-А. — 400, 401, 475, 484, 567
 Озеров А. П. — 119
 Околелов И. Н. — 652
 Октябрьский Ф. С. — 537, 539, 547, 550, 581, 595
 Оле Ш. — 59
 Олендорф О. — 559
 Олив В. В. — 187, 360
 Олив В. Н. — 187
 Оливер Е. И. — 352
 Олизар Г. — 379
 Ольга Александровна, вел. княгиня — 392
 Омельчук Д. В. — 528
 Омер-паша — 110
 Опик Ж. — 117, 118
 Опупьская Л. Д. — 329
 Орбелиани А. Д. — см. Гагарина А. Д.
 Орехова Л. А. — 67, 380
 Орленев П. Н. — 369
 Орлов А. Ф. — 164
 Орлов М. М. — 519
 Орлов Н. И. — 434–436
 Османов Б. — 669
 Османов М. — 669
 Османов Н. — 672
 Османов Ю. — 690, 691, 716
 Осман-оглу-паша — 108
 Осман-паша — 125–128, 167
 Осташко Т. — 410
 Остен-Сакен Д. Е. — 146, 152, 162
 Островская Н. И. — 398
 Островский А. Н. — 371, 527
 Остроумова-Лебедева А. А. — 525, 764
 Отамар — 135
- П**
 Павел I, российский император — 21, 49, 50, 59, 60, 62, 63, 72, 73, 79, 276, 295, 299, 342
 Павленко А. П. — 406
 Павленко П. А. — 624, 628
 Павлов П. Я. — 142
 Паин Э. А. — 715
 Паламарчук А. И. — 518
 Палимпсестов И. — 156
 Паллас П. С. — 56, 86, 90, 91, 273, 275, 353, 763
 Пальчикова А. П. — 343, 345, 346
 Пампулов С. А. — 196
 Пампулов С. М. — 184, 230, 318, 320
 Панаев А. А. — 134, 135
 Панина С. В. — 329
 Панфилов А. И. — 125
 Панченко А. М. — 32
 Панчулидзе С. А. — 84, 187
 Парамонова Г. В. — 367
 Парийский Н. В. — 220
 Паршин Г. А. — 331
 Паршин Ф. Г. — 331
 Пасманик Д. С. — 399, 406, 412, 413, 422
 Пассек В. В. — 379
 Патек В. — 441
 Патер — 87
 Паша-Халид — 597
 Пашков Е. В. — 676
 Пашуров М. — 206
 Пегов Н. М. — 640
 Пелисье Ж.-Ж. — 145
 Пенчула Ф. — 151
 Первущин А. Н. — 536
 Перепелицын М. — 151
 Перетц А. — 72
 Переход А. Ф. — 675
 Пермикин Б. С. — 450
 Пермяков Н. А. — 168
 Перовский В. А. — 108, 109
 Перовский Л. А. — 87
 Перовский Н. И. — 66, 69, 79, 760
 Перцов П. — 383
 Пестель В. И. — 69, 84, 85
 Петников Г. — 685
 Петр Николаевич, вел. князь — 343, 344, 436
 Петрашевский М. В. — 350
 Петров В. П. — 486, 649, 690, 718
 Петров Е. Д. — 520
 Петров И. Е. — 536, 546, 547, 549, 587, 588
 Петров К. М. — 258
 Петрова М. М. — 381
 Петрова Э. Б. — 29, 364, 382
 Петров-Водкин К. С. — 525, 764
 Петроградская А. С. — 501
 Петропавловский В. П. — 367
 Петропавловский С. Д. — 483, 484
 Петрункевич И. И. — 399
 Петухов Е. В. — 518
 Пивоваров В. Г. — 688
 Пий IX, папа римский — 296
 Пикова А. В. — 653
 Пилкин В. К. — 409
 Пилони И. И. — 368, 369
 Пирогов Н. И. — 142, 147–154
 Пирожников А. И. — 80
 Парийский Н. В. — 178
 Писарев П. К. — 446
 Писаревский С. П. — 258
 Плакида В. Т. — 728
 Платов М. И. — 101, 102
 Платонов А. — 390
 Платонов С. Ф. — 379
 Платонова З. И. — 117
 Плец В. А. — 345
 Плугарь Д. И. — 632
 Погодин М. П. — 160, 379
 Погодин Н. — 527
 Погожев В. Д. — 414
 Подъячий В. В. — 731
 Пожаров Н. А. — 398
 Позднышев С. Д. — 451, 452
 Покровский А. Г. — 414
 Покровский В. И. — 199
 Покровский В. Л. — 434, 440
 Поликарп (Радкевич), архимандрит — 292
 Полканов А. И. — 521, 524
 Полторацкая С. Н. — 392
 Полторацкий Н. П. — 440
 Поляков Г. — 166
 Поляков М. Х. — 457, 462, 464
 Поляков Ю. А. — 287
 Полякова И. В. — 379
 Полянский Д. С. — 634
 Помощников Д. — 249
 Пономарев С. И. — 166
 Пономаренко Г. П. — 222
 Пономаренко П. К. — 574
 Попов А. Г. — 612, 636
 Попов А. Д. — 211, 352
 Попов В. П. — 187
 Попов В. С. — 21, 56, 306
 Попов И. П. — 396
 Попов П. С. — 518
 Попс Е. — 208
 Посполитаки Д. Д. — 248
 Потапов А. С. — 538
 Потемкин Г. А. — 15–20, 24, 26, 27, 30–44, 49, 52, 56, 59, 275, 297, 304, 306, 310, 347, 760
 Потоцкая М. — 325
 Потоцкий Л. С. — 86, 87, 212, 344
 Потоцкий Я. — 379
 Притула С. П. — 263
 Прокопий Кесарийский — 755
 Прокопова Л. И. — 186, 342, 346
 Проскурин О. А. — 379
 Протазанов Я. А. — 526
 Протасов Н. А. — 149, 151, 157–159
 Прохоров Д. А. — 184, 188, 239, 254, 304, 306, 317, 319, 457, 486, 517
 Прохоров К. А. — 628
 Прохоров Ф. — 206
 Прохорова Т. А. — 29, 378, 382, 383
 Прютцманн Х. — 558
 Прянишников И. М. — 340
 Пуголемей — 377
 Пугачев П. П. — 220
 Пузанов И. И. — 518
 Путин В. В. — 749, 751, 752, 767
 Путята Н. — 381
 Пуховская А. С. — 72
 Пученков А. С. — 387, 412, 414, 428, 429, 436, 448
 Пушкин А. С. — 24, 66, 78, 322–327, 330, 337, 338, 341, 361, 372, 373, 379, 527, 683, 762
 Пушкин Л. С. — 324
 Пчелов Е. В. — 19
 Пьянзин И. С. — 549
- Р**
 Рабинович Е. И. — 246
 Раглан Ф. — 130, 134, 136
 Раден Э. Ф. — 148
 Рапов А. Д. — 211, 322
 Раевская Ел. Н. — 322
 Раевская М. Н. — 322, 326
 Раевская С. А. — 322
 Раевская С. Н. — 322
 Раевские — 79, 82, 218, 322, 324, 349
 Раевский А. Н. — 322
 Раевский Н. Н., генерал — 322, 323, 333
 Раевский Н. Н., сын Н. Н. Раевского — 322
 Разуваев В. Н. — 591
 Разумовский А. К. — 79
 Раковский Г. — 437
 Рапп Т. Г. — 413
 Распутин Г. Е. — 186
 Ратке М. Г. — 376
 Раткевич К. И. — 20
 Ратнер М. Б. — 251
 Рахманова — 350
 Рашидов Ш. — 641–642
 Ревелиоти Ф. — 86, 342, 344, 351
 Ревякин В. Д. — 583
 Редькина Л. И. — 351
 Рейн Ж. — 376
 Рейтерн М. Х. — 196
 Репников Н. Ю. — 521

- Репнин Н. Г. — 103
 Рерберг П. Ф. — 168
 Рерберг Ф. П. — 388, 407, 408
 Ретовский О. Ф. — 363
 Рефатов А. — 523, 528
 Ржанников И. К. — 397
 Рибас О. М. де — 46, 56
 Рикорд П. И. — 113
 Рифаат-паша — 121
 Рихтгоффен Вольфрам фон — 544
 Рихтер А. А. — 677
 Ришелье Э. О. Де — 68, 73, 75–77, 86, 87, 90, 100–101, 104, 307, 323, 354, 376, 378
 Роболы Т. — 374
 Роджеро И. А. — 525
 Родионов А. А. — 503
 Родионов М. — 151, 289–291, 294
 Рождественский В. А. — 525, 764
 Розанов В. В. — 225
 Розанов П. — 248
 Розгонюк Ю. Д. — 694
 Розенберг А., нем. гос. деятель — 552, 553, 555, 561
 Розенберг А. Г. — 64, 68, 72, 73
 Розенгейм М. П. — 329
 Розенштейн — 211
 Романовы — 392, 393
 Романько О. В. — 533, 551
 Роменец В. В. — 407, 408
 Ромм Ж. — 20, 29
 Рославец В. Я. — 70, 83, 84
 Росс Н. Г. — 87
 Россоломо И. — 189
 Рубо Ф. А. — 367, 627
 Рувье В. — 93
 Рудзевич Я. И. (Якуб-Ага) — 306
 Рузвельт Ф. — 600–602, 604, 765
 Румянцев Н. П. — 90
 Рунич М. — 376
 Русланова Л. А. — 628
 Руфинская А. — 352
 Рыбальский — 151
 Яховская И. С. — 244
- С**
 Сабашников С. И. — 218
 Саблин М. П. — 409
 Сабуров Е. Ф. — 711, 712
- Савина М. Г. — 371
 Савинков Б. В. — 449
 Савич Н. В. — 440, 442
 Савускан С. Е. — 235
 Сагатовский В. Н. — 692
 Сайбель Г. — 206
 Саид-Али — 46, 47
 Саид-бей — 46
 Саид-Галиев С. Г. — 465, 473
 Сакен Р. фон — 42
 Сакович А. В. — 103
 Саксонов О. В. — 40, 41, 43
 Салазкин С. С. — 517
 Саламатин В. В. — 676
 Салиас-де-Турнемир Е. В. (Тур Е.) — 381
 Салтанов В. А. — 169
 Салтыков Н. Д. — 591
 Сальвиати А. — 343
 Самойлова Р. С. — 457
 Самокиш Н. С. — 525, 526, 628, 764
 Санжаровец В. Ф. — 67
 Сапарьян Г. — 298
 Сапельников А. Н. — 75
 Сапронов С. Г. — 397
 Сарданова Е. — 38
 Сафонов К. В. — 391
 Сафонцев А. С. — 722
 Саханев В. В. — 427
 Сахаров А. Н. — 186
 Свердлов Я. М. — 398
 Светлик П. А. — 409
 Свинын П. П. — 75, 374, 375
 Свириденко Ю. П. — 252
 Святловский В. — 219
 Северный А. Б. — 628
 Северский Г. Л. — 580
 Сегюр Л. Ф. де — 35, 36, 373
 Седловский М. — 245
 Сеид Абд-аль-Ахад, Эмир Бухарский — 218, 348
 Сейдалиев Э. И. — 239, 517, 523
 Сейдамет Д. — 254, 399–401, 405
 Сейид Алим-хан — 348
 Сеит-Джемил-эфенди — 308, 309
 Сеит-Джемил-эфенди-оглу Эмиров — 309
 Сеит-Мегмет-эфенди — 306, 307, 309
- Сеит-Мегмет-эфенди (второй) — 306, 307, 309
 Сеитова Э. И. — 625 627
 Секиринский С. А. — 179, 618, 675
 Селимов М. — 669
 Селихов Н. Г. — 542
 Семашко Н. А. — 520
 Сенесе А. — 324
 Сент-Арно А.-Ж. Леруа де — 130, 134, 135, 145
 Сенченко А. В. — 746
 Сенявин А. Г. — 119
 Сенявин Д. Н. — 26, 27, 28, 29, 42
 Сергеев-Ценский С. Н. — 525, 628
 Сергійчук В. — 568
 Сердюк Р. В. — 685
 Серман Б. — 685
 Серов А. Н. — 368
 Серов И. А. — 597
 Серр Феликс де — 219
 Сеченов И. М. — 519
 Сибирский А. А. — 363
 Сибур Мари-Доминик-Огюст, архиепископ — 155
 Сидорин В. И. — 439
 Симиренко Л. П. — 373
 Симоненко Н. А. — 652
 Симченко Н. А. — 632
 Синани — 248
 Синельник В. В. — 722
 Сипягин А. Г. — 263
 Скадовский С. Б. — 187
 Скаловский И. С. — 111
 Скалковский А. А. — 48
 Скарлетт Д. — 142
 Скоробогатов А. Н. — 125
 Скоропадский П. П. — 413, 415–419
 Скрябин А. Н. — 218
 Скулер П. — 434
 Славинский Н. Е. — 382
 Славич М. — 353
 Славич С. — 685
 Славский Г. М. — 519
 Слащов-Крымский Я. А. — 432–436, 438, 439, 446, 447
 Слейд — 376
 Слейд А. — 128
 Смидович П. Г. — 482
- Смирнов А. А. — 100
 Смирнов Е. И. — 560, 584, 588
 Смирнов М. И. — 394, 395
 Смирнов Н. Н. — 389
 Смирнова М. И. — 249, 250, 252
 Смолин А. В. — 388
 Смолянов А. М. — 680
 Смыков В. К. — 677
 Соболевский В. М. — 330
 Соймонов Ф. И. — 142
 Сокол К. Г. — 113, 167, 168 169
 Соколов А. А. — 521, 684
 Соколов Д. В. — 454, 503
 Соколов С. Я. — 355
 Соколова Н. А. — 84
 Сокольников Г. Я. — 403
 Сокольский С. Б. — 235
 Соловьев В. Н. — 382, 383
 Соловьев Г. Н. — 218
 Соловьев З. П. — 501
 Соловьева О. М. — 217, 218
 Соловьева С. М. — 217, 762
 Соломатин В. Н. — 682
 Соломоник Э. И. — 627
 Сомов С. Н. — 388, 409
 Соркин А. И. — 519
 Сорокин А. — 455
 Сорокин С. Е. — 504
 Сосновский Н. — 247
 Спасский Г. И. — 380
 Спиридонова И. К. — 22, 49
 Спиро М. С. — 211
 Сталин И. В. — 349, 448, 494, 546, 597, 600–604, 608, 632, 636, 644, 690, 765
 Стамболи В. — 206, 207, 232
 Станишевская М. А. — 352
 Станюкович М. Н. — 126, 144
 Старов И. Е. — 18
 Стахеев Н. Д. — 219
 Стахович А. П. — 149, 150, 153, 154
 Стевен А. Х. — 182, 183, 359, 360, 511
 Стевен Х. Х. — 86, 87, 90, 182, 183, 353, 355, 356, 359
 Стемповский И. А. — 67, 357, 364, 365
 Степанов В. А. — 421
 Степанов Н. А. — 422
 Стефенсон Ч. — 132
- Стеценко В. А. — 132, 134, 135
 Стогов Э. И. — 77
 Стольпин П. А. — 243, 441
 Стратонович А. И. — 355
 Стрехин А. Н. — 156
 Строганов А. Г. — 316
 Стройников С. М. — 112
 Струве П. Б. — 441, 442
 Струков В. Н. — 159
 Стрэтфорд Каннинг де Редклифф Ч. — 118, 120, 121
 Суворин А. С. — 330
 Суворов А. В. — 21, 22, 45, 49
 Суворова В. А. — 349
 Судейкина В. А. — 411
 Сулима С. — 381
 Султан-Галиев М. Х. — 455, 476, 484
 Сулькевич М. А. — 412–414, 416–421, 763
 Сумароков А. П. — 368, 373
 Сумароков П. И. — 49, 319, 373, 374
 Сумароков-Эльстон — 349
 Супоницкая Ф. Л. — 519
 Супрунюк Б. — 639
 Супрунюк Е. В. — 714
 Суриков В. И. — 218
 Суслов В. И. — 721
 Сухачева Н. Л. — 364
 Сухомлинов В. А. — 218
 Сушон В. — 265, 269
 Сыдкы-эфенди М. — 400
 Сэндфорд А. — 213
- Т**
 Тайганская А. — 527
 Таиров С. — 672
 Таранов-Белозеров А. С. — 93, 104
 Тарасенко Д. — 350
 Тарасенко Н. — 685
 Тарасов А. Г. — 343
 Тарасов В. Г. — 343
 Тарасов М. П. — 642
 Тарасов Н. Г. — 343, 348, 351
 Тарасовы — 343
 Тарвацкий Я. Ю. — 398
 Таргонский К. С. — 208
 Тарле Е. В. — 116, 119, 130, 134, 137, 138
 Тарпи И. — 399, 401
- Тарпиев А. — 243
 Тархан-Моурави Е. — 349
 Татищев В. С. — 413, 414
 Таубе Э. А. фон — 352
 Таурский В. П. — 219
 Твен М. (Клеменс С. Л.) — 212–215, 345
 Тверской С. Д. — 442
 Теодорих — 755
 Теодорович — 250
 Тепляков А. Г. — 456
 Тер-Абрамян С. — 298, 299
 Тер-Гюльян Т. — 298, 299
 Терещук А. В. — 504
 Терноуцкий П. — 245
 Тесля С. — 568
 Тетеревников Н. К. — 161
 Тиверий II — 755
 Тикеев С. — 672
 Тимм В. Ф. — 340, 341
 Тимофеев Л. Н. — 347
 Тимошенко Ю. В. — 726–728, 733, 736, 746
 Тинибек — 756
 Титов В. П. — 118
 Титов П. И. — 634, 644
 Тихменев А. И. — 414
 Тихонова И. А. — 654
 Ткачук В. Г. — 682
 Тобин А. К. — 350
 Токмаков — 231
 Толбухин Ф. И. — 587, 588
 Толь Ф. Г. — 373
 Толстов П. Н. — 248
 Толстой А. Н. — 335, 762
 Толстой А. П. — 292
 Толстой Л. Н. — 327–329, 350, 762
 Толстой С. Г. — 134, 135, 137, 146
 Толстой С. Н. — 327
 Томский Н. В. — 167
 Томский С. И. — 370
 Тон К. А. — 167
 Тотлебен Э. И. — 133, 136, 137, 140, 143, 145, 167, 367
 Тохтаров Д. — 669
 Тренев К. А. — 526
 Третьяков Н. П. — 218
 Тронько П. Т. — 67
 Трофимовский — 151
 Троцкий Л. Д. — 186, 408

Трубников С. Ф. — 247
 Труссон — 429
 Трухачев С. М. — 438
 Тувенель Э. — 118
 Тукай-Тимур — 757
 Тункина И. В. — 353, 356, 357, 358, 364
 Тур Е. — см. Салиас-де-Турнемир Е. В.
 Тусунов Х. — 208, 209
 Тучкова И. — 685
 Тыкочинская Э. Д. — 519
 Тынчеров Р. — 669
 Тынянов Ю. — 373
 Тыркова-Вильямс А. В. — 452
 Тыртов Б. В. — 248
 Тюляев П. Ф. — 609, 611
 Тютчев Ф. И. — 329
 Тюшкевич С. А. — 40, 41, 43
 Тяглый М. М. — 563

У

Уваров А. С. — 358, 359
 Уваров Ф. П. — 102
 Узбек, хан — 756
 Уильямсон Г. — 558
 Улагай С. Г. — 447
 Ульянов Д. И. — 432, 457, 461
 Уманец — 74
 Умеров Б. — 669
 Урановский — 256, 261, 405
 Урусов Л. Д. — 329
 Усеинов А. — 669
 Усов С. А. — 460
 Успенская В. — 616
 Ушаков А. И. — 434, 435, 439, 444, 446, 451
 Ушаков А. К. — 109
 Ушаков Ф. Ф. — 22, 28, 29, 31, 41–50

Ф

Фабр Я. А. — 57, 59
 Фадеев А. М. — 74, 77, 381
 Фадеева Е. П. — 381
 Фальц-Фейн А. И. — 211
 Федоренко Ф. И. — 574
 Федорова З. Т. — 641
 Федосеев И. Ф. — 392, 397
 Федюк В. П. — 434, 435, 439, 444, 446, 451
 Фельдман В. А. — 169

Феншоу Э. — 66
 Фенш А. С. — 66
 Феодосий I — 755
 Феофан (Быстров), епископ — 294
 Феофил — 756
 Фесслер А. И. — 337, 338
 Фет А. А. — 329
 Фехми И. — 399
 Филатов Н. А. — 484
 Филатова Г. Г. — 347, 348
 Филатьев Д. В. — 394
 Филимонов С. Б. — 445, 454
 Филиппов В. И. — 617
 Филиппов М. М. — 329
 Филиппов С. Н. — 217, 383
 Филоненко В. И. — 518, 521
 Финогенов И. — 397
 Фирдевс И. К. — 406, 460, 463, 473, 477
 Фирзон А. Я. — 519
 Фиркович А. С. — 319
 Фишер Е. В. — 234
 Фонвизин Д. И. — 368
 Фон-Винклер П. П. — 19
 Фон-Ден Е. И. — 67
 Форманчук А. А. — 431, 432, 462, 463, 473, 474, 647, 649, 674, 686, 689, 690

Форстер — 376
 Фосс А. В. — 396
 Фостиков М. А. — 447
 Фофанова М. Ф. — 464
 Франк И. М. — 518
 Франк Г. М. — 518
 Франчук А. Р. — 712
 Фрауэнфельд А. — 553–556
 Френкель Г. И. — 230
 Фридман — 249
 Фролова В. — 685
 Фрунзе М. В. — 433, 437, 450, 451

Фундуклей И. И. — 217
 Фурман А. С. — 520

Х

Хаджи А. Я. — 393
 Хаджи-Гирей — 757
 Хайрединова З. З. — 73
 Хайров И. — 673
 Халибов А. П. — 300, 301
 Халилов М. — 669

Халилов Р. — 739
 Халил-паша — 111
 Хамзин К. — 457
 Ханацкий К. В. — 23, 309
 Ханжонков А. А. — 764
 Ханин Н. А. — 577
 Хансен Э. — 539
 Харченко Я. Т. — 390
 Хатилов А. — 525
 Хаттат(ов) С.-Дж. — 400, 401, 484
 Хаяли Р. И. — 470, 471, 598, 599, 667
 Хватов Б. П. — 675
 Херасков М. М. — 322
 Херхеулидзе Э. С. — 67
 Хильми А. — 401
 Химцов В. И. — 234
 Хинчук Л. М. — 244, 245
 Хитрово Е. А. — 154
 Ходаковский Н. Н. — 67
 Ходжаш С. И. — 220
 Холдернесс М. — 376, 377
 Холендро Д. — 370, 624
 Хорсанов В. С. — 234
 Хорсун М. — 637, 638
 Хохлов Н. А. — 75
 Хрисанопуло Е. Ю. — 196
 Христофор (Сулима), епископ — 289
 Христофоров Г. Н. — 231
 Хронопуло М. Н. — 698
 Хрулев С. А. — 143, 159
 Хрущев В. Л. — 221
 Хрущев Н. С. — 639–641, 643–645, 649, 651, 655, 658, 659, 765
 Хрущов Д. П. — 149
 Хункалов Али-бей — 309
 Хункалов Ахмет-бей — 100, 103
 Хусейн, капудан-паша — 45, 46

Ц

Цветаева М. И. — 335, 762
 Цветков В. Ж. — 423, 436, 437, 440, 443, 444, 449
 Цветков И. Ф. — 270
 Цветкова В. П. — 628, 685
 Цеков С. П. — 710, 713, 714, 717, 721, 730
 Цёхла С. Ю. — 632
 Цеценевский С. П. — 220

Цоффка В. В. — 344
 Цырюнок А. П. — 410

Ч

Чаадаев П. Я. — 380
 Чагин В. И. — 347
 Чалбаш Р. — 671
 Чалый А. М. — 744, 752
 Чапони К. — 38
 Чапчакчи Х. — 475, 484
 Чарыков Н. В. — 413, 418
 Чарыхов Г. К. — 299
 Часовников Г. Н. — 305, 428
 Чебышев Н. Н. — 443
 Челебиджихан Н. — 254, 744
 Челебиев А. Р. — 523
 Челебиев Т. — 738
 Челебиев Ч. — 399–402
 Чемберджи Е. — 207
 Ченных С. В. — 129–132, 135, 138
 Чепурнов Н. — 154
 Червоная С. — 670, 692, 696, 697, 715, 718
 Червякова М. И. — 250
 Чернавин В. В. — 433
 Чернетенко Н. И. — 235
 Чернецов К. — 722
 Чернецов Н. Г. — 336, 341
 Черновы — 87
 Чернышев А. А. — 41–43, 45, 46, 48, 109–111
 Чернышев И. Г. — 22, 27
 Черняев П. В. — 535
 Черняк С. И. — 545
 Черчилль У. — 440, 600–602, 604, 765
 Чехов А. П. — 225, 329–331, 333, 340, 372, 627, 683, 684, 762
 Чехова М. П. — 330
 Чиж С. А. — 685
 Чикин А. М. — 258, 259, 701
 Чингисхан — 348
 Чирва И. С. — 472, 650
 Чичерин Г. В. — 463, 464
 Чобан-заде Б. — 472, 532
 Чубаров Р. — 717, 746
 Чуев Ф. И. — 601
 Чуковский К. И. — 525, 764
 Чуле Т. Н. — 203
 Чулкова Л. В. — 736

Чумасов В. С. — 577
 Чухнин Г. Н. — 258, 259, 264
 Чухнин Г. П. — 334

Ш

Шабад Я. — 310, 314
 Шавшин В. Г. — 166–168
 Шагин-Гирей — 52, 288, 316, 377, 759
 Шаймиев М. Ш. — 732
 Шаляпин Ф. И. — 218
 Шанковський Л. — 568, 569
 Шапарь Н. — 568
 Шапира Д. — 315
 Шаповалов Л. Н. — 330
 Шапошников Е. И. — 702
 Шашал С. М. — 318
 Шарара В. Ф. — 81, 359
 Шаронов М. А. — 525, 764
 Шатилов П. Н. — 438, 451
 Шафир Я. — 435
 Шахназаров А. Б. — 675
 Шверник Н. М. — 641, 642
 Шевякова Д. П. — 48, 172, 174–178
 Шейн Г. А. — 628
 Шейх-заде А. Г. — 523
 Шекспир У. — 84, 370
 Шеллапутин П. Г. — 350
 Шелест П. Е. — 649, 670
 Шелестун Е. Н. — 399
 Шелохаев В. В. — 252
 Шемсутдинов З. — 671
 Шемьи-заде Э. — 669
 Шендрикова С. П. — 240, 241, 243
 Шепетьев А. — 245
 Шепилов Д. Т. — 639, 640, 644,
 Шервуд В. О. — 340
 Шервуд Л. В. — 350
 Шервуд Р. — 601
 Шерфединов Я. — 528
 Шестаков П. Д. — 358
 Шидарев Г. — 457
 Шидловский С. Н. — 427, 432
 Шиллинг Н. Н. — 435
 Шилов Д. Н. — 182
 Шинкаренко Н. В. — 452
 Ширинский Али-мурза — 100
 Ширинский Аппаз-мурза — 243
 Ширинский Мегметша-бей — 17

Шишкин Б. К. — 355
 Шишкин В. И. — 388
 Шишкина О. П. — 381
 Шишман И. Я. — 235
 Шишман М. Я. — 235
 Шишманова А. И. — 208
 Шкляев И. Н. — 382
 Шкорпил В. В. — 365
 Шкуро А. Г. — 440
 Шмелев И. С. — 445
 Шмидт П. П. — 258–260, 264, 334, 389, 763
 Шмидт-Очаковский Е. П. — 264
 Шнор И. — 17
 Шостаков А. И. — 74
 Шпилевский С. М. — 358
 Шполянский В. В. — 312, 313
 Шпонек Ханс фон — 541
 Шредер И. Н. — 167
 Штакеншнейдер А. И. — 166, 342, 343
 Штангеев Ф. Т. — 215, 226
 Штейнбах Е. М. — 261
 Штейнгель П. Л. — 350
 Штейфон Б. А. — 439
 Штиглиц Н. — 73, 93
 Шувайников С. И. — 730, 742
 Шулейкин В. В. — 678
 Шульгин В. В. — 437
 Шульженко К. И. — 628
 Шульц П. Н. — 628
 Шумский К. В. — 352
 Шухер М. — 245

Щ

Щепетов В. А. — 217
 Щепкин М. С. — 368, 370
 Щербак А. Е. — 222, 501, 519
 Щербаков Д. И. — 518
 Щербаков С. — 430
 Щербинин М. П. — 80
 Щетников — 249
 Щиголев М. П. — 415

Э

Эбергард А. А. — 265–267, 269
 Эванс Дж. Лейси де — 136
 Эгиз Шелемет — 189
 Эйдман Р. П. — 448
 Эйнем — 208, 235
 Эйнюк Я. — 208
 Эйхенбаум Б. — 373

Экзаменовский — 29
 Экк Э. В. — 411
 Элерс — 309
 Эльсон Ф. Ф. — 87
 Эминов К. — 669
 Эминов Р. Р. — 523, 524
 Энберг О. И. — 169
 Энберг Ф.-О. — 367
 Эрнст Н. Л. — 379, 521, 522
 Эргель В. А. — 374
 Эски-Гасан — 41

Ю

Юзефович Т. — 114
 Юрченко С. В. — 342, 600
 Юрченко С. Н. — 730
 Юстин II — 755
 Юстиниан I — 755
 Юсупов Ф. Ф. — 349
 Юсупова З. Н. — 349
 Юсупова И. А. — 349
 Юсуповы — 231, 349, 392, 524
 Юсуф — 131
 Юферс III. — 270
 Юхарин И. И. — 29
 Ющенко В. А. — 725, 726, 729,
 732

Я

Яков Б. — 315
 Языков Г. Л. — 453
 Якир И. Э. — 457
 Якобсон В. И. — 251
 Яковлев — 248
 Якуб-Кемаль Я. М. — 525
 Якунов Е. — 644
 Якушев М. И. — 118
 Ямпольский П. Р. — 579, 583
 Янаев Г. И. — 690
 Янсон Н. М. — 483
 Янукович В. Ф. — 725–728, 730,
 733–735, 737, 740, 741, 742,
 743
 Яров Ю. Ф. — 703
 Яровой С. К. — 685
 Яцуба В. Г. — 744
 Ящуржинский Х. П. — 352, 359,
 382

Abraham J.-P. — 554, 555
 Axworthy M. — 589
 Bernstein H. — 186
 Birn R. — 558
 Braütigam O. — 552, 553
 Craven E. — 376
 Dallin A. — 552, 553, 555, 556,
 562

Frauenfeld A. — 554
 Hayward J. — 548
 Heiber H. — 556
 Hillgruber A. — 593
 Holderness M. — 377
 Kannapin N. — 559
 Krausnick H. — 559, 563
 Kunz N. — 554

Leszczycza J. — 379
 Lopuczanski B. — 379
 Lyall R. — 378

Munoz A. J. — 558

Picker H. — 556
 Popoff A. — 119

Richten J. — 373
 Romanko O. V. — 558
 Roth K. — 554, 555

Sumarikoff P. — 373

Tessin G. — 554, 557, 559
 Tyaglyu M. — 563

Сведения об авторах

Айбабин Александр Ильич, доктор исторических наук, профессор, директор Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Араловец Наталья Аркадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Белов Алексей Викторович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Болотина Наталья Юрьевна, кандидат исторических наук, доцент, главный специалист Российского государственного архива древних актов (Москва)

Вахрушев Борис Александрович, доктор географических наук, профессор, декан географического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Виноградов Александр Вадимович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Волбуев Олег Владимирович, доктор исторических наук, профессор Московского государственного областного университета (Москва)

Гаврилов Константин Николаевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

Герцен Александр Германович, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Дейников Равиль Тагирович, кандидат исторических наук, проректор Российского государственного геологоразведочного университета им. Серго Орджоникидзе (Москва)

Жирумская Валентина Борисовна, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Завойкин Алексей Андреевич, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института археологии РАН (Москва)

Зайцев Илья Владимирович, доктор исторических наук, вр. и. о. директора Института научной информации по общественным наукам РАН, старший научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Зайцев Юрий Павлович, кандидат исторических наук, директор Историко-археологического музея-заповедника «Неаполь-Скифский» (Симферополь)

Зарубин Вячеслав Георгиевич, заместитель председателя Государственного комитета по охране культурного наследия Республики Крым (Симферополь)

Исаев Алексей Валерьевич, кандидат исторических наук (Москва)

Карпов Сергей Павлович, доктор исторических наук, профессор, академик РАН, президент исторического факультета и заведующий кафедрой истории средних веков Московского государственного университета им. М. Ю. Ломоносова (Москва)

Колтухов Сергей Георгиевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

Кондратюк Григорий Николаевич, доктор исторических наук, доцент Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь)

Копьева Татьяна Александровна, младший научный сотрудник Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

Лисейцев Дмитрий Владимирович, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Майко Вадим Владиславович, доктор исторических наук, вр. и. о. директора Института археологии Крыма РАН (Симферополь)

Макаренко Евгений Владимирович, директор средней общеобразовательной школы № 35 (Симферополь)

Мальгин Андрей Витальевич, кандидат филологических наук, директор Центрального музея Тавриды (Симферополь)

Марциновский Павел Николаевич, кандидат исторических наук, доцент Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Масленников Александр Александрович, доктор исторических наук, профессор, заведующий отделом полевых исследований Института археологии РАН (Москва)

Мельникова Любовь Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва)

Непомнящий Андрей Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой исторического регионоведения и краеведения Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Никифоров Андрей Ростиславович, кандидат исторических наук, доцент Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Омельчук Дмитрий Владимирович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центрального музея Тавриды (Симферополь)

Петров Вадим Петрович, кандидат исторических наук, член Экспертно-аналитического совета при Совете министров Республики Крым (Симферополь)

Попов Алексей Дмитриевич, кандидат исторических наук, доцент Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Прохоров Дмитрий Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Научно-исследовательского центра истории и археологии Крыма Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Пученков Александр Сергеевич, доктор исторических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Романько Олег Валентинович, доктор исторических наук, профессор Таврической академии Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Сапрыкин Сергей Юрьевич, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва)

Сейдалиев Эмиль Исаевич, кандидат исторических наук, заведующий кафедрой истории Крымского инженерно-педагогического университета (Симферополь)

Соколов Дмитрий Витальевич, помощник Уполномоченного по правам человека в г. Севастополе (Севастополь)

Ткаченко Сергей Николаевич, кандидат исторических наук, председатель Научно-исследовательского центра «Крым в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» (Феодосия)

Форманчук Александр Андреевич, председатель Экспертно-аналитического совета при Совете министров Республики Крым (Симферополь)

Хаяли Рустем Изеттович, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой общегуманитарных и социально-экономических дисциплин Крымского юридического института (филиала) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Симферополь)

Юрасов Андрей Викторович, кандидат исторических наук, заместитель руководителя Федерального архивного агентства (Москва)

Юрченко Сергей Васильевич, кандидат исторических наук, доктор политических наук, проректор Крымского федерального университета им. В. И. Вернадского (Симферополь)

Научное издание

История Крыма

В двух томах
Том II

Редакторы *Е. И. Рычкова, Е. Р. Ароян, Н. С. Самбу*
Корректор *Е. Р. Цегельник*
Компьютерная верстка *Л. Ф. Комаровская, В. Г. Курочкин, М. А. Рогова*
Допечатная подготовка *М. А. Рогова*

ООО «Кучково поле»
119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Тел./факс: (495) 256 04 56
E-mail: info@kpole.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 05.12.2017
Формат 165 × 235 мм
Усл. печ. л. 63,85

ISBN 978-5-9950-0872-9

